(годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1892.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

12 выпусковъ въ трехъ книгахъ.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

I. Императрица Марія Θеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскаго.**

Записки **Степана Петровича Жихарева** (1806 г. и 1807 годы).

Воспоминанія **Андрея Михайловича Фадѣева.**

Письма митрополита **Филарета** къ Θ. Я. Репнинскому. 1828—1842.

Изъ депешъ барона Баранта.

Зимній походъ В. А. Перовскаго въ Хиву 1839 года. По разсказамъ современниковъ. **И. Н. Захарьина.**

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Воспоминаніе графа **С. Д. Шереметева.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія. **А. Л. Зиссермана.**

Воспоминанія **Григорія Дмитріевича Щербачева.**

II. Автобіографическія показанія прадѣда Пушкина **А. П. Ганнибала.**

Правительственные пріемы Екатерины Великой. (Изъ письма **В. С. Попова** къ императору Александру Павловичу)

Императрица Марія Θеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскаго.**

Москва въ дни вступленія въ нее Французовъ. Современное письмо **Стендаля.**

Бородино. **Графа С. Д. Шереметева.**

Памятныя записки **Михаила Михаиловича Евреинова.**

Воспоминанія **Андрея Михайловича Фадѣева.**

„Благодѣтели мои и моего рода". Воспоминанія священника-археолога **М. Я Діева**

Къ характеристикѣ О. И. Сенковскаго. (Польскіе паѣзды на Русскій языкъ). Статья **И. Н. Корсунскаго.**

Изъ воспоминаній о моей жизни. Салтинскій походъ (1847). **Барона А. П. Николаи.**

Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольскаго гарнизона **князя В. И. Васильчикова.**

Живописецъ Б. Л. Боровиковскій. Біографическій очеркъ. Составилъ **В. П. Горленко.**

Письмо **И. С. Аксакова** по поводу открытія памятника Пушкину (1880).

III. Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ его хозяйствѣ (1799).

Что происходило въ Донскомъ монастырѣ въ 1812 году.

Воспоминанія **Анны Григорьевны Хомутовой** о Москвѣ въ 1812 году.

Отроческое сочиненіе императора Александра II-го. **И. М. Остроглазова.**

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Персидская война. Іюль-Октябрь 1827 года.

Россійское купечество на обѣдѣ у императора Николая Павловича (1833). „Событіе." **И. Н. Рыбникова.**

Походныя замѣтки ополченца 1855—1856 годовъ, **Н. А. Обнинскаго,** съ предисловіемъ **П. Н. Обнинскаго.**

Въ приложеніи:

Записки Филипа Филиповича Вигеля. (Новое изданіе съ подлинной рукописи).

Геліогравюры: Три картинки, изображающія скопческое моленіе и портретъ **Ювеналія Воейкова.**

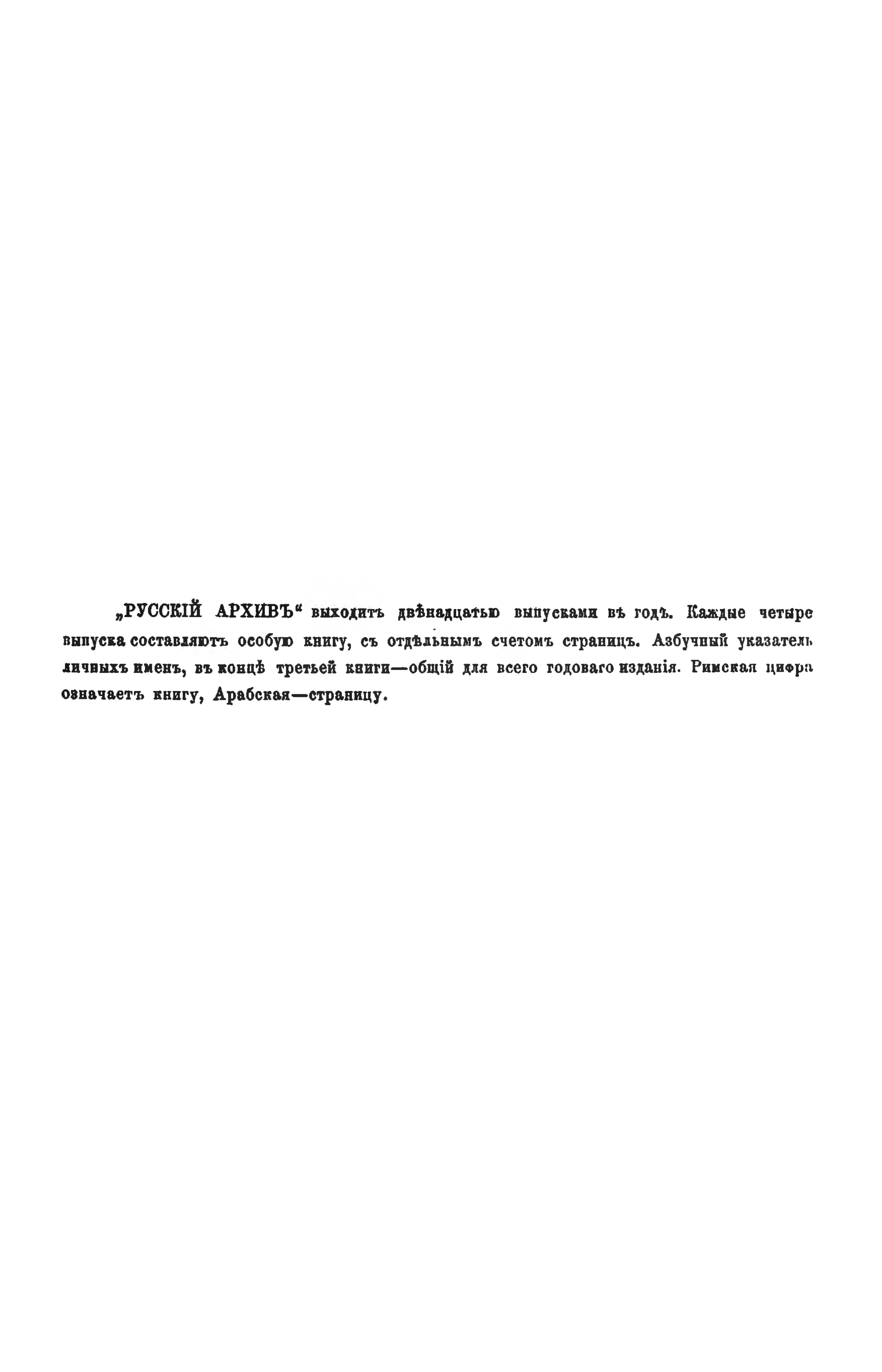
Цѣна съ пересылкою **девять** рублей, безъ пересылки **восемь** р.
Каждая книга отдѣльно **три** рубля, безъ пересылки **два рубля пятьдесятъ копѣекъ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

1892.

2.



„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ, въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія. Римская цифра означаетъ книгу, Арабская—страницу.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

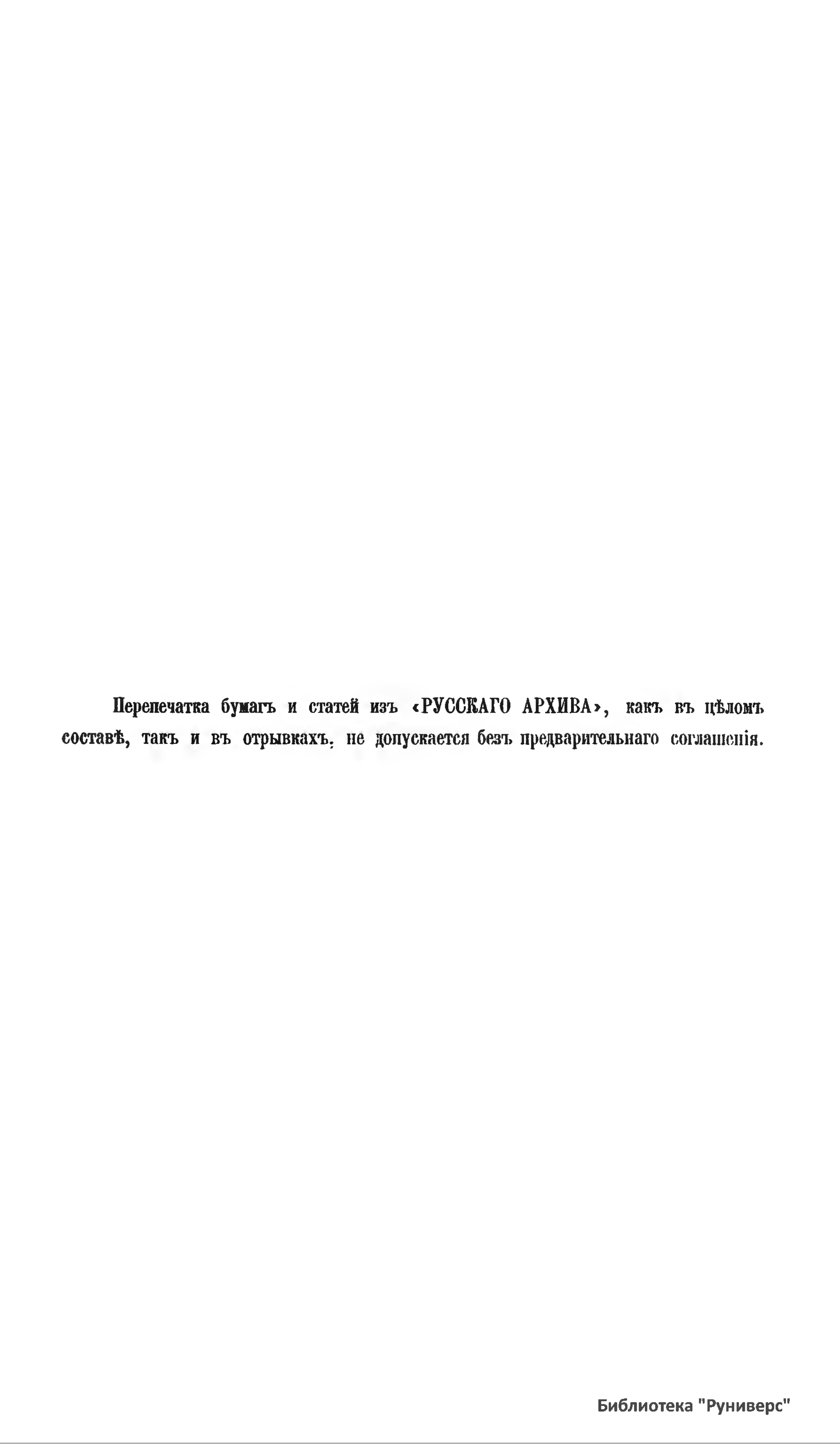
Петромъ Бартеневымъ.

То старина, то и дѣянье....

1892.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.



ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА *).

Въ то время, когда Русскія войска, бо́льшая часть которыхъ находилась у западныхъ границъ имперіи, готовились встрѣтить нашествіе непріятеля, съ Сѣвера и Юга, изъ Швеціи и Турціи, приходили въ Вильну хорошія извѣстія. Императоръ Наполеонъ до самого отъѣзда изъ Дрездена разсчитывалъ на содѣйствіе Шведовъ и Турокъ, которые безъ сомнѣнія могли оказать ему важныя услуги: одни, напавъ на только что взятую у нихъ Финляндію и угрожая Петербургу, другіе—отвлекая отъ главнаго поприща войны Молдавскую нашу армію. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ: столько разъ обманутые имъ Турки и угнетенные Шведы уже не вѣрили его обѣщаніямъ.

Какую пользу могли принести Наполеону своимъ содѣйствіемъ Шведы и Турки, такую же они могли принести Россіи, даже простымъ бездѣйствіемъ, обезпечивъ безопасность съ фланговъ и давая возможность сосредоточить всѣ боевыя силы и направить ихъ противъ нашествія непріятеля. Поэтому отношенія Россіи къ тѣмъ и другимъ составляли предметъ постоянныхъ заботъ императора Александра.

Союзъ съ Шведскимъ правительствомъ уже былъ заключенъ. Императоръ вѣрилъ искренности чувствъ короля и наслѣднаго принца; но ему также извѣстно было, что, до избранія въ наслѣдники престола маршала Бернадота, общественное мнѣніе въ Швеціи было крайне враждебно Россіи. Вліяніемъ Бернадота мало по малу отклонилось вниманіе Шведовъ отъ Финляндіи (страны отдѣленной моремъ, которую для Шведовъ трудно оберегать) и обратилось на Норвегію, ближайшую сосѣдку, которую неиначе можно было пріобрѣсти, какъ вступивъ въ союзъ съ Россіею, съ ея согласія и, можетъ быть, при ея помощи, коль скоро Данія, увлеченная Франціею, стала во враждебныя къ ней отношенія. Но до какой степени окрѣпло общественное Шведское мнѣніе, принявъ это новое направленіе, долженъ былъ показать сеймъ, только что собравшійся въ Ёребро: нужно было согласіе сейма на предложеніе правительства и его одобреніе принятыхъ имъ мѣръ.

---

*) См. «Русскій Архивъ» сего года. I, 145 и 341.

Первое письмо отъ наслѣднаго Шведскаго принца, изъ Ёребро, полученное Государемъ въ Вильнѣ и извѣстія привезенныя туда Шведскимъ посланникомъ, графомъ Лёвенгельмомъ, разсѣяли послѣднія сомнѣнія Государя: Швеція не только оставалась сама вѣрна союзу съ Россіею, но и употребляла всѣ мѣры, чтобы помирить ее съ Турками, и даже привлечь ихъ къ союзу съ нами. Съ этою цѣлію она отправила къ Турецкому правительству особаго полномочнаго, генерала Таваста. Увѣдомляя объ этомъ посольствѣ, наслѣдный принцъ писалъ Государю: «Король искренно желаетъ, чтобы ваше величество окончили войну, которую ведете противъ Турокъ. Миръ съ ними составлялъ предметъ и моихъ постоянныхъ желаній еще прежде, нежели Франція приняла такое угрожающее положеніе какъ теперь. Въ настоящее время оно еще усилилось; потому что дѣло, котораго вы, Государь, выступаете защитникомъ, есть дѣло всѣхъ государей, дорожащихъ своимъ государственнымъ существованіемъ и личною безопасностію. Правда, что у Порты нѣтъ ни достаточныхъ денегъ, ни оружія, ни продовольствія для продолженія войны, и въ настоящее время она не можетъ вашему величеству доставить большихъ безпокойствъ; но содѣйствіе ея войскъ Австрійцамъ можетъ имѣть значеніе, и вы позволите мнѣ выразить, до какой степени я не желаю, чтобы ихъ силы соединились съ Австрійскими. Миръ съ Турціею доставитъ вашему величеству возможность свободно располагать Молдавскою арміею, которая легко можетъ удерживать Австрійцевъ возлѣ ихъ границъ. Если же намъ удастся, какъ я надѣюсь, заключить союзъ съ султаномъ, то Австрія будетъ вынуждена разорвать свой союзъ съ Наполеономъ, потому что она будетъ поставлена между двухъ огней: при недовольствѣ, господствующемъ въ Венгріи, ей будутъ съ двухъ сторонъ угрожать ваши и Турецкія войска».

Въ виду военныхъ соображеній, для того, чтобы дѣйствовать во флангъ непріятеля и раздѣлить его силы, Бернадотъ постоянно совѣтовалъ нашему правительству не только заключить миръ съ Турціею, но и привлечь ее къ союзу съ нами. Съ тѣхъ поръ какъ рушилась надежда на Австрію, не только на ея содѣйствіе Россіи, но даже на ея нейтралитетъ въ предстоявшей войнѣ, союзъ съ Турціею онъ считалъ еще болѣе необходимымъ. Постоянно изыскивая средства къ тому, чтобы въ концѣ концовъ побѣда осталась на сторонѣ Россіи, Бернадотъ былъ обрадованъ особенною довѣренностію къ нему императора Александра, когда тотъ сообщилъ ему подробную вѣдомость о числѣ и составѣ нашихъ войскъ. Разсмотрѣвъ эту вѣдомость, Бернадотъ писалъ: «Я увѣренъ, что ваше величество не можете испытать неудачи. Стоя во главѣ своихъ войскъ, вы возбудите ихъ мужество и то желаніе побѣдить, которое составляетъ главную силу, рѣшающую судьбу государствъ. Но, Государь, хотя я увѣренъ, что вамъ нельзя бояться пораженій, позвольте вамъ замѣтить, что постоянство въ исполненіи принятаго рѣшенія неминуемо приводитъ къ счастливымъ

послѣдствіямъ. Дѣло, защищаемое вашимъ величествомъ, принадлежитъ всѣмъ народамъ; опираясь на 400 тыс. храбраго войска, вы можете быть увѣрены, что защищаете дѣло всего человѣчества, и средоточіе вашего стана составляетъ столицу Европы». Безъ сомнѣнія, какъ наслѣдникъ Шведскаго престола, Бернадотъ желалъ войны между Россіею и Франціею, потому что только вслѣдствіе этой войны онъ могъ надѣяться на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи и свободы ея торговли. Но онъ желалъ, чтобы зачинщикомъ войны былъ Наполеонъ и слѣдовательно не могъ совѣтовать, чтобы Александръ отклонилъ предложенія о мирныхъ переговорахъ. Миръ съ Наполеономъ онъ, зная его характеръ, считалъ только временнымъ перемиріемъ, которое самъ же онъ нарушитъ при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Поэтому, не отклоняя императора Александра отъ мирныхъ переговоровъ, если они будутъ предложены Наполеономъ, онъ совѣтовалъ не оставлять приготовленій къ войнѣ и желалъ, чтобы мирнымъ договоромъ обезпечивалась и участь Швеціи. Между тѣмъ въ это время Бернадота встревожили два извѣстія.

Въ первыхъ числахъ Іюня онъ получилъ списокъ съ ноты, писанной будто бы изъ Петербурга Французскому министру иностранныхъ дѣлъ. Въ нотѣ говорилось, что за два дня до отъѣзда Государя въ Вильну, графъ Румянцовъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе Датскаго посланника при нашемъ дворѣ Блома и объявилъ ему, что Государь возмущенъ, узнавъ, что Датскій король вошелъ въ союзъ съ врагами Россіи. «Данія, говорилъ-де онъ, не должна бы забывать, что Россія постоянно ей покровительствовала, что ей обязана она своимъ существованіемъ. Этотъ слухъ давно уже доходилъ до Государя; но онъ не придавалъ ему вѣры, между тѣмъ теперь это не подлежитъ уже сомнѣнію: Датскія войска сосредоточиваются въ Голштиніи и замѣстятъ гарнизоны Гамбурга и Любека». Къ этимъ заявленіямъ будтобы нашъ канцлеръ присовокупилъ: «Я долженъ вамъ формально объявить, что такой поступокъ Государь сочтетъ объявленіемъ войны. Въ то время какъ вы измѣняете намъ, мы счастливы тѣмъ, что имѣемъ въ Швеціи дружественную державу, понимающую, что ея выгоды тѣсно связаны съ выгодами Россіи, чтобы совокупно противодѣйствовать властолюбію Франціи. Слѣдовательно вы должны подумать о томъ, что если при настоящихъ обстоятельствахъ Швеція сочтетъ нужнымъ начать съ вами войну и даже, не скрою отъ васъ, отнять Норвегію, мы не будемъ отклонять ее отъ этого намѣренія. Наши связи съ ней таковы, что мы даже посовѣтуемъ ей такъ поступать. Васъ обольстилъ императоръ Наполеонъ, вовлекая въ войну съ нами государей, которые должны бы быть нашими друзьями и которыхъ онъ замышляетъ уничтожить. Послѣдствія докажутъ, что ихъ дѣйствія также, какъ и ваши, столько же неразсчетливы, какъ и несправедливы». Бломъ увѣрялъ, говорилось въ этой нотѣ, будто Швеція уже заключила договоръ съ Россіею въ такомъ смыслѣ.

Сообщая это извѣстіе Государю, Бернадотъ прибавлялъ: «Весьма жаль, что графъ Румянцовъ такъ скоро объявилъ о нашихъ соглашеніяхъ и разоблачилъ дальнѣйшія наши предположенія». Графъ Румянцевъ былъ извѣстенъ во всей Европѣ какъ защитникъ союза Россіи съ Франціей и конечно употреблялъ всѣ средства для того, чтобы предотвратить разрывъ между этими державами, и потому естественно Бернадотъ могъ повѣрить этому извѣстію, особенно сообщенному въ видѣ списка съ ноты Датскаго посланника при нашемъ дворѣ. Притомъ, Бернадоту, намѣревавшемуся присоединить Норвегію къ Швеціи, и выгодно было этому повѣрить, чтобы разсорить насъ съ Даніею; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не желалъ конечно разглашенія тайнаго договора, пока вопросъ о мирѣ и войнѣ не былъ окончательно рѣшенъ въ пользу послѣдней. Не смотря однакоже на желаніе поддерживать союзъ съ Франціею, графъ Румянцовъ былъ во всякомъ случаѣ Русскимъ министромъ и съ этою цѣлію не пожертвовалъ бы достоинствомъ и выгодами Россіи. Притомъ онъ умѣлъ хранить въ непроницаемой тайнѣ важные дипломатическіе переговоры и очень хорошо зналъ, что таковы были требованія императора Александра.

Въ одно время съ этимъ извѣстіемъ наслѣдный Шведскій принцъ получилъ и другое. «Меня увѣдомляютъ изъ Парижа, что графъ Нарбоннъ получилъ приказаніе оставить Берлинъ и ѣхать къ вашему величеству съ мирными предложеніями отъ императора Наполеона. Можетъ быть, онъ желаетъ выиграть время, чтобы оградить себя отъ грозящей ему опасности внутри самой Франціи и чтобы болѣе обезпечить исполненіе своихъ предположеній на счетъ Востока. Поэтому онъ откладываетъ разгромъ Россіи, пока будетъ въ состояніи напасть на нее съ достаточными силами, чтобы присоединить ее ко всемірной монархіи, составляющей цѣль его властолюбія. Если императоръ Наполеонъ предлагаетъ миръ вашему величеству, этотъ миръ не будетъ продолжителенъ, коль скоро онъ будетъ заключенъ не на такихъ условіяхъ, которыя могли бы обезпечить безопасность какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ, король и я, мы полагаемся на ваше величество и смѣемъ надѣяться, что при переговорахъ вы условитесь о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи. Только при такомъ увеличеніи территоріи Швеція можетъ быть полезна Россіи. Оставаясь въ теперешнемъ положеніи, она должна привлечься къ союзу съ Франціею, которая въ видѣ вознагражденія за ея услуги всегда будетъ указывать ей или на Норвегію, или на возвращеніе Финляндіи. Но безопасность Сѣвера требуетъ, чтобы Швеція пріобрѣла Норвегію не иначе, какъ при посредствѣ вашего величества: въ слѣдствіе этого прекратятся враждебныя отношенія между этими двумя народами, и Шведскій народъ, полагаясь на постоянную дружбу Россіи, пойметъ, что союзъ съ нею единственно необходимъ для ея благосостоянія».

Въ тоже время, какъ отъ имени короля, такъ и отъ своего, наслѣдный Шведскій принцъ просилъ Государя допустить нѣкоторыя

перемѣны въ условіяхъ заключеннаго съ Швеціей союза, относительно перевоза и продовольствія Русскихъ войскъ, которыя предназначались дѣйствовать подъ его начальствомъ, вмѣстѣ съ Шведскими. «Генералъ Сухтеленъ, писалъ онъ, пораженный нашею бѣдностію, согласился на то, что войска вашего величества будутъ содержаться на вашъ счетъ до вступленія ихъ въ непріятельскую землю. Еслибы ваше величество приняли на себя ихъ содержаніе въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, это не могло бы представить особаго затрудненія для Россіи, а между тѣмъ было бы чрезвычайно важно для Швеціи. Король охотно принимаетъ на себя перевозку войскъ; но онъ желалъ бы, чтобы ваше величество эти издержки возмѣстили хлѣбомъ, въ которомъ всегда нуждается Швеція».

Выражая эти желанія короля, Бернадотъ поспѣшилъ прибавить: «Какое бы ни послѣдовало въ этомъ отношеніи рѣшеніе вашего величества, я прошу васъ быть увѣреннымъ, что мы во всякомъ случаѣ останемся неизмѣнно преданными лично вамъ и вашей политикѣ».

Получивъ эти письма, Государь поспѣшилъ успокоить тревоги наслѣднаго принца и просилъ его «вѣрить, что у него нѣтъ болѣе привязаннаго и искренняго друга, какъ онъ и что дѣло, которое онъ защищаетъ, неразрывно связано съ его собственнымъ». Что касается до депеши Блома, то Государь писалъ ему, что извѣстіе о ней «доказало ему только козни нашихъ враговъ съ цѣлію разъединить насъ, возбудивъ взаимное недовѣріе и подозрѣнія. Надѣюсь, что мой личный характеръ нѣсколько извѣстенъ вашему высочеству и вы повѣрите конечно моимъ заявленіямъ. Я положительно могу вамъ сказать, что ничего подобнаго канцлеръ графъ Румянцовъ не говорилъ Блому. Въ совѣщаніи, которое онъ имѣлъ, по моему приказанію, съ этимъ посланникомъ, онъ выразилъ мое удивленіе, на которое я имѣлъ полное право, что Данія такъ охотно согласилась на требованіе Франціи, отдала въ ея распоряженіе корпусъ своихъ войскъ и тѣмъ предоставила ей возможность усилить ея армію на Вислѣ всѣми тѣми войсками, которыя будутъ замѣщены Датскими. Подобное поведеніе Даніи, если начнется война, освобождаетъ меня отъ всѣхъ условій заключенныхъ съ нею договоровъ. Ничего болѣе не было при этомъ сказано; а чтобы доказать это вашему высочеству, я прилагаю присемъ списокъ съ донесенія моего посланника изъ Копенгагена, котораго подлинникъ я поручилъ прочесть графу Лёвенгельму. Въ этомъ донесеніи изложенъ отвѣтъ Розенкранца (министра иностранныхъ дѣлъ Даніи) на донесеніе Блома о его разговорѣ съ графомъ Румянцовымъ. Выраженія этого отвѣта могутъ служить доказательствомъ, что нота, которую вы получили изъ Парижа, была умышленно составлена для того, чтобы поссорить насъ. Я повторяю вамъ снова увѣреніе, что выгоды Россіи неразрывно связаны съ выгодами Швеціи и что и вы имѣете во мнѣ честнаго друга».

Очевидно, списокъ съ ноты Блома былъ сочиненъ въ канцеляріи герцога Бассано. Такая продѣлка—не новость; къ подобнымъ ей прибѣгала не стѣсняясь политика императора Наполеона во многихъ слу

чаяхъ. По отношенію къ мирнымъ предложеніямъ со стороны Франціи, Государь писалъ наслѣдному принцу: «Наполеонъ постоянно говоритъ о желаніи сохранить миръ, но его войска все болѣе и болѣе приближаются къ моимъ границамъ, и всѣ его дѣйствія проникнуты враждебными намѣреніями. Согласно вашимъ желаніямъ я не отклоню никакого повода къ мирнымъ переговорамъ, если только ихъ можно будетъ согласить съ независимостію и безопасностію Сѣвера Европы. Впрочемъ я совершенно готовъ вступить въ борьбу и силу буду отражать силою». Касательно посольства графа Нарбонна, которое такъ встревожило наслѣднаго Шведскаго принца, Государь увѣдомлялъ его, что нота, которую онъ привезъ, «*сплетена* изъ жалобъ на дѣйствія Россіи, ложныхъ и основанныхъ на фактахъ совершенно искаженныхъ. Она оканчивается извѣщеніемъ, что Наполеонъ обратился съ мирными предложеніями къ Англіи. Эту ноту и мой отвѣтъ на нее читалъ графъ Лёвенгельмъ. По всѣмъ свѣдѣніямъ кажется, что военныя дѣйствія скоро должны начаться. Французскія войска почти подошли къ моимъ границамъ».

Эти извѣстія успокоили Бернадота. Хотя онъ не рѣшался прямо совѣтовать начать войну и отклонить всякія мирныя предложенія Наполеона, въ виду ихъ неискренности; но онъ понималъ конечно, что Норвегія можетъ быть присоединена къ Швеціи не иначе, какъ въ слѣдствіе войны. Если бы графъ Нарбоннъ, вмѣсто заносчивой ноты, привезъ согласіе Французскаго правительства на послѣднія предложенія Россіи, то они и послужили бы основаніемъ договора. Въ нихъ конечно не было и быть не могло и рѣчи о Норвегіи, но предлагалось только очистить Шведскую Померанію, захваченную Французами. Предлагая условія о Норвегіи включить въ переговоры нашего правительства съ Франціею, Бернадотъ могъ разсчитывать именно на неудачу этихъ переговоровъ, за которыми послѣдуетъ война. Не прошло и десяти дней послѣ полученія имъ писемъ отъ Государя, какъ онъ сообщилъ ему о вторженіи въ предѣлы Россіи войскъ императора Наполеона, безъ предварительнаго объявленія войны.

Въ то время, какъ помышленія Шведскаго наслѣднаго принца были направлены къ войнѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы эта война окончилась успѣшно для Россіи. Онъ помогалъ ей совѣтомъ и дѣломъ, заботился о заключеніи нашего мира съ Турками и о сближеніи съ Англіею. Что̀ касается до нашего мира съ Турціею, то его опасенія скоро были разсѣяны извѣстіемъ императора Александра еще изъ Вильны. За *тайну* онъ передавалъ ему сначала, что мирный договоръ подписанъ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ и потомъ, что верховный визирь утвердилъ его. Но отношенія къ Англіи вводили Бернадота въ смущеніе. «Швеція скоро будетъ готова, писалъ онъ Государю, помогать вашему величеству, чтобы отстаивать

независимость Сѣвера; но, Государь, самый важный вопросъ, о которомъ считаю долгомъ говорить съ вами откровенно, это миръ съ Англіею. Союзъ съ нею необходимъ: кромѣ пособій, которыя она можетъ намъ оказать, ея флотъ будетъ полезенъ тѣми диверсіями, которыя онъ можетъ произвести. Если ваше величество найдете возможнымъ начать переговоры съ нею, то я увѣренъ, что они скоро придутъ къ благопріятному заключенію. Я такъ думаю на основаніи соображеній, которыя сообщилъ мнѣ находящійся здѣсь Англійскій уполномоченный, что его королевское высочество принцъ-регентъ съ удовольствіемъ немедленно готовъ вступить въ эти переговоры. Къ прискорбію я долженъ замѣтить, что, безъ предварительнаго заключенія мира съ Англіею, наши дѣйствія могутъ встрѣтить затрудненія».

При разрывѣ союза съ Франціею, безъ сомнѣнія первая забота нашего правительства должна была состоять въ томъ, чтобы заключить миръ съ Англіею. Но миръ съ Англіею былъ бы объявленіемъ войны Франціи. Рѣшившись не начинать войны и выжидать нападенія со стороны императора Наполеона, Русскій государь не могъ вступать въ непосредственные переговоры съ Англіею, которая только того и ожидала, будучи готова намедленно вступить въ союзъ съ Россіею. Англійскій уполномоченный, тайно находившійся въ Швеціи, изъявлялъ это желаніе нашему посланнику барону Николаи и извѣстилъ его письменно, что получилъ даже согласіе своего правительства на заключеніе мирнаго договора. По пріѣздѣ въ Стокгольмъ генерала Сухтелена наслѣдный Шведскій принцъ старался познакомить его съ Торнтономъ и ввести въ переговоры съ нимъ. Но наши посланники не имѣли на то полномочія, а изъ частныхъ разговоровъ узнали, что Англія не желала бы присоединенія Норвегіи къ Швеціи и Молдавіи и Валахіи къ Россіи. Затрудненія выставленныя со стороны Англіи крайне смущали наслѣднаго Шведскаго принца, и онъ полагалъ возможнымъ удобнѣе устранить ихъ, если въ одно время съ миромъ и союзомъ съ Англіею, которые онъ рѣшился заключить, будетъ заключенъ мирный и союзный договоръ съ нею и со стороны Россіи. Съ одной стороны онъ ожидалъ отъ Россіи поддержки въ переговорахъ съ Англіею, съ другой ея миръ съ нею неминуемо повлекъ бы къ войнѣ съ Франціею.

Но кромѣ вопроса о присоединеніи Молдавіи и Валахіи, явились еще новые поводы, которые могли затруднить наши переговоры съ Англіею. Рѣшившись съ особыми порученіями отправить адмирала Чичагова главнокомандующимъ Дунайскою арміею, Государь по его внушенію, собственноручно написалъ слѣдующую записку *о сообщеніяхъ которыя надо сдѣлать Англіи.*

1) О важномъ предположеніи соединить Славянъ съ цѣлію сдѣлать диверсію противъ Австріи и Французскихъ владѣній по Адріатическому

морю.—2) Для успѣха этого предпріятія необходимо, чтобы Англія намъ помогла а) пославъ значительные флоты въ Балтійское и Адріатическое моря, б) доставивъ намъ ружей, патронташей и зарядовъ для Нѣмецкихъ полковъ, которые мы можемъ образовать изъ перебѣжчиковъ, и для Славянъ, в) снабдивъ адмираловъ, которымъ будетъ ввѣрено начальство надъ ея эскадрами, значительными суммами для содержанія какъ Нѣмецкихъ, такъ и Славянскихъ полковъ.—3) Въ то время, когда Французскія войска находятся между Вильною и Нѣманомъ, воспользоваться этимъ случаемъ и помочь Португальцамъ и Испанцамъ нанести чувствительные тамъ удары Наполеону.—4) Тревожить его прибрежныя владѣнія, гдѣ только окажется возможнымъ.—5) Поручить Сицилійской арміи начать наступательныя дѣйствія и произвесть диверсію въ Италіи.—6) Блокировать Корфу и Іоническіе острова.—7) Помочь Шведской экспедиціи въ Зеландіи и въ Датскихъ владѣніяхъ.—8) Строго наблюдать за флотиліями находящимися въ Текселѣ и Еско.—9) Вообще принять за правило, что война, которая имѣетъ открыться, будетъ войною за независимость всѣхъ народовъ, послѣднею войною, и потому для Англіи она должна имѣть такое же значеніе, какъ и для всѣхъ другихъ народовъ, и она должна содѣйствовать въ ней всѣми средствами. Всякое государство должно дѣйствовать по мѣрѣ возможности и мѣстнаго своего положенія. Поэтому назначеніе Англіи должно состоять въ томъ, чтобы помогать морскими силами, снабжать военными принадлежностями и деньгами всѣ государства, которыя будутъ нуждаться для упорнаго продолженія войны.—10) Благоразуміе требуетъ избѣгать всякихъ придирокъ и затрудненій. Только устранивъ ихъ и помогая искренно всему, что̀ можетъ принести пользу общему дѣлу, однимъ словомъ, поддерживая единодушіе и соединеніе выгоды всѣхъ, возможно восторжествовать надъ такимъ грознымъ врагомъ.—11) Прошедшіе опыты должны показать всѣ несчастія, которыя происходятъ отъ инаго образа дѣйствій.—12) Наконецъ, я прошу Л., какъ человѣка, на котораго могу возложить полную довѣренность и считаю, что онъ понимаетъ настоящее положеніе дѣлъ».

Эту записку Государь, уѣзжая въ Вильну, сообщилъ для руководства графу Румянцову съ дороги, изъ Царскаго Села. На третій день послѣ его отъѣзда, канцлеръ писалъ ему, что «адмиралъ Чичаговъ передалъ ему записку о томъ, какого содѣйствія желаетъ онъ со стороны Англіи. Это жиденькая работа въ сравненіи съ тѣмъ обширнымъ планомъ, который вы начертали мнѣ такою искусною рукою и который сегодня же я обращу въ депешу къ генералу Сухтелену».

Если желаніе Россіи присоединить Молдавію и Валахію возбуждало несогласіе со стороны Англіи, то мысль о вооруженіи Славянскихъ племенъ внушила ей сильныя подозрѣнія. Между тѣмъ она проистекала изъ совѣтовъ Бернадота вовлечь Турцію въ союзъ съ Россіею и въ совокупныя съ нею дѣйствія противъ общаго врага и изъ особаго назначенія, которое съ этою цѣлью получилъ адмиралъ Чичаговъ. Но на это назначеніе должны были оказать значительное вліяніе извѣстія

о направленіи Вѣнскаго кабинета, полученныя въ Вильнѣ Государемъ, и о заключеніи мира съ Турками. Поэтому, не настаивая на этихъ условіяхъ, лишь только Государь убѣдился, что война немедленно начнется, онъ поручилъ генералу Сухтелену заключить мирный договоръ съ Англіею. Извѣщая Бернадота о близости войны, онъ писалъ ему: «Этотъ же нарочный везетъ полномочіе генералу Сухтелену заключить миръ съ Англіею. Я предлагаю только одно условіе, чтобы въ тоже время Англія заключила договоръ о субсидіяхъ Швеціи. Я полагаю, что при этомъ случаѣ Англія удобнѣе на это согласится».

Между тѣмъ, пока происходила эта переписка, адмиралъ Чичаговъ пріѣхалъ въ Бухарестъ 6 Мая. Въ тотъ же день, при свиданіи съ графомъ Кутузовымъ, онъ узналъ отъ него, что подписаны уполномоченными обѣихъ державъ предварительныя условія мирнаго договора и въ слѣдъ за тѣмъ отправленъ уже нарочный извѣстить Государя объ этомъ важномъ событіи. Это извѣстіе прежде всего поставило въ затруднительное отношеніе адмирала къ графу Кутузову. Изъ двухъ рескриптовъ очевидно онъ уже не могъ вручить ему того, который былъ написанъ на случай, если миръ не былъ заключенъ и конечно заключалъ въ себѣ отозваніе Кутузова и приказаніе передать свою власть адмиралу Чичагову. Надо было вручить второй рескриптъ; но въ немъ объявлялась благодарность по поводу заключенія мирнаго договора. Какъ же можно было отъ 7 Апрѣля благодарить за миръ, который былъ заключенъ 5 Мая, и о которомъ даже въ день свиданія Чичагова съ Кутузовымъ Государь не могъ еще знать, потому что нарочный былъ отправленъ только наканунѣ или даже въ самый этотъ день! «Необходимо было, писалъ Чичаговъ Государю, вручить ему тотъ рескриптъ, который былъ написанъ именно на этотъ случай. Хотя по естественнымъ законамъ невозможно было, чтобы ваше величествс узнали объ этомъ происшествіи, совершившемся въ Бухарестѣ, черезъ 24 часа въ Петербургѣ; но я очень былъ радъ употребить этотъ способъ, чтобы избавить его отъ огорченія, которое немедленно было бы причинено ему при всякомъ другомъ способѣ. Ваше сердце, Государь, расположено къ тому, чтобы щадить лѣта, заслуги и чувствительность, которыя и должны быть почтены». Но безъ сомнѣнія графъ Кутузовъ былъ достаточно уменъ и опытенъ, чтобы понять настоящее значеніе милостиваго рескрипта, подписаннаго 5 Апрѣля, то-есть ровно за мѣсяцъ до подписанія имъ и Турецкими уполномоченными предварительныхъ условій мира. Рескриптъ былъ таковъ:

«Заключеніе мира съ Оттоманскою Портою, прерывая дѣйствія Молдавской арміи, нахожу приличнымъ, чтобы вы прибыли въ Петербургъ, гдѣ ожидаютъ васъ награжденія за всѣ знаменитыя заслуги, кои вы оказали мнѣ и отечеству. Армію вамъ ввѣренную сдайте адмиралу Чичагову».

Сообщенное графомъ Кутузовымъ адмиралу Чичагову извѣстіе о подписаніи предварительныхъ условій мира опредѣляло уже образъ его соображеній и дѣйствій, поставивъ его на почву дѣйствительности. Уже не было нужды уноситься воображеніемъ до Константинополя, изгнанія Турокъ въ Азію и измѣненія историческихъ судебъ всей полуденной Европы. Заключенный миръ долженъ былъ служить для него точкою исхода; а разорвать этотъ миръ онъ не имѣлъ полномочій: онъ зналъ, какъ ожидала его Россія и самъ Государь. Но, признавая миръ, какъ уже совершившееся явленіе, Чичаговъ однакоже считалъ его полезнымъ только въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ заключенъ союзъ съ Портою. «Я не буду говорить объ условіяхъ договора, писалъ онъ въ первомъ письмѣ къ Государю изъ Бухареста, потому что они вамъ извѣстны; но я увѣренъ, что всякое примиреніе хорошо въ настоящее время, съ условіемъ, что оно повлечетъ за собою полный союзъ, который необходимо для обоихъ государствъ заключить между собою. Этимъ-то я и займусь безъ замедленія». Въ слѣдъ за тѣмъ, увѣдомляя, что ратификаціи мирнаго договора уже размѣнены между уполномоченными, онъ писалъ Государю: «Приношу искреннее мое поздравленіе. Всякій миръ съ Турками очень хорошъ въ настоящее время. Теперь нельзя избирать средняго пути: надо или сохранить Турецкую имперію въ ея цѣлости, чтобы имѣть ее въ своемъ распоряженіи, или надо быть достаточно сильнымъ, чтобы вычеркнуть ея названіе изъ географіи. Но я считаю полезнымъ, Государь, говоритъ онъ далѣе, выразить нѣсколько подробнѣе мои мысли объ этомъ мирѣ. Когда я сюда пріѣхалъ, предварительныя условія уже были подписаны, и въ тоже время я узналъ, что о заключеніи союза и рѣчи не было, и что Турецкіе уполномоченные не имѣли даже достаточныхъ уполномочій, чтобы приступить къ такого рода переговорамъ. Поэтому мнѣ предстояло или уничтожить все, чтò сдѣлано, или постараться вступить въ особые переговоры о союзѣ. По многимъ политическимъ и частнымъ причинамъ я не желалъ употребить въ дѣло первый способъ. Чтò касается до втораго, то, зная, что ничего нѣтъ легче, какъ возобновить войну, онъ оставался въ нашихъ рукахъ. Между тѣмъ хорошее впечатлѣніе, которое произведетъ этотъ миръ какъ на нашихъ друзей, такъ и непріятелей, уже совершится. Но если вашему величеству рѣшительно неугодно заключать этого мира безъ союза съ Портою, то отъ васъ зависитъ не утвердить договора. Во всякомъ случаѣ я прошу дозволенія не объявлять объ утвержденіи до тѣхъ поръ, пока я не достигну того, чтобы Турки или согласились, или только бы промолчали на счетъ моихъ движеній по ихъ областямъ. Если эта война возобновится, то я буду въ состояніи защищаться отъ нихъ и въ тоже время предпринять предположенную диверсію въ Иллирію; но у меня не останется уже войскъ, которыми я могъ бы защищаться со стороны Буковины». Такимъ образомъ дѣятельность адмирала направилась къ тому, чтобы вступить въ новые переговоры съ Турками для заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза, о которомъ будто бы

и рѣчи не было при только что окончившихся переговоровъ. Поэтому въ первый же день по пріѣздѣ въ Бухарестъ онъ послалъ извѣстить Турецкихъ уполномоченныхъ о своемъ прибытіи и на другой день размѣнялся съ ними обычными посѣщеніями.

Подписавъ предварительныя условія мира, графъ Кутузовъ долженъ былъ подписать и окончательный договоръ. Поэтому, исполняя выраженное ему въ рескриптѣ приказаніе Государя, онъ немедленно сдалъ Чичагову начальство надъ войскомъ, но оставался еще нѣсколько дней въ Бухарестѣ, въ ожиданіи присылки договора съ подписью верховнаго визиря. Въ слѣдъ за тѣмъ переговоры уже оканчивались сами собою, и Турецкіе уполномоченные должны были оставить Бухарестъ. Но сношенія, въ которыя вошелъ съ ними (хотя и не дѣлая никакихъ еще предложеній) адмиралъ Чичаговъ, показывали однакоже, что или эта негоціація со стороны Россіи считалась неоконченною, или что она намѣревается начать новую. Это обстоятельство безъ сомнѣнія послужило поводомъ къ разнообразнымъ толкамъ и предположеніямъ, тѣмъ болѣе, что адмиралъ Чичаговъ давалъ поводъ предполагать своими дѣйствіями, что онъ снабженъ обширными полномочіями и по мирнымъ переговорамъ съ Турками. «Чтобы доказать уполномоченнымъ Оттоманской Порты, писалъ онъ Государю, что Ваше Величество желаете искренно примиренія съ Портою и увѣрить ихъ въ этомъ, я указывалъ именно на договоръ о союзѣ и согласился на измѣненіе нѣкоторыхъ статей мирнаго договора по ихъ желанію, напримѣръ статьи, относящейся до Татаръ, переселившихся въ Россію, до срока выхода войскъ въ три мѣсяца, вмѣсто трехъ съ половиною. Наконецъ, когда договоръ привезенъ былъ съ подписью верховнаго визиря, я предложилъ отпустить на честное слово Чапанъ-оглу въ его отечество, дозволивъ ему взять съ собою и Татарскаго султана. Это великодушіе было съ одной стороны основано на разсчетѣ, потому что паша получалъ по 15, а султанъ по 10 дукатовъ въ день: я нашелъ ихъ болѣе опасными для нашихъ финансовъ, нежели для нашихъ войскъ. Это-то и заставило меня сдѣлать имъ такое предложеніе, которое и было принято съ признательностію, что̀ доставляетъ намъ приверженца въ Турціи, потому что Чапанъ-оглу имѣетъ весьма благородныя и возвышенныя чувства и будетъ намъ благодаренъ». Отпустивъ плѣннаго пашу и султана и съ ними нѣсколько сотъ плѣнныхъ, дѣлая измѣненія въ статьяхъ мирнаго договора, Чичаговъ въ тоже время далъ почувствовать Турецкимъ уполномоченнымъ, что можетъ быть исполнено давнишнее желаніе Порты, чтобы взятое нами въ плѣнъ ея войско считалось у насъ какъ бы въ залогѣ, а не военноплѣннымъ, и чтобы возвращены были имъ пушки. Испрашивая на это дозволенія у Государя, онъ писалъ, что «эта уступка можетъ произвесть чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ, потому что это общее желаніе. Я счелъ нужнымъ этимъ воспользоваться и далъ почувствовать визирю,

что ихъ желаніе, можетъ быть, исполнится». Чичаговъ согласился также возвратить часть взятыхъ у насъ пушекъ и ввелъ объ этомъ статью въ договоръ.

На другой день послѣ пріѣзда своего въ Бухарестъ адмиралъ, желая немедленно вступить въ переговоры съ Портою о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза, отправилъ въ Варну къ верховному визирю переводчика г. Бароцци просить у него фирмановъ для проѣзда въ Константинополь въ качествѣ, нашего посланника, г. Италинскаго съ помощниками и нарочнаго, котораго онъ намѣревался отправить съ своимъ письмомъ къ Англійскому посланнику въ Константинополь л. Каннингу. «Я не вхожу ни въ какія подробныя разсужденія съ его свѣтлостію (т. е. съ визиремъ), писалъ онъ Государю, потому что онъ не имѣетъ достаточныхъ полномочій для нашихъ видовъ. Объ нихъ я извѣщаю его неопредѣленно и представляю ихъ совершенно независимыми отъ бывшихъ переговоровъ, честь веденія которыхъ можетъ вполнѣ оставаться за нимъ. Всѣ, съ кѣмъ я счелъ нужнымъ посовѣтоваться объ этомъ, увѣрены, что заключеніе договора о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ съ Портою только и можетъ быть предложено въ Константинополѣ, если желаемъ избѣгнуть замедленій и потери времени. Инструкціи, которыя я далъ г. Италинскому, будутъ совершенно согласны съ тѣми, какія я самъ получилъ, и я надѣюсь во всякомъ случаѣ на успѣхъ, чего я не только искренно желаю, но и употреблю для этого всѣ средства, какія только будутъ въ моей власти». Посылка адмирала къ верховному визирю была неудачна: онъ не только отклонилъ всѣ его предложенія, хотя и неопредѣленно выраженныя, но отказалъ въ выдачѣ фирмановъ на проѣздъ въ Константинополь нашему посольству и особому нарочному къ л. Каннингу. «Верховный визирь отвѣчалъ мнѣ не совсѣмъ удовлетворительно, увѣдомлялъ адмиралъ Государя; но я не обращаю на это вниманія, во первыхъ потому что онъ ничтожнѣйшій человѣкъ, полоумный, а во вторыхъ потому, что его поступокъ со мною сдѣлаетъ большое удовольствіе нашимъ непріятелямъ. Я достигну того же самаго другимъ способомъ. Я поручилъ Турецкимъ уполномоченнымъ доставить мое письмо къ Каннингу и послалъ контръ-адмирала Грейга изъ Одессы въ Константинополь съ необходимыми наставленіями, чтобы условиться въ общемъ планѣ дѣйствій съ Англичанами».

Въ то время, когда наши переговоры съ Англіею еще хранились въ глубокой тайнѣ, когда миръ съ ними не только не былъ объявленъ, но даже еще не заключенъ, адмиралъ Чичаговъ вошелъ въ прямыя сообщенія съ Англичанами, чтобы условиться въ совокупныхъ съ ними дѣйствіяхъ противъ Французовъ, т. е. объявлялъ войну Франціи, чего самымъ тщательнымъ образомъ избѣгалъ императоръ Александръ. Конечно, онъ могъ не одобрить поступокъ своего главнокомандующаго и признать его своевольнымъ; но тѣмъ не менѣе Французы могли бы

къ нему придраться. Вступая въ дипломатическіе переговоры, адмиралъ Чичаговъ заботился и о военныхъ приготовленіяхъ къ предположенной имъ экспедиціи. Но недостатокъ денегъ служилъ немаловажнымъ препятствіемъ. «Я устраиваю армію, писалъ онъ Государю, такимъ образомъ, чтобы придать ей болѣе силы, уничтожая все излишнее и все что̀ могло бы затруднить ея движенія. Улучшаю провіантскую и интендантскую части въ томъ отношеніи, чтобы онѣ легко могли слѣдовать за войскомъ, по самымъ труднымъ для прохода мѣстностямъ. Со всѣхъ сторонъ собираю деньги, чтобъ пополнить кассы; но эта часть далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ слѣдовало бы ей находиться: 46 тысячъ дукатовъ, о которыхъ ваше величество мнѣ говорили, не существуютъ. Издержка на содержаніе Турецкихъ уполномоченныхъ и плѣнныхъ такъ велика, недоимки на правительствѣ также весьма значительны и хотя я употребляю всѣ мѣры, чтобы ихъ собрать, но не думаю достигнуть этой цѣли, потому что страна истощена, а управленіе безпорядочно. Если бы ваше величество могли мнѣ прислать нѣкоторую сумму, то этимъ пособили бы успѣху дѣла. Я оставлю нѣсколько войска, чтобъ держаться въ оборонительномъ положеніи въ отношеніи къ Туркамъ; но я ничего не могу отдѣлить для того, чтобы противупоставить Австрійцамъ со стороны Буковины. Я нашелъ, что въ Хотинѣ трудныя работы, которыя ни на что ни нужны. Необходимо будетъ выстроить нѣсколько, такъ сказать, крѣпостей, для защиты одной, которая сама себя защитить не можетъ. Хотятъ, чтобы я перевозилъ туда пушки сотнями, что̀ положительно невозможно, если бы не было безполезно и глупо. Пушки, которыя я послалъ бы туда изъ Измаила, прибыли бы только къ концу кампаніи. Да нѣтъ и подводъ, чтобъ предпринять эту перевозку; жители безъ этого разорены».

Къ концу Мая мѣсяца, Чичаговъ увѣдомлялъ Государя, что въ его распоряженіи находилось уже 28000 пѣхоты, 7200 конницы, 3500 казаковъ и 220 пушекъ. «Это все имѣется на лицо; я могу составить корпусъ изъ 17250 чел. пѣхоты, 1995 чел. конницы, 550 избранныхъ казаковъ съ 12 батарейными орудіями и 24 легкими, устроенный такъ, что онъ можетъ двигаться безъ особенныхъ затрудненій по самымъ неудобнымъ мѣстностямъ. Этотъ корпусъ можетъ быть усиленъ, какъ я нахожу, войсками, которыя я соберу доро̀гою, лишь были бы деньги».

Предполагая самъ начать движеніе съ этимъ корпусомъ и пополнять его Славянскими ополченіями, Чичаговъ въ это время уже считалъ возможнымъ угрожать Австрійцамъ со стороны Буковины. «Миръ, заключенный съ Турками, дастъ мнѣ возможность отдѣлить отрядъ въ 18 тыс. человѣкъ, чтобы дѣйствовать во флангъ Австрійцамъ въ Буковинѣ, писалъ онъ Государю; этого количества войскъ, по моему мнѣнію, достаточно, если только противъ Австріи будетъ дѣйствовать и армія Тормасова. Всѣ остальныя могутъ двинуться въ Далмацію или въ Иллирію, черезъ Сербію, Боснію, Банатъ и Славонію, смотря по тому, какъ я найду болѣе удобнымъ. Все количество войскъ,

состоящихъ подъ моимъ начальствомъ, простирается до 40 тысячъ человѣкъ; но часть надо оставить въ крѣпостяхъ, для охраны магазиновъ, учрежденія кордоновъ и проч., такъ что останется для военныхъ дѣйствій только 38 тысячъ».

Между тѣмъ 16 Апрѣля «приведена къ концу настоящая мирная наша негоціація, заключеніемъ и подписаніемъ обосторонними полномочными мирнаго между обѣими державами договора», увѣдомлялъ Государя графъ Кутузовъ. Препроводивъ самый договоръ къ канцлеру, онъ выѣхалъ изъ Бухареста. Но еще за десять дней прежде, въ тотъ самый день, когда адмиралъ Чичаговъ писалъ Государю, что о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Портою не было и рѣчи во время переговоровъ съ Турецкими полномочными, графъ Кутузовъ отправилъ къ Государю слѣдующее собственноручное письмо: «Сего времени обстоятельства не позволили никакъ твердо настоять на заключеніе союзнаго трактата и дожидаться на сіе согласія отъ султана для заключенія мира. Таковымъ поступкомъ весьма могли бы мы принудить Порту избрать сторону, предлагаемую Австрійцами для союза. Ваше величество могли видѣть изъ письма Каннинга, къ Италинскому адресованнаго, сколь велика была его боязнь, дабы при затрудненіяхъ съ нашей стороны имъ дѣлаемыхъ сіе не произвелось бы въ дѣйство. А когда уже заключится миръ, тогда Порта неминуемо поссорится съ Франціею, и легче будетъ склонить оную къ союзу, особливою негоціаціею».

Кто же былъ правъ въ этомъ случаѣ, графъ ли Кутузовъ, не исполнивъ высочайшаго повелѣнія и даже не предложивъ уполномоченнымъ Оттоманской Порты заключить союзъ съ нами, или генералъ Чичаговъ, сообщая Государю невѣрное извѣстіе? На этотъ вопросъ служатъ отвѣтомъ слова самого адмирала. «Я спѣшу отправить нарочнаго, который пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ (съ письмомъ отъ Государя), чтобы изгладить то непріятное впечатлѣніе, которое предшедшія мои письма могли произвести на Ваше Величество, писалъ онъ Государю. Не имѣя еще времени осмотрѣться и собрать вѣрныя свѣдѣнія, которыя мнѣ были нужны, я писалъ на основаніи предположеній и слуховъ. Прибавьте къ этому большое количество предметовъ, которые въ одно и тоже время должны были войти въ мою голову, полную мыслью о моемъ горѣ. Теперь я обладаю болѣе вѣрными свѣдѣніями почерпнутыми изъ вѣрныхъ источниковъ, которыми и постараюсь воспользоваться, сообразно съ предписаніями инструкціи, которою Ваше Величество меня снабдили и сообщенными мнѣ полезными и любопытными бумагами. Благодаря отъ всей души за довѣренность, которою вы счастливите меня, Государь, я постараюсь изложить точныя свѣдѣнія о предметахъ болѣе всего меня занимающихъ».

Послѣ такого вступленія, сказавъ, что послѣ подписанія мирнаго договора уже нельзя потребовать новыхъ уступокъ со стороны Турокъ, о которыхъ писалъ ему канцлеръ графъ Румянцовъ, онъ продолжаетъ:

«Впрочемъ мнѣ кажется, что здѣсь были употреблены всѣ способы, чтобы выговорить эти уступки; но упорство Турецкихъ уполномоченныхъ было такъ сильно, что подъ конецъ надо было имъ уступить. Я полагаю, что нерѣшительность, съ которою въ началѣ мы вели переговоры, съ одной стороны, съ другой постоянные и послѣдовательные происки нашихъ непріятелей, сопровождаемые самыми лестными обѣщаніями, поставили представителей его мусульманскаго величества въ такое положеніе, что они колебались между дѣйствительнымъ страхомъ и мнимыми надеждами. Они мало по малу привыкли къ внушеніямъ Французовъ, которые, постоянно поражая ихъ слухъ, наконецъ дѣйствительно подчинили себѣ ихъ образъ мыслей. Они сдѣлались незамѣтно для нихъ самихъ тверды и несговорчивы. Верховный визирь съ своей стороны поощрялъ ихъ, полагая, что тѣ великія выгоды, которыя имъ предлагаютъ, заставятъ забыть тѣ пораженія, которыя мы имъ нанесли. Наконецъ, они были приведены въ такое положеніе, что малѣйшее требованіе, малѣйшее препятствіе съ нашей стороны, наклонило бы чашу вѣсовъ въ противную сторону. Они не хотѣли даже и слышать о союзѣ, хотя они и сами его предлагали прежде, два мѣсяца тому назадъ. Князь Мурузи, который намъ преданъ сколько возможно быть преданнымъ, не рискуя лишиться головы, въ частномъ совѣщаніи, которое я съ нимъ имѣлъ по пріѣздѣ моемъ въ Бухарестъ, сообщилъ мнѣ что народъ въ Константинополѣ теперь уже привыкъ къ возмущеніямъ, и одна мысль объ уступкахъ приведетъ его въ волненіе. Хотя онъ и сознаётъ свою слабость, но желаетъ лучше все потерять съ оружіемъ въ рукахъ, нежели что-нибудь уступить, потому что такимъ образомъ оправдалось бы какое-то пророчество о паденіи Оттоманской имперіи. Правительство вынуждено принимать въ соображеніе такое настроеніе народа. Несмотря на это, мы все таки дѣлаемъ пріобрѣтенія здѣсь, а въ Азіи возвращаемъ только то, что̀ было завоевано, какъ Ваше Величество изволите увидѣть изъ моего офиціальнаго отношенія къ канцлеру, которое я написалъ, такъ сказать, подъ диктовку нашихъ уполномоченныхъ. Когда я писалъ Вашему Величеству о Грузіи, то подъ этимъ я разумѣлъ наши завоеванія въ Азіи, возвращенія которыхъ, какъ носился слухъ, требовали Турки. Наконецъ, миръ былъ для насъ необходимъ, *и онъ не могъ быть заключенъ на другихъ условіяхъ при настоящихъ обстоятельствахъ*».

Приведенныя слова такого противника Кутузова, какъ адмиралъ Чичаговъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какую важную услугу отечеству оказалъ графъ Кутузовъ заключеніемъ мира съ Турками передъ самымъ почти началомъ нашествія на Россію всей западной Европы. Рѣшаясь опровергать свои собственныя извѣстія, сообщенныя имъ прежде Государю и подтверждая, наоборотъ, извѣстія графа Кутузова, адмиралъ Чичаговъ руководствовался вѣроятно чувствомъ добросовѣстности и, какъ вполнѣ честный человѣкъ, сообщивъ ложное извѣстіе, счелъ долгомъ своимъ тотчасъ сознаться въ своей ошибкѣ. Но, кромѣ того, ближайшее знакомство съ положеніемъ дѣлъ

заставило адмирала совершенно измѣнить свои прежнія воззрѣнія. Хотя онъ еще и надѣялся заключить союзъ съ Портою, но уже не считалъ этого дѣла такимъ легкимъ какъ прежде, узнавъ о настроеніи народа и правительства Оттоманской Порты, о дѣятельности Французскихъ и Австрійскихъ агентовъ. Но онъ еще заблуждался въ это время на счетъ отношеній по этому вопросу Англіи; иначе онъ не считалъ бы этого дѣла даже возможнымъ. Во всякомъ случаѣ, уже послѣ десятидневнаго пребыванія въ Бухарестѣ, онъ писалъ Государю: «Союзъ съ Турками, по моему мнѣнію, не будетъ имѣть важности, какъ предполагаютъ. Они до такой степени ослаблены, что отъ нихъ нельзя требовать никакой помощи въ настоящее время. Чтобы они только намъ не мѣшали, это самое лучшее, что̀ они для насъ могутъ сдѣлать. Заявленія, которыя самъ визирь сдѣлалъ Барроци, когда я посылалъ его за паспортами для Италинскаго, и другія извѣстія доказываютъ, что Турція дѣйствительно находится въ бѣдственномъ положеніи». Поэтому, въ виду того, что для заключенія союза не слѣдовало откладывать заключенія мира, какъ и поступилъ графъ Кутузовъ, адмиралъ Чичаговъ уже не только радовался самъ заключенію этого мира, но и приглашалъ радоваться канцлера графа Румянцова. Онъ явился сторонникомъ этого мира и въ особомъ отношеніи защищалъ выраженную довольно неопредѣленно статью объ завоеваніяхъ въ Азіи. «Хотя вы совершенно вѣрно замѣтили, писалъ онъ ему, что неопредѣленность статьи о нашихъ завоеваніяхъ въ Азіи можетъ быть истолкована въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, я постарался однакоже развить еще болѣе эту мысль, какъ увидите изъ оффиціальнаго отношенія, которое я имѣлъ честь вамъ препроводить. Я могу прибавить только, что если въ какомъ либо случаѣ надо *устранить канцлера*, то именно въ этомъ: въ качествѣ патріота, который любитъ свое отечество (потому что много есть на свѣтѣ всякаго рода патріотовъ), вы должны радоваться заключенію этого мира. Онъ для насъ былъ необходимъ по тому вліянію на всѣхъ, которое онъ произвелъ, и потому можетъ быть, что даетъ свободу нашимъ военнымъ дѣйствіямъ съ этой стороны».

Убѣждаясь, что заключеніе союза съ Портою дѣло нелегкое, Чичаговъ снова просилъ Государя сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки. «Французы дѣлаютъ самыя выгодныя для Порты предложенія, къ которымъ она не можетъ быть равнодушна, тѣмъ болѣе, что народъ волнуется и склоняется конечно на сторону того, кто болѣе обѣщаетъ. Поэтому необходимо и съ нашей стороны при новыхъ переговорахъ сдѣлать какія-нибудь уступки, которыя хотя бы нѣсколько могли замѣнить тѣ, которыя дѣлаютъ Французы. Въ такомъ случаѣ не дозволите ли, Ваше Величество, уступить имъ ту часть Молдавіи, которая пріобрѣтена нами по новому мирному договору, какъ вознагражденіе за союзъ съ нами? Они желаютъ также возвращенія взятаго въ плѣнъ войска визиря и отнятыхъ пушекъ, говоря, что это даже было имъ обѣщано. Французы предлагаютъ имъ значительное увеличеніе имперіи

на нашъ счетъ. Еслибы мы могли вполнѣ привлечь ихъ на нашу сторону, то къ концу лѣта они могли бы намъ сдѣлаться очень полезными; но въ настоящее время они нуждаются въ покоѣ» Но въ отношеніи къ взятому въ плѣнъ Турецкому войску и возвращенію пушекъ, Чичаговъ, не дождавшись еще дозволенія Государя, далъ почувствовать визирю, что его желаніе можетъ быть исполнено. «Все мое стараніе, писалъ онъ Государю, обращено къ заключенію союза; хотя дѣятельной помощи они намъ оказать не могутъ, но лишь только не мѣшали бы намъ дѣлать наше дѣло; мы попросимъ у нихъ молчаливаго, такъ сказать, согласія продолжить наше пребываніе и производить наши военныя дѣйствія въ ихъ земляхъ. Въ случаѣ же отказа съ ихъ стороны, мое мнѣніе, Государь, таково, что мы должны тамъ оставаться, не смотря на нихъ. Такъ какъ Ваше Величество мнѣ дали понять, что армія Тормасова будетъ противупоставлена Австрійцамъ (достаточно ли она сильна, я не знаю), то въ этомъ случаѣ, взявъ часть войскъ изъ тѣхъ, которыя состоятъ подъ начальствомъ герцога Ришелье, я конечно могъ бы защищаться и отъ Турокъ, и предпринять предположенную диверсію, которая, разъ будучи начата, можетъ принести намъ неисчислимыя выгоды. По крайней мѣрѣ такъ заставляютъ предполагать всѣ свѣдѣнія, которыя я получаю какъ отъ Вашего Величества, такъ и другими путями. Настроеніе Иллирійцевъ, Кроатовъ, Далматинцевъ и др. очень благопріятно; отчаяніе отъ Гаронны до Вислы дошло до крайней степени. Могутъ ли когда нибудь случиться для насъ болѣе благопріятныя обстоятельства?»

Пожалуй, и дѣйствительно то время можно было считать благопріятнымъ для предпріятій адмирала Чичагова, если-бы не было одного обстоятельства: если-бы Наполеонъ не выѣхалъ уже изъ Дрездена, и его 400 тысячная армія не готовилась бы переправиться черезъ Нѣманъ и вторгнуться въ Россію. Отчужденный совершенно отъ Россіи, адмиралъ Чичаговъ на это-то обстоятельство и не обращалъ никакого вниманія. Хотя онъ и похвалялъ заключенный миръ, но все-таки его мысли стремились къ войнѣ, какъ доказываютъ и приведенныя нами его слова изъ письма къ Государю, и его дѣйствія. Онъ собственно дѣйствовалъ согласно съ правилами своей инструкціи, но съ тѣми, которыя предписаны были на случай, если миръ не заключенъ, и война можетъ продолжиться. Онъ вошелъ въ сношенія съ Али-пашою, который однакоже совѣтовалъ помириться съ Портою, говоря, что въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть болѣе полезенъ Россіи; онъ содѣйствовалъ посылкѣ въ Боснію, Герцеговину и Черную гору; отправилъ нарочныхъ въ Бѣлградъ и орденъ Черному Георгію. Войдя въ сношенія съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, онъ сообщилъ ему о нашихъ намѣреніяхъ дѣйствовать на Тироль и Швейцарію и просилъ его не упускать изъ виду графа Лейнингена, для котораго испрашивалъ у Государя патентъ на чинъ полковника. Желаніе его воевать съ Турками

было такъ сильно, что, опасаясь еще какъ бы Государь не вошелъ въ мирныя соглашенія съ Наполеономъ, онъ писалъ Государю въ это время: «Если мы войдемъ въ мирныя соглашенія съ Французами, то я надѣюсь, что Ваше Величество, въ этомъ случаѣ, сохраните за собою право выгнать Турокъ изъ Европы; потому что, если бы войска, которыя здѣсь находятся, были употреблены съ этою цѣлію и флотъ съ другой стороны, то, по моему мнѣнію, это случилось бы непремѣнно».

На эти письма, изъ которыхъ мы привели выдержки, Государь отвѣчалъ адмиралу изъ Вильны 7-го Іюня. Въ началѣ письмà, извѣщая о полученіи всѣхъ писемъ адмирала, Государь говоритъ, что онъ болѣе всего доволенъ послѣднимъ письмомъ, т. е. тѣмъ, въ которомъ тотъ извиняется, что сообщалъ въ прежнихъ письмахъ невѣрныя свѣденія, потому что замѣчаетъ изъ него, что адмиралъ уже познакомился съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ. «Со времени полученія договора, подписаннаго визиремъ, продолжаетъ далѣе Государь, я полагаю, что вы уже оставили всякую мысль о возвратѣ назадъ тѣхъ пріобрѣтеній, которыя укрѣплены за нами этимъ договоромъ. Это было бы совершенно неприлично и даже, по моему мнѣнію, нисколько не могло бы способствовать исполненію нашихъ намѣреній. Турки всякую снисходительность сочтутъ признакомъ слабости или страха. Уступку пушекъ и знаменъ я одобряю; но только въ томъ случаѣ, если будетъ заключенъ, подписанъ и утвержденъ между нами оборонительный и наступательный союзъ. Я одобряю всѣ мѣры, которыя вы принимаете и распоряженія, о которыхъ вы отдаете мнѣ отчетъ. Есть только одно распоряженіе, о которомъ я долженъ сдѣлать вамъ нѣкоторыя замѣчанія,—это отправка Грейга и письмо, которое вы поручили доставить Каннингу. На основаніи инструкціи, которую я вамъ далъ, въ такія сношенія вы могли войти тогда только, когда-бы начались военныя дѣйствія; такое письмо, когда вопросъ о войнѣ или о мирѣ еще не рѣшенъ, отняло бы всякую возможность сохранить миръ. Еще чрезвычайно важное неудобство могло бы произойти отъ этого, а именно то, что лордъ Бентингъ могъ быть обманутъ и начать свои дѣйствія прежде нежели совершился бы разрывъ между Франціею и Россіею».

Эти слова показываютъ, что поступокъ адмирала Чичагова Государь считалъ важною ошибкою. Но, дѣлая ему замѣчаніе, онъ счелъ нужнымъ смягчить его: такъ цѣнилъ онъ способности адмирала и такъ много на него надѣялся. «Но какъ по всѣмъ вѣроятностямъ должна открыться война и какъ надо предполагать, что она начнется весьма скоро, продолжалъ Государь, то самъ собою уничтожится тотъ вредъ, который могли бы произвесть подробныя сношенія».

Предписывая адмиралу, чтобы у него все было готово по первому приказанію начать дѣйствія со стороны Босніи, Государь сообщалъ ему слѣдующія соображенія въ отношеніи къ Австріи. «Чтò касается до Австріи, то въ отношеніи къ ней надо дѣйствовать съ особеннымъ благоразуміемъ. Вотъ положеніе нашихъ отношеній къ этой державѣ. Она поручила мнѣ сообщить, что только крайняя необхо-

димость и невозможность въ виду ея внутренняго положенія дѣйствовать рѣшительно въ отношеніи къ Наполеону, вынудила ее подписать союзный съ нимъ договоръ; но она ограничитъ свои дѣйствія только 30 тыс. корпусомъ войскъ, выговореннымъ этимъ договоромъ для дѣйствія противъ насъ, и что если мы не нападемъ на нее съ какой либо иной стороны, то война будетъ производиться лишь въ одномъ мѣстѣ, и что она обѣщаетъ намъ полное спокойствіе по всѣмъ другимъ моимъ границамъ, обязуясь не приводить въ движеніе главныхъ своихъ силъ. При отзывѣ Лебцельтерна въ Вѣну, ему дано было приказаніе ѣхать черезъ Вильну и словесно повторить мнѣ эти обѣщанія. Я отвѣчалъ на это: поведеніе Австріи опредѣлитъ и мой образъ дѣйствій въ отношеніи къ ней. На такое поведеніе Австріи можно смотрѣть съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Оно можетъ быть искреннимъ, будучи послѣдствіемъ прежняго направленія Вѣнскаго кабинета, который всегда смотрѣлъ на Россію, какъ на запасную защиту какъ для Австріи, такъ и для всей Европы. Но оно можетъ быть и коварнымъ, разсчитаннымъ единственно на то, чтобы уменьшить затрудненія Австріи, еслибы мы рѣшились напасть на нее съ другой стороны. Точныя свѣдѣнія, которыя я собралъ объ Австрійскихъ границахъ, убѣждаютъ, что нападеніе со стороны Трансильваніи, Баната и Венгріи было бы въ высшей степени для насъ затруднительно, потому что эта граница представляетъ превосходную защиту для Австрійцевъ она вся состоитъ изъ дефилеевъ хорошо укрѣпленныхъ, гдѣ даже незначительными силами можно удерживать большіе отряды войскъ. По тѣмъ же самымъ свѣдѣніямъ я знаю, что Венгерцы, если на нихъ нападутъ въ ихъ собственной странѣ, непремѣнно должны вооружиться для ея защиты. Такимъ образомъ вы вооружили бы противъ себя слишкомъ большія силы, между тѣмъ какъ ихъ конституція предоставляетъ намъ средство, которое во всякомъ случаѣ надо испытать. Эта конституція, именуемая апостолическою, обязываетъ Венгерцевъ поднимать оружіе только въ томъ случаѣ, когда на нихъ дѣлаютъ нападеніе, освобождая ихъ отъ службы Австріи, если она сама нападаетъ на кого нибудь. Поэтому нѣкоторые думаютъ, что, объяснивъ имъ, что Франція совокупно съ Австріею нападаютъ на Россію, возможно бы даже заключить особый договоръ съ Венгерскимъ королевствомъ о нейтралитетѣ, который бы избавилъ насъ отъ участія въ войнѣ этого воинственнаго народа и могъ бы лишить Австрію лучшихъ ея полковъ. Необходимо, чтобы вы собрали по этому предмету свѣдѣнія, болѣе подробныя. Графъ Капо-д'Истріа вамъ можетъ быть полезенъ въ этомъ дѣлѣ. По всѣмъ соображеніямъ кажется, что всего лучше, чтобы вашими дѣйствіями вы имѣли въ виду только поддерживать армію Тормасова со стороны Буковины и сдѣлать диверсію въ Боснію и Далмацію, принадлежащую Французамъ. Тѣже самыя свѣдѣнія согласно показываютъ что съ этой стороны болѣе всего можетъ угрожать опасность Австріи тамъ ея средства защиты весьма слабы. Разсказываютъ даже случай что когда Боснійскій паша, подстрекаемый Французами, сдѣлалъ движеніе войсками, то сильная тревога произошла въ самой Вѣнѣ. Если наша диверсія на эту границу удастся, то мы съ основаніемъ можемъ пред

полагать, что мы парализируемъ Вѣнскій дворъ и весь тотъ вредъ, который онъ намъ можетъ причинить. Сообразите внимательно обо всемъ, что̀ я вамъ сообщаю и дѣйствуйте съ тою обдуманностію и геніемъ, которыми вы одарены. Я слишкомъ далеко нахожусь отъ васъ, чтобы направлять ваши дѣйствія. Ваше собственное соображеніе должно помогать въ этомъ случаѣ. Необходимо только, чтобы вы меня извѣстили, кому изъ вашихъ генераловъ вы поручите диверсію, кто останется съ другими войсками и гдѣ вы сами будете находиться. Если миръ съ Портою утвердится, то конечно большую часть дивизіи герцога Ришелье я могу употребить въ дѣло; но если бы, сверхъ всякаго ожиданія, онъ вновь разстроился, тогда эта дивизія необходима должна оберегать Крымъ и берега Чернаго моря». Что Государь не предполагалъ, чтобы этотъ миръ могъ разстроиться и тѣмъ самымъ давалъ направленіе дѣйствіямъ Чичагова, доказываютъ слѣдующія слова тогоже письма: «Я съ нетерпѣніемъ ожидаю полученія мирнаго договора, чтобы распорядиться отслужить молебенъ и обрадовать Россію, которая ожидаетъ этого происшествія съ величайшимъ нетерпѣніемъ».

Свѣдѣнія, полученныя Государемъ въ Вильнѣ о направленіи Австрійской политики, значительно измѣнили наши отношенія къ Вѣнскому кабинету. Хотя Государь еще не довѣрялъ его искренности, однакоже не могъ не обратить вниманія и не принять въ разсчетъ его предложеній. Эти предложенія вмѣстѣ съ миромъ, заключеннымъ съ Портою, избавляли насъ отъ заботъ о безопасности южныхъ областей имперіи на большемъ протяженіи нашихъ западныхъ границъ и давали возможность употребить всѣ находившіяся тамъ войска на главномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій. Если Государь и предписывалъ адмиралу Чичагову угрожать Австріи со стороны Буковины, то это происходило только потому именно, что онъ еще подозрѣвалъ неискренность предложеній Вѣнскаго кабинета. Въ противномъ случаѣ и эта мѣра сдѣлалась бы излишнею. Но тѣмъ не менѣе это новое предположеніе значительно измѣняло первоначальныя и отклоняло всякую мысль дѣйствовать со стороны Трансильваніи, Баната и Венгріи и въ свою очередь ограничивало болѣе тѣсными предѣлами дѣятельность Чичагова, какъ ограничилъ уже ее миръ, заключенный нами съ Портою. Оставалась въ виду только экспедиція въ Далмацію, которая однакоже не могла совершиться безъ содѣйствія Порты и Англійскаго флота въ Адріатическомъ морѣ.

Въ то время, когда адмиралъ отправилъ послѣднее изъ приведенныхъ нами писемъ его къ Государю и затѣмъ получилъ отвѣтъ, онъ не сидѣлъ сложа руки. Лишь только спорный договоръ былъ подписанъ уполномоченными обѣихъ державъ, онъ снова писалъ къ визирю, прося его доставить фирманъ для проѣзда въ Константинополь Италинскому и Булгакову. «Я задержалъ отправленіе нарочнаго,

писалъ онъ Государю, до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣта отъ визиря. Теперь (27 Мая) отвѣтъ полученъ, а равно и фирманъ для проѣзда Италинскому. Черезъ два дня онъ уже отправится. Я надѣюсь, что пріѣздъ Булгакова, Грейга, Чапанъ-Оглу, Татарскаго султана и сотни плѣнныхъ Турокъ, которыхъ я отпустилъ по выходѣ ихъ изъ больницъ, усилятъ нашу сторону въ Константинополѣ и подготовятъ пути къ переговорамъ о союзѣ. Я совершенно убѣжденъ, что безъ обѣщанія ходатайствовать передъ вашимъ величествомъ о возвращеніи пушекъ и войскъ, которыя были взяты изъ арміи визиря, онъ снова бы отказалъ въ выдачи фирмана; потому что только послѣ этого моего письма онъ рѣшился исполнить все, чтò мы требовали и сдѣлался сговорчивѣе. Я увѣренъ, что это обѣщаніе произведетъ весьма хорошее и большое дѣйствіе. Сдѣлать его мнѣ предложилъ князь Мурузи, который хорошо знакóмъ какъ съ положеніемъ своей страны, такъ и съ характеромъ своего двора и народа. Надо привлечь на свою сторону визиря, потому что его сестры находятся въ гаремѣ и въ большомъ почетѣ, чтò и способствовало его возвышенію до этого званія. Буду заботиться о заключеніи союза и отраженіи, если только нападутъ на меня съ какой бы то ни было стороны. Сочту себя счастливымъ, если мнѣ удастся хотя въ нѣкоторой степени оправдать ваше мнѣніе обо мнѣ».

Можетъ быть, генералъ Чичаговъ и былъ правъ, объясняя уступчивость визиря обѣщаніемъ своимъ ходатайствовать предъ Государемъ о возвращеніи Портѣ плѣнныхъ и пушекъ; потому что, отказавши выдать фирманы въ то время, когда мирный договоръ не былъ еще подписанъ уполномоченными обѣихъ державъ, визирь могъ отказать и теперь на томъ основаніи, что этотъ договоръ не былъ еще утвержденъ ни Государемъ, ни султаномъ.

Лишь только фирманы были получены, адмиралъ немедленно отправилъ Булгакова въ Константинополь съ письмомъ въ Каннингу, а немного спустя выѣхалъ туда же и Италинскій со всѣмъ посольствомъ и съ порученіемъ немедленно приступить къ переговорамъ о союзѣ съ Портою. Письмо адмирала къ Каннингу можетъ служить доказательствомъ, до какой степени онъ былъ увѣренъ, что дипломатическіе агенты Сентъ-Джемскаго кабинета безусловно будутъ содѣйствовать ему во всѣхъ его предположеніяхъ. «Я начну съ того, писалъ онъ Англійскому посланнику, что сообщу вамъ намѣренія моего Государя. Въ виду дѣятельныхъ происковъ нашихъ непріятелей въ Константинополѣ и важности замышляемыхъ ими враждебныхъ предпріятій, въ высшей степени необходимо употребить всѣ возможныя средства съ нашей стороны, чтобы не дать имъ возможности привести ихъ въ исполненіе. Его Величество, мой Государь, самымъ дѣйствительнымъ для этого средствомъ считаетъ экспедиціи во всѣ возможныя стороны, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ. Вслѣдствіе этого онъ желаетъ прежде всего употребить съ этою цѣлію здѣсь находящуюся армію, двинувъ ее чрезъ

Турецкія владѣнія къ Далмаціи и Кроаціи, находящимся подъ Французскимъ владычествомъ, чтобы они дѣйствовали сообразно обстоятельствамъ. Это требованіе и должно составить одно изъ основныхъ началъ союзнаго договора, о заключеніи котораго поручается вести переговоры съ Турецкимъ правительствомъ г. Италинскому. Въ этомъ только и будетъ заключаться содѣйствіе намъ со стороны Порты. Выгоды, которыя она можетъ извлечь для себя въ этомъ случаѣ, кажется, не могутъ подлежать сомнѣнію. Эту-то истину вы и должны внушить Оттоманскому министерству, если бы оно могло въ ней усумниться, и придать ей надлежащее развитіе. Первыя мои въ этомъ отношеніи попытки по пріѣздѣ сюда съ уполномоченными Оттоманской Порты привели меня къ тому убѣжденію, что прежде всего необходимо было заключить миръ между моимъ дворомъ и Портою, а потомъ уже начать и вести переговоры о союзномъ договорѣ въ Константинополѣ. Въ настоящее время договоръ о мирѣ уже подписанъ, Италинскій отправляется въ Константинополь; но переговоры могутъ продлиться долго, и потому необходимо, чтобы Порта изъявила, однимъ своимъ молчаніемъ, согласіе на проходъ нашихъ войскъ черезъ ея владѣнія.

Предписывая подобный образъ дѣйствій дипломатическому агенту С. Джемскаго кабинета, прежде нежели у насъ былъ заключенъ миръ къ Англіею, адмиралъ Чичиговъ очевидно не подумалъ, что, можетъ быть, это и не соотвѣтствуетъ видамъ Англійской политики. Онъ уже былъ совершенно увѣренъ, что Англія въ этомъ случаѣ готова сдѣлаться нашею пособницею и потому какъ Каннингу, такъ и лорду Бентинку прямо поручалъ дѣйствовать въ томъ смыслѣ, какъ онъ желалъ, чтобы они дѣйствовали.

Но одно въ слѣдъ за другимъ начали приходить извѣстія, которыя все болѣе и болѣе разочаровывали адмирала Чичагова въ отношеніи къ Англичанамъ. «Вчера (15 Іюня), получилъ я извѣстіе отъ верховнаго визиря, писалъ онъ Государю, объ ратификаціи султаномъ мирнаго договора. Размѣнъ договоровъ совершиться не могъ, потому что еще не получено утвержденіе Вашего Величества. Между тѣмъ Турки, по милости Каннинга, возбудили нѣкоторыя затрудненія. Этотъ неловкій дипломатъ, руководящійся узкими видами, преслѣдующій мелочныя, частныя выгоды, нашелъ способъ достать себѣ списокъ съ нашего мирнаго договора чрезъ какого-то путешественника, Англичанина Гордона, которому имѣли неосторожность сообщить его во время его пребыванія въ Бухарестѣ. Познакомившись съ этимъ договоромъ и подчиняясь первому впечатлѣнію, онъ немедленно явился къ Турецкому министерству съ упрекомъ, что оно не соблюло выгодъ своихъ союзниковъ—Персіи и Англіи, допустивъ тайную статью, по которой открывалось намъ свободное сообщеніе черезъ Англію. Англія, говорилъ онъ, не можетъ допустить подобнаго обязательства; вообще онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы возбудить подозрѣнія султана, который и отвергъ эту статью. Они также требовали измѣненія статьи, относящейся до Сербовъ,

говоря, что допущеніе такого внутренняго у нихъ управленія, какое постановлено договоромъ и опредѣленіе постояннаго количества ежегодной дани были не согласны съ достоинствомъ султана. «Я въ этомъ отношеніи имѣлъ переговоры съ Турецкими уполномоченными и, выслушавъ ихъ доводы, объявилъ имъ, что если подвергнутъ малѣйшимъ измѣненіямъ договоръ или утвердятъ съ нѣкоторыми ограниченіями, то я буду его считать уничтоженнымъ и на другой же день возобновлю военныя дѣйствія. Послѣ этого о Сербахъ не было и рѣчи болѣе. Турки мнѣ объявили, что самый договоръ былъ утвержденъ султаномъ и будетъ размѣненъ, лишь только получится наше утвержденіе; что же касается до отдѣльныхъ статей, то султанъ ихъ не утвердилъ, и слѣдовательно съ своей стороны они ничего не могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи. Если одна изъ этихъ статей намъ временно и нужна, т. е. пока еще продолжается наша несчастная война съ Персіею; за то другая, въ слѣдствіе отказа султаномъ въ утвержденіи, для насъ выгодна, потому что оставляетъ крѣпости Измаилъ и Килію нетронутыми».

Эти свѣдѣнія адмиралъ Чичаговъ получилъ отъ К. Я. Булгакова, который и самъ черезъ нѣсколько дней возвратился изъ Константинополя и привезъ ему отвѣтное письмо отъ Каннинга. Каннингъ извѣщалъ, что имѣлъ свиданія съ Булгаковымъ, Грейгомъ и Италинскимъ, что получилъ письмо отъ Неаполитанскаго посланника въ Петербургѣ Серра-Капріола, приглашавшаго его также содѣйствовать Русскому правительству и съ своей стороны изъявлялъ готовность оказывать всевозможное содѣйствіе; что сёръ Листонъ, новый Англійскій посланникъ, уже прибылъ въ Дарданелы и что онъ сообщилъ ему всѣ эти свѣдѣнія. «Если вѣрить Оттоманскому министерству, писалъ далѣе Каннингъ, Порта никогда не согласится на союзъ, съ кѣмъ бы то ни было, до тѣхъ поръ, пока Франція оставляетъ ее въ покоѣ. Я, съ своей стороны, считаю ихъ увѣренія искренними, и сила ихъ убѣжденій такова въ этомъ случаѣ, что я убѣжденъ, что я могъ бы даже повредить самому дѣлу мира, еслибъ прямо рѣшился побуждать ихъ къ заключенію союза съ Россіею, прежде нежели размѣнены ратификаціи мирнаго договора. Послѣ того, какъ это совершится, необходимо, чтобы послѣдовало весьма много перемѣнъ въ отношеніяхъ обѣихъ державъ, которыя могли бы расположить къ заключенію союза. По крайней мѣрѣ тогда не представится опасности сдѣлать подобную попытку. По причинамъ еще болѣе важнымъ Порта никогда не согласится своимъ молчаніемъ какъ бы дозволить пройти Русскимъ войскамъ по своимъ владѣніямъ при настоящихъ обстоятельствахъ; потому что такой поступокъ съ ея стороны подвергъ бы ее угрозамъ Франціи и не доставилъ ей тѣхъ выгодъ, которыя она могла бы еще надѣяться извлечь изъ прямаго союза. По моему мнѣнію всѣ эти затрудненія зависятъ отъ трехъ причинъ: страха войны съ Франціею, желанія избѣгнуть тѣснаго союза съ какою бы то ни было христіанскою державою и недовѣрія къ Россіи. Принявъ все это въ соображеніе, ваше превосходительство поймете, что надо предложить Портѣ за союзъ весьма важныя выгоды, чтобы

отклонить первыя два затрудненія. Что же касается третьяго, т. е. недовѣрія къ Россіи, то я держусь того мнѣнія, что ничто не послужитъ къ его уменьшенію столь дѣйствительно, какъ привлеченіе Англіи къ взаимному союзу между Портою и Россіею. Поэтому вы, можетъ быть, хорошо бы поступили, еслибы сообщили г. Листону со всею подробностію виды вашего двора въ отношеніи къ этому предмету, чтобы можно было приступить къ этому дѣлу непосредственно послѣ ратификаціи мирнаго договора. Я очень сожалѣю объ этихъ замедленіяхъ; но лучше ихъ перенести, нежели излишнею поспѣшностію испортить все дѣло».

Это письмо дополняло свѣдѣнія адмирала о взглядахъ и дѣйствіяхъ представителя Англійской политики при Оттоманскомъ правительствѣ: онъ не только помѣшалъ утвержденію султаномъ добавочныхъ тайныхъ статей къ мирному договору, но безъ сомнѣнія точно также противодѣйствовалъ бы и заключенію союзнаго договора Россіи съ Портою. Онъ прямо выразилъ, что если и возможно въ послѣдствіи думать о подобномъ союзѣ, то не иначе какъ при участіи въ немъ Англіи.

Но всѣ эти свѣдѣнія не вдругъ разочаровали адмирала, увлеченнаго мыслію о предстоявшихъ ему подвигахъ. Всѣ эти дѣйствія и мнѣнія онъ приписывалъ лично Каннингу и надѣялся, что новый Англійскій посланникъ, снабженный новыми наставленіями отъ своего правительства, будетъ дѣйствовать иначе. «Г. Листонъ прибылъ въ Константинополь, писалъ онъ Государю, и вѣроятно онъ снабженъ болѣе обширными полномочіями, нежели Каннингъ, который вовсе ихъ не имѣлъ и хвастался, что онъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію. Листона очень хвалятъ, и я надѣюсь, что онъ будетъ лучше и совершенно иначе намъ помогать, нежели его предшественникъ». Увѣдомляя Государя о томъ, что султанъ не утвердилъ отдѣльныхъ статей, составлявшихъ приложеніе къ договору, Чичаговъ предполагалъ, что и Государь, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, не утвердитъ этого договора. «Я прошу васъ, Государь, писалъ онъ, не придавать важнаго значенія новому разрыву съ Портой. Слѣдя за общимъ мнѣніемъ, я совершенно убѣжденъ, что мы можемъ столько же, если не болѣе, сдѣлать воюя съ Турками, какъ если бы находились съ ними въ мирѣ. Впрочемъ, я надѣюсь, что ваше величество ни въ какомъ случаѣ не поддадитесь внушенію людей, которые своими химерическими, плохо обдуманными мнѣніями и своимъ упрямствомъ могли бы воспрепятствовать нашимъ дѣйствіямъ съ этой стороны. Если Турки будутъ держать насъ въ неопредѣленномъ положеніи въ отношеніи къ союзу, или какъ Каннингъ желаетъ заставить меня думать, что союзъ не можетъ состояться иначе какъ съ участіемъ Англіи, то это будетъ еще хуже, нежели война, особенно когда мы условились бы съ Англичанами въ планѣ дѣйствій. Пока я въ этомъ еще не убѣжденъ, было бы слишкомъ смѣло проходить черезъ Боснію, не найдя помощи со стороны моря, которую только одни Англи-

чане и могутъ оказать намъ». Но все еще питая надежду на содѣйствіе Англичанъ, Чичаговъ дѣятельно готовился къ военнымъ дѣйствіямъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма онъ увѣдомлялъ Государя, что у него «все уже готово, и онъ можетъ двинуться куда угодно будетъ направить его Государю или куда принудятъ обстоятельства». Въ отношеніи къ походу черезъ Боснію онъ представлялъ Государю слѣдующія соображенія: «Эта страна покрыта горами и окружена ими со всѣхъ сторонъ, исключая Сѣвера, гдѣ прилегаютъ къ ней Сербія и Славонія, области плодоносныя, по которымъ удобно пройти, потому что дороги хороши и населены жителями, питающими къ намъ самое доброе расположеніе. Этотъ путь приведетъ насъ прямо въ самое гнѣздо недовольныхъ и угнетенныхъ. Если мы одержимъ нѣкоторые успѣхи, то вся Далмація будетъ въ нашихъ рукахъ, и я войду въ непосредственныя отношенія съ горцами, которые только ожидаютъ нашего появленія, чтобы возстать. Если я направлюсь по этому пути, то вотъ, Государь, общій очеркъ кампаніи. Я могу изъ лучшихъ, избранныхъ войскъ составить отрядъ отъ 20 до 30 тысячъ человѣкъ. Подвижные магазины уже готовы; одно депо будетъ устроено въ Бѣлградѣ, другое на Дринѣ, въ нихъ будетъ находиться провіанта по 10 тысячъ четвертей въ каждомъ, такъ что достаточно будетъ для прокормленія 40 тысячъ человѣкъ на мѣсяцъ, а 20-ти тысячъ на два мѣсяца. Я могу еще ихъ увеличить, если потребуетъ нужда. Оттуда я направлю мое движеніе къ Босніи или черезъ Славонію, смотря по обстоятельствамъ. Я долженъ объяснить вашему величеству, что между этими двумя дорогами такое же почти различіе, какъ между невозможною и удобною».

Чичаговъ имѣлъ цѣлію обратить вниманіе Государя на различіе этихъ двухъ путей. Первый на Боснію шелъ по Турецкимъ владѣніямъ; но въ отношеніи къ Оттоманской Портѣ онъ не считалъ нужнымъ стѣснять своихъ дѣйствій. Будетъ ли заключенъ союзъ или нѣтъ, дозволитъ ли она, хотя молчаливо, пройти или нѣтъ по своимъ владѣніямъ, во всякомъ случаѣ, сосредоточивъ свои войска въ Сербіи, притянувъ къ себѣ и Сербовъ на помощь, Чичаговъ намѣренъ былъ двинуться чрезъ ея владѣнія въ Далмацію, хотя бы это обстоятельство разрушило только что заключенный миръ и вновь возбудило бы войну.

Второй путь лежалъ чрезъ владѣнія Австріи; а въ отношеніи къ ней Государь поручалъ ему дѣйствовать съ особенною осторожностію и не нарушать неприкосновенности ея границъ. А между тѣмъ путь черезъ ея владѣнія изъ Турціи представлялъ затрудненія, почти непреодолимыя. Какъ же совѣтовалъ онъ поступать въ этомъ случаѣ? Очевидно, что отношенія наши въ это время, какъ къ Турціи, такъ и къ Австріи были таковы, что и тотъ и другой путь должны были оставаться закрытыми для Дунайской нашей арміи; а это въ свой чередъ означало, что предположенная для нея экспедиція становилась невоз-

можною. Но, разумѣется, на такой мысли не могъ остановиться адмиралъ Чичаговъ, постоянно увлекаемый мечтою о предстоявшихъ ему подвигахъ. «Конечно, писалъ онъ Государю, я буду дѣйствовать съ крайнею осторожностію и благоразуміемъ въ отношеніи къ Австріи, какъ вы и предписываете мнѣ, Государь; но съ другой стороны, что̀ же это за государство, которое служитъ только тому, кто наиболѣе дѣлаетъ ему зла? Есть очень простой способъ привлечь ее на нашу сторону, т. е. сдѣлать для ней болѣе зла, нежели сколько могутъ сдѣлать для нея Французы. Австрійцы слабы и безхарактерны, и болѣе, какъ я вижу, сами встревожены, нежели тревожатъ другихъ. Ихъ массы ровно не имѣютъ никакого значенія: это разнородныя части, ничѣмъ между собою не связанныя. Вотъ что я узналъ о расположеніи Венгерцевъ. Недовольство всѣхъ сословій возрасло съ окончаніемъ сейма, который заключилъ эрцъ-герцогъ Антоній, заставивъ утвердить значительные налоги. Они ненавидятъ теперешнее вліяніе Франціи и ничего не ожидаютъ отъ военныхъ успѣховъ Наполеона. Имъ извѣстны его потери въ Испаніи, и это поддерживаетъ оппозицію противъ него. Народъ одинъ несетъ всю тяжесть поборовъ, и такъ называемыя добровольныя пожертвованія дворянства падаютъ на него же; онъ убѣжденъ, что выиграетъ при всякой перемѣнѣ теперешняго порядка дѣлъ, на которую онъ надѣется какъ на окончаніе его угнетенія. На сеймѣ было выражено, что положеніе королевства до такой степени бѣдственно, что если императоръ не окажетъ помощи, то они предвидятъ самыя гибельныя послѣдствія для общественнаго благосостоянія. Мнѣ говорили, что если бы императоръ предпринялъ теперь что нибудь несогласное съ конституціей, то это была бы весьма благопріятная минута для нашихъ видовъ. Нѣсколько воззваній могли бы произвести важныя дѣйствія. Австрійская Сербія и Иллирія болѣе всего расположены къ намъ, хотя вообще они и боятся безпорядковъ Русскаго нашествія. Строгая дисциплина, карающая злоупотребленія, могла бы ихъ скоро успокоить. Она достаточно здѣсь распущена, и я употребляю всѣ способы, чтобы ее возстановить. Я велѣлъ прогнать сквозь строй солдата за то, что онъ убилъ курицу, которая ему не принадлежала, и слѣдовательно было запрещено до нея касаться. Въ отношеніи къ нашей экспедиціи я считаю долгомъ объяснить вашему величеству, что проходъ черезъ Австрійскія владѣнія не можетъ быть и сравниваемъ съ проходомъ черезъ Турецкія. Если обѣщанія, которыя даетъ вамъ этотъ императоръ, справедливы, то для чего онъ держитъ въ Константинополѣ г. Стюрмера, который ненавидитъ Русскихъ и своею дѣятельностію вредитъ намъ гораздо болѣе нежели сами Французы? Для чего онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы вредить намъ? Отказываясь отъ Славоніи и отъ того вліянія, которое мы можемъ имѣть на народы нашего вѣроисповѣданія, мы лишаемъ себя всѣхъ средствъ для дѣйствія. Конечно не слѣдуетъ предпринимать никакихъ такихъ мѣръ, которыми можно бы возбудить Венгерцевъ къ вооруженному противъ насъ возстанію; напротивъ, надо стараться придти съ ними къ соглашенію, какъ и угодно вашему величеству. Но, только дѣйствуя противъ Австріи, которая ихъ угнетаетъ, возможно привлечь ихъ къ себѣ. Я прошу графа Салтыкова

сообщить мнѣ свѣдѣнія, которыя доставлены Штакельбергомъ и здѣсь съ своей стороны постараюсь собрать подробныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи. Турки входили въ Банатъ, когда воевали съ Австріею. Самъ визирь тамъ былъ, они оставались тамъ около 50 дней, брали и дѣлали все что̀ хотѣли и вышли оттуда только по повелѣнію султана. Это мнѣ кажется доказываетъ, что затрудненія и неприступность Австрійскихъ границъ съ этой стороны вовсе не такъ велики, какъ хотятъ ихъ представить. Нѣсколько нашихъ казаковъ и улановъ, посланные для наблюденія за путешественниками, внушавшими подозрѣніе, навели такой страхъ на всю страну, какъ будто бы мы вторгнулись въ нее съ цѣлымъ войскомъ. Я не придумаю даже средствъ, какъ бы избавить ихъ отъ смертельнаго страха. Чтобы имѣть надлежащее понятіе о слабости этой державы, вашему величеству стоитъ только припомнить, что ея посланникъ, въ то время какъ я былъ въ Парижѣ, посылалъ оттуда нарочнаго для того, чтобы испросить дозволенія измѣнить обувь, согласно требованіямъ этикета Французскаго двора; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подписалъ оборонительный и наступательный союзъ, противъ желанія своего государя. Я убѣжденъ, что не найдется такого ученаго, который могъ бы отыскать въ исторіи другой примѣръ подобной слабости. Я опасаюсь болѣе всего, что̀ только могутъ намъ сдѣлать непріятели, лишь одного, т. е. поставить насъ въ положеніе дѣйствовать полумѣрами. Ваше величество облекли меня полнымъ довѣріемъ, котораго могутъ удостоивать другихъ только великія души; вы дозволили мнѣ дѣйствовать, и теперь уже мое дѣло предохранить себя отъ такого образа дѣйствій, который неминуемо заставилъ бы насъ все потерять. Только одного вреда я не дѣлаю нашимъ непріятелямъ, т. е. такого, который въ случаѣ успѣха болѣе всего повредилъ бы намъ самимъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, мнѣ остается только слѣдовать тѣмъ предначертаніямъ, которыя вы удостоили дать мнѣ въ руководство».

Адмиралъ Чичаговъ также мало придавалъ значенія силамъ Австріи, какъ и Турціи и повидимому нисколько не опасался вызвать ее на военныя дѣйствія на ея южныхъ границахъ. Положеніе обѣихъ имперій конечно въ это время было довольно затруднительно; но едвали Дунайская армія, хотя бы и предводимая адмираломъ, могла разомъ не только сокрушить обѣ имперіи, но даже и вызвать ихъ на бой. Желая войны, Чичаговъ однакоже не могъ дозволить себѣ рѣшительныхъ дѣйствій въ этомъ отношеніи, какъ совершенно несогласныхъ въ волею Государя и потому такъ опасался, что будетъ принужденъ, можетъ быть, ограничиться полумѣрами и выговаривалъ себѣ нѣкоторое право дѣйствовать рѣшительно, основываясь на томъ довѣріи, которымъ удостоивалъ его Государь, предоставившій его личному благоразумію пользоваться обстоятельствами въ отношеніи къ частнымъ дѣйствіямъ, которыя безъ сомнѣнія по мысли Государя не могли идти въ разрѣзъ съ общими видами политики Русскаго двора въ этомъ случаѣ. Но

этихъ видовъ не хотѣлъ знать и признавать адмиралъ Чичаговъ, и потому своимъ соображеніямъ онъ давалъ иное значеніе. Не считая себя въ правѣ прямо начать военныя дѣйствія ни противъ Турціи, ни противъ Австріи, онъ однакоже съ радостію желалъ выступить на бой, если бы починъ къ тому принадлежалъ той или другой державѣ. Когда султанъ по вліянію Англійской политики не утвердилъ отдѣльныхъ статей Бухарестскаго мирнаго договора и даже возбудилъ сомнѣніе въ отношеніи къ одной статьѣ и самаго договора, касавшейся Сербовъ, то въ Константинополѣ пронесся слухъ, что возобновятся вновь военныя дѣйствія противъ Россіи. Страхъ породилъ этотъ слухъ: Турція находилась въ бѣдственномъ положеніи и не только не желала, но боялась войны. Большая часть членовъ дивана считали поступокъ султана слишкомъ рѣшительнымъ и неблагоразумнымъ. Этотъ слухъ достигъ и до Бухареста. «Чтобы представить вашему величеству, писалъ адмиралъ Чичаговъ Государю, въ какомъ положеніи здѣсь находятся дѣла, я считаю полезнымъ отдать отчетъ о томъ, какъ я считалъ нужнымъ дѣйствовать, если бы неполное утвержденіе султаномъ мирнаго договора привело къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Слухъ объ этомъ продолжался нѣсколько дней, и я, съ своей стороны, принялъ всѣ мѣры, все было готово, и стоило только отдать приказъ. Я долженъ былъ переправиться черезъ Дунай съ 30 тыс. войскъ, снабженныхъ провіантомъ на 40 дней. Черноморскій флотъ долженъ былъ подойти къ берегамъ Турціи съ 5 или 6 тыс. войскъ, которыми я пополнилъ бы тѣ потери, которыя могъ имѣть во время похода. Я дрался бы со всякими войсками, какими бы ни встрѣтилъ на пути и которыя по всѣмъ вѣроятностямъ были бы незначительны. Молдавія и Валахія поставили бы тысячи ополченцевъ, которые вмѣстѣ съ остальными нашими войсками составили бы корпусъ въ 25 или 30 тысячъ человѣкъ и поддерживали бы безопасность и спокойствіе въ княжествахъ. Я надѣялся, что такимъ образомъ дѣйствій намъ удалось бы достигнуть болѣе выгодныхъ условій мира. Но если-бы не удалось, то я двинулся бы къ Константинополю. Но я опасался, чтобы это не былъ только прекрасный сонъ и что Турки не рѣшатся подвергнуться такой опасности. Ихъ имперія разсыпается на куски, и какая-то невидимая сила или, лучше сказать, та сила, которой не достаетъ ихъ сосѣдямъ, поддерживаетъ ея существованіе. Али-паша готовъ былъ на соглашеніе съ нами, Греки волновались почти повсюду противъ Вели-паши. Виддинскій паша нашъ другъ; я посылалъ къ нему нарочнаго съ подаркомъ, съ цѣлію подготовить его къ тому, чтобы онъ далъ намъ возможность спокойно переправиться черезъ Дунай и даже помочь намъ, войдя въ Сербію. Боснякъ-ага, начальствующій въ Рущукѣ, также въ хорошихъ съ нами отношеніяхъ; я дозволилъ ему производить торговлю въ этой мѣстности, что̀ доставитъ ему нѣкоторыя выгоды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвысить доходы нашихъ таможенъ. Болгары и другія племена по ту сторону Дуная только и желаютъ

того, чтобы сдѣлаться Русскими подданными. Некрасовцы за насъ. Въ Азіи я пріобрѣлъ себѣ друга въ лицѣ Чапанъ-Оглу, который далъ мнѣ честное слово не только не служить самому противъ насъ, но и не давать войскъ. Я вдоволь сдѣлалъ, говорилъ онъ мнѣ, я много потерялъ людей и въ тоже время разстроилъ свое состояніе; этого довольно на мою долю».

Конечно этому предположенію адмирала и суждено было остаться въ области сновъ, хотя быть можетъ и прекрасныхъ, но совершенно неисполнимыхъ, особенно въ это время. Турки вовсе не думали открывать наступательныхъ дѣйствій, а напротивъ опасались нападеній съ нашей стороны. Приготовленія адмирала, его сношенія съ Греками, Сербами и другими Славянскими племенами безъ сомнѣнія были извѣстны въ Константинополѣ и возбуждали опасенія.

Хотя верховный визирь почиталъ миръ настолько упроченнымъ, что выдалъ фирманы на проѣздъ въ Константинополь нашимъ агентамъ; но вслѣдъ за тѣмъ приходившія извѣстія о дѣятельности и замыслахъ новаго главнокомандующаго Дунайскою арміею постепенно ослабляли эту увѣренность. Поэтому какъ Италинскаго, такъ Булгакова и Грейга приняли въ Константинополѣ далеко недружелюбно. Булгаковъ въ первые дни по пріѣздѣ въ Константинополь не могъ ни къ кому изъ Турецкихъ сановниковъ получить доступа. Потомъ съ нимъ обошлись дружелюбнѣе, что̀ адмиралъ Чичаговъ приписывалъ вліянію Чапанъ-Оглу и другихъ плѣнниковъ, отпущенныхъ имъ на свободу. Но вѣроятнѣе эта перемѣна произошла подъ вліяніемъ на диванъ л. Каннинга и ген. Таваста, которые въ личныхъ отношеніяхъ оказывали всевозможныя услуги нашимъ агентамъ. Италинскій, пріѣхавъ въ Константинополь, на другой же день отправилъ переводчика извѣстить о своемъ пріѣздѣ министра иностранныхъ дѣлъ Оттоманской Порты, но рейсъ-эфенди его не принялъ. Не безъ затрудненій удалось Италинскому повидаться съ рейсъ-эфенди въ качествѣ частнаго человѣка и сообщить ему о видахъ нашего кабинета. Частнымъ же образомъ потомъ сообщилъ ему рейсъ-эфенди отзывъ султана, что о союзѣ и рѣчи быть не можетъ, пока не будетъ получено утвержденіе мирнаго договора Государемъ.

Такимъ образомъ отсрочивалась возможность осуществить предположенную къ Адріатическому прибрежью экспедицію не только съ содѣйствіемъ Порты, но и при молчаливомъ ея согласіи на переходъ нашихъ войскъ черезъ ея владѣнія. Но адмиралъ Чичаговъ понималъ очень хорошо, что если бы Турки даже и не воспрепятствовали этой экспедиціи, то все-таки она не могла привести къ благопріятнымъ послѣдствіямъ безъ содѣйствія Англійскаго флота. «Содѣйствіе намъ Англичанъ, писалъ онъ Государю, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій для успѣха нашего предпріятія; потому что,

проникнувъ въ Далмацію или какую бы то ни было страну Адріатическаго прибрежья, мы не получимъ отъ нихъ ни провіанта, ни другихъ вспомоществованій и поставимъ себя въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Если Англичане за насъ, то дай Богъ, чтобы Турки были противъ насъ». Слѣдовательно, мы должны были начать вновь военныя дѣйствія съ Турціей, что̀ по мнѣнію адмирала не только не могло помѣшать экспедиціи въ Адріатику, но даже помочь ей; потому что въ этомъ случаѣ онъ считалъ возможнымъ прямо возмутить противъ Турціи всѣ подвластныя ей христіанскія и Славянскія племена и дѣйствовать съ ними совокупно. Приписывая мнѣнія, выраженныя агентомъ Англійской политики, лично Каннингу, Чичаговъ въ каждомъ почти письмѣ къ Государю просилъ увѣдомить его о нашихъ переговорахъ съ Англіею, полагая, что Сентъ-Джемскій кабинетъ будетъ дѣйствовать иначе.

Въ то время какъ онъ писалъ приведенныя выше строки, онъ получилъ отъ Государя слѣдующее извѣстіе: «Спѣшу извѣстить васъ, что военныя дѣйствія уже начались. Французы напали на насъ со стороны Ковны. Теперь у васъ развязаны руки, вы можете начать вашу экспедицію; но во всякомъ случаѣ не иначе, какъ согласившись напередъ съ Портою. Медленность, съ какою я получаю отъ васъ извѣстія и неизвѣстность о ратификаціи султаномъ мирнаго договора, меня нѣсколько смущаютъ. Послѣ того что̀ я уже писалъ вамъ, необходимо поддерживать мирныя отношенія къ Австріи, чтобы не сдѣлать изъ нея болѣе опаснаго врага, нежели какова она теперь, рѣшившись, какъ кажется, дѣйствовать противъ насъ только 30 тысячнымъ вспомогательнымъ корпусомъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ вы можете быть совершенно безопасны со стороны Венгріи и Трансильваніи. Остается только сообразить, когда вы двинетесь въ Далмацію. Не полезнѣе-ли будетъ, войска, которыя вы оставите противъ Буковины, передвинуть къ Могилеву (на Днѣстрѣ), чтобы поддержать лѣвое крыло генерала Тормасова, или къ Хотину и Каменцу, если онъ въ состояніи будетъ удержаться въ положеніи ближе къ нашимъ границамъ. Предоставляю это рѣшить вамъ самимъ; но для того, чтобы начать дѣйствія, надо быть болѣе увѣреннымъ въ окончательныхъ рѣшеніяхъ Турокъ, нежели я увѣренъ въ настоящее время. Я опасаюсь, чтобы пріѣздъ Андреосси не помѣшалъ нашимъ заботамъ о скорѣйшемъ утвержденіи мирнаго договора. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ извѣстій и самъ буду сообщать обо всемъ, что̀ будетъ здѣсь происходить».

Это письмо полагало конецъ нетерпѣнію адмирала. Государь уполномочивалъ его приступить къ военнымъ дѣйствіямъ; но онъ считалъ ихъ возможными не иначе, какъ въ соглашеніи съ Оттоманскою Портою и не затрогивая Австріи.

ЗАПИСКИ ЮСТА ЮЛЯ *).

(Съ Датскаго неизданнаго подлинника).

3-го Декабря (*1709*). Въ 10 ч. утра я прибылъ въ Копорье. Царь пріѣхалъ туда за нѣсколько часовъ до меня. Въ Копорьѣ шла попойка и гремѣла пальба безъ конца. У дороги, по которой я слѣдовалъ, стояли большіе высокіе крашеные столбы, указывающіе версты. Отъ Копорья ѣхалъ я весь день и всю ночь по хорошей санной дорогѣ; но за недостаткомъ въ лошадяхъ приходилось продолжать путь не мѣняя ихъ.

4-го Декабря. Въ 9 ч. утра. верстахъ въ 2-хъ отъ Петербурга на рѣкѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно проѣхали Царь и его свита, мои сани вмѣстѣ съ лошадьми провалились сквозь ледъ. Сани на подобіе коляски имѣли кожаный верхъ; ради холода онѣ были закрыты и застегнуты со всѣхъ сторонъ; отстегнуть ихъ я не былъ въ состояніи; съ другой стороны второпяхъ я не могъ отыскать ножа, чтобы прорѣзать себѣ выходъ. Русскій капралъ, стоявшій у меня на запяткахъ, схватилъ болтавшуюся на саняхъ веревку, притянулъ ихъ къ себѣ, отстегнулъ,—и я благополучно выбрался наружу. Едва успѣлъ я выйти, какъ сани, плававшія съ лошадьми въ водѣ, погрузились такъ глубоко, что надъ поверхностью отъ нихъ остался только самый верхъ шириною въ ладонь, послѣ чего они опрокинулись. Нѣтъ сомнѣнія, что маленькій окованный желѣзомъ сундукъ, заключавшій мои письма, документы и всѣ бывшія со мною деньги, пропалъ бы безвозвратно, если бы я, по счастью, не велѣлъ привязать его на днѣ саней подъ моимъ изголовьемъ. Сдѣлалъ же я это изъ предосторожности: ибо въ Нарвѣ, поджидая Царя, прочелъ въ описаніи Московскаго путешествія Олеарія, что одинъ камердинеръ посольства, повозка котораго опрокинулась, былъ ушибленъ до смерти такого рода сундукомъ. Какъ только мои сани были вытащены, я сѣлъ въ сани генерала Венедигера (Venediger), въ которыхъ и доѣхалъ до Петербурга.

---

*) См. «Русскій Архивъ» сего года, кн. 1-я, вып. 3-й, стр. 273.

Тотчасъ по прiѣздѣ я долженъ былъ явиться къ Царю на обѣдъ, происходившiй у генералъ-адмирала Апраксина. За этимъ обѣдомъ всѣ, даже самъ Царь, ѣли деревянными ложками. Не смотря на шестинедѣльный постъ, за столомъ подавали какъ рыбныя, такъ и мясныя блюда. Обѣдавшiя лица, до капитановъ включительно, сидѣли за однимъ столомъ съ Царемъ. Столъ былъ длинный, какъ у насъ въ застольныхъ.—Квартиру мнѣ отвели у вице-адмирала царскаго флота Норвежскаго уроженца Корнелiуса Крейца, красиваго, умнаго и свѣдущаго человѣка. Онъ носилъ на себѣ портретъ Царя, украшенный алмазами и съ короною изъ алмазовъ же. Портретъ этотъ былъ значительной цѣнности.—За обѣдомъ у Апраксина приходилось пить много, и никакiя отговорки не помогали; каждая чаша сопровождалась выстрѣлами. Послѣ многократныхъ чашъ, какъ только мы встали изъ за стола, Царь провозгласилъ здоровье моего всемилостивѣйшаго государя. При этой чашѣ тоже палили. Ко мнѣ безпрестанно подходили шуты, и по милости ихъ крика, я не могъ сосчитать, сколько сдѣлано было выстрѣловъ. Къ шутамъ, что̀ находились съ царемъ въ Нарвѣ, прибавилось еще нѣсколько.—Обѣдъ у Апраксина былъ устроенъ по случаю дня рожденiя князя Меньшикова.—Послѣ обѣда я попросился у Царя домой, чтобы просушить мои бумаги, намокшiя въ рѣкѣ, но разрѣшенiя отъ него не получилъ, хотя и представлялъ, что въ числѣ документовъ находится моя вѣрительная грамота и проч. Царь возражалъ, что о моемъ назначенiи посланникомъ къ его двору король писалъ къ нему непосредственно, и онъ приметъ меня и безъ вѣрительной грамоты. Послѣ этого, нѣсколько (человѣкъ) получило приказанiе слѣдить за мною, чтобъ я какъ нибудь не выбрался тайкомъ.

Шла попойка, шуты орали и отпускали много грубыхъ шутокъ, какихъ въ другихъ странахъ не пришлось бы услыхать не только въ присутствiи самодержавнаго государя, но даже на простонародныхъ собранiяхъ. Мнѣ таки удалось выбраться вонъ. Когда, до̀ма, я открылъ сундукъ съ бумагами, оказалось, что онѣ смерзлись въ одинъ комъ. Я поскорѣе развернулъ ихъ, разложилъ въ теплой комнатѣ и, взявъ съ собою ключъ, поспѣшилъ обратно къ Царю. Но тутъ въ скоромъ времени загорѣлась лабораторiя напротивъ дома вице-адмирала Крейца; въ лабораторiи работали надъ фейерверкомъ, который предполагалось сжечь въ тотъ вечеръ. Бумаги мои, чуть не погибшiя утромъ въ водѣ, теперь подвергались другой опасности. Нѣтъ сомнѣнiя, что продлись пожаръ еще нѣсколько минутъ, лабораторiю взорвало бы на воздухъ, и деревянный домъ, въ которомъ мнѣ отвели помѣщенiе, непремѣнно сгорѣлъ бы. Когда среди общей суеты я собиралъ и затѣмъ снова развѣшивалъ свои бумаги, у меня ихъ пропало нѣсколько. По

миновавіи опасности, уцѣлѣвшіе документы я повѣсилъ для просушки на веревку, а затѣмъ опять долженъ былъ явиться къ Царю и оставаться при немъ до утра. Цѣлую ночь проѣздили мы взадъ и впередъ, были въ одиннадцати мѣстахъ и всюду ѣли и пили въ десять разъ больше нежели слѣдовало. Вечеромъ, въ честь князя Меньшикова, сожженъ былъ прекрасный фейерверкъ. Кутежъ, попойка и пьянство длились до 4 ч. утра. Всюду, гдѣ проходили или проѣзжали, на льду рѣки и по улицамъ, лежали пьяные. Вывалившись изъ саней, они отсыпались въ снѣгу, и все напоминало поле сраженія, усѣянное тѣлами убитыхъ.

5-го Декабря. Ничего особеннаго не произошло; всѣ сидѣли у себя дома и ни отъ кого нельзя было добиться, гдѣ находится Царь. Русскіе приказные или дѣйствительно этого не знали или притворялись, будто не знаютъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ вышеописаннаго кутежа, въ теченіи двухъ дней нельзя было разыскать Царя и говорить съ нимъ. Въ этомъ отношеніи Царь весьма неровенъ: въ иное время съ нимъ можно бесѣдовать всюду, гдѣ бы его ни встрѣтилъ, даже на улицѣ, и со всѣми онъ обходителенъ, какъ съ товарищами; въ другое же время, когда онъ хочетъ быть одинъ, нельзя даже дознаться, гдѣ его найти, и тогда доступъ къ нему такъ же затруднителенъ, какъ въ былыя времена доступъ къ Персидскому царю Артарксерксу.

8-го Декабря. Вице-адмиралъ-Крейцъ построилъ въ Петербургѣ Лютеранскую церковь изъ однихъ бревенъ, какъ строются дома въ Норвегіи и почти во всей Россіи. Церковь имѣетъ форму креста. Въ ней служитъ по-голандски священникъ Толь (mag. Tollen). Я и вице-адмиралъ Крейцъ были на богослуженіи; однако среди службы насъ обоихъ вызвали и пригласили идти обѣдать, въ обществѣ Царя, къ адмиралтейскому совѣтнику Кикину. За этимъ обѣдомъ, не смотря на постъ, ничего другаго не подавали кромѣ мяса. Тутъ Царь роздалъ, въ томъ числѣ и мнѣ, печатный планъ сраженія подъ Полтавою. Между нимъ и мною зашелъ разговоръ о королѣ Прусскомъ. Царь разсказалъ мнѣ, что когда, во время путешествія его за границею, онъ собирался идти моремъ изъ Пиллау въ Кольбергъ, то Бранденбуржцы старались увѣрить его, будто по Балтійскому морю во множествѣ ходятъ Турки и корсары, и что этимъ Бранденбуржцы хотѣли напугать его и отклонить отъ путешествія, которое, ознакомивъ его съ состояніемъ другихъ краевъ, могло открыть ему глаза и способствовать устройству собственнаго его государства по образцу прочихъ странъ Европы.

9-го Декабря. На разсвѣтѣ въ дому у Царя случился пожаръ, впрочемъ вскорѣ потушенный.—Наконецъ-то, послѣ долгой проволочки

я имѣлъ тайную бесѣду съ Царемъ и, какъ устно, такъ и письменно, извѣстилъ его о томъ, что̀ король приказалъ мнѣ ему сообщить.

Я не разъ хотѣлъ поѣхать осмотрѣть царскій флотъ, но всегда встрѣчались помѣхи, которыя впрочемъ я считалъ лишь пустыми отговорками, вызванными опасеніемъ, какъ бы я не сообщилъ въ Данію о дурномъ состояніи этого флота.

10-го Декабря. Царь собственною высокою особою явился ко мнѣ, дабы прежде другихъ лично передать мнѣ полученное имъ извѣстіе о высадкѣ моего государя съ арміею въ Сканіи. Самъ я не имѣлъ еще объ этомъ свѣдѣній изъ Даніи. Какъ мнѣ говорили, при полученіи добрыхъ и радостныхъ вѣстей, Царь всегда спѣшитъ первый передать ихъ заинтересованному лицу, и находитъ въ этомъ удовольствіе.

11-го Декабря. Память Святаго Андрея и праздникъ царскаго ордена. Царь, въ качествѣ шаутбенахта, давалъ обѣдъ на Петербургскомъ кружечномъ дворѣ и самъ обносилъ гостямъ вино и другіе напитки. Снова открылась пальба и началось пьянство. Вечеромъ сожженъ былъ прекрасный фейерверкъ. Царь роздалъ намъ (мнѣ и большей части офицеровъ) мечи, взятые имъ у Шведскихъ офицеровъ въ битвѣ подъ Полтавою. Ночь мы провели въ разъѣздахъ изъ одного дома въ другой, ѣли и пили; многочисленные шуты, сидя рядомъ съ Царемъ, кричали, свистѣли, курили и пѣли. Патріархъ Зотовъ былъ такъ пьянъ, что всюду спалъ за столомъ, и въ присутствіи Царя, державшаго ему свѣчу (sit honor lectori), мочился прямо подъ столъ. Женщины со всего города неотлучно тутъ.

Въ виду затрудненій, съ какими порою сопряженъ доступъ къ Царю, я воспользовался нынѣшнимъ обѣдомъ, за которымъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ, чтобы, согласно приказанію моего короля, переговорить съ его величествомъ о разныхъ вещахъ. Казалось, слова мои Царь слушалъ весьма благосклонно и охотно. Однако извѣстное лицо, стоявшее за нами, услышало, какъ онъ сказалъ по-русски ген.-адмиралу, что въ настоящее время ему очень не хочется говорить со мною о дѣлахъ. Означенное лице передало мнѣ эти слова. Но такъ какъ порученіе моего короля требовало, чтобы я не упускалъ времени, то я продолжалъ разговоръ, и Царь снова сталъ слушать меня съ прежнею сосредоточенностью и вниманіемъ. Зная положительно, что въ данную минуту ему непріятны мои рѣчи, я крайне изумлялся, до какой степени онъ умѣетъ владѣть своимъ лицемъ, на которомъ не проявлялось ни малѣйшей тѣни неудовольствія или скуки.

12-го Декабря. Царь обѣдалъ у себя дома. Любопытно, что поваръ его бѣгалъ по городу изъ дома въ домъ, занимая для хозяйства

гдѣ блюда, гдѣ скатерти, гдѣ тарелки, гдѣ съѣстныхъ припасовъ, ибо съ собою Царь ничего не привезъ.

14-го Декабря. Какъ мнѣ говорили, Царь собирается въ скоромъ времени въ Москву, и чтобы прибыть туда вмѣстѣ съ нимъ, я хотѣлъ выѣхать прежде него, въ виду чего потребовалъ себѣ подводъ.

Въ этотъ мой пріѣздъ въ Петербургъ я видѣлъ только адмиралтейскую верфь и собраніе моделей, которыя Царь самъ повелъ меня смотрѣть. Всѣ зданія адмиралтейской верфи, склады, домá и другія сооруженія построены изъ дерева. Верфь занимаетъ четвероугольную площадь, ограниченную съ одной стороны Невою, а съ трехъ прочихъ низенькимъ валомъ въ видѣ плотины, вдоль котораго снаружи тянется сухой ровъ небольшихъ размѣровъ.

15-го Декабря. Послѣ полудня я отправился на адмиралтейскую верфь, чтобы присутствовать при поднятіи штевней на 50-ти пушечномъ кораблѣ. Но въ этотъ день былъ поднятъ одинъ форштевень, такъ какъ козлы оказались слишкомъ слабы для подъема ахтерштевня [1]). Царь, какъ главный корабельный мастеръ (должность, за которую онъ получаетъ жалованіе), распоряжался всѣмъ, участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ работахъ и, гдѣ нужно было, рубилъ топоромъ, коимъ владѣетъ искуснѣе, нежели всѣ прочіе присутствовавшіе тамъ плотники. Бывшіе на верфи офицеры и другія лица пили и, гдѣ нужно кричали. Бояръ-шутовъ собралось здѣсь множество. Достойно замѣчанія, что, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для поднятія (фор)-штевня, Царь снялъ предъ находившимся тутъ генералъ-адмираломъ шапку, спросилъ его, начинать ли и, по полученіи утвердительнаго отвѣта, снова надѣлъ ее, а затѣмъ принялся за свою работу. Такую покорность и послушаніе Царь выказываетъ не только адмиралу, но и всѣмъ старшимъ по званію лицамъ, ибо самъ онъ покамѣстъ числится только шаутбенахтомъ. Разумѣется, это можетъ показаться смѣшнымъ, но по моему мнѣнію въ основаніи такого образа дѣйствій лежитъ здравое начало: Царь собственнымъ примѣромъ хочетъ показать прочимъ служащимъ, какъ они должны быть покорны и послушливы по отношенію къ своему начальству.—Съ верфи Царь пошелъ на вечеръ къ одному изъ своихъ корабельныхъ плотниковъ.

Подъ рукою я получилъ отъ вице-адмирала Крейца нижеслѣдующую роспись судовъ, вооруженія и команды [2]).

---

[1]) Въ дневникѣ—«форштевня», очевидная описка.

[2]) Роспись писана по-голландски.

Фрегаты.	*Пушки.*	*Команда.*
1. d'Dommekragt (Домкратъ).....	32	300
2. d'Oliphant (Слонъ).........................	30	250
3. Iwangorod (Ивангородъ)	26	120
4. t'nieuwe comschep (Новый портовой корабль)..	20	180
5. Narwa (Нарва).............................	26	120
6. d'Aartsengel Michiel (Архангелъ Михаилъ)	26	120
7. Dorpt (Юрьевъ)...........................	26	120
8. d'Faam (Слава)	26	120
9. d' Triumph (Тріумфъ)	26	120
10. d'Standaart (Штандартъ).....................	26	120
11. Sleuteulburg (Шлиссельбургъ)................	26	120
12. Croonslot (Кроншлотъ)..................... ..	26	120
13. S-t Petersburg (С.-Петербургъ)...............	26	120
Шнявы (Sshnauwe)		
14. Lisette (Лизета).............................	18	90
15. Mon Keur (sic) (Mon Coeur)	14	60
16. Phenix (Фениксъ)...........................	14	60
17. d'Loxx (Рысь)	14	60
18. d'Haas (Заяцъ)............................	14	60
19. d'Valk (Соколъ)....................	14	60
20. St. Iakim (Св. Іоакимъ)	14	60
21. Astaschof (Асташовъ)........................	12	50
22. Praam Arche des Verbonds (габара Скинія Завѣта	16	100
23. Praam Arche Noe (габара Ноевъ Ковчегъ)	16	100
Брандеры (Braanders).		
24. Oetna (Этна)	4	30
25. t'Vuur [Огонь)...	4	30
26. d'Vlaam (Пламя)............................	4	30
27. d'Krokodijl (Крокодилъ)	4	30
28. d'Beewer (Боберъ)...........................	2	20
29. d'Eegel (Ежъ)..............................	2	20
30. Bombschep wijndrager (Бомбовое судно Виноносецъ).............................	2	30
31. d-to Bierdrager (тоже Пивоносецъ)...........	—	30
Провіантскіе транспорты.		
32. d'Welkomst (Привѣтъ)	—	20
33. d'Patriarch (Патріархъ)	—	20
34. d'Soutdrager (транспортъ для соли).............	—	20
35. d'Welkomst (Привѣтъ)......................	—	20
36. Lastdrager (транспортъ для тяжестей).........	—	20
37. St. Oela (Св. Ольга? Св. Олафъ?).....	—	20
38. de Onega (Онега).................	—	20
Авиво (adwijs fahrtoye)		
39. t'Loots Galliot (лоцманскій галіотъ)...........	—	10
40. d'Courier (Гонецъ).........................	—	10

41. d'Anna (Анна).............................	—	10
42. Alexander (Александръ)........................	—	10
Еще 7 провіантскихъ транспортовъ ходящихъ по Ладогѣ	—	140

Итого...... пушекъ 508, команды 3170 челов.

Суда.	*Пушки.*	*Команда.*
6 галеръ, въ 54—56 веселъ каждая, съ 5-ю пушками и съ 400 человѣкъ команды....................	30	2400
20 новопостроенныхъ бригантинъ, каждая съ 4-мя пушками и съ 50-ю человѣкъ команды	80	1000
40 Итальянскихъ бригантинъ, каждая съ 1-й пушкою и 40 человѣкъ команды.......................	40	1600
Всего....	658 пуш.	8170 челов.

Въ то время начальствующими лицами царскаго флота были: ген.-адмиралъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, вице-адмиралъ Корнеліусъ Крейцъ, шаутбенахтъ графъ Jean de Boussi, родомъ Итальянецъ, командующій гаялеми, 10 капитановъ и нѣсколько младшихъ офицеровъ. Апраксинъ въ сущности лишь показной адмиралъ и въ морскомъ дѣлѣ ничего не понимаетъ. Опредѣленъ онъ на эту должность по той причинѣ, что вообще надъ арміею, надъ флотомъ, въ пограничныя крѣпости и т. п. Царь никогда не назначаетъ начальникомъ иностранца, а всегда природнаго Русскаго, хотя бы онъ ничего въ дѣлѣ не смыслилъ. Чтобы заправлять дѣломъ и пускать его въ ходъ, Царь сажаетъ подъ Русскимъ иностранца, а Русскій пожинаетъ лавры.

16-го Декабря. Послѣ поѣздки на вышепомянутомъ 50-ти пушечномъ кораблѣ въ присутствіи Царя былъ поднятъ и ахтерштевень, чего раньше сдѣлать не могли вслѣдствіе слабости козловъ. Какъ и въ прошлый разъ, всѣмъ распоряжался Царь, выказывая ген.-адмиралу прежнее почтеніе. На кораблѣ поднятъ былъ также шпангутъ, потомъ флагъ и гюйсъ. Гюйсъ былъ красный, съ голубымъ изъ угла въ уголъ Андреевскимъ крестомъ, обведеннымъ по краямъ бѣлою полоскою. На кораблѣ выпалили изъ орудій, и произошла добрая выпивка, каковою начинаются и кончаются всѣ Русскія торжества. Затѣмъ Царь, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ, поѣхалъ за 5 верстъ отъ Петербурга къ мѣсту бывшаго Ніеншанца, отъ котораго еще уцѣлѣла часть вала. Туда привезли два пороховыхъ ящика, изобрѣтенныхъ вице-адмираломъ Крейцомъ. Обвитые веревкою, ящики напоминали устройствомъ тѣ, что̀ на языкѣ фейерверковъ называются «mordslag». Каждый заключалъ по 1000 фунтовъ пороха. Такими ящиками предполагалось сбивать валы и стѣны крѣпостей и взрывать на воздухъ непріятельскія суда. Къ крѣпостной стѣнѣ ящикъ долженъ быть при-

ставленъ вплотную, а къ непріятельскому судну подведенъ въ брандерѣ и зажженъ у корабельнаго борта. Когда подожгли ящики, приставивъ ихъ къ остаткамъ стараго вала Shanter Nie, то они пробили валъ на половину его толщи. Взрывъ былъ такъ силенъ, что въ самомъ Петербургѣ, за 5 верстъ отъ мѣста произведенія опыта, задрожали окна; подъ нами же, какъ отъ землетрясенія, заколебалась земля, а на Невѣ потрескался ледъ, такъ что, когда мы возвращались, онъ во многихъ мѣстахъ не могъ насъ держать, между тѣмъ какъ изъ Петербурга мы ѣхали въ полной безопасности.—Изъ Ніеншанца отправились прямо въ царскій домъ. Пробывъ тамъ часа два, я откланялся и въ тотъ же вечеръ пустился въ путь въ Новгородъ, гдѣ долженъ былъ найти моихъ людей и вещи и, прослѣдовавъ ночью чрезъ Дудергофъ въ 30 верстахъ Петербурга, я продолжалъ ѣхать до утра. Ночью началась оттепель.

17-го Декабря въ 10 часовъ утра прибылъ я въ Wother, въ 60-ти верстахъ отъ Петербурга. Всѣ домà, попадавшіеся мнѣ на пути, построены изъ бревенъ, какъ въ Норвегіи; вмѣсто оконъ въ нихъ пробиты небольшія четвероугольныя отверстія, снабженныя наружными ставнями. У крестьянъ не видно свѣчей, ихъ замѣняютъ сухія еловыя щепки, локтя въ два длиною, называемыя лучинами. Въ крестьянскихъ избахъ всегда тепло, и дѣти мѣсяцевъ шести и старше ползаютъ въ нихъ по полу почти голыя. Когда я входилъ въ избу, въ печи разводили жаркій огонь; но за отсутствіемъ въ этомъ краѣ дымовыхъ трубъ, комната тотчасъ наполнялась дымомъ, и если я хотѣлъ предохранить отъ него глаза и горло, то долженъ былъ, по примѣру мужиковъ, распластываться на полу на животѣ. Остановки мои длились по долгу, такъ какъ всякій разъ приходилось кормить лошадей: отъ Петербурга до Новгорода я ихъ не мѣнялъ. Ко мнѣ въ качествѣ стражи приставлены были капралъ и пять солдатъ, всѣ Русскіе родомъ.

Вечеромъ прибылъ я въ Bolscko, 80 верстъ отъ Петербурга. Ингерманландія, чрезъ которую я теперь ѣхалъ, вслѣдствіе войны повергнута въ крайнюю бѣдность и испытываетъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Бѣдняки сушатъ въ печи отруби, которые въ Даніи даются лошадямъ; потомъ мелко истолокши, мелютъ ихъ на ручной мельницѣ и получаемую такимъ путемъ муку завариваютъ въ горячей водѣ. На остановкахъ везшіе меня мужики ложились на печь попотѣть, затѣмъ снова шли на холодъ; солдаты же ходили кругомъ двора и караулили домъ. Изъ Bolscko, сдѣлавъ 37 верстъ, я пріѣхалъ въ Swerin, монастырь, въ 70 верстахъ отъ Новгорода. Сильно таяло, дорога была тяжела, а лошади плохи. Въ Даніи, для того чтобъ лошади стояли смирно, возницы свистятъ; въ Россіи, наоборотъ, лошади пріучены такъ, что при свистѣ мчатся во весь опоръ.

18-го Декабря. Выѣхалъ я изъ Swerin'а въ 9 час. утра. Продолжало таять, шелъ сильный дождь, сани мои волочились по голой землѣ. Къ 4-мъ ч. пополудни, сдѣлавъ 30 верстъ, я прибылъ въ Pol-Anna, въ 45-ти верстахъ отъ Новгорода. Ночью пріѣхалъ въ монастырь Wjaschiska *), въ 35-ти верстахъ отъ Pol-Anna и въ десяти отъ Новгорода.

19-го. Въ Новгородѣ я сначала остановился у своего знакомаго, подполковника Манштейна, но потомъ мнѣ отвели квартиру въ домѣ купца Михаила Ивановича Zarticho. Калмыкъ по происхожденію, купецъ этотъ былъ нѣкогда проданъ одному купцу, а по смерти сего послѣдняго женился на его дочери и такимъ образомъ сталъ собственникомъ всего его имущества. Какъ только я пришелъ къ нему, онъ поднесъ мнѣ огромный каравай ржанаго хлѣба, тарелку варенья, жбанъ меду и жбанъ пива. Хотя на новой квартирѣ мнѣ было очень тѣсно, за то въ ней было тепло и сухо. Царь, привѣтствуемый пальбою изъ орудій, пріѣхалъ въ Новгородъ въ 9 ч. веч., пробылъ тамъ всего нѣсколько часовъ и отправился далѣе на Москву. Любопытно, что, путешествуя по Россіи, Царь, въ виду малочисленности своей свиты, ѣздитъ не въ качествѣ царя, а въ качествѣ генералъ-лейтенанта, и на этотъ конецъ беретъ у князя Меньшикова особую подорожную. Такъ какъ по всей Россіи приказанія князя исполняются наравнѣ съ царскими, то Царь съ этой подорожной ѣдетъ день и ночь безъ малѣйшей задержки. Дорогою изъ Петербурга въ Новгородъ я сдѣлалъ наблюденіе, что домà по всей Ингерманландіи весьма грязны, плохи и построены въ одинъ ярусъ; за Русскою границею они становятся чище, красивѣе и выростаютъ въ два яруса, изъ которыхъ верхній служитъ для жилыхъ помѣщеній, а нижній для кладовыхъ и погребовъ.

20-го Декабря. Прождалъ въ Новгородѣ моихъ людей и вещей, которые должны были прибыть изъ Нарвы. Ѣздилъ по городу верхомъ и осматривалъ его. Состоитъ онъ изъ множества маленькихъ, плохо построенныхъ и безпорядочно разбросанныхъ деревянныхъ домовъ, подобныхъ крестьянскимъ домамъ въ Норвегіи. Такіе дома продаются за два, за три, самое большое за четыре рубля каждый. Въ городѣ множество церквей и монастырей. Лучшимъ украшеніемъ церквей служатъ ихъ высокіе купола, весьма похожіе на тѣ, чтò въ архитектурѣ зовутся «des dômes». Они окружены многими маленькими вышками. Колокольни стоятъ по близости отъ церквей; на самихъ же церквахъ Русскіе никогда колоколовъ не вѣшаютъ. Недавно въ Новгородѣ былъ большой пожаръ, при чемъ сгорѣло и попорчено огнемъ немало церквей. Купола выведены дранью и покрыты свинцомъ. Иные позолочены,

---

*) Никола чтó на Вяжцахъ.

иные украшены изящною старинною живописью. Внутри города есть крѣпость со стѣнами и башнями въ родѣ Ивангородскихъ. Кругомъ города также имѣется стѣна, но она завалилась, и чрезъ нее почти всюду можно переѣхать въ повозкѣ. Улицы мощены бревнами вмѣсто камня.—21 Декабря въ 6 ч. утра, послѣ затруднительнаго и небезопаснаго путешествія, мои люди и вещи благополучно прибыли въ Новгородъ. По дорогѣ ледъ болѣе не держалъ, болота оттаяли, и людямъ моимъ часто приходилось самимъ перетаскивать черезъ ледъ сани, напередъ переведши въ поводу лошадей. Во всемъ виноватъ былъ Нарвскій комендантъ: пока держался хорошій санный путь, онъ моихъ людей не отпускалъ, а доставилъ имъ лошадей лишь чрезъ 8 дней послѣ назначеннаго срока, когда уже начало таять. И вотъ имъ пришлось ѣхать 182 версты, не мѣняя лошадей, по безпутицѣ (ибо наступила сильная, необычная въ это время года, оттепель). Какъ убѣдилъ меня дальнѣйшій опытъ, всѣ Русскіе поступаютъ такъ, какъ поступилъ Нарвскій комендантъ. Если имъ велѣно сдѣлать что-нибудь для того или другаго лица, они не исполняютъ приказанія, пока ихъ не вынудятъ къ тому угрозами или не купятъ свое право за деньги. Весьма невѣжливый по отношенію ко мнѣ во все время моего пребыванія въ Нарвѣ, комендантъ Зотовъ послѣ моего отъѣзда кончилъ невѣжливостью и относительно моихъ людей. Когда я высадился въ Нарвѣ, мнѣ на нѣсколько дней одолжили изъ царской кладовой нѣкоторыя хозяйственныя принадлежности, коими я пользовался до полученія съ судна собственныхъ вещей, послѣ чего приказалъ отдать ихъ полностью царскому дворецкому. Съ тѣхъ поръ прошло десять недѣль; въ теченіи этого времени вышеупомянутая утварь оставалась безъ употребленія. Когда же люди мои собрались уѣзжать, комендантъ выдумалъ, что недостаетъ одного мѣднаго подсвѣчника, и что мы будто бы его не возвратили. Хотя то была ложь, тѣмъ не менѣе люди мои предложили заплатить за подсвѣчникъ; стòитъ онъ самое большее двѣ Датскихъ марки. Но комендантъ не хотѣлъ денегъ, а требовалъ непремѣнно самого подсвѣчника и угрожалъ, что иначе не отпуститъ моихъ людей и вещи. Понявъ, однако, всю несостоятельность подобной придирки, онъ измыслилъ новую и объявилъ моимъ людямъ, что намѣренъ задержать ихъ за то, что я безъ позволенія принялъ къ себѣ въ услуженіе одного Нарвскаго жителя, а именно Христіана Эйзентраута. (Взялъ я его въ качествѣ дворецкаго и толмача, такъ какъ онъ зналъ по-русски). Но коменданту было хорошо извѣстно, что человѣка этого я принялъ на службу съ разрѣшенія самаго Царя; а потому, видя, что и этотъ мнимый поводъ не годится, онъ придумалъ слѣдующее. Когда людямъ моимъ была доставлена лишь половина

того числа лошадей, которое нужно было для дороги, онъ приказалъ имъ немедленно пуститься въ дорогу, грозя, что въ противномъ случаѣ велитъ увести лошадей. Однако люди мои не обращали вниманія на его выдумки и сварливость и до тѣхъ поръ продолжали съ нимъ спорить, препираться и настаивать на своихъ законныхъ требованіяхъ, пока наконецъ получили достаточное число лошадей.

Осмотрѣлъ въ Новгородѣ церковь Богородицы. Это весьма роскошный храмъ, сплошь украшенный живописью и позолотою, съ большими люстрами внутри. Вошелъ я во время вечерняго богослуженія, и тамошній протопопъ хотѣлъ было выгнать меня вонъ вмѣстѣ съ моею свитою, но мой толмачъ поговорилъ съ нимъ такъ крупно, что тотъ струсилъ и успокоился. Вообще, когда имѣешь дѣло съ Русскими, надо говорить съ ними грубо и круто, тогда они уступаютъ; если же обращаться съ ними ласково, то ничего отъ нихъ не добьешься.

23-го Декабря. Такъ какъ надо было чинить сани подъ моими людьми и вещами, то я рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы побывать у Новгородскаго митрополита. Я послалъ ему сказать чрезъ пристава, назначеннаго ко мнѣ въ Нарвѣ и до сихъ поръ при мнѣ состоявшаго, что собираюсь посѣтить его на его подворьѣ. Онъ отвѣчалъ, что будетъ мнѣ радъ, и я поѣхалъ къ нему. Жилъ онъ на большомъ красивомъ кирпичномъ подворьѣ, въ комнатахъ, выведенныхъ сводомъ и темныхъ какъ тюрьма. Какъ у наружныхъ дверей, такъ и въ переходахъ меня встрѣчало множество монаховъ, находящихся у него въ услуженіи. Къ нему самому меня допустили не тотчасъ: онъ долженъ былъ сначала надѣть свой пышный епископскій сакосъ. Когда я наконецъ вошелъ, то засталъ его въ полномъ облаченіи; подлѣ него стоялъ епископскій посохъ; въ рукѣ онъ держалъ четки въ родѣ католическихъ; на толстой серебряной, позолоченой цѣпи, надѣтой вокругъ шеи, спускаясь довольно низко на грудь, висѣлъ образъ въ серебряной оправѣ за стекломъ. Благословивъ меня, архіерей сказалъ, что Богъ наградитъ меня за то, что я былъ такъ добръ и навѣстилъ его. Такъ какъ онъ никакого языка кромѣ Русскаго не понималъ, то я спросилъ, не имѣется ли у нихъ кого-нибудь, кто бы говорилъ полатыни. Тогда ко мнѣ привели монаха, соборнаго священника, объясняющагося по-латыни весьма плохо, однако понимающаго все, что̀ ему на этомъ языкѣ говорятъ, и вдобавокъ знающаго немного по-нѣмецки, по-гречески и по-еврейски. Я попросилъ архіерея благоволить назначить мнѣ проводника и велѣть показать церкви и ихъ украшенія, а также распорядиться, чтобы кто-нибудь сопровождалъ меня въ знаменитый монастырь Св. Антонія, расположенный подъ самымъ Новгородомъ. Архіерей тутъ же велѣлъ упомянутому монаху идти со

мною и показать мнѣ все, чтó я пожелаю. Простившись тотчасъ же съ архіереемъ, я взялъ съ собою монаха и ушелъ. Архіерея звали Іовомъ. Это былъ высокій старикъ съ сѣдою бородою и расплющеннымъ носомъ, изъ котораго у него сильно текло. Монахъ повелъ меня въ соборъ. У этого храма наружныя двери мѣдныя. Сверху онѣ уставлены литыми мѣдными же фигурами. Самый храмъ какъ снаружи, такъ и внутри, поражаетъ роскошью; украшенъ онъ живописью и позолотою. Внутри виситъ семь большихъ серебряныхъ позолоченныхъ лампадъ выбивной чеканной работы. Въ окружности всякая изъ нихъ равняется верхней части Датской мѣры *). Мнѣ показали тѣло Святаго Никиты, умершаго, какъ говорятъ, 450 лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ сохраняющагося нетлѣннымъ. По имени этого святаго и церковь называется Никитскою. Показали мнѣ и другаго угодника, Св. Ивана, тоже лежащаго въ великолѣпной ракѣ. Иванъ этотъ былъ нѣкогда архіереемъ въ Новгородѣ. Какъ увѣряютъ, мощи его уже 600 л. сохраняются нетлѣнными. Лице его закрыто чернымъ вышитымъ платкомъ.

Оттуда я отправился въ монастырь Св. Антонія. Послѣ раздѣленія церквей угодникъ этотъ въ двое сутокъ приплылъ черезъ моря изъ Римъ въ Новгородъ на камнѣ въ родѣ мельничнаго жернова. Когда я пріѣхалъ въ монастырь, монахъ доложилъ обо мнѣ мѣстному настоятелю-епископу, и послѣдній тотчасъ же вышелъ ко мнѣ навстрѣчу. На немъ былъ клобукъ съ длиннымъ покровомъ и епископскія украшенія; въ рукѣ онъ держалъ посохъ. Настоятель, благословивъ меня, повелъ въ церковь. Прежде всего онъ показалъ мнѣ камень, на которомъ, какъ увѣряютъ, Св. Антоній приплылъ сюда изъ Рима; камень этотъ круглый, полутора локтя въ поперечникѣ, съ одной стороны плоскій какъ мельничный жерновъ, съ другой заостренный. Онъ вставленъ въ стѣну церкви справа отъ входныхъ дверей. На немъ Св. Антоній будто привезъ съ собою изъ Рима одиннадцать образовъ и немало другой церковной утвари. Мнѣ показывали большую охапку тростника, за которую, очутившись у Новгородскаго берега, онъ схватился руками, чтобы не уплыть обратно въ рѣку, и которую вырвалъ изъ земли (risum teneatis, amici!). Епископъ показалъ мнѣ также мощи Св. Антонія. Передъ тѣмъ какъ поднять крышку мѣднаго гроба, въ которомъ онъ лежалъ, онъ много разъ имъ поклонился. Сначала онъ было поставилъ условіемъ, чтобы и я имъ поклонился, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ; однако сопровождавшій меня монахъ попросилъ показать ихъ мнѣ, не требуя отъ меня никакихъ знаковъ почтенія къ угоднику. Впрочемъ, лицà Святаго для меня не открыли, за то показали множество его одѣяній, шапку и ризы, изъ коихъ одна была вся

*) Skjepre, 8-я часть Датской четверти, нѣсколько меньше нашего четверика. Ю. Щ.

проткана золотомъ и по краю сплошь усыпана настоящимъ жемчугомъ. Мой приставъ, находившійся при мнѣ во время этого осмотра, подражалъ монахамъ какъ обезьяна, и вслѣдъ за ними прикладывался къ образамъ, къ мощамъ, дѣлалъ земные поклоны и проч. Слѣдуетъ замѣтить, что у святыхъ на образахъ и у мощей Русскіе изъ благоговѣнія цѣлуютъ преимущественно ноги и руки и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ лице. Подъ конецъ мнѣ показали тотъ погребъ, гдѣ Св. Антоній молился въ уединеніи. Это темная яма, въ которой два человѣка еле могли бы повернуться. Въ церкви предъ однимъ образомъ Св. Антонія виситъ много крестовъ, старинныхъ копѣекъ и новыхъ гривенъ. На гробѣ Святаго стоитъ кружка для сбора въ пользу священниковъ и монаховъ. Послѣ осмотра церкви епископъ (зовутъ его Іоилемъ) пригласилъ меня къ себѣ, угостилъ чаркою водки, хлѣбомъ и вареньемъ и подарилъ образъ Св. Антонія, писанный на доскѣ. На образѣ этомъ угодникъ представленъ плывущимъ по рѣкѣ на жерновѣ; въ рукѣ онъ держитъ монастырь и подноситъ его Божьей Матери, которая сидитъ въ облакахъ съ младенцомъ Іисусомъ на колѣняхъ. Кромѣ того настоятель отпустилъ со мной огромный каравай ржанаго хлѣба и послалъ ко мнѣ на домъ бочку добраго пива. Все это я принялъ съ признательностью, обѣщавъ отблагодарить епископа и дѣйствительно послалъ ему нѣсколько дукатовъ, вдобавокъ купилъ у него за полтора рубля писанное по-русски житіе Св. Антонія, т. е. сводъ всѣхъ разсказовъ о его жизни, чудесахъ и чудесномъ путешествіи изъ Рима въ Новгородъ. Мой проводникъ-монахъ не былъ такъ твердъ въ своихъ вѣрованіяхъ, какъ другіе, и кланялся меньше прочихъ. Онъ говорилъ, что вообще презираетъ кумиры и образа и молится лишь единому Богу, Творцу неба и земли, и т. д. Еслибъ я далъ себѣ трудъ, то безъ сомнѣнія убѣдилъ бы его поѣсть со мною мяснаго. Не смотря на постъ, онъ напился у меня пьянъ. Я далъ ему подарокъ и отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

24-го Декабря. Установился снова отличный санный путь. Въ 3 ч. пополудни приставъ и часть моихъ людей поѣхали впередъ съ моими вещами. Самъ я выѣхалъ изъ Новгорода въ 6 ч. вечера. Нагнавъ свой обозъ, я приказалъ пересчитать сани, чтобы не растерять ихъ дорогою. Саней и маленькихъ крытыхъ возковъ на полозьяхъ оказалось 37 штукъ. Упряжныхъ лошадей у меня было 92. Назначенная ко мнѣ стража состояла изъ 20-ти солдатъ.

Сдѣлавъ 20 верстъ, я прибылъ въ тотъ же вечеръ, въ 9 ч., въ Бронницу. Тутъ былъ первый ямъ, т. е. мѣсто, гдѣ мѣняютъ лошадей. Въ Бронницѣ я изъ своего кармана заплатилъ прогоны, составляющіе полторы копѣйки съ лошади и съ каждыхъ десяти верстъ, а затѣмъ платилъ ихъ по всей дорогѣ до Москвы; взимаются они со всѣхъ пу-

тешественниковъ въ пользу ямщиковъ. Лица, которымъ предоставленъ даровой проѣздъ отъ Царя, получаютъ прогоны изъ приказа. Что̀ касается меня, то мнѣ они были возвращены приказомъ впослѣдствіи.

По всей Россіи, на ямахъ и между ямами, тамъ гдѣ приходится кормить лошадей, Царь приказалъ выстроить для себя особенныя подворья. Въ каждомъ содержится на его счетъ дворецкій, обязанный смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, а также держать въ погребѣ пиво и небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, чтобы Царю, во время быстрыхъ переѣздовъ его, предпринимаемыхъ для неожидающихъ ревизіи губернаторовъ и комендантовъ, было что̀ ѣсть и что̀ пить.

26-го Декабря. Какъ въ Хотиловѣ, такъ и въ Вышнемъ Волочкѣ останавливался я на царскихъ подворьяхъ. Вышній Волочекъ расположенъ на Мстѣ. На рѣкѣ этой у самаго города стоятъ восемь флейтовъ, вмѣстимостью каждый въ 150 ластовъ. Построены они въ Казани. По словамъ лейтенанта, который ихъ ведетъ, они идутъ въ Петербургъ и находятся въ пути 2½ года. Въ Вышнемъ Волочкѣ они уже стоятъ давно и ожидаютъ весенняго половодья для перехода чрезъ пороги. Какъ мнѣ сообщали, выше по теченію стоятъ еще пять судовъ, которые находятся въ пути 3½ года; завѣдуетъ ими одинъ командоръ.

Въ Выдропускѣ я не могъ остановиться на царскомъ подворьѣ, ибо за день до того оно сгорѣло.

27-го Декабря. Солдатъ и приставъ были для меня крайне полезны, и я бы не могъ безъ нихъ обойтись. Они собирали лошадей, смотрѣли за нашими санями и вещами; солдаты при этомъ прислуживали моимъ людямъ, также какъ мнѣ самому, и послѣднимъ не надо было заботиться ни о чемъ: дорогою они спали себѣ въ своихъ закрытыхъ саняхъ, устроенныхъ на Русскій ладъ.

Торжокъ—небольшая плохенькая крѣпость, окруженная слабою стѣною, впрочемъ имѣетъ многолюдные и обширные посады. Городъ прислалъ мнѣ въ подарокъ чрезъ старшину ведро водки, ведро пива и нѣсколько пшеничныхъ хлѣбовъ.

Тверь—большой городъ, стоящій на Волгѣ и имѣющій маленькую крѣпость. Комендантъ Иванъ Михайловичъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать, приславъ за мною свои сани. Въ домѣ его въ мою честь было зажжено много люстръ и канделябръ съ восковыми свѣчами. Комната была кругомъ уставлена великолѣпнѣйшими образами; предъ каждымъ, согласно Русскому обычаю, горѣла восковая свѣчка. На видъ комендантъ былъ весьма добродушный и вѣжливый человѣкъ. Жена его тотчасъ же вышла къ намъ въ сопровожденіи многочисленной женской свиты и, по заведенному въ Россіи порядку, предложила мнѣ поцѣловаться съ нею, затѣмъ какъ мнѣ, такъ и бывшимъ со мною лицамъ,

сама поднесла водки, послѣ чего меня усадили за столъ. Давалось много разныхъ блюдъ. Во время обѣда, по распоряженію коменданта, въ горницу вошло 16 скомороховъ, которыхъ, по его словамъ, у него имѣется 60 человѣкъ. Они принялись свистать, щебетать, пѣть и куковать, каждый на свой ладъ, представляя разнообразное пѣнье птицъ въ лѣсу. Свистали они такъ громко, что стѣна отражала звукъ, и хотя всѣ эти люди стояли противъ меня, мнѣ казалось, что они одновременно находятся и спереди и сзади. Они щелкали также кастаньетами, сдѣланными изъ деревянныхъ ложекъ съ погремушками по краямъ, играли на волынкахъ и скрипкахъ, плясали, забавно ломались, бѣгали взадъ и впередъ на корачкахъ, щебетали и т. д. Шутки эти отличались своеобразіемъ, на нихъ весело было смотрѣть. Ставъ въ кругъ, они влѣзали также другъ къ другу на плеча и съ различными шутовскими повадками изображали собою подымающуюся башню. По моему приказанію часть моихъ людей поѣхала впередъ съ вещами, меня же комендантъ все задерживалъ и, насилу вырвавшись отъ него въ 11 ч. ночи, выѣхалъ я изъ Твери въ полночь.

28-го Декабря. Въ полдень прибылъ въ Завидово, а въ 5 часовъ вечера прибылъ я въ Москву.

29-го Декабря. Къ половинѣ 9-го утра для меня уже приготовлено было помѣщеніе въ одномъ изъ домовъ Нѣмецкой Слободы. У дѳма этого на часахъ стояло шесть человѣкъ. Это было небольшое кирпичное зданіе, комнаты со сводомъ, желѣзными дверьми и желѣзными рѣшетками у оконъ. Печи въ домѣ были не желѣзныя, а кафельныя, муравленыя, большія, высокія, хватающія отъ пола до потолка; изъ нихъ однѣ были круглыя, какъ башни, другія четвероугольныя.

Во время путешествія изъ Петербурга въ Москву я сдѣлалъ слѣдующія наблюденія. Обыкновенно меня помѣщали на царскихъ подворьяхъ; но тамъ, гдѣ ихъ не было, приставъ, всегда ѣхавшій съ нѣсколькими солдатами впереди, занималъ силою домъ, который ему больше нравился, приводилъ къ моему пріѣзду въ порядокъ, топилъ, выгонялъ изъ него хозяевъ и завладѣвалъ всѣмъ домашнимъ скарбомъ; ибо здѣсь нѣтъ гостиницъ, въ которыхъ можно останавливаться и кормить лошадей. Въ случаѣ поломки саней или порчи сбруи, солдаты силою отымали у крестьянъ то что̀ было нужно, и мнѣ ни о чемъ не приходилось заботиться. Въ Россіи крестьяне повсюду привыкли къ подобнымъ порядкамъ и такъ боятся солдатъ, что охотно готовы отдать все, лишь бы избѣжать ихъ побоевъ и брани. Въ саняхъ, не смотря ни на какой морозъ, мнѣ лежалось такъ хорошо и было такъ тепло, что лучшаго нельзя было желать. Когда по моему приказанію закрывали ихъ со всѣхъ сторонъ, то я скорѣе могъ жаловаться на

жаръ, чѣмъ на холодъ. Люди мои тоже путешествовали самымъ удоб нымъ образомъ: у каждаго изъ нихъ были свои сани, снабженны прочными покрывалами и полостями. Все же передъ тѣмъ, какъ пус каться въ долгій путь, слѣдуетъ обзавестись своими хорошими, новым санями; ибо тѣ, которые попадаются въ дорогѣ и которыя выбираеш на спѣхъ, не такъ хороши и удобны, какъ заказываемыя въ большихъ городахъ. Всего отъ Петербурга до Москвы, на разстояніи 742 верстъ 9 ямовъ.

По прибытіи въ Москву я немедленно отправился въ новую Лю теранскую Нѣмецкую церковь, гдѣ засталъ посланника Грунта, изъ церкви поѣхалъ къ нему обѣдать. Пополудни я чрезъ секретар мисіи Фалька извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ князя Меньшикова, велика го канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова, Англійскаго послан ника и Голандскаго резидента.

30-го Декабря. Хотѣлъ съ утра явиться къ князю Меньшикову, н не засталъ его дома, вслѣдствіе чего поѣхалъ въ Нѣмецкую Слободу гдѣ находился Царь со всѣмъ своимъ штатомъ; ибо ни его величество ни царская свита въ самую Москву не вступали, въ ожиданіи пред стоявшаго торжественнаго въѣзда въ столицу, по случаю великой славной побѣды, одержанной подъ Полтавою. Я всюду видѣлъ воздви гаемые тріумфальные ворота. Засталъ Царя и князя Меньшикова стоящихъ на площади, на которой находились Шведскіе знамена штандарты, барабаны, литавры, пушки и другія военныя принадлеж ности, взятыя у Шведовъ въ Сентябрѣ 1708 г. въ битвѣ против генерала Лёвенгаупта и въ Іюнѣ 1709 г. подъ Полтавою. Все это Цар показалъ мнѣ самъ и велѣлъ призвать Шведскихъ офицеровъ, чтобы расположить и разставить знамена и штандарты по старшинству пол ковъ, которымъ они принадлежали. Канцлеръ и Англійскій посланникъ въ отвѣтъ на мое извѣщеніе, прислали меня поздравить съ пріѣздомъ Обѣдалъ я у Царя.

Такимъ-то образомъ, благодареніе Господу Богу, благополучно счастливо завершился для меня старый годъ.

1-го Января 1710. Въ началѣ настоящей войны, когда Шведам случалось брать въ плѣнъ Русскихъ, отнимать знамена, штандарты, ли тавры и пр., или одерживать надъ ними верхъ въ какой нибудь ма ленькой стычкѣ, они всякій разъ спѣшили торжественно нести трофе и вести плѣнныхъ въ Стокгольмъ. Этимъ Шведы подали его царском величеству поводъ дѣйствовать также и относительно ихъ самихъ. Д моего пріѣзда въ Россію Царь уже праздновалъ такимъ образом взятіе Нарвы, Шлисельбурга и Дерпта. На сегодня былъ назначен торжественный въѣздъ по случаю дальнѣйшихъ побѣдъ, дарованных ему Богомъ, и годъ начался для меня отраднымъ зрѣлищемъ: я ві

дѣлъ, какъ въ Москву вели въ тріумфѣ тѣхъ Шведскихъ генераловъ и офицеровъ, несли тѣ знамена и штандарты, большая часть которыхъ въ 1700 г. была на Зеландіи при Гумлебекѣ. Ибо все измѣнилось съ 8 Іюля 1709 г., съ того дня, какъ подъ Полтавою Царь разбилъ армію короля Шведскаго и самъ король, раненый, едва спасся отъ плѣна.

Для нынѣшняго торжественнаго въѣзда весь наличный составъ Шведскихъ офицеровъ, знаменъ, штандартовъ и пушекъ былъ раздѣленъ на двѣ части: на тѣхъ, что̀ достались Русскимъ подъ Полтавою, и на тѣхъ, что̀ взяты Царемъ 9 Октября 1708 г. въ битвѣ подъ Лѣснымъ, въ Литвѣ.

Когда все было готово для въѣзда, съ городскихъ стѣнъ и валовъ выпалили изо всѣхъ орудій, въ церквахъ затрезвонили во всѣ колокола, и шествіе тронулось въ слѣдующемъ порядкѣ.

1) Впереди выступалъ хоръ музыки изъ трубачей и литаврщиковъ въ красивомъ убранствѣ. Командиръ Семеновской гвардіи ген.-лейтенантъ князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ велъ одну часть этого полка, посаженную на коней, хотя самый полкъ исключительно пѣхотный. Заводныхъ лошадей Голицына, покрытыхъ великолѣпными попонами, вели впереди.

3) Полевая артилерія, отнятая у Шведовъ въ битвѣ съ ген. Лёвенгауптомъ.

4) Знамена и штандарты, взятые въ той же битвѣ.

5) Плѣненные тогда же оберъ и унтеръ-офицеры.

6) Замыкала остальная часть Семеновской гвардіи.

7) Потомъ, въ саняхъ на сѣверныхъ оленяхъ и съ Самоѣдомъ на запяткахъ, ѣхалъ Французъ Wimeni (sic); за нимъ слѣдовало 19 Самоѣдскихъ саней, запряженныхъ парою или тремя сѣверными оленями. Самоѣды эти, низкорослые, коротконогіе, съ большими головами и широкими лицами, были съ ногъ до головы облечены въ шкуры сѣверныхъ оленей, мѣхомъ наружу; у каждаго къ поясу прикрѣпленъ мѣховой куколь. Понятно, какое производилъ впечатлѣніе и какой хохотъ возбуждалъ ихъ поѣздъ. Смѣхотворное зрѣлище это было вставлено Царемъ вслѣдствіе его обычной склонности къ шуткамъ. Царь одаренъ такимъ широкимъ умомъ, что, какъ ни важны и заботливы дѣла, которыми онъ въ данную минуту занятъ, онъ никогда всецѣло ими не поглощенъ, и среди нихъ ему приходятъ въ голову разныя забавныя шутки и затѣи. Безъ сомнѣнія Шведамъ было весьма больно, что въ столь важную трагедію введена была такая смѣшная комедія.

Французъ Wimeni принадлежалъ къ хорошему роду, въ отечествѣ своемъ испыталъ много превратностей и долгое время содержался въ заключеніи въ Бастиліи, что̀ отразилось на немъ періодическимъ умопомѣшательствомъ. Впрочемъ, онъ много видалъ на своемъ вѣку,

немало путешествовалъ и порою разговаривалъ такъ разумно, что рѣчи его, въ которыхъ сказывалась тонкая его наблюдательность, по занимательности не уступали бесѣдѣ самаго умнаго человѣка. Царь встрѣтилъ его у короля Польскаго. Wimeni понравился ему своими идеями то сумасбродными, то благоразумными, и король уступилъ его Царю. Послѣ того Царь поставилъ Wimeni царемъ надъ особымъ народомъ въ Россіи—Самоѣдами, и вмѣсто маршаловъ, камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и другихъ чиновъ двора, назначилъ къ нему придворный штатъ изъ Самоѣдовъ.

8) Часть Преображенской гвардіи, представляющей самую почетную царскую охрану. Они ѣхали верхомъ, хотя полкъ этотъ пѣхотный.

9) Затѣмъ плѣнники и прочіе трофеи, взятые въ битвѣ подъ Полтавою, унтеръ-офицеры, прапорщики, поручики, капитанъ-поручики, капитаны и ротмистры.

10) Артилерійскіе офицеры и прислуга.

11) Шведская артилерія въ количествѣ 80-ти слишкомъ желѣзныхъ и металическихъ пушекъ и мортиръ.

12) 9 мѣдныхъ и 1 серебряная литавры (послѣднія, говорятъ, взяты Шведами у насъ за много лѣтъ тому назадъ въ одной битвѣ, происходившей въ Даніи), и около 300 знаменъ и штандартовъ.

13) Майоры, генералъ-адъютанты, подполковники и полковники.

14) Королевско-Шведскіе придворные, маршалы, и при нихъ носилки, на которыхъ, въ Полтавскомъ бою, носили короля, раненаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ ногу, до той минуты, пока онъ не былъ вынужденъ промѣнять ихъ на коня и пуститься въ бѣгство.

15) Шведская канцелярія.

16) Одинъ за другимъ всѣ генералы, взятые въ плѣнъ подъ Полтавою; изъ нихъ послѣднимъ шелъ ген.-фельдмаршалъ Рейншильдъ.

17) Тайный совѣтникъ и главнѣйшій изъ совѣтниковъ короля Шведскаго графъ Пиперъ, носящій званіе перваго походнаго министра.

18) Самъ Царь на красивомъ гнѣдомъ конѣ, бывшемъ подъ нимъ въ Полтавскомъ бою. Справа отъ него ѣхалъ верхомъ ген.-фельдмаршалъ князь Александръ Дан. Меньшиковъ, слѣва—ген.-м. и подполковникъ Преображенскаго полка, кавалеръ Св. Андрея, князь Долгорукій.

19) Часть Преображенской гвардіи, и въ заключеніе слишкомъ 60 Шведскихъ обозныхъ повозокъ.

Весь поѣздъ прошелъ подъ семью тріумфальными воротами, нарочно для этого воздвигнутыми въ разныхъ мѣстахъ. Вышину и пышность ихъ невозможно описать. Ихъ покрывало множество красивыхъ алегорій и своеобразныхъ карикатуръ, писанныхъ красками и имѣвшихъ цѣлію осмѣяніе Шведовъ. Ворота стоили большихъ денегъ; но самъ Царь ничего на нихъ не израсходовалъ, такъ какъ по его приказанію ихъ возвели на свой счетъ нѣкоторые богатые бояре. Самые большіе изъ воротъ со всѣми ихъ алегоріями воспроизведены и описаны въ печати; какъ полагаютъ, въ скоромъ времени будетъ равнымъ

образомъ издано и описаніе всѣхъ остальныхъ. Въ воротахъ играла прекрасная духовая музыка и раздавалось стройное пѣніе. Молодежь, толпами встрѣчавшая Царя на улицахъ и площадяхъ, бросала къ его ногамъ вѣтки и вѣнки. Стеченіе народа и черни было ужасное: всѣ хотѣли видѣть Царя и пышный поѣздъ. Чуть не черезъ домъ, изъ дверей выходили бояре и купцы и подносили Царю напитки. Такимъ образомъ Царь и его свита изобильно ѣли и пили. На всѣхъ улицахъ и площадяхъ, по всему городу возлѣ дверей домовъ были поставлены сосны и вѣнки изъ сосновыхъ вѣтокъ. У знатныхъ бояръ и важныхъ купцовъ, ворота были расписаны красивыми алегоріями и рисунками разнообразнаго содержанія, по большей части направленными къ осмѣянію Шведовъ. Рисунки изображали: Орла, который молніею свергаетъ Льва съ горы, Льва въ темницѣ, Геркулеса, въ львиной шкурѣ, убивающаго Льва и т. п. Словомъ, pictores atque poetae соединились вмѣстѣ, чтобы съ помощью своего искусства общими силами покрыть Шведовъ позоромъ. Смотрѣть на торжественный въѣздъ мнѣ и Датскому посланнику Грунту, котораго я пріѣхалъ замѣстить, отвели, по нашей просьбѣ, особый домъ. Въ проѣздъ Царя я сошелъ внизъ поздравить его и, подобно другимъ, поднесъ ему стаканъ вина, провозгласивъ его здоровье. Вино онъ отъ меня принялъ, обнялъ меня съ большимъ добродушіемъ и знаками милостиваго вниманія, и въ концѣ концовъ поцѣловалъ. Какъ Царь, такъ и всѣ окружающія его лица были пьяны и нагружены какъ нельзя лучше. Затѣмъ я и посланникъ Грунтъ поѣхали къ однимъ изъ тріумфальныхъ воротъ, чтобы на болѣе близкомъ разстояніи увидать подробности. Здѣсь въ густой толпѣ народа Грунтъ замѣтилъ царскаго государственнаго канцлера, графа Гаврила Ивановича Головкина, и представилъ меня ему. Встрѣчался я съ Головкинымъ въ первый разъ; хотя я и ранѣе искалъ случая съ нимъ видѣться, но онъ былъ такъ заваленъ дѣлами, что не могъ меня принять. Канцлеръ былъ совершенно пьянъ. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ, проявляя величайшую любезность и добродушіе. Но такъ какъ онъ не зналъ иного языка кромѣ Русскаго, то ничего не говорилъ, а выражалъ свои чувства исключительно знаками. Онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ своей каретѣ, поставленной на Русскій манеръ на полозья, затѣмъ усадилъ въ нее, и мы поѣхали. Въ каретѣ между нами произошелъ многообразный обмѣнъ вѣжливостей и завѣреній въ дружбѣ, проявлявшихся впрочемъ, какъ съ моей, такъ и съ его стороны, въ однихъ знакахъ и минахъ. Мы проѣхали порядочный конецъ, какъ вдругъ мимо насъ во весь опоръ проскакалъ Царь. Лице его было чрезвычайно блѣдно, искажено и уродливо; онъ дѣлалъ различныя страшныя движенія головою, ртомъ, руками, плечами, кистями рукъ и ступнями.

Оба мы вышли изъ кареты. Тутъ мы увидали, какъ Царь, подъѣхавъ къ одному солдату, несшему Шведское знамя, сталъ безжалостно рубить его мечемъ, быть можетъ за то, что тотъ шелъ не такъ какъ слѣдуетъ. Далѣе Царь остановилъ свою лошадь, но все продолжалъ дѣлать описанныя страшныя движенія, вертѣлъ головою, кривилъ ротъ, заводилъ глаза, подергивалъ руками и плечами и дрыгалъ взадъ и впередъ ногами. Въ ту минуту его окружали важнѣйшіе его сановники. Всѣ они были испуганы, и никто не смѣлъ къ нему подойти: они видѣли, что Царь чѣмъ-то раздосадованъ и сердитъ. Наконецъ, къ нему подъѣхалъ и заговорилъ съ нимъ его поваръ Іоганъ фонъ Фельтенъ. Какъ мнѣ послѣ передавали, вспышка и гнѣвъ Царя имѣли причиною то обстоятельство, что въ это самое время его любовница Екатерина Алексѣевна рожала и была такъ плоха, что боялись за ея жизнь.

Послѣ описаннаго случая, канцлеръ простился со мною легкимъ кивкомъ, привѣтливымъ движеніемъ и немногими словами, причемъ по прежнему ни онъ, ни я не поняли другъ друга. Онъ сѣлъ въ свою карету и оставилъ меня одного среди улицы, позабывъ, что увезъ меня отъ моего возка и ото всѣхъ моихъ людей. День клонился къ вечеру; одинъ, въ незнакомой толпѣ, не понимая мѣстнаго языка, я не зналъ что предпринять; до моего дома оставалось добрыхъ полмили, и я вѣроятно погибъ бы среди этого множества людей, почти поголовно пьяныхъ, или былъ бы ограбленъ и убитъ уличными разбойниками, которыми полонъ городъ, еслибъ на меня случайно не наткнулся мой дворецкій и толмачъ Христіанъ Эйзентраутъ. Онъ нанялъ для меня простаго саннаго извощика, изъ тѣхъ, что за копѣйку-за двѣ развозятъ по Москвѣ сѣдоковъ, и я поѣхалъ домой, вознося благодаренія Богу за избавленіе отъ гибели.

Страшныя движенія и судороги Царя доктора зовутъ конвульсіями. Онѣ случаются съ нимъ часто, преимущественно когда онъ сердитъ, находится подъ впечатлѣніемъ дурныхъ вѣстей, вообще чѣмъ нибудь недоволенъ или въ глубокой задумчивости. Иногда подергиванія находятъ на него за обѣдомъ и если при этомъ онъ держитъ въ рукахъ вилку и ножикъ, то тычетъ ими по направленію къ своему лицу, вселяя въ присутствующихъ невольный страхъ, какъ бы онъ себя не поранилъ. Говорятъ, что конвульсіи просходятъ у него отъ яда, который онъ будто бы проглотилъ когда-то; однако вѣрнѣе, что причиною ихъ болѣзнь и острота крови, и что всѣ эти ужасныя на видъ движенія (топаніе и дрыганіе ногами, кивки и пр.) вызываются особымъ припадкомъ, который какъ бы сродни апоплексическому удару.

Вечеромъ по всему городу у домовъ знатныхъ лицъ были зажжены иллюминаціи съ разнаго рода алегоріями. Потомъ онѣ зажигались

въ теченіи почти всей зимы, въ долгіе вечера, и горѣли чуть не ночи напролетъ.

Упомянувъ о царской любовницѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, я не могу пройти молчаніемъ исторію ея удивительнаго возвеличенія, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи она стала законною супругою Царя.

Родилась она въ Лифляндіи, въ маленькомъ городкѣ Маріенбургѣ, миляхъ въ шести отъ Пскова. Отецъ и мать ея принадлежали къ низшему сословію. Служила она въ Дерптѣ горничною у мѣстнаго суперинтендента Глюка и во время своего нахожденія у него помолвилась со Шведскимъ капраломъ Мейеромъ (Meyer). Свадьба ихъ совершилась 14 Іюля 1704 г., и какъ разъ въ этотъ самый день Дерптъ достался въ руки Царю. Когда Русскіе вступали въ городъ, и несчастные жители бѣжали отъ нихъ въ страхѣ, Екатерина въ подвѣнечномъ уборѣ попалась на глаза одному Русскому солдату. Оцѣнивъ ея красоту, солдатъ силою увелъ ее въ лагерь съ тѣмъ, чтобъ впослѣдстіи продать (ибо въ Россіи продавать людей вещь обыкновенная). Однако по прошествіи нѣсколькихъ часовъ онъ сталъ бояться, какъ бы поступокъ его не открылся: ибо хотя въ арміи уводъ силою жителей дѣло обычное, тѣмъ не менѣе онъ воспрещается подъ страхомъ смертной казни. Поэтому, чтобъ избѣжать зависти со стороны своего капитана, а также угодить ему и со временемъ быть произведену въ унтеръ-офицеры, солдатъ подарилъ ему дѣвушку. Капитанъ принялъ ее съ обычною благодарностью, въ свою очередь захотѣлъ отличиться при дворѣ и привелъ ее къ Царю, какъ къ любителю женщинъ, въ надеждѣ стяжать своимъ подаркомъ его милость и получить преимущество при производствѣ. Царю дѣвушка понравилась съ перваго взгляда и чрезъ нѣсколько дней стала его любовницею; впрочемъ сначала была у него въ пренебреженіи и лишь потомъ, когда родила ему сына, пробудила въ немъ болѣе сильное чувство, которое съ тѣхъ поръ постепенно росло. Хотя младенецъ и умеръ, тѣмъ не менѣе Екатерина продолжала пользоваться большимъ уваженіемъ и быть въ чести у Царя. Позднѣе ее перекрестили въ православіе. Первоначально она принадлежала къ Лютеранскому исповѣданію, но будучи почти ребенкомъ и мало съ нимъ знакомая, она перемѣнила вѣру безъ особыхъ колебаній. Впослѣдствіи у нея родились отъ Царя двѣ дочери; обѣ онѣ теперь живы. Въ своемъ мѣстѣ подробно разскажу, какъ Екатерина стала Царицею. Что касается Мейера, съ которымъ Екатерина Алексѣевна повѣнчана, то онъ продолжаетъ состоять на Шведской службѣ. Его произвели въ поручики, а съ тѣхъ поръ вѣроятно подвинули еще выше, такъ какъ онъ все время находился при Шведскихъ войскахъ въ Финляндіи. Этотъ разсказъ передавали мнѣ въ Нарвѣ нѣ-

которые изъ тамошнихъ жителей хорошо ее знавшіе и знакомые со всѣми подробностями ея исторіи.

5 Января. По Юліанскому календарю, или по старому стилю, до сихъ поръ употребительному въ Россіи, празднуется Рождество. Я въ первый разъ увидалъ извѣстную мамзель Морензенъ *). Это дочь одного Нѣмца-виноторговца. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была любовницею Царя и получила отъ него различные подарки большой цѣнности, алмазы, дома, помѣстья. Но когда посланникъ Прусскаго двора, Кейзерлингъ сталъ добиваться ея милостей, получилъ отъ нея обѣщаніе дружбы и помолвился съ нею, Царь покинулъ ее и взялъ назадъ свои подарки. Еслибъ я могъ занести сюда всю исторію любви Кейзерлинга и мамзель Морензенъ въ томъ видѣ, какъ мнѣ ее передавали, то вышелъ бы цѣлый романъ.

6 Января. Такъ какъ плѣнныхъ Шведскихъ офицеровъ и солдатъ было великое множество, и всѣхъ ихъ нельзя было вести заразъ на торжественномъ въѣздѣ 1-го Января, то нѣсколько тысячъ ихъ были проведены городомъ чрезъ тріумфальные ворота. Сегодня на этой церемоніи я не присутствовалъ, не бывъ извѣщенъ о ней.

7 Января. Городомъ черезъ тріумфальные ворота были проведены остальные Шведскіе плѣнные въ количествѣ 4000 солдатъ и 300 офицеровъ. Царь, находившійся въ одномъ домѣ возлѣ извѣстныхъ тріумфальныхъ воротъ, приказалъ, чтобъ меня къ нему привели. Когда я явился, Царь самолично представилъ меня своей сестрѣ царевнѣ Наталіи. У него есть также двѣ единокровныя сестры; но такъ какъ онѣ не пользуются особенною его любовью, то ихъ рѣдко видишь въ его обществѣ. Царь равнымъ образомъ представилъ меня обѣимъ вдовствующимъ царицамъ, которыхъ здѣсь всѣ зовутъ императрицами (Keiserinder). Изъ нихъ одна была супругою его старшаго брата, Ѳеодора Алексѣевича. Она не имѣетъ дѣтей. Эта царица приходится сестрою адмиралу Апраксину. Другая была замужемъ за вторымъ братомъ царя, Иваномъ Алексѣевичемъ, и имѣетъ трехъ дочерей; царевнамъ этимъ меня тоже представили, и я имѣлъ честь поцѣловать у нихъ руки. Любопытно, что молодыя царевны при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь, тотчасъ же протягиваютъ руку, подымая ее высоко вверхъ, съ тѣмъ, чтобъ къ нимъ подошли и поцѣловали оную. Въ общемъ онѣ очень вѣжливы и благовоспитаны, собою ни хороши, ни дурны, говорятъ немного по-французски, по-нѣмецки и по-италійски. Тутъ же князь Меньщиковъ представилъ меня своей княгинѣ, предложивъ поцѣловать ее по Русскому обычаю въ губы. Въ Россіи предложеніе это дѣлаютъ

*) Такъ называетъ Юль знаменитую Анну Монсъ, Московскій домъ которой до сихъ поръ цѣлъ на Разгуляѣ близъ церкви Благовѣщенія въ Елоховѣ и принадлежитъ вдовѣ профессора Матюшенкова. П. Б.

гостю или чужому, когда хотятъ оказать ему честь. Меня крайне изумило, что передъ своимъ уходомъ князь Меньшиковъ поцѣловалъ царицъ въ губы, и что молодыя царевны устремились къ нему первыя, стараясь наперегонки поцѣловать у него на прощаньи руку, которую онъ имъ и предоставилъ. Вотъ до чего возросло высокомѣріе этого человѣка, съ тѣхъ поръ, какъ, поднявшись съ низшихъ ступеней, онъ сталъ въ Россіи первымъ лицомъ послѣ Царя! Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ сказать нѣсколько словъ о его происхожденіи и счастливой судьбѣ. Родился онъ въ Москвѣ. Отецъ его и мать принадлежали къ низшему сословію. Будучи лѣтъ 16-ти, онъ, подобно многимъ другимъ Московскимъ простолюдинамъ, продавалъ на улицахъ такъ называемые «пироги» (начинены они рыбою, лукомъ и т. п. и жарятся въ салѣ; продаютъ ихъ по копѣйкѣ или по денежкѣ). Случайно узнавъ этого малаго, Царь взялъ его къ себѣ въ деньщики, потомъ, оцѣнивъ его преданность, пылъ и расторопность, сталъ постепенно назначать его на высшія должности въ арміи, пока, наконецъ, не сдѣлалъ фельдмаршаломъ. Кромѣ того, Царь пожаловалъ его сначала барономъ, потомъ графомъ, наконецъ сдѣлалъ княземъ Ингерманландскимъ. Вслѣдъ за этимъ и Римская имперія возвела его въ имперскіе князья, безъ сомнѣнія для того, чтобъ заручиться расположеніемъ сановника, пользующагося такимъ великимъ значеніемъ у Царя. Въ сущности Меньшиковъ самый надменный человѣкъ, какого только можно себѣ представить; живетъ онъ съ царскою пышностью, обладаетъ несмѣтнымъ богатствомъ и огромными помѣстьями, не считая княжества Ингерманландскаго, презираетъ всѣхъ и пользуется величайшимъ расположеніемъ своего государя. Уровень ума его средній и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствующій тѣмъ многочисленнымъ важнымъ должностямъ, которыя онъ занимаетъ. Между прочимъ онъ состоитъ также гофмейстеромъ Царевича, который въ бытность мою въ Россіи путешествовалъ за границею и находился въ Саксоніи. Князь Меньшиковъ говоритъ порядочно по-нѣмецки; его легко можно понять, и самъ онъ понимаетъ что̀ ему говорятъ, но читать и писать ни по каковски не умѣетъ, можетъ развѣ подписать свое имя, котораго, впрочемъ, непосвященный не въ состояніи разобрать. Въ «великомъ мужѣ и полководцѣ», какимъ онъ почитается, подобная безграмотность особенно удивительна.

8 Января. Былъ у канцлера Головкина, но не засталъ его до́ма, такъ какъ онъ находится въ свитѣ Царя и вмѣстѣ съ нимъ «славитъ». Обыкновенно, отъ Рождества и до Крещенія, Царь со знатнѣйшими своими сановниками, офицерами, боярами, дьяками *), шутами, коню-

*) „Или псаломщиками» поясняетъ Юль, очевидно смѣшивая слова дьякъ и дьячекъ.

хами и слугами разъѣзжаетъ по Москвѣ и «славитъ» у важнѣйшихъ лицъ, т. е. поетъ различныя пѣсни, сначала духовныя, а потомъ шутовскія и застольныя. Въ компаніи насчитывается нѣсколько сотъ человѣкъ. Огромнымъ роемъ налетаетъ она въ дома купцевъ, князей и другихъ важныхъ лицъ, гдѣ по скотски обжирается и черезъ мѣру пьетъ, причемъ многіе допиваются до болѣзней и даже до смерти. Въ нынѣшнемъ году славили между прочимъ у кн. Меньшикова, который по всѣмъ своимъ помѣщеніямъ велѣлъ разставить открытыя бочки съ пивомъ и водкою, чтобъ всякій могъ пить сколько ему угодно. Никто себя и не заставилъ просить: всѣ напились какъ свиньи. Предвидя это, князь велѣлъ устлать полы во всѣхъ горницахъ и залахъ толстымъ слоемъ сѣна (обычай весьма распространенный на Русскихъ пирахъ), дабы по уходѣ гостей можно было съ бо́льшимъ удобствомъ подмести за ними и убрать ихъ блевотину и мочу. Въ каждомъ домѣ гдѣ собраніе «славитъ», Царь и важнѣйшія лица его свиты получаютъ подарки. Во все время пока длится «слава», въ той части города, гдѣ предполагается славить, для славящихъ, какъ для цѣлыхъ ротъ пѣхоты, отводятся квартиры, дабы всѣ они находились подъ рукою для новыхъ подвиговъ. Когда они выславятъ одинъ край города, квартиры ихъ переносятся въ другой, въ которомъ еще не славили. Пока продолжается «слава», сколько ни хлопочи, никакъ не добьешься разговора ни съ Царемъ, ни съ кѣмъ либо изъ сановниковъ. Они не любятъ, чтобъ къ нимъ въ это время приходили иностранцы и были свидѣтелями ихъ образа жизни. Какъ мнѣ говорили, «слава» ведетъ свое начало отъ обычая древнихъ христіанъ собираться на Рождество и, отдаваясь веселью, пѣть «слава въ вышнихъ Богу», въ воспоминаніе того, какъ рожденію Христа радовались пастухи въ полѣ. Обычай этотъ перешелъ въ Русскую и другія Греческія церкви, но впослѣдствіи выродился подобно большей части божественныхъ обычаевъ и обрядовъ: его замѣнили суетное и кощунственное пѣніе въ перемежку съ духовными и застольными пѣснями, кутежъ, пьянство, перебранка и богохульства.

Я отдалъ визитъ Англійскому посланнику. Въ мое посѣщеніе онъ уступилъ мнѣ старшее мѣсто, также какъ сдѣлалъ я относительно его, когда онъ былъ у меня. Посланникъ предложилъ мнѣ пообѣдать съ нимъ, и я остался. Послѣ полудни его посѣтилъ государственный вице-канцлеръ Шафировъ, и между симъ послѣднимъ и мною возобновились пререканія, возникшія еще утромъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Незадолго до моего пріѣзда въ Москву я написалъ Шафирову письмо и послалъ оное къ посланнику Грунту для доставленія по назначенію. На адресѣ этого письма я назвалъ Шафирова пре-

восходительствомъ», полагая, что таковой титулъ надлежитъ ему по праву, въ виду пожалованія его послѣ Полтавской битвы изъ статсъ-секретарей въ вице-канцлеры. По пріѣздѣ въ Москву я однако узналъ отъ посланника Грунта, что письма̀ моего онъ Шафирову еще не передавалъ оттого, что я долженъ былъ скоро пріѣхать, а главнымъ образомъ потому, что я далъ вице-канцлеру тутулъ, который по словамъ Грунта подобалъ бы ему лишь въ томъ случаѣ, если бы Царь произвелъ его въ тайные совѣтники; но въ этомъ Датскій посланникъ сомнѣвался, ибо ни онъ, ни прочіе находящіеся здѣсь иностранные представители ни о чемъ подобномъ извѣщены не были. Грунтъ кстати посовѣтовалъ мнѣ не давать Шафирову титула превосходительства, не убѣдившись напередъ въ томъ, что остальные посланники будутъ дѣлать тоже самое, ибо впослѣдствіи было бы нелегко отмѣнить разъ заведенный порядокъ. И вотъ, не заставъ дома, по случаю «славы», ни Шафирова, ни канцлера, я написалъ первому изъ нихъ письмо, на адресѣ котораго, слѣдуя совѣту моего предмѣстника, не проставилъ «превосходительства». Когда въ тотъ день утромъ мой дворецкій и толмачъ Эйзентраутъ принесъ ему это письмо, Шафировъ насупился на нихъ и заносчивымъ тономъ сказалъ, что въ этотъ разъ онъ письмо приметъ, но что на будущее время отказывается принимать отъ меня пакеты, если на нихъ не будетъ значиться титулъ превосходительства, принадлежащій ему по праву. У Англійскаго посланника я завелъ съ Шафировымъ разговоръ по спорному вопросу и выразилъ, до какой степени мнѣ непріятно, что между нами возникло подобное недоразумѣніе, заявляя готовность положить оному конецъ на слѣдующихъ основаніяхъ: я обѣщалъ Шафирову, что неукоснительно буду давать ему титулъ, котораго онъ требуетъ, если только онъ заявитъ мнѣ, что Царь произвелъ его въ тайные совѣтники, или же если выдастъ мнѣ обязательство въ томъ, что съ нынѣшняго дня не станетъ больше принимать отъ прочихъ иностранныхъ посланниковъ писемъ безъ этого титула на адресѣ. Однако ни на то, ни на другое онъ не согласился. Такъ мы и разстались, ничѣмъ не рѣшивъ дѣла. Шафирова въ его упорствѣ очень поддерживалъ царскій посланникъ при императорскомъ дворѣ Урбій (Urby), находившійся въ то время въ Москвѣ. Когда-то онъ состоялъ на Датской службѣ, но теперь такъ озлобился на Данію, что готовъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ вредить ей.

По прошествіи нѣсколькихъ дней спорный вопросъ о титулѣ былъ устраненъ тѣмъ, что Шафировъ заявилъ Англійскому посланнику Грунту, Прусскому посланнику Кейзерлингу и другимъ иностраннымъ представителямъ о своемъ производствѣ въ тайные совѣтники. Такимъ образомъ онъ подчинился, да и не могъ иначе; ибо мы общимъ

совѣтомъ рѣшили до полученія отъ него подобнаго извѣщенія отказывать ему въ его домогательствѣ. Затѣмъ, во всю бытность мою въ Москвѣ я находился съ Шафировымъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

10-го. Въ первый разъ пришлось мнѣ писать отсюда по почтѣ. По этому случаю я освѣдомился о размѣрѣ платы, взимаемой за письма, и господинъ Фаденбрехтъ, управляющій почтовою частью, доходы съ коей поступаютъ къ вице-канцлеру Шафирову, сообщилъ мнѣ, что отправляемыя изъ Москвы письма оплачиваются:—въ Гамбургъ 40 копѣйками за золотникъ, въ Кёнигсбергъ и въ Бреславль 33-мя копѣйками за золотникъ, въ Вильну (Wilda) 10-ю копѣйками, въ Мемель 15-ю копѣйками и т. д. Изъ Москвы я направлялъ свои письма въ Кенигсбергъ, и такимъ образомъ всякій Русскій лотъ (который гораздо легче Датскаго) стоилъ мнѣ 99 копѣекъ, т. е. 8 Датскихъ скилинговъ. Вообще въ теченіе года моя переписка обходилась мнѣ въ довольно крупную сумму; расходъ увеличивался особенно въ виду того, что по причинѣ неисправности почты я долженъ былъ всѣ свои письма посылать in duplo (предписанія получались мною тоже въ дупликатахъ). Вдобавокъ, я переписывался со всѣми королевско-Датскими посланниками за границею; не говорю уже о кореспонденціи, которую велъ я по собственнымъ дѣламъ.

12-го Января. По Русскому стилю новый годъ. Съ утра Царь прислалъ мнѣ сказать, чтобы я пришелъ къ нему, или въ соборъ, или же къ тому мѣсту, гдѣ вечеромъ предполагается сжечь фейерверкъ. Въ этотъ день принято навѣщать Царя. Я отправился къ нему въ соборъ, главную здѣшнюю церковь. Она весьма красива и пышна. Въ ней виситъ восемь большихъ круглыхъ серебряныхъ паникадилъ, выбивной, чеканной работы. Въ паникадилахъ вставлены восковыя свѣчи; по срединѣ спускается большая серебряная люстра, локтей 14-ти вышиною; вѣтви ея расположены семью вѣнцами, нижніе имѣютъ въ длину локтя три, а нижній кругъ, къ которому онѣ прикрѣлены, по величинѣ можетъ уподобиться разрѣзу большой винной бочки. Службу совершалъ митрополитъ Рязанскій, онъ же и вице-патріархъ (ибо, по смерти послѣдняго патріарха, Царь не захотѣлъ утверждать новаго, такъ какъ опасался окружавшихъ патріарха и великой власти, которою онъ пользовался). Митрополитъ служилъ по-русски; пріемы его напоминали пріемы нашихъ священниковъ. Царь стоялъ среди прочей паствы. Онъ имѣлъ на головѣ старый парикъ; въ церкви, когда холодно головѣ, онъ надѣваетъ парикъ одного изъ своихъ слугъ, стоящихъ по близости, по минованіи же въ немъ надобности отдаетъ его кому нибудь по сосѣдству. На Царѣ былъ орденъ Св. Андрея, надѣваемый имъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Онъ громко пѣлъ на-

изустъ, также увѣренно, какъ священники, монахи и псаломщики, имѣвшіе передъ собою книги; ибо часы и обѣдню Царь знаетъ какъ Отче Нашъ. По окончаніи службы онъ поѣхалъ со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ къ мѣсту фейерверка. Тамъ для него и для его двора была отведена большая зала, во всю длину которой стояло два накрытыхъ стола. Въ залѣ находились также два большихъ поставца съ серебряными позолоченными кубками и чашами; на каждомъ было между прочимъ по 26-ти серебряныхъ позолоченыхъ глубокихъ блюдъ, украшенныхъ искусною рѣзьбою на старинный ладъ. На столахъ тоже стояла серебряная посуда и большіе серебряные подсвѣчники выбивной работы. Снявъ съ себя орденъ, Царь сѣлъ за столъ. Послѣ него сѣли прочіе, гдѣ попало, безъ чиновъ. Что̀ касается офицеровъ Преображенской и Семеновской гвардій, то они, до поручиковъ включительно, стояли въ ружьѣ наружи. За однимъ столомъ сидѣло 182 человѣка. Мы провели за столомъ цѣлый день, сѣвъ за него въ 10 часовъ утра и поднявшись лишь два часа спустя по наступленіи темноты. Царь два раза вставалъ изъ за стола и подолгу отсутствовалъ. Пили разныя чаши, при чемъ раздавались выстрѣлы изъ орудій, поставленныхъ для этой цѣли передъ домомъ. Забавный видъ имѣлъ одинъ толстякъ, ѣздившій взадъ и впередъ по залѣ на маленькой лошади и какъ разъ возлѣ Царя стрѣлявшій изъ пистолета, чтобы подавать сигналъ къ пушечной пальбѣ при каждой новой чашѣ. Лошадь этого толстяка водилъ подъ устцы Калмыкъ. Полъ залы на Русскій ладъ былъ устланъ сѣномъ по колѣна. Тутъ Царь показывалъ мнѣ мечъ, клинокъ и рукоятка котораго были сработаны въ Россіи изъ Русскаго желѣза и Русскимъ мастеромъ. Мечъ этотъ Царь носилъ при себѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что наканунѣ съ одного удара разрубилъ имъ пополамъ барана, поперекъ спины. Вице-патріархъ со множествомъ архіереевъ, архимандритовъ, профессоровъ и поповъ сидѣлъ за особымъ столомъ по лѣвую сторону. Такъ какъ всѣ они были монахами, а монахи никогда не ѣдятъ мяса, то имъ подавались исключительно рыбныя блюда. Въ 10 часовъ вечера начался въ высшей степени красивый и затѣйливый фейерверкъ. Замѣчательнѣе всего была въ немъ слѣдующая алегорія: на двухъ особыхъ столбахъ сіяло по коронѣ, между ними двигался горящій Левъ; сначала Левъ коснулся одного столба, и онъ опрокинулся, затѣмъ перешелъ къ другому столбу; и этотъ тоже покачнулся, какъ будто готовясь упасть. Тогда изъ горящаго Орла, который словно парилъ въ вышинѣ, вылетѣла ракета, попала во Льва и зажгла его, послѣ чего онъ разлетѣлся на куски и исчезъ, между тѣмъ наклоненный Львомъ столбъ съ короною поднялся и снова сталъ отвѣсно. Алегорія эта была заимствована Царемъ съ

рисунка одной серебряной медали, выбитой по распоряженію Шведскаго короля. Царь показывалъ ее мнѣ; размѣромъ она равняется двумъ Датскимъ маркамъ; на ней представленъ Левъ и два увѣнчанныхъ короною столба; одинъ изъ нихъ Левъ схватилъ лапою и переломилъ пополамъ, при чемъ корона съ него упала; второй столпъ онъ схватилъ другою лапою и сильно наклонилъ. Это должно было означать, что король Шведскій отнялъ у короля Польскаго корону, а Царя поставилъ въ безвыходное положеніе. Графъ Пиперъ и прочіе Шведскіе генералы были приглашены смотрѣть на фейерверкъ, и для этого имъ отвели залу. Въ фейерверкѣ замѣчались между прочимъ красивые голубые и зеленые огни, изобрѣтенные самимъ Царемъ. Огненные шары и огненные дожди превращали ночь въ ясный день, такъ что и на далекомъ разстояніи можно было видѣть и узнавать проходящихъ.

Въ этотъ разъ царская любовница Екатерина Алексѣевна и остальныя женщины, противъ обыкновенія, были удалены отъ мущинъ; ихъ угощали въ особомъ покоѣ.

17-го Января. По Русскому стилю Крещеніе. Большое водосвятіе, ежегодно совершавшееся патріархомъ, въ этотъ разъ отслужено митрополитомъ Рязанскимъ. Чтобы видѣть церемонію, я поѣхалъ въ Посольскій Приказъ, гдѣ долженъ былъ дождаться ея начала. Посольскій Приказъ—это канцелярія, вѣдующая иностранными дѣлами. Полъ, крыльце и вѣдующая къ крыльцу лѣстница выложены литыми чугунными плитами, напоминающими своими размѣрами и толщиною Готландскія каменныя плиты. На лѣстницѣ поверхъ чугунныхъ плитъ положены еще желѣзные прутья, чтобы зимою не было скользко ходить по ступенямъ. Разстояніе между прутьями равняется ихъ толщинѣ.

Такъ какъ духовенство не было еще готово и вслѣдствіе того произошло значительное промедленіе, то въ ожиданіи водосвятія я пошелъ въ главную церковь, находящуюся возлѣ самого Приказа. Тамъ я видѣлъ тѣла трехъ покойниковъ, стоявшія по разнымъ угламъ. Какъ мнѣ сообщали, лица эти въ свое время были митрополитами или архіепископами Московскими. Всякій подходилъ къ тѣламъ и, крестясь, кланялся передъ ихъ гробами. Иные давали денегъ человѣку, стоявшему у гроба, тотъ подымалъ его крышку, и заплатившіе въ знакъ благоговѣнія цѣловали одежды покойника. Тѣмъ, кто не платилъ, предоставлялось цѣловать только крышку гроба. Въ четвертомъ углу церкви находится небольшое темное четвероугольное помѣщеніе съ горящими свѣчами и лампадами. Маленькій мальчикъ читалъ вслухъ изъ книги. Входящіе цѣловали распятіе, подъ которымъ, говорятъ, хранится кусокъ ризы Спасителя. Много людей стояло наружи около этого помѣщенія и, обратившись къ нему лицемъ, крестилось и кланялось.

Торжество водосвятія началось въ полдень. Впереди выступали два псаломщика, каждый съ хоругвію, подобно штандарту; за ними до 200 другихъ дьаконовъ или псаломщиковъ, далѣе 227 поповъ или священниковъ въ облаченіяхъ, еще два дьакона, каждый со стекляннымъ распятіемъ, и между ними псаломщикъ съ образомъ Божіей Матери, передъ которымъ человѣкъ несъ на шестѣ фонарь съ зажженною свѣчею; потомъ другія духовныя лица съ большими церковными книгами, окованными позолоченною мѣдью; затѣмъ митрополитъ, державшій предъ собою, на высотѣ лица, серебряное позолоченное распятіе въ поллоктя длиною, и наконецъ, слѣдомъ за нимъ, 9 епископовъ въ епископскихъ облаченіяхъ и митрахъ. Послѣднія, приблизительно въ $^1/_4$ локтя вышиною, изъ позолоченнаго серебра или мѣди, съ выбивными изображеніями, усажены жемчугомъ и разными камнями, а внизу опушены горностаемъ. Шествіе съ обѣихъ сторонъ охранялось солдатами съ мечами на голо. Солдаты прочищали ему дорогу сквозь сплошную толпу. Въ такомъ порядкѣ духовенство вышло изъ главной церкви и спустилось на Москву-рѣку, протекающую сейчасъ за Посольскимъ Приказомъ. На ней во льду была прорублена квадратная прорубь, десяти локтей въ ту и другую сторону, и для безопасности обнесена рѣшеткою. Кругомъ были постланы Персидскіе ковры и красное сукно. Особо отличалось убранство съ той стороны, гдѣ находилась дверь, ведущая къ водѣ. Другая рѣшетка ограждала вокругъ полыньи квадратную площадь шаговъ въ 90; на этомъ пространствѣ ледъ былъ покрытъ помостомъ изъ досокъ. У проруби, противъ дверей, ведущихъ къ водѣ, стоялъ митрополитъ; прочее духовенство расположилось по правую и по лѣвую руку отъ него, кругомъ внутренней рѣшетки. Облаченіе митрополита почти не отличалось отъ облаченія другихъ епископовъ; только на плечахъ его лежала бѣлая лента, шириною въ полторы четверти локтя; концы ея спускались одинъ спереди, а другой сзади. Но вотъ выступилъ дьаконъ, почиталъ надъ водою изъ книги, затѣмъ, взявъ кадило, послѣдовательно покадилъ имъ водѣ, принесеннымъ образамъ, церковнымъ книгамъ, распятіямъ, митрополиту, епископамъ и всему священству. Потомъ нѣсколько маленькихъ дѣтей въ стихаряхъ пропѣли какую-то пѣснь, по окончаніи которой митрополитъ обѣими руками благословилъ стоявшій за наружною рѣшеткою народъ. При благословеніи онъ соединялъ большой палецъ съ безымяннымъ, а прочіе держалъ поднятыми къ верху. Далѣе митрополитъ взялъ кадило, покадилъ водѣ, образамъ, книгамъ, духовенству, народу и наконецъ мнѣ (ибо по моей просьбѣ Царь приказалъ пустить меня за рѣшетку вмѣстѣ съ духовенствомъ). За симъ два дьакона поднесли митрополиту огромную великолѣп-

ную церковную книгу in folio, напечатанную на Александрійской бумагѣ, и держали передъ нимъ открытою, пока онъ читалъ изъ нея 3-ю главу Евангелія отъ Матѳея о крещеніи Христа. Тонъ его чтенія былъ тотъ самый, какимъ наши священники служатъ передъ алтаремъ обѣдню. За митрополитомъ дьаконъ прочелъ что-то довольно долгое, при чемъ духовенство по обыкновенію пѣло ему въ ладъ. Послѣ этого митрополитъ, сопровождаемый по сторонамъ двумя дьаконами, подошелъ къ проруби, въ которой одинъ человѣкъ, посредствомъ небольшаго рѣшета, прикрѣпленнаго къ длинному шесту, постоянно мѣшалъ воду, чтобъ она не замерзала. На водѣ плавала большая дощаная посудина, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ мочится зерно, обращаемое въ солодъ. Посудина эта, четвероугольная, продолговатая, плотно законопаченная и засмоленная, напоминала собою корпусъ маленькаго корабля. Вода не могла въ нее проникнуть и, стоя въ этой лодочкѣ, можно было черпать воду, не рискуя упасть въ полынью. Лодочка была кругомъ обложена коврами. Въ нее спустился вице-патріархъ, довольно долго почиталъ изъ книги, которую держалъ передъ нимъ дьаконъ, три раза крестообразно подулъ на воду, три раза крестообразно провелъ по ней пальцами, наконецъ взялъ распятіе и троекратно медленно погружалъ его въ воду, при чемъ послѣ всякаго раза капли съ него заставлялъ стекать въ предназначенный на то серебряный сосудъ, стоявшій у него подъ рукою. Вода, накапанная такимъ образомъ, считается наисвятѣйшею. Послѣ того митрополиту подали нѣсколько большихъ серебряныхъ кувшиновъ, которые онъ самъ долженъ былъ наполнить новоосвященною водою для царскаго двора. Прежде чѣмъ зачерпнуть кувшиномъ, вице-патріархъ всякій разъ крестообразно проводилъ имъ по водѣ. Затѣмъ всѣ устремились къ проруби, чтобы набрать оттуда воды въ принесенные съ собою кружки и кувшины. А епископы и прочія духовныя лица трижды окунули пальцы въ наисвятѣйшую воду, сбѣжавшую съ распятія, и промыли себѣ ею глаза. Духовенство запасалось изъ рѣки святою водою въ такомъ количествѣ, чтобъ ея достало на весь годъ. Какъ только вице-патріархъ отошелъ отъ проруби, къ ней подбѣжалъ мальчикъ-подростокъ въ одной рубашкѣ, бросился въ воду и тотчасъ же выплылъ. Нѣкоторые прорубали ледъ ниже теченія и купались въ утекающей святой водѣ. Съ Москвы-рѣки вице-патріархъ и прочее духовенство прежнимъ порядкомъ пошли обратно въ церковь.

21 Января. Обѣдалъ у князя Меньщикова. Живетъ онъ въ Нѣмецкой Слободѣ на большомъ великолѣпномъ подворьѣ. Все у него было пышнѣе, чѣмъ у другихъ Русскихъ сановниковъ и бояръ, и кушанье

было приготовлено лучше. Гости сидѣли за изящнымъ серебрянымъ столомъ. Старинные Русскіе обычаи проглядывали, однако, во многомъ.

25 Января. Наконецъ-то, послѣ многократныхъ настояній съ моей стороны и послѣ долгой проволочки, канцлеръ графъ Головкинъ и вице-канцлеръ Петръ Павловичъ Шафировъ прислали мнѣ сказать, что будутъ у меня для тайныхъ переговоровъ по дѣламъ моего короля. Но такъ какъ Русскіе всегда заботятся о поддержаніи своей чести и достоинства, то Головкинъ и Шафировъ, въ виду того, что первое собраніе открывалось у меня, велѣли мнѣ сказать, что въ сущности тайныя конференціи должны бы начаться въ домѣ канцлера, но что, не смотря на это, во избѣжаніе промедленій, они придутъ ко мнѣ сами.

Канцлеръ Головкинъ, высокій, худой, тѣмъ не менѣе видный старикъ, понимаетъ только по-русски и умомъ весьма недалекъ. Царь пожаловалъ его графомъ, затѣмъ Римскій императоръ возвелъ его въ достоинство графа Римской имперіи. Какъ всѣ Русскіе, онъ весьма дорожитъ своею честью и достоинствомъ. Вообще между прежними Русскими и нынѣшними только та разница, что нынѣшніе твердо знаютъ, какую честь должны имъ оказывать другіе; между тѣмъ сами они, подъ предлогомъ недоразумѣнія или того, что они не были предупреждены, забываютъ воздавать подобающее другимъ. О высокомѣріи Головкина можно заключить изъ слѣдующаго примѣра. Спустя нѣсколько дней, я препроводилъ къ нему памятную записку, на адресѣ которой предпослалъ одно лишь слово «hochwohlgebohren»; въ виду этого, онъ велѣлъ мнѣ передать, что не будетъ принимать отъ меня пакетовъ, если на нихъ не будетъ надписано: «hochgebohrnen Herr Graf», титулъ на самомъ дѣлѣ подобающій однимъ имперскимъ князьямъ.—Вице-канцлеръ Шафировъ, мущина толстый и низкаго роста. Предки его были Евреями, но отецъ его и самъ онъ перекрещены. Дѣйствительно, какъ онъ, такъ и его дѣти очень похожи на Жидовъ. Нѣкоторые увѣряютъ даже, что въ тайнѣ онъ остался Евреемъ. Впрочемъ, все это не мѣшаетъ ему быть крайне надутымъ и чваннымъ, подобно всѣмъ остальнымъ Русскимъ. Въ дѣлахъ Царь часто имъ пользуется. Вообще Шафировъ человѣкъ умный; по-нѣмецки говоритъ какъ на родномъ языкѣ и въ иностранной политикѣ довольно свѣдущъ. Въ переговорахъ легко приходишь съ нимъ къ соглашенію.

27 Января. Я былъ на свадьбѣ, на которую Царь велѣлъ позвать меня наканунѣ. Маршаломъ на нее Царь назначилъ ген.-маіора Долгорукова. На рукавѣ у Долгорукова была бѣлая повязка; въ рукѣ онъ держалъ длинный маршальскій жезлъ, обтянутый краснымъ сукномъ и украшенный бантомъ изъ бѣлыхъ лентъ; при немъ состояли четыре шафера съ красными бантами и одинъ форшнейдеръ съ бѣлою повяз-

кою на рукавѣ. Въ Россіи невѣсту ведутъ въ церковь ея отецъ и братъ, если они живы и присутствуютъ на свадьбѣ; если же ихъ нѣтъ, то они замѣщаются двумя другими лицами. Жениха тоже ведутъ въ церковь его отецъ и братъ, если они живы. Въ настоящемъ случаѣ, дабы почтить жениха и невѣсту, Царь самъ замѣнилъ невѣстѣ отца, а мнѣ приказалъ замѣнить ей брата, чѣмъ онъ и мнѣ оказывалъ великую честь. Невѣста, сопровождаемая двумя офицерами, пошла въ церковь пѣшкомъ (церковь находилась возлѣ самаго ея дома). Царь и я встрѣтили ее на паперти и ввели въ церковь. Стала она по лѣвую руку жениха, какъ при вѣнчаніи въ Даніи. Все совершалось безъ малѣйшаго благоговѣнія и съ суетными пріемами, точно дѣло происходило не въ храмѣ. Кругомъ всѣ шумѣли, болтали, смѣялись, даже бранились между собою. Когда вернулись изъ церкви въ домъ, то за одинъ столъ посадили: молодыхъ подъ балдахиномъ, форшнейдера рядомъ съ новобрачною и всѣхъ женщинъ вообще, а за другой напротивъ: невѣстина отца и брата, т. е. Царя и меня, тоже подъ переноснымъ балдахиномъ, и по обѣ стороны отъ насъ невѣстиныхъ друзей. Вдовствующія царицы со своими придворными кушали въ отдѣльной комнатѣ. Маршалъ началъ съ чаши молодыхъ, потомъ предложилъ здоровье ближнихъ друзей невѣсты. Въ качествѣ таковыхъ (пока послѣдняя чаша обходила кругомъ), Царь и я должны были стоять, а въ заключеніе благодарить присутствующихъ. Потомъ пили чашу маршала, за нею чашу шаферовъ и самою послѣднею чашу форшнейдера. Далѣе, при питьѣ никакого порядка не соблюдалось. Послѣ обѣда танцовали, преимущественно Польскіе танцы; танцовали какъ у насъ, сперва медленно, затѣмъ веселѣе и, наконецъ, пускались въ прискачку. Выходили не иначе какъ по три пары заразъ. Пары начинали съ того, что кланялись молодымъ, всѣмъ поѣзжанамъ и взаимно другъ другу, затѣмъ шли на нижній конецъ комнаты, кланялись тамъ женщинамъ, потомъ опять возвращались назадъ, повторяли поклоны молодымъ и проч. и тогда уже принимались танцовать. Маршалъ съ молодою открылъ танцы. За нимъ танцовали Царь и я.

30 Января. Меня посѣтилъ г.-лейт. Алартъ, кавалеръ ордена Св. Андрея. Онъ считается однимъ изъ лучшихъ царскихъ генераловъ и стяжалъ себѣ извѣстность въ битвѣ подъ Полтавою. Родомъ онъ Прусакъ и повидимому человѣкъ умный и честный.

Послѣ полудня Царь обѣдалъ у посланника Грунта. У Царя есть поваръ Іоганъ фонъ Фельтенъ, уроженецъ графства Дельменгорстъ. Такъ какъ онъ очень боится щекотки и не любитъ Шведовъ, то Царь постоянно щекочетъ и дразнитъ его, называя Шведомъ, хотя въ сущности весьма къ нему милостивъ и внимателенъ. Такъ было и здѣсь: Царь

началъ его щекотать и бранить Шведомъ; но Фельтенъ увернулся и прибѣгнулъ подъ мою защиту, прося ходатайствовать у Царя, чтобъ онъ пересталъ его щекотать. Но Царь зажалъ мнѣ ротъ, потребовавъ, чтобъ я за него не просилъ, такъ какъ Фельтенъ будто бы Шведъ. Когда же поваръ закричалъ, что нѣтъ, что онъ родился въ Дельменгорстѣ, то Царь возразилъ: «ты Шведъ, потому что родился въ Бременѣ, въ Верденѣ». Этимъ онъ безъ сомнѣнія намекалъ на посланника Грунта, который дѣйствительно родомъ изъ Бремена.

31 Января. Царь Самоѣдовъ, Французъ Вимени, опившись во время «славы», скончался. Царь, всегда заботливо относящійся къ своимъ придворнымъ и обыкновенно провожающій до могилы прахъ послѣдняго изъ своихъ слугъ, приказалъ устроить ему замѣчательные похороны. Самъ Царь, князь Меньшиковъ, Апраксинъ, его братъ Казанскій губернаторъ, канцлеръ и вице-канцлеръ, Московскій комендантъ и много другихъ важныхъ лицъ, одѣтые поверхъ платья въ черные плащи, провожали покойнаго, сидя на Самоѣдскихъ саняхъ, запряженныхъ Сѣверными оленями и съ Самоѣдомъ на запяткахъ. Сани эти сбиты изъ двухъ долгихъ кусковъ дерева и нѣсколькихъ поперечныхъ перекладинъ, на которыхъ лежитъ доска, слегка устланная сѣномъ. На Царѣ поверхъ той коричневой одежды, которую онъ носитъ всякій день, былъ черный плащъ, а всегдашняя его шапка была повязана чернымъ флёромъ. Отпѣвали его Iезуиты. Католическая церковь, весьма красивая, каменная, находится въ Нѣмецкой Слободѣ. Трудно описать, до чего былъ смѣшонъ этотъ похоронный поѣздъ, какъ на пути въ церковь, такъ и обратно.

Послѣ полудня Царь вмѣстѣ съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ пришелъ ко мнѣ на домъ для тайныхъ переговоровъ, и по окончаніи конференціи пробылъ у меня до 8-ми часовъ вечера.

2 Февраля. Послѣ долгаго промедленія и проволочекъ, посланника Грунта повезли, наконецъ, на прощальную аудіенцію. За нимъ присланы были отъ Царя два крытыхъ возка, оба шестерикомъ. Одинъ, старый, принадлежалъ Царю; другой, поновѣе, князю Меньшикову. Въ 10 ч. къ Грунту явился приставъ, нѣкій подполковникъ Преображенскаго полка. У себя въ домѣ посланникъ предоставилъ ему верхнее мѣсто, въ возкѣ же Грунту старшее мѣсто уступилъ приставъ. Въ другомъ возкѣ сидѣли королевско-Датскій комисаръ Бутенантъ-Розенбушъ и секретарь королевской миссіи г-нъ Schowboe. При слѣдованіи во дворецъ и обратно, Семеновскій полкъ, растянувшійся по дорогѣ, насколько у него хватало людей, стоялъ въ ружьѣ и съ распущенными знаменами; гдѣ проѣзжалъ посланникъ, тамъ били въ барабаны. Слѣдуетъ еще замѣтить, что когда Грунтъ ѣхалъ во дворецъ,

Царь, руководствуясь однимъ стариннымъ Русскимъ обычаемъ, нѣсколько разъ посылалъ сказать везшимъ его людямъ, чтобъ они останавливались, а затѣмъ приказывалъ имъ ѣхать снова. Дѣлалъ онъ это, чтобы показать свое могущество и власть; ибо какъ онъ, такъ и вообще всѣ Русскіе не отрѣшаются ни отъ одного изъ тѣхъ старыхъ обычаевъ, которые служатъ имъ къ возвеличенію, а въ настоящее время только и дѣлаютъ, что изучаютъ чужіе обычаи, пригодные для поддержанія ихъ достоинства и умноженія ихъ чести. Въ залѣ аудіенціи полъ и стѣны были устланы и увѣшаны Персидскими коврами. Въ верхнемъ концѣ ея справа стоялъ столъ, покрытый вышитымъ ковромъ; надъ столомъ былъ навѣсъ; слѣва отъ стола стояло кресло, усаженное множествомъ восточныхъ алмазовъ и самоцвѣтныхъ камней. Кресло это изготовлено въ 1636 г. для отца нынѣ царствующаго государя, царя Алексѣя Михайловича, о чемъ гласитъ Латинская надпись, вышитая на спинкѣ. Все кресло оковано золотомъ, въ которое и вставлены камни. Справа, опираясь на столъ, стоялъ Царь съ непокрытою головою. Къ столу вели три ступени. У дверей залы посланника встрѣтилъ камергеръ и подвелъ къ этимъ ступенямъ. Затѣмъ ему объявили, что въ виду прибытія другаго посланника и согласно требованія короля Царь отпускаетъ его. Съ своей стороны Грунтъ сказалъ Царю рѣчь, причемъ, какъ было условлено заранѣе, не перечислилъ полностью его титула. Было также рѣшено, что на аудіенціи посланникъ не сниметъ меча; это согласовалось впрочемъ съ договоромъ, заключеннымъ между Царемъ и блаженной памяти королемъ Датскимъ Христіаномъ V. Рѣчь свою посланникъ произнесъ по-нѣмецки, не измѣнивъ въ ней ни слова противъ текста, переданнаго имъ за два дня передъ тѣмъ въ спискѣ Русскимъ приказнымъ: ибо здѣсь прежде чѣмъ допустить посланника на аудіенцію требуютъ отъ него списка съ его торжественной рѣчи, что̀ въ сущности незаконно и въ другихъ государствахъ необычно. Этимъ путемъ Русскіе приказные хотятъ заранѣе узнать, не заключаетъ ли въ себѣ рѣчь чего-нибудь непріятнаго для ихъ правительства. Во время чтенія рѣчи, Царь по прежнему стоялъ у стола. Когда Грунтъ кончилъ, канцлеръ графъ Головкинъ передалъ ему царскую отпускную грамоту къ королю, запечатанную большою Россійскою государственною печатью и завернутую въ кусокъ красной тафты, послѣ чего посланникъ былъ допущенъ къ Царской рукѣ и поцѣловалъ ее. Царь просилъ Грунта кланяться е. в. королю Датскому. Королевско-Датскій комисаръ Розенбушъ и состоящій при посланникѣ секретарь королевской миссіи Schowboe, который равнымъ образомъ уѣзжалъ, тоже поцаловали у Царя руку. Затѣмъ Грунтъ вышелъ задомъ изъ залы, сѣлъ въ возокъ, и посольство прежнимъ по-

рядкомъ отвезено домой. Царь приказалъ угостить посланника въ его домѣ обѣдомъ. За столомъ, по Русскому обыкновенію, подавались сначала соленыя яства, затѣмъ жаркія и подъ конецъ супы. Все подавалось на серебряныхъ блюдахъ старинной работы. Передъ посланникомъ положили два большихъ ножа съ золотыми рукоятками и большую золотую ложку; передъ остальными же гостями лежали обыкновенныя серебряныя ложки. Чаши пились изъ большихъ серебряныхъ позолоченныхъ кубковъ. Очередной порядокъ ихъ былъ слѣдующій: чаша короля Датскаго, чаша Царя, чаша королевы Датской, чаша Датскаго наслѣднаго принца, чаша царевича Московскаго, чаша Датскаго королевскаго дома и чаша Русскаго царскаго дома; такимъ образомъ Датскій дворъ всегда предшествовалъ Русскому.

Передъ отъѣздомъ Грунта Царь пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами. Впрочемъ алмазы, въ виду ихъ плохаго достоинства и изъяновъ, не представляли большой цѣнности. Обыкновенно, передъ отбытіемъ иностранныхъ пословъ на родину, Царь въ замѣнъ денегъ, которыя въ этомъ случаѣ даются имъ при другихъ Европейскихъ дворахъ, даритъ ихъ соболями, чѣмъ соблюдаетъ экономію: ибо соболи, ежегодно поступающіе въ царскій приказъ изъ Сибири, достаются ему даромъ. Равнымъ образомъ и Грунтъ, получилъ 100 паръ соболей; впрочемъ опасаясь, что онъ не выручитъ ихъ стоимости, Грунтъ устроилъ такъ, что Русскіе приняли мѣха обратно и въ замѣнъ уплатили ему 1000 рублей.

5 Февраля. Царь катался по Нѣмецкой Слободѣ. Онъ велѣлъ привязать другъ къ другу 50 слишкомъ саней и въ переднія запречь десять лошадей. Самъ онъ сѣлъ въ переднія; въ остальныхъ размѣстились важнѣйшіе Русскіе сановники. Забавно было видѣть, какъ на поворотахъ, огибая угловые дома, сани раскатывались, опрокидывались и роняли сѣдоковъ. Едва успѣютъ подобрать упавшихъ, какъ у слѣдующаго поворота опять вывалятся человѣкъ 10—12, а то и больше. Царь любитъ устраивать подобнаго рода шутки, даже когда занятъ самыми важными дѣлами. Между тѣмъ всѣ дѣла онъ вѣдаетъ одинъ, ибо какъ на сушѣ, такъ и на морѣ долженъ самъ всѣмъ распоряжаться и притомъ рѣшать текущіе вопросы. Что̀ же касается его невѣжественныхъ, грубыхъ подданныхъ, то отъ нихъ Царь имѣетъ мало помощи, за то лично одаренъ совершеннымъ и высокимъ умомъ и такими широкими познаніями, что одинъ можетъ управлять всѣмъ.

10 Февраля. Получивъ разныя порученія отъ короля, я отправился рано утромъ къ Царю въ слободу, называемую Преображенскою. Расположена она верстахъ въ двухъ отъ Нѣмецкой Слободы. Царь живетъ тамъ на небольшомъ неказистомъ подворьѣ, построен-

номъ исключительно изъ лѣса и напоминающемъ священническій дворъ въ Норвегіи. Стража, приставленная къ воротамъ, которые всегда бываютъ заперты, никого на подворье не пускаетъ. Даже трудно добиться, чтобъ доложили. Сюда Царь удаляется съ двумя-тремя приближенными не столько для занятій, какъ во избѣжаніе всякихъ посѣщеній. Меня долго заставили ждать, наконецъ впустили-таки и доложили Царю о моемъ дѣлѣ. Онъ велѣлъ, чтобы я въ тотъ же день повидался съ его министрами и переговорилъ съ ними. Изъ Преображенскаго я поѣхалъ къ канцлеру графу Головкину и имѣлъ съ нимъ и съ вице-канцлеромъ Шафировымъ разговоръ по королевскимъ дѣламъ (какъ при этомъ, такъ и при другихъ свиданіяхъ канцлеръ въ своемъ домѣ всегда уступалъ мнѣ верхнее мѣсто). Въ концѣ концовъ рѣшили, что на слѣдующее утро мнѣ будетъ дана Царемъ аудіенція, впрочемъ не торжественная, а частная. Я попросилъ, чтобы для сопровожденія меня на аудіенцію прислали за мною по меньшей мѣрѣ камергера, но на это не согласились и назначили ко мнѣ только секретаря. Не смотря на всѣ старанія и просьбы, торжественной аудіенціи съ обычнымъ церемоніаломъ отъ Русскихъ министровъ добиться я не могъ. Предлогомъ къ отказу они выставляли то, что вѣрительная моя грамота къ Царю была запечатана не обычною королевскою государственною печатью, а лишь кабинетною подобно простымъ грамотамъ и что на адресѣ царскій титулъ приведенъ неполностью. Я однако заручился отъ канцлера письменнымъ удостовѣреніемъ въ томъ, что настоящая частная аудіенція не помѣшаетъ мнѣ въ свое время требовать аудіенціи торжественной. Я просилъ о такомъ удостовѣреніи, такъ какъ предлогомъ отказа служитъ обстоятельство по существу не имѣющее значенія: ибо подобнаго рода грамотамъ собственноручная подпись короля придаетъ болѣе вѣсу, чѣмъ ихъ печать или титулъ, выставленный на адресѣ. Но въ настоящую минуту мнѣ приходилось мириться съ предложеніемъ Русскихъ министровъ, такъ какъ обстоятельства не позволяли мнѣ входить съ ними въ долгія пререканія ни по этому, ни по многимъ другимъ вопросамъ.

11 Февраля. Рано утромъ я увѣдомился, что для сопровожденія меня на аудіенцію канцлеръ Головкинъ прислалъ мнѣ лишь секретаря. Тогда, принявъ во вниманіе отсутствіе въ данномъ случаѣ всякой торжественности, я предпочелъ отправиться на аудіенцію одинъ, въ виду чего велѣлъ сказать секретарю, что я еще не готовъ, что прошу его ѣхать впередъ, а самъ поѣду черезъ часъ. Секретарь уѣхалъ въ Преображенское. Спустя нѣкоторое время, отправился туда и я; секретарь встрѣтилъ меня у царскаго подворья и повелъ на такъ называемый Головкинскій дворъ, находящійся шагахъ во ста отъ царскаго домика.

Когда графъ Головкинъ прислалъ мнѣ сказать, что пора на аудіенцію, я поѣхалъ на царское подворье въ экипажѣ, причемъ секретарь предшествовалъ мнѣ пѣшкомъ. Графъ Головкинъ вышелъ ко мнѣ въ комнату смежную съ царскою, встрѣтилъ меня тамъ и повелъ къ его величеству. Не будучи еще готовъ, Царь стоялъ полуодѣтый, въ ночномъ колпакѣ. О церемоніяхъ онъ не заботится и не придаетъ имъ никакого значенія или по меньшей мѣрѣ дѣлаетъ видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія. Вообще, за отсутствіемъ въ числѣ царскихъ придворныхъ маршала, церемоніймейстера, камеръ-юнкера и пр., аудіенція моя походила скорѣе на простое посѣщеніе. Царь сразу, безъ всякихъ предварительныхъ привѣтствій, приступилъ къ бесѣдѣ о важныхъ предметахъ и съ участіемъ канцлера сталъ обсуждать государственныя дѣла. При этомъ, не соблюдая никакого опредѣленнаго порядка, мы то прохаживались взадъ и впередъ, то стояли на мѣстѣ, то садились.

Слобода, въ которой Царь далъ мнѣ аудіенцію, называется Преображенскою, ибо она состоитъ изъ бараковъ и домовъ Преображенскаго полка, главной царской гвардіи. Когда полкъ находится въ Москвѣ, въ Преображенской Слободѣ живутъ его офицеры и солдаты; когда онъ въ походѣ, тамъ остаются ихъ жены и дѣти. Среди этихъ-то бараковъ, на маленькомъ холмѣ, стоитъ деревянный царскій домикъ; вокругъ него разставлено небольшое количество пушекъ.

Наканунѣ капитанъ царскаго флота Вессель, Норвежецъ по происхожденію, пригласилъ меня на свою свадьбу; но (сегодня), въ самый день свадьбы, Царь съ утра послалъ сказать всѣмъ званымъ, въ томъ числѣ и мнѣ, что, по его распоряженію, она произойдетъ въ домѣ князя Меньшикова, и что мы имѣемъ явиться туда. Женихъ и невѣста, немало смущенные, прибыли въ домъ князя, захвативъ съ собою то, что̀ было ими приготовлено для свадебнаго пира. Маршаломъ на свадьбѣ былъ самъ Царь, а я посаженнымъ отцемъ жениха. Царь охотно соглашается бывать маршаломъ на свадьбахъ, чтобъ не быть вынужденнымъ сидѣть на одномъ мѣстѣ: положеніе повергающее его въ состояніе внутренняго безпокойства. Въ качествѣ маршала онъ, съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, лично явился за женихомъ и невѣстою и повелъ ихъ вѣнчаться. На свадьбѣ было весело; танцовали всѣ въ перемежку, кавалеры и дамы, дѣвки и слуги. Царь неоднократно являлъ мнѣ знаки великой и особливой своей милости. Вечеромъ его величество сопровождалъ молодыхъ домой. По пути, на улицахъ, пѣли и весело плясали подъ звуки музыки.

15 Февраля. По полудни канцлеръ Головкинъ прислалъ секретаря Остермана звать меня отъ имени Царя на торжественную аудіенцію Англійскому посланнику Витворту, котораго королева Англійская

только что назначила посломъ. На аудіенціи этой Витвортъ долженъ былъ принести отъ имени ея величества торжественное извиненіе по поводу насилія, по мнѣнію Царя, учиненнаго надъ царскимъ посломъ Матвѣевымъ, задержаннымъ при отъѣздѣ изъ Лондона, за долги...

7 Февраля. Царь, прибывъ ко мнѣ на домъ въ сопровожденіи Московскаго коменданта, князя Гагарина, сообщилъ мнѣ, что по извѣстіямъ, которыя привезъ изъ Турціи гонецъ, заключенный между нимъ и Турецкимъ императоромъ миръ, продолженъ еще на 20 лѣтъ, сверхъ срока опредѣленнаго трактатомъ. Въ жестахъ, въ минахъ и словахъ Царя выражалась сердечная его радость и удовольствіе по поводу этого событія. По всему городу тотчасъ затрезвонили въ колокола, съ вала раздалась пальба изъ орудій, и во всѣхъ церквахъ стали служить благодарственные молебны. Въ Россіи подобныя важныя происшествія всегда оповѣщаются колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Трезвонъ во всѣ колокола производитъ здѣсь ужасный шумъ и гулъ; ибо церквей въ Москвѣ пропасть, а при каждой церкви много колоколовъ. Хотя въ этотъ разъ трезвонъ и пальба выражали неподдѣльную радость Русскихъ въ виду отдаленія опасной войны съ Турками и вызывались чувствомъ искренней признательности къ Богу, ниспославшему имъ такое великое благополучіе, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ они поступили опрометчиво: ибо показали врагу, какъ они боятся войны съ нимъ, и какую цѣну придаютъ миру, въ слѣдствіе чего Турки стали въ самомъ дѣлѣ ихъ презирать.

Въ тотъ же день я узналъ о смерти князя Луки Долгорукова, сынъ коего и понынѣ состоитъ царскимъ посломъ въ Даніи. Умеръ онъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Накануне вечеромъ въ Преображенской Слободѣ, въ гостяхъ у Царя, ему предложили выпить большой кубокъ вина. Но трезвый отъ природы, 70-ти лѣтній князь, женившійся всего за 4 дня тому назадъ, рѣшился выпить часть кубка чтобъ не быть вынужденнымъ выпить его весь. Узнавъ о томъ, Царь велѣлъ ему выпить стаканъ водки размѣромъ, какъ увѣряютъ, въ полтора пэля *). Лишь только Долгоруковъ выпилъ этотъ стаканъ, ноги у него подкосились, онъ лишился чувствъ и въ обморокѣ былъ вынесенъ въ другую комнату; тамъ онъ черезъ часъ и скончался. Говорятъ смерть его весьма опечалила Царя, но въ виду полученной на слѣдующій день радостной вѣсти о продленіи мира съ Турками, горе было изобильно залито добрымъ Венгерскимъ виномъ.

20 Февраля. Статскій совѣтникъ посланникъ Грунтъ выѣхалъ изъ Москвы. Какъ самъ онъ съ женою, такъ и люди его, а равно и вещи направились на Кіевъ, чтобы слѣдовать далѣе чрезъ Польшу.

---

*) Pägl=¼ литра.

21 Февраля. Желая поселиться на томъ подворьѣ, которое всегда предоставлялось Датскимъ посланникамъ, я снесся по сему предмету съ графомъ Головкинымъ и немедленно получилъ его согласіе. Означенное подворье, сплошь деревянное, называется Бахарахтовымъ и стоитъ особнякомъ въ уединенномъ мѣстѣ, сейчасъ за Нѣмецкою Слободою, на небольшомъ холмѣ, на самомъ берегу рѣки Яузы. При немъ большой фруктовый садъ со множествомъ плодовыхъ деревьевъ, лугъ, дающій сорокъ возовъ сѣна въ годъ, маленькая березовая роща и разные пруды и садки съ рыбою всевозможныхъ породъ. Подворье представляетъ еще то большое преимущество, что по своему уединенному загородному положенію не подвергается опасности отъ пожаровъ, каковые часто случаются въ Москвѣ и истребляютъ цѣлыя улицы, посады, а иногда и полгорода.

Въ Москвѣ есть большое кирпичное подворье, называемое Посольскимъ, въ которомъ въ прежнее время останавливались посланники и послы, но гдѣ теперь, вслѣдствіе темноты и разныхъ другихъ неудобствъ, никто изъ иностранныхъ представителей не живетъ. Впрочемъ, Датскіе посланники пользуются въ немъ нѣсколькими комнатами для склада вещей и хранятъ здѣсь отъ воровъ и пожаровъ бо̀льшую, а равно и цѣннѣйшую часть своего имущества. Я тоже сберегалъ въ этихъ комнатахъ часть моего добра.

23 Февраля. Прусскій посланникъ Кейзерлингъ, ѣздившій къ своему двору, вернулся, о чемъ извѣстилъ меня чрезъ посланнаго. Со своей стороны я немедленно послалъ его поздравить. Въ тотъ же день я былъ званъ на свадьбу Казанскаго и Астраханскаго генералъ-губернатора Петра Матвѣевича Апраксина. Адресованное мнѣ приглашеніе, во свидѣтельство Русской надменности, перечисляло всѣ его званія и должности. Апраксинъ этотъ приходится братомъ адмиралу Ѳеодору Матвѣевичу, который, въ свою очередь, недавно назначенъ Азовскимъ губернаторомъ (въ ту зиму вся Россія была раздѣлена на восемь губерній). Отъ приглашенія я отказался, такъ какъ лежалъ несовсѣмъ здоровый въ постели.

Наступалъ великій постъ, и какъ въ низшемъ, такъ и въ высшемъ сословіяхъ всѣ спѣшили свадьбами, потому что въ теченіе самаго поста нельзя вѣнчаться. Въ Россіи постомъ даже половое общеніе между супругами не дозволено.

24 Февраля. Настала первая недѣля поста. Въ этотъ день я переселился на Бахарахтово подворье, гдѣ до меня жилъ посланникъ Грунтъ.

27 Февраля. Былъ въ звѣринцѣ, находящемся недалеко за городомъ. Большая извѣстность, которою онъ пользуется за границею, на

самомъ дѣлѣ мало заслужена: въ немъ (показываютъ) только льва и львицу, леопарда, двухъ совершенно черныхъ россомахъ, желто-коричневаго соболя и нѣсколько чернобурыхъ лисицъ.

28 Февраля. Присутствовалъ на свадьбѣ у одного купца, на которой Царь былъ маршаломъ. За свадебнымъ пиромъ пришла вѣсть о томъ, что маіоръ Ностицъ взялъ штурмомъ Эльбингенъ. Царь былъ весьма веселъ и нѣсколько разъ оказывалъ мнѣ особенное вниманіе; такъ, между прочимъ, взявши одну изъ царевенъ, приходящихся ему племянницами, чтобы танцовать съ нею Польскій, онъ приказалъ князю Меньшикову танцовать со второю царевною, а мнѣ съ третьею. Царь желаетъ, чтобы танцовали не иначе, какъ по три или по пяти паръ заразъ; если же танцуютъ въ двѣ или въ четыре пары, онъ говоритъ, что это по-шведски, и провинившихся заставляетъ выпивать въ наказаніе большіе стаканы вина. Вниманіе, оказываемое мнѣ, должно было служить мнѣ возмѣщеніемъ за тотъ не совсѣмъ удовлетворительный отвѣтъ, который я получилъ недавно на тайной конференціи. Ибо если въ Россіи довольствоваться отвѣтами in terminis generalibus, то почестей и вѣжливостей, да и денегъ на придачу, не оберешься. Если же, согласно присягѣ и долгу, энергично настаивать на соблюденіи интересовъ своего государя, то дѣло принимаетъ другой оборотъ: кругомъ видишь недовольныя лица и подвергаешься различнымъ мелкимъ непріятностямъ. Но разумѣется тотъ, кто хочетъ вѣрно служить своему господину, не долженъ обращать на это вниманіе.

На свадебномъ пиру Царь выпилъ за процвѣтаніе обоихъ флотовъ (Русскаго и Датскаго), при чемъ только мнѣ и князю Меньшикову, занимающему во флотѣ должность капитана-командора, позволилъ благодарить его за этотъ тостъ.

Путешествуя обыкновенно съ весьма малочисленною свитою, Царь почти всегда тщательно ото всѣхъ скрываетъ время своего отъѣзда. Дѣлаетъ онъ это съ одной стороны, чтобы оберечься отъ злоумышленниковъ, съ другой, чтобъ нежданно являться на мѣсто, куда ѣдетъ, и провѣрять, все-ли тамъ сдѣлано согласно его велѣніямъ. Также неожиданно уѣхалъ онъ и теперь. Однако, какъ ни соблюдалась тайна, все же можно было заподозрить, что онъ уѣдетъ въ тотъ самый вечеръ. Правда, министры, которыхъ я расспрашивалъ насчетъ этого, увѣряли, будто они ничего не знаютъ; но въ сущности это была ложь, потому что, придя со свадьбы, Царь говорилъ присутствующимъ «прости, прости», какъ бы указывая тѣмъ, что со всѣми разстается. Онъ тотчасъ же сѣлъ въ сани и поѣхалъ прямо въ Петербургъ, безъ министровъ и свиты, въ сопровожденіи всего двухъ-трехъ слугъ. Выбылъ онъ изъ Москвы въ полночь.

В. Н. КАРАЗИНЪ И ГОСПОДСТВО НАДЪ ПРИРОДОЮ.

Среди Греческихъ миѳовъ отличается своимъ глубокимъ, міровымъ значеніемъ сказаніе о Сфинксѣ. Содержаніе его извѣстно: чудовище всякому проходящему мимо него предлагаетъ загадку; не разгадавшій ея платится жизнью, а самъ Сфинксъ долженъ погибнуть, какъ только отвѣтъ будетъ найденъ. Весь человѣческій родъ стоитъ предъ великимъ Сфинксомъ—жизнью, и человѣческій родъ погибнетъ, если не разгадаетъ загадки. Хроносъ тотъ же Сфинксъ, который потому и пожираетъ своихъ дѣтей, что они, по своей розни, недосужеству, ради торгово - промышленной и городской суеты, не въ состояніи рѣшить загадку, заключающуюся во всей жизни, во всемъ мірѣ. Загадка эта — зависимость существъ сознающихъ и чувствующихъ отъ слѣпой безчувственной силы. Невѣдомая сила, по скольку она невѣдома, есть палачъ; невѣдѣніе есть величайшее преступленіе, наказуемое смертною казнью. Какъ тьма и мракъ исчезаютъ при свѣтѣ, такъ исчезнетъ слѣпая сила, но только тогда, когда свѣтъ будетъ просвѣщать *всякаго* человѣка грядущаго въ міръ, а не будетъ сосредоточиваться въ меньшинствѣ, гдѣ онъ теряетъ свои истинныя свойства, оставаясь однимъ блескомъ. Пока одно сословіе обладаетъ нѣкоторымъ знаніемъ, но безъ силы, а другія—силою, лишенною знанія, а потому очень ограниченною, до тѣхъ поръ знаніе не будетъ правящею силою, не будетъ истиннымъ знаніемъ. Но хвастовство человѣческое (а XIX вѣка въ особенности) называетъ познаніемъ и обладаніемъ и то, что вовсе не заслуживаетъ такого названія. Искорка электрической машинки, можетъ быть, и имѣетъ всѣ свойства молніи, а трескъ ея — грома; но такое воспроизведеніе грозовой силы не дѣлаетъ насъ Юпитерами и не освобождаетъ отъ его власти. Даже громоотводъ въ смыслѣ Каразинскомъ *), только при повсемѣстномъ распространеніи и при управленіи имъ по одному плану, можетъ быть

*) Если вообще этотъ снарядъ окажется способнымъ къ дѣйствію; а испытать это легко, такъ какъ всѣ Европейскія войска въ послѣднее время стали снабжаться аэростатами,

и то лишь первымъ шагомъ въ дѣлѣ управленія слѣпымъ метеорическимъ процессомъ земли.

Для человѣчества существуютъ два исхода: или признать, что жизнь есть зло и потому требуетъ уничтоженія (буддизмъ) или убѣдиться, что жизнь есть благо и потому требуетъ возстановленія (христіанство) *). Въ послѣднемъ случаѣ обращеніе слѣпой силы, несящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, въ живоносную, можетъ и должно объединить всѣхъ людей.

Сами силы природы какъ бы требуютъ, чтобы люди управляли ими, и показываютъ, откуда должно начать это дѣло. Пока во всемірной исторіи главную роль играли океаническія страны, съ мягкимъ климатомъ и ласковымъ небомъ, вопросъ объ управленіи метеорическими явленіями могъ оставаться незамѣченнымъ; но съ тѣхъ поръ какъ на историческую арену выдвинуты страны материковыя съ рѣзкими колебаніями погоды, внезапными переходами отъ бездождія къ ливнямъ, вопросъ этотъ сталъ настойчиво требовать разрѣшенія. И если въ Россіи онъ не былъ затронутъ до сихъ поръ, то лишь потому, что мы все время находились подъ умственнымъ игомъ тѣхъ странъ, въ которыхъ онъ не имѣетъ такого остраго значенія. Къ тому же, для разрѣшенія его необходимы иные пріемы, иные способы, которыхъ мы не находимъ у нашихъ учителей. Слѣдуетъ измѣнить самый способъ произведенія опыта, довести его до всеобщности, повсемѣстности и постоянства, соединить всѣ опытныя изслѣдованія въ одно. Къ счастію, въ то время, когда слѣпая природа подъ страхомъ истребленія требуетъ соединенія всѣхъ разумныхъ силъ, а разумныя силы вооруженныя истребительнѣйшими орудіями невольно приходятъ къ вопросу о необходимости разоруженія и вмѣстѣ съ тѣмъ къ невозможности его,—открывается способъ изъ величайшаго зла сдѣлать величайшее благо. Народы, обращенные въ войска, т. е. въ массы дѣйствующія по одному плану вполнѣ удовлетворяютъ основнымъ условіямъ великой общей работы—повсемѣстности и всеобщности. Стоило бы только ввести метеорологическія наблюденія въ войска при ихъ мирномъ обученіи, чтобы не только рѣшить вопросъ о пригодности Американскаго способа вызывать дождь, но и Каразинскаго, да и вообще всѣхъ возможныхъ способовъ воздѣйствія на природу, которые не замедлятъ открыться, какъ только на нихъ будетъ обращено исключительное напряженное вниманіе. Мѣра эта не потребуетъ лишнихъ затратъ.

Во всякомъ случаѣ оставаться безучастными зрителями метеорическихъ погромовъ, подобныхъ тому, который испытанъ Россіей въ

*) Считать же благомъ уничтоженіе значитъ признавать, что вовсе нѣтъ блага.

этомъ году мы не можемъ, ибо при истощеніи земли неурожаи становятся все страшнѣе и страшнѣе. Все настойчиво призываетъ насъ къ общему (въ истинномъ смыслѣ) дѣлу.

Мы вѣримъ, что Россія, побѣдоносно вышедшая изъ борьбы съ кочевымъ Исламомъ и городскимъ Западомъ, найдетъ силы одолѣть какъ восточный фатализмъ, такъ и западный индивидуализмъ и объединиться въ общемъ дѣлѣ, по образу и подобію Троицы нераздѣльной и несліянной, какъ образца, въ которомъ единство не будетъ стѣсненіемъ, а самостоятельность личности рознью.

*

Сколько намъ извѣстно, В. Н. Каразинъ первый у насъ въ Россіи проводилъ мысль о возможности измѣнять по своему желанію состояніе погоды. Хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, почему это дѣло такъ важно и многозначительно, однако его предположеніе представляетъ для насъ большой интересъ. Особенно въ настоящее время, когда неурожай 1891 года вызвалъ столько плановъ о предупрежденіи голодовокъ, не безполезно возстановить въ памяти проектъ Каразина, предложенный около 80 лѣтъ тому назадъ, и до сихъ поръ не подтвержденный и не отвергнутый опытомъ. Нижепомѣщенное сужденіе о немъ Русскаго академика изъ Нѣмцевъ и голословно, и небезпристрастно. Каразину принадлежитъ первая самобытная попытка измѣнить способъ естествоиспытанія и положить начало великому дѣлу.

Постараемся выяснить исторію его проекта, т. е. какимъ образомъ Каразинъ дошелъ до мысли о метеорической регуляціи, и какъ отнеслись къ этой мысли его современники.

Василій Назарьевичъ Каразинъ (род. 30 Января 1773 г. въ селѣ Кручикѣ Слободско-Украинской губ., скончался въ Крыму 4 Ноября 1842 г.), по своему нравственному облику, является однимъ изъ достопамятнѣйшихъ людей Александровскаго времени. Съ обширнымъ образованіемъ, неутомимой энергіей и пониманіемъ людей соединялъ онъ заносчивость и крайнюю неразборчивость въ средствахъ. Заслуживъ смѣлой выходкою благосклонное вниманіе молодаго Государя, Каразинъ быстро выдвинулся передъ другими, запросто призываемъ былъ въ кабинетъ Александра Павловича и обмѣнивался съ нимъ мыслями. Дѣятельность Каразина за это время очень плодотворна. Но ему не удалось удержаться на высотѣ: Государь быстро охладѣлъ къ нему, и уже 27 Августа 1804 г. Каразинъ принужденъ былъ навсегда оставить службу. Съ тѣхъ поръ, проживая преимущественно въ своей Харьковской деревнѣ, Каразинъ посвятилъ себя ученой дѣятельности и распространенію техническихъ свѣдѣній. Обширными и разнообразными по-

знаніями онъ удивлялъ современниковъ [1]). Профессоръ Кнорре послѣ разговора съ нимъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы астрономія не была предметомъ его исключительныхъ занятій. Онъ былъ самъ помѣщикомъ и не могъ не обратить вниманія на бѣдствія, причиняемыя земледѣлію внезапными перемѣнами погоды. Усердно занимаясь въ своей деревнѣ метеорологическими наблюденіями, онъ пришелъ къ убѣжденію, что, измѣнивъ способы изученія метеорологіи, можно достигать точныхъ предсказаній погоды. Посвященную этому вопросу записку онъ прочелъ въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Естествоиспытателей 15 Марта 1810 года [2]).

Прежде всего Каразинъ указалъ на печальное положеніе метеорологіи и на *пользу*, которую она могла бы приносить.

«Ненужно распространяться передъ вами въ изложеніи пользы метеорологіи, приведенной подъ правила. Наука, которая руководствуетъ земледѣліемъ въ благотворительныхъ трудахъ онаго и предупреждаетъ неурожаи, которая можетъ приносить пользу въ торговлѣ, мореплаваніи и *самой тактикѣ*, которая, наконецъ, даетъ правительствамъ способъ отвращать дороговизну или, по крайней мѣрѣ, умѣрять дѣйствіе оной—такая наука (если когда-либо метеорологія получитъ это имя) превыше всѣхъ похвалъ».

Неуспѣшность изслѣдованій, по мнѣнію Каразина, происходила отъ того, что «наблюденія не имѣли между собою достаточной связи и не были ни довольно многочисленны, ни довольно разсмотрены въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ».

«Наблюденія производимыя до сихъ поръ несообразны съ обширностью наблюдаемаго предмета, ибо какая цѣпь наблюденій потребна для такого пространнаго предмета, каковъ весь шаръ земной?.. Итакъ, если у насъ нѣтъ опредѣлительныхъ понятій о причинахъ атмосфери-

---

[1]) Вотъ что́ говоритъ про Каразина неизвѣстный авторъ статьи о П. Ф. Вернетѣ. („Современникъ“ Февраль 1854 г. 172). „Ни одна отрасль наукъ или искусствъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія: отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни, онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ, теоретически. Его библіотека обнимала, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли человѣческаго знанія. Это былъ умъ жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой знанія. Живя поочередно то въ городѣ, то въ деревнѣ, онъ, не смотря на ихъ отдаленность отъ центровъ просвѣщенія, слѣдилъ за всѣми движеніями вѣка, получалъ множество журналовъ и книгъ и, дѣятельно занимаясь всѣмъ по немногу, поощрялъ и другихъ къ самобытнымъ занятіямъ, къ живому труду... Но страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода дѣлали его неспособнымъ къ холодному исполненію предначертаннаго и къ примѣненію своихъ величавыхъ плановъ“.

[2]) Записка читана по-французски и напечатана отдѣльно: Mémoire lu à la Société Impériale de Naturalistes de Moscou dans la séance du 15 Mars 1810, par le membre ordinaire B. N. Karasin. Kharkow 1812. in 8° p. 10. Книжка представляетъ большую рѣдкость. Переводъ ея помѣщенъ въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г. № XLIX стр. 265—274 и „Русской Старинѣ“ III, 719—22.

ческихъ перемѣнъ, то мы должны жаловаться не на недостатки въ пособіяхъ, но на слабость средствъ нами употребляемыхъ».

«Мы сотворены для изслѣдованія всего того, что̀ поражаетъ наши чувства. *Но усилія наши должны быть совокупныя, общія.* [1]) Всѣ частныя наблюденія, хотя бы они были сдѣланы самыми опытными и неутомимыми учеными людьми, суть ничто иное, какъ бѣглые взгляды на нѣкоторыя точки вселенной. Они могутъ пояснить наши знанія, не увеличивая оныхъ. Они въ состояніи, можетъ быть, воспламенить воображеніе, но никогда не составятъ опредѣлительныхъ правилъ для составленія науки».

«Пространство нашей имперіи, занимающей почти $^1/_6$ обитаемаго шара, учрежденіе уѣздныхъ училищъ, разсѣянныхъ въ многочисленныхъ мѣстахъ, и обязанность сихъ училищъ имѣть физическія орудія [2]), подчиненность одному начальнику обѣщаютъ самый счастливый успѣхъ по сему предмету, если бы въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣланы были ученыя и постоянныя наблюденія».

«Въ облегченіе наблюдателей можно было бы не обязывать ихъ правильною перепискою... Примкнутъ другія страны. Таблицы, составленныя по общему образцу, доставили бы вѣрныя и опредѣленныя наблюденія для рѣшенія общаго вопроса о причинахъ перемѣны атмосферы. И въ самомъ дѣлѣ, перемѣнамъ нашей атмосферы нѣтъ неточныхъ причинъ. Такимъ образомъ можно будетъ составить точную теорію и по ней со временемъ достигнуть возможности предсказывать важнѣйшія перемѣны времени на цѣлый годъ въ извѣстной странѣ, съ такою, по крайней мѣрѣ вѣрностью, какъ предсказываютъ на слѣдующій день дождь по паденію барометра».

Въ заключеніе, Каразинъ предложилъ Обществу составить комитетъ, который долженъ былъ сдѣлать «надлежащее о семъ предметѣ представленіе президенту (графу А. К. Разумовскому), который лучше всякаго могъ бы вспомоществовать этимъ видамъ». Сколько извѣстно, по единогласному приговору назначено было сообщеніе довести до свѣдѣнія президента; но на этомъ дѣло и остановилось.

Въ запискѣ своей Каразинъ говоритъ, что «мы не дойдемъ, вѣроятно, до познанія первоначальныхъ причинъ атмосферическихъ перемѣнъ, познанія, которое бы дало намъ возможность производить ихъ по нашему произволу».

Впослѣдствіи, онъ перемѣнилъ это мнѣніе.

Между тѣмъ на дворянскихъ выборахъ, происходившихъ въ Харьковѣ въ Январѣ 1811 года, Каразинъ предложилъ помѣщикамъ со-

---

[1]) Т. е. все нужно сдѣлать предметомъ знанія и всѣхъ познающими, не отдѣляя знанія отъ дѣйствія.

[2]) Обращеніе учителей въ наблюдателей, при условіи не отдѣлять наблюденія отъ обученія, дало бы истинный смыслъ наглядности въ дѣлѣ образованія и приготовляло бы учениковъ къ участію въ трудѣ познанія слѣпой силы и управленія ею—ко всеобщей повинности всѣхъ людей безъ различія пола.

ставить общество, «имѣющее предметомъ приложеніе наукъ и художествъ къ домоводству, въ намѣреніи сколько нибудь ослабить то вредное направленіе, которое наше домоводство взяло издавна, начинаясь и оканчиваясь однимъ винокуреніемъ, т. е. истребленіемъ лѣсовъ и развращеніемъ народа» [1]).

10 Марта того же 1811 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе Государя, «выраженное съ особливою милостью къ его членамъ». Правителемъ дѣлъ этого «Филотехническаго Общества» былъ избранъ, конечно, Каразинъ. Изъ отчетовъ общества видно, какъ разностороння была дѣятельность его основателя [2]).

Продолжительныя войны, которыми началось для Россіи новое столѣтіе, заставили правительство обратить вниманіе на болѣе правильное продовольствіе войскъ и усиленное производство пороха.

Еще съ 1809 года Каразинъ, занимаясь производствомъ селитры, дошелъ до мысли пользоваться для образованія селитряной кислоты электрическими искрами. Но чтобы избѣжать электрическихъ машинъ, «долженствовавшихъ быть необъятной величины», онъ задумалъ примѣнить къ этому дѣлу атмосферическое электричество.

Самъ Каразинъ объясняетъ въ письмѣ къ Слободско-Украинскому губернатору Муратову, какъ онъ дошелъ до этой мысли.

«Когда я сталъ размышлять, какимъ бы образомъ открытіе (о производствѣ селитры, по изобилію въ Россіи барды, которой большая часть пропадаетъ безполезно) приспособить къ производству въ большихъ мѣрахъ и искалъ идею о устроеніи электрическихъ машинъ, долженствовавшихъ быть необъятной величины, замѣнить другою, то вспомнилъ слова перваго изъ нынѣшнихъ естествоиспытателей, Гумбольта. «Поднимаясь на верхи Андовъ, говоритъ онъ, усматриваешь, что электрическая сила въ воздухѣ въ той же мѣрѣ прибываетъ, какъ теплота и влажность уменьшаются». Онъ вспомнилъ тогда же и опыты г. Рома (Romas), сдѣланные еще въ 1752, привлекать изъ облаковъ электрическую силу посредствомъ бумажнаго змѣя, пущеннаго на снурѣ». Стеченіе сихъ мыслей привело меня на предположеніе, что, употребивъ

---

[1]) См. Сборникъ истор. матеріаловъ извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. II-й в. Спб. 1889, стр. 505—6. Съ тѣхъ поръ прошло 80 лѣтъ и истребленіе лѣсовъ достигло такихъ размѣровъ, что метеорическій погромъ 1891 года въ значительной степени обусловленъ былъ этимъ истребленіемъ, а развращеніе народа, разслабляя хозяйственныя силы, сдѣлало его совершенно неспособнымъ противодѣйствовать этому погрому.

[2]) Отчетъ Филотехническому Обществу правителя его дѣлъ Каразина о происходившемъ послѣ Успенскаго съѣзда прошлаго 1814 г. (Читано въ публичномъ собраніи въ Харьковѣ 16 Генваря 1815 г.) Сборникъ Архива Собств. Канц., вып. II. 451—471. Филотехническому Обществу, правителя его дѣлъ Каразина отчетъ за первые 8 мѣсяцевъ 1817 г. Харьковъ. 32 стр. 19. Отчетъ за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 г. Харьковъ Унив. 1819, in 32, стр. 40 (эти 2 брошюры, представляющія большую рѣдкость, находятся въ Чертковской библіотекѣ).

вмѣсто сей ребяческой игрушки (змѣя), яко средства слабаго, да и недостаточнаго, по причинѣ надобности въ вѣтрѣ, большіе воздушные шары, на приличныхъ мѣстахъ убранные фольгой и удерживаемые на снурахъ, металлическою проволокою обвитыхъ, можно во всякое время извлекать изъ верхнихъ слоевъ атмосферы электрическую силу въ чрезвычайномъ количествѣ. Сего послѣдняго опыта я не дѣлалъ по недостатку способовъ: малое мое состояніе не дозволяетъ мнѣ предпринять столь значительныя издержки; но конечно никто изъ физиковъ не усумнится въ успѣхѣ, если когда нибудь правительству или богатому человѣку какому разсудилось бы соорудить таковые шары съ принадлежащимъ къ нимъ приборомъ. Если бумажные змѣи Рома и Франклина, имѣвшіе не болѣе 18 кв. футовъ плоскости и поднятые вѣтромъ не свыше 90 саженей, давали искры ужасной величины, которыхъ трескъ близкій къ грому былъ слышенъ на великомъ разстояніи: то чего должно ожидать отъ аэростата, котораго поверхность можетъ быть болѣе 1000 или 2000 кв. футовъ, плавающаго на высотѣ 2000 сажень въ *родимой*, такъ сказать, области электрическаго вещества? Польза для наукъ отъ важныхъ и блистательныхъ сихъ опытовъ не ограничилась бы моимъ селитровареніемъ. Это наименьшая польза!» [1])

Какую пользу думалъ Каразинъ извлечь изъ своего открытія, видно по письму его къ Аракчееву, который былъ избранъ почетнымъ членомъ Филотехническаго Общества (какъ *отличный* помѣщикъ). Аракчеевъ неизмѣнно оказывалъ покровительство Каразину [2]). Приводимъ письмо это въ сокращеніи.

«Открытіе о составленіи селитры посредствомъ облачной электрической силы назвалъ я принадлежащимъ къ числу *важнѣйшихъ*. Не причтите, м. г., къ самолюбію сего выраженія. Если опытъ, какъ надѣюсь я, совершенно утвердитъ мое предположеніе о низведеніи электричества съ верхнихъ слоевъ атмосферы, то будетъ пріобрѣтено *новое* орудіе, которымъ человѣкъ донынѣ еще не владѣлъ. Вода, воздухъ, огонь, мышцы животныхъ, тяжесть и расширеніе нѣкоторыхъ тѣлъ суть до сихъ поръ тѣ силы, которыми управляя, мы дѣйствуемъ въ машинахъ. Разсудите, ваше сіятельство, какія новыя послѣдствія окажутся, если мы завладѣемъ массою эклектрической силы въ атмосферѣ разсѣянной, если мы будемъ въ состояніи ею располагать по своей волѣ».

«Но въ воображеніи я еще гораздо болѣе предвижу. Поелику электричество употребляется природой *первымъ* орудіемъ къ произведенію метеоровъ, то *не достигнетъ ли когда нибудь посредствомъ онаго человѣкъ до возможности располагать по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ пространствѣ состояніемъ атмосферы, производить дождь и вёдро по своему произволу*? Вы столь просвѣщенны, м. г., что не станете смѣяться надъ симъ предположеніемъ, сколько оное ни дерзко. Предѣловъ наукъ, особливо же естествовѣдѣнія, никакъ невозможно опредѣлить. Разумъ человѣческій безпревывно подвигается впередъ, не взирая на всѣ пре-

---

[1]) Сынъ Отечества. 1817 г. кн. 42 см. также Сб. Ист. Матер. вып. II. стр. 508.

[2]) См. Р. Архивъ 1889. II, 55—57. Письмо Евгенія къ Анастасевичу. Причину, повидимому, надо искать въ близости Каразина къ Пукалову, другу Аракчеева.

пятствія. Чтò было бы уже доселѣ, еслибы правительства хотя половину тѣхъ чрезвычайныхъ способовъ употребляли на усовершенствованіе человѣческихъ познаній, которые истощаютъ, увы! на пріобрѣтеніе такъ называемой славы, на удовлетвореніе сраженій гибельныхъ для человѣческаго рода [1])».

Заинтересованный этимъ открытіемъ Аракчеевъ (письмо было получено въ Парижѣ) показалъ письмо Каразина извѣстному химику Шапталю, знатоку въ производствѣ селитры, который «содержаніе онаго въ полной мѣрѣ одобрилъ» [2]). Такое же мнѣніе высказалъ и комитетъ, учрежденный въ 1815 году по предписанію управлявшаго Военнымъ Министерствомъ князя Горчакова для разсмотрѣнія предложеній Каразина о продовольствіи войскъ сгущенными припасами и о приготовленіи селитры. Членъ комитета, профессоръ химіи и академикъ Шереръ отозвался, что «онъ по собственному усмотрѣнію, которое хочетъ издать въ свѣтъ, не иначе объясняетъ происхожденіе селитрянной кислоты и при обыкновенныхъ способахъ добыванія селитры, какъ вліяніемъ атмосфернаго электричества» [3]).

Менѣе одобренія и сочувствія встрѣтили мысли Каразина о регуляціи, *хотя на нѣкоторомъ пространствѣ*, состояній атмосферы. Аракчеевъ, вопреки надеждѣ, которую возлагалъ Василій Назаровичъ на его «просвѣщенность», не придалъ имъ сколько извѣстно, большаго значенія, а впослѣдствіи даже посмѣялся надъ этимъ предположеніемъ, назвавъ Каразина колдуномъ, низводящимъ по желанію съ неба дождь и молнію.

Наконецъ, Каразину удалось заинтересовать самого Государя Александра Павловича. Въ проѣздъ Государя черезъ Харьковъ, въ Сентябрѣ 1817 года, Каразинымъ были поднесены всеподданнѣйшій рапортъ объ учрежденіи и успѣхахъ Филотехническаго Общества и вышеизложенная записка о метеорологіи [4]). Вниманіе Государя обратилось особенно на слѣдующія слова записки:

«Приложеніе электрической силы верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка. Сіе важное изобрѣтеніе не могло иначе произведено быть къ дѣйствію, какъ только въ маломъ видѣ, за недостаткомъ способовъ. Оно достойно нашего вѣка и нынѣшней славы Россіи. Жалѣть буду какъ патріотъ, если кто въ чужихъ краяхъ нападетъ на сію самую идею».

Государь приказалъ статсъ-секретарю Василію Романовичу Марченкѣ доставить истолкованіе по поводу приведенныхъ словъ. И вотъ

---

[1]) Сборн. Ист. Мат. выпускъ I. 460—4. Письмо изъ Москвы отъ 9 Апрѣля 1814 года.
[2]) Сборн. Истор. Матер. вып. II. 511.
[3]) Тоже 503.
[4]) Тоже 504—7.

уже 10 Ноября того же года Слободско-Украинскій губернаторъ Муратовъ, пріобрѣтя необходимыя свѣдѣнія отъ Каразина, сообщалъ Марченкѣ разъясненія. 4 Января 1818 г. письмо это было прочитано самимъ Государемъ, и онъ повелѣлъ истребовать свѣдѣній отъ самого Каразина, который 4 Февраля прибылъ въ Москву и подалъ особую о томъ записку.

Статсъ-секретарь В. Р. Марченко, еще прежде чѣмъ записка была доложена Государю, спросилъ автора: «Изъ какихъ бы именно особъ состоять метеорологическому предполагаемому имъ комитету, на случай, еслибъ Высочайшей воли благоугодно было его учрежденіе?» Каразинъ, высказавшись за то, чтобы мѣстопребываніемъ комитета была Москва, ограничиваетъ число членовъ тремя лицами: самъ Каразинъ, профессоръ химіи Московскаго университета и Веймарскій ученый Габерле [1]).

Записка, поданная Государю, носитъ названіе: «О приложеніи электрической силы верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка». Приводимъ вкратцѣ ея содержаніе [2]).

Исходя изъ того, что «атмосфера тѣмъ болѣе изобилуетъ электричествомъ, чѣмъ болѣе отдаляется отъ земли», Каразинъ высказываетъ предположеніе: «Что самые верхніе слои воздуха состоятъ въ безпрерывномъ волненіи, какъ море въ бурную погоду, отъ непрестаннаго прилива и отлива электричества; симъ только образомъ можно изъяснить происхожденіе кажущейся неправильности метеоровъ, которые иногда не имѣютъ никакой причины въ положеніи земного шара на эклиптикѣ». Почему не думать, что человѣкъ можетъ заставить себѣ повиноваться и электрическую силу, подобно тому, какъ повинуются ему животныя, вода, воздухъ и огонь? Все дѣло лишь въ томъ, чтобы досягнуть до ея хранилища и устроить каналъ для проведенія ея на то или на другое употребленіе по нашей волѣ. Но хранилище сіе—высоты атмосферы; каналомъ можетъ служить всякая металлическая проволока, а воздушные шары якоремъ для удержанія конца сей металлической нити постоянно на надлежащей высотѣ». Упоминая о важныхъ химическихъ дѣйствіяхъ электричества, Каразинъ указываетъ, что «самая большая электрическая машина противу аэростата посредственной величины, одѣтаго полосами фольги и плавающаго въ высотахъ атмосферы, будетъ ребяческой игрушкой, будетъ то, что маленькая модель вѣтреннаго крыла противъ настоящей Англійской мельницы на ея ходу. Человѣкъ, со всѣмъ своимъ искусствомъ, *никогда не можетъ достигнуть до обширности дѣйствій неизмѣримыхъ массъ природы. Онъ только тогда и великъ, когда ими находитъ средство пользоваться* [3]). Опыты, производимые предполагаемымъ снаря-

---

[1]) Сб. Ист. Мат. выпускъ II. 514.

[2]) Оригиналъ находится въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Дѣло № 20,008, картонъ № 296. Напечатана въ Русской Старинѣ 1873 года.

[3]) Т. е. человѣкъ призванъ не состязаться съ природою, а управлять ею.

домъ, будутъ, конечно поразительны. Слѣдствіемъ могутъ быть: 1) ближайшее свѣдѣніе о причинахъ перемѣнъ и явленій въ атмосферѣ. Наблюденія сіи, соединенныя съ общими метеорологическими наблюденіями, представятъ возможность сдѣлать метеорологію точною наукою, т. е. наукою вычислять и предрекать погоды на опредѣленное время и мѣсто, подобно, напримѣръ, какъ астрономія предсказываетъ затмѣнія... Все это преимущественно возможно у насъ... Ни одно царство не можетъ представить столь обширнаго и разнообразнаго поля для наблюденія сего рода, какъ Россія. 2) Успѣхи химіи и технологіи... На Сѣверѣ мы будемъ преобращать наши произведенія въ вещества производимыя природою подъ вліяніемъ солнца. 3) Выгоды земледѣлія.

Но прежде чѣмъ ввести предлагаемое средство въ общее употребленіе, надлежитъ его испытать и довести до возможной удобности. Издержки на опыты будутъ приблизительно 20.000 р. Такъ какъ важно соединить опыты надъ электрической силой атмосферы съ метеорологическими наблюденіями, то надлежитъ учредить *государственный метеорологическій комитетъ* для руководительства наблюденія учителей и смотрителей».

Записка была доложена Государю 14 Февраля 1818 г., а 15 по Высочайшему повелѣнію сообщена князю А. Н. Голицыну, съ тѣмъ, чтобы онъ «предложилъ ее разсмотрѣнію ученыхъ по своему избранію и заключеніе ихъ довелъ впослѣдствіи до свѣдѣнія Его Им. Величества» [1].

Дѣло пошло очень быстро, не смотря на обширную переписку: записка отослана въ Академію Наукъ, конференція оной высказала свое мнѣніе, ученый комитетъ главнаго правленія училищъ согласился съ мнѣніемъ конференціи, послѣ было доложено министру, министръ увѣдомилъ статсъ-секретаря Марченка и препроводилъ записку о проектѣ Каразина въ Комитетъ Министровъ, затѣмъ еще разъ обратился съ запиской туда же, наконецъ донесъ Комитету Министровъ, дѣло доложено Государю и кончено 4 Августа 1818 года.

Въ конференціи Академіи Наукъ проектъ Каразина разбиралъ академикъ Николай Фуссъ. Такъ какъ его мнѣніе характерно и нигдѣ еще не напечатано, то приводимъ его вполнѣ [2]).

«Его превосходительству господину президенту Императорской Академіи Наукъ. Донесеніе. На предложеніе вашего превосходительства отъ 9 Марта № 46, конференція имѣетъ честь донести, что сочиненіе стат. сов. Каразина о возможности приложенія электрической силы верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка, о коемъ вы изволите требовать мнѣнія Академіи, содержитъ два проэкта. Въ первомъ проектѣ рѣчь идетъ о снарядѣ называемомъ изобрѣтателемъ электро-

---

[1]) Сб. Ист. Мат. вып. II, 512.

[2]) Архивъ М. Н. П. Дѣло № 20.008, картонъ № 296. Копія любезно сообщена намъ В. А. Чумиковымъ.

атмосфернымъ, который долженъ состоять изъ двухъ воздушныхъ шаровъ и изъ пустаго шара битой листовой посеребреной мѣди; первое нужно для поднятія въ вышніе слои атмосферы, гдѣ изобилуетъ электрическое вещество; конецъ металлической проволоки слегка посеребренной долженъ привлекать сіе вещество и проводить его въ мѣдный шаръ, назначенный быть ему хранилищемъ. Г. Каразинъ полагаетъ, что съ помощію снаряда возможно будетъ получать большое количество электрическаго вещества каждый разъ, когда въ томъ будетъ надобность для химическаго соединенія онаго съ другими тѣлами или для другихъ техническихъ надобностей. Сей снарядъ электро-атмосферный и дѣйствія, кои авторъ себѣ отъ онаго обѣщаетъ, основываются явственно или подразумѣваются по слѣдующимъ предположеніямъ.

1) Что человѣкъ имѣетъ великую надобность въ большомъ количествѣ электрической жидкости неизвѣстно для какихъ-то техническихъ надобностей; 2) что для полученія значительнаго количества сей жидкости, достаточнаго для сей потребности, непремѣнно должно оную добывать у самаго источника и дѣлать изъ оной запасъ; 3) что только въ вышнихъ слояхъ атмосферы и помѣщеніемъ изобрѣтеннаго г. Каразинымъ снаряда можно получать такое количество электрической жидкости; 4) что простой мѣдный шаръ болѣе пригоденъ для принятія и храненія сего вещества, нежели батарея Лейденскихъ бутылокъ; 5) что всегда будетъ во власти испытателя избѣгать или предупреждать опасныя дѣйствія, кои могли бы послѣдовать отъ излишняго накопленія электрическаго вещества, или другія несчастныя приключенія, кои трудно предвидѣть и избѣгать при семъ снарядѣ; 6) что всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ управляющему симъ снарядомъ возможно будетъ съ точностію узнавать, положительно ли или отрицательно электричество атмосферическое (которое, какъ извѣстно, перемѣняется иногда часъ отъ часу); 7) что слѣдственно всегда будутъ имѣть достовѣрность, чтобъ не разряжать пріемный шаръ, вмѣсто того, чтобъ его заряжать; 8) что воздушный шаръ средней величины достаточенъ для поднятія до значительныхъ высотъ конца металической проволоки, хотя шаръ и привязанъ къ веревкѣ обвитой сею проволокой, коей вѣсъ можетъ уже простираться до 400 или 500 п., полагая длину ея только въ 1000 футовъ, но столь крѣпкую, чтобъ она не разрываясь могла противиться собственной своей тяжести, подъемной силѣ и вѣтрамъ, колеблющимъ шаръ; 9) что дѣйствія электрической машины, коей стеклянный кругъ имѣлъ бы въ поперечникѣ 6 аршинъ, а прочій снарядъ соотвѣтствовалъ бы сему кругу, были бы настоящія дѣтскія игрушки въ сравненіи съ дѣйствіями, кои г-нъ Каразинъ предполагаетъ получить помощію своего снаряда.

Нельзя отрицать того, что атмосферическое электричество гораздо сложнѣе получаемаго посредствомъ тренія, и что дѣйствія, кои производить можно симъ электричествомъ, весьма превышаютъ дѣйствія электрической машины. Но уже давно извѣстны средства для полученія сего атмосфернаго электричества, и если въ послѣдствіи не радѣли о сихъ средствахъ, то причиною тому было, что они гораздо болѣе доставляютъ сего вещества нежели сколько нужно. Нѣсколько проводниковъ,

поставленныхъ отдѣльно, но имѣющихъ между собою сообщеніе посредствомъ металлическихъ проволокъ, коихъ одинъ конецъ можетъ быть проведенъ въ комнату и отдѣленъ быть можетъ при наступленіи грозы, достаточно для заряженія въ нѣсколько секундъ батареи, изъ 20 бутылокъ Лейденскихъ состоящей. По сему, помощію сего простаго, малостоящаго снаряда, въ нѣсколько пріемовъ можно получить электрической жидкости превышающей всѣ потребности, встрѣчающіяся въ техническихъ работахъ. И хотя вышніе слои атмосферы содержатъ въ себѣ болѣе электрической жидкости, однако безполезно было бы искать далеко то, что̀ имѣютъ вблизи. Кто отсюда поѣдетъ въ Шлиссельбургъ пить Невскую воду?

Сверхъ того опытами, дѣланными за 40 лѣтъ тому назадъ въ Гагѣ покойнымъ княземъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ [1]) съ электрическимъ зміемъ, доказано уже, что трудно удается заряжать батарею электричествомъ изъ вышнихъ слоевъ атмосферы по причинѣ перемѣнъ электрическихъ, безпрестанно существующихъ въ вышнихъ странахъ атмосферы [2]).

Сказанное дѣлаетъ болѣе нежели сомнительнымъ большую часть приведенныхъ предположеній, кои притомъ всѣ суть только гипотезы и ничѣмъ не доказаны. Посему 20,000 рублей, во сколько по утвержденію автора обойдется сей снарядъ, были бы истрачены понапрасну, и послѣдствія такого предпріятія не только мало соотвѣтствовали бы симъ издержкамъ, но весьма вѣроятно не могли бы быть сравнены съ тѣми дѣйствіями, кои получить можно помощію гораздо простѣйшихъ снарядовъ, употребленіе коихъ гораздо легче, надежнѣе и сопряжено съ меньшими издержками; какъ напримѣръ упомянутые выше сего проводники, гальваническій столбъ и даже электрическій змій, котораго дѣйствія уже дознаны опытомъ и на кои издержки въ сравненіи съ предлагаемымъ снарядомъ ни во что поставить можно.

Второй проектъ г. Каразина относится къ метеорологіи и состоитъ въ томъ, чтобъ составить центральное общество, подъ названіемъ Императорскаго Метеорологическаго комитета, который имѣлъ бы сношенія со всѣми наблюдателями метеорологическихъ явленій

---

[1]) Кн. Дм. Ал. Голицынъ род. 15 Мая 1714 г. Въ 1760—67 посланникомъ въ Парижѣ, въ 1769—82 посланникомъ въ Гагѣ. Скончался въ Брауншвейгѣ 23 Февраля 1803 г. Переписывался съ Вольтеромъ и велъ знакомство съ лучшими умами Европы. Усердно занимался естественными науками, написалъ по этой области нѣсколько значительныхъ трудовъ, издалъ полное собраніе сочиненій Гельвеція и Фальконета.

[2]) Acta Acad. Scientiarum M DCC LXXII in 4° 76—84. Petrop. Observations sur l'électricité naturelle par le moyen d'un serf-volant, adresseés à l'Academie par le prince Dimitri de Golitzin. Однако самъ Голицынъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ свою записку: „Въ заключеніе я долженъ обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что страна, въ которой я дѣлалъ эти наблюденія, низменна и всегда влажна; воздухъ въ ней безпрестанно наполненъ парами, при заходѣ солнца (время, въ которое я произвелъ нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій) обыкновенно подымается густой туманъ. *Въ странахъ болѣе возвышенныхъ вѣроятно слѣдуетъ ожидать гораздо болѣе интересныхъ явленій*". Неизвѣстно, почему ученый Нѣмецъ ссылается на выводы князя Голицына.

внутри и внѣ государства. На сей конецъ онъ предлагаетъ, чтобъ университеты Россійскіе снабжали училища своихъ округовъ метеорологическами орудіями и поставляли бы учителямъ или инспекторамъ въ обязанность дѣлать наблюденія по правиламъ, кои имъ будутъ даны.

Но мѣра сія введена уже въ употребленіе за 6 лѣтъ тому назадъ. (См. Наставленія для составленія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ записокъ по разнымъ наукамъ, изданныя отъ Главнаго Правленія Училищъ въ 1812 году, а въ ономъ статью: Наставленіе для дѣланія метеорологическихъ наблюденій). Г. Каразинъ обѣщаетъ, что сей второй проектъ, ежели оный будетъ произведенъ въ дѣйство, возведетъ метеорологію на степень точныхъ наукъ, и что въ семъ отношеніи Россія причислится къ образованнѣйшимъ государствамъ по части наукъ. Къ счастію, Россія достигла уже до сей степени гораздо важнѣйшими заслугами, оказанными ею наукамъ, и ей не *трудно* будетъ отказаться отъ славы способствовать проекту, который совсѣмъ не есть ни новъ, ни неслыханъ. Ибо уже за 30 лѣтъ тому назадъ въ Мангеймѣ, покровительствомъ и насчетъ послѣдняго Фальцкаго курфирста, учреждено было метеорологическое общество, подобное предполагаемому г. Каразинымъ. Сіе общество имѣло сношеніе со всѣми Европейскими государствами, гдѣ дѣлаютъ безпрерывно метеорологическія наблюденія. Оно сообщило наблюдателямъ общій планъ для руководства имъ, дабы возможно было при наблюденіяхъ и редакціи оныхъ соблюсти единообразіе. Оно доставило имъ всѣ нужныя орудія, дѣланныя подъ надзоромъ и насчетъ сего общества, имъ именно свѣренныя и приведенныя въ совершенное сходство. Оно собрало всѣ наблюденія, дѣланныя сими орудіями по предначертанному плану и обнародовало ихъ постепенно въ большихъ томахъ въ 4° со всѣми послѣдствіями, кои возможно было изъ того извлечь *).

Не взирая на сіе, метеорологія все еще столь же далека отъ степени науки какъ и за 40 лѣтъ и, вѣроятно, никогда до сего не достигнетъ, хотя бы съ метеорологическимъ наблюденіемъ и соединили электро-атмосферные опыты, какъ авторъ предлагаетъ, по слѣдующимъ причинамъ. Снарядъ г-на Каразина не можетъ доставить познанія о химическихъ дѣйствіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ и производящихъ перемѣны погоды. Предполагая даже, что физикъ могъ бы подняться съ воздушнымъ шаромъ и довольно долгое время оставаться на высотѣ, то онъ не нашелъ бы ничего того, что̀ авторъ утверждаетъ. Сей физикъ былъ бы свидѣтелемъ перемѣнъ, происходящихъ въ высшей атмосферѣ; но сіи перемѣны весьма различны отъ тѣхъ, кои происходятъ въ низкихъ слояхъ и кои производятъ погоду. Ибо облака суть проводники электричества атмосфернаго, и отъ свойства облаковъ или положительнаго, или отрицательнаго электричества, большаго или меньшаго возвышенія и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ зависитъ

*) Тутъ находятся также наблюденія, дѣланныя въ С.-Петербургѣ и въ другихъ городахъ государства, которыя Академія Наукъ сообщила сему обществу.

вліяніе, которое могутъ производить перемѣны, происходящія въ тѣхъ высотахъ.

Сіе въ тоже время доказываетъ теоретически ничтожность надежды возвысить метеорологію на степень точной науки, какъ то астрономія, что̀, какъ мы уже видѣли, доказано опытомъ. Великая задача въ метеорологіи состоитъ въ томъ, чтобы открыть большіе и малые періоды, по прошествіи которыхъ наступаютъ тѣже самыя перемѣны погоды, въ томъ же самомъ порядкѣ. Но сіи періоды, буде они и существуютъ, много сложнѣе, и ихъ труднѣе отыскать, нежели астрономическіе періоды, зависящіе отъ одного простаго и общаго закона, т. е. притяженія; при всемъ томъ потребны были наблюденія многихъ столѣтій для открытія ихъ.

Изъ сего можно заключить о малой пользѣ, которую доставилъ бы и второй проектъ г-на Каразина, хотя совокупленъ съ первымъ. Авторъ думаетъ, что опыты, дѣлаемые съ электро-атмосфернымъ его снарядомъ, будутъ имѣть послѣдствіемъ точнѣйшее познаніе о происхожденіи вѣтровъ, которое, по мнѣнію его, неизъяснимо, ежели не приписать оное вліянію, производимому надъ нашимъ земнымъ шаромъ безпрерывнымъ перемѣщеніемъ положенія планетъ. Онъ думаетъ, что сіе вліяніе происходитъ отъ электрической жидкости, которая на свѣтѣ самая тончайшая и самая сильнодѣйствующая, и что атмосферный воздухъ слишкомъ плотенъ, чтобы слѣдовать притяженію небесныхъ тѣлъ.

Онъ думаетъ, что съ помощію опытовъ, дѣлаемыхъ его снарядомъ, въ короткое время можно будетъ узнать, какимъ образомъ и въ какихъ случаяхъ положеніе небесныхъ тѣлъ дѣйствуетъ на нашу землю, также исчислить и предсказать для всякаго мѣста погоду, подобно тому какъ астрономы исчисляютъ и предсказываютъ затмѣнія.

Мы видѣли, что̀ должно думать о первомъ утвержденіи. Что̀ касается до обоихъ другихъ, что атмосферный воздухъ слишкомъ грубъ, чтобъ послѣдовать притяженію планетъ и что тѣ перемѣны положенія имѣютъ вліяніе на перемѣны атмосферы: то достаточно замѣтить, что первое противорѣчитъ основаніямъ астрономіи, физики и механики и что второе опровергается непримѣтною паралаксою планетъ и даже луною, которая, не взирая на близостъ ея, не имѣетъ примѣтнаго вліянія на океанъ. Сверхъ того явственно, что вліяніе планетъ на погоду, буде оно не есть ничтожно, непремѣнно во всякомъ положеніи будетъ одинаково для всѣхъ странъ земли. Сочиненіе г-на Каразина при семъ возвращается. Николай Фуссъ».

Кто-то замѣтилъ карандашомъ: „Не далеко Россія шагнетъ съ такими Фуссами“.

*

Такимъ образомъ ученый Нѣмецъ нашелъ, что проектъ Каразина не заслуживаетъ вниманія, и ученый комитетъ главнаго правленія училищъ заявилъ въ свою очередь, что онъ, будучи согласенъ съ мнѣніемъ конференціи Академіи Наукъ, полагаетъ, что предлагаемыя въ проектѣ Каразина предпріятія не будутъ соотвѣтствовать требующимся

на сіе издержкамъ, хотя не задолго до того на одну сѣрную кислоту для аэростата Леппиха было ассигновано 40.000 р. Леппихъ обѣщалъ построить воздушный корабль, который будетъ вмѣщать въ себѣ нужное число людей и снарядовъ для взорванія всѣхъ крѣпостей или истребленія величайшихъ армій. Неудивительно, что его проектъ внушилъ большой интересъ.

Словомъ, представители науки въ Россіи окончательно осудили дѣло Каразина. Они не замѣтили того, что̀ было въ немъ оригинальнаго и плодотворнаго; а между тѣмъ оно могло бы дать благодѣтельные результаты. Повсемѣстное учрежденіе метеорологическихъ станцій, при уѣздныхъ училищахъ, ввело бы свѣжую струю въ образованіе, а примѣненіе къ изученію метеорологіи эксперимента въ широкомъ значеніи измѣнило бы методъ этой науки. Однако самъ Каразинъ, хотя и понималъ смутно, что въ этой области силы отдѣльнаго человѣка не достаточны, не дошелъ до сознанія, что прочные результаты могутъ быть достигнуты лишь въ томъ случаѣ, если къ изслѣдованію природы будутъ привлечены народныя массы. Каразинъ мечталъ въ атмосферномъ электричествѣ найти новую силу, при помощи которой Россія, производя все потребное для жизни, могла бы существовать замкнуто, не сообщаясь съ другими націями. Надо ли его винить въ томъ, что въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ высшимъ идеаломъ общества онъ считалъ торгово-промышленную компанію?

Во всякомъ случаѣ Каразинъ въ такой степени выдѣлялся изъ современнаго общества, что планы его были недоступны пониманію людей даже и 60-хъ годовъ.

Фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» въ № 235 за 1854 годъ, разбирая книгу Реутовича о сельско-хозяйственной метеорологіи, смѣется надъ Каразинымъ и заявляетъ, что проекты о составленіи искусственной погоды для опредѣленной мѣстности заслуживаютъ такого же вниманія какъ реклама о маслѣ изъ жуковъ.

А сыну покойнаго Василія Назарьевича, Филадельфу Васильевичу, повидимому, очень почтенному человѣку, мысль объ управленіи атмосферическими явленіями казалась до того нелѣпой, что онъ поспѣшилъ печатно высказаться противъ такого поклепа на своего отца. Въ «Сѣверной же Пчелѣ» 1855 № 4, онъ долгомъ счелъ «сказать рецензенту скрывающемуся подъ литерами К. П., что В. Н. Каразинъ никогда нигдѣ не думалъ доказывать, что можно составлять искусственную атмосферу и погоду» Подобная мысль не могла прійти въ голову человѣку, который былъ нѣкогда дѣятелемъ въ ученомъ мірѣ и дѣятелемъ очень полезнымъ».

Почему же гипотезы и проекты въ данной области внушаютъ такъ мало довѣрія и такъ много скептицизма?

Въ нынѣшнемъ году можно было убѣдиться, что въ этомъ отношеніи скептицизмъ не убавился.

Въ то время, когда уже опредѣлилось, что во многихъ мѣстностяхъ собраннаго хлѣба не хватитъ, и правительство вмѣстѣ съ обществомъ дѣятельно хлопотало объ устраненіи грозящаго бѣдствія, въ Россіи сдѣлались извѣстны Американскіе опыты о низведеніи дождя. Слѣдовало бы ожидать, что Американскій способъ найдетъ себѣ многихъ ревностныхъ и усердныхъ сторонниковъ; но въ данномъ случаѣ представители нашей науки явились необыкновенно разсудительными и осторожными. Одесское Техническое Общество высказалось отрицательно о цѣлесообразности дѣйствій противъ засухи, но новаго въ замѣнъ ничего не предложило, хотя лишь опытомъ можетъ подтвердиться или опровергнуться Американскій способъ. Представители печати много писали объ этомъ дѣлѣ, т. е. много смѣялись, издѣвались, но не надъ тѣмъ что̀ дѣйствительно заслуживаетъ осужденія въ Американскихъ опытахъ (напримѣръ, что кто-то взялъ привиллегію на производство дождя), а именно надъ тѣмъ, что̀ въ нихъ есть самаго святаго... Одинъ изъ фельетонистовъ «ученой, университетской» газеты не могъ говорить безъ смѣха о генералѣ, ополчившемся противъ засухи; а другой въ той же газетѣ—въ величавомъ видѣлъ маниловщину, а въ избавленіи отъ голода сантиментальность.

Чѣмъ же объяснить такой скептицизмъ? Скажемъ словами того писателя, надъ книгою котораго смѣется фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» 1854 года, № 235: «Важность предмета не можетъ быть вполнѣ постигнута постоянными городскими жителями и цехомъ журнальныхъ критиковъ», словомъ, тѣми, у кого доселѣ въ рукахъ ключи къ разумѣнію. А когда важность этого *предмета* будетъ постигнута, тогда мы станемъ выискивать въ проектахъ подобныхъ Каразинскому лишь цѣнное, замѣняя и исправляя недосмотры и ошибки самимъ дѣломъ; тогда помянутъ добрымъ словомъ Каразина, и забытый, забракованный проектъ принесетъ его автору больше славы, чѣмъ даже основаніе Харьковскаго университета *).

*) Университетъ, по мнѣнію Каразина, долженъ быть не школа, по Нѣмецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище. Съ такимъ университетомъ соединена была его давнишняя, любимая мечта освобожденія Греціи: сюда послѣдняя должна была присылать своихъ сыновъ въ науку, и такимъ образомъ Россія воздала бы наконецъ Греціи за то, что̀ получила отъ нея за 1000 лѣтъ назадъ, свѣтъ христіанства и наукъ („Записка“ Фил. Вас. Каразина. Украинская Старина Г. Данилевскаго, 130).

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ.

I.

Прекращеніе крѣпостной зависимости.

А. Въ Тифлисской губерніи.

Вслѣдъ за обнародованіемъ, 19-го Февраля 1861 года, Высочайшаго манифеста объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи, въ Бозѣ почившему императору Александру II-му благоугодно было повелѣть бывшему намѣстнику Кавказскому, покойному генералъ-фельдмаршалу, князю Барятинскому, составить соображенія о постепенномъ распространеніи на Закавказскій край этой государственной мѣры.

Князь Барятинскій, признавъ, что постепенность освобожденія въ Закавказскомъ краѣ помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости должна выразиться въ послѣдовательномъ введеніи этой реформы по губерніямъ и частямъ края, въ которыхъ существовала крѣпостная зависимость крестьянъ, и имѣя въ виду, что таковыми являлись губерніи Тифлисская и Кутаисская, и тогда еще отдѣльное Мингрельское владѣніе, счелъ возможнымъ немедленно приступить къ предварительнымъ распоряженіямъ по губерніи Тифлисской. Въ этихъ видахъ было предписано Тифлисскому губернатору открыть по уѣздамъ особые комитеты, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ членовъ по избранію дворянства, возложивъ на нихъ обязанность заняться приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ существовавшихъ между помѣщиками и ихъ крестьянами отношеній, и обсудить лучшіе способы устройства быта этихъ крестьянъ сообразно мѣстнымъ особенностямъ. Одновременно былъ, для руководства всѣмъ этимъ дѣломъ, учрежденъ центральный при главномъ управленіи намѣстника комитетъ, подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго

управленія [1]), изъ начальника губерніи [2]) и губернскаго предводителя дворянства. Вслѣдствіе особой просьбы дворянства было разрѣшено уѣздныя коммисіи замѣнить уѣздными дворянскими съѣздами, предположенія которыхъ затѣмъ разсмотрѣть въ губернскомъ собраніи. Вскорѣ за тѣмъ князь Барятинскій, по болѣзни, вынужденъ былъ выѣхать изъ края и, хотя онъ, до Декабря 1862 года, сохранялъ званіе намѣстника Кавказскаго, но на высокій постъ свой болѣе не возвращался, передавъ, съ Высочайшаго соизволенія, исправленіе своихъ обязанностей генералъ-адъютанту князю Орбельяни. Въ это переходное время дѣло крестьянской реформы вовсе не подвинулось; дворянство, по уѣздамъ и по губерніи, хотя и собиралось для совѣщаній, но ни къ какому положительному заключенію не приходило; центральный-же комитетъ, въ ожиданіи имѣвшихъ поступить на его разсмотрѣніе заявленій, оставался въ бездѣйствіи.

Въ такомъ неподвижномъ положеніи засталъ это важное дѣло вновь назначенный намѣстникъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, по пріѣздѣ своемъ въ Тифлисъ въ Мартѣ 1863 года. Озабочиваясь исполненіемъ Верховной воли о скорѣйшемъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, новый намѣстникъ, черезъ начальника губерніи, предложилъ дворянству безотлагательно приступить къ составленію своихъ предположеній. Требованіе это было исполнено, и въ Іюлѣ 1863 года былъ представленъ подписанный 539 лицами, дворянами Тифлисской губерніи, проектъ положенія по крестьянскому дѣлу, а также особое по сему предмету мнѣніе 14 лицъ, не согласившихся съ постановленіемъ большинства. Всѣ подписавшіе оба мнѣнія единогласно, по примѣру дворянства внутреннихъ губерній, изъявляли полную готовность на прекращеніе крѣпостной зависимости подвластныхъ имъ крестьянъ, расходились же мнѣнія лишь на почвѣ имущественныхъ условій этого освобожденія.

Я вступилъ въ первыхъ числахъ Сентября 1863 года въ исполненіе обязанностей начальника главнаго управленія намѣстника Кавказскаго и предсѣдателя центральнаго Закавказскаго комитета по устройству помѣщичьихъ крестьянъ, и занятія мои съ этого времени тѣсно связались съ крестьянскимъ дѣломъ въ краѣ. Составъ самого центральнаго комитета былъ усиленъ; независимо отъ начальника губерніи и предводителя дворянства (весною 1864 года въ званіе это былъ избранъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Кипіани), въ трудахъ комитета приняли участіе члены совѣта намѣстника: тайный совѣтникъ

---

[1]) Тогда статсъ-секретарь Алексѣй Ѳедоровичъ Крузенштернъ.

[2]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Константинъ Ивановичъ Орловскій.

Фадѣевъ, дѣйствительные статскіе совѣтники князь Багратіонъ-Мухранскій и Старицкій, директоры департаментовъ главнаго управленія: общихъ дѣлъ, Николай Ивановичъ Барановскій и государственныхъ имуществъ Юлій Ѳедоровичъ Витте, и управлявшій Закавказскимъ приказомъ Богдановъ-Калинскій. Кромѣ этихъ правительственныхъ чиновныхъ лицъ были привлечены, разновременно, къ участію въ трудахъ комитета и почетные члены мѣстнаго дворянства: генералъ-лейтенанты князья Иванъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій и Ревазъ Ивановичъ Андронниковъ, а также генералъ-маіоръ князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе. Независимо сего были приглашаемы въ качествѣ экспертовъ и для выслушанія мнѣній и другіе члены дворянства Тифлисской губерніи.

Центральный комитетъ при выполненіи возложеннаго на него труда, по преподаннымъ ему, отъ намѣстника, указаніямъ, имѣлъ руководствоваться тѣмъ главнымъ началомъ, что основанія, на которыхъ крестьянская реформа имѣла совершиться въ Закавказскомъ краѣ, должны были, въ существенныхъ своихъ чертахъ, быть одинаковы съ тѣми, которыя были провозглашены въ манифестѣ 19 Февраля 1861 года, во всемъ касающемся пріобрѣтаемыхъ освобождаемыми изъ крѣпостной зависимости крестьянами гражданскихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Отступленія отъ положеній, для внутреннихъ губерній изданныхъ, должны были оправдываться существовавшими мѣстными особенностями и касаться лишь частностей въ новыхъ отношеніяхъ между землевладѣльцами и бывшими ихъ крѣпостными, т. е. напримѣръ: размѣра крестьянскаго надѣла, а также видовъ и количества имѣющихъ отбываться крестьянами, за пользованіе владѣльческою землею, повинностей, и т. п.

Приступивъ прежде всего къ обсужденію представленныхъ отъ дворянства предположеній, центральный комитетъ усмотрѣлъ, что дворянство Тифлисской губерніи единогласно выразило готовность отказаться отъ своихъ правъ на личность крестьянъ. Касательно же имущественнаго обезпеченія сихъ послѣднихъ мнѣнія раздѣлялись; большинство дворянства предположило оставить въ пользованіи крестьянъ всѣ имѣвшіяся у нихъ угодья, съ сохраненіемъ отбыванія существовавшихъ повинностей, *срокомъ на три года*, съ тѣмъ чтобы, по истеченіи онаго, дальнѣйшія имущественныя отношенія опредѣлялись добровольными соглашеніями; меньшинство же предлагало оставить во *всегдашнемъ пользованіи* крестьянъ: 1) дома, хозяйственныя постройки и заведенія, и 2) виноградные и другіе сады и насажденія, съ правомъ отчужденія таковыхъ, не касаясь земли, которая имѣла оставаться собственностью помѣщиковъ. Независимо отъ этого предполага-

лось предоставить крестьянамъ пользованіе помѣщичьимъ лѣсомъ для домашнихъ нуждъ и устройства садовъ, а также безплатное пользованіе выгонами въ порядкѣ существовавшемъ. Относительно же пахатныхъ земель и другихъ угодій предполагалось предоставить помѣщикамъ отводить такія крестьянскимъ *дымамъ* (семействамъ) по мѣрѣ надобности и по взаимному соглашенію. Кромѣ этихъ двухъ мнѣній было предъявлено особое мнѣніе одного изъ наиболѣе крупныхъ Грузинскихъ помѣщиковъ, въ которомъ излагались предположенія: 1) о предоставленіи крестьянамъ безусловнаго права переселенія, взявъ съ собою свою движимость и продавши произведенія своего труда, не касаясь земли, составляющей собственность помѣщика; 2) о признаніи крестьянъ наслѣдственными арендаторами; 3) о правѣ помѣщика выдѣлить для собственнаго хозяйства половину всей принадлежащей ему земли; затѣмъ другую половину распредѣлить, въ неравныхъ частяхъ, между крестьянами, смотря по хозяйственнымъ средствамъ каждой семьи, и по способностямъ ея выполнять связанныя съ арендованіемъ земли повинности предъ правительствомъ и помѣщикомъ; 4) о сохраненіи за крестьянами ихъ усадебныхъ мѣстъ и садовъ въ составѣ отводимыхъ имъ участковъ; 5) о правѣ помѣщика, въ случаѣ собственныхъ хозяйственныхъ надобностей, замѣнять отводимые имъ участки другими, равными по пространству и качеству почвы.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, были пожеланія, выраженныя помѣщиками-дворянами Тифлисской губерніи. Приступивъ къ обсужденію такихъ пожеланій, центральный Закавказскій комитетъ счелъ своею обязанностью прежде всего уяснить себѣ историческое происхожденіе и сущность крѣпостныхъ отношеній въ бывшей Грузіи, въ сравненіи съ такими же условіями зависимыхъ отношеній во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказывалось. Крѣпостное право въ Грузіи имѣло весьма отличное отъ такого же въ другихъ частяхъ имперіи происхожденіе. Оно основалось не на прикрѣпленіи крестьянъ къ издавно-занятой ими землѣ, а въ большой мѣрѣ на заселеніи землевладѣльцами пустопорожнихъ земель, имъ принадлежавшихъ, людьми либо добровольно являвшимися и подчинявшимися владѣльцамъ, либо насильственно на оныхъ водворяемыми. Въ числѣ сихъ послѣднихъ немалое мѣсто занимали военно-плѣнные, которые поступали въ рабство. Дѣйствовавшее въ Грузіи, во время присоединенія ея къ Россіи, законодательство, сохранившее и послѣ того, въ продолженіи полувѣка, сперва въ общемъ составѣ, а затѣмъ въ частяхъ, обязательную силу, извѣстное подъ названіемъ Уложенія царя Вахтанга VI и составленное между 1703 и 1709 годами, опредѣляло, что крѣпостное право устанавлялось: пожалованіемъ отъ царя; кабалою, т. е. добровольною отдачею себя

въ крестьянство приходящимъ изъ другой мѣстности лицемъ; взятіемъ въ плѣнъ на войнѣ. Кромѣ того обращались въ крѣпостную зависимость подкидыши, принятые на воспитаніе, незаконнорожденные, если добровольно вступали въ крестьянство братьевъ; несостоятельные должники, воры, обокравшіе владѣльца, если не въ состояніи дать удовлетвореніе за кровь и за сдѣланную покражу. Изъ этого перечня явствуетъ, что крѣпостная зависимость была личная, часто не связанная вовсе съ владѣніемъ землею, на которой крѣпостные были поселены. Связь эта существовала тогда, когда цѣлое населенное уже имѣніе жаловалось царемъ; тогда крѣпостная зависимость поселенныхъ была послѣдствіемъ такого пожалованія. Прослѣдить всѣ фазисы, черезъ которые крѣпостное право проходило въ тысячелѣтнюю исторію Грузіи невозможно, ибо эта исторія была послѣдовательный рядъ войнъ, нашествій, борьбы за существованіе, внутреннихъ смутъ, среди которыхъ масса населенія, безъ сомнѣнія, часто бывала многострадательная жертва. Царская власть, то преобладавшая, то потрясенная, нерѣдко подпадала подъ зависимость тѣхъ или другихъ феодальныхъ родовъ, пользовавшихся своимъ вліяніемъ для расширенія своихъ помѣстій, которыя нерѣдко, при измѣнившихся обстоятельствахъ, отъ нихъ отбиралась и жаловалась другимъ болѣе въ такое время пользующимся расположеніемъ царскимъ. При постоянныхъ, почти непрекращавшихся войнахъ, Грузія не имѣла иного войска кромѣ ополченія, собираемаго изъ подвластныхъ царскихъ и изъ приводимыхъ на помощь царю мѣстными тавадами (князьями) ихъ вооруженныхъ крѣпостныхъ людей.

Сложился нѣкотораго рода феодализмъ, представителемъ котораго было извѣстное число родовъ, которые, на подобіе Шотландскихъ клановъ, группировались въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ, гдѣ и понынѣ они встрѣчаются. Такъ въ предѣлахъ нынѣшняго Тифлисскаго уѣзда, прежней Сомхетіи, преобладалъ родъ князей Орбельяни, владѣя обширными пространствами населенныхъ и ненаселенныхъ земель; въ уѣздѣ Горійскомъ *) роды Эристовыхъ, Цицiановыхъ, Багратіонъ-Мухранскихъ; въ бывшей Кахетіи, нынѣ уѣздахъ Телавскомъ и Сигнахскомъ, роды князей Чавчавадзе, Андрониковыхъ, Вахваховыхъ, Вачнадзе и др. Рядомъ съ ними возникало и умножалось мелкое дворянство, подъ названіемъ *азнауровъ*, жалуемыхъ въ это званіе не только царями, но и князьями изъ числа ихъ подвластныхъ, оказавшихъ имъ какія-нибудь заслуги. Это была своего рода шляхта, многочисленная, имѣв-

*) Въ 1868 году состоялось новое дѣленіе Тифлисской губерніи на уѣзды; упоминаемое здѣсь дѣленіе есть то, которое существовало въ 1863 году.

шая тоже право владѣть крѣпостными людьми. Различались они подъ названіемъ азнауровъ царскихъ и азнауровъ княжескихъ; послѣдніе, оставаясь въ зависимости отъ тавадовъ, несли при нихъ извѣстнаго рода личную службу. Также владѣли землями и крѣпостными людьми церковь и монастыри; но явленіе, быть можетъ, единственное: въ числѣ крѣпостныхъ людей обычай ввелъ и лицъ духовнаго званія, возведенныхъ въ оное изъ крестьянъ.—Права помѣщиковъ надъ ихъ крѣпостными людьми по древнему Грузинскому законодательству были неограниченныя; выражались они въ уложеніи царя Вахтанга формулою: а) «крестьянинъ какъ самъ, такъ и все что̀ есть у него принадлежитъ его господину, и б) власть помѣщика надъ крестьяниномъ ничѣмъ не ограничивается, за исключеніемъ того, что онъ не можетъ лишить его жизни».

Не будемъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности; достаточно изложеннаго, чтобы, въ общихъ чертахъ, нарисовать картину крѣпостнаго состоянія въ Грузіи по присоединеніи ея, въ 1801 году, къ Россійской имперіи. Высочайшими манифестами императоровъ Павла I и Александра I, отъ 18 Января и 12 Сентября 1801 года, были народу Грузинскому сохранены всѣ его права, преимущества и собственность ненарушимо. Этими актами верховной власти подтверждалось существовавшее въ Грузіи крѣпостное право; подтверждалась въ тоже время и сила уложенія царя Вахтанга, названнаго въ манифестахъ кореннымъ Грузинскимъ закономъ. Но узаконивая освященное мѣстнымъ законодательствомъ, существовавшее и въ Имперіи, крѣпостное право, правительство наше встрѣтилось, на практикѣ, съ такими видами онаго, которые, возникши на почвѣ мѣстнаго обычая, а не письменнаго законодательства, не согласовались съ общими законами имперіи. Сюда относились: крѣпостное владѣніе тавадами, азнаурами, лицами духовнаго званія, церковью, Тифлисскими почетными гражданами. Эти вкравшіяся временемъ и укоренившіяся обычаемъ уклоненія отъ исключительно принадлежавшаго дворянству права владѣть крѣпостными людьми были постепенно правительственными распоряженіями, изданными въ 1808, 1811, 1832 и 1833 годахъ прекращены, а въ 1852 году, по именному Высочайшему указу Святѣйшему Синоду, церковные крестьяне были приняты въ казенное управленіе, а затѣмъ спустя нѣсколько лѣтъ окончательно причислены къ составу казенныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ ко дню опубликованія манифеста 19 Февраля 1861 года крѣпостное право въ Грузіи, сосредоточиваясь въ рукахъ потомственнаго дворянства, находилось въ томъ же положеніи, въ которомъ засталъ его въ Россіи день его уничтоженія. При распростра-

неніи этой государственной мѣры на Тифлисскую губернію слѣдовательно не приходилось встрѣчаться съ какими нибудь основными особенностями, присущими краю, а лишь съ тѣми, которыя выражались размѣрами и видами повинностей, которые крестьяне отбывали помѣщикамъ.

Количество князей и дворянъ, владѣвшихъ въ Тифлисской губерніи крѣпостными людьми, по послѣднему камеральному описанію 1860—1861 г., составляло 1.751 лицо. Изъ числа этого владѣвшихъ крѣпостными людьми съ землею было 1537, а безъ земли 214. По количеству крѣпостныхъ, принадлежавшихъ одному владѣльцу, оказывалось, что, изъ общаго числа помѣщиковъ, 869 владѣли менѣе нежели 21 душами, т. е. признавались мелкопомѣстными, отъ 21 до 100 душъ 729; свыше 500 душъ только 14, изъ коихъ 2 свыше 1000 душъ. Всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Тифлисской губерніи считалось 16.409 дымовъ, въ коихъ 65.481 душа мужскаго и 53.071 душа женскаго пола, всего 118.532 души, причисленныя къ 3.242 отдѣльнымъ помѣщичьимъ владѣніямъ; кромѣ сего 873 дыма, или 3.695 душъ крѣпостныхъ людей жили въ городахъ и были къ нимъ приписаны.

Виды повинностей, которыя крестьяне отбывали своимъ помѣщикамъ, могли быть раздѣлены на два главные: на повинности поземельныя, т. е. истекавшія изъ пользованія землею, и на повинности прямо изъ крѣпостной зависимости истекавшіяся, т. е. личныя. Къ разряду поземельныхъ повинностей принадлежали: а) повинность издѣльная или барщина, по грузински *бегара*; она обнимала обязанности: выставки рабочихъ, какъ пѣшихъ, такъ и съ арбами (мѣстныя повозки) и хозяйственными орудіями, съ крестьянскимъ скотомъ (быками или буйволами), для распашки помѣщичьихъ полей, посѣва, бороньбы, уборки хлѣбовъ, молотьбы, кошенія и уборки сѣна, обработки виноградныхъ садовъ, сбора винограда, унаваживанія полей и садовъ, содержанія въ исправности оросительныхъ канавъ, вырубки и привоза дровъ и вообще для всякихъ перевозныхъ надобностей помѣщика; б) повинность изъ за части урожая всѣхъ хлѣбныхъ произведеній съ помѣщичьихъ земель, находившихся въ пользованіи крестьянъ, по грузински *гала*, и в) повинности изъ части урожая вина и крестьянскихъ садовъ, разведенныхъ на помѣщичьей землѣ, по грузински *кулухи*. Личныя или случайныя повинности выражались: въ выставленіи домашней прислуги, въ разныхъ приношеніяхъ деньгами или живностью, въ праздничные дни, при бракосочетаніяхъ, въ правѣ помѣщика на наслѣдство отъ умершихъ бездѣтныхъ крестьянъ, и въ всякомъ пособіи помѣщику, вызываемомъ особыми событіями въ помѣщичьемъ семействѣ.

Для опредѣленія размѣра поземельныхъ и иныхъ повинностей не существовало никакихъ положительныхъ узаконеній; зависѣло оно по писанному закону, какъ выше указано, отъ произвола помѣщика; но произволъ этотъ нашелъ себѣ ограниченіе въ обычаяхъ, которые установили, хотя и различные въ разныхъ мѣстностяхъ, но постоянные размѣры разныхъ видовъ такихъ повинностей. Это обычное право настолько пріобрѣло силу, что въ большей части случаевъ сдѣлалось для обѣихъ сторонъ обязательнымъ, и помѣщики не пытались его нарушать, предвидя, что всякое нарушеніе встрѣтитъ сопротивленіе со стороны крестьянъ. Благодаря этому, отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными, исключая развѣ немногихъ единичныхъ случаевъ, были мирныя и, въ большей части случаевъ, взаимно-доброжелательныя.

Про злоупотребленія помѣщичьей власти, въ тѣхъ видахъ и размѣрахъ, о какихъ упоминаетъ лѣтопись крѣпостнаго права въ Россіи, было неизвѣстно въ Грузіи и вообще въ тѣхъ частяхъ Закавказья, гдѣ существовало крѣпостное право. Памятенъ мнѣ одинъ лишь случай, когда, въ 1847 году, почти цѣлое семейство помѣщичье было разстрѣлено крестьянами по поводу, какъ гласила молва, жестокостей помѣщика. Въ чемъ заключались жестокости, осталось неизвѣстнымъ; но случай этотъ доказывалъ, что крестьяне, привыкшіе носить оружіе, могли прибѣгнуть къ нему, чтобы защитить себя противъ злоупотребленія помѣщичьей власти, и это обстоятельство, по всей вѣроятности, не дозволяло этой власти выходить изъ предѣла обычаемъ установленныхъ для него правъ. Должно, впрочемъ, въ честь Грузинскихъ помѣщиковъ, сказать, что сношенія ихъ съ ихъ крѣпостными въ большинствѣ случаевъ были добродушно-патріархальныя.

Съ 1831 по 1851 годъ, правительство было занято вопросомъ объ урегулированіи обязательныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными и о приведеніи въ точную извѣстность размѣра и видовъ отбываемыхъ крестьянами повинностей, дабы таковыя, единажды навсегда, узаконить; но эти попытки не имѣли практическихъ послѣдствій и, начиная отъ сенатора Мечникова, ревизовавшаго Закавказскій край въ 1830—31 г., бывшіе главноуправлявшіе, баронъ Розенъ и Головинъ и, наконецъ, намѣстникъ князь Воронцовъ высказались въ пользу оставленія сего дѣла при дѣйствовавшихъ законахъ и обычаяхъ. Въ 1859 году дѣйствіе уложенія царя Вахтанга было замѣнено окончательно общими законами Имперіи, съ допущеніемъ лишь немногихъ изъятій относившихся къ предметамъ законовъ гражданскихъ; а потому съ того времени и крѣпостное право въ Закавказьи подчинялось тѣмъ-же общимъ законамъ, не касаясь впро-

чемъ родовъ и видовъ повинностей, отбывавшихся крестьянами помѣщикамъ.

Приступивъ къ обсужденію основаній, на которыхъ крестьянская реформа имѣла быть совершена въ Тифлисской губерніи, Закавказскій центральный комитетъ разсмотрѣлъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, главныя начала къ сему относившіяся. Такъ, прежде всего, онъ остановился на сдѣланныхъ въ представленіяхъ дворянства заявленіяхъ относительно надѣленія крестьянъ землею. Выше было изложено, что, на основаніи этихъ заявленій, отношенія имѣвшихъ выйти изъ крѣпостной зависимости крестьянъ къ землѣ, на которой они были поселены, выражались:—а) либо въ оставленіи за крестьянами пользованія всѣми находившимися въономъ угодьями срокомъ на три года, по истеченіи которыхъ имѣли-бы установиться отношенія по добровольнымъ соглашеніямъ;—б) либо въ сохраненіи за крестьянами пользованія усадебными землями и садами, а также выгонами, но безъ пахатныхъ земель, пользованіе которыми предлагалось подчинить добровольнымъ соглашеніямъ;—в) либо въ признаніи за крестьянами права наслѣдственной аренды, съ неограниченнымъ правомъ переселенія; помѣщикамъ-же предоставить право отрѣзокъ изъ крестьянскихъ угодій для удовлетворенія нуждъ своего собственнаго хозяйства.

Всѣ эти предположенія уклонялись отъ принятаго въ Имперіи начала обезпеченія крестьянъ постоянными надѣлами. Обсуждая этотъ коренной вопросъ, комитетъ долженъ былъ принять во вниманіе, что, установляя силою манифеста 19-го Февраля 1861 года отношенія долженствовавшія возникнуть между землевладѣльцами и выходившими изъ крѣпостной зависимости крестьянами, правительство не могло ограничиваться соображеніями исключительно касавшимися хозяйственныхъ отношеній двухъ сословій, но обязано было имѣть въ виду и государственные интересы; сіи же послѣдніе очевидно требовали, чтобы многомилліонное крестьянское населеніе не переставало быть *осѣдлымъ*, не обращалось въ передвижной пролетаріатъ и было бы въ состояніи выполнять свои обязанности и правительству, т. е. «отбывать государственныя подати и повинности, казенныя и земскія». Комитетъ находилъ, что эти соображенія вполнѣ примѣнимы и къ Закавказскому краю, и что поэтому начало объ обязательномъ *постоянномъ надѣлѣ крестьянъ земельными угодьями* должно быть принято безусловно. Что-же касается размѣра и видовъ этого надѣла, то, для опредѣленія оныхъ, мѣстныя экономическія условія имѣли быть приняты во вниманіе, что̀ не противорѣчило началамъ узаконеннымъ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ, согласно частнымъ потребностямъ, допущены были разли-

7*

чія, выразившіяся въ мѣстныхъ положеніяхъ, изданныхъ для различныхъ частей Имперіи.

Второй основной вопросъ, который требовалъ обсужденія, касался видовъ повинностей отбывавшихся крестьянами въ пользу помѣщиковъ; слѣдовало разрѣшить: должны ли эти виды всѣ сохраниться, или нѣкоторые изъ нихъ быть замѣнены другими? Выше было изложено, что отбывавшіяся въ пользу помѣщика повинности раздѣлялись: на издѣльныя или барщину (бегара), на повинности изъ части урожая (гала и кулухи) и на разные виды личныхъ или случайныхъ повинностей. Послѣдняя эта категорія, какъ истекавшая непосредственно изъ крѣпостной зависимости, имѣла, съ прекращеніемъ оной, сама собою исчезнуть, подчиняясь лишь общему правилу о двухъ-годовомъ переходномъ положеніи. Два другіе вида истекали изъ пользованія помѣщичьей землею, а потому подлежали бы сохраненію. Но приэтомъ нельзя было не принять во вниманіе, что отбываніе барщины, какъ постоянной повинности, было бы одинаково невыгодно какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Стѣсняя послѣднихъ въ распоряженіи своимъ трудомъ и поддерживая нѣкоторый видъ личной зависимости, барщина, какъ постоянная повинность, угрожала бы созданіемъ постоянныхъ столкновеній между двумя сословіями; опасность эта усугублялась бы тѣмъ обстоятельствомъ, что огромное большинство селеній, въ которыхъ водворены были крѣпостные, находились не въ единоличномъ владѣніи одного помѣщика, но въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ, иногда даже многихъ, изъ коихъ каждый владѣлъ частицею земли съ частью крестьянъ. Селенія, находящіяся въ единоличномъ владѣніи, составляютъ рѣдкія исключенія. Не могло подлежать сомнѣнію, что освобожденные изъ крѣпостной зависимости крестьяне всячески уклонялись-бы отъ исполненія обязанностей барщиною налагаемыхъ; принуждать ихъ къ этому было бы трудно, и это тѣмъ болѣе, что понужденіе это, въ первой инстанціи, лежало бы на обязанности сельскихъ властей; возникали бы безконечные споры, которые, въ особенности для мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, равнялись бы полному разоренію, лишая ихъ всякихъ средствъ къ веденію своего хозяйства. Поэтому, въ справедливой заботливости объ интересахъ сословія, несущаго главную тягость жертвъ вызываемыхъ крестьянскою реформою, и дабы избѣжать созданія поводовъ къ враждебнымъ отношеніямъ между помѣщиками и крестьянами, Закавказскій центральный комитетъ не могъ не придти къ заключенію о желательности ограничить повинности крестьянъ къ землевладѣльцамъ, за пользованіе принадлежащей симъ послѣднимъ въ собственность землею, однимъ общимъ видомъ—платою земными произведеніями изъ части урожая

(гала и кулухи), увеличивъ размѣры оной, для замѣны барщины, которая имѣла бы сохраниться лишь на переходный двухъ-годичный періодъ.

Опредѣленіе справедливаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ размѣра повинности земными произведеніями отъ пахатныхъ полей и садовъ представляло немало затрудненій; касалось оно не только имѣвшей быть установленной замѣны барщины такими произведеніями, но и самаго кореннаго размѣра оныхъ. Оказывалось, что размѣръ галы и кулухи былъ весьма различенъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и даже не вездѣ былъ опредѣленный, завися отъ произвола помѣщика; различіе доходило до такой степени, что иногда въ одномъ и томъ же селеніи крестьяне, принадлежавшіе различнымъ помѣщикамъ, отбывали по обычаю повинность эту въ различныхъ размѣрахъ. Приходилось, для опредѣленія будущихъ обязанностей крестьянъ, избрать по возможности средній, умѣренный размѣръ, дабы онъ могъ быть признанъ за выраженіе справедливой ренты отъ земли, освобожденный отъ увеличенія, истекавшаго отъ одного помѣщичьяго произвола. Такимъ среднимъ размѣромъ для «галы» оказывалось, для неполивныхъ засѣянныхъ полей одна «кода» хлѣбныхъ произведеній, а для поливныхъ двѣ коды. Но и тутъ являлось то осложняющее обстоятельство, что самая эта туземная мѣра не была повсемѣстно одинаковая: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она соотвѣтствовала 2 пудамъ 10 фунт., а въ другихъ доходила даже до 4 пуд. 20 ф. Такая повинность взималась съ однодневнаго паханія, что̀ равняется примѣрно полдесятинѣ. Съ виноградныхъ же садовъ повинность частью урожая (кулухи) въ среднемъ видѣ колебалась въ различныхъ мѣстахъ между $^1/_7$ и $^1/_5$ части урожая, и взималась нерѣдко не только съ виноградныхъ садовъ разведеныхъ крестьянами на землѣ своего помѣщика, но и съ такихъ, которые были разведены на собственной землѣ крестьянина, или на землѣ посторонняго вѣдомства или владѣльца. Сія послѣдняя повинность, какъ истекавшая непосредственно изъ личной, крѣпостной зависимости крестьянина, сама собою имѣла исчезнуть съ освобожденіемъ изъ такой зависимости.

При обсужденіи въ средѣ Закавказскаго комитета этого важнаго вопроса, одинъ изъ членовъ онаго, значительный помѣщикъ Тифлисской губерніи, предложилъ принять въ основаніе къ опредѣленію на будущее время размѣра повинностей крестьянъ за весь земельный надѣлъ—одну четвертую часть урожая всѣхъ земныхъ произведеній, какъ полевыхъ, такъ и садовъ виноградныхъ. По такому предположенію, принимая въ основаніе средній урожай съ пахатныхъ полей, приходилось бы крестьянамъ вносить съ поливныхъ полей отъ 4 до 5 кодъ,

а съ неполивныхъ отъ 2 до $2^1/_2$ кодъ; иными словами, средній существовавшій размѣръ «галы» отбывался бы въ двойномъ количествѣ, и вся бывшая издѣльная повинность признавалась бы, по цѣнности, равною существовавшей повинности съ части урожая. Относительно же повинности съ виноградныхъ садовъ установленіе повинности въ размѣрѣ одной четвертой части урожая не достигало бы удвоенія самаго умѣреннаго размѣра существовавшаго для «кулухи», т. е. $^1/_7$ части урожая.

Предложеніе это центральный комитетъ призналъ заслуживающимъ полнаго вниманія. Нельзя было не согласиться, что оно было весьма для крестьянъ выгодно; ибо всѣ разнообразные виды существовавшей издѣльной повинности (бегара) безъ сомнѣнія превышали, для имѣвшихъ отбывать оныя, размѣры галы и кулухи; въ особенности выгодность эта была бы ощутительна въ мѣстностяхъ, гдѣ хозяйство ограничивалось хлѣбопашествомъ и гдѣ, слѣдовательно, отбывалась одна *гала*. Для самихъ же помѣщиковъ предложеніе это представлялось вполнѣ безобиднымъ. Подтверждалось это тѣмъ обстоятельствомъ, что проектировавшійся размѣръ повинности весьма приближался къ тому, который обыкновенно установлялся въ видѣ арендной платы за земли, отдававшіяся въ наемъ постороннимъ наемщикамъ. Такъ, въ отношеніи отдачи въ аренду земли, подъ разведеніе винограднаго сада, существовалъ древній обычай, что половина валоваго дохода или урожая отчислялась въ вознагражденіе за издержки по разведенію и устройству сада, другая же половина дѣлилась пополамъ между съемщиками и землевладѣльцами; такимъ образомъ сей послѣдній получалъ четвертую часть дохода. При существующемъ въ краѣ двухъпольномъ хозяйствѣ удвоенная гала соотвѣтствовала взиманію существовавшей обычной повинности, по одной кодѣ съ неполивныхъ и по двѣ коды съ поливныхъ полей, не только съ поливныхъ дѣйствительно-засѣянныхъ, но вообще со всего количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, что̀ въ свою очередь не противорѣчило справедливости, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, они являлись въ отношеніи къ землевладѣльцу въ качествѣ постоянныхъ свободныхъ съемщиковъ земли.

Итакъ предположеніе о принятіи одной четверти урожая было безобиднымъ для обѣихъ сторонъ опредѣленіемъ размѣра повинности за пользованіе помѣщичьей землею; но представлялся, при практическомъ примѣненіи, вопросъ: удобнѣе ли опредѣлить, что крестьяне будутъ сдавать землевладѣльцу одну четвертую часть урожая съ пахатныхъ полей и виноградныхъ садовъ, или же, сохранивъ такой видъ повинности для сихъ послѣднихъ, относительно пахатной земли установить

постоянную нормальную хлѣбную повинность въ размѣрѣ одной коды хлѣба съ однодневнаго паханія ($^1/_2$ десятины) съ неполивныхъ земель, и двухъ кодъ съ поливныхъ земель, включая въ этотъ общій разсчетъ и усадебную землю? Для лучшаго разъясненія этого существенно-важнаго вопроса о размѣрѣ повинностей, имѣвшихъ быть установленными, были приглашены въ центральный комитетъ, въ качествѣ экспертовъ, нѣкоторые помѣщики изъ Горійскаго уѣзда, какъ главнаго центра хлѣбопахатнаго хозяйства, и изъ Кахетинскихъ уѣздовъ, гдѣ сосредоточивается главное винодѣліе въ губерніи. И тѣ и другіе представили возраженія противъ возникшихъ въ средѣ комитета предположеній; возраженія эти коснулись какъ предположенія объ установленіи нормальной хлѣбной повинности, такъ и размѣра повинности за полевыя угодья и за виноградные сады. Противъ установленія нормальной хлѣбной повинности Горійскіе помѣщики возражали, что таковая будетъ одинаково невыгодна какъ для землевладѣльцевъ, такъ и для крестьянъ; для первыхъ потому что не во всѣхъ мѣстностяхъ практикуется порядокъ, въ силу котораго засѣвается каждый годъ лишь одна половина полей, а другая отдыхаетъ, а напротивъ того, въ виду хорошаго качества земли, у многихъ существуетъ плодоперемѣнная система, и вся земля засѣвается ежегодно, а потому нормальная повинность разсчитанная на двухпольномъ хозяйствѣ будетъ крайне убыточна. Для крестьянъ же такая повинность, выгодная въ урожайные годы, будетъ, напротивъ того ,разорительна въ годы неурожайные, и это тѣмъ болѣе, что они не располагаютъ запасами. Поэтому эксперты высказались въ пользу установленія повинности съ части урожая и предложили при этомъ, чтобы повинность за усадебныя земли была выдѣлена и опредѣлена денежною. Комитетъ, признавая основательность такихъ соображеній, не затруднился согласиться съ такими заявленіями помѣщиковъ, которыя имѣли то несомнѣнное преимущество, что, при ежегодномъ отбываніи хлѣбной повинности, поставляемой въ прямую зависимость отъ размѣра урожая, вѣроятности для обѣихъ сторонъ были-бы уравнены.

Равнымъ образомъ комитетъ не встрѣтилъ препятствія установить съ усадебныхъ земель денежный оброкъ и, въ виду того, что земли эти могли быть сравнены съ наилучшими полевыми, опредѣлить этотъ оброкъ въ размѣрѣ *трехъ рублей* съ однодневнаго паханія. Что-же касается размѣра поземельной повинности, предполагавшейся въ одну четвертую часть урожая, приглашенные эксперты представили возраженія. Горійскіе помѣщики объяснили, что такая повинность не соотвѣтствуетъ выгодамъ, которыя доставляла имъ земля, не смотря на то находилась-ли она въ пользованіи крестьянъ крѣпостныхъ

или принадлежавшихъ къ свободному сословію; что взимаемая за пользованіе земли повинность достигала, независимо барщины, одной трети урожая, и что поэтому уменьшеніе ея до одной четвертой не только не явится какимъ-либо вознагражденіемъ за потерю издѣльной повинности, но даже сократитъ размѣръ дохода съ части урожая. По симъ соображеніямъ помѣщики просили о назначеніи поземельной повинности въ размѣрѣ одной трети съ урожая. Обсудивъ въ подробности это заявленіе, центральный комитетъ не могъ убѣдиться въ необходимости уважить такое ходатайство. Не оспаривая, что въ Горійскомъ уѣздѣ, да и въ другихъ мѣстностяхъ, имѣются полевыя земли особенно производительныя, представлялось на видъ, что возвышеніе для оныхъ нормы повинности изъ части урожая могло-бы оправдываться, если-бы осталось въ своей силѣ предположеніе о назначеніи нормальнаго размѣра повинности; но что съ устраненіемъ такого предположенія и съ принятіемъ за основаніе части урожая, бóльшая производительность земли дастъ сама собою и бóльшій доходъ. Что-же касается того, что, какъ объясняли помѣщики, они и теперь взимаютъ одну треть съ урожая, то обстоятельство это въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ могло объясняться просто тѣмъ, что размѣръ крестьянскихъ повинностей находился въ полной зависимости отъ произвола помѣщика, въ отношеніи-же другихъ съемщиковъ отъ того, что имъ отводились лучшія земли. Теперь-же, когда крѣпостныя отношенія прекращаются, и отношенія между землевладѣльцами и поселенными на ихъ землѣ крестьянами должны быть основаны лишь на началахъ справедливаго уваженія къ выгодамъ обѣихъ сторонъ, комитетъ не можетъ убѣдиться, чтобы уплата 25% съ валоваго дохода не выражала собою безобидную поземельную ренту.—Кромѣ того нельзя было не принять во вниманіе, что отбывавшіяся, быть можетъ, и въ усиленномъ размѣрѣ крѣпостными людьми поземельныя повинности могли въ немалой мѣрѣ оправдываться и тѣмъ, что они, при этомъ, имѣли, можно сказать, неограниченное пользованіе всѣми помѣщичьими угодьями, каковое съ выходомъ ихъ изъ крѣпостной зависимости будетъ ограничено и введено въ опредѣленныя рамки. Одно исключеніе однако комитетъ призналъ возможнымъ допустить, а именно относительно *сѣнокосныхъ мѣстъ*, допустивъ для нихъ взиманіе одной трети съ урожая, на томъ соображеніи, что расходы крестьянина до сбора урожая, сравнительно съ пахатными землями, совершенно ничтожны, и что, какъ извѣстно, постороннимъ лицамъ сѣнокосныя мѣста отдаются даже съ половины урожая.

Касательно проектированнаго размѣра повинности отъ виноградныхъ садовъ (кулухи) Кахетинскіе помѣщики, приглашенные въ ка-

чествѣ экспертовъ, предъявили ходатайство объ опредѣленіи таковой въ размѣрѣ одной трети съ урожая, вмѣсто предположенной комитетомъ одной четвертой части. Оправдывалось ими это ходатайство тѣмъ соображеніемъ, будто принятый комитетомъ за основаніе обычай (въ силу коего земля подъ разведеніе винограднаго сада отдавалась при условіи, по которому половина онаго признавалась покрывающею расходы на разведеніе, а другая половина дѣлилась по поламъ между землѣвладѣльцемъ и владѣльцемъ сада) уже потерялъ свое значеніе, и что вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на садовыя мѣста и ихъ рѣдкости ни одинъ владѣлецъ не отдастъ землю для разведенія винограднаго сада постороннему съемщику, иначе какъ съ условіемъ безплатнаго пользованія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (не болѣе десяти), послѣ которыхъ вполнѣ устроенный садъ отдается въ полное распоряженіе землѣвладѣльца. Къ этому присовокуплялось, что, предоставляя землевладѣльцу съ пахатныхъ земель одну четвертую часть урожая, такая норма не могла быть справедлива для виноградныхъ садовъ, въ виду того, что въ оныхъ, кромѣ урожая вина, крестьяне пользуются сборомъ сѣна и овощей. Комитетъ и это ходатайство Кахетинскихъ помѣщиковъ не счелъ себя въ правѣ удовлетворить, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что виноградные сады крѣпостныхъ крестьянъ были давно существующіе и устроены конечно не на основаніи указываемаго новаго порядка сдачи, но на основаніи древняго обычая; что въ настоящее время съ этихъ виноградныхъ садовъ получали помѣщики *кулухи* въ размѣрѣ, колебавшемся между $^1/_5$ и $^1/_7$ урожая, смотря по тому, пользовались ли крестьяне безплатно помѣщичьимъ лѣсомъ для таркальниковъ, въ своихъ садахъ, или таковой пріобрѣтали покупкой, въ сторонѣ; что̀, назначая повинность въ размѣрѣ $^1/_4$ части урожая, комитетъ почти удвоивалъ нисшій размѣръ нынѣ существующій; безплатное-же пользованіе владѣльческимъ лѣсомъ вовсе не проектировалось.

Установивъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, размѣръ и виды повинностей, которыя имѣли-бы отбываться выходившими изъ крѣпостной зависимости крестьянами за пользованіе владѣльческою землею, центральный комитетъ обратился къ обсужденію вопроса о размѣрѣ и составѣ угодій, которыя должны были быть предоставлены въ постоянное пользованіе крестьянъ. Въ этомъ отношеніи подлежали разрѣшенію слѣдующіе вопросы:

1) Что̀ должно разумѣть подъ усадебною осѣдлостью крестьянъ?

2) Должна-ли входить въ составъ крестьянскихъ садовъ, имѣвшихъ войти въ надѣлъ, вся земля, огороженная подъ сады, или только та часть, которая находилась подъ дѣйствительными насажденіями?

3) Что̀ должно войти въ составъ полеваго надѣла?

4) Должно-ли предоставить въ постоянное пользованіе крестьянъ все то количество пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, коими они пользовались, или необходимо допустить какія-либо измѣненія?

5) На какихъ основаніяхъ должно производиться пользованіе, со стороны крестьянъ, выгонами?

6) На какихъ основаніяхъ должны крестьяне пользоваться владѣльческими лѣсными угодьями?

I. Относительно перваго вопроса комитетъ находилъ, что главныя основанія, принятыя въ общихъ по Имперіи положеніяхъ, для опредѣленія состава и размѣра усадебъ, вполнѣ примѣнимы къ Тифлисской губерніи, за нѣкоторыми лишь частными измѣненіями. На этомъ основаніи въ составъ усадебной осѣдлости имѣла-бы войти вся земля, состоявшая подъ крестьянскими жилыми и хозяйственными строеніями, съ выпускомъ для скота. Къ хозяйственнымъ строеніямъ имѣли-бы быть причислены скотные дворы (по грузински «баки»), буйлятники, гумна и мякинники. Но не должны были быть причисляемы овчарники (по грузински «парели»), устройство которыхъ было признано справедливымъ подчинить добровольному соглашенію между землѣвладѣльцами и крестьянами на такихъ же началахъ, какъ пользованіе *«ятагами»* и *«кишлягами»*, т. е. лѣтними и зимними пастбищными мѣстами. Принимая однако во вниманіе, что во многихъ селеніяхъ, по причинѣ гористой мѣстности или особенныхъ экономическихъ условій, хозяйственныя строенія бываютъ расположены отдѣльно отъ жилыхъ помѣщеній, или же, по разбросанности подымныхъ усадебъ, они отдѣляются пустопорожними мѣстами, границы усадебной осѣдлости каждаго дыма и двора должны быть опредѣлены отдѣльно, по добровольному соглашенію между землѣвладѣльцемъ и крестьяниномъ, или мировымъ посредникомъ, когда добровольное соглашеніе не достигнуто *).

II. По второму вопросу признано справедливымъ, относительно виноградныхъ, фруктовыхъ и тутовыхъ садовъ, признать за сады только ту часть огороженнаго мѣста, которая дѣйствительно занята насажденіями; незанятыя же пустыя пространства, по истеченіи двухлѣтняго срока со дня обнародованія положенія, возвратить въ распоряженіе землевладѣльца, допустивъ однако для виноградниковъ то исключеніе, что, если пустопорожнія мѣста въ теченіи этого двухлѣтняго срока будутъ крестьяниномъ насажены лозами, то таковыя останутся въ его владѣніи.

---

*) Высшій размѣръ усадебнаго участка былъ опредѣленъ въ однодневное паханіе, т. е, въ полдесятины.

III. Въ составъ полеваго надѣла, по мнѣнію комитета, должны были войти пахатныя и, гдѣ таковыя имѣются, сѣнокосныя мѣста, находящіяся въ пользованіи каждаго крестьянскаго дыма отдѣльно, а также выгоны, хотя бы они находились въ общемъ пользованіи помѣщика и крестьянина; раздѣленіе же такихъ выгоновъ между обѣими сторонами предоставить добровольному соглашенію, а гдѣ таковое не состоится—мировому посреднику, на основаніи особыхъ правилъ, изданіе которыхъ предоставить главному Кавказскому начальству; до изданія же таковыхъ для пользованія выгонами сохранить существующіе обычаи.

IV. Касательно существеннаго вопроса о томъ, должно-ли предоставить въ постоянное пользованіе крестьянъ все то количество пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, коими они пользовались или необходимо допустить въ этомъ измѣненія, центральный Закавказскій комитетъ, по всестороннемъ осужденіи онаго, пришелъ къ заключенію, что тѣ основныя начала, которыя руководствовали разрѣшеніемъ подобнаго вопроса во внутреннихъ губерніяхъ, могутъ безъ неудобства быть примѣнены и къ Тифлисской губерніи, съ нѣкоторыми лишь частными ограниченіями. На этомъ основаніи принято, чтобы выходящіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне сохранили, *по возможности*, въ своемъ пользованіи тѣ полевыя угодья, которыми они пользовались. Для опредѣленія количества земель и угодій, имѣвшихъ поступить въ крестьянскій надѣлъ, прежде всего допустить добровольное соглашеніе между помѣщиками и крестьянами. Относительно дарованнаго, и по общему положенію, помѣщику права въ опредѣленныхъ случаяхъ оставить за собою либо треть, либо половину общаго количества угодій, для Тифлисской губерніи признано справедливымъ принять половину угодій за норму, которую помѣщикъ можетъ оставить въ своемъ распоряженіи. Оправдывалось такое заключеніе общею малоземельностью здѣшнихъ помѣстныхъ владѣній и невозможностью, безъ крайняго для помѣщиковъ разоренія, не признать за ними права на свободное распоряженіе половиною своихъ земель. При этомъ нельзя было распространить на Тифлисскую губернію правило, въ силу котораго, при отрѣзкѣ въ распоряженіе помѣщика одной трети или одной половины совокупности угодій, принимались въ расчетъ всѣ принадлежащія помѣщику угодья, отстоящія отъ селенія не далѣе двѣнадцати верстъ. По особеннымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Закавказскаго края, въ немъ строго разграничены двѣ полосы: *культурная*, низменная, отъ *некультурной*, возвышенной. Населеніе сгрупировалось въ первой изъ этихъ полосъ, которая одна и можетъ считаться доходною и удобною для сельско-хозяйственной промышлен-

ности; принадлежность какому-нибудь землевладѣльцу, хотя бы и обширныхъ, пространствъ пустопорожней земли внѣ полосы культурной не можетъ быть принята въ разсчетъ, какъ замѣняющая недостаточность угодій въ населенномъ имѣніи; такія пространства, не приносящія, по большей части, никакого или крайне незначительный доходъ, не могутъ служить ни для дополнительнаго надѣла крестьянъ, которые ни подъ какими условіями туда бы не переселились, ни для лишенія помѣщика права на отрѣзку. Эти же соображенія убѣдили центральный комитетъ въ безцѣльности опредѣленія для Тифлисской губерніи *низшаго размѣра* надѣла; онъ и не примѣнимъ тамъ, гдѣ не существуетъ общиннаго пользованія землею, гдѣ каждый дымъ владѣетъ наслѣдственно своимъ участкомъ, соображаясь съ рабочими силами, которыми онъ располагаетъ.

Въ виду такихъ соображеній признано было справедливымъ, безъ излишняго отягощенія имущественнаго положенія помѣщичьяго сословія, призваннаго, при общей своей бѣдности, нести бремя немалозначительныхъ имущественныхъ жертвъ, принять лишь два начала: 1) право землевладѣльца на половину пахатныхъ земель въ селеніи, въ которомъ онъ оказывается владѣльцемъ, и 2) назначеніе высшаго размѣра крестьянскаго полеваго надѣла, съ тѣмъ, чтобы при опредѣленіи его принималось въ соображеніе общее количество пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, состоящихъ въ пользованіи всѣхъ крестьянскихъ дымовъ, водворенныхъ въ томъ же селеніи, на землѣ одного помѣщика. Выше уже было упоминаемо, что въ наибольшемъ числѣ помѣщичьихъ селеній имѣется по нѣскольку совладѣльцевъ, и по этому расчету при опредѣленіи права на отрѣзку при высшемъ размѣрѣ надѣла, должно имѣть въ виду каждое самостоятельное помѣщичье владѣніе въ такомъ селеніи. Для опредѣленія же высшаго надѣла пришлось установить двѣ категоріи, одну для земель поливныхъ, т. е. располагающихъ средствами для искусственнаго орошенія, и другую для земель неполивныхъ. По соотношеніи производительности тѣхъ и другихъ земель, основанномъ на свѣдѣніяхъ о средней урожайности, можно было установить, что земли поливныя относятся къ неполивнымъ какъ 2: 1. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ неполивныхъ мѣстностяхъ, пользующихся особенно плодотворною почвою, урожайность полей оказывалась одинаковою съ землями поливными, то справедливость требовала, чтобы, по достаточному въ томъ удостовѣренію, такія мѣстности могли быть сравниваемы съ поливными. Принявъ затѣмъ во вниманіе существовавшій размѣръ полевыхъ участковъ, состоявшихъ въ пользованіи одного крестьянскаго дыма, лучшимъ образомъ надѣленнаго землею въ наиболѣе благоустроенныхъ имѣніяхъ, признава-

лось возможнымъ и безобиднымъ опредѣлить высшій размѣръ надѣла полевой земли для *nодымнаго участка* при *поливныхъ поляхъ* въ *десять дней паханія* (примѣрно *пять десятинъ*), при *неполивныхъ поляхъ*—въ *двадцать дней паханія* (примѣрно *десять десятинъ*). Половина этого количества была признана *коренымъ участкомъ*, а другая *добавочнымъ*.

Изъ приведенныхъ выше сего цыфръ относительно числа помѣщиковъ и находившихся въ крѣпостной отъ нихъ зависимости крестьянъ можно усмотрѣть, что половина общаго числа помѣщиковъ (869: 1537) принадлежала къ числу мелкопомѣстныхъ, т. е. владѣвшихъ менѣе нежели 21 душами. Но не одно количество душъ признано справедливымъ принять для опредѣленія мелкопомѣстности, а преимущественно количество владѣемой помѣщикомъ земли: оно одно могло опредѣлить состоятельность владѣльца и существованіе у него сельской недвижимости, достаточной для поддержанія хозяйства. На семъ основаніи къ разряду мелкопомѣстныхъ центральный комитетъ счелъ справедливымъ причислить тѣхъ владѣльцевъ, у коихъ всей принадлежавшей имъ удобной земли (пахатной, сѣнокосной и пастбищной), въ населенныхъ ихъ имѣніяхъ, въ одномъ или нѣсколькихъ селеніяхъ губерніи, состояло-бы менѣе *ста двадцатидневнаго* паханья (60 десятинъ). Для такихъ помѣщиковъ предположено было: 1) предоставить имъ право удержать въ своемъ распоряженіи не менѣе *шестидесятидневнаго* паханья (30 десятинъ) изъ совокупности всѣхъ принадлежавшихъ имъ земель, хотя-бы это количество превышало половину ихъ угодій. Если-же у помѣщика всей принадлежавшей ему земли было не болѣе *шестидесятидневнаго* паханія (30 десятинъ), то онъ имѣлъ освобождаться отъ обязанности предоставленія крестьянамъ полеваго надѣла въ постоянное пользованіе. При опредѣленіи нормы 30 десятинъ было принято за основаніе, что во многихъ казенныхъ селеніяхъ крестьянскіе дымы были надѣлены такимъ количествомъ земли. Кромѣ того, для мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ были проектированы еще слѣдующія льготы: 1) чтобы, въ случаѣ неимѣнія собственной усадьбы, онъ имѣлъ право обратить въ свое непосредственное владѣніе усадьбу и садъ одного изъ крестьянскихъ дымовъ, съ вознагражденіемъ за нихъ крестьянина. Льгота эта оправдывалась тѣми соображеніями, что для устройства усадьбы и сада необходимо присутствіе воды, годной для питья и для орошенія, и что подобнаго пустопорожняго мѣста могло (за исключеніемъ мѣстъ, занятыхъ крестьянскими усадьбами) не находиться во владѣніи мелкопомѣстнаго. Опасаться-же, чтобы они такими правами воспользовались безъ нужды, не было основанія; ибо устройство усадьбы и разведеніе сада имъ по всей вѣроятности обошлось-бы дешевле нежели вознагражденіе крестьянина за пріобрѣтаемое отъ него имуще-

ство; 2) въ случаѣ нахожденія мелкопомѣстнаго владѣнія въ разныхъ селеніяхъ владѣльцу предоставлялось въ одномъ изъ нихъ оставить въ своемъ распоряженіи всю шестидесятидневную пропорцію земли ему присвоиваемой, съ тѣмъ, чтобы послѣ этого владѣніе его въ другомъ селѣ подчинялось общимъ правиламъ.

V. Относительно пользованія крестьянами послѣ выхода изъ крѣпостной зависимости владѣльческими лѣсными угодьями было признано наилучшимъ примѣниться къ правиламъ, установленнымъ въ положеніи для Малороссійскихъ губерній, опредѣливъ, что помѣщики не обязывались къ безплатному отпуску крестьянамъ какихъ-бы то ни было лѣсныхъ матеріаловъ, но не могли, въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ обязательнаго удержанія надѣловъ, отказывать крестьянамъ въ отпускѣ дровъ для топлива, гдѣ таковой производился, а также (на все время обязательныхъ отношеній) въ отпускѣ лѣса нужнаго для виноградныхъ садовъ, какъ-то таркальника, сошекъ, жердей; но и то и другое не иначе, какъ за денежное вознагражденіе, по добровольному соглашенію, или, при неосуществленіи онаго, по опредѣленію мироваго посредника и крестьянскаго присутствія, какъ второй инстанціи.

Всѣ изложенныя предположенія имѣли относиться къ той части Тифлисской губерніи, въ которой были поселены крестьяне, находившіеся въ крѣпостной зависимости, т. е. къ уѣздамъ Тифлисскому, Горійскому, Телавскому и Сигнахскому; оказалась однако необходимость допустить нѣкоторыя изъятія для нагорныхъ мѣстностей Горійскаго уѣзда и Горскаго округа, гдѣ, по особымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, крестьянское хозяйство существовало на нѣсколько иныхъ, сравнительно съ плоскостными имѣніями, условіяхъ. Нагорные участки въ Горійскомъ уѣздѣ, населенные преимущественно Осетинами, находились во владѣніи членовъ фамиліи князей Эристовыхъ; а потому признано было удобнымъ пригласить нѣкоторыхъ изъ этихъ князей въ комитетъ для обсужденія совмѣстно съ ними этого спеціальнаго вопроса, по которому ими представлена была особо записка. Хозяйственныя особенности упоминаемой мѣстности заключались отчасти въ суровости горнаго климата, неблагопріятствовавшаго многимъ хлѣбнымъ культурамъ, отчасти въ недостаткѣ земель вообще, способныхъ для хлѣбопашества. Имѣло это послѣдствіемъ, что населеніе главнѣйше промышляло скотоводствомъ, и что и самыя повинности, отбывавшіяся крестьянами за пользованіе помѣщичьей землею, уплачивались скотомъ. Независимо этого существовало тутъ и особенное поземельное пользованіе: полевая земля была раздѣлена на болѣе или менѣе равные участки, называемые *сакомло*, пространствомъ отъ 15—20 дней паханья, мѣстной мѣры, равняющихся половинѣ та-

кой-же мѣры на плоскости, т. е. отъ 4 до 5 десятинъ примѣрно къ этимъ полевымъ участкамъ пріурочивался особо сѣнокосъ, и такіе участки находились въ исключительномъ, потомственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, либо одного, но чаще двухъ или даже нѣсколькихъ семействъ, сообща; лѣсъ и пастбища находились въ общемъ пользованіи сельскаго общества. Земель въ непосредственномъ распоряженіи помѣщиковъ тамъ совсѣмъ не было; получали они отъ крестьянъ повинности двоякаго рода: одни отъ цѣлаго *сакомло* въ совокупности, другія отъ каждаго отдѣльнаго дыма; первыя бывали неизмѣнныя и состояли въ трехъ коровахъ каждые два года и въ трехъ баранахъ ежегодно, что̀, принимая за основаніе среднія цѣны, равняло-бы примѣрно 21 рублю цѣнности. Независимо сего каждый дымъ платилъ еще помѣщику опредѣленное количество скота, сыра, масла и ячменя и сѣна; цѣнность этихъ повинностей могла опредѣлиться примѣрно въ 13 рублей. Такимъ образомъ, когда сакомло находилась во владѣніи одного крестьянскаго дыма, цѣнность его повинностей могла опредѣлиться въ 34 рубля; чѣмъ больше же было дымовъ совмѣстно поселенныхъ на одномъ такомъ участкѣ, тѣмъ болѣе помѣщикъ получалъ съ него доходовъ. Наконецъ, кромѣ этого, крестьяне были обязаны личною повинностью, равнявшейся 23 рабочимъ днямъ въ году.

Такой экономическій строй существовалъ въ наибольшей части нагорныхъ мѣстностей Горійскаго уѣзда, и преимущественно тамъ, гдѣ были поселены Осетины; въ остальныхъ частяхъ, примыкающихъ къ плоскостнымъ мѣстностямъ, гдѣ населеніе было Грузинское, порядокъ пользованія помѣщичьими землями и отбываніе за оное повинностей приближался къ тому, который соблюдался въ остальныхъ частяхъ уѣзда. Посему, предположивъ подчинить сію послѣднюю часть общему проектированному порядку, центральный комитетъ въ отношеніи мѣстностей, гдѣ существовалъ вышеописанный спеціальный порядокъ, пришелъ къ убѣжденію: 1) что повинностями за пользованіе землею, имѣвшими сохраниться послѣ прекращенія крѣпостныхъ отношеній, можно было признать лишь тѣ, которыя отбывались отъ цѣлаго сакомло и признавались неизмѣнными; тѣже дополнительныя повинности, которыя уплачивались каждымъ дымомъ отдѣльно, сверхъ общей, неизмѣнной повинности, должны быть причислены къ разряду повинностей, истекающихъ непосредственно изъ крѣпостной зависимости, т. е. къ повинностямъ личнымъ, имѣющимъ прекратиться съ прекращеніемъ этой зависимости. А потому предположено было установить за пользованіе участкомъ «*сакомло*» тѣже повинности, которыя по обычаю отбывались, и въ томъ-же видѣ, предоставляя и тутъ либо

обоюдному соглашенію, либо крестьянскимъ учрежденіямъ (по имѣющимъ быть преподаннымъ имъ особымъ, отъ намѣстника, правиламъ) эту натуральную повинность замѣнять денежною. Тамъ-же, гдѣ сакомло находилось въ пользованіи двухъ или нѣсколькихъ дымовъ, отвѣтственность за правильный взносъ повинности должна гарантироваться круговою порукою такихъ дымовъ; 2) что пользованіе пастбищными и лѣсными угодьями должно остаться въ томъ же видѣ, какъ установилось оное обычаемъ, впредъ до того, пока для окончательнаго урегулированія онаго будутъ изданы, отъ главнаго Кавказскаго начальства, особыя правила; 3) что въ виду ограниченности полевыхъ угодій, вся земля, полевая и усадебная, находившаяся въ пользованіи крестьянъ, должна быть имъ сохранена, безъ права помѣщика дѣлать отрѣзки, и съ тѣмъ, чтобы въ непосредственное распоряженіе помѣщика могли поступать лишь такіе участки, которые-бы упразднялись, или владѣлецъ которыхъ оказался-бы несостоятельнымъ и неисправнымъ въ платежѣ повинностей, при томъ впрочемъ условіи, если никто изъ членовъ того сельскаго общества не пожелаетъ принять такой участокъ; 4) не установляя никакого высшаго размѣра крестьянскаго надѣла, не дозволять однако, чтобы одинъ дымъ владѣлъ, въ томъ-же сельскомъ обществѣ, болѣе нежели двумя сакомло или болѣе нежели шестидесятидневнымъ паханіемъ (30 десят.).

Установляя, согласно существовавшимъ обычаямъ, отбываніе крестьянами въ пользу землевладѣльцевъ повинностей земными произведеніями или скотомъ, центральный комитетъ вполнѣ сознавалъ, что такой порядокъ отношеній не могъ считаться окончательнымъ, представлялъ на практикѣ немало неудобствъ и подавалъ поводъ къ спорамъ между двумя сословіями, или къ злоупотребленіямъ со стороны платящихъ, и что опредѣленіе повинности денежной указывалось какъ необходимое вѣнчаніе дѣла для установленія правильныхъ отношеній между сословіями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было не убѣдиться, что, при крайней разнообразности экономическихъ условій и существовавшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ цѣнъ на земныя произведенія, разцѣнка таковыхъ, для безпристрастнаго опредѣленія денежной повинности, представляла столько затрудненій, что исполненіе подобной задачи потребовало-бы немало времени и отложило-бы на долго осуществленіе великой реформы. Подчиняясь поэтому необходимости, комитетъ, тѣмъ не менѣе, признавалъ, что отбываніе повинностей натурою должно было считаться мѣрою временною, впредъ до того, пока оно можетъ быть замѣнено денежнымъ оброкомъ. Но, находя невозможнымъ, безъ предварительнаго собранія весьма разнообразныхъ свѣдѣній, приступить къ начертанію правилъ для произ-

водства расцѣнки, признано было, что изданіе такихъ правилъ должно быть предоставлено дальнѣйшему распоряженію намѣстника Кавказскаго, не препятствуя однако ни въ чемъ всякимъ добровольнымъ соглашеніямъ, которыя могли-бы состояться между землѣвладѣльцами и крестьянами относительно замѣны отбыванія повинностей денежною платою. Для поощренія-же подобныхъ сдѣлокъ признавалось полезнымъ допустить для такихъ имѣній нѣсколько высшую оцѣнку, въ случаѣ выкупа.

Распространеніе на Тифлисскую губернію положенія о выкупѣ крестьянами своей усадебной осѣдлости и полевыхъ надѣловъ, съ пособіемъ отъ правительства, было признано, въ общихъ началахъ, возможнымъ и вполнѣ желательнымъ. Въ виду, однако, особенностей мѣстнаго крестьянскаго хозяйства подлежали обсужденію нѣкоторые частные вопросы, какъ-то:

1) Слѣдуетъ-ли предоставить крестьянамъ безусловное право на выкупъ въ собственность усадебной ихъ осѣдлости, или же пріобрѣтеніе ими оной необходимо подчинить общимъ правиламъ о пріобрѣтеніи крестьянами полеваго надѣла, и что̀ должно постановить въ семъ случаѣ, собственно для садовъ?

2) На какихъ основаніяхъ должно опредѣлить содѣйствіе правительства къ пріобрѣтенію крестьянами въ собственность ихъ земельныхъ угодій?

Относительно самостоятельнаго, по желанію самихъ крестьянъ, выкупа ими усадебной ихъ осѣдлости было принято во вниманіе, что въ Тифлисской губерніи усадебная осѣдлость, въ различіе отъ таковой во внутреннихъ губерніяхъ, не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія, и что поэтому установленіе особыхъ отъ полевыхъ угодій, для выкупа ихъ, условій не представляетъ никакой надобности, что̀, конечно, не препятствуетъ отдѣльному ихъ выкупу, по добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Единственное исключеніе признано было нужнымъ допустить для того случая, еслибы какое-нибудь селеніе было обращено въ посадъ или мѣстечко, и крестьяне, къ нему приписанные, были, по обоюдному согласію помѣщика и ихъ самихъ, обращены въ городское сословіе. Въ такомъ случаѣ признавалось право крестьянъ на выкупъ усадебной ихъ осѣдлости отдѣльно отъ полевыхъ угодій, но уже безъ пособія отъ правительства. Выкупъ виноградныхъ и другихъ садовъ совмѣстно съ общимъ надѣломъ, при добровольномъ на то согласіи обѣихъ сторонъ, не могъ вызывать никакихъ возраженій; но распространять на такой выкупъ пособіе отъ правительства, даруемое выкупу полеваго надѣла, не признано возможнымъ: ибо, если, съ одной стороны, сады представляютъ

изъ себя значительную цѣнность капитальную, то, съ другой доходность ихъ подвержена такимъ случайностямъ и колебаніямъ, которыя никоимъ образомъ не могутъ обезпечить сохраненіе одинаковой ихъ стоимости на какой-нибудь продолжительный срокъ. Эти самыя соображенія руководили при установленіи правилъ о закладѣ сельскихъ имѣній въ бывшемъ Закавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія: тогда какъ подъ сельскія имѣнія ссуды выдавались на 37 лѣтъ, выдача таковыхъ подъ сады была ограничена двумя годами, послѣ которыхъ требовались новая оцѣнка и новый закладъ. Въ виду такихъ соображеній центральный комитетъ, не признавая возможнымъ распространить на выкупъ садовъ пособіе отъ правительства и ограничивая таковой уплатою стоимости средствами самихъ крестьянъ, не счелъ справедливымъ подчинить ихъ обязательному выкупу по требованію помѣщиковъ, предоставивъ пріобрѣтеніе крестьянами въ собственность ихъ виноградныхъ и другихъ садовъ исключительно добровольнымъ соглашеніямъ между ними и землевладѣльцами. Распространяя на помѣщиковъ право требованія выкупа крестьянами ихъ усадебныхъ осѣдлостей и полевыхъ надѣловъ, сочтено необходимымъ оговорить, что подобное требованіе можетъ относиться только къ цѣлому крестьянскому обществу, а не къ отдѣльнымъ дымамъ, въ составъ его входящимъ.

По вопросу объ основаніяхъ, которыми имѣло-бы быть опредѣлено содѣйствіе правительства къ пріобрѣтенію крестьянами въ собственность ихъ земельныхъ угодій, центральный комитетъ, признавая, что степень благосостоянія, обезпеченная крестьянамъ благопріятными климатическими и почвенными условіями, въ которыхъ ведется ихъ хозяйство, не оставляетъ сомнѣнія въ ихъ состоятельности для обезпеченія могущихъ быть выданными имъ выкупныхъ ссудъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что порядокъ и формы отбыванія проектируемыхъ повинностей за пользованіе землею затрудняютъ ихъ оцѣнку, а слѣдовательно и ихъ капитализацію для опредѣленія размѣра выкупной ссуды. Въ этихъ видахъ представлялось, съ одной стороны, крайне желательнымъ поощрять обращеніе повинностей земными произведеніями въ денежный оброкъ, предоставляя нѣкоторыя преимущества тамъ, гдѣ такой оброкъ установится; съ другой стороны необходимымъ установить какой-нибудь максимальный размѣръ ссуды, могущій быть выданнымъ подъ крестьянскій надѣлъ. Не относилось это, конечно, до усадебной осѣдлости, повинность за которую предположено было опредѣлить деньгами. Для достиженія означенной цѣли признано нужнымъ установить нормальную оцѣнку за каждое однодневное па-

ханье полевой земли (полдесятины), и въ виду принятаго раздѣленія полевыхъ угодій на земли неполивныя и поливныя, или отличающіяся особеннымъ плодородіемъ, комитетъ пришелъ къ заключенію, что для первыхъ нормальная оцѣнка можетъ быть опредѣлена въ 10 рублей за однодневное паханье, а для вторыхъ по 20 рублей. Различія между пахатными и сѣнокосными землями не представлялось надобности дѣлать въ виду того, что цѣнность послѣднихъ одинакова съ цѣнностью первыхъ, и одно и тоже поле попеременно можетъ быть пахатное или сѣнокосное. Такимъ образомъ, высшій надѣлъ, опредѣленный въ двадцать дней паханія неполивныхъ, и десять дней паханія поливныхъ земель оцѣнивался-бы въ 200 рублей, а однодневное паханіе усадебной земли, при денежномъ оброкѣ по 3 рубля, капитализированное изъ 6%, въ 50 рублей, всего же 250 рублей. Сумма эта не могла считаться преувеличенною уже потому, что она равнялась той, которая выдавалась изъ Закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія въ ссуду подъ обезпеченіе одного крестьянскаго дыма. Для тѣхъ немногихъ случаевъ, когда въ уставной грамотѣ были бы опредѣлены повинности денежнымъ оброкомъ, не представлялось въ сущности надобности отступать отъ порядка, установленнаго положеніемъ 19 Февраля 1861 г., черезъ капитализацію изъ 6% денежнаго оброка. Тѣмъ не менѣе, однако, въ видахъ вящаго огражденія казны отъ ущербовъ, и того, что, до изданія особыхъ подробныхъ правилъ, никакіе нормальные размѣры денежныхъ повинностей не могли быть опредѣлены, комитетъ счелъ не излишнимъ опредѣлить и тутъ размѣръ могущей быть выданною ссуды. Таковой однако признано было возможнымъ установить въ размѣрѣ высшемъ противъ вышеуказаннаго; а именно, въ неполивномъ полѣ въ 15 руб. и въ поливномъ въ 30 руб., что̀, съ присоединеніемъ 50 руб. за однодневное паханіе усадебной осѣдлости, давало бы за высшій земельный подымный надѣлъ 350 рублей: сумма, очевидно, не преувеличенная. Проектируя такіе размѣры ссудъ для всѣхъ четырехъ уѣздовъ Тифлисской губерніи, въ которыхъ были поселены помѣщичьи крестьяне, оказалось и тутъ нужнымъ установить нѣкоторыя отличія для имѣній въ нагорныхъ частяхъ Горійскаго уѣзда и въ Горскомъ округѣ. Различіе это оправдывалось: 1) тѣмъ, что въ этихъ мѣстностяхъ никакого, ни высшаго ни меньшаго, надѣла не предполагалось, а признавалось нужнымъ всю землю, бывшую въ пользованіи крестьянъ, сохранить за ними, что̀ имѣло послѣдствіемъ необходимость опредѣлить лишь крайній размѣръ, свыше котораго ссуда не имѣла бы быть выдаваема, соображаясь при этомъ съ тѣмъ количествомъ земли, которая могла имѣться у хорошо надѣленнаго крестьянина; 2) тѣмъ,

что въ этихъ мѣстностяхъ, при скудости пахатныхъ полей и обиліи сѣнокосныхъ угодій, невозможно было оцѣнивать сіи послѣднія наравнѣ съ пахатными полями. На этихъ основаніяхъ, принимая за усадебную осѣдлость и за пахатныя поля туже оцѣнку, какъ и на плоскости, но ограничивая таковую для сѣнокосныхъ угодій 3 рублями за однодневное паханье—крайній размѣръ ссуды для одного дыма опредѣлялся въ 180 руб. тамъ, гдѣ повинности отбываться будутъ скотомъ; тамъ же, гдѣ установится денежный оброкъ, такой размѣръ могъ бы быть увеличенъ до 250 рублей. На такихъ основаніяхъ признавалось возможнымъ примѣненіе къ Тифлисской губерніи положенія о выкупѣ 19 Февраля 1861 года, съ возложеніемъ завѣдыванія выкупною операціею на губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и съ предоставленіемъ ему по оной имѣть непосредственныя сношенія съ главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ. Въ виду же необходимости преподать губернскому присутствію подробный наказъ для его руководства по выкупному дѣлу, признавалось наиудобнѣйшимъ изданіе такого наказа предоставить намѣстнику Кавказскому *).

Бывшаго, во внутреннихъ губерніяхъ, сословія *«дворовыхъ людей»*, въ точномъ смыслѣ этого слова, въ Закавказскомъ краѣ не существовало; но близко сходнымъ съ нимъ былъ разрядъ крестьянъ крѣпостныхъ, находившихся въ домашнемъ услуженіи у помѣщиковъ или при его хозяйствѣ, не имѣвшихъ никакого полеваго надѣла, а также такихъ, которые, принадлежа одному помѣщику, были водворены на земли другаго помѣщика или другаго вѣдомства, подъ названіемъ *«хизановъ»*, т. е. людей издавно поселенныхъ и отбывавшихъ землевладѣльцу, въ имѣніи котораго были водворены, опредѣленныя повинности, но вмѣстѣ съ тѣмъ не освобождены отъ личныхъ повинностей тому помѣщику, которому они принадлежали, на крѣпостномъ правѣ. Къ этимъ двумъ разрядамъ комитетъ призналъ возможнымъ примѣнить положеніе 19 Февраля 1861 г. объ устройствѣ дворовыхъ людей. Что же касалось поземельныхъ отношеній хизанъ къ землевладѣльцамъ, въ имѣніи которыхъ они оказывались водворенными, въ виду отсутствія въ этихъ отношеніяхъ крѣпостнаго начала и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкотораго существеннаго различія отъ простаго арендованія земли, центральный комитетъ не счелъ своевременнымъ войти тогда-же въ обсужденіе условій дальнѣйшаго быта этихъ хизанъ, и это тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ отношеніяхъ находились не одни крестьяне, состоявшіе въ крѣпостной зависимости, но и немалое число крестьянъ казенныхъ или бывшихъ церковныхъ. Посему признано

---

*) Наказъ этотъ былъ изданъ 14 Августа 1868 года.

было, оставивъ хизанъ временно въ прежнихъ отношеніяхъ, окончательный вопросъ о регулированіи такихъ отношеній обсудить отдѣльно, въ свое время.

Признавая, что другія изданныя, по крестьянскому дѣлу отъ 19 Февраля 1861 г. законоположенія, по частнымъ вопросамъ, какъ-то относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачѣ подъ залогъ и аренду населенныхъ помѣщичьихъ имѣній, вполнѣ примѣнимы къ Тифлисской губерніи, центральный комитетъ счелъ однако необходимымъ, чтобы, въ виду немаловажныхъ мѣстныхъ особенностей, изданіе правилъ о порядкѣ введенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ было предоставлено ближайшему распоряженію намѣстника Кавказскаго.

Такимъ образомъ были исчерпаны вопросы, непосредственно касавшіеся устройства быта крестьянъ, имѣвшихъ освободиться изъ крѣпостной зависимости, относительно ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, а также ихъ будущихъ отношеній къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ; оставалось обсудить вопросы о порядкѣ управленія крестьянскихъ обществъ и объ имѣвшихъ возникнуть по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ.

Относительно перваго вопроса представилось прежде всего на видъ, что по устройству въ Тифлисской губерніи селеній и состава ихъ населенія не оказывалось необходимости въ созданіи, по примѣру внутреннихъ губерній, двухъ инстанцій—*сельскаго* и *волостнаго* управленія, и что, съ полнымъ удобствомъ и при значительномъ сокращеніи расходовъ, здѣсь эти двѣ единицы, хозяйственная и административно-судебная, могли быть слиты въ одну,—созданіемъ лишь сельскихъ обществъ. Тѣ соображенія, которыя (какъ усматривалось изъ трудовъ главнаго по крестьянскому дѣлу комитета) руководили при созданіи отдѣльно сельскаго и волостнаго управленія, въ Тифлисской губерніи не находили примѣненія. Составлять сельскія общества изъ крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ одного помѣщика, представлялось, по существу, лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ возможнымъ; ибо однопомѣстность селеній въ здѣшнемъ краѣ есть исключеніе не часто повторяющееся; обыкновенно въ одномъ селеніи поселены крестьяне, принадлежавшіе разнымъ владѣльцамъ, не рѣдко и крестьяне казенные, въ особенности бывшіе церковные. Цари Грузинскіе часто жаловали князю или дворянину нѣсколько крестьянскихъ дымовъ съ ихъ землями въ какомъ-либо, царю принадлежавшемъ, селеніи; чаще еще сами помѣщики жертвовали церкви, т. е. какому-нибудь монастырю, нѣкоторое число своихъ крѣпостныхъ дымовъ въ томъ или другомъ селеніи. Отъ этого произошла такая пестрота въ населеніи деревень,

что выдѣленіе въ самостоятельныя сельскія общества крестьянъ, поселенныхъ на землѣ одного помѣщика, было-бы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, невозможно. При отсутствіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, общиннаго пользованія землею, и при частомъ, напротивъ того, совмѣстномъ пользованіи цѣлымъ селеніемъ (безъ различія принадлежности крестьянъ тому или другому владѣльцу) общими пастбищными и лѣсными угодьями, въ особенности-же общими оросительными канавами; наконецъ, въ виду отсутствія правильно организованнаго общественнаго управленія для крестьянъ казеннаго и церковнаго *) вѣдомствъ, центральный комитетъ не могъ не придти къ заключенію, что соединеніе хозяйственнаго и административно-судебнаго крестьянскаго управленія въ одной единицѣ сельскаго общества не только не представитъ неудобствъ или затрудненій, но напротивъ того предоставитъ немаловажныя выгоды единства власти и сбереженія денежнаго. Въ виду этого предположено было установить, что *сельское общество составляется изъ всѣхъ крестьянъ, къ какому-бы вѣдомству они ни принадлежали, кои водворены въ одномъ селеніи.* Но такъ какъ:

1) Не всѣ селенія довольно обширны и многолюдны, чтобы составить самостоятельную сельско-административную единицу, то, по примѣненію къ допущенному въ общемъ положеніи 19 Февраля 1861 года порядку, признавалось, что селенія малолюдныя могутъ соединяться въ одно сельское общество или присоединяться къ ближайшимъ сельскимъ обществамъ, смотря по мѣстнымъ удобствамъ.

2) Хотя крестьяне одного селенія, при существованіи общихъ интересовъ, могли соединиться въ одно общество, безъ различія того будутъ ли они временно-обязанные или государственные; но тѣмъ не менѣе каждая отдѣльная группа, либо принадлежавшая одному помѣщику, либо казенная, естественно имѣла нѣкоторые, ей спеціально присущіе, интересы хозяйственные, а потому нельзя было не допустить для обсужденія такихъ интересовъ частныя сходки, во главѣ которыхъ имѣли-бы стоять особыя изъ среды ихъ избранныя лица, въ званіи *помощниковъ сельскаго старшины*: подчиненные сему послѣднему по дѣламъ общимъ для всего села, они имѣли быть представителями интересовъ частнаго схода. Такимъ образомъ въ сельскомъ общественномъ управленіи имѣли сосредоточиться всѣ дѣла, по общему положенію подлежащія сельскому и волостному управленію, какъ административныя такъ и судебныя; сельскій старшина имѣлъ замѣнить собою и сельскаго и волостнаго старшину, а сельскій судъ получалъ туже

*) Заграничные Греческіе монастыри, Аѳонскіе и Святаго гроба, а также Армяно-Григоріанская церковь, продолжаютъ и донынѣ самостоятельно владѣть населенными имѣніями.

компетенцію, каковая присвоена волостному суду. Въ остальныхъ подробностяхъ кругъ дѣятельности сельскаго управленія имѣлъ опредѣляться общимъ положеніемъ 19 Февраля 1861 года.

Въ виду однако того, что сельскія общества въ Тифлисской губерніи не имѣли состоять исключительно, ни даже преимущественно изъ временно-обязанныхъ крестьянъ, подчиненіе ихъ и должностныхъ по управленію лицъ мировымъ посредникамъ и крестьянскимъ учрежденіямъ не могло быть допущено какъ правило, а лишь только какъ исключеніе тамъ, гдѣ все сельское общество или бо́льшая половина онаго состояла бы изъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Какъ общее правило проектировалось подчиненіе сельскихъ должностныхъ лицъ и сельскаго управленія губернской и уѣздной или окружной административнымъ властямъ. Такъ, утвержденіе въ должности избранныхъ сельскимъ сходомъ сельскаго старшины и сельскихъ судей, а также удаленіе перваго отъ должности, въ случаѣ неисправнаго отправленія имъ своихъ обязанностей или замѣченныхъ злоупотребленій, предоставлялось власти начальника губерніи; утвержденіе же въ должностяхъ и въ случаѣ надобности удаленіе отъ оныхъ помощниковъ старшинъ полагалось предоставить власти уѣздныхъ или окружныхъ начальниковъ, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что власть эта имѣла принадлежать мировому посреднику тамъ, гдѣ сельское общество состояло изъ однихъ временно-обязанныхъ крестьянъ, равнымъ образомъ и при той же оговоркѣ относительно мировыхъ посредниковъ, жалобы на рѣшеніе сельскаго схода имѣли бы приноситься уѣздному или окружному начальнику, для представленія начальнику губерніи; тѣмъ же должностнымъ лицамъ имѣло быть предоставлено право налагать небольшіе денежные штрафы, до 5 рубл., или краткосрочные аресты на сельскихъ должностныхъ лицъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ временно устранять отъ исполненія должности сельскихъ старшинъ.

Независимо изложенныхъ выше причинъ, истекавшихъ изъ смѣшаннаго состава сельскихъ обществъ, такое подчиненіе крестьянскихъ учрежденій мѣстнымъ полицейско-административнымъ учрежденіямъ, вмѣсто крестьянскихъ учрежденій (какъ то было принято во внутреннихъ губерніяхъ) было признано болѣе удобнымъ уже потому, что сельскія административныя должностныя лица являются во многихъ дѣлахъ нисшими полицейско-административными органами, находящимися въ постоянномъ соприкосновеніи съ уѣздными властями, требованія которыхъ они обязаны исполнять, для сохраненія общественнаго порядка, для взиманія казенныхъ податей, и т. п. Поэтому изъятіе такихъ чиновъ изъ подчиненности уѣздной администраціи и созданіе для нихъ совершенно отдѣльнаго, независимаго начальства,

въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и крестьянскихъ учрежденій, не признавалось желательнымъ. Опытъ двадцатипятилѣтній вполнѣ подтвердилъ правильность такого взгляда для Закавказскихъ губерній.

Оставалось центральному комитету составить соображенія объ устройствѣ въ Тифлисской губерніи крестьянскихъ учрежденій. Необходимость созданія должностей мировыхъ посредниковъ не могла подлежать сомнѣнію; являясь ближайшими непосредственными органами выполненія задачи справедливаго и безпристрастнаго имущественнаго развода между двумя сословіями, а также установленія правильныхъ между ними хозяйственныхъ отношеній, мировые посредники были, можно сказать, краеугольнымъ камнемъ при сооруженіи новаго зданія гражданскихъ и экономическихъ отношеній и ближайшими выполнителями великой, исторической реформы. Назначеніе ихъ изъ среды помѣщичьяго сословія было справедливою данью уваженія къ безкорыстному участію, принятому этимъ сословіемъ въ разрѣшеніи высокой общечеловѣческой задачи, добровольнымъ отказомъ отъ правъ на личность крестьянъ, имъ дотолѣ подвластныхъ, и если правительство въ видахъ государственной пользы обязано было наложить на землевладѣльцевъ немаловажныя жертвы для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія вступавшихъ въ новую жизнь своихъ подданныхъ, то для осуществленія имущественнаго раздѣла оно, по справедливости, имѣло право обратиться къ безпристрастности представителей сословія, уже принесшаго патріотическую жертву. Соображенія эти одинаково были примѣнимы и къ Тифлисской губерніи; а потому признано было безусловно, что мировые посредники должны быть назначаемы изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и что кругъ ихъ дѣятельности, для приведенія въ исполненіе крестьянской реформы, долженъ быть тотъ же самый, который имъ указанъ былъ въ общихъ для имперіи законоположеніяхъ. Имѣлъ кругъ этотъ нѣсколько сократиться лишь относительно завѣдыванія временно-обязанными крестьянами, по причинамъ передъ симъ изложеннымъ. Относительно же порядка назначенія и увольненія на должности мировыхъ посредниковъ особыя мѣстныя условія вызывали нѣкоторое уклоненіе отъ того, который былъ установленъ во внутреннихъ губерніяхъ. Самая ограниченность района территоріальнаго и самый составъ инородческаго населенія требовали, чтобы все руководство введеніемъ реформы было сосредоточено въ рукахъ высшей въ краѣ правительственной власти, въ лицѣ Царскаго Намѣстника; примѣнять здѣсь тотъ довольно сложный процессъ избранія на должности мировыхъ посредниковъ, который былъ установленъ положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, 19 Февраля 1861 года, представлялось для Тифлисской губерніи и излиш-

нимъ и во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, а потому признано было наилучшимъ назначеніе на должности мировыхъ посредниковъ изъ числа мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ и увольненіе ихъ предоставить окончательно власти Намѣстника Кавказскаго. Потребный же расходъ на содержаніе канцеляріи мировыхъ посредниковъ, полагая для каждаго по двѣ тысячи рублей, предположено было отнести на мѣстные доходы Закавказскаго края, т.-е. на государственное казначейство. Обременять этимъ расходомъ помѣщичьи имѣнія не представлялось возможнымъ, по ихъ недостаточности; созидая же изъ посредниковъ правительственныхъ агентовъ, было прилично расходы на ихъ содержаніе принять на счетъ того же правительства.

Учрежденіе уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ признано было излишнимъ и даже нежелательнымъ. На сколько эта промежуточная инстанція, между институтомъ мировыхъ посредниковъ и губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, оправдывалась во внутреннихъ губерніяхъ количествомъ крѣпостнаго населенія, значительностью разстояній, и наконецъ самымъ характеромъ всего крестьянскаго учрежденія: на столько же оно не вызывалось необходимостью въ Тифлисской губерніи, созидая лишь одну волокиту. Разстоянія отъ губернскаго города всѣхъ трехъ уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ могли бы основаться уѣздные мировые съѣзды, не превышали ни для одного изъ нихъ ста верстъ; при сравнительно-небольшомъ количествѣ крѣпостныхъ крестьянъ (на всю губернію съ небольшимъ 100 тысячъ душъ) не предполагалось созидать большое количество мировыхъ посредниковъ—по два и не болѣе трехъ въ одномъ уѣздѣ; а потому во всякомъ случаѣ пришлось бы два уѣзда соединить въ одинъ съѣздъ. Наконецъ, населеніе мѣстное на столько привыкло, по своимъ дѣламъ и нуждамъ, обращаться прямо къ высшей административной инстанціи, минуя низшія, что оно въ существованіи промежуточной инстанціи между мировымъ посредникомъ и губернскимъ присутствіемъ усмотрѣло бы для себя не облегченіе, но напрасное замедленіе въ окончательномъ рѣшеніи. По всѣмъ такимъ соображеніямъ центральный комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что для Тифлисской губерніи вполнѣ достаточно одной инстанціи надъ мировыми посредниками, въ лицѣ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чѣмъ достигалось немаловажное денежное сбереженіе. Но дабы не лишать возможности, въ нужныхъ случаяхъ, производить разборъ по жалобамъ на мировыхъ посредниковъ, на мѣстахъ, предполагалось, чтобы губернское присутствіе изъ своего состава могло командировать на мѣста отдѣльныхъ своихъ членовъ или составлять временныя отдѣленія, съ предоставленіемъ симъ послѣднимъ права не только собирать нужныя свѣдѣнія и

удостовѣренія, но и постановлять на мѣстѣ окончательныя рѣшенія; въ составъ такихъ временныхъ отдѣленій имѣли бы входить мѣстные уѣздные предводители дворянства и уѣзные начальники, а также мировые посредники. Въ тѣхъ случаяхъ, когда начальникъ губерніи по особенно важнымъ обстоятельствамъ затруднился бы исполнить состоявшееся въ губернскомъ присутствіи постановленіе, признавалось нужнымъ предоставить ему право, пріостановивъ подъ собственною отвѣтственностію исполненіе такого рѣшенія, представить о всѣхъ обстоятельствахъ на разрѣшеніе Намѣстника Кавказскаго. Самое же губернское присутствіе имѣло, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, состоять изъ губернскаго предводителя дворянства, двухъ изъ старшихъ чиновниковъ главнаго управленія по назначенію Намѣстника, губернскаго прокурора, четырехъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, избираемыхъ собраніемъ, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и четырехъ членовъ дѣлопроизводителей по назначенію Намѣстника.

Всѣ эти свои соображенія Закавказскій центральный комитетъ изложилъ въ формѣ проектовъ особыхъ законоположеній и представилъ ихъ на усмотрѣніе Намѣстника Кавказскаго. Занятія комитета начались 9 Декабря 1863 года и окончились 6 Іюня 1864 года; посвящено было этому важному дѣлу сорокъ засѣданій.

Одобривъ труды Закавказскаго центральнаго комитета, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, независимо внесенія этого дѣла на Высочайшее утвержденіе, счелъ своею обязанностію предпринять особое передъ Государемъ Императоромъ ходатайство о дарованіи дворянамъ Тифлисской губерніи нѣкотораго денежнаго пособія для облегченія труднаго экономическаго положенія, которому они подвергались съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости ихъ крестьянъ. Положеніе ихъ дѣйствительно представлялось крайне тяжелымъ, и какъ ни было необходимо распространеніе (и то безотлагательное) на Закавказскій край исторической реформы, правительство не могло мириться съ тѣмъ, чтобы неподготовленное къ оной большинство мѣстнаго помѣщичьяго сословія обратилось въ нищенскій пролетаріатъ. Изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ повѣствованіи данныхъ уже видно, на сколько, въ различіе отъ внутреннихъ губерній, въ Тифлисской преобладало мелкопомѣстное дворянство и на сколько болѣе обезпеченные землевладѣльцы составляли исключеніе. Но и тѣ и другіе, по особенному складу ихъ образа жизни, все свое благосостояніе привыкли основать на крѣпостномъ трудѣ; для перехода къ иному хозяйственному порядку требовались и время, и свободныя денежныя средства, которыми рѣдко кто изъ дворянъ-помѣщиковъ располагалъ. Привыкнувъ гораздо болѣе

къ служилой, нежели деревенской жизни, отчасти состоя на службѣ или участвуя въ рядахъ милиціи, либо особыхъ дворянскихъ дружинъ, въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, дворяне Тифлисской губерніи не могли посвящать много времени хозяйственнымъ заботамъ, а потому самостоятельнаго помѣщичьяго хозяйства почти совсѣмъ не существовало; обработывалась вся земля крѣпостными, которые отбывали обычныя повинности произведеніями. Имѣло это прекратиться, и хотя и предоставлялся двухъ-годичный срокъ для приготовленія къ такому экономическому перевороту, но онъ одинъ не могъ предупредить грозящее всему сословію матеріальное потрясеніе. Для облегченія онаго Великій Князь Михаилъ Николаевичъ испрашивалъ монаршее дворянству Тифлисской губерніи пособіе. Было оно даровано особымъ Высочайшимъ рескриптомъ на имя Намѣстника Кавказскаго въ размѣрѣ по 25 рублей на каждую ревизскую душу, а въ исключительныхъ случаяхъ особой недостаточности до 50 рублей, что̀ по числу немногимъ болѣе 100 тысячъ душъ, составило общую сумму примѣрно 2.500.000 рублей.

Представленные на Высочайшее утвержденіе проекты законоположеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Тифлисской губерніи были разсмотрѣны въ соединенномъ присутствіи комитетовъ Кавказскаго и Главнаго Крестьянскаго, и удостоились Высочайшаго утвержденія 13 Октября 1864 года.

Обнародованіе Высочайшаго указа Правительствующему Сенату о приведеніи въ дѣйствіе утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ: 1) Дополнительныхъ къ положенію 19 Февраля 1861 года правилъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Тифлисской губерніи, 2) Мѣстнаго положенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ оной, 3) Правилъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ, ихъ общественнаго управленія и повинностей государственныхъ и общественныхъ въ той же губерніи, было назначено на 8 Ноября 1864 года. Опредѣлено было, чтобы обнародованіе это сопровождалось особенною торжественностью и происходило одновременно въ городѣ Тифлисѣ для Тифлисскаго уѣзда, и въ городахъ Гори, Сигнахѣ и Телавѣ, для уѣздовъ тѣхъ наименованій. Для торжества были вызваны въ Тифлисъ и въ каждый изъ трехъ уѣздныхъ городовъ соотвѣтственно старшины и по два депутата изъ всѣхъ помѣщичьихъ селеній уѣзда, а для объявленія манифеста въ уѣздныхъ городахъ были командированы: въ Гори Тифлисскій губернаторъ, а въ Телавъ и Сигнахъ директоры департаментовъ главнаго управленія Намѣстника. Въ Тифлисѣ, въ назначенный день, 8 Ноября, на площади близъ дома занимавшагося Намѣстникомъ, собрались

члены центральнаго комитета, дворяне Тифлисскаго уѣзда и сельскіе представители; огромная толпа народа наполняла площадь. Съ бывшей тутъ возвышенности, по порученію намѣстника, я, въ качествѣ начальника главнаго управленія, громогласно прочиталъ Высочайшій указъ, а почтенный представитель дворянъ, князь Иванъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій прочиталъ его въ переводѣ на Грузинскій языкъ. Послѣ этого, въ особо для этого случая поставленной палаткѣ, было экзархомъ Грузіи отслужено молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и Августѣйшему дому. Потомъ были розданы старшинамъ селеній экземпляры Высочайше утвержденныхъ положеній съ переводомъ на Грузинскій языкъ. За симъ все собраніе перешло на платформу передъ домомъ Намѣстника, и тутъ, въ присутствіи Великаго Князя Михаила Николаевича, было прочитано воззваніе Его Высочества къ сельскимъ обывателямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, мною на Русскомъ языкѣ, а княземъ Багратіонъ-Мухранскимъ въ Грузинскомъ переводѣ. Воззваніе это содержало въ себѣ краткое изложеніе сущности новаго положенія, предоставляемыхъ выходящимъ изъ крѣпостной зависимости крестьянамъ правъ и возлагаемыхъ на нихъ въ отношеніи землевладѣльцевъ обязанностей, указывалось на принесенныя дворянствомъ пожертвованія и, при пожеланіи крестьянамъ благословенія Божьяго на новомъ открывающемся имъ пути, внушалась имъ необходимость точнаго исполненія своего долга, дабы честнымъ и спокойнымъ трудомъ они развили и упрочили благосостояніе свое и своихъ семействъ. Экземпляры этого воззванія были тутъ же розданы. Вслѣдъ за этимъ были прочтены имена лицъ, назначенныхъ Намѣстникомъ изъ мѣстныхъ дворянъ на должности мировыхъ посредниковъ и ихъ кандидатовъ. По окончаніи этого чтенія старшины и депутаты отъ крестьянъ были угощены отъ Его Высочества на площади. Приглашеннымъ въ домъ Намѣстника дворянамъ былъ прочитанъ Высочайшій рескриптъ о дарованіи помѣщикамъ денежнаго вознагражденія за *личныя* повинности освобождаемыхъ изъ ихъ зависимости крестьянъ. Торжество окончилось завтракомъ у Ихъ Императорскихъ Высочествъ, къ которому были приглашены всѣ присутствующіе дворяне. Совершенно въ томъ же порядкѣ и въ тѣже часы совершались однородныя торжества въ трехъ уѣздныхъ городахъ. Великолѣпная теплая Кавказская осенняя погода благопріятствовала этому праздничному дню; произвелъ онъ на всѣхъ присутствовавшихъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Призванное къ новой жизни сословіе вступило въ оную съ радостнымъ спокойствіемъ; нигдѣ не было случаевъ безпорядковъ или столкновеній. Съ полною искренностію могъ Намѣстникъ Кавказскій, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, представ-

ленномъ Государю Императору, весною 1865 года о ходѣ крестьянскаго дѣла, выразиться такъ:

«Я счастливъ, что могу удостовѣрить Ваше Величество, что результатъ доселѣ оказавшійся превзошелъ всѣ мои ожиданія; я не только не былъ поставленъ въ необходимость прекращать какіе бы то ни было безпорядки, но ко мнѣ не поступило почти ни одной серіозной жалобы о томъ, чтобы положеніе гдѣ либо не исполнялось въ точности, какъ помѣщиками, такъ и крестьянами. Такой благопріятный исходъ я прежде всего приписываю оказанной Вашимъ Величествомъ помѣщичьему сословію милости, дарованіемъ ему вознагражденія за личныя повинности, которыми они пользовались отъ крестьянъ. Мѣра эта, внушенная милостивымъ вниманіемъ Вашимъ къ нуждамъ помѣщиковъ, которые съ прекращеніемъ крѣпостнаго права лишались главнаго источника своего существованія, была мѣра столь же справедливая, сколько полезная».

«Дворянство оцѣнило оказанную ему милость и старается показать себя достойнымъ оной».

«Не могу также не отнести справедливой доли вліянія на успѣхъ этого важнаго дѣла благоразумію и всегдашней покорности къ требованіямъ правительства сельскаго населенія, а наконецъ къ трудамъ тѣхъ, которые, разработывая положеніе, умѣли согласовать общія начала, предначертанныя Вашимъ Величествомъ для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ правомъ собственности помѣщичьяго сословія, съ экономическими условіями края и съ нуждами простаго класса населенія».

Съ 8 Ноября 1864 года центральный комитетъ, при главномъ управленіи Намѣстника Кавказскаго для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ изъ учрежденія временнаго былъ преобразованъ въ учрежденіе постоянное, подъ названіемъ «*Комитета по устройству крестьянъ*». Въ немъ, подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго управленія, сосредоточивалось все дѣлопроизводство какъ по наблюденію за приведеніемъ въ дѣйствіе уже изданныхъ положеній, такъ и по составленію таковыхъ для другихъ частей края. При комитетѣ учреждалась особая канцелярія.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО МОРЯКА.

Амуръ.

Въ 1854 году я служилъ въ чинѣ лейтенанта на парусномъ фрегатѣ «Діана» подъ начальствомъ С. С. Лесовскаго.

Узнавъ въ Маѣ мѣсяцѣ на Сандвичевыхъ островахъ о началѣ военныхъ дѣйствій Англичанъ и Французовъ противъ Россіи, мы поспѣшили въ заливъ Де-Кастри, гдѣ надѣялись соединиться съ фрегатомъ «Паллада». Переходъ былъ довольно медленъ и скученъ, особенно когда, съ приближеніемъ къ Японскимъ берегамъ, насъ встрѣтили густые непроницаемые туманы, которые сопровождали насъ во все время плаванія по Татарскому заливу. По счисленію, мы уже находились у самаго входа въ заливъ Де-Кастри; курсъ велъ прямо въ берегъ, и постоянно уменьшающаяся глубина доказывала, что мы были недалеко отъ него; но, закрытый густымъ туманомъ, онъ не показывался, и становилось опасно къ нему приближаться. Всѣ офицеры и бо́льшая часть команды, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе окончанія долгаго и однообразнаго перехода, размѣстились на бакѣ и по бортамъ, напрягая зрѣніе, чтобы отыскать желанный берегъ. Часто туманныя облака рисовали передъ усталыми глазами нѣчто въ родѣ вершины горы; но скоро нетерпѣливое общество сознавало, что это былъ лишь обманъ воображенія. Къ великому огорченію всѣхъ, вдругъ раздалась команда: «По мѣстамъ къ повороту», и надежда послѣ долгаго, пятидесяти-шести-дневнаго перехода, наконецъ, отдохнуть на якорѣ пропала. Всѣ бросились исполнять приказаніе капитана. Въ этотъ моментъ туманъ показался въ одномъ мѣстѣ нѣсколько темнѣе; рулевому скомандовали: «одерживай», т. е. правь по прежнему курсу и, въ самомъ дѣлѣ, изъ темной точки тумана стала понемногу, яснѣе и яснѣе, выступать высокая, совершенно плоская гора. Это былъ, какъ потомъ оказалось, мысъ Клостеркампъ, и мы удивительно удачно попали какъ разъ къ самому входу въ заливъ Де-Кастри; при самой ясной погодѣ нашъ курсъ не могъ быть лучше расчитанъ. Проходя между входными мысами, мы разомъ прорѣзали туманъ, перешли въ теплый и ясный

воздухъ, и передъ нами открылся обширный заливъ съ раскинутыми въ немъ островами. Подобное явленіе густаго тумана было часто замѣчено мною и впослѣдствіи въ Татарскомъ проливѣ: чрезвычайно густой туманъ простирается только до окраинъ берега, а во внутреннихъ бухтахъ воздухъ совершенно чистъ, причемъ переходъ такъ рѣзокъ, что туманъ буквально стоитъ какъ стѣна.

Не видя въ заливѣ фрегата «Паллады», нашъ капитанъ захотѣлъ убѣдиться, не находится ли фрегатъ за однимъ изъ островов и приказалъ выпалить изъ пушки. Этотъ маневръ былъ повторенъ еще разъ, и вскорѣ мы услышали въ отвѣтъ два весьма слабыхъ выстрѣла. За островомъ на минуту показалась шлюпка, которая тотчасъ же изчезла, какъ бы прячась за нимъ. Когда мы уже становились на якорь, эта шлюпка рѣшительно направилась къ намъ. На рулѣ былъ линейный казакъ въ папахѣ и въ полномъ вооруженіи, съ ружьемъ черезъ плечо, словомъ онъ былъ одѣтъ такъ, что могъ бы явиться прямо въ Михайловскій манежъ на разводъ. Какъ мы были рады встрѣтиться съ нашими солдатами послѣ восьмимѣсячной отлучки изъ Россіи! Но еще того больше обрадовалась имъ наша команда. Когда молодецъ-казакъ влѣзъ на палубу и сталъ громко рапортовать первому попавшемуся офицеру: «Ваше высокопревосходительство, по ввѣренному мнѣ Александровскому посту все обстоитъ благополучно, новаго ничего нѣтъ», между нашими матросами раздались голоса: «Слышь, по-русски говоритъ». Это удивленіе доказывало, до какой степени наши люди свыклись въ чужихъ портахъ даже не искать человѣка, знающаго порусски.

Казакъ сообщилъ намъ, что онъ урядникъ Нерчинскаго коннаго полка, только нѣсколько дней до насъ прибылъ со своей командой изъ шести человѣкъ въ заливъ Де-Кастри и привелъ сюда первыхъ лошадей, которыя до тѣхъ поръ здѣсь не были извѣстны. Отъ него мы узнали, что фрегатъ «Паллада» былъ въ Де-Кастри и ушелъ въ устье Амура. Этотъ же казакъ разсказалъ намъ, что генералъ-губернаторъ Николай Николаевичъ Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій), узнавъ о войнѣ, спустилъ по Амуру на баркахъ одинъ линейный батальонъ, сотню казаковъ и одну батарею горной артилеріи съ провіантомъ и всѣмъ необходимымъ. По прибытіи въ Кизи, нашего урядника съ маленькой командой отправили лѣсомъ въ Де-Кастри съ приказаніемъ увѣдомлять начальство на Амурѣ о прибытіи какихъ-либо судовъ, черезъ поставленный между этими двумя пунктами казачій пикетъ. Въ Де-Кастри наши казаки нашли нѣсколько человѣкъ Камчатскихъ пѣшихъ казаковъ и одного подрядчика Россійско-Американской компаніи. Эти люди были тутъ оставлены осенью предыдущаго года по

распоряженію морскаго начальства и перезимовали благополучно; они гребли очень исправно на подошедшей къ намъ шлюпкѣ и были одѣты въ красныя фланелевыя матросскія рубашки.

«Я», говорилъ урядникъ, «въ Нерчинскѣ никогда не слыхалъ, «что существуетъ морской флотъ, а вдругъ привелось плыть по рѣ-«камъ, да начальство приказало дать знать еще о корабляхъ. Какъ «мы услышали ваши выстрѣлы, мнѣ подрядчикъ компанейскій, чело-«вѣкъ бывалый (онъ и на морскомъ флотѣ плавалъ) говоритъ: «Въ «морскомъ флотѣ такой порядокъ, что надобно на каждый выстрѣлъ «отвѣчать, на то и фрегатъ Паллада пушку оставилъ» (однофунтовый «фалконетъ). А потомъ подрядчикъ посовѣтовалъ ѣхать опросить ко-«рабль, какой націи и зачѣмъ-де пришелъ; да тутъ онъ мнѣ и объ-«яснилъ: какъ будетъ бѣлый флагъ съ синимъ крестомъ, то смѣло по-«ѣзжай, а какъ флагъ красный, такъ значитъ Англійскій; ну, тогда «скрывайся за островомъ. Я на всякій случай ружье захватилъ и по-«ѣхалъ опросить. Ужъ такіе порядки на морскомъ флотѣ, завсегда надо «ѣхать».

Капитанъ приказалъ казакамъ дать по чаркѣ водки. Урядникъ зачерпнулъ и, обратившись къ офицерамъ, произнесъ: «Мы весьма довольны и благодаримъ покорно. За здравіе Государя Императора Николая Павловича и съ благополучнымъ вашимъ приходомъ».

Намъ эти люди очень понравились, и насъ удивило, что какъ Нерчинскіе, такъ и Камчатскіе казаки чисто говорили по-русски; только изрѣдко слышались мѣстныя выраженія.

Въ этотъ же вечеръ я успѣлъ еще побывать на берегу, гдѣ мы, послѣ долгаго пребыванія въ тропикахъ, рады были встрѣтить нашу сѣверную природу. Мы погуляли по лѣсу, въ которомъ преобладали лиственница и ель. Вокругъ поста, состоящаго изъ трехъ весьма маленькихъ домиковъ, лѣсъ былъ вырубленъ, и образовалась небольшая поляна, на которой еще торчали пни; здѣсь, по берегу рѣчки, казаки косили высокую траву и готовили на зиму кормъ для своихъ лошадей. На другой сторонѣ рѣчки была Гиляцкая деревня, отъ которой вѣтеръ приносилъ сильный запахъ рыбы, сушившейся на жердяхъ. Уже смеркалось, и потому мы поспѣшили возвратиться на фрегатъ, отлагая до другаго дня болѣе подробный осмотръ берега и Гиляцкой деревни.

На слѣдующее утро однако меня потребовали къ капитану, и онъ далъ мнѣ порученіе пробраться съ однимъ казакомъ черезъ лѣса къ Амуру, по рѣкѣ достигнуть ея устья и доставить рапортъ о нашемъ прибытіи адмиралу Путятину, имѣвшему свой флагъ на фрегатѣ Паллада, который, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ каза-

ковъ, пошелъ въ устье Амура. Меня крайне обрадовало это порученіе, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты отправленія. Оно было отложено на нѣсколько часовъ, такъ какъ капитанъ еще писалъ свое донесеніе. Наконецъ, около полудня я получилъ всѣ бумаги и высадился на берегъ, гдѣ меня уже ждалъ казакъ съ двумя осѣдланными лошадьми.

Навязавъ за сѣдломъ маленькую сумку со смѣною бѣлья и другимъ сюртукомъ, я весело тронулся въ путь по узкой тропинкѣ, которая очень скоро привела насъ въ густой лѣсъ. По увѣренію моего спутника, что «тутъ очень спокойно» и что до города Кизи, гдѣ есть лавка и «все можно достать», недалеко, я рѣшилъ возвратить на фрегатъ взятый съ собою казенный кремневый пистолетъ, который меня обременялъ, и только оставилъ въ карманѣ свертокъ съ бутербротами. Въ продолженіе четверти часа я ѣхалъ въ довольно веселомъ расположеніи духа; по мѣрѣ удаленіи отъ берега лѣсъ становился гуще, почва болотистѣе, и тропинка была еле замѣтна. Мой казакъ слѣзъ съ лошади, отыскивая путь по зарубкамъ на деревьяхъ; я послѣдовалъ его примѣру и, дѣйствительно, верхомъ ѣхать было невозможно, потому что лошадь съ трудомъ пробиралась между деревьями, и я рисковалъ сломать себѣ колѣна: сучья били въ глаза, и лошадь поминутно проваливалась въ болотистой почвѣ, покрытой мхомъ; сверхъ того, встрѣчавшіяся на каждомъ шагу упавшія деревья составляли даже для пѣшехода значительныя затрудненія, а лошадь, и безъ сѣдока, съ трудомъ перелѣзала черезъ эти натуральныя барикады, которыя не всегда можно было обходить. Я охотно хожу пѣшкомъ и потому довольно бодро шелъ за моимъ проводникомъ, иногда съ трудомъ вытаскивая ноги изъ мягкаго мха. Въ четвертомъ часу я почувствовалъ утомленіе, а потому присѣлъ на свалившееся дерево и принялся за бутерброты, подѣлившись ими съ моимъ казакомъ, который все увѣрялъ меня, что мы близко отъ казачьяго пикета. Впрочемъ, проводникъ мой сознался, что онъ шелъ этимъ путемъ только одинъ разъ, слѣдуя изъ Кизи въ Де-Кастри. Зарубки на деревьяхъ доказывали намъ, что мы шли настоящей дорогой, и потому, отдохнувъ немного и набравшись силъ, мы отправились дальше. Шли часъ, другой; пошелъ дождь, солнце замѣтно понижалось, а насъ все еще окружалъ густой лѣсъ, и ни озера, ни казачьяго пикета не было видно. Казакъ на мои вопросы отвѣчалъ только: «Кажись, какъ туда шли, было гораздо ближе».

Наконецъ смерклось, я сталъ сильно безпокоиться; я усталъ, промокъ, не былъ въ состояніи разсмотрѣть зарубки на деревьяхъ и шелъ на удачу, сохраняя приблизительно прежнее направленіе. Казакъ мой тоже пріунылъ. Опасаясь потерять въ темнотѣ нить зарубокъ, мы рѣшили дождаться въ лѣсу разсвѣта и податься впередъ только для оты-

сканія менѣе болотистаго мѣста гдѣ провести ночь, какъ вдругъ совершенно неожиданно мы очутились на берегу обширнаго озера. Несказанно обрадовавшись этому, мы нѣсколько успокоились и присѣли отдохнуть. На опушкѣ лѣса было немного свѣтлѣе, но не надолго: дождь пошелъ сильнѣе, и темнота увеличилась. Проводникъ увѣрялъ, что пикетъ расположенъ на самомъ берегу озера, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога сворачиваетъ въ лѣсъ, и мы должны были рѣшить, повернуть ли налѣво или направо вдоль берега, чтобы попасть къ пикету. Я посовѣтовалъ ѣхать налѣво, такъ какъ зналъ, что озеро собственно только рукавъ или заводь Амура, къ которому мы приближались, идя по этому направленію. Порядкомъ утомившись и видя, что теперь у берега миновала грозившая мнѣ въ лѣсу опасность сломать себѣ ноги о деревья, я сѣлъ на лошадь, которую до сихъ поръ велъ въ поводу. Грунтъ и здѣсь былъ мягокъ, высокая трава росла до самаго берега, и безпрестанно попадались ямы; въ одну изъ нихъ свалилась моя уставшая лошадь, и я порядкомъ ушибъ руку. Казакъ шелъ пѣшкомъ; я было попытался послѣдовать его примѣру, но рѣшительно не могъ стоять на ногахъ и вскорѣ опять сѣлъ на лошадь; тогда онъ, шагая впереди, кричалъ мнѣ, куда держать. Сколько времени мы шли такимъ образомъ, я не знаю. Напрасно я подносилъ часы къ самымъ глазамъ: за темнотою я никакъ не могъ разсмотрѣть стрѣлокъ; наконецъ, я потерялъ всякую надежду найти пикетъ и только ожидалъ съ нетерпѣніемъ разсвѣта. Вдругъ въ ночной тиши раздалось ржаніе лошади, но оно послышалось за нами; и дѣйствительно, мы въ темнотѣ прошли мимо шалаша казаковъ, который находился всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега озера. Мы стали звать казаковъ, и казаки, скоро проснувшись, провели насъ въ шалашъ, гдѣ тотчасъ развели на землѣ огонь. Я прилегъ на лавкѣ, устроенной изъ тонкихъ жердей у самаго костра и смотрѣлъ, какъ казаки—ихъ было трое—стали варить въ чугунномъ котелкѣ кирпичный чай съ примѣсью толченыхъ черныхъ сухарей и съ кусочкомъ масла. Промокши и проголодавшись, я рѣшился попробовать эту бурду, которая на вкусъ оказалась менѣе противной, чѣмъ на видъ. Я могъ заснуть только въ третьемъ часу утра, когда угомонились казаки, грѣвшіеся у огня и радушно угощавшіе своего товарища.

Когда я проснулся, уже совсѣмъ разсвѣло, и мнѣ доложили, что новый проводникъ съ другими лошадьми готовъ. Тотчасъ же собравшись въ путь, я увидалъ, что сѣдла и мои вещи лежатъ на маленькой лодкѣ, а позади нея привязаны двѣ лошади. Пришлось переѣхать на другую сторону озера, которое въ этомъ мѣстѣ сузилось до ширины нѣсколькихъ сотъ саженъ; казаки гребли, а лошади плыли вслѣдъ за лод-

кой, такъ что мы совершенно благополучно достигли другаго берега. Осѣдлавъ лошадей, я поѣхалъ уже съ новымъ проводникомъ опять вдоль самаго берега озера, направляясь все къ Западу. Погода стояла хорошая, и потому мы ѣхали скорѣе вчерашняго, хотя мѣстами топкая почва и переправа черезъ довольно глубокія рѣчки значительно замедляли нашъ путь. Наконецъ, въ четвертомъ часу, мы выѣхали къ одному изъ рукавовъ Амура, гдѣ было раскинуто нѣсколько домиковъ, и проводникъ сказалъ, что мы добрались до города Кизи. Двѣ роты линейнаго баталіона и казачья сотня расположились тутъ лагеремъ, передъ которымъ блестѣли привезенныя съ верховьевъ Амура пушки. Мнѣ указали домикъ начальника Маріинскаго поста, мичмана Разградскаго, который принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ и угостилъ отличнымъ обѣдомъ, приготовленнымъ всецѣло изъ рыбы. Во время обѣда собрались почти всѣ офицеры линейнаго баталіона, одѣтые въ сѣрыя солдатскія шинели, введенныя во время Крымской войны во всей арміи. Меня очень интересовали разсказы офицеровъ про встрѣченныя ими затрудненія при плаваніи по Амуру, совершенно до того времени неизвѣстной рѣкѣ. Разградскій разсказалъ о посольствѣ, которое Манжуры, встревоженные тѣмъ, что Русскіе въ большомъ числѣ на множествѣ барокъ спустились по рѣкѣ, присылали спросить о причинахъ такого никогда небывалаго явленія? Разградскій приглашалъ ихъ ѣхать до Николаевска увидѣться съ генералъ-губернаторомъ, но они боялись идти дальше и настоятельно требовали отвѣта. Тогда Разградскій спросилъ ихъ, не слыхали ли они, что Англичане нѣсколько лѣтъ тому назадъ воевали съ Китайцами и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ, что теперь Англичане твердо рѣшили завоевать Китай, но отбитые отъ Кантона они перемѣнили планъ военныхъ дѣйствій и готовятся вторгнуться въ Китай съ Сѣвера черезъ Русскія владѣнія. Вотъ почему въ настоящее время Русское правительство, узнавъ объ этомъ намѣреніи, поспѣшило занять устье Амура. Хитрые Манжуры, повидимому, остались совершенно довольны этимъ отвѣтомъ и высказали убѣжденіе, что ихъ правительство, конечно, будетъ очень благодарно Русскимъ за такое распоряженіе и, вѣроятно, не откажетъ выслать на помощь необходимое войско.

Разградскій уговаривалъ меня ночевать у него и насилу согласился дать мнѣ лодку въ тотъ же вечеръ. Въ единственной лавкѣ, устроенной въ Кизи Россійско-американской компаніей, уже давно все было распродано, и потому Разградскій далъ мнѣ на дорогу мѣдный чайничекъ, немного чаю и сахару — весь его запасъ, которымъ онъ пользовался въ послѣднее время лишь по праздникамъ. Я принялъ все это только потому, что Разградскій съ нѣкоторыми офицерами ли-

нейнаго баталіона собирался ѣхать въ Де-Кастри для посѣщенія нашего фрегата, и я могъ вручить ему записку, въ которой просилъ нашего содержателя каютъ-компаніи снабдить его чаемъ, сахаромъ и всѣмъ необходимымъ.

Въ семь часовъ меня проводили до рѣки, гдѣ уже ждала Гиляцкая лодка съ четырьмя гребцами. На срединѣ ея на соломенномъ коврикѣ было приготовлено для меня мѣсто. Простившись со всѣми, я отправился въ дальнѣйшій путь и разсчитывалъ болѣе на теченіе рѣки, чѣмъ на короткія Гиляцкія весла. Мнѣ предстояло проплыть разстояніе около трехъ сотъ верстъ на этой плоскодонной лодкѣ, сколоченной изъ трехъ досокъ. Экипажъ мой былъ очень разнообразенъ, какъ по наружности, такъ и по происхожденію: одинъ гребецъ, человѣкъ высокаго роста съ русыми волосами, одѣтый въ солдатскую шинель, служилъ въ линейномъ батальонѣ и былъ уроженецъ Вятской губерніи; другой, довольно смуглый и очень расторопный казакъ въ матросской рубашкѣ, уроженецъ Камчатки; третій, болтливый и трусливый, былъ Тунгузъ; а четвертый, спокойный и молчаливый, принадлежалъ къ племени Гольдовъ. Послѣднихъ двухъ мичманъ Разградскій далъ мнѣ въ качествѣ переводчиковъ: Тунгузъ, говорившій по русски, на своемъ языкѣ могъ изъясняться съ Гольдомъ, который, въ свою очередь, зналъ всѣ нарѣчія Пріамурскаго края. Путь нашъ шелъ по рукаву Амура; изъ-за множества плоскихъ острововъ виднѣлись въ синей дали горы, которыя, какъ говорилъ казакъ, составляютъ противуположный берегъ рѣки. Въ этотъ вечеръ мы ушли недалеко и, когда стемнѣло, остановились на ночлегъ около селенія Паули; эта была первая Гиляцкая деревня, которую я видѣлъ вблизи, и потому я осмотрѣлъ ее съ большимъ интересомъ. Домà довольно тѣсны, и передъ каждымъ значительное пространство служило для сушки рыбы на воздухѣ; для этого на высотѣ человѣческаго роста были устроены съ небольшими промежутками горизонтальные шесты и къ нимъ привѣшана рыба; для предохраненія ея отъ птицъ все пространство было покрыто сѣтями, а внизу къ вертикальнымъ шестамъ привязывались большія некрасивыя собаки. Въ домахъ воздухъ невыносимъ, такъ какъ даже тутъ къ потолку была подвѣшена рыба, единственная пища Гиляковъ. Посреди дома помѣщался очагъ, а на одной сторонѣ стѣны были разставлены уродливые маленькіе идолы. Одежда Гиляковъ покроемъ намоминаетъ Китайскую, она дѣлается преимущественно изъ тюленьихъ и собачьихъ шкуръ, шерстью наружу; одежда, сшитая изъ рыбьей шкуры, въ особенности изъ шкуры лососокъ, очень красива, пока она новая, что́ встрѣчается рѣдко, такъ какъ народъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о чистоплотности. Мужчины и женщины одѣты совершенно одинаково;

ихъ длинные волосы иногда распущены и въ большомъ безпорядкѣ, но чаще заплетены въ длинныя косы, которыя, повидимому, весьма рѣдко приводятся въ порядокъ. Шляпы—изъ березовой коры въ формѣ плоскаго конуса, на вершинѣ котораго находятся украшенія изъ того же матеріала. Въ ушахъ мужчины и женщины носятъ большія мѣдныя кольца до двухъ дюймовъ въ діаметрѣ, иногда на эти кольца вздѣты стеклянныя бусы; женщины кромѣ того продѣваютъ большія кольца черезъ носъ. Посреди деревни въ маленькомъ срубѣ мнѣ показали медвѣдя, необходимую принадлежность каждаго Гиляцкаго селенія; его, какъ и собакъ, кормятъ исключительно рыбой. Гиляки почитаютъ медвѣдя божествомъ, приносятъ ему лучшую рыбу и зимою устраиваютъ въ честь его праздникъ, на который съѣзжаются изъ сосѣднихъ деревень. Праздникъ состоитъ въ слѣдующемъ: медвѣдя привязываютъ къ дереву, водятъ вокругъ костра и при пляскѣ и пѣсняхъ пускаютъ въ него стрѣлы, пока животное не падетъ ихъ жертвой, и тогда съѣдаютъ его. Подобный праздникъ бываетъ только въ томъ случаѣ, если пойманъ молодой медвѣдь, который долженъ замѣнить прежняго, такъ какъ селеніе не можетъ обойтись безъ медвѣдя. Торговля у Гиляковъ велась въ то время только мѣновая, а монеты служили украшеніемъ одежды; и потому, желая получить рыбы, я за нее долженъ былъ дать нѣсколько листьевъ табаку, которымъ снабдилъ меня въ Кизи Разградскій.

Мои гребцы успѣли уже на берегу рѣки возлѣ лодки развести костеръ, а я, напившись чаю и сваривъ себѣ въ томъ же чайникѣ уху, расположился отдохнуть на землѣ передъ огнемъ. Гиляки обступили насъ и такъ назойливо просили подарить имъ пуговицъ, табаку и другихъ мелочей, что я неоднократно дѣлалъ имъ знаки удалиться, боясь, чтобы этой дикой толпѣ не вздумалось насъ ограбить. Спутники мои скоро заснули, а я почти всю ночь просидѣлъ у огня и только подъ утро, разбудивъ казака, приказалъ ему покараулить до разсвѣта. Напившись чаю, мы собрались въ путь. Гиляки до самаго нашего отправленія не оставляли насъ; ихъ дикій говоръ и смѣхъ дѣйствовали на меня непріятно и не вселяли къ нимъ довѣрія; потому я рѣшилъ больше не ночевать близъ селеній, выбирая себѣ ночлеги вдали отъ деревень въ лѣсу, чтò крайне не нравилось моимъ гребцамъ.

До Николаевска я былъ въ дорогѣ слишкомъ трое сутокъ и кромѣ ночлеговъ останавливался только на короткое время. Мы поднимались съ разсвѣтомъ, пили чай и гребли почти безъ остановки до одиннадцатаго часа, затѣмъ приставали на часъ времени для обѣда, около пяти часовъ еще разъ приставали къ берегу пить чай, а на ночлегъ останавливались поздно, когда уже совершенно темнѣло.

На всемъ видѣнномъ мною пространствѣ берегá Амура покрыты густымъ лѣсомъ, состоящимъ преимущественно изъ ели и лиственицы: я не видалъ ни одной сосны, и береза попадалась мало; но должно быть это дерево встрѣчается часто въ этихъ лѣсахъ, потому что вся утварь Гиляковъ, ихъ головной уборъ и множество мелкихъ вещей сдѣланы изъ березовой коры; изъ нея же Гиляки очень искусно приготовляютъ ковры, которыми они закрываются во время сильнаго дождя. Я осматривалъ такой коверъ; по своей величинѣ онъ очевидно не могъ быть изъ одного куска, но составленъ такъ искусно, что, не смотря на всѣ старанія, я не нашелъ мѣста, гдѣ кора была связана или склеена. Она необыкновенно гибка и не ломается такъ легко, какъ кора нашей березы; на знаю, зависитъ ли это отъ хорошей выдѣлки ея или отъ породы дерева. Кромѣ обыкновенныхъ плоскодонныхъ Гиляцкихъ лодокъ я встрѣчалъ еще маленькія, на подобіе байдарокъ, обшитыя березовой корой и буксируемыя противъ теченія собаками, идущими въ бичевѣ вдоль берега.

Амуръ покрытъ множествомъ иногда довольно большихъ острововъ, но всѣ они низменны. На нихъ прекрасные луга, кустарники разныхъ породъ ивы, а также красная смородина и лѣсная малина. Мнѣ попадались на берегу шалашики и передъ ними повѣшанныя на шестахъ коробочки изъ бересты съ ягодами и кусками рыбы, на концахъ торчали медвѣжьи черепа и возлѣ иногда лежала разбитая лодка. Мои спутники полагали, что на этихъ мѣстахъ похоронены утопленники; но, кажется, хоронить мертвыхъ не въ обычаѣ у Гиляковъ: они выставляютъ ихъ въ лѣсу въ выдолбленныхъ ящикахъ.

Второй ночлегъ я избралъ въ лѣсу и былъ встревоженъ сильнымъ трескомъ. Проводники мои подняли страшный крикъ, чтобы испугать звѣря, и упрекали меня въ томъ, что я не хотѣлъ остановиться близъ селенія. Когда все утихло, насъ снова испугалъ необыкновенный плескъ воды, и мы уже думали, что медвѣдь залѣзъ въ рѣку, но какъ оказалось, этотъ шумъ производили рыбы, выскакивавшія во множествѣ изъ воды.

Вообще Амуръ изобилуетъ прекрасной рыбой: за нѣсколько листьевъ табаку намъ охотно давали хорошихъ лососокъ или стерлядей, и мы безпрестанно видѣли на поверхности воды большое количество рыбы. Не разъ я забавлялся, наблюдая, какъ цѣлая стая довольно крупной рыбы бѣжала отъ бѣлуги, которую мы встрѣчали даже далеко отъ устья. Ея какъ снѣгъ бѣлая кожа замѣтна издали; иногда это животное показывалось такъ близко, что я ясно могъ разсмотрѣть его продолговатую голову, соединенную необыкновенно тонкой шеей съ неуклюжимъ туловищемъ, длиною болѣе сажени.

Послѣ второй ночи мы выѣхали утромъ очень рано и не успѣли еще далеко отплыть отъ мѣста нашего ночлега, какъ я замѣтилъ на серединѣ рѣки паровую шлюпку. Эта встрѣча въ такой дикой мѣстности, гдѣ мы еще не видали даже порядочной лодки, очень удивила меня. Я сталъ держать на перерѣзъ курсу пароходика, на которомъ, увидавъ насъ, подняли Русскій военный флагъ. Приставъ къ катеру, я нашелъ на немъ капитанъ-лейтенанта Бачманова, который, узнавъ, что я съ Діаны и посланъ къ адмиралу Путятину на Палладу, сталъ меня уговаривать вернуться съ нимъ въ Кизи. Онъ старался убѣдить меня, говоря, что я не сдѣлалъ еще и половины пути до Николаевска, и что оттуда нѣтъ никакихъ средствъ добраться до Паллады. На Гиляцкой лодкѣ, по его словамъ, нельзя ѣхать къ устью Амура, гдѣ ходитъ большое волненіе, а въ Николаевскѣ, какъ ему было извѣстно, всѣ шлюпки были въ расходѣ. При этомъ Бачмановъ показалъ мнѣ карандашомъ написанную записку, въ которой генералъ-губернаторъ приказывалъ ему по прибытіи въ Кизи немедленно отправиться въ Де-Кастри и, если онъ не застанетъ тамъ Діаны, оставить командиру приказаніе немедленно по приходѣ послать офицера на катерѣ на Палладу съ донесеніемъ о прибытіи. Бачмановъ представлялъ мнѣ ясно, что я избраннымъ мною путемъ никогда не доберусь до адмирала, и что изъ Николаевска назадъ противъ теченія мнѣ придется на Гиляцкой лодкѣ ѣхать дней десять. Всѣ эти свѣдѣнія меня смутили, я сталъ колебаться и почти согласился возвратиться съ Бачмановымъ; но, обдумавъ хорошенько, рѣшилъ сдѣлать по своему. Мнѣ представилось, въ какомъ глупомъ я буду положеніи, когда явлюсь на фрегатъ послѣ многодневнаго отсутствія—съ извѣстіемъ, что мнѣ показалось неудобнымъ продолжать путь. Бачмановъ видимо обидѣлся тѣмъ, что я, не зная мѣстныхъ условій, не довѣрялъ ему, хорошо знакомому съ краемъ; онъ доказывалъ мнѣ, что я совершенно напрасно подвергаю себя разнымъ опасностямъ, потому что посланный на катерѣ офицеръ прибудетъ на Палладу гораздо раньше меня; онъ даже пригрозилъ мнѣ неудовольствіемъ генералъ-губернатора, но я настоялъ на своемъ, и мы разстались довольно холодно.

Еще въ тотъ же день я почти пожалѣлъ, что не послушался совѣта Бачманова. Вѣтеръ сталъ свѣжѣть; держась за островами, я по возможности скрывался отъ волненія, но послѣ полудня пришлось перебраться къ другому берегу, хотя гребцы мои, въ томъ числѣ и Камчадалъ, самый расторопный изъ всѣхъ, уговаривали переждать у острова. Это могло насъ слишкомъ задержать; я же теперь еще больше торопился, боясь, что посланный съ фрегата на катерѣ офицеръ прибудетъ раньше меня на Палладу. Волненіе шло противъ теченія и было довольно круто.

Я самъ правилъ рулемъ или, лучше сказать, весломъ, исполнявшимъ должность руля и старался встрѣчать волненіе носомъ лодки. Нижняя доска, образующая дно у Гиляцкой лодки, всегда выдается гораздо дальше впередъ чѣмъ боковыя доски, прикрѣпленныя ко дну лишь слабыми деревянными гвоздями. Этотъ удлиненный конецъ нашей лодки забиралъ множество воды, и я боялся, что отъ ея тяжести и удара волнъ дно шлюпки можетъ оторваться и потому сталъ подставлять бокъ къ волненію; но тогда въ лодку набиралось столько воды, что одинъ человѣкъ не успѣвалъ отливать ее. При этомъ у меня осталось только два гребца—Гольдъ и Камчадалъ, такъ какъ Тунгузъ до того трусилъ, что только плакалъ и вылъ. Признаться, я и самъ боялся, что мы не доберемся до берега; но, направляясь больше противъ теченія и встрѣчая волны кормою, мы благополучно достигли берега. Во время переѣзда, только я одинъ бранилъ Тунгуза за его трусость, остальные молчали; когда же мы вышли изъ лодки, они начали надъ нимъ смѣяться, но онъ, нисколько не обижаясь, пренаивно выхвалялъ прелесть береговъ рѣки Стрѣлки, гдѣ онъ такъ счастливо жилъ со своими оленями, говоря, что онъ совсѣмъ не желаетъ умереть, что на Стрѣлкѣ никогда не бываетъ такихъ ужасныхъ «водяныхъ горъ», какъ тутъ и что онъ не по своей волѣ оставилъ тѣ спокойные берега. «Что́ же ты будешь дѣлать на войнѣ, если неравно Англичане придутъ?» спрашивалъ его казакъ. «Спрячусь далеко въ лѣсу, и не найдутъ меня», былъ отвѣтъ.

Отдохнувъ немного, мы опять собрались въ путь, не смотря на мольбу Тунгуза обождать, пока горы улягутся. Сначала мы шли довольно хорошо вдоль самаго берега, имѣя предъ собою высокій мысъ, который закрывалъ насъ отъ волненія; но, не доходя до селенія Тиръ, мы должны были обогнуть этотъ скалистый мысъ, гдѣ былъ сильный прибой. Пришлось встрѣтить волненіе носомъ, и оказалось, что мое опасеніе относительно крѣпости лодки было совершенно основательно: вдругъ носъ зачерпнулъ много воды, нижняя доска лодки оторвалась почти до половины всей длины, и лодка въ мигъ наполнилась водой. Къ счастію мы были у самаго берега и, чтобы приблизиться къ нему, успѣли загребнуть раза два съ лѣвой стороны и выскочили въ воду, которая приходилась намъ выше пояса. Вытащивъ сломанную лодку, я послалъ Гольда въ селеніе за средствами для починки нашего развалившагося судна. Мой посланный скоро возвратился съ извѣстіемъ, что онъ досталъ другую лодку въ селеніи и пригласилъ насъ перенести туда наши мокрые пожитки. Такимъ образомъ мы избѣгли опаснаго мыса, у котораго рѣка дѣлаетъ маленькій заво-

ротъ и который намъ пришлось бы обогнуть, если бы мы не прошли въ селеніе.

Мы продолжали наше плаваніе, но не на долго: сильный вѣтеръ и дождь заставили насъ раньше обыкновеннаго пристать на ночлегъ. Во всю ночь дождь не переставалъ, и вѣтеръ вылъ страшно; я уже рѣшился на слѣдующій день выждать погоду; но на утро стало проясняться, и мы отправились въ путь. Сокращая по возможности обычные отдыхи, мы прибыли около 8 часовъ вечера въ Николаевскъ. Этотъ тогда только возникавшій городъ состоялъ всего изъ нѣсколькихъ домиковъ. Подъѣзжая къ Николаевску, я хотѣлъ было переодѣться; но оказалось, что мое платье въ мѣшкѣ было гораздо мокрѣе того, которое было на мнѣ и успѣло уже просохнуть. Приставая къ берегу, я встрѣтилъ генералъ-губернатора съ нѣкоторыми лицами свиты; онъ принялъ меня очень ласково и обрадовался извѣстію о прибытіи Діаны. Къ моему великому удовольствію онъ пригласилъ меня ужинать въ маленькій бревенчатый домикъ, гдѣ въ довольно просторной комнатѣ былъ накрытъ столъ. Я ѣлъ съ большимъ апетитомъ и во все это время отвѣчалъ на разспросы о фрегатѣ и нашемъ плаваніи. Генералъ, сильно озабоченный тѣмъ, что Англичане могутъ застать нашъ фрегатъ въ Де-Кастри, приказалъ въ тотъ же вечеръ послать офицера къ мысу Лазарева, чтобы находившаяся тамъ шкуна Востокъ, которая отправлялась на слѣдующее утро за углемъ въ Дуэ (на Сахалинъ), могла зайти въ Де-Кастри, а Діана чтобы немедленно шла къ мысу Лазарева; мнѣ же онъ приказалъ остаться въ Николаевскѣ и при случаѣ продолжать путь на Палладу. Поблагодаривъ генерала за его заботы обо мнѣ, я рѣшительно просилъ его дозволить мнѣ еще въ въ тотъ же вечеръ отправиться въ путь; онъ согласился и приказалъ приготовить для меня свой вельботъ, а человѣку велѣлъ сложить въ корзину нѣсколько бутылокъ вина и разныя закуски, словомъ снабдилъ меня всевозможной провизіей. За ужиномъ подали Шампанское, и генералъ пилъ здоровье офицеровъ и команды Діаны. Я былъ несказанно тронутъ этимъ вниманіемъ и не зналъ, какъ благодарить за столь ласковый пріемъ.

Въ разговорѣ неоднократно упоминали о мысѣ Лазарева, и я до того былъ убѣжденъ, что этотъ мысъ находится на устьѣ рѣки, что не распрашивалъ гдѣ онъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ генерала, я могъ спокойно спать, такъ какъ гребцы, нѣсколько разъ ходившіе до устья Амура, хорошо знаютъ фарватеръ. Послѣ ужина генералъ самъ довелъ меня до берега и, весьма любезно простившись, поручилъ капитану І-го ранга Казакевичу отправить меня. Былъ десятый часъ въ исходѣ, и совершенно стемнѣло. Я освѣдомился у Казакевича, есть ли

на шлюпкѣ парусъ, компасъ и дрекъ; но ничего этого не оказалось и по его словамъ все это было лишнее. Спросивъ загребнаго, знаетъ ли онъ фарватеръ и получивъ утвердительный отвѣтъ, я простился съ Казакевичемъ и отвалилъ, но тутъ же убѣдился, что гребцы совершенно не владѣли веслами. Въ темнотѣ я не могъ разобрать, что́ имъ мѣшало грести и на мой вопросъ не получалъ порядочнаго отвѣта; наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, я прикрикнулъ на нихъ. Тогда загребный заявилъ, что гребцами посадили никогда не гребшихъ линейныхъ солдатъ, потому что вельботъ съ настоящими гребцами только что вернулся почти отъ самаго устья и прошелъ на греблѣ около 50 верстъ противъ теченія; вслѣдствіе этого утомленные люди были замѣнены другими; только загребный въ качествѣ хозяина былъ оставленъ на вельботѣ. При этомъ мнѣ показалось, что онъ успѣлъ подкрѣпить свои силы лишней чаркой, и потому я хотѣлъ возвратиться назадъ; но узнавъ, что другихъ матросовъ въ Николаевскѣ нѣтъ и разсчитывая на теченіе, рѣшился продолжать плаваніе. Видя, что загребный дѣйствительно выбился изъ силъ и думая, что онъ мнѣ можетъ понадобиться у устья, я приказалъ ему лечь спать подъ банки, а остальныхъ пятерыхъ принялся учить греблѣ. Ночь была необыкновенно темная, такъ что даже не было замѣтно, когда мы подплывали къ берегу, и раза два вельботъ становился на мель, вслѣдствіе чего я велѣлъ опускать весла глубже въ воду и такимъ образомъ замѣчалъ заблаговременно, когда мы приближались къ мелководью. Волненія не было, и къ шести часамъ утра мы подошли къ устью рѣки, сдѣлавъ отъ Николаевска слишкомъ 50 верстъ. Рѣка представляла въ этомъ мѣстѣ величественный видъ. Я держался праваго, южнаго берега, а до противоположнаго было на глазомѣръ до пяти миль; впереди, къ Востоку виднѣлось открытое море, изъ-за котораго вдали на горизонтѣ синѣлъ берегъ Сахалина. Я ободрялъ моихъ утомленныхъ гребцовъ, чтобы скорѣе достичь высокаго мыса Пронге, которымъ оканчивается у устья южный берегъ рѣки. Я его принялъ за мысъ Лазарева и надѣялся за нимъ увидать мачты фрегата Паллады. Маленькая зыбь съ моря замедляла однакоже нашу греблю. Удивляясь, что фрегатъ не показывается, я разбудилъ загребнаго, успѣвшаго проспаться. Не могу выразить моего недоумѣнія, когда на мой вопросъ гдѣ Паллада, онъ объявилъ, что не знаетъ и что даже никогда не бывалъ у самаго устья, а видѣлъ его только въ нѣкоторомъ отдаленіи. Когда я садился въ Николаевскѣ въ шлюпку и освѣдомлялся, знаетъ ли загребный фарватеръ, я, конечно, подразумѣвалъ путь до самаго фрегата. Убѣдясь, что Паллады нѣтъ за мысомъ, я сталъ безпокоиться, но подумалъ, что ея высокія мачты должны быть видны съ берега и потому присталъ къ мысу, влѣзъ на самое высо-

кое мѣсто и даже на дерево, но увы, фрегата нигдѣ не было видно. До берега Сахалина, какъ казалось, было около 25 миль; а матерой берегъ тянулся къ Югу рядомъ крутыхъ холмовъ, надъ которыми висѣли сѣрыя тучи, сливавшіяся съ берегомъ и горизонтомъ. Немного восточнѣе этой туманной картины виднѣлись, тоже неясно, какіе-то острова. Я рѣшительно не зналъ что дѣлать: никогда не видавъ карты этой мѣстности (которой даже въ то время и не существовало), я никакъ не могъ догадаться, гдѣ этотъ мысъ Лазарева, о которомъ мнѣ всегда говорили въ связи съ устьемъ Амура. Напрасно я старался въ Гиляцкомъ селеніи знаками добиться, гдѣ фрегатъ. Пока гребцы отдыхали у костра, я вторично занялъ свой обсерваціонный пунктъ на деревѣ и опять безуспѣшно осматривалъ всѣ точки отдаленнаго горизонта. Я соображалъ, что фрегатъ, идя изъ Де-Кастри, врядъ ли прошелъ мимо устья рѣки; стало быть, его надо искать къ Югу. Для рѣшенія вопроса, находится ли мысъ Лазарева у матераго берега или у Сахалина, я сталъ припоминать, что мнѣ говорили въ Николаевскѣ о фрегатѣ, но не могъ найти никакихъ данныхъ; наконецъ, я вспомнилъ, что наканунѣ за ужиномъ, когда я отвѣчалъ на вопросы генерала, не обращая вниманія на разговоры другихъ, мнѣ послышалась слѣдующая фраза, которой я тогда не придалъ никакого значенія: «между островами адмиралъ всталъ на мель на своей гичкѣ». Тогда я не зналъ, о какомъ адмиралѣ и о какихъ островахъ шла рѣчь, и только теперь мнѣ пришла мысль, что лежащіе передо мною острова были тѣ самые, о которыхъ тогда упоминалось и такъ какъ адмиралъ шелъ на гичкѣ, а не на катерѣ, я предположилъ, что мысъ Лазарева недалеко отсюда. Острова лежали на серединѣ лимана, и я надѣялся увидать съ нихъ рангоутъ фрегата. Напившись чаю, я отвалилъ въ восемь часовъ и направился въ лиманъ, гдѣ N 0 развелъ легкое волненіе, которое, конечно, не затруднило бы хорошихъ гребцовъ; но мои неопытные линейцы, утомленные непривычной работой, рѣшительно не могли преодолѣть этого затрудненія: волны выбивали у нихъ весла изъ рукъ, и шлюпку ставило поперекъ волненія. Вѣтеръ видимо свѣжѣлъ, и попадавшія въ шлюпку брызги пугали солдатиковъ, которые стали просить меня вернуться къ берегу. Видя, что на весла нельзя расчитывать, я приказалъ одному солдату снять шинель и съ помощью матроса устроилъ изъ нея парусъ; поставленное вертикально весло замѣняло мачту, а продѣтый черезъ рукава шинели крюкъ служилъ вмѣсто рейка. Потомъ я устроилъ изъ шинели же второй парусъ, употребивъ въ качествѣ шкотовъ и брасовъ, за неимѣніемъ веревокъ, солдатскія подтяжки, и пошелъ въ галфъ-виндъ лѣвымъ галсомъ, держа нѣсколько выше островокъ. Вѣтеръ все свѣжѣлъ, и мои маленькіе паруса несли насъ

довольно быстро. Около часу по полудни, при приближеніи къ островамъ Хагемивъ (я узналъ это названіе впослѣдствіи), глубина стала уменьшаться. Крутое и неправильное волненіе превратилось въ настоящій бурунъ, поднимавшій столько песку со дна, что пѣна на поверхности волнъ была бураго цвѣта, и попадавшія въ шлюпку брызги приносили съ собою песокъ. Мои плохіе паруса не позволяли пройти на вѣтрѣ острововъ, и потому я рѣшился разомъ спуститься между двухъ острововъ съ крутыми берегами; матросъ мѣрилъ крюкомъ глубину, а солдаты крестились и молились. Я ихъ ободрялъ, но признаюсь, и самъ сильно боялся, что встану на мель раньше чѣмъ успѣю скрыться отъ буруна за островами. Когда шлюпка опускалась между волнами, глубина не превышала трехъ футъ, и мнѣ было совершенно ясно, что какъ только вельботъ коснется дна, крутая какъ стѣна волна насъ непремѣнно или зальетъ или перевернетъ, и въ такомъ случаѣ при значительной высотѣ волны человѣку невозможно устоять на ногахъ. Приближаясь къ острову, я предупредилъ людей, чтобъ они немедленно выскочили, какъ скоро вельботъ коснется дна и на рукахъ тащили бы его къ берегу. Къ счастью, мы остановились только тогда, когда мысокъ острова сталъ закрывать насъ отъ сильнаго буруна; но, не смотря на это, мы, выскочивъ изъ шлюпки и толкая ее къ берегу, съ трудомъ удерживались на ногахъ. Если-бы мы встали на мель на навѣтренной сторонѣ мыска, то неминуемо бы погибли. Убѣдясь, что вельботъ теперь былъ внѣ опасности, я взобрался на самое возвышенное мѣсто острова и сталъ искать на горизонтѣ фрегатъ; но всѣ старанія оказались напрасны: мнѣ представлялась почти таже картина, какъ и видѣнная утромъ съ мыса Пронге. Кругомъ меня было семь острововъ; отъ Пронге матерой берегъ сначала тянулся къ Югу, а потомъ большой дугой принималъ направленіе къ Востоку и, далеко огибая острова Хагемивъ, неясной синей полосой сливался съ берегомъ Сахалина. Острова лежали, какъ казалось, на половинѣ разстоянія между Сахалиномъ и матерымъ берегомъ. Съ большимъ вниманіемъ осмотрѣвъ весь горизонтъ и не находя фрегата, я рѣшился его искать по протяженію Азіатскаго берега, который былъ такъ далекъ отъ острововъ, что фрегатъ могъ не быть виденъ съ моего обсерваціоннаго пункта.

Пока я обозрѣвалъ горизонтъ и размышлялъ, какъ мнѣ дѣйствовать, моя команда, развѣсивъ свое мокрое платье на кустахъ и бродя въ весьма первобытныхъ костюмахъ по острову, наткнулась на мѣсто, гдѣ, должно быть, недавно ночевали люди; дѣйствительно, слѣдъ потухшаго костра и измятая кругомъ трава свидѣтельствовали о пребываніи людей, можетъ быть Гиляковъ. Разсматривая мѣсто подробнѣе, я на-

шелъ между двумя деревьями постель, устроенную изъ вѣтвей, покрытыхъ травой. «Тутъ видно начальникъ ночевалъ», сказалъ мой загребный. Нѣсколько клочковъ бумаги и окурки папиросъ убѣдили меня, что тутъ были не туземцы, а вѣроятно матросы военнаго или китобойнаго судна.

Подѣлившись съ моими гребцами припасами, которыми такъ щедро надѣлилъ меня генералъ-губернаторъ, я поспѣшилъ отправиться въ путь. Отваливъ подъ парусами или, вѣрнѣе, подъ шинелями, мы стали держать курсъ къ Югу. Близость острововъ защищала насъ отъ волненія, но по мѣрѣ удаленія отъ нихъ вѣтеръ и волненіе давали себя чувствовать. Глубина стала нѣсколько увеличиваться, но все не превышала 10 футъ, и потому я думалъ, что мы еще на отмели острововъ; но когда мы уже значительно удалились отъ нихъ, а глубина все не измѣнялась, я сталъ опасаться, что все пространство лимана между островами и лежащимъ въ большомъ разстояніи къ Югу берегомъ также мелководно и что при N 0 бурунъ у подвѣтреннаго берега подвергнетъ шлюпку и насъ всѣхъ опасности, тѣмъ большей, если стемнѣетъ раньше, чѣмъ мы достигнемъ берега. Теперь было ясно, что нечего искать фрегата на такомъ мелководьѣ. Необходимо было вернуться къ островамъ и выждать болѣе благопріятной погоды; при необыкновенно крутомъ волненіи надлежало какъ можно скорѣе заворотить шлюпку носомъ къ вѣтру, при чемъ моментъ, когда мы станемъ поперекъ волненія, могъ быть опасенъ. Предупредивъ людей и растолковавъ предварительно каждому, что̀ дѣлать, я разомъ спустилъ паруса и сталъ заворачивать на веслахъ. Все обошлось благополучно; но грести миль пять противъ такого волненія, да еще съ неумѣлыми гребцами, не было никакой возможности; я было попробовалъ посадить солдата на мое мѣсто у руля и самъ взялся за весло, но по неопытности рулевого насъ поставило почти поперекъ волненія, и я поспѣшилъ занять прежнее мѣсто. Идти къ подвѣтренному берегу было слишкомъ рисковано, не имѣя дрека, чтобы остановиться; оставалось только одно: поднять снова наши импровизованные паруса и плыть въ море по направленію къ Сахалину. Эта перспектива, при усиливавшемся вѣтрѣ, была очень непріятна, но изъ всѣхъ золъ это было меньшее. Когда я опять поставилъ паруса и пошелъ лѣвымъ галсомъ по возможности ближе къ вѣтру, я легъ нѣсколько выше того мѣста, гдѣ берегъ Сахалина повидимому сливался съ высокимъ мысомъ материка. Мы шли нѣсколько часовъ, слѣдя внимательно за каждой волной, стараясь придерживаться и не встрѣчать крутыя волны носомъ, спускаясь между ними, чтобы не терять хода. Судя по водѣ, шлюбка шла быстро; но, глядя на берега значительно отдаленные, казалось, что мы подвигались очень медленно. Меня однако успокоивало, что глубина увеличивалась, вслѣд-

ствіе чего волненіе становилось правильнѣе. Передъ заходомъ солнца, когда мысъ сталъ яснѣе виденъ, я замѣтилъ, что онъ значительно ближе, чѣмъ сливавшійся съ нимъ берегъ Сахалина. Всматриваясь въ этотъ мысъ, я вдругъ увидалъ близъ него двѣ мачты. Я приказалъ гребцамъ хорошенько вглядываться въ даль, полагая, что ихъ зрѣніе лучше моего, утомленнаго пристальнымъ исканіемъ фрегата по горизонту; притомъ я цѣлыя сутки провелъ на рулѣ и въ ночь передъ пріѣздомъ въ Николаевскъ почти не спалъ. Солдаты только крестились и при этомъ никуда не смотрѣли; а матросъ, хотя и таращилъ глаза, увѣрялъ, что ничего не видитъ. Вскорѣ я однако убѣдился, что предо мною двухмачтовое судно; но солнце зашло, и еле замѣтныя мачты скрылись во мракѣ; къ счастью, темный высокій мысъ еще рисовался на менѣе темномъ небосклонѣ и служилъ мнѣ маякомъ. Черезъ часъ по заходѣ солнца въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мыса снова появилось двухмачтовое судно, и я сталъ держать на него въ полной неувѣренности однако, наше военное-ли это, или китобойное. А что, если это Англичанинъ? вдругъ пришло мнѣ въ голову; но въ надеждѣ, что подъ нашими странными парусами непріятель приметъ насъ за туземцевъ, я рѣшился подойти какъ можно ближе, чтобы по оклику часового узнать, къ какой націи оно принадлежитъ. Въ случаѣ, если я услышу не-Русскій языкъ, я намѣреваясь спуститься за высокій мысъ и искать мѣста гдѣ бурунъ позволитъ подойти къ берегу, чтобы уже съ разсвѣтомъ начать дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Приближаясь къ судну, я приказалъ солдатамъ лечь подъ банки и молчать, а матросу вслушиваться, не окликнутъ-ли по русски. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, я вдругъ подъ самымъ берегомъ, къ которому успѣлъ приблизиться, увидѣлъ огонекъ, возлѣ него блеснулъ другой, третій и цѣлый рядъ освѣщенныхъ пушечныхъ портовъ. Фрегатъ, котораго я такъ внимательно искалъ впродолженіи цѣлаго дня, находился отъ меня никакъ не дальше двухъ кабельтовыхъ (200 саженъ): онъ стоялъ подъ самымъ берегомъ со спущенными стеньгами, и корпусъ его сливался съ темнымъ фономъ высокого берега, между тѣмъ какъ шкуна-бригъ Байкалъ, который я увидалъ раньше, былъ замѣтнѣе, потому что стоялъ дальше отъ мыса, и рангоутъ его ясно рисовался на небѣ. Надо еще прибавить, что фрегатъ стоялъ ко мнѣ носомъ, и потому огни показались тогда только, какъ я сталъ приближаться къ траверсу: на верху огней не было.

Не могу найти словъ, чтобы выразить мою радость при этой неожиданой находкѣ. Въ мигъ были спущены шинели, мы взялись за весла; но даже это ничтожное разстояніе мы прогребли съ величайшимъ трудомъ. Наконецъ, мы пристали къ фрегату или вѣрнѣе къ шаландѣ,

большой баркѣ, стоявшей у борта Паллады. Перелѣзая въ темнотѣ черезъ пушки, нагруженныя въ шаланду, я упалъ и, къ довершенію всѣхъ бѣдъ, ушибъ себѣ ногу. Стараясь скрыть боль, я съ трудомъ полѣзъ на фрегатъ и объявилъ встрѣтившему меня вахтенному офицеру Гамову, что присланъ съ Діаны къ адмиралу. Едва успѣлъ я произнести это магическое слово, какъ отовсюду послышались голоса: «Діана, Діана пришла!» и радостная вѣсть мигомъ облетѣла весь фрегатъ. Меня моментально окружили офицеры и команда; самъ адмиралъ выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу и повелъ къ себѣ въ каюту, куда забрались даже нѣкоторые офицеры, но, конечно, сейчасъ же удалились. Адмиралъ уже отужиналъ, но для меня велѣлъ подать снова ужинъ и чай и, разспросивъ о нашемъ плаваніи и состояніи фрегата, отпустилъ меня въ двѣнадцатомъ часу съ приказаніемъ, на слѣдующее утро въ 4 часа, ѣхать съ нимъ на Діану. Сильно уставъ и страдая отъ боли въ ушибленномъ колѣнѣ, я былъ радъ, когда радушный пріемъ у адмирала кончился; но до отдыха было еще далеко: въ каютъ-компаніи офицеры тоже приготовили новый ужинъ. Отказаться отъ такого вниманія не было никакой возможности, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю этотъ пріятный вечеръ, когда разспросамъ и разсказамъ не было конца. Только около двухъ часовъ я ушелъ спать въ каюту Шлипенбаха, стоявшаго на вахтѣ. Смѣнившись въ 4 часа, онъ разбудилъ меня, говоря, что гичка адмирала приготовляется и что онъ встаетъ. Не успѣлъ я еще кончить своего туалета, какъ меня уже пришли звать къ адмиралу; за утреннимъ чаемъ онъ мнѣ сказалъ, что не возметъ меня съ собою за неимѣніемъ мѣста на гичкѣ, такъ какъ его должны сопровождать мичманы Пещуровъ и Колокольцовъ, занимавшіеся описью и промѣромъ во время слѣдованія фрегата отъ Де-Кастри къ мысу Лазарева.

Этотъ мысъ, какъ оказалось—входный мысъ Амускаго лимана, а не устья рѣки, какъ я ошибочно предполагалъ.

По отъѣздѣ адмирала я отдохнулъ и былъ на берегу, гдѣ команда фрегата устраивала батарею, на случай прибытія непріятеля. Вечеромъ того-же для прибылъ съ Діаны на фрегатъ лейтенантъ Энквистъ, посланный нашимъ капитаномъ, вслѣдствіе прибытія Бачманова въ заливъ Де-Кастри. Онъ разъѣхался съ адмираломъ, потому что отправился отъ Де-Кастри прямо къ Сахалину на буксирѣ шкуны Востокъ, между тѣмъ какъ адмиралъ шелъ вдоль Азіатскаго берега. Ефимъ Васильевичъ (Путятинъ) прибылъ въ Де-Кастри послѣ 14-ти часоваго перехода, сдѣлавъ около 60 миль подъ веслами. На слѣдующее утро, отслушавъ раннюю обѣдню, онъ приказалъ сняться съ якоря и отправился на Діанѣ обратно къ Лазареву мысу. Фрегатъ совершено благополучно про-

шелъ между мелями, имѣя впереди рядъ шлюбокъ, которыя условными знаками извѣщали о глубинѣ фарватера. Еще раньше Паллада прошла этимъ труднымъ фарватеромъ такимъ-же образомъ безъ всякихъ картъ. Этотъ случай свидѣтельствуетъ объ умѣніи адмирала пользоваться обстоятельствами; впослѣдствіи будетъ разсказано, какъ неудачны были въ этомъ отношеніи попытки Англичанъ, которые, годъ спустя, не могли проникнуть въ Амурскій лиманъ, не смотря на то, что располагали гораздо бо́льшими средствами.

По приходѣ къ мысу Лазареву, Діана встала близъ Паллады; я тотчасъ же перебрался домой и былъ осчастивленъ полученіемъ благодарности отъ моего капитана. Наши Діанскіе офицеры разсказали мнѣ, что они въ ночь до прибытія адмирала были встревожены появленіемъ парохода въ заливѣ Де-Кастри. Тотчасъ же была пробита тревога, прислуга съ зазженными фитилями стояла у заряженныхъ пушекъ, и всѣ съ замираніемъ сердца слѣдили за приближающимся въ темнотѣ судномъ. Только и ждали приказанія открыть огонь, какъ вдругъ съ парохода послышался голосъ, кричавшій по русски: «Діана-ли это?» Это была шкуна Востокъ, подъ командою В. А. Римскаго-Корсакова. Тотчасъ же пробили отбой, и команда привѣтствовала дорогихъ соотечественниковъ дружнымъ и громкимъ ура.

Такъ какъ Діана шла къ устью Амура вокругъ мыса Горна, т. е. направляясь постоянно къ Западу, то оказалось, что мы на одинъ день отстали отъ счисленія, принятаго на берегу и на Палладѣ, которая, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, шла съ Запада на Востокъ. Вслѣдствіе этого адмиралъ, тотчасъ по прибытіи въ Де-Кастри, отдалъ приказъ на Діану: слѣдующій день вмѣсто Субботы 24 считать Воскресеньемъ 25 Іюля. Итакъ день 24 Іюля 1854 года былъ вычеркнутъ изъ нашей жизни.

По ветхости Паллады, которая не была въ состояніи противостоять непріятелю, было рѣшено ввести ее въ Амуръ, снявъ съ нея орудія. Мнѣ поручили разобрать малую кормовую крюткамеру и перенести ее на Діану; такимъ образомъ у насъ запасъ пороха и бомбъ значительно увеличился. Наши четыре мѣдныхъ единорога были замѣнены 68 фунтовыми бомбовыми орудіями съ Паллады. Адмиралъ перебрался на Діану и перевелъ на нее свой штабъ, нѣкоторыхъ Палладскихъ офицеровъ и большинство команды. Мы оканчивали постройку батареи на мысѣ, вооружая ее пушками съ Паллады, для выгрузки которыхъ была устроена пристань. На берегу, въ наскоро возведенной пекарнѣ, пеклись сухари къ предстоявшему плаванію. Муку́ принимали въ Николаевскѣ и привозили ее къ мысу Лазарева на тѣхъ же баркахъ, на которыхъ ее сплавляли по Амуру. Обыкновенно порученіе

буксировать барки изъ рѣки до мыса Лазарева возлагалось на очередного мичмана, который отправлялся въ Николаевскъ, забравъ съ собою провизію на 10 дней. Не смотря на бурное осеннее время, всѣ эти далеко небезопасныя плаванія на разстояніи 100 верстъ лиманомъ, т. е. почти открытымъ моремъ, кончались благополучно. Правда, мука большею частью была сильно подмочена, но она почти всецѣло поступала въ пекарню, и только малая часть уже слишкомъ испорченной отпускалась для приготовленія квасу.

У Лазарева мыса насъ посѣтилъ генералъ Муравьевъ на пароходѣ Аргунъ, который, не смотря на всѣ свои недостатки, заслуживалъ наше удивленіе, такъ какъ онъ былъ выстроенъ на верховьяхъ Амура, гдѣ безъ всякихъ мастерскихъ были отлиты паровые цилиндры и изготовлена вся машина по приказанію Муравьева.

Съ 5-го Августа по 14-е Сентября командиръ Паллады флигель-адъютантъ И. С. Унковскій тщетно старался найти фарватеръ достаточной глубины, чтобы провести фрегатъ въ Амуръ. Всѣ рѣшительно рукава въ этомъ лабиринтѣ мелей были изслѣдованы, и всѣ оказались слишкомъ мелководны. Во время этихъ 6-ти недѣльныхъ неутомимыхъ работъ фрегатъ выдержалъ нѣсколько штормовъ. Онъ находился подъ фальшивымъ вооруженіемъ, и всѣ лишнія тяжести были сняты. Во время свѣжей погоды особенно пострадали Діанскія шлюпки, которыя не могли быть подняты на Палладу за неимѣніемъ мѣста. Онѣ особенно натерпѣлись, когда фрегатъ, пройдя въ Охотское море вдоль Сахалинскаго берега, изслѣдовалъ сѣверные рукава, ведущіе въ Амуръ. Ихъ нѣсколько разъ выбрасывало на Сахалинъ, гдѣ люди по 2—3 дня сряду оставались безъ корма и пищи. 14-го Сентября, когда Паллада возвратилась къ Лазареву мысу, адмиралъ, видя невозможность провести ее въ рѣку, рѣшился отправить ея команду въ Николаевскъ на зимовку, а фрегатъ отвести въ Императорскую бухту. Для этого С. С. Лесовскій съ частью нашей команды пересѣлъ на Палладу, которая подъ фальшивымъ вооруженіемъ, конвоируемая Діаной, 24-го Сентября покинула негостепріимные берега мыса Лазарева. Вечеромъ того же дня мы пришли въ Де-Кастри, а черезъ день были въ Императорской бухтѣ, заслуживающей названіе первоклассной гавани. Единственный ея недостатокъ, впрочемъ довольно важный, состоитъ въ томъ, что она замерзаетъ на довольно продолжительное время года. Въ одной изъ бухтъ этой гавани, именно въ Константиновской, мы поставили Палладу на 4 саженной глубинѣ, недалеко отъ берега. Въ Императорской бухтѣ мы нашли нѣсколько Камчатскихъ казаковъ; во время зимовокъ между ними сильно свирѣпствовала цынга, которая многихъ свела въ могилу. Въ виду того, что они едва бы выдержали вторую

зиму, адмиралъ забралъ ихъ и оставилъ для присмотра за Палладой одного штурманскаго офицера и 10 человѣкъ команды. Снабдивъ ихъ провизіей и всѣмъ необходимымъ, совершенно разоруживъ Палладу, мы простились съ ними 3-го Октября и ушли въ Японію.

Перезимовавъ благополучно, команда на слѣдующее лѣто была отправлена на Амуръ. Надводную часть Паллады сожгли и затѣмъ потопили фрегатъ, боясь, что онъ можетъ попасть въ руки Англичанъ. По заключеніи мира въ 1856-мъ году непріятель дѣйствительно заходилъ въ Императорскую бухту.

Японія.

9-го Октября 1854 мы прибыли въ Хакодате, гдѣ я впервыя увидалъ Японцевъ. Ихъ типъ, одежда, жилища, суда все это крайне поразило и заинтересовало меня своей оригинальностью. Едва мы бросили якорь, какъ къ нашему борту пристала Японская лодка съ нѣсколькими чиновниками и переводчикомъ Голандскаго языка. Адмиралъ объявилъ имъ, что поѣдетъ въ городъ съ своими офицерами.

Чиновники, покачавъ головою, замѣтили, что это невозможно безъ позволенія начальства, на что имъ отвѣчали, что адмиралъ не думаетъ просить позволенія у губернатора, а только сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи для свѣдѣнія. Посовѣтовавшись между собою, чиновники простились, присѣдая и шипя безъ конца. Послѣ обѣда, когда мы стали отваливать отъ фрегата, къ намъ навстрѣчу пошла Японская лодка, которая остановилась, поровнявшись съ нами. Переводчикъ закричалъ намъ, что губернаторъ не нашелъ возможнымъ уважить просьбу адмирала. Мы, конечно, не обратили вниманія на это заявленіе. На пристани стояли часовые въ халатахъ, вооруженные саблями. Чиновники пригласили насъ войти въ домъ, гдѣ насъ размѣстили на высокихъ табуретахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Появились слуги, которые передъ каждымъ изъ насъ поставили на полъ лакированный подносъ съ чаемъ и сладкими печеніями. Обыкновенно Японцы располагаются прямо на полу, и потому обычай ставить подносъ на полъ передъ гостями не представляетъ ничего неудобнаго; мы же не могли удержаться отъ смѣха, когда намъ приходилось продѣлывать цѣлый рядъ гимнастическихъ упражненій, дабы слѣзть съ табурета, наклониться и взять что нибудь съ подноса. Угощеніе, очевидно приготовленное заранѣе, доказало намъ, что Японцы запрещали намъ пріѣздъ на берегъ, сами не вѣря нашему послушанію. Адмиралъ Путятинъ впервыя встрѣтилъ Японцевъ годомъ раньше (читатель, конечно, знакомъ съ прекраснымъ описаніемъ этого плаванія

по книгѣ И. А. Гончарова), и потому нисколько не удивился ихъ странной политикѣ. Онъ говорилъ, что чиновники дѣйствуютъ такимъ образомъ лишь изъ боязни разгнѣвать строгое правительство, запрещающее сношенія съ иностранцами. Бѣдные чиновники дѣйствительно старались ставить намъ преграды во всевозможныхъ пустякахъ, но всегда уступали, когда встрѣчали рѣшительный отпоръ. Поблагодаривъ за угощеніе, адмиралъ сказалъ, что поѣдетъ осматривать городъ. Чиновники опять стали пожимать плечами и о чемъ-то шушукаться между собою, но послѣдовали за нами. Только мы вышли, какъ нашимъ глазамъ предстало новое препятствіе: поперекъ улицы были поставлены большіе ворота, наскоро сколоченные и запертые большимъ замкомъ. Чиновники, довольные своей находчивостью, улыбались и снова начали присѣдать. Адмиралъ разсердился, позвалъ нашихъ гребцовъ и объявилъ Японцамъ, что онъ прикажетъ разломать ворота, если они не будутъ тотчасъ же отворены. Это подѣйствовало: одинъ изъ чиновниковъ вынулъ изъ рукава своего халата ключъ и отперъ ворота. Намъ открылся видъ на длинную улицу, тянувшуюся между одноэтажными домами, которые были завѣшаны полосатой бумажной матеріей. Улица кишѣла народомъ, при нашемъ появленіи всѣ сторонились и тотчасъ присѣдали на корточки. Наша прогулка продолжалась не очень долго; когда начало темнѣть, мы вернулись къ пристани, сопровождаемые множествомъ бумажныхъ фонарей, придавшихъ парадный видъ нашему шествію, которое открывалось и замыкалось порядочнымъ числомъ Японскихъ чиновниковъ и солдатъ. На слѣдующій день намъ привезли на фрегатъ рыбы и разныхъ овощей, но отказались отъ денегъ, на основаніи того, что имъ запрещена торговля съ иностранцами. Конечно мы не приняли провизіи, за исключеніемъ того, чтó было прислано отъ губернатора и то лишь съ условіемъ, что онъ приметъ вещи, которыя адмиралъ назначилъ ему въ подарокъ. Переговоры длились почти два дня; наконецъ Японцы согласились принять плату за провизію, но возвратили намъ деньги, уплаченныя офицерами въ лавкахъ за нѣкоторыя бездѣлушки. По немногу Японцы стали къ намъ привыкать: завѣсы съ домовъ были сняты, мы свободно гуляли по городу и покупали всякую всячину въ лавкахъ, хотя продавцы и показывали намъ иногда жестами, что имъ за торговлю съ иностранцами могутъ отрубить голову. Наконецъ, къ адмиралу явился помощникъ губернатора, котораго мы приняли съ нѣкоторою торжественностью. Послѣ разныхъ пожеланій здравія и выраженій удовольствія познакомиться, на которыя адмиралъ отвѣчалъ такимъ же образомъ, вице-губернаторъ сказалъ, что губернаторъ очень желаетъ пріѣхать къ адмиралу, но что онъ не имѣетъ права покинуть свой постъ. Адмиралъ просилъ

вице-губернатора передать своему начальству, что онъ присланъ отъ Русскаго правительства съ порученіемъ заключить торговый трактатъ, и что онъ желалъ бы отправить письмо къ верховной власти. Путятинъ присовокупилъ, что ему было бы пріятно лично передать губернатору столь важную бумагу, но такъ какъ это невозможно, то онъ проситъ чтобъ приняли на другой день капитана Посьета. На слѣдующее утро 14-го Октября Посьетъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ офицеровъ, отправился къ губернатору въ назначенный часъ. На пристани насъ ожидали чиновники въ парадныхъ костюмахъ, сшитыхъ изъ дорогихъ шелковыхъ матерій. Дома опять были завѣшаны, и народъ, завидя насъ, опять присѣдалъ, съ шипѣніемъ опускаясь на корточки, какъ въ день нашего пріѣзда. Мы были окружены почетнымъ конвоемъ Японцевъ; я слѣдовалъ за Посьетомъ и несъ въ особомъ портфелѣ письмо съ приложеніемъ Голандскаго и Китайскаго переводовъ. На дворѣ губернаторскаго дома былъ выстроенъ караулъ, передняя шеренга котораго была вооружена фитильными ружьями. У входа въ домъ стоялъ цѣлый рядъ слугъ, державшихъ въ рукахъ разные атрибуты губернаторской власти; нѣсколько поодаль четыре человѣка держали подъ уздцы маленькую лошадку подъ богатымъ высокимъ сѣдломъ съ огромными стремянами въ видѣ большихъ башмаковъ. У дверей Японцы сняли свои сандаліи; мы же ограничились тѣмъ, что велѣли нашей прислугѣ, сопровождавшей насъ съ этой цѣлью, обтереть наши сапоги отъ пыли, чтобы не пачкать чистыя комнатныя циновки, по которымъ Японцы ходятъ только въ чулкахъ. Въ концѣ продолговатой комнаты на лакированномъ табуретѣ сидѣлъ губернаторъ Нори-Орибе-Но Ками (Нори — фамилія, Орибе—собственное имя, Но-Ками — титулъ). Онъ всталъ и, низко поклонившись, указалъ Посьету на стоявшій противъ него табуретъ. Мы помѣстились вдоль стѣны на скамьѣ, покрытой краснымъ сукномъ. На такой же скамьѣ противъ насъ сѣли болѣе важные Японскіе сановники, а за ними, просто на корточкахъ, прочія сопровождавшія насъ лица. Переводчикъ сталъ на колѣна немного позади Посьета. Послѣ обычныхъ фразъ и комплиментовъ перешли къ дѣлу. Я поднесъ письмо Посьету, тотъ передалъ его вице-губернатору, который, вложивъ его въ лакированный ящикъ, вручилъ его съ глубокимъ поклономъ своему начальнику. Обѣщавъ тотчасъ же отправить письмо въ Іеддо съ нарочнымъ, губернаторъ удалился, а намъ подали угощеніе. Меня поразило, что переводчикъ каждый разъ, какъ онъ обращался къ губернатору, падалъ ницъ и, должно быть, изъ подобострастія говорилъ едва внятнымъ голосомъ; передавая же слова губернатора Посьету, онъ поднималъ голову и говорилъ нѣсколько громче. Угощеніе и на этотъ разъ состояло изъ чая, печенія и разныхъ сор-

товъ саки (подслащенной рисовой водки). Намъ подали еще ящички съ курительнымъ приборомъ и угольки для закуриванія ихъ миніатюрныхъ трубочекъ. Когда губернаторъ вошелъ, чтобы проститься съ нами, всѣ присутствующіе Японцы, за исключеніемъ самыхъ важныхъ, пали ницъ. Уходя, мы замѣтили, что прислуга завертываетъ остатки нашего угощенія въ бумагу; едва только мы прибыли на фрегатъ, какъ намъ уже привезли эти сладкіе остатки, поясняя, что такъ всегда дѣлается по Японскому обычаю.

Изъ Хакодате мы отправились въ южную Японію, въ Осаку, куда адмиралъ просилъ выслать уполномоченныхъ для переговоровъ о торговомъ трактатѣ. Переходъ продолжался дней 10, и мы прибыли совершенно благополучно, не смотря на то, что, не имѣя картъ, при противномъ вѣтрѣ прошли лавировкою весьма узкій проливъ, отдѣляющій Нипонъ отъ острова Авадзи. Въ Осакѣ мы встали на якорь довольно далеко отъ устья рѣки, на которой расположенъ городъ. Адмиралъ попытался было войти въ рѣку на гичкѣ; но Японскія лодки преградили ему путь, и онъ былъ принужденъ вернуться. На другое утро на устьѣ былъ разбитъ уже цѣлый лагерь, и лодки охраняли входъ въ рѣку. Въ этотъ разъ чиновники пріѣхали къ намъ безъ переводчика, такъ что мы могли объясняться съ ними только съ помощію г. Гошкевича, долгое время служившаго при нашей миссіи въ Пекинѣ и хорошо знавшаго Китайскій языкъ. Письмена у Японцевъ и Китайцевъ тѣже, а языки нисколько не похожи. Г. Гошкевичъ передавалъ Японцамъ письменно все, что̀ мы говорили; но такъ какъ на Китайскомъ языкѣ каждое слово или понятіе имѣетъ свой знакъ, и этихъ знаковъ безчисленное множество, то они всѣ извѣстны только Китайскимъ ученымъ. Не будь этихъ затрудненій, способъ переписки былъ-бы самый удобный для международныхъ сношеній. Японцы обѣщались донести своему правительству о нашемъ прибытіи, но окружили нашъ фрегатъ сторожевыми шлюпками, дабы препятствовать нашему сообщенію съ берегомъ. Провизіи, на которую мы расчитывали, не привозили; ежедневно чиновники являлись съ новыми отговорками. Наконецъ, намъ сообщили, что уполномоченные послы отправлены въ Симоду, гдѣ они и ожидаютъ адмирала. Ефимъ Васильевичъ просилъ письменнаго сообщенія, на что̀ Японцы тотчасъ-же согласились; но дни проходили за днями, а письма̀ отъ губернатора все не было. Такимъ образомъ мы потеряли цѣлыя двѣ недѣли и ушли, ничего не добившись.

Переходъ въ Симоду, былъ довольно бурный. Мы заняли мѣсто по западную сторону входа бухты 22 Ноября, поближе къ берегу, и завезли кабельтовы и якорную цѣпь на берегъ, чтобы имѣть возможность во всякое время вплотную подтянуться къ нему. Эта предосто-

рожность была принята на случай появленія Англійскихъ и Французскихъ судовъ, превосходящихъ насъ силою: наши непріятели едва-ли бы уважили нейтралитетъ Японскаго порта и легко могли подвергнуть насъ, при всякой другой позиціи, продольному огню или атакѣ съ обоихъ бортовъ.

Японцы не препятствовали нашимъ прогулкамъ по городу и живописнымъ окрестностямъ. Черезъ нѣсколько дней прибыли уполномоченные, но немедленному свиданію съ адмираломъ было поставлено еще много преградъ. Безплодные переговоры о мѣстѣ встрѣчи и о разныхъ подробностяхъ церемоніи были безконечно длинны. Упомяну только объ одномъ затрудненіи, заслуживающемъ вниманія по своей оригинальности. Японцы, не желая нарушить своего обычая, предполагали сидѣть при первой встрѣчѣ на полу, но не хотѣли допустить, чтобы мы сидѣли выше нихъ. Для устраненія столь важнаго затрудненія, мы предложили имъ выстроить въ одной части комнаты возвышеніе въ родѣ сцены, на которомъ они должны были помѣститься. Посланные уѣхали и черезъ часъ вернулись съ извѣстіемъ, что предложеніе наше принято. Казалось-бы, что дѣло улажено. Вдругъ ночью снова являются Японцы и, кланяясь и извиняясь, просятъ позволенія снять мѣрку съ нашихъ стульевъ, дабы ни мы, ни они не могли бы быть въ обидѣ, т. е. сидѣть ниже другихъ. На подобные пустяки было потрачено много времени, и только 8 Декабря состоялся парадный съѣздъ адмирала на берегъ. Передъ адмиральскимъ катеромъ, на которомъ былъ поднятъ флагъ уполномоченнаго посла, шли всѣ наши шлюпки съ музыкою. Какъ только адмиралъ отвалилъ, фрегатъ салютовалъ и послалъ людей по реямъ. На берегу адмиралъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ отъ нашей команды съ музыкой на правомъ флангѣ, которая играла маршъ. Пропустивъ караулъ церемоніальнымъ маршомъ, адмиралъ приказалъ ему открыть шествіе, во главѣ котораго шелъ юнкеръ гвардейскаго экипажа Лазаревъ съ флагомъ посла. За адмираломъ шли всѣ свободные отъ службы офицеры. По прибытіи въ храмъ къ дверямъ были поставлены ружейные часовые. Пробывъ въ этомъ храмѣ около часа, адмиралъ отпустилъ караулъ на фрегатъ и уже безъ всякой церемоніи отправился въ другой храмъ, гдѣ и состоялось первое свиданіе съ Японскими послами. На слѣдующій день Японскіе уполномоченные отдали адмиралу визитъ на фрегатѣ. Ихъ приняли съ большими почестями: фрегатъ разцвѣтили флагами, людей послали по реямъ и салютовали. Японцамъ показывали артилерійское ученіе, ружейные пріемы, маршировку и проч., послѣ чего они были приглашены къ обѣду; высшіе чиновники къ адмиралу, а остальные въ каютъ-компанію. Ихъ неумѣніе владѣть но-

жомъ и вилкою забавляло насъ. Они во время обѣда безъ церемоніи завертывали въ бумагу все, что̀ имъ нравилось: хлѣбъ, пирожное, куски мяса, варенье, все это пряталось въ широкія рукава халатовъ. Одинъ изъ нашихъ гостей налилъ себѣ въ рюмку уксусу и масла, другой отвѣдалъ горчицы, завернулъ ее въ бумажку и также отправилъ въ рукавъ. Особенно имъ понравились наши вина, и они уѣхали чрезвычайно довольные пріемомъ. Засвѣжѣвшій во время обѣда вѣтеръ и разведенное имъ волненіе заставили насъ поторопить отъѣздъ гостей, а потомъ ночью спустить стеньги и нижнія реи. Тутъ мы еще благополучно отстоялись; но каменистый берегъ, который тянулся близехонько за нашей кормою, заставилъ насъ опасаться повторенія подобнаго волненія. На слѣдующій день стихло, но мы не только не подняли рангоута, но еще сняли стень-ванты для поправки перетертаго клетня.

2-го стояла тихая, ясная, нѣсколько прохладная погода. Во время свѣжаго вѣтра адмиралъ убѣдился въ нѣкоторой рискованности нашей стоянки близъ входа въ бухту и приказалъ намъ перейти въ ея сѣверо-восточную часть, къ деревнѣ Какисаки. Для исполненія этого маневра былъ посланъ баркасъ съ завозомъ, причемъ одна пушка была отодвинута и поставлена вдоль борта для болѣе удобной подачи кабельтовыхъ черезъ пушечный портъ на баркасъ. Въ это утро мнѣ было поручено осмотрѣть всѣ вертлюги и заклепки якорныхъ цѣпей. Находясь въ батареѣ, я былъ занятъ вытаскиваніемъ канатовъ на палубу, гдѣ составныя звенья расклепывались по выходѣ изъ палубнаго клюза, а заклепки очищались отъ ржавчины и смазывались саломъ. Работа такъ и кипѣла; въ эту минуту мы всѣ были заняты только ею, но вдругъ почувствовалось такое сильное сотрясеніе, что люди мгновенно, какъ одинъ человѣкъ, пріостановили работу. Казалось, что фрегатъ довольно сильно бьется о подводныя скалы. Удары были настолько чувствительны, что адмиралъ, капитанъ и многіе изъ офицеровъ бросились наверхъ. Убѣдившись, что землетрясеніе прошло, я приказалъ моей командѣ продолжать работу и сказалъ кому-то изъ товарищей, проходившихъ по батареѣ: «должно быть это землетрясеніе», внутренно сожалѣя, что мнѣ не удалось испытать подобное явленіе на берегу. Но взглянувъ случайно въ пушечный портъ на стоявшую на шкентеляхъ шлюпку, я былъ такъ пораженъ быстротою, съ которою вода двигалась вдоль ея борта, что тотчасъ же бросился къ самому порту. Тутъ я убѣдился, что далеко еще не все было кончено, такъ какъ у самаго борта фрегата вода пѣнилась и клокотала, образуя сильнѣйшее теченіе. Въ эту минуту раздалась дудка съ приказаніемъ: «окончить всѣ работы!» Я поспѣшилъ наверхъ, гдѣ моимъ взорамъ представилась страшная картина. Городъ Симода, видомъ котораго мы любова-

лись еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, былъ весь затопленъ; только верхнія части домовъ торчали изъ воды. У насъ передъ носомъ вода кипѣла; мнѣ казалось, что все море превратилось въ огромную красную отмель, на которой играли волны. Съ юта послышался голосъ капитана, крикнувшій баркасу и катеру, возвращавшимся съ завозомъ, бросить кабельтовъ и пристать къ борту. Не успѣвъ еще опомниться и сообразить, что̀ происходитъ вокругъ меня, я вдругъ ясно услышалъ крикъ лотоваго, что насъ дрейфуетъ и слѣдующее затѣмъ приказаніе адмирала отдать другой якорь. Я успѣлъ еще предупредить адмирала, что у меня въ батареѣ канаты расклепаны, поспѣшилъ привести ихъ въ порядокъ и наложить на битингъ, послѣ чего якорь былъ отданъ, и мнѣ было приказано достать запасные канаты и приготовить еще два якоря къ отдачѣ. Пока я занимался этой работой, успѣли принайтовить баркасъ къ борту и благополучно поднять на боканцы одинъ изъ нашихъ катеровъ. У другаго лопнули носовыя тали, и онъ оборвался, но къ счастію, безъ людей. Впослѣдствіи я узналъ изъ разсказовъ моихъ товарищей, что насъ во все это время не только кружило отъ образовавшихся въ заливѣ водоворотовъ, но и дрейфовало страшнымъ теченіемъ то въ глубь бухты, то къ ея выходу. Въ самомъ началѣ катастрофы Японская джонка, наваливъ на нашу носовую часть и сѣвъ на нашихъ канатахъ, снесла нашъ утлегерь и блинда-гафели, послѣ чего она пошла ко дну, развороченная нашими канатами. Намъ удалось только спасти двухъ Японцевъ, которые успѣли ухватиться за наши снасти. Вскорѣ затѣмъ другая джонка разсыпалась отъ сильнаго удара объ нашъ форъ-руслинь. Молодому, довольно красивому Японцу бросили конецъ; но онъ не взялъ его и, проведя рукою по шеѣ, въ знакъ, что ему за сношенія съ иностранцами могутъ отрубить голову, безмолвно исчезъ въ мутныхъ волнахъ вмѣстѣ съ обломками своего судна. Со спущенными реями и съ сломаннымъ утлегеремъ мы не имѣли возможности поставить паруса, но утопающій хватается и за соломинку: послѣдовалъ приказъ привязать фокъ-стаксель. Не успѣли еще люди добѣжать до бугшприта, какъ насъ, не смотря на отданные якоря, понесло на лежащій посреди бухты скалистый островъ Иннобасери. Мы были уже всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ скалы, какъ вдругъ фрегатъ быстро поворотило отраженнымъ теченіемъ и лагомъ пронесло его мимо острова, причемъ нашъ бугшпритъ (утлегеря у насъ уже не было) едва не задѣлъ за вертикальную стѣну скалы. Въ виду угрожающей опасности офицеры поторопились согнать людей съ бугшприта. Занятый въ батареѣ, я даже не замѣчалъ, какъ фрегатъ, ворочаемый теченіемъ подобно волчку, дѣлалъ до сорока оборотовъ въ теченіи полу-

часа, вслѣдствіе чего на верху у многихъ закружилась голова. Просвистали: «по пушкамъ закрѣпить орудія по походному» и едва успѣли исполнить это приказаніе, какъ фрегатъ повалился на бокъ съ такою стремительностью на лѣвый бортъ, что нѣсколько людей и множество непривязанныхъ вещей покатилось на туже сторону. Раздалась команда: «всѣхъ на верхъ» и мы стали выбираться, кто черезъ люки, кто черезъ пушечные порта праваго борта. Стоя на лѣвой сторонѣ противъ камбуза, гдѣ подъ моимъ надзоромъ перекладывали найтовъ на канатномъ стопорѣ, я повалился на орудіе, причемъ бухта якорнаго каната которая все еще лежала на палубѣ, поддалась на подвѣтренную сторону и такъ сильно прижала мнѣ ногу къ пушечному станку, что лишь послѣ долгихъ усилій мнѣ удалось ее вытащить безъ сапога. Пролѣзая въ лѣвый форлюкъ, я почувствовалъ, какъ лежащія надъ нимъ ростры запаснаго рангоута подавались и чуть не прижали меня къ комельсу люка. Фрегатъ лежалъ въ полномъ смыслѣ на боку, такъ что палуба была близка къ вертикальному положенію, и вся команда находилась съ наружной стороны праваго борта. Не успѣлъ я доползти до правыхъ сѣтокъ, какъ фрегатъ сталъ уже опять подыматься и довольно скоро всталъ въ свое нормальное положеніе. Въ это время мнѣ послышались стоны изъ палубы, и я поспѣшилъ опять внизъ, спускаясь въ гротъ-люкъ на концѣ, такъ какъ всѣ трапы вывалились изъ своихъ мѣстъ. Въ батареѣ я увидалъ позади гротъ-мачты подъ однимъ опрокинутымъ орудіемъ нѣсколькихъ матросовъ. Нашъ старшій офицеръ уже успѣлъ созвать людей и высвободить изъ подъ орудія пострадавшихъ, изъ которыхъ одному переломило ногу, а другого задавило. Причиною этого несчастія было злополучное орудіе, отодвинутое за нѣсколько минутъ до землетрясенія и перевалившееся съ правой стороны на лѣвую, когда фрегатъ легъ на бокъ. Прочія орудія только что успѣли закрѣпить; къ счастію брюки и тали выдержали, и пушки не тронулись со своихъ мѣстъ. Пока мы возились съ несчастными матросами, фрегатъ вторично легъ на бокъ, но этотъ разъ его наклоненіе не было столь сильно. Я поспѣшилъ выбраться на ютъ, откуда хорошо была видна картина разрушенія. Городъ Симода, состоявшій изъ слишкомъ тысячи домовъ, не существовалъ болѣе: его смыло въ одно мгновеніе. И долины, и поля все было затоплено водою. Вся бухта была усѣяна обломками домовъ и Японскихъ джонокъ, соломенными крышами, всевозможной домашней утварью и смытыми съ берега деревьями. Все это мѣстами покрывало заливъ такою сплошною массою, что не было видно воды. Повинуясь теченію, обломки двигались то къ выходу бухты, то въ обратномъ направленіи. Приливная волна на пути въ заливъ раздѣлялась островомъ Иннобасери

на двѣ струи, которыя, обогнувъ островъ, сливались въ огромный водоворотъ, притягивавшій всевозможныя обломки, съ трескомъ громоздя ихъ другъ на друга и поглощая все, что приближалось къ нему. Тамъ и сямъ, цѣпляясь за обломки джонки или судорожно ухватившись за соломенную крышу, виднѣлись человѣческія фигуры; но и онѣ скоро дѣлались добычею разъяренной стихіи и исчезали въ волнахъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ Японцевъ намъ удалось спасти только одну старушку, которую теченіемъ прибило къ нашему борту. Одинъ изъ нашихъ людей, поспѣшно обвязавшись веревкой, вскочилъ на соломенную крышу, на которой сидѣла Японка и едва успѣлъ схватить ее, какъ уже вся эта груда обломковъ понеслась дальше по теченію, такъ что нашъ молодецъ и баба повисли на веревкѣ, посредствомъ которой ихъ благополучно вытащили на фрегатъ. Японка была въ истерикѣ, она то хохотала, то рыдала.

Почти каждый разъ, когда вода шла на убыль, фрегатъ садился на мель и ложился на бокъ; но наибольшее наклоненіе онъ имѣлъ въ первый разъ, причемъ оторванъ былъ и самый киль. Вѣроятно и подпоры изъ запасныхъ брамъ-стеньгъ и лисель-спиртовъ, устроенныя по приказанію адмирала, нѣсколько поддерживали нашъ фрегатъ, не смотря на то, что онѣ ломались при каждомъ его наклоненіи. Я не въ состояніи описать страхъ, который нашелъ на насъ всѣхъ безъ исключенія: ужасающія явленія, происходившія передъ нашими глазами можно было принять за начало свѣтопредставленія. Чтобы дать хоть сколько-нибудь наглядное понятіе о стремительности теченія, достаточно сказать, что когда фрегатъ лежалъ на боку въ глубинѣ какихъ нибудь 4 или 5-ти футъ, я увидалъ наши три якоря, перепутанные цѣпями въ разстояніи нѣсколькихъ сажень впереди судна. Черезъ минуту, когда вода только-что начала подыматься, вся эта груда желѣза была прижата къ правой скулѣ, причемъ вертикально стоящіе штоки якорей только до половины были покрыты водой, а фрегатъ все еще лежалъ на боку. Это доказываетъ страшную силу теченія, подвинувшую фрегатъ къ якорямъ, не смотря на то, что онъ всемъ лагомъ лежалъ на скалистомъ днѣ, и воды прибыло на нѣсколько футъ. Послѣ полудня приливъ и отливъ стали чередоваться рѣже, теченіе замѣтно уменьшаться, и вода уже не подымалась до такой высоты. Фрегатъ еще отъ времени до времени кружило и дрейфовало, но онъ передвигался лишь на небольшое разстояніе и скоро остановился. Послѣ перваго наклоненія въ грудѣ плавающихъ обломковъ было замѣчено большое, обшитое мѣдью бревно. Такъ какъ Японскія суда не обшиваются мѣдью, то мы и опасались, что оно оторвано отъ нашей подводной части; но оно такъ быстро исчезло изъ виду, что мы не могли удосто-

вѣриться въ нашихъ предположеніяхъ. Въ эту минуту, какъ-бы въ подтвержденіе нашего опасенія, донесли, что вода въ трюмѣ быстро прибываетъ. Вооружили помпы и стали качать воду, прерывая работу только когда фрегатъ ложился на бокъ и грозила опасность, что онъ совсѣмъ перевернется. Это вѣроятно бы и послѣдовало, еслибъ весь рангоутъ не былъ случайно спущенъ наканунѣ землетрясенія. Такъ какъ фрегатъ наклонялся только тогда, когда быстро убывающая вода оставляла его на мели, то мы скоро принаровились посылать всѣхъ людей къ помпамъ, пока теченіе шло въ заливъ. Тогда Діана уносилась къ берегу и нѣсколько разъ даже попадала на то самое мѣсто, гдѣ незадолго передъ тѣмъ стоялъ городъ, но задержанная якорями она всетаки не ложилась на мель. Когда-же начинался отливъ, люди вызывались наверхъ, и фрегатъ со всѣми окружающими его обломками стремительно увлекало къ выходу бухты, гдѣ якори опять задерживали его, и онъ, становясь на мель, тотчасъ-же ложился на бокъ. Въ самый разгаръ землятрясенія было не болѣе пяти минутъ между приливомъ и отливомъ, и въ это время насъ уносило теченіемъ черезъ всю бухту. Послѣ полудня, когда вода стала замѣтно успокоиваться и мы вздохнули свободнѣе, насъ огорчило новое непріятное открытіе: во время всеобщей суматохи и тревоги мы не замѣтили, что голова нашаго руля отломалась и самый руль вмѣстѣ съ старнпостомъ и рулевыми петлями былъ потерянъ. Это обстоятельство какъ громомъ поразило насъ всѣхъ. Въ эту минуту мы забыли всѣ прежніе ужасы, забыли, что Богъ насъ только-что спасъ отъ неминуемой гибели, и вопросъ, какъ исправить такое поврежденіе, съ которымъ невозможно вернуться домой, особенно въ военное время, поглощалъ всѣ наши мысли.

Вечеромъ, когда волненіе почти совсѣмъ улеглось (нѣкоторое незначительное колебаніе продолжалось до слѣдующаго утра), адмиралъ послалъ меня на берегъ, и здѣсь только мнѣ стало ясно, какое опустошеніе произвела бывшая катострофа. Изъ тысячи слишкомъ домовъ города осталось всего нѣсколько развалинъ, мѣстами вода даже смыла каменные фундаменты, отъ улицъ не осталось и слѣда, мосты на рѣчкѣ всѣ были снесены. Японскія джонки стояли съ выкинутыми якорями въ рисовыхъ поляхъ, въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ, куда ихъ продрейфовала прибывавшая волна и гдѣ ихъ впослѣдствіи разобрали, по неимѣнію средствъ дотащить до морскаго берега. Между жителями не было семейства, которое не оплакивало-бы потери кого-либо изъ своихъ членовъ. Глядя на слѣды разрушенія, приходилось удивляться, что жертвъ не больше, что не всѣ люди погибли. Городъ Симода узкой полосой тянулся между берегомъ и горами, посреди которыхъ находилась долина, уходящая во внутрь страны и сплошь покрытая полями.

Когда жители почувствовали первый ударъ, они бросились къ горамъ, до которыхъ большинство успѣло благополучно добѣжать. Больше всего погибло стариковъ и дѣтей. Причиною этого землетресенія было вѣроятно вулканическое изверженіе, происшедшее гдѣ-то въ морѣ у южныхъ береговъ Японіи и приведшее воду въ такое сильное колебаніе. Оно болѣе или менѣе ощущалось по всѣмъ берегамъ Японіи, но своего апогея оно достигло въ Симодѣ *).

По скаламъ острова Иннобасери можно было измѣрить, что вода поднималась почти на три съ половиной саж. выше своей ординарной высоты. Если принять въ разсчетъ, что она опускалась на столько-же ниже своего обыкновеннаго уровня, то выходитъ, что разница между самой высокой и самой низкой водой въ 5 минутъ доходила до 7 саженъ. На глазъ поверхность воды имѣла значительный уклонъ; при приливной волнѣ вода отъ входа бухты къ ея вершинѣ шла подъ гору. Нельзя не подивиться хладнокровію и присутствію духа нашего судоваго врача, доктора Кролевецкаго, который во время самыхъ сильныхъ толчковъ и всеобщей сумятицы ампутировалъ ногу придавленному орудіемъ матросу. Какъ теперь помню этого матроса, которому въ Петербургѣ, по просьбѣ адмирала, была сдѣлана на счетъ Морскаго Министерства искусственная нога, тогда еще очень дорого стоившая. Когда онъ по увольненіи уѣзжалъ на родину, я отправился проводить его на Николаевскій вокзалъ. Каково было мое удивленіе, когда я увидалъ моего стараго сослуживца на деревянной ногѣ съ огромнымъ ящикомъ подъ мышкой. На мой вопросъ онъ объяснилъ мнѣ, что ему было жаль одѣть въ дорогу такую хорошую ногу, и что онъ предпочелъ тащить ее съ собой въ видѣ багажа.

Но возвращаюсь къ моему разсказу. Вечеромъ 12 Декабря часть команды была послана на берегъ для спуска шестерки, которая, возвращаясь къ фрегату, была застигнута землетрясеніемъ. Первымъ валомъ ее вынесло обратно на берегъ, гдѣ она сѣла въ кустахъ по ту сторону дороги, ведущей въ Какисаки. Люди въ шлюпкѣ оказались невредимы, но безъ присланной съ фрегата помощи не могли бы протащить шестерку черезъ кусты и спустить ее со скалистаго берега. На слѣдующій день между обломками нашли нашъ катеръ, оторванный во время подъема. Онъ лежалъ вверхъ дномъ и былъ порядочно поломанъ, но все же могъ быть исправленъ. Отъ другаго катера, вытащеннаго на берегъ, остались однѣ щепки; но всего грустнѣе было извѣстіе, что между разнымъ хламомъ, снесеннымъ къ деревнѣ Какисаки, найденъ огромный кусокъ нашего киля. Онъ привлекъ вниманіе

---

*) Нѣкоторое колебаніе воды было замѣчено даже на западныхъ берегахъ Америки.

нашихъ офицеровъ своимъ концомъ, высоко торчавшимъ надъ грудою другихъ обломковъ, слой которыхъ мѣстами покрывалъ всю поверхность воды сплошною массой на 100 саженъ отъ берега. Къ килю нельзя было подойти ни на шлюпкѣ, ни съ берега. Только послѣ неимовѣрныхъ усилій удалось прибуксировать его къ фрегату, и тутъ мы увидали, что у нашего судна не достаетъ кормовой части киля длиною въ 80 футовъ, всего фальшкиля, трехъ штукъ дейдвуда и прикрѣпленныхъ къ каждой сторонѣ киля шпунтовыхъ досокъ (нижній рядъ обшивныхъ досокъ). Гнѣздо старнпоста было пусто, за кормою у ватерлиніи было видно, что онъ весь оторванъ, только въ надводной части держалась еще отколотая часть ахтеръ-штевня. Концы обшивныхъ досокъ, которые обыкновенно входятъ въ шпунтъ старнпоста, торчали наружу и отдѣлялись отъ фальстарнпоста, такъ что вода ручьями вливалась въ броткамеру, а при конопаченіи внутренней стороны доски только отходили, и щель расширялась. У киля многіе болты были сломаны, нѣкоторые были вырваны съ заклепными планками и при этомъ разворотили болтовую дыру; другіе же, сильно погнутые, были вырваны изъ кильсона. Мѣстами помятое дерево превратилось въ совершенную мочалку. Не трудно вообразить, каково намъ было при этихъ открытіяхъ. Чтó же должно было приисходить въ сердцѣ у адмирала и капитана! На нихъ лежала тяжелая отвѣтственность за безопасность команды на чужбинѣ, въ странѣ, въ предѣлы которой въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не допускались иностранцы.

Постоянное откачиваніе воды занимало часть команды; не смотря на это, было приступлено къ разнымъ тяжелымъ работамъ. Исправили сильно пострадавшій баркасъ, который бился о бортъ фрегата во время землетрясенія. Потомъ мы стали выгружать наши пушки и перевозить ихъ на баркасѣ къ тому мѣсту, гдѣ прежде стоялъ городъ. Все шло довольно хорошо: офицеры и команда работали съ удивительной энергіей подъ руководствомъ неутомимаго начальства. Изъ запасныхъ парусовъ сдѣлали шпигованый матъ, нашивая на двойные паруса съ одной стороны довольно толстый слой смоленой пеньки, а съ другой грунтовыя, т. е. паралельныя между собою веревки, концы которыхъ выдавались далеко за парусъ и служили для притягиванія его къ подводной части фрегата. Исполненіе этой работы было сопряжено съ большимъ трудомъ, такъ какъ болты, гвозди и обломки дерева поминутно цѣпляли за парусъ. Пришлось сперва совершенно загрузить парусъ посредствомъ балласта, и потомъ уже подвести и притянуть его вышеприведеннымъ способомъ. Во все это время продолжались поиски за рулемъ и главнымъ образомъ за мѣдными рулевыми петлями, которыя было почти невозможно сдѣлать въ Японіи. Полагая, что тя-

жесть петель увлекла руль на дно, его искали и посредствомъ водолазнаго апарата, находящагося на фрегатѣ.

Адмиралъ былъ главный, неутомимый распорядитель этихъ работъ, и сверхъ того онъ нашелъ время для возобновленія переговоровъ о трактатѣ. Надо отдать справедливость Японцамъ, что они не воспользовались нашимъ положеніемъ для заключенія менѣе выгоднаго для насъ трактата. Вѣроятно, это дѣло все-таки затянулось бы порядочно, еслибы мнѣ не удалось разными подарками выманить у Т., переводчика Голандскаго языка, копію съ трактата, заключеннаго за годъ до того Американскимъ адмираломъ Перри. Этотъ трактатъ Японцы содержали въ большой тайнѣ, и они стали гораздо уступчивѣе, когда замѣтили, что онъ намъ извѣстенъ. Между прочими требованіями адмиралъ настоялъ и на указаніи намъ по близости лежащей бухты, гдѣ мы могли бы килевать фрегатъ для исправленія подводныхъ поврежденій. Въ Симодѣ не было никакой возможности приняться за эту работу, по причинѣ волненія, заходящаго въ бухту при S.W. У Японцевъ все дѣлается медленно и обстоятельно: прошла цѣлая недѣля, прежде чѣмъ намъ указали бухту Адзиро, находящуюся на восточномъ берегу полуострова Идзу. Тогда адмиралъ отправилъ меня и Колокольцова въ сопровожденіи двухъ Японскихъ чиновниковъ и переводчика Тацновскаго для осмотра этой бухты. Намъ позволили взять двухъ рулевыхъ съ лотами и карманнымъ пель-компасомъ для глазомѣрной съемки и промѣра.

Мы пустились въ путь на Японской лодкѣ и, благодаря легкому попутному вѣтру, подвигались довольно скоро вдоль берега. Дорогою намъ открывались очаровательные виды на зеленые холмы съ лѣсами цвѣтущихъ камелій; но на яркомъ фонѣ этой блестящей природы еще рѣзче выдѣлялись разрушительные слѣды землетрясенія. Въ 11 часовъ вечера мы прибыли въ Адзиро и съ перваго же взгляда убѣдились, что эта бухта совершенно негодна для килеванія фрегата. Вся бухта такъ мелка, что только южная ея часть представляетъ неглубокосидящимъ Японскимъ джонкамъ хорошее якорное мѣсто. Тутъ насъ встрѣтила толпа народа съ мура-яконимъ (начальникомъ города) во главѣ, который проводилъ насъ до храма, гдѣ для насъ и нашихъ двухъ матросовъ былъ приготовленъ ночлегъ. Этотъ городокъ значительно меньше пострадалъ отъ землетрясенія; только обои на стѣнахъ храма мѣстами потрескались. Нашъ ужинъ состоялъ изъ яицъ, отварнаго сладкаго картофеля, мандариновъ, чая безъ сахара, нѣсколькихъ кусковъ рыбы и неизбѣжнаго холоднаго риса, замѣняющаго Японцамъ хлѣбъ. Послѣ ужина намъ принесли огромные ваточные халаты и какія-то маленькія деревянныя трапеціи. Первые замѣняютъ Японцамъ

постель: закутавшись въ халатъ, они спятъ на всегда чистомъ и довольно мягкомъ полу, устланномъ соломенными циновками. Трапеція же служитъ подушкой, на которой голова упирается только одною точкою выше уха. Я отказался отъ такого удобства и, завернувшись въ шинель и положивъ платье подъ голову, заснулъ крѣпкимъ сномъ; но холодъ скоро разбудилъ меня: въ эту ночь былъ небольшой морозъ, который чрезъ бумажныя стѣны свободно проникалъ во внутренность храма. Утромъ на чашкѣ съ водою въ нашей спальнѣ образовался тонкій слой льда. Вставъ съ восходомъ солнца, мы объявили Японскимъ чиновникамъ, что немедленно отправляемся въ Атами. Объ этой бухтѣ, лежащей немного сѣвернѣе Адзиро, мы случайно узнали наканунѣ отъ нашихъ лодочниковъ, которые, проболтавшись, такъ испупугались разгнѣванныхъ чиновникомъ, что упорно молчали на всѣ наши дальнѣйшіе распросы. Наши планы и теперь не понравились нашимъ спутникамъ, и они всячески старались удержать насъ, ссылаясь то на противный вѣтеръ, то на усталость лодочниковъ, которымъ они запретили вести насъ. Мы скоро убѣдились въ безплодности нашихъ протестовъ и, махнувъ на нихъ рукой, отправились въ путь пѣшкомъ. Сначала наши чиновники были очень довольны, думая, что мы не уйдемъ далеко безъ ихъ содѣйствія; но, замѣтя, что мы не возвращаемся, они пустились насъ догонять. Прогулка на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ была очень пріятна. Намъ открывались очаровательные виды съ тропинки, лентою вьющейся по покрытымъ лѣсомъ холмамъ, то удаляясь отъ морского берега, то приближаясь къ нему. Черезъ часъ дорога стала подыматься довольно круто въ гору. У подошвы ея лежали бухта и городъ Атами, въ серединѣ котораго виднѣлся огромный столбъ пара. Тутъ, во время нашего привала, насъ догналъ одинъ изъ нашихъ чиновниковъ, и мы всѣ пустились къ городу, гдѣ наше неожиданное появленіе произвело большой переполохъ. Народъ, никогда еще не видавшій Европейцевъ, стекался со всѣхъ концовъ и смотрѣлъ на насъ, какъ на диковинку.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКАГО АРХИВА».

1.

Въ десятый день Іюля мѣсяца празднуется „Положеніе честныя Ризы Господа нашего Іисуса Христа, еже есть хитонъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ“. Риза эта принесена въ даръ Персидскимъ шахомъ царю Михаилу Θеодоровичу, и на мѣстѣ, гдѣ она была встрѣчена, въ концѣ Донской улицы, донынѣ находится прекрасная Ризположенская церковь. Немногимъ извѣстно, что частью Ризы Господней владѣетъ генералъ-лейтенантъ Александръ Александровичъ Пушкинъ, сынъ поэта. Она заключена въ старинной серебряной небольшой ладонкѣ, на одной сторонѣ которой отчеканено изображеніе всевидящаго ока и распростертаго надъ нимъ голубя. Эта святыня уже многія поколѣнія передается преемственно къ старшему въ родѣ Пушкиныхъ. А. А. Пушкинъ знаетъ отъ своей матери, что отецъ его 10 Іюля обыкновенно ходилъ въ церковь, либо приглашалъ священника къ себѣ на домъ для молебствія Ризѣ Господней. Тоже семейное преданіе увѣряетъ, что святыня эта досталась Пушкинымъ отъ Московскаго митрополита святителя Алексѣя (Плещеева), который въ бытность свою въ Царьградѣ могъ получить часть РизыГосподней.

Вопросъ: было ли родство между Плещеевыми и Пушкиными? Кто знаетъ, просимъ отвѣта.

2.

Княгиня Елисавета Петровна Долгорукая (ур. Давыдова), слабая здоровьемъ, не могла стоять въ церкви, и живому благочестію ея тяжка была необходимость молиться не иначе, какъ сидя. Митрополитъ Филаретъ сказалъ ей: „Лучше сидя думать о Богѣ, нежели стоя о ногахъ“.

3.

Про чудесный голосъ знаменитой пѣвицы Прасковьи Арсеньевны Бартеневой (которую такъ любила покойная Государыня Александра Θеодоровна) кто-то сказалъ:

Она поетъ, и намъ сдается
Что дивный Серафимовъ хоръ
Вдоль дальнихъ облаковъ несется,
И намъ ихъ слышенъ разговоръ.

4.

„Солнцу отъ того не хуже, что свѣтитъ оно къ лужѣ“. Передавая эту поговорку, А. П. Петерсонъ вспоминалъ, что таже мысль выражена у Жуковскаго въ его „Овсянномъ Киселѣ“. Тамъ говорится о солнцѣ: „Даромъ вельможа, а всякому ласка“.

5.

Въ Солигаличскомъ уѣздѣ есть погостъ Никола Березнякъ—древняя деревянная, съ деревянною крышею и на деревянныхъ устояхъ церковь, узкія окна, потемнѣвшія иконы, на которыхъ ничего не разберешь иначе, какъ со свѣчею. По серединѣ, надъ низенькими царскими дверями, Спаситель благословляющій обѣими руками съ подписью: „Владыко Херувимовъ и Серафимовъ и ближайшій другъ мытарей и грѣшниковъ“. (*Отъ В. А. Кокорева*).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году издается **двѣнадцатью тетрадями**, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ **Петербургѣ**, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Въ **Петербургѣ** подписка на „Русскій Архивъ" съ разсрочкою, а также полученіе отдѣльныхъ старыхъ и новыхъ книжекъ и прежнихъ годовыхъ изданій „Русскаго Архива" у у В. А. Чумикова, на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ 22-мъ, кв. 18-я (отъ 3 до 4 и отъ 6 до 8 час по пол.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

(годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892

6.

Стр.

Въ приложеніи:

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1892.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВЫХЪ 37-ми КНИГЪ).

I. Личныя бумаги императрицы Елисаветы Петровны. — Дневная записка Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 1742 г.—Письма князя Кантемира и принцессы Цербской Іоанны Елисаветы къ графу М. Л. Воронцову.—Дѣло о маркизѣ Шетарди (Перлюстрація депешъ). Со снимками.

II. Переписка графа А. Н. Бестужева-Рюмина съ графомъ М. Л. Воронцовымъ.—Перлюстрація писемъ о заговорѣ маркиза Ботты.—Письма Миниха.—Письма графа М. Л. Воронцова къ императрицѣ Елисаветѣ.

III. Собственноручный служебный журналъ графа М. Л. Воронцова.—Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову. — Коржавины. — Объ арестѣ Лестока.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ гр. А. Г. Головкинымъ.—Бумаги о покушеніи на жизнь императрицы Елисаветы.

IV. Дѣло о студентѣ Маріамскомъ 1751 г. – Записка графа М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ 1759.—Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ отзывами имп. Елисаветы. — Письма гр. М. Л. Воронцова и его супруги къ дочери ихъ баронессѣ Строгановой. — Письма Ломоносова къ графамъ Воронцовымъ.

V. Автобіографія гр. А. Р. Воронцова.—Письма гр. М. Л. Воронцова, княгини Дашковой, Радищева и Вольтера къ графу А. Р. Воронцову.

VI. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.—Переписка графа М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну.—Политическія записки.—О взятіи Берлина Русскими войсками. Со снимкомъ.

VII. Доклады Елисаветинской конференціи.—Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Панинымъ.—Бумаги о тайной перепискѣ имп. Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ.—Конференціи при Петрѣ III-мъ и въ первое полугодіе Екатерининскаго царствованія.—Переписка графа М. Л. Воронцова съ Екатериною II-ю.—Замѣчанія княгини Дашковой на книгу Рюльера о переворотѣ 1762 г. Съ портретомъ графа М. Л. Воронцова.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова и письма къ нему, къ его брату и къ его сыну графа Ѳ. В. Растопчина.

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его А. Р. Воронцову и къ разнымъ лицамъ 1783—1796. Съ гравированнымъ на стали портретомъ графа С. Р. Воронцова.

ГРАФЪ МЕСТРЪ И ІЕЗУИТЫ ВЪ РОССІИ.

Эпизодъ изъ посмертнаго сочиненія А. Н. Попова объ исторіи двѣнадцатаго года.

Важнымъ происшествіемъ, во внутренней политикѣ Россіи во время пребыванія графа Растопчина въ Петербургѣ въ 1812 году было возведеніе Полоцкаго Іезуитскаго училища въ званіе академіи съ правами университетовъ въ имперіи.

Императоръ Александръ, и по благородству своего характера, и по своему образованію не могъ ни благоволить къ Іезуитамъ, ни цѣнить ихъ воспитаніе. Но они достались ему какъ наслѣдство. Въ высшемъ обществѣ, въ числѣ лицъ, окружавшихъ Государя или находившихся въ близкихъ сношеніяхъ съ дворомъ, было уже много учениковъ, защитниковъ и покровителей Іезуитовъ. Высшее общество было наполнено иностранцами, эмигрантами-легитимистами, изъ которыхъ многіе занимали важныя мѣста въ государственной службѣ и пользовались общественнымъ почетомъ. Стоустая рѣчь, повторявшаяся повсюду и безпрерывно, проповѣдывала особое ученіе, строго и послѣдовательно развитое, которое не могло не оказывать значительнаго вліянія. Мы изложимъ это ученіе словами даровитѣйшаго его представителя графа Іозефа Местра.

Въ концѣ 1809 г. онъ увѣдомлялъ Сардинскаго короля объ устройствѣ Государственнаго Совѣта въ Россіи и указывалъ, что важнѣйшею должностью становится должность государственнаго секретаря. «Этотъ государственный секретарь, г-нъ Сперанскій—одно изъ случайныхъ явленій, возможное только въ этой странѣ. Онъ поповичъ, т.-е. самаго низкаго происхожденія. Онъ уменъ, съ головою, съ познаніями и особенно хорошо знаетъ свой языкъ, что́ здѣсь не очень обыкновенно. Мнѣ однажды только удалось говорить съ нимъ, и я замѣтилъ, что онъ послѣдователь Канта. Въ домѣ оберъ-гофмаршала *) и особенно передъ его женою онъ превозноситъ воспитаніе Іезуитовъ; но въ кабинетѣ Государя, я увѣренъ, вмѣстѣ со многими знающими положеніе дѣлъ, онъ слѣдуетъ предписаніямъ *великой секты*, стремящейся

---

*) Графа Николая Александровича Толстаго. П. Б.

къ уничтоженію всякой верховной власти», souveraineté *). Годъ спустя онъ же писалъ къ министру Сардинскаго короля о приготовлявшемся преобразованіи Сената: «Что̀ такое Сперанскій? Это великій вопросъ. Онъ человѣкъ умный, трудолюбивый, изящный писатель, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но онъ сынъ священника, т.-е. принадлежитъ къ самому низшему разряду свободныхъ состояній, изъ котораго естественно выходятъ по преимуществу преобразователи. Онъ сопровождалъ Императора въ Эрфуртъ, тамъ онъ бесѣдовалъ съ Талейраномъ, и нѣкоторые думаютъ, что онъ до сихъ поръ переписывается съ нимъ. Изъ всѣхъ его служебныхъ дѣйствій видно, что онъ проникнутъ новыми идеями и особенно сочувствуетъ конституціоннымъ установленіямъ. Онъ былъ ревностнымъ покровителемъ Фесслера. Одинъ изъ важныхъ сановниковъ, въ откровенномъ разговорѣ, сказалъ мнѣ: въ послѣдніе два года я не узнаю̀ Императора, до такой степени онъ сдѣлался философомъ! Это слово меня поразило. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что существуетъ великая и страшная секта, которая издавна стремится нисповергнуть всѣ престолы, и для этой цѣли съ адскою ловкостью она заставляетъ служить ей самихъ государей. Вотъ путь, по которому неизмѣнно и съ успѣхомъ она слѣдовала. Христіанство въ Европѣ неразрывно соединено съ верховною властью; пока не разлучатъ ихъ между собою, успѣха быть не можетъ. Мы не можемъ прямо возстать противъ верховной власти, которая насъ можетъ повѣсить; поэтому начнемъ съ религіи и заставимъ ее презирать. Но и это дѣло представляется невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока религію защищаетъ богатое и вліятельное духовенство; прежде всего нужно его обѣднить и унизить. Духовенство неустанно проповѣдуетъ божественное происхожденіе верховной власти, безусловную покорность, неприкосновенность государей и пр., оно естественный союзникъ деспотизма. Какъ заподозрить его въ глазахъ свѣтской власти? Надо представить его врагомъ ея и для этого при всякомъ случаѣ вспоминать старую борьбу папъ съ государями... Это ученіе разрушило уже первую монархію міра. Если бы она одна пала! Но теперь только мы узнаёмъ, что̀ такое Франція: ея не знали, пока она находилась подъ властію законныхъ государей; ихъ недостатки даже обращались въ пользу міра.... Я увѣряю васъ, что моимъ глазамъ представляется здѣсь тоже самое, что̀ мы уже видѣли, т.-е. тайная сила, которая подрываетъ верховную власть и пользуется для этой цѣли ею самой, какъ орудіемъ. Устроена ли эта секта и составляетъ въ полномъ смыслѣ общество, которое имѣетъ своихъ вождей и свои законы, или она заключается въ естественномъ согласіи множества людей, стремящихся къ одной и той же цѣли, это для меня еще вопросъ; но ея дѣйствія не подлежатъ никакому сомнѣнію, хотя дѣятели и не вполнѣ извѣстны. Способность этой секты очаровывать правительства представляетъ собою одно изъ ужаснѣйшихъ и чрезвычайныхъ явленій, какія только видѣлъ міръ» [1]).

---

*) Письмо отъ Декабря 1809. Lettres et opuscules. v. I, № 67, стр. 228.

[1]) Тамъ же, № 74, стр. 254—256.

Еще годъ спустя, графъ Местръ сообщалъ своему правительству о паденіи Сперанскаго [2]). «29-го Марта, въ семь часовъ вечера, великій и всемогущій Сперанскій, государственный секретарь имперіи, а на дѣлѣ первый министръ и, быть можетъ, единственный, былъ у Государя и полагалъ, что находится въ томъ же положеніи, какъ и прежде. Кто-то изъ находившихся тамъ остановилъ его, когда онъ хотѣлъ войти въ кабинетъ: вы не можете войти, надо напередъ доложить про васъ. Говорятъ, Сперанскій былъ весьма удивленъ. Доложили; онъ вошелъ. Князь А. Н. Голицынъ, министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, также пріѣхалъ съ докладомъ; пробило восемь часовъ, девять, десять; Сперанскій не выходитъ. Князь не понималъ причину столь продолжительнаго свиданія. Около 11 часовъ Сперанскій наконецъ вышелъ. Князь, который ничего не подозрѣвалъ и стоялъ у камина въ то время, когда отворилась дверь государева кабинета, сказалъ ему: какъ вы долго сегодня заставили меня дожидаться? Сперанскій ничего не отвѣчалъ. Князь подошелъ къ нему и замѣтилъ, что онъ былъ взволнованъ и до такой степени разстроенъ, что князь долженъ былъ помочь ему уложить бумаги въ портфель. Сперанскій подошелъ къ зеркалу, поправился, отеръ слезы и, подавая руку Голицыну, сказалъ: прощайте князь, такъ что въ звукахъ его голоса слышалось: прощайте навсегда. Онъ вышелъ свободно изъ дворца и поѣхалъ къ Магницкому, который былъ правителемъ его канцеляріи, правою рукою и искреннимъ другомъ. Ему объявили, что Магницкій взятъ, и бумаги его опечатаны. Уже взятъ, сказалъ Сперанскій, и поѣхалъ домой. Тамъ онъ нашелъ генерала Балашова, Петербургскаго военнаго губернатора и министра полиціи, который опечатывалъ его бумаги и часть изъ нихъ уже отправилъ къ Императору въ то время, когда Сперанскій еще былъ въ его кабинетѣ. Печатаніе продолжалось до трехъ часовъ утра. Кибитка уже стояла у подъѣзда. Онъ поѣхалъ въ ней въ сопровожденіи полицейскаго офицера въ Нижній Новгородъ, хорошій губернскій городъ на Волгѣ, гдѣ у него есть земля и губернаторъ другъ или былъ другомъ. Его встрѣтили на дорогѣ съ двумя звѣздами на груди, Анненскою и Александровскою. Чинъ тайнаго совѣтника и жалованье, которое онъ получалъ, кажется, остались за нимъ. На другой день пошелъ говоръ по всему городу; обвиняли въ государственномъ преступленіи, измѣнѣ, открытіи какихъ-то тайнъ и т. п. Чего-чего не говорили! Не смотря на то, что послѣднее свиданіе Государя съ Сперанскимъ было безъ свидѣтелей, однакоже кое-что вышло наружу. Я довольно вѣрно знаю, что Государь показалъ ему какія-то ужасныя бумаги и что онъ сказалъ ему: Говорите прямо, безъ софизмовъ; я желаю, чтобы вы оправдались; что потомъ онъ отдалъ ему на выборъ, быть преданнымъ суду или удалиться въ ссылку, куда онъ хочетъ, что Сперанскій избралъ послѣднее. Вѣсть объ этомъ происшествіи разнесется по всей имперіи... Теряются въ догадкахъ, какъ и должно быть въ странѣ, гдѣ правильный уголовный судъ не суще-

[2]) Письмо 9 (21) Апрѣля 1812 г. Correspondance diplomat. de c—te I. de Maistre. Paris. 1860 v. I, стр. 68 и слѣд.

ствуетъ и составляетъ лишь одну изъ обязанностей полиціи.... Императоръ опытомъ чужихъ странъ достаточно былъ предупрежденъ о вредѣ новыхъ системъ и Германской философіи. Сперанскій и Магницкій были пропитаны ими, но не въ одинаковой степени. Одинъ былъ вреденъ въ политическомъ отношеніи, какъ преобразователь (novateur), проникнутый конституціонными идеями до мозга костей и врагъ всякихъ наслѣдственныхъ преимуществъ. Государственный Совѣтъ, образованный по образцу Французскаго, былъ его произведеніемъ, равно и всѣ другія предположенныя преобразованія. Императоръ, хотя и былъ расположенъ къ этимъ нововведеніямъ, однакоже не рѣшался подписать. Inde irae! Сперанскій хотѣлъ его принудить. Мнѣ кажется, что онъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ бумагъ слишкомъ рѣзко выражался объ Императорѣ. Вотъ, если не ошибаюсь, какого рода его преступленіе (peccadille), какъ видите. Но дѣйствительно ли онъ, для достиженія своихъ цѣлей, велъ переписку съ Парижемъ, этому я тогда бы только повѣрилъ, еслибы это подтвердилъ Императоръ или судъ. Однакоже его преступленіе, хотя и въ такихъ предѣлахъ, въ какихъ я его полагаю, принадлежитъ къ числу не подлежащихъ помилованію. Магницкій иллюминатъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и я имѣю основательныя причины считать его на все способнымъ; однако-же трудно предположить, чтобы онъ былъ *болье* или *иначе* виновенъ, нежели его начальникъ. Паденіе Сперанскаго было пріятно особенно дворянству, которое онъ терпѣть не могъ, и даже простому народу, который ропталъ на него за налоги, возвышенные черезъ мѣру. Вообще спрашиваютъ: чего хотѣлъ еще этотъ человѣкъ? Онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, государственнымъ секретаремъ, Александровскимъ кавалеромъ, на дѣлѣ первымъ министромъ, довѣреннымъ лицомъ Императора, у котораго могъ обѣдать всегда, когда хотѣлъ и пр. Тѣ, которые предлагаютъ подобные вопросы, рѣшительно не знаютъ характера того новаго духа времени, который колеблетъ всю Европу. Пока существуютъ гдѣ либо церковь и тронъ, до тѣхъ поръ онъ не успокоится. Съ ловкостію, по истинѣ сатанинскою, люди проникнутые этимъ духомъ пользуются самими государями, какъ орудіемъ для ихъ же собственнаго уничтоженія, и я могъ бы въ нѣсколькихъ строкахъ представить картину Европы съ поражающею истиною. Но къ чему бы это повело? Дай Богъ, чтобы эта имперія избѣгла жребія, который ей угрожаетъ. Она представляетъ собою Пареянъ во времена Римлянъ. Не будетъ болѣе равновѣсія на континентѣ. Если она падетъ, страшно подумать, что̀ можетъ произойти».

Мы привели разсказъ графа Местра о паденіи Сперанскаго, какъ свидѣтельство иностранца, основанное на тѣхъ слухахъ, которые носились въ это время въ образованномъ Петербургскомъ обществѣ. Въ общихъ чертахъ разсказъ этотъ вѣренъ съ дѣйствительностію и одинаково не показываетъ никакой вины Сперанскаго. По мнѣнію графа Местра, его виновность, а также и Магницкаго, состояла въ томъ, что они принадлежали или были орудіями той страшной *секты*, которая поклялась разрушить всѣ алтари и престолы въ Европѣ

и которая угрожала гибелью даже и Россіи. Но что же это за чудовищная секта? Какими она располагала сверхъестественными средствами для достиженія своихъ разрушительныхъ цѣлей? Постараемся опредѣлить ее поближе также словами графа Местра.

«Со времени Реформаціи и даже начиная съ Виклёфа, въ Европѣ распространилось направленіе, постоянное и ужасное, которое безостановочно стремилось разрушить Европейскія монархіи и христіанство. Безпокойный и республиканскій духъ протестантства такъ извѣстенъ, что нѣтъ нужды этого доказывать. Кальвинизмъ особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи: трагедіи, которыя онъ разыгралъ въ Европѣ, всѣмъ извѣстны. Можно бы подобрать множество любопытныхъ объ этомъ свидѣтельствъ самихъ протестантовъ. Къ этому-то разрушительному направленію XVII столѣтія примкнули всѣ противуобщественныя и противу-христіанскія системы нашего времени: кальвинизмъ, янсенизмъ, философизмъ, иллюминизмъ и др. Въ собственномъ смыслѣ всѣ онѣ одно и тоже и составляютъ одну секту, которая поклялась разрушить христіанство и всѣ престолы христіанскихъ монархій. Никто изъ государей не подверженъ большей опасности, какъ Русскій императоръ. Ужасная секта, распространенная по всей Европѣ, можетъ быть сравнена съ ядовитымъ растеніемъ, которое становится все ядовитѣе по мѣрѣ распространенія его изъ одной страны въ другую. Рожденное въ Англіи въ крови Карла I-го, оно заразило множество несчастныхъ писателей. Вольтеръ пересадилъ его во Францію, гдѣ оно произвело все то, что̀ мы видѣли; затѣмъ оно перенеслось за Рейнъ и господствуетъ теперь въ Германіи съ такою силою, которая заставляетъ трепетать» *). Съ этой стороны оно можетъ дѣйствовать на Россію самымъ опаснымъ образомъ чрезъ ея протестантскія губерніи Остзейскаго края, подъ видомъ ученыхъ, учителей и особенно масоновъ». «Франъ-масонство, писалъ Местръ еще въ 1810 г. изъ Петербурга одному изъ своихъ друзей, распространяется здѣсь съ яростію (a furia), какъ все, что̀ ни дѣлается въ этой странѣ **). Я былъ приглашенъ посѣтить одну изъ новыхъ ложъ; но, не смотря на все желаніе знать, что̀ тамъ дѣлается, я отказался послѣ многихъ размышленій по важнымъ причинамъ. Упомяну вамъ только о двухъ главнѣйшихъ. Во первыхъ, я зналъ, что Императоръ не безъ неудовольствія согласился на открытіе ложъ: онъ уступилъ непобѣдимому для него отвращенію чѣмъ бы то ни было стѣснять личную свободу своихъ подданныхъ и мѣшать имъ устраивать свой бытъ, какъ они хотятъ. Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ его характера. Если же у Императора было нѣкоторое нерасположеніе къ нимъ, или онъ послалъ туда довѣренныхъ лицъ для наблюденія, то, не будучи такимъ наблюдателемъ (что̀ было бы несогласно съ моимъ званіемъ посланника иностраннаго государя),

---

*) Quatre chapitres inédits sur la Russie. Paris. 1859, стр. 63 и слѣд.

**) Si l'on pouvait enfermer un *désir* russe sous une citadelle, il la ferait auter. Il n'y a point d'homme qui veuille aussi passionnément que le Russe, говаривалъ графъ Местръ. Quatre chapitres etc. стр. 21.

я считалъ мое тамъ присутствiе неумѣстнымъ. Во вторыхъ, я имѣлъ нѣкоторые частные случаи убѣдиться, что весьма многiе достойные люди дурно смотрятъ на эти общества и считаютъ ихъ революцiонными орудiями. Поэтому я рѣшилъ, что не должно ничего дѣлать такого, что̀ можетъ возмущать честныхъ людей, не будучи принужденъ къ тому необходимостiю. Однако мнѣ очень досадно, что не могу поближе познакомиться съ тѣмъ, что̀ тамъ дѣлается. Здѣсь находится одинъ Французъ Мюссардъ, который принималъ участiе въ революцiи и извѣстенъ очень сильною поэмою подъ названiемъ Liberteide. Онъ ораторъ въ той ложѣ, въ которую былъ принятъ Балашовъ. Братъ-Мюссардъ ему сказалъ между прочимъ: братъ Балашовъ, ты имѣешь теперь большую силу, окруженъ милостями; но если ты когда нибудь впадешь въ немилость и принужденъ будешь удалиться въ уединенiе, можетъ быть и ты будешь благословлять тотъ день, когда ты былъ принятъ въ масоны. Я не знаю, что̀ отвѣчалъ братъ-министръ. Но все это мелочи въ сравненiи съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое представляютъ намъ братья Шведы *), т. е. съ избранiемъ Бернадота».

Масоновъ Местръ вовсе не считалъ въ это время опасными и даже въ 1812 г. обращалъ на нихъ вниманiе нашего правительства только потому, что во время волненiй и броженiй всякiя общества должны внушать подозрѣнiя. Мартинистовъ и пiетистовъ онъ даже считалъ въ нѣкоторомъ отношенiи полезными. «Конечно они состоятъ изъ лицъ, которые, не удовлетворяясь догматами своего исповѣданiя, предаются страннымъ воззрѣнiямъ и исканiю какого-то первоначальнаго христiанства внутренней церкви. Судить о нихъ съ этой стороны должно уже правительство, смотря по тому, какое значенiе оно придаетъ нацiональнымъ вѣрованiямъ и обрядамъ. Но опасность отъ нихъ неодинакова для странъ католическихъ и—другихъ. Въ первыхъ они подрываютъ начала единства и власти (autorité), составляющiя основы католическаго вѣрованiя; въ другихъ они приводятъ къ двумъ хорошимъ послѣдствiямъ: съ одной стороны они стремятся примирить религiозныя несогласiя и соединить христiанъ, представляя неважными тѣ разногласiя, которыя нѣкогда смущали умы; съ другой они противодѣйствуютъ общему безвѣрiю, угрожающему всѣмъ странамъ, прiучая умы къ догмамъ и духовнымъ мнѣнiямъ, отклоняютъ какъ отъ матерiализма значительно развивающагося въ наше время и отъ протестантскаго холода, способнаго заморозить человѣческое сердце. Что̀ касается до мартинистовъ, смѣшанныхъ съ пiетистами, которые ограничиваются ожиданiемъ чудесъ, умствуютъ о божественной любви и о внутренней церкви, то эти люди не могутъ быть опасны его величеству въ политическомъ отношенiи, хотя ихъ множество въ Москвѣ и Петербургѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока они не образуютъ въ собственномъ смыслѣ общества. Но есть третiй разрядъ иллюминатовъ, весьма вредный, весьма опасный и весьма дѣятельный и на который слѣдуетъ особенно обратить вниманiе правительства. Настоящiй иллюминизмъ

*) Письмо 20 Авг. (2 Сент.) 1810 г. Lettres et opuscules. v. 1. № 71 стр. 242.

это философизмъ новаго времени, вытекающій изъ протестантизма, т. е. кальвинизма, который поглотилъ и слилъ съ собою всѣ другія секты. Состоитъ ли онъ изъ правильно-устроенныхъ обществъ или составляетъ обширное и адское направленіе одинаковое по своимъ взглядамъ, цѣлямъ и средствамъ, не въ этомъ сила, но въ томъ, что онъ существуетъ и что объявилъ войну на смерть всему тому, во что̀ мы вѣрили и что̀ почитали до сихъ поръ... Иллюминизмъ соединился со всѣми сектами, потому что въ каждой изъ нихъ есть что нибудь пригодное для него: такъ онъ пользуется янсенистами во Франціи противъ папы, якобинцами противъ государей, Евреями противъ христіанства вообще. Это чудовище, сложившееся изъ всѣхъ чудовищъ и, если мы его не убьемъ, то оно насъ убьетъ. Оно опасно именно по этимъ многочисленнымъ отношеніямъ и точкамъ соприкосновенія съ жизнію, почему оно заставляетъ служить себѣ множество лицъ, которыя даже его не знаютъ... Эта проклятая секта, пользующаяся всѣмъ для достиженія своихъ цѣлей, обладаетъ великимъ и гибельнымъ даромъ пользоваться самими государями, какъ орудіемъ для ихъ же гибели... Пріемы, которыми они дѣйствуютъ, чрезвычайно любопытны. Они постоянно внушаютъ государямъ, что духовенство и особенно Іезуиты, которыхъ иллюминаты ненавидятъ по многимъ основательнымъ причинамъ, враждебны свѣтской власти; а въ тоже время увѣряютъ народы, что они самые вѣрные союзники деспотизма. Казалось бы, такое грубое противорѣчіе должно уничтожить само себя, но вышло наоборотъ. Вслѣдствіе какой-то странности, которая могла бы казаться забавною, если бы что нибудь могло быть забавнымъ въ такомъ грустномъ дѣлѣ, оно удалось имъ какъ въ отношеніи къ одной, такъ и къ другой сторонѣ. Они представляютъ себя защитниками государей отъ священниковъ, которыхъ конечно ненавидятъ, но едва ли не менѣе нежели государей. Очень ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что ученія этой секты менѣе опасны его императорскому величеству, нежели западнымъ властелинамъ, соединеннымъ подъ духовнымъ вліяніемъ Римскаго престола. Напротивъ, оно опасно ему гораздо болѣе: потому что наука у насъ въ нѣкоторой степени какъ бы срослась съ религіею, и изъ древняго соединенія нашихъ гражданскихъ и духовныхъ учрежденій образовалось величественное и повидимому несокрушимое зданіе. Однакоже и оно пало! Что́ будетъ съ Россіею, если новыя ученія проникнутъ въ народъ и если свѣтской власти не на что̀ будетъ опереться кромѣ себя самой» *)?

Этотъ бредъ больнаго воображенія, можетъ быть, поразитъ своею странностію современнаго читателя и даже заставитъ подумать: да слѣдуетъ ли обращать на него столько вниманія? Онъ можетъ быть конечно объясненъ, какъ явленіе случайное, порожденное чрезвычайными обстоятельствами того времени и лично судьбою его проповѣдника; но имѣлъ-ли онъ значеніе въ жизни Россіи того времени? Дальнѣйшій нашъ разсказъ послужитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

---

*) Quatre chapitres. гл. IV. de l'illuminisme.

Графъ Местръ принадлежалъ къ разряду старыхъ Европейскихъ дворянъ, которыхъ въ послѣдствіи называли легитимистами. Историческаго значенія революціи, такъ же какъ и реформаціи, въ Западной Европѣ они не понимали, и они представлялись имъ или явленіями умышленно произведенными шайкою дурныхъ людей и безнравственныхъ писателей, или чѣмъ-то сверхъестественнымъ и даже сатанинскимъ. Идеаломъ общественнаго строя они считали средневѣковую монархію, называя ее исключительно христіанской, съ феодальнымъ дворянствомъ, богатымъ и самовольнымъ духовенствомъ и невѣжественнымъ и угнетеннымъ народомъ, съ инквизиціею, смертною казнью и висѣлицами, причемъ государи должны быть лишь простымъ орудіемъ высшей власти, сосредоточенной въ Римскомъ первосвященникѣ, Божественномъ намѣстникѣ на землѣ, викаріи Іисуса Христа. «Европейская монархія мнѣ всегда представлялась, писалъ графъ Местръ одному изъ своихъ друзей изъ Петербурга [1]), верхомъ совершенства, до котораго можетъ только достигнуть наша бѣдная природа. Она умерла уже и теперь кажется мнѣ еще лучше». Онъ писалъ цѣлыя разсужденія, чтобы доказать, какимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ была инквизиція. Совѣтуя Русскому правительству не освобождать крестьянъ и грозя бѣдственными послѣдствіями, онъ говорилъ: «Къ довершенію опасности, одна только Россія изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ лишаетъ общественное спокойствіе охраны *смертною казнью*» [2]). Въ письмѣ къ министру своего короля, говоря, что преступленіе Сперанскаго, каково бы оно ни было, онъ считаетъ такимъ, которое не можетъ подлежать помилованію, онъ прибавляетъ: «очень жаль, что висѣлица составляетъ одну изъ необходимыхъ мебелей государственнаго управленія, однакоже это положительно такъ» [3]).

Ужасы революціи могли поразить страхомъ людей этого разряда и подъ вліяніемъ этого страха развить въ нихъ мрачное воззрѣніе вообще на человѣчество. Графъ Местръ употребилъ всѣ свои дарованія и начитанность, чтобы доказать, что человѣчество постоянно обливается своею кровью, война не перестаетъ на земномъ шарѣ и въ той или другой его странѣ продолжается безостановочно со временъ первыхъ двухъ братій, сыновей Адамовыхъ. Графъ Местръ самъ жестоко страдалъ отъ революціи: его имѣнія были конфискованы Французскимъ правительствомъ въ Піемонтѣ, на 20 лѣтъ онъ былъ разлученъ съ своею семьею, 15 лѣтъ долженъ былъ оставаться въ Петер-

---

[1]) Письмо 20 Авг. (2 Сент.) 1810 г. Lettres et opuscules etc. v. 2, № 71, стр. 214.

[2]) Quatre chap. стр. 16.

[3]) Correspond. dipl. v. 1 стр. 81. Письмо 21 (9) Апрѣля 1812 г.

бургѣ въ незавидномъ званіи посланника короля, лишеннаго престола и изгнаннаго изъ своей страны. Но если послѣдняя мысль о войнѣ, какъ и нѣкоторыя другія, порождены мрачнымъ настроеніемъ лично самого графа Местра, то весь, изложенный нами его же словами, взглядъ вовсе не принадлежалъ лично ему [1]). Онъ принадлежалъ Іезуитамъ, и графъ Местръ только былъ краснорѣчивымъ и даровитымъ ихъ проповѣдникомъ передъ Русскимъ правительствомъ и образованнымъ обществомъ. Держались ли также искренно Іезуиты, какъ держался графъ Местръ? Это вопросъ, на который мы готовы отвѣчать скорѣе отрицательно; но во всякомъ случаѣ они распространяли его въ это время всѣми способами, считая его конечно полезнымъ для своихъ цѣлей: именно въ этомъ направленіи сочиняли разсужденія о массонахъ-иллюминатахъ, распространяли ихъ въ рукописяхъ и печатали безъ имени или подъ чужими именами статьи о ихъ замыслахъ разрушить церковь и государство. Въ это же время вышла книга Іезуита Баррюеля, Исторія Якобинства, изъ которой главнымъ образомъ и почерпнуты всѣ тѣ воззрѣнія, которыя мы привели словами графа Местра. Послѣ изданія этого сочиненія Баррюель получилъ письмо отъ одного Піемонтскаго военнаго человѣка, котораго имя онъ не хотѣлъ открыть, чтобъ не подвергнуть его гоненію враговъ; но онъ сообщилъ немедленно это письмо Іезуитамъ въ Россію. Благодаря Баррюеля за изданіе сочиненія противъ Якобинцевъ и «другихъ безчестныхъ сектъ, непримиримыхъ враговъ христіанской вѣры, всякаго богопочитанія, общества и порядка», Піемонтецъ обращаетъ его вниманіе на «злѣйшую и могущественнѣйшую изъ всѣхъ секту іудейскую», о которой Баррюель только мимоходомъ упомянулъ въ своемъ сочиненіи. Сочинитель этого письма считаетъ всѣхъ Евреевъ франкъ-массонами и увѣряетъ, что самый орденъ масоновъ и иллюминатовъ, соединившій въ себѣ всѣ другія секты, происходитъ отъ Евреевъ. Графъ Местръ придавалъ большое значеніе этому сообщенію [2]).

Такія воззрѣнія проповѣдывали 400 человѣкъ Іезуитовъ, сосредоточенныхъ въ это время въ Россіи и ворвавшихся въ семьи Русскаго дворянства. Имъ вторило еще бóльшее число иностранныхъ эмигрантовъ, большею частію ихъ учениковъ и почитателей, соединившихся тѣсными и даже родственными узами съ Русскимъ образованнымъ и вліятель-

---

[1]) Animadversiones de secta murariorum—illuminatorum, неизвѣстнаго сочинителя; le monde social renversé и idée historique et philosophique Іезуита Билло. По разсмотрѣнію этихъ двухъ сочиненій іезуитами Розевеномъ и Анфіолини, генералъ ордена Бржезовскій не нашелъ ихъ возможнымъ напечатать въ Россіи и хотѣлъ издать въ Лондонѣ. См. переписку іезуитовъ №№ 12, 22 и 93.

[2]) Corresp. diplom. письмо къ королю 10 (22) Сент. 1811 г. т. 1. стр. 27.

нымъ обществомъ. Могли ли и самые Русскіе этого общества, воспитанные по большей части иностранцами, не поддаться этому вліянію и не распространить его дѣйствія на самое правительство? Могли-ли Іезуиты проповѣдывать такія ученія отъ избытка только убѣжденія въ ихъ справедливости, не имѣя въ виду практическихъ цѣлей, выгодныхъ для ихъ общества? Конечно нѣтъ; у нихъ были практическія цѣли и близкія и болѣе отдаленныя. Не смотря на терпимость нашего правительства не только ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, но даже и сектамъ, страшный ударъ былъ нанесенъ косвеннымъ путемъ Іезуитамъ.

Обстоятельства создали для Іезуитовъ слѣдующій вопросъ: стремиться ли къ тому, чтобы дѣйствіе общаго закона, изданнаго для всей имперіи, было отмѣнено (конечно законодательнымъ путемъ), только для однихъ Іезуитскихъ учебныхъ заведеній или, подчиняясь повидимому этому закону, возвести одно изъ своихъ учебныхъ заведеній въ званіе университета, которому бы и подчинились всѣ другія ихъ учебныя заведенія и такимъ образомъ изъять ихъ изъ-подъ надзора общихъ государственныхъ учрежденій? Стремясь составлять независимое и отдѣльное государство отъ государства, Іезуиты безъ сомнѣнія избрали бы первый способъ; но они хорошо знали, какъ Государь дорожилъ всѣми своими постановленіями, относившимися къ народному просвѣщенію и что онъ не былъ вовсе расположенъ къ Іезуитамъ. Поэтому по неволѣ они должны были рѣшиться на послѣднее; но и въ этомъ случаѣ они могли ожидать успѣха только въ томъ случаѣ, еслибы удалось перемѣнить взглядъ на нихъ Государя.

Въ 1806 г. генералъ Іезуитовъ Березовскій обратился прямо къ Государю съ прошеніемъ, въ которомъ, указывая, что вмѣшательство Виленскаго университета въ дѣла ихъ учебныхъ заведеній грозитъ «совершеннымъ разрушеніемъ ихъ ордену», просилъ избавить ихъ отъ вмѣшательства университетовъ, дозволить имъ слѣдовать ихъ собственной методѣ воспитанія и преподаванія и принять ихъ подъ непосредственное покровительство, какимъ они пользовались при его августѣйшихъ бабкѣ и родителѣ *). Но это прошеніе осталось въ кабинетѣ Государя безъ всякаго рѣшенія и не было даже имъ передано министру просвѣщенія, графу Завадовскому, который, какъ воспитанникъ Іезуитскихъ школъ, вѣроятно благосклонно бы отнесся къ нему. Его преемникъ графъ А. К. Разумовскій, воспитанный иностранцами, еще болѣе расположенъ былъ къ Іезуитамъ и вмѣстѣ со многими ихъ поклонниками старался обратить на нихъ благосклонность Государя. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Местромъ, и взгляды его

*) Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, т. II, стр. 475 и слѣд.

вообще на современное положеніе Европы и особенно на Россію возбудили его вниманіе. «Однажды послѣ нашей бесѣды, доносилъ графъ Местръ своему королю въ 1811 г., онъ попросилъ меня изложить письменно мои мысли и сообщить ему. Я написалъ довольно обширную записку, въ которой разсматривалъ Россію съ трехъ сторонъ: въ отношеніи къ религіи, наукѣ и свободѣ; но я ее не сообщилъ еще. Одинъ изъ знаменитыхъ Французскихъ революціонеровъ сказалъ, что революція во Франціи была невозможна, пока существовалъ тамъ орденъ Іезуитовъ, и это вполнѣ справедливо. По какой-то необъяснимой странности судьбы, этотъ орденъ удалился сюда и продолжаетъ здѣсь свое существованіе; разрушители (les renverseurs) не приминули напасть на него. Сначала они употребили тоже оружіе, которое имъ удавалось въ другихъ странахъ: они представили его опаснымъ для правительства. Императоръ сначала вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе; но нѣкоторые изъ государственныхъ людей старались убѣдить его, что, напротивъ, верховная, государственная власть въ *настоящее время* не можетъ найти лучшаго орудія для своей защиты, какъ Іезуиты, и онъ почти совершенно измѣнилъ свой прежній взглядъ на нихъ. Тогда иллюминаты напали на нихъ съ другой стороны и весьма ловко: они стремились подчинить Іезуитскія учебныя заведенія надзору университетовъ и преслѣдовали эту задачу съ неизмѣннымъ постоянствомъ. Императоръ полагалъ себя стѣсненнымъ словами своего же закона (такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ), который давалъ университетамъ высшее значеніе въ отношеніи къ преподаванію въ общественныхъ заведеніяхъ. *Покровительствуйте имъ*, говорилъ онъ, но не хотѣлъ разрѣшать вопроса, такъ что университеты, пользуясь этимъ молчаніемъ, исполняли свои обязанности, посылали своихъ полномочныхъ обозрѣвать учебныя заведенія, оказывали вліяніе на преподаваніе, перемѣняли учебники и т. п. Послѣ долгой борьбы Іезуиты потребовали, чтобы имъ были предоставлены тѣже права и чтобы имъ возвратили одинъ изъ тѣхъ университетовъ, которые были въ ихъ распоряженіи прежде въ Польшѣ. Это дѣло заведено было давно, и только теперь Императоръ рѣшился дозволить внести его въ Комитетъ Министровъ».

Со дня вступленія графа Разумовскаго въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, генералъ Іезуитовъ не переставалъ подавать ему записки, прося защитить ихъ заведенія отъ вмѣшательства университетовъ или о составленіи отдѣльнаго учебнаго округа изъ этихъ заведеній съ главнымъ надзоромъ за ними Полоцкаго училища, которое съ этою цѣлію и должно быть преобразовано въ академію съ правами присвоенными университетамъ. «Не нужно доказывать, говоритъ онъ въ одной изъ такихъ записокъ, что общественное воспитаніе должно состоять подъ особеннымъ и непосредственнымъ надзоромъ *правительства*; но какъ ему было бы весьма трудно наблюдать за всѣми школами нашего ордена, то мы предлагаемъ самое простое и естественное средство облегчить его въ этомъ трудѣ: подчинить всѣ школы нашего ордена *нашей* главной Полоцкой школѣ, которая займетъ въ отношеніи къ нимъ такое же мѣсто, какое имѣютъ univер-

ситеты къ подвѣдомственнымъ имъ заведеніямъ». Графъ Разумовскій, по собственному конечно къ нимъ сочувствію, а потомъ и по приказанію Государя имъ покровительствовать, постоянно устранялъ ихъ столкновенія съ университетами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ходатайствовалъ предъ Государемъ о Полоцкомъ училищѣ. Безъ сомнѣнія онъ доводилъ до свѣдѣнія Государя записки Березовскаго, въ которыхъ онъ доказывалъ, что конечно Русскому министру народнаго просвѣщенія необходимо заботиться о томъ, чтобы «юношество имперіи воспитано было въ правилахъ патріотизма, въ чувствахъ повиновенія, почтенія и преданности Государю». «Но имѣете ли ручательство въ томъ, говорилъ онъ далѣе, что эти чувства заботливо внушаются въ университетахъ, гдѣ большая часть профессоровъ привязаны къ имперіи однимъ только получаемымъ ими отъ нея жалованьемъ, имѣютъ интересы совершенно различные и не зависящіе отъ интересовъ государства и потому, кажется, болѣе способны погашать, чѣмъ воспламенять патріотизмъ въ сердцахъ юношества». Очевидно раздававшіяся въ это время со всѣхъ сторонъ жалобы на воспитаніе въ Россіи въ иностранномъ направленіи Іезуиты желали отклонить отъ своихъ заведеній. «Интересы нашего общества, говорилъ ихъ генералъ, совершенно тождественны съ интересами имперіи. Русскому правительству мы обязаны своимъ сохраненіемъ, а потому мы не можемъ имѣть другихъ цѣлей кромѣ блага государства. Если бы мы не были вѣрными подданными по долгу и по религіознымъ убѣжденіямъ; то мы должны бы были ими сдѣлаться по долгу признательности изъ-за выгодъ, по необходимости: потому что все, чтò мы имѣемъ дан опо милости Русскаго правительства, которое тѣмъ пріобрѣло неотъемлемое право на безпредѣльную нашу ему преданность. Правда, въ нашемъ орденѣ есть также нѣсколько иностранцевъ; но иностранцы, вступивъ къ нашъ орденъ, проникаются его духомъ, его интересами и правилами. Неразрывно связанные съ обществомъ, принадлежащимъ имперіи, они по необходимости дѣлаются Русскими вѣрноподданными и не могутъ имѣть видовъ противуположныхъ государству». Упрекъ, который Іезуиты дѣлали свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ и университетамъ по преимуществу, что они не могутъ внушать любви къ отечеству и преданности къ Государю, они основывали на томъ, что большая часть преподавателей были иностранцы. Іезуиты и ихъ проповѣдники въ обществѣ въ это время стали на сторону Русской партіи въ этомъ вопросѣ. «Одно изъ страшныхъ неудобствъ этой маніи къ просвѣщенію Русскаго правительства состоитъ въ томъ, писалъ графъ Местръ къ Русскому министру просвѣщенія, что оно не можетъ удовлетворить нуждамъ въ преподавателяхъ и должно поэтому прибѣгать къ помощи иностранцевъ. Но люди дѣйствительно ученые и благонамѣренные рѣдко рѣшаются оставлять свое отечество, гдѣ они пользуются уваженіемъ и выгодами; поэтому-то лишь посредственные люди и по преимуществу зараженные и испорченные стекаются подъ полюсъ, продавать за деньги свои

мнимыя познанія. Въ настоящее время особенно Россія покрывается этою пѣною, которую политическія бури выбрасываютъ изъ чужихъ странъ. Эти выходцы приносятъ сюда только наглость и пороки. Не имѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей семейныхъ, гражданскихъ и религіозныхъ, они насмѣхаются надъ тѣми довѣрчивыми Русскими, которые ввѣряютъ ихъ попеченію самое для нихъ дорогое, стараются только накопить побольше денегъ, чтобы гдѣ либо на сторонѣ устроить себѣ независимое положеніе, обманувъ общественное мнѣніе своими познаніями, которыя въ глазахъ знатоковъ представляются образцами невѣжества, они возвращаются въ отечество насмѣхаться надъ Россіею, сочиняя дрянныя книженки, которыя Россія же и покупаетъ у нихъ, хотя и не переводитъ» *).

Бо̀льшая часть иностранныхъ учителей и воспитателей, прокравшихся во всѣ достаточныя семейства Русскихъ въ то время, были дѣйствительно таковы, какъ описываетъ графъ Местръ; но въ числѣ учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и профессоровъ въ университетахъ уже много было Русскихъ, между тѣмъ ни одного въ числѣ Іезуитовъ. Березовскій умышленно говоритъ, что въ ихъ орденѣ только нѣсколько иностранцевъ, причисляя такимъ образомъ сюда всѣхъ Поляковъ, которыхъ уже много было въ орденѣ въ это время. Точно также не безъ умысла онъ умалчиваетъ въ своихъ письмахъ и запискахъ къ гр. Разумовскому о вредной сектѣ, якобинцахъ, масонахъ, иллюминатахъ и т. под., чтобы показать, что Іезуиты не мѣшаются ни въ какіе вопросы, кромѣ религіозныхъ и воспитательныхъ и предоставляя говорить о ней своимъ свѣтскимъ проповѣдникамъ.

Въ то время, когда Императоръ рѣшился передать прошенія Іезуитовъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, графъ Местръ предложилъ графу Разумовскому: «Не хотите-ли, я отдѣлю отъ большой записки, которую пишу, все что̀ относится до этого вопроса? Онъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе. Въ непродолжительномъ времени я сообщилъ ему мои мысли и, спустя послѣ того нѣсколько дней, онъ просилъ меня позволить ему представить ихъ Императору. Я сдѣлалъ ему нѣсколько необходимыхъ оговорокъ, что мнѣ по моему положенію не слѣдуетъ мѣшаться во внутреннія дѣла Россіи и т. п. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что это его личное дѣло. Дѣйствительно, онъ говорилъ о моей запискѣ его императорскому величеству, который изъявилъ желаніе ее прочесть. Тогда графъ Разумовскій сказалъ: Государь, онъ писалъ ее только для меня и по моей просьбѣ и боится дать поводъ думать, что онъ вмѣшивается не въ свои дѣла. «Ему нечего бояться, отвѣчалъ Императоръ: мнѣ извѣстенъ его хорошій образъ мыслей и что онъ намъ преданъ».

Мы привели уже взгляды графа Местра, выраженные имъ по случаю паденія Сперанскаго. Тѣ же самые взгляды выразилъ онъ и въ пись-

*) Lettres et opusc. т. 2. Письмо къ гр. Разумовскому, стр. 287 и слѣд.

махъ къ графу Разумовскому въ приложеніи къ вопросу объ Іезуитахъ, но еще съ большею опредѣленностію.

«Объ орденѣ Іезуитовъ въ отношеніи къ Россіи можно сказать: много о немъ говорили, но мало его знали, пишетъ графъ Местръ. Хотя я открыто заявляю мою преданность этому ордену, но полагаю, что я могу избѣгнуть и тѣни даже страха быть обманутымъ моею ему преданностію, потому что есть безусловно-вѣрный способъ судить объ орденѣ также какъ и о частномъ человѣкѣ, это: замѣчать кѣмъ онъ любимъ и кѣмъ ненавидимъ. Этимъ-то способомъ я и воспользуюсь». Приведя въ пользу Іезуитовъ свидѣтельства Бакона, Гроція, Ришельё, Конде, Дюмурье, Лаланда и даже Фридриха Великаго, который дѣйствительно нѣкоторое время хвалилъ учебныя ихъ заведенія въ Силезіи, графъ Местръ говоритъ: «Къ этимъ похваламъ можно прибавить еще отзывы тѣхъ, которые удостоиваютъ ихъ своею ненавистью; это всѣ враги церкви и государства, всѣ революціонеры, иллюминаты, однимъ словомъ враги Европейскаго порядка жизни». Приведя въ этомъ смыслѣ свидѣтельства Кальвина и Рабо Сентъ-Этьена, онъ прибавляетъ: «Всякій наблюдательный человѣкъ согласится, что *Европейская* революція, которую называютъ также Французскою, была бы невозможна безъ предварительнаго уничтоженія и изгнанія Іезуитовъ. Эта похвала велика, безъ сомнѣнія; однакоже къ ней можно еще прибавить: протестантъ нашего времени, историкъ церкви, пропитанный всѣми предразсудками секты, прямо утверждаетъ, что если бы Іезуиты существовали прежде реформаціи, то никогда протестантизмъ не могъ бы утвердиться и если бы они не появились, то реформа сдѣлалась бы всемірной *). Приведенныя свидѣтельства, выбранныя изъ числа многихъ другихъ, должны убѣдить всякаго государственнаго человѣка, что въ отношеніи къ нововводителямъ, почти открыто работающимъ, чтобы разрушить послѣдніе остатки порядка и благоденствія въ Европѣ, не представляется врача болѣе смѣлаго, разумнаго и драгоцѣннаго для государства, какъ Іезуиты и чтобы положить предѣлъ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя потрясли весь міръ, нѣтъ лучшаго средства, какъ ввѣрить образованіе юношества этому обществу».

Съ цѣлью въ самыхъ яркихъ чертахъ выставить значеніе такъ называемой имъ секты, противъ которой только и могутъ успѣшно дѣйствовать одни Іезуиты, графъ Местръ изъ сочиненій кальвинистовъ и самыхъ крайнихъ революціонеровъ выбираетъ мѣста наиболѣе рѣзкія и направленныя противъ Европейскаго государственнаго строя и Латинской церкви. «Кальвинизмъ, говоритъ онъ, старшій сынъ гордости, объявилъ войну великой верховной власти (souveraineté), и всѣ секты суть дочери кальвинизма. Наиболѣе опасная — янсенизмъ, потому что онъ прикрывается католическою маскою. Другія суть явные враги, которые прямо и открыто идутъ на приступъ; та составляетъ

*) Henke. Allg. Geschichte der christl. Kirche. т. II, ч. III pag. 69. Braunschweig 1794 г.

часть взбунтовавшагося гарнизона, нападающая на насъ сзади, тогда какъ мы храбро защищаемся на укрѣпленіяхъ. Но въ концѣ концовъ всѣ онѣ—сестры и дочери одного отца. Есть только одна секта, составленная изъ всѣхъ другихъ, распущенная въ кальвинизмѣ; ибо всѣ догматическія между ними различія исчезли. У нихъ одинъ только догматъ: не признавать никакихъ догматовъ. Весьма извѣстенъ отвѣтъ Байля кардиналу Полиньяку: «я протестантъ въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что протестую противъ всякой истины». Вотъ догматъ, сдѣлавшійся всеобщимъ. Слѣдовало бы только присовокупить: «и противъ всякой власти». Нѣмецкій иллюминизмъ есть только послѣдовательный кальвинизмъ, т. е. освобожденный отъ всякихъ догматовъ, которые онъ сохранялъ еще безъ всякой разумной причины. Однимъ словомъ, существуетъ только одна секта. Это долженъ знать и никогда не забывать всякій государственный человѣкъ. Эта секта, которая одна, и въ тоже время многія окружаютъ Россію или лучше сказать проникаютъ въ нее со всѣхъ сторонъ и заражаютъ ее до самыхъ глубокихъ корней. Ей нѣтъ нужды, какъ въ XVII столѣтіи, проповѣдывать съ каѳедръ, составлять армію, открыто возмущать народы. Тѣ способы, которыя она употребляетъ въ наше время, гораздо болѣе удобны. Для нея теперь нужны только слухъ и вниманіе дѣтей всѣхъ возростовъ и терпѣніе государей. Она и обладаетъ тѣмъ, что̀ ей нужно. Она даже проникаетъ въ ваше духовенство, и зло можетъ быть гораздо значительнѣе, нежели полагаютъ. При такой близкой опасности ничто не можетъ быть полезнѣе для блага его императорскаго величества, какъ общество юдей, по существу своему враговъ тому, чего болѣе всего должна опасаться Россія, особенно въ отношеніи къ воспитанію юношества. Я полагаю даже, что невозможно было бы его замѣнить чѣмъ-либо другимъ: потому что всякому обществу и особенно тайному можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать только такое же общество. Это общество—собака охранительница (chien de garde), которую бойтесь прогонять отъ себя. Если вы не хотите ей позволить кусать воровъ—это ваше дѣло; покрайней мѣрѣ не мѣшайте ей бѣгать вокругъ дома и разбудить васъ, когда окажется необходимымъ, прежде нежели ваши двери будутъ заперты и когда влѣзутъ къ вамъ въ окна. Какое ослѣпленіе, графъ, восклицаетъ Местръ, обращаясь къ Русскому министру просвѣщенія, какая непослѣдовательность ума человѣческаго! Въ продолженіи трехъ столѣтій существуетъ общество, посвящающее свои труды по преимуществу воспитанію юношества, которое избавляетъ государство отъ страшной тягости оплачивать расходы по общественному образованію, которое предлагаетъ науку юношеству и свои труды правительствамъ безъ всякой платы, изъ удовольствія только, что оно исполняетъ свои обязанности, которое постоянно повсюду провозглашаетъ народамъ, а особенно этому юношеству, столь дорогому для государства: «верховная власть происходитъ не отъ народа; но если же первоначально и произошла отъ него, то съ той минуты, какъ онъ уступилъ, онъ лишился уже права взять ее обратно. Власть происходитъ отъ Бога и, повинуясь государю, повинуешься Богу. Ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ быть судимъ, и

никакая причина не можетъ оправдать неповиновенія ему, исключая преступленія, а если онъ предписываетъ дѣлать преступленіе, то слѣдуетъ предать себя казни; но особа государя священна, и ничто не можетъ оправдать возмущенія. Безполезно говорить о вѣрѣ. Общество Іезуитовъ конечно ревностно исповѣдуетъ свою, которая почти таже что̀ и ваша, въ отношеніи къ догматамъ; но никогда не обвиняли и даже не подозрѣвали Іезуитовъ въ малѣйшихъ покушеніяхъ противъ законовъ страны, которые они уважаютъ, какъ и слѣдуетъ. И это общество подозрѣваютъ; говорятъ, что оно вмѣшивается въ политику!

Но вспомнимъ, что̀ же дѣлалъ самъ графъ Іосифъ Местръ въ продолженіи своего 15-тилѣтняго пребыванія въ Россіи? Какъ посланнику низвергнутаго короля, ему мало было дѣла. Съ какою цѣлію написаны всѣ его сочиненія, а они почти всѣ написаны въ Россіи? Онъ постоянно проповѣдывалъ латинство, постоянно совращалъ изъ православія. Въ противоположность изложенному ученію графъ Местръ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій Лютера, въ которыхъ онъ бранитъ Германскаго императора и другихъ государей, изъ Руссо о томъ, что̀ въ народѣ заключается источникъ власти, и нѣкоторыя рѣзкія сужденія изъ революціонныхъ писателей о Богѣ и религіи, и затѣмъ восклицаетъ: «И этихъ ученій не боятся, графъ; не обнаруживаютъ недовѣрія къ тѣмъ, кто ихъ проповѣдуютъ, не опасаются, что они могутъ *вмѣшиваться въ политику*, нисколько не колеблясь ввѣряютъ имъ воспитаніе юношества, надежду отечества, т. е. одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ обязанностей, и нисколько не сомнѣваются на счетъ ихъ; правительство даже приказываетъ, чтобы въ институтѣ, устроенномъ для приготовленія преподавателей, метафизика читалась по методѣ Канта. Для того чтобы привлечь преподавателей зараженныхъ этимъ направленіемъ, государство готово на всякія пожертвованія: оно бросаетъ деньги для нихъ, для ихъ женъ и дѣтей, для ихъ нуждъ и для ихъ удовольствій! По истинѣ, я сомнѣваюсь, чтобы во всеобщей исторіи можно было бы найти другой примѣръ подобнаго ослѣпленія!»

Графъ Местръ старается опровергнуть тѣ обвиненія, которыя дѣлали противъ Іезуитовъ, что они вмѣшиваются въ политическія дѣла, стремятся составить государство въ государствѣ и что ихъ преподаваніе уже не соотвѣтствуетъ требованіямъ настоящаго времени. Въ отношеніи къ первому обвиненію онъ приводитъ отвѣтъ на него Фридриха Великаго: «Я знаю, говорилъ онъ, что они составляли заговоры, интриговали и вмѣшивались въ дѣла; но въ этомъ виновато правительство. Зачѣмъ оно попускало?» Достаточно одного этого замѣчанія, прибавляетъ графъ Местръ. Если Государю вздумается поручить управленіе государствомъ своимъ гвардейскимъ офицерамъ, это его воля. Если случится имъ увлечься въ исполненіи власти и даже иногда злоупотреблять ею, то съ ними случится тоже самое, что̀ всегда случалось, случается и будетъ случаться со всѣми людьми. Можно-ли послѣ этого сказать: гвардейскіе офицеры составляли заговоры, они вмѣшивались въ дѣла,

надо уничтожить гвардію? Ничего не было бы страннѣе этого заключенія; потому что слѣдовало бы доказать напередъ, что другіе дѣйствовали бы лучше, что̀ довольно трудно, а потомъ пришлось бы повторить слова Фридерика II-го: это вина правительства, зачѣмъ оно попускало; я не виню гвардейскихъ офицеровъ, а государя».

Но съ особеннымъ презрѣніемъ и насмѣшкою старается опровергнуть графъ Местръ обвиненіе Іезуитовъ въ томъ, что они стремятся составлять государство въ государствѣ. «Правосудіе Государя конечно бы оттолкнуло прямое предложеніе уничтожить Іезуитовъ или ихъ школы, говоритъ онъ; поэтому попытались косвенно достигнуть той же цѣли. Говорятъ, государственныя пользы требуютъ единства въ преподаваніи и поэтому предлагаютъ подчинить Іезуитовъ Виленскому университету, что̀ совершенно равняется повелѣнію уничтожить ихъ. Если бы предложено было совершенно противное, т. е. подчинить университеты наблюденію Іезуитовъ, то въ этомъ предложеніи соблюденъ бы былъ нѣкоторый видъ правосудія: можно было-бы сказать, что новыя, только что возникающія учрежденія, еще неиспытанныя и извѣстныя только по недовѣрію, которое они внушаютъ къ себѣ, благоразумно бы подчинить обществу извѣстному въ продолженіи трехъ вѣковъ блистательными успѣхами на этомъ поприщѣ, которое воспитало почти всѣхъ великихъ людей Европы, жившихъ въ продолженіи этого долгаго времени. Но подчинить Іезуитовъ университету—это все равно что заставить ребенка, знающаго только азбуку, преподавать краснорѣчіе опытному оратору».

«Говорятъ, Іезуиты, стремятся образовать особое государство въ государствѣ. Какая нелѣпость, графъ! Однакоже этотъ софизмъ, старый и постоянно новый, пугаетъ власть, обманываетъ ее для ея же собственной гибели. Весьма легко прежде всего обратить это обвиненіе на университетъ. Онъ въ собственномъ смыслѣ хочетъ образовать государство въ государствѣ, потому что пзъявляетъ притязаніе изъ публичнаго преподаванія и народнаго воспитанія сдѣлать свою исключительную монополію, въ которую никто вмѣшиваться не можетъ кромѣ его. Но, не смотря на это соображеніе, весьма впрочемъ важное, можно еще многое сказать въ пользу Іезуитовъ. Не говорятъ ли нѣкоторые, что Іезуиты суть нѣчто въ родѣ франмасоновъ, которые съ затворенными дверьми совершаютъ какія-то мистеріи? Но развѣ ихъ преподаваніе не открытое? Порядокъ наукъ, названія учебниковъ и даже самые часы уроковъ развѣ не объявляются печатно? Упражненія, когда ученики отдаютъ отчетъ въ ихъ обученіи, развѣ скрыты отъ критики и наблюденія всѣхъ? Гдѣ же государство въ государствѣ? Послѣ этого можно сказать, что полкъ хочетъ быть государствомъ въ государствѣ, потому что не хочетъ ни отъ кого зависить кромѣ своего полковаго командира, что онъ считалъ бы себя уничтоженнымъ и даже оскорбленнымъ, еслибы его подчинили надзору и наблюденію посторонняго полковаго командира. Если онъ дурно исполняетъ свои обязанности: то для того, чтобы наблюдать за нимъ, есть генералъ-инспекторы, и самъ императоръ. Но подъ предлогомъ единства лишить полкъ (который я предполагаю знаменитымъ и безукоризненнымъ въ

продолженіи трехъ сотъ лѣтъ) прàва внутренняго своего устройства и подчинить его со всѣми его начальниками какому-нибудь капитану гражданскаго ополченія, никогда не вынимавшему шпаги изъ ноженъ, это было бы крайне смѣшно, еслибы не привело къ чрезвычайно-печальнымъ послѣдствіямъ. Вотъ однакоже къ чему сводится, графъ, нелѣпое пугало: государство въ государствѣ. Всѣмъ извѣстно, что никакое общество, никакой союзъ людей не можетъ существовать, если въ немъ нѣтъ сильной, внутренной дисциплины. Поставить управителя (régulateur) внѣ его значитъ окончательно его разрушить. Іезуиты просятъ только того, чтò составляетъ основное право всякаго общества, законно-существующаго. Государство въ государствѣ есть государство, скрытое отъ государства и независимое отъ него; Іезуиты, какъ и всѣ другія законно-существующія общества и даже болѣе нежели другія, находятся подъ властью Императора: стоитъ ему пожелать, и они не будутъ существовать. Но и тогда, графъ, они будутъ молиться за него; они не позволятъ себѣ ни роптать, ни порицать правительство, и поступятъ, какъ они поступали во Франціи, какъ поступали въ Римѣ, въ Парагваѣ, гдѣ ихъ образъ дѣйствій такъ обманулъ ихъ враговъ; однимъ словомъ, поступятъ такъ, какъ всегда поступаютъ».

Кажется, нѣтъ нужды доказывать, что графъ Местръ не могъ не понимать, что между монашескими орденами Латинской церкви и между другими обществами и сословіями, существующими во всѣхъ государствахъ, нѣтъ ничего общаго. Эти послѣдніе, вмѣстѣ со всѣми другими элементами, изъ которыхъ слагается государство, составляютъ одну изъ составныхъ его частей, между тѣмъ какъ Латинскіе монашескіе ордена составляютъ неотъемлемую составную часть Римскаго церковнаго государства. Они въ отношеніи къ своему внутреннему устройству и управленію не подчиняются даже мѣстной Латинской іерархіи; а если въ иныхъ странахъ, какъ это было въ Россіи, и подчиняются отчасти, то не иначе какъ съ особаго разрѣшенія папы, и то даваемаго всегда на опредѣленное время. Они зависятъ лишь отъ своихъ генераловъ, которые въ свой чередъ подчиняются папѣ, какъ первосвященнику и государю. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что верховная власть можетъ удалить изъ предѣловъ своего государства, какъ всякаго неблагонамѣреннаго иностранца, и какой-либо монашескій орденъ Латинской церкви; но эти дѣйствія всегда влекутъ за собою непріятную переписку съ Римскою куріею, а иногда и разрывъ. Гр. Местръ, такъ же какъ и генералъ Іезуитовъ, очень хорошо зналъ, что еслибы орденъ, послѣ его уничтоженія папою Климентомъ XIV, былъ возстановленъ въ прежнемъ видѣ, то сосредоточію его управленія должно бы перенестись въ Римъ, какъ это и случилось въ послѣдствіи. Слѣдовательно Іезуиты управлялись бы властью, внѣ предѣловъ имперіи находящеюся, чтò было бы прямо противно корен-

нымъ ея законамъ, которые, по его словамъ, они такъ уважали. Но въ это время Іезуиты находились въ исключительномъ положеніи. Помощію Русской дипломатіи имъ удалось вынудить у Римской куріи признаніе законности ихъ существованія, но только въ предѣлахъ Русской имперіи. Этимъ-то случайнымъ обстоятельствомъ и пользуется графъ Местръ, чтобы выдать Іезуитовъ за самыхъ вѣрныхъ подданныхъ Русскаго царя и приравнить ихъ орденъ ко всякимъ обществамъ и союзамъ лицъ законно-существующихъ въ каждомъ государствѣ. Что̀ касается до теоріи о божественномъ происхожденіи верховной власти, то графъ Местръ очень хорошо зналъ, что Латинская церковь смотритъ на нее съ особенной точки зрѣнія.

Касательнно до обвиненія Іезуитовъ въ томъ, что ихъ преподаваніе не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени, что они придерживаются устарѣлымъ и недостаточнымъ методамъ, слишкомъ много занимаются литературою и очень мало науками: графъ Местръ справедливо замѣчаетъ, что онъ имѣетъ въ виду лишь общій вопросъ, именно о направленіи преподаванія. «Какой же государственный человѣкъ, говоритъ онъ, отважится рѣшить его независимо отъ опыта? Старые и новые воспитатели представляются мнѣ подъ видомъ двухъ обществъ алхимиковъ, изъ которыхъ одно славится тѣмъ, что умѣетъ дѣлать серебро и дѣйствительно его дѣлаетъ въ продолженіи трехъ столѣтій на виду у всей Европы, такъ что почти вся наша посуда изъ него сдѣлана. Вдругъ является другая шайка, которая говоритъ, что умѣетъ дѣлать золото, что старые алхимики не удовлетворяютъ уже болѣе потребностямъ государства; поэтому она хочетъ, чтобъ ею замѣнили прежнее общество и отдали бы ей всѣ его лабораторіи и приборы. Очевидно, что слѣдуетъ отвѣчать имъ: «никакого не можетъ быть препятствія, господа, если только вы умѣете дѣйствительно дѣлать золото; покажите намъ образчикъ этого золота въ вашемъ горнѣ, и тогда мы замѣстимъ вами прежнихъ алхимиковъ, потому что конечно золото цѣннѣе серебра». Французы, охотники до великихъ предпріятій, сдѣлали подобный опытъ въ 1762 г. Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда вмѣсто золота появились ядовитыя испаренія, которыя и заразили всю Европу. Можетъ быть, въ Россіи подобный опытъ окажется болѣе удачнымъ, чего я и желаю; но во всякомъ случаѣ, графъ, не должно спѣшить, и благоразуміе требуетъ наблюденія за горномъ. Всякая монополія есть зло. Государство добровольно установляетъ монополію, если даетъ исключительную привилегію, которая равняется позволенію дѣлать дурно и брать дорого. Неужели ваше благоразумное правительство можетъ рисковать въ дѣлѣ такой важности? Когда Іезуиты явились нѣкогда во Францію, Парижскій университетъ всѣми способами противился учрежденію ихъ заведеній; но правительство остереглось послѣдовать его внушеніямъ и еще менѣе рѣшилось подчинить ему Іезуитовъ; оно поддерживало оба учрежденія въ ихъ независимости другъ отъ друга, покровительствовало обоимъ и вмѣсто одного дурнаго учрежденія пріобрѣло два хорошихъ. Точно такъ должна

12*

поступить Россія, и правительству нѣтъ причины колебаться, особенно потому, что между двумя системами не представляется рѣзкихъ различій. Новые преподаватели не говорятъ, что не слѣдуетъ обращать большаго вниманія на религію, нравственную философію, древніе языки и литературу. Іезуиты съ своей стороны не полагаютъ, что не нужно учиться химіи, естественной исторіи, ботаникѣ и т. под. Обѣ стороны различаются только во взглядахъ на соотношеніе между собою различныхъ знаній, на ихъ относительную важность и время посвящаемое ихъ изученію. Правительстно можетъ оставаться спокойнымъ зрителемъ взаимнаго соревнованія двухъ системъ, въ полной увѣренности, что оно ничего не потеряетъ, а напротивъ выиграетъ. Но будьте осторожны, графъ: въ этомъ-то именно отношеніи ваше министерство можетъ принести большую пользу вашему отечеству. Борьба двухъ корпорацій изъ-за мнѣній въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно бываетъ очень похожа на дуэль между частными лицами. Удивляются, какъ два взбѣшенныхъ человѣка стараются убить одинъ другаго изъ-за одного слова; но дѣло почти никогда не касается до *одного слова*, а заключается въ глубокой ненависти, въ чемъ-то тайномъ, о чемъ не говорятъ. Повѣрьте, что и между Іезуитами и ихъ ярыми противниками дѣло вовсе не въ химіи или ботаникѣ: первые вовсе не ненавидятъ этихъ наукъ, а вторые относятся къ нимъ слегка. Дѣло касается чего-то гораздо болѣе важнаго, о чемъ не говорятъ. Церковь и государство должны быть на сторожѣ. Люди, знакомые достаточно съ положеніемъ дѣлъ, ихъ предостерегаютъ. Дозволить учредить Іезуитамъ академію въ Полоцкѣ, такую же какая была въ Вильнѣ, и даровать ей права равныя университетамъ и особенно Виленскому, было бы мѣрою чрезвычайно-мудрою и по истинѣ государственною. Оба учрежденія существовали бы рядомъ; соперничество между ними, если-бъ и дошло даже до взаимной антипатіи, не могло бы имѣть вредныхъ послѣдствій, но напротивъ хорошія для государства, которое, конечно, должно сдѣлать опытъ, обѣщающій многое и не стоящій ничего... Будемъ надѣяться, что отличному министру, которому сообщены эти мысли, суждено отчасти или вполнѣ разсѣять тотъ мракъ, который покрываетъ самыя очевидныя и существенныя истины. Какое зрѣлище, графъ! Съ одной стороны монахи, степенные и ученые, которые, въ продолженіи сорока лѣтъ, дѣлали добро и учили только доброму на глазахъ всей Россіи, не упуская никогда изъ виду своихъ обязанностей въ отношеніи къ государству, постоянно помня свою присягу Россіи, выставляя въ своемъ преподаваніи, какъ основаніе, Русскій языкъ, которому давали равное мѣсто съ Латинскимъ. Съ другой—Польская академія, въ увлеченіи (хотя естественномъ и основательномъ, можетъ-быть) своимъ собственнымъ языкомъ, нападаетъ на Іезуитовъ за ихъ приверженность къ старымъ порядкамъ, хочетъ вырвать у нихъ изъ рукъ граматику, которая ей не нравится и навязать свою. И правительство Русское при *современныхъ обстоятельствахъ* еще колеблется между двумя учрежденіями и даже склоняется въ пользу *Польской* академіи. Что̀ за заблужденіе, графъ! И какая не-

изъяснимая судьба заставляетъ правительства любить то, чтò ихъ губитъ и ненавидѣть то, чтò можетъ ихъ спасти?» [1]).

Мы подробно изложили сочиненіе графа Местра, которое Русскимъ министромъ просвѣщенія было представлено Государю, произвело на него впечатлѣніе и достигло предположенной сочинителемъ цѣли, даже въ гораздо большей степени, нежели онъ могъ надѣяться. Положеніе графа Местра при Русскомъ дворѣ было самое затруднительное, особенно съ Тильзитскаго мира, когда Русское правительство поставлено было въ необходимость поддерживать дружескія отношенія къ императору Французовъ. Министръ изгнаннаго и постоянно преслѣдуемаго Наполеономъ короля, онъ игралъ такую же роль въ Петербургѣ, какъ его другъ, герцогъ де-Блакасъ, повѣренный въ дѣлахъ Людовика XVIII-го. Многіе были увѣрены, что онъ утратилъ уже свое служебное значеніе и подписывали ему письма, какъ *бывшему* Сардинскому посланнику. Государь хотя и былъ постоянно къ нему благосклоненъ, но никогда не разговаривалъ съ нимъ. «Никогда я не говорилъ съ Императоромъ съ глазу на глазъ, и часто онъ давалъ мнѣ поводъ думать, что и никогда я не буду съ нимъ говорить, писалъ Местръ своему королю въ 1812 г. Иногда мнѣ казалось, что я очень много дѣлаю, иногда, что я не дѣлаю ровно ничего. Иногда находился въ чрезвычайно-пріятномъ положеніи, потому что ничего и нѣтъ пріятнѣе, какъ пользоваться всеобщимъ благоволеніемъ; но иногда я испытывалъ такую грусть, которая разрывала мнѣ сердце. Иногда я думалъ, что я необходимо долженъ былъ сюда пріѣхать, потомъ я возражалъ самому себѣ и убѣждалъ себя въ противномъ; но случалось что нибудь такое, чтò снова возвращало меня къ прежнимъ мыслямъ. Когда я думаю о непонятной судьбѣ, забросившей меня сюда, когда вспоминаю объ ужасномъ положеніи, въ которомъ я здѣсь находился, не имѣя знакомства съ большими господами, съ народнымъ характеромъ, безъ рекомендательныхъ писемъ, въ положеніи самомъ безнадежномъ, брошенный и какъ бы нарочно выставленный на позоръ сотнямъ глазъ, то по прошествіи десяти лѣтъ еще кровь стынетъ въ моихъ жилахъ. Но когда я подумаю, что мнѣ удалось выдти изъ этой пропасти, исполненной препятствій и униженій, не уронивъ ни своего личнаго достоинства, ни моего государя, то я начинаю замѣчать что-то чудесное въ моей судьбѣ. Я и теперь ничего не понимаю, иду впередъ, не зная какъ; я доволенъ всѣми и надѣюсь, никто на меня не имѣетъ поводовъ жаловаться» [2]).

Письма графа Местра къ министру народнаго просвѣщенія произвели впечатлѣніе на Государя. Когда графъ Разумовскій сказалъ ему, что они составляютъ лишь отрывокъ, извлеченный изъ большой записки о Россіи, которую составляетъ графъ Местръ, то Государь

---

[1]) Lettres et opuscules. т. II. Письмо къ графу Разумовскому, стр. 311—339.

[2]) Письма къ королю 31 Окт. (12 Ноября) 1811 и 9 (21) Апрѣля 1812.

поручилъ ему сказать, чтобы онъ непремѣнно окончилъ эту записку. Встрѣтившись черезъ нѣсколько времени съ самимъ графомъ Местромъ, Государь ему сказалъ: «Вы дали мнѣ возможность прочесть сочиненіе, которое доставило мнѣ большое удовольствіе».

Такія поощренія безъ сомнѣнія были достаточны для того, чтобы графъ Местръ ревностно принялся за окончаніе большой своей записки подъ названіемъ: «Четыре главы о Россіи» [1]. При немъ не состояло ни секретарей, ни канцеляріи, и потому переписать на бѣло записку было затруднительно. Двѣ главы изъ нея переписалъ по просьбѣ графа Местра одинъ изъ Іезуитовъ, его пріятелей; а остальныя самъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ [2].

Мы привели уже изъ этого сочиненія нѣсколько выдержекъ, въ которыхъ выраженъ взглядъ графа Местра на государственное устройство, какое онъ считалъ наилучшимъ и на тѣ *ужасныя* ученія, которыя Іезуиты старались соединить въ одну секту и покрыть общимъ названіемъ иллюминатовъ. Въ дополненіе къ нимъ считаемъ нужнымъ изложить его мысли о значеніи Россіи въ Европѣ и тѣ совѣты, которые предлагалъ онъ ея правительству для руководства.

«Почему, говоритъ онъ, до появленія христіанства, рабство почиталось необходимою принадлежностію правительства и политическаго устройства народовъ, какъ въ республикахъ, такъ и въ монархіяхъ, такъ что ни одному философу не приходило въ голову порицать рабство и ни одному законодателю отмѣнять его? Потому что вообще человѣкъ, предоставленный самому себѣ, золъ по своей природѣ и не можетъ быть свободнымъ. Число свободныхъ людей въ древнихъ государствахъ было весьма незначительно въ сравненіи съ рабами. Но лишь только появилось христіанство на землѣ, какъ началась проповѣдь противъ рабства. Христіанство, преобразивъ душу человѣка, предприняло дѣло, которое ни одна религія, ни одинъ законодатель, ни одинъ философъ не только не предпринимали, но о которомъ даже не мечтали. Родъ человѣческій становится способнымъ къ гражданской свободѣ по мѣрѣ того, какъ онъ проникается христіанствомъ и руководится его началами. Повсюду, гдѣ господствуетъ другая религія, рабство представляется явленіемъ законнымъ. Повсюду, съ ослабленіемъ христіанства, народъ становится менѣе и менѣе способнымъ къ гражданской свободѣ. Эта истина первостепенной важности, говоритъ графъ Местръ, была доказана передъ нашими глазами съ ужасающею ясностію. Въ продолженіи цѣлаго столѣтія проклятая секта возставала противъ христіанства. Государи, ею прельщенные, позволяли ей дѣйствовать и даже къ сожалѣнію иногда благопріятствовали ея усиліямъ и такимъ образомъ

[1] Она была издана въ Парижѣ въ 1859 г. Quatre chapitres inédits sur la Russie. 1. La Liberté, 2, la Science, 3, la Religion, 4. L'Illuminisme. Appendice au chap. 4-me et conclusion, стр. 1—153.

[2] Отличное занятіе для друга царева и оберъ-прокурора Св. Синода—переписывать сочиненіе заклятаго врага православной церкви. П. Б.

сами способствовали ей разрушать подпоры зданія, которое должно было упасть на нихъ. Что же изъ этого вышло? Оказалось слишкомъ много свободы въ мірѣ. Испорченная воля человѣка, ничѣмъ не сдержанная, могла дѣлать все, что̀ ни вздумали развратъ и гордость. Потомки освобожденныхъ рабовъ ринулись на высшія сословія, и менѣе нежели въ 20 лѣтъ было разрушено зданіе Европейскаго государства... Въ наше время два якоря, на которыхъ держится всякое общество, рабство и религія, уничтожены оба; буря унесла корабль и—разбила».

Какъ же въ виду этого опыта должна дѣйствовать Россія?

«Рабство существуетъ въ Россіи, потому что оно въ ней необходимо, отвѣчаетъ графъ Местръ, потому что безъ него Императоръ не можетъ царствовать. На Западѣ свѣтская власть, освобождая рабовъ, вовсе не предоставляла имъ полной свободы дѣйствія: они находились подъ властію *духовенства*. Притомъ въ то время и нравы были проще: наука еще не воспламенила той гордости, которая подожгла и погубила уже одну половину міра и непремѣнно погубитъ другую, если не положатъ ей границъ. Никакая верховная власть не достаточно сильна, чтобы управлять милліонами людей безъ помощи или религіи, или рабства, или обоихъ вмѣстѣ. Въ государствахъ западной Европы, во время уничтоженія рабства, было сильное духовенство, обладавшее добродѣтелью, наукою, благородствомъ и богатствомъ. Оно помогало правительствамъ держать въ должныхъ предѣлахъ свободный народъ, постоянно проповѣдуя повиновеніе государямъ. Но этой силы въ Россіи нѣтъ; въ ней религія мало дѣйствуетъ на умъ, и еще менѣе на сердце, источникъ всѣхъ пожеланій и преступленій. Правительство не можетъ положиться на духовенство: оно лишено голоса въ дѣлахъ государственныхъ, оно не смѣетъ говорить, и съ нимъ говорятъ какъ можно меньше. Поэтому Императоръ, освободивъ рабовъ, не найдетъ той опоры, которую находили государи въ прежнее время въ Западной Европѣ, и лишится той помощи въ управленіи, которую оказывали ему помѣщики, будучи вслѣдствіе рабства какъ бы его же чиновниками въ отношеніи къ народу. При такомъ положеніи опасно предоставлять свободу многочисленному народонаселенію. Притомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе, говоритъ графъ Местръ, на то весьма важное обстоятельство, что начало просвѣщенія въ Россіи совпадаетъ съ эпохою наибольшаго развращенія ума человѣческаго, и что тысячи обстоятельствъ привели въ соотношеніе и связали Русскій народъ съ тѣмъ, который былъ страшнымъ орудіемъ и грустною жертвою этого развращенія. Въ грязи регентства прозябли и развились семена Русскаго просвѣщенія. Чудовищная литература XVIII-го столѣтія вдругъ, безъ всякаго приготовленія, хлынула въ Россію... Этого обстоятельства не должно скрывать отъ правительства. Въ этомъ отношеніи Россія несчастливѣе всѣхъ другихъ народовъ, и ея властители должны принимать особенныя мѣры, когда дѣло коснется до освобожденія значительнѣйшей части народонаселенія, до сихъ поръ не пользовавшагося свободой. Эти рабы, по мѣрѣ освобожденія, очутятся между учителями болѣе или менѣе подозрительными и духовенствомъ безсильнымъ и не

пользующимся уваженіемъ. Поставленные въ такое положеніе, безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ, они непремѣнно и быстро перейдутъ отъ суевѣрія къ безбожію, отъ безотвѣтнаго повиновенія къ необузданной дѣятельности».

Самая грозная революція предстояла Россіи, по мнѣнію ея иностраннаго наставника, отъ освобожденія крестьянъ, лишь только-бы появился какой нибудь *Пугачевъ изъ университета*. Если суждено совершиться этому освобожденію, то оно сдѣлается постепенно и само собою. «Неужели никто изъ истинныхъ друзей Его Величества никогда не представлялъ ему, что слава и благоденствіе имперіи менѣе зависятъ отъ освобожденія тѣхъ состояній, которыя еще не пользуются свободою, нежели отъ стремленія къ усовершенствованію уже свободныхъ, и особенно дворянства. Страшное волненіе умовъ, возбужденное въ XVIII столѣтіи, не было прямо и непосредственно направлено противъ государей; оно собственно направлено было противъ дворянства. Государи пали, увлеченные паденіемъ дворянства, безъ котораго и существовать не могутъ. Всякій разъ, когда наука и богатство дѣлаются достояніемъ многочисленныхъ лицъ, и когда религія, сильная, твердая, стойко и твердо покровительствуемая, не будетъ въ состояніи предупреждать, возникаетъ необузданная и всемогущая гордость, которая не захочетъ довольствоваться вторымъ мѣстомъ. Она всѣми силами будетъ дѣйствовать противъ дворянства, чтобы занять первое мѣсто, которое принадлежитъ повсюду и должно принадлежать дворянству. Дворянство, разумѣется, будетъ сопротивляться, и слѣдствіемъ этой борьбы будетъ паденіе престола. Поэтому необходимо ограничивать освобожденіе крестьянъ, не поощрять его никакимъ закономъ, но въ тоже время употреблять всѣ мѣры противъ злоупотребленій помѣщичьею властію, которыя наиболѣе возбуждаютъ въ народѣ желаніе свободы. Никогда не вознаграждать за освобожденіе и не считать его дѣломъ нравственно-хорошимъ или политически полезнымъ со стороны дворянъ. Награждать дворянствомъ только за заслуги тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ большою поземельною собственностію. Если же и пришлось бы за заслугу даровать дворянство, то непремѣнно давать его вмѣстѣ съ богатствомъ или предоставлять возможность обогатиться законнымъ путемъ. Но особенно не давать дворянства купцамъ, пока они торгуютъ: имъ нужно только золото, а скипетръ государя—не аршинъ и престолъ не товарный тюкъ». Науку вообще и особенно распространеніе ея въ народѣ графъ Местръ считаетъ весьма опасными и приводитъ при этомъ слова Тацита о драгоцѣнныхъ металлахъ: «неизвѣстно, даровало-ли намъ ихъ Небо по своей благости или во гнѣвѣ своемъ».

Ему представляется вопросъ: созданы ли Русскіе для наукъ? «Недостаточно, говоритъ онъ, обращаютъ вниманія на то, что наиболѣе славный и могущественный народъ древности, блестящій по своей политикѣ и успѣхамъ оружія, вовсе лишенъ былъ способности къ наукамъ и даже искусствамъ. Никогда у Римлянъ не было ни живописца, ни скульптора, ни математика, ни астронома и т. под. Наилуч-

шій поэтъ Рима отказался торжественно для него отъ этой славы [1]). Не смотря на то, извѣстность Римлянъ въ мірѣ кажется порядочная, и всякой народъ могъ бы ею удовлетвориться. Римляне обладали рѣдкимъ здравымъ смысломъ покупать за деньги у Грековъ дарованія, которыхъ имъ недоставало. Они смѣясь говорили: голодный Грекъ сдѣлаетъ все что̀ вамъ угодно [2]). Если бы они захотѣли подражать имъ, то сдѣлались бы смѣшны; но они были велики именно потому, что ихъ презирали. Призваны-ли Русскіе къ тому, чтобы быть Греками или Римлянами?»

Графъ Местръ благоразумно не рѣшается отвѣчать на этотъ вопросъ положительно; но очевидно, что всѣ его дальнѣйшія разсужденія клонятся къ тому, чтобы убѣдить правительство, что нѣтъ нужды ни особенно покровительствовать просвѣщенію и еще менѣе распространять его на всѣ состоянія. «Всего страннѣе, говоритъ онъ, распространившійся отъ частаго повторенія предразсудокъ, будто наука необходима для управленія государствомъ, тогда какъ она-то и несостоятельна въ этомъ отношеніи. Фридерикъ Великій совершенно вѣрно замѣтилъ, что если бы захотѣть погубить какую нибудь страну, то слѣдуетъ поручить философамъ управлять ею. Онъ самъ служитъ доказательствомъ этой истины, потому что все что̀ въ немъ было хорошаго принадлежитъ его личному характеру, а философія сдѣлала изъ него врага человѣческаго рода. Если бы наука была необходима для управленія, то что̀ стали бы дѣлать государи, которымъ нѣтъ времени заниматься науками, и которые измѣнили бы своему долгу, если бы предались ихъ изученію. Первая наука есть наука управлять людьми и, слава Богу, ей нельзя выучиться ни въ какихъ академіяхъ. Наиболѣе замѣчательные государи, какъ Генрихъ IV, Людовикъ XIV и др., отличались необыкновеннымъ здравымъ смысломъ и не занимались никакой особенно наукой, но покровительствовали всѣмъ, какъ и слѣдуетъ поступать: ибо наука составляетъ лучшее украшеніе общества. Ее слѣдуетъ утвердить, почтить и покровительствовать, но на своемъ мѣстѣ, т. е. на второмъ. Первое же мѣсто должно принадлежать дворянству, которое имѣетъ право на всѣ важныя должности, за рѣдкими только исключеніями для лицъ, отличившихся особенными заслугами. Въ XVII столѣтіи во Франціи дворянство привлекало ученыхъ въ свою среду и усвоивало въ пользу государства; въ XVIII оно само низошло къ нимъ, вмѣсто того, чтобы ихъ привлекать въ свою среду. И что̀ же изъ этого вышло? Дворянство упало, а вмѣстѣ съ нимъ и верховная власть. Русскіе государственные люди должны тщательно объ этомъ подумать, пока еще не ушло время. Никогда наука не можетъ замѣнить дворянство и стать на его мѣсто, не подвергнувъ государство немедленно страшному волненію и не разрушивъ всей правительственной системы, что̀ подвергнетъ конечно опасности и царствующій домъ. Система чиновъ, принятая въ Россіи, конечно уменьшаетъ нѣсколько опасность, но не уни-

[1]) Виргилій, Энеида, VI.

[2]) Марціалъ: Graeculus esuriens in coelum jusseris ibit.

чтожаетъ. Наука постоянно угрожаетъ государству, вводя постоянно въ среду правительственныхъ лицъ людей низкаго происхожденія, безъ имени и состоянія. Наука доступная всѣмъ, гордость нисшихъ состояній, заставитъ ихъ ухватиться за эти орудія, чтобы возвыситься, а это-то и опасно: потому что *одна* наука, не соединенная съ дворянствомъ и поземельнымъ богатствомъ, занявъ правительственныя должности, немедленно поведетъ государство къ революціи».

Для того, чтобы участвовать въ государственномъ управленіи, по мнѣнію графа Местра необходимо быть дворяниномъ, богатымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ *литературою и моральными науками*. Подъ этими выраженіями онъ разумѣетъ то, что̀ въ наше время называется *классическимъ* образованіемъ. Онъ сильно и отчасти справедливо возстаетъ противъ системы образованія, принятой въ то время въ Царскосельскомъ лицеѣ и университетахъ, гдѣ такъ мало мѣста было отведено древнимъ языкамъ и сосредоточено такое множество наукъ, которыхъ основательно изучить не было никакой возможности. Отъ общаго взгляда на значеніе науки въ государствѣ графъ Местръ, переходя къ Россіи, находитъ, что военная служба, въ томъ видѣ какъ она въ ней устроена, исключаетъ науку, какъ кругъ исключаетъ квадратъ. Образованіе сколько нибудь дѣльное не можетъ быть окончено ранѣе 18 лѣтняго возраста; слѣдовательно, не окончившіе своего образованія или вовсе не имѣющіе наклонности къ наукамъ, и потому не учившіеся, вступая ранѣе этого возраста, будутъ обгонять тѣхъ, которые окончили свое образованіе, и запретить имъ служить отечеству едва-ли возможно. Поэтому нѣтъ нужды распространять изученіе наукъ. «Весьма справедливо кто-то сказалъ, что наука похожа на огонь, который очень хорошъ, пока онъ горитъ въ печахъ и очагахъ, необходимыхъ для потребностей человѣка, но онъ дѣлается страшнымъ разрушителемъ, если за нимъ не смотрѣть. Наука сосредоточенная и ограниченная есть добро, но слишкомъ распространенная есть ядъ. Имъ воспользуется страшная секта къ величайшему вреду Россіи... Русскіе способны всѣмъ шутить и играть, но игра съ этою змѣею ни для какого народа такъ не опасна, какъ для Русскихъ. Необходимо ограничить науку слѣдующими, напримѣръ, способами: не требовать ея необходимости для занятія вообще военныхъ и гражданскихъ должностей, требуя только особыхъ познаній для нѣкоторыхъ лишь видовъ службы (математики для инженеровъ и т. п.), уничтожить въ публичныхъ заведеніяхъ преподаваніе такихъ наукъ, которыя могутъ быть предоставлены личнымъ склонностямъ и средствамъ частныхъ лицъ, какъ исторія, географія, метафизика, политика, коммерція и т. п.; не поощрять никакимъ образомъ распространенія наукъ въ низшіе слои народа и даже тайно стѣснять всѣ подобныя попытки; подвергнуть строгому надзору иностранцевъ (особенно Нѣмцевъ и протестантовъ), которые пріѣзжаютъ сюда обучать юношество чему-бы то ни было, и твердо помнить, что изъ ста такихъ лицъ пріѣзжающихъ въ Россію по крайней мѣрѣ 99 составляютъ гибельное

пріобрѣтеніе для Россіи, потому что у кого есть имущество, семья, правила и извѣстность, тотъ остается дома. Но болѣе всего гр. Местръ совѣтуетъ нашему правительству заботиться о поддержаніи вѣры, о религіозномъ образованіи и въ этомъ отношеніи предлагаетъ ему готовую помощь. «То что сейчасъ прочтутъ, говоритъ онъ, покажется парадоксомъ; но между тѣмъ это чистая истина: самый вѣрный и самый могущественный союзникъ Его Императорскаго Величества для поддрежанія народной вѣры (т. е. православной церкви) есть Римско-католическая церковь, находящаяся въ его владѣніяхъ. Это такой предметъ, гдѣ всего менѣе можно основываться на внѣшнихъ явленіяхъ. Оставимъ въ сторонѣ другія исповѣданія (это простые клубы), Греческая же церковь и Латинская, обѣ готовы служить государю и въ этомъ отношеніи, молча и не зная этого, помогаютъ одна другой, не смотря на ихъ видимое враждебное отношеніе. Не будемъ преувеличивать: религіозная *ненависть*—чрезвычайно дурна, но *соперничество*—весьма хорошо. Очень вѣрно замѣтилъ лордъ Лайтонъ въ своихъ письмахъ объ исторіи Англіи, что двѣ великія церкви, поставленныя рядомъ и взаимно наблюдающія одна за другою, не только не мѣшаютъ, но приносятъ взаимную пользу другъ другу. Католическая религія чрезвычайно важна и въ другомъ отношеніи: она представляетъ образецъ полезный всегда и повсюду и особенно въ Россіи въ то время, въ которое мы живемъ, образецъ ума покорнаго и вѣрующаго. Вездѣ наука убавила вѣру, какъ это случилось въ протестантскихъ странахъ, какъ это случится и въ Россіи, если ходъ развитія жизни будетъ предоставленъ своему собственному теченію. Въ каждомъ человѣкѣ *науки* государь лишается *вѣрующаго* подданнаго, и народный характеръ перемѣнится къ худшему; нѣкотораго рода христіанскій фатализмъ, воодушевлявшій Русскаго солдата и который дѣлаетъ его лучшимъ солдатомъ въ свѣтѣ, исчезнетъ: солдатъ начнетъ разсуждать и слѣдовательно будетъ болѣе опасенъ своему государю, нежели врагу. Чтобы предупредить это зло, ничего нѣтъ лучше, какъ зрѣлище науки вѣрующей и покорной, и въ этомъ-то отношеніи Католическая церковь полезна вездѣ. Въ Россіи же она не представляетъ иного затрудненія, потому что она только *терпимая* вѣра, какъ иногда и неудачно о ней отзываются. Терпимою вѣрою называется та, которая, войдя въ государство тайно или насильственно, получила наконецъ право на законное существованіе, такъ сказать выпудивъ его у государя. Таково значеніе кальвинизма во Франціи, таково будетъ со временемъ значеніе многочисленныхъ раскольниковъ, если они получатъ наконецъ право законнаго существованія въ Россіи. Но если народы разныхъ вѣроисповѣданій повинуются одному государю, то они одинаково свободны. Великія политическія событія подчинили скипетру Его Императорскаго Величества многіе милліоны Римскихъ католиковъ, и онъ оставляетъ ихъ въ покоѣ въ отношеніи къ ихъ вѣрѣ, такъ же какъ Татаръ, Магометанъ, Ламаитовъ и даже идолопоклонниковъ. Слѣдовательно со стороны этого исповѣданія не было употреблено ни насилія, ни хитрости, ни неповиновенія, однимъ словомъ ничего предосудительнаго, чтобы занять свое мѣсто въ государствѣ, и потому оно не ме-

жетъ возбуждать опасеній. Его догматы въ политическомъ отношеніи самые консервативные и вездѣ, гдѣ оно будетъ имѣть вліяніе на народъ, оно воздержитъ его отъ волненій. Его существованіе рядомъ съ народнымъ вѣроисповѣданіемъ безопасно въ силу закона, запрещающаго Латинской церкви привлекать въ свое лоно, тогда какъ Руское духовенство пользуется полною свободою обращать въ православіе Латинянъ. Что же касается до запрещенія Латинской церкви обращать протестантовъ, то да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что оно основано на какомъ-нибудь старомъ предразсудкѣ, а не на требованіяхъ истинной политики. Нѣтъ нужды конечно постановлять объ этомъ особый законъ, но можно допускать эти обращенія. Трудно понять, какія могутъ быть выгоды для Греческой церкви въ охраненіи протестантизма и чего можетъ опасаться Государь, пріобрѣтая наиболѣе подданныхъ покорныхъ и преданныхъ въ силу самыхъ догматовъ ихъ вѣроисповѣданія. Впрочемъ, это говорится съ почтеніемъ и безъ малѣйшаго духа критики».

Сочиненія графа Местра, которыхъ содержаніе мы изложили съ подробностію, писаны въ Россіи и для Россіи, для руководства и наученія Русскаго правительства. Въ нихъ со всею яркостію возстаетъ передъ лицемъ страны, непричастной къ средневѣковой жизни Западной Европы, фантомъ государственнаго устройства и управленія, съ королемъ царствующимъ *милостію* Римскаго первосвященника, съ феодальнымъ дворянствомъ, съ независимымъ непосредственно отъ государственной власти того или другаго народа духовенствомъ, забравшимъ въ свои руки и совѣсть королей, и богатства страны, и свободу жизни, мысли и слова гражданъ; фантомъ государственнаго устройства, владѣющаго и тѣломъ и душею подданныхъ, вооруженнаго смертною казнью, инквизиціею, церковными проклятіями и отлученіями. Это устройство и управленіе представляли Россіи, какъ идеалъ, къ которому она можетъ стремиться, но достигнетъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, не разрушая, но напротивъ укрѣпляя рабство большей части своихъ подданныхъ, усиливая и обогащая дворянство, отмѣнивъ всѣ законы, появившіеся въ первую половину царствованія имп. Александра и которые графъ Местръ называетъ конституціонными, т. е. сдѣлавшись напередъ Латинскою по исповѣданію, для чего предлагалось и вполнѣ благонадежное средство въ лицѣ Іезуитовъ, какъ самыхъ опытныхъ, надежныхъ воспитателей молодыхъ поколѣній, прирожденныхъ враговъ страшной секты, разносящей повсюду революцію и безбожіе. Въ настоящее же время Россія только могла благоговѣть передъ этимъ идеаломъ и употребить всѣ дарованныя ей Провидѣніемъ силы для того, чтобы возстановить его въ Западной Европѣ, гдѣ онъ былъ уже разрушенъ окончательно Французскою революціею. Россія представлялась въ глазахъ ея иностранныхъ друзей и совѣтниковъ только внѣш-

нею силою, единственною на Европейскомъ материкѣ, которая могла противоборствовать революціи, предводимой военнымъ геніемъ Наполеона. Ихъ старанія клонились къ тому, чтобъ поддержать ее лишь какъ внѣшнюю силу, завлекая ея воображеніе славою древнихъ Римлянъ, совѣтуя не развивать у себя наукъ и просвѣщенія, но великодушно предлагая пользоваться тѣмъ чтò уже приготовлено новыми Греками, т. е. Западною Европою и слѣдовательно постоянно дѣйствовать по ея указаніямъ.

Чѣмъ очевиднѣе и рѣшительнѣе становился разрывъ съ Франціею, чѣмъ неизбѣжнѣе становилась война съ нею, тѣмъ болѣе и шире распространялся этотъ взглядъ въ Русскомъ обществѣ и находилъ сочувстіе въ правительствѣ. Дѣятельность Іезуитовъ усиливалась, толпы дѣтей Русскихъ вельможъ наполняли ихъ школы, министръ просвѣщенія защищалъ ихъ отъ вмѣшательства университетовъ. Въ 1811 г. Іезуитамъ даровано право посылать миссіи въ окраины Россіи, назначено щедрое вознагражденіе за ихъ домъ, стоявшій на мѣстѣ, отошедшемъ подъ строившіяся укрѣпленія, и пущено въ ходъ дѣло о Полоцкой Академіи [1]).

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1811 г. графомъ Местромъ была окончена [2]) записка, которой содержаніе мы изложили. Въ началѣ 1812 г. вѣроятно она была уже въ рукахъ Государя; а въ письмѣ отъ 9 Февраля Местръ извѣщалъ своего короля, что «іезуитская Полоцкая коллегія возводится въ академію съ правами, присвоенными университетамъ и въ совершенной отъ нихъ независимости. Это недурныя побѣды, одержанныя надъ дурнымъ направленіемъ; потому что я не знаю учрежденій болѣе монархическихъ и болѣе славныхъ, какъ Іезуитскія» [3]).

Конечно успѣхамъ Іезуитовъ способствовала въ это время совершившаяся перемѣна какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ Россіи, чѣмъ они съумѣли ловко воспользоваться; но безъ сомнѣнія много помогли имъ и письма графа Местра къ графу Разумовскому, и записка поданная имъ Государю. Съ этого времени перемѣнились совершенно отношенія къ нему Государя: онъ не только оказывалъ ему благосклонное расположеніе, но даже приблизилъ его къ себѣ и желалъ, чтобъ онъ вступилъ въ Русскую службу. 5-го Марта Государь встрѣтился съ графомъ Местромъ у обергофмаршала графа Толстаго и въ первый разъ долго бесѣдовалъ. Главнымъ

---

[1]) Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, т. II, гл. 5.—Графъ Местръ. Corresp. diplom. т. 1. стр. 18, письмо къ Сард. королю 20 Авг. (1 Сент.) 1811 г.— [2]) Въ изд. 1859 г. стр. 153, въ концѣ постановлены числа 16 (28) Дек. Въ письмѣ къ Сард. королю отъ 2 (14) Февр. графъ Местръ увѣдомляетъ, что уже представилъ эту записку. Corresp. diplom. т. 1. стр. 49.

[3]) Corresp. diplom. т. 1. стр. 45 письмо 28 Янв. (9 Февр.) 1812 г.

предметомъ разговора была конечно предстоявшая война, исходъ которой имѣлъ роковое значеніе въ глазахъ графа Местра. Если побѣда останется за Россіей, то Савойскій домъ, интересы котораго постоянно поддерживала наша политика, могъ надѣяться получить вновь потерянный престолъ. Наоборотъ, побѣда Наполеона повлекла бы за собою окончательную гибель Піемонта и его династіи. Какъ посланникъ Сардинскаго короля, Местръ долженъ былъ желать войны со врагомъ его отечества и успѣха Россіи; какъ человѣкъ извѣстнаго образа мыслей, который мы изложили, онъ долженъ былъ страстно желать паденія *сатанинской* силы революціи, олицетворенной въ Наполеонѣ *). Его пугала не война, но возможность сохраненія мира. «Я забылъ замѣтить, писалъ онъ королю 6 Апр. 1812 г., что послѣдствіемъ этихъ огромныхъ приготовленій къ войнѣ можетъ быть миръ. Оба императора запугиваютъ одинъ другаго. Но если состоится соглашеніе, то оно послужитъ средствомъ еще къ какому-нибудь другому дьявольскому соглашенію. Съ одной стороны будетъ признанъ титулъ *Западнаго* императора, со всѣми его послѣдствіями, съ другой—кто-же этимъ двумъ господамъ помѣшаетъ раздѣлить Европу? Я совершенно убѣжденъ, что Русскій императоръ не хочетъ никакихъ пріобрѣтеній. Онъ не можетъ ни избѣгнуть войны на смерть, ни установить прочный миръ; но я ни за что не отвѣчаю и полагаю, что Наполеонъ попробуетъ сдѣлать подобное предложеніе, видя, что его намѣреніе запугать не удалось». Желаніе Сардинскаго посланника въ этомъ случаѣ совершенно было согласно съ общимъ почти желаніемъ Русскихъ воевать для того, чтобы избавиться отъ унизительной и разорительной опеки Французскаго императора. «Въ наше время, писалъ графъ Местръ, война въ Европѣ сдѣлалась настоящею дуэлью между двумя дворянами; замѣчательная мягкость, съ которою она ведется, зависитъ отъ того, что сама верховная власть сдѣлалась мягче, нежели было прежде. Но необходимо обратить вниманіе на два важныя соображенія: 1) что между придворными и военными существуетъ естестественная антипатія, можетъ быть бо́льшая даже нежели между первыми и gens du robe, во всякомъ случаѣ болѣе опасная, потому что первая выражается въ насмѣшкахъ и этимъ даже приноситъ пользу; но другая очень опасна и можетъ быть даже смертельною во время войны на жизнь и смерть. Придворный одинаково почтенное и необходимое лицо, но на своемъ мѣстѣ, какъ священникъ; но никогда придворный не имѣлъ успѣха на войнѣ. 2) Интрига можетъ быть названа *тѣнью* власти: никогда она ея не оставляетъ. Съ того времени, какъ Государь пріѣдетъ въ военный станъ, генералы будутъ заниматься гораздо болѣе имъ, нежели непріятелемъ, будутъ соперничать между собою въ исканіи его благорасположенія, мнѣнія будутъ сталкиваться, никто не посмѣетъ возражать противъ его мнѣнія и т. под. Въ обыкновенное время это

*) Онъ называлъ его daemonium meridianum и антихристомъ. Corresp. diplom. т. 1. стр. 79, 127 и др. Lettres et opuscules т. 1. стр. 48, 200 и др.

не такъ важно, потому что одна сторона уравновѣшивается другою. Но въ настоящее время это имѣетъ великое значеніе. Единство въ военныхъ дѣйствіяхъ, необходимое для успѣховъ, будетъ разрушено или по крайней мѣрѣ замедлено; со стороны же противника, наоборотъ, это единство выразится во всей силѣ; потому что похититель престола и существовать бы не могъ, не обладая силою духа, способнаго задушить всякую интригу и направить дѣйствія всѣхъ къ одной цѣли. Положеніе сторонъ мнѣ кажется неодинаковымъ».

Изъ бесѣдъ своихъ съ Государемъ графъ Местръ замѣтилъ, что онъ не надѣялся на побѣды въ началѣ военныхъ дѣйствій, но однакоже твердо рѣшился вести ихъ до конца, присутствіе же свое въ главной квартирѣ объяснялъ тѣмъ, что въ Россіи нѣтъ генерала, способнаго стать во главѣ такого огромнаго войска, которое немедленно должно вступить въ дѣло; Государь же, по самой силѣ сана своего, могъ служить объединителемъ.

Желаніе Государя, чтобы графъ Местръ вступилъ въ Русскую службу, онъ отклонилъ, но взялся исполнять его порученія по составленію нѣкоторыхъ бумагъ *). «Прошу, Государь, замѣтилъ графъ Местръ, обратить вниманіе на очень важное обстоятельство: я не буду списывать для себя ни одной бумаги; но что̀ касается до содержанія, то я не могу обѣщать вамъ, что сохраню его втайнѣ отъ своего государя; иначе я сдѣлался бы не его министромъ, а вашимъ. Если Вашему Величеству будетъ угодно сообщить мнѣ что-нибудь такое, о чемъ никто не долженъ знать, то я могу внушить вамъ подозрѣніе; объ этомъ надо напередъ подумать, потому что я не могу никого обманывать».— «Ничего подобнаго не можетъ и быть», отвѣчалъ Государь. Продолжая разговоръ, графъ Местръ выразилъ опасеніе по поводу отношеній, въ какія онъ можетъ быть поставленъ съ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ. «О, онъ будетъ у вашихъ ногъ!» «Я разсмѣялся, говоритъ графъ Местръ, не умѣя объяснить себѣ подобнаго положенія. «Да, былъ ему отвѣтъ: онъ обрадуется тому, что надъ его дѣломъ потрудится другое лицо, которое, однакоже, не можетъ занять его мѣсто». «Преклоняюсь передъ соображеніемъ, отвѣчалъ графъ Местръ, какое и во сто лѣтъ не пришло бы мнѣ въ голову». Впрочемъ я рѣшился, какъ школьникъ, переносить всѣ поправки, которыя бы канцлеръ сдѣлалъ въ моихъ бумагахъ; но вдругъ мнѣ сообщаютъ, что я непосредственно буду сноситься съ Императоромъ! Кажется, мой братъ будетъ посредникомъ между нимъ и мною. Конечно, судьба моя необычайна.»

*) Dans une note relative à ce mariage. Дѣло идетъ о женитьбѣ Жозефова брата, графа Ксаверія Местра на фрейлинѣ Софьѣ Ивановнѣ Загряжской, родственницѣ государева пріятеля графа Павла Александровича Строгонова. П. Б.

Такое восклицаніе весьма естественно вырвалось у графа Местра. Пользуясь постояннымъ успѣхомъ въ Петербургскомъ обществѣ, онъ однакоже стоялъ далеко отъ государственныхъ дѣлъ, даже и въ той области, въ которой могъ бы принимать участіе, какъ посланникъ иностраннаго государя. Вся его дѣятельность ограничивалась заявленіями канцлеру жалобъ его короля и прошеніями о покровительствѣ. Канцлеръ обыкновенно весьма ласково принималъ графа Местра, вѣжливо его выслушивалъ, и въ томъ заключались ихъ сношенія. И вдругъ онъ становился тайно какъ бы на его мѣсто, сохраняя въ тоже время званіе иностраннаго посланника!

Но конечно графъ Местръ преувеличивалъ значеніе того положенія, въ которое ставилъ его Государь, предупредившій графа Румянцова о своемъ желаніи воспользоваться для дипломатической переписки дарованіями графа Местра. При свиданіи съ графомъ Местромъ 17 Марта, канцлеръ съ обычною любезностію бесѣдуя съ нимъ, сказалъ, что онъ нѣсколько разъ говорилъ съ Государемъ о томъ, какъ бы *пріобрѣсти его*, но что Государь всякій разъ отвѣчалъ: *онъ не согласится*. «Его величество вполнѣ понялъ мои чувства, которымъ я никогда не измѣню», замѣтилъ графъ Местръ.—«Но разумѣется само собою, что это сдѣлалось бы приличнымъ образомъ, т. е. съ согласія Сардинскаго короля». Графъ Местръ отклонилъ это замѣчаніе канцлера, объявивъ, что онъ никогда не вступитъ въ Русскую службу.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ ссылки Сперанскаго и наканунѣ отъѣзда Государя въ главную квартиру, графу Местру опять назначено было свиданіе. «Меня увѣдомили сейчасъ, писалъ онъ своему правительству, о новомъ тайномъ свиданіи съ Императоромъ; я употреблю всѣ доступныя мнѣ средства, чтобы воодушевить его, чтобы открыть ему глаза на *мораль* войны, предметъ, которымъ я много и съ успѣхомъ занимался и на который обыкновенно мало обращаютъ вниманія».

8-го Апрѣля Государь принялъ его у себя въ кабинетѣ. «Что̀ вы думаете объ Іезуитахъ? былъ его первый вопросъ. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія, отвѣчалъ графъ Местръ: я не только считаю ихъ полезными *въ настоящее* время, но даже необходимыми. Въ Россіи, какъ и повсюду, необходимо бороться съ *великою сектою*, а съ сектою успѣшно можетъ бороться только *общество* (un corps). Силы каждаго частнаго человѣка слишкомъ для этого недостаточны, истинный же врагъ ненавистнаго Иллюмината есть Іезуитъ. Кто обладаетъ противоядіемъ, тотъ поступитъ неблагоразумно, если не воспользуется имъ, когда ядъ широко разливается вокругъ него. Всѣ неопредѣленныя обвиненія Іезуитовъ въ политическихъ интригахъ не имѣютъ никакого основанія; ихъ выражаютъ только люди, которые или

не умѣютъ управлять или не хотятъ, чтобы управляли. Я ссылаюсь на Фридерика II: «Виноватъ не отецъ Летелье, но Людовикъ XIV; я бы съумѣлъ воспользоваться Іезуитами и допустилъ бы ихъ составлять заговоры». Не входя ни въ какія изслѣдованія, можно допустить, что и у Іезуитовъ есть недостатки, находящіеся въ связи съ ихъ успѣхами; но кто останавливается передъ неудобствами, тотъ не долженъ и вмѣшиваться въ управленіе, потому что ничего нѣтъ въ мірѣ не сопряженнаго съ нѣкоторыми неудобствами, начиная съ самой верховной власти, которую конечно вы не захотите уничтожить, такъ же какъ и я. Заговорщики высказали свою тайну, когда въ Парижѣ торжественно объявили, что революція была невозможна, пока существовали Іезуиты. Они твердили государямъ: Іезуиты это *власть*, и къ несчастію государи этому повѣрили. Но дѣло въ томъ, что безъ *власти* въ государствѣ, безъ общества, корпорацій, безъ твердыхъ установленій, хорошо устроенныхъ и безъ духа общества (esprit de corps), государь не можетъ управлять, потому что у него только одна голова и двѣ руки. Онъ убьетъ себя заботою и работою, онъ будетъ вмѣшиваться во все, у него едва останется время для сна и—все пойдетъ дурно. Для поддержанія, распространенія и защиты вѣры, для христіанскаго и ученаго воспитанія юношества, необходимо *общество*, и я не знаю лучшаго, какъ Іезуитское. Съ тѣхъ поръ какъ отняли у Іезуитовъ дѣло воспитанія, развѣ не образовалось цѣлое поколѣніе des vipères, которые погубили Европейскую монархію? Заговорщики поражали верховную власть, смѣясь надъ нею, ибо прежде всего убѣдили ее сбросить съ себя ея латы. Я не знаю ничего печальнѣе».

Близкій сердцу графа Местра предметъ вызвалъ потокъ словъ, котораго теченіе было прервано Государемъ. «А знаете ли вы, что не давно»... началъ онъ говорить; но увлеченный предметомъ своей рѣчи, графъ Местръ въ свой чередъ прервалъ его.

«Я знаю, Государь, что̀ вы хотите мнѣ сказать. Недавно одно лицо у министра полиціи генерала Балашова, расхваливая Іезуитовъ, между прочимъ сказало: ихъ можно употребить съ пользою; одинъ изъ нихъ былъ у меня и предлагалъ отравить ядомъ Бонапарта. Я знаю, что это происшествіе дошло до васъ и васъ смутило; я знаю, какъ вы распорядились, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли эти люди—и пр. Но какъ же не поняли сразу, что человѣкъ, который это сказалъ и не могъ назвать имени Іезуита, сдѣлавшаго ему такое предложеніе, стоитъ висилицы? Впрочемъ, этотъ человѣкъ—Магницкій, который черезъ нѣсколько дней послѣ того объявленъ государственнымъ преступникомъ; изъ этого уже можете видѣть, какіе негодяи ненавидятъ Іезуитовъ и какими преступными способами они дѣйствуютъ противъ нихъ».

— «Думаете ли вы, что они способны были бы дѣйствовать въ хорошемъ духѣ на общественное мнѣніе въ Польшѣ?»

— «Они совершенно готовы и дѣйствуютъ уже въ этомъ смыслѣ всѣми силами; я скоро увижусь тамъ съ ними и постараюсь возбудить ихъ къ тому еще болѣе; но я думаю, что этого не нужно. Ихъ преподаваніе католическое, это извѣстно...»

— «Какія предвѣщанія возбуждаетъ въ васъ эта война?»

— «Императоръ можетъ опасаться только одного: слабости, которая вызывается иногда самимъ могуществомъ. Вы привезете съ собою въ армію цѣлый дворъ, т. е. происки, страсти и многовластіе. Похититель же власти держится только желѣзною волею и силою духа, граничащаго съ чѣмъ-то чудеснымъ. Онъ подавляетъ всѣ происки и всѣ воли направляетъ къ одной цѣли. И сверхъ того, чтобы успѣть, онъ располагаетъ двумя средствами, которыхъ недостаетъ вашему величеству: онъ можетъ истреблять миліоны денегъ и людей».

Императоръ разсмѣялся.

«Многіе государи видѣли въ этомъ или могутъ видѣть доказательство своей слабости въ сравненіи съ похитителемъ; но это самая ложная и опасная мысль. Я вспоминаю, что когда-то имѣлъ честь сказать моему государю: золото не можетъ перерѣзать желѣза, поэтому стоитъ ли оно менѣе? Напротивъ, именно потому оно стоитъ болѣе» [1]).

— Это очень хорошо сказано», прервалъ его Государь.

— «По крайней мѣрѣ это совершенно справедливо. Никакой человѣкъ не можетъ все сдѣлать, и нѣтъ величія, нѣтъ сана, съ которымъ бы не соединялось нѣкоторыхъ неудобствъ. Ваше величество не можете не приложить этого замѣчанія и къ вамъ самимъ».

— «Какія же слѣдуетъ принять предосторожности, чтобы установить равновѣсіе?»

— «Если бы я смѣлъ предложить совѣты великому монарху, то я посовѣтовалъ бы ему дѣйствовать сходно съ его врагомъ—мѣрами нѣсколько крутыми и рѣшительными. Къ несчастью, слѣдуетъ чаще наказывать и строже. Необходимо также награждать чаще и блистательнѣе. Въ военныхъ дѣйствіяхъ надо избѣгать разсужденій и особенно военныхъ совѣтовъ. Кто соединяетъ людей, тотъ ихъ возмущаетъ, говорилъ кардиналъ Рецъ [2]), а кто возмущаетъ, тотъ поджигаетъ страсти и заглушаетъ мудрость. Только двѣ власти въ этомъ мірѣ обладаютъ правомъ противорѣчить, никого этимъ не смущая: красота и верховная власть» (la beauté et la souveraineté)... Государь разсмѣялся.

«Если эти власти противорѣчатъ, то это значитъ только: *мнѣ кажется, что я правъ*; въ отношеніи же къ частнымъ лицамъ, напротивъ, это значитъ: *мнѣ кажется, что вы ошибаетесь*. Соберите людей, сейчасъ же они начнутъ спорить между собою, вмѣшаются самыя темныя страсти не менѣе опасныя, какъ и гордость. Полагаю, что ваше величество поступите превосходно, если будете совѣтоваться съ лучшими головами, но съ каждымъ отдѣльно или, если бы оказалось нужнымъ ихъ собрать вмѣстѣ и посовѣтоваться, то надо предоставить имъ совѣщательный только голосъ; а рѣшать потомъ должны вы сами съ кѣмъ нибудь однимъ, кого вы сочтете достойнымъ вашего довѣрія и котораго вы всегда будете поддерживать, если даже онъ и ошибется

---

[1]) L'or ne peut couper le fer; est-ce par cela qu'il vaut moins? Au contraire, c'est parce qu'il vaut plus.

[2]) Qui assemble les hommes les émeut.

когда. Это важнѣйшее правило. Если бы вамъ случилось ошибиться, то вы одни должны поправлять свои ошибки. Это кажется безпорядкомъ, но только съ перваго взгляда. Слѣдуетъ принять и другія предосторожности, но прежде всего надо работать во Франціи вокругъ *него*; надо льстить Французамъ, *особенно дворянству*, дѣйствуя способами, которые я постараюсь указать, и постоянно предлагая имъ государя».

— «Но еслибъ до этого дѣйствительно дошло, какъ вы думаете, кого бы можно предложить?»

— «Можетъ ли сомнѣваться въ этомъ наслѣдственный государь!» воскликнулъ графъ Местръ и, сообщая объ этомъ разговорѣ своему правительству, онъ изливается въ сѣтованіяхъ по поводу такого вопроса.

Графъ Местръ, какъ легитимистъ, конечно желалъ возстановленія династіи Бурбоновъ, въ лицѣ ея старшаго представителя Людовика XVIII; но сверхъ того, въ этихъ Бурбонахъ онъ видѣлъ цвѣтъ Европейской верховной власти, какъ въ лицѣ Франціи первую христіанскую монархію Европы, призванную Провидѣніемъ руководить ея жизнью посредствомъ своего вліянія. Поэтому онъ говорилъ: Европейскую революцію невѣрно называютъ Французскою. Франція съ Бурбонами во главѣ представлялась ему именно тѣмъ идеаломъ христіанской монархіи, который онъ постоянно проповѣдовалъ, паденіе котораго горько оплакивалъ и котораго возстановленія такъ увѣренно ожидалъ. Итальянецъ по происхожденію, преданный подданный Савойскаго дома, онъ въ сущности былъ совершеннымъ Французомъ, никогда не употреблялъ никакого языка кромѣ Французскаго не только въ своихъ сочиненіяхъ, но даже и въ частной перепискѣ, никогда не называлъ себя Итальянцемъ, но иногда *Аллоброгомъ* (Савойцемъ) и то какъ бы въ шутку. Онъ признавалъ одну народность, и къ ней по его мнѣнію принадлежитъ все Европейское дворянство, особенно Римско-католическихъ государствъ; она имѣетъ прирожденное право на просвѣщеніе и управленіе другою народностію, которая для него состоитъ изъ прочихъ состояній всѣхъ народовъ, которой не должно предоставлять много свободы, которую просвѣщать не слѣдуетъ и которою управлять надо въ ежевыхъ рукавицахъ, — при помощи Латинскаго духовенства, также причисляемаго имъ къ высшей народности. Передовую дружину этой первой народности составляетъ въ глазахъ его дворянство Французское, которому всѣ другія стремились уподобиться. Придавая такое значеніе Франціи, графъ Местръ полагалъ, что сатанинскую силу революціи въ лицѣ ея представителя, Бонапарта, побѣдить никто не можетъ безъ содѣйствія самой Франціи и поэтому совѣтовалъ сѣять въ ней семена раздора и возбуждать мятежъ.

Не знаемъ, какое дѣйствіе совѣты графа Местра произвели на Государя; ибо вмѣсто отвѣта на нихъ съ его стороны, онъ приводитъ новый его вопросъ:

«Какъ вы полагаете, какія могутъ быть послѣдствія этой войны?

— «Я не пророкъ, отвѣчалъ графъ Местръ; но вполнѣ увѣренъ, что успѣхъ несомнѣнно останется на сторонѣ вашего величества. За основаніе такой моей увѣренности многіе назовутъ меня фанатикомъ, но я не робокъ въ этомъ отношеніи. Я сомнѣваюсь, Государь, чтобы тѣ лица, которыя преподавали вамъ исторію, обращали ваше вниманіе на то, что, со времени появленія христіанства, всѣ государи, распространители этой вѣры, царствовали долго и славно; нѣкоторые изъ нихъ дѣлали ошибки и даже преступленія, но не смотря на то ихъ головы окружены какими-то лучами, которые никогда не померкаютъ. Ничего нѣтъ возвышеннѣе именъ Константина, Ѳеодосія, Альфреда, Карла Великаго, Іоанна и Эммануила Португальскаго, Святаго Людовика, Людовика XIV и т. п., и я не удивляюсь, что Баконъ и Лейбницъ упрекали современныхъ имъ государей, что они мало обращаютъ на это вниманія. Напротивъ, всѣ государи, которые возставали противъ христіанства и особенно налагали руки на папу, были несчастливы, начиная съ первыхъ гонителей и оканчивая Іосифомъ II-мъ, нелѣпой памяти. Можетъ случиться, что государь этого разряда умретъ повидимому спокойно; но проклятіе, которое онъ навлекъ на себя, угрожаетъ не только его лицу, но и его государству и всѣмъ дѣламъ его, и оно разразится какимъ-нибудь важнымъ событіемъ, которое еще не созрѣло. Такъ случилось съ Фридерикомъ II-мъ. Для него было бы счастіемъ, еслибъ ударъ разразился надъ нимъ, когда ему было 30 лѣтъ; но Пруссія не должна была такъ дешево отдѣлаться, и ей слѣдуетъ погибнуть, какъ соумышленницѣ своего государя. Воспользуются ли этою истиною или посмѣются надъ нею, все равно; тѣмъ не менѣе она существуетъ, и я смѣло выражаю ее вамъ, Государь, не освѣдомляясь напередъ, какъ вы на нее посмотрите. Но вы подписали учрежденіе миссій въ Сибири, Грузіи, Крыму, Одессѣ и пр., и потому, повторяю, не будучи пророкомъ, я смѣло предсказываю успѣхъ, такъ какъ не можетъ для васъ быть исключенія изъ общаго закона. Я не могу не удивляться вамъ въ этомъ случаѣ, потому что знаю, какія предубѣжденія вы должны были побѣдить въ этомъ отношеніи, и потому что ваше рѣшеніе проистекаетъ изъ души любящей правоту и правосудіе, а душа прямая и правосудная должна быть вознаграждена».

Итакъ война по мнѣнію графа Местра должна была увѣнчаться успѣхомъ для императора Александра потому, что онъ дозволилъ учрежденіе Іезуитскихъ миссій въ Россіи! Государь поспѣшилъ прервать графа Местра, вопросомъ: «А что вы думаете объ этомъ великомъ, сатанинскомъ человѣкѣ (grand diable d'homme)?»

«Я уже выразилъ вамъ, Государь, мое мнѣніе въ скромныхъ предѣлахъ, говоря о Фридерикѣ II-мъ, королѣ Прусскомъ. Въ этомъ отношеніи можетъ быть сомнѣніе только въ томъ, когда это случится».

Такъ кончилась эта замѣчательная бесѣда. Графъ Местръ дѣйствительно, съ первыхъ дней величія Наполеона, предсказывалъ необходимость его паденія и говорилъ, что убѣжденъ въ этомъ, но не можетъ лишь опредѣлить *времени*.

КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВИЧѢ *).

Хотя въ отзывахъ знаменитаго дипломата, такъ долго заправлявшаго политикой Европы, встрѣчается иной разъ излишняя рѣзкость, внушенная, конечно, досадой на измѣнчивость политическихъ убѣжденій Русскаго императора; но все-таки эти отзывы важны для историка, проливая свѣтъ на дѣятельность Александра Павловича. Властолюбивому и самоувѣренному Австрійскому канцлеру было крайне непріятно видѣть, какъ всѣ его хитросплетенія разрушались по неуловимой волѣ нашего Государя.

Меттернихъ вездѣ и всегда увѣрялъ, что въ дѣлѣ политическомъ никогда не ошибался. Съ своей точки зрѣнія, пожалуй, онъ и былъ правъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что главнѣйшею причиной его неожиданнаго паденія была именно эта самоувѣренность. Великіе государственные дѣятели должны постоянно имѣть въ виду истинные народные идеалы, должны своевременно дѣлать уступки сокровеннымъ инстинктамъ народа. Меттернихъ, презирая общественное мнѣніе, о подобныхъ уступкахъ ничего не хотѣлъ знать. Грозя постоянно Александру Первому близкою катастрофой, вскорѣ заявившею себя въ Декабрьскомъ событіи (случившемся тоже, можетъ быть, не безъ участія Австріи, посолъ которой Еврей происхожденіемъ Лебцельтернъ женатъ былъ на родной сестрѣ предположеннаго заговорщиками диктатора князя С. П. Трубецкаго), самъ онъ не съумѣлъ предвидѣть болѣе важной по своимъ послѣдствіямъ революціи 1848 года. Самыми опасными врагами общественнаго спокойствія почиталъ онъ тѣхъ, кто, подобно императору Александру, вносилъ въ исторію романтизмъ; а тѣхъ, кто вѣрилъ въ безконечный прогрессъ, называлъ онъ обманщиками народовъ.

Въ 1820 году, въ самый разгаръ реакціи на Западѣ, Европейская политика вслѣдствіе непостоянства характера и колебаній императора Александра Павловича, представляла совершенный хаосъ. Русскій Государь, взявъ на себя роль главнаго миротворителя, желалъ въ тоже время прослыть либеральнымъ монархомъ; но его либерализмъ носилъ какой-то неопредѣленный характеръ и подъ конецъ его жизни при-

---

*) Изъ книги Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, classés et réunis par M. A. de Klinkovström.

нялъ оттѣнокъ мистицизма. По странному стеченію, оба министра, пользовавшіеся почти въ равной степени его довѣріемъ, вели Русскую политику въ двухъ совершенно-противоположныхъ направленіяхъ. Это были графъ Нессельроде, осторожный и въ тоже время еще мало замѣтный, и ловкій, одаренный блистательными способностями графъ Каподистрія, который съ 1815 г., вслѣдствіе одинаковаго съ Александромъ взгляда на Греческій вопросъ и склонности къ космополитизму, пользовался особымъ довѣріемъ своего государя. Истинныя намѣренія Императора тѣмъ труднѣе было уловить, что онъ, вѣроятно, по временамъ и самъ недовольно ясно сознавалъ своихъ стремленій. Онъ дорожилъ ролью какъ бы первосвященника Священнаго Союза и въ тоже время повидимому оказывалъ поддержку надеждамъ либераловъ, чтобы не сказать революціонеровъ. Въ своихъ письмахъ и рѣчахъ Александръ увѣрялъ, что онъ свято чтитъ трактаты 1815 года, а дипломатическія сношенія его министра иностранныхъ дѣлъ графа Каподистріи поощряли либеральныя движенія и возбуждали недовѣріе къ консервативному характеру Русскаго правительства. Вотъ эта-то непослѣдовательность Русской дипломатіи, по выраженію Меттерниха, постоянно разстраивала его планы. Тò что я стремился осуществить съ 1813 г., писалъ Меттернихъ съ Карлсбадскихъ конференцій (1819) и чтó мнѣ всегда портилъ этотъ ужасный (horrible) Императоръ, я, *благодаря его отсутствію*, устроилъ въ три недѣли. Послѣ сего неудивительно, что Меттернихъ выражался нерѣдко съ презрѣніемъ, и не безъ примѣси негодованія, о Каподистріи и называлъ его дипломатическія произведенія Апокалипсисомъ *). «На Ахенскомъ конгресѣ (1818), когда мои отношенія къ Русскому императору сдѣлались такими же близкими какъ въ 1813 году, писалъ Меттернихъ, все дѣло вслѣдъ затѣмъ было испорчено либеральными циркулярами его министра». «Лишь въ 1820 году, на конгрессѣ въ Тропау, удалось мнѣ вполнѣ подчинить Александра I моимъ видамъ, и то лишь благодаря событіямъ, угрожавшимъ миру, которыя вполнѣ оправдывали мою политическую систему». Революціонныя движенія въ Германіи, Италіи и Испаніи не могли не подѣйствовать на впечатлительнаго Государя. По словамъ Меттерниха, Русскій государь прибылъ на конгресъ разочарованный въ своемъ либерализмѣ и сдѣлавшись рѣшительнымъ противникомъ всякихъ революціонныхъ идей.

Свиданіе въ 1820 г. съ канцлеромъ Меттернихомъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ эпизодамъ въ столь богатой всяческими тре-

---

*) Извѣстный дипломатъ Прокешъ, правая рука Меттерниха, выражался про Каподистрію: это Византія въ Русскомъ мундирѣ (Le Bas-Empire en uniforme russe).

волненіями жизни Александра. Съ свойственной Меттерниху хвастливостію и не безъ ироніи писалъ онъ объ этомъ свиданіи. «Раскаивающійся Императоръ началъ съ извиненій и, спрошенный мною о причинахъ такой внезапной перемѣны, исповѣдался мнѣ въ такихъ словахъ: васъ удивляетъ мой измѣненный взглядъ на политику; съ 1813 по 1820 г. прошло 7 лѣтъ; это цѣлый вѣкъ! Въ настоящую минуту я ни за что не сдѣлаю того, что̀ я сдѣлалъ въ 1813 г. Вамъ раскаиваться не въ чемъ; не могу сказать того же про себя».

Подвергая критикѣ дѣйствія и характеръ Русскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Каподистріи, Меттернихъ восклицаетъ: «Я провелъ цѣлое утро, разбирая (à feuilleter), такъ сказать, главу Русскаго кабинета и, вообразите мое удивленіе! Я не нашелъ въ ней и слѣда Апокалипсиса. Перемѣна неестественная, но тѣмъ не менѣе она совершилась! Впрочемъ каковъ господинъ, таковъ и слуга». Однако Меттерниху всетаки приходилось еще не разъ, какъ онъ выражается, «воевать съ Русскимъ министромъ», котораго онъ называетъ «сумасбродомъ» (fou); но канцлеръ утѣшался тѣмъ, что, по его увѣренію, онъ успѣлъ снова «подчинить себѣ» Русскаго императора. «По вечерамъ, писалъ онъ, съ глазу на глазъ, между двумя чашками чая, въ продолжительной и откровенной бесѣдѣ съ императоромъ Александромъ I, я всячески старался парализовать вліяніе Каподистріи на Царя, который уже не болѣе какъ на половину защищалъ своего министра».

Меттернихъ не сомнѣвался въ возможности подавить Греческое возстаніе. Будучи увѣренъ въ согласіи Прусскаго кабинета и надѣясь увлечь также Францію, онъ жаловался, что «единственной помѣхою его политическихъ замысловъ служитъ Русскій императоръ, Государь-мечтатель, руководимый неуловимыми вожделѣніями. Не утверждаю, чтобы онъ желалъ изъ собственныхъ видовъ воспользоваться возстаніемъ Грековъ, или чувствовалъ къ послѣднимъ особенную симпатію. Слово миръ было постоянно на устахъ Александра I. Какъ нельзя болѣе былъ онъ преданъ политикѣ Священнаго Союза; но, отказываясь отъ Грековъ, какъ революціонеровъ, этотъ Государь, по странному направленію своего ума, поддерживалъ ихъ въ качествѣ единовѣрцевъ и выражалъ желаніе пребывать покровителемъ ихъ правъ и религіозныхъ убѣжденій». Разсуждая такимъ образомъ о двуличной якобы политикѣ Александра Павловича, Меттернихъ не принялъ во вниманіе, что Русскій императоръ, поддерживая Грековъ, имѣлъ въ виду Турцію, которая въ то время хозяйничала въ Молдавіи и Валахіи и съ которой за то необходимо было посчитаться. Въ Греческихъ дѣлахъ Им-

ператоръ, какъ извѣстно подчинялся вполнѣ взглядамъ своего министра Каподистріи, который нисколько не стѣснялся условіями Священнаго Союза и мало придавалъ значенія Неаполитанскимъ и Испанскимъ дѣламъ.

Меттернихъ говоритъ, что ему было гораздо труднѣе подчинить Русскаго императора своимъ взглядамъ на дѣла Востока, чѣмъ направлять его политику противъ революціоннаго Запада. «Въ то время, какъ мнѣ казалось, писалъ онъ, что я вполнѣ овладѣлъ Русскимъ императоромъ, онъ снова ускользалъ изъ моихъ рукъ, и приходилось опять приниматься за туже работу».

Кичась немало своимъ вліяніемъ на ходъ политическихъ дѣлъ, Меттернихъ, по временамъ, сознается въ своемъ безсиліи. «Я вижу себя какъ бы посреди паутинной сѣти, которую пряду свободно моимъ друзьямъ-паукамъ. Русскій императоръ пока еще не поддается, но онъ стоитъ одиноко посреди своихъ союзниковъ; одни изъ нихъ имѣютъ въ виду совершенно противное тому, чего онъ добивается, другіе же вообще безсильны желать чего-либо. Дабы не сбиться съ пути, необходимо было разобщить Царя съ близкими ему лицами. Въ такомъ положеніи онъ былъ принужденъ принять единственное возможное для него рѣшеніе: онъ на время отказался отъ всякаго дѣятельнаго участія въ политикѣ и примкнулъ ко мнѣ». «Вотъ объясненіе моей паутины: ткань подобная ей на видъ конечно очень красива, легкіе толчки ей не опасны; но она не въ состояніи выдержать сильныхъ порывовъ вѣтра».

Вслѣдъ за тѣмъ, продолжая похваляться своей властью надъ образомъ мыслей и дѣствій Александра, Меттернихъ писалъ: «Послѣ того какъ было потеряно нѣсколько мѣсяцевъ спокойствія и мира, императоръ Александръ явился ко мнѣ, закрывъ голову руками и прося упорядочить его мысли. Послѣднія были до того странно перепутаны его министромъ Каподистріей, что этотъ государь не былъ въ состояніи двигаться ни взадъ, ни впередъ. Этотъ случай былъ мною предвидѣнъ, и я ожидалъ того дня, когда онъ еще разъ обратится ко мнѣ съ просьбой привести его мысли въ надлежащій порядокъ (en bon état). Нечего дѣлать, надо снова приниматься за работу, которой обременяютъ меня всякій разъ, какъ возникнетъ какой-либо важный вопросъ».

Когда Восточный вопросъ уже достаточно прискучилъ императору Александру, и ему желательно было, такъ или иначе, съ нимъ покончить, Австрійскій канцлеръ убѣдилъ Царя упростить этотъ вопросъ, раздѣливъ его. «Прежде всего, писалъ Меттернихъ, необходимо было уладить существовавшія между Россіей и Портой несогласія, которыя каждую минуту могли привести къ войнѣ. Когда всѣ затрудненія бу-

дутъ устранены, пять великихъ державъ соберутся въ Петербургѣ съ цѣлью придумать мѣры для удовлетворенія Греціи, не лишая впрочемъ Турціи ея державныхъ правъ надъ ея возставшими провинціями». Меттернихъ былъ увѣренъ, что такимъ образомъ онъ успѣетъ примирить общія выгоды и установить между Россіей и Портой мирныя отношенія, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняя неприкосновенность и вліяніе Священнаго Союза, лишитъ Грецію плодовъ ея возстанія. Внезапная смерть Александра Павловича, извѣстіе о которой Меттернихъ сравниваетъ съ громовымъ ударомъ, разстроила всѣ его хитросплетенія.

Заносяна страницы своихъ Записокъ объ этомъ важномъ событіи, которое по словамъ его «угрожало измѣнить видъ Запада и Востока», Австрійскій канцлеръ держитъ такой строгій судъ надъ гробомъ Русскаго императора: «Александръ I былъ сынъ своей эпохи; переходя отъ одной системы и отъ одной вѣры къ другой, онъ все сдвинулъ съ мѣста и ничего не создалъ. Все въ немъ было поверхностно, и никогда онъ не проникалъ до глубины вещей».

Спустя нѣсколько времени, Меттернихъ писалъ къ одному изъ своихъ наперсниковъ: «Истинное состояніе ума бѣднаго императора Александра было трудно угадать; едва-ли и самъ онъ отдавалъ себѣ въ томъ отчетъ, такъ какъ обыкновенно люди, доводящіе дѣла до крушенія, сами не сознаютъ куда направиться. Покойный Императоръ не разъ повѣрялъ мнѣ свои тайныя мысли, но многія изъ нихъ я угадывалъ самъ. Былъ я свидѣтелемъ его страховъ и опасеній, и не рѣдко призывалъ онъ меня быть судьей надъ его совѣстью; но, не обладая точнымъ знаніемъ Русской почвы (замѣтимъ, не только *Русской*, но, какъ впослѣдствіи оказалось и *Нѣмецкой*), я всего предвидѣть не могъ. Угадывая объемъ зла, я не всегда былъ въ состояніи установить для него границы. Относительно душевнаго состоянія императора Александра могу свидѣтельствовать лишь о совершенно-очевидномъ для меня обстоятельствѣ: только одна главная мысль занимала и тревожила его въ послѣднее время—спасти себя и свою страну отъ гибели (d'une perte), которая ему казалась неминуемой».

Извлекъ А. Ч—ковъ.

КНИЖНЫЯ РѢДКОСТИ*).

231. Опись церковной утвари, имѣющейся въ Грузинскомъ соборѣ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго. Сдѣлана и повѣрена въ 1818 году. 8°, 1 неп. и 108 нум. стр., безъ обозначенія мѣста и года печати.

Самое заглавіе книги указываетъ на ея содержаніе. Прежде всего въ книгѣ описываются ризницы. Всѣхъ ризницъ въ соборѣ семь, и каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе. Названія слѣдующія: Андреевская, Александровская, Парижская, Никольская, Алексѣевская, Штофная и Траурная. Во всѣхъ ризницахъ находилась 251 вещь, которыя довольно подробно описаны въ книгѣ. За описаніемъ ризницъ слѣдуетъ (51—68 стр.) описаніе серебрянныхъ сосудовъ, вещей принадлежащихъ къ утвари, и крестовъ, затѣмъ описаніе серебрянныхъ ризъ и окладовъ на иконахъ (69—81 стр.), потомъ описаніе бронзовыхъ и хрустальныхъ вещей, ковровъ и суконъ, разстилаемыхъ на полъ (83—94 стр.) и, наконецъ, описаніе священныхъ книгъ и древнихъ вещей (95—108 стр.). При исчисленіи вещей, находящихся въ Грузинскомъ соборѣ, указано по какому случаю онѣ сооружены; такъ, напримѣръ, сообщено, что риза на образѣ Покрова Пресвятой Богородицы сдѣлана по заказу графа А. А. Аракчеева, въ память полученнаго собственноручнаго указа императора Александра I о производствѣ его въ чинъ генерала отъ артилеріи. Въ числѣ древнихъ вещей находится знамя великаго Кіевскаго князя Владимира. Нѣкоторыя изъ древнихъ вещей Грузинскаго собора были описаны въ Трудахъ и Запискахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (ч. III, стр. 174 и ч. IV, стр. 219). На обложкѣ книжки виньетка съ изображеніемъ головы воина въ шлемѣ. Книжка издана графомъ Аракчеевымъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступала. На оборотѣ обложки надпись и, кажется, рукою самого графа: „благословлена сія книга его

*) См. «Русскій Архивъ» сего года. I, 391.

высокопреосвященствомъ преосвященнымъ Августиномъ, архіепископомъ Московскимъ и Коломенскимъ“.

Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки за 1851 г. 7 стр.—Геннади № 130.—Кобеко „Российск. Библіографія“ 1880 г., № 8.

232. О послѣдованіи младенчеству Іисуса Христа, образцу совершенства для всѣхъ состояній. Твореніе госпожи Гіонъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Іос. Іоаннесова. 1823. 12°, XIX, III и 137 стр. и гравюра.

Книжка начинается съ предисловія отъ переводчика. Въ предисловіи говорится, что „единственная цѣль трудившагося въ переводѣ книжки сей на Русскій языкъ есть та, чтобы Господь Іисусъ прославленъ былъ всѣми, носящими имя Его, въ одной изъ великихъ таинъ жизни своей, которая есть Его святое младенчество. Сія глубокая тайна, хотя неизвѣстна для большей части людей, открыта однакоже тѣмъ, коимъ дано разумѣть тайны Царствія Божія. Священное Писаніе представляетъ намъ состояніе младенчества Іисуса Христа не для того токмо, чтобы мы имѣли объ ономъ историческое знаніе, но дабы оно было примѣромъ для поступковъ нашихъ и образомъ нашей жизни. Сіе доказывается многими мѣстами самаго Писанія, гдѣ оно требуетъ, чтобы христіане были, какъ младенцы, незлобивы, простосердечны, смиренны, покорны; гдѣ дѣтямъ токмо обѣщано Царствіе Божіе; гдѣ младенческія свойства поставляются въ необходимость для полученія сего благодатнаго внутренняго царствія. Столь ясное свидѣтельство Божественнаго Писанія убѣждаетъ насъ, что необходимо надобно уподобиться *дѣтямъ*, по примѣру Святаго Младенчества, показаннаго намъ въ Спаситель“. За предисловіемъ слѣдуетъ посвященіе сочиненія Іисусу-Младенцу. Въ посвященіи говорится: „Тебѣ единому, о возлюбленный Младенецъ и всепокланяемый Боже, посвящается сіе начертаніе. Увѣренность, что оно образовалось по внушенію Твоего Духа, не позволяетъ посвятить его никому болѣе, какъ Тебѣ. Оно принадлежитъ Тебѣ, и по своему предмету, и по своему происхожденію. Не нужно ему также инаго покровительства, кромѣ нѣжной, младенческой руки Твоей, которая есть всемогущая десница Божія. Отъ Тебя получило оно свое начало; отъ Тебя же должно получить и печать Божественнаго своего происхожденія. Твое дѣло дать ему тотъ ходъ и успѣхъ, который Ты ему предназначилъ“. Послѣ посвященія слѣдуетъ самое сочиненіе Гіонъ, раздѣленное на XIV главъ. Главы слѣдующія: 1) необходимость и удобность послѣдованія младенчеству Іисуса; 2) вступленіе въ младенчество, 3) внутреннее состояніе младенца „Іисуса“: невинность, молитва, преданіе, 4) о невинности, 5) о молитвѣ, 6) внутренняя молитва всѣмъ свойственна, 7) о упражненіи въ молитвѣ внутренней, 8) опыты свободной молитвы, изливаемой въ чувствѣ любви, 9) о преданіи, 10) о наружности младенчества Іисуса, 11) свойство

дѣтей святаго семейства, 12) внѣшнія упражненія святаго семейства, 13) о внѣшнихъ дѣлахъ милосердія, и 14) о духовныхъ дѣлахъ милосердія, кои состоятъ въ молитвѣ, въ послѣдованіи внутренней и наружной жизни Іисуса. Увѣщаніе къ упражненію во внутренней жизни и въ молитвѣ сердечной.— При моемъ экземплярѣ описываемой книжки приложена гравюра, изображающая входъ въ Іерусалимъ (Геннади и Березинъ-Ширяевъ гравюры этой не указали). По поводу сочиненія Гіонъ „о послѣдованіи младенчеству Іисуса Христа", Московскій митрополитъ сообщалъ А. В. Горскому слѣдующее: „Я уже былъ Московскимъ. Вышла книга о подражаніи младенчеству Іисуса Христа. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ прислалъ ее для распространенія. Но я, нашедши въ ней нѣкоторые католическіе обряды, рекомендуемые православнымъ, отказался распространять". Какъ извѣстно, книжка эта, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Гіонъ, подверглась запрещенію.

Геннади, № 143.—Березинъ-Ширяевъ, кн. III, стр. 19.—Россійская Библіографія 1881 г., № 14.—Русскій Архивъ 1888 г., № 12.

Шибановъ XII—85, 1 р. 50.—Мелинъ 1—727.—Клочковъ 68—2863, 1 р.—Клочковъ 101—378, 1 р.—Клочковъ 112—81, 2 р. 50 к.—Клочковъ 114—98, 1 р.

233. Оправданіе графа де-Калліостро, по дѣлу кардинала Рогана о покупкѣ славнаго Склаважа во Франціи. Писанное имъ самимъ. Графъ де-Калліостро ничего болѣе не требуетъ, кромѣ единаго спокойствія и безопасности: странноприимство въ томъ его обнадеживаетъ. Выписка изъ письма, писаннаго г. графомъ де-Верженемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, къ г-ну Жерарду Претору Страсбургскому, отъ 13 Марта 1783 года. Въ Санктпетербургѣ, печатано съ дозволенія указнаго у Шнора 1786 года. 8°, 144 стр. и пять силуэтовъ на особыхъ страницахъ.

Графъ Калліостро, послѣ неудачнаго путешествія по Россіи и высылки его изъ Петербурга, побывавъ непродолжительное время въ Варшавѣ, отправился въ Страсбургъ и, побывавъ потомъ въ Ліонѣ и Бордо, поселился на житье въ столицѣ Франціи, Парижѣ, гдѣ основалъ ложу Египетскаго масонства, въ члены которой могли только поступать люди знатные и богатые. Проживая въ Парижѣ, онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ извѣстному дѣлу о похищеніи колье, стоимостью въ милліонъ шестьсотъ тысячъ франковъ. Кромѣ его, къ дѣлу этому были привлечены его супруга Лоренція, кардиналъ Луи-Роганъ, съ которымъ онъ познакомился въ Страсбургѣ, и графиня де-ла-Моттъ. Общественное мнѣніе Европы было занято процессомъ этого громкаго дѣла по именамъ

привлеченныхъ къ нему лицъ. Столбцы газетъ и журналовъ были наполнены извѣстіями объ немъ. Въ Россіи также интересовались дѣломъ Калліостро. Наша повременная печать извѣщала о ходѣ дѣла графа Калліостро и, кромѣ того, объ немъ въ то время было издано пять книгъ, изъ которыхъ мною уже три описаны подъ №№ 28, 227 и 182. Описываемая же нынѣ книга, гдѣ графъ Калліостро излагаетъ свое оправданіе, изданная на Французскомъ языкѣ, одновременно появилась въ двухъ переводахъ на Русскомъ языкѣ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Московское изданіе, подъ заглавіемъ: „Меморіалъ графа Калліостро противъ господина генералъ-прокурора, обвиняющаго его, писанной имъ самимъ и т. д. Ижд. С. Петрова. Въ Москвѣ, въ типографіи Пономарева, 1786, съ указнаго дозволенія", уже мною описано подъ № 182. Изданная же книга въ С.-Петербургѣ состоитъ изъ пяти параграфовъ; имъ предшествуютъ, въ видѣ введенія, слѣдующія строки: „Утѣсненъ, обвиненъ, оклеветанъ... заслужилъ ли я сію участь?... Я снисхожу во глубину моего сердца и обрѣтаю въ немъ спокойствіе, въ которомъ люди мнѣ отказываютъ. Я много путешествовалъ, извѣстенъ во всей Европѣ, и въ большей части Африки и Азіи, повсюду являю себя другомъ мнѣ подобныхъ. Познанія мои, время, стяжаніе всегда и безпрестанно употребляемы были къ облегченію несчастныхъ. Я учился, упражнялся во врачебной наукѣ, но не постыдилъ корыстолюбивыми соображеніями сего благороднѣйшаго и утѣшительнѣйшаго искусства. Единая склонность, единое непреклонное побужденіе привлекали меня къ страждущему человѣчеству, и я содѣлался врачемъ. Довольно будучи богатъ, дабы исполнять дѣломъ предначертанное мною благотвореніе, умѣлъ я сохранить свою независимость, давая всегда и никогда ничего назадъ не пріемля; тонкость чувствованій моихъ до того простиралась, что я отрекался отъ благодѣяній самихъ государей. Богатые туне получали мои лѣкарства и совѣты; но бѣдныхъ надѣлялъ я и лѣкарствами, и деньгами. Никогда не заходилъ я въ долги и, смѣю сказать, что нравы мои непорочны и даже строги къ самому себѣ; никого никогда я не оскорбилъ, ни словомъ, ни дѣломъ, ниже писаніями. Нанесъ ли кто мнѣ обиду, обиды я прощалъ; содѣлалъ ли какое благо, сдѣлалъ оное втайнѣ. Чуждъ повсюду, повсюду исполнялъ должности гражданина; повсюду благоговѣлъ къ вѣрѣ, чтилъ законы и правленіе. Се повѣствованіе жизни моей. Водворившись, шесть лѣтъ уже тому, у народа разумомъ, великодушіемъ, страннопріимствомъ славящагося, чаялъ я обрѣсти себѣ отечество, за сына меня пріемлющее. Уже напередъ вкушалъ я удовольствіе блага, каковое могъ оказывать новымъ своимъ согражданамъ; но единымъ громовымъ ударомъ разрушаются мои мечтанія. Я вижу себя низверженна въ преисподняя Бастиліи! Супруга моя, любезнѣйшая, добродѣтельнѣйшая изъ женъ, въ туже бездну низринута. Ужасныя каменныя стѣны, и умноженные на сей случай заклепы ее со мною раздѣляютъ: она рыдаетъ, и вопль ея не можетъ поразить моего слуха. Стражи темничные безгласны на вопросы мои пребываютъ. Увы! уже можетъ быть ея нѣтъ болѣе на свѣтѣ... Слабое и страждущее со-

зданіе могло ли жить шесть мѣсяцевъ въ такомъ обиталищѣ, гдѣ человѣку потребна вся его крѣпость, все его мужество, твердѣйшее на Бога упованіе, дабы братися съ отчаяніемъ? Но я задерживаю читателя, описывая мои страданія, и забываю, что осужденъ оправдаться. Судомъ опредѣлили взять меня подъ стражу... Какое я содѣлалъ преступленіе? Въ чемъ меня обвиняютъ? Кто мой доноситель? Есть ли послушествующіе на меня свидѣтели? Ничто мнѣ неизвѣстно. Мнѣ даже не объявляютъ доноса, по коему сдѣлано опредѣленіе, а требуютъ, чтобы я оправдался? Какъ отразить удары, наносимые невидимою силою? На сіе мнѣ отвѣтствуютъ: того требуетъ уголовный судъ. Гласъ мой прерывается, и я рыдая со смиреніемъ преклоняюсь предъ закономъ, колико строгимъ, толико и возмутительнымъ для обвиняемыя невинности. И такъ я развѣ токмо догадываться могу о родѣ преступленія, въ коемъ меня обвиняютъ. Если я обманываюсь, то буду сражаться съ мечтою; но по крайней мѣрѣ буду поборать по истинѣ, и благомыслящую часть народа приведу въ состояніе судить о разсѣянныхъ письменно клеветахъ противу несчастнаго въ то самое время, когда онъ былъ заключенъ въ темницѣ, угрожаемъ обоюднымъ мечемъ правосудія и власти".

Четыре параграфа имѣютъ слѣдующія заглавія: § 1 состояніе дѣла (9—16 стр.), § 2 признаніе графа де-Калліостро (17—60 стр.), § 4 допросъ (л. 88—107 стр.) и § 5 опроверженіе части оправданія графини де-ла-Моттъ, касающейся до графа Калліостро (108—144 стр.). Третій параграфъ (60—88) безъ заглавія. Въ немъ помѣщены: a) копія съ письма министра чужестранныхъ дѣлъ графа де-Верженнъ къ Страсбургскому претору изъ Версаля 13 Марта 1783 года, b) копія съ письма маркиза де-Мироменила къ тому же лицу отъ 15 Марта 1783 года и c) копія съ письма маркиза де-Сегюра къ маркизу де-ла-Салль отъ того же 15 Марта 1783 года. За письмами графъ Калліостро сообщаетъ свѣдѣнія о своемъ знакомствѣ съ графиней де-ла-Моттъ, которая ему разсказала о беременности королевы, ожидающей, по предсказанію, смерти при родахъ, о своихъ магическихъ дѣйствіяхъ надъ племянницей графини, предпринятыхъ имъ для удостовѣренія этого предсказанія; далѣе въ этомъ параграфѣ графъ Калліостро говоритъ объ арестованіи кардинала Рогана и о своемъ арестѣ. Въ концѣ книги помѣщено прошеніе Калліостро къ генералъ-прокурору, въ которомъ онъ ходатайствуетъ предъ парламентомъ объ освобожденіи своей жены изъ Бастиліи или о позволеніи навѣщать жену, или о дозволеніи ей навѣщать его. Какъ извѣстно, Калліостро и его жена Лоренція судомъ были оправданы. Вскорѣ послѣ сего, когда онъ поселился въ Римѣ, противъ него было возбуждено новое дѣло по обвиненію въ ереси, и онъ былъ заключенъ въ крѣпость Св. Ангела и приговоренъ къ смертной казни, какъ еретикъ, магъ-обманщикъ и франкмасонъ; но папа Пій VI смертный приговоръ замѣнилъ вѣчнымъ заключеніемъ въ крѣпости Св. Ангела, гдѣ Калліостро и скончался. Къ любопытной книжкѣ приложены слѣдующіе гравированные силуэты: 1) графа Калліостро, 2) графини Калліостро, 3) госпожи де-ла-Моттъ, 4)

кардинала Роганъ и 5) дѣвицы Оливы. Книжка съ силуэтами встрѣчается очень рѣдко въ продажѣ.

Сопиковъ 7798.—Плавильщиковъ 3309.—Смирдинъ 3306.—Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 310 стр.—Губерти II—103.

Шибановъ VIII—308, 1 р. 25.—Клочковъ 55—2247, 3 р.—Киммель XXXVI—1194, 2 р. 50 к.—Клочковъ 92—401, 3 р. 50 к.—Готье 5615, 2 р. Во всѣхъ этихъ каталогахъ силуэты не указаны.

234. Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ Юстиціи. Соч. П. Иванова. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Правительствующаго Сената. 1863. 8°. IV, 180 нум. и 4 нен. стр. и 17 портретовъ.

Составитель „Опыта біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ Юстиціи", П. И. Ивановъ, былъ директоромъ Архива Министерства Юстиціи съ 1852 г. по 1864 г. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ трудовъ по описанію Архива, а равно и другихъ, перечисленныхъ въ Справочномъ Словарѣ о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составленномъ Г. Геннади (т. II, стр. 42). „Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ Юстиціи" помѣщаемъ былъ въ Журналѣ Министерства Юстиціи за 1863 и 1864 гг. Описываемый мною экземпляръ составляетъ отдѣльный оттискъ изъ этого журнала и изданъ на веленевой бумагѣ съ тремя заглавными листами, одинъ изъ которыхъ прекрасно хромолитографированъ. Въ экземплярѣ помѣщены 17 портретовъ. Портреты слѣдующіе: 1) Графъ П. И. Ягужинскій, 2) князь Н. Ю. Трубецкой, 3) князь Я. П. Шаховской, 4) А. И. Глѣбовъ, 5) князь А. А. Вяземской, 6) графъ А. Н. Самойловъ, 7) князь А. Б. Куракинъ, 8) А. А. Беклешовъ, 9) П. Х. Обольяниновъ, 10) Г. Р. Державинъ, 11) князь П. В. Лопухинъ, 12) И. И. Дмитріевъ, 13) Д. П. Трощинскій, 14) князь Д. И. Лобановъ-Ростовской, 15) князь А. А. Долгорукой, 16) Д. В. Дашковъ и 17) графъ Д. Н. Блудовъ. Всѣ портреты, исключая портретовъ Дашкова и графа Блудова, срисованы съ живописныхъ портретовъ, портреты же Дашкова и Блудова срисованы съ литографій. Первые 14 портретовъ рисованы на камнѣ художникомъ А. Скино, а остальные три А. Питчъ. Портреты мастерски срисованы и исполнены въ литографіи К. Эрготъ. Въ предисловіи къ опыту составитель его, П И. Ивановъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Петръ съ первыхъ почти лѣтъ своего царствованія сталъ вводить новыя судебныя инстанціи; но, не довольствуясь этимъ, Петръ заботился и о неусыпномъ надзорѣ за порядкомъ и правосудіемъ производившихся въ нихъ дѣлъ. До него въ этомъ отношеніи у насъ не было никакого контроля. Съ цѣлью слѣдить за дѣятельностью вновь учрежденныхъ судебныхъ инстанцій, не допускать въ нихъ противузаконныхъ отклоненій, объяснять смыслъ и значеніе вновь издаваемыхъ указовъ, Петръ создалъ институтъ прокуроровъ. Поставивъ во главѣ этого института генералъ-прокурора, Петръ

придалъ этой должности важное значеніе; генералъ-прокуроръ могъ остановить рѣшеніе Сената, и по дѣламъ особенной важности доносить немедленно Государю". Такъ какъ жизнь и служебная дѣятельность этихъ государственныхъ сановниковъ не можетъ и не должна остаться незамѣченною, то П. И. Ивановъ и составилъ ихъ біографіи. Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи въ отдѣльныхъ оттискахъ съ портретами былъ изданъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступалъ; не во всѣхъ изданныхъ экземплярахъ былъ приложенъ портретъ генералъ-прокурора Александра Ивановича Глѣбова, такъ какъ при самомъ началѣ его печатанія былъ поврежденъ литографскій камень.

Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 39 стр.
Шибановъ XXIX—122, 8 р.—Шибановъ XXXIV—179, 8 р.

235. Опытъ военнаго искусства, сочиненный графомъ Тюрпиномъ де-Криссе, бригадиромъ королевской Французской арміи и полковникомъ гусарскаго полку. Переведенъ съ Французскаго языка на Россійской артиллеріи капитаномъ Сергѣемъ Козминымъ, 1757 года въ Санктпетербургѣ. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 1758 года. 4°. 2 части. 1 ч. XXIII и 308 нум. стр. 2 ч. 114 нум., 32 нен. стр. и 25 чертежей съ изъясненіями.

Сочиненіе графа Тюрпина де-Криссе въ двухъ частяхъ; первая въ двухъ книгахъ, а вторая въ трехъ. Каждая книга состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ. Сочиненіе посвящено графу П. И. Шувалову, по распоряженію котораго оно было переведено съ Французскаго языка капитаномъ С. Козминымъ. Краткое понятіе о содержаніи каждой книги сообщается въ „предувѣдомленіи", въ началѣ котораго авторъ, называя военное искусство бичемъ Божіимъ, говоритъ, что „еслибы первый, который положилъ правила искусству истреблять себѣ подобныхъ имѣлъ только то намѣреніе, чтобъ угодить страстямъ государей, то былъ бы онъ чудовище, которое бы блаженно было, если бы его удушили въ самомъ рожденіи; но когда онъ учинилъ то токмо для защищенія гонимой добродѣтели, для наказанія торжествующаго порока, для обузданія честолюбія, или дабы противостоять несправедливой власти сильнѣйшаго: то человѣчество долженствовало бы ему воздвигнуть алтари. Въ предувѣдомленіи также излагаются основныя правила военнаго искусства и качества, необходимыя для лицъ, поступившихъ въ военную службу. Въ концѣ сочиненія на четырехъ ненумерованныхъ страницахъ помѣщены „погрѣшности", за которыми слѣдуетъ двадцать пять чертежей, каждый изъ нихъ снабженъ изъясненіемъ на особыхъ ненумерованныхъ страницахъ. Чертежи подъ слѣдующими названіями: 1) походъ арміи въ шести колоннахъ, 2) планъ похода арміи, которая строится на правомъ своемъ флангѣ, 3) походъ арміи, которая

строится впереди, 4) планъ похода арміи лѣвымъ крыломъ въ виду непріятельскаго лагеря, 5) походъ арміи въ гористой землѣ, 6) планъ похода арміи въ лѣсныхъ мѣстахъ, 7) планъ положенія арміи въ ея лагерѣ, 8) планъ укрѣпленнаго лагеря, 9) планъ похода обоза, 10) планъ прикрытія фуражировъ въ полѣ, 11) планъ прикрытія фуражировъ въ деревнѣ, 12) планъ переправы чрезъ мостъ, 13) планъ разныхъ движеній деташемента кавалеріи, 14) планъ ретирады деташемента, переходящаго черезъ мостъ, 15) планъ атаки обоза, 16) планъ атаки фуражировъ, 17) планъ положенія арміи для обороны рѣки, 18) планъ переправы черезъ рѣку, 19) планъ ордера баталіи, диспозиція I-я, 20) планъ ордера баталіи, диспозиція II-я, 21) планъ ордера баталіи, диспозиція III-я, 22) планъ ордера баталіи, диспозиція IV-я, 23) планъ распредѣленія квартиръ, 24) планъ атаки квартиръ и 25) планъ ретирады арміи въ разныхъ положеніяхъ. Геннади и Н. В. Губерти при описаніи этой книги ошибочно обозначили число ненумерованныхъ страницъ во второй части и число чертежей, показавъ первыхъ 3, вмѣсто 32 (роспись, погрѣшности и изъясненія чертежей), а вторыхъ 24, вмѣсто двадцати пяти. Книга въ продажѣ со всѣми чертежами встрѣчается очень рѣдко.

Сопиковъ 7808.—Плавильщиковъ 160.—Смирдинъ 4216.—Чертковъ 1838 г., стр. 465, № 65.—Геннади 17.—Губерти I—87.

Мартыновъ „Рос. Библіогр.“ 1881, № 18, 15 р.—Мартыновъ 6281, 10 р. (безъ одного чертежа).—Киммель XXIV—695, 12 р. (безъ указанія на число чертежей).—Готье 1931 15 р. (безъ ук. на число черт.—Клочковъ 2—676, 10 р. (безъ одного чертежа).—Готье 3558, 10 р. (безъ ук. на черт.).—Клочковъ 43—22826, 3 р. (безъ указ. на число черт.).—Клочковъ 75—740, 5 р. (безъ одного чертежа). -Клочковъ 79—294, 5 р. (безъ одного чертежа).—Клочковъ 100—5826, 3 р. 50.—Шибановъ XLI—410. 10 р. (со всѣми чертежами).

236. Опытъ Воронежской Губернской Типографіи. Отдѣленіе первое. Печатано въ Воронежской типографіи, при Губернскомъ Правленіи. 1798 года. 8°, VIII и 80 стр.

Въ Воронежѣ при Губернскомъ Правленіи была открыта 14 Мая 1798 года первая типографія. Она, по свидѣтельству митрополита Евгенія Болховитинова, была одолжена своимъ открытіемъ Воронежскому губернатору Александру Борисовичу Солнцову, „любителю и ободрителю наукъ“ (Истор. геогр. и экономич. описаніе Воронежской губерніи Е. Болховитинова, стр. 78). Первою вышедшею книгою изъ Воронежской типографіи была настоящая книга, мною описываемая. По содержанію своему она соотвѣтствуетъ христоматіи, состоящей изъ стиховъ, басней, эпиграммъ разныхъ писателей того времени. Издана она на бѣлой, плотной бумагѣ и напечатана разными шрифтами, вѣроятно для образца. Книга, по мнѣнію Е. Шмурло (Митр, Евгеній, какъ ученый, Спб. 1888 г., стр. 182) носитъ явные слѣды того чувства удовольствія, съ какимъ издатели выпускали въ свѣтъ свое первое дѣтище. Такъ какъ типографія была открыта

14*

по инициативѣ губернатора, то первенецъ этой типографіи былъ посвященъ ему слѣдующими стихами:

Достоинъ дѣлатель, чтобъ первый плодъ вкусить,
Такъ мудрые вѣщаютъ:
Чему же тѣмъ насъ научаютъ?
Чтобъ опытъ сей тебѣ, нашъ Солнцовъ, посвятить.

Выпуская „Опытъ Воронежской Губернской Типографіи“, издатели желали выпустить его въ двухъ отдѣленіяхъ, а потому на заглавной страницѣ „Опыта“ обозначено „*Отдѣленіе первое*“. Второе же отдѣленіе „Опыта“ было издано въ слѣдующемъ году на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ подъ заглавіемъ: „Strena Musis Anno MDCCXCIX. Подарокъ музамъ въ новый 1799 годъ. Выбрано изъ печатныхъ книгъ. Изъ типографіи Воронежскаго Губернскаго Правленія 1799 г.“ (8° 24 стр.). Въ этой книжкѣ помѣщены произведенія Французскихъ и Нѣмецкихъ писателей, съ Русскимъ переводомъ. Въ Воронежской типографіи, въ первыя восемь лѣтъ ея существованія, по указанію Веселовскаго (Воронежъ въ историч. и статистич. отношеніяхъ 1866, стр. 98 и 98), было напечатано 29 книгъ. По мнѣнію Е. Шмурло (181 стр.), Воронежская типографія обязана своимъ развитіемъ существовавшему въ то время Болховитскому кружку и всего болѣе самому его представителю. Содержаніе описываемой книги слѣдующее: *Изъ сочиненій Ломоносова*: 1) Ода, Утреннее размышленіе о Божіемъ Величествѣ, 2) Ода, Вечернее размышленіе о Божіемъ Величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія. *Изъ сочиненій Державина*: 3) Ода Богъ. *Изъ сочиненій Сумарокова:* 4) Стансы, 5) Притчи: I. Два рака, II. Волкъ и журавль, III. Собака съ кускомъ мяса. IV. Возгордѣвшаяся лягушка, V. Лѣкарь и больной и VI. Ненадобное сѣно; 6) Идиллія, 7) На суету человѣка. *Изъ сочиненій Хераскова*: 8) Стансъ, 9) Утро, 10) Пастушка. *Изъ Московскаго журнала изд. Карамзинымъ*: 11) Къ Державину, 12) Тщета, 13) Тихій вечеръ. *Изъ сочиненій Княжнина*: 14) Притча живописецъ въ полону, 15) Ладно и плохо, разговоръ двухъ мужиковъ Козовода и Мирохи. *Изъ книги И мои бездѣлки, сочиненіе Дмитріева*: 16) Къ младенцу, 17) Похвала Араку, 18) Чужой толкъ, 19) Пѣсни. *Изъ книги подъ названіемъ Аониды изд. Карамзинымъ*: 20) Стансы, 21) Рондо Государю Петру I-му, 22) Письмо къ Дмитріеву, 23) Соловей, 24) Любовь къ врагамъ. *Изъ книги Магазинъ чтенія для всякаго возраста и пола людей, напеч. 1789 года*: 25) Анакреотическая ода, разговоръ стихотворца съ любовію. Переводъ изъ сочин. де-ла Мотта; 26) Переводъ его же оды Уединеніе. *Изъ мелкихъ стихотвореній Сумарокова*: 27) Цедулка къ дѣтямъ П. К., 28) Епиграммы, 29) Мадригалъ. *Изъ сочиненій Хераскова:* 30) Епиграммы. *Изъ книги подъ названіемъ Аглая, изд. Карамзинымъ:* 31) Епитафія калифу Абдулраману. *Изъ книги: И мои бездѣлки*: 32) Епитафія. *Изъ сочиненій Сумарокова*: 33) Епитафіи, 34) Загадки. *Изъ сочиненія Дубровскаго*: 35) Загадка. *Изъ сочинен. Пр. Аполл. Еп. О. ц. С*: 36) загадки и 37) отгадки загадкамъ. Настоящая

книга описана Геннади по экземпляру, находящемуся въ Чертковской Библіотекѣ, а Н. В. Губерти описалъ ее по моему экземпляру. Въ каталогахъ Сопикова, Плавильщикова и Смирдина она не значится. Въ антикварные каталоги до сихъ поръ она не была заносима.

Чертковъ 1838 г., стр. 408, № 23.—Веселовскій „Воронежъ въ истор. и статистич. отношеніяхъ 1866 г., стр. 97 и 98.—Геннади 89.—Губерти II—208.—Шмурло „Митрополитъ Евгеній, какъ ученый". 1888 г., стр. 182.

237. Опытъ историческаго родословія Арсеньевыхъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1841. 8°, 38 стр.

Брошюрка посвящена князю Михаилу Андреевичу Оболенскому. Прежде всего описывается гербъ дворянскаго рода Арсеньевыхъ, а потомъ излагается исторія рода Арсеньевыхъ. Начало рода дворянъ Арсеньевыхъ положилъ *Осланъ - Мурза*, выѣхавшій изъ Золотой Орды въ 1389 году При крещеніи онъ былъ нареченъ Прокопіемъ. Воспріемникомъ былъ великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской. Прокопію былъ пожалованъ городъ Кременецкъ. Отъ брака съ Маріей Житовой у него родилось три сына: Арсеній, по прозванію Исупъ, Яковъ и Левъ. *Отъ Арсенія произошли Арсеньевы* и Исуповы, отъ Якова—Яцевы и Кременецкіе, отъ Льва — Ртищевы, Сомовы и Павловы. Отъ Арсенія Прокопьевича Арсеньева родился сынъ Левъ, а отъ сего Павелъ, у котораго были два сына: Тимоѳей и Григорій. Они раздѣлили родъ Арсеньевыхъ на двѣ главныя отрасли. Основатель старшей отрасли, Тимоѳей Павловичъ Арсеньевъ, имѣлъ трехъ сыновей. Отъ нихъ старшая отрасль раздѣлилась на три колѣна. Отъ старшаго сына Тимоѳея Арсеньева, Макарія, родились четыре сына, изъ которыхъ одинъ былъ бездѣтнымъ, а трое раздѣлили первое колѣно на три вѣтви. Въ брошюркѣ описываются старшая, средняя и младшая вѣтви перваго колѣна старшей отрасли, потомъ старшая и младшая вѣтви втораго и третьяго колѣна старшей отрасли. По перечисленіи лицъ, происходящихъ отъ старшей отрасли, основателемъ которой былъ Тимоѳей Павловичъ Арсеньевъ, слѣдуетъ описаніе младшей отрасли, основателемъ которой былъ второй сынъ Павла Львовича, правнукъ Ослана-Мурзы, Григорій Павловичъ Арсеньевъ. Но при описаніи этой отрасли, авторъ ограничился только указаніемъ на сына Григорія Павловича—Даніила, его внука Андрея Даниловича, правнука Льва Андреевича, и на дѣтей отъ сего послѣдняго: Никиту, отъ котораго родилось два сына, и его внуковъ: Андрея и Лавра, отъ котораго произошелъ Петръ Лавровичъ, а отъ сего послѣдняго Никита Петровичъ, не указавъ при этомъ должностей, которыя они занимали и вообще ихъ дѣятельности. Въ концѣ родословія сообщаются свѣдѣнія о поколѣнной росписи, представленной въ Герольдію надворнымъ совѣтникомъ Никитой Ивановичемъ Арсеньевымъ, которая начинается Аггеемъ Никифоровичемъ Арсеньевымъ; но авторъ, сообщивъ

объ этомъ, говоритъ, что въ родословіи Арсеньевыхъ, въ Разрядномъ Архивѣ, нѣтъ ни одного Никифора, а есть только Аггей, но и этотъ послѣдній былъ сыномъ не Никифора, а Степана Ѳедоровича. Въ концѣ книги приложено два письма Аграѳены Арсеньевой, отъ 1724 года, на имя княгини Дарьи Михайловны Меншиковой. Изъ составленной о родѣ Арсеньевыхъ брошюрки видно, что нѣкоторыя лица, происходящія изъ сей старой дворянской фамиліи, занимали на службѣ разныя мѣста: были стольниками, стряпчими, воеводами, предводителями дворянствъ и губернаторами. Одинъ изъ рода Арсеньевыхъ, Ѳедоръ Юрьевичъ, бывшій полковымъ и осѣдлымъ воеводой, построилъ два города, Бобрикъ и Черкаскъ, на Маяцкихъ горахъ. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ женатъ на Даріи Михайловнѣ изъ рода Арсеньевыхъ. Извѣстно, что нашъ славный поэтъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ по женскому колѣну происходилъ также изъ рода Арсеньевыхъ. Мать его Марья Михайловна родилась отъ Михаила Васильевича Арсеньева, служившаго при императрицѣ Екатеринѣ II офицеромъ въ Преображенскомъ полку. Составитель родословной Арсеньевыхъ, а равно и слѣдующихъ восьми дворянскихъ родовъ, былъ Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ, археологъ и историкъ (род. 1781 г., ум. 1848). Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ состоялъ попечителемъ С.-Петерб. Учебнаго Округа, а потомъ сенаторомъ. Первымъ его литературнымъ трудомъ было „Начертаніе жизни князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго", изданное въ 1805 г. Въ 1809 г. онъ, по Высочайшему повелѣнію, предпринялъ ученое путешествіе по Россіи. Плодомъ этого путешествія было собраніе акварельныхъ рисунковъ, составляющее четыре альбома, которые хранятся въ Императ. Публ. Библіотекѣ. Къ рисункамъ приложены и описанія съ историческими и генеалогическими замѣчаніями. Въ „Сѣверномъ Архивѣ" за 1823 г. (ч. VI, № 12) онъ помѣстилъ „Историческое изслѣдованіе грамоты великаго князя Дмитрія Ивановича", а предъ этимъ имъ было издано „Краткое описаніе жизни графа Якова Ѳедоровича Остермана". Бороздинъ принималъ также участіе въ составленіи Энциклопедическаго словаря Плюшара. Описываемая брошюрка о родѣ Арсеньевыхъ, а равно какъ и другія нижеслѣдующія, издавались К. М. Бороздинымъ не для продажи, а для раздачи знакомымъ, каждая въ количествѣ 40 экземпляровъ.

Ольхинъ 1601.—Чертковъ 1845 г., стр. 37, № 14. — Бартеневъ 1290.—Геннади 178. А. Барсуковъ. Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія. С. П. Б. 1887 г., стр. 35. Ѳ. Бычковъ. Опытъ библіогр. указателя печатныхъ матеріаловъ для генеалогіи Русскаго дворянства. 1885 г. С. П. Б., стр. 8.

Мартыновъ 3852, 8 р. Клочковъ 4—2375, 2 р. 50 к.

№ 238. Опытъ историческаго родословія графовъ Ефимовскихъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1841. 8°, 19 стр.

Брошюрка посвящена Александру Степановичу Лавинскому „въ знакъ признательной дружбы". Прежде описывается гербъ рода графовъ Ефимовскихъ, родоначальникомъ которыхъ считается *Михаилъ Ефимовичъ Ефимовскій*, выѣхавшій въ Россію изъ Польши въ 1725 г. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ императрицы Екатерины I—Аннѣ Самуиловнѣ Скавронской. Отъ него родились четыре сына, изъ которыхъ только одинъ Андрей оставилъ потомство. Андрей Михайловичъ уволенъ былъ отъ службы въ царствованіе императрицы Екатерины II, съ чиномъ генералъ-аншефа. Отъ третьяго брака его съ своею крѣпостной Степанидою Никоновною родился сынъ Петръ, а отъ него произошли Андрей и Михаилъ. Отъ Андрея было два сына: Петръ, убитый на Кавказѣ въ 1829 г., и Борисъ Андреевичъ. Этимъ Борисомъ и К. Бороздинъ оканчиваетъ родословіе Ефимовскихъ. Андрей Михайловичъ Ефимовскій и Иванъ Михайловичъ были возведены императрицею Елисаветой въ графское достоинство. Въ концѣ брошюрки помѣщены два приложенія. Въ первомъ изъ нихъ напечатанъ указъ, данный Сенату 17 Августа 1743 г., а во второмъ записка тайнаго совѣтника Сергія Матвѣевича Козмина, статсъ-секретаря Екатерины II, писанная со словъ Императрицы и заключающая въ себѣ изложеніе обстоятельствъ дѣла Степаниды Никоновой касательно ея брака съ графомъ Андреемъ Ефимовскимъ. Записка эта, писанная для свѣдѣнія членовъ Синода, на разсмотрѣніе которыхъ дѣло должно было поступить, была найдена между бумагами протопресвитера и духовника императрицы, Іоанна Іоанновича Памфилова (внукомъ котораго былъ К. М. Бороздинъ).

Ольхинъ 1598.—Чертковъ 1845 г., 37 стр., № 13.—Бартеневъ 1289.—Геннади 178—5.—Барсуковъ, стр. 35.—Ѳ. Бычковъ, стр. 15.

Мартыновъ 3851, 7 р.—Клочковъ 28—16395, 3 р. 50 к.—Клочковъ 88—3622, 2 р. 50.—Клочковъ 96—2566, 3 р.—Готье 9846, 3 р.

239. Опытъ историческаго родословія графовъ Скавронскихъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1841. 8°, 15 стр.

Брошюрка посвящена „Петру Григорьевичу Буткову". По описаніи герба графовъ Скавронскихъ, К. М. Бороздинъ переходитъ къ самому ихъ родословію. Родоначальниками этой графской фамиліи были братья императрицы Екатерины Первой: *Карлъ и Ѳедоръ*. 5-го Января 1727 года они были возведены императрицей въ графское Россійской Имперіи достоинство. Отецъ Скавронскихъ Самуилъ, званіе котораго составителю брошюрки неизвѣстно, кромѣ означенныхъ сыновей, имѣлъ еще трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая была упомянутая Екатерина, вторая Христина, вышедшая замужъ за Симона Леонтьевича Гендрикова, отъ котораго происходятъ графы Гендриковы, третья Анна, вышедшая замужъ за Михаила Ефимовича Ефимовскаго. Графъ Ѳедоръ Самуиловичъ Скавронскій не оставилъ потомства. Отъ Карла же Самуиловича родились три

сына: Антонъ и Иванъ, также не оставившіе потомства, и Мартынъ Карловичъ, который женился на баронессѣ Маріи Николаевнѣ Строгоновой. Отъ этого брака произошли Петръ Мартыновичъ, скончавшійся въ молодыхъ лѣтахъ и не оставившій потомства, и Павелъ Мартыновичъ, который былъ полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ. Отъ его брака съ племянницею князя Потемкина, Екатериною Васильевною Энгельгардтъ дѣтей мужскаго пола не было. Такимъ образомъ съ его смертію (23 Ноября 1793 г.) пресѣкся родъ графовъ Скавронскихъ. Въ концѣ книжки помѣщены два приложенія: въ первомъ сообщаются надписи надъ гробами Христины Гендриковой, урожденной Скавронской, ея мужа и дочери, а во второмъ—рескриптъ императрицы Екатерины II, данный Сенату 28 Іюня 1762 года.

Ольхинъ 1600.—Чертковъ 1845 г., 37 стр., № 10. — Бартеневъ 1286.—Геннади 178—2. - Барсуковъ, стр. 35.—Ѳ. Бычковъ, стр. 26.

Мартыновъ 3847, 7 р.—Шибановъ XVI—45, 2 р.—Шибановъ XXXIV—51, 10 руб. вмѣстѣ съ другими пятью родословіями.— Шибановъ XLIII—27, 2 руб.—Клочковъ 4—2378, 2 р. 50 к.—Клочковъ 28—16398, 3 р. 50.

240. Опытъ историческаго родословія Дивовыхъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1841. 8°, 32 стр.

Брошюрка посвящена К. М. Бороздинымъ: „племяннику моему Матвѣю Васильевичу Полѣнову". Родоначальникомъ Дивовыхъ былъ „славный и храбрый воинъ, по имени *Гавріилъ Дивовъ*", выѣхавшій въ 1408 году въ Россію при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ. Дѣти Гавріила Дивова стали называться *Дивовыми*, изъ коихъ Иванъ, Наумъ и Павелъ оставили потомство. Отъ нихъ произошли три отрасли рода Дивовыхъ; двѣ изъ нихъ впослѣдствіи погасли, средняя же отрасль отъ Наума Гавриловича раздѣлилась на двѣ вѣтви. К. М. Бороздинъ довелъ старшую вѣтвь средней отрасли до дѣтей Андріяна Ивановича: Петра, Николая и Александра, а младшую отрасль до внуковъ Гавріила Никифоровича Дивова. К. М. Бороздинъ сообщаетъ, что Дивовы болѣе четырехъ столѣтій служатъ отечеству; всѣхъ лицъ, составляющихъ ихъ родъ, было восемьдесятъ; изъ нихъ десять положили за отечество свои головы на ратномъ полѣ, двое достигли до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, одинъ до тайнаго совѣтника, и одинъ до чина генералъ-лейтенанта; изъ рода Дивовыхъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Павелъ Гавриловичъ, нѣсколько разъ, въ отсутствіе графа Нессельроде, управлялъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ концѣ брошюрки помѣщено приложеніе о гербѣ Кердея, утвержденномъ королемъ Польскимъ и Венгерскимъ Людвигомъ (1370—1392 гг.). Гербъ этотъ употребляли Дивовы.

Ольхинъ 1603.—Чертковъ 1845 г., 37 стр., № 15.—Бартеневъ 1291.—Геннади 178—7.—Барсуковъ, стр. 35.—Ѳ. Бычковъ. стр. 14.

Мартыновъ 3852, 8 р.—Шибановъ XVI—41, 2 р.—Клочковъ 4—2376, 2 р. 50 к.—Клочковъ 5—3383, 2 р. 50 к.—Клочковъ 28—16396, 3 р. 50 к.—Шибановъ XГШ—24, 2 р.

241. Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Апраксиныхъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1841. 8°, 56 стр.

Книжка посвящена К. М. Бороздинымъ: „Доброму моему сосѣду Николаю Петровичу Новосильцову". Опытъ родословія дворянъ Апраксиныхъ начинается описаніемъ ихъ герба, а потомъ излагается исторія рода Апраксиныхъ. *Родоначальникомъ* дворянской фамиліи Апраксиныхъ *былъ Солохміръ Мирославичъ*, выѣхавшій изъ Большой Орды къ великому Рязанскому князю Олегу Іоанновичу. При крещеніи Солохміръ нареченъ Иваномъ и женился на сестрѣ упомянутаго князя. Отъ этого брака родился Григорій, а отъ Григорія Ивановича четыре сына: 1) Михаилъ, отъ котораго произошли Крюковы, 2) Григорій, наслѣдовавшій Верхдеревъ и сдѣлавшійся родоначальникомъ Вердеревскихъ, 3) Константинъ, потомство отъ котораго неизвѣстно, и 4) Иванъ Григорьевичъ Кончея, сынъ котораго *Андрей Ивановичъ*, по прозванію Опракса или Апракса, *сдѣлался родоначальникомъ Апраксиныхъ.* Отъ Андрея родился Матвѣй, отъ Матвѣя Ерофей Матвѣевичъ, отъ сего послѣдняго повели свое начало графы Апраксины, къ исторіи рода котораго и переходитъ Бороздинъ, предварительно окончивъ изложеніе исторіи дворянъ Апраксиныхъ. Переходя къ исторіи рода графовъ Апраксиныхъ, Бороздинъ описываетъ графскій ихъ гербъ и указываетъ на дѣтей, происшедшихъ отъ Ерофея Матвѣевича, отъ одного изъ сыновей котораго, Никиты, родился сынъ Петръ, отъ Петра Василій, отъ Василія Матвѣй Васильевичъ, а отъ сего послѣдняго *Петръ Матвѣевичъ и Ѳедоръ Матвѣевичъ*, которые за услуги, оказанныя отечеству при императорѣ Петрѣ Великомъ, *получили* 23 Февраля 1710 года *графское достоинство.* Отъ сына Петра Матвѣевича родился сынъ Алексѣй. Дѣти Алексѣя Петръ и Ѳедоръ не оставили мужскаго потомства, и смертію ихъ пресѣкся родъ графа Петра Матвѣевича Апраксина, равно пресѣкся родъ графа Ѳедора Матвѣевича, съ его смертію. Третій же сынъ Матвѣя Васильевича Апраксина, *Андрей Матвѣевичъ, получилъ графское достоинство* послѣ своихъ означенныхъ братьевъ, а именно *7 Февраля 1722 года.* Отъ сына сего послѣдняго, графа Ѳедора Андреевича Апраксина родились Петръ, Александръ и Матвѣй. Они раздѣлили потомство графовъ Апраксиныхъ на три вѣтви. Потомство отъ этихъ вѣтвей продолжается. Изъ рода Апраксиныхъ были стольниками, воеводами, почетными опекунами, сенаторами и генералъ-губернаторами, въ особенности изъ рода дворянъ Апраксиныхъ прославился Степанъ Ѳедоровичъ, получившій за свои военные подвиги чинъ генералъ фельдмаршала. Будучи въ 1757 г. назначенъ главнокомандующимъ надъ арміей, посланною противъ Пруссіи, онъ одержалъ 19 Августа 1757 года совершенную побѣду надъ Прусскимъ войскомъ при дер. Гроссъ-Егерсдорфѣ, но послѣ этой блистательной побѣды онъ неожиданно для всѣхъ съ поспѣшностью вышелъ изъ предѣловъ Пруссіи. К. М. Бороздинъ, говоря объ этомъ необыкновенномъ событіи, сооб-

щаетъ три предположенія, которыми современное общество объясняло его. Большая часть общества приписывала это событіе дружбѣ Апраксина съ канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ, замыслившимъ во время болѣзни императрицы Елисаветы возвести на престолъ, минуя наслѣдника Петра Ѳедоровича, сына сего послѣдняго, малолѣтняго Павла Петровича; другіе отыскивали причину поспѣшнаго выхода изъ Пруссіи въ ощутительному недостатку въ продовольствіи и, наконецъ, третьи приписывали оставленіе Пруссіи измѣнѣ Апраксина, вслѣдствіе его подкупа. Для изслѣдованія такого поступка Степана Ѳедоровича Апраксина, различнымъ образомъ объясняемаго, была назначена слѣдственная коммиссія, во время изслѣдованія которой онъ скоропостижно скончался. Погребенъ онъ былъ, несмотря на важный его чинъ и прежнія воинскія заслуги, безъ всякихъ военныхъ почестей. К. М. Бороздинъ въ описываемой мной брошюркѣ сообщаетъ слѣдующій разсказъ о его смерти. Императрица, будучи недовольна медленностью слѣдствія и почувствовавъ жалость къ фельдмаршалу, спросила у слѣдователей, отчего такъ долго продолжается это дѣло? Получивъ отвѣтъ, что онъ не сознается, она сказала: „остается послѣднее средство, прекратить слѣдствіе и оправдать невиннаго". Послѣ этого разговора, въ первое засѣданіе слѣдственной коммиссіи, когда фельдмаршалъ по прежнему утверждалъ свою невиновность, одинъ изъ членовъ коммиссіи сказалъ: „Итакъ, остается намъ теперь употребить послѣднее средство"... но не успѣлъ онъ окончить словъ, какъ вдругъ апоплексическій ударъ повергъ Апраксина мертвымъ на землю; думаютъ, что злополучный фельдмаршалъ вообразилъ, что его хотятъ пытать". Изъ графскаго же рода Апраксиныхъ въ особенности прославились сподвижники императора Петра Великаго, Петръ Матвѣевичъ и Ѳедоръ Матвѣевичъ, получившій за свои военные подвиги чинъ генералъ-адмирала. Великій Петръ, цѣня заслуги Ѳедора Матвѣевича и утѣшая его послѣ смерти его жены, писалъ ему между прочимъ: „Пожалуй, побереги себя, воистину ты надобенъ". Изъ лицъ же женскаго пола рода Апраксиныхъ пріобрѣла извѣстность Марѳа Матвѣевна чрезъ почетный для всего ихъ рода бракъ съ царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ (14 Февр. 1682 г.). Въ концѣ книжки помѣщено духовное завѣщаніе генералъ-адмирала Ѳедора Матвѣевича Апраксина (42—56 стр.). Оно перепечатано изъ второй части Старины и Новизны, изд. Рубаномъ въ 1772 и 1773 годахъ.

Ольхинъ 1606.—Чертковъ 1845 г., 37 стр., № 12.—Бартеневъ 1288.—Геннади 178—4.—Барсуковъ, стр. 35.—Ѳ. Бычковъ, стр. 8.

Мартыновъ 3850, 10 р.—Шибановъ XVI—39, 2 р.—Клочковъ 4—2377, 2 р. 50.—Клочковъ 43—22908, 1 р. 25.—Мелинъ 3—933, 3 р.

242. Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1841. 8°. 2 ненум. и 24 нум. стр.

Брошюрка посвящена „племяннику моему Алексѣю Өедоровичу Льво ву". Прежде всего въ брошюркѣ сообщаются свѣдѣнія о гербѣ дворян скаго рода Бенкендорфовъ. Родъ Бенкендорфовъ дѣлается извѣстнымъ въ половинѣ XVI вѣка, когда Георгъ Бенкендорфъ во время Лифляндской войнь начальствовалъ однимъ отрядомъ войскъ, а Каспаръ Бенкендорфъ былъ въ 1563 году посланникомъ въ Польшѣ. Иванъ Бенкендорфъ въ 1721 г. былъ выбранъ въ вице-президенты. Сынъ сего послѣдняго Иванъ Ивановичъ участвовалъ въ разныхъ сраженіяхъ и за свои заслуги былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Отъ него произошли Христофоръ Ивановичъ Ермолай Ивановичъ, Христіанъ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ. Отъ Христіана Ивановича мужскаго потомства не осталось, а отъ *Христофора Ивановича* происходитъ графская вѣтвь дома *Бенкендорфовъ*. Переходя къ графамъ Бенкендорфамъ, Бороздинъ прежде всего описываетъ ихъ гербъ. Генералъ-отъ-кавалеріи Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ возведенъ былъ въ графское достоинство императоромъ Николаемъ, 8 Ноября 1832 г., а черезъ нѣсколько дней послѣ сего (15 Ноября) графское достоинство распространено было, за неимѣніемъ сыновей, на его племянника Константина Константиновича. Въ брошюркѣ сообщаются біографическія свѣдѣнія объ Александрѣ Христофоровичѣ, перечисляются его военные подвиги; но не ими онъ пріобрѣлъ особенную извѣстность, а своимъ вліятельнымъ постомъ и близостію къ императору Николаю Павловичу. Какъ извѣстно, онъ въ 1826 г. былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и на этой должности состоялъ до своей кончины. Братъ Александра Христофоровича, Константинъ Христофоровичъ, состоя въ военной службѣ, принималъ участіе въ нѣсколькихъ кампаніяхъ и, достигнувъ за военные подвиги чина генералъ-лейтенанта, окончался на 44 году своей жизни. Послѣ него остался сынъ Константинъ, который, какъ сказано выше, получилъ за заслуги своего дяди графское достоинство.

Ольхинъ 1602.—Чертковъ 1845 г., 37 стр., № 11.—Бартеневъ 1287.—Геннади 178—3.—Варсуковъ стр. 85.—Ѳ. Бычковъ, стр. 9.

Мартыновъ 3849, 8 р.—Шибановъ XVI—40, 2 р.—Клочковъ 4—2374, 2 р. 50 к.—Клочковъ 87—3497, 2 р.—Мелинъ 3—934, 3 р.—Шибановъ XYШ—23, 2 р.

243. Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Матюшкиныхъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1841 г. 8°. 2 ненум. и 21 нум. стр.

Брошюрка посвящена „графу Владиміру Александровичу Соллогубу, при пожеланіи ему успѣховъ и постоянства въ предпринимаемыхъ имъ трудахъ о Русской старинѣ". Прежде всего въ ней описывается гербъ дворянъ Матюшкиныхъ, а потомъ излагается исторія рода Матюшкиныхъ. Родоначальникомъ ихъ рода былъ Албаушъ, пріѣхавшій изъ орды въ Великій Новгородъ. При крещеніи онъ былъ нареченъ Евсевіемъ, отъ него родились *Матвей* и Давыдъ. Отъ перваго, по пред-

положенію Бороздина, потомки получили названіе *Матюшкиныхъ*. Отъ сына его Василія родился Семенъ, отъ Семена Яковъ, отъ Якова Ѳедоръ, дѣти Ѳедора, Иванъ Ѳедоровичъ Большой и Дмитрій Ѳедоровичъ, раздѣлили родъ Матюшкиныхъ на двѣ отрасли. Правнуки Ивана Ѳедоровича, Аѳанасій Ивановичъ и Петръ Ивановичъ, раздѣлили старшую отрасль на двѣ вѣтви. Внукъ Аѳанасія Ивановича (отъ первой вѣтви старшей степени) Дмитрій Михайловичъ, будучи отправленъ къ Вѣнскому двору съ извѣщеніемъ о вступленіи императрицы Екатерины II на престолъ, возведенъ Австрійскимъ императоромъ Францемъ, 7 (18) Ноября 1762, въ достоинство графа Римской имперіи. Сынъ его графъ Николай Дмитріевичъ не оставилъ потомства. Вторая вѣтвь старшей отрасли доведена Бороздинымъ до правнука Петра Ивановича, Гавріила Петровича. Младшая отрасль рода Матюшкиныхъ, родоначальникомъ которой былъ Дмитрій Ѳедоровичъ, при внукѣ его Никифорѣ Никитичѣ раздѣлилась на три вѣтви, изъ которыхъ двѣ, первая и вторая, по предположенію Бороздина, пресѣклись; третья же отрасль, родоначальникомъ которой былъ Никита Никифоровичъ, доведена Бороздинымъ до сыновей отъ праправнука Николая Михайловича Матюшкина. Нѣкоторые изъ рода Матюшкиныхъ были воеводами, окольничими, стольниками, ловчими, въ особенности же прославился Михаилъ Аѳанасьевичъ, современникъ Петра Великаго, взявшій г. Баку; впослѣдствіи онъ былъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ; отецъ же его Аѳанасій Ивановичъ, будучи Московскимъ ловчимъ, пользовался особеннымъ вниманіемъ царя Алексѣя Михаиловича.

Ольхинъ 1590.—Чертковъ 1845 г., 37 стр., № 9.—Бартеневъ 1285.—Геннади 178—1.—Барсуковъ стр. 35.—Ѳ. Бычковъ, стр. 20.

Мартыновъ 3348, 8 р.—Шибановъ XVI—43, 2 р.—Готье 38, 5 р.—Готье „Библіографъ“ 1885 г., № 3, 5 р.—Готье 9847, 3 р.—Клочковъ 28—16397, 3 р. 50 к.—Мелинъ 3—935, 3 р.—Шибановъ, XLIII—26, 2 р.

244. Опытъ историческаго родословія Измайловыхъ, составленный К. Б. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1841. 8°, 2 нен. и 27 нум. стр.

Брошюрка посвящена „племяннику моему Димитрію Васильевичу Полѣнову на память старика“. По описанію герба Измайловыхъ, Бороздинъ переходитъ къ историческому обозрѣнію ихъ рода. Измайловы ведутъ свой родъ отъ Шая, ханскаго племени, выѣхавшаго около 1250 г. къ Рязанскому великому князю Олегу Игоревичу. Шай при крещеніи былъ нареченъ Иваномъ, отъ него родился Иванъ Ивановичъ, а отъ младшаго сына сего послѣдняго Прокопія родился *Измаилъ*, по имени Измаила потомки его получили фамилію *Измайловыхъ*. Отъ Измаила Прокопьевича родился Иванъ Измаиловичъ, а отъ сего Иванъ Ивановичъ Измайловъ, по прозванію Инка. Въ 1492 г. онъ начальствовалъ надъ войсками Рязанскаго великаго князя Ивана Васильевича и сражался подъ Московскими знаменами противъ Литовцевъ. Никита Ивановичъ, сынъ его, оставилъ четырехъ сы-

новей, изъ которыхъ двое были бездѣтны, а Яковъ Никитичъ былъ воеводою; отъ Якова Никитича родились два сына, изъ коихъ Василій былъ бездѣтнымъ. Андрей Яковлевичъ имѣлъ сына Ивана Андреевича, скончавшагося тоже бездѣтнымъ, другой сынъ Никиты Ивановича Измайлова, Петръ Никитичъ былъ сначала воеводою, а въ 1585 году намѣстникомъ въ Шацкѣ. Онъ оставилъ сына Василія Петровича, а сей послѣдній семь сыновей, изъ которыхъ двое Артемій Васильевичъ и Тимофей Васильевичъ раздѣлили родъ Измайловыхъ на двѣ отрасли. Представитель старшей отрасли рода Измайловыхъ, Артемій Васильевичъ, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ дома Измайловыхъ, какъ своими заслугами, такъ несчастною кончиною. Бывши вмѣстѣ съ бояриномъ Шеинымъ начальникомъ надъ войскомъ и осаждая Смоленскъ, они вслѣдствіе голода принуждены были въ Февралѣ 1634 г. заключить съ Польскимъ королемъ унизительныя условія. Будучи заподозрѣны въ измѣнѣ, они оба были казнены. Вмѣстѣ съ Артеміемъ Никитичемъ былъ казненъ и старшій его сынъ Василій, а младшій Семенъ былъ высѣченъ кнутомъ и сосланъ. Оба они не оставили дѣтей, а отъ третьяго его сына Андрея Артемьевича, бывшаго стольникомъ и воеводою родился Петръ Андреевичъ, отъ сына сего послѣдняго Михаила Петровича три сына, у одного изъ которыхъ, Ивана Михайловича, было два сына, Алексѣй и Николай Ивановичи Измайловы. Этими послѣдними К. М. Бороздинъ и оканчиваетъ родословіе старшей отрасли рода Измайловыхъ. Отъ младшей же отрасли рода Измайловыхъ, представителемъ которой былъ, какъ уже извѣстно, Тимофей Васильевичъ, произошло нѣсколько лицъ. Изъ нихъ пріобрѣли особенную извѣстность Левъ Васильевичъ, который въ званіи чрезвычайнаго посланника отправленъ былъ въ 1719 г. въ Китай для заключенія торговаго договора. Находившійся при немъ докторъ Бель оставилъ описаніе этого посольства (Спб. 1775 г.), и Владиміръ Васильевичъ, посвятившій себя литературѣ. Историкъ рода Измайловыхъ, перечисливъ заслуги Измайловыхъ, между прочимъ говоритъ: „Что домъ Измайловыхъ произвелъ трехъ окольничихъ, трехъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, четырехъ генералъ-лейтенантовъ и одного тайнаго совѣтника". Въ концѣ книжки помѣщено приложеніе, въ которомъ говорится о крестѣ, которымъ благословилъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ окольничаго Артемія Васильевича Измайлова за участіе въ заключеніи между Польшею и Россіею перемирія, при деревнѣ Девулинѣ, вслѣдствіе котораго былъ освобожденъ изъ плѣна отецъ царя Михаила Ѳеодоровича Филаретъ Никитичъ, и „за прежнія его многія службы, и за раны, и за кровь, и за Московское осадное сидѣнье".

Ольхинъ 1604.—Чертковъ 1845 г., 37 стр., № 16.—Бартеневъ 1292.—Геннади 178—8.—Барсуковъ стр. 85.—Ѳ. Бычковъ, стр. 16.

Мартыновъ 3846, 8 р.—Шибановъ XVI—42, 2 р.—Шибановъ XLIII—25, 2 р.

245. Опытъ историческаго родословія Нащокиныхъ, составленный К. Б. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 8°, 2 нен. и 55 нум. стр.

Книжка начинается съ слѣдующаго посвященія: „Князю Никитѣ Петровичу Трубецкому посвящаю обращикъ предпринятаго мною труда, въ которомъ и онъ обѣщался участвовать. К. Б.“ К. М. Бороздинъ, описавъ предварительно гербъ дворянскаго дома Нащокиныхъ, говоритъ, что въ этой книжкѣ, вмѣстѣ съ Нащокиными, онъ помѣстилъ и происшедшіе отъ нихъ роды: Олферьевыхъ, Безниныхъ и Ординыхъ-Нащокиныхъ. Родоначальникомъ Нащокиныхъ и происшедшихъ отъ нихъ упомянутыхъ фамилій былъ *Величко Duксъ*, выѣхавшій изъ Италіи (1327 г.) въ Тверь къ Великому князю Александру Михайловичу. Принявъ православную вѣру, онъ былъ нареченъ Дмитріемъ. Отъ него родился Дмитрій Дмитріевичъ. Этому сыну во время битвы съ Татарскимъ посломъ Щелканомъ нанесена была рана на щекѣ, вслѣдствіе чего потомки его получили фамилію *Нащокиныхъ*. Потомки Дмитрія Дмитріевича Григорій и Олферій Андреевичи раздѣлили домъ Нащокиныхъ на двѣ отрасли, впослѣдствіи старшая отрасль раздѣлилась на два колѣна, а младшая отрасль погасла, продолжается ли первое колѣно старшей отрасли, Бороздину неизвѣстно. Олферій Филипповичъ, происходящій изъ старшей отрасли, былъ основателемъ дворянскаго рода Олферьевыхъ. Со смертію правнука Олферія Филипповича Василія Романовича Олферьева (1654 г.) родъ Олферьевыхъ пресѣкся. Одинъ же изъ сыновей Олферія Филипповича, Андрей, по прозванію Бездна, былъ родоначальникомъ рода Безниныхъ. Андрей Олферьевичъ Бездна былъ убитъ въ 1549 г. при взятіи Казани. Память его ежегодно, въ недѣлю Православія, провозглашается въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; два сына его Ѳедоръ и Иванъ сложили также свои головы за отечество, не оставивъ послѣ себя потомства, младшій же сынъ его Михаилъ Андреевичъ неоднократно участвовалъ въ битвахъ, состоя воеводою, подвизался и на дипломатическомъ поприщѣ, въ преклонныхъ же лѣтахъ принялъ монашество. Со смертію его погасъ родъ Безниныхъ. Изъ вѣтви же старшей отрасли рода Нащокиныхъ произошли также Ордынъ-Нащокины. Родоначальникомъ этой фамиліи былъ Андрей Филипповичъ Орда, внукъ Григорія Андреевича; сыновья Андрея Филипповича, Иванъ Андреевичъ Гусь, Аѳанасій Андреевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, Михаилъ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ Суторма раздѣлили родъ Ординыхъ-Нащокиныхъ на пять колѣнъ, впослѣдствіи всѣ эти колѣна погасли, исключая перваго колѣна, о которомъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. К. Бороздинъ говоритъ, „что родъ Нащокиныхъ со всѣми его отраслями произвелъ одного боярина и царственной печати оберегателя, одного окольничаго, четырехъ думныхъ дворянъ, двухъ генералъ-лейтенантовъ и одного гофмаршала“. Конецъ же своей брошюрки Бороздинъ посвящаетъ (39—55 стр.) жизнеописанію знаменитѣйшаго лица рода Нащокиныхъ и одного изъ величайшихъ Русскихъ людей XVII вѣка Аѳа-

насія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, заимствуя свѣдѣнія для этой біографіи изъ статей А. Ѳ. Малиновскаго, помѣщенныхъ въ VI части Трудовъ Общества Исторіи Древностей Русскихъ и изъ Опыта обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, соч. Терещенко.—Мною описаны всѣ родословія, изданныя К. Бороздинымъ по азбучному порядку, а не по времени ихъ изданія; хотя они всѣ напечатаны въ 1841 г. но помѣты на нихъ цензора А. Крылова неодновременныя; самыя раннія помѣты на родословіяхъ Нащокиныхъ и Измайловыхъ; они помѣчены 5 числомъ Мая мѣсяца, самая поздняя помѣта на родословіи Арсеньевыхъ; оно помѣчено 10 числомъ Сентября мѣсяца. Нужно полагать, что первое по выпуску было родословіе Нащокиныхъ. Къ такому заключенію можно придти изъ самаго посвященія этого родословія князю Н. П. Трубецкому. Изъ того обстоятельства, что въ одномъ изъ родословій, находившихся въ библіотекѣ Геннади, сохранился листокъ, на которомъ напечатано: „родословникъ“ и затѣмъ исчислены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ девять родословій, можно полагать, что Бороздинъ хотѣлъ всѣ родословія, изданныя имъ, сброшюровать въ одну книгу, но, сколько извѣстно, такого экземпляра „Родословника“ нигдѣ не находится.

Ольхинъ 1605—Чертковъ 1845 г. 37 стр. № 17—Бартеневъ 1293.—Геннади 178—9 Барсуковъ, стр. 35.—Ѳ. Бычковъ, стр. 22.

Мартыновъ 3845, 10 р.—Шибановъ XVI—44 3 р.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ *).

I.

Прекращеніе крѣпостной зависимости

Б. Въ Кутаисской губерніи и бывшемъ Мингрельскомъ владѣніи.

Въ самый день 8 Ноября 1864 г., когда въ Тифлисской губерніи совершалось освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, намѣстникомъ Кавказскимъ было подписано предложеніе на имя Кутаисскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта, князя Дмитрія Ивановича Святополкъ-Мирскаго, которымъ поручалось ему немедленно приступить къ предварительнымъ распоряженіямъ для распространенія на Кутаисскую губернію крестьянской реформы. И тутъ, какъ въ Тифлисской губерніи, къ первоначальному заявленію о своихъ предположеніяхъ по освобожденію крѣпостнаго сословія призывалось само дворянство, въ лицѣ особаго комитета, имѣвшаго быть составленнымъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства (тогда флигель-адъютанта князя Нестера Церетели), изъ уѣздныхъ предводителей дворянства четырехъ уѣздовъ Кутаисской губерніи—Кутаисскаго, Шаропанскаго, Рачинскаго и Озургетскаго, и четырехъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда по два отъ князей (тавадовъ) и по два отъ дворянъ (азнауровъ). Комитету этому вмѣнялось въ обязанность, не далѣе какъ къ 1 Марта 1865 года представить свои соображенія, руководствуясь при этомъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ основаніе такихъ предположеній были положены коренныя начала, на которыхъ преобразованіе быта крестьянъ совершилось въ Тифлисской губерніи и чтобы изъятія изъ положенія Тифлисскаго допускались лишь такія, которыя вызывались особенностями экономическаго строя Кутаисской губерніи. Выработанныя дворянскимъ комитетомъ предположенія имѣли затѣмъ быть переданы въ особую правительственную

*) См. выше, стр. 91.

коммиссію, которая должна была открыться въ Кутаисѣ, 1 Марта, и состоять подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго намѣстникомъ лица, члена совѣта намѣстника, тайнаго совѣтника, князя Георгія Константиновича Багратіонъ-Мухранскаго, изъ Кутаисскаго губернатора, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернскаго суда и другихъ членовъ помѣстной губернской администраціи, по назначенію намѣстника. Коммисія эта обязывалась окончить свои труды къ 1 Мая и таковые передать генералъ-губернатору, который долженъ былъ представить ихъ намѣстнику Кавказскому со своимъ заключеніемъ. Предположенія, выработанныя въ Кутаисѣ, имѣли для окончательнаго обсужденія поступить въ комитетъ по устройству крестьянъ при главномъ управленіи намѣстника, который обязывался составить проектъ законодательнаго акта.

Программа эта была съ математическою точностью выполнена: дворянскій комитетъ внесъ свои предположенія къ 1 Марта 1865 г., правительственная коммисія окончила свои занятія 26 Апрѣля, а комитетъ при главномъ управленіи, посвятилъ этому дѣлу шесть засѣданій, съ 6-го по 13 Мая.

Хотя, въ 1865 году, Кутаисская губернія, кромѣ четырехъ поименованныхъ уѣздовъ, обнимала еще уѣздъ Ахалцыхскій, въ 1868 г. причисленный къ губерніи Тифлисской; но имѣвшая совершиться реформа не могла касаться его, въ виду того, что въ уѣздѣ этомъ населеніе землевладѣльческое мусульманское, у котораго крѣпостнаго права никогда не существовало. Устройство быта поселянъ въ этомъ уѣздѣ было произведено впослѣдствіи одновременно съ таковымъ во всѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ края.

Крѣпостное право въ Кутаисской губерніи существовало на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ сосѣдней, Тифлисской; регулировалось оно въ былое время тѣмъ же уложеніемъ царя Вахтанга, одинаково дѣйствовавшимъ въ бывшей Имеретіи, и мѣстнымъ обычаемъ. Разница, которая существовала между отношеніями помѣщиковъ и подвластныхъ имъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ, истекала только изъ различія хозяйственныхъ условій и изъ нѣкоторой разности въ распредѣленіи повинностей, которыя крѣпостные отбывали своимъ помѣщикамъ. Въ Кутаисской губерніи, гораздо еще болѣе, нежели въ Тифлисской, существуютъ малоземелье и мелкопомѣстность. Первое замѣнялось гораздо бо̀льшимъ, въ общемъ итогѣ, плодородіемъ нивы, и, при болѣе, во многихъ частяхъ оной, тепломъ, влажномъ климатѣ, преобладаніемъ иныхъ сельско-хозяйственныхъ культуръ. Такъ, вмѣсто пшеницы и ячменя, составляющихъ въ хлѣбородныхъ частяхъ Тифлисской губерніи основу крестьянскаго хозяйства, въ уѣздахъ Кутаис-

ской губерніи преобладаетъ культура кукурузы и проса, дающихъ несравненно болѣе богатые урожаи; пшеница же является уже на второмъ планѣ. Населеніе питается преимущественно хлѣбомъ кукурузнымъ и пшеномъ, по грузински *гоми*. Нѣсколько отлично хозяйство въ Рачинскомъ уѣздѣ, гдѣ, по причинѣ возвышенной мѣстности и болѣе суроваго климата, а также бо̀льшей скученности населенія, сіе послѣднее находитъ подспорье въ отхожихъ промыслахъ. Въ Кутаисской губерніи также очень распространено винодѣліе; но производство его нѣсколько различествуетъ отъ принятаго въ губерніи Тифлисской: тогда какъ въ сей послѣдней культура винограда производится, до сего дня почти исключительно въ правильно устроенныхъ садахъ, требующихъ тщательнаго ухода, и лозы разводятся низко, на таркальникахъ, въ томъ же примѣрно видѣ, какъ это принято въ Крыму и въ Западной Европѣ; въ Кутаисской губерніи, рядомъ съ такими правильными виноградными садами, виноградныя лозы, посаженныя возлѣ деревьевъ, взвиваются по онымъ свободно, предоставленныя сами себѣ, не требуя никакого спеціальнаго ухода. Даютъ такія лозы урожай довольно обильный, хотя качество винограда естественно низшее, а потому и достоинство вина отъ этого страдаетъ. Сады перваго разряда носятъ на мѣстномъ Грузинскомъ языкѣ названіе *даблари*, а втораго рода *маглари*. Лозы произрастаютъ у крестьянскихъ домовъ на деревьяхъ орѣховыхъ или лѣсныхъ, пространство же подъ лозами засѣвается овощами или хлѣбными растеніями, служа такимъ образомъ и полевыми угодіями. Другая особенность крестьянскаго хозяйства въ уѣздахъ Кутаисской губерніи, особенно Кутаисскомъ, Шарапанскомъ и въ немалой степени и въ Озургетскомъ, заключалась въ томъ, что весь участокъ каждаго домохозяина сгрупированъ близъ его дома и огороженъ. Такимъ образомъ селеніе представляетъ видъ соединенія бо̀льшаго или меньшаго количества отдѣльныхъ хуторовъ и усадебъ, не отдѣленныхъ отъ полей. Въ Рачинскомъ уѣздѣ селенія по наружному виду болѣе походятъ на таковыя Грузинскія. Наконецъ, нигдѣ въ четырехъ уѣздахъ Кутаисской губерніи не существовало искусственнаго орошенія, какъ совершенно ненужнаго въ виду достаточной влажности и почвы, и атмосферы. Различались земли по большему или меньшему плодородію, но различіе поливныхъ и неполивныхъ тамъ неизвѣстно. Эти экономическія особенности имѣли быть принимаемы во вниманіе при установленіи поземельныхъ отношеній между помѣщиками и освобожденными изъ крѣпостной зависимости крестьянами.

Что̀ касается мелкопомѣстности, то таковая, несравненно еще бо̀льшая нежели въ Тифлисской губерніи, представлялась въ слѣдующемъ видѣ: помѣщичьихъ семействъ насчитывалось въ четырехъ уѣз-

дахъ 4.785; въ ихъ владѣніи состояло, по послѣднему камеральному описанію, 96.732 крестьянъ мужскаго пола; земли удобной въ этихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ совокупности, было примѣрно 192 т. десятинъ. Изъ общаго числа помѣщиковъ 4.785, владѣвшихъ менѣе нежели 21 душами, считалось 3.776, т. е. безъ малаго $^4/_5$. Въ среднемъ же выводѣ на каждое помѣщичье владѣніе приходило бы не болѣе сорока десятинъ. Въ дѣйствительности оказывалось, что масса помѣщиковъ не имѣла въ непосредственномъ своемъ распоряженіи болѣе 6 десятинъ на каждое семейство, а крестьяне имѣли въ большинствѣ не болѣе какъ отъ 4 до 5 куевъ (куева—мѣстная мѣра 900 кв. саженей). Только у нѣкоторыхъ зажиточныхъ имѣлось отъ 10—15 куевъ, и лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ размѣры крестьянскаго участка доходили до 30 куевъ, т. е. приблизительно 12 десятинъ. Такое аграрное положеніе уже прямо указывало на то, что огромное большинство помѣщичьяго сословія проживало въ большой бѣдности, содержа себя преимущественно личными повинностями своихъ крѣпостныхъ. Сіи послѣднія, по установившемуся обычаю, выражались въ видѣ личной прислуги, называвшейся на мѣстномъ языкѣ *шинакма* и въ крайне-разнообразныхъ приношеніяхъ, частью постоянныхъ, частью при разныхъ случаяхъ, на праздники, при выходѣ замужъ вдовы или дѣвушки, на свадьбахъ, при похоронахъ, въ случаѣ раздѣла семьи, для уплаты долга помѣщика или при выступленіи его въ походъ. Каждый изъ этихъ видовъ носилъ свое спеціальное мѣстное названіе; уплачивались эти повинности земными произведеніями или деньгами, въ размѣрѣ большемъ или меньшемъ, смотря по состоятельности крестьянина. На ряду съ этими личными повинностями крестьяне отбывали помѣщикамъ повинности за пользованіе землею однородно съ порядкомъ существовавшимъ въ Тифлисской губерніи; различіе между двумя губерніями выражалось отчасти въ различіи самыхъ полевыхъ продуктовъ, отчасти въ томъ, что въ Кутаисской губерніи крестьяне раздѣлялись на разряды, каждый изъ коихъ отбывалъ повинности, въ установленномъ обычаемъ видѣ и размѣрѣ; такъ: крестьяне дѣлились на *азаты* и *мсахура*, *глехи* и *моджалибы*. Первые, составляя какъ бы высшій классъ, обязаны были одною только, при лицѣ помѣщика прислугою; вторые, кромѣ прислуги, и другими крестьянскими повинностями, третьи домашнею прислугою и выставленіемъ рабочихъ на помѣщичьи полевыя работы, и независимо отъ этого и остальными крестьянскими повинностями; наконецъ моджалабы, низшій разрядъ, скорѣе походившій на рабовъ, обязаны были исполнять всякія безъ различія требованія помѣщика, какъ въ домашней службѣ, такъ и въ полевыхъ работахъ; только нѣкоторые изъ нихъ, не многіе, имѣли и то

самый незначительный, полевой надѣлъ; бо̀льшая же часть одну только усадьбу. Этотъ разрядъ былъ подведенъ, при освобожденіи крестьянъ, подъ категорію дворовыхъ людей.

Дворянскій комитетъ въ Кутаисской губерніи, подчиняясь данному ему предписанію, не коснулся въ ходатайствахъ своихъ ни одного изъ коренныхъ началъ, принятыхъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Тифлисской губерніи, т. е. признанія за освобождаемыми изъ зависимости крестьянами личныхъ и имущественныхъ правъ, обязанности помѣщиковъ надѣлить крестьянъ полевыми угодьями и сохраненія за ними ихъ усадебъ и садовъ; заявленныя имъ ходатайства относились лишь къ подробностямъ примѣненія такихъ началъ, вызывавшимся особенностями мѣстнаго экономическаго строя.

Такъ: 1) Признавая, что съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости крестьяне должны быть освобождены отъ всякихъ личныхъ къ помѣщику повинностей и сдѣлаться полными собственниками всей движимости своей, дворянскій комитетъ объяснялъ что такое лишеніе для большинства помѣщиковъ, для которыхъ почти все благосостояніе основано было на такихъ повинностяхъ, равносильно полному раззоренію, и ходатайствовалъ, чтобы на это обстоятельство было обращено вниманіе, и оно повергнуто было на всемилостивѣйшее воззрѣніе. Ходатайство это было признано намѣстникомъ Кавказскимъ настолько оправданнымъ обстоятельствами, что Его Высочествомъ было въ Іюнѣ 1865 г. особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ испрошено Высочайшее соизволеніе на распространеніе на дворянъ Кутаисской губерніи Монаршей милости, дарованной дворянству Тифлисской губерніи, о выдачѣ дворянамъ помѣщикамъ по 25 рублей за каждую ревизскую душу, въ вознагражденіе за личныя повинности крестьянъ, которыхъ они лишались.

2) Относительно жилыхъ домовъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ, въ предѣлахъ крестьянскихъ усадебъ, дворянскій комитетъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы, по производствѣ оцѣнки такихъ строеній, четвертая часть таковой была выплачена крестьянами помѣщикамъ, или же четвертая часть самихъ построекъ была предоставлена симъ послѣднимъ. Ходатайство это оправдывалось тѣмъ, что, въ различіе отъ Тифлисской губерніи, въ Кутаисской всѣ крестьянскія постройки сооружены изъ лѣснаго матеріала и удобопереносимы; что матеріалъ этотъ вездѣ былъ помѣщичій, давая владѣльцамъ право, при переходѣ такихъ построекъ въ собственность крестьянъ, получить нѣкоторое вознагражденіе. Хотя ходатайству этому, въ извѣстныхъ случаяхъ, нельзя бы было отказать въ нѣкоторой доли основательности; но, въ виду крайней затруднительности или даже невозможности, въ каж-

домъ отдѣльномъ случаѣ, опредѣлить, насколько, вслѣдствіе либо давностности, либо состоявшагося даренія, либо иныхъ причинъ могло бы быть опредѣлено право помѣщика на участіе въ подобной собственности, правительственная коммиссія не признала возможнымъ для такого частнаго случая допустить уклоненіе отъ утвержденныхъ для Тифлисской губерніи правилъ.

3) По вопросу о надѣлѣ крестьянъ землею и другими угодьями для пользованія, дворянскій комитетъ возбудилъ ходатайство по четыремъ видамъ такого надѣла, а именно объ усадебной осѣдлости, о виноградникахъ, о полевыхъ угодьяхъ, и о выгонахъ и мѣстахъ для пастьбы.

а) относительно усадебной осѣдлости дворянскій комитетъ, основываясь на томъ, что въ Кутаисской губерніи земли плодороднѣе нежели въ Тифлисской, не требуютъ нигдѣ искусственной поливки и вслѣдствіе этого гораздо цѣннѣе; а также, что въ предѣлахъ усадебныхъ мѣстъ между жилыми и хозяйственными постройками имѣются орѣховыя, фруктовыя, тутовыя и другія деревья, съ разведенными на нихъ виноградными лозами, признавалъ справедливымъ, чтобы размѣръ усадебной осѣдлости былъ опредѣленъ для уѣздовъ Кутаисскаго и Озургетскаго, въ размѣрѣ одной куевы (900 кв. саженъ), для Шаропанскаго въ размѣрѣ двухъ третей куевы (600 кв. саж.), а въ Рачинскомъ, гдѣ земли имѣютъ наивысшую въ губерніи цѣнность, въ одну половину куевы (450 кв. саж.), не подчиняя однако этому правилу тѣ мѣстности сего послѣдняго уѣзда, гдѣ крестьянскія усадьбы сгруппированы, и усадебная осѣдлость занята исключительно постройками. Правительственная коммиссія, соглашаясь съ тѣмъ, что земли въ Кутаисской губерніи цѣннѣе нежели въ Тифлисской и что поэтому опредѣленный для Тифлисской губ. высшій размѣръ усадебной осѣдлости каждаго крестьянскаго дыма, въ однодневное паханье ($^1/_2$ десят.), подлежалъ бы для Кутаисской губерніи нѣкоторому сокращенію, не признала однако ни удобнымъ, ни справедливымъ установлять различные размѣры для разныхъ частей губерніи, ниже въ особенности ограничивать усадебныя осѣдлости точно-опредѣленнымъ размѣромъ; а потому предположила, по примѣненіи къ положенію о Тифлисской губерніи, опредѣлить лишь одинъ *высшій* размѣръ для усадебной осѣдлости, установивъ его, вмѣсто однодневнаго паханія (1.200 кв. саж.), въ одну куеву (900 кв. саж.), каковое количество земли, въ большей части мѣстностей, не менѣе того, которое занято подъ усадьбы.

б) Относительно виноградниковъ представлялась для Кутаисской губерніи особенность въ виду существованія въ оной двухъ видовъ такихъ насажденій, о которыхъ было прежде сего упоминаемо—вино-

градниковъ *даблари* и виноградниковъ *маглари*. Касательно первыхъ совершенно однородныхъ съ существующими въ Тифлисской губерніи, не было возбуждаемо особаго ходатайства и включеніе ихъ въ полномъ составѣ въ крестьянскій надѣлъ безусловно было принято. Что же касается виноградниковъ маглари, дворянскій комитетъ предполагалъ включить ихъ въ полевые участки, подчинивъ тѣмъ же условіямъ и ограниченіямъ, которыя для таковыхъ имѣли быть установлены. Такое ходатайство дворянскій комитетъ оправдывалъ тѣмъ, что такіе виноградники не составляютъ въ точномъ смыслѣ садовъ, что вьющійся на распредѣленныхъ по извѣстному пространству деревьяхъ виноградъ не требуетъ никакого спеціальнаго ухода, а подъ этими деревьями производятся, какъ и на другихъ полевыхъ угодьяхъ, всякіе посѣвы. Правительственная коммиссія къ такому взгляду на виноградники «маглари», вполнѣ присоединиться не сочла возможнымъ. Она разсуждала: что такъ какъ, по основаніямъ мѣстнаго положенія для Тифлисской губерніи, сады виноградные причислены къ неприкосновеннымъ участкамъ, неподлежащимъ къ отрѣзкѣ въ пользу помѣщика, по праву предоставленному сему послѣднему на оставленіе въ своемъ непосредственномъ распоряженіи извѣстнаго количества принадлежащихъ ему земельныхъ угодій, и эти основанія должны примѣниться и къ Кутаисской губерніи, то *безусловное* причисленіе виноградниковъ *маглари* къ полевымъ угодьямъ явилось бы нарушеніемъ такихъ основаній и могло бы лишить крестьянъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, необходимѣйшихъ средствъ къ существованію. Съ другой стороны однако нельзя было не принять во вниманіе, что виноградники «маглари», по самому свойству своему, могли занимать обширное пространство земли, употребляемое вмѣстѣ съ тѣмъ какъ полевая земля; что въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ виноградники «маглари», большею частью не имѣется ни у помѣщика, ни у крестьянъ особыхъ независимыхъ отъ оныхъ, полевыхъ угодій, и что поэтому *безусловное* признаніе такихъ виноградниковъ *неприкосновенными* крестьянскими участками, т. е. не могущими ни въ какомъ случаѣ подлежать отрѣзкѣ въ пользу помѣщика, на случай его малоземелья, поставило бы такихъ помѣщиковъ въ положеніе безвыходное и несправедливое, сравнительно съ другими мѣстностями. Въ виду этого правительственная коммиссія признала возможнымъ, для соглашенія правъ помѣщиковъ и крестьянъ, изыскать особое средство, т. е. установить высшій размѣръ для виноградниковъ «маглари», какъ неприкосновенныхъ участковъ. Соображаясь далѣе съ тѣмъ количествомъ земли, которое обыкновенно состоитъ у достаточныхъ крестьянъ подъ виноградниками «маглари», коммиссія сочла совершенно достаточнымъ за высшій раз-

мѣръ земли подъ такіе виноградники опредѣлить четыре куевы, съ тѣмъ, чтобы все количество земли, которое могло бы превышать такой высшій размѣръ, отчислить къ полевымъ угодьямъ, подчинивъ его общимъ о сихъ угодьяхъ правиламъ. Такое постановленіе касалось тѣхъ случаевъ, когда у крестьянина кромѣ виноградника «маглари» не было другаго винограднаго сада; но бывали и такіе случаи, когда у крестьянина былъ виноградникъ «даблари» и рядомъ съ нимъ и «маглари»; въ такихъ случаяхъ сей послѣдній замѣнялъ вполнѣ полевой участокъ. Въ виду этого признавалось справедливымъ установить нѣкоторое соотвѣтствіе и, признавъ, что цѣнность одной куевы «даблари» безусловно можетъ быть признана равною цѣнности двухъ куевъ «маглари», опредѣлить: что въ случаѣ, если у крестьянина будетъ имѣться виноградникъ даблари, пространствомъ не менѣе двухъ куевъ, то весь состоящій въ пользованіи его виноградникъ «маглари» долженъ быть причисленъ къ полевымъ угодіямъ.

в) Дворянскій комитетъ заявлялъ, что въ четырехъ уѣздахъ Кутаисской губерніи большая часть помѣщичьихъ земель лучшаго качества состояла въ пользованіи у крестьянъ; что помѣщики не только не препятствовали такому переходу въ руки ихъ крестьянъ лучшихъ своихъ земель, но даже поощряли оный, въ виду того, что это давало симъ послѣднимъ возможность безъ отягощенія отбывать многоразличныя земельныя и личныя повинности, которыя на нихъ, по обычаю, были возложены и которыя въ свою очередь составляли главный источникъ благосостоянія самихъ помѣщиковъ, обезпечивая вмѣстѣ съ тѣмъ и для послѣднихъ охраненіе ихъ поземельной собственности отъ постороннихъ захватовъ; но, съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости и связанныхъ съ нею всѣхъ личныхъ повинностей, обстоятельства коренным образомъ измѣняются, и помѣщики будутъ вынуждаемы, для своего существованія, основывать собственное хозяйство, для чего будутъ нуждаться въ землѣ. Комитетъ поэтому находилъ невозможнымъ, при опредѣленіи размѣра крестьянскихъ полевыхъ надѣловъ, принимать за основаніе таковой, установленный для Тифлисской губерніи, какъ въ виду крайней малоземельности помѣщичьихъ имѣній, такъ и въ виду бо́льшей ихъ плодородности, дающей возможность на меньшемъ пространствѣ достигать, при меньшемъ же трудѣ, бо́льшей благосостоятельности, и это тѣмъ болѣе, что на одномъ и томъ же полѣ, не прибѣгая къ орошеніямъ, крестьянинъ могъ получить два урожая, сперва пшеницы, а послѣ уборки оной, еще проса. Въ виду этого дворянскій комитетъ проектировалъ назначеніе каждому крестьянскому дѣлу, въ Кутаисскомъ, Озургетскомъ и Шаропанскомъ уѣздахъ, полевой, пахатной и сѣнокосной зѐмли по *четыре* и въ Ра-

чинскомъ, самомъ малоземельномъ, по *три* куевы. Все могущее быть въ рукахъ крестьянъ сверхъ этого количество земли предполагалось предоставить въ распоряженіе помѣщиковъ, не ограничивая и установленнаго для Тифлисской губерніи прàва помѣщика удержать за собою половину общаго количества пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, если у него окажется менѣе таковой, за надѣломъ крестьянъ въ предполагаемомъ размѣрѣ. Тамъ же гдѣ состоящіе въ пользованіи крестьянъ участки были бы менѣе проектированнаго надѣла, таковой не имѣлъ бы быть увеличенъ. Наконецъ, отводъ слѣдующаго по числу дымовъ надѣла произвести, руководствуясь послѣднимъ камеральнымъ описаніемъ. Правительственная коммиссія заявленія дворянскаго комитета приняла въ серьозное соображеніе; недостатокъ земельнаго довольствія, не только у крестьянъ, но еще болѣе у самихъ помѣщиковъ, независимо имѣвшихся въ виду общихъ свѣдѣній, былъ подтвержденъ собранными на мѣстахъ особо для сего командированными чинами главнаго управленія Намѣстника, данными, почерпнутыми изъ личныхъ распросовъ помѣщиковъ и самихъ крестьянъ. Отношеніе числа землевладѣльцевъ и находившихся въ крѣпостной ихъ зависимости крестьянъ къ пространству, занятому помѣщичьими имѣніями, было уже выше сего указано. Хотя это фактическое положеніе и оправдывало въ немалой мѣрѣ ограниченность предложенныхъ дворянскимъ комитетомъ крестьянскихъ надѣловъ, тѣмъ не менѣе правительственная коммиссія не сочла возможнымъ принять ихъ за высшій размѣръ, а еще менѣе допускать еще уменьшеніе ихъ черезъ отрѣзку въ пользу помѣщика, при его малоземельи. Какъ ни заслуживало вниманія стѣсненное положеніе помѣщиковъ, коммиссія должна была руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, что безусловное принятіе предположеній дворянскаго комитета имѣло бы, по всей вѣроятности, послѣдствіемъ, что отрѣзка у крестьянъ земельныхъ участковъ оказалась бы явленіемъ повсемѣстнымъ, къ явному стѣсненію сословія, составляющаго безъ малаго $^2/_3$ общаго сельскаго населенія четырехъ уѣздовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю рабочую и податную силу; такой результатъ очевидно не соотвѣтствовалъ бы цѣли, съ которою предпринималась крестьянская реформа, имѣвшая въ виду не ухудшеніе, а улучшеніе быта крестьянъ. Независимо сего, въ отношеніи спеціальнаго вопроса объ отрѣзкѣ изъ крестьянскихъ надѣловъ, нельзя было не принять во вниманіе, что подобная мѣра не подкрѣплялась бы даже экономическими расчетами для самихъ помѣщиковъ; ибо, за исключеніемъ одного Рачинскаго уѣзда, въ остальныхъ крестьянскія усадьбы, какъ было упомянуто, не были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, какъ въ Тифлисской губерніи, отдѣльно отъ полевыхъ угодій, находящихся внѣ черты

селенія, но къ каждой крестьянской усадьбѣ прилегаютъ и принадлежащія ей земельныя угодія, составляя съ нею одинъ неразрывный участокъ; при такомъ устройствѣ отрѣзка изъ надѣла, и безъ того скуднаго, разстроивая хозяйство крестьянина, не могла бы принести пользы и самому помѣщику, который пріобрѣлъ бы незначительные черезполосные участки, которые онъ не могъ бы сосредоточить въ одно цѣльное владѣніе и по необходимости долженъ бы оставить въ пользованіи у тѣхъ же крестьянъ, у которыхъ они были отрѣзаны.

Въ виду такихъ соображеній, правительственная коммиссія пришла къ заключенію: 1) Что проектированные дворянскимъ комитетомъ размѣры надѣловъ могутъ быть признаны только какъ *коренные*, принявъ для всѣхъ четырехъ уѣздовъ одинъ общій размѣръ—*четыре куевы*; при этомъ установить, какъ высшій размѣръ, утроенное количество кореннаго размѣра, т. е. 12 куевъ—равное примѣрно $4^1/_2$ десят., оставляя въ пользованіе крестьянамъ землю въ семъ высшемъ размѣрѣ не по разсчету на общее число дымовъ, составляющихъ крестьянское общество, а тѣмъ крестьянамъ кои имѣли-бы надѣлъ въ такомъ размѣрѣ. 2) Относительно подчиненія, въ опредѣленныхъ случаяхъ, кореннаго крестьянскаго надѣла отрѣзкѣ, въ виду крайняго отъ оной стѣсненія крестьянина, при маловыгодности онаго на практикѣ для самого помѣщика, коммисія, не отрицая права сего послѣдняго на обращеніе въ свое распоряженіе половины изъ общаго количества принадлежащихъ ему земель въ одномъ селеніи, предположила предоставить однако крестьянамъ удерживать за собою такіе подлежавшіе бы передачѣ помѣщику участки, но съ уплатою возвышенной за оные повинности, сравнительно съ общеустановленной за земельный надѣлъ. Увеличеніе это было опредѣлено въ 10%.

г) Относительно пользованія выгонами и мѣстами для пастьбы дворянскій комитетъ объяснялъ, что по существовавшему въ четырехъ уѣздахъ Кутаисской губерніи обычаю рабочій и домашній скотъ безразлично, какъ помѣщичій такъ и крестьянскій, пасется въ чертѣ селенія, на пустопорожнихъ промежуткахъ между усадебными мѣстами помѣщиковъ и крестьянъ, на земляхъ оставшихся по разнымъ причинамъ свободными отъ распашекъ, а также на самыхъ полевыхъ участкахъ до распашекъ и послѣ уборки урожая; что при черезполостности владѣнія не только между помѣщикомъ и принадлежащими ему крестьянами, но и между разными помѣщиками съ ихъ крѣпостными, совмѣстно владѣющими въ предѣлахъ одного и того-же селенія также черезполосно, помѣщики не могли требовать ни другъ отъ друга, ни отъ крестьянъ, какой-либо платы за пастьбу, которая признавалась даровымъ достояніемъ всего селенія; что безплатное пользо-

ваніе крестьянами было основано на правѣ ихъ помѣщиковъ, съ которыми они совокупно составляли одно хозяйство; но что съ хозяйственнымъ разводомъ двухъ сословій дальнѣйшее даровое пользованіе крестьянами пастьбищами, на существовавшихъ основаніяхъ, не оправдывалось-бы справедливостью. А потому дворянскій комитетъ предполагалъ за право пастьбы въ предѣлахъ селенія облагать крестьянъ денежнымъ въ пользу помѣщиковъ платежемъ, въ размѣрѣ, по десяти копѣекъ въ годъ съ каждой лошади и крупной скотины и по пяти копѣекъ съ мелкой; пользованіе-же пастьбищными мѣстами внѣ предѣловъ селенія предоставить добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами. Правительственная коммисія, не усмотрѣвъ кореннаго различія между порядкомъ пользованія со стороны крестьянъ выгонами и мѣстами для пастьбы, между губерніями Тифлисскою и Кутаисскою, признала правильнымъ распространить на послѣднюю правила, постановленныя въ мѣстномъ положеніи для Тифлисской губерніи.

4) Особенныя льготы, дарованныя по общему положенію мелкопомѣстнымъ дворянамъ-помѣщикамъ и опредѣленныя и для Тифлисской губерніи, были въ особенности примѣнимы къ Кутаисской губерніи, гдѣ число ихъ, какъ выше указано, было несравненно большее чѣмъ гдѣ либо. Но это самое обстоятельство, при общей малоземельности, требовало бо́льшей осторожности, дабы число крестьянъ, земельное обезпеченіе которыхъ могло быть ограничиваемо, не составило большинства всего населенія, имѣвшаго поступить въ разрядъ временно-обязанныхъ. Примѣняясь къ принятому по Тифлисской губерніи началу, что мелкопомѣстность опредѣлялась не числомъ душъ, а количествомъ земли, владѣемой помѣщикомъ, дворянскій комитетъ предположилъ, чтобы льготами, даруемыми мелкопомѣстнымъ дворянамъ, пользовались тѣ изъ таковыхъ, которые въ населенномъ имѣніи имѣли-бы не болѣе *ста двадцати куевъ*, а чтобы владѣющіе не болѣе какъ половиною этого количества были освобождены отъ обязанности надѣлять своихъ крестьянъ землею. Хотя это предложеніе соотвѣтствовало принятому уже въ другихъ случаяхъ приравненію по двумъ губерніямъ однодневнаго паханія въ Тифлисской къ одной куевѣ въ Кутаисской, и потому, по видимому, не должно было вызвать возраженій: тѣмъ не менѣе правительственная коммисія не сочла возможнымъ съ этимъ согласиться, имѣя въ виду, что въ Тифлисской губерніи сравнительно небольшое число крестьянъ могло подвергнуться лишенію земельнаго довольствія, между тѣмъ какъ въ Кутаисской, при огромномъ количествѣ малоземельныхъ помѣщиковъ, большинство крестьянъ могло-бы подвергнуться обезземеленію. По сему коммисія сочла нужнымъ уменьшить на половину норму для опредѣленія мелкопомѣстно-

сти, опредѣливъ ее въ *шестьдесятъ куевъ*, вмѣсто предложенныхъ дворянскимъ комитетомъ ста двадцати куевъ.

5) Въ нагорной части Рачинскаго уѣзда имѣлись нѣкоторыя имѣнія помѣщичьи, населенныя крестьянами изъ Осетинъ, которые, по хозяйственному своему устройству и отношеніямъ къ помѣщикамъ, находились въ совершенно одинаковомъ положеніи съ единоплеменными имъ жителями нагорной части Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи; а потому правительственная коммисія сочла нужнымъ распространить на сихъ крестьянъ Рачинскаго уѣзда изъятія установленныя для единоплеменниковъ ихъ въ Горійскомъ уѣздѣ.

6) Для установленія повинностей, которыя крестьяне должны отбывать землѣвладѣльцамъ за постоянное пользованіе своими надѣлами, приходилось примѣнить безъ измѣненій тѣ виды этихъ повинностей, которые были установлены для Тифлисской губерніи, т. е. съ усадебныхъ мѣстъ, съ виноградныхъ садовъ и съ полевыхъ угодій. Обсужденію имѣлъ подлежать только размѣръ этихъ повинностей, сообразно съ мѣстными хозяйственными условіями. Въ этомъ отношеніи дворянскій комитетъ сдѣлалъ заявленія:

а) относительно усадебной осѣдлости комитетъ предлагалъ удвоить опредѣленную по мѣстному положенію о Тифлисской губерніи ежегодную плату, а равно и оцѣнку, оправдывая такое ходатайство бо̀льшею доходностью этихъ мѣстъ; но правительственная коммисія, не отвергая, что въ Кутаисской губерніи усадебныя земли болѣе цѣнны по доходу отъ имѣющихся на оныхъ плодовыхъ и орѣховыхъ деревьевъ, но имѣя въ виду что размѣръ такого участка ограниченъ одною куевою (900 кв. саж.), вмѣсто однодневнаго паханья ($^1/_2$ десят.) принятаго для Тифлисской губерніи, признала, что уравненіе въ цѣнности и въ ежегодной денежной платѣ, *по три рубля*, такихъ двухъ неравномѣрныхъ по пространству угодій будетъ достаточнымъ вознагражденіемъ за бо̀льшую цѣнность меньшаго по пространству участка. При этомъ однако, во вниманіи къ большой дробности усадебныхъ участковъ въ Рачинскомъ уѣздѣ, высокой ихъ цѣнности, и наконецъ, для избѣжанія споровъ и недоразумѣній на счетъ занимаемаго подъ усадебною осѣдлостью пространства земли, коммисія предположила установить, что пространство заключающее въ себѣ менѣе половины одной куевы имѣетъ быть принято за половину, а выше полкуевы за цѣлую куеву.

б) Касательно повинности съ виноградныхъ садовъ дворянскій комитетъ, ссылаясь на установившійся, по удостовѣреніи его, давній обычай, въ силу котораго получившій для разведенія сада участокъ, разводя оный собственными средствами, обязывался затѣмъ половину уро-

жая такого разведеннаго виноградпаго или плодоваго сада отдавать землевладѣльцу, независимо еще нѣкоторыхъ отдѣльныхъ приношеній, проектировалъ, чтобы повинность съ оставляемыхъ въ пользованіи крестьянъ виноградныхъ садовъ и плодовыхъ насажденій была опредѣлена въ пользу помѣщика въ размѣрѣ половины урожая. Правительственная-же коммисія не признала возможнымъ съ такимъ заключеніемъ согласиться, разсуждая, что обработка виноградника «даблари», совершенно сходнаго съ виноградниками въ Тифлисской губерніи, требуетъ въ обѣихъ губерніяхъ совершенно одинаковаго ухода и труда. Она не могла усмотрѣть никакой справедливой причины облагать въ Кутаисской губерніи такіе сады высшею повинностью, нежели та, которая была установлена для сосѣдней губерніи, т. е. одну четвертую часть урожая. Что-же касается виноградниковъ «маглари», первоначальное устройство и ежегодная поддержка которыхъ требуютъ гораздо менѣе труда и издержекъ, то повинность съ оныхъ предположена въ одну *треть* съ урожая; вмѣстѣ съ тѣмъ коммисія, имѣя въ виду, что въ виноградникахъ послѣдняго рода земля подъ деревьями употребляется, какъ полевая, для разныхъ посѣвовъ, признала справедливымъ, чтобы и съ этихъ посѣвовъ была отбываема въ пользу помѣщика повинность земными произведеніями.

в) Дворянскій комитетъ заявлялъ, что, вслѣдствіе увеличенія, въ четырехъ уѣздахъ Кутаисской губерніи, народонаселенія и возрастающей цѣнности земель, отдача въ аренду таковыхъ постороннимъ лицамъ совершается подъ условіемъ платежа половины, а мѣстами трети всѣхъ земныхъ произведеній, независимо еще особыхъ приношеній и нѣсколькихъ рабочихъ дней въ году, и проектировалъ назначеніе повинности съ полевыхъ угодій, отводимыхъ въ надѣлъ выходящимъ изъ крѣпостной зависимости помѣщичьимъ крестьянамъ: для уѣздовъ Кутаисскаго, Озургетскаго и Шаропанскаго въ размѣрѣ одной трети, а для Рачинскаго уѣзда одной половины всѣхъ земныхъ произведеній; за сѣнокосныя-же земли, повсемѣстно, въ размѣрѣ одной половины урожая, съ доставкою таковаго къ помѣщику на разстояніи до 15-ти верстъ; замѣнъ-же такихъ натуральныхъ продуктовъ денежнымъ оброкомъ предоставить добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами. Правительственная коммисія, не отвергая, что имѣвшіяся у нея въ виду свѣдѣнія свидѣтельствовали о существованіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ высокой наемной платы за землю, простиравшейся до одной трети, а иногда и до половины съ урожая, вмѣстѣ съ тѣмъ однако имѣла въ виду, что таковая высокая наемная плата не была повсемѣстная, понижаясь нерѣдко до одной пятой части урожая, и даже ниже сего. Независимо сего, повинности отбывавшіяся

собственно крѣпостными крестьянами ихъ помѣщикамъ изъ части урожая не достигали такихъ высокихъ размѣровъ, выражаясь болѣе личными послугами; посему коммисія признала справедливымъ и для обѣихъ сторонъ безобиднымъ опредѣлить повинности съ полевыхъ угодій въ томъ-же размѣрѣ, въ которомъ они были установлены для Тифлисской губерніи, т. е. однообразно въ одну четвертую часть съ урожая. Исключеніемъ отъ этого размѣра имѣли служить, какъ было уже выше указано, тѣ случаи, когда крестьянинъ пожелалъ-бы удержать въ своемъ пользованіи такіе участки изъ надѣла, которые моглибы подлежать отрѣзкѣ въ пользу помѣщика, за каковые онъ имѣлъ-бы вносить возвышенную повинность, опредѣляемую коммисіею въ размѣрѣ 10%. Равнымъ образомъ въ случаѣ, когда-бы помѣщикъ доказалъ, что въ томъ-же селеніи или въ ближайшихъ къ нему обыкновенная наемная за землю плата была-бы не менѣе одной трети съ урожая, и что земля крестьянскаго надѣла принадлежитъ къ лучшимъ въ той мѣстности, предполагалось предоставить губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію возвышать повинность до одной трети съ урожая. Для нагорныхъ мѣстностей Рачинскаго уѣзда коммисія предложила сохранить повинности вносимыя крестьянами деньгами, скотомъ или домашними издѣліями, въ томъ-же видѣ и размѣрѣ, въ которыхъ они установились обычаемъ, предоставивъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію установить расцѣнку на деньги повинности скотомъ и издѣліями, тамъ гдѣ это для крестьянъ не представитъ неудобствъ.

Таковы были въ главныхъ чертахъ особенности, которыя правительственная коммисія сочла нужнымъ установить для четырехъ уѣздовъ Кутаисской губерніи, гдѣ существовала крѣпостная зависимость, въ отличіе отъ положенія изданнаго для Тифлисской губерніи; во всемъ остальномъ сіе послѣднее имѣло пріобрѣсти законную силу и для сихъ уѣздовъ. Сюда относилось и положеніе о сельскихъ обществахъ и ихъ общественномъ управленіи, а также и о крестьянскихъ учрежденіяхъ.

Касательно вопроса о пріобрѣтеніи крестьянами въ собственность земельнаго надѣла было признано возможнымъ распространить на Кутаисскую губернію всѣ тѣ принципіальныя начала, которыя установлены были для Тифлисской губерніи, не исключая и пособія отъ казны, посредствомъ выкупныхъ ссудъ. Предстояло лишь опредѣлить оцѣнку земель и высшій размѣръ ссуды, при наибо̀льшемъ размѣрѣ всего земельнаго надѣла. Въ этомъ отношеніи правительственная коммиссія признала возможнымъ для оцѣнки одной кцевы сдѣлать различіе между обыкновенными землями и таковыми высшаго достоин-

ства, установляя для первыхъ по 7 рублей съ куевы, а для вторыхъ по 10 рублей: оцѣнка безъ сомнѣнія крайне умѣренная. Распространяя и на Кутаисскую губернію принятое для Тифлисской правило о допущеніи нѣсколько высшей оцѣнки въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ отбываніе повинностей земными произведеніями будетъ замѣнено денежнымъ оброкомъ, предположено было такое возвышеніе опредѣлить, какъ и въ сосѣдней губерніи, въ полтора раза противъ обыкновенной, т. е. вмѣсто 7 рублей—10 руб., а вмѣсто 10 руб.—15 руб. По такому разчету на одинъ дымъ, пользующійся высшимъ надѣломъ, могло бы причитаться ссуды, при платежѣ повинностей земными произведеніями, отъ 174 до 210 руб., смотря по достоинству полевыхъ угодій, а при платежѣ повинностей денежнымъ оброкомъ отъ 230 до 290 рубл. Для нагорныхъ же имѣній Рачинскаго уѣзда, примѣняясь къ оцѣнкѣ принятой въ Тифлисской губерніи высшій размѣръ ссуды за весь крестьянскій надѣлъ опредѣлялся отъ 180 до 250 рублей.

Въ заключеніе приходилось сдѣлать постановленіе относительно такого вида владѣнія крѣпостными людьми, который еще сохранился въ Кутаисской губерніи, въ различіе отъ Тифлисской, а именно: крѣпостнаго права лицъ непринадлежавшихъ къ потомственному дворянству. Владѣльцами такихъ крестьянъ были преимущественно лица азнаурскаго сословія, которые, не бывъ признаны въ дворянскомъ достоинствѣ коммиссіею составлявшею, по облегчительнымъ правиламъ, списки тавадовъ и азнауровъ, имѣвшихъ право на причисленіе къ Россійскому потомственному дворянству, не были лишены права отъискивать дворянское достоинство обще-установленнымъ порядкомъ. Крестьянъ состоявшихъ въ крѣпостной зависимости у лицъ не принадлежавшихъ къ потомственному дворянству, по послѣднимъ камеральнымъ описаніямъ, считалось 418 дымовъ, въ нихъ душъ мужскаго пола 1743; принадлежали они 287 владѣльцамъ, изъ коихъ лишь одинъ владѣлъ 10 дымами, всѣ же остальные меньшимъ количествомъ, а 250 только однимъ или двумя дымами. Въ какомъ размѣрѣ крестьяне сіи имѣли въ своемъ пользованіи владѣльческія земли, объ этомъ положительныхъ свѣдѣній въ виду не имѣлось. Правительственная коммиссія, признавая, что при предстоявшей крестьянской реформѣ означенные крѣпостные люди должны получить *немедленно* всѣ права лицъ свободнаго состоянія, а также не могутъ быть лишены права на поземельное устройство, самые же владѣльцы имѣли бы быть принаровлены по правамъ къ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ, проектировала относительно такихъ крестьянъ слѣдующія правила: а) что имъ имѣютъ быть предоставлены всѣ права личныя по состоянію и имуществу, которыя дарованы крѣпостному сословію положеніями

19 Февраля 1861 года; б) что крестьяне сіи должны воспользоваться всѣми правами лицъ свободнаго состоянія, *со дня обнародованія новыхъ правилъ*; в) что они сохраняютъ пользованіе усадебною осѣдлостью, на тѣхъ же основаніяхъ какія постановляются для выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ въ Кутаисской губерніи, съ правомъ выкупа оныхъ на основаніи правилъ для сей губерніи установляемыхъ, *хотя бы на такой выкупъ и не было изъявлено согласіе владѣльца*; г) что они получаютъ въ собственность, безъ всякаго вознагражденія владѣльца, изъ состоящихъ въ ихъ пользованіи виноградниковъ—даблари половину, а маглари одну третью часть; ж) что разборъ всѣхъ споровъ, кои могли бы возникнуть между такими крестьянами и ихъ прежними владѣльцами, долженъ принадлежать общимъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ.

Такія свои предположенія правительственная коммиссія изложила въ проектѣ дополнительныхъ правилъ къ положенію 13 Октября 1864 года, изданнаго для Тифлисской губерніи, выразивъ при этомъ, въ своемъ журналѣ, что по всѣмъ остальнымъ вопросамъ имѣютъ быть распространены на Кутаисскую губернію означенныя въ томъ положеніи постановленія. Журналъ своихъ засѣданій, а также изготовленный проектъ дополнительныхъ правилъ, коммиссія отъ лица своего предсѣдателя препроводила къ Кутаисскому генералъ-губернатору, для представленія съ его заключеніями на благоусмотрѣніе Намѣстника Кавказскаго. Исполняя сіе, генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, соглашаясь за немногими исключеніями съ составленнымъ правительственною коммиссіею проектомъ дополнительныхъ правилъ и выражая убѣжденіе, что̀ коммиссія сдѣлала все, что̀ отъ нея зависѣло для лучшаго устройства и поземельнаго довольствія выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ и будущихъ ихъ отношеній къ помѣщикамъ, высказалъ однако нѣкоторое опасеніе, что практическое исполненіе крестьянской реформы, на основаніи предполагаемыхъ положеній, встрѣтитъ въ Кутаисской губерніи болѣе затрудненій нежели въ сосѣдней, Тифлисской. Оправдывались, по мнѣнію генералъ-губернатора, эти опасенія топографическими условіями мѣстности гористой и пересѣченной, разбросанностью крестьянскихъ усадебъ, не составляющихъ почти нигдѣ, кромѣ Рачинскаго уѣзда, сплошныхъ деревень, необыкновенною раздробленностью и часто трудною доступностью полевыхъ участковъ и, при отсутствіи межевыхъ данныхъ, неопредѣленностью границъ и всеобщей черезполосностью; наконецъ, многочисленностью дворянскаго сословія, бѣднаго и въ большинствѣ мало образованнаго, вообще же населенія расположеннаго къ сутяжничеству и не отвыкшаго носить оружіе. При невозможности отложить самое осу-

ществленіе крестьянской реформы, а также устранить всѣ могущихъ явиться при выполненіи оной трудности, князь Святополкъ-Мирскій считалъ желательнымъ, для облегченія предстоявшей задачи, по возможности стремиться къ скорѣйшему разводу двухъ сословій черезъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, при пособіи отъ правительства. Для этого, между прочимъ, считалъ онъ нужнымъ нѣсколько возвысить предложенную правительственною коммиссіею оцѣнку крестьянскихъ земель, и имѣющее произойти отъ того увеличеніе суммы могущей быть выданной подъ высшій надѣлъ, онъ, въ свою очередь, признавалъ не представляющимъ для казны какую либо опасность. Возвышеніе это проектировалось опредѣленіемъ высшаго размѣра ссуды, за одну куеву, въ 30 рублей, вмѣсто предложенныхъ правительственною коммиссіею 15 рублей, а за весь высшій надѣлъ 350 рублей, вмѣсто предложенныхъ 290 рублей. При этомъ не предполагалось дѣлить земли на категоріи болѣе или менѣе производительныя; но подвергать таковыя особымъ оцѣнкамъ, по правиламъ имѣвшимъ быть изданнымъ Намѣстникомъ Кавказскимъ. По нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ, касавшимся подробностей, генералъ-губернаторъ представилъ замѣчанія.

По полученіи въ Тифлисѣ представленія Кутаисскаго генералъ-губернатора, съ приложеніемъ трудовъ правительственной коммиссіи, все дѣло было передано въ комитетъ по устройству крестьянъ при главномъ управленіи Намѣстника Кавказскаго, въ которомъ оное обсуждалось, при участіи князя Святополкъ-Мирскаго. Комитетъ, подвергнувъ тщательному обсужденію проектъ дополнительныхъ правилъ, составленный правительственною коммиссіею въ Кутаисѣ и пользуясь указаніями и разъясненіями сообщенными какъ Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ, такъ и членомъ своимъ, бывшимъ предсѣдателемъ коммиссіи, княземъ Багратіонъ-Мухранскимъ, призналъ труды коммиссіи заслуживающими всякаго одобренія. Въ частности не могъ онъ не согласиться съ замѣчаніемъ сдѣланнымъ высшимъ представителемъ власти въ губерніи о крайней желательности всячески облегчить скорѣйшій имущественный разводъ двухъ сословій, черезъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, и что, при извѣстной производительности и плодородіи земель въ Кутаисской губерніи, предложенная мѣстною коммиссіею оцѣнка полевыхъ угодій, а также высшаго надѣла не можетъ не быть признана слишкомъ низкою. Поэтому комитетъ предположилъ распространить на Кутаисскую губернію порядокъ и размѣръ оцѣнки принятой для Тифлисской губерніи, установивъ оцѣнку одной куевы въ первой одинаковую съ оцѣнкою однодневнаго паханія въ послѣдней, безъ раздѣленія земель на разряды, но съ ус-

ловіемъ, чтобы высшее или низшее производительное достоинство земель, въ томъ или другомъ раіонѣ, было опредѣляемо по правиламъ, которыя имѣли быть изданы Намѣстникомъ Кавказскимъ. Независимо сего были сдѣланы въ проектѣ правительственной коммиссіи нѣкоторыя частныя измѣненія и исправленія, въ видахъ большей ясности, а также огражденія интересовъ крестьянъ противъ чрезмѣрныхъ требованій. На этихъ основаніяхъ комитетъ при главномъ управленіи составилъ окончательный проектъ дополнительныхъ правилъ для Кутаисской губерніи, который былъ представленъ на одобреніе Намѣстника Кавказскаго и, по воспослѣдованіи онаго, внесенъ Его Высочествомъ на разсмотрѣніе соединенныхъ комитетовъ Кавказскаго и Главнаго Крестьянскаго, которые, признавъ оный вполнѣ соотвѣтствующимъ, представили его на Высочайшее утвержденіе. Таковое послѣдовало 13 Октября 1865 года. Обнародованіе Высочайшаго указа Правительственному Сенату о прекращеніи крѣпостной зависимости въ Кутаисской губерніи состоялось 8-го Ноября того же 1865 года, одновременно въ Кутаисѣ и въ уѣздныхъ городахъ съ такою же торжественностью и вполнѣ согласно съ церемоніаломъ, которымъ такое обнародованіе сопровождалось въ губерніи Тифлисской.

Оставалось затѣмъ, произвести реформу и въ Мингрельскомъ владѣніи. Въ 1865 году Мингрелія номинально еще считалась самостоятельнымъ владѣніемъ. Хотя съ 1857 года она управлялась чинами отъ правительства назначенными; но управленіе это, хотя и подчиненное Кутаисскому генералъ-губернатору, считалось существующимъ до совершеннолѣтія тогдашняго владѣтеля, князя Николая Давыдовича Дадіани. Когда въ 1853 г., скончался его родитель, князь Давыдъ Левановичъ Дадіани, наслѣдникъ его, старшій сынъ, былъ правительствомъ нашимъ признанъ владѣтелемъ; но по малолѣтству его (онъ родился въ 1847 г.) мать его была назначена правительницею. Въ 1857 г., вслѣдствіе бывшихъ нѣкоторыхъ смутъ, потребовавшихъ прямаго вмѣшательства Кавказскаго главнаго начальства, правительница княгиня Екатерина Александровна Дадіани, по приглашенію въ Бозѣ почившаго императора Александра II, переселилась съ семействомъ своимъ въ Петербургъ и была замѣнена въ Мингреліи лицемъ, получившимъ названіе управляющаго Мингреліею, на время малолѣтства владѣтеля. Хотя съ того времени никто не сомнѣвался въ томъ, что это, на видъ, временное управленіе должно обратиться въ упраздненіе владѣтельской власти, но изъ уваженія къ правамъ освященнымъ грамотою, отъ Верховной власти исшедшею, окончательное рѣшеніе этого вопроса отлагалось, до совершеннолѣтія владѣтеля, когда онъ имѣлъ право высказаться относительно своихъ желаній. Совершеннолѣтіе это, на основа-

ніи особаго Высочайшаго повелѣнія, изданнаго въ 1853 году, было опредѣлено по достиженіи 20 лѣтняго возраста. Въ этотъ возрастъ князь Николай Дадіани вступилъ 4 Января 1867 г. и тогда-же, отрекаясь отъ своихъ владѣтельскихъ правъ, обратился о томъ съ всеподданнѣйшею просьбою. Съ этого дня Мингрелія окончательно поступила въ непосредственное распоряженіе правительства и вошла въ составъ Кутаисской губерніи. По этимъ причинамъ и независимо сего, такъ какъ Мингрельское высшее сословіе (тавадовъ и азнауровъ) еще не вошло въ составъ признаннаго потомственнаго Россійскаго дворянства Кутаисской губерніи, самое обсужденіе вопроса о прекращеніи въ Мингреліи крѣпостнаго права должно было совершиться въ нѣсколько иномъ порядкѣ, нежели въ губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской. Была составлена мѣстная коммисія подъ предсѣдательствомъ управлявшаго Мингреліею, въ которую были приглашаемы, въ качествѣ экспертовъ, нѣкоторые представители мѣстнаго высшаго сословія. Коммисія эта признала возможнымъ распространить на Мингрелію, съ нѣкоторыми, (болѣе редакціонными) измѣненіями, положеніе изданное для Кутаисской губерніи. Предположенія эти, по разсмотрѣніи ихъ Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ, были обсуждаемы въ комитетѣ при главномъ управленіи намѣстника Кавказскаго и, по одобреніи ихъ въ соединенномъ присутствіи комитетовъ Кавказскаго и Главнаго крестьянскаго, удостоились Высочайшаго утвержденія 1 Декабря 1866 года. Обнародованіе же Высочайшаго указа о прекращеніи крѣпостной зависимости въ Мингреліи произошло 19 Февраля 1867 года, съ тою-же торжественностью, съ которою оно сопровождалось въ остальныхъ мѣстностяхъ Закавказскаго края. По особому ходатайству Великаго Князя Михаила Николаевича была распространена на помѣщиковъ Мингрельскихъ Высочайшая милость о дарованіи имъ, на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской, денежнаго вознагражденія за личныя повинности, которыя отбывали въ ихъ пользу вышедшіе изъ ихъ крѣпостной зависимости крестьяне *).

Такимъ образомъ завершилось въ Закавказскомъ краѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ цѣлой Россіи, великое дѣло, предпринятое Царемъ-освободителемъ; исчезла на вѣки изъ всего міра христіанскаго личная зависимость одного сословія отъ другаго. Прошла съ того дня четверть вѣка, и крѣпостничество сдѣлалось удѣломъ исторіи. На сколько эта человѣколюбивая реформа повліяла на экономическое благосостояніе страны, можно теперь уже не въ малой мѣрѣ опредѣлить. О внутреннихъ губерніяхъ Россіи судить не берусь; что же касается Закавказскаго края, то, хотя уже 17 лѣтъ какъ пересталъ я принимать прямое

*) Не признано было лишь возможнымъ распространить на Мингрельскіе уѣзды поло-

участіе въ его управленіи, но продолжаю слѣдить за его развитіемъ и рѣшаюсь сдѣлать нѣкоторые выводы. Что помѣщичье сословіе, въ общей сложности, вынесло на себѣ тяжесть этой реформы, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, и что оно отъ понесенныхъ жертвъ еще не оправилось, также безспорно. Въ особенности замѣчается это въ Кутаисской губерніи; объясняется оно сравнительно бо̀льшимъ, нежели въ Тифлисской губерніи, количествомъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые проживали почти исключительно личнымъ трудомъ бывшихъ крѣпостныхъ, не имѣя даже достаточно земли, чтобы на ней основать хозяйство, ни достаточно денежныхъ средствъ, чтобы оплачивать наемный трудъ; рѣшиться на собственный личный трудъ мѣшали сложившіяся вѣками привычки и, не въ малой мѣрѣ, ложное пониманіе дворянскаго достоинства, недостаточно побораемое разумною образованностью. Посему изъ многочисленнаго сословія мелкопомѣстныхъ азнауровъ составилось нѣчто въ родѣ дворянскаго пролетаріата, ищущаго средствъ существованія исключительно въ государственной службѣ, не способной всѣхъ удовлетворить, а иногда не чуждающагося службы частной, на подобіе мелкой Польской шляхты. Представляетъ это положеніе и своего рода опасности для общественной безопасности, когда масса необезпеченныхъ личностей, носящихъ оружіе, не проникласъ еще вполнѣ убѣжденіемъ, что насильственное пріобрѣтеніе чужихъ цѣнностей не есть одно удальство и менѣе приличествуетъ дворянскому званію, нежели ручной сельскій трудъ. По своимъ наклонностямъ и безспорнымъ воинственнымъ качествамъ, обездоленное сословіе это представляетъ отличный матеріалъ для службы военной; удовлетворялась наклонность эта, не въ малой степени, при существованіи Кутаисскаго конно-ирегулярнаго полка, куда охотно поступали мелкіе азнауры и въ ряды нижнихъ чиновъ; съ упраздненіемъ же этого полка обстоятельства ухудшились, о чемъ свидѣтельствуетъ увеличившееся, въ послѣдніе годы, въ нѣкоторыхъ частяхъ Кутаисской губерніи число разбоевъ. Не относится это къ лучшему и менѣе обѣднѣвшему классу дворянства, не говоря уже о болѣе крупныхъ землевладѣльцахъ, для которыхъ несеніе матеріальныхъ жертвъ, наложенныхъ крестьянскою реформою, было вообще легче; но благодаря тому, что первыя тягости хозяйственныя были облегчены полученіемъ денежнаго вознагражденія за личныя повинности, отбывавшіяся бывшими крѣпостными, и среди менѣе зажиточныхъ помѣщиковъ проявилось

женіе о выкупѣ съ пособіемъ отъ правительства, по недостаточности имѣвшихся въ то время точныхъ свѣдѣній о благосостояніи крестьянскаго населенія и его состоятельности ко внесенію выкупныхъ платежей.

стремленіе къ хозяйственнымъ улучшеніямъ, успѣху которыхъ способствуютъ дары природы, щедро удѣленные здѣшнему краю. Можно только пожелать Закавказскому помѣщичьему сословію, чтобы оно болѣе и болѣе утверждалось въ расположеніи къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ и болѣе и болѣе чуждалось той безпечности и тщеславной расточительности, которыя въ былое время крѣпостной трудъ выносилъ на своихъ плечахъ. За недостатки эти пришлось приплатиться; но приплата можетъ прекратиться: она должна вознаграждаться сознаніемъ, что понесенныя жертвы обратились на благо общественное. Это послѣднее выразилось въ значительномъ возвышеніи благосостоянія въ массѣ сельскаго населенія. Въ этомъ отношеніи представляется противоположность между двумя губерніями, Тифлисскою и Кутаисскою: на сколько въ первой благосостояніе помѣщичьяго сословія менѣе явно пострадало отъ прекращенія крѣпостнаго права, на столько напротивъ того благосостояніе крестьянскаго населенія болѣе быстро и явственно возвысилось во второй, включая въ оную и уѣзды Мингрельскіе. Многократныя мои посѣщенія этой части края, до 1865 года, представляли мнѣ, въ особенности въ Мингреліи, картину бѣдности въ средѣ массы населенія, убогихъ жилищъ и голыхъ дѣтей; теперь же, по показаніямъ всѣхъ свидѣтелей, тамъ среда эта дышетъ благосостояніемъ; крестьянскія усадьбы часто съ успѣхомъ соперничаютъ съ помѣщичьими, и владѣющій свободнымъ трудомъ Имеретинъ и Мингрелецъ, ловкій и предпріимчивый, не считаетъ уже нужнымъ скрывать отъ зоркаго глаза помѣщика плоды своего труда.

Почему благосостояніе крестьянскаго сословія быстрѣе и роскошнѣе развилось въ Кутаисской губерніи сравнительно съ Тифлисской, можетъ быть объяснено причинами, отчасти духовными, отчасти физическими. Къ первымъ относится несомнѣнно бо́льшая развитость и умственная гибкость Имеретина и Мингрельца сравнительно съ его однородичемъ, крестьяниномъ Грузинскимъ: житель древней Колхиды умѣетъ быть, когда нужно, и пахаремъ, и торговцемъ; онъ трудолюбивъ, но и ловокъ и хитеръ; Грузинскій же поселянинъ только знаетъ свою ниву, и когда она не награждаетъ его трудовъ, онъ легко попадаетъ въ зависимость отъ кредитора-ростовщика; онъ упорный консерваторъ, и все прадѣдовское ему дорого и священно; онъ человѣкъ рутины и въ своихъ привычкахъ, и въ наружной обстановкѣ своей жизни. Но важнѣе еще причины физическія, для объясненія меньшаго развитія благосостоянія въ средѣ крестьянскаго сословія Тифлисской губерніи. Его трудъ гораздо болѣе тяжкій и менѣе благодарный; тогда какъ глинистая почва въ этой губерніи требуетъ для распашки тяжелаго прародительскаго плуга, въ который запрягаются до восьми паръ

быковъ и буйволовъ, Имеретинъ и Мингрелецъ подымаютъ свою легкую ниву сохою, въ которую запрягается одна пара тщедушныхъ быковъ или коровъ; поэтому почти ни у одного Грузинскаго крестьянина нѣтъ собственнаго пахатнаго орудія, а распашка дѣлается соединенными силами нѣсколькихъ дымовъ; въ Кутаисской губерніи каждый поселянинъ самостоятеленъ. Грузинъ находится въ прямой зависимости отъ атмосферныхъ осадковъ, часто скудныхъ, или долженъ заботиться объ искусственномъ орошеніи, дорогомъ и не всегда для него доступномъ; Имеретинъ и Мингрелецъ этой заботы не знаютъ; они скорѣе могутъ опасаться избытка влаги, нежели ея недостатка. Въ Тифлисской губерніи хлѣбопашество, за немногими исключеніями, сосредоточено на пшеницѣ и ячменѣ, давая лишь одинъ урожай въ году, въ среднемъ выводѣ не болѣе какъ самъ 5—8; въ Кутаисской же губерніи кукуруза даетъ самъ сорокъ и болѣе, а пшено до ста; при этомъ можно поочередно, въ томъ же году, имѣть урожай пшеницы и пшена. Самое винодѣліе производится при условіяхъ менѣе подверженныхъ риску отъ всякихъ болѣзней, которымъ подвержена виноградная лоза; ибо подъ деревьями, на которыя, въ виноградникахъ «маглари» (наиболѣе распространенныхъ) взвивается лоза, дѣлаются посѣвы огородныхъ овощей, кукурузы и т. п., и такимъ образомъ неурожай винограда отчасти вознаграждается урожаемъ другихъ посѣвовъ. Для Кахетинскаго же крестьянина его виноградникъ составляетъ главный, если не единственный источникъ дохода, и свирѣпствующія уже болѣе двадцати лѣтъ сряду, въ бо́льшей или меньшей силѣ, разныя болѣзни на виноградной лозѣ отозвались самымъ тяжелымъ образомъ на благосостояніи жителей Алазанской долины. При подобныхъ условіяхъ легко объяснимо болѣе быстрое развитіе благосостоянія крестьянскаго населенія Кутаисской губерніи сравнительно съ Тифлисскою. Весьма нагляднымъ тому доказательствомъ можетъ, между прочимъ, служить положеніе выкупнаго дѣла въ обѣихъ губерніяхъ. Тогда какъ въ Тифлисской оно подвигается медленно, выкупныхъ договоровъ представлено сравнительно мало, и всѣ они, при условіи ссудъ изъ выкупныхъ учрежденій;—въ Кутаисской губерніи замѣчается явленіе, вѣроятно, единственное въ цѣлой имперіи: по свѣдѣніямъ, изъ достовѣрнаго источника доставленнымъ, съ начала выкупной операціи по 1-е Декабря 1891 года поступило на утвержденіе Кутаисскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по четыремъ кореннымъ уѣздамъ губерніи (Кутаисскому, Шаропанскому, Озургетскому и Рачинскому) отъ 19.091 дымовъ крестьянъ, 17.665 договоровъ, на выкупъ 97.400 десятинъ крестьянскихъ надѣловъ, на сумму 4.506.830 рублей, каковая всецѣло уплачивается изъ собственныхъ средствъ крестьянъ, безъ

всякаго пособія отъ выкупныхъ учрежденій. Нѣкоторая разница между количествомъ дымовъ и количествомъ договоровъ объясняется тѣмъ, что нерѣдко однимъ договоромъ нѣсколько дымовъ крестьянъ выкупаютъ совокупно одинъ надѣлъ, который, при составленіи уставной грамоты, былъ предоставленъ въ пользованіе одного дыма, впослѣдствіи подѣлившагося на нѣсколько дымовъ. Хотя изъ общаго числа представленныхъ договоровъ нѣсколько менѣе одной трети еще не были до означеннаго числа окончательно утверждены губернскимъ присутствіемъ, но по нимъ выкупная сумма была, по всей вѣроятности, уже сполна уплачена; ибо, по существующему обыкновенію, уплата производится при подписаніи договора у мироваго посредника, послѣ чего прекращаются всякія обязательныя отношенія къ помѣщику. Принятыя крестьянами выкупныя цѣны доказываютъ на сколько поступила осторожно, въ свое время, бывшая Кутаисская правительственная коммиссія при оцѣнкѣ крестьянскихъ надѣловъ, для выкупа съ пособіемъ отъ казны; ибо, тогда какъ она наивысшею цѣною для куевы (и то лишь въ исключительныхъ случаяхъ) постановила 15 рублей, средняя цѣна по вольной продажѣ выразилась въ суммѣ 18½ рублей за куеву, т. е. примѣрно 46 рублей за десятину. Въ трехъ Мингрельскихъ уѣздахъ Кутаисской губерніи (Сенакскомъ, Зугдидскомъ и Лечгумскомъ) замѣчается такое же явленіе, но пока еще въ нѣсколько меньшей мѣрѣ; въ уѣздахъ этихъ, какъ было въ своемъ мѣстѣ объяснено, выкупа съ пособіемъ отъ казны вовсе не было проектировано, и до настоящаго времени изъ этого постановленія сдѣлано исключеніе только въ пользу земель, входящихъ въ составъ заповѣднаго имѣнія бывшаго владѣтеля князя Мингрельскаго, по особому ходатайству котораго, 4 Іюня 1880 года, состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ разрѣшено было произвести выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ этомъ имѣніи на основаніи особыхъ правилъ, которыя главное выкупное учрежденіе имѣло разработать, но которыя, сколько извѣстно, до сего времени не составлены, вѣроятно въ виду неоконченнаго еще межеванія этого обширнаго имѣнія. Въ частныхъ имѣніяхъ трехъ Мингрельскихъ уѣздовъ, до 1 Декабря 1891 года, было предъявлено въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе 6.442 договора, на пріобрѣтеніе, 7.421 дымомъ крестьянъ, 67.942 куевъ, на сумму 1.054.930 рублей, изъ которыхъ бо̀льшая половина была окончательно утверждена; но по всѣмъ, какъ выше объяснено, деньги, безъ сомнѣнія, полностью уплачены изъ собственныхъ средствъ крестьянъ, и обязательныя отношенія къ землевладѣльцамъ прекращены. Здѣсь средняя цѣна за куеву оказывается нѣсколько низшею въ сравненіи съ коренными уѣздами Кутаисской губерніи, составляя лишь 15½ рублей.

Если взять отношеніе числа дымовъ, выкупившихъ свои надѣлы по добровольнымъ соглашеніямъ съ землевладѣльцами, къ выкупленному пространству, то окажется что въ уѣздахъ Кутаисскихъ, каждый дымъ, среднимъ числомъ, пріобрѣлъ не многимъ менѣе 13 куевъ, т. е. безъ малаго пять десятинъ; въ Мингрельскихъ же уѣздахъ съ небольшимъ лишь девять куевъ, т. е. не вполнѣ три съ половиною десятины; но въ это пространство безъ сомнѣнія вошли и виноградные сады. Можно бы полагать, что такая, немало-значительная, сумма, поступившая въ руки бывшихъ помѣщиковъ могла, не въ малой мѣрѣ, облегчить ихъ экономическое положеніе; но если принять во вниманіе огромный процентъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые, безъ сомнѣнія, подъ гнетомъ нужды, преимущественно входили въ соглашенія съ бывшими ихъ крестьянами, и кромѣ того, крайне, къ сожалѣнію, въ этомъ сословіи мало развитую привычку къ бережливости, то должно предположить, что уплаченные крестьянами мильоны разошлись быстро и непроизводительно въ рукахъ ихъ получившихъ.

Для окончательнаго устройства быта крестьянъ, поселенныхъ въ имѣніяхъ, въ которыхъ существовала крѣпостная зависимость, оставалось, опредѣлить отношенія къ землевладѣльцамъ поселенныхъ въ ихъ помѣстьяхъ такъ называемыхъ *хизановъ* (въ переводѣ на Русскій языкъ—*пріютившіеся*). Были это крестьяне разныхъ вѣдомствъ, казенные, церковные и не въ малой мѣрѣ крѣпостные, которые, за недостаткомъ земли въ мѣстахъ своего жительства, или по приглашенію помѣщиковъ, располагавшихъ пустопорожними, часто глухими, пространствами, въ былое время, водворялись на такихъ земляхъ, вступая съ владѣльцами въ соглашенія объ отбываніи опредѣленныхъ повинностей. Соглашенія эти были почти исключительно словесныя и, силою обычая, признавались безсрочными и никакимъ измѣненіямъ не подлежавшими. По свойству своему эти отношенія близко подходили къ существующимъ до сего времени въ нашихъ западныхъ губерніяхъ отношеніямъ *чиншевиковъ*; но разница была та, что количество этихъ хизановъ, съ того времени, какъ земли пріобрѣли бо̀льшую цѣнность, не увеличивалось, и они, можно сказать, поименно были извѣстны. Самое распредѣленіе ихъ по уѣздамъ было весьма различное; такъ въ Тифлисской губерніи хизаны существуютъ преимущественно въ Горійскомъ уѣздѣ и въ меньшей мѣрѣ въ Тифлисскомъ. Въ Кахетинскихъ уѣздахъ, въ которыхъ вся культурная полоса была заселена и обработана, а эксплоатація глухихъ лѣсныхъ пространствъ подвергалась постоянной опасности отъ хищническихъ нападеній Лезгинъ, хизанъ, сколько извѣстно, не бывало. Въ Кутаисской же губерніи они встрѣчаются въ горной и лѣсистой

части, примыкающей къ Тифлисской губерніи; въ Мингреліи носили они особое названіе *Миндобили*. Тѣ изъ хизановъ, которые были крѣпостными, но проживали на земляхъ другаго помѣщика, сохраняли свою личную зависимость отъ своего помѣщика, отбывая ему опредѣленныя обычаемъ повинности. Пріобрѣли они личную свободу съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости но имущественныя ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ, у которыхъ они были поселены, продолжали оставаться неизмѣнными и требовали нѣкотораго урегулированія. Разрѣшеніе этого вопроса, къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ весьма замедлилось, и только Высочайше утвержденнымъ 3 Іюня 1891 года постановленіемъ Государственнаго Совѣта оно получило окончательное законодательное разрѣшеніе. Постановленіе это, предоставляя пользованіе льготами, для хизановъ установляемыми, *всѣмъ до дня изданія этого положенія водвореннымъ на помѣщичьихъ земляхъ по словеснымъ безсрочнымъ договорамъ, не облеченнымъ въ форму акта формальнаго или домашняго*, даетъ хизанству такое расширительное значеніе, которое едвали предвидѣлось, и возбуждаетъ весьма тревожныя опасенія въ средѣ всего землевладѣльческаго сословія. Опасенія эти уже оправдываются, ибо въ разныхъ мѣстахъ простые арендаторы, съ которыми не было заключаемо письменныхъ срочныхъ условій, здѣсь необычныхъ и статьею 1700, 1 гл., X т. изд. 1887 г., вовсе для подобныхъ сдѣлокъ не требующихся, хотятъ быть причислены къ разряду хизановъ и воспользоваться всѣми льготами этому разряду людей предоставляемыми, тогда какъ между этими двумя видами договорныхъ отношеній ничего общаго быть не можетъ. Создастся отъ этого такое, конечно, непредвидѣвшееся недоразумѣніе, которое грозитъ возникновеніемъ безчисленнаго множества споровъ, имѣющихъ подлежать разсмотрѣнію крестьянскихъ учрежденій, споровъ, (какой бы ни былъ ихъ исходъ) одинаково раззорительныхъ, какъ для землевладѣльцевъ, такъ и для самихъ арендаторовъ, и выгодныхъ только для разныхъ ходатаевъ, ихъ поощряющихъ. Повторяется то, что̀ проявляется въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ всѣ арендаторы стремятся причислиться къ чиншевикамъ. Не могу не предположить, что имѣвшіяся въ виду Государственнаго Совѣта данныя относительно историческаго значенія хизанства и наличности имѣющихъ право къ нему причислиться, не были достаточны для полнаго уясненія дѣла; ибо нѣтъ сомнѣнія, что вновь «*пріютившихся*» уже давно не было, а остались лишь одни наслѣдственные представители историческаго прошлаго.

Тифлисъ. Апрѣль 1892.

Баронъ Николаи.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО МОРЯКА.

Японія *).

Бухта Атами не удовлетворяла нашимъ требованіямъ, и потому, послѣ ея осмотра, поспѣшили мы къ давно уже заинтересовавшему насъ столбу пара, который густымъ облакомъ стоялъ надъ ключемъ, бьющимъ изъ земли съ необычайной силой. Къ сожалѣнію мы опоздали на нѣсколько минутъ и только видѣли, какъ струя замѣтно ослабѣвала при нашемъ приближеніи. Когда мы подошли, изъ отверстія все еще валилъ паръ, но вода лишь изрѣдка выбрасывалась брызгами и тутъ же по каналу стекала къ зданію ваннъ. Насколько я понялъ, этотъ источникъ принадлежитъ къ числу перемежающихся и черезъ каждые четыре часа бьетъ всего въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Къ сожалѣнію, я не могъ остаться въ Атами до вторичнаго дѣйствія ключа. За неимѣніемъ термометра я не могъ опредѣлить его температуру, но по массѣ и густотѣ пара полагаю, что она близка къ точкѣ кипѣнія; вода вкусомъ напоминаетъ морскую воду. Ванны въ Атами устроены съ нѣкоторой роскошью въ маленькихъ четыреугольныхъ бассейнахъ, вдѣланныхъ въ полъ зданія, который покрытъ тонкими циновками. Обои на ширмахъ и стѣнахъ расписаны особенно тщательно. Вдоль ряда ваннъ проведены деревянные желобки съ весьма точно пригнанными брусочками. Вынимая ихъ, купающійся по желанію направляетъ холодную или горячую струю въ свою ванну, которая, наполнившись до извѣстнаго предѣла, отдаетъ излишнюю воду другому желобку. Воды эти лѣтомъ посѣщаются богатыми Японцами изъ Іеддо; во время же нашего пребыванія купающихся тамъ не было, но все содержалось въ величайшей чистотѣ и опрятности. Выкупавшись и пообѣдавъ въ гостиницѣ, мы склонились на просьбы подоспѣвшихъ чиновниковъ и по той же дорогѣ отправились обратно въ Адзиро. Ледъ, который утромъ покрывалъ лужи, уже давно стаялъ, и солнце порядкомъ припекло насъ при перевалѣ черезъ гору. Мы шли гораздо

---

*) См. выше, стр. 126. Послѣ испытаннаго на морѣ землетрясенія, авторъ этихъ воспоминаній, баронъ Николай Густавовичъ Шиллингъ, посланъ былъ адмираломъ Путятинымъ отыскивать мѣста удобнаго для починки фрегата Діана. П. Б.

медленнѣе, отдыхали часто и пришли въ Адзиро только вечеромъ. Оказалось, что чиновники получили предписаніе ни за что не пускать насъ сѣвернѣе Адзиро, такъ какъ Японскія власти въ то время сильно боялись приближенія иностранцевъ къ столицѣ. Еще разъ переночевавъ въ Адзиро, мы на слѣдующее утро отправились обратно на фрегатъ; но засвѣжѣлъ южный противный вѣтеръ, и мы подъ веслами съ трудомъ добрались до деревни Иннатори, гдѣ и остановились въ домѣ старосты (мура-яконинъ). На слѣдующій день было слишкомъ рискованно обходить въ Японской лодочкѣ оконечность полуострова, на которой океанскія волны разбивались буруномъ; поэтому мы сочли за лучшее пристать къ берегу и пѣшкомъ дойти до деревни Какисаки, лежащей въ самой бухтѣ Симода.

Такъ какъ наша поѣздка не привела къ желанному результату, то адмиралъ приказалъ намъ отправиться на другое утро съ той-же цѣлью по западному берегу полуострова Идзу. На этотъ разъ онъ склонился на мою просьбу и далъ намъ катеръ для того, чтобы мы не были въ зависимости отъ Японцевъ и могли-бы свободнѣе дѣйствовать при поискахъ за необходимой для насъ бухтой. 23 утромъ все было приготовлено для нашей экспедиціи. Мы захватили для нашихъ гребцовъ провизію на 10 дней; но въ морѣ дулъ штормъ, и не было никакой возможности выйдти изъ бухты. 24 вѣтеръ нисколько не стихъ, и мы должны были вооружиться терпѣніемъ. Послѣ обѣда адмиралъ приказалъ намъ, т. е. Колокольцову, мнѣ и нашимъ двумъ рулевымъ, быть на готовѣ и самъ съѣхалъ на берегъ, гдѣ сталъ требовать съ обычной ему энергіей, чтобы намъ позволили слѣдовать пѣшкомъ по западному побережью полуострова Идзу. Послѣ долгихъ преній, Японцы, наконецъ, согласились, и въ 4 часа мы отправились въ путь. Въ послѣднюю минуту адмиралъ еще разъ повторилъ намъ свою инструкцію. Мы должны были отыскать бухту, удовлетворяющую слѣдующимъ условіямъ: 1) Входъ въ бухту не долженъ быть виденъ съ того мѣста, гдѣ фрегатъ будетъ килеваться; одинъ мысъ долженъ закрывать другой, такъ что волненіе не могло-бы заходить въ бухту; 2) у самаго берега глубина должна быть не менѣе 4 саж. для того, чтобы фрегатъ могъ подойти вплоть къ берегу, и 3) берегъ долженъ быть плоскій, не скалистый для удобной постановки шпилей. Понятно, что мы не надѣялись найти такую идеальную бухту.

На берегу насъ ожидали четыре Японскихъ чиновника и переводчикъ Голандскаго языка Тацновскій. У каждаго изъ нашихъ спутниковъ было трое слугъ: одинъ несъ саблю, другой зонтикъ, а третій шляпу своего господина, который прогуливается постоянно съ непокрытой головой, лишь изрѣдка прикрывая ее вѣеромъ отъ солнца.

Сверхъ того, въ распоряженіи каждаго чиновника было еще нѣсколько носильщиковъ, смѣнявшихся въ каждой деревнѣ. Мы отправились по ущелью, у котораго еще такъ недавно лежалъ городъ Симода, и стали взбираться на гору гуськомъ. Благодаря многочисленной свитѣ нашихъ провожатыхъ, шествіе наше такъ растягивалось, что хвостъ нерѣдко находился еще въ долинѣ, когда шедшіе во главѣ достигали уже вершины. Извилистая тропинка то шла по самому краю обрыва, о который съ яростью разбивались морскія волны, то изчезала за холмами, покрытыми лѣсомъ ярко-красныхъ цвѣтущихъ камелій. Дубы и нѣкоторыя другія породы нашихъ деревьевъ и тутъ остались вѣрны обычаю сѣверной природы: ихъ голыя вѣтви странно выдѣлялись на густой, сочной листвѣ бамбука, камфарнаго дерева, камелій и множества другихъ незнакомыхъ мнѣ растеній. На нашемъ пути лежало нѣсколько деревень, около которыхъ рисовыя поля были расположены терасами. Рисъ ростетъ только въ весьма влажной и болотистой почвѣ, и потому поля при посѣвѣ должны быть совершенно залиты водой. Для болѣе удобнаго орошенія они расположены терасами, которыя при крутомъ подъемѣ горы иногда не шире двухъ шаговъ. Вода проведена на значительное разстояніе по узкому каналу или просто по бамбуковому стволу. Не смотря на свою незначительность, струя понемногу заливаетъ верхнюю терасу, переливается черезъ ея край на второй уступъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока всѣ поля не орошены. Когда стемнѣло, мы дошли до рѣчки, черезъ которую перебрались на лодкѣ, такъ какъ и здѣсь мостъ былъ разрушенъ послѣднимъ землетрясеніемъ. Въ деревнѣ Тези на ночлегѣ въ домѣ мура-яконина мы вспоминали родину, гдѣ въ этотъ вечеръ праздновали Сочельникъ Рождества. Ночью насъ разбудилъ звукъ колокола и тамтамовъ (Китайскій барабанъ): оказалось, что вспыхнулъ пожаръ, но его скоро потушили. Въ первый день праздника мы поднялись съ разсвѣтомъ и, убѣдившись, что бухта совершенно открыта, тотчасъ-же отправились въ дальнѣйшій путь. Сопровождавшіе насъ чиновники сильно жаловались на усталость, но видя, что мы не сдаемся, рѣшились сѣсть въ приготовленныя для нихъ носилки, которыя въ Японіи бываютъ двухъ родовъ: большія, замѣняющія нѣкоторымъ образомъ наши кареты, передвигаются посредствомъ 4 или 6 носильщиковъ; маленькія-же, замѣняющія наши дрожки и перекладныя, состоятъ изъ круглой плоской корзины, въ которую чиновники усаживаются весьма ловко, поджавъ ноги. Четыре прута, поднимающіеся къ верху отъ окружности корзины, соединяются на нѣкоторой высотѣ надъ головою путешественника. Подъ этимъ узломъ носильщики продѣваютъ бамбуковую палку, концы которой упираются на ихъ плечи. Намъ также предложили пользоваться такимъ экипа-

жемъ, но мы отказались. Приближаясь къ деревнѣ сопровождавшій носильщиковъ человѣкъ забѣгалъ впередъ и трубилъ въ рогъ. Изъ деревни сейчасъ-же слышался отвѣтъ мура-яконина, который съ помощью такого-же рога созывалъ очередныхъ носильщиковъ, при нашемъ прибытіи уже готовыхъ къ смѣнѣ. Такимъ-же образомъ у Японцевъ отправляется письменная почта, причемъ несчастный почтальонъ все время обязанъ бѣжать. Бѣдные носильщики зачастую были совершенно нагіе, только съ кускомъ какой-то синей ткани вокругъ бедръ. Отъ постоянной ноши почти у всѣхъ образовались опухшіе наросты на плечахъ, а у иныхъ даже глубокія, наполненныя гноемъ раны, изъ которыхъ струилась кровь, когда конецъ тяжело нагруженной буковой палки опускался на плечо.

Въ этотъ день на нашемъ пути лежала только одна бухта, о которой стоитъ упомянуть: это Нагатцуро, близко мыса того-же имени, составляющаго южную оконечность полуострова Идзу. Этотъ глубоко въ берегъ врѣзывающійся заливъ чрезвычайно узокъ, и скалистые его берега затруднили бы установку шилей для килеванія фрегата. Ночевали мы на этотъ разъ въ деревнѣ Кора, лежащей при бухтѣ Меру близъ деревни того-же имени. На второй день праздника чиновники, которыхъ опять подняли съ разсвѣтомъ, уже рѣшительно отказались сопутствовать намъ такъ рано и настрого запретили своимъ соотечественникамъ показывать намъ дорогу. Эта уловка, конечно, разсердила насъ, и мы немедленно отправились въ путь съ нашими двумя матросами. Еще наканунѣ мы узнали, что изъ Коры на бухту Матчусаки идутъ двѣ дороги, изъ которыхъ одна, идущая вдоль берега, дѣлаетъ большой кругъ. Очевидно, чиновники надѣялись, что мы изберемъ именно эту дорогу, и такимъ образомъ доставимъ имъ возможность догнать насъ. За деревней мы поднялись въ гору, съ вершины который надѣялись увидать по какому направленію намъ идти. Мы удалились уже довольно далеко, когда одинъ изъ чиновниковъ знаками и возгласами сталъ приглашать насъ спуститься, со смѣхомъ указывая намъ дорогу. Убѣжденные, что это новый обманъ, мы не обратили никакого вниманія на его крики. Сверху не было видно никакой бухты, и потому мы спустились въ долину, по которой текла довольно широкая рѣка. Тутъ намъ стало ясно, что мы заблудились, и мы пошли внизъ по рѣкѣ, надѣясь, что она насъ приведетъ къ морю. Въ этой мѣстности находится почти непрерывный рядъ деревень, и вскорѣ мы были окружены массою народа, которая увеличивалась съ каждымъ шагомъ. Эта тысячная толпа, состоявшая изъ мужчинъ и женщинъ, изъ стариковъ и дѣтей, не смотря на любопытство, которое мы возбуждали, вела себя такъ чинно, что нисколько не надоѣдала намъ.

При нашемъ приближеніи къ Матчусаки навстрѣчу намъ повалила такая же толпа любопытныхъ. Въ городѣ мы узнали отъ нашего переводчика объ испугѣ чиновниковъ, которые боялись, что имъ придется отвѣчать за насъ передъ своимъ правительствомъ, если мы пропадемъ. Дабы отыскать насъ, они всѣ отправились по разнымъ направленіямъ и подняли съ этой-же цѣлію двѣ деревни. Матчусаки значительный торговый городъ съ массою джонокъ въ устьѣ рѣки, но бухта опять не соотвѣтствала требованіямъ адмирала. За Матчусаки къ намъ стали понемногу присоединяться наши вожатые, которые краснорѣчивыми пантомимами старались объяснить намъ, что они могли легко поплатиться жизнью за наши продѣлки. Своимъ комичнымъ отчаяніемъ они только возбуждали нашъ смѣхъ, но мы отъ души жалѣли ихъ бѣдныхъ загнанныхъ носильщиковъ. Этотъ испугъ однако благотворно подѣйствовалъ на нашихъ спутниковъ: съ этихъ поръ они ни разу не заставили насъ ждать, хотя сборы и теперь не обходились безъ оханья и жалобъ. Въ этотъ день мы еще осмотрѣли большую бухту Таго, но опять безъ всякаго результата. Продолжая путь къ Сѣверу, мы пришли въ Арари. Сначала, съ вершины горы, мы приняли эту бухту за озеро и очень обрадовались, когда намъ сказали, что это заливъ. Не смотря на наступавшую темноту, мы всетаки поспѣшили сѣсть въ рыбацкую лодку и проѣхаться по бухточкѣ, причемъ мы, къ великой радости, убѣдились, что она во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ. Раннимъ утромъ мы занялись съемкою залива. Низменная поросшая лѣсомъ коса отдѣляла его отъ моря и, къ крайнему нашему удивленію, оказалось, что глубина у внутренней стороны косы у самаго берега доходила до 4 саженей. Единственное неудобство этой бухты состояло въ весьма узкомъ входѣ, въ которомъ фрегату пришлось-бы сдѣлать крутой поворотъ, но не было сомнѣнія, что онъ могъ быть введенъ въ бухту. Окончивъ нашу опись около полудни, мы чрезвычайно довольные находкой, уже собирались въ обратный путь, когда случайно узнали, что немного сѣвернѣе находится еще лучшая бухта Хеда, и что осмотръ ея насъ нисколько не задержитъ, такъ какъ оттуда идетъ прямая дорога на Симоду поперекъ полуострова. Направляясь къ Сѣверу, намъ опять пришлось подняться на значительную высоту. На этотъ разъ намъ это стоило много труда, такъ какъ дорога въ одномъ мѣстѣ была завалена каменными глыбами, которыя, повидимому, весьма недавно, вѣроятно во время землятрясенія, были оторваны отъ близъ стоящей скалы. Видъ, открывшійся намъ съ вершины горы, заставилъ насъ забыть нашу усталость. У нашихъ ногъ бушевало море, покрытое бѣлой пѣной еще неулегшихся волнъ. Берегъ огибалъ эту часть моря огромной дугой, образуя обширный заливъ

Суруга. Между горами противоположнаго берега величественно выдавалась плоская вершина Фузи-яма, величайшей горы Японіи. Эта вершина, кратеръ потухшаго вулкана, была покрыта снѣгомъ, ярко освѣщеннымъ лучами заходящаго солнца. Между селеніями, возвышающимися у подошвы холмовъ, особенно выдѣлялась своимъ живописнымъ положеніемъ деревня Арари, утопающая въ зелени со своей замкнутой, озеро-образной бухточкой. Долго мы не могли оторваться отъ этого чуднаго вида; но заходящее солнце напомнило намъ, что слѣдуетъ торопиться, и мы быстро спустились съ нашего бельведера. Утомленные 25 верстнымъ переходомъ, мы достигли деревни Хеда только, когда уже совершенно стемнѣло и, не стѣсняясь, бранили нашихъ чиновниковъ, которые, отставъ во время пути, прибыли получасомъ позже. Тутъ еще пришлось пріискивать ночлегъ и только послѣ продолжительныхъ переговоровъ намъ отвели храмъ, который, по словамъ Японцевъ, менѣе прочихъ домовъ пострадалъ отъ землетрясенія. Въ комнатѣ, гдѣ мы спали, обои на стѣнахъ и тонкая бумага, замѣнявшая оконныя стекла, были совершенно разорваны, а стѣны сильно покороблены. Утромъ мы дѣйствительно убѣдились, что прочіе дома были почти совершенно разрушены. Осмотромъ бухты мы остались очень довольны: она просторна, ея ширина доходитъ до двухъ верстъ, вся ея южная часть совершенно закрыта, и въ трехъ мѣстахъ у самаго берега мы нашли достаточную глубину для килеванія фрегата. Подобно Арари этотъ заливъ отдѣляется отъ моря косою, состоящей изъ ряда нагроможденныхъ другъ на друга валуновъ; вѣроятно, вся бухта ни что иное, какъ провалившійся кратеръ потухшаго вулкана. Въ восторгѣ, что намъ удалось благополучно кончить наше порученіе, мы поспѣшили возвратиться въ Симоду и избирали кратчайшій путь, идущій поперекъ полуострова Идзу. Подымаясь въ гору, мы сперва любовались полями, расположенными по ея склонамъ; выше слѣдовалъ густой лѣсъ, а на самой вершинѣ возвышались грозныя скалы. На узкихъ горныхъ тропинкахъ мы безпрестанно встрѣчали навьюченныхъ лошадей, коровъ и быковъ. Послѣдніе особенно пугливой породы: завидя насъ, они фыркали и пытались бѣжать. Тутъ со мною случилось приключеніе, благодаря которому я чуть не поплатился жизнью. Идя нѣсколько впереди моихъ товарищей, я при встрѣчѣ съ быкомъ, навьюченнымъ дровами, прижался къ скалѣ. Животное съ видимымъ неудовольствіемъ прошло мимо, задѣвъ меня вязанкою дровъ. Радуясь, что опасность благополучно миновала, я спокойно продолжалъ свой путь; но приближающійся топотъ заставилъ меня оглянуться, и я, къ ужасу моему, увидалъ, что быкъ, вѣроятно испугавшись моихъ товарищей, повернулъ назадъ и бѣжалъ прямо на меня. Куда мнѣ было дѣваться? Встать къ

скалистой стѣнѣ, значило почти навѣрное быть раздавленнымъ, а съ другой стороны тропинки зіяла пропасть. На склонѣ горы было нѣсколько кустовъ, и потому я предпочелъ стать у края обрыва. Махая платкомъ и палкою, я надѣялся, что заставлю животное держаться подальше отъ меня; но оно вторично задѣло меня, и я покатился внизъ. Мнѣ удалось ухватиться за попавшійся мнѣ кустъ, что̀ и спасло меня отъ смерти. Мы остановились на ночь въ городѣ Сюзензи, который извѣстенъ своими ваннами. Тутъ множество теплыхъ источниковъ; одинъ изъ нихъ беретъ начало въ серединѣ быстраго горнаго потока. Купальни устроены несравненно проще, чѣмъ въ Атами. Въ большихъ басейнахъ, высѣченыхъ прямо въ скалѣ, наполненныхъ теплой водою, купаются мужчины, женщины и дѣти, защищенныя отъ дождя навѣсомъ. Купающіеся вообще не церемонятся въ Японіи: мужчины и женщины моются вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ, у которыхъ двери на улицу отворены настежъ. На другой день въ одной изъ живописныхъ долинъ, по которымъ пролегалъ нашъ путь, насъ особенно заинтересовалъ рядъ водяныхъ мельницъ, въ которыхъ жернова замѣняются ступками для толченія рису. Въ Японіи существуетъ еще другой болѣе первобытный способъ, и мы нѣсколько разъ видѣли, какъ онъ практиковался въ бѣдныхъ лачужкахъ. Пестикъ этой первобытной ступки состоялъ изъ камня, перпендикулярно прикрѣпленнаго къ рукояткѣ большой деревянной лопаты съ нѣсколько-возвышенными краями, въ родѣ совка, въ которую изъ бамбука лилась струя воды; какъ скоро вода наполняла совокъ, онъ перевѣшивался, вода выливалась, и камень, перетягивая, ударялъ по зернамъ риса, находящимся въ ступкѣ. Гора Амаяги-Яма поразила насъ своимъ чудеснымъ кедровымъ лѣсомъ. У ея подошвы находится лавка, которая славится своей соломенной обувью, предназначенной не только для людей, но̀ и для скота: Японцы никогда не куютъ лошадей, но одѣваютъ имъ и быкамъ для предохраненія копытъ въ скалистыхъ мѣстностяхъ нѣчто въ родѣ соломенныхъ башмаковъ, которые скоро изнашиваются и тутъ же валяются цѣлою грудою около лавки.

Переночевавъ въ Назимото, мы на слѣдующій день, 30 Декабря 1854, прибыли въ Симоду, гдѣ застали фрегатъ совершенно готовымъ къ снятію съ якоря и успѣвшимъ изготовить фальшивый руль. Адмиралъ, сличивъ карты, отдалъ предпочтеніе бухтѣ Хеда, такъ какъ городъ имѣлъ большія преимущества надъ деревней Арари. Вечеромъ Посьетъ и Гошкевичъ перебрались на берегъ для окончанія переговоровъ съ Японцами, а 31-го рано утромъ мы снялись. Вѣтеръ дулъ къ выходу изъ бухты, и намъ тотчасъ же пришлось спускаться; но фрегатъ по поднятіи якоря не пошелъ подъ вѣтеръ, и мы опять должны

были бросить якорь. Нашъ временный руль былъ устроенъ изъ запасной гротъ-марса-реи въ видѣ барочной потеси, т. е. на одинъ конецъ реи, вертикально къ ней, были прибиты доски, между которыми наложили чугунныхъ баластинъ и, снайтовивъ ихъ между собой, прииайтовили къ реѣ. Этотъ конецъ былъ спущенъ въ воду, а противоположный лежалъ на особой планкѣ на гакабортѣ. На нижнемъ концѣ былъ взятъ выблычнымъ узломъ кабельтовъ, концы котораго проходили въ прикрѣпленные къ запасной стеньгѣ канифасъ-блоки. Самая же теньга была положена поперекъ юта такъ, что концы ея выдавались за бортъ. Внутри фрегата были заложены хватъ-тали на каждый конецъ кабельтова, ходовые концы которыхъ были взяты на штурвалъ. Самый руль былъ подвѣшенъ на особыхъ таляхъ, взятыхъ отъ топа бизанъ-мачты на гафель и гикъ. Руль этотъ повидимому дѣйствовалъ хорошо, и фрегатъ не пошелъ подъ вѣтеръ только потому, что имѣлъ сильный дифферентъ на носъ. Въ кормѣ, какъ я уже говорилъ выше, у него были оторваны киль и штуки дейдвуда въ 4 съ половиною фута вышиною, и кромѣ того всѣ тяжести были перенесены съ кормы для облегченія поврежденной части. Теперь же, дабы болѣе углубить корму, опять пришлось перенести нѣкоторыя тяжести на старое мѣсто, и вечеромъ 31-го была сдѣлана вторичная, но опять неудачная попытка къ снятію съ якоря. Пришлось основательно загрузить корму; на эту работу и ушелъ весь первый день новаго 1855 года.

2-го Января рано утромъ мы снялись, сбросивъ съ кормы верпъ для лучшаго заворота фрегата. Все шло благополучно: день былъ ясный, вѣтеръ тихій, и фрегатъ такъ хорошо слушался руля, что мы всѣ разомъ повеселѣли. Послѣ полудня мы достигли мыса Нагатцуро. Тутъ, не смотря на противный вѣтеръ, фрегатъ такъ хорошо поворачивалъ оверштагъ, что мы окончательно успокоились на счетъ добрыхъ качествъ нашего руля. Къ вечеру мы лавировкою дошли до города Матчусаки, гдѣ адмиралъ хотѣлъ простоять ночь на якорѣ; но начало темнѣть, а мы находились еще на такой глубинѣ, что не было никакой возможности отдать якорь. Нечего было дѣлать: пришлось направиться въ море. Въ это время задулъ S W, который былъ бы намъ попутнымъ вѣтромъ, чтобы идти въ Хеду. Сожалѣя, что мы не могли имъ воспользоваться, такъ какъ было бы слишкомъ рисковано направиться на совершенно незнакомый намъ берегъ въ темнотѣ, мы привели фрегатъ въ бейдевиндъ и при постепенномъ усиливаніи вѣтра взяли три рифа у марселей. Я вступилъ на вахту съ 7-го часа вечера до полночи и получилъ приказаніе смотрѣть впередъ съ усиленнымъ вниманіемъ. Такъ какъ нашъ курсъ велъ къ противоположному берегу,

то капитанъ нашъ думалъ поворотить на другой галсъ въ 12 часовъ ночи. Въ десятомъ часу мнѣ показалось, что фосфорическій блескъ на верхушкахъ волнъ усиливается по направленію нашего курса. Мысль, что это происходитъ отъ близости берега, разстояніе до котораго намъ не было точно извѣстно, заставила меня послать за капитаномъ. Посовѣтовавшись съ адмираломъ, нашъ командиръ рѣшилъ, что на нашемъ пути нѣтъ никакихъ буруновъ; но, немного спустя, въ 10 часовъ получивъ приказаніе поворотить черезъ фордевиндъ, я поставилъ фокъ и понемногу положилъ руль на бортъ. Фрегатъ хорошо покатился подъ вѣтеръ до линіи галфъ-винда; но тутъ онъ остановился, легъ на бокъ и взялъ порядочный ходъ. Это продолжалось нѣсколько минутъ, пока отъ увеличеннаго напора воды на руль не сорвалась планка, на которой былъ прикрѣпленъ верхній конецъ нашего руля, и тутъ дѣйствіе его прекратилось. Тотчасъ же было приказано убрать фокъ и положить гротъ-марсель на стеньгу. Для лучшаго утвержденія руля рѣшились подать верхній конецъ его въ кормовой портъ адмиральской каюты. Въ концѣ моей вахты линія фосфорическаго свѣта обозначала уже очень ясно береговой бурунъ, и мы съ большимъ безпокойствомъ ожидали окончанія работъ при рулѣ. Около часа ночи онъ наконецъ былъ исправленъ, и мы тотчасъ же приступили къ повороту черезъ фордевиндъ, закрѣпивъ предварительно крюсель для уменьшенія задней парусности; но фрегатъ перешелъ только немного линію галфъ-винда и быстро побѣжалъ по направленію къ бурунамъ. Убѣдившись, что нѣтъ надежды поворотить черезъ фордевиндъ, привели опять къ вѣтру, поставили крюсель во всю стеньгу, которая сильно гнулась отъ свѣжаго вѣтра, и приступили къ повороту оверштагъ. Фрегатъ замѣчательно хорошо покатился къ вѣтру; но когда огромная волна ударила въ носъ, онъ опять укатился на старый галсъ. Въ туже минуту приказали закрѣпить крюсель и поворотить черезъ фордевиндъ, но опять безуспѣшно. Снова поставили крюсель, и снова поворотъ оверштагъ не удался. Каждый разъ, когда фрегатъ во время поворота становился противъ вѣтра и терялъ ходъ, бросали дицъ-лотъ, но не доставали дна. При каждомъ повтореніи неудачнаго маневра съ поворотами, мы все приближались къ берегу и уже вошли въ линію буруновъ. Въ этой темной ночи окружающая насъ вода казалась огненной массой. Адмиралъ приказалъ закрѣпить всѣ паруса и приготовить якори къ отдачѣ. Лоты все проносило; но наконецъ, о радость, раздалось восклицаніе лотоваго: «25 саженъ!» Мгновенно были отданы два якоря, фрегатъ вскорѣ пришелъ на канаты и, поворотившись кормою къ берегу, качался спокойно и не бился о дно. Послѣдовала отдача третьяго якоря, и пока на верху спускали нижнія реи и стеньги, мнѣ было поручено

выравнять канаты. Для этого пришлось ихъ потравить на нѣсколько саженей. При каждомъ содроганіи фрегата, мнѣ казалось, что корма уже на каменьяхъ; но по окончаніи работы оказалось, что за ней была еще восми-саженная глубина, хотя у самаго борта кипѣлъ бурунъ. Рангоутъ былъ спущенъ, якоря держали отлично; но фрегатъ дрожалъ и стоналъ, поднимаясь на вершину огромныхъ волнъ, которыя каждый разъ вытягивали якорные канаты въ струнку и тѣмъ сильно дергали фрегатъ. Положеніе было самое критическое. Бе́рега за темнотой почти не было видно. Когда разсвѣло, мы увидали, къ нашему удивленію, что отъ фрегата до берега было всего около одного кабельтова (100 саж.) и что мы находились у самой подошвы горы Фузіяма. Восходящее солнце розовымъ свѣтомъ озаряло снѣжную вершину горы-великана, которая возвышалась въ видѣ крутаго, расширяющагося къ основанію конуса и склонялась къ морю песчаной покатостью. Судьба привела насъ ночью какъ разъ къ этой песчаной полосѣ берега; на право и на лѣво отъ нея береговая линія состояла изъ скалъ, о которыя нашъ фрегатъ разбился бы въ дребезги, если бы насъ не помиловалъ Господь. Окружающая насъ картина была чудесная; но понятно, что намъ было некогда любоваться красотами природы: на сердцѣ было слишкомъ тяжело. Мы сильно боялись, чтобы якори не подались или не лопнули канаты отъ чрезмѣрнаго напряженія. Парусъ, подведенный подъ фрегатъ, разорвался въ клочки, и вода такъ сильно прибывала, что мы безъ остановки дѣйствовали всѣми помпами. На берегу стали собираться Японцы; къ полудню напротивъ насъ выстроилась толпа солдатъ съ пушками. Къ счастію, вѣтеръ сталъ замѣтно стихать; но не было еще никакой возможности сообщаться съ берегомъ при такомъ бурунѣ, и мы тщетно старались передать конецъ веревки на берегъ. Пробовали пустить бумажнаго змѣя, поплавки, утку съ привязаннымъ къ ея ногѣ линомъ и проч., но безъ малѣйшаго успѣха. Все отбрасывалось буруномъ и уносилось теченіемъ вдоль берега къ Востоку. Пытались подвести подъ фрегатъ другой парусъ, но онъ при качкѣ плохо облегалъ подводную часть и вскорѣ разорвался въ свою очередь. Помпы стали портиться отъ постояннаго выкачиванія воды и отъ времени до времени требовали поочереднаго пересмотра и исправленія. Вечеромъ кормовая часть стала быстро наполняться водой; оказалось, что засорило льяло (каналъ), по которому вода стекала къ срединѣ фрегата, гдѣ помѣщались всѣ помпы. Пришлось прорубить палубу въ каютъ-компаніи, куда поставили всѣ брандспойты и, кромѣ того, еще вычерпывали воду ведрами изъ затопленной броткамеры. Эта работа и перенесеніе тяжестей изъ кормы въ носовую часть продолжались всю ночь. Офицеры, стараясь ободрять утомленную команду,

все время помогали ей. Подъ утро наконецъ удалось очистить засорившееся льяло, и сильно накопившаяся въ броткамерѣ вода стала убывать. У меня было все готово, чтобы моментально выпустить канаты, въ случаѣ если значительно увеличивающаяся течь подвергла бы фрегатъ опасности затонуть. Четвертаго числа вѣтеръ почти стихъ, но буруны все еще бушевали съ прежнею силою, и только къ вечеру волненіе нѣсколько улеглось. Тогда адмиралъ приказалъ Пещурову выброситься на катерѣ и доставить конецъ на берегъ. Катеръ немедленно былъ спущенъ и отвалилъ подъ управленіемъ Пещурова. Работы на фрегатѣ были пріостановлены, и мы всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за катеромъ, который легко могъ быть опрокинутъ въ бурунахъ. Немного не доходя до берега, катеръ пріостановился и, держась на веслахъ, выждалъ гребня волны; когда она его подхватила, всѣ загребли полной силой, и катеръ на хребтѣ волны благополучно достигъ берега. На нѣсколько секундъ, которыя намъ показались вѣчностью, все исчезло въ бѣлой пѣнѣ. Когда волна отступила отъ берега, мы увидали нашихъ молодцовъ, съ помощью Японцевъ вытаскивающихъ катеръ на песокъ, что́ они успѣли сдѣлать до слѣдующей волны, которая унесла бы его обратно въ море. «Слава Тебѣ Господи!» пробѣжало по нашимъ рядамъ, и мы всѣ какъ по командѣ сняли шапки и перекрестились, а затѣмъ тихо побрели къ своимъ работамъ.

Катеръ оказался сильно поврежденнымъ отъ удара; но люди всѣ были спасены, и явилась возможность сообщаться съ берегомъ. (Въ 1868 году, во время крушенія Александра Невскаго у Датскихъ береговъ, погибли въ бурунахъ лейтенантъ Заринъ, Искюль и нѣсколько матросовъ при исполненіи этого самаго маневра). На доставленный на берегъ конецъ навязали другой нѣсколько потолще и подали сигналъ выбирать. Такимъ образомъ былъ доставленъ на берегъ надежный кабельтовъ, конецъ котораго закрѣпили вокругъ мачты фрегата, для того, чтобы начать по немъ спасеніе людей. Къ большому коушу, надѣтому на этотъ кабельтовъ, пристопорили адмиральскую гичку, на которой думали начать переправу больныхъ. Такъ какъ во время этихъ приготовленій стемнѣло, то адмиралъ не рѣшился безъ опыта отправлять людей такимъ способомъ, и гичку отправили порожнюю, только съ зажженнымъ фонаремъ и съ запиской, въ которой были перечислены условные фонарные сигналы. Когда все было готово, и подали на берегъ сигналъ выбирать конецъ, то гичка довольно быстро исчезла въ темнотѣ. Напрасно мы ждали условленнаго знака (два фонаря одинъ надъ другимъ), чтобы притянуть гичку обратно. На берегу оказалось такое множество свѣтящихся точекъ, движущихся взадъ и

впередъ, по крутой покатости берега, что не было никакой возможности положиться на условный знакъ. Въ послѣдствіи оказалось, что Японцы съ наступленіемъ темноты не смѣютъ выходить безъ фонаря, и потому берегъ былъ усѣянъ огоньками. Пробовали нѣсколько разъ выбирать конецъ, но онъ туго натягивался и не подавался. Боясь оборвать его, мы рѣшились обождать разсвѣта.

Продолжая выкачивать воду, мы въ тоже время строили плотъ изъ кусковъ нашего киля и разнаго рангоута. Въ 4 часа утра я вышелъ на вахту (послѣднюю, которая была на нашемъ фрегатѣ) и получилъ приказаніе поднять нижнія реи для спуска гребныхъ судовъ изъ ростеръ. Эта работа была окончена до разсвѣта, и тогда мы увидали, что, не смотря на ничтожное волненіе, у берега все еще бушевалъ бурунъ. Наша гичка виднѣлась на берегу, но одинъ бокъ ея былъ оторванъ. По спускѣ плота на воду стали усаживать на него часть команды; но при этомъ скоро убѣдились, что такой способъ переправы слишкомъ опасенъ, и людямъ было приказано пересѣсть на баркасъ, который по кабельтову потянулся къ бурунамъ подъ начальствомъ мичмана Зеленаго. Баркасъ подошелъ къ берегу на такое разстояніе, что онъ при отходящей волнѣ не касался дна, пристопорилъ носъ и корму къ кабельтову и приступилъ къ высадкѣ людей. Первымъ сталъ перебираться къ берегу одинъ хорошо плавающій унтеръ-офицеръ, который былъ оторванъ отъ кабельтова буруномъ. Его нѣсколько разъ волна проносила мимо баркаса, и его съ трудомъ вытащили на баркасъ, когда силы его уже стали слабѣть. Послѣ этого неудачнаго опыта Зеленый никому не позволялъ переправляться безъ конца, т. е. тоненькой веревки, одинъ конецъ которой находился на берегу, а другой на баркасѣ, средина же затягивалась человѣку петлей вокругъ пояса; тогда онъ бросался въ воду, и его вытаскивали на берегъ. Петлю тащили обратно на баркасъ и продолжали этотъ маневръ до тѣхъ поръ, пока всѣ, кромѣ гребцовъ, не были высажены: тогда баркасъ возвращался на фрегатъ за новой смѣной, и такимъ образомъ продолжалъ свою работу до самаго вечера. Этимъ способомъ была перевезена вся команда (около 600 человѣкъ), и только у немногихъ оказались царапины на лицѣ или на рукахъ, полученныя, вѣроятно, отъ какого-нибудь камешка при подводномъ путешествіи въ 25 саж. Къ счастію, дно было песчаное. Люди, оставшіеся на фрегатѣ, продолжали качать воду и выносили на верхнюю палубу багажъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, въ надеждѣ, что волненіе выброситъ нѣкоторыя вещи на берегъ. Дабы не замедлить спасанія людей, матросамъ разрѣшено было взять съ собою только однѣ мелкія вещи. Каждый разъ, что баркасъ возвращался за новой смѣной, по прика-

занію капитана вызывалось отдѣленіе, которое провѣрялось и затѣмъ отправлялось съ офицеромъ на баркасъ. Мнѣ было поручено наблюдать въ батареѣ, чтобы никто не полѣзъ на баркасъ черезъ пушечные порта, и я долженъ сказать, что не было ни одной попытки спасаться внѣ очереди. Послѣ полудня, когда уже половина команды была на берегу, адмиралъ приказалъ отправить на катерѣ трехъ трудно больныхъ, священника съ дарами, ревизора съ казеннымъ ящикомъ и старшаго штурмана съ хронометрами и съ шканечнымъ журналомъ. На берегу наша команда и толпа Японцевъ стояли на концѣ, привязанномъ къ носу катера и, когда самая большая волна подошла къ фрегату, адмиралъ, махнувъ платкомъ, далъ знакъ, чтобъ бѣгомъ тащили катеръ къ берегу. Все обошлось благополучно; только одного больного немного окатило водой, и отъ удара о берегъ упалъ и повредился одинъ хронометръ. Вечеромъ, въ шестомъ часу, на баркасѣ отправился капитанъ съ послѣдней смѣною. Одновременно отвалилъ адмиралъ на катерѣ; я былъ на рулѣ. Оба, Путятинъ и Лесовскій, покинули фрегатъ только когда на немъ уже не было ни души. Сначала адмиралъ хотѣлъ, чтобы я въ послѣдній моментъ обрубилъ стопора расклепанныхъ якорныхъ канатовъ, но передъ самымъ отправленіемъ онъ отмѣнилъ это приказаніе и оставилъ фрегатъ на якоряхъ. Съ адмиральскаго катера былъ тоже поданъ конецъ на берегъ, и люди только ожидали знака, чтобы вытащить его. Фрегатъ закрывалъ своимъ корпусомъ подходящія волны, и потому сигналъ былъ поданъ не такъ удачно, какъ въ первый разъ. Когда мы стали подходить къ буруну, я замѣтилъ, что за нами шелъ огромный валъ, но уже было поздно остановить людей бѣжавшихъ что есть мочи. Катеръ уперся носомъ въ песокъ, въ то время, когда волна, подхвативъ корму, поставила его въ почти вертикальное положеніе, и мы всѣ повалились въ воду. Къ счастію, люди, обвязанные концами, бросились намъ на встрѣчу и вытащили насъ и катеръ прежде, чѣмъ отступающая отъ берега волна успѣла насъ увлечь въ море. Раньше переправившіяся смѣны между тѣмъ уже успѣли разложить костры и обсушить свое платье; нѣкоторые даже устроили себѣ шалаши изъ вѣтвей. Подъ кустомъ у берега сидѣли три унтеръ-офицера и пили чай изъ мѣднаго чайничка, спасеннаго кѣмъ-то за пазухою. Одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ чаю въ крышкѣ чайника и въ бумажкѣ сахаръ, превратившійся отъ морской воды въ какой-то сладкосоленый сиропъ. Наши офицеры, промокшіе до костей и съ утра ничего не ѣвшіе, помѣстились въ полуразрушенномъ домѣ, который одинъ уцѣлѣлъ отъ пожара, вспыхнувшаго во время землетрясенія. Тутъ, пока я утолялъ голодъ гдѣ-то добытымъ холоднымъ рисомъ, ко мнѣ подо-

шелъ мой вѣстовой и съ сіяющимъ лицомъ передалъ мнѣ мой мундиръ и киверъ съ султаномъ. Хотя я въ душѣ и жалѣлъ, что онъ мнѣ не захватилъ нѣсколько смѣнъ бѣлья, но не могъ не похвалить моего преданнаго слугу, который не подумалъ о спасеніи своихъ пожитковъ, а захватилъ съ собою самыя, по его мнѣнію, драгоцѣнныя вещи своего барина. Мои товарищи разсказывали мнѣ, что онъ совершилъ подводное путешествіе съ киверомъ при застегнутой чешуѣ на головѣ и съ мундиромъ подъ мышкою. Ночью нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, не успѣвъ просушить платье, зябли такъ, что не могли заснуть. Въ половинѣ ночи Японцы намъ принесли нѣсколько ваточныхъ халатовъ съ безобразно-широкими рукавами; но оказалось, что было слишкомъ много охотниковъ до нихъ, и они въ мигъ были расхвачены. Помню, съ какою завистью я смотрѣлъ на Пушкина, который, обернувъ полы халата вокругъ своего тѣла, засунулъ голову въ одинъ, а ноги въ другой рукавъ, браня Японцевъ за глупое изобрѣтеніе. Не смотря на то, что лежавшій рядомъ со мной Ковалевскій уступилъ мнѣ половину своего уже высохшаго пальто, я рѣшительно не могъ спать отъ холода и вышелъ погрѣться у костра. Тутъ я засталъ юнкера Корнилова, который, держа въ рукахъ одну изъ фрегатскихъ утокъ, совалъ ее носомъ въ огонь. Благодаря моему вмѣшательству, несчастная птица отдѣлалась только нѣсколькими спаленными перьями. Оказалось, что проголодавшійся мальчикъ, никогда не отличавшійся умственными способностями, не нашелъ лучшаго средства для утоленія голода.

Едва начало разсвѣтать, какъ мы уже собрались на берегу и внимательно смотрѣли по тому направленію, гдѣ стояла Діана. Мы сомнѣвались, что она могла еще держаться на водѣ при столь сильной течи, тѣмъ болѣе, что уже въ послѣдніе часы нашего пребыванія на ней, прибыль воды все увеличивалась, такъ какъ помпы перестали дѣйствовать за недостаткомъ людей. Но вотъ изъ темноты сталъ выступать корпусъ фрегата. Радость была общая. Когда совершенно разсвѣло, мы увидали, что фрегатъ погрузился почти до линіи кубричныхъ илюминаторовъ. Надо полагать, что палубы, дѣйствуя какъ плотъ, поддерживали судно своею плавучестью, такъ какъ оно по снятіи артилеріи было значительно облегчено. Кромѣ того фрегатъ вѣроятно поддерживался еще пустыми водяными систернами, у которыхъ крышки закрываются довольно плотно. Не смотря на совершенно гладкую поверхность моря и на замѣтное уменьшеніе буруна, попытка спустить нашъ катеръ не удалась, между тѣмъ какъ Японскія плоскодонныя лодки уже пробирались къ фрегату. На этихъ шлюпочкахъ мы въ продолженіи цѣлаго дня перевозили вещи съ фрегата; такъ какъ

этихъ шлюпокъ нельзя было много загружать, да и число ихъ было очень ограниченное, то дѣло подвигалось медленно. Нашъ баркасъ, на которомъ переночевали охотники, тоже совершилъ нѣсколько рейсовъ по прежнему кабельтову, но не имѣя возможности приставать къ берегу, приходилось людей и вещи передавать на концахъ черезъ воду, какъ это дѣлалось наканунѣ. Я также побывалъ на фрегатѣ, гдѣ нашелъ величайшій безпорядокъ. На палубѣ были разбросаны разныя вещи, тутъ же валялись разбитыя банки и бутылки, и по всему было видно, что команда безъ всякаго присмотра лазила всюду, куда еще можно было пробраться. На кубрикѣ и слѣдовательно и въ каютъ-компаніи вода стояла выше пояса. Люди вытаскивали изъ нижней палубы мокрыя вещи, связывали книги, бѣлье и т. п., и отправляли узлы на берегъ, до достиженія котораго они, большею частью, подвергались еще разъ купанію въ бурунахъ. Я вернулся на берегъ на баркасѣ и потому также не избѣгъ ванны.

Вечеромъ пріѣхалъ какой-то важный чиновникъ (Тацновскій называлъ его рентмейстеромъ провинціи Идзу), посланный къ намъ владѣтельнымъ княземъ этой провинціи. Онъ привезъ намъ провизію, мѣдные котлы для варки пищи и много другихъ предметовъ, необходимыхъ для перваго устройства, и любезно предложилъ намъ свои дальнѣйшія услуги. По просьбѣ адмирала онъ тотчасъ же послалъ приказъ въ сосѣднія деревни, чтобы всѣ рыбацкія лодки окрестностей собрались на слѣдующее утро къ фрегату. Дѣйствительно, благодаря этому распоряженію, 7-го Января у Міасимы сгрупировалось около 100 лодокъ разной величины. Погода была великолѣпная, море гладкое какъ зеркало, только у самаго берега прибой еще не совсѣмъ улегся. При столь благопріятныхъ обстоятельствахъ адмиралъ надѣялся отбуксировать фрегатъ посредствомъ Японскихъ лодокъ черезъ заливъ Суругà въ бухту Хеду. Въ этой закрытой отъ всякаго волненія бухтѣ можно бы было еще спасти нашу милую Діану, если бы удалось поставить ее на мель, вылить изъ нея воду и задѣлать пробоины. Лодки выстроились въ длинные ряды передъ носомъ фрегата, буксиры были поданы, и чтобы не обременять фрегатъ тяжестью трехъ отданныхъ якорей и необходимымъ для ихъ поднятія большимъ числомъ людей, якорные канаты были выпущены съ привязанными къ нимъ надежными буйкàми. Для исполненія этой работы и для подачи буксировъ А. Можайскій и я были отправлены съ командою на фрегатъ; тутъ же находились адмиралъ и капитанъ. Вскорѣ лодкамъ удалось заворотить фрегатъ, который медленно сталъ удаляться отъ берега. По приказанію адмирала всѣ покинули фрегатъ, при чемъ Ефимъ Васильевичъ опять послѣднимъ сошелъ съ него. Большинство офицеровъ и почти вся команда были оставлены на берегу, а мы раз-

мѣстились на двухъ лодкахъ: въ одной находились адмиралъ, капитанъ и нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я; въ другой Можайскій и человѣкъ 25 нашихъ матросовъ. До полудня все шло какъ нельзя лучше: мы съ удовольствіемъ замѣчали, что берегъ постепенно удаляется и всецѣло предавались надеждѣ благополучно достигнуть Хеды, до которой намъ оставалось отъ 15 до 20 миль. Адмиралъ еще разъ пожелалъ побывать на фрегатѣ; при этомъ мы забрали на лодку нѣсколько забытыхъ вещей, между прочимъ порядочное число палашей и пистолетовъ. Черезъ полчаса Путятинъ приказалъ намъ всѣмъ спуститься въ лодку и самъ послѣднимъ сошелъ по трапу. Въ эту минуту мнѣ такъ страстно захотѣлось еще разъ побывать на Діанѣ, что я рѣшился просить у адмирала разрѣшенія забрать фрегатскій колоколъ. Ефимъ Васильевичъ нехотя склонился на мою просьбу, но приказалъ торопиться. Взявъ съ собою матроса, я полѣзъ наверхъ по трапу, и черезъ нѣсколько минутъ колоколъ былъ спущенъ въ лодку. Пропустивъ матроса, я послѣдовалъ за нимъ, и лодка тотчасъ же отвалила отъ борта, къ которому намъ уже не суждено было возвращаться. Такимъ образомъ мнѣ посчастливилось послѣднимъ побывать на дорогой намъ Діанѣ, которая вскорѣ на вѣки скрылась въ океанской глубинѣ. Едва мы успѣли отвалить отъ борта, какъ равномѣрное хихиканіе Японцевъ (они при греблѣ въ тактъ вдыхаютъ воздухъ и при этомъ издаютъ какой-то странный звукъ) внезапно превратилось въ отчаянный крикъ. Въ мигъ они обрубили буксиры и принялись на лодкахъ ставить мачты и паруса. Въ первую минуту мы думали, что фрегатъ тонетъ; но, видя, что онъ не погружается въ воду, мы стали требовать объясненій у переводчика, который изъ-за всеобщаго шума и суматохи не могъ добиться отвѣта отъ своихъ соотечественниковъ. Адмиралъ наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и, думая, что переводчикъ его не понимаетъ, повторялъ свои вопросы, перемѣшивая при этомъ Англійскія, Испанскія и Голандскія слова. Наконецъ флегматичный Тацновскій понялъ, въ чемъ дѣло, и объяснилъ намъ, что бѣлая туча, покрывшая вершину Фузиява, предвѣщаетъ бурю. Не успѣлъ онъ еще произнести этихъ словъ, какъ уже налетѣлъ шквалъ, который въ короткое время развелъ такое волненіе, что нельзя было и думать о возвращеніи къ подвѣтренному берегу, т. е. въ Міасиму. Всѣ лодки поспѣшили укрыться въ бухтѣ Иннора, лежащей въ вершинѣ залива Суругà. Мы послѣдовали за ними, бросая нашу бѣдную Діану на произволъ судьбы. Только черезъ нѣсколько часовъ весьма непріятнаго плаванія на плоскодонной лодкѣ мы достигли Инноры. Передъ входомъ мы увидали издали не очень ясно, какъ бизанъ-мачта и грота-рея фрегата свалились, а затѣмъ Діана легла на бокъ и исчезла. Невыразимая грусть камнемъ легла намъ всѣмъ на сердце;

въ эту минуту намъ казалось, что мы лишились дорогого, любимаго нами существа. Связь между нами и нашимъ старымъ другомъ, вынесшимъ насъ изъ многихъ бурь и ненастій, стала еще неразрывнѣе послѣ землетрясенія. Денно и нощно наши усилія сводились къ тому, чтобы залѣчить его раны, изгладить всѣ слѣды, нанесенные ему этой страшной катастрофой. Еще вчера мы трепетали надъ нимъ, а сегодня, когда спасеніе казалось такъ близко, наша надежда разомъ совершенно неожиданно рухнула. Находясь въ чужой странѣ, до сихъ поръ не принимавшей иностранцевъ, мы лишились всего, что̀ насъ связывало съ родиной, и не имѣли возможности вернуться домой, такъ какъ въ это время у насъ разгоралась война съ Англіей и Франціей.

Упавшая за бортъ бизанъ-мачта подтверждаетъ, какъ мнѣ кажется, мнѣніе, что фрегатъ поддерживался на водѣ посредствомъ плавучести палубъ. Вѣроятно, палуба нижняго кубрика, на которой стояла бизанъ-мачта, не выдержала тяжести всего фрегата и приподнялась, при чемъ, конечно, свалилась бизанъ-мачта. (Степсы, гротъ и фокъ-мачты были утверждены на кильсонѣ, а грота-рея, вѣроятно, была сломана и оторвана паденіемъ бизанъ-мачты).

Городокъ Иннора съ своею закрытою бухточкой и зелеными холмами во всякое другое время могъ бы понравиться красивымъ мѣстоположеніемъ, но въ эту минуту намъ было не до природы съ ея красотами. Расположившись въ Японскомъ храмѣ, мы молча поужинали и молча улеглись спать; но сонъ еще долго не смыкалъ нашихъ глазъ. Ночью къ намъ явился переводчикъ съ объявленіемъ, что только что прибывшее посольство изъ Іеддо желаетъ представиться адмиралу. По изъявленіи согласія явились высокопоставленные чиновники и послѣ обычныхъ присѣданій и привѣтствій объявили, что они присланы отъ тайкуна съ порученіемъ выразить намъ соболѣзнованіе по случаю поврежденій фрегата во время землетрясенія и устроить насъ въ Хедѣ. Адмиралъ съ благодарностью принялъ это предложеніе; но и здѣсь неожиданно возникло затрудненіе: когда Ефимъ Васильевичъ объявилъ Японцамъ, что онъ на слѣдующее утро думаетъ отправиться берегомъ въ Міасиму, гдѣ осталась наша команда, друзья наши стали волноваться и требовать, чтобы адмиралъ и сопровождающія его лица отправились въ Хеду не иначе, какъ моремъ, обѣщаясь доставить туда-же команду изъ Міасимы и всѣ спасенныя съ фрегата вещи. (Иннора лежитъ въ вершинѣ залива, почти на половинѣ дороги, ведущей вдоль берега изъ Хеды въ Міасиму). Адмиралъ, конечно, не соглашался, и переводчикъ ночью нѣсколько разъ приходилъ отъ имени пословъ, которые все-таки настаивали на своемъ, боясь гнѣва своего строгаго начальства въ случаѣ, если они окажутся слишкомъ податливыми въ сво-

ихъ сношеніяхъ съ Европейцами. На другое утро мы все-таки выстроили нашу маленькую команду въ 25 человѣкъ съ обнаженными палашами и отправились въ Міасиму. Послы, видя, что ихъ протесты не дѣйствуютъ на насъ, присоединились къ нашему шествію, которое открывалось и замыкалось Японскими солдатами. Несмотря на нѣкоторую воинственность внѣшней обстановки, наши отношенія къ Японцамъ были вполнѣ мирныя и впослѣдствіи даже дружескія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по дорогѣ для насъ были приготовлены угощенія, состоявшія изъ апельсиновъ, чаю и сладостей. Только во время пути мы поняли, почему наши добрые вожатые такъ настойчиво требовали нашего переѣзда въ Хеду моремъ: мы шли на значительномъ протяженіи по дорогѣ, ведущей изъ Іеддо въ Міако; а Японцы въ то время, какъ я уже говорилъ выше, ничего не боялись такъ какъ приближенія иностранцевъ къ большимъ городамъ. Послѣ 30 верстнаго перехода мы добрались до Міасимы еще до вечера. За два дня нашего отсутствія команда успѣла разобрать и просушить всѣ спасенныя съ фрегата вещи. Я нашелъ порядочную часть моего бѣлья и гардероба и вдругъ сталъ такимъ богачемъ, что былъ въ состояніи удѣлить немного товарищамъ менѣе счастливымъ. Мокрыя книги были разложены рядами для просушки, но я нашелъ только разрозненные листы разныхъ изданій и особенно жалѣлъ о потерѣ путешествія адмирала И. Ѳ. Крузенштерна, дорогого для меня подарка самого автора, съ собственноручной надписью на заглавномъ листѣ. Офицерамъ за это время удалось устроить нѣчто въ родѣ каютъ-компаніи; дѣятельные же Японцы не только привели въ порядокъ нашъ полуразрушенный сарай, но еще почти окончили постройку казармы для нашей команды. Стѣны были сплетены изъ бамбука, и только соломенная крыша была еще не вполнѣ окончена. Рано утромъ слѣдующаго дня нашъ неутомимый адмиралъ, устроивъ себѣ столъ изъ старой двери, положенной на боченокъ, работалъ уже передъ нашимъ домомъ надъ составленіемъ чертежа маленькаго судна, которое онъ надѣялся выстроить для отправленія на родину извѣстія о нашемъ крушеніи. Сейчасъ-же распредѣливъ работы между офицерами, онъ заставилъ одного заняться какимъ-то вычисленіемъ, а другого пріискивать нужныя справки въ еще мокрыхъ книгахъ. Этимъ не ограничивалась его дѣятельность: онъ успѣвалъ еще вести переговоры съ Японскими чиновниками, которые всячески старались намъ угождать. Если-бы мы потерпѣли крушеніе на берегахъ цивилизованной Европы, намъ едва-бы оказали такое гостепріимство, какимъ мы пользовались въ Японіи. Пока мы были въ силѣ, Японцы еще относились къ намъ съ нѣкоторой подозрительностью, но когда насъ постигло несчастіе, и мы очутились въ полной зависимости отъ

нихъ, они въ насъ видѣли только бѣдныхъ людей, достойныхъ сострадания и помощи. Правда, наши отношенія иногда носили характеръ нѣкоторой натянутости, но происходило это больше вслѣдствіе инструкціи высшихъ властей, которые слѣдовали вкоренившемуся у нихъ принципу—не довѣрять иностранцамъ. Бѣдные чиновники находились въ весьма комичномъ положеніи: предписанія высшаго начальства были строгія и ясныя, но имъ мѣшала приводить ихъ въ исполненіе ихъ врожденная вѣжливость. Они ужасно церемонились съ нами, хотя и увѣряли, что вопреки всѣмъ желаніямъ должны слѣдовать приказанію, данному свыше. Въ минуту-же рѣшенія всегда выходило иначе: мы бѣдные, безпомощные дѣлали по нашему; а они, которые были полными хозяевами всего, чѣмъ мы пользовались, подчинялись намъ, не рѣшаясь прибѣгнуть къ открытому сопротивленію. Конечно, это была не трусость; но объяснить это однимъ только состраданіемъ также невозможно, хотя и оно здѣсь несомнѣнно играло роль. Главная причина ихъ уступчивости заключалась, вѣроятно, въ инструкціи не доводить дѣло до серьезной ссоры; но, я думаю, что они кромѣ того сознавали то превосходство, которое намъ давало просвѣщеніе. Они видѣли, что, не смотря на нашу полную зависимость отъ адмирала, мы работали самостоятельно, что наша духовная и умственная жизнь была богаче, и, быть можетъ, съ невѣдомою силою влекло ихъ къ этому свѣту.

11-го Января было рѣшено перевести всю команду берегомъ въ Хеду, такъ какъ сильный бурунъ не позволялъ отправиться моремъ. Адмиралъ выступилъ пѣшкомъ съ половиною офицеровъ и команды. За ними опять потянулись военная команда, чиновники и множество носильщиковъ. Остальные, въ томъ числѣ и я, выступили на другое утро подъ начальствомъ нашего капитана. Опять въ разныхъ мѣстахъ уже знакомой намъ дороги были приготовлены угощенія. Вечеромъ мы добрались до Инноры и переночевали въ храмѣ. Адмиралъ покинулъ Иннору еще утромъ, а мы на другой день ранымъ-рано выступили въ Хеду. Дорога тянулась вдоль гористаго берега, и наша команда, не привыкшая къ пѣшимъ переходамъ и не успѣвшая отдохнуть отъ утомленія предыдущаго дня, до нельзя растянулась. Послѣ полудня многіе стали отставать. Нескончаемая черная лента, образуемая нашимъ шествіемъ и извивающаяся по зеленымъ горамъ, представляла эфектную картину. Еще не доходя до Хеды, мы встрѣтили адмирала, идущаго намъ на встрѣчу. Въ Хедѣ большой храмъ со всѣми его пристройками былъ очищенъ для помѣщенія адмирала и офицеровъ. Наша каютъ-компанія находилась въ самомъ храмѣ, гдѣ идолы были поставлены лицомъ къ стѣнѣ, вѣроятно, дабы они не смущались видомъ христіанъ въ ихъ святилищѣ. Рядомъ съ храмомъ было приготовлено для нашей

команды нѣсколько домовъ, а напротивъ, по другой сторонѣ улицы, еще строилась казарма для нея. Японскія власти тутъ-же объявили адмиралу, что ихъ правительство считаетъ насъ своими гостями и потому надѣется, что мы во все время нашего пребыванія въ Японіи будемъ жить на его счетъ. Адмиралъ, конечно, не соглашался, и начались переговоры. На заявленіе адмирала, что мы желаемъ платить за наши потребности, наконецъ было получено согласіе изъ Іеддо съ условіемъ, чтобы эти счеты велись со дня окончательнаго нашего водворенія въ Хедѣ, все-же доставленное намъ раньше Японскій императоръ просилъ принять какъ подарокъ. На это адмиралъ изъявилъ свое полное согласіе и благодарность.

Въ Хедѣ адмиралъ Путятинъ горячо принялся за распредѣленіе занятій между офицерами при постройкѣ маленькой шкуны. Эти занятія были прерваны сообщеніемъ Посьета изъ Симоды, что туда прибылъ военный пароходъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Кромѣ того онъ насъ извѣщалъ о благополучномъ отбитіи въ Петропавловскѣ Англійскаго и Французскаго флотовъ, которые должны были удалиться въ Санъ-Франциско для починокъ. Вслѣдствіе этого донесенія адмиралъ отправился 17-го Января пѣшкомъ въ Симоду съ Пещуровымъ и Колокольцовымъ, но уже на слѣдующій день около полудня Колокольцовъ возвратился въ Хеду съ приказаніемъ отправить въ Симоду вооруженный баркасъ и катеръ. Оказалось, что адмиралъ на половинѣ дороги получилъ извѣстіе о прибытіи въ Симоду огромнаго Французскаго китобоя, которымъ онъ надѣялся завладѣть для возвращенія на родину. Капитанъ тотчасъ поставилъ команду во фронтъ и вызвалъ охотниковъ. Конечно, всѣ безъ исключенія съ восторгомъ пожелали принять участіе въ этой экспедиціи, и Степанъ Степановичъ Лесовскій былъ принужденъ выбрать людей и офицеровъ по своему усмотрѣнію. Онъ объявилъ, что самъ ѣдетъ на баркасѣ съ Елкинымъ (старш. штурман. офицеръ) и Колокольцовымъ, а мнѣ съ Зеленымъ приказалъ слѣдовать за нимъ на катерѣ. Наскоро мы вооружили 80 человѣкъ спасеннымъ съ фрегата оружіемъ, т. е. штыками, топорами и палашами. Ружья и пистолеты остались внѣ употребленія, такъ какъ патроновъ было спасено самое ничтожное количество, да и то подмоченные. Съ лихорадочной поспѣшностью были сдѣланы нѣкоторыя необходимыя починки шлюпокъ, и около 4 часовъ пополудни мы вышли изъ Хеды. Сажая по два человѣка на весло и смѣняя ихъ каждые полчаса, мы гребли изо всѣхъ силъ и быстро подвигались вдоль берега. Мы хорошо понимали, что успѣхъ нашего предпріятія всецѣло зависѣлъ отъ неожиданности ночнаго нападенія, и что хорошо вооруженному китобою съ экипажемъ въ 50 человѣкъ легко будетъ отбить насъ, если намъ

не удастся ударить на него врасплохъ до разсвѣта. На бѣду мы, зайдя по ошибкѣ въ темнотѣ въ другую бухту, потеряли слишкомъ полчаса времени. Только около 5-ти часовъ утра мы достигли знакомой намъ Симодской бухты и съ напряженнымъ вниманіемъ стали всматриваться въ мракъ, чтобы отыскать Французскаго китобоя. Наши маленькія суда подвигались впередъ безъ шуму. Уключины были обвернуты тряпками, для избѣжанія стука веселъ, и шлюпки точно скользили по водѣ. Наконецъ показалось судно; мы уже собрались атаковать его съ двухъ сторонъ, какъ вдругъ къ величайшему нашему разочарованію замѣтили, что это была Японская джонка. Но вотъ вдали зачернѣло еще что-то; когда мы приблизились къ этой массѣ, часовой окликнулъ насъ по англійски: мы были у борта Американскаго военнаго парохода. Занимавшаяся въ это время заря убѣдила насъ, что въ бухтѣ нѣтъ никакого китобоя. Вскорѣ мы узнали на берегу, что онъ съ вечера ушелъ въ море. Кажется, Американцы, узнавъ случайно о нашемъ намѣреніи, побоялись допустить въ ихъ присутствіи нарушеніе нейтралитета Японскаго порта и посовѣтовали Французамъ удалиться. А мы уже мечтали, что будемъ плавать на «Napoleon III» (такъ называлось это прекрасное трехмачтовое судно) и благополучно достигнемъ родины, а можетъ быть даже возмемъ еще нѣсколько купцовъ.

Адмирала, Посьета и другихъ офицеровъ мы застали въ храмѣ Гіоксензи, въ деревнѣ Какисаки. Тутъ мы узнали изъ Американскихъ газетъ о несчастномъ исходѣ Альминскаго сраженія и объ обложеніи Севастополя съ южной стороны, а также подробности о Петропавловскомъ нападеніи. Офицеры Американскаго парохода «Powhatan» пріѣхали къ намъ на берегъ съ приглашеніемъ на обѣдъ. Нашъ адмиралъ отказался, но капитанъ и всѣ офицеры поѣхали въ какихъ были костюмахъ. Одинъ только Елкинъ, не говорившій на иностранныхъ языкахъ, остался на берегу. Мы что-то долго не садились за столъ. Вдругъ отворяется дверь каюты и входитъ нашъ Елкинъ въ синемъ Американскомъ вицъ-мундирѣ. Наши любезные хозяева, замѣтивъ отсутствіе Елкина, вообразили, что ему было совѣстно пріѣхать въ поношенномъ костюмѣ и поспѣшили отвезти ему Американскій фракъ. Не владѣя Англійскимъ языкомъ, несчастный не сумѣлъ отказаться, почти насильно былъ нараженъ въ чужой мундиръ и доставленъ на пароходъ. Во время обѣда его усердно занималъ офицеръ, немного говорившій по французски. Елкинъ и по французски зналъ всего нѣсколько словъ и потому молчалъ все время. Когда же онъ наконецъ понялъ, что его собесѣдникъ говоритъ о землетрясеніи и о нашемъ крушеніи, онъ патетично произнесъ: «Oui, occasion très terrible». Это были единственныя слова, сказанныя имъ во время обѣда. Съ тѣхъ

поръ за нимъ такъ и осталось прозвище: «Occasion très terrible». Его впрочемъ называли еще «L'article du club», такъ какъ онъ этими словами перевелъ однажды выраженіе «членъ клуба» на томъ основаніи, что въ граматикѣ «article» былъ названъ членомъ.

Любезность Американцевъ не ограничилась одними приглашеніями. Они снабдили насъ всевозможными необходимыми вещами, и ихъ капитанъ М—с. Cluney предложилъ нашему адмиралу перевезти всю нашу команду въ Шангай; но Ефимъ Васильевичъ отказался, и мы воспользовались этимъ пароходомъ только для отправки нашей кореспонденціи.

Въ Симодѣ Путятинъ добился окончательнаго заключенія торговаго трактата, который былъ подписанъ 26-го Января. Главнымъ помощникомъ адмирала въ этомъ дѣлѣ и редакторомъ Голандскаго текста трактата былъ К. Н. Посьетъ. Окончивъ это дѣло, адмиралъ немедленно возвратился въ Хеду, куда взялъ меня съ собою. По прибытіи мы нашли, что приготовленія къ постройкѣ шкуны значительно подвинулись впередъ, не смотря на то, что намъ не только приходилось самимъ заготовлять весь матеріалъ, но еще дѣлать инструменты для нашихъ мастеровыхъ. Наши молодцы сами сдѣлали токарный станокъ, ковали разные инструменты, гнали смолу, спускали тросы изъ Японской пеньки, дѣлали блоки и другія необходимыя принадлежности вооруженія. Конечно, встрѣчались на каждомъ шагу серьозныя затрудненія; но энергія все превозмогала. Къ каждому мастерству былъ приставленъ офицеръ, и адмиралъ лично слѣдилъ за всѣмъ. Японцы съ своей стороны къ каждой специальности приставили двухъ чиновниковъ и нѣсколькихъ мастеровыхъ, которые, благодаря ихъ смѣтливости и акуратности, вскорѣ сдѣлались отличными помощниками. При нашихъ многостороннихъ занятіяхъ намъ не было времени скучать. Въ свободныя минуты мы предпринимали прогулки по живописнымъ окрестностямъ города, не смотря на то, что Японскія власти выстроили у всѣхъ выходовъ деревянные ворота и приставили къ нимъ караулъ съ строгимъ наказомъ не пускать насъ за черту города. Мы не подчинялись этому приказанію и насильно отворяли ворота, или обходили ихъ. Тогда часовымъ велѣли смотрѣть на наши прогулки «сквозь пальцы»; но и тутъ опять вышла комедія: при нашемъ приближеніи часовой спѣшилъ отворить вороты, а потомъ становился къ намъ спиной, дѣлая видъ, что онъ насъ не замѣчаетъ.

Болѣе или менѣе сильные подземные удары повторялись довольно часто въ Хедѣ. Ночью они насъ тревожили особенно часто, и мы нерѣдко бросались изъ храма въ легчайшихъ костюмахъ, такъ какъ стѣны ходили ходуномъ. При этомъ не обходилось безъ смѣшныхъ

сценъ. Елкинъ, страшно боявшійся землетрясенія, зажмуривъ глаза, каждый вечеръ дѣлалъ репитицію, какъ въ темнотѣ отыскать ручку дверей, чтобы скорѣе выскочить изъ комнаты. Обыкновенно на эти представленія собиралось много зрителей, и мы хохотали до упаду надъ потѣшными тѣлодвиженіями толстаго Елкина. Однажды ночью, проснувшись отъ подземнаго удара и замѣтивъ, что онъ уже прошелъ, я было рѣшилъ, что не стоитъ вставать, какъ вдругъ рядомъ съ моей комнатой послышался страшный трескъ. Намъ казалось, что храмъ рушится, и мы кинулись на дворъ. Прибѣжала прислуга съ фонарями, и мы на наружной галереѣ, на сломанныхъ оконныхъ рамахъ, увидали отчаянно барахтавшагося Елкина. Оказалось, что докторъ Кролевецкій, жившій съ нимъ въ одной комнатѣ, безъ всякой репетиціи, успѣлъ отворить дверь и выбѣжать изъ комнаты раньше Елкина. Послѣдній также ухватился за ручку и началъ двигать ее въ сторону (Японскія двери не на петляхъ, какъ наши, а отодвигаются вдоль стѣны). Такъ какъ отворенная дверь не подавалась въ сторону, Елкинъ вообразилъ, что стѣны уже покоробило, въ испугѣ бросился на оконныя рамы, оклеенныя бумагой, и вмѣстѣ съ ними повалился на землю. Бѣдному Елкину послѣ этой исторіи долгое время не давали проходу, причемъ онъ самъ отъ души смѣялся съ другими.

Въ Мартѣ въ Симоду прибыла Американская комерческая шкуна «Caroline Foote» съ разнымъ товаромъ весьма сомнительнаго качества. Американцы накупили въ Санъ-Франциско разныхъ бракованныхъ вещей, надѣясь сбыть ихъ въ Японіи по хорошей цѣнѣ. Изъ привезенныхъ этимъ судномъ газетъ мы узнали о печальномъ исходѣ Инкерманскаго сраженія. Адмиралъ нанялъ эту шкуну для доставленія части нашей команды въ Петропавловскъ. Американскій товаръ былъ выгруженъ и сложенъ въ отведенномъ для насъ храмѣ Гіоксензи въ Какисаки, а шкуна перешла въ Хеду, гдѣ мы нагрузили ее Японскимъ рисомъ, спасеннымъ съ фрегата оружіемъ и вообще всѣмъ, что могло быть полезнымъ при оборонѣ Петропавловска. 30-го Марта С. С. Лесовскій съ 8-ю офицерами и 150 чел. команды ушелъ на «Caroline Foote» въ море. Не безъ зависти мы глядѣли вслѣдъ удаляющемуся судну, и съ грустію думали: «когда же настанетъ и нашъ чередъ?»

Нѣсколько дней спустя, меня разбудили ночью и потребовали къ адмиралу, который поручилъ мнѣ немедленно отправится въ Симоду, чтобы нанять только что прибывшій туда огромный Американскій клиперъ. На мой вопросъ на какихъ условіяхъ я долженъ зафрахтовать судно, адмиралъ отвѣчалъ: «Постарайтесь, чтобы они были выгодны для насъ». По приказанію адмирала я долженъ былъ отправиться на Японской лодкѣ; но нужно было спѣшить, дабы Американецъ не ушелъ

въ море до моего прибытія, а Японцы, насилу пробужденные отъ сна, не торопились приготовленіемъ лодки и уговаривали меня ждать до утра. Время было дорого, и потому я, недолго думая, рѣшился идти пѣшкомъ. Съ бумажнымъ фонаремъ въ рукѣ я уже давно шагалъ по горнымъ тропинкамъ, а обстоятельные Японцы все еще совѣтовались, дать ли мнѣ лодку или нѣтъ. Дорога мнѣ была знакома, и днемъ я навѣрное прошелъ бы совершенно благополучно; но въ темнотѣ, когда фонарь мнѣ освѣщалъ путь только на два шага, мнѣ было невозможно оріентироваться, и я скоро замѣтилъ, что иду по незнакомымъ мнѣ мѣстамъ. Наконецъ тропинка привела меня въ деревню. Зайдя въ первый попавшійся домъ, я принялся будить его обитателей. Это были все женщины, которыя, при видѣ человѣка въ незнакомомъ имъ костюмѣ, разбѣжались съ крикомъ. Тутъ же на меня напали какія-то собаки, отъ которыхъ я съ трудомъ отбился. Переждать разсвѣта въ деревнѣ мнѣ не хотѣлось: я боялся, что упущу возможность скорѣе возвратиться въ Россію. Постучался я у другаго дома; мнѣ отворилъ дверь старикъ, и я съ трудомъ объяснилъ ему на ломанномъ Японскомъ языкѣ, что ищу дорогу въ Симоду. Старикъ знаками просилъ меня удалиться; но, видя, что я не ухожу, разбудилъ маленькаго мальчика и приказалъ ему вывести меня на дорогу. Полусонный ребенокъ привелъ меня къ горѣ, лежащей за деревнею, указалъ на тропинку и поплелся во свояси. При каждомъ развѣтвленіи дороги, я недоумѣвалъ, по какому направленію мнѣ слѣдуетъ идти. Было такъ темно, что я не замѣтилъ, какъ тропинка, по которой я шелъ, привела меня къ краю обрыва. Къ счастію, я при паденіи удержался за корень какого-то куста, но при этомъ выпустилъ изъ рукъ палку и фонарь. Нечего было дѣлать: пришлось просидѣть на краю пропасти около часа времени. Когда стало свѣтать, я добрался до морского берега, гдѣ нанялъ рыбака, который меня доставилъ въ своей лодкѣ до Матчусаки. Отдохнувъ немного во время этого непродолжительнаго переѣзда, я по прибытіи въ Матчусаки немедленно отправился пѣшкомъ поперекъ полуострова и достигъ Симоды въ 4-мъ часу пополудни. Я былъ въ дорогѣ 14 часовъ, изъ которыхъ 12 часовъ шелъ усиленнымъ шагомъ и прошелъ по гористой мѣстности болѣе 50 верстъ. Дорогою я обдумалъ, какъ-бы мнѣ поступить для лучшаго исполненія порученія и рѣшился уговорить Американскаго капитана перейти съ клиперомъ въ Хеду, гдѣ адмиралъ лично условится съ нимъ на счетъ нашего переѣзда. Капитанъ клипера «Young America», m-r Babcock сначала отговаривался неимѣніемъ карты этой мѣстности, но наконецъ склонился на мои доводы съ условіемъ, что я буду лоцманомъ. Забравъ съ берега нашихъ матросовъ, оставленныхъ

нами раньше въ Симодѣ для увѣдомленія о приходѣ судовъ, клиперъ снялся съ якоря. Къ сожалѣнію, вѣтеръ сталъ стихать, и мы только около полудня пришли въ Хеду. Адмиралъ немедленно приступилъ къ переговорамъ относительно найма клипера. Оказалось, что ловкій Янки уже давно смекнулъ, что тутъ можно заработать хорошія деньги: узнавъ въ Шангаѣ отъ офицеровъ парохода «Pawhatan», что мы потерпѣли крушеніе, онъ поторопился направиться въ Симоду и потребовалъ отъ адмирала за доставку насъ въ Камчатку 50.000 доларовъ. Путятинъ предложилъ ему около 18 т. доларовъ. Американецъ, сбавляя по 5.000, дошелъ наконецъ до 30 т.; но адмиралъ оставался неколебимъ. Кончилось тѣмъ, что Янки уѣхалъ на свой клиперъ и ушелъ въ море, а мы съ удвоенной энергіей принялись за достройку шкуны. Черезъ 3 или 4 дня въ морѣ показалось судно; мы тотчасъ же узнали по двойнымъ марселямъ знакомую намъ «Young America» и рѣшили, что должно быть капитанъ передумалъ и согласенъ вести насъ въ Камчатку за предложенную адмираломъ цѣну. Немедленно Семеновъ былъ отправленъ пѣшкомъ въ Симоду, чтобы вызвать оттуда Ковалевскаго и двухъ матросовъ, посланныхъ туда по уходѣ Американскаго клипера. Babcock пріѣхалъ къ адмиралу и объявилъ, что онъ встрѣтилъ въ морѣ Французскій военный корветъ «Constantin», который возвратился въ Китай, когда узналъ отъ Американцевъ, что насъ уже болѣе нѣтъ въ Японіи. Babcock теперь соглашался везти насъ въ Камчатку за 18 т. дол. потому что онъ вполнѣ удостовѣрился, что ему нечего бояться встрѣчи съ союзниками. Адмиралъ поручилъ составить контрактъ, и началась поспѣшная переборка. Одни сдавали Японцамъ почти достроенную шкуну и ея принадлежности, другіе распоряжались закупкою провизіи и ея погрузкою на клиперъ. Когда всѣ пункты контракта были написаны, Babcock сталъ требовать измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ. Пришлось переписать контрактъ, и едва эта работа была окончена, какъ неугомонный Американецъ потребовалъ новыхъ измѣненій. Я не присутствовалъ при переговорахъ; но мнѣ извѣстно, что адмиралъ былъ крайне недоволенъ поведеніемъ Babcock'а. Наконецъ, вечеромъ контрактъ былъ подписанъ. Мы надѣялись сняться съ якоря ночью и высадиться въ Камчаткѣ на западной сторонѣ полуострова близъ Большерѣцка, откуда предполагалось пробраться берегомъ въ Петропавловскъ. Зная изъ газетъ, что Англія и Франція выслали цѣлую армаду для вторичной атаки Петропавловска, мы боялись, что ихъ крейсеры заберутъ насъ дорогою. Команда клипера, состоявшая изъ разнаго сброда, изъ Негровъ, Китайцевъ, Нѣмцевъ и проч., сообщила ѣздившимъ на клиперъ офицерамъ, что они въ морѣ дѣйствительно встрѣтились съ Французскимъ корветомъ, но что ихъ капи-

танъ, послѣ довольно долгаго пребыванія у Французовъ, направился вмѣстѣ съ корветомъ къ Японскимъ берегамъ. Это извѣстіе подтвердилось сообщеніемъ изъ Симоды, что туда прибылъ «Constantin». Адмиралъ однако не придалъ этому обстоятельству важнаго значенія и, надѣясь уйти ночью и въ темнотѣ скрыться отъ преслѣдованія непріятеля, приказалъ, какъ можно скорѣе, перевести команду и всѣ вещи на клиперъ. Приходилось оставить Ковалевскаго, Семенова и двухъ матросъ въ Японіи, въ случаѣ, если они не успѣютъ прибыть до нашего ухода. Но тутъ случилось новое приключеніе: команда клипера взбунтовалась и сбѣжала на берегъ.

Мы, конечно, отлично добрались бы до Камчатки съ нашими матросами, но клиперу нужна была команда на обратное плаваніе. Пока Японскія власти, по просьбѣ адмирала, предприняли поиски за сбѣжавшими, мы, не теряя времени, нагружали клиперъ. Тутъ случилось довольно забавное происшествіе съ однимъ Японскимъ бонзою (духовное лицо), который пожелалъ отправиться съ нами въ Россію. Для изученія Японскаго языка Гошкевичъ свелъ знакомство съ этимъ человѣкомъ, который посѣщалъ насъ только ночью: по старинному закону, всякій Японецъ подвергался смертной казни за сношеніе съ иностранцами. Однажды ночью, послѣ продолжительнаго отсутствія, бонза снова явился къ Гошкевичу съ просьбою спрятать его, какъ можно скорѣе, такъ какъ онъ былъ арестованъ за сношенія съ нами и бѣжалъ изъ-подъ караула. Недолго думая, бонзу нарядили въ матроскую рубашку и сдѣлали ему парикъ изъ смоленой пеньки, тщательно запрятавъ его отъ взоровъ его соотечественниковъ. Японскіе чиновники очевидно подозрѣвали насъ въ укрывательствѣ: они просили позволенія подробно осмотрѣть наши помѣщенія подъ предлогомъ, что они нуждаются въ ремонтѣ. Они шарили и заглядывали во всѣ углы, а нашего бонзу, окруженнаго толпою матросовъ, переводили изъ одной комнаты въ другую. Намъ казалось, что Японцы, послѣ этихъ тщательныхъ поисковъ, уже забыли о своемъ пропавшемъ бонзѣ, и мы не сомнѣвались, что его легко будетъ перевести на клиперъ вечеромъ въ толпѣ матросъ; но эта уловка намъ вторично не удалась. Когда часть нашей команды уже перебралась на клиперъ, прибѣжалъ унтеръ-офицеръ и доложилъ, что Японцы у освѣщенной фонарями пристани поставили караулъ, который подноситъ фонарь къ лицу каждаго матроса. Дѣло было плохо: очевидно, искали бонзу, а Японскіе глазенки и желтоватый цвѣтъ лица выдалъ бы его, не смотря на парикъ и на матроскую рубашку. Пришлось уложить бѣдняжку въ ящикъ, предназначенный для упаковки нѣкоторыхъ вещей

и такимъ образомъ отправить его на клиперъ. Тутъ только оказалось, что, поднимая ящикъ съ лодки на судно, ошиблись концомъ, и бѣдный бонза пропутешествовалъ вверхъ ногами, какъ бы лежа въ гробу. Въ этомъ же положеніи ящикъ былъ спущенъ въ трюмъ, гдѣ и открылась ошибка. Съ наступленіемъ ночи прибыли изъ Симоды Ковалевскій, Семеновъ и матросы съ извѣстіемъ, что Французскій корветъ ушелъ въ море. Мы всѣ ночевали на клиперѣ, но отложили наше отправленіе до утра, потому что Японцы еще не успѣли переловить всѣхъ бѣглыхъ Американскихъ матросовъ. Утромъ, когда все было готово и мы уже собирались сниматься, Бебкокъ пришелъ къ Ефиму Васильевичу съ разорваннымъ контрактомъ и объявилъ, что онъ съ нами не пойдетъ; потому что не только его команда, которая вся была доставлена на судно, но и его помощники, отказываютъ ему въ повиновеніи. Разсерженный этимъ безцеремоннымъ обращеніемъ, адмиралъ приказалъ всѣмъ тотчасъ же перебраться на берегъ и, не смотря на проливной дождь, мы къ вечеру уже были опять въ прежнемъ нашемъ помѣщеніи. Нашъ бонза на этотъ разъ былъ спущенъ съ клипера съ большей предусмотрительностью, головою вверхъ. Янки еще разъ пріѣхалъ къ адмиралу съ предложеніемъ подписать новый контрактъ, такъ какъ онъ склонилъ своихъ подчиненныхъ на это плаваніе посредствомъ денежнаго вознагражденія; но Ефимъ Васильевичъ презрительно отвѣчалъ, что съ нимъ онъ не желаетъ имѣть дѣла. Американецъ съ руганью и бранью снялся съ якоря, а наши надежды опять всецѣло обратились на нашу шкуну.

13-го Апрѣля «Хеда» была спущена. Это совершилось съ нѣкоторою торжественностью. Мы пригласили всѣхъ чиновниковъ и нѣкоторыхъ жителей города, а послѣ спуска угостили общимъ обѣдомъ Японскихъ мастеровыхъ и нашихъ матросовъ, такъ дружно работавшихъ вмѣстѣ. Офицеры и чиновники завтракали у адмирала. Въ этотъ же день было приступлено къ постановкѣ мачтъ и къ вооруженію нашего судна, а 26 Апрѣля адмиралъ ушелъ на немъ въ Петропавловскъ. Его сопровождалъ его штабъ: Посьетъ, артилерійскій полковникъ Лосевъ, мичманы Пещуровъ и Колокольцовъ, штурманскій офицеръ Семеновъ, юнкеры Лазаревъ и Корниловъ и около 50 человѣкъ матросовъ.

Послѣ ухода шкуны «Хеды» старшему офицеру лейтенанту Мусину-Пушкину было поручено начальство надъ всѣми оставшимися въ Японіи. Правильныя занятія прекратились; небольшое число спасенныхъ книгъ были перечитаны по нѣскольку разъ, и мы стали не только тосковать по родинѣ, а еще скучать отъ бездѣлья. Сблизиться съ Японцами мѣшала строгость ихъ законовъ; только и было одно спасеніе—прогулки. Катаясь на нашихъ гребныхъ судахъ, мы дѣлали описи сосѣднимъ бухточкамъ, что̀ очень не нравилось Япон-

цамъ, особенно, если наши экскурсіи приводили насъ въ предѣлы сосѣдняго удѣльнаго князя, который немедленно доносилъ о нашемъ вторженіи правительству, послѣ чего чиновникамъ, спеціально къ намъ приставленнымъ, приходилось отписываться. Обыкновенно ихъ донесеніе гласило, что мы съ разрѣшенія губернатора Нака̀мора Тамѐа уходили въ море посмотрѣть, не идутъ ли за нами Русскіе корабли и что сильный вѣтеръ заставилъ насъ укрыться временно въ такой-то бухтѣ. Съ старикомъ Нака̀мора и его помощникомъ Уе́кава мы были въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Обыкновенно при маленькихъ недоразумѣніяхъ къ намъ являлся переводчикъ Тацновскій съ просьбою объяснить наши экскурсіи въ вышеупомянутомъ смыслѣ, а не то его начальству будетъ трудно оправдаться. Вслѣдъ за нимъ приходилъ самъ старикъ Нака̀мора съ цѣлою свитою чиновниковъ и, притворяясь очень огорченнымъ, предлагалъ намъ, Пушкину и мнѣ, заранѣе условленные вопросы, на которые получалъ такіе же отвѣты. Чиновники все время строчили, записывая всю эту неоднократне разыгрываемую комедію отъ перваго до послѣдняго слова. По окончаніи переговоровъ на благодушномъ лицѣ старика появлялась улыбка, и онъ въ радостномъ настроеніи отправлялся домой. Уѣзжая, адмиралъ подарилъ Нака̀морѣ секстанъ, и старикъ почти ежедневно приходилъ ко мнѣ учиться, какъ съ помощью этого инструмента опредѣлить широту мѣста. Такъ какъ я не зналъ Японскаго языка, то мнѣ приходилось дѣлать всѣ объясненія черезъ переводчика, да еще по голандски, на языкѣ мнѣ совершенно неизвѣстномъ до нашего прибытія въ Японію, когда я, по приказанію адмирала, сталъ учиться Голандскому языку.

Главное же затрудненіе состояло въ томъ, что этотъ Тацновскій былъ весьма мало развитой человѣкъ, ничего не смыслившій въ математикѣ и передававшій самыя простыя вещи совершенно превратнымъ образомъ. Понятно, что наши уроки подвигались очень медленно при такихъ затрудненіяхъ. Старикъ, благодаря своему примѣрному прилежанію, выучился читать наши цифры и отыскивать въ таблицахъ нужныя данныя. Онъ передъ нашимъ уходомъ довольно хорошо опредѣлялъ широту по полуденной высотѣ солнца, и мы принялись было за опредѣленіе долготы, но тутъ болѣе сложныя вычисленія поставили намъ совершенно неопреодолимыя преграды. Умный Нака̀мора отличался хорошими способностями къ математикѣ, но его въ молодости какъ-то странно обучали этой наукѣ. Такъ напримѣръ, онъ зналъ наизустъ квадраты всѣхъ чиселъ до ста и кубы всѣхъ чиселъ, если не ошибаюсь, до пятидесяти. Объ астрономіи онъ имѣлъ самыя ограниченныя понятія, но хорошо понялъ мое толкованіе о положеніи земли относительно луны и солнца. Получивъ въ Нагасаки годомъ раньше часы

отъ адмирала Путятина, онъ замѣтилъ, что лѣтомъ Японскій денной часъ значительно длиннѣе «Русскаго часа», какой показывали его часы, и наоборотъ зимою «Русскій часъ» длиннѣе «Японскаго». Надо замѣтить, что Японцы дѣлятъ время отъ восхода до захода солнца на 6 ч. и потому, конечно, лѣтняя единица ихъ времени длиннѣе зимней.

Въ половинѣ Мая Американская шкуна «Caroline Foote» возвратилась изъ Камчатки съ письмами отъ нашихъ товарищей и съ извѣстіемъ, что вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія Петропавловскъ былъ оставленъ нашими судами, которые, забравъ пушки и весь казенный грузъ, отправились въ Амуръ. Въ Петропавловскѣ наши товарищи застали только одинъ комерческій бригъ, зафрахтованный агентомъ нашего правительства въ Санъ-Франциско, откуда онъ везъ для нашихъ судовъ порохъ, снаряды и провіантъ. Лѣсовскій и его спутники перебрались на это судно и послѣдовали за нашею эскадрою въ Амуръ. Въ письмахъ своихъ наши товарищи много разсказывали о славномъ Петропавловскомъ дѣлѣ и о геройской смерти князя Максутова, которому ядромъ оторвало руку. Эти посланія были читаны и перечитаны много разъ; они составляли эпоху въ нашей однообразной жизни. Общее радостное настроеніе однако вскорѣ было омрачено рѣшительнымъ отказомъ Американца перевести насъ къ устью Амура. По договору, заключенному раньше съ адмираломъ, капитанъ «Caroline Foote» обязался въ три рейса доставить всю команду въ Петропавловскъ; теперь же онъ на отрѣзъ отказался отъ этого обязательства, поторопился забрать свой непроданный товаръ и отплылъ въ С.-Франциско. Мы всѣ пріуныли и съ грустью, слѣдуя извѣстной пословицѣ, «ждали у моря погоды». Вскорѣ по уходѣ Американцевъ Японцы сообщили намъ, что мимо восточной стороны Нипона прошла къ Сѣверу эскадра изъ 17 большихъ военныхъ судовъ. Очевидно, это были наши непріятели.

25-го Іюня, въ день рожденія Государя Императора Николая Павловича, мы готовились торжественно отслужить молебенъ. Команда и офицеры постарались одѣться почище, какъ можно болѣе по праздничному. Стали уже собираться къ службѣ, когда прибылъ нарочный изъ Симоды съ радостнымъ извѣстіемъ, что туда пришелъ Германскій купеческій бригъ, капитанъ котораго прислалъ намъ нѣсколько листовъ Англійскихъ газетъ. Съ жадностью мы набросились на нихъ. Не успѣлъ я еще развернуть листъ, какъ всѣ разомъ обратились ко мнѣ, такъ какъ я зналъ по-англійски. Со всѣхъ сторонъ послышались возгласы: «Что Севастополь?» «Все ли благополучно въ Балтійскомъ море?» «Да читай же скорѣе!» а у меня глаза наполнились слезами, и я не былъ въ состояніи отвѣчать, потому что первыя слова попавшіяся мнѣ гласили: «Новый молодой Русскій императоръ». Надѣясь, что

это газетная утка, я не рѣшился сообщить это извѣстіе товарищамъ. Къ сожалѣнію, я вскорѣ замѣтилъ, что всюду повторялись тѣже слова и что газета была переполнена предположеніями Англичанъ о новыхъ порядкахъ въ Россіи при молодомъ Государѣ. Въ это время на дворѣ начали служить молебенъ, и мы поспѣшили на молитву, все еще не вѣря въ возможность этого страшнаго горя. По окончаніи службы, мы опять принялись за газеты, и тутъ я нашелъ церемоніалъ похоронъ Николая Павловича, перепечатанный мелкимъ шрифтомъ изъ какой-то Нѣмецкой газеты. Кажется, нельзя было болѣе сомнѣваться, что Россія понесла тяжелую утрату въ этотъ и безъ того грустный годъ.

Черезъ часъ послѣ молебна команда была снова собрана, и Пушкинъ, какъ старшій между нами, дрожащимъ голосомъ сообщилъ людямъ о смерти дорогаго Государя. Матросы плакали какъ дѣти. Въ тотъ же день Пушкинъ и я отправились въ Симоду, гдѣ вступили въ переговоры съ кап.Тауло (Thaulow) относительно найма брига для перевозки команды въ Россію. Бригъ былъ зафрахтованъ за 10 т. дол., и мы тотчасъ же приступили къ работамъ: пришлось выгрузить остатокъ товара и въ трюмѣ настлать временную палубу для помѣщенія нашей команды. Японцы съ обычной своей готовностью доставили намъ бочки для прѣсной воды и для провизіи. По выгрузкѣ брига мы перешли съ нимъ въ Хеду, гдѣ приготовленія были окончены въ нѣсколько дней. Бригъ «Greta» первоначально былъ снаряженъ Германскимъ купцомъ въ Гонконгѣ для доставки провіанта Американскимъ китобоямъ. Продавъ большую часть этого груза въ Хакодате, бригъ зашелъ въ Симоду, чтобы сбыть остальной. Капитанъ Тауло разсказалъ намъ, что онъ видѣлъ въ Хакодате большую Англо-французскую эскадру, направляющуюся въ Татарскій проливъ для уничтоженія Русскихъ крѣпостей, якобы существующихъ на устьѣ Амура. Это подтвердилось извѣщеніемъ Японскихъ властей, которыя дали намъ знать, что Англо-французскій флотъ оставилъ Хакодате вслѣдствіе донесенія о стоянкѣ Русскихъ судовъ въ заливѣ Де-Кастри, немного южнѣе устья Амура. Конечно, намъ при такихъ обстоятельствахъ нечего было помышлять о достиженіи устья Амура съ Юга. Тауло охотно согласился на измѣненіе нашего маршрута, когда мы ему сообщили, что рѣшились отправиться въ Охотское море, въ Аянъ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ КОЗЛЯНИНОВЪ.

9-го Марта 1892 г. скончался въ Москвѣ одинъ изъ достопамятныхъ дѣятелей унаслѣдованныхъ прошлымъ царствованіемъ отъ временъ Николаевскихъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Н. Ѳ. Козлянинов, старинный Новогородецъ, предки котораго служили въ допетровскую эпоху стольниками и воеводами. Дѣдъ его былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ при Екатеринѣ, а отецъ служилъ морякомъ, командовалъ фрегатомъ, начальствовалъ ополченскою дружиною въ 1812 году и былъ предводителемъ Боровичскаго дворянства. Н. Ѳ. Козлянинов родился 7-го Декабря 1818 года. Учился онъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія и, еще находясь въ стѣнахъ заведенія, назначенъ былъ въ комиссію для разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ. Въ Іюнѣ 1838 г. онъ поступилъ въ Императорскую Военную Академію и, по окончаніи въ ней курса, былъ прикомандированъ къ л.-гв. конно-піонерному дивизіону, затѣмъ къ гвардейскому генеральному штабу, въ который и переведенъ въ 1842 г. подпоручикомъ. Въ Августѣ 1843 г. онъ производилъ съемку и военное обозрѣніе Эстляндской губерніи, а въ Апрѣлѣ 1845 г. отправленъ на Кавказъ, гдѣ и принялъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Находясь въ составѣ Самурскаго отряда и исполняя должность начальника штаба отряда, поручикъ Козляниновъ составилъ маршрутъ для движенія, съ 1-го по 7-е Іюня производилъ, подъ огнемъ непріятеля, рекогносцировку р. Каракойсу и горы Гуниба, находился въ авангардѣ отряда при переправѣ его черезъ эту рѣку у сел. Магаръ и участвовалъ въ истребленіи сел. Гачады, мѣстопребыванія извѣстнаго Даніель-Бека. При обратномъ движеніи отъ ст. Тилитля, нашъ отрядъ у Гуниба выдержалъ отчаянное нападеніе горцевъ, перешелъ самъ въ наступленіе и разсѣялъ непріятеля, причемъ Козляниновъ, по порученію начальника отряда князя Аргутинскаго-Долгорукова, командовалъ всею кавалеріею отряда, состоявшею изъ четырехъ сотенъ Донскихъ казаковъ и восьми сотенъ конной милиціи. За составленный имъ планъ горы Гуниба былъ онъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст.

Въ 1848 году, желая снова служить на Кавказѣ, онъ писалъ о томъ князю Аргутинскому-Долгорукову, который отвѣчалъ ему между прочимъ: „Милости просимъ... Вамъ нужна война и война. Мой совѣтъ вамъ, если вы не измѣните намѣренія дѣлить съ нами военные труды, по производствѣ вашемъ и если мѣста въ моемъ штабѣ будутъ и тогда заняты, перейти въ Апшеронскій или Дагестанскій полки, которые хороши въ настоящемъ и

много обѣщають въ будущемъ. Вы всегда раздѣляли мое мнѣніе, что самое лестное мѣсто для Русскаго дворянина, посвятившаго себя военной службѣ, командовать полкомъ, а при безсмѣнной военной дѣятельности этихъ полковъ и вашихъ достоинствахъ, вамъ этого ждать придется недолго". Н. Θ. Козляниновъ не могъ, однакоже, въ то время оставить гвардейскій генеральный штабъ, и въ Мартѣ 1849 г. былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 1-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ Декабрѣ того же года онъ переведенъ въ л.-гв. конно-піонерный дивизіонъ, а оттуда, съ производствомъ въ полковники, въ 7-й Ольвіопольскій уланскій генералъ-адъютанта Остенъ-Сакена полкъ. Находясь въ лѣвой колонѣ графа Нирода, перешедшей черезъ р. Прутъ у м. Леово, Козляниновъ командовалъ авангардомъ при атакѣ непріятельской позиціи у Ольтеницкаго карантина и аванпостами противъ Турокъ съ 23-го Октября по 1-е Ноября 1853 г. По прибытіи къ Силистріи, онъ командовалъ всѣми аванпостами арміи съ 14-го Мая по 4-е Іюня, производилъ рекогносцировку крѣпости и при снятіи осады, въ ночь съ 10-го на 11-е Іюня, участвовалъ въ отраженіи непріятеля, покушавшагося преслѣдовать войска, отступавшія изъ передовыхъ траншейныхъ линій. Въ Маѣ 1855 г. Козляниновъ посланъ въ Севастополь, гдѣ и вступилъ въ должность помощника начальника штаба Севастопольскаго гарнизона. Тутъ закрѣпилась его горячая дружба съ княземъ В. И. Васильчиковымъ. За отличную храбрость и мужество, оказанныя при геройскомъ отбитіи непріятельскаго штурма 6-го Іюня, Козляниновъ былъ награжденъ золотою саблею „за храбрость". Въ Іюлѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба 4-го армейскаго корпуса, въ Августѣ 1855 г., за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ Январѣ 1856 г. назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ бывшей южной арміи, въ Іюлѣ того же года— генералъ-квартирмейстеромъ бывшей 2-й арміи, а въ Маѣ 1857 года—начальникомъ штаба бывшаго отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса.

Въ Іюлѣ 1861 г. Николай Θедоровичъ былъ назначенъ командующимъ 5-ю кавалерійскою дивизіею и въ Августѣ того же года произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Съ Октября 1861 года и по Февраль 1863 года онъ былъ членомъ особаго комитета для обсужденія и развитія предположенныхъ измѣненій въ организаціи войскъ, тогда же зачисленъ въ генеральный штабъ и во время военныхъ дѣйствій противъ Польскихъ мятежниковъ, въ 1863 г., находясь съ дивизіею въ Кіевской и Волынской губерніяхъ, командовалъ войсками сѣверо-западнаго отряда и управлялъ гражданскою частью въ уѣздахъ Волынской губерніи, состоявшихъ на военномъ положеніи. Въ Февралѣ 1865 года Козляниновъ былъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, а въ 1867 году принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ г.-ад. Крыжановскаго, при разсмотрѣніи проекта основныхъ положеній преобразованія военно-судной части. Съ Января 1869 года Николай Θедоровичъ командовалъ войсками Кіевскаго военнаго округа.

Въ 1870 году даровитаго, трудолюбиваго генерала постигла тяжкая болѣзнь, и онъ просилъ объ увольненіи въ отпускъ для излѣченія. При этомъ военный министръ писалъ Николаю Θедоровичу, что Государь Императоръ „изволилъ выразить душевное сожалѣніе о случившемся съ вами болѣзненномъ разстройствѣ, и въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ изволилъ поручить мнѣ сообщить вашему превосходительству желаніе Его Величества, чтобы вы немедленно отправились въ Крымъ, для полнаго возстановленія вашего здоровья и для отдыха отъ вашихъ дѣлъ, хотя бы для этого и потребовалось гораздо болѣе времени, чѣмъ тотъ короткій срокъ, на который вы сами просили себѣ отпуска". Въ Апрѣлѣ 1871 г. сосоялось его назначеніе генералъ-адъютантомъ, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ и въ его должности, а въ Маѣ 1872 года — членомъ Военнаго Совѣта, съ увольненіемъ въ отпускъ за границу впредъ до излеченія. Въ Апрѣлѣ 1878 года Н. Θ. Козляниновъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи.

Какъ человѣкъ опытный, энергичный, прекрасно образованный и вполнѣ знакомый съ военнымъ дѣломъ, Н. Θ. Козляниновъ былъ призываемъ къ участію во многихъ комитетахъ и совѣщаніяхъ, подготовлявшихъ реформы минувшаго царствованія. Въ 1857 г. онъ участвовалъ въ выработкѣ правилъ строя для стрѣлковыхъ баталіоновъ; въ 1863 г. въ совѣщаніяхъ по установленію главныхъ основаній територіальной системы военнаго управленія. Его мнѣнія и указанія относительно положенія дѣлъ въ Юго-западномъ краѣ во время возстанія цѣнились и принимались во вниманіе высшею военною администраціей

„Немало видѣлъ я интереснаго, говоритъ Н. Θ. Козляниновъ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, немало работалъ и думалъ, немало зналъ близко и другихъ дѣятелей въ теченіе моей долгой жизни и болѣе полувѣковой дѣятельности... Хотѣлъ я видѣнное, передуманное и пережитое изложить послѣдовательно и письменно въ свое утѣшеніе и въ поученіе сыну. Но, работая много и страстно, не имѣлъ на то времени и, полагаясь на свою замѣчательную память, на сохраненные документы и переписку, я отлагалъ это дѣло до окончанія служебной дѣятельности и времени отдыха. Но это время совпало съ началомъ болѣзни, а смерть сына *) повергла меня въ совершенную апатію и отняла у этого дѣла главную цѣль. Къ тому же по разнымъ случаямъ утратилось и много матеріаловъ. Пересматривая ихъ во время болѣзни, я уничтожилъ многіе изъ нихъ въ раздраженіи, опасаясь, чтобы замѣтокъ моихъ не приняли какъ составленныхъ съ какою-нибудь личною эгоистическоею цѣлью. Но какъ отрѣшиться совершенно отъ всего пережитаго и прошлаго, кажется, не дано человѣку до полнаго его уничтоженія: то я собралъ нѣкоторые оставшіеся матеріалы и снабдилъ ихъ по мѣрѣ силъ и возможности объяснительными записками. Что касается до моей жизни внутренней, духов-

*) Единственный сынъ Н. Θ. Козлянинова, Борисъ Николаевичъ, красавецъ наружностью и душевными качествами, кончавшій ученіе въ Военной Академіи, внезапно погибъ (въ Январѣ 1885 г.).

ной, то я всегда былъ скупъ на выраженіе ея, даже для самыхъ близкихъ людей, и не теперь ее раскрывать. Вмѣсто выраженій словами, пусть она выражается дѣлами. *Рѣзкой, отличительной чертой* моей дѣятельности служитъ довѣріе моихъ товарищей и подчиненныхъ и *всѣхъ* начальниковъ, исключая одного. Это довѣріе было мнѣ всегда опорою и утѣшеніемъ въ тяжелыя и горькія минуты жизни, которыхъ случалось немало. Немного совершилъ я громкихъ дѣлъ; но что̀ дѣлалъ, то дѣлалъ добросовѣстно, и многіе изъ современниковъ это признавали. Теперь оно забыто, и многіе изъ моихъ сверстниковъ лучше меня воспользовались для себя своею дѣятельностію, думаю, потому что я всегда больше заботился о дѣлѣ, чѣмъ о себѣ, ни за кого не прятался, не шелъ на сдѣлки съ совѣстью и, главное, не терпѣлъ рекламы, никогда ею не пользовался и всегда убѣгалъ ея. Во всякомъ случаѣ, многаго, что̀ хотѣлъ я сдѣлать, не успѣлъ или не докончилъ, можетъ быть и не умѣлъ".

Дополненіемъ къ очерку дѣятельности Н. Ѳ. Козлянинова могутъ служить нижеслѣдующее письмо его къ министру государственныхъ имуществъ А. А. Зеленому и выписки изъ писемъ его пріятеля князя Виктора Иларіоновича Васильчикова.

Постоянное дружеское вниманіе вашего превосходительства дало мнѣ возможность увѣриться, что, не смотря на многотрудныя занятія, сопряженныя съ званіемъ вашимъ, можно обращаться къ вамъ прямо и откровенно, когда идетъ дѣло о благѣ Россіи и пользѣ службы, въ полной увѣренности, что, оцѣнивъ побужденія, по которымъ дѣлается обращеніе къ вашему превосходительству, вы сдѣлаете все, что̀ слѣдуетъ.

Настроеніе умовъ сельскаго населенія во всемъ Кіевскомъ округѣ включительно съ Волынскою губерніею превосходное, исключая немногихъ селъ католическаго исповѣданія, волнуемыхъ ксендзами, помѣщиками и отчасти неблагонамѣренными чиновниками. Къ такимъ принадлежатъ и нѣсколько волостей государственныхъ имуществъ во Владимиро-Волынскомъ уѣздѣ, состоящемъ на военномъ положеніи и гдѣ я назначенъ начальникомъ. Всѣ помѣщики и ксендзы намъ враждебны; но за ними зорко слѣдитъ сельское населеніе, возбужденіе котораго противъ нихъ надо даже сдерживать. Самое болѣзненное мѣсто края составляютъ гражданскіе чиновники включительно съ мировыми посредниками, состоящими исключительно изъ Поляковъ, дѣйствующихъ въ духѣ обнародованнаго Польскаго катихизиса. Они пугаютъ, волнуютъ, подъ прикрытіемъ законныхъ формъ тѣснятъ сельское населеніе и парализуютъ мѣры правительства. Къ несчастію, высшее управленіе края, руководимое побужденіями гуманности, обращаетъ вниманіе на соблюденіе формальностей болѣе, чѣмъ на существо дѣла и не заботится, какъ генералъ Муравьевъ въ Виленскомъ округѣ, объ очищеніи края отъ зловредныхъ элементовъ, гнетущихъ все Русское и мѣшающихъ краю сдѣлаться вполнѣ Русскимъ...

Возстаніе въ Кіевскомъ округѣ, по преданности населенія къ Царю и Россіи, немыслимо. Шайки, побѣждаемыя извнѣ, вторгаются и встрѣчаютъ здѣсь помощь помѣщиковъ, ксендзовъ и защиту чиновниковъ; но мы ихъ колотимъ, разсѣеваемъ, крестьяне же преслѣдуютъ и ловятъ, какъ бѣглыхъ Негровъ въ Южно-Американскихъ Штатахъ; слѣдовательно вторженіе шаекъ для края неопасно. Но вопросъ взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ далеко не разрѣшенъ и грозитъ большими затрудненіями въ будущемъ. Крестьяне не хотятъ признавать помѣщиковъ и рѣшительно не

будутъ ни работать на нихъ, ни платить имъ, соглашаясь исполнять безусловно всякое требованіе Царя и правительства, и платить или отбывать повинности на казну. Принуждать ихъ силою отбывать эти повинности помѣщикамъ, которыхъ они считаютъ измѣнниками, было бы крайне грустно послѣ всѣхъ доказательствъ ихъ преданности Царю и Россіи, да и не совсѣмъ безопасно. Этого нельзя сдѣлать иначе, какъ посредствомъ войскъ, которыя никогда не любятъ экзекуціи, а теперь, служа вмѣстѣ съ крестьянами, усмотрѣвъ ихъ преданность, испытавъ содѣйствіе, будутъ также весьма неохотно служить орудіемъ ихъ наказанія; а раздражать ни войска, ни здѣшняго народа намъ не приходится. Единственный по моему убѣжденію исходъ этого вопроса, это—обязательный выкупъ, подобно опредѣленному въ Виленскомъ округѣ, съ переоцѣнкою земель и угодій, оцѣнка коихъ произведена крайне несправедливо, подъ вліяніемъ помѣщиковъ и чиновниковъ-Поляковъ. Этого желаетъ сельское населеніе, видитъ неизбѣжность большинство помѣщиковъ, но едва ли сознаётъ высшее мѣстное начальство. Единственное затрудненіе, которое при исполненіи этой мѣры можетъ встрѣтиться, это недостатокъ землемѣровъ для опредѣленія участковъ, отходящихъ крестьянамъ; а это опредѣленіе необходимо, ибо безъ того крестьяне, не увѣренные въ томъ, чѣмъ будутъ пользоваться, неохотно будутъ и платить. Имъ надобно дать сколь возможно болѣе.

Повторяю, для полнаго успокоенія края, для избавленія его отъ всѣхъ гибельныхъ слѣдствій, которыя грозятъ раздвоеніемъ общества и *отвращеніемъ* крестьянъ отъ работы на помѣщиковъ, для полнаго обрусѣнія этого края необходимо: 1) Управленіе краемъ, основанное на существѣ дѣла, а не на соблюденіи формальностей, не ищущее популярности между высшимъ сословіемъ, намъ враждебнымъ, не увлекающееся двуличными фразами. 2) Энергическія мѣры для очищенія края отъ враждебныхъ намъ помѣщиковъ и ксендзовъ. 3) Временная организація дѣятельности и вліянія мировыхъ учрежденій, наполненныхъ одними Поляками, враждебными правительству, народу и вообще Русскимъ. 4) Систематическая замѣна Польскихъ чиновниковъ Русскими. 5) Безотлагательный обязательный выкупъ крестьянъ.

Эти мѣры не могутъ быть принимаемы всегда, но надобно пользоваться настоящимъ положеніемъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Едва ли представится другой разъ случай съ такимъ удобствомъ и легкостью очистить край отъ враждебныхъ намъ элементовъ.

Изъ писемъ князя В. И. Васильчикова къ Н. Ѳ. Козлянинову.

1.

Одесса, 8 Февраля (1856).

Я пишу вамъ, любезный и вполнѣ уважаемый Николай Ѳедоровичъ, изъ страны каналій и плутовъ, какихъ и на матушкѣ-Руси не каждый день найдешь, et c'est beaucoup dire. Въ эту-то, батюшка мой, страну прошу я васъ пріѣхать какъ только можно скорѣе; потому что я рѣшительно изнемогаю и потому что люди какъ вы—не рѣдкость, а просто небывальщина: ибо по всѣмъ справкамъ оказывается, что здѣсь честныхъ людей никогда не бывало со временъ Ришелье и Воронцова. Я нисколько не хочу сказать этими словами, что при нихъ таковые люди были. Въ настоящее время я тружусь, чтобы убѣдить все и всѣхъ, что люди, и самые ополченцы, не скоты и что православный народъ стоитъ того, чтобы о немъ позаботиться. что непріятель не высадится на всѣхъ пунктахъ Черноморскаго берега

разомъ и что двумя ротами или баталіономъ, который гніетъ между лиманами около морскаго берега и умираетъ отъ лихорадокъ и тифа, не спасешь Россіи и не воспрепятствуешь высадкѣ врага, который можетъ разомъ привезти 20, 30, 40 баталіоновъ; что надобно защищать Бугъ, Днѣпръ, Дунай, а не Збурьевку, Очаковъ, Аккерманъ, Килію или другія поганыя мѣста;—нѣтъ, никто не хочетъ слушать! Въ госпиталяхъ страхи Господни: больныхъ тьма, умирающихъ еще болѣе пропорціонально. Медиковъ нѣтъ, фельдшеровъ не имѣется, прислуга отъ изнеможенія сама ложится на койки; слабосильныя команды опять возвращаются въ палаты лазаретовъ; вездѣ тѣснота, гадость, грязь, потому что никто не подумалъ о баняхъ, никто не изыскалъ средства для перемѣны бѣлья на людяхъ; въ самыхъ госпиталяхъ его не имѣется. Между тѣмъ надобно работать въ Николаевѣ, Измаилѣ, Киліи и въ особенности въ Херсонѣ на плавняхъ, гдѣ поколѣно грязь, вода и трясина. Нечего дѣлать, надобно рѣшиться потярять 500, 1000 человѣкъ теперь, потому что съ наступленіемъ теплой погоды тѣже работы намъ будутъ стоить вдвое или трое больше народа. C'est une bataille à livrer!

Благодарю васъ отъ души за довѣріе, которое вы оказываете моей къ вамъ неиспытанной привязанности. Благодарю потому, что я съ вами счастливъ дѣлить и горе, и радость; благодарю потому, что, оставляя 4-й корпусъ, вы переселяетесь въ армію, которой существованіе очень сомнительно. Если Орловъ дастъ Наполеону въ зубы, мы—grands garçons; если нѣтъ—насъ неминуемо прогонятъ по шеямъ. Я буду радъ за себя; но за васъ радоваться не могу. Итакъ жду съ нетерпѣніемъ. До свиданія хоть въ халатѣ. Объ васъ сегодня пошла депеша. Князь Васильчиковъ.

2.

С.-Петербургъ, 17 Апрѣля (1856).

Христосъ Воскресъ! Любезный Николай Ѳедоровичъ, обнимаю васъ издали съ тѣмъ же чувствомъ истиннаго уваженія и сердечной привязанности, съ которыми я могъ бы это сдѣлать вблизи, и льщу себя надеждою, что вы не сомнѣваетесь въ искренности сихъ нѣсколькихъ словъ.

Здѣсь всеобщій кавардакъ, повсемѣстныя измѣненія, перевороты страшные, доселѣ небывалые, которые сначала проявились тѣмъ, что Сатурнъ *) призванъ пожирать своихъ дѣтей на высокомъ посту военнаго министра, на томъ самомъ, на которомъ съ толикою славою и съ таковымъ успѣхомъ подвизался князь Долгоруковъ, какъ говорятъ, предназначаемый посломъ въ Парижъ ко двору Наполеона III-го. Сатурнъ доволенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ *боится своего товарища Катенина и многихъ другихъ своихъ сподвижниковъ, которые конечно будутъ имѣть надъ нимъ превосходство на скользкомъ театрѣ придворныхъ доблестей*, нераздѣльныхъ, по милости благоразумныхъ его предшественниковъ, съ должностію старшаго чиновника высшаго вѣдомства. Вашего покорнаго слугу хотѣли упрятать въ бароны Вревскіе, то-есть въ начальники канцеляріи. Вы понимаете, до какой степени были мною употреблены энергическія мѣры, чтобы отклонить отъ себя сію чернильную чашу, которая приковала бы меня къ нестерпимой канцелярской обязанности и, оторвавши на вѣки вѣковъ отъ войска, повергла бы меня въ толпу письменныхъ болтуновъ, никогда дѣла на практикѣ не дѣлавшихъ. Я долженъ дать полную справедливость Сатурну, что, какъ онъ ни желалъ имѣть меня при себѣ, онъ вполнѣ согла-

*) Т.-е военный министръ Н. О. Сухозанетъ. П. Б.

сился съ причинами моего нежеланія принять сіи обязанности, и до сихъ поръ продолжаетъ содѣйствовать мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Что̀ будетъ, не знаю! Съ другой стороны начато другое дѣло: созданіе стрѣлковаго войска. Одинъ гвардейскій баталіонъ уже существуетъ подъ начальствомъ фл.-ад. графа Строгонова, другой будетъ формироваться подъ командою Анатоля Барятинскаго, третій осуществится изъ стрѣлковаго полка Императорской фамиліи. Вся эта штука созидается подъ непосредственнымъ управленіемъ графа Баранова и фл.-ад. Фонъ-Козена, подъ сильнымъ вліяніемъ смотроваго направленія и яростнаго стремленія къ церемоніальному маршу развернутымъ фронтомъ. Ридигеръ прислалъ мнѣ предложеніе принять инспекторство надъ этимъ вновь создаваемымъ войскомъ. Я конечно отвѣчалъ, что съ радостію приму таковую обязанность, но что при томъ необходимо нѣсколько предварительно сдѣланныхъ условій, для объясненія которыхъ прошу нѣсколько минутъ совѣщанія entre quatre yeux. Свиданія еще не было; но потому что̀ я вижу, я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что надобно приняться за дѣло и завоевать по этой части полное диктаторство, чтобы не допустить много различныхъ глупостей, которыя уже начали создаваться. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ и выборѣ людей, какихъ я вездѣ вижу, это немудрено.

Теперь еще статья не менѣе важная. *Что̀ вы хотите дѣлать? Хотите ли заниматься кавалеріею, хотите оставить снова Генеральный Штабъ, хотите бригаду въ 7-й легкой, или можетъ быть полкъ во 2-й легкой кавалерійской гвардейской дивизіи? Дѣло не въ важности мѣста, а въ томъ, чтобы общимъ усиліемъ изнасиловать направленіе высшей организаціи, чего, сидя въ штабу какого либо корпуса* или арміи за тридевять земель отъ Сатурна, Инспекторскаго Департамента и самаго Царя, сдѣлать нельзя. *Ливенъ, Сухозанетъ и Ридигеръ будутъ счастливы сдѣлать для васъ все что̀ вы захотите.* Засядемъ въ Комитетѣ объ улучшеніи по военной части, и *тогда все пойдетъ на ладъ. Жду отвѣта!* До свиданія. Васильчиковъ.

3.

Питеръ, 30 Апрѣля (1856).

Простите великодушно, любезный Николай Ѳеодоровичъ, простите меня за то, что я сдѣлалъ вамъ дѣйствительную непріятность и сдѣлалъ ее совершенно сознательно, движимый чувствомъ эгоизма, иначе сказать самолюбія. Мнѣ навязали дѣло крайне тягостное и непріятное; какого еще мнѣ до сего дня не навязывали: ревизію всѣхъ дѣлъ интендантства со времени сотворенія міра другомъ нашимъ Затлеромъ до пришествія Лидерса въ Крымъ и появленія тамъ Червинскаго, предшественника его. Для такого дѣльца стали составлять цѣлую комиссію, вслѣдствіе чего я нашелся вынужденнымъ просить васъ и Лихачева. Я уже отсюда слышу страшныя ругательства ваши за таковое съ моей стороны самоуправство. Смиренно переношу все и благословляю судьбу, что высшее начальство согласилось на мою просьбу.

Теперь считаю нужнымъ объяснить вамъ, какимъ образомъ случилось подобное происшествіе. Когда Сатурна предназначили въ министры, мнѣ сдѣлали предложеніе быть директоромъ Канцеляріи Министерства, то-есть посредникомъ между министромъ и его товарищемъ Катенинымъ. Вы понимаете, что я отказался. Между тѣмъ одинъ *) баринъ, недовольный вѣроятно тѣмъ, что дѣла нашего интендантства производятся безъ всякаго участія Министерства, основываясь на донесеніи г. Лидерса о недостаткѣ, ока-

*) Ген.-провіантмейстеръ, князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

завшемся въ заготовленныхъ запасахъ и о томъ, что армія въ теченіи мѣсяца была на половинной дачѣ провіанта, возродилъ вопросъ о необходимости комиссіи для разъясненія всѣхъ дѣлъ по снабженію арміи и ея госпиталей. Было предположено командировать для сего г-на Будберга; но когда онъ это дѣло отъ себя отклонилъ и какъ я отказался отъ канцеляріи, меня немедленно воткнули какъ затычку въ это дѣло. Всѣ усилія и старанія мои отлавировать остались тщетными; поѣзжай, да и только!

Теперь происходитъ странное явленіе. Я громко и всѣмъ толкую, что юридически доказать всѣхъ злоупотребленій нѣтъ никакой возможности, и что еслибъ это и было исполнено, то польза отъ того была бы очень малая: потому что при настоящей организаціи нашей, допускающей подобныя неисправности, при назначеніи другихъ лицъ на тѣже мѣста, тѣже злоупотребленія неминуемо должны повториться. Поэтому, говорю я, буду я имѣть главною цѣлью не столько обвиненіе нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, сколько развитіе причинъ, по которымъ лица эти могли и, можетъ быть, должны были дѣйствовать такъ. Это изреченіе сдѣлало то, что мнѣ стали говорить, что это крайне непріятное порученіе и что я могъ бы отъ него отказаться. Къ несчастію это дѣло невозможное: творю волю пославшаго мя.

Вотъ, любезный Николай Ѳеодоровичъ, въ какую западню я попался и увлекъ васъ за собою. Ругайте, но не слишкомъ жестоко; не пропадать же мнѣ даромъ, не огрызаясь; а втроемъ пожалуй удастся намъ напакостить если не всѣмъ, такъ многимъ. Для дѣлопроизводства я набираю здѣсь чиновниковъ по возможности спеціальныхъ; а чтобы они не кривили душой, то хочу взять правителя дѣлъ изъ чужаго министерства, законника. То-то взбѣсятся, какъ узнаютъ! Для жительства отводятъ намъ всѣ замки и дворцы князя Воронцова, начиная съ Алупки.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКАГО АРХИВА».

1.

Молитва митрополита Филарета.

Господи, не знаю, что̀ мнѣ просить у Тебя! Ты одинъ вѣдаешь, что̀ мнѣ потребно. Ты любишь меня паче нежели какъ умѣю любить себя самого. О, даждь младенцу Твоему чего онъ самъ и просить не умѣетъ. Не дерзаю просить ни креста, ни утѣшенія, только предстою предъ Тобой! Сердце мое Тебѣ отверзаю. Ты зришь нужды мои, которыхъ я не знаю; зри и сотвори по милости Твоей, порази или изцѣли меня, низложи или подыми меня. Благоговѣю предъ изволеніями Твоими, не зная ихъ; безмолвствую, приношу себя въ жертву Тебѣ, предаюсь Тебѣ. Нѣтъ у меня желаній, кромѣ желанія исполнять волю Твою святую. Научи меня молиться. Самъ во мнѣ молись, Боже милосердый! Аминь.

(*Отъ княжны В. Н. Репниной*).

2.

Старинное Русское понятіе о памятникахъ.

4-го Іюня 1634 г., по заключеніи Поляновскаго мира между царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и королемъ Владиславомъ, Польскіе паны, на радостяхъ, говорили нашимъ посламъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву и князю

Алексѣю Михайловичу Львову: „На томъ бы мѣстѣ, гдѣ такое великое и славное дѣло совершилось, гдѣ стояли шатры, для вѣчнаго воспоминанья насыпать два большихъ кургана и сдѣлать на нихъ два столба каменныхъ, одинъ на Московской, другой на королевской сторонѣ, и на тѣхъ столбахъ написать государскія имена, также годъ и мѣсяцъ, какимъ образомъ и посредствомъ какихъ пословъ такое великое дѣло учинилось".

Шереметевъ и князь Львовъ не согласились на такое предложеніе и отвѣчали Полякамъ: „Въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось, и дѣлать этого не для чего. Все сдѣлалось волею Божіей и съ повелѣнія великихъ государей, и написано будетъ въ посольскихъ книгахъ".

Въ Москвѣ похвалили пословъ за такой отзывъ. „Дѣло нестаточное, писали имъ изъ Москвы, бугры насыпать и столбы ставить. Быть тому не пригоже и не для чего; потому что доброе дѣло учинилось по Божіей волѣ, а не для столбовъ и бугровъ бездушныхъ".

3.

Успенскій соборъ въ Москвѣ, какъ и всѣ наши старинные храмы, не имѣлъ печей; отопленіе устроено въ немъ лишь въ недавнее время, въ царствованіе Александра Николаевича. Письма Филарета къ архим. Антонію свидѣтельствуютъ, съ какою тревогою и заботою относился къ устройству этого отопленія покойный митрополитъ, опасавшійся, какъ бы не повредилась стѣнная иконопись. Въ морозное время богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ возможно было лишь благодаря множеству молящихся, которые дыханіемъ устъ своихъ согрѣвали обширный храмъ. Но все-таки иной разъ служащимъ и молящимся приходилось сильно простужаться. Въ одинъ торжественный день, когда полагается проповѣдь, говорившій ее священникъ съ Покровки, не умѣя видно, „отъ древа велерѣчія отсѣкать безплодныя вѣтви", долго разглагольствовалъ и, наконецъ, вывелъ изъ терпѣнія преосвященнаго Августина, который изъ алтаря сказалъ ему:

Съ Покровки попъ Матвѣй,
Соборъ холодный,
Народъ голодный;
Говори аминь скорѣй!

4.

Письмо Поздѣева.

I. А. Поздѣевъ писалъ другу и единомышленнику своему Ѳ. П. Ключареву: „1 Августа 1814, за Вологдою, отъ завода въ 10 верстахъ, въ деревнѣ Нелюбовской. Мы живемъ въ отдаленіи, въ лѣсахъ, въ хлопотахъ, въ старости, въ болѣзненномъ состояніи, а въ сожженную Москву скоро не можемъ ѣхать, хотя Господь чудесно Красносельской *) нашъ дворъ со-

*) Московскій домъ знаменитаго масона Поздѣева находился близъ нынѣшней станціи Рязанской желѣзной дороги.

хранилъ, когда съ трехъ сторонъ его все пылало, и люди всѣ разбѣжались, а старушка одна рѣшилась, ни на что не смотря, остаться. Мы съ покойнымъ князь Григорьемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ и князь Александромъ Михайловичемъ Козловскимъ, коего также въ здѣшнемъ мірѣ нѣтъ, дожидались въ 30 верстахъ отъ Троицы, что̀ будетъ съ Москвою, и какъ узнали, что она взята, то поѣхали они за Москву, а я съ семьею за Вологду, не зная что̀ Господь сдѣлаетъ со всѣми. А послѣ чудо̀мъ все это перемѣнилось".

5.

О П. В. Шумахерѣ.

Петръ Васильевичъ Шумахеръ—происхожденія Датскаго. Отецъ его служилъ при Канкринѣ, былъ съ нимъ въ Парижѣ и на возвратномъ пути оттуда женился на Бѣлоруссеѣ Хлобысевичъ († 1848); потомъ онъ служилъ въ Провіантскомъ депо и умеръ въ 1829 году. Нарвскій уроженецъ (р. 1817), крестникъ графа Канкрина, Петръ Васильевичъ учился въ Петербургскомъ Комерческомъ Училищѣ и служилъ долго въ Сибири при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, который поручалъ ему писать исторію тамошняго края (статьи Шумахера о томъ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1879 года). Шумахеръ былъ женатъ на вдовѣ Канскаго купца Александрѣ Петровнѣ Пренъ. Потомства отъ него не осталось. Книжечка его стихотвореній содержитъ въ себѣ лишь немногія произведенія его Музы, тонкой и наблюдательной. Шумахеръ отлично владѣлъ Русскимъ стихомъ. Это былъ человѣкъ благородной души, очень умный и многосторонне-образованный. Друзья никогда его не позабудутъ. Вотъ шуточная его эпитафія самому себѣ:

Въ Россіи прожилъ я весь вѣкъ,
И не считался иновѣрцемъ:
Умомъ, утробою и сердцемъ
Былъ чисто-Русскій человѣкъ
И лишь въ могилѣ сталъ я Шмерцемъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его гр. А. Р. Воронцову и къ разнымъ лицамъ, въ царствованія Павла Петровича и Александра Павловича. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ графомъ Н. И. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. Со снимкомъ.

XII. Письма графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ графамъ Воронцовымъ. Со снимкомъ.

XIII. Письма князя А. А. Безбородки.

XIV. Письма князя Кочубея, графа Моркова, князя А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова и И. В. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова и князя Чарторыжскаго.

XVI. Письма графа С. Р. Воронцова къ его отцу и къ другимъ лицамъ.

XVII. Письма графа С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма князя Кочубея, Татищева и Новосильцова.

XIX. Переписка съ адмиралами Чичаговымъ и Грейгами.

XX. Переписка съ графомъ Морковымъ, Тамарою, Италинскимъ, барономъ Гриммомъ, Лизакевичемъ и Смирновымъ.

XXI. Подлинная автобіографія княгини Е. Р. Дашковой.

XXII. Переписка графа С. Р. Воронцова съ баронами Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Лонгинова.

XXIV—XXVI. Бумаги разнаго содержанія.

XXVII. Письма разныхъ лицъ къ графамъ Воронцовымъ.

XXVIII. Письма государей къ графамъ Воронцовымъ.

XXIX. Письма иностранцевъ къ графамъ Воронцовымъ.

XXX. Дополнительная книга писемъ разныхъ лицъ къ графамъ Воронцовымъ.

XXXI. Письма графа Александра Романовича Воронцова.

XXXII. Письма И. И. Шувалова, графа Д. П. Бутурлина, Н. А. Львова.

XXXIII—XXXIV. Дополнительныя книги (письма и бумаги Елисаветинскаго времени).

XXXV. Письма графа Бенкендорфа и С. Н. Марина.

XXXVI. Письма князя Циціанова и А. П. Ермолова.

XXXVII. Автобіографія князя М. С. Воронцова.

Склады изданія въ Петербургѣ на Мойкѣ въ домѣ княгини Воронцовой и на Моховой въ домѣ князя Воронцова - графа М. А. Шувалова.

Цѣна книгамъ I—VII и XXIV—по **ДВА** рубля, остальнымъ —по **ТРИ** рубля.

ПЕЧАТАЕТСЯ КНИГА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году издается **двѣнадцатью тетрадями**, составляющими три отдѣльныя книги, съ **приложеніями.**

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ **Конторѣ** „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Въ **Петербургѣ** подписка на „Русскій Архивъ“ съ разсрочкою, а также полученіе отдѣльныхъ старыхъ и новыхъ книжекъ и прежнихъ годовыхъ изданій „Русскаго Архива“ у у В. А. Чумикова, на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ 22-мъ, кв. 18-я (отъ 3 до 4 и отъ 6 до 8 час по пол.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива“ издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892

7.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1892.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО МОРЯКА.

Плѣнъ *).

2-го Іюля (1855) утромъ, отслуживъ молебенъ и исполнивъ обрядъ присяги на вѣрность императору Александру II, мы простились съ Японскими чиновниками, которые оставили намъ самыя пріятныя воспоминанія. Все нужное для насъ всегда доставлялось безъ всякаго замедленія, и притомъ въ кредитъ, такъ какъ у насъ осталось самое ничтожное количество казенныхъ денегъ, не говоря уже о собственныхъ мѣдныхъ грошахъ (за неимѣніемъ денегъ жалованье намъ уже давно не выдавалось). Покончивъ наши счеты и скрѣпивъ ихъ нашими подписями, мы самымъ сердечнымъ образомъ простились съ чиновниками, которые всѣ собрались у насъ и отправились на бригъ. Тутъ Пушкинъ и я рѣшили еще разъ съѣздить на берегъ и сдѣлать прощальный визитъ уважаемому нами Накàмора-Тамèа и его помощнику Уèкава-Данѝтцеро. Выраженная нами благодарность видимо тронула старика Накàмора, и онъ во главѣ цѣлой флотиліи Японскихъ лодокъ проводилъ насъ до выхода изъ бухты.

На бригѣ было крайне тѣсно: для офицеровъ было отдѣлено маленькое помѣщеніе, гдѣ всѣ спали въ повалку; нижніе же чины не могли всѣ помѣститься внизу, и часть ихъ должна была по очереди находиться на палубѣ. Это было тѣмъ болѣе ощутительно, что съ перваго же дня нашего плаванія наступила весьма свѣжая погода, которая превратилась въ такую бурю, что мы съ трудомъ избѣгли крушенія на южномъ берегу острова Нипона. Дожди и туманы были нашими неразлучными спутниками, и мы подвигались впередъ съ большой осторожностью. Одинъ разъ мы наткнулись на спящаго кита, который ударомъ хвоста объ воду забрызгалъ всю палубу. Курильскую гряду мы пересѣкли между островами Урупомъ и Ипсурупомъ при сильномъ противномъ теченіи, доходившемъ слишкомъ до 6 узловъ (болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе теченія Невы). На горахъ было еще много

---

*) См. выше, стр. 247.

снѣгу, въ лощинахъ онъ мѣстами спускался до самаго моря, и это въ половинѣ Іюля въ 45° широтѣ, на параллели Бордо и Венеціи! Со вступленіемъ въ Охотское море температура замѣтно понизилась, и туманы стали еще гуще, такъ что мы шли совершенно безъ обсерваціи.

20-го Іюля вблизи сѣверной оконечности Сахалина туманъ вдругъ прояснился, но о ужасъ! мы оказались въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Англійскаго военнаго парохода, который немедленно направился на насъ и выстрѣломъ приказалъ нашему бригу остановиться. Чтобы не возбудить подозрѣнія Англичанъ многолюдствомъ команды, мы поторопились запрятать нашихъ матросовъ въ трюмъ, а Тауло поднялъ Американскій флагъ. Съ Англійскаго парохода отвалила вооруженная шлюпка, и вся наша надежда возвратиться домой разомъ канула въ воду. Мы офицеры также спустились въ трюмъ, а Тауло объяснилъ приставшимъ Англичанамъ, что онъ везетъ провіантъ Американскимъ китобоямъ и потому плаваетъ подъ Американскимъ флагомъ, хотя корабельныя бумаги его Бременскія. Этой баснѣ, конечно, не повѣрили, тѣмъ болѣе, что нѣсколько Китайцевъ, находившихся въ числѣ матросовъ, изъ трусости выдали насъ. Англійскій офицеръ приказалъ открыть трюмъ, въ которомъ мы почти задыхались отъ недостатка воздуха, и попросилъ насъ выдти на верхъ. Трудно описать наше глубокое огорченіе, къ которому еще примѣшивалось чувство досады быть забранными въ плѣнъ безъ всякаго сопротивленія. Я вылѣзъ однимъ изъ первыхъ и сталъ объяснять Англійскому лейтенанту, что мы составляемъ часть экипажа погибшаго фрегата Діаны, и какъ люди не вооруженные и не принимающіе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, по международному праву, не принадлежимъ къ разряду военноплѣнныхъ. Англійскій офицеръ возразилъ, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только высшимъ начальствомъ и, освѣдомившись о числѣ офицеровъ и команды, предложилъ Пушкину и мнѣ ѣхать съ нимъ на пароходъ «Барракуту». На бригѣ былъ оставленъ Англійскій караулъ, и пушки парохода, у которыхъ стояла прислуга, всѣ были наведены на наше маленькое судно. Англійскому капитану Стерлингу я повторилъ все сказанное мною его офицеру, но и онъ мнѣ отвѣчалъ, что рѣшеніе вопроса о нашей свободѣ выше его компетентности, и что онъ обязанъ вести насъ въ Хакодате къ адмиралу, къ которому онъ посланъ съ депешами. Узнавъ, что въ Аянѣ стоитъ цѣлый отрядъ судовъ подъ начальствомъ командора Эліота, мы попросили капитана отвезти насъ туда, если онъ думаетъ, что командоръ въ правѣ высадить насъ въ Аянѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія, Стерлингъ выразилъ намъ сожалѣніе, что на его долю выпала участь задержать людей, спасшихся отъ кораблекрушенія. Онъ говорилъ, что онъ только

вслѣдствіе такихъ важныхъ причинъ рѣшается возвратиться въ Аянъ и ходатайствовать передъ командоромъ о нашемъ освобожденіи. Сначала Стерлингъ хотѣлъ оставить Пушкина и меня на пароходѣ, но вслѣдствіе нашей просьбы позволилъ намъ не разлучаться съ нашей командой до Аяна. Капитанъ усилилъ караулъ на бригѣ и назначилъ временнымъ командиромъ своего старшаго офицера. Затѣмъ съ парохода подали намъ цѣпные буксиры, къ которымъ были приставлены часовые, и дуло кормоваго орудія было наведено на насъ. Курсъ взяли на Аянъ, и мы провели ночь въ мрачныхъ размышленіяхъ. Будущее намъ не улыбалось: мы хорошо понимали, что командоръ насъ не освободитъ уже потому, что этимъ дѣйствіемъ онъ признаетъ спорнымъ вопросъ о правильности приза. Безъ надежды на призовыя деньги они, конечно, не стали бы насъ держать, такъ какъ мы имъ и на свободѣ не могли нанести вреда, а содержаніе наше въ этихъ отдаленныхъ моряхъ составляло для нихъ настоящую обузу. Ночью мы распредѣлили между собою оставшіяся казенныя деньги, чтобы онѣ не достались Англичанамъ. Нѣсколько спасенныхъ офицерскихъ сабель было брошено за бортъ, и намъ стоило немалаго труда вытащить изъ трюма, изъ-подъ провизіи, мѣдное орудіе съ катера и опустить его въ море, чтобы лишить Англичанъ и этого трофея. Стоявшія въ Аянѣ непріятельскія суда съ музыкою и радостными криками привѣтствовали пароходъ «Барракуту» и поздравляли его съ призомъ.

Тотчасъ послѣ нашего прихода командоръ Эліотъ потребовалъ Пушкина и такъ какъ тотъ не зналъ Англійскаго языка, то и меня на фрегатъ «Сибиль». Онъ принялъ насъ на шканцахъ и, уже знакомый со всѣмъ сказаннымъ нами капитану Стерлингу, объявилъ, что по Англійскимъ законамъ только одна королева можетъ освобождать военно-плѣнныхъ. На наше возраженіе, что мы не военно-плѣнные, а безоружные люди, не принимавшіе участія въ войнѣ, онъ намъ отвѣчалъ, что насъ нельзя считать мирными гражданами, такъ какъ мы состоимъ на коронной службѣ. Мы обратили вниманіе командора на безцѣльность нашего плѣненія. «Обыкновенно задерживаютъ непріятеля въ плѣну», настаивали мы, «съ цѣлью лишить его возможности принять участіе въ войнѣ; развѣ мы будемъ въ состояніи вредить вамъ, если вы насъ высадите на пустынномъ берегу Охотскаго моря? Плѣнными же мы причинимъ вашему правительству совершенно безполезные расходы, потому что вамъ придется насъ кормить». Видя, что наши доводы не достигаютъ цѣли, мы просили командора уволить на берегъ по крайней мѣрѣ больныхъ и слабыхъ въ сопровожденіи нашего доктора, прибавивъ, что они могутъ заразить и его команду. «Больныхъ я отпущу, а уволить доктора не имѣю права», сказалъ командоръ.

—«На это мы не можемъ согласиться, потому что безъ медицинской помощи больные должны погибнуть на пустынномъ берегу».—«Да я вашего согласія и не спрашиваю», рѣзко перебилъ Эліотъ.—«На вашей сторонѣ право сильнаго; но будьте увѣрены, что мы при первомъ случаѣ постараемся опубликовать въ газетахъ ваше совершенно неумѣстное жестокосердіе къ несчастнымъ больнымъ людямъ. Мы не сомнѣваемся, что ваши же соотечественники осудятъ васъ за этотъ поступокъ». Этотъ аргументъ видимо подѣйствовалъ на командора. Онъ какъ-то замялся, потомъ возразилъ, что Аянъ вѣроятно только временно оставленъ жителями, которые послѣ ухода Англійскихъ судовъ опять возвратятся и т. д.; но, видя, что мы настаиваемъ на нашей просьбѣ, онъ обѣщался отпустить и доктора. Нашъ эскулапъ, отлично знающій свое дѣло, былъ родомъ Полякъ и притомъ большой болтунъ. Я боялся, что онъ въ разговорѣ сообщитъ Англичанамъ нѣкоторыя подробности о совершенномъ отсутствіи оборонительныхъ средствъ на Амурѣ и отчасти по этой причинѣ такъ настойчиво просилъ, чтобы его отправили на берегъ. Во время нашего разговора съ Эліотомъ на фрегатъ «Сибиль» перевезли часть нашей команды, а съ нею и нашего священника отца М. Это былъ добрый старецъ, человѣкъ весьма неглупый, но безъ большаго образованія. Онъ до преклонныхъ лѣтъ былъ сельскимъ священникомъ въ какой-то глуши въ Курской губерніи овдовѣвъ и сдавъ свой приходъ зятю, постригся въ монахи и поступилъ въ Александро-Невскую лавру, откуда былъ назначенъ въ кругосвѣтное плаваніе на нашъ фрегатъ. Его высокая, благообразная фигура съ длинной, совершенно бѣлой бородой и въ поношенной рясѣ, придавала ему патріархальный видъ, и Англичане относились къ нему съ видимымъ почтеніемъ. Мы просили командора отпустить и священника изъ уваженія къ его сану, преклоннымъ лѣтамъ и слабому здоровью, что̀ вовсе не подтверждалось его наружностью. Эліотъ сейчасъ же согласился, но пожелалъ взамѣнъ задержать доктора. Мы протестовали всѣми средствами. По окончаніи разговора съ командоромъ, Пушкина и меня отвезли на пароходъ «Барракуту», куда была доставлена и часть нашей команды. Капитанъ Стерлингъ весьма любезно предложилъ намъ каюты и попросилъ быть его гостями. Гошкевича офицеры пригласили въ каютъ-компанію, а матросамъ отвели немного тѣсное помѣщеніе на кубрикѣ. Вечеромъ капитанъ Стерлингъ сообщилъ мнѣ, что мы на слѣдующій день идемъ въ Хакодате. Онъ намъ сказалъ также, что командоръ послѣ нашего отъѣзда опять отмѣнилъ свое распоряженіе объ освобожденіи доктора, но что ему Стерлингу удалось уговорить его. На другой день рано утромъ мы увидали, какъ нашихъ больныхъ сажали на шлюпки

у борта командорскаго фрегата. Мы были очень рады, когда въ трубу разсмотрѣли, что и докторъ находится въ числѣ пассажировъ. Но увы! не успѣли еще шлюпки дойти до берега, какъ командоръ сигналомъ вернулъ ихъ назадъ. Стерлингъ немедленно поѣхалъ къ командору. Зная нерѣшительный характеръ своего начальника, онъ сейчасъ же сообразилъ, что все произошло изъ-за нашего доктора. Оказалось, что Стерлингъ былъ правъ. По его словамъ онъ чуть было не поссорился съ Эліотомъ. Онъ возвратился къ намъ только тогда, когда нашъ докторъ, вторично сѣвъ въ шлюпку, благополучно высадился на берегъ.

Кромѣ насъ Англичане забрали еще нѣсколько Финскихъ матросовъ съ брига нашей Россійско-Американской Компаніи. Спасаясь отъ Англичанъ, этотъ бригъ хотѣлъ зайти въ Амуръ съ сѣверной стороны, гдѣ сѣлъ на одну изъ многочисленныхъ мелей этого фарватера. Отъ этихъ Финляндцевъ Англичане узнали, что Русскія суда находятся въ Амурскомъ лиманѣ, входъ въ который большимъ судамъ доступенъ только съ южной стороны, изъ Татарскаго пролива. Капитанъ Стерлингъ былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ въ Хакодате къ своему отцу, адмиралу серу Джемсу Стерлингу, и на пути встрѣтилъ насъ. На переходѣ Англійскіе офицеры относились къ нимъ очень любезно. Изъ ихъ разсказовъ мы узнали, что ихъ команды порядочно грабили въ Аянѣ и что, къ сожалѣнію, Финскіе матросы имъ не уступали. По словамъ этихъ Финовъ, жители Аяна поспѣшно удалились въ лѣсъ, при приближеніи непріятеля, зарывъ въ землю пушки и другія вещи, которыя не могли быть увезены. Для отысканія пушекъ Англичане ежедневно отправляли команду на берегъ, въ сопровожденіи Финскихъ матросовъ, но безуспѣшно.

Свѣдѣнія, сообщенныя намъ еще въ Хедѣ Японцами, оказались совершенно вѣрными. Въ Хакодате сосредоточились Англійская и Французская эскадры Китайскихъ водъ (если не ошибаюсь, 17 вымпеловъ) подъ начальствомъ двухъ адмираловъ. Вскорѣ по прибытіи въ Хакодате адмиралъ Стерлингъ (отецъ нашего милаго капитана) послалъ командора Эліота съ паруснымъ фрегатомъ «Сибиль», съ винтовымъ корветомъ и бригомъ въ Татарскій проливъ для осмотра нашихъ береговъ. Остальныя Англійскія и Французскія суда оставались на якорѣ въ Хакодате и ждали результата этой экспедиціи. Командоръ Эліотъ, подойдя къ заливу Де-Кастри, въ ясный и прекрасный день, увидалъ на якорѣ три Русскія военныя судна: фрегатъ «Аврору», корветъ «Олевудца» и транспортъ «Двину», которыя пришли изъ Петропавловска подъ начальствомъ контръ-адмирала Завойки и были принуждены обождать въ Де-Кастри вскрытія Амурскаго лимана. На

этой маленькой эскадрѣ было много пасажировъ съ семействами, а также значительный казенный грузъ. По случаю воскреснаго дня на нашихъ судахъ шла обѣдня. Какъ только увидали непріятеля, немедленно ударили тревогу и открыли огонь по приближающимся Англичанамъ, которые тоже открыли пальбу, но продержались въ такомъ разстояніи, что ядра не долетали. Помѣнявшись съ нами нѣсколькими безвредными выстрѣлами, Англичане вышли изъ бухты. Эліотъ поспѣшилъ отправить къ адмиралу парусный бригъ съ просьбой прислать ему подкрѣпленіе, а самъ остался съ фрегатомъ и винтовымъ корветомъ вблизи бухты сторожить наши суда. Надо замѣтить, что каждое изъ трехъ Англійскихъ судовъ было по вооруженію значительно сильнѣе соотвѣтствующаго Русскаго судна, и потому они безъ всякаго подкрѣпленія могли бы немедленно атаковать насъ. На слѣдующій день послѣ ухода Англичанъ, адмиралъ Завойко получилъ извѣстіе, что ледъ на Амурѣ разошелся. Онъ немедленно снялся съ якоря и прошелъ благополучно въ лиманъ, не видавъ Англичанъ, которые, по случаю часто повторяющихся тумановъ, вѣроятно удалились отъ берега. Между тѣмъ Англійскій бригъ на пути въ Хакодате боролся съ противнымъ вѣтромъ, и Эліотъ послѣ нѣсколькихъ дней безплоднаго выжиданія рѣшился опять подойти къ Де-Кастри. Видя, что Русскихъ судовъ уже нѣтъ, онъ вошелъ въ бухту. Тутъ онъ, должно быть, съ досады (уже безъ подкрѣпленія) сталъ бомбардировать находящійся на берегу сарай, который скоро былъ уничтоженъ. Послѣ этого успѣха нѣкоторые офицеры пожелали съѣхать на берегъ. Они, конечно, были бы взяты въ плѣнъ, если бы наши казаки, спрятавшіеся за деревьями, не выстрѣлили раньше времени; они ранили одного человѣка и принудили шлюпку возвратиться къ фрегату. Эліотъ опять открылъ огонь по лѣсу и, поломавъ своими ядрами порядочное число деревьевъ, вышелъ изъ бухты.

Чрезъ нѣсколько дней передъ Де-Кастри собрался весь Англо-Французскій флотъ. Надо было рѣшить вопросъ, не взошли ли Русскія суда въ Амуръ. Съ этой цѣлью болѣе легкія суда были направлены къ Сѣверу; но, не принявъ надлежащихъ предосторожностей, одно изъ нихъ, сидѣвшее всего 6 футовъ въ водѣ, колесный пароходъ «Тартаръ», сѣло на мель. Этотъ пароходъ принадлежалъ частной компаніи и прежде содержалъ пасажирское сообщеніе между Гонконгомъ и Кантономъ. По случаю войны онъ былъ нанятъ адмираломъ Стерлингомъ за сто фунтовъ стерлинговъ въ сутки, получилъ военную команду и поднялъ военный флагъ. Работы по снятію «Тартара» съ мели были не особенно продолжительны; но тѣмъ не менѣе это обстоятельство привело къ заключенію, что при столь мелкомъ фарватерѣ не-

мыслимо проникнуть въ Амуръ съ южной стороны. «Тартаръ» былъ отправленъ въ Нагасаки, гдѣ ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій. Оба адмирала направились въ Хакодате, а весь флотъ подъ начальствомъ Эліота ушелъ въ Охотское море для изслѣдованія устья Амура съ сѣверной стороны. Вслѣдствіе этого безтолковаго распоряженія мы и попались въ просакъ; не могли же мы предположить, что союзный флотъ съ его огромными средствами, имѣя въ своемъ распоряженіи и пароходы, и множество гребныхъ судовъ, не найдетъ фарватера, который мы отыскали и по которому мы благополучно прошли годомъ раньше на «Палладѣ» и на «Діанѣ». Но все устраивается Богомъ къ лучшему: вслѣдствіе того, что «Барракута» встрѣтилась съ нами и вернулась въ Аянъ, она опоздала съ донесеніемъ въ Хакодате. Когда мы прибыли туда, адмираловъ уже не было: они ушли днемъ раньше, и капитанъ Стерлингъ не могъ доложить имъ, что наши суда все-таки въ Амурскомъ лиманѣ, куда можно проникнуть только съ южной стороны. Хотя въ Аглійскомъ флотѣ уже не было и тѣни той предпріимчивости, которой онъ отличался во времена Нельсона и Колингвуда, но я все-таки думаю, что союзные адмиралы, по полученіи этого сообщенія, вѣроятно направились бы въ Амуръ, гдѣ имъ легко было бы уничтожить наши суда и даже совсѣмъ оттѣснить насъ съ только что занятой нами рѣки.

Въ Хакодате на рейдѣ мы застали только два парусныхъ фрегата: Англійскій «Пикъ» и Французскій «Сибиль», которые на пути изъ Петропавловска заходили на Курильскіе острова и грабили, гдѣ только могли. Не довольствуясь значительнымъ числомъ бобровыхъ мѣховъ, они забирали даже скудную провизію промышленниковъ, оставляя такимъ образомъ бѣдныхъ людей безъ всякихъ средствъ къ существованію на этихъ пустынныхъ островахъ.

Въ Хакодате капитанъ Стерлингъ передалъ на каждое изъ бывшихъ тамъ военныхъ судовъ по 20 человѣкъ нашихъ матросовъ, но Пушкина и меня оставилъ на «Барракутѣ». Узнавъ, что адмиралъ приказалъ всѣ донесенія адресовать въ Нагасаки, капитанъ Стерлингъ поспѣшилъ туда. По прибытіи мы застали на рейдѣ только пароходъ «Тартаръ»; но почти ежедневно прибывали новыя суда, которыя въ полномъ бездѣйствіи ждали адмираловъ. Такимъ образомъ стояли въ Нагасаки съ 16 Августа по 17 Сентября. Весь флотъ собрался; не доставало только двухъ адмираловъ, отправившихся искать Русскихъ въ Китайскихъ водахъ или, какъ смѣясь говорили молодые офицеры: «They are gone, not to meet the Russians», т. е. они ушли, чтобъ не встрѣтиться съ Русскими.

Въ Нагасаки Японскія власти не дозволили Англичанамъ встать на внутреннемъ рейдѣ и даже запретили имъ имѣть сообщеніе съ Голандскимъ военнымъ корветомъ. О сообщеніи съ берегомъ не было и рѣчи, хотя наши офицеры годомъ раньше, во время стоянки «Паллады», свободно гуляли повсюду, потому что адмиралъ Путятинъ настойчиво требовалъ этого. Англичане же были связаны инструкціею своего адмирала, предписывавшей исполнять точно всѣ требованія Японскихъ властей. Вѣроятно они думали этимъ задобрить Японцевъ; а тѣ, напротивъ, видя покорность Англичанъ, становились съ каждымъ днемъ все требовательнѣе и, наконецъ, запретили имъ даже кататься на шлюпкахъ, а предполагавшаяся гонка гребныхъ судовъ была отмѣнена по запрещенію Японскаго губернатора. Я страшно злорадствовалъ, когда видѣлъ такое обращеніе съ Англичанами. Когда же ихъ молодежь критиковала дѣйствія своего начальства, я подливалъ масла въ огонь, разсказывая, какъ Японцы относились къ намъ вслѣдствіе того, что нашъ адмиралъ не ронялъ своего достоинства. Въ вознагражденіе за примѣрное послушаніе, Японцы разрѣшили Англичанамъ и Французамъ съѣзжать на маленькій необитаемый островокъ.

Съ приходомъ прочихъ судовъ Англо-Французскаго флота, наше Русское общество увеличилось; прибыли наши плѣнные товарищи: Елкинъ, Михайловъ, Зеленый, Гошкевичъ, Ковалевскій и князь Урусовъ. Мы воспользовались разрѣшеніемъ съѣзжать съ Англичанами на этотъ островокъ и старались проводить время въ уединенномъ мѣстѣ между соотечественниками. Иногда насъ приглашали на другія суда или мы знакомились съ офицерами, когда они пріѣзжали на «Барракуту». Отъ словоохотливой молодежи мы скоро узнали подробности Петропавловской экспедиціи, которыя передаю здѣсь въ такомъ видѣ, въ какомъ я ихъ слышалъ отъ Англійскихъ офицеровъ-очевидцевъ.

Для соблюденія хронологическаго порядка я начну разсказъ съ прихода «Діаны» въ Вальпарейзо въ Мартѣ 1854. Вскорѣ послѣ нашего прибытія пришелъ на рейдъ Французскій адмиралъ на фрегатѣ «Forte» и чрезъ нѣсколько дней Англійскій фрегатъ «Президентъ» подъ флагомъ адмирала Прейса. Съ Французскимъ адмираломъ нашъ капитанъ уже обмѣнялся визитами, какъ это принято по морскому этикету: командиръ каждаго стоящаго на рейдѣ военнаго судна посылаетъ на вновь прибывшее офицера, который отъ имени своего капитана поздравляетъ съ приходомъ и предлагаетъ свои услуги; въ отвѣтъ на эту любезность, капитанъ дѣлаетъ визитъ всѣмъ командирамъ, послѣ чего уже офицеры знакомятся между собою, посылая другъ другу депутацію отъ каютъ-компаніи.

Англійскій частный пароходъ, содержавшій почтовое сообщеніе съ Перу и Панамой, снимался съ якоря въ минуту прихода «Президента», но былъ еще задержанъ сигналомъ адмирала. С. С. Лѣсовскій послалъ меня на Англійскій фрегатъ съ обычнымъ привѣтствіемъ. На шканцахъ я разговаривалъ съ офицеромъ фрегата Сѣверо-Амер. Соединенныхъ Штатовъ, почти одновременно со мной пріѣхавшимъ; черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подошелъ мичманъ и, попросивъ Американскаго офицера спуститься къ адмиралу въ каюту, сказалъ мнѣ, что адмиралъ очень занятъ отправленіемъ почты и потому не можетъ принять меня. Я моментально вскочилъ въ шлюпку и уѣхалъ. Въ это время Американскій фрегатъ салютовалъ флагу Англійскаго адмирала. На «Діанѣ» тоже готовились къ салюту, и мнѣ махали и кричали съ фрегата, чтобы я обождалъ за кормою. Я успѣлъ пристать до салюта, который капитанъ отмѣнилъ, какъ скоро узналъ въ чемъ дѣло. На берегу замѣтили, что мы не оказывали обычной почести адмиральскому флагу, и наши знакомые поспѣшили освѣдомиться, не получили ли мы извѣстія о началѣ военныхъ извѣстій. На слѣдующее утро Англійскій капитанъ пріѣхалъ къ Лѣсовскому съ обычнымъ визитомъ. Тогда нашъ капитанъ объявилъ ему, что онъ не салютовалъ наканунѣ, такъ какъ посланному офицеру было поручено освѣдомиться, будетъ ли, при натянутыхъ отношеніяхъ нашихъ правительствъ, произведенъ отвѣтный салютъ равнымъ числомъ выстрѣловъ. Офицеръ не былъ принятъ, и потому салютъ и былъ отложенъ. Англійскій капитанъ говорилъ, что адмиралъ былъ очень занятъ; но нашъ командиръ замѣтилъ ему, что это однако не помѣшало ему принять Американскаго офицера. Сейчасъ послѣ возвращенія Англійскаго капитана пріѣхалъ къ намъ флагъ-офицеръ (адъютантъ) Англійскаго адмирала съ извиненіемъ и объясненіемъ, что во всемъ виноватъ мичманъ, невѣрно передавшій мнѣ порученіе адмирала, за чтò онъ уже наказанъ. Англійскій лейтенантъ присовокупилъ, что на нашъ салютъ, конечно, будетъ отвѣчено равнымъ числомъ выстрѣловъ и, видимо сконфуженный, попросилъ одолжить имъ Русскій флагъ, такъ какъ они не запаслись имъ, не думая встрѣтить въ Тихомъ океанѣ Русскія суда. Послѣ обмѣна салютовъ, нашъ капитанъ поѣхалъ съ визитомъ на Англійскій фрегатъ и, немного погодя, адмиралъ Прейсъ пріѣхалъ къ намъ. Это былъ добродушный старикъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя такъ трагически окончившій свою жизнь въ Петропавловскѣ.

Англійскій адмиралъ вскорѣ ушелъ изъ Вальпарейзо, и въ городѣ распространился слухъ, что онъ пошелъ на встрѣчу почтовому пароходу, отъ котораго надѣялся получить послѣднія извѣстія изъ Европы; говорили, что Французскій адмиралъ по взаимному уговору долженъ

былъ караулить насъ (на «Фортѣ» было 60 пушекъ, у насъ же всего 52). Дѣйствительно, когда мы вечеромъ 11-го Марта 1854 года снялись съ якоря, «Фортъ» послѣдовалъ за нами. При слабомъ вѣтрѣ онъ имѣлъ нѣкоторое преимущество въ ходу и могъ держаться въ очень близкомъ отъ насъ разстояніи. Ночью мы изъ предосторожности сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія къ бою и на разсвѣтѣ увидали, что и Французы пристопорили такелажъ. Наше положеніе становилось опаснымъ. Намъ предстояло имѣть дѣло съ двумя фрегатами, изъ которыхъ каждый былъ сильнѣе насъ; да сверхъ того, непріятель, получившій извѣстіе о началѣ войны, могъ поразить насъ первымъ залпомъ. С. С. Лѣсовскій, желая избѣгнуть встрѣчи съ Англійскимъ фрегатомъ, взялъ курсъ прямо на Западъ. Въ это время вѣтеръ нѣсколько усилился, и преимущество въ ходу оказалось на нашей сторонѣ. Французскій фрегатъ сталъ отставать. Два раза онъ измѣнялъ курсъ къ Сѣверу; но, видя, что мы остаемся при старомъ направленіи, опять послѣдовалъ за нами. Къ вечеру онъ значительно отсталъ; а мы, пользуясь темнотою, измѣнили курсъ и такимъ образомъ отдѣлались отъ непрошеннаго спутника. По приходѣ въ Гонолулу мы узнали отъ командира Англійскаго фрегата «Тринкомали», что онъ видѣлъ нашъ фрегатъ «Аврору» въ Каллао и что капитанъ Изыльметьевъ собирался по пути въ Петропавловскъ зайти на Сандвичевы острова. Въ Гонолулѣ ожидали еще Англо-Французскую эскадру, а судя по газетамъ объявленіе войны могло послѣдовать ежедневно; слѣдовательно пребываніе въ Гонолулѣ было не безъ опасности.

Пополнивъ скорѣе наши запасы, мы поспѣшили уйти въ море. Лѣсовскій оставилъ Изыльметьеву письмо, въ которомъ сообщалъ ему, что будетъ ждать его двѣ недѣли въ опредѣленной широтѣ и долготѣ къ Сѣверу отъ Сандвичевыхъ острововъ, а по истеченіи этого срока обѣщался опять зайти въ Гонолулу. Не встрѣтивъ «Авроры» въ морѣ, мы ровно черезъ двѣ недѣли вернулись въ Гонолулу. Въ ожиданіи встрѣчи съ непріятелемъ была пробита тревога. Огибая мысъ, мы увидали, что на рейдѣ нѣтъ ни одного военнаго судна. Въ это время съ проходившей мимо насъ яхты подъ Американскимъ флагомъ намъ закричали, что война объявлена. Мы не становились на якорь, а остались въ дрейфѣ, пока шлюпка съ офицеромъ не вернулась съ почтою. Изъ газетъ мы узнали, что Франція и Англія объявили намъ войну 12 Марта новаго стиля и что ни «Авроры», ни непріятельскихъ судовъ не было въ Гонолулѣ послѣ нашего ухода. Впослѣдствіи намъ разсказывали, что «Тринкомали», выйдя изъ Гонолулы днемъ позже насъ, встрѣтился съ «Авророй» въ виду Сандвичевыхъ острововъ. На обоихъ фрегатахъ немедленно была пробита тревога, и они нѣкоторое время

шли въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга съ взаимно-наведенными пушками, опасаясь, что противникъ могъ уже получить извѣстіе о началѣ войны.

Вслѣдствіе полученныхъ въ Гонолулѣ предписаній мы направились къ устью Амура для соединенія съ «Палладой». Такое же предписаніе ожидало «Аврору», которая, не получивъ его, въ силу прежняго назначенія, отправилась прямо въ Петропавловскъ. Между тѣмъ Англійскія и Французскія суда у западнаго берега Америки собрались въ общую эскадру подъ начальствомъ адмирала Прейса и направились въ Петропавловскъ. Англійскіе офицеры говорили мнѣ, что адмиралъ предпринялъ эту экспедицію безъ особаго предписанія. Его уговорили подчиненные его, особенно командиръ фрегатъ «Пикъ» сэръ Фредерикъ Никельсонъ. Старикъ нехотя согласился, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе своего правительства. Въ Петропавловскѣ соединенный флотъ засталъ во внутренней гавани фрегатъ «Аврору», корветъ «Оливудца» и транспортъ «Двину». Наши суда стояли лагомъ къ низменной песчаной косѣ, черезъ которую они могли поражать приближающагося непріятеля. Входъ въ гавань лежалъ между оконечностью вышеупомянутой косы и возвышеннымъ мысомъ, на которомъ была устроена батарея, вооруженная пушками съ борта «Авроры», обращеннаго къ городу. Англо-Французскій флотъ по прибытіи въ Авачинскую губу сначала выбралъ якорную стоянку внѣ нашихъ выстрѣловъ. Только на второй день пароходъ взялъ на буксиръ оба флагманскіе фрегата и поставилъ ихъ противъ батареи на мысѣ, которая храбро защищалась противъ грознаго непріятеля, поражавшаго ее выстрѣлами изъ 60 орудій большаго калибра. Къ несчастію, въ тылу нашей батареи находилась скалистая гора, и прислуга при пушкахъ страдала не только отъ непріятельскихъ ядеръ, но еще отъ осколковъ скалы, сыпавшихся на нашихъ молодцовъ съ тыла. Вскорѣ наши орудія были подбиты, и прислуга переранена, такъ что батарея замолчала. Храброму командиру батареи князю Максутову ядромъ оторвало руку. Послѣ этого успѣха оба адмирала отошли на прежнее мѣсто для исправленія довольно важныхъ поврежденій, причиненныхъ нашими выстрѣлами.

Говорятъ, что многочисленность раненыхъ и убитыхъ сильно потрясла адмирала. Едва только «Президентъ» всталъ на якорь, какъ въ адмиральской каютѣ раздался выстрѣлъ. Старикъ Прейсъ застрѣлился. Это грустное происшествіе сильно смутило союзниковъ. Начальство надъ соединеннымъ флотомъ должно было перейти къ Французскому адмиралу, но гордый Альбіонъ не хотѣлъ подчиниться иностранцу, и появилось двоеначаліе. Старшій изъ Англійскихъ командировъ сэръ Фредерикъ Никельсонъ принялъ начальство надъ своими соотечествен-

никами. Похоронивъ адмирала и убитыхъ на пустынномъ берегу, союзники долго не могли придти къ соглашенію относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Наши тѣмъ временемъ не дремали: батарея была возобновлена, и подбитыя пушки были замѣнены новыми. Наконецъ мнѣніе Никельсона объ атакѣ города съ тыла одержало верхъ; со всѣхъ судовъ отвалили шлюпки съ десантомъ и направились къ Никольской горѣ, гребень которой отдѣляетъ городъ и гавань отъ Авачинскаго залива. Наши же, убѣдившись, что непріятельскій десантъ направленъ противъ города, немедленно отправили ему на встрѣчу стрѣлковыя партіи. На самой вершинѣ наши встрѣтили союзниковъ дружнымъ залпомъ и, не теряя времени, съ крикомъ ура, имѣя офицеровъ впереди, бросились въ штыки. Первые ряды непріятеля были опрокинуты на главныя силы, и вся масса, всего около 800 человѣкъ, покатилась внизъ по довольно крутому склону горы. Паника была такъ велика, что на шлюпкахъ, къ которымъ бросился непріятель, оказались не только люди разныхъ судовъ, но Французы на Англійскихъ шлюпкахъ, и наоборотъ. На берегу осталось множество убитыхъ, въ томъ числѣ и капитанъ Паркеръ, начальникъ всего десанта. Наша малочисленная команда, состоявшая всего изъ двухъ сотъ человѣкъ, преслѣдовала бѣгущаго непріятеля съ берега выстрѣлами.

Послѣ этого славнаго пораженія соединенный флотъ простоялъ еще нѣсколько дней въ бездѣйствіи и наконецъ ушелъ въ Санъ-Франциско. Оттуда сэръ Фредерикъ Никельсонъ отправилъ своему правительству свой знаменитый рапортъ, въ которомъ онъ утверждалъ, что Петропавловскъ по своему укрѣпленію второй Севастополь, что его немыслимо взять такими ничтожными силами, какими обладалъ соединенный флотъ, но что ихъ храбрая атака, стоившая имъ много жертвъ, причинила Русскимъ вдесятеро бо̀льшій уронъ. Этотъ рапортъ, полный хвастовства, достигъ Англіи, когда тамъ, черезъ Берлинъ, изъ Русскихъ источниковъ уже былъ извѣстенъ результатъ Петропавловскаго дѣла. Можно смѣло утверждать, что при большей энергіи и лучшей распорядительности, союзники съ такимъ значительнымъ превосходствомъ силъ могли уничтожить наши суда и взять городъ въ самое непродолжительное время. Замѣчательно, что Англичане, какъ въ Петропавловскѣ, такъ и въ Де-Кастри, боялись атаковать наши суда.

Франція и Англія рѣшили значительно усилить эскадры въ Тихомъ океанѣ и возобновить атаку Петропавловска въ 1855 году. Англія отправила въ Тихій океанъ адмирала Брюса на линейномъ кораблѣ «Монаркъ» съ нѣсколько фрегатами. Сверхъ того адмиралу Стерлингу, начальнику эскадры въ Китайскихъ водахъ, было предписано отправить на подкрѣпленіе Брюса въ Камчатку 4 вымпела: парусный фре-

гатъ, два винтовыхъ корвета и пароходо-фрегатъ «Барракута» съ предписаніемъ ожидать въ извѣстной широтѣ и долготѣ, въ 150 миляхъ отъ Петропавловска, прибытія соединеннаго флота подъ начальствомъ Брюса. Эти четыре судна представляли достаточную силу для атаки Петропавловска; но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать наступательно, они почти шесть недѣль вертѣлись въ океанѣ на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи прибытія главныхъ силъ и не рѣшились даже подойти къ Петропавловску на такое разстояніе, чтобы наблюдать за портомъ. Благодаря этому безтолковому распоряженію, наши суда могли безпрепятственно исполнить приказаніе идти въ Амуръ, и на переходѣ они даже не повстрѣчались съ непріятелемъ. Совершенно непонятно, почему даже Англійскія паровыя суда боялись приблизиться къ Петропавловску, тѣмъ болѣе, что имъ хорошо было извѣстно, что мы въ Тихомъ океанѣ не имѣли ни одного парохода, кромѣ маленькой шкуны «Востокъ». Капитанъ Стерлингъ и другіе офицеры, со словъ которыхъ я передаю это дѣло, оправдывались тѣмъ, что не могли отступать отъ полученныхъ инструкцій.

Наконецъ прибылъ флотъ адмирала Брюса къ тому мѣсту, гдѣ суда эскадры Китайскихъ водъ ожидали его въ продолженіи 6 недѣль въ совершенномъ бездѣйствіи. Всѣ они направились къ берегамъ Камчатки. Тутъ имъ пришлось выдержать штормъ, который разсѣялъ весь флотъ. «Барракута» держалась подъ парусами съ разобщенными колесами и потому потеряла изъ виду всѣ другія суда. Когда вѣтеръ сталъ стихать, Стерлингъ развелъ пары и направился къ Авачинской бухтѣ. Подойдя къ входу и не видя ни одного изъ судовъ союзнаго флота, онъ подумалъ, что они всѣ уже взошли въ бухту. Изъ боязни опоздать къ военнымъ дѣйствіямъ, онъ рѣшился заглянуть въ бухту и по немногу подошелъ даже къ самой гавани; но каково было его удивленіе, когда онъ убѣдился, что въ порту не оказалось ни одного Русскаго судна, а на батареѣ не было пушекъ. Видя, что онъ раньше адмирала взошелъ въ Петропавловскъ, Стерлингъ поспѣшилъ выйти въ море до наступленія ночи. Къ утру передъ Авачинской губой собралась Англо-Французская эскадра. Адмиралъ приказалъ паровымъ судамъ развести пары, такъ какъ на «Барракутѣ» была еще горячая вода въ котлахъ; пары были скоро подняты, и Стерлингъ подошелъ подъ корму адмирала. Брюсъ и отецъ Стерлинга были большіе пріятели, и капитанъ Стерлингъ былъ нѣсколько лѣтъ сряду флагъ-офицеромъ Брюса, который пригласилъ своего любимца завтракать. Стерлингъ и желалъ сообщить адмиралу видѣнное имъ въ Петропавловскѣ, и боялся въ тоже время навлечь на себя его неудовольствіе за самовольный входъ въ непріятельскій портъ. Во время завтрака адмиралъ спросилъ капитана,

гдѣ онъ былъ наканунѣ вечеромъ, когда уже всѣ суда стали собираться вокругъ «Монарка»? Стерлингъ молчалъ, дѣлая видъ, что не разслышалъ; но адмиралъ повторилъ свой вопросъ. Тогда Стерлингъ, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ: «въ Петропавловскѣ». Какъ только онъ произнесъ это магическое слово, адмиралъ выронилъ изъ рукъ вилку и ножикъ, и на лицѣ его изобразилось глубокое изумленіе: «Are you cracked?» («Не съ ума ли вы сошли?») спросилъ онъ наконецъ, не спуская глазъ съ своего собесѣдника. Тогда Стерлингъ разсказалъ ему все, что̀ видѣлъ. Понемногу адмиралъ убѣдился, что Стерлингъ въ своемъ еще разумѣ и приказалъ сигналомъ потребовать командировъ. Однимъ изъ первыхъ пріѣхалъ сэръ Фредерикъ Никельсонъ. Когда адмиралъ сообщилъ ему свѣдѣнія Стерлинга, онъ разсмѣялся и сталъ утверждать, что Стерлингъ безъ сомнѣнія ошибся и принялъ какую-нибудь другую бухту за Петропавловскую. Его апломбъ и самоувѣренность на минуту смутили Стерлинга; но, взглянувъ на карту, онъ тотчасъ же убѣдился, что тутъ не можетъ быть ошибки: вблизи нѣтъ ни одной бухты, маломальски похожей на Авачинскую. Стерлингъ сталъ смѣло спорить съ Никельсономъ, который все не хотѣлъ вѣрить, чтобы Русскіе покинули «этотъ второй Севастополь». Адмиралъ приказалъ первымъ судамъ взять парусныя на буксиръ, и вся армада двинулась въ Петропавловскъ. Тутъ весь союзный флотъ во очію убѣдился, что никакого Севастополя не существовало и что городъ и гавань были пусты. Единственный житель былъ какой-то агентъ Американскаго торговаго дома, который надъ своимъ жилищемъ поднялъ Американскій флагъ. Англичане искали въ домахъ добычи и съ большой энергіей принялись за разрушеніе береговой батареи, взрывая порохомъ мерзлую землю. Однажды, катаясь по заливу, адмиралъ Брюсъ совершенно случайно нашелъ въ какой-то бухточкѣ одинъ изъ транспортовъ Русско-Американской Компаніи. Не успѣвъ во время уйти изъ Петропавловска, это судно со спущеннымъ рангоутомъ было спрятано у берега въ отдаленномъ углу залива. Конечно, Англичане забрали этотъ призъ, какъ единственный трофей ихъ дальнаго похода.

Впослѣдствіи мы узнали, что адмиралъ Путятинъ на выстроенной нами въ Японіи шкункѣ «Хеда» подошелъ къ Петропавловску, когда грозный непріятельскій флотъ уже собирался у входа. Пробираясь вдоль самаго берега, «Хеда» успѣла войти въ заливъ незамѣченною, хотя она вдали ясно видѣла непріятельскія суда. У входа Ефимъ Васильевичъ съѣхалъ на берегъ и, убѣдившись съ вершины горы, что въ заливѣ нѣтъ непріятельскихъ судовъ, взошелъ въ бухту. Каково же было разочарованіе, когда они узнали, что наши суда ушли въ Амуръ! Взявъ только немного прѣсной воды, «Хеда» въ туже ночь

вышла опять въ море и въ темнотѣ благополучно прошла мимо Англійской эскадры. Только при входѣ въ Татарскій проливъ наша шкуна встрѣтила ночью при лунномъ свѣтѣ Англійскій адмиральскій фрегатъ «Винчестеръ», который возвращался изъ Де-Кастри, и вдали было видно еще много огней. «Винчестеръ» было поворотилъ и погнался за шкуной, но когда онъ сталъ настигать ее, вдругъ, неизвѣстно почему, прекратилъ погоню. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, графъ Литке случайно разсказывалъ Англійскимъ офицерамъ этотъ эпизодъ про «Хеду». Когда онъ дошелъ до встрѣчи шкуны съ Англійскимъ фрегатомъ, одинъ изъ его слушателей вскочилъ и, ударивъ кулакомъ по столу, вскрикнулъ: «Damned! It was my watch». (Чортъ побери! Вѣдь это я былъ на вахтѣ).

Разсказы очевидцевъ-Англичанъ о Петропавловскѣ и вообще о дѣйствіяхъ ихъ судовъ въ нашихъ моряхъ насъ очень интересовали, тѣмъ болѣе, что наше житье-бытье въ Нагасаки не отличалось разнообразіемъ. Мы скучали и съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія адмирала Стерлинга. Наконецъ, послѣ 4 недѣльнаго ожиданія и совершеннаго бездѣйствія всего флота, пришли оба адмирала: Французскій и Англійскій. Всѣ командиры тотчасъ же поѣхали къ своимъ начальникамъ, и мы съ тревогой ожидали возвращенія капитана Стерлинга. Ночью онъ пріѣхалъ и сказалъ, что его отецъ не далъ еще рѣшительнаго отвѣта, такъ какъ онъ затрудняется послать свои суда въ столь позднее время года на Сѣверъ. (Уже пошла вторая половина Сентября). Въ такой неизвѣстности прошла почти недѣля, когда въ одно прекрасное утро на «Барракуту» пріѣхалъ командоръ Эліотъ съ капитаномъ Окалаганомъ и съ третьимъ капитаномъ, имени котораго я не помню. Потребовавъ Пушкина и меня на шканцы, Эліотъ торжественно объявилъ намъ, что адмиралъ изъ состраданія къ намъ беретъ на себя великую отвѣтственность и рѣшается освободить насъ, но не иначе, какъ сдавъ насъ на Русскія суда подъ росписку нашихъ командировъ. Съ удивленіемъ выслушавъ это странное предложеніе, мы молча ждали дальнѣйшаго объясненія. Командоръ же очевидно разсчитывалъ на нашъ отвѣтъ и наконецъ спросилъ: согласны ли мы принять это предложеніе? «Конечно согласны», былъ отвѣтъ; «только мы не понимаемъ, какъ адмиралъ исполнитъ свое обѣщаніе. Сколько намъ извѣстно, вы все лѣто провели въ тщетныхъ поискахъ за нашими судами и, вѣроятно, и теперь не знаете, гдѣ они находятся».—«Нѣтъ, теперь мы знаемъ, гдѣ ваши суда», категорически объявилъ командоръ.—«Прекрасно», сказали мы, «но позвольте васъ спросить, не произойдетъ ли сраженіе при встрѣчѣ вашихъ судовъ съ Русскими?»—«Вѣроятно», какъ-то нерѣшительно произнесъ Эліотъ. «Когда же вы думаете насъ

переправить на наши суда, до или послѣ сраженія?» Командоръ нѣсколько замялся и сказалъ: «Я думаю послѣ боя».— «Послѣ сраженія или наши суда будутъ уничтожены, или ваши будутъ взяты въ плѣнъ», возразили мы.—«Нѣтъ, я увѣренъ, что ваши суда будутъ взяты въ плѣнъ», перебилъ меня Эліотъ. «Какъ же вы въ такомъ случаѣ исполните ваше обѣщаніе?» вставили мы. На это не послѣдовало отвѣта; но я слышалъ, какъ командоръ, отойдя на нѣсколько шаговъ, сказалъ вполголоса своимъ товарищамъ: «Вы видите, вѣдь я все это говорилъ адмиралу».

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія всѣ три капитана уѣхали къ адмиралу и черезъ часъ времени возвратились опять на «Барракуту». «Адмиралъ находитъ», сообщили они, «что его предложеніе на практикѣ дѣйствительно нѣсколько неудобно. Онъ согласенъ послать васъ въ Амуръ подъ парламентерскимъ флагомъ; но вы должны письменно поручиться вашимъ честнымъ словомъ, что ваши суда и береговыя батареи не будутъ стрѣлять по нашимъ». При этомъ Эліотъ счелъ своимъ долгомъ повторить излюбленныя басни Англійскихъ газетъ о томъ, что Русскіе—варвары, не признающіе парламентерскаго флага и стрѣлявшіе въ Одессѣ и въ Гангутѣ по шлюпкѣ подъ бѣлымъ флагомъ. Мы изъявили готовность подтвердить нашимъ честнымъ словомъ, что наши не будутъ стрѣлять по Англичанамъ, если ими будутъ въ точности исполнены правила парламентерскаго флага, т. е. если они внѣ пушечнаго выстрѣла будутъ ждать нашего парламентера. «Въ противномъ случаѣ», заключили мы, «наши канонерскія лодки и батареи» (которыя, какъ намъ хорошо было извѣстно, совсѣмъ не существовали) «не допустятъ вашихъ судовъ до устья Амура». Командоръ возразилъ, что адмиралъ непремѣнно требуетъ, чтобы Англійскія суда могли насъ высадить въ самомъ Амурѣ. Мы старались доказать, что если они насъ высадятъ въ заливѣ Де-Кастри и снабдятъ 10 дневнымъ запасомъ сухарей, то оттуда мы легко можемъ добраться до Амура черезъ лѣса. Мы нарочно назначили такой продолжительный срокъ, не желая, чтобы Англичане узнали, какъ близокъ Де-Кастри отъ Амура, до котораго можно дойти въ сутки. Командоръ возразилъ, что адмиралу, уже со словъ его сына, извѣстно о нашемъ желаніи, но что онъ боится, какъ бы мы и наши люди не погибли въ лѣсахъ. Мы просили передать адмиралу, что мы не менѣе его заботимся объ участи нашихъ людей и въ этомъ случаѣ принимаемъ всю отвѣтственность на себя, о чемъ готовы заявить письменно. Капитаны только пожимали плечами и опять уѣхали. Возвратившись въ третій разъ, командоръ сказалъ, что адмиралъ не можетъ насъ высадить въ Де-Кастри, потому что это не Русскій, а Китайскій портъ. «Де-Кастри принад-

лежитъ къ Русскимъ владѣніямъ. Но, еслибъ это и былъ Китайскій портъ, мнѣ кажется, что тяжкая отвѣтственность, которую адмиралъ по вашимъ словамъ беретъ на себя, освобождая насъ, нѣсколько уменьшится, если онъ насъ высадитъ въ нейтральномъ портѣ».—«Нѣтъ, нѣтъ, адмиралъ не можетъ васъ высадить въ Де-Кастри, потому что это можетъ быть принято за признаніе правъ Россіи на Де-Кастри съ нашей стороны», сказалъ Эліотъ. «Эти права уже давно признаны Англіею»... «Никогда Англія этого не признавала и не признаетъ», перебилъ меня командоръ. «Какимъ же образомъ, командоръ, вы бомбардировали въ Де-Кастри сарай и лѣсъ?» Эліотъ сконфузился и возразилъ: «Это не ваше дѣло».—«Положимъ, что такъ; но этимъ вы доказали, что этотъ берегъ принадлежитъ Россіи. Въ нейтральномъ портѣ вы не стали бы выстрѣлами ломать деревья». Командоръ опустилъ глаза и пробормоталъ: «эти выстрѣлы были сдѣланы нечаянно».—«Мы еще слишкомъ мало знакомы съ порядкомъ службы на Англійскихъ судахъ», возразилъ я; «но могу васъ увѣрить, что на Русскихъ судахъ даже холостой выстрѣлъ не можетъ быть сдѣланъ нечаянно, а нечаянная бомбардировка совершенно немыслима»—«Вы останетесь въ плѣну», вскрикнулъ Эліотъ.—«На вашей сторонѣ право сильнаго», выразился я; «но надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ просьбѣ передать адмиралу, что онъ далеко не джентльменъ».—«Какъ вы смѣете говорить подобныя вещи?» вскрикнулъ Эліотъ.—«Я имѣю полное основаніе выражаться такимъ образомъ, потому что благородный человѣкъ не сталъ бы, подобно адмиралу, безъ всякаго повода, обижать беззащитныхъ людей, которые находятся въ полной зависимости отъ него».—«Да чѣмъ же адмиралъ васъ обидѣлъ?» спросилъ удивленный Эліотъ.—«Я полагаю что Англійскій офицеръ обидѣлся бы, если бы ему предложили быть измѣнникомъ».—«Никто вамъ этого и не предлагалъ».—«Неужели же вы думаете, что мы не поняли съ перваго слова, къ чему клонятся ваши рѣчи? Вы, видимо, надѣялись, что мы вамъ укажемъ мѣстопребываніе нашихъ судовъ; когда же эта уловка не привела къ желанной цѣли, вы захотѣли воспользоваться нашимъ содѣйствіемъ для отысканія фарватера въ Амуръ. Нѣтъ, вашъ адмиралъ далеко не джентльменъ; да признаться сказать и вамъ, господа, не слѣдовало передавать такія унизительныя предложенія». Тутъ командоръ вспылилъ и закричалъ: «Не забывайте, что я могу отдать приказаніе васъ заковать».—«Заковать вы меня можете, а адмиралъ все-таки не джентльменъ».—«Вы останетесь въ плѣну», нѣсколько разъ грозно повторилъ командоръ и поспѣшилъ уѣхать.

На слѣдующій день насъ перевели на другое судно, и меня разрознили съ Пушкинымъ. Впослѣдствіи эти переводы стали повторяться

все чаще и чаще. Мы ими очень тяготились: каждый разъ приходилось привыкать къ новымъ людямъ и къ новой обстановкѣ, которая всецѣло зависѣла отъ командора. При этихъ перемѣщеніяхъ не обходилось безъ комическихъ сценъ, о которыхъ я теперь не могу вспомнить безъ смѣха, а тогда мнѣ было не до него. Однажды утромъ меня разбудили въ четыре часа и объявили, что приказано меня и 30 матросовъ немедленно перевести на Французскій фрегатъ «Сибиль». Второпяхъ одѣвшись и собравъ пожитки, мы сѣли на баркасъ, который отвезъ насъ къ мѣсту назначенія, гдѣ въ это время мыли палубу. Вахтенный офицеръ послалъ доложить капитану; тотъ заявилъ, что, не имѣя приказанія отъ Французскаго адмирала, не можетъ принять насъ. Тогда насъ отвезли на Англійскій фрегатъ «Сибиль», но и тамъ тоже отказались принять насъ. Послали къ адмиралу за справкой; тамъ, по случаю ранняго часа, долго не могли добиться отвѣта; наконецъ оказалось, что насъ слѣдуетъ сдать на Англійскій фрегатъ «Нанкинъ». Вся эта процедура меня сильно сердила, и я, прибывъ на «Нанкинъ», въ волненіи сталъ шагать по палубѣ, не поклонившись даже вахтенному офицеру. Вскорѣ вышелъ изъ каюты маленькій, толстенькій капитанъ Стюартъ въ коротенькой курткѣ и въ цилиндрѣ съ кокардой, на подобіе нашихъ ливрейныхъ шляпъ. Онъ спросилъ у вахтеннаго лейтенанта, гдѣ офицеръ пріѣхавшій съ плѣнными. Потомъ, подойдя ко мнѣ и съ видимымъ усиліемъ, коверкая слова, спросилъ: «Parlez-vous français?» Получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ по-французски же, онъ обратился къ вахтенному офицеру и сказалъ, что это единственная фраза, которую онъ знаетъ, и просилъ ему помочь. Офицеръ этотъ тоже не зналъ иностранныхъ языковъ, и пришлось послать за какимъ-то лейтенантомъ, который говорилъ по-французски. Въ ожиданіи его прибытія, я опять принялся за прогулку по шканцамъ, по одной сторонѣ, пока капитанъ ходилъ по другой. Досада меня разбирала. Тѣмъ временемъ вахтенный начальникъ приказывалъ моимъ матросамъ отнести вещи въ палубу; они его не поняли, и онъ толкнулъ одного изъ нихъ, указывая рукой внизъ. Видя это, я подошелъ къ нему и сказалъ по-англійски: «Если вы желаете отдавать приказаніе моимъ людямъ, я васъ прошу обращаться ко мнѣ; тогда вамъ не нужно будетъ толкать моихъ людей, и между нами не будетъ недоразумѣній». Не успѣлъ я еще договорить, какъ лейтенантъ побѣжалъ къ капитану и доложилъ, что я говорю по-англійски»—«Зачѣмъ же вы мнѣ сказали, что вы не говорите по-англійски? спросилъ Стюартъ.—«Я вамъ этого не говорилъ», былъ мой отвѣтъ.—«Да вы же слышали, что я не говорю по-французски?»—«Слышалъ и удивился, что вы желаете говорить на языкѣ, котораго не знаете». Вскорѣ

меня съ «Нанкина» перевели на фрегатъ «Пикъ», гдѣ я опять встрѣтился съ Пушкинымъ. Наши отношенія къ командору сэру Фредерику Никельсону были холодныя, но вѣжливыя. Съ офицерами мы тоже не особенно сошлись. Намъ было очень непріятно, что мы не имѣли никакого помѣщенія. На ночь намъ подвѣшивали койки въ батареѣ, а днемъ мы находились въ каютъ-компаніи.

Въ началѣ Октября «Пикъ» ушелъ въ Гонконгъ, куда мы прибыли черезъ двѣ недѣли. За нѣсколько дней до нашего ухода адмиралъ отправилъ фрегатъ «Сибиль» съ винтовыми корветами «Хорнетъ» и «Енкаунтеръ», подъ начальствомъ командора Эліота, къ устью Амура. Мы въ душѣ радовались, что Англичане упустили лучшее время года для этой экспедиціи и были увѣрены, что она не увѣнчается успѣхомъ. Нерѣшительный характеръ Эліота и страшная боязнь всѣхъ Англійскихъ начальниковъ принять на себя малѣйшую отвѣтственность много способствовали къ тому, что мы безъ тревоги смотрѣли на это предпріятіе. Ожиданія наши оправдались вполнѣ: эскадра вернулась въ Гонконгъ самодовольная своимъ бездѣйствіемъ. Отъ офицеровъ мы узнали, что они нѣсколько дней простояли въ Де-Кастри, потомъ послали партію матросовъ за дровами; шлюпки были встрѣчены съ берега выстрѣлами и поспѣшили возвратиться на суда, кажется, съ шестью ранеными. Попытка проникнуть въ Амурскій лиманъ окончилась тѣмъ, что «Хорнетъ» всталъ на мель. Ежеминутно ждали появленія нашихъ канонерскихъ лодокъ; къ тому пошелъ снѣгъ, и показалось даже немного льду. Вслѣдствіе этого уже было рѣшено взорвать «Хорнетъ», но вдругъ совершенно неожиданно прибыла вода, и корветъ снялся съ мели. Этимъ окончились дѣйствія огромнаго флота въ 26 вымпеловъ противъ нашихъ совершенно-беззащитныхъ береговъ.

Въ Гонконгѣ по немногу собрался весь флотъ. Сперва сэръ Фредерикъ Никельсонъ не хотѣлъ насъ увольнять на берегъ; но затѣмъ, слѣдуя примѣру другихъ командоровъ, онъ потребовалъ отъ Пушкина и меня письменное обѣщаніе, что мы не сбѣжимъ, и дѣло уладилось. Пушкинъ и я наняли въ гостиницѣ маленькую комнату, въ которой ежедневно собирались съ товарищами съ другихъ судовъ. Къ ночи мы всегда возвращались на фрегатъ. Въ Гонконгѣ мы познакомились съ нѣкоторыми домами, преимущественно съ Американскими. Съ особенной любезностью насъ принимали старикъ Берросъ (Burrous), весьма симпатичный Американецъ, и Гамбургскій купецъ Пустау. Послѣднему принадлежалъ бригъ «Грета» и, не смотря на то, что онъ черезъ насъ лишился своего судна и что Англійскія газеты называли его «Русскимъ шпіономъ», онъ не переставалъ оказывать намъ самое широкое гостепріимство. Мы всегда были рады, когда насъ приглашали обѣдать.

Денегъ у насъ осталось очень мало и, не желая возвращаться къ обѣду на Англійскій фрегатъ, мы иногда изъ экономіи питались только фруктами и хлѣбомъ.

Европейская почта приходила въ Гонконгъ въ двѣ недѣли разъ. Получая недобрыя вѣсти съ театра войны, мы каждый разъ ожидали ея съ тревогою, почти со страхомъ. То мы читали о бомбардировкѣ Свеаборга, при которомъ наши выстрѣлы не долетали, то о несчастномъ сраженіи на рѣкѣ Черной. Извѣстія изъ Севастополя камнемъ ложились на сердце и не предвѣщали ничего добраго. Никогда я не забуду того рокового дня, когда мы узнали о взятіи Севастополя. Утромъ при входѣ на рейдъ показался почтовый пароходъ, разцвѣченный флагами. Англичане стали ликовать, а мы съ трудомъ удерживали слезы. Мнѣ стало невыносимо видѣть эту общую радость—и чему? нашей гибели! У борта «Пикъ» стояла сампанка (маленькая Китайская лодка) какого-то продавца фруктъ. Попросивъ позволенія ѣхать на берегъ, я вскочилъ въ лодку и приказалъ ея владѣльцу пристать подальше отъ города въ совершенно-уединенной мѣстности. Съ трудомъ я вскарабкался по крутому берегу; но когда я остановился и обернулся, я увидѣлъ снова картину, отъ которой я бѣжалъ: весь флотъ, весь городъ разукрасился флагами, и салютъ пушечныхъ выстрѣловъ покрывалъ весь рейдъ облаками бѣлаго дыма. У меня замерло сердце. Не было никакого сомнѣнія: Севастополь, наша гордость, наша оборона, былъ взятъ! Не знаю, долго ли я сидѣлъ въ глубокой грусти на камнѣ; мнѣ казалось, что все пропало. Наконецъ я очнулся, чувствуя, что сильная дрожь пробѣжала по всему тѣлу и обдала меня холодомъ, не смотря на то, что я сидѣлъ на самомъ припекѣ южнаго солнца. Я всталъ и скорымъ шагомъ сталъ подниматься въ гору, съ удовольствіемъ подставляя свою спину палящимъ солнечнымъ лучамъ. Избѣгая встрѣчи съ кѣмъ бы то ни было, я вернулся въ городъ только вечеромъ, когда уже стемнѣло. Въ гостиницѣ, въ нашей комнатѣ, Пушкинъ и другіе товарищи подтвердили мнѣ, что наши опасенія сбылись. Вернувшись на фрегатъ довольно поздно, я только явился вахтенному офицеру и поспѣшилъ лечь въ свою койку. Ночью я проснулся отъ озноба; меня била лихорадка, и я такъ ослабъ, что говорилъ съ трудомъ. Чтò было со мной потомъ, я не помню; только, много дней спустя, я очнулся въ Англійскомъ госпиталѣ, устроенномъ на блокшивѣ (старомъ кораблѣ) на срединѣ рейда. Меня буквально кормили хининомъ, и я поправился довольно скоро, проболѣвъ всего двѣ недѣли. На прощаніе докторъ сказалъ мнѣ, что онъ, въ первые дни моей болѣзни, считалъ меня совершенно безнадежнымъ и что это въ его практикѣ первый примѣръ, чтобы больной при такомъ силь-

номъ припадкѣ Гонконгской лихорадки такъ скоро поправился. Во время моей болѣзни Пушкинъ написалъ адмиралу сэру Джемсу Стерлингу Французское письмо, въ которомъ обратилъ его вниманіе на бѣдственное положеніе нашихъ матросовъ, совершенно обносившихся, не имѣющихъ средствъ обзавестись самымъ необходимымъ; большинство даже не имѣло мыла. Кромѣ того наши люди жаловались, что имъ даютъ очень мало сухарей. Адмиралъ приказалъ отвѣчать Пушкину на словахъ, что нашимъ матросамъ отпускаютъ все, что̀ полагается плѣннымъ, и мы ничего больше не добились.

Наше долгое пребываніе на Англійскихъ судахъ видимо стѣсняло Англичанъ, и они рѣшительно не знали, какъ отдѣлаться отъ насъ. Офицеры передавали намъ разные проекты адмирала относительно насъ, которые всѣ обнаруживали его нерѣшительный характеръ. Всѣ эти планы не приводились въ исполненіе; но наконецъ намъ сообщили, что адмиралъ, дабы устранить наше вліяніе на матросовъ, рѣшился отправить ихъ безъ офицеровъ въ Австралію на золотые пріиски; офицеровъ же онъ думалъ отправить на островъ Цейлонъ въ Тринкомали. Все дѣло клонилось къ тому, чтобы лишенныхъ нравственной поддержки людей окончательно развратить на пріискахъ и потомъ сманить ихъ на Англійскую службу. Мы сначала не вѣрили этому, но къ ужасу нашему узнали изъ вѣрнаго источника, что адмиралъ, крайне довольный этой выдумкой, рѣшилъ привести ее въ исполненіе. Необходимо было предпринять что нибудь для разстройства этого плана. Мы рѣшились подѣйствовать на адмирала посредствомъ газетъ. Надо сказать, что въ Гонконгѣ въ то время издавались двѣ большія газеты «China Mail» и «China Frilud». Первая изъ нихъ постоянно восхваляла дѣйствія губернатора острова и нападала на адмирала за его бездѣйствіе и нераспорядительность. Вторая, наоборотъ, защищала адмирала Стерлинга и нападала на губернатора. Съ редакторомъ г-мъ Шортредомъ (Shortrade) China Mail мы какъ-то познакомились у Пустау, и онъ разъ напечаталъ въ своей газетѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, взятыя изъ нашего разсказа.

Пушкинъ и я пошли къ этому старику Шотландцу. Онъ былъ большой оригиналъ, но принялъ насъ хорошо. Мы сообщили ему, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся наши больные матросы въ Англійскомъ госпиталѣ: не зная языка, больной даже не можетъ попросить глотка воды, а насъ допускаютъ въ госпиталь только въ извѣстные дни; насъ даже не извѣстили о смерти одного изъ нашихъ матросовъ, такъ что Ковалевскій и я совершенно случайно попали на его похороны. Мы просили Шортреда чрезъ газету подѣйствовать на адмирала, чтобы онъ не разлучалъ насъ офицеровъ съ нижними

чинами. Выслушавъ насъ съ большимъ вниманіемъ, редакторъ возразилъ, что ему не совсѣмъ удобно исполнить нашу просьбу, что онъ не всегда можетъ писать по собственнымъ убѣжденіямъ и часто, въ угоду общественному мнѣнію, принужденъ перепечатывать изъ другихъ газетъ извѣстія, которымъ онъ лично не вѣритъ. Нѣсколько словъ сказанныхъ о всѣмъ извѣстной Англійской гуманности и что его газета съ честью поддерживаетъ и развиваетъ это прекрасное чувство, кажется, умаслили Шортреда. Онъ напоилъ насъ Шотландскимъ виски и обѣщался подумать, о томъ, что̀ мы ему сообщили. Дня черезъ два появилась въ «China Mail» передовая статья, которая сильно порицала дѣйствія Англійской эскадры Китайскихъ водъ, называла адмирала трусомъ, мстящимъ плѣннымъ за свои неудачи, проистекающія только отъ нераспорядительности. Потомъ авторъ хвалилъ заботливость, съ которой Русскіе офицеры относятся къ своимъ подчиненнымъ и въ особенности къ больнымъ и жалѣлъ, что адмиралъ безъ всякой причины рѣшился лишить бѣдныхъ людей этой поддержки. Затѣмъ онъ описалъ, какъ больные матросы, не зная языка, остаются безъ всякаго ухода, и набросалъ въ общихъ чертахъ трогательную картину смерти человѣка, умирающаго безъ всякого утѣшенія вдали отъ родины. Въ заключеніе было выражено удивленіе, что на судахъ еще не развились болѣзни вслѣдствіе того, что Русскіе матросы, за неимѣніемъ мыла, не могутъ мыться и стирать бѣлье. Эта статья надѣлала много шуму и принесла намъ большую пользу. Черезъ нѣсколько дней намъ передали оффиціально, отъ имени адмирала, что на каждомъ возращающемся въ Англію суднѣ будетъ отправлена партія нашихъ матросовъ съ офицеромъ. Въ тоже время было приказано выдать каждому Русскому матросу по куску мыла и по маленькой пачкѣ табаку.

Вскорѣ послѣ этого на фрегатъ «Пикъ» пріѣхалъ капитанъ Стерлингъ, бывшій командиръ «Баррагуты», и просилъ вызвать меня на шанцы. Я очень обрадовался ему, такъ какъ мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; но онъ объявилъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ по службѣ съ порученіемъ отъ адмирала. Онъ началъ съ того, что денежная отчетность ведется у нихъ очень строго, и потому адмиралъ при всемъ желаніи не можетъ увеличить порцію нашихъ людей, которымъ, какъ плѣннымъ, полагается только половина того, что̀ отпускается Англійскому матросу. Мыло и табакъ адмиралъ приказалъ выдать матросамъ изъ состраданія, но не знаетъ, утвердитъ ли адмиралтейство этотъ расходъ. Въ заключеніе онъ мнѣ передалъ, что адмиралъ, желая нѣсколько облегчить участь офицеровъ, рѣшается выдать намъ отъ 5 до 10 фунтовъ стерлинга каждому, но небольше. Поблагодаривъ за выданное матросамъ мыло и табакъ, я обратилъ вниманіе капитана на то, что

мы дѣйствительно очень нуждаемся въ платьѣ и бѣльѣ и спросилъ, не существуетъ ли у нихъ какое либо положеніе объ отпускѣ содержанія плѣннымъ офицерамъ. «Въ настоящее время, какъ вы видите, мы еще кое-какъ перебиваемся», присовокупилъ я, «но въ скоромъ времени мы будемъ ходить въ костюмѣ Адама.» Капитанъ отвѣчалъ, что адмиралъ имѣетъ только право выдавать весьма ограниченныя суточныя деньги тѣмъ плѣннымъ офицерамъ, которые сами продовольствуются. «Тѣмъ-же, сказалъ Стерлингъ, которые, какъ вы, имѣютъ столъ на судахъ, адмиралъ не имѣетъ право назначать деньги, но назначаетъ маленькое вспомоществованіе на свой рискъ, изъ состраданія». Я поклонился и просилъ передать адмиралу, что мы предпочитаемъ переносить всякія лишенія, чѣмъ принять милостыню отъ адмирала Стерлинга. «Мнѣ очень больно, капитанъ», прибавилъ я, «что мнѣ приходится говорить такимъ образомъ именно съ вами, потому что я вамъ очень благодаренъ за ваше вниманіе и за ваше деликатное джельтменское обращеніе съ нами; но вы мнѣ сказали, что вы пріѣхали по службѣ съ порученіемъ отъ вашего начальника, и я ему не могу дать другаго отвѣта». Мы холодно поклонились и разошлись. Я искренно жалѣлъ, что былъ принужденъ говорить такимъ тономъ съ капитаномъ про его отца и, желая немного загладить дурное впечатлѣніе, я черезъ нѣсколько дней поѣхалъ на почтовый пароходъ, чтобы проститься съ Стерлингомъ, который, сдавъ свой пароходъ другому командиру, возвращался на родину. Поблагодаривъ его еще разъ за его сердечное отношеніе, я пожелалъ ему всего лучшаго. О нашемъ послѣднемъ свиданіи не было и рѣчи, и мы разстались друзьями.

Въ исходѣ Ноября Пушкина, меня и 30 чел. матросовъ перевели на винтовой корветъ «Ротлеръ», который доженъ былъ возвратиться въ Англію. Простившись въ торопяхъ съ товарищами, съ нашими командами и съ нѣкоторыми знакомыми на берегу, мы вечеромъ помѣстились въ прекрасной просторной каютѣ, отведенной намъ по приказанію весьма любезнаго капитана (Fellows) Феллауса. На слѣдующее утро 26 Ноября мы снялись съ якоря подъ парами, но по выходѣ съ рейда подняли винтъ и поставили паруса. Въ первый же день мы замѣтили, что капитанъ и всѣ офицеры относились къ намъ съ особеннымъ вниманіемъ, несравненно любезнѣе, чѣмъ на «Пикѣ». Мы ежедневно обѣдали съ офицерами въ каютъ-компаніи, но Феллаусъ часто приглашалъ насъ къ себѣ. Онъ прекрасно говорилъ по-французски, такъ что Пушкинъ, который не говорилъ по-англійски и принципіально не желалъ говорить на этомъ языкѣ, цѣлые дни проводилъ въ обществѣ любезнаго и образованнаго капитана, уже пожилаго человѣка. На первомъ же обѣдѣ у Феллауса я былъ глубоко тронутъ его деликатностію. У Англичанъ въ

обычаѣ по окончаніи обѣда все снимать со стола, обыкновенно даже мѣняють скатерть. Послѣ этого снова появляются графины съ виномъ, и когда всѣ наполнили свои рюмки, хозяинъ или старшій за столомъ произноситъ: «Queen». Мы, конечно, отказывались пить здоровье королевы. На первомъ же обѣдѣ у Феллауса, я уже протянулъ руку, чтобы отставить свою рюмку, какъ я это обыкновенно дѣлалъ при этой церемоніи, когда капитанъ вмѣсто «Queen» произнесъ «absent friends». Зная, до какой степени Англичане педантично придерживаются общепринятыхъ обычаевъ, въ которыхъ рѣшительно не возможно измѣнить самую мелочь, я былъ пораженъ и глубоко тронутъ деликатностью капитана. Я тутъ-же предложилъ его здоровье и, благодаривъ его за вниманіе, выразилъ сожалѣніе, что ему приходится ради насъ отступить отъ старой традиціи. Феллаусъ очень любезно сказалъ, что онъ не посмѣлъ бы измѣнить старому обычаю, но тольно выразилъ туже мысль другими словами. «Разъ мы пьемъ здоровье отсутствующихъ друзей», сказалъ онъ, «*намъ* никто не мѣшаетъ мысленно пить здоровье нашей королевы, а вамъ вашего императора». Послѣ этого обѣда и въ каютъ-компаніи послѣдовали примѣру капитана.

Мы шли прямо на мысъ Доброй Надежды и только на нѣсколько часовъ остановились у города Анжера на Явѣ. Переходъ, по случаю преслѣдовавшаго насъ маловѣтрія, былъ скученъ и очень продолжителенъ. На корветѣ между Англійской командой развился кровавый поносъ, съ которымъ Англійскій докторъ, уже пожилой человѣкъ, никакъ не могъ справиться. Мнѣ кажется, что его познанія были очень ограничены; онъ всѣ болѣзни лечилъ опіумомъ и меркуріемъ.

Вскорѣ смертность началась и между нашими матросами. Каждый разъ, что̀ докторъ навѣщалъ нашихъ больныхъ, я сопровождалъ его, всѣми средствами стараясь облегчить хотя немного участь моихъ бѣдныхъ сослуживцевъ; но ничего не помогало. Мы на этомъ переходѣ похоронили трехъ Русскихъ и шесть человѣкъ Англичанъ; докторъ же увѣрялъ послѣ каждой смерти, что онъ, собственно говоря, совершенно вылечилъ больнаго, который умеръ только отъ слабости. Первымъ скончался матросъ Масловъ. Два дня спустя другой матросъ совершенно ослабъ. Вечеромъ я сидѣлъ у его койки, онъ по временамъ бредилъ; вдругъ онъ поднялъ голову и сказалъ совершенно спокойно и отчетливо: «Хорошо, Масловъ, я сейчасъ приду» (ему не было сообщено о его смерти). Я ему сказалъ, что Маслова тутъ нѣтъ. «Какъ нѣтъ, развѣ вы его не видите? Вотъ онъ стоитъ и все меня зоветъ. Да хорошо же Масловъ, хорошо, я иду». Съ этими словами онъ закрылъ глаза и тихо скончался. Третій матросъ умеръ въ виду мыса Доброй Надежды. Это былъ Чухонецъ, съ которымъ я старался говорить на

его родномъ языкѣ, хотя я имъ владѣю не особенно хорошо. Онъ какъ ребенокъ умолялъ меня дать ему хоть одинъ глотокъ молока, при чемъ повторялъ, что это сейчасъ облегчитъ его страданія. «Пима, пима», твердилъ онъ каждый разъ, что я подходилъ къ его койкѣ. Я уже радовался, что мы скоро придемъ въ Саймонсъ-таунъ, гдѣ я буду въ состояніи дать ему стаканъ молока; но онъ скончался наканунѣ нашего прихода. Эти смерти очень разстроили Пушкина и меня, и мы не могли дождаться момента прибытія въ портъ. Наконецъ, послѣ 9 недѣльнаго перехода, мы 3 Января 1856 года встали на якорь въ Саймонсъ-бей. На слѣдующее утро въ числѣ Англійскихъ больныхъ отправили въ госпиталь и двухъ нашихъ матросовъ, которые были очень плохи. Одинъ изъ нихъ Римско-католическаго вѣроисповѣданія скончался черезъ два дня. Чувствуя, что онъ не поправится, онъ пожелалъ исповѣдаться и пріобщиться святыхъ тайнъ. Я отправился къ единственному католическому священнику въ Саймонсъ-таунѣ и попросилъ его посѣтить нашего больнаго. Онъ сначала затруднялся исполнить мою просьбу. Видимо усомнившись, дѣйствительно-ли умирающій католикъ, онъ сталъ отговариваться незнаніемъ языка. Мнѣ съ трудомъ удалось его уговорить, и онъ пошелъ со мною въ госпиталь, но потребовалъ отъ меня письменнаго удостовѣренія, что умирающій дѣйствительно Римско-католическаго вѣроисповѣданія. Съ умирающимъ ксендзъ обошелся очень мило и послѣ самъ вызвался похоронить его. Черезъ нѣсколько дней и другой нашъ матросъ, который подавалъ нѣкоторую надежду на выздоровленіе, сталъ слабѣть и тоже просилъ причастія. Я ему объяснилъ, что нѣтъ Русскаго священника; тогда онъ просилъ, не можетъ ли Англійскій пасторъ дать ему причастія. Пасторъ съ величайшей готовностью изъявилъ согласіе. На исповѣди и при прочтеніи молитвъ я служилъ ему переводчикомъ, какъ умѣлъ. Благодарность больнаго послѣ принятія Св. Тайнъ была чрезвычайно трогательна. На слѣдующій день и онъ скончался. Эта была послѣдняя жертва страшной болѣзни. Для укрѣпленія здоровья остальныхъ людей Пушкинъ просилъ капитана уволить ихъ на берегъ для прогулки. Мы ручались честнымъ словомъ, что они всѣ къ назначенному времени явятся на корветъ, если только намъ будетъ предоставлено право руководить ихъ прогулкой. Феллаусъ со свойственной ему деликатностью сказалъ, что онъ нисколько не сомнѣвается въ нашемъ честномъ словѣ, но удивляется, что мы беремъ на себя отвѣтственнось за нашихъ людей, которые во время плѣна находятся только въ слабой зависимости отъ насъ. «Я не могу поручиться за самаго лучшаго матроса», сказалъ онъ. Мы однако старались ему доказать, что безъ этой гигіенической мѣры трудно будетъ совершенно прекратить болѣзнь, которая послѣ нашего прибы-

тія въ портъ стала замѣтно ослабѣвать. Капитанъ, подумавъ немного, сказалъ, что онъ съ своей стороны не видитъ препятствія къ исполненію этой просьбы, но что онъ безъ согласія командира порта не имѣетъ право отпустить нашихъ матросовъ. Уже вечеромъ Фаллаусъ сообщилъ намъ, что командиръ разрѣшилъ ему уволить Русскихъ и потребовалъ отъ насъ письменнаго подтвержденія нашего ручательства, но что онъ вѣритъ намъ и на слово и не приметъ его. Пушкинъ собралъ нашихъ людей и объявилъ имъ, что мы оба поручились за ихъ исправность, въ надеждѣ, что они конечно не захотятъ осрамить насъ передъ Англичанами; за тѣмъ Пушкинъ объяснилъ имъ, что всякая попытка къ побѣгу не только повлечетъ за собою непріятности для товарищей, которыхъ больше не уволятъ, но и сама по себѣ будетъ совершенно безплодна, такъ какъ бѣглеца, конечно, скоро поймаютъ и подвергнутъ строгому наказанію. Мы раздѣлили всѣхъ людей на три смѣны, по 8 человѣкъ, и унтеръ-офицеру, который былъ 25-мъ, приказали сопровождать каждую смѣну. Во время прогулки имъ приказали не разлучаться и смотрѣть другъ за другомъ. Снабдивъ каждую 10 шилингами изъ нашихъ денегъ, мы сами повезли первую смѣну на берегъ и отпустили ихъ съ приказаніемъ къ 8 часамъ вечера быть на пристани. Къ назначенному часу, къ нашей радости и къ удивленію Англичанъ, которые никогда не являются къ назначенному времени, наши люди всѣ были на лицо. Правда, они были немного на веселѣ и однаго товарища принесли на рукахъ. На слѣдующій день гуляла 2-я, а за тѣмъ и 3-я смѣна. Удивленію Англійскихъ офицеровъ не было конца; они просто диву дались, что наши люди такъ хорошо дисциплинированы, что даже никто изъ нихъ не опоздалъ, и что пьяные не лѣзутъ драться. Фаллаусъ предложилъ намъ еще разъ отпустить каждую смѣну, что̀ мы и приняли съ благодарностью. Командиръ порта пригласилъ Пушкина и меня къ обѣду и, поблагодаривъ насъ за исправность нашихъ людей, выразилъ сожалѣніе, что въ Англійскомъ флотѣ при отпускѣ команды только половина людей возвращается къ назначенному часу.

По немногу всѣ наши больные поправились, и тогда Пушкинъ и я отпросились на два дня въ Капштадтъ, гдѣ уже успѣли побывать всѣ офицеры нашего корвета. Мы утромъ наняли маленькую коляску и прибыли въ Капштадтъ, позавтракавъ на половинѣ дороги въ опрятной гостиницѣ, построенной еще въ то время, когда колонія принадлежала Голандцамъ. Надъ дверью этого чистенькаго домика висѣла большая вывѣска съ Голандской надписью. Хозяинъ Голандецъ разсказалъ намъ, что однажды въ темную ночь эта вывѣска пропала и только черезъ $2\frac{1}{2}$ года, ночью-же, опять появилась на старомъ мѣстѣ.

Оказалось, что Англійскіе мичмана, послѣ хорошаго ужина въ Капштадтѣ, захватили вывѣску съ собою и только черезъ $2^1/_2$ года, когда ихъ фрегатъ на возвратномъ пути изъ Китая опять зашелъ на мысъ, образумившаяся молодежь повѣсила вывѣску на старое мѣсто.

Въ Капштатѣ мы заняли номеръ въ гостиницѣ. За table d'hôte было много обѣдающихъ, очевидно хорошо знакомыхъ между собою. Изъ ихъ разговора мы узнали, что это почти все были пасажиры большаго парохода, отправляющаго въ Австралію. Мой сосѣдъ внимательно прислушивался къ нашему Русскому разговору и наконецъ, извиняясь за любопытство, спросилъ, на какомъ языкѣ мы говоримъ. Извѣстіе, что мы Русскіе, моментально пробѣжало вдоль стола, и всѣ, особенно присутствующія дамы, осыпали насъ вопросами. Онѣ справлялись преимущественно объ образѣ жизни въ Россіи и о томъ, какъ съ нами обращаются на Англійскихъ судахъ. При этомъ не обошлось безъ наивностей: одна дама пожелала узнать, возможно ли при нашемъ холодномъ климатѣ строить дома съ окошками и правда ли, что въ Москвѣ иногда волки и медвѣди попадаются на улицахъ. На вопросъ, какъ мы попали въ плѣнъ, я отвѣчалъ, что мы были захвачены, когда безъ оружія возвращались на родину послѣ кораблекрушенія, и выразилъ надежду, что Англійское правительство найдетъ возможнымъ освободить насъ. Тутъ одинъ пожилой господинъ, сидѣвшій на другомъ концѣ стола, прервалъ меня: «Желая вамъ всего лучшаго», сказалъ онъ, «я надѣюсь, что васъ продержутъ въ Англіи покрайней мѣрѣ года два. Вы сами будете за это благодарны: вы познакомитесь съ цивилизаціей (civilisation)». Я вспылилъ и отвѣчалъ, что вѣжливость (civility), одинъ изъ первыхъ признаковъ цивилизаціи, судя по его словамъ, не особенно развита въ Англіи. Публика засмѣялась, а мой собесѣдникъ выразилъ удивленіе, чему я обидѣлся. «Вѣдь всему міру извѣстно, что Англія самая образованная страна», торжественно произнесъ онъ, «и потому странно обижаться, что я ей даю преимущество передъ Россіею, гдѣ до сихъ поръ даже нѣтъ печатныхъ книгъ».

— «Позвольте вамъ замѣтить», перебилъ я, «что въ Россіи образованный классъ пользуется бо́льшимъ числомъ книгъ, чѣмъ въ Англіи».

— «Вотъ хвастовство», вставилъ мой опонентъ.

— «Не хвастовство, а истина, которую не трудно доказать. У насъ читаютъ все что̀ печатается на Англійскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и на нашемъ родномъ языкѣ; а въ Англіи человѣкъ знающій хоть одинъ иностранный языкъ довольно рѣдкое явленіе».

— «Мы не нуждаемся въ иностранныхъ книгахъ: у насъ уже давно извѣстно все, что̀ пишется въ нихъ», былъ отвѣтъ самодовольнаго Англичанина.

«Китайцы тоже считаютъ себя образованнѣе другихъ и называютъ всѣхъ иностранцевъ варварами, не исключая и Англичанъ», проговорилъ я, вставая со стула и уходя съ Пушкинымъ, такъ какъ обѣдъ уже былъ конченъ. Мой опонентъ что-то кричалъ мнѣ вслѣдъ; но я уже не могъ разобрать его словъ. На слѣдующій день мы встрѣтили двухъ изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ. Они выразили надежду, что мы не составили себѣ понятія о Англійскомъ джентельменѣ по артилерійскому полковнику, который такъ глупо велъ себя за обѣдомъ. Они надъ нимъ смѣялись и говорили, что онъ страшно обидѣлся, какъ я смѣлъ сравнить его съ Китайцемъ.

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія на корветъ, онъ снялся съ якоря и ушелъ въ Англію.

Вечеромъ, передъ уходомъ, губернаторъ Каптауна Sir George Gray прислалъ намъ и нашимъ матросамъ нѣсколько большихъ корзинъ съ прекрасными фруктами, и сверхъ того штукъ 20 арбузовъ. Я письменно благодарилъ губернатора за такую любезность, а наши матросики усердно подчивали Англичанъ, не забывая, конечно и себя. Вообще наши люди сошлись съ Англичанами. Они чинили имъ платье и сапоги и тѣмъ зарабатывали себѣ иногда копѣйку. Замѣчательно, что Англійскій матросъ даже не умѣетъ пришить пуговицу. Всякія, даже самыя простыя починки отправляются, съ приходомъ въ портъ, къ портному.

Отъ нашихъ матросъ Англичане только научились ругаться по-русски самыми скверными словами. Мой унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ: «Когда имъ объяснили, что̀ это значитъ, то имъ больно понравилось, и всѣ выучились».

На пути въ Англію мы на нѣсколько часовъ зашли на островъ Св. Елены, состоящій изъ одной огромной скалы чисто-вулканическаго происхожденія. При ясной погодѣ мы увидали этотъ высокій островъ, когда были отъ него въ 50 миляхъ (слишкомъ 80 верстъ). Вѣчный юго-западный пассатъ гонитъ океанскую волну на южный берегъ острова и разводитъ страшный бурунъ, который, огибая берегъ, затрудняетъ даже приставаніе шлюпокъ на рейдѣ у города Сентъ-Джемстаунъ, расположеннаго на сѣверной подвѣтренной сторонѣ острова. Этотъ городокъ выстроенъ въ узкомъ ущельѣ, которое довольно круто спускается ко взморью и отдѣляется отъ рейда каменной стѣной, защищенной батареями. Пройдя черезъ ворота, находящіеся въ оборонительной стѣнѣ, мы очутились на маленькой площади, съ которой лѣстница въ 600 ступенекъ ведетъ къ батареѣ (Ladder-hill). Пушкинъ, Англійскій лейтенантъ и я отправились верхомъ въ «Лонгвудъ», гдѣ Наполеонъ содержался въ плѣну и скончался. По пути уже изъ дали виднѣлись въ лощинѣ красивый домикъ и садъ: это Брюіеръ

(Brujars), гдѣ Наполеонъ жилъ первыя недѣли своего пребыванія на островѣ; но, должно быть, Англичане нашли, что это слишкомъ удобное помѣщеніе для такого опаснаго человѣка и потому перевели его на самую вершину скалы, гдѣ постоянно собираются облака, такъ что Лонгвудъ или покрытъ туманомъ или подвергнутъ палящимъ лучамъ тропическаго солнца. Помѣщеніе, отведенное императору, состояло изъ 3-хъ комнатъ подъ такой ветхой крышей, что протекающій дождь принудилъ больного Наполеона перебраться изъ спальной въ гостиную, гдѣ онъ и умеръ.

Когда намъ за два шиллинга съ персоны показывали послѣднее жилище великаго полководца, пріемная его комната была наполнена соломою, въ гостиной стояла вѣятельная машина, а въ спальнѣ двѣ лошади. Грязныя стѣны были исписаны именами посѣтителей. Рядомъ съ этой лачужкою стоитъ болѣе просторный каменный домъ, который, по словамъ сторожа, строился для императора, но былъ оконченъ только послѣ его смерти.

Но что̀ были всѣ эти неудобства, которымъ великій Наполеонъ подвергался въ теченіи шести лѣтъ, въ сравненіи съ его нравственными страданіями? Ему позволяли гулять только на вершинѣ скалы въ сопровожденіи караульнаго офицера. Его всегда и всюду окружала цѣлая цѣпь часовыхъ. Сторожъ домика хорошо помнилъ Наполеона и говорилъ, что императоръ почти не выходилъ изъ комнатъ, потому что не любилъ показываться солдатамъ, которые были разставлены такъ, что «ни одна крыса не могла проскользнуть», по выраженію этого отставнаго солдата. Мы были глубоко возмущены при видѣ этихъ мелочныхъ, систематичныхъ оскорбленій. Какъ Наполеонъ сожалѣлъ, должно быть, что онъ передался Англичанамъ, надѣясь на ихъ гуманность. Легко можно было принять всѣ необходимыя предосторожности, чтобы лишить императора возможности возвратиться во Францію и въ тоже время относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ человѣку, передъ геніемъ котораго преклонялись даже его враги.

Самое положеніе острова, къ которому можно пристать только въ одномъ мѣстѣ, давало Англичанамъ полную возможность сторожить императора безъ всякихъ для него стѣсненій. Во все время пребыванія Наполеона на Св. Еленѣ на рейдъ допускались только Англійскія военныя суда, и кругомъ острова постоянно содержалось крейсерство, которое не позволяло ни одному купцу приблизиться къ острову. Кажется, что всѣ дальнѣйшія предосторожности были лишни. Его сторожилъ, по вѣрному выраженію Лермонтова, «какъ онъ великій океанъ». Нѣсколько ниже, въ тѣни двухъ плакучихъ ивъ, находится, бывшая до «послѣдняго новоселья» могила Наполеона.

Мы вернулись въ городъ по другой дорогѣ, побывавъ еще въ Plantation-house, гдѣ жилъ тюремщикъ и личный врагъ Наполеона, сэръ Гудзонъ. Лоовъ. Какой контрастъ между этимъ просторнымъ и комфортабельнымъ домомъ, окруженнымъ небольшимъ, но тѣнистымъ паркомъ, и Лонгвудомъ!

Мы снялись съ якоря въ тотъ же день и направились въ Англію. При входѣ въ Англійскій каналъ подъ кормою корвета прошелъ лоцманскій ботъ, съ котораго толстый Англичанинъ хриплымъ голосомъ сообщилъ намъ радостную вѣсть, что миръ заключенъ. Въ Портсмутѣ корвету приказали немедленно окончить кампанію; нашъ милый капитанъ Феллаусъ и его любезные офицеры простились съ нами самымъ дружескимъ образомъ и сдали насъ на адмиральскій корабль Victory, на которомъ великій Нельсонъ былъ убитъ въ Трафальгарскомъ сраженіи. Мѣдныя планки съ подобающей надписью обозначаютъ мѣсто, гдѣ Нельсонъ упалъ и гдѣ онъ умеръ. Пробывъ на этомъ кораблѣ два дня, мы перебрались на огромный транспортный пароходъ Emperatrice, прибывшій изъ Плимута съ Русскими плѣнными, взятыми большею частью въ Бомарзундѣ и въ Балаклавѣ. Въ числѣ ихъ мы нашли нѣкоторыхъ товарищей съ «Діаны», Зеленаго, Гошкевича, Елкина и князя Урусова, прибывшихъ въ Англію немного раньше насъ: это была для насъ большая радость. Всѣхъ плѣнныхъ оказалось до 40 офицеровъ и слишкомъ 1,500 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Между офицерами, больше половины были юнкера разныхъ полковъ и нѣсколько писарей, которые себя въ Англіи выдавали за офицеровъ. За исключеніемъ небольшаго числа очень милыхъ людей, всѣ остальные были люди совершенно необразованные, которые своимъ поведеніемъ въ глазахъ Англичанъ роняли достоинство Русскаго офицера. На пароходѣ я познакомился съ отцомъ Евгеніемъ Ивановичемъ Поповымъ, священникомъ при Русскомъ посольствѣ. Онъ пользовался въ Англіи большимъ, вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ и во время войны оставался въ Лондонѣ. Онъ постоянно посѣщалъ нашихъ плѣнныхъ и помогалъ имъ деньгами и совѣтами. На переходѣ изъ Плимута въ Портсмутъ вокругъ Евгенія Ивановича собралась группа болѣе порядочныхъ людей, и онъ особенно любезно относился къ нашимъ Діанскимъ офицерамъ. Я съ перваго же знакомства привязался всей душой къ этому умному и доброму старику и потомъ до самой его смерти имѣлъ счастіе пользоваться его любезнымъ дружескимъ вниманіемъ. По прибытіи на пароходъ наши соотечественники обступили насъ съ разными вопросами. Между ними былъ какой-то маіоръ, командиръ Греческаго Балаклавскаго баталіона. Онъ очень плохо говорилъ по-русски, и его лучшій другъ, котораго онъ представлялъ всѣмъ какъ помощника баталіоннаго ко-

мандира, оказался въ Либавѣ просто баталіоннымъ писаремъ. Старикъ Грекъ спросилъ меня, не изъ «Помазурскихъ» (Бомарзундскихъ) ли я и, узнавъ, что я взятъ въ плѣнъ въ Охотскомъ морѣ, поинтересовался узнать, гдѣ оно находится и почему-то вообразилъ, что оно должно быть не далеко отъ Брюсселя (вѣроятно единственное названіе, которое ему подвернулось). Я сталъ ему объяснять, что это море находится въ восточной Азіи. «Ахъ въ Азіи», сказалъ онъ, знаю; значитъ около Сухума». Отецъ Евгеній Ивановичъ, который слушалъ этотъ разговоръ, взялъ меня въ сторону и спросилъ: «Какъ же это возможно, до полковника дослужился, а въ географіи такъ плохъ?» Передъ нашимъ уходомъ изъ Портсмута мы видѣли еще репетицію смотра, который королева собиралась сдѣлать черезъ нѣсколько дней громадному флоту, который уже былъ собранъ для отправки въ Балтійское море и по случаю заключенія мира былъ оставленъ на якорѣ на Спидгетскомъ рейдѣ. Всѣхъ, какъ намъ говорили, было около 350 вымпеловъ: 26 линейныхъ кораблей, 150 канонерскихъ, 120 мортирныхъ лодокъ и большое число фрегатовъ и другихъ мелкихъ судовъ. Кромѣ мортирныхъ лодокъ большинство судовъ были паровыя.

Наконецъ насталъ часъ снятія съ якоря. Отецъ Евгеній Ивановичъ отслужилъ молебенъ и, простившись со всѣми самымъ радушнымъ образомъ, отправился на берегъ, а нашъ пароходъ пошелъ въ Балтику и высадилъ насъ въ Субботу на Страстной недѣли въ Либавѣ. Начальникъ Либавскаго гарнизона командиръ пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка полковникъ Сурковъ и его супруга приняли насъ, какъ родныхъ и пригласили насъ со всѣми офицерами полка розговѣться.

Въ Петербургѣ мы были весьма милостиво приняты начальствомъ. По представленію генералъ-адъютанта Путятина, возведеннаго Государемъ Императоромъ въ графское достоинство, мы были щедро награждены крестами; такъ, напримѣръ, пишущій эти строки, въ лейтенантскомъ чинѣ, не имѣя до того ни одного креста, получилъ прямо Станислава на шею. Кромѣ этого, вѣроятно въ виду того, что мы съ самаго прихода въ Японію, слишкомъ полтора года, не получали никакого содержанія, было приказано не вычитать съ насъ тѣхъ казенныхъ денегъ, которыя мы разобрали по карманамъ, когда насъ взяли въ плѣнъ; да еще было высочайше повелѣно выдать каждому Діанскому офицеру двухгодовой окладъ жалованья, одинъ за потерю имущества во время караблекрушенія, другой на подъемъ. Я поѣхалъ съ Зеленымъ для пріема столь щедро намъ пожалованныхъ денегъ изъ Главнаго Государственнаго Казначейства, которое въ то время находилось въ крѣпости. Приходилось отпущенную намъ изъ Морскаго Министерства бумагу предъявлять разнымъ чиновникамъ, и каждый изъ

нихъ, по прочтеніи словъ: «Кораблекрушеніе вслѣдствіе землетрясенія въ Японіи», сталъ разспрашивать о подробностяхъ этого страшнаго происшествія; мы вслѣдствіе этого почти все утро провели въ казначействѣ. Наконецъ пришлось у какого-то старичка-бухгалтера расписаться въ полученіи денегъ. Старикъ, взглянувъ на нашу бумагу, молча указалъ намъ мѣсто, гдѣ надо было расписаться въ книгѣ. Словоохотливый Зеленый чуть ли не въ двѣнадцатый разъ началъ свой разсказъ о Симодскомъ землетрясеніи; хотя старичекъ чиновникъ и извинялся, что очень занятъ и не имѣетъ времени слушать, Зеленый прехладнокровно продолжалъ разсказъ со словами: «Нельзя, всѣмъ разсказывалъ, такъ уже и вамъ слѣдуетъ объ этомъ знать».

Японскому правительству Государь Императоръ приказалъ заплатить по счетамъ за всѣ забранныя нами въ Японіи вещи и сверхъ сего подарилъ Японцамъ выгруженныя въ Симодѣ Діанскія пушки и выстроенную нами шкуну «Хеду», на которой графъ Путятинъ совершилъ переходъ изъ Японіи въ Камчатку и потомъ на Амуръ.

Старый Морякъ.

Мартъ 1892.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДАТСКАГО ПОСЛАННИКА ЮСТА ЮЛЯ *).

Съ Датскаго неизданнаго подлинника.

1-го Марта 1710 г. Описывая вчерашній, свадебный пиръ я забылъ разсказать о двухъ обстоятельствахъ; а ихъ, кажется, стóитъ отмѣтить.

Среди пира Царь послалъ за фельдмаршаломъ Рейншильдомъ. Когда тотъ явился, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ относительно этой царской къ нему милости, которой онъ, со своей стороны, придавалъ большое значеніе. Тутъ къ нему подошелъ Царь, сейчасъ же заблагоразсудилъ съ нимъ поговорить, прикинулся весьма милостивымъ и, какъ бы находясь въ состояніи полудремоты, спросилъ, по какой причинѣ Шведы, въ томъ числѣ и онъ, Рейншильдъ, спустя три дня послѣ битвы подъ Фрауенштатомъ, ни съ того ни съ сего умертвили 600 Русскихъ плѣнныхъ, когда они были уже посажены въ тюрьму. Въ свое оправданіе Рейншильдъ отвѣчалъ, что тотчасъ послѣ битвы онъ долженъ былъ, по приказанію короля Шведскаго, отправиться за 12 миль отъ Фрауенштата и лишь по возвращеніи узналъ объ этихъ убійствахъ, которыхъ-де отнюдь не оправдываетъ. Но Царь спросилъ его, отчего же въ такомъ случаѣ, вернувшись, онъ не наказалъ виновныхъ или по крайней мѣрѣ не выразилъ своего негодованія по поводу такого позорнаго и среди христіанъ неслыханнаго дѣла. На это Рейншильдъ ничего не съумѣлъ сказать; а его величество, какъ будто не интересуясь болѣе предметомъ разговора, отошелъ прочь, оставивъ его одного посреди комнаты, и потомъ болѣе къ нему не обращался. Крайне озадаченный Рейншильдъ не зналъ, чтó ему дѣлать—ждать или уходить; наконецъ онъ счелъ за лучшее уйти. Вотъ какъ его величество умѣетъ притворяться! И нѣтъ никакой возможности дознать, дѣйствуетъ ли онъ преднамѣренно или нѣтъ, хотя, конечно, вѣрнѣе предположить, что государь такого ума, какъ онъ, говоритъ подобныя вещи не иначе, какъ нарочно. Въ тотъ же вечеръ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, Царь послалъ

---

*) См. выше стр. 35.

за однимъ Японскимъ штурманомъ, котораго хотѣлъ мнѣ показать. Штурманъ этотъ пришелъ съ своимъ кораблемъ изъ Японіи въ Азовское море и тамъ на Русскомъ берегу потерпѣлъ крушеніе.

Въ послѣдній день масляницы, т. е. сегодня, Русскіе прощаются другъ съ другомъ со стенаніемъ и плачемъ, такъ что вчужѣ жалко на нихъ смотрѣть. Слѣдующая недѣля называется *Сухояденіемъ*; въ теченіе ея употребляется лишь сухая, холодная и невареная пища, какъ-то хлѣбъ и лукъ, а крѣпкіе напитки замѣняютъ квасомъ. Первый день поста нѣкоторые Русскіе называютъ: «*Ротъ выполаскать*» *). Въ слѣдующія за тѣмъ недѣли, до Вербнаго Воскресенія, Русскіе ѣдятъ рыбу и всякаго рода вареную пищу, кромѣ молока, масла, яицъ и мяса, и кушанья свои приправляютъ растительными маслами вмѣсто коровьяго. Вообще постъ этотъ Русскіе соблюдаютъ весьма строго и неуклонно; лишь немногіе изъ нихъ поумнѣли въ нынѣшнее царствованіе настолько, что слѣдуютъ въ этомъ отношеніи обычаямъ иностранцевъ и не считаютъ грѣхомъ ѣсть, чтò случится. Таковы самъ Царь, князь Меньщиковъ, адмиралтейскій совѣтникъ Кикинъ и нѣкоторые царскіе придворные. Чтò касается остальныхъ Русскихъ, вмѣняя себѣ въ долгъ совѣсти, предпочтительно предъ исполненіемъ прочихъ заповѣдей Господнихъ, строго соблюдать Великій постъ, они къ концу его становятся похожи на мертвецовъ и такъ тощаютъ, что одинъ (не постившійся) человѣкъ легко побьетъ четверыхъ постившихся. Оно и не удивительно, если принять во вниманіе, что Русскіе столь долгое время поддерживаютъ жизнь пищею едва пригодною для прокормленія собаки. Въ Пятницу на второй недѣлѣ поста всякій Русскій долженъ сдѣлать въ церкви 500 земныхъ поклоновъ.

8-го Марта. Осмотрѣлъ Московскую царскую аптеку. Я прежде много о ней слышалъ. Она поистинѣ можетъ считаться одною изъ лучшихъ аптекъ въ мірѣ, въ смыслѣ обширности помѣщенія, разнообразія снадобій, царствующаго въ ней порядка и изящества кувшиновъ, въ которыхъ сохраняются лекарства. На кувшинахъ этихъ красуется царскій гербъ; разставлены они по ящикамъ. Повсюду на желѣзныхъ дощечкахъ тоже написанъ красками царскій гербъ. По новому положенію, теперешніе кувшины будутъ со временемъ замѣнены фарфоровыми, равнымъ образомъ съ царскимъ гербомъ. Въ аптекѣ служатъ превосходные провизоры и помощники провизоровъ, все иностранцы. Старшимъ надсмотрщикомъ состоитъ Англійскій докторъ Арескинъ. При аптекѣ имѣется большая библіотека, въ ко-

*) Эти слова, какъ выше *сухояденіе* и нѣкоторыя слова ниже, написаны въ подлинникѣ по-русски, но конечно иной разъ съ ошибками въ ореографіи.

торой собраны лучшія сочиненія по медицинѣ на всевозможныхъ языкахъ. Хотя содержаніе аптеки стóитъ большихъ денегъ, тѣмъ не менѣе она не обходится Царю въ убытокъ и приноситъ нѣкоторую прибыль; ибо всѣ походныя и судовыя аптеки снабжаются медикаментами изъ царской, въ возмѣщеніе чего у военныхъ и моряковъ, отъ старшихъ офицеровъ до простыхъ матросовъ и солдатъ, производится ежегодный вычетъ изъ жалованія въ размѣрѣ извѣстной доли процента; сумма этого вычета превышаетъ расходъ по аптекѣ.—Въ этотъ же день я осмотрѣлъ и Московскую типографію. Я видѣлъ тамъ новыя Русскія буквы. Самъ Царь замѣнилъ часть старыхъ буквъ новыми, болѣе удобными для книгопечатанія; теперь ими уже напечатано и въ настоящее время печатается много разныхъ книгъ.

9-го Марта. Цѣлую недѣлю я каждый день требовалъ у (Посольскаго) Приказа подводъ, чтобъ слѣдовать за Царемъ въ Петербургъ. Приказъ ежедневно подтверждалъ свое обѣщаніе доставить мнѣ лошадей, но ничего не исполнялъ.

Въ Москвѣ двѣ Лютеранскихъ Нѣмецкихъ церкви; обѣ каменныя, хорошей постройки, но подобно всѣмъ мѣстнымъ зданіямъ, какъ деревяннымъ, такъ и кирпичнымъ, крыты тёсомъ. Черепицу здѣсь еще обжигать не умѣютъ; впрочемъ, по свидѣтельству иностранныхъ купцовъ, подмосковная глина для этого дѣла непригодна. Обѣ церкви построены много лѣтъ тому назадъ. Снабжены онѣ большими каменными печами, которыя обыкновенно топятся передъ началомъ службы, такъ что, даже въ самую суровую зиму, на богослуженіи не испытываешь холода. Одна изъ церквей называется старою, другая новою. Между попечителями новой церкви и ея священникомъ магистромъ Рольфомъ возникло недоразумѣніе. Каждая изъ Лютеранскихъ церквей имѣетъ по два священника. Въ такъ называемой новой церкви священниками были нѣкій Шахшмитъ и упомянутый Рольфъ, весьма начитанный, богобоязненный человѣкъ и хорошій проповѣдникъ. Первый, въ силу утвердительной грамоты, данной ему общиною и попечителями, обязывался по зову небольшой Лютеранской паствы, находящейся въ Казани и Астрахани, ѣздить въ эти города для совершенія требъ. Астраханскіе Лютеране дѣйствительно пригласили его къ себѣ, и онъ попросилъ у здѣшнихъ старшинъ и попечителей разрѣшенія ѣхать, но послѣдніе безо всякой основательной причины отказали ему въ этомъ. Церковные попечители и старшины суть важнѣйшія лица общины; будучи по большей части людьми легкомысленными и неразумными, они вслѣдствіе своего богатства такъ спѣсивы и упрямы, что не поддаются никакимъ убѣжденіямъ и дѣйствуютъ самовольно. Послѣ долгихъ и напрасныхъ ходатайствъ, Шахшмитъ, какъ человѣкъ

добросовѣстный и безкорыстно-преданный своему дѣлу (онъ въ матеріальномъ отношеніи былъ обезпеченъ и жилъ главнымъ образомъ на собственныя средства), рѣшился все-таки ѣхать. Онъ простился съ проповѣдной каѳедры со своими прихожанами, сказавъ имъ, что ѣдетъ онъ за 400 миль не изъ личнаго удовольствія, что матеріальная польза отъ поѣздки не покроетъ и половины его расходовъ и проч. По его отъѣздѣ, старшины и попечители стали открыто говорить, что онъ самовольно покинулъ паству и тѣмъ нарушилъ свои священническія обязанности. Но покамѣстъ дѣло ограничилось этимъ, и лишь позднѣе, когда, послѣ Полтавской битвы, въ Москву прибыло нѣсколько плѣнныхъ Шведскихъ священниковъ, старшины и попечители общины совѣтомъ избрали одного изъ нихъ на мѣсто уѣхавшаго Шахшмита. Вновь избраннаго зовутъ Штаффенбергомъ; это человѣкъ безпокойный и строптивый; въ другихъ общинахъ его уже не разъ отрѣшали отъ должности за дурное поведеніе. Онъ заявилъ старшинамъ и попечителямъ, что слѣдуетъ праздновать дни апостоловъ, какъ то дѣлается въ Швеціи. На церковномъ совѣтѣ вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, не смотря на разногласія въ средѣ старостъ и попечителей и на устраненіе изъ совѣта магистра Рольфа. Сегодня, въ Воскресеніе, Штаффенбергъ долженъ былъ объявить во всеобщее свѣдѣніе о такомъ рѣшеніи совѣта. Узнавъ объ этомъ, Прусскій посланникъ Кейзерлингъ съ утра попросилъ меня чрезъ посланнаго зайти къ нему по дорогѣ въ церковь. Когда я пришелъ, онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее. Онъ и покойный Гейнсъ, прежній королевско-Датскій посланникъ, были посредниками между священникомъ новой церкви и ея приходомъ и подписали ихъ обоюдное соглашеніе. Въ силу этого соглашенія священникъ, магистръ Рольфъ долженъ былъ пользоваться голосомъ во всѣхъ церковныхъ совѣтахъ по дѣламъ общины; между тѣмъ старшины и попечители устранили его изъ послѣдняго совѣта, на который онъ даже не былъ приглашенъ. Поэтому Кейзерлингъ полагалъ, что мнѣ и ему слѣдуетъ общими силами постараться предупредить могущія возникнуть прерѣканія и недоразумѣнія. Не имѣя основаній отказать Кейзерлингу, я согласился на его предложеніе, и онъ сейчасъ же послалъ звать къ себѣ на домъ всѣхъ церковныхъ попечителей и старшинъ. Но пришелъ только ювелиръ Клерке, непомѣрно-богатый человѣкъ, одинъ изъ важнѣйшихъ попечителей. Объяснивъ ему, насколько важенъ вопросъ, мы потребовали, чтобы онъ велѣлъ отложить объявленіе рѣшенія совѣта по меньшей мѣрѣ на восемь дней, дабы мы въ это время могли вмѣшаться въ дѣло въ качествѣ посредниковъ, а старшины могли бы придти къ полюбовному соглашенію. Клерке, изъ упрямства, не поддался на наши убѣж-

денія. Онъ говорилъ, что Царь еще до назначенія священника разрѣшилъ общинѣ построить церковь, что слѣдовательно община въ дѣйствіяхъ своихъ не связана согласіемъ или несогласіемъ священника, что вообще она не нуждается въ заботахъ постороннихъ лицъ о ея дѣлахъ, что сама она довольно многочисленна, чтобъ брать на свою отвѣтственность принимаемыя ею рѣшенія и т. п. На этомъ мы разстались и пошли въ церковь. Тамъ новый священникъ Штаффенбергъ объявилъ съ проповѣдной каѳедры, что старшины и попечители, прійдя къ соглашенію по вопросу объ апостольскихъ дняхъ, постановили ихъ праздновать, и что впредъ община имѣетъ въ этимъ сообразоваться. Магистръ Рольфъ, раздраженный сдѣланною относительно его несправедливостью, впалъ со своей стороны въ ошибку: въ тотъ же день во время вечерняго богослуженія онъ огласилъ съ проповѣдной каѳедры, что объявленное утромъ его сослужителемъ рѣшеніе совѣта лишено всякой законной силы, такъ какъ при постановленіи его совѣтъ былъ не въ полномъ составѣ, да и среди присутствующихъ не было единогласія, и что на будущее время паства должна съ этимъ сообразоваться. Искра раздора между учителями и членами общины, казалось, готова была разростись въ пожаръ. Впослѣдствіи разборъ этотъ причинилъ немало горя прихожанамъ.

10-го Марта. Въ Россіи право держать кабаки, съ продажею пива, вина, водки, меда и другихъ крѣпкихъ напитковъ, имѣютъ лишь лица уполномоченныя на то Царемъ. Содержатели кабаковъ принимаютъ товаръ отъ Царя или отъ лица, откупившаго кабаки, и отдаютъ въ этомъ товарѣ отчетъ Царю или откупщику, какъ трактирные служители своимъ хозяевамъ. Нынче положеніе это подтверждено новыми болѣе строгими правилами, въ силу которыхъ, между прочимъ, откупщикъ будетъ ежегодно платить Царю лишнихъ 60.000 рублей противъ прежней цѣны.—Сегодня обнародовано также распоряженіе, чтобы на будущее время въ Кремлѣ дома строили исключительно изъ камня, или изъ кирпича, а не изъ лѣса.

Такъ какъ подводъ я все еще не получалъ, то послалъ одного изъ своихъ людей къ вице-канцлеру Шафирову съ вѣжливою просьбою оказать мнѣ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, но къ крайней моей досадѣ только лишній разъ убѣдился, какъ мало въ Россіи вѣжливыхъ людей. Здѣсь даже такія важныя лица, какъ Шафировъ, являются особами весьма грубыми. Шафировъ не посовѣстился сказать моему человѣку то, чего ему и мнѣ лично не слѣдовало бы говорить и отъ чего онъ долженъ былъ бы воздержаться, хотя бы во избѣжаніе сплетень среди прислуги. Сказалъ онъ ему, что я слишкомъ нетерпѣливъ, что онъ, Шафировъ, не мой холопъ и не обязанъ по первому моему

требованію хлопотать о доставкѣ мнѣ подводъ, что я самъ долженъ бы это знать и проч. Въ отвѣтъ на мою вѣжливую просьбу о надлежащихъ съ его стороны приказаніяхъ кому слѣдуетъ, ничего невѣжливѣе нельзя было придумать, тѣмъ болѣе, что я обращался къ нему по долгу службы: инструкція предписывала мнѣ постоянно находиться при Царѣ, а его величество уже нѣсколько дней какъ уѣхалъ; къ тому же, по договору, Русскіе должны были снабжать меня лошадьми.

11-го Марта. Мнѣ открылась наконецъ возможность ѣхать въ Петербургъ; я обязанъ этимъ посредству князя Меньщикова: онъ отдалъ Шафирову приказаніе относительно лошадей, которыя и были приведены ко мнѣ вечеромъ, впрочемъ, такъ поздно, что сегодня я уже не могъ пуститься въ путь.—Англійскій посолъ увѣдомилъ меня, что получилъ отъ королевы Англійской разрѣшеніе отправиться на родину по своимъ домашнимъ дѣламъ.

12-го Марта. Я узналъ, что выданныя мнѣ изъ Приказа подорожныя, для полученія подводъ на ямахъ, дѣйствительны только на разстояніи между Москвою и Тверью, а что для дальнѣйшаго путешествія необходимы другія подорожныя отъ кн. Меньщикова. Сперва подорожныя, выдаваемыя Приказомъ, были дѣйствительны по всей странѣ; но теперь, съ учрежденіемъ въ Россіи губерній, дѣло измѣнилось. Московская губернія кончается, наприм., Тверью, а тамъ начинается губернія, подвѣдомственная кн. Меньщикову, и вотъ, чтобъ не застрять на полдорогѣ, я долженъ заручиться еще подорожною отъ него. Получилъ я ее такъ поздно, что и сегодня вечеромъ не могъ выѣхать.

Дорогою я смѣрилъ версту: она равняется 3414 Датскимъ футамъ, такъ что въ Датской милѣ (считая ее въ 24,000 фут.) 7$\frac{1}{3}$ версты. Въ Новгородѣ меня впустили на царское подворье. Это мрачный кирпичный домикъ, безъ всякой внушительности и пышности. Послѣднее время по причинѣ сильной оттепели я ѣхалъ больше по водѣ, чѣмъ по снѣгу, и потому, чтобы выбраться изъ Новгорода до наступленія совершенной безпутицы, я поспѣшилъ обратиться къ мѣстному коменданту за подводами. Но такъ какъ онъ не заботился о моемъ путешествіи и не принималъ во вниманіе, что мнѣ необходимо спѣшить, то подводъ мнѣ сегодня не доставилъ, чѣмъ и задержалъ меня.

19 Марта. Въ часъ пополудни, послѣ продолжительной бѣготни и розысковъ, подводы были наконецъ приведены. Но нѣкоторыя лошади оказались такъ плохи, что не могли пройти и одной мили; между тѣмъ я долженъ былъ ѣхать на нихъ безъ перемѣны до самаго Петербурга, т. е. около 40 миль. Въ виду этого я воспользовался тѣмъ, что на подворье, гдѣ я стоялъ со своими санями, прибыли другія подводы, и обмѣнилъ четыре своихъ плохихъ лошади на четырехъ

получше, изъ новоприбывшихъ. Это обстоятельство вызвало такое волненіе въ населеніи, что къ 4-мъ часамъ по полудни—времени моего выѣзда—сбѣжалась большая толпа народа, а стража у городскихъ воротъ задержала переднія, самыя тяжелыя мои сани и не хотѣла выпустить ихъ изъ города. Предугадывая, что особой поддержки со стороны коменданта мнѣ не встрѣтить, я предоставилъ моимъ людямъ силою пробиться за городъ чрезъ стражу.

23 Марта. Въ 3 ч. утра достигъ я Дудергофа. Отъ самаго Новгорода и досюда ѣхать было скучно и утомительно. Почти каждыя двѣ мили приходилось кормить измученныхъ лошадей и давать имъ отдыхать. Теперь же снова начало морозить, вслѣдствіе чего лошадямъ стало нѣсколько легче везти. Обыкновенно въ Россіи въ теченіе зимы морозы не прекращаются, такъ что нынѣшняя оттепель представляла исключеніе. Впрочемъ длилась она всего дней семь.

Изъ Дудергофа я выѣхалъ въ 5 ч. пополудни и, сдѣлавъ 17 верстъ, прибылъ въ 9 ч. утра въ Красный Кабакъ (Krasnaya Kabaca). Тутъ находилась стража, отряженная изъ Петербурга для поимки дезертировъ и тѣхъ крестьянъ съ упряжными лошадьми, которые бѣжали съ работъ. Въ Петербургъ, отстоящій отъ Краснаго Кабака на 10 верстъ, прибылъ я въ полдень и по пріѣздѣ тотчасъ же отъявился царю и бесѣдовалъ съ нимъ. Квартиру мнѣ отвели у шаутбинахта графа Jean de Bouzy, командующаго галерами. Помѣщеніе было для меня плохое. Для многихъ изъ моихъ людей я вынужденъ былъ нанимать на собственныя средства квартиры въ разныхъ частяхъ города. Тѣ изъ нихъ, которые жили со мною, ночевали всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Для самого меня ни малѣйшихъ приспособленій сдѣлано не было. Вообще Русскіе не считаютъ себя обязанными заботиться объ удобствахъ помѣщенія иностраннаго посланника и находятъ достаточнымъ отвести ему домъ. Они менѣе предупредительны по отношенію къ чужеземнымъ представителямъ, чѣмъ мы. Царскій посолъ въ Даніи не только выбираетъ себѣ домъ по вкусу, но и самъ входитъ съ домохозяиномъ въ соглашеніе относительно наемной цѣны, которая у насъ, вообще, сравнительно высока *), тогда какъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ Россіи помѣщеніе посланниковъ рѣшительно ничего не стоитъ казнѣ: ибо Царь ограничивается тѣмъ, что приказываетъ отвести такому-то представителю тотъ или другой домъ, и приказаніе это исполняется безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Какъ я узналъ по пріѣздѣ, часть находящихся въ Петербургѣ Русскихъ полковъ нѣсколько дней тому назадъ отбыла на островъ

*) За наемъ дома для Русскаго посла въ Копенгагенѣ платилъ король.

Ритусаръ, гдѣ Царь намѣренъ произвести этимъ полкамъ смотръ передъ уходомъ ихъ въ Финляндію подъ Выборгъ. Предводительствуетъ ими г.-адм. Апраксинъ, котораго сопровождаютъ въ походъ Петербургскій комендантъ г.-м. Брюсъ и г.-м. Birkholtz, родомъ Нѣмецъ. Ритусаръ отстоитъ отъ Петербурга въ 5-ти миляхъ.

Недавно, въ бытность свою въ Москвѣ, Царь возвелъ Ѳ. М. Апраксина въ графское достоинство и назначилъ Азовскимъ г.-губернаторомъ. Въ тоже время вся Россія раздѣлена на 8 губерній, причемъ кн. Меньщиковъ назначенъ г.-губернаторомъ въ Ингерманландію, Салтыковъ въ Смоленскъ, Titi Mikiwitz въ Москву, Голицынъ въ Архангельскъ, Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ въ Казань и Астрахань, Гагаринъ въ Сибирь и, наконецъ, Голицынъ въ Кіевъ.

27 Марта. Царь вернулся съ острова Ритусара. Полки, общею численностію въ 13,000 человѣкъ, имѣя при себѣ 24 пушки и 4 мортиры, въ самый ужасный морозъ, какіе бываютъ только въ Россіи, перешли на Ритусаръ прямо черезъ ледъ съ орудіями и со всѣмъ обозомъ. Всякая другая Европейская армія навѣрное погибла бы при подобномъ переходѣ. Но гдѣ предводителемъ является само счастье, тамъ все удается. Впрочемъ Русскіе такъ выносливы, что съ ними можно совершить то, что̀ для солдатъ другихъ націй невыполнимо.

28 Марта—день рожденія царевича, наслѣдника Русскаго престола. По заведенному порядку, день этотъ Царь отпраздновалъ пиромъ въ Петербургскомъ кружалѣ. На пиру было отъ двухсотъ до трехсотъ лицъ. Они дудѣли, свистѣли, свирѣстѣли, пѣли, кричали, курили и дымили въ присутствіи Царя. Кушанья подавались исключительно рыбныя. Хоть и незваный, я всетаки явился въ кружало потолковать съ Царемъ о различныхъ предметахъ, ибо въ Россіи пиры и обѣды самые удобные случаи для веденія переговоровъ. Тутъ, за стаканомъ вина, по общепринятому, обсуждаются и рѣшаются почти всѣ дѣла. Праздникъ прекратился рано, такъ какъ Царь, по его словамъ, нехорошо себя чувствовалъ.

Царь задался мыслью пройти всѣ ступени военной и морской службы. Въ нынѣшнемъ году, какъ шаутбинахтъ во флотскомъ аріергардѣ, онъ ходатайствовалъ о предоставленіи ему командованія надъ бригантинами и малыми судами. Во всемъ подчиняясь старшимъ офицерамъ, его величество даже является ежедневно за приказаніями и за паролемъ къ в.-адмиралу Корнеліусу Крейцу, вѣдающему всѣми распоряженіями по флоту въ предстоящемъ походѣ подъ Выборгъ. При такой субординаціи, просьба Царя не могла быть исполнена вице-адмираломъ до полученія симъ послѣднимъ соизволенія на нее отъ главнаго начальника въ походѣ, т. е. адмирала. Соизволеніе это наконецъ пришло.

Вотъ его содержаніе: «По полученіи сего, г-нъ в.-адмиралъ имѣетъ предоставить командованіе малыми бригантинами и малыми судами аріеръ-адмиралу дворянину Михайлову (chevalier de Michailow)». Этимъ именемъ, принадлежавшимъ его дѣду, называетъ себя Царь.

29 Марта. Я крестилъ сына у морскаго капитана Сиверса (Siwersen). Царь тоже былъ однимъ изъ крестныхъ отцевъ и самъ держалъ ребенка. На крестинахъ, родинахъ, свадьбахъ, похоронахъ и тому подобныхъ торжествахъ Царь охотно бываетъ у своихъ офицеровъ, въ какомъ бы маломъ чинѣ ни состоялъ тотъ, кто его зоветъ. Это представляетъ значительное удобство для иностранныхъ посланниковъ, такъ какъ имъ никогда не выдается болѣе подходящаго случая говорить съ Царемъ. Иногда, на подобныхъ пирахъ у офицеровъ и у купцевъ, дѣла̀ обсуждаются такъ же успѣшно, какъ на любой тайной конференціи. При дворѣ же, въ противоположность обычаю принятому въ другихъ странахъ, не назначено опредѣленнаго времени для переговоровъ съ Царемъ. Его даже трудно застать до̀ма. Когда онъ хочетъ быть одинъ, придворные скрываютъ, что онъ у себя, и нерѣдко возвращаешься изъ дворца ничего не добившись. Впрочемъ иной разъ встрѣтишь кого-либо изъ царскихъ деньщиковъ или слугъ, дружбу которыхъ успѣлъ пріобрѣсти совмѣстнымъ пьянствомъ и небольшими подарками: тогда деньщикъ этотъ или слуга безъ доклада ведетъ и впускаетъ васъ къ Царю; но если только дорожитъ онъ жизнью, то не осмѣлится сдѣлать это въ дни, когда его величество не желаетъ никого принимать. Однако необходимость видѣться съ Царемъ въ гостяхъ, на пирахъ и пр., дорого обходится здоровью иностранныхъ представителей, ибо на такихъ собраніяхъ ихъ принуждаютъ пить во что̀ бы ни стало.

Сегодня Царь самъ водилъ меня смотрѣть крѣпость и флотъ. Флотъ стоитъ между крѣпостью Петербургомъ и кронверкомъ, заложеннымъ насупротивъ на другомъ островѣ. Для большей ясности въ описаніи мѣстности нахожу нелишнимъ дать слѣдующія указанія. Въ 7 миляхъ отъ С.-Петербурга находится Ладога, большое прѣсноводное озеро, простирающееся въ длину на 300 верстъ (sic); изъ Ладоги вытекаетъ широкая, глубокая и быстрая рѣка, называемая Невою. На озерѣ, на островкѣ, у самаго истока рѣки, стоитъ превосходная крѣпость, называвшаяся прежде Нотебургомъ (Nöteburg). Крѣпость эту Царь взялъ у Шведовъ 12-го Октября 1702 года и переименовалъ въ Шлиссельбургъ. Нева имѣетъ много большихъ пороговъ; она служитъ границею между Финляндіею и Ингерманландіею. Нѣсколько лѣтъ назадъ на Финскомъ ея берегу, въ 6-ти миляхъ отъ Шлиссельбурга, стоялъ фортъ Nieuwenschantz, получившій свое имя отъ рѣки. Фортомъ этимъ Царь овладѣлъ 14 Мая нов. ст. 1703 года и затѣмъ срылъ его. Въ разстояніи прибли-

зительно одной мили отъ Ніеншанца, теченіе Невы образуетъ 70 островов, на которыхъ, за время Шведскаго владѣнія, никто не строился и не селился. Острова эти были покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. На одномъ, находящемся посреди рѣки, Царь, въ томъ же 1703 году, заложилъ сильную, почти неприступную крѣпость С.-Петербургъ, при сооруженіи которой отъ работъ, холода и голода погибло, какъ говорятъ, 60,000 человѣкъ. За Петербургской крѣпостью, на другомъ островѣ, воздвигнуто для обороны рѣки превосходное укрѣпленіе, Кронверкъ. Въ непосредственной близости отъ послѣдняго лежитъ еще островъ, на которомъ находятся лавки Русскихъ купцовъ и домà важнѣйшихъ Русскихъ вельможъ. Противъ крѣпости, еще на особомъ островѣ, подъ Ингерманландскимъ берегомъ расположены домъ Царя и жилища морскихъ офицеровъ. Тутъ же построена адмиралтейская верфь. Отъ верфи рѣка течетъ далѣе на протяженіи 5-ти миль и затѣмъ у острова Ритусара впадаетъ въ Финскій заливъ. Противъ Ритусара, ближе чѣмъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла, стоитъ замокъ Кроншлотъ, заложенный на взморьѣ на глубинѣ 9-ти футовъ. Говорятъ, при постройкѣ его, производившейся среди зимы, погибло отъ холода, морозовъ и изнурительныхъ работъ болѣе 40,000 крестьянъ. Съ описаніемъ острова Ритусара и Кроншлота и съ ихъ относительнымъ положеніемъ можно обстоятельнѣе ознакомиться изъ карты, гравированной, по распоряженію вице-адмирала Корнеліуса Крейца, Генрихомъ Донкеромъ въ Голандіи. Карта эта изображаетъ атаку (Кроншлота), произведенную въ 1705 году Шведами подъ предводительствомъ адмирала Анкерстіерны. На картѣ указана между прочимъ и военная хитрость, къ которой прибѣгъ тогда вице-адмиралъ Крейцъ, чтобъ остановить Шведскій флотъ; ибо флотъ Русскій, состоявшій въ то время лишь изъ нѣсколькихъ небольшихъ легкихъ фрегатовъ и шнявъ да изъ незначительнаго числа галеръ, не былъ въ силахъ ему противостоять. Хитрость заключалась въ томъ, что ночью Крейцъ приказалъ побросать въ море и поставить на якоря поперекъ фарватера извѣстное количество свай, на подобіе палисада. Шведы, имѣвшіе 12 линейныхъ кораблей (не считая фрегатовъ), хотѣли пробиться силою между Кроншлотомъ и островными укрѣпленіями, а затѣмъ сжечь Петербургъ. Но хитрость Русскаго вице-адмирала удалась. Когда на слѣдующій день Шведская эскадра, идя на всѣхъ парусахъ по фарватеру, замѣтила стоящія на якоряхъ сваи, то, побрасопивши реи, поворотила назадъ, вообразивъ, что сваи вбиты въ морское дно и опасаясь крушенія. На самомъ же дѣлѣ Шведы могли безпрепятственно и безъ малѣйшей опасности пройти черезъ нихъ на любой лодкѣ. Полагая слѣдовательно, что атака съ моря невозможна, непріятель высадился на островъ Ритусаръ, примѣрно въ

числѣ 500 человѣкъ. Но Русскіе такъ искусно распорядились своею артилеріею и людьми и такъ хорошо встрѣтили Шведовъ, которымъ сначала предоставили спокойно высадиться, что почти всѣ они были перебиты, или взяты въ плѣнъ; лишь весьма немногимъ удалось спастись въ лодки и шлюбки и вернуться на суда. Послѣ того Шведскій флотъ немедленно ушелъ. Такимъ образомъ съ самаго основанія Петербурга, Царь, при помощи своего небольшаго флота и небольшаго Кроншлотскаго зàмка, съ успѣхомъ оборонялъ отъ Шведовъ доступъ къ городу съ моря, а между тѣмъ ихъ самихъ вынуждалъ содержать въ Финскомъ заливѣ большую эскадру, обходившуюся имъ весьма дорого. Шведы плавали въ морѣ, а Русскіе преспокойно сидѣли въ гавани, весело проводя время за ежедневными пирами и попойками и защищаясь отъ непріятеля безъ особаго напряженія и расходовъ.

30 Марта. Мало того, что Царь любитъ, чтобъ его звали на обѣды, порою онъ и самъ, безъ приглашенія, неожиданно является въ гости. Для этихъ случаевъ надо всегда имѣть въ запасѣ извѣстное количество продовольствія и крѣпкихъ напитковъ. Сегодня Царь явился такимъ образомъ ко мнѣ. Его величество былъ весьма веселъ. Приходя къ кому-либо по приглашенію или безъ зова, Царь остается до поздняго вечера. Тутъ-то представляется отличный случай болтать съ нимъ о чемъ угодно. Не слѣдуетъ, однако, забывать его людей: ихъ должно накормить хорошенько и напоить до пьяна; потому что его величество, когда уходитъ, самъ спрашиваетъ ихъ, давали ли имъ чего-нибудь. Если они изрядно пьяны, то все въ порядкѣ. Царь любитъ также, чтобъ при подобныхъ случаяхъ хозяинъ дѣлалъ его слугамъ подарки: ибо, получая небольшое жалованіе, они вынуждены жить отъ такого рода подачекъ.

1-е Апрѣля. Въ Петербургѣ преступниковъ, приговоренныхъ къ работамъ на галерахъ, насчитывается отъ 1,500 до 2,000; завѣдуетъ ими командующій галерами шаутбинахтъ. Нѣкоторые изъ нихъ изготовили себѣ фальшивые паспорты, чтобъ съ ними бѣжать. Для этого они весьма искусно поддѣлали подпись шаутбинахта и его печать (послѣднюю смастерили изъ свинца), при чемъ въ качествѣ обращика воспользовались печатью и подписью, которыми былъ скрѣпленъ вывѣшенный въ тюрьмѣ регламентъ для заключенныхъ. Но затѣя ихъ открылась, и они были частью повѣшены, частью наказаны кнутомъ. Кнутъ есть особенный бичъ, сдѣланный изъ пергамента и свареный въ молокѣ. Онъ до того твердъ и востръ, что имъ можно рубить какъ мечемъ. Инымъ осужденнымъ скручиваютъ назадъ руки и за руки же, вывихивая ихъ, вздергиваютъ на особаго рода висѣлицу, какія въ старину употреблялись и у насъ; затѣмъ уже сѣкутъ. Это называется

«висячимъ кнутомъ». Палачъ подбѣгаетъ къ осужденному двумя-тремя скачками и бьетъ его по спинѣ, каждымъ ударомъ разсѣкая ему тѣло до костей. Нѣкоторые Русскіе палачи такъ ловко владѣютъ кнутомъ, что могутъ съ трехъ ударовъ убить человѣка до смерти. Вообще же послѣ 50-ти ударовъ рѣдко кто остается живъ. Главнымъ зачинщикамъ въ дѣлѣ изготовленія подложныхъ паспортовъ сломали руки и ноги и положили на колеса (steiler)—зрѣлище возмутительное и ужасное! Въ лѣтнее время люди подвергающіеся этой казни лежатъ живые въ продолженіе четырехъ-пяти дней и болтаютъ другъ съ другомъ. Впрочемъ, зимою сильный морозъ прекращаетъ ихъ жизнь въ болѣе короткій срокъ. Такъ случилось и теперь.

4-го Апрѣля. Изъ арміи, стоящей подъ Выборгомъ, пришло извѣстіе, что Русскіе овладѣли посадомъ Sichenheim и заняли тамъ позицію. Посадъ защищало 2000 человѣкъ Шведовъ; послѣ незначительнаго сопротивленія они были оттѣснены въ Выборгъ, и такимъ образомъ въ настоящее время численность гарнизона въ самой крѣпости возрасла до 5000 человѣкъ. Незадолго до взятія Сихенгейма, Шведскій генералъ Любекеръ ушелъ съ двумя полками въ Швецію.

Въ этотъ же день прибылъ въ Петербургъ Польско-королевскій посланникъ Фицтумъ. Его помѣстили въ одномъ изъ лучшихъ городскихъ домовъ; царскому повару немедленно отданъ приказъ ежедневно готовить для него на 12 человѣкъ за счетъ Царя. Посланнику на тоже число лицъ доставлялось изъ царскаго погреба Венгерское вино и всякіе другіе напитки, такъ что ему ни о чемъ не приходилось заботиться. Подобное гостепріимство Царь оказывалъ Фицтуму во вниманіе къ предупредительности, какую встрѣтилъ въ Саксоніи Русскій царевичъ: ему всячески старались тамъ угодить и предоставили даровое содержаніе. Царь еще отъ того такъ честилъ Фицтума, что знавалъ его въ Польшѣ и что король Польскій весьма любилъ и уважалъ его. Съ другой стороны Фицтумъ, посредствомъ подарковъ, проложилъ себѣ широкій путь къ благоволенію здѣшнихъ министровъ, а в.-канцлеру Шафирову привезъ большой, поразительнаго богатства, украшенный алмазами портретъ Польскаго короля. Какъ только онъ пріѣхалъ, я вмѣстѣ съ нимъ отправился къ его величеству. Никакого предварительнаго доклада о немъ не было, вѣрительную свою грамоту за кабинетною печатью короля Польскаго онъ передалъ Царю безъ соблюденія какого бы то ни было церемоніала, а затѣмъ не имѣлъ болѣе ни торжественной, ни частной аудіенціи. Въ этотъ же день прибылъ изъ Москвы канцлеръ Головкинъ.

6-го Апрѣля. Царь, узнавъ о приходѣ Преображенскаго полка, приказалъ ему остановиться за городомъ, затѣмъ выѣхалъ къ нему

на встрѣчу и самъ, въ качествѣ полковаго командира, обнаживъ шпагу, повелъ его чрезъ весь Петербургъ. При каждой ротѣ полка находилось извѣстное число стрѣльцовъ, вооруженныхъ мушкетонами. Мушкетоны эти стрѣляютъ крупною картечью, снаряды которой изготовляются на подобіе пушечныхъ, заключающихъ чугунную картечь. Когда полкъ переходилъ по льду чрезъ рѣку, онъ построился передъ крѣпостью и салютовалъ ей тремя ружейными залпами. Съ вала отвѣчали тремя пушечными выстрѣлами. Насколько мнѣ извѣстно, въ другихъ странахъ подобнаго обмѣна салютами не бываетъ.

7-го Апрѣля. Я сдѣлалъ визитъ канцлеру графу Головкину. Вечеромъ прибылъ изъ Москвы и вице-канцлеръ баронъ Шафировъ. Въ этотъ же день пріѣхалъ изъ Даніи гонецъ, гофъ-фурьеръ его королевскаго величества, Josef Cardinal въ сопровожденіи подполковника Датской службы Француза Thehillac'a. Гонецъ этотъ привезъ отъ моего всемилостивѣйшаго государя орденъ Слона для князя Меньщикова. Но князь былъ въ отлучкѣ по царскимъ дѣламъ, и его ожидали обратно чрезъ нѣсколько недѣль; а потому, до его возвращенія я сохранилъ орденъ у себя. На слѣдующій день пріѣхали сюда обѣ вдовствующія царицы и три молодыя царевны.

11-го Апрѣля. Пришла вѣсть о несчастной для насъ битвѣ подъ Гельсингборгомъ въ Сканіи: потерявъ много людей и артилеріи, Датчане были разбиты Шведами и обращены въ бѣгство. Свѣдѣнія эти настолько меня опечалили, что я не захотѣлъ выходить изъ дому, въ виду чего Царь, сопутствуемый канцлеромъ и вице-канцлеромъ, лично посѣтилъ меня и хотя самъ принималъ это дѣло близко къ сердцу (чтò ясно сказывалось въ его словахъ, ухваткахъ и пріемахъ), тѣмъ не менѣе утѣшалъ меня, какъ умѣлъ, увѣщевалъ не падать духомъ изъ за одной какой-нибудь неудачи и завѣрялъ, что ни за что не оставитъ моего короля, напротивъ постарается всѣми силами помочь ему въ возмѣщеніи этой потери.

12-го Апрѣля. Мы получили извѣстіе, что послѣ злополучной битвы остаткамъ нашей арміи въ Сканіи посчастливилось благополучно перебраться на Зеландію.—Одинъ мой Русскій знакомый потерялъ жену и въ знакъ печали пересталъ стричь себѣ бороду. Вообще, когда кто-либо попадаетъ въ немилость у Царя или теряетъ любимаго родственника, то въ знакъ горести отпускаетъ бороду, перестаетъ заботиться о своемъ нарядѣ и ничего на себѣ не мѣняетъ.

16-го Апрѣля. Я предъявилъ здѣшнимъ министрамъ одно дѣло отъ имени моего короля. Министры рѣшили вопросъ въ тотъ же день, притомъ въ благопріятномъ для меня смыслѣ, но отвѣтъ дали мнѣ только словесный, письменнаго же подтвержденія я никакъ не могъ

отъ нихъ добиться. Вообще у Русскихъ, при переговорахъ, весьма трудно выманить какое-либо письменное доказательство. Не выдаютъ они его изъ предосторожности, чтобы всегда имѣть лазейку и отговорку на случай перемѣны первоначальнаго своего рѣшенія.

18-го Апрѣля. Гонецъ Josef Cardinal выѣхалъ обратно въ Данію. Онъ повезъ съ собою разныя письма и сообщенія на имя его величества короля.

20-го Апрѣля. По случаю Свѣтлаго Христова Воскресенія, Русскіе встали еще до свѣта, въ часъ или въ два пополуночи, чтобы поѣсть мяса, употребленіе котораго во время поста было имъ возбранено. Въ этотъ день многіе пожираютъ мясо съ такою алчностью, что умираютъ отъ удушья. Подобное обжорство причиняетъ также разнаго рода заболѣванія. Русскіе пошли къ заутрени. Усиленная пальба съ вала изъ всѣхъ орудій, перезвонъ во всѣ колокола и общая радость, довольство и ликованіе привѣтствовали наступленіе дня. Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе при встрѣчахъ другъ съ другомъ всѣ, безъ различія пола, цѣлуются и обмѣниваются крашенными яйцами. Когда, явившись къ Царю утромъ, я поздравилъ его съ праздникомъ, онъ выразилъ желаніе, чтобъ я похристосовался съ нимъ по-русски и самъ сказалъ мнѣ «Христосъ воскресе», затѣмъ мы поцѣловались и обмѣнялись яйцами. Вдовствующимъ царицамъ и каждой изъ царевенъ я также поднесъ по яйцу, причемъ поцѣловалъ у нихъ руку. Въ свою очередь и онѣ, сказавъ «Христосъ воскресе», дали мнѣ по яйцу. Обычай этотъ Русскіе заимствовали у Грековъ, къ Грекамъ же онъ перешелъ отъ первыхъ Христіанъ. Но обычай этотъ, какъ и прочіе древніе христіанскіе обычаи, первоначально установленный изъ благочестія, выродился въ развратъ. Теперь въ Россіи въ день Пасхи всякій простолюдинъ на первомъ, если не на второмъ или не на третьемъ взводѣ; Русскіе пьютъ, обжираются, и съ возгласами: «Христосъ воскресе!» бѣгаютъ и ѣздятъ по улицамъ. Трезваго человѣка не встрѣтишь. Вообще невозможно описать того разгула, шума, пьянства и распутства, среди которыхъпротекаетъ день. Въ 10 часовъ я сопровождалъ Царя въ соборъ на торжественную литургію. Тамъ четыре «попа», обратившись лицемъ одинъ на Востокъ, другой на Западъ, третій на Сѣверъ, четвертый на Югъ, прочли Евангеліе отъ всѣхъ евангелистовъ о воскресеніи Христа. Это означало, что Евангеліе должно проповѣдываться всему міру, на всѣ четыре стороны свѣта. Какъ въ теченіе обѣдни, такъ и по окончаніи ея сдѣлано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Изъ церкви Царь пошелъ въ домъ Петербургскаго оберъ-коменданта Брюса и тамъ пожаловалъ Польскаго посланника Фонъ-Фицтума кавалеромъ ордена св. Андрея—милость, которую онъ

обѣщалъ ему давно, когда еще былъ въ Польшѣ. Церемонія пожалованія была немногосложна: Царь попросилъ Фицтума стать на колѣни, возложилъ на него орденскіе знаки и поднявъ его, поцѣловалъ.

21-го Апрѣля. Поздравляя по случаю праздниковъ Пасхи, Русскіе священники, въ сопровожденіи псаломщиковъ, ходятъ съ крестомъ изъ дома въ домъ и поютъ «Христосъ воскресе». Одинъ пришелъ ко мнѣ. Когда онъ пропѣлъ, я, слѣдуя здѣшнему обыкновенію, поднесъ ему чарку водки; но прежде чѣмъ взять ее, онъ снялъ съ себя епитрахиль, которую отложилъ въ сторону вмѣстѣ съ распятіемъ. Послѣ этого онъ съ удовольствіемъ выпилъ чарку и принялъ отъ меня небольшую наводку (sic), а тамъ опять надѣлъ епитрахиль, захватилъ крестъ и пошелъ себѣ попрошайничать дальше.

Послѣ полудня я позвалъ къ себѣ въ гости Царя и всю его свиту; такъ какъ на Святой всѣ его приглашаютъ, то до прихода ко мнѣ онъ уже посѣтилъ многихъ лицъ и былъ очень пьянъ. Тутъ я убѣдился, что съ его величествомъ весьма опасно бесѣдовать, когда онъ бываетъ выпивши; ибо въ такихъ случаяхъ все что̀ у него на сердцѣ, онъ высказываетъ сразу съ великою горечью. Когда между Царемъ и Фицтумомъ вчера, еще получившимъ отъ него орденъ св. Андрея, разговоръ зашелъ о мирѣ, заключенномъ въ Саксоніи между королемъ Августомъ и королемъ Шведскимъ, Царь выразилъ Фицтуму, какъ онъ недоволенъ поведеніемъ и рѣчами Саксонцевъ, которые-де, въ виду общности религіи, слишкомъ старались угодить Шведамъ.

24-го Апрѣля. Нева вскрылась съ такою быстротою, что въ одно утро фарватеръ совершенно очистился отъ льда. Русскіе съ замѣчательнымъ безстрашіемъ и безразсудною смѣлостію переходятъ Неву въ то время, какъ ледъ уже взламывается; они видятъ это, знаютъ, что ледъ уносится въ одно мгновеніе, и все же идутъ, пока онъ только держится. Самая стража, разставленная по рѣкѣ для предупрежденія несчастій, не можетъ устеречь смѣльчаковъ. Сегодня жертвами подобной отважности были женщина съ ребенкомъ на рукахъ и четверо другихъ людей, унесенные на оторвавшейся льдинѣ; впрочемъ ихъ потомъ спасли. По наблюденіямъ моряковъ, служащихъ въ царскомъ флотѣ, Нева ежегодно вскрывается около 24 Апрѣля (н. с.). Когда еще, вслѣдствіе сильнаго ледохода, не представлялось почти никакой возможности плыть по рѣкѣ, Царь не безъ опасности перешелъ чрезъ нее первый на своемъ Голандскомъ буерѣ. Онъ всегда это дѣлаетъ, если во время вскрытія Невы находится въ Петербургѣ. Его величество благополучно сходилъ въ крѣпость и пришелъ обратно; судномъ управлялъ онъ самъ, дѣлая на немъ всѣ необходимыя распоряженія.

ОБЪ УКРАЙНО-СЛАВЯНСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(изъ бумагъ д. п. голохвастова).

Въ XIII главѣ своихъ воспоминаній (Вѣстникъ Европы № XI, 1891 года) Ѳ. И. Буслаевъ разсказываетъ о томъ, почему графъ Строгоновъ, попечитель Московскаго учебнаго округа, вышелъ въ отставку. По словамъ почтеннаго разскащика дѣло было такъ. „Графъ Строгановъ издавна былъ въ непримиримой враждѣ съ графомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ, и если могъ дѣйствовать въ управленіи университетомъ и учебнымъ округомъ вполнѣ самостоятельно и независимо отъ его министерскихъ предписаній, то лишь благодаря милостивому расположенію, которымъ всегда пользовался со стороны императора Николая Павловича, и всякій разъ сносился съ нимъ лично, когда не соглашался съ распоряженіями министра народнаго просвѣщенія... Въ 1847 году графъ Уваровъ предпринялъ дать нашимъ университетамъ новый уставъ и проектъ этого устава разослалъ ко всѣмъ попечителямъ. Графъ Строгановъ не согласился ни съ однимъ изъ главныхъ положеній новаго устава и свое мнѣніе обстоятельно изложилъ въ письмѣ къ Государю. По обычаю давать мнѣ на просмотръ все болѣе значительное, что писалъ онъ на Русскомъ языкѣ, съ тѣмъ, чтобы я исправилъ вкравшіеся галлицизмы, онъ сообщилъ мнѣ и это письмо къ Государю, а для ясности дѣла приложилъ къ краткой запискѣ главныя положенія устава".

Записка приводится „слово въ слово".

„Министръ народнаго просвѣщенія предложилъ мнѣ передать на разсужденіе Совѣта проектъ, составленный въ слѣдующемъ смыслѣ:

1) Уничтожить переводные въ университетахъ экзамены и репетиціи.

2) Принимать окончившихъ ученіе во всѣхъ гимназіяхъ безъ экзамена.

3) Разбить курсы по семестрамъ.

4) Предоставить выборъ курсовъ на произволъ желающихъ.

5) Принимать въ университетъ два раза въ годъ.

„Находя, по моему разумѣнію, эти положенія разрушительными для настоящаго состоянія вещей, я рѣшаюсь писать Государю".

„Такимъ образомъ, продолжаетъ г. Буслаевъ, новый уставъ провалился. Нестерпимая обида, нанесенная его составителю, вызывала на отмщеніе. Оно не замедлило".

Около этого времени въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ, было напечатано въ переводѣ извѣстное сочиненіе Флетчера о Россіи. Графъ Уваровъ донесъ Государю „о зловредности распространять въ публикѣ сочиненія та-

кого содержанія, какъ повѣствованіе Флетчера о Россіи, и притомъ изданное отъ официальнаго общества, состоящаго при императорскомъ университетѣ. Донесеніе возымѣло полный успѣхъ. По высочайшему повелѣнію графу былъ сдѣланъ выговоръ... Получивъ выговоръ, графъ тотчасъ же вышелъ въ отставку".

Почтенный Ѳ. И. Буслаевъ во время изложенныхъ событій жилъ у графа Строганова и пользовался его близостію, такъ что, повидимому, его разсказъ долженъ заслуживать полнаго довѣрія. Однако, на самомъ дѣлѣ, причины отставки были нѣсколько инаго рода, и ниженапечатанныя бумаги ясно свидѣтельствуютъ, что не исторія съ переводомъ Флетчера побудила графа Сергѣя Григорьевича оставить должность попечителя Московскаго учебнаго округа.

I.

Докладъ графа А. Ѳ. Орлова *).

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «исполнить». 28 Мая 1847 года. Вѣрно: генералъ-лейтенантъ Дубельтъ.

Открытіе Славянскаго или, правильнѣе сказать, Украйно-Славянскаго Общества, началось отъ студента Кіевскаго университета *Алексѣя Петрова*.

Донесеніе Петрова. Этотъ студентъ, занимая квартиру стѣна объ стѣну съ квартирою коллежскаго секретаря *Гулака* и слыша, что собирающіеся у него друзья всегда разсуждаютъ о дѣлахъ государственныхъ, былъ столько расторопенъ, что познакомился съ *Гулакомъ*, показалъ видъ, будто раздѣляетъ его мнѣнія и до такой степени пріобрѣлъ довѣренность, что *Гулакъ* допустилъ его въ свои собранія и открылъ ему о существованіи Общества Св. Кирилла и Меѳодія. Получивъ такимъ образомъ достаточныя свѣдѣнія и видя, что *Гулакъ* отправился въ С.-Петербургъ, а равно и нѣкоторые изъ друзей его выѣхали изъ Кіева, *Петровъ* обо всемъ донесъ своему начальству.

Арестованіе прикосновенныхъ лицъ. Свѣдѣніе объ этомъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ доставилъ 17 Марта; въ тотъ же день *Гулакъ* былъ арестованъ, и дѣло началось производствомъ въ III-мъ Отдѣленіи Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи.

Разсмотрѣніе бумагъ *Гулака* съ перваго раза показало кругъ друзей его и сомнительность ихъ переписки. Немедленно сдѣланы были распоряженія объ арестованіи и отправленіи въ С.-Петербургъ оподозрѣнныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого доставлены: изъ Кіева адъюнктъ-профессоръ университета Св. Владимира *Костомаровъ*, студенты того же университета *Андрузскій* и *Посяда* и художникъ С.-Петербургской

*) Докладъ этотъ, въ спискѣ, приложенъ къ ниженапечатанному письму графа Орлова. П. Б.

Академіи Художествъ *Шевченко*; изъ Варшавы отъѣзжавшій за границу бывшій старшій учитель 5-й С.-Петербургской гимназіи *Кулѣшъ* и сопровождавшій его до границы родственникъ его, бывшій около года учителемъ въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, кандидатъ *Бѣлозерскій*; изъ Полтавы дѣйствительный студентъ Кіевскаго университета *Навроцкій*. Еще потребованы изъ Кіева студентъ *Марковичъ* и изъ за-границы помѣщикъ Полтавской губерніи *Савичъ*.

Сверхъ того, по возникавшему подозрѣнію, были истребованы въ С.-Петербургъ поручики: Новоархангельскаго уланскаго полка *Ашанинъ* и Азовскаго пѣхотнаго полка *Бушенъ*. Также осмотрѣны бумаги въ Кіевѣ студента *Тулуба*, въ С.-Петербургѣ чиновника Министерства Государственныхъ Имуществъ *Иславина* и бывшаго студента Дерптскаго университета *Варадинова*. Но всѣ они совершенно оправдали себя, тотчасъ были освобождены, и приняты мѣры, чтобы невинное ихъ арестованіе не имѣло для нихъ по службѣ непріятныхъ послѣдствій. Еще арестованъ возвращавшійся изъ за границы бывшій адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго университета надворный совѣтникъ *Чижовъ*, который однакоже оказался только Славянофиломъ, поборникомъ Русской народности, въ родѣ Московскихъ ученыхъ, и не имѣлъ никакихъ сношеній съ Украйно-Славянистами. Его откровенное показаніе имѣло послѣдствіемъ то, что ему Высочайше разрѣшено, отстранивъ всѣ идеи и мечты Славянофиловъ, продолжать литературныя занятія, но съ тѣмъ, чтобы онъ свои произведенія, вмѣсто обыкновенной цензуры, представлялъ на предварительное разсмотрѣніе шефа жандармовъ.

Такимъ образомъ опредѣлилось, что лицъ болѣе или менѣе виноватыхъ по дѣлу объ Украйно-Славянистахъ десять: *Гулакъ*, *Бѣлозерскій*, *Костомаровъ*, *Кулѣшъ*, *Шевченко*, *Андрузскій*, *Навроцкій*, *Посяда*, *Марковичъ* и *Савичъ*.

Важность дѣла, представлявшаяся по первоначальнымъ свѣдѣніямъ. Свѣдѣнія, первоначально полученныя и даже открывавшіяся при дальнѣйшемъ развитіи слѣдствія, представляли Украйно-Славянское Общество въ весьма важномъ видѣ, и многія обстоятельства заставляли думать, что Общество имѣло окончательное устройство тайнаго злоумышленнаго дѣла: ибо у *Гулака* найденъ былъ уставъ Общества Св. Кирилла и Меѳодія, изъ правилъ котораго видно, что Украйно-Славянисты предполагали, хотя мирными средствами, преимущественно распространеніемъ образованія, соединить всѣ Славянскія племена и устроить въ нихъ народное представительное правленіе; у нѣкоторыхъ оказались экземпляры рукописи, называемой: «Законъ Божій», «Поднѣстрапка», уже не съ мирными предположеніями, а исполненные ре-

волюціонныхъ и коммунистическихъ правилъ, съ возмутительными воззваніями къ племенамъ Славянскимъ; у многихъ найдены стихи *Шевченки*, въ высшей степени дерзкаго и возмутительнаго содержанія, и другія рукописи болѣе или менѣе подобныя первымъ. Самыя письма арестованныхъ лицъ, даже тамъ, гдѣ можно предполагать предметъ ученый или литературный, затемнены двусмысленными, напыщенными и вообще чрезвычайно-сомнительными выраженіями. При томъ же *Петровъ* и *Андрузскій* въ своемъ показаніи объясняли Украйно-Славянское Общество, какъ дѣло прямо революціонное. Изъ нихъ первый утверждалъ, что *Гулакъ* предполагалъ разными средствами приготовлять и потомъ возбудить Славянскія племена къ возстанію противъ верховныхъ властей; говорилъ, что при этомъ общество будетъ дѣйствовать миролюбно въ отношеніи къ Августѣйшему дому, но если необходимость потребуетъ, то должно будетъ пожертвовать и Царскою фамиліею.

Вслѣдствіе таковыхъ свѣдѣній состоялось Высочайшее повелѣніе о полномъ подчиненіи, на время, Кіевскаго Учебнаго Округа въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской генералъ-адъютанту Бибикову, а III-е Отдѣленіе обратило наивеличайшее вниманіе на производство дѣла объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ.

Слѣдствіемъ открыто. Хотя *Гулакъ* показалъ необыкновенное упорство и, ничего не открывая, отзывался только однимъ, что связанъ честнымъ словомъ, кому-то имъ даннымъ; но другіе (*Бѣлозерскій* и впослѣдствіи *Костомаровъ*) объявили всѣ свои преступленія столь откровенно, что нѣтъ причины сомнѣваться, чтобы они скрыли что-либо имъ извѣстное; равно и прочіе болѣе или менѣе пояснили дѣло, такъ что оно можетъ считаться вполнѣ обнаруженнымъ. Сколь ни важна въ разныхъ отношеніяхъ вина прикосновенныхъ лицъ, но собственно политическое зло, къ счастію, еще не успѣло развиться до той степени, какъ представлялось по первоначальнымъ свѣдѣніямъ. Доносы и первыя свѣдѣнія, какъ всегда бываетъ, преувеличивали важность, и дѣло оказалось въ видѣ менѣе опасномъ.

Украйно-Славянское Общество. Украйно-Славянское Общество существовало, но только нѣсколько мѣсяцевъ, въ исходѣ 1845-го и началѣ 1846 года, между тремя лицами *Гулакомъ*, *Бѣлозерскимъ* и *Костомаровымъ*. Нѣкоторые изъ нихъ называли его Обществомъ Св. Кирилла и Меѳодія и носили кольца во имя сихъ святыхъ. Трудно опредѣлить, кто первый задумалъ общество, ибо всѣ они равно преданы были Славянскимъ идеямъ, побуждая другъ друга къ дѣятельности; но мысль называть общество во имя Св. Кирилла и Меѳодія, равно имѣть кольца или образа сихъ святыхъ, произошла отъ Костомарова.

По словамъ *Бѣлозерскаго* и *Костомарова*, цѣль ихъ общества состояла въ соединенiи Славянскихъ племенъ; но они полагали соединить племена подъ скипетромъ Вашего Императорскаго Величества. Не касаясь до настоящаго образа правленiя въ Россiи, они желали только, чтобы имѣющiя присоединиться къ намъ иноземныя Славянскiя племена устроены были по примѣру Царства Польскаго. Имъ казалось, что Ваше Величество, по силѣ духа Вашего, одни можете совершить это великое дѣло; но сомнѣваясь, чтобы Ваше Величество, занятые внутреннимъ благоустройствомъ государства, соизволили принять участiе въ этомъ предпрiятiи, они надѣялись достигнуть соединенiя Славянъ своими средствами.

Средства эти должны были ограничиваться слѣдующими мѣрами: воодушевленiемъ Славянскихъ племенъ къ уваженiю собственной ихъ народности, изгнанiемъ изъ нравовъ ихъ всего иноземнаго, уничтоженiемъ вражды и водворенiемъ согласiя между ими, склоненiемъ ихъ къ исповѣданiю одной Православной вѣры, заведенiемъ училищъ и изданiемъ книгъ для простаго народа. Они полагали, что Славянскiя племена, этими мирными средствами, были бы доведены до того, что въ послѣдствiи сами слились бы въ одно цѣлое. Но цѣль Украйно-Славянистовъ, при такихъ средствахъ, была бы достигнута не прежде какъ чрезъ сотни или тысячи лѣтъ (это ихъ собственныя слова).

Вскорѣ *Гулакъ*, *Костомаровъ* и *Бѣлозерскiй* сами увидѣли, что теоретическiя предположенiя ихъ не сообразны съ практическимъ ходомъ дѣлъ, и что идеи ихъ были только ученыя мечты. Поэтому они въ половинѣ 1846 года прекратили свои занятiя, перестали называть кругъ свой обществомъ, положили заниматься изученiемъ исторiи и языковъ Славянскихъ, какъ наукою, безъ всякой политической цѣли. Общество тѣмъ болѣе не возобновлялось, что *Бѣлозерскiй* вскорѣ послѣ того отправился на службу въ Полтаву, а въ Генварѣ 1847 года и *Гулакъ* выѣхалъ въ Петербургъ.

Изъ этого видно, что Украйно-Славянское Общество существовало только нѣсколько мѣсяцевъ и во время самаго развитiя своего состояло только изъ трехъ лицъ: *Гулака*, *Бѣлозерскаго* и *Костомарова*; ибо если другiе сближались съ ними и слышали объ обществѣ, то единственно или по знакомству, или по сходству ученыхъ занятiй, безъ всякихъ прямыхъ отношенiй къ обществу.

Бѣлозерскiй и *Костомаровъ* увѣряютъ, что въ предположенiяхъ, даже въ мысляхъ ихъ никогда не было ни народныхъ потрясенiй, ни возмущенiй, ни преобразованiя законныхъ властей въ Россiи, а тѣмъ менѣе какихъ-либо вооруженныхъ дѣйствiй. *Костомаровъ* утвердилъ это и на очной ставкѣ, не смотря на то, что *Петровъ* доказывалъ ре-

волюціонное направленіе Украйно-Славянистовъ. Особенно *Бѣлозерскій* заслуживаетъ довѣрія; ибо онъ столько показалъ благородства и откровенности, что безъ сомнѣнія не скрылъ бы, если бы въ предположеніяхъ ихъ имѣли мѣсто революціонныя идеи. Быть можетъ, *Петровъ* подобно *Андрузскому*, нѣсколько увеличилъ дѣло въ своемъ донесеніи, какъ по молодости лѣтъ своихъ, такъ и потому, что сужденія, происходившія у *Гулака*, онъ слышалъ частію изъ-за стѣны, и слѣдовательно могъ ошибочно понять мысль разговоровъ. Но не менѣе того, судя по твердости показаній *Петрова*, я увѣренъ, что у Украйно-Славянистовъ много было пустыхъ и неосторожныхъ сужденій.

Одинъ *Гулакъ* оставался лицемъ чрезвычайно - сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что, если бы преступленіе его было не важнѣе того, какъ описываютъ *Петровъ*, *Бѣлозерскій* и *Костомаровъ*, то невозможно объяснить, отъ чего онъ съ такимъ упорствомъ не хотѣлъ отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы и даже на очныхъ ставкахъ не сознавался, когда видѣлъ, что товарищи его сознались. Должно предполагать, что *Гулакъ*, отдѣльно отъ нихъ, въ душѣ своей хранилъ такія преступныя мысли, которыя не были извѣстны его товарищамъ, и во всякомъ случаѣ вѣроятно, что человѣкъ съ такимъ характеромъ, какъ онъ, не остановился бы на мирныхъ средствахъ, если бы тайныя помышленія его могли совершиться. Но впослѣдствіи и *Гулакъ* сознался въ справедливости сдѣланныхъ на него показаній и даже приписываетъ себѣ сочиненіе рукописи: «Законъ Божій» и «Устава Славянскаго Общества». При этомъ, однакоже, онъ отвергаетъ сдѣланное на него показаніе студентомъ *Петровымъ* и увѣряетъ, что въ его присутствіи никогда не упоминалъ о царской фамиліи. Показаніе *Гулака* о сочиненной имъ рукописи: «Законъ Божій» ложно: ибо рукопись эта существовала въ 1833 году, т. е. въ то время, когда *Гулакъ* былъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Сомнительно и показаніе его на счетъ сочиненія имъ «Устава Славянскаго Общества», потому что это сочиненіе приписываетъ себѣ и *Бѣлозерскій*, которому, по его откровенности, должно дать вѣры болѣе, нежели скрытному *Гулаку*.

Возмутительныя рукописи. Далѣе сознался *Бѣлозерскій*, что «Уставъ Славянскаго Общества» былъ имъ сочиненъ, по примѣру уставовъ учено-литературныхъ обществъ у Чеховъ, Лужичанъ и Сербовъ, и что онъ же написалъ рукопись, которую можно назвать объясненіемъ уставу; а *Костомаровъ*, что онъ, получивъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ отъ служившаго въ Кавказскомъ корпусѣ офицера *Хмѣльницкаго* рукопись «Законъ Божій или Поднѣстранка», переписалъ ее въ двухъ экземплярахъ. *Бѣлозерскій* присовокупилъ, что Уставъ и къ нему объясненіе онъ составилъ еще бывши студентомъ, въ лѣта ран-

ней юности, когда въ головѣ его бродили неустановившіяся идеи, но потомъ бросилъ эти рукописи и болѣе не вспоминалъ о нихъ. Равно и *Костомаровъ* говоритъ, что рукопись «Законъ Божій» въ первый разъ онъ списалъ изъ одного желанія собирать рѣдкости, а во второй потому, что нашелъ въ ней сходство съ «Пилигримкою» *Мицкевича* и хотѣлъ сравнить ихъ. Дѣйствительно, рукопись «Законъ Божій» есть ничто иное, какъ передѣлка книги *Мицкевича*; передѣлка же въ томъ состоитъ, что въ «Пилигримкѣ» все принаровлено къ Польшѣ, а въ «Законѣ Божіемъ» къ Малороссіи. *Костомаровъ* полагаетъ, что эта передѣлка произведена Поляками, которые вскорѣ послѣ мятежа думали возстановить и Малороссіянъ. Но при этомъ случаѣ оба, и *Бѣлозерскій*, и *Костомаровъ*, рѣшительно утверждаютъ, что ни Уставъ, ни объясненіе къ оному, ни рукопись «Законъ Божій», а равно и никакія другія, находившіяся у нихъ бумаги, никогда не были основаніемъ или правилами бывшаго Украйно-Славянскаго Общества.

Сверхъ того, генералъ-адъютантъ Бибиковъ доставилъ двѣ печатныя книги стихотвореній *Костомарова* на Малороссійскомъ языкѣ, «Украинскія баллады» и «Вѣтка», обращающія на себя вниманіе мыслями о прежнихъ набѣгахъ казаковъ и гетманцевъ, подобными помѣщеннымъ въ книгахъ *Кулѣша*, о которыхъ будетъ объяснено ниже.

Лица приближавшіяся къ Украйно-Славянскому Обществу. Нѣкоторыя лица не принадлежали къ Украйно-Славянскому Обществу, но по сходству занятій или по знакомству сближались съ учредителями общества и знали о немъ. Сюда относятся *Навроцкій*, *Андрузскій* и *Посяда*. *Навроцкій* состоитъ въ родствѣ съ *Гулакомъ* и въ продолженіи года жилъ у него на квартирѣ, а потому не могъ не знать объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ и предположеніяхъ Славянистовъ; но онъ, по словамъ Костомарова, входилъ въ кругъ ихъ, такъ сказать физически и, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній въ Славянофильствѣ, не могъ принимать въ немъ участія ни умственно, ни сердечно. Между тѣмъ *Навроцкій* въ показаніяхъ своихъ рѣшительно не сознается ни въ знаніи объ обществѣ, ни въ передачѣ *Бѣлозерскому* рукописи «Законъ Божій», ни въ чтеніи стихотворенія *Шевченки* «Сонъ». Хотя на очной ставкѣ *Петровъ* и *Бѣлозерскій* столь сильно уличали *Навроцкаго*, что онъ не могъ болѣе отзываться совершеннымъ невѣдѣніемъ и сознался въ чтеніи «Сна», но относительно «Закона Божія» остался при своемъ запирательствѣ, которое онъ какъ бы перенялъ отъ родственника своего *Гулака*.

Андрузскій, имѣющій отъ роду 19 лѣтъ, показываетъ по уму и характеру всѣ признаки дѣтства. Онъ сочинилъ стихи возмутительнаго содержанія и проекты о государственномъ преобразованіи въ Рос-

сіи; въ этихъ проектахъ переходилъ отъ мысли къ мысли: то допускалъ императорскую власть въ настоящей ея силѣ, то ограничивалъ, то предполагалъ вовсе ее уничтожить. Точно такимъ же *Андрузскій* является и въ своихъ показаніяхъ. Въ первыхъ словесныхъ и темныхъ отвѣтахъ онъ многихъ назвалъ членами Украйно-Славянскаго Общества, иныхъ даже представителями и большею частію говорилъ о нихъ какъ личный свидѣтель; на очныхъ же ставкахъ мягчилъ и ограничивалъ прежнія свои показанія, иныя вовсе отвергалъ или прямо сознавался, что ошибся, и что не видѣлъ того, о чемъ прежде объявлялъ какъ очевидецъ. Мучимый раскаяніемъ, *Андрузскій*, послѣ очныхъ ставокъ, подалъ объясненіе, искренно сознаваясь, что онъ въ прежнихъ показаніяхъ выводилъ заключенія свои изъ одннхъ слуховъ, изъ разговоровъ студентовъ и изъ собственныхъ соображеній, считалъ всякаго занимающагося древними изысканіями и каждаго Малороссіянина, любящаго свою родину, принадлежащими къ Украйно-Славянскому Обществу, тогда какъ самъ не зналъ ни о томъ, существуетъ ли это общество, ни о преступленіяхъ тѣхъ лицъ, которыхъ оговаривалъ.

Посяда, по всей видимости, вовсе не принадлежалъ къ Украйно-Славянскому Обществу, и хотя прежде показывалъ, что отъ *Гулака*, *Костомарова* и *Навроцкаго* слышалъ о составлявшемся обществѣ, но послѣ очныхъ ставокъ, подобно *Андрузскому*, пояснилъ, что и онъ ничего не слышалъ объ обществѣ, а прежде говорилъ объ этомъ ошибочно, потому, что писалъ свое показаніе въ смущеніи и въ болѣзненномъ состояніи. Если можно считать *Посяду* виновнымъ, то въ томъ только, что онъ въ найденныхъ у него запискахъ, которыхъ впрочемъ никому не показывалъ, выражалъ плачъ о бѣдственномъ, будто бы, положеніи Малороссіи и въ грубыхъ словахъ описывалъ обращеніе недостойныхъ помѣщиковъ съ крестьянами.

Лица виновныя въ преступленіяхъ отдѣльныхъ отъ Украйно-Славянскаго Общества. Двое, *Шевченко* и *Кулѣшъ*, оказались также не принадлежащими къ Украйно-Славянскому Обществу, но они виноваты по своимъ собственнымъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ.

Шевченко, вмѣсто того, чтобы вѣчно питать благоговѣйныя чувства къ особамъ Августѣйшей фамиліи, удостоившимъ выкупить его изъ крѣпостнаго состоянія, сочинялъ стихи, на Малороссійскомъ языкѣ, самаго возмутительнаго содержанія. Въ нихъ онъ то выражалъ плачъ о мнимомъ порабощеніи и бѣдствіяхъ Украйны, то возглашалъ о славѣ гетманскаго правленія и прежней вольницѣ казачества, то съ невѣроятною дерзостію изливалъ клеветы и желчь на особъ Императорскаго дома, забывая въ нихъ личныхъ своихъ благодѣтелей. Сверхъ того, что все запрещенное увлекаетъ людей съ слабымъ характеромъ, *Шев-*

ченко пріобрѣлъ между друзьями своими славу знаменитаго Малороссійскаго писателя, а потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны. Съ любимыми стихами въ Малороссіи могли посѣяться и впослѣдствіи укорениться мысли о мнимомъ блаженствѣ временъ гетманщины, о счастіи возвратить эти времена и о возможности Украйнѣ существовать въ видѣ отдѣльнаго государства. Судя по тому чрезмѣрному уваженію, которое питали и лично къ *Шевченкѣ*, и къ его стихотвореніямъ всѣ Украйно-Славянисты, сначала казалось, что онъ могъ быть если не дѣйствующимъ лицомъ между ними, то орудіемъ, которымъ они хотѣли воспользоваться въ своихъ замыслахъ; но съ одной стороны эти замыслы были не столь важны, какъ представлялось при первомъ взглядѣ, а съ другой и *Шевченко* началъ писать свои возмутительныя сочиненія еще съ 1837 года, когда Славянскія идеи не занимали Кіевскихъ ученыхъ; равно и все дѣло доказываетъ, что *Шевченко* не принадлежалъ къ Украйно-Славянскому Обществу, а дѣйствовалъ отдѣльно, увлекаясь собственною испорченностію. Тѣмъ не менѣе, по возмутительному духу и дерзости, выходящей изъ всякихъ предѣловъ, онъ долженъ быть признаваемъ однимъ изъ важныхъ преступниковъ.

Вина *Кулѣша*, также не принадлежавшаго къ Украйно-Славянскому Обществу, въ нѣкоторой степени сходна съ преступленіемъ *Шевченки*. Любя пламенно свою родину, Малороссію, онъ въ напечатанныхъ имъ книгахъ съ восторгомъ описывалъ духъ прежняго казачества, наѣзды гайдамаковъ изображалъ въ видѣ рыцарства, представлялъ исторію этого народа едва ли не знаменитѣе всѣхъ исторій, славу его показывалъ всемірною, приводилъ пѣсни Украинскія, въ которыхъ выражается любовь къ вольности, намекая, что этотъ духъ не простылъ и доселѣ таится въ Малороссіянахъ; описывалъ распоряженія императора Петра I-го и преемниковъ его въ видѣ угнетеній и подавленія правъ народныхъ. Книги *Кулѣша* могли бы производить почти тоже впечатлѣніе на Малороссіянъ, какъ и стихи *Шевченки*, тѣмъ болѣе, что сочинены для дѣтей старшаго возраста. Разница между ими состоитъ въ томъ, что *Кулѣшъ* выражалъ свои мнѣнія всегда съ приличіемъ и, увлекаясь любовію къ родинѣ, вовсе не предполагалъ, что эти мнѣнія его могутъ быть приняты или истолкованы въ дурномъ смыслѣ. Когда указали *Кулѣшу* на двусмысленныя мѣста въ его книгахъ, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что мысли его дѣсйтвительно могли произвести вредныя послѣдствія. *Кулѣшъ* вполнѣ понимаетъ, что, сколько бы ни любилъ родины своей, Украйны, онъ обязанъ быть еще болѣе преданнымъ отечеству, Россіи, и увѣряетъ, что никогда не думалъ иначе, что, выражая любовь къ родинѣ, онъ и не помыш-

лялъ смущать или колебать вѣрноподданность ея къ престолу Вашего Императорскаго Величества.

Общіе выводы. Обозрѣніе всѣхъ обстоятельствъ приводитъ къ слѣдующимъ убѣжденіямъ. Украйно-Славянское Общество св. Кирилла и Меѳодія было не болѣе какъ ученый бредъ трехъ молодыхъ людей. Учредители его: *Гулакъ*, *Бѣлозерскій* и *Костомаровъ*, по самому положенію ученыхъ людей въ свѣтѣ, конечно были бы не въ состояніи вовлечь въ свое общество военныхъ или народъ, ни сдѣлаться скорою причиною возстанія. Но вредъ отъ нихъ могъ произойти медленный и тѣмъ болѣе опасный. Бывъ при воспитаніи юношества, они имѣли случай посѣевать въ возрастающемъ поколѣніи испорченность и приготовлять будущія неустройства. Къ счастію, зло еще не созрѣло, частію уничтожилось само собою, а остальное предотвращено распоряженіями правительства.

Дѣло сіе производилось со всею строгостію, и можно быть увѣреннымъ, что оно вполнѣ изслѣдовано, что слѣдовъ Украйно-Славянскаго Общества не осталось, и что съ арестованіемъ *Шевченки* и *Кулѣша* ограничены наиболѣе дѣйствовавшіе и Украйнофилы, чего однакоже нельзя сказать вообще о Славянофилахъ, о чемъ будетъ особенный представленъ всеподданнѣйшій докладъ (ибо до Славянофиловъ настоящее дѣло не касалось и не должно было касаться).

Относительно же лицъ прикосновенныхъ къ дѣлу Украйно-Славянскаго Общества, было бы удобнѣе подвергнуть ихъ наказанію безъ суда, но не сохраняя въ тайнѣ рѣшенія дѣла, дабы всѣмъ извѣстно было, какую участь приготовили себѣ тѣ, которые занимались Славянствомъ въ духѣ, противномъ нашему правительству, и дабы отвратить другихъ Славянофиловъ отъ подобнаго направленія.

Рѣшеніе дѣла. Всеподданнѣйше докладывая о семъ Вашему Императорскому Величеству, я нахожу, что настоящее дѣло можетъ быть рѣшено нынѣ, не ожидая доставленія изъ Кіева студента *Марковича* и изъ-за границы помѣщика *Савича*, тѣмъ болѣе, что они не были участниками Украйно-Славянскаго Общества и, вѣроятно, суть только Украйнофилы, слѣдовательно дѣло о нихъ можетъ быть произведено и докончено отдѣльно. Входя же въ смыслъ желаній Вашего Императорскаго Величества, всегда направленныхъ къ Высочайшему милосердію, и принимая во вниманіе молодость прикосновенныхъ лицъ (изъ нихъ только *Костомарову* 28 и *Гулаку* 25, а прочимъ не болѣе какъ отъ 19 до 23-хъ лѣтъ) и, такъ сказать, дѣтство ихъ замысловъ, я полагалъ бы ограничиться слѣдующимъ:

1) Коллежскаго секретаря *Гулака*, какъ главнаго руководителя Украйно-Славянскаго Общества, въ началѣ и долго запиравшагося въ

своихъ преступныхъ замыслахъ, а еще болѣе какъ человѣка, способнаго на всякое вредное для правительства предпріятіе, заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость на три года и потомъ отправить его въ отдаленную губернію подъ строжайшій надзоръ.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «Буде исправится въ образѣ мыслей». Вѣрно: ген.-лейт. Дубельтъ.

2) Коллежскаго ассесора *Костомарова*, участвовавшаго въ Украйно-Славянскомъ Обществѣ, придумавшаго кольцо и названіе Обществу св. Кирилла и Меѳодія, давшаго ходъ преступной рукописи: «Законъ Божій» и хотя впослѣдствіи откровенно сознавшагося, но тѣмъ болѣе виновнаго, что онъ былъ старѣе всѣхъ по лѣтамъ, а по званію профессора обязанъ былъ отвращать молодыхъ людей отъ дурнаго направленія: заключить въ крѣпость на одинъ годъ, а послѣ того отправить въ одну изъ отдаленныхъ Великороссійскихъ губерній на службу, но никакъ не по ученой части, съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «Въ Вятскую губернію». Вѣрно: ген.-лейт. Дубельтъ.

3) Кандидата 10-го класса *Бѣлозерскаго*, также участвовавшаго въ Украйно-Славянскомъ Обществѣ, составившаго Уставъ Общества и преступную рукопись въ объясненіе этого устава, въ уваженіе того, что онъ прекратилъ связи съ Кіевскими Славянистами еще въ половинѣ 1846 года, при допросахъ съ перваго раза сознался во всемъ и съ искреннѣйшимъ раскаяніемъ далъ точное и положительное свѣдѣніе объ Обществѣ, заключить въ крѣпость на четыре мѣсяца и потомъ опредѣлить въ гражданскую службу, но внѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не лишая преимуществъ, прежде пріобрѣтенныхъ, и съ тѣмъ, чтобы начальство имѣло за нимъ наблюденіе. Въ службу его опредѣлить или въ С.-Петербургѣ, или въ одной изъ Великороссійскихъ губерній, но отнюдь не въ Малороссіи, доколѣ не докажетъ довѣренности своего образа мыслей усердною службою и степеннымъ поведеніемъ. Не могу умолчать, что *Бѣлозерскій* обладаетъ большими способностями; а потому слѣдуетъ имѣть его въ виду для употребленія на службу тамъ, гдѣ онъ можетъ быть наиболѣе полезенъ, особенно когда будетъ въ виду высшаго начальства.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «За откровенность прямо на службу въ Олонецкую губернію подъ надзоръ». Вѣрно: ген.-лейт. Дубельтъ.

4) Художника *Шевченку*, за сочиненіе возмутительныхъ и въ высшей степени дерзкихъ стихотвореній, какъ одареннаго крѣпкимъ

тѣлосложеніемъ, опредѣлить рядовымъ въ Оренбургскій отдѣльный корпусъ, съ правомъ выслуги, поручивъ начальству имѣть строжайшее наблюденіе, дабы отъ него, ни подъ какимъ видомъ, не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «Подъ строжайшій надзоръ съ запрещеніемъ писать и рисовать». Вѣрно: ген.-лейт. Дубельтъ.

5) 9-го класса *Кулѣша*, неумѣреннаго въ неправильныхъ понятіяхъ о Малороссіи, во вниманіе къ тому, что онъ съ ужасомъ видитъ тотъ вредъ, который могъ произойти отъ его сочиненій и показываетъ искреннее сожалѣніе о прежнемъ своемъ заблужденіи, происходившемъ отъ избытка любви къ своей родинѣ, заключить въ крѣпость на четыре мѣсяца и потомъ отправить въ одну изъ отдаленныхъ Великороссійскихъ губерній на службу, но никакъ не по ученой части, съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора, не увольняя его ни въ Малороссію, ни за границу, и съ тѣмъ, чтобы цензура обращала строжайшее вниманіе на его сочиненія, если онъ будетъ писать ихъ отдѣльно или въ журналахъ.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «Запретить писать и на службу въ Вологду». Вѣрно: ген.-лейт. Дубельтъ.

6) Студента *Андрузскаго*, который сочинялъ возмутительные стихи и проекты о государственномъ преобразованіи, доходя въ нихъ до республиканскихъ мыслей, и сдѣлалъ сначала многія ложныя показанія, въ уваженіе того, что слишкомъ молодъ и лѣтами, и душою, искренно повинился въ своихъ преступленіяхъ, хотя является пылкимъ Украйнофиломъ, говоря, что онъ никогда не отступится ни отъ Малороссійскаго языка, ни отъ любви къ своей родинѣ, отправить для окончанія курса въ Казанскій университетъ, а потомъ опредѣлить на службу въ Великороссійскія губерніи, съ учрежденіемъ за нимъ, и во время ученія, и потомъ на службѣ, строгаго надзора и не увольнять въ Малороссію.

7) Дѣйствительнаго студента 12-го класса *Навроцкаго*, виновнаго не столько по сближенію съ Украйно-Славянистами, сколько по упорству въ несознаніи, выдержать шесть мѣсяцевъ на гауптвахтѣ и потомъ опредѣлить на службу въ одну изъ отдаленныхъ Великороссійскихъ губерній, съ учрежденіемъ надъ нимъ строгаго надзора.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «Въ Вятку». Вѣрно: ген.-лейт. Дубельтъ.

8) Студенту *Посядѣ*, писавшему въ преувеличенномъ видѣ о бѣдствіи Малороссійскихъ крестьянъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе

подъ арестомъ, отправить въ Казанскій университетъ для окончанія курса наукъ, а потомъ опредѣлить на службу въ Великороссійской губерніи.

9) Напечатанныя сочиненія *Шевченки* «Кобзарь», *Кулѣша* «Повѣсть объ Украинскомъ народѣ», «Украйна», и «Михайло Чернышенко», и *Костомарова* «Украинскія балады» и «Вѣтка» запретить и изъять изъ продажи.

10) Цензорамъ, дозволившимъ печатать сочиненія *Костомарова, Кулѣша* и *Шевченки*, сдѣлать строгій выговоръ, съ тѣмъ, чтобы это не лишало ихъ никакихъ правъ службою пріобрѣтенныхъ, какъ людей отлично аттестованныхъ и сдѣлавшихъ ошибку болѣе по неосмотрительности, нежели по умышленію, и сверхъ того повелѣть министру народнаго просвѣщенія, чтобъ предписывалъ вообще цензорамъ обращать на труды литературные болѣе строгое вниманіе.

11) Генералъ-адъютантамъ Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во ввѣренныхъ имъ губерніямъ, не остались-ли въ обращеніи стихотворенія *Шевченки*, рукопись «Законъ Божій» и другія возмутительныя сочиненія, также не питаютъ ли мысли о прежней вольницѣ, гетманщинѣ и о правахъ на отдѣльное существованіе, чтобы обращали вниманіе на тѣхъ, которые особенно занимаются Малороссійскими древностями, исторіей и литературою, и старались бы прекращать въ этой области наукъ всякое злоупотребленіе, но самымъ незамѣтнымъ и осторожнымъ образомъ, безъ явныхъ преслѣдованій и сколь возможно не раздражая уроженцевъ Малороссіи.

12) Студента *Петрова*, который доставилъ правительству возможность открыть Украйно-Славянское Общество и прекратить зло въ самомъ началѣ, опредѣлить сверхъ штата въ III-е Отдѣленіе Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи, съ правами дѣйствительнаго студента, выдержавшаго экзаменъ, выдавъ ему на обмундированіе пятьсотъ рублей сер., съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлано было ему приличное денежное вспомоществованіе, смотря по степени его усердія къ службѣ. Сверхъ того, матери его, получающей пенсіи вмѣстѣ съ дѣтьми 100 рублей серебромъ, увеличить эту пенсію до двухъ сотъ серебромъ въ годъ.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано карандашемъ: «Да». Вѣрно: ген.-лейт. Дубельтъ.

*

Испрашивая разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества на приведеніе моего мнѣнія въ должное исполненіе, всеподданнѣйше присовокупляю, что счастливое обнаруженіе онаго въ самомъ корнѣ конечно упрочитъ на десятки лѣтъ то спокойствіе въ Малороссіи,

которое тамъ могло быть нарушено. Подписалъ: Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ. Скрѣпилъ: Управляющій Отдѣленіемъ генералъ-лейтенантъ Дубельтъ.

26 Мая 1847 года.

II.

30 Мая—29 Іюля 1847.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Канцелярія министра, 27 Мая 1847. № 688-й.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

По Высочайшему повелѣнію.

Въ концѣ прошлаго столѣтія родилась между соплеменными намъ народами на Западѣ, именно въ Богеміи, мысль, что всѣ народы Славянскаго происхожденія, разсѣянные по Европѣ и подвластные разнымъ скипетрамъ, должны когда либо слиться въ одно цѣлое и составить государство Славянское. Эта мысль мало по малу овладѣла всѣми вѣтвями Славянскаго племени въ Европѣ, сперва въ литературномъ, потомъ и въ политическомъ смыслѣ.

Отъ этого движенія повсюду между народами Славянскаго происхожденія усилилось стремленіе къ изученію языковъ, древностей и всѣхъ памятниковъ Славянскихъ племенъ; но, къ сожалѣнію, это развитіе отдѣльныхъ вѣтвей Славянскихъ недолго оставалось въ мирныхъ предѣлахъ науки: скоро подпало оно искаженію, частію отъ вліянія общихъ тревожныхъ идей политическихъ, частію отъ возбужденныхъ предразсудковъ религіозныхъ, частію и отъ собственныхъ недоразумѣній каждаго племени. Европейское понятіе о Славянствѣ раздробилось уже на столько же вѣтвей, сколько находится отдѣльныхъ земель. Названіе Славянства, драгоцѣнное для восьмидесяти миліоновъ, раздѣленныхъ на многіе народы, занимающихъ безмѣрное пространство земли, по языку своему помнящихъ единое происхожденіе и древнее родство, какъ оказывается нынѣ, употребляется во зло подъ личиною чистаго братства.

Эти идеи Запада о Славянствѣ естественно тяготѣютъ къ Россіи, какъ средоточію племенъ Славянскихъ; потому что и въ языкѣ Русскихъ, и въ вѣрѣ, и въ законахъ дышетъ и бодрствуетъ древнее начало народной жизни, отъ различныхъ судебъ историческихъ давно умершее въ другихъ Славянскихъ народахъ. Но и у насъ Западныя понятія могутъ увлечь людей пылкихъ и не прозрѣвающихъ опасности своихъ мечтаній.

Для охраненія преподавателей, принадлежащихъ къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, долженствующихъ проливать въ юные умы учащихся благотворный свѣтъ истинныхъ, полезныхъ

знаній и чувство любви къ престолу и вѣрѣ, отъ вреднаго вліянія разрушительныхъ началъ, почитаю священнымъ долгомъ, съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, изложить значеніе *народнаго начала* въ видахъ правительства и мысли о семъ важномъ современномъ вопросѣ передать вашему сіятельству для конфиденціальнаго сообщенія ихъ преподавателямъ, цензорамъ и нѣкоторымъ изъ членовъ ученыхъ обществъ, въ вѣдомствѣ Московскаго университета состоящимъ, въ кругъ занятій коихъ входятъ преимущественно словесность и исторія отечественная.

Вопросъ о Славянствѣ въ отношеніи къ намъ представляетъ двѣ стороны: одну, которую злонамѣренные могутъ употребить на возбужденіе умовъ и распространеніе опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержитъ въ себѣ святыню нашихъ вѣрованій, нашей самобытности, нашего народнаго духа, въ предѣлахъ законнаго развитія имѣющую неоспоримое право на попеченіе правительства. Русское Славянство въ чистотѣ своей должно выражать безусловную приверженность къ православію и самодержавію; но все, что̀ выходитъ изъ этихъ предѣловъ, есть примѣсь чуждыхъ понятій, игра фантазіи или личина, подъ которою злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытію этого начала мы обязаны ближайшимъ знакомствомъ съ Церковно-Славянскимъ языкомъ, на которомъ чтеніе Священнаго Писанія, недавно чуждое высшимъ слоямъ общества, нынѣ понятно юному поколѣнію, одолжены знакомствомъ и съ другими Славянскими нарѣчіями, полезнымъ и необходимымъ для ученыхъ изслѣдованій языка отечественнаго. Этимъ же направленіемъ главнѣйшіе памятники нашей древней Славяно-русской словесности вышли изъ забвенія, и множество актовъ и документовъ, служащихъ къ разысканіямъ историческимъ, обнародовано на иждивеніе правительства.

Но этому Славянству Русскому, нами во всей чистотѣ принимаемому, должна быть чужда всякая примѣсь политическихъ идей; тогда остальнымъ началомъ, въ немъ сокровеннымъ, будетъ наше государственное начало, на которомъ непоколебимо стоятъ тронъ и алтарь, собственно *Русское* начало, *Русскій* духъ, наша святыня.

Въ этомъ Славянствѣ мы, Русскіе, должны искать своего народнаго начала, источника и народнаго просвѣщенія. Каждый народъ, въ періодѣ самобытности своей, вмѣщаетъ въ себѣ два элемента: общій наслѣдственный отъ народа-родоначальника, исчезающаго въ поколѣніяхъ, и частный, составляющій *личность* народа. Общій элементъ въ насъ есть родовой, Славянскій, частный—нашъ, собственный Русскій. Посредствомъ личности своей каждый народъ развиваетъ въ

жизни человѣчества особую мысль Провидѣнія и содѣйствуетъ исполненію благихъ Его предначертаній. Такъ всѣ Славянскія государства были въ свое время славны и могущественны, и всѣ, какъ бы по очереди, пали: Моравія, Болгарія, Сербія, Померанія, Чехія, Кроація, Славонія, Далмація, Боснія, Польша. Многіе Славяне даже потеряли языкъ свой вмѣстѣ съ воспоминаніями о прежней самобытности: въ Помераніи, Мекленбургѣ, Саксоніи и въ другихъ странахъ Германіи Славянское нарѣчіе вытѣснено Нѣмецкимъ, въ Мореѣ—Греческимъ, въ Венгріи—Маджарскимъ. Этимъ Славянамъ, утратившимъ значеніе свое, свойственно съ сожалѣніемъ вспоминать славное прошедшее. Но Россія, по волѣ Провидѣнія, выдержала удары судебъ и пріобрѣла *самобытность*; претерпѣвъ многоразличныя, долговременныя бѣдствія, внутреннія и внѣшнія, она одна возносится надъ могилами единородныхъ государствъ и своею собственною личностью представляетъ безпримѣрную исторію по необъятности владѣній, многочисленности обитателей и могуществу народнаго духа, благоговѣйно преданная своей вѣрѣ, своему государю, сохранившая свой языкъ, знаменіе народнаго ума, народныхъ доблестей, народнаго чувства. Тогда какъ прочіе Славянскіе народы, въ изнеможеніи своемъ отъ чуждаго владычества, еще гордятся общимъ Славянскимъ происхожденіемъ, Россія, не помрачившая славы предковъ, славна своими народными доблестями, славна и прошедшимъ, и настоящимъ.

Итакъ, независимо отъ общаго Славянства, въ дѣйствительности не существующаго, а измѣнившагося въ нѣсколькихъ Славянскихъ племенахъ, мы должны слѣдовать за своими судьбами, свыше намъ указанными, и въ своемъ родномъ началѣ, въ своей личности народной, въ своей вѣрѣ, преданности къ престолу, въ языкѣ, словесности, въ исторіи, въ своихъ законахъ, нравахъ и обычаяхъ, мы обязаны утвердить живительное начало Русскаго ума, Русскихъ доблестей, Русскаго чувства. Вотъ искомое *начало народное*, и не *Славяно-Русское*, а *чисто-Русское*, непоколебимое въ своемъ основаніи, собственно наша *народность*. Великій преобразователь Россіи не все вновь въ ней создалъ: стихіи для его творенія уже были приготовлены вѣнценосными его предшественниками. Могучею волею Петръ I-й совершилъ въ свое царствованіе то, для чего потребны столѣтія; но онъ совершилъ то, до чего народы достигаютъ и въ постепенномъ своемъ развитіи. Какія слѣдствія его преобразованій? Мы, оставаясь Русскими по духу и сердцу, сравнились съ Европейцами въ образованности. Ломоносовъ для пересозданія слова Русскаго тамъ же искалъ сокровищъ науки, гдѣ Петръ Великій находилъ ихъ для пересозданія государства. Чегожъ намъ ожидать отъ соплеменныхъ народовъ? Отвѣтъ

мы находимъ въ исторіи и прошедшей, и современной. Святая Русь бѣдствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престолъ и вѣру, одна подвигалась твердымъ и быстрымъ шагомъ на поприщѣ гражданскаго своего развитія; одна ополчалась противъ двадцати народовъ, вторгнувшихся въ ея предѣлы съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ. Все, что имѣемъ мы на Руси, принадлежитъ намъ однимъ, безъ участія другихъ Славянскихъ народовъ, нынѣ простирающихъ къ намъ руки и молящихъ о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по разсчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма.

Съ такимъ воззрѣніемъ на нашу народность я обращаю слово преимущественно къ тѣмъ преподавателямъ, которымъ досталось обработывать на ученомъ поприщѣ участокъ славный, но и трудный— Русскій языкъ и Русскую словесность, съ прочими соплеменными нарѣчіями, какъ вспомогательными средствами для народнаго языка, Русскую исторію, исторію Русскаго законодательства. Имъ предпочтительно предъ другими принадлежитъ возбужденіе духа отечественнаго не изъ Славянства, игрою фантазіи созданнаго, а изъ начала Русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ. Преподаватели, слѣдуя видамъ правительства и научая ввѣренное имъ юношество тому или другому предмету, да поучаютъ его и впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этимъ способомъ будущіе члены общества составятъ одну великую семью съ одинакими мыслями, съ одинакою волею, съ одинакимъ чувствомъ.

Таково воззрѣніе правительства на Славянство вообще и на Славянство въ отношеніи къ Россіи, таковы мысли о *началѣ народномъ* и *народности*, источникѣ народнаго просвѣщенія, коими слѣдуетъ руководствоваться при направленіи умовъ учащагося юношества.

Московскій университетъ, старый блюститель отечественнаго языка, въ сердцѣ Россіи, предъ стѣнами священнаго Кремля, свидѣтеля и бѣдствій, и радостей народныхъ, въ особенности долженъ показать пламенное усердіе въ развитіи Русскаго просвѣщенія изъ Русскаго начала нашей народности. Разливая на учащихся свѣтъ истинныхъ, полезныхъ знаній объ отечественной исторіи и словесности, объ отечественныхъ законахъ и преданіяхъ, университетъ, безъ сомнѣнія, истребитъ вліяніемъ своимъ необдуманные порывы нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его питомцевъ, отдѣлившихъ себя отъ общихъ историческихъ мнѣній не столько по какому либо убѣжденію, сколько по легкомыслію и добродушной мечтательности. Не славнѣе ли для насъ имя Русскаго, то знаменитое наше имя, которое съ основанія государства

нашего повторялось и повторяется миліонами народа въ жизни общественной? Да слышится въ университетахъ имя Русскаго, какъ слышится оно въ Русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ воображаемаго Славянства, сохранилъ вѣру отцовъ нашихъ, языкъ, нравы, обычаи, всю народность.

Я не скрываю предъ собою, что вышеупомянутыя уклоненія отъ прямаго пути науки возможны, но въ тоже время я увѣренъ и имѣлъ счастіе всеподданнѣйше выразить Всемилостивѣйшему Государю Императору увѣреніе, что учащіе и учащіеся, принадлежащіе къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, оправдаютъ ожиданія и надежды монаршія, и это увѣреніе, съ полнымъ убѣжденіемъ въ точности его исполненія, передаю въ настоящемъ случаѣ самимъ дѣлателямъ на ученомъ поприщѣ.

Богъ намъ да поможетъ въ великомъ дѣлѣ *народнаго просвѣщенія*, отъ котораго зависятъ *настоящее* и *будущее Россіи*!

Въ заключеніе я долженъ присовокупить, что это открытое и положительное изложеніе видовъ правительства въ дѣлѣ о началахъ Русскаго просвѣщенія безъ сомнѣнія возбудитъ во всѣхъ благонамѣренныхъ стремленіе, по мѣрѣ силъ, оправдать довѣренность правительства и употребить всѣ старанія къ сохраненію духа учащагося юношества отъ соблазна понятій намъ непріязненныхъ и вредныхъ. Между тѣмъ правительство, слѣдя неослабно развитіе сего важнаго по обстоятельствамъ дѣла, тогда только было бы вынуждено обратиться къ мѣрамъ другаго рода, когда ожиданіе его могло бы оказаться тщетнымъ, и мѣры кротости и довѣрія не достигли бы благой его цѣли.

Ваше сіятельство не оставите обращать особое вниманіе на содержаніе сего предписанія и повременно доносить мнѣ о наблюденіяхъ вашихъ по вышеизложеннымъ предметамъ, равно какъ и о распоряженіяхъ, кои, по мѣстнымъ соображеніямъ, могли бы въ послѣдствіи оказаться полезными.

Министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ. Директоръ В. Комовскій.

III.

Письмо графа С. С. Уварова къ графу С. Г. Строганову.

(Получено) 30 mai 1847 à 11 heures du soir.

Monsieur le comte.

En adressant à votre excellence l'office ci-joint, dont la teneur par son importance mérite une attention particulière, je crois de mon devoir d'ajouter confidentiellement quelques lignes, afin de vous faire

connaître que de graves motifs ont provoqué de la part du gouvernement la déclaration de principes énoncées dans l'annexe. La question à laquelle elle se rattache est d'une nature trop délicate et trop compliquée, pour qu'il ne soit pas indispensable de faire connaître nettement les vues dont Sa Majesté est animée et la voie que sa sagesse a tracée, voie également éloignée de toutes les opinions extrêmes. Il s'agit de consolider le principe en le préservant des abus, qui pourraient se glisser dans l' imagination de la jeunesse facilement entraînée par les apparences.

Dans cette vue, bien que l'office, que je vous adresse par ordre de Sa Majesté soit confidentiel de sa nature, je trouve nécessaire d'autoriser votre excellence à en faire connaître textuellement et sans réserve le contenu, à toutes les personnes mentionneés dans l'office même et qui doivent se tenir pour averties. Je vous engage donc à convoquer une séance extraordinaire du Conseil de l'Université, dans laquelle en votre présence vous ferez lire l'office en question; c'est ainsi que l'on procedera ici et ailleurs. Aux censeurs, qui ne sont pas proffesseurs, on pourrait en faire connaître la teneur en les appelant chez vous. Quant aux membres des sociétes savantes, il s'entend de soi-même qu'il s'agit de celles qui ont un caractere historique ou littéraire et que votre excellence aura à faire le choix des membres, qui par leur influence personnelle sur l'opinion peuvent éclairer celle des autres et que vous voudrez appeler à cet acte de confiance et d'estime. Je laisse du reste à votre prudence le soin de donner à cette sorte de demi-publicité les formes que vous jugerez nécessaires, et je me plais à croire qu'en saisissant exactement le point de vue exposé dans l'office vous ne manquerez pas de concourir au succés de ses mesures essentiellement *préventives* et dont le but est d'écarter toute nécessité de recourir plus tard à des mesures d'une autre nature, qui répugneraient aux sentiments paternels de Notre Auguste Maître.

Veuillez, monsieur le comte, agréer l'assurance de ma considération distinguée. C-te Ouvaroff.

S-t Pétersbourg. Ce 27 mai 1847.

Переводъ. Графъ. Посылая вашему сіятельству прилагаемую служебную бумагу, содержаніе которой по своему значенію заслуживаетъ особеннаго вниманія, считаю долгомъ довѣрительно присоединить къ ней нѣсколько строкъ, чтобы поставить васъ въ извѣстность о важныхъ поводахъ,

побудившихъ правительство къ заявленію его началъ, какъ они выражены въ этой бумагѣ. Предметъ, къ которому она относится, очень тонкаго свойства и очень сложенъ, и потому необходимо нужно заявить прямо, какъ намѣренія, коими Его Величество одушевленъ, такъ и путь, предначертанный его мудростью и одинаково далекій отъ всякихъ крайнихъ мнѣній. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы упрочить идею и предостеречь отъ злоупотребленій, на каковыя могло бы соблазниться юношество, легко увлекаемое воображеніемъ къ принятію видимостей за сущность.

Вотъ почему, хотя бумага, съ которою, по приказанію Его Величества, я къ вамъ обращаюсь, свойства довѣрительнаго, но мною найдено нужнымъ уполномочить ваше сіятельство, чтобы вы буквально и безъ выпусковъ познакомили съ нею всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя въ ней упомянуты и которые должны знать, что они предупреждены. Итакъ, предлагаю вамъ созвать чрезвычайное засѣданіе Университетскаго Совѣта и приказать, чтобъ бумага эта прочтена была въ вашемъ присутствіи; такъ будетъ сдѣлано здѣсь и въ другихъ мѣстахъ [1]). Цензоровъ, которые не профессора, можно будетъ призвать къ себѣ и сообщить содержаніе бумаги [2]). Что касается до членовъ ученыхъ обществъ—здѣсь конечно, разумѣются общества, занятія которыхъ относятся до исторіи или до словесности—то ваше сіятельство сами выберете лицъ, которыя личнымъ своимъ вліяніемъ могутъ подѣйствовать на мнѣніе своихъ сочленовъ и которымъ вы заблагоразсудите оказать это довѣріе и уваженіе. Впрочемъ, предоставляю вашему благоразумію придать этой полугласительности такой видъ, какой вы найдете нужнымъ. Мнѣ пріятно думать, что, усвоивъ себѣ смыслъ этой служебной бумаги, вы не преминете содѣйствовать успѣху мѣръ, которыя, въ сущности, *предупредительны* и принимаются съ тою цѣлью, чтобы устранена была всякая возможность прибѣгать потомъ къ мѣрамъ другаго свойства, каковыя были бы непріятны отеческому чувству нашего августѣйшаго Государя. Примите, графъ, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи. Графъ Уваровъ.

С.-Петербургъ, 27 Мая 1847.

IV.

Отвѣтъ графа С. Г. Строганова графу Уварову.

Секретно.

16 Іюля 1847.

Господину министру народнаго просвѣщенія.

Отношеніемъ вашего сіятельства отъ 27 Мая, за № 688, сообщены мнѣ изложенныя вами и одобренныя Государемъ Императоромъ мысли о важномъ современномъ вопросѣ народнаго начала. Если бы мнѣ въ одно время съ ними объявлено было Высочайшее повелѣніе о

---

[1]) Изо всѣхъ университетовъ пришли извѣстія о томъ, что приказаніе министра исполнено, кромѣ Московскаго, о чемъ графъ Уваровъ и долженъ былъ доложить Государю. П. Б.

[2]) Читатели помнятъ, что въ царствованіе Николая Павловича мѣсто цензора поручалось людямъ большой начитанности и что большинство цензоровъ было изъ профессоровъ. П. Б.

передачѣ вашего голоса ученому сословію Московскаго университета въ томъ видѣ, въ какомъ оно было указано мнѣ въ частномъ Французскомъ письмѣ вашего сіятельства, то я не преминулъ бы донести о томъ Его Императорскому Величеству и всеподданнѣйше представить ему мое собственное мнѣніе объ этомъ странномъ и необычномъ у насъ способѣ касаться двусмысленными и неопредѣленными выраженіями до столь важнаго и щекотливаго вопроса. Но какъ отношеніемъ вашего сіятельства мнѣ предоставлено конфиденціально передать лицамъ, въ кругъ занятій коихъ входятъ преимущественно словесность и отечественная исторія, положительное изложеніе видовъ правительства о началахъ Русскаго просвѣщенія, то я усумнился придерживаться строгому смыслу этого предложенія и дѣйствовалъ по сдѣланнымъ мнѣ указаніямъ или, лучше сказать, продолжалъ дѣйствовать такъ какъ мнѣ казалось полезнымъ для блага ввѣреннаго мнѣ университета еще съ тѣхъ поръ, какъ ваше сіятельство объявили мнѣ (16 Іюня 1842 г. за № 793), что вопросъ о Славянской пропагандѣ далеко выходитъ изъ предѣловъ вашего вѣдомства.

Въ будущемъ, не оставляя обращать особенное вниманіе на этотъ важный, но не новый для меня вопросъ, я буду руководствоваться для собственнаго своего уразумѣнія содержаніемъ предложенія вашего сіятельства. Въ настоящее время я ограничиваюсь одною всепокорнѣйшею просьбою: сообщить мнѣ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и замыслахъ людей обратившихъ на себя вниманіе правительства въ дѣлѣ Славянства. Безъ этихъ данныхъ, я въ предстоящемъ случаѣ могу затрудниться въ основаніи собственнаго своего мнѣнія и тѣмъ менѣе направлять мнѣніе другихъ; ибо вашему сіятельству небезъизвѣстно, что инструкціи и письменные наказы столько же безсильны въ управленіи людскими мнѣніями, сколько и оффиціальные министерскіе циркуляры. Къ этому считаю необходимымъ присовокупить, что я медлилъ отвѣтомъ вслѣдствіе ожиданія дальнѣйшихъ сообщеній по сему предмету.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа графъ Строгановъ *).

---

*) Человѣкъ близкій къ графу Уварову передавалъ намъ, что Государь приказалъ шефу жандармовъ съѣздить къ министру народнаго просвѣщенія и помирить его съ непокорнымъ попечителемъ. Графъ Орловъ давно зналъ графа Уварова и говорилъ ему *ты*. «Что̀ за охота тебѣ съ нимъ препираться?»—«Да высокомѣріе этого человѣка не знаетъ предѣловъ; онъ пображаетъ, что родъ ихъ значительнѣе даже рода Романовыхъ». Слова эти конечно были доложены. Надо припомнить, что за годъ передъ тѣмъ, 1 Іюля 1846 года, Уварову дано графство, главнѣйше за успѣшное введеніе Русскаго языка въ училищахъ Царства Польскаго (куда онъ для того каждый годъ ѣздилъ). П. Б.

V.

Письмо графа А. Ѳ. Орлова къ графу С. Г. Строганову.

Весьма секретно.

3 Августа 1847 (получено).

III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Въ Стрѣльнѣ, 28 Іюля 1847. № 1269-й.

Милостивый государь графъ Сергій Григорьевичъ.

Государь Императоръ, прочитавъ донесеніе вашего сіятельства къ министру народнаго просвѣщенія отъ 11 Іюля № 16 *), изволилъ признать оное въ высшей степени неприличнымъ и несоотвѣтствующимъ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ обязанъ находиться подчиненный къ своему начальнику. Его Величество Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ возвратить къ вамъ означенное, при семъ прилагаемое, донесеніе ваше, поставивъ вамъ на видъ, что вы никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не должны были выходить изъ надлежащаго уваженія къ вашему начальнику; а съ тѣмъ вмѣстѣ вмѣнить вамъ въ обязанность, чтобы вы немедленно исполнили данное вамъ г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Уваровымъ и предварительно одобренное Его Императорскимъ Величествомъ циркулярное предписаніе о Славянофилахъ.

Обращаясь за тѣмъ къ желанію вашего сіятельства видѣть тѣ мѣста въ сочиненіи Костомарова «Украинскія Баллады», за которыя цензору Снегиреву опредѣлено было сдѣлать выговоръ, я, съ Высочайшаго соизволенія, долгомъ считаю препроводить къ вамъ копію съ отношенія ко мнѣ г. генералъ-адъютанта Бибикова, въ которомъ изложены упомянутыя мѣста и изъ котораго вы усмотрите, что сочиненія Костомарова были введеніемъ къ преступнымъ мыслямъ и дѣйствіямъ Украйнофиловъ; но какъ эти мысли развились въ сильной степени уже впослѣдствіи, и Снегиревъ, разсматривавшій книгу Костомарова за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, не могъ предвидѣть приготовлявшагося преступленія, то Его Императорское Величество, въ чувствѣ всегдашней своей справедливости, удостоилъ изъявить Высочайшую волю, чтобы Снегиреву не былъ объявленъ выговоръ, а только объяснить ему вышеозначенныя мѣста, показывающія, какія мысли правительство находитъ вредными, и дабы онъ на будущее время не впалъ въ подобное заблужденіе.

Чтò же касается до желанія вашего имѣть свѣдѣніе о ходѣ всего дѣла, то какъ оное производилось подъ собственнымъ непосредственнымъ наблюденіемъ Государя Императора и слѣдовательно не подле-

*) Это донесеніе намъ неизвѣстно. П. Б.

жало бы, въ порядкѣ службы, удовлетворенію; но Монаршее милосердіе въ этомъ дѣлѣ было столь велико, что я нахожу не только возможнымъ, но даже полезнымъ препроводить копіи съ обоихъ моихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ даже ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ, дабы всѣ они и цензоры вѣдали, чего надлежитъ остерегаться, и потому и къ вамъ милостивый государь, препровождаю копію съ доклада объ Украйно-Славянскомъ обществѣ*); другую же копію, собственно о Славянахъ, вы уже отъ меня получили при письмѣ моемъ отъ 30-го Мая.

Въ заключеніе долгомъ считаю присовокупить, что Государь Императоръ, какъ вы можете усмотрѣть изъ хода этого дѣла, соизволилъ повелѣть сообщить вамъ о вышеизложенномъ не черезъ г. статсъ-секретаря Танѣева и даже не черезъ непосредственнаго вашего начальника, г. министра народнаго просвѣщенія, но черезъ меня, единственно изъ уваженія къ особѣ вашей и той извѣстной преданности, которую вы всегда питали къ Его Императорскому Величеству.

Примите, ваше сіятельство, увѣреніе въ чувствахъ моего отличнаго уваженія и преданности. Графъ Орловъ.

VI.

Всеподданнѣйшее письмо графа С. Г. Строганова.

Копія.

Ваше Императорское Величество!

Одно только сознаніе, что служеніе мое въ званіи попечителя Московскаго Учебнаго Округа не безполезно отечеству дало мнѣ силы на исполненіе, въ продолженіи 12 лѣтъ, всегда священной для меня воли Вашего Величества. Но это время довело меня до зрѣлаго убѣжденія, что понятія мои о службѣ Вашего Величества не могутъ сблизиться съ понятіями о ней министра народнаго просвѣщенія.

Опасаясь, что, при постоянномъ состязаніи съ графомъ Уваровымъ, я легко могу преступить границы указанныя мнѣ служебными отношеніями, и не чувствуя себя способнымъ оставаться безгласнымъ исполнителемъ его направленій, я прибѣгаю къ Вашему Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшею просьбою уволить меня отъ должности попечителя Московскаго Учебнаго Округа и дозволить, оставаясь при другихъ занимаемыхъ мѣстахъ, продолжить еще на нѣкоторое время пребываніе мое въ Москвѣ, гдѣ удерживаетъ меня воспитаніе дѣтей моихъ.

3 Ноября 1847.

*) См. выше, стр. 335—347. П. Б.

VII.

Копія съ копіи.

Указъ Правительствующему Сенату.

Нашего генералъ-адъютанта, генералъ-лейтенанта графа Строганова 1-го всемилостивѣйше увольняемъ, согласно его прошенію, отъ должности попечителя Московскаго Учебнаго Округа и отъ всѣхъ обязанностей по учебной части, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, присутствующаго въ Правительствующемъ Сенатѣ и при прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Николай».

На подлинной копіи подписалъ: «Съ копіею вѣрно, директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія П. Гаевскій».

Царское Село.
20 Ноября 1847 года *).

*

Внимательные читатели сами оцѣнятъ важность вышепомѣщенныхъ бумагъ, за сообщеніе которыхъ они обязаны благодарностью Павлу Дмитріевичу Голохвастову, старшему сыну бывшаго попечителя Московскаго Учебнаго Округа Дмитрія Павловича Голохвастова, который много лѣтъ служилъ помощникомъ графа С. Г. Строганова и, сдѣлавшись его преемникомъ, тоже не вынесъ новыхъ порядковъ, затѣянныхъ графомъ Уваровымъ, и скончался 29 Декабря 1850 года. Это былъ человѣкъ, достоинства котораго оцѣниваются потомствомъ. Онъ не любилъ щеголять ими, и многіе изъ современниковъ сторонились отъ его наружной чопорности. Обширное образованіе, отличное знаніе Русской исторіи, трудолюбіе и дѣловитость его были извѣстны немногимъ. Имъ составленъ былъ Университетскій Уставъ 1835 года, тотъ твердый уставъ, въ который, къ изумленію графа Уварова, Николай Павловичъ включилъ каѳедру Славянскихъ нарѣчій и отступленія отъ котораго, начатыя еще самимъ графомъ Уваровымъ, такъ гибельно отозвались въ дальнѣйшемъ ходѣ Русскаго просвѣщенія. Мы уже имѣли случай («Р. Архивъ» 1889, II, 398) указывать на то, что главный нервъ внутренняго управленія Россіи находился въ Третьемъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи, равно и на необходимость, при обиліи и противорѣчивости законовъ, какъ непосредственнаго общенія Государя съ его подданными, такъ и надзора за чиновничествомъ. Преемникъ графа Бенкендорфа, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ взялся за эту должность неохотно и лишь въ опасеніи, что она будетъ поручена графу Клейнмихелю. Главнымъ лицемъ сдѣлался Л. В. Дубельтъ (Испанецъ по происхожденію), котораго графъ Бенкендорфъ держалъ въ полномъ подчиненіи (у насъ было въ рукахъ письмо

---

*) Переводъ Флетчера помѣщенъ въ 1-й книжкѣ Чтеній Общества Исторіи и Древностей 1848 года (засѣданіе 12 Іюня 1848). Исторія запрещенія этой книжки произошла, когда графъ Строгановъ уже не былъ попечителемъ, а только предсѣдателемъ этого Общества. Эта исторія уже была дѣломъ мести. П. Б.

Дубельта къ его начальнику съ подписью *вашего сiятельства нижайшiй рабъ*). Воспитанникъ аббата Мангена, министръ народнаго просвѣщенiя, по кончинѣ графа Бенкендорфа, очутился безъ поддержки. Между тѣмъ, черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, сильное влiянiе возымѣли у насъ, въ виду начинавшагося въ Западной Европѣ политическаго броженiя, нашептыванiя Меттерниха. Покойный графъ Блудовъ неоднократно передавалъ намъ, что именно изъ Вѣны приходили напугиванiя Украино- и Славянофильствомъ; а дочь его, графиня Антонина Дмитрiевна, позднѣе подружившаяся съ Н. И. Костомаровымъ (вѣдь онъ первый заговорилъ о братствѣ свв. Кирилла и Меѳодiя) бывало, подшучивая надъ его непрiязнью къ временамъ Николаевскимъ, утверждала, что собственно потерпѣлъ онъ отъ Меттерниха. Еще Пушкинъ говаривалъ, что у насъ, какъ въ королевской Францiи, за шалости принца, въ наглядное назиданiе, сѣкутъ пажа. Читая вышепомѣщенныя бумаги, съ грустью повторяешь: «къ чему гибель сiя бысть?»

Чтò касается до отношенiй между достославными попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа и его министромъ, то при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ ихъ характерами становится понятною ихъ взаимная вражда. По словамъ покойнаго С. М. Соловьева, эти отношенiя обострились вслѣдствiе близости министра къ мачихѣ графа Строганова, Испанкѣ (ур. Д'Ега), той самой, которая въ день кончины Пушкина, запискою, посланною къ графу Бенкендорфу изъ самой квартиры Пушкина, потребовала присылки жандармскихъ чиновниковъ, яко бы въ охраненiе вдовы отъ безпрестанно приходившихъ (поклониться покойнику) студентовъ *). Въ послѣднiе годы своей жизни, графъ С. Г. Строгановъ неоднократно передавалъ пишущему эти строки и другимъ про первое представленiе свое Николаю Павловичу по увольненiи отъ должности попечителя. «Однакоже, какое ты письмо написалъ въ отвѣтъ? Вѣдь онъ былъ твой начальникъ!»—«Во первыхъ, разстоянiе между попечителемъ и министромъ еще не особенно большое; а во вторыхъ, Вашему Величеству лучше другихъ извѣстно, чтò за человѣкъ мой бывшiй начальникъ».—«И то правда, и то правда!» сказалъ Государь и пожалъ вѣрному слугѣ своему руку.

Графъ Строгановъ простился съ Московскимъ Университетомъ слѣдующими строками:

«Совѣту Императорскаго Московскаго Университета. Оставляя нынѣ Московскiй Университетъ, я чувствую потребность выразить искреннюю благодарность мою всему почтенному сословiю профессоровъ за оказанное ими въ продолженiи служенiя моего съ ними содѣйствiе во всемъ, чтò касалось до блага Университета, при этомъ только содѣйствiе можно было стройно развить всѣ части ввѣреннаго намъ управленiя. Смѣю надѣяться, если нѣкоторымъ казался я иногда взыскательнымъ по службѣ, что, извиняя меня, нынѣ всѣ признàютъ, что, ревнуя одной пользѣ Университета, я не измѣнилъ ни чести, ни славѣ его. Во всю жизнь я буду гордиться этими 12-ю годами, проведенными

---

*) Слышано отъ свидѣтельницы, княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской. Эта записка возмутила негодованiемъ друзей поэта. П. Б.

мною какъ среди семьи въ Московскомъ Университетѣ и считаю себя счастливымъ, что, благодаря Монаршей довѣренности, мнѣ суждено было внести свое имя въ лѣтописи древнѣйшаго изъ Россійскихъ университетовъ, столько совершившаго уже въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія, отъ котораго отечество такъ много ожидаетъ въ будущемъ. 24 Ноября 1847».

Положеніе графа Уварова послѣ этой исторіи быстро начало никнуть. Императрица Александра Θеодоровна не измѣнялась въ своей къ нему милости; но по утрамъ ѣздить во дворецъ съ докладами онъ могъ уже только по необходимости и съ тревогою. Въ 1849 году скончалась его супруга, вскорѣ потомъ постигъ его первый ударъ паралича, и онъ вышелъ въ отставку. Остальныя шесть лѣтъ жизни провелъ онъ большею частью въ Москвѣ и въ своемъ пышномъ Порѣчьѣ, и тутъ снова засіялъ блескъ его просвѣщеннаго ума и необыкновенной даровитости, заставлявшей вспоминать стихи, обращенные къ нему еще К. Н. Батюшковымъ.

Среди трудовъ и важныхъ Музъ,
Среди учености всемірной,
Онъ не утратилъ нѣжный вкусъ,
Еще онъ любитъ голосъ лирный...
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Какъ будто въ Аттикѣ рожденъ.

Въ Москвѣ онъ собиралъ къ себѣ профессоровъ и нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напр. Грановскому, говорилъ, что въ свое министерство онъ постоянно сторонился отъ лютаго звѣря *); а знаменитое Порѣчье становилось Русскими Аѳинами: тамъ Перевощиковъ опредѣлялъ астрономическую широту и долготу мѣста, профессоръ Симоновъ положеніе магнитной стрѣлки, Леонтьевъ описывалъ Альтемпскую урну, графъ Д. А. Толстой (тогда юноша, впослѣдствіи министръ) составлялъ перечневую опись обширной библіотеки; въ великолѣпномъ саду воздвигнутъ памятникъ Жуковскому, Давыдовъ, Погодинъ читали лекціи. Историческое безпристрастіе не должно умолчать о томъ, что графъ С. С. Уваровъ, образованностью и дарованіями, былъ много выше графа С. Г. Строганова (статьи его на Французскомъ языкѣ и до сихъ поръ принадлежатъ къ произведеніямъ образцовымъ), но въ личной доблести между ними не могло быть и сравненія. П. Б.

---

*) Слышано отъ самого Тимоѳея Николаевича. П. Б.

КЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

3-го Мая 1892 года минуло двадцать пять лѣтъ съ того дня, какъ покойный Государь Александръ II-й утвердилъ уставъ Россійскаго Общества Краснаго Креста, носившаго первые годы названіе: «*Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ*. Теперь, когда Общество достигло такого блестящаго разцвѣта, любопытно прослѣдить за его возникновеніемъ и первыми шагами. Счастливый случай доставилъ мнѣ возможность пересмотрѣть бумаги, принадлежащія Марѳѣ Степановнѣ Сабининой, одной изъ основательницъ Общества Краснаго Креста, починъ котораго принадлежитъ ей, баронессѣ Маріи Петровнѣ Фредериксъ и покойному лейбъ-медику Филиппу Яковлевичу Карелю. Вотъ какъ это было.

Осенью 1866 года съ нетерпѣніемъ ожидался пріѣздъ изъ Даніи невѣсты Цесаревича, Принцессы Дагмары, уже тогда всѣми любимой въ Россіи. Каждому хотѣлось чѣмъ-нибудь ознаменовать пріѣздъ Ея Высочества. Подъ вліяніемъ такого же чувства лейбъ-хирургъ Павелъ Андреевичъ Нароновичъ, только-что возвратившійся изъ Берлина по окончаніи Австро-Прусской войны, вмѣстѣ съ докторомъ Карелемъ пріѣхалъ къ М. С. Сабининой и предложилъ устроить въ память предстоящей свадьбы Государя-Наслѣдника поликлинику со всѣми новѣйшими усовершенствованіями, заведеными въ Берлинской. Сабинина доказывала имъ, что еще болѣе необходимо основать Общество Краснаго Креста, уже распространенное по всей Европѣ, исключая Россіи и Турціи. Мысль ея одержала верхъ. Она взялась выписать изъ-за границы и основательно изучить всѣ уставы и книги, существующіе по этому предмету; но такъ какъ къ свадьбѣ Государя-Наслѣдника немыслимо было довести дѣло до конца, то и пришлось отложить его на время.

14-го Декабря того же года собрался для предварительнаго совѣщанія первый комитетъ у баронессы Фредериксъ, жившей въ Зимнемъ Дворцѣ. По ихъ приглашенію въ совѣщаніи участвовали:

Ф. Я. Карель, главный военный врачъ Христ. Богд. Риттеръ, П. А. Нароновичъ и сынъ его А. П. Нароновичъ, исполнявшій должность секретаря. Прочитана была М. С. Сабининой первая по этому дѣлу записка Нароновича. Въ ней говорится объ обязанностяхъ Общества относительно воиновъ, сражавшихся во имя общественной идеи. «Не обязано-ли само Оббщество подумать о воинахъ и войти въ положеніе тѣхъ, кого оно посылаетъ умирать ради своихъ общественныхъ интересовъ?» (Какъ дѣтски-наивно покажется это воззваніе къ обязанностямъ Общества теперь, когда учрежденіе пустило глубокіе корни, и невольно спрашиваешь себя: какъ же было безъ него?). Далѣе Нароновичъ говорилъ, что во время Шлезвигъ-Голштинской кампаніи 1864-го года онъ сопутствовалъ своему отцу и имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ устройствомъ санитарной части, съ организаціей частныхъ обществъ, которыя немало способствовали успѣху Прусскаго оружія. «Примѣры Пруссіи и другихъ Европейскихъ государствъ, а также и Америки, могутъ быть очень назидательны для насъ Русскихъ: чужой опытъ всегда пригоденъ. Но мы не должны упускать изъ вида того важнаго обстоятельства, что общественныя условія, при которыхъ возникла санитарная дѣятельность въ чужихъ государствахъ, во многомъ не сходятся съ тѣми условіями, при которыхъ живетъ и развивается Русское общество. Поэтому, заимствуя чужую идею, постараемся облечь ее въ свою самобытную, къ мѣстнымъ даннымъ принаровленную форму. Только тогда эта идея станетъ вполнѣ нашей Русской, только тогда она привьется къ нашему обществу и принесетъ плоды». Далѣе говорилось, что теперь ближайшей цѣлью должно быть устройство *Общества для облегченія участи больныхъ воиновъ на полѣ сраженія*. Необходимо установить тѣ правила, которыми будутъ руководствоваться при организаціи Общества; и прежде всего задать себѣ три вопроса: 1) когда и какъ можетъ организоваться Общество? 2) что̀ оно будетъ дѣлать въ мирное и что̀ въ военное время? 3) какими средствами оно будетъ существовать?

«На эти вопросы», продолжаетъ Нароновичъ, «я бы отвѣчалъ такъ: Общество для облегченія участи больныхъ воиновъ на полѣ сраженія должно возникнуть теперь же. Зародышъ его въ насъ самихъ. Участіе въ немъ пусть приметъ *каждый*, кому не чуждо человѣколюбіе. Наше дѣло будетъ состоять въ томъ, чтобы всѣми мѣрами способствовать распространенію задуманной цѣли и возбуждать сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества. Мирнымъ временемъ мы должны воспользоваться, чтобъ заготовить весь тотъ матеріалъ, который будетъ необходимъ, когда война неожиданно нарушитъ нормальное теченіе дѣлъ и потре-

буетъ многихъ силъ и средствъ для устраненія сопряженныхъ съ нею бѣдствій».

На другой день, въ половинѣ седьмаго вечера, баронесса Фредериксъ и М. С. Сабинина пошли къ императрицѣ Маріи Алаксандровнѣ испросить ея позволеніе на учрежденіе такого общества. Государыня сейчасъ замѣтила необычное выраженіе ихъ лицъ и милостиво спросила: «Отъ чего это вы такъ празднично настроены?» Онѣ разсказали свои планы и просили разрѣшенія на учрежденіе Общества вспомоществованія раненымъ. Очевидно, Государыня лелѣяла въ душѣ своей ту самую мысль, такъ какъ она съ радостью откликнулась на нее, взялась исходатайствовать разрѣшеніе у Государя Императора, согласилась взять общество подъ свое покровительство и, прощаясь съ ними, благословила ихъ на это новое милосердное дѣло.

На слѣдующій день, во время своего ежедневнаго утренняго визита, Карель доложилъ Государю о предполагаемомъ Обществѣ. Государь, уже предупрежденный Императрицею, изъявилъ свое согласіе и приказалъ писать уставъ, но сказалъ, что долженъ узнать у князя Горчакова о подробностяхъ нашихъ трактатовъ съ Швейцаріей. Извѣстно, что въ 1859 году, во время войны Италіи съ Франціей, Швейцарцы Мёнье и Дюнанъ, въ виду страданія раненыхъ, возымѣли мысль устроить *Международное* Общество для вспомоществованія страждущимъ. Оно и было ядромъ, получившимъ начало въ Женевѣ; къ нему примкнули всѣ государства Европы, за исключеніемъ Россіи и Турціи. Женевскій гербъ—красный крестъ на бѣломъ полѣ, былъ принятъ символомъ или знаменемъ этого Международнаго Общества.

Первый проектъ устава написалъ Нароновичъ; онъ состоялъ всего изъ 19-ти параграфовъ. М. С. Сабинина послала его къ К. П. Побѣдоносцеву съ просьбой разсмотрѣть и выразить свое мнѣніе, на что̀ получила слѣдующій отвѣтъ (на Французскомъ языкѣ): «М. г. согласно желанію, выраженному въ вашемъ письмѣ, я пробѣжалъ проектъ устава вашего Общества, не имѣя времени изучить его основательно, такъ какъ посланный ждетъ, а я боюсь оставлять у себя бумагу, которая каждую минуту можетъ быть вамъ нужна. Противъ формы проекта возразить нечего; но мнѣ кажется, что уставъ недостаточно разработанъ, въ особенности въ тѣхъ параграфахъ, которые относятся къ внутренней организаціи Общества, напримѣръ § 8-й: Распорядительный комитетъ долженъ быть постоянный, несмѣняемый, и прибывающіе члены не имѣютъ никакого голоса въ его рѣшеніяхъ. Это противорѣчитъ идеѣ Общества, гдѣ *всѣ* члены или, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые, обладаютъ одинаковыми качествами, имѣютъ одинаковое право голоса въ преніяхъ и въ выборѣ распорядитель-

наго комитета. Кромѣ того, кто можетъ ручаться за несмѣняемость членовъ комитета? Одинъ изъ семи членовъ можетъ уѣхать надолго, другой заболѣть, умереть... Комитетъ можетъ сократиться до единицы... Необходимо предусмотрѣть всякія возможныя случайности. Съ другой стороны, слѣдовало бы опредѣлить яснѣе цѣль и занятія Общества: § 2-ой очень туманенъ. Посовѣтовалъ бы вамъ обратиться къ людямъ болѣе знакомымъ съ механизмомъ санитарнаго дѣла въ войскахъ и съ организаціей госпиталей. Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что слабая сторона проекта—его неясность и мѣстами Нѣмецкіе обороты рѣчи. Отъ души желалъ-бы быть полезнымъ вамъ и вашему благодѣтельному, патріотическому дѣлу; но время мое наполнено до невозможности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь съ Великой Княжной. Не могу принять участія въ вашихъ преніяхъ, но постараюсь быть у васъ завтра въ назначенный часъ. К. Побѣдоносцевъ».

Всѣ замѣчанія, сдѣланныя Константиномъ Петровичемъ, приняты во вниманіе, и уставъ сообразно съ ними пополненъ и исправленъ.

Началось приглашеніе членовъ-учредителей. Государыня Императрица, горячо принявшая къ сердцу успѣхъ дѣла, сама руководила г-ми Сабининой и Фредериксъ, называя тѣхъ лицъ, кого желательно бы пріобрѣсти; иногда получалось отъ Ея Величества по нѣскольку записокъ въ день съ вопросами что̀ сдѣлано или совѣтомъ что̀ нужно сдѣлать. Вотъ образчикъ одной изъ такихъ записокъ (на Французскомъ языкѣ): «Мнѣ кажется, что Аврора Карамзина была бы прекраснымъ пріобрѣтеніемъ для вашего комитета. Русское имя, богата и очень благотворительна. Я уже говорила ей объ Обществѣ мимоходомъ».

Ея Величество очень настаивала на томъ, чтобъ привлечь какъ можно болѣе духовенства, и по ея совѣту предложили быть членами И. В. Рождественскому, И. А. Я—ву и духовнику Ихъ Величествъ В. Б. Бажанову. Странно сказать, но дѣло было такъ ново, что точно боялись примкнуть къ нему; иначе какъ объяснить отказъ, который получили учредительницы отъ многихъ изъ нихъ, напр. отъ графини Т—ой, отъ Рождественскаго, отъ Я—ва ?Всѣ они, какъ бы сговорившись, давали одинъ отвѣтъ: «начинайте, учреждайте, а потомъ и мы запишемся» И. А. Я—въ даже съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой и сказалъ: «ахъ, ахъ, какъ вы еще молоды!» Графъ Б***скій въ очень любезномъ письмѣ выразилъ сожалѣніе, что домашнія обстоятельства не позволяютъ ему принести свою долю труда и пользы прекрасному дѣлу и пр. и пр., но должно быть отнесся къ дѣлу тоже недовѣрчиво, потому что не сдѣлалъ и не предложилъ никакого денежнаго пожерт-

вованія, не смотря на свои богатства; а это было бы нелишнимъ для начинающаго Общества.

Но повидимому, ни Сабинина, ни Фредериксъ не отчаявались и продолжали дѣйствовать. Г-нъ Посьетъ и супруга его, Розалія Ипполитовна, графиня Орлова-Давыдова, генералъ Тотлебенъ записались въ учредители, П. А. Морицъ въ члены Общества. Много придавало силы горячее сочувствіе Императрицы. Удивительно, какъ еще мало знаютъ свѣтлую личность покойной Государыни... Можетъ быть, боятся оскорбить характеризующую ее скромность, выводя на свѣтъ Божій тѣ добрыя дѣла, которыя она дѣлала такъ просто и тихо? А между тѣмъ никто не уходилъ отъ нея неутѣшенный: бѣдная невѣста получала приданое; больной лѣкарство или возможность поступить въ больницу; одинъ выпроситъ на крестины, другой на похороны. У Царицы-благодѣтельницы часто не доставало той ежедневной суммы, которая была назначена для раздачи бѣднымъ, такъ что Ея Величество приказывала придти на слѣдующій. день, чтобы пополнить недостающее вспомоществованіе. Незабвенная она, свѣтлая для каждаго изъ ее знавшихъ!

Наши учредительницы не унывали, а напротивъ малѣйшая удача придавала имъ бодрости. Кстати можно разсказать одно смѣшное совпаденіе. Одна изъ записавшихся членовъ г-жа Кочетова стала приглашать какого-то адмирала и, разумѣется, въ яркихъ краскахъ описывала будущность Общества, задуманнаго Сабининой и Фредериксъ. Тотъ слушалъ недовѣрчиво и говоритъ: «я еще повѣрилъ бы успѣху, если бы онѣ были Мареой и Маріей». «Да вѣдь онѣ и есть Мареа и Марія», смѣясь вскрикнула Кочетова. Когда Кочетова разсказала имъ этотъ разговоръ, онѣ очень утѣшились, видя въ томъ счастливое предзнаменованіе.

Въ комитетахъ, почти ежедневно засѣдавшихъ у баронессы Фредериксъ, стали обработывать уставъ и воззваніе къ Русскому народу. Мнѣнія очевидно были очень разнорѣчивы, потому что въ бумагахъ Сабининой есть одна записка Тотлебена на Нѣмецкомъ языкѣ, въ которой онъ говоритъ, что онъ и Карель находятъ, что въ уставѣ нужно исправить слогъ и облечь его въ форму (К. П. Побѣдоносцевъ, на оборотъ, находилъ, что противъ формы возражать нечего), что къ этому мнѣнію присоединяется и опытный въ такихъ дѣлахъ баронъ Корфъ. Въ другой запискѣ Тотлебенъ говоритъ, что въ воззваніи, представленномъ Нароновичемъ въ первое засѣданіе 14-го Декабря, онъ обработалъ слогъ и форму, сохраняя все существенное, что въ концѣ онъ нашелъ нужнымъ прибавить нѣсколько фразъ, чтобы усилить впечатлѣніе и возвысить духъ. Вотъ эти фразы: «Нѣтъ призванія болѣе почетнаго, какъ призваніе защитника чести, славы и до-

стоянія отечества; нѣтъ жертвъ равныхъ тѣмъ, которыя приносятся на алтарь отечества воинами, покидающими свои дома, семейства и жертвующими своею кровію и жизнію. Потому всѣ тѣ, которые сами не идутъ сражаться грудью и умирать за Святую Русь, пусть помогутъ храбрымъ воинамъ своимъ достояніемъ и облегчатъ ихъ участь на кровавыхъ поляхъ битвъ! Пусть каждый откликнется на этотъ призывъ и поможетъ по мѣрѣ средствъ своихъ! Каждый удѣляй по расположенію сердца, ибо доброхотно дающаго любитъ Богъ». (2 Коринѳ. IX. 7). Въ заключеніе своей записки Тотлебенъ говоритъ что Громовъ и баронъ Кусовъ вступили въ Общество и что онъ пріобрѣлъ имена вліятельнѣйшихъ лицъ въ Москвѣ.

Уставъ и воззваніе отнесены были баронессой Фредериксъ Императрицѣ на разсмотрѣніе; но Государыня не одобрила и возвратила, сказавъ, что уставъ не ясенъ и воззваніе не хорошо. Впослѣдствіи воззваніе было написано митрополитомъ Филаретомъ.

Повидимому дѣло затягивалось; въ бумагахъ находимъ черновое письмо баронессы Фредериксъ къ Тотлебену отъ 10-го Февраля 1867. Она проситъ подождать литографировать *статутъ*, чтобы прежде принять къ свѣдѣнію мнѣніе другихъ членовъ учредителей; для облегченія и ускоренія дѣла она велитъ переписать его въ нѣсколькихъ экземплярахъ и, собравшись въ небольшіе кружки, они перечитаютъ сдѣланныя ими измѣненія. Вообще желательно-бы столковаться скорѣе, потому что баронесса чувствуетъ себя въ фальшивомъ положеніи относительно тѣхъ особъ, которыхъ она пригласила участвовать въ учрежденіи Общества.

Статутъ, о которомъ упоминаетъ баронесса, составленъ въ Военно-Медицинскомъ Департаментѣ и переданъ Тотлебену военнымъ министромъ. Во многихъ параграфахъ сквозитъ главная цѣль: подчинить Общество военному вѣдомству. Интересно по этому поводу письмо къ Сабининой г. Никольскаго: «Я сдѣлалъ, пишетъ онъ, замѣтки на самомъ проектѣ; такимъ образомъ рельефнѣе обозначится вся несообразность воинственнаго устава, написаннаго для *частнаго* Общества, *добровольно* приходящаго на помощь страждущаго человѣчества. Я полагалъ бы необходимымъ предупредить М. П. Погодина съ просьбой предварить и Каткова. Желать похлопотать, чтобы эти два испытанные патріота приняли горячее участіе въ святомъ дѣлѣ; каждый учредитель имѣетъ право голоса, не обращая вниманія, будетъ-ли это нравиться людямъ противныхъ убѣжденій».

Общество, разсмотрѣвъ проектъ, отвергло его. Многихъ непріятно поразило, что во 2-мъ параграфѣ говорится: «Общество это, находясь подъ покровительствомъ *одной изъ особъ Императорской фамиліи* и

т. д.» Всѣмъ было извѣстно, что Императрица съ самаго начала выразила намѣреніе быть его августѣйшей покровительницей, и вдругъ такая неточность въ выраженіи! Начались соображенія, догадки. Нѣкоторыя лица, можетъ быть, и знали, кто подразумѣвается подъ этимъ выраженіемъ, но благоразумно молчали изъ боязни затормозить дѣло.

Государынѣ этотъ статутъ тоже не понравился. Надо было опять приниматься за проектъ устава. Трудно прослѣдить всѣ фазисы развитія проекта, какъ онъ измѣнялся и разрабатывался. Передъ нами ихъ нѣсколько: одинъ помѣченный именами Marthe et Marie (мѣстами поправленный карандашемъ); въ немъ уже не 18, а 84 параграфа. Другой написанный Посьетомъ, третій Тотлебеномъ; еще одинъ, испещренный поправками и замѣчаніями Мансурова, Башмакова, Баумгартена, барона Дельвига, Рорбека, Альбединскаго, Сабининой. Можно прослѣдить, какіе параграфы возбуждали болѣе интереса, сколько голосовъ *за* и сколько *противъ*.

Есть еще одно характерное, по сжатости слога, воззваніе, написанное Треповымъ. Списываю его: «Подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы учреждается *частное Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ*. Общество имѣетъ главной цѣлью содѣйствовать во время войны военной администраціи въ уходѣ за ранеными и больными войнами и доставлять имъ, сообразно своимъ средствамъ, какъ врачебное, такъ и всякаго рода вспомоществованіе. Учредители этого Общества, приглашая всѣхъ лицъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, принять участіе въ этомъ христіанскомъ дѣлѣ, выражаютъ увѣренность, что всѣ Русскіе, которымъ дорога кровь, пролитая за любезное отечество наше, отзовутся на этотъ патріотическій призывъ и внесутъ каждый, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, ту долю личнаго содѣйствія, которая для нихъ возможна для осуществленія благой цѣли Общества. Доступъ въ это Общество открывается всѣмъ и каждому, безъ различія званія, состоянія и пола. Каждое пожертвованіе, даже самое незначительное, принимается съ благодарностію. Обращаясь къ общественной благотворительности, учредители приводятъ на память жертвователей изреченіе апостола: *Рука дающаго не оскудѣваетъ*».

Коротко и ясно! Идеальное было-бы то общество, которое чутко откликалось-бы на одинъ *намёкъ* о нуждахъ, не прибѣгая къ краснорѣчивымъ разглагольствованіямъ. Есть на клочкѣ бумаги помѣтка Императрицы, находившей нужнымъ предоставить мѣстнымъ управленіямъ болѣе свободы въ ихъ организаціи.

Очевидно пришли къ соглашенію, потому что новый уставъ опять послали на разсмотрѣніе К. П. Побѣдоносцева. Отъ него слѣдующее письмо на Французскомъ языкѣ:

«М. г. Сейчасъ прочиталъ бумаги, которыя вамъ угодно было подвергнуть моей критикѣ. Отъ первоначальнаго наброска, читаннаго мною раньше, до этого разработаннаго устава—разстояніе неизмѣримо. На этотъ разъ мнѣ нечего возражать ни противъ плана, ни противъ учрежденія Общества во всѣхъ его подробностяхъ. Дай Богъ, чтобы ваше по истинѣ патріотическое и христіанское предпріятіе имѣло полный успѣхъ; этотъ успѣхъ составитъ эпоху въ исторіи общественнаго развитія нашей страны. Я ограничился незначительными замѣтками въ нѣкоторыхъ параграфахъ; онѣ относятся только къ точности выраженія». Письмо помѣчено 6-мъ Мартомъ (1867).

Отъ того же числа черновое письмо б. Фредериксъ къ княжнѣ А. В. Голицыной въ Москву. Въ немъ она говоритъ о великомъ благотворительномъ проектѣ Санитарнаго Общества, къ которому вѣроятно присоединится и Москва. «Въ настоящую минуту, пишетъ баронесса, генералъ Тотлебенъ командированъ Императрицей и Обществомъ въ Москву, чтобъ познакомить ея представителей съ этимъ новымъ учрежденіемъ. Потребуется громадная дѣятельность для собранія капиталовъ и матеріаловъ, необходимыхъ въ военное время (Господь да отдалитъ это время!). Кромѣ того намъ еще понадобятся сестры милосердія, подготовленныя къ такой дѣятельности. У васъ уже есть такое учрежденіе, княжна; не захотите ли вы принять участіе въ нашемъ Обществѣ, приготовивъ сестеръ, которыми Санитарное Общество могло бы располагать въ военное время, и не возьмете ли на себя трудъ предложить тоже самое m-lle Lize Кротковой? Завѣдуя госпиталемъ, она могла бы съ содѣйствіемъ отца Антонія приготовить тоже нѣсколько сестеръ милосердія. Митрополитъ уже долженъ знать объ этомъ проектѣ, потому что Императрица поручила генералу Тотлебену прежде всего извѣстить его высокопреосвященство».

Изъ этого письма и изъ многихъ другихъ бумагъ видно, что, одновременно съ уставомъ, учредительницы хлопотали объ образованіи обществъ сестеръ милосердія и объ организаціи необходимыхъ складовъ. Все это было дѣло нелегкое; приходилось привлекать довѣріе публики къ неизвѣстому Обществу и все это организовать одновременно.

Отвѣтъ княжны А. В. Голицыной пришелъ очень быстро. Она всею душой сочувствуетъ обществу, готова отдать ему всѣ свои силы; но такъ какъ всѣ ея средства уже отданы на то учрежденіе, которымъ она завѣдуетъ, то она прямо говоритъ, на какихъ условіяхъ она могла бы присоединиться. На первое время, потѣснившись немного, она можетъ *пріютить* пять-шесть сестеръ, но содержать ихъ должно Общество. «Мое учрежденіе, пишетъ она, подначально монастырю Св. Сергія, и если бы Общество вздумало его расширить, то оно подпадетъ

подъ тоже начальство». Да и я того мнѣнія, что Общество сестеръ милосердія должно зависѣть отъ духовнаго вѣдомства; только такимъ путемъ оно станетъ на прочную почву. Потребуется нѣсколько лѣтъ для образованія сестеръ милосердія; это дѣло не легкое. У меня ихъ всего пять; но я могу судить до чего онѣ нужны, и какое на нихъ требованіе. Повторяю вамъ, баронесса: располагайте мною, если средства вашего Общества достаточно велики и если оно состоитъ подъ духовнымъ вѣдомствомъ. Мнѣ кажется, что вамъ не худо было бы написать къ отцу Антонію, завѣдующему монастыремъ, а онъ переговоритъ съ митрополитомъ. Хотя мы и принадлежимъ къ монастырю, но ничего отъ него не получаемъ. Монастырь богатъ, мы это знаемъ; но сколько нужно для поддержанія всѣхъ благотворительныхъ учрежденій, основанныхъ о. Антоніемъ! У нихъ мужской и женскій госпитали, странноприимная на двѣ тысячи лицъ, школа на 150 мальчиковъ, и небольшая школа дѣвочекъ; все это кормится и содержится монастыремъ»...

Уже изъ этого письма можно видѣть настроеніе набожной Москвы. Тысячу разъ права была Императрица, настоявшая на томъ, чтобы для успѣха дѣла привлекали какъ можно болѣе духовенства.

За этимъ слѣдуетъ очень интересное письмо генерала Тотлебена изъ Москвы отъ 10 Марта. Это письмо, какъ и его другое же къ доктору Карелю, важны, потому что возбудили цѣлую бурю, отразившуюся въ послѣдующихъ документахъ. Онъ писалъ къ *баронессѣ Фредериксъ*. «Въ число Петербургскихъ учредителелей необходимо пригласить нѣсколько вліятельныхъ лицъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ и извѣстныхъ всей Россіи, какъ напр. князя Гагарина, графа С. Г. Строганова и т. п. Подобныя имена необходимы для возбужденія довѣрія къ нашему обширному предпріятію. Въ Петербургскомъ спискѣ не достаетъ духовенства. Высокопреосвященный Филаретъ меня спрашивалъ, почему не пригласили Петербургскаго митрополита? Число купцовъ желательно бы также увеличить, по крайней мѣрѣ, до 20 лицъ, а число докторовъ до 6-ти или 8-ми лицъ. Предполагается, чтобы дамы-учредительницы избрали изъ среды своей особый дамскій комитетъ, въ тоторомъ предсѣдательствовала бы одна изъ дамъ, а дѣлопроизводитель и казначей были бы мужескаго пола. Подобные дамскіе комитеты могутъ образоваться при всѣхъ окружныхъ и мѣстныхъ управленіяхъ. Высокопреосвященный не допускаетъ, чтобы дамы засѣдали вмѣстѣ съ мущинами въ управленіяхъ; дамъ предполагается совсѣмъ отдѣлить. Предѣдательница сносится съ предсѣдателемъ. Число учредителей въ Петербургѣ и Москвѣ полезно увеличить до 80 лицъ. Число учредительницъ опредѣлить примѣрно изъ

сорока дамъ. Въ Москвѣ сильно возстаютъ противъ того, чтобы сосредоточить всѣ капиталы въ Государственномъ Банкѣ въ Петербургѣ. Всѣ желаютъ капиталы сохранить въ своемъ вѣдѣніи. Съ этимъ нельзя безусловно согласиться, но необходимо сдѣлать нѣкоторыя уступки. Кромѣ того, здѣсь признаютъ болѣе полезнымъ немедленно образовать нѣсколько центровъ для сосредоточенія капиталовъ (Петербургъ, Москва, Казань, Одесса), учреждая въ этихъ мѣстахъ окружныя управленія съ болѣе широкими правами. Сегодня вечеромъ назначено засѣданіе подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго митрополита Филарета, въ которомъ будутъ участвовать: князь Николай Ивановичъ Трубецкой, генералъ-адъютантъ С. П. Шиповъ, Дмитрій Павл. Шиповъ, князь Левъ Ник. Гагаринъ, князь А. А. Щербатовъ, А. Наумовъ, генералъ-адъютантъ Ахматовъ, Василій Михайловичъ Бостанжогло, Иванъ Ивановичъ Четвериковъ. Хотя къ дѣлу приступаютъ осторожно, но цѣль учрежденія находитъ всеобщее сочувствіе. — P. S. Сейчасъ у меня были нѣкоторые купцы, которые въ Москвѣ пользуются авторитетомъ. Они соглашаются съ Петербургскими учредителями въ *сосредоточеніи всѣхъ капиталовъ въ Государственномъ Банкѣ*, но полагаютъ излишнимъ образовать въ мирное время окружныя управленія. Я прислушиваюсь спокойно ко всѣмъ разнорѣчивымъ мнѣніямъ, которыя всѣ болѣе или менѣе полезны, чтобы придти къ практическому заключенію для лучшаго успѣха дѣла».

Къ доктору Карелю Тотлебенъ писалъ по-нѣмецки: «Спѣшу сообщить вамъ, чрезъ посредство генерала Зейме, нѣсколько замѣчаній, которыя, въ моемъ отсутствіи, могутъ быть полезны для обсужденія нашего дѣла. Радъ бы написать подробнѣе, но могу только сказать, что хотя я еще не добился никакого окончательнаго результата, не смотря на самую усиленную дѣятельность, но въ общемъ дѣло находитъ великое сочувствіе. Скоро по прибытіи сюда я увидалъ, что успѣхъ лучше всего достигнется тогда, если почитаемый во всей Россіи митрополитъ Филаретъ возьметъ дѣло въ свои руки; отъ него зависитъ настроеніе Москвы, а Москва несомнѣнно имѣетъ громаднѣйшее значеніе во всей Имперіи. Въ Обществѣ все идетъ хорошо, но я долженъ пробыть тутъ еще съ недѣлю, чтобы довести до желаемаго конца порученіе Ея Императорскаго Величества и нашихъ учредителей. P. S. Здѣсь не любятъ Петербурга; Москвичи неохотно подчиняются Петербургу. Это обстоятельство заставляетъ меня быть чрезвычайно осторожнымъ, чтобы получить все, что̀ касается общихъ интересовъ Общества».

Вслѣдствіе этихъ писемъ собрался 14-го Марта комитетъ у ген.-адъют. Баумгартена. Вотъ протоколъ засѣданія:

Коммиссія избранная для редакціи проекта устава Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, установивъ обозначенную редакцію, представляетъ при семъ какъ исправленный проектъ устава, такъ и краткую выписку, въ чемъ именно мнѣнія Петербургскихъ учредителей не сходятся съ нѣкоторыми изъ мнѣній высказанныхъ Московскими учредителями и изложенныхъ въ письмѣ и особой запискѣ генерала Тотлебена, а именно:

а. «Въ письмѣ *высказывается желаніе Москвы, не довѣряя Петербургу, составить свое независимое общество и управленіе.* Два главныхъ управленія для одного и того же дѣла совершенно немыслимы, а установляя только одно главное управленіе, его можно учредить только въ Петербургѣ, по нахожденіи въ немъ всѣхъ главныхъ отраслей государственнаго управленія, сношенія съ которыми, особенно въ военное время, будетъ представляться настоятельною необходимостью. Относительно нѣкотораго нежеланія Москвы подчиниться опредѣленіямъ и рѣшеніямъ взятымъ въ Петербургѣ слѣдуетъ замѣтить: что Петербургскими учредителями, при дальнѣйшей разработкѣ проекта устава, признано исключить изъ него всякое стѣсненіе и подчиненіе мѣстныхъ управленій, насколько это только дозволяетъ необходимость единства дѣйствій, въ дѣлѣ общемъ всей Россіи, а не одной какой-либо мѣстности. При измѣненіи редакціи проекта устава въ этомъ духѣ, Петербургскими учредителями руководило дружное чувство соединенія всѣхъ частныхъ усилій къ одной общей всей Русской семьѣ цѣли.

b. Въ особой препровожденной запискѣ генераломъ Тотлебеномъ высказывается желаніе, чтобы въ учредители Петербургскаго общества было избрано нѣсколько вліятельныхъ лицъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ и извѣстныхъ всей Россіи. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться.

c. Относительно духовенства, то какъ въ числѣ Петербургскихъ учредителей находятся всего двое (Бажановъ и Романовъ), то число можетъ быть съ пользой для Общества увеличено. Касательно же лицъ высшей іерархіи предположено, согласно проекта устава, просить ихъ быть почетными членами.

d. На увеличеніе числа купцовъ учредителями особенной надобности не предвидится при возможности избирать ихъ членами Общества. Медиковъ же въ числѣ Петербургскихъ учредителей въ настоящее время уже находится шесть человѣкъ.

e. Признаніе права дамамъ быть членами въ мѣстныхъ управленіяхъ признается не только полезнымъ, но даже крайне необходимымъ дляу спѣха всего дѣла.

f. На увеличеніе числа Петербургскихъ учредителей можно согласиться, но не постановляя, сколько именно имѣть мущинъ и дамъ.

g. Касательно храненія суммъ въ доставленной запискѣ высказано два мнѣнія, Петербургскіе-же учредители высказались согласно съ мнѣніемъ Московскаго купечества о необходимости храненія всѣхъ суммъ въ Государственномъ Банкѣ.

i. Относительно образованія особыхъ окружныхъ управленій въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Одессѣ, то Петербургскіе учредители признали, что окружныя управленія вообще, какъ лишняя инстанція, могущая только стѣснять полезную дѣятельность мѣстныхъ управленій, признаются совершенно излишними; что же касается до правъ болѣе обширныхъ, предполагаемыхъ къ предоставленію окружнымъ управленіямъ, то права сіи полезно предоставить каждому изъ мѣстныхъ управленій».

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько черновыхъ бумагъ, набросанныхъ спѣшною рукою баронессы Фредерихсъ подъ впечатлѣніемъ горькаго чувства обиды за тотъ параграфъ письма Тотлебена, гдѣ сказано, что митрополитъ Филаретъ *не допускаетъ*, чтобы дамы засѣдали вмѣстѣ съ мущинами. Чувства эти выражены свободно, со всею страстностью, которую первоначальныя учредительницы влагали въ дѣло, задуманное ими. Но, вѣроятно, эти строки найдены не вполнѣ удобными, потому что далѣе мы видимъ коротенькую записку (на Французскомъ языкѣ) баронессы къ Императрицѣ: «Вотъ мои два письма въ Москву, одобритъ ли ихъ Ваше Величество? подписано»: «Маша», и тутъ же карандашемъ рукой Императрицы: «Мнѣ кажется, что такъ будетъ хорошо».

Письмо баронессы Фредерихсъ къ генералу Тотлебену:

«Письмо ваше съ приложеннымъ къ доктору Карелю отъ 10-го Марта, я имѣла счастіе поднести на благоусмотрѣніе Государыни. Ея Императорское Величество поручаетъ мнѣ препроводить къ вамъ прилагаемый проектъ измѣненій нѣкоторыхъ статей устава нашего Общества. Ея Величество душевно радуется сочувствію Москвы къ покровительствуемому ею дѣлу и просвѣщенному участію митрополита Московскаго; но Государыня съ сожалѣніемъ усматриваетъ изъ приложенія къ письму вашему, что высокопреосвященный Филаретъ видитъ залогъ для успѣха Общества въ рѣзкомъ отдѣленіи дамъ отъ мущинъ въ засѣданіяхъ. Какъ вамъ извѣстно, административная часть предоставляется главному управленію, дамы не принимаютъ участія въ немъ; но денежные и матеріальные сборы, лежащіе на мѣстныхъ управленіяхъ, могутъ быть исполняемы какъ мущинами, такъ и женщинами; невозможно предписать, какъ этимъ управленіямъ формироваться. Безъ всякаго сомнѣнія, женщины, внѣ круга семейныхъ обязанностей, должны довольствоваться скромной долей дѣятельности; но во всѣхъ государствахъ, опе-

редившихъ насъ на пути просвѣщенія, въ скромной долѣ сей женщинамъ не отказываютъ дѣйствовать на поприщѣ благотворительности вмѣстѣ съ мущинами. Какія соображенія могли привести его высокопреосвященство къ такому нелестному для Русскихъ женщинъ мнѣнію, не понятно, а для меня особенно было бы любопытно ознакомиться съ ними. Ея Величество тоже обратила вниманіе на порядокъ, который необходимо принять для производства выборовъ предсѣдателя. По настоящей редакціи § 19, примѣч. 1 нашего устава лучше не возбуждать этого вопроса теперь. Въ заключеніе, я лично должна замѣтить, что редакція § 19, примѣч. I не вполнѣ согласна съ тѣмъ, что́ рѣшено въ нашихъ совѣщаніяхъ; это вѣроятно ошибка, которую вы безъ сомнѣнія не откажетесь исправить».

Письмо къ князю Трубецкому выражаетъ отъ имени Государыни удовольствіе, что Москва откликнулась патріотически на намѣреніе ея основать благотворительное общество. «Какъ генералъ Тотлебенъ долженъ былъ, по своимъ многочисленнымъ занятіямъ въ Военномъ Министерствѣ, отклонить отъ себя званіе предсѣдателя Общества, званіе вполнѣ принадлежащее ему за его великія заслуги въ Крымскую кампанію, то вакансія эта остается незанятой. Ея Величество, интересующаяся лицомъ, имѣющимъ занимать это мѣсто, остановила свое особенное вниманіе на министрѣ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленомъ, избранію котораго сочувствуетъ большинство Общества. Сообщаю вамъ, князь, всѣ эти подробности по приказанію Императрицы, которая поручаетъ мнѣ пригласить васъ употребить ваше вліяніе и всеобщее къ вамъ уваженіе въ интересахъ новаго Общества, состоящаго подъ милостивымъ покровительствомъ Ея Величества». Тутъ опять высказывается горькое удивленіе по поводу выраженнаго митрополитомъ Филаретомъ нелестнаго для женскаго пола мнѣнія, чтобы дамы не засѣдали съ мущинами. Думаютъ, что есть какое-нибудь недоразумѣніе въ выраженіи мысли и просятъ князя Трубецкаго воспользоваться его хорошими отношеніями къ митрополиту, чтобы склонить его къ смягченію этого жестокаго приговора.

Отвѣтъ генерала Тотлебена. «М. г. Марья Петровна! По полученіи повелѣнія Ея Императорскаго Величества, выраженнаго въ письмѣ вашемъ отъ 15-го Марта и послѣ предварительнаго совѣщанія съ А. П. Ахматовымъ и княземъ Трубецкимъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ отправился я къ высокопреосвященному Филарету, который, принимая во вниманіе сообщенныя мной свѣдѣнія объ устройствѣ обществъ въ Америкѣ и въ Пруссіи, поручилъ мнѣ мнѣніе свое лично доложить Ея Императорскому Величеству. Въ редакціи объ избраніи предсѣдателя вкралась ошибка, такъ какъ я самъ (какъ вѣроятно припомните, Марья

Петровна) предложилъ, чтобы предсѣдатель былъ избранъ не учредителями Петербургскими и Московскими, а членами главнаго управленія, имѣя, конечно, въ виду лицо, указанное Императрицей. Московскіе учредители не изъявили никакого притязанія относительно порядка избранія предсѣдателя. Изъ лицъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ и имѣющихъ вліяніе въ Москвѣ, желающихъ весьма много. Предложеніе объ образованіи Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ нашло здѣсь самое горячее сочувствіе. Покровительство Государыни Императрицы вполнѣ обезпечило успѣхъ дѣла, имѣющаго самую благую цѣль. Живое участіе высокопреосвященнаго митрополита также много содѣйствовало къ распространенію предпріятія въ Москвѣ и во всѣхъ окружающихъ губерніяхъ. Катковъ и Аксаковъ обѣщали мнѣ самое энергическое содѣйствіе по объявленіи высочайше утвержденнаго устава. Я не писалъ къ вамъ, Марья Петровна, такъ какъ я, отъ утра до вечера, разъѣзжалъ, былъ занятъ и озабоченъ возложеннымъ на меня Ея Величествомъ порученіемъ; притомъ, лично легче объяснить всѣ обстоятельства, чѣмъ письменно, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ могутъ возникнуть недоразумѣнія. Здѣсь, какъ вездѣ, трудно было согласить всѣ противорѣчивыя мнѣнія; я считалъ долгомъ спокойно и съ терпѣніемъ выслушать всѣхъ, такъ какъ каждый вправѣ заявить свой взлядъ на предметъ, и мнѣніе нѣкоторыхъ опытныхъ и практическихъ людей можетъ быть весьма полезно для успѣха дѣла; я не могъ оставить Москву безъ соглашенія мнѣній, заслуживающихъ вниманія. Москва 19 Марта».

22-го Марта возвратился изъ Москвы генералъ Тотлебенъ, а 23-го уже былъ у Государя и у Императрицы. Онъ передалъ имъ конечное рѣшеніе митрополита Филарета: его высокопреосвященство не останется членомъ Общества и не напишетъ для него возванія, если Общество образуется, *не отдѣливъ отъ него дамъ отъ мужчинъ*. Такъ какъ митрополитъ Филаретъ былъ *сила*, которому противодѣйствовать было опасно, то пришлось сдѣлать ему уступку. Но явилось понятное недовѣріе между членами Общества, когда узнали рѣшеніе преосвященнаго; стали подозрѣвать, не подъ чужимъ-ли вліяніемъ родилось это рѣшеніе.... Дѣло усложнялось, затягивалось; приходилось разрушать то, надъ чѣмъ работали три мѣсяца; однимъ словомъ, прекрасно задуманная идея какъ-бы заслонялась мелкими недоразумѣніями.

Чтобы положить этому конецъ, Императрица назначила генералъ-адьютанту А. А. Зеленому аудіенцію и передала ему въ руки дѣло, выразивъ желаніе, чтобъ къ 17-му Апрѣлю, дню рожденія Государя, все было кончено. Основываюсь на черновомъ письмѣ баронессы къ Императрицѣ и нѣсколькихъ словахъ карандашемъ Ея Ве-

личества. Есть еще черновое письмо баронессы къ А. А. Зеленому: По порученію Государыни Императрицы имѣю честь передать вамъ, что вопроса о дамахъ Ея Величество не беретъ на себя рѣшить, а поручаетъ это комиссіи. Что-же касается до Московскихъ дамъ, то Ея Величество изволила сказать, что онѣ могутъ устраиваться по ихъ собственному усмотрѣнію».

По разнообразнымъ запискамъ, адресованнымъ къ баронессѣ Фредериксъ и къ М. С. Сабининой, видно, что все-таки въ рукахъ ихъ сосредоточивались главныя пружины. Передъ ними извинялись, что по нездоровью или какимъ другимъ обстоятельствамъ не могутъ присутствовать на выборахъ предсѣдателя главнаго управленія Общества; имъ отдавались голоса или прямо называли А. А. Зеленаго, по мысли Императрицы. Есть записка Татьяны Борисовны Потемкиной довольно оригинальная:—«Милая баронесса, я получила приглашеніе на сегодняшній день на засѣданіе Общества, о которомъ вы мнѣ говорили. Потрудитесь сказать, поѣдете ли вы и *должны*-ли туда ѣхать? Какое это Общество, мужское или женское? Если вы будете настаивать, чтобы я была, то пріѣзжайте сами за мной; не имѣя никакого понятія ни о помѣщеніи Общества, ни объ индивидуумахъ, посѣщавшихъ его, я не буду знать, у кого я нахожусь и съ кѣмъ буду имѣть дѣло».

Въ другихъ запискахъ говорится, что порученія баронессы и Марѳы Степановны исполнены, списки отправлены ко всѣмъ приглашеннымъ лицамъ, послѣ чего возвратятъ ихъ къ нимъ. Пишутъ къ Сабининой о заказанныхъ кружкахъ, печатяхъ, книгахъ.

Въ собственноручной запискѣ Императрицы, вѣроятно въ отвѣтъ на заданный вопросъ, сказано: «Полагаю, что Красный Крестъ какъ въ Женевѣ, потому что мы примкнули къ конвенціи. Я уже писала м-мъ Мальцевой. М.» Есть много писемъ отъ А. А. Зеленаго, въ которыхъ упоминается о представленіи устава Государынѣ, а потомъ о возвращеніи ею устава, вслѣдствіи чего онъ проситъ г.г. учредителей собраться въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Выборы Главнаго Управленія Общества окончились. Есть печатный списокъ избраннымъ.

Генералъ-адьютантъ *Зеленый* предсѣдателемъ; генералъ-лейтенантъ *Баумгартенъ* и въ званіи камергера *д. с. с. Башмаковъ* товарищами предсѣдателя.

Членами: лейбъ-медикъ *Ф. Я. Карель*, духовникъ царской фамиліи *Бажановъ*, генералъ-адьютантъ *Посьетъ*, д. с. с. *Морицъ*, тит. сов. *Никольскій*, лейбъ-хир. *Нарановичъ*, генералъ-лейтенантъ *Волковъ*, ст. сов. Сергѣй П. *Боткинъ*, генералъ-лейтенантъ *Россетъ*, С. С. *Воронинъ*, С. С. *Рорбекъ*, кол. сов. *Петлинъ*, д. с. с. *Зубаревъ*, свиты Его

Имп. Вел. генералъ-майоръ графъ *Воронцовъ-Дашковъ*, генералъ-м. *Ротъ*, вице-адмиралъ *Воеводскій*, д. с. с. *Риттеръ*, кол. сов. *Голубевъ*, кол. сов. баронъ *Остенъ-Сакенъ*, генералъ-адьютантъ, генералъ отъ инфантеріи баронъ *Фредериксъ*, прапорщикъ графъ *Олсуфьевъ*.

Такимъ образомъ завершилась первая часть идеи, задуманной двумя женскими головами и горячо покровительствуемой женщиной—Государыней Императрицей.

Такъ какъ Обществу Краснаго Креста немыслимо было существовать безъ женскаго содѣйствія, и отсутствіе женщинъ, пожалуй, повлекло бы за собой распаденіе Общества, то нѣкоторые члены, какъ-то: А. А. Зеленый, А. К. Баумгартенъ, Ф. Я. Карель, П. А. Нарановичъ и др., ясно сознававшіе это, настаивали на сформированіи Дамскихъ Комитетовъ.

Во избѣжаніе дальнѣйшихъ столкновеній, разногласій, недоразумѣній, М. С. Сабинина предлагала основать, по примѣру нѣкоторыхъ заграничныхъ Frauen-Verein «Русское Женское Общество». Подобное общество дѣйствуетъ самостоятельно, состоитъ подъ правительственною защитой и пользуется извѣстными правами. Въ мирное время оно заботится о народномъ благосостояніи, а въ военное всецѣло поступаетъ въ вѣдѣніе Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста. Такое общество должно имѣть свой центральный комитетъ въ столицѣ, въ губернскихъ городахъ свои уѣздные комитеты, а въ остальныхъ городахъ и селахъ мѣстные отдѣлы. Всѣ члены общества—дамы за исключеніемъ двухъ - трехъ членовъ Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста, присутствующихъ въ центральномъ комитетѣ; секретарь и казначей выбираются тоже изъ мужчинъ. Дѣятельность этого Общества самая разнообразная и распредѣляется между отдѣлами Общества, по ихъ мѣстоположенію, по нуждамъ и потребностямъ народонаселенія. Встрѣчаются такіе примѣры, что одни и тѣже комитеты или отдѣлы заняты обученіемъ сестеръ милосердія или сидѣлокъ для Краснаго Креста и въ тоже время устраиваютъ престарѣлымъ сестрамъ пожизненный фондъ, пріютъ для временнаго ихъ отдыха или посылаютъ ихъ въ госпитали и мѣста, пораженныя эпидеміей. Чрезъ своихъ членовъ Общество старается пріучить народъ къ умѣренности, бережливости, труду и къ домашней жизни; оно слѣдитъ за распространеніемъ воспитанія дѣтей, пристраиваетъ безпріютныхъ, слабоумныхъ и хронически-больныхъ дѣтей. Кромѣ того, обучаетъ и раздаетъ бѣднымъ ручную работу, матеріялъ для пряжи и тканья, устраиваетъ швейныя школы, покупаетъ швейныя машины для бѣдныхъ швей, даетъ вязать чулки, ткать мѣшки и т. д., при народныхъ бѣдствіяхъ, т. е. голодѣ, пожарахъ, наводненіяхъ, градобитіяхъ даетъ свою помощь;

заботится о сиротахъ оставшихся послѣ эпидеміи, о немощныхъ старикахъ, снабжаетъ ихъ помѣщеніемъ, одеждой, топливомъ, хлѣбомъ и другими жизненными припасами, устроиваетъ дешевыя столовыя, снабжаетъ зерномъ и картофелемъ для обсѣмененія полей; строитъ больницы, пріюты, школы, Фребелевскіе сады; однимъ словомъ, всячески старается поднять бытъ и духъ бѣднаго народонаселенія. Членскій взносъ самый умѣренный, но личный трудъ членовъ Общества, ихъ братская любовь къ страждущимъ составляютъ неизмѣримо-богатый вкладъ, съ которымъ не могутъ сравняться никакія денежныя сокровища. Въ *крайнихъ* случаяхъ допускается устройство спектаклей, лотарей, концертовъ, базаровъ, лекцій и пр., для увеличенія денежныхъ средствъ общества. Тамъ, гдѣ нужда крайняя, и помощь должна быть спѣшная, центральный комитетъ приходитъ на помощь своимъ уѣзднымъ комитетамъ и отдѣламъ.

Но по зрѣломъ размышленіи, М. С. Сабинина сама отказалась отъ мысли основать такое общество, сейчасъ-же вслѣдъ за учрежденіемъ общества Краснаго Креста: пошли бы всякія нареканія, обвиненія въ желаніи отчуждаться; да и была она убѣждена, что въ самомъ скоромъ времени опытъ докажетъ необходимость въ подобныхъ женскихъ учрежденіяхъ, самостоятельныхъ или въ соединеніи съ обществомъ Краснаго Креста.

Нѣсколько лѣтъ спустя Августѣйшая Покровительница Общества Краснаго Креста, Императрица Марія Александровна нашла необходимымъ придти на помощь погорѣвшимъ жителямъ г. Моршанска, и по указанію Ея Величества, Общество примѣнило свою дѣятельность въ мирное время. Вотъ выписка изъ письма генералъ-лейтенанта А. К. Баумгартена къ баронессѣ Фредериксъ отъ 4-го Іюля 1875 года:

«Наше Общество выступило въ мирное время, для оказанія помощи погорѣвшимъ жителямъ Моршанска. Сборы пожертвованій деньгами и одеждой открыты во всѣхъ нашихъ учрежденіяхъ, и на дняхъ отправился въ Моршанскъ, какъ главно-уполномоченный Общества, сенаторъ Половцевъ. При отправленіи Половцова, Ея Величество изволила его лично снабдить подробною инструкціей, какъ поступать, чтобы избѣгать, по возможности, раздачи денегъ на руки и стараться обезпечить самыхъ бѣдныхъ одеждою, продовольствіемъ и помѣщеніемъ на зиму. Самый же важный успѣхъ Общества *въ томъ именно направленіи, въ которомъ вы, вмѣстѣ съ Мареою Степановною, такъ хлопотали*: это привлеченіе женщинъ наравнѣ съ мужчинами къ дѣятельности по Обществу. Въ новомъ уставѣ уже допущены въ составъ мѣстныхъ управленій и дамы, и въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ сдѣлано представленіе, чтобы въ мѣстныхъ управленіяхъ

могли быть предсѣдатели или предсѣдательницы по желанію. Съ утвержденіемъ этого представленія, послѣ восьмилѣтнихъ колебаній, мы снова станемъ въ то положеніе, въ которомъ хотѣли видѣть наше Общество въ началѣ»...

Но возвратимся къ дамскимъ комитетамъ.

Передъ нами опять нѣсколько проектовъ устава, опредѣляющаго порядокъ образованія, составъ и кругъ занятій дамскихъ комитетовъ. Работа эта была сравнительно легкая; имѣя руководствомъ высочайше утвержденный уставъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, потребовалось не особенно много времени и труда для окончательнаго соглашенія. Ввели нѣсколько параграфовъ разъясняющихъ, что для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли Общества и доставленія лицамъ женскаго пола возможности раздѣлять заботы мѣстныхъ упраленій, образуются въ мѣстахъ ихъ учрежденій дамскіе комитеты, даже особые отдѣлы, которые, получивъ разрѣшеніе губернаторовъ, сообщаютъ объ образованіи своемъ въ Главное Управленіе, которое и доводитъ до высочайшаго свѣдѣнія Ея Величества Императрицы, Покровительницы Общества. Каждый комитетъ избираетъ изъ среды своей на два года: предсѣдательницу, товарища ея, а если признаютъ нужнымъ, то дѣлопроизводителя и казначея. Дамскіе комитеты направляютъ дѣятельность свою преимущественно къ увеличенію средствъ Общества, способствуютъ образованію сестеръ милосердія, устройству мастерскихъ для заготовленія разныхъ предметовъ нужныхъ для раненыхъ и больныхъ. Предсѣдательницы дамскихъ комитетовъ сносятся съ мѣстнымъ управленіемъ и совѣщаются о мѣрахъ необходимыхъ къ болѣе успѣшному развитію средствъ Общества. Въ свою очередь, мѣстныя управленія сообщаютъ дамскимъ комитетамъ все, что̀ относится къ кругу ихъ дѣятельности. Дамскіе комитеты имѣютъ свои книги для записыванія денежныхъ и другихъ средствъ, пріобрѣтенныхъ въ пользу Общества. Собранныя денежныя средства дамскіе комитеты передаютъ въ учрежденія, поименованныя въ § 52 утвержденнаго устава, избѣгая по возможности хранить при управленіяхъ суммы выше ста рублей, публикуютъ о всѣхъ пожертвованіяхъ, а о болѣе важныхъ сообщаютъ Главному Управленію для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія Августѣйшей Покровительницы.

Вотъ болѣе или менѣе *суть* программы; руководствуясь ею, начались дѣйствія нашихъ дамъ. Составились дамскіе комитеты, избравъ предсѣдательницей камеръ - фрейлину графиню Екатерину Ѳедоровну Тизенгаузенъ, а вице-предсѣдательницей фрейлину Ея Императорскаго Величества баронессу М. П. Фредериксъ.

Да не будетъ мнѣ поставлена въ упрекъ односторонность или пристрастность къ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Такъ какъ, съ основаніемъ дамскихъ комитетовъ, центръ тяжести разбился на нѣсколько кружковъ, то я могу говорить только о томъ, что̀ непосредственно касается лицъ, довѣрившихъ мнѣ свои бумаги, и это единственный источникъ, изъ котораго я черпаю.

Надо отдать справедливость *женщинамъ* (рука не поднимается означать ихъ пошлымъ именемъ дамъ въ дѣлѣ, гдѣ онѣ выказали лучшую сторону *женщины*): онѣ вложили въ предоставленное имъ поле дѣятельности все богатство женскаго сердца, ума и настойчивости къ достиженію цѣли. Надо однако думать, что въ глубинѣ душъ оставалось чувство обиженности, потому что оно сквозитъ даже въ небольшой запискѣ графини Тизенгаузенъ къ баронессѣ Фредериксъ: «Намъ нужно, пишетъ она, похлопатать о томъ, чтобы согласить всѣ мнѣнія, *чтобы не давать мужчинамъ поводъ говорить, будто мы не умѣемъ быть единодушными*; *постараемся доказать имъ противное*». Въ другихъ запискахъ предсѣдательницы идетъ рѣчь о разныхъ мелочахъ и подробностяхъ дѣятельности; есть также ея проектъ передѣлки устава и черновые отвѣты Сабинина и Фредериксъ, гдѣ онѣ по пунктамъ разбиваютъ ее и доказываютъ невозможность какихъ-бы то ни было перемѣнъ и нововведеній; «это значило бы, говорятъ онѣ, идти противъ высочайше утвержденнаго устава и рисковать затормозить дѣло.»

Такое разногласіе при основаніи Общества можно приписать только тому, что многіе не понимали цѣли Общества, считали его правительственнымъ, а не частнымъ учрежденіемъ и не допускали женскихъ дѣятелей въ составъ его членовъ.

Передъ нами множество отвѣтовъ на приглашенія поступить въ члены или участвовать въ такомъ-то засѣданіи. Два письма Прусскаго посланника принца Рейса къ бар. Фредериксъ: одно—обѣщающее выхлопотать, по ея просьбѣ, образцы различныхъ лазаретныхъ вещей; другое объявляющее, что центральный Берлинскій комитетъ съ удовольствіемъ приподноситъ Русскому обществу цѣлый ящикъ полнаго ассортимента такихъ вещей. Ящикъ переданъ генералу Зеленому, но принцъ считаетъ своею обязанностью увѣдомить баронессу, что желаніе ея исполнено. Есть телеграмма Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны къ М. С. Сабининой, гдѣ она проситъ прислать уставъ новаго Общества очень интересующаго Ея Высочество; она хотѣла-бы основать вспомогательный отдѣлъ. Въ письмѣ къ Сабининой же Ея Высочество выражаетъ нетерпѣніе, съ которымъ она ждетъ основанія отдѣла Краснаго Креста на Кавказѣ, гдѣ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ,

живѣе чувствуетъ необходимость такого благодѣтельнаго учрежденія. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ обѣщалъ свое полное содѣйствіе, а въ гофмейстеринѣ своей Е. П. Эйлеръ она найдетъ основательную помощницу. Нѣсколько позднѣе, Ея Высочество проситъ прислать образцы лазаретныхъ вещей *).

Затѣмъ слѣдуетъ переписка бар. Фредериксъ съ А. А. Зеленымъ.

«Я только сейчасъ узнала отъ Ея Величества, что вы ей сказали, будто дамамъ совершенно не нужно быть на общемъ собраніи. Я жалѣю, что вы не предупредили меня. Послѣдній разъ что̀ вы были у меня, вы просили насъ пріѣхать и, не зная этой перемѣны, я согласилась со многими дамами быть на собраніи. Прошу васъ объяснить, въ чемъ дѣло, отчего такая перемѣна? Что̀ касается до меня лично, то, признаюсь, я теперь неохотно пріѣду; потому что всѣ эти противорѣчія и препятствія, которыя ставятъ дамамъ въ этомъ благотворительномъ дѣлѣ, отбиваютъ у меня охоту ко всякой дальнѣйшей дѣятельности въ дѣлѣ, бывшемъ для меня такимъ святымъ, начатомъ съ такимъ усердіемъ. Я настаивала на присутствіи дамъ на выборахъ, чтобы въ самомъ началѣ не было разрыва Общества,—разрыва, противъ котораго я такъ упорно стояла». А. А. Зелвный писалъ: «Въ послѣдній разъ, когда я имѣлъ честь быть у Государыни Императрицы, Ея Величество изволила сказать, что дамы не рѣшили, быть имъ въ собраніи или нѣтъ, а предоставили желанію каждой и что изъ этого вѣроятно будетъ тоже самое, что̀ было въ первомъ собраніи, т. е. что пріѣдутъ весьма немногія, а за симъ спросила, есть ли непремѣнная надобность, чтобы дамы были въ собраніи? Я отвѣчалъ, что безусловной необходимости въ этомъ нѣтъ, особенно если уже имѣется въ виду, что пріѣдутъ очень немногія. Весьма сожалѣю, что мой отвѣтъ далъ поводъ предположить о нежеланіи видѣть дамъ въ нашемъ собраніи; съ своей стороны я, напротивъ, желалъ бы полнаго участія дамъ въ нашемъ совѣщаніи; и какъ весь успѣхъ нашего дѣла, начатаго дамами, вижу только въ будущей ихъ дѣятельности, то не могъ не желать и присутствія ихъ въ собраніи. Но на вопросъ Ея Величества другаго отвѣта, какъ даннаго мной, сдѣлать не могъ. Мнѣ весьма прискорбно, если останусь виноватымъ въ происшедшемъ недоразумѣніи; я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы вносить въ наше Общество разладъ и не могу не соболѣзновать глубоко, если дамы охладѣютъ къ святому дѣлу Общества: тогда мы должны будемъ отказаться отъ всѣхъ надеждъ на достиженіе цѣли. Позвольте принести вамъ искреннюю благодарность за сообщенную

*) Первый мѣстный комитетъ общ. кр. креста послѣ Москвы былъ основанъ въ Тифлисѣ по вчинанію Великой Княгини Ольги Өеодоровны.

замѣтку о неточности выраженія въ объясненіи къ уставу. Я воспользовался ею и измѣнилъ редакцію». Собраніе состоялось и было чрезвычайно многолюдно. Баронесса Фредериксъ и М. С. Сабинина блестящимъ образомъ были выбраны почетными членами Общества

После этой маленькой вспышки или недоразумѣнія, настаетъ уже чисто-практическая дѣятельность. При главномъ дамскомъ комитетѣ открывается отдѣлъ баронесы Фредериксъ со складомъ подъ особымъ покровительствомъ Императрицы. Изъ переписки видно, что складъ этотъ помѣщался въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Помощницей отдѣла—Мареа Степановна Сабинина; членами отдѣла; княгиня М. А. Долгорукая, княгиня А. В. Голицына, Розалія Ипполитовна Поссьетъ, графиня А. М. Олсуфьева, М. Н. Мансурова, графиня М. С. Стенбокъ, Марья Логиновна Веймарнъ, баронеса М. В. Розенъ, Дарья Алексѣевна Львова, Евгенія Сергѣевна Шеншина, Александра Васильевна Жуковская, Екатерина Михайловна Родзянко, графиня О. А. Борхъ, Марья Ивановна Сенявина, Марья Акимовна Кочетова, Марья Яковлевна Карель, Александра Ивановна Пашкова, графиня Е. В. Гендрикова, баронеса С. П. Фредериксъ. Складъ этотъ быстро обогащается стараніями поименованныхъ лицъ; жертвы такъ и льются со всѣхъ сторонъ, выражаясь въ тысячахъ аршинъ полотна и множествѣ другихъ необходимыхъ предметовъ; каждая изъ дамъ вноситъ свою долю заботы, труда и денегъ. Ярче всѣхъ выдается своею практичной дѣятельностью г-жа А. М. Раевская; она жертвуетъ кровати, бинты, хлопочетъ о прочности и дешевизнѣ матеріаловъ, представляетъ образцы прекрасныхъ носилокъ, отличавшихся легкостью, прочностью и дешевизной, стараясь въ тоже время отдавать работу бѣднымъ, неизвѣстнымъ труженикамъ.

Далѣе идутъ отчеты о засѣданіяхъ отдѣла, на которыхъ разрѣшались самые разнообразные вопросы хозяйственные, по устройству тюковъ *). Не вдаюсь въ подробности, могущія показаться скучными, но могу засвидѣтельствовать, что вездѣ сквозятъ неослабѣваемая энергія и любовь къ дѣлу. Вѣроятно бывали и недоразумѣнія; заключаю это изъ письма гофмейстерины Ея Величества графини Н. Д. Протасовой къ баронессѣ Фредериксъ, письма съ нѣсколько-скептической окраской; вотъ оно: «Сейчасъ получила записку отъ графини Тизенгаузенъ, которая увѣдомляетъ, что она уже не предсѣдательница комитетовъ. Я всегда была противъ этихъ дамскихъ комитетовъ и никогда не хотѣла по-

*) Въ каждомъ тюкѣ полагалось 6 рубашекъ, 4 кофты, 6 простынь, 6 наволокъ, 6 полотенецъ, 6 платковъ, 3 кальсонъ, 3 чулокъ, 2 халата, 2 чехла для подушекъ, 1 чехолъ для сѣна, 2 сѣтки, бинты, компрессы и корпія.

ступить ни въ одно общество; я нахожу, что когда мы собираемся— это совершенно потерянное время: мы споримъ, даже ссоримся и не можемъ придти ни къ какому соглашенію, ни къ какому практическому результату, и все отъ того, что не умѣемъ сдерживать наше самолюбіе, нашу суетность и пр. и пр. Поэтому надѣюсь, милая Маша, что вы не будете хлопотать о выборѣ новой предсѣдательницы и что дамскихъ комитетовъ болѣе не будетъ. У каждой изъ насъ есть свой складъ; будемъ сноситься съ главнымъ комитетомъ г. Зеленаго, и это все что̀ нужно. Вотъ моя profession de foi».

Лѣтомъ весь дворъ и большинство членовъ Общества Краснаго Креста разъѣзжалось; но, не смотря на это, складъ видимо расширялся, потому что всегда кто-нибудь изъ членовъ комитета оставался или часто пріѣзжалъ. Въ 1868-мъ году баронесса М. П. Фредериксъ и М. С. Сабинина оставили Петербургъ и поселились на южномъ берегу Крыма. Письмо Ея Высочества Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской объясняетъ, кому баронесса передала свой складъ. Вотъ что пишетъ она баронессѣ въ Маѣ 1868 года: «Милая Маша, только что вернулась отъ Императрицы, гдѣ рѣшилась принять предсѣдательство твоего отдѣла. Съ благодарностію принимаю предложеніе. Не можешь-ли ты быть у меня завтра въ 12 часовъ? Евгенія». Затѣмъ телеграмма отъ 9-го Мая, въ который Принцесса назначаетъ день и часъ своего прибытія для пріема склада.

Итакъ, наши дамы М. С. Сабинина и баронесса Фредериксъ уѣхали; но недолго пришлось имъ пробыть вдали отъ придворной и общественной дѣятельности: прошло не болѣе года, какъ онѣ были вызваны изъ Крыма Государыней Императрицей и по желанію Ея Величества отправились за границу во время Франко-Прусской войны изучать на мѣстѣ дѣйствія Общества Краснаго Креста, о чемъ надѣюсь разсказать позднѣе.

Все изложенное мною о возникновеніи нашего Русскаго Общества Краснаго Креста я извлекла изъ бумагъ, хранящихся у Маѳы Степановны Сабининой.

Н. Алмазова.

Ялта, 3-е Мая 1892 года.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ СТИХОТВОРЕНІЮ ЛЕРМОНТОВА «КАЗОТЪ».

Всѣмъ извѣстенъ этотъ Лермонтовскій отрывокъ—загадочныя двѣнадцать строкъ, названныхъ именемъ писателя прошлаго вѣка, автора повѣсти „Le diable amoureux“.

На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
Одинъ покинутый безумными друзьями,
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

*

И помню, я, исполнены печали,
Средъ звона чашъ и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

*

Онъ говорилъ: Ликуйте, о друзья!
Чтó вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира.
Но что-жъ?.. Изъ васъ одинъ ее увижу я...

Отрывокъ этотъ найденъ послѣ смерти поэта, напечатанъ только въ 1854 году, но съ тѣхъ поръ помѣщается во всѣхъ изданіяхъ въ числѣ пьесъ послѣднихъ годовъ, тѣхъ совершенныхъ пьесъ, которыя свидѣтельствуютъ о непрерывномъ ростѣ необычайнаго таланта и усиливаютъ скорбь по этой, преждевременно скошенной, безцѣнной жизни. Отъ этихъ стиховъ вѣетъ трагической силой, чувствуется настроеніе чего-то рокового. Такова, очевидно, была бы и въ полномъ видѣ эта піеса, первыя строфы которой едва ли и въ окончательной отдѣлкѣ потребовали-бы перемѣны.

Заглавіе стихотворенію дано при появленіи его въ печати, но безъ объясненія. Въ послѣдующихъ перепечаткахъ Лермонтовскаго текста сдѣлано очень мало для опредѣленія и установки его, и отрывокъ прошелъ чрезъ нихъ въ своей таинственности вплоть до изданій юбилейныхъ, давшихъ такой толчокъ критической работѣ надъ Лермонтовымъ. Но и тутъ большинство изданій, не говоря о спекулятивныхъ, оставляетъ эти стихи безъ объясненія; а одинъ изслѣдователь, много потрудившійся надъ Лермонтовымъ, г. Висковатовъ, пишетъ въ примѣчаніи, слѣдующее: „Казотъ, Французскій писатель, дѣйствовавшій противъ революціи, казненъ 25 Сентября 1792 года. Почему въ изданіи 1863 года дано стихотворенію заглавіе „Казотъ“, непонятно“. (Соч. Лерм., изд. Рихтера 1891, т. I. стр. 284). Изъ всѣхъ редакторовъ Лермонтовскихъ изданій понятно это только г. Болдакову (изд. Гербека), дающему къ пьесѣ коротенькую справку.

Герой пьесы Жюль Казотъ (1720—1792), мистикъ и иллюминатъ, былъ довольно популярнымъ писателемъ своего времени. Его судьба и литературная исторія подробно изложены въ любопытной книгѣ Жерара Де Нерваля „Les Illuminés". Немалую долю извѣстности сообщилъ Казоту разсказъ Лагарпа о необыкновенныхъ его предсказаніяхъ, помѣщенный въ мемуарахъ этого писателя. Подозрѣваемый въ сочиненности и много разъ оспариваемый (между прочимъ недавно Тэномъ въ его „Origines de la France contemporaine"), разсказъ этотъ невольно останавливаетъ вниманіе своей необычайностію, хотя конечно остается на совѣсти автора мемуаровъ. Этотъ-то разсказъ, неизвѣстный въ Русской переводной литературѣ, и далъ несомнѣнно Лермонтову мысль его неоконченнаго стихотворенія.

Въ своихъ сочиненіяхъ Лагарпъ является однимъ изъ тѣхъ несносныхъ Французскихъ писателей, которые, принимаясь за grand art, дѣлаютъ торжественную мину, становятся на ходули и душатъ читателя Александрійскими стихами, холодными какъ смерть. Но въ мемуарахъ (какъ покажетъ приводимый отрывокъ) Лагарпъ сохраняетъ хорошія черты Французскаго писательства и является разсказчикомъ пріятнымъ. Вотъ что̀ пишетъ онъ о Казотѣ, вспоминая время, предшествующее революціи.

„Мнѣ кажется, что это было вчера, между тѣмъ происходило это въ началѣ 1788 года. Мы сидѣли за столомъ у одного изъ товарищей по Академіи, знатнаго барина и умнаго человѣка. Общество было многочисленное и разнообразное: чиновники, придворные, писатели, академики и пр. За десертомъ Мальвазія и Констанцское сообщили веселію хорошаго круга ту долю непринужденности, которая уже не всегда держится въ границахъ такого же тона. Впрочемъ въ то время въ обществѣ позволительнымъ считалось все, что̀ только могло заставить смѣяться. Шамфоръ прочелъ намъ нѣсколько своихъ нечестивыхъ и двухсмысленныхъ сказокъ, и знатныя дамы слушали ихъ, не прибѣгая даже къ защитѣ вѣеровъ. Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ цѣлый потокъ насмѣшекъ надъ религіей, сопровождавшійся аплодисментами. Одинъ изъ пирующихъ встаетъ со стаканомъ полнымъ вина и провозглашаетъ: Да, господа, я также увѣренъ въ томъ, что нѣтъ Бога, какъ въ томъ, что Гомеръ былъ совершенный дуракъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ увѣренъ и въ томъ, и въ другомъ. Передъ тѣмъ говорили о Богѣ и о Гомерѣ, и бесѣдующіе отзывались о томъ и другомъ и хорошо, и дурно. Разговоръ становится серьезнѣе. Со всѣхъ сторонъ слышатся восторги удивленія тому перевороту, который произвелъ Вольтеръ, и всѣ соглашаются, что главная его заслуга въ томъ, что „онъ далъ тонъ своему вѣку и заставилъ себя читать отъ переднихъ до салоновъ". Одинъ изъ гостей, фыркая отъ смѣха, разсказалъ намъ, какъ недавно его парикмахеръ, пудря ему волосы, выразился: — Видите ли, хотя я не болѣе какъ несчастный поденьщикъ, но религію-то я забросилъ давно, какъ и всякій другой. Изъ всего заключали, что переворотъ не замедлитъ совершиться. Необходимо, чтобы предразсудки и фанатизмъ очистили мѣсто философіи; и вотъ стали толковать о вѣроятномъ времени такого переворота и разсчитывать, кто изъ присутствую-

щихъ доживетъ до этого царства разума. Пожилые жалуются на то, что не могутъ на это разсчитывать; молодые радуются, имѣя къ тому очень вѣроятную надежду. И при этомъ особенно много привѣтствій обращено было къ Академіи, которая подготовила это великое дѣло и была главнымъ лагеремъ, центромъ, силой, двигавшей свободную мысль.

Только одинъ изъ присутствующихъ не принималъ участія въ оживленіи этой бесѣды и даже потихоньку высказалъ нѣсколько насмѣшекъ надъ нашимъ энтузіазмомъ. То былъ Казотъ, человѣкъ оригинальный и милый, но зараженный бреднями *иллюминатовъ*. Его героизмъ впослѣдствіи навсегда прославилъ его. Обращаясь къ намъ, онъ сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ: Господа, будьте покойны. Вы всѣ увидите эту великую и чудесную революцію, которую такъ жадно призываете. Вамъ извѣстно, что я немного пророкъ; повторяю вамъ: *вы увидите ее*. Ему отвѣчаютъ извѣстнымъ припѣвомъ: Ну, для этого не надо быть особеннымъ пророкомъ!— Пожалуй, говоритъ онъ; но можетъ быть надо имъ быть въ нѣсколько большей степени, чтобъ сказать вамъ то, что мнѣ остается сказать. Знаете ли вы, что послѣдуетъ изъ этой революціи, что станется съ вами всѣми, находящимися здѣсь, и каковъ будетъ ея исходъ, ея несомнѣнное дѣйствіе, ея логическій выводъ?

— А ну-те? сказалъ Кондорсе своимъ понурымъ и простоватымъ тономъ. Философу особенно любопытно встрѣтиться съ пророкомъ.

— Вы, г. Де-Кондорсе, испустите послѣдній вздохъ, растянувшись на полу темницы. Вы умрете отъ яду, который примете, чтобъ избѣжать руки палача. Благополучіе того времени принудитъ васъ всегда носить съ собою этотъ ядъ *). На минуту всѣми овладѣло большое удивленіе; но сейчасъ же вспомнили, что добрый Казотъ грезитъ часто съ открытыми глазами, и раздался неудержимый смѣхъ.

— То что вы разсказываете, господинъ Казотъ, совсѣмъ не такъ весело, какъ вашъ „Влюбленный Чортъ"; но откуда пришли вамъ въ голову эти темницы, ядъ и палачъ? Что общаго можетъ имѣть все это съ философіей и царствомъ разума?

— Я именно о нихъ и говорю. Во имя философіи, человѣчности и свободы, во время царства разума придется вамъ кончить жизнь такимъ образомъ. И несомнѣнно тогда будетъ царство разума, такъ какъ въ то время ему посвящены будутъ храмы, и даже въ цѣлой Франціи не будетъ тогда иныхъ храмовъ, кромѣ храмовъ разума.

— Ручаюсь однако, сказалъ Шамфоръ съ саркастическимъ смѣхомъ, что не вы будете священникомъ въ одномъ изъ этихъ храмовъ.

---

*) Кондорсе въ 1792 году былъ избранъ президентомъ Законодательнаго Собранія. Послѣ рѣчи произнесенной противъ новой конституціи 1793 года, на него сдѣланъ былъ доносъ, онъ бѣжалъ, былъ пойманъ и отравился. Въ такой же мѣрѣ подтвердились приводимыя здѣсь слова Казота относительно другихъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ лицъ. *Переводъ*.

— Надѣюсь. Но вы, г. Шамфоръ, одинъ изъ нихъ и вполнѣ достойный, вы разрѣжете себѣ жилы двадцатью двумя ударами бритвы и, не смотря на то, вы умрете лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Всѣ переглянулись и не могли удержаться отъ смѣха.

— Вы г. Викъ Д'Азиръ, вы не сами перерѣжете себѣ жилы; но, приказавъ открывать себѣ кровь шесть разъ въ одинъ день, послѣ припадка подагры, для лучшей пользы лѣченія, вы умрете ночью.—Вы, г. Николаи умрете на эшафотѣ.—Вы, г. Больи, на эшафотѣ...

— А, слава тебѣ Господи! сказалъ Руше. Кажется, Казотъ имѣетъ зубъ только противъ Академіи. Онъ расправляется съ ней немилосердно; а такъ какъ я, по милости Божіей...—Вы также умрете на эшафотѣ.

— О, да это какой-то закладъ, воскликнули со всѣхъ сторонъ. Онъ задался цѣлью истребить насъ всѣхъ.—Нѣтъ, не я задался этой цѣлью.

— Что-жъ, развѣ мы будемъ завоеваны Татарами и Турками? Да и то вѣдь...—Не случится, говорю вамъ, ничего подобнаго: править вами будетъ тогда лишь одна философія, одинъ лишь разумъ. Тѣ, что̀ будутъ такъ обращаться съ вами, будутъ все философы, въ устахъ ихъ будутъ тѣ самыя фразы, которыя вы повторяете вотъ уже въ теченіи часа; они будутъ повторять всѣ ваши доводы, приводить, подобно вамъ, стихи Дидро и „Орлеанскую Дѣвственницу"... Слушатели стали говорить на ухо другъ другу:

— Развѣ вы не видите, что онъ сумасшедшій (онъ говорилъ все это самымъ серьезнымъ тономъ). Другіе говорили: Онъ шутитъ, а въ шуткѣ его, какъ вы знаете, всегда замѣшано что нибудь сверхъ-естественное.

— Да, сказалъ Шамфоръ; но его сверхъестественное далеко не весело. Это какой-то всеобщій вѣшатель. И когда все это произойдетъ?

— Не пройдетъ и шести лѣтъ, какъ все, что̀ я сказывалъ вамъ, исполнится...

— Вотъ чудеса, сказалъ я ему тогда. А меня въ эти чудеса вы не впутали?—Съ вами случится нѣчто не менѣе чудесное. Вы будете въ то время вѣрующимъ христіаниномъ. Общія восклицанія огласили залу.

— О, вскричалъ Шамфоръ, въ такомъ случаѣ я спокоенъ. Если мы должны погибнуть, когда Лагарпъ сдѣлается христіаниномъ, то мы бесмертны!

— Въ этомъ случаѣ, сказала герцогиня Де-Грамонъ, мы, женщины, счастливы тѣмъ, что намъ въ революціяхъ не придаютъ никакого значенія. Я говорю, не имѣемъ значенія не въ томъ смыслѣ, чтобы мы нисколько въ нихъ не участвовали, но что на насъ обыкновенно не обращаютъ вниманія и что нашъ полъ...

— Вашъ полъ, сударыня, не будетъ вамъ на этотъ разъ защитой; и хотя бы вы ни въ чемъ не принимали участія, съ вами будутъ обращаться совершеннс также какъ съ мущинами, безъ малѣйшаго различія.

— Да что̀ вы намъ разсказываете, Казотъ? Вѣдь вы проповѣдуете конецъ свѣта?—Не знаю; но я знаю, что вы, герцогиня, будете отвезены на эшафотъ вмѣстѣ со многими другими дамами, на телѣгѣ палача, съ связанными за спиной руками.

— О, надѣюсь, что въ такомъ случаѣ мнѣ дадутъ по крайней мѣрѣ карету, обитую чернымъ. —Нѣтъ, сударыня: еще болѣе важныя дамы чѣмъ вы, будутъ ѣхать въ телѣгѣ, съ руками также связанными какъ у васъ.

— Болѣе важныя дамы! Развѣ принцессы крови?—Еще болѣе важныя.

Здѣсь въ обществѣ произошло волненіе, и лицо хозяина дома омрачилось. Начинали находить, что шутка заходитъ слишкомъ далеко. Герцогиня Де-Грамонъ, чтобъ разсѣять это облако, сдѣлала видъ, что не придаетъ значенія послѣднему отвѣту и ограничилась тѣмъ, что сказала только самымъ шутливымъ тономъ:—Вы видите, онъ не даетъ мнѣ даже священника для исповѣди.

— Да, вамъ не дадутъ его и не дадутъ никому. Послѣдняя изъ жертвъ, которой будетъ позволено изъ милости имѣть исповѣдника, будетъ... Онъ остановился на минуту.

— Ну-те, кто будетъ счастливый смертный, кому оказана будетъ эта милость?—Да, послѣдняя доступная ему милость: это будетъ король Франціи.

Хозяинъ дома быстро всталъ, и всѣ встали вслѣдъ за нимъ. Онъ подошелъ къ Казоту и сказалъ рѣшительнымъ тономъ:—Милѣйшій г. Казотъ, прошу васъ прекратить вашу мрачную шутку. Вы зашли слишкомъ далеко и начинаете компрометировать какъ общество, въ которомъ находитесь, такъ и себя самого. Казотъ не отвѣчалъ ничего и собрался уходить. Но г-жа Де-Грамонъ, желавшая все-таки избѣжать серьезнаго тона и вернуться къ веселью, сказала, подойдя къ нему:—Господинъ пророкъ, вы всѣмъ намъ предсказываете нашу участь; а себя-то и забыли?

Онъ молчалъ нѣсколько минутъ, опустивъ глаза; потомъ сказалъ:

— Читали ли вы, сударыня, исторію осады Іерусалима Іосифа Флавія?

— Конечно, кто же не читалъ этого? Но предположите, что я не читала.

— Такъ вотъ, во время этой осады, одинъ человѣкъ въ теченіи семи дней обходилъ вокругъ укрѣпленій, на виду у осаждающихъ и осажденныхъ, крича безъ перерыву громовымъ и скорбнымъ голосомъ: Горе Іерусалиму! Горе мнѣ самому! И наступило мгновенье, когда громадный камень, брошенный орудіями враговъ, попалъ въ него и размозжилъ его на мѣстѣ.

Сказавъ это, Казотъ раскланялся и ушелъ".

*

Послѣдняя строчка Лермонтовскаго отрывка идетъ нѣсколько въ разрѣзъ съ этимъ разсказомъ: самъ Казотъ погибъ отъ революціонной сѣкиры раньше, чѣмъ нѣкоторыя изъ указанныхъ имъ на „буйномъ пиршествѣ" лицъ. Но поэтъ, заставляя его заглядывать въ „закрытую предъ нами даль грядущаго", и не имѣлъ въ виду повторить лишь сомнительный анекдотъ. Великіе писатели свободно направляютъ разнообразные родники, питающіе ихъ творчество, и изъ такого же полудостовѣрнаго разсказа о Сальери и Моцартѣ Пушкинъ создаетъ одно изъ чудесъ исторической поэзіи и душевнаго проникновенія.

В. Г.

ПИСЬМА КЪ АНТОНІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ВОРОНЕЖСКОМУ И ЗАДОНСКОМУ.

1.

Преосвященнѣйшій владыко! Возлюбленный о Господѣ братъ!

Честный образъ иже во святыхъ отца нашего Митрофана, епископа Воронежскаго, новоявленнаго чудотворца, отъ святыхъ мощей его, при доброжелательномъ письмѣ вашего преосвященства, получилъ я какъ вожделѣнное благословеніе сего святителя.

Сорадуюсь церкви Христовой, благодатнымъ дарованіемъ его утѣшенной, украшенной и облаготворенной.

Сорадуюсь вамъ, близкому свидѣтелю новодѣйствующей благодати.

Благодарю Бога, что сподобилъ и мое смиреніе нетребующему помощи человѣческой дѣлу Его малую, но искреннюю лепту служенія привнести и о истинной благодати благоговѣйное мнѣніе подать.

Не зная, сподобитъ ли Богъ меня, привязаннаго къ извѣстнымъ мѣстамъ узами служенія, припасть ко святымъ мощамъ святителя Митрофана, усердно прошу ваше преосвященство въ вашемъ къ нему поклоненіи и о мнѣ молитвенное воспоминаніе принести.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою во Христѣ Господѣ любовію есмь вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій.

Москва. Октября 8-го 1832.

2.

Преосвященный владыко! Возлюбленный о Господѣ братъ и сослуживецъ!

Получивъ при почтеннѣйшемъ вашего преосвященства писаніи образъ новоявленнаго святителя и чудотворца Митрофана, я съ благоговѣйною радостію облобызалъ оный.

Подлинно, всѣ вѣрныя чада святой церкви и любезнаго отечества должны душевно радоваться и сердечно благодарить Господа о явленіи во дни наши нетлѣнныхъ мощей угодника Его. Оно ясно свидѣтельствуетъ, что въ Россіи продолжается родъ правыхъ, на который и ради котораго Господь ниспосылаетъ Свое благословеніе; оно громогласно проповѣдуетъ о хранящемся у насъ православіи и служитъ явнымъ знаменіемъ Божія промышленія о святой церкви нашей.

Единаго прошу и молю у Господа: да святое сѣмя, прозябшее нынѣ по благодати Его отъ земли вашей паствы, произраститъ многъ плодъ вѣры и добродѣтели во всемъ нашемъ отечествѣ; да возбудятъ святыя доблести православнаго святителя ревность къ духовнымъ подвигамъ во всѣхъ сынахъ церкви православной.

Впрочемъ честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію вашего преосвященства усерднѣйшій слуга Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

22-го Октября 1832 года.

Печатаемыя письма извлечены нами изъ архива Воронежской Духовной Консисторіи. Открытіе мощей святителя Митрофана совершилось 7 Августа 1832 года въ г. Воронежѣ.

Ст. Звѣревъ.

ТРАГИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ.

Въ Февральской книжкѣ „Русскаго Архива“ 1891 года помѣщенъ небольшой разсказъ А. Корсунова, подъ заглавіемъ: „Трагическій случай прошлаго вѣка“, въ которомъ онъ передаетъ записанный отцомъ его случай, какъ дочь извѣстнаго генерала Черткова, бывшаго когда-то Азовскаго губернатора, сдѣлалась невольной преступницей. Отецъ, подозрѣвавшій дочь въ тайныхъ свиданіяхъ съ адъютантомъ его, явился однажды неожиданно въ комнату дочери, когда тамъ былъ ея обожатель, и она, желая скрыть отъ отца присутствіе его, заперла его въ сундукъ, гдѣ онъ и задохся, пока сидѣлъ у нея отецъ. Это невольное преступленіе повело за собою другое: кучеръ, скрывшій, по уговору горничной, трупъ злополучнаго адъютанта и нагло потомъ эксплоатировавшій свою несчастную барышню, хваставшій вліяніемъ своимъ на нее, былъ заживо сожженъ ею, при помощи преданной ей горничной, въ кабакѣ, вмѣстѣ съ пировавшими съ нимъ пріятелями его, изъ желанія избавиться отъ опаснаго свидѣтеля ея невольнаго преступленія. Авторъ разсказываетъ далѣе, что несчастная преступница, лишенная счастія жизни и спокойствія совѣсти, созналась императрицѣ Екатеринѣ II, которая, во вниманіе къ ея чистосердечному раскаянію, простила ее, повелѣвъ ей только вступить въ монастырь и молитвою искупить тяжкій грѣхъ свой. Заканчивая свой разсказъ, г. Корсуновъ выражаетъ желаніе, чтобы кто-нибудь изъ читателей „Русскаго Архива“ въ Екатеринославѣ занялся изложеннымъ событіемъ, порывшись въ архивѣ тамошняго Окружнаго Суда, гдѣ вѣроятно можно отыскать подробности этого происшествія въ дѣлахъ за 1780—1788 годы.

О происшествіи этомъ не разъ упоминалось уже въ печати въ разное время, оно отчасти послужило и канвой для повѣсти графа Сальяса „Бригадирская Внучка“. По времени оно пріурочивалось къ царствованію то Екатерины II, то Павла, то Александра Благословеннаго, причемъ всякій разъ указывалось и новое мѣсто дѣйствія его. Поэтому едва ли въ архивѣ Екатеринославскаго Окружнаго Суда нужно искать оффиціальныхъ подробностей этого дѣла. Лѣтъ 20 тому назадъ, мы слышали этотъ разсказъ отъ одной дряхлой старухи К. М. Тимофѣевой, которая передавала подробно обстоятельства этого событія тоже со словъ отца своего, бывшаго помѣщика Полтавской губерніи, служившаго подъ начальствомъ генерала, въ семействѣ котораго случилось это несчастіе. Отецъ ея зналъ хорошо и этого генерала (фамилію его мы позабыли), и дочь его; но самое событіе, по словамъ ея, имѣло мѣсто въ Полтавѣ, въ царствованіе императора Павла. Въ общемъ оба разсказа сходны между собою, съ тою лишь разницею, что, по словамъ Тимофѣевой, тайна преступленія обнаружена была не самой преступницей, а попадьей, женой того священника, которому на исповѣди покаялась преступница, мучимая угрызеніемъ совѣсти. Священникъ, подъ строжайшимъ секретомъ, передалъ объ этомъ своей женѣ, а послѣдняя разблаговѣстила объ этой тайнѣ всѣмъ, тоже, вѣроятно, по секрету. Преступницу, конечно, судили и приговорили, по лишеніи правъ состоянія, къ каторжнымъ работамъ; но когда доложили объ этомъ императору Павлу, то онъ, во вниманіе къ заслугамъ убитаго горемъ отца

преступной дочери и къ чистосердечному раскаянію самой преступницы, вмѣнилъ ей въ наказаніе содержаніе въ тюрьмѣ и повелѣлъ въ монастырѣ искупить тяжкій грѣхъ свой; священникъ же, нарушившій тайну, повѣданную ему на духу, лишенъ сана, а горничная, уговорившая брата своего, кучера, скрыть трупъ адъютанта и помогавшая потомъ барышнѣ своей въ поджогѣ кабака, сослана была въ Сибирь.

А. Дюма въ разсказахъ своихъ подъ заглавіемъ: „Les crimes célèbres", тоже повѣствуетъ объ этомъ событіи, называетъ даже и фамилію генерала, командовавшаго войсками, расположенными въ *Полтавской* губерніи, какого-то „Tchérmayloff"-а (не Измайловъ-ли?), и имена всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этой драмѣ; дочь генерала названа у него какъ-то странно „Vaninca" (ея именемъ озаглавленъ и самый разсказъ объ этомъ событіи). Дѣйствіе этой драмы происходитъ у него въ Петербургѣ, въ царствованіе императора Павла, въ 1800—1801 годахъ. Подробности ея, равно какъ и точная резолюція Павла по этому дѣлу, заимствованы имъ, по его словамъ, изъ рѣдкаго въ библіографическомъ отношеніи сочиненія „Dupret de Saint-Maure", подъ заглавіемъ „L'Ermite en Russie". Въ концѣ своего разсказа Дюма приводитъ и подлинный текстъ резолюціи императора Павла, переданный имъ черезъ руки самого отца преступной дочери графу Палену къ исполненію. Вотъ въ чемъ заключалась эта резолюція.

„Le pope ayant violé ce qui doit rester inviolable, c'est-à-dire le secret de la confession, sera exilé en Sibérie et déchu des fonctions du sacerdoce. Sa femme le suivra; elle est coupable pour n'avoir point respecté le caractère d'un ministre de l'autel.

Annouschka, la femme de chambre, ira également en Sibérie, pour n'avoir pas averti son maître de la conduite de sa fille.

Je conserve au général toute mon estime; je le plains et je m'afflige avec lui du coup mortel qui vient de le frapper.

Quant à Vaninka, je ne connais aucune peine qu'on puisse lui infliger; je ne vois en elle que la fille d'un brave militaire, dont la vie fut toute consacrée au service de son pays.

D'ailleurs, ce qu'il y a d'extraordinaire dans la découverte du crime semble placer la coupable hors de limites de ma sévérité: c'est elle-même que je charge de sa punition. Si j'ai bien compris ce caractère, s'il lui restent quelques sentiments de dignité, son coeur et son remords lui traceront la route quelle doit suivre".

Павелъ I вручилъ эту резолюцію несчастному отцу, для передачи гр. Палену, С.-Петербургскому генералъ-губернатору, и высочайшее повелѣніе въ точности было выполнено. „Vaninka" тотчасъ же удалилась въ монастырь, заключаетъ свой разсказъ А. Дюма, и въ концѣ того же года умерла, а отецъ ея былъ убитъ подъ Аустерлицемъ.

Что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, не плодъ досужей фантазіи, а быль несомнѣнно, на это указываетъ и самое тождество толкованій его, исходящихъ изъ разныхъ источниковъ. Желательно было бы, дѣйствительно, выяснить какъ имена дѣйствовавшихъ лицъ въ этой семейной драмѣ, такъ и время и мѣсто дѣйствія ея.

Д. Ильченко.

Тамбовъ.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ А. М. ФАДѢЕВА.

Когда я прочиталъ въ 5-й кн. „Р. Архива“, 1891 г. въ воспоминаніяхъ А. М. Фадѣева, что „по возвращеніи его изъ С.-Петербурга въ Саратовъ, онъ засталъ у себя сына своего Ростислава Андреевича, вернувшагося изъ поѣздки на Кавказъ, здоровымъ, бодрымъ, какъ всегда, духомъ“, мнѣ припомнилась одна изъ многихъ шалостей этого бодраго духомъ Кавказца, совершенная имъ въ тогдашнюю бытность его въ Саратовѣ.

Въ то время двухъ-этажный домъ, въ которомъ жилъ Саратовскій губернаторъ А. М. Фадѣевъ, находился на соборной площади, и рядомъ съ этимъ домомъ, по одной линіи, стояли небольшіе деревянные, въ три окошка, домики, изъ которыхъ второй отъ губернаторскаго дома принадлежалъ извѣстному по всей губерніи частному повѣренному, по тогдашнему стряпчему, г. Ступину. Въ этомъ домикѣ проживалъ Ступинъ со всѣмъ семействомъ, во главѣ котораго стояла его жена, почтенныхъ лѣтъ женщина, которая, какъ хорошая хозяйка, сама занималась покупкою съѣстныхъ припасовъ. На дворъ къ Ступинымъ зашелъ мужикъ-охотникъ, настрѣлявшій по заводямъ разлившейся отъ водополья Волги дикихъ утокъ. Къ нему вышла изъ дому на крылечко сама г-жа Ступина; между нею и охотникомъ начался осмотръ утокъ, и покупательница, какъ опытная хозяйка, не удовлетворившись наглядным осмотромъ, взяла одну изъ утокъ за головку, приподняла ее кверху, чтобъ удостовѣриться въ вѣсѣ, какъ вдругъ изъ верхняго этажа губернаторскаго дома раздался выстрѣлъ, свистнула пуля прямо въ шейку утки, и изобразилась слѣдующая картина: г-жа Ступина окаменѣла отъ ужаса на крылечкѣ, держа руку съ уцѣлѣвшею между пальцами головкою утки къ верху, сама же утка съ перерванною шейкой лежитъ у ногъ окаменѣвшей, а внизу крылечка охотникъ, считая все это дьявольскимъ навожденіемъ, крестится и твердитъ: Святъ! Святъ!

Картину такого рода создалъ экспромтомъ лично самъ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ. Завидѣвъ изъ окна втораго этажа губернаторскаго дома торговлю, происходящую между г-жею Ступиною и охотникомъ, онъ схватилъ пистолетъ, и, улучивъ минуту, выстрѣлилъ въ шейку утки и не далъ промаха!

Въ воспоминаніяхъ своихъ Андрей Михайловичъ упомянулъ вскользь о помѣщикѣ Галицкомъ, и сообщенное имъ совершенно вѣрно; сомнѣніе можетъ родиться лишь въ одномъ случаѣ: былъ ли Галицкій камердинеромъ у графа Нессельроде? Отвѣтъ на это можно было бы получить или отъ графа Нессельроде, или отъ его главнаго управляющаго А. П. Евреинова, передъ которымъ П. П. Галицкій отчитывался по управленію Саратовскими имѣніями графа. Но ни перваго, ни послѣдняго нѣтъ уже на свѣтѣ. Въ формулярѣ же г. Галицкаго значилось только: „вступилъ въ службу изъ вольноопредѣляющихся“. Всю жизнь свою онъ прожилъ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Анненковѣ, Кузнецкаго уѣзда, вблизи села Аблязова, родины Радищевыхъ. При жизни своей г. Галицкій чуждался дворянства и не знакомился съ нимъ.

Этимъ же платили ему и дворяне, какъ-то: Радищевы, Бобоѣдовы, Булыгины, Татариновы, Кафтыревы и другіе. Поэтому Галицкій ни въ какія должности по выборамъ не баллотировался, создавъ себѣ особое ото всѣхъ служебное положеніе, построилъ на свой счетъ въ г. Кузнецкѣ прекрасное уѣздное училище, сохранившееся и теперь. съ двумя флигелями для штатнаго смотрителя и учителей, надворнымъ строеніемъ, банею, и прикупилъ еще городское мѣсто для огорода. Въ училищѣ этомъ онъ состоялъ до смерти почетнымъ смотрителемъ, получилъ чинъ коллежскаго ассессора, вносилъ каждогодно опредѣленную сумму денегъ, но послѣ открытія училища ни разу его не посѣтилъ, не взирая на предназначенную для почетныхъ смотрителей, по уставу уѣздныхъ училищъ, обязанность: „посѣщать ввѣренныя имъ училища какъ можно чаще, и не менѣе какъ одинъ разъ въ годъ". Если же Андрей Михайловичъ поставилъ Галицкаго въ одинъ рядъ съ гг. Остеномъ, Закревскимъ и княземъ Оболенскимъ, то ясно, что Петръ Павловичъ Галицкій былъ, въ свое время, человѣкъ недюжинный, и если чуждался мѣстнаго дворянства, то не чуждался современной литературы: въ домѣ у него всегда имѣлись текущіе журналы, газеты и прочія произведенія прежней словесности.

Аскалонъ Труворовъ.

НАРОДНОЕ СКАЗАНІЕ О СМЕРТИ АРАКЧЕЕВА.

Въ городѣ Тихвинѣ мнѣ пришлось услыхать характерное преданіе о смерти Аракчеева, лица́, еще очень памятнаго здѣсь.

Какъ-то разъ, проходила черезъ Грузино одна Цыганка-волшебница. Графъ узналъ о ней и призвалъ ее къ себѣ погадать. „А ну-ка, говоритъ, старуха, скажи мнѣ, когда и какъ я умру?" — „А умрешь ты, голубчикъ, отвѣчаетъ волшебница,черезъ столько-то и столько-то времени отъ *севоднишново* дня, и не своей смертью помрешь". Задумался Аракчеевъ.— „А ты правду говоришь?" спрашиваетъ.—„Никогда не вру", говоритъ Цыганка.— „Ну а какъ ты умрешь и когда ты умрешь?"—„А я умру сегодня, и тоже не своей смертью".—„Ну хорошо", говоритъ Аракчеевъ, „если будетъ такъ, то я повѣрю твоему предсказанью". Наградилъ Аракчеевъ Цыганку и отпустилъ, а за нею сзади послалъ верховаго слѣдить за нею. Долго шла Цыганка, часа четыре шла, а верховой за нею ѣдетъ шажкомъ да думаетъ: „ишь проклятая, не умираетъ-то какъ долго". Ѣхалъ, ѣхалъ верховой, надоѣло; повернулъ онъ коня да такъ круто повернулъ, что конь сорвалъ съ ноги подкову; подкова-то соскочила, да прямо Цыганкѣ въ високъ. Сразу же тутъ и умерла Цыганка. Пріѣхалъ верховой къ Аракчееву, докладываетъ: „Такъ и такъ, умерла Цыганка". „Ну значитъ правду она мнѣ предсказала", подумалъ Аракчеевъ, „значитъ скоро я умру и не своей смертью". И дѣйствительно, черезъ то самое время, какъ Цыганка предсказала, отправили его на тотъ свѣтъ: зелья въ кушанье подсыпали.

И. П. Мордвиновъ.

Яковлево, Новгор. губ., 23 Мая 1892.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г НА БОРОЗДИНА О Н. Н. МУРАВЬЕВѢ-КАРСКОМЪ.

По поводу моей статьи въ Апрѣльской книжкѣ «Русскаго Архива», разбиравшей «Воспоминанія» г. Бороздина о Н. Н. Муравьевѣ, я получилъ на дняхъ изъ Тифлиса отъ авторитетнаго лица нѣсколько замѣчаній, которыя привожу здѣсь съ моими поясненіями, въ увѣренности, что читатели, интересующіеся затронутыми событіями и лицами, не посѣтуютъ за это.

«Во первыхъ. Снятіе нашихъ укрѣпленій на восточномъ берегу Чернаго моря (говорится въ письмѣ ко мнѣ изъ Тифлиса отъ 13-го Апрѣля) было возложено на вице-адмирала Серебрякова, бывшаго тогда начальникомъ Черноморской береговой линіи. Трудная задача эта была исполнена имъ посредствомъ судовъ Черноморскаго флота для тѣхъ укрѣпленій, гарнизоны коихъ не имѣли сухопутнаго отступленія. До вступленія въ Черное море непріятельскихъ союзныхъ эскадръ, не успѣли снять только гарнизонъ укрѣпленія Гагры, обреченнаго такимъ образомъ на гибель; но онъ былъ спасенъ частнымъ шкиперомъ (Грекомъ Сарандо Фоти) по вызову Серебрякова. Событіе это было, конечно, въ свое время и въ данныхъ обстоятельствахъ радостнымъ, и впечатлѣніе этой случайной радости ввело г-на Бороздина въ заблужденіе относительно значенія общей мѣры—снятія нашихъ укрѣпленій».

Изучая въ военныхъ архивахъ все, относившееся до эпохи Крымской войны на Кавказѣ, я очень хорошо зналъ, что снятіе большей части береговой линіи было возложено на вице-адмирала Серебрякова, но позабывъ упомянуть объ этомъ, приписавъ все дѣло (кромѣ Абхазіи) генералу Козловскому, которому собственно поручено было лишь снятіе гарнизоновъ Новороссійска и Анапы, отступившихъ сухимъ путемъ. Что же касается укрѣпленія Гагры, то и я писалъ тоже, что̀ поясняетъ замѣчаніе изъ Тифлиса.

«Второе. Г-нъ Бороздинъ преувеличиваетъ, а вы придаете уже слишкомъ малое значеніе вторженію горцевъ въ Кахетію, при которомъ они проникли за Алазань, разграбили нѣсколько селъ и церквей и увели въ плѣнъ нѣсколько сотъ душъ. Такого событія не случалось со времени владычества Русскихъ въ Грузіи, и оно не могло пройти безъ вниманія и не произвести сильнаго впечатлѣнія, если бы даже въ числѣ плѣнныхъ не находились княгини Чавчавадзе и Орбельяни».

Дѣйствительно, *подобнаго* набѣга горцевъ *на правый берегъ* Алазани не бывало съ начала XIX столѣтія; здѣсь происходили хотя частыя, но гораздо меньшихъ размѣровъ хищничества Лезгинъ; *на лѣвомъ же берегу такіе* большіе набѣги случались и на моихъ глазахъ; напримѣръ, въ Февралѣ 1845 года въ Кварели, гдѣ былъ убитъ

участковый засѣдатель Додаевъ, а у жены его отрѣзаны пальцы съ кольцами и т. д.; да и наканунѣ набѣга въ Цинондали Шамиль атаковалъ Шильды и Енисели, гдѣ погибло немало людей. Если я не придаю особаго значенія набѣгу этому и увѣренъ, что безъ плѣненія княгинь ему не посвятили бы такого вниманія въ Тифлисѣ и особенно въ Петербургѣ, то соображаюсь съ обстоятельствами того времени: послѣ неудачъ на Дунаѣ, послѣ собравшихся надъ Россіею грозныхъ тучъ Европейской коалиціи и вообще извѣстныхъ печальныхъ обстоятельствъ эпохи Крымской войны, могло ли какое-нибудь Кавказское происшествіе, хотя и необычайное, но имѣвшее лишь характеръ мѣстный, возбудить такое подавляющее впечатлѣніе, чтобы потребовалась блестящая побѣда надъ Турецкою арміею въ Малой Азіи для смягченія этого впечатлѣнія? А плѣненіе княгинь, дочерей Грузинскаго царевича Ильи, наносило горестный ударъ первѣйшимъ домамъ Грузіи и должно было возбудить во всѣхъ, отъ Государя до каждаго служившаго за Кавказомъ, чувства сожалѣнія и обиды, но не политической тревоги и опасеній за судьбу края, какъ это казалось г. Бороздину или тѣмъ, по словамъ которыхъ онъ писалъ свои «Воспоминанія». Происшествіе въ Кахетіи произвело впечатлѣніе на сердца, а не на разумъ. Лучшимъ доказательствомъ такому моему заключенію служатъ слова императора Николая, написанная на донесеніи о плѣненіи княгинь: «Ужасно; употребить всѣ возможныя средства къ скорѣйшему освобожденію плѣнницъ и какъ можно чаще сообщать мнѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о ихъ судьбѣ». Ни одного слова, намекающаго на опасеніе за Грузію, Тифлисъ и т. п.; только сердечное участіе къ участи плѣнныхъ дамъ.

Князь Воронцовъ, получивъ извѣстіе объ этомъ же происшествіи, писалъ князю Барятинскому 24 Апрѣля 1854 г. изъ Шлангенбада: «Мы знаемъ, что Шамиль былъ на Лезинской линіи, что онъ потерялъ много людей въ Шильдахъ и что Даніель-Бекъ, или другой изъ его наибовъ, къ несчастію, проникъ до Цинондали и захватилъ семейство Чавчавадзе съ несчастной вдовой нашего дорогаго Илико *). Вы можете понять, какъ тяжело отозвалось на насъ это горестное событіе. Дай Богъ, чтобы нашли возможность выручить дорогихъ, бѣдныхъ княгинь и ихъ дѣтей, и чтобы они могли выдержать это ужасное испытаніе. Надо поручить себя Богу и ожидать на все Его божественной благости». И тутъ только выраженіе горести по поводу плѣна княгинь, и ни слова объ опасеніяхъ за судьбу Грузіи.

«Третье. Во время самоубійства Александровскаго я былъ въ Тифлисѣ. Помню, что тотчасъ по полученіи объ этомъ извѣстія братъ Александровскаго Василій поѣхалъ на мѣсто происшествія. Затѣмъ ходили слухи, что у покойнаго находился билетъ (или нѣсколько билетовъ) Государственнаго Банка и что этотъ безъименный билетъ былъ купленъ на деньги, принадлежавшія князю Бебутову, врученныя Алек-

*) Князь Илья Орбельяни, умершій отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкларомъ, въ Ноябрѣ 1853 года.

сандровскому при отправленіи его съ донесеніемъ о Кюрюкъ-Даринской побѣдѣ. Но это были лишь слухи. Г. Бороздинъ говоритъ, что билетъ былъ въ 500 тыс. рубл.; поправляя его, вы утверждаете, что онъ былъ въ 300 тыс. Очень любопытно, какія вы имѣете доказательства для подобнаго утвержденія? Я допускаю, что князь Бебутовъ могъ передать Александровскому какія-нибудь деньги для пріобрѣтенія въ Петербургѣ безъименныхъ билетовъ; увѣренъ, что если такіе билеты были, то Василій Александровскій отдалъ ихъ Бебутову послѣ смерти брата; но, судя по размѣру казенныхъ суммъ, имѣвшихся въ распоряженіи князя Бебутова, и по незначительному наслѣдству, оставленному имъ женѣ и дѣтямъ, согласенъ заключить, что онъ не могъ передать Александровскому такой большой суммы».

Замѣчаніе это, главнымъ образомъ, сводится къ цифрѣ суммы, на которую былъ билетъ, найденный при застрѣлившемся Александровскомъ. Само собою, какія же доказательства могутъ быть у меня на то, что это было 300/т. ? Моя вина въ этомъ случаѣ, что я, сказавъ не 500, а 300, не прибавилъ: какъ говорили люди, заслуживавшіе вѣры. Въ этой винѣ каюсь. Долженъ однако замѣтить, что вслѣдствіе близкаго знакомства не только съ обоими братьями Александровскими, но и со многими чиновниками Тифлисскаго губернскаго управленія, особенно съ бывшимъ въ то время секретаремъ Губернскаго Правленія В. Ѳ. Бѣльскимъ, моимъ сослуживцемъ и пріятелемъ, я могъ многое знать гораздо вѣрнѣе другихъ; вѣдь всѣ донесенія и дознанія объ этомъ происшествіи, т. е. самоубійствѣ флигель-адъютанта Александровскаго, сосредоточивались въ Тифлисскомъ Губернскомъ Правленіи; тогда Елисаветопольскій уѣздъ, въ которомъ происшествіе случилось, принадлежалъ къ составу Тифлисской губерніи; особыхъ судебныхъ слѣдователей не было, слѣдствія производились полицейскими чиновниками, представлявшими ихъ въ Губернское Правленіе. Не стану утверждать, что именно отъ Бѣльскаго слышалъ подробности дѣла, но полагаю, что скорѣе всего отъ него, и въ такомъ случаѣ это уже истина, а не слухъ. Затѣмъ я тоже не утверждалъ, что Василій Александровскій присвоилъ себѣ билетъ, а напротивъ полагалъ, что онъ, изъ привязанности къ брату и изъ уваженія къ князю Бебутову, могъ возвратить ему билетъ. И о князѣ Бебутовѣ я вовсе не говорилъ, что онъ воспользовался казенными суммами; я только высказалъ, что если бы и было положительно доказано о принадлежности князю Бебутову билета въ 300/т., то это едвали могло произвести особую сенсацію и возбудить неудовольствіе на генерала Реада (какъ сказано у Бороздина), потому что подобнаго рода дѣла были тогда такъ обычны и повсемѣстны въ государствѣ и что Реадъ, этотъ калифъ на часъ, не могъ устранить ихъ, да еще во время войны, въ разгаръ тревожныхъ событій, поглощавшихъ вниманіе всѣхъ, отъ Государя до каждаго командующаго войсками включительно.

«Четвертое. П. А. Брянчаниновъ былъ честный и правдивый человѣкъ; я не имѣю основанія сомнѣваться и въ правдивости Н. Н. Му-

равьева. Но память можетъ всякому измѣнить, доказательствомъ чему служитъ та часть разсказа Брянчанинова, которая касается рояля. Можно ли допустить, чтобы Муравьевъ предложилъ Барятинскому въ подарокъ казенный рояль? Въ дѣйствительности ни о какомъ рояли не было рѣчи, а была рѣчь о библіотекѣ. Приготовляясь къ отъѣзду, Барятинскій сказалъ какъ-то Муравьеву, что ему причиняетъ много хлопотъ укладка и отправка его весьма большой библіотеки, на что̀ Муравьевъ отвѣчалъ: «оставьте ее здѣсь; вѣдь вы скоро сюда вернетесь». Это я знаю отъ Барятинскаго. Такой прямой намекъ со стороны Муравьева уясняетъ очень многое во всемъ этомъ дѣлѣ. Муравьевъ былъ человѣкъ честный, своеобразно - умный, много знающій, всегда благонамѣренный, даже въ своихъ ошибкахъ, иногда весьма важныхъ и вредныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ лишенъ и самохранительной предусмотрительности. Лично противъ Барятинскаго онъ ничего не имѣлъ и былъ даже къ нему близокъ по семейнымъ связямъ своей жены. Признавая его негоднымъ въ должности начальника Главнаго Штаба (въ чемъ и былъ правъ), но цѣня его военныя способности и его энергію, и не желая съ нимъ ссориться, онъ ему предлагалъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ на театръ военныхъ дѣйствій и обѣщалъ поручать ему исполненіе самыхъ важныхъ операцій. Барятинскій не принялъ этого предложенія и заявилъ желаніе уѣхать въ Петербургѣ. На мои убѣжденія, что ему неприлично и невыгодно отказываться отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ возразилъ, что не вѣритъ Муравьеву и что онъ его подведетъ и скомпрометируетъ. Отлично зная отношенія Государя къ Барятинскому, видя, что сей послѣдній уѣзжаетъ недовольнымъ и раздраженнымъ, Муравьевъ понялъ, въ чемъ дѣло и съ тѣхъ поръ, а не со времени эпизода съ кресломъ въ кабинетѣ покойнаго Государя, заключилъ, что ему недолго оставаться на Кавказѣ. Не мудрено, что эти два событія или въ памяти Муравьева, или въ памяти Брянчанинова нѣсколько смѣшались. Я не имѣю повода сомнѣваться въ дѣйствительности эпизода съ кресломъ, но не могу ему придать никакой важности и готовъ отдать голову на отсѣченіе, что покойный Государь его даже не помнилъ. Такія вещи, какъ подача кресла въ царской фамиліи самыя обыкновенныя и если Муравьевъ думалъ иначе, то это только доказываетъ, что онъ не былъ никогда близкомъ ко двору, и въ этомъ ничего не понималъ. Потерялъ же онъ свое мѣсто потому, что дѣлалъ грубыя ошибки и потому что на виду былъ человѣкъ симпатичный и любимый, котораго Государь признавалъ вполнѣ годнымъ для замѣны съ пользою Муравьева, въ чемъ онъ и не ошибся».

Конечно, покойный Брянчаниновъ могъ легко запамятовать предметъ, подавшій поводъ Муравьеву сказать Барятинскому: «вѣдь вы скоро вернетесь сюда». Вмѣсто библіотеки, Брянчаниновъ говорилъ о рояли и вмѣсто: оставьте ее здѣсь, не такъ выразился, сказавъ: «оставьте за собою» безъ сомнѣнія, не придавая этому смысла, что Муравьевъ дарилъ Барятинскому казенную вещь. Но главная суть разсказа Брянчанинова въ томъ же заключалась, что̀ говорится и въ вышеприведенномъ замѣчаніи, т. е. что Муравьевъ предвидѣлъ замѣну его Барятинскимъ. (Въ біографіи князя Барятинскаго, томъ I, стр. 389) я не ошибся и писалъ объ этомъ же по поводу библіотеки, а не рояля. Приводя въ Апрѣльской статьѣ «Русскаго Архива» подлинныя слова покойнаго Брянчанинова, я не считалъ нужнымъ измѣнять ихъ). Затѣмъ, повторивъ разсказъ Брянчанинова о креслѣ, я вовсе не ставилъ этотъ эпизодъ поводомъ увольненія Муравьева; я полагалъ, что въ числѣ всѣхъ другихъ причинъ неудовольствія на него и этотъ случай могъ имѣть долю вліянія. Согласенъ, что, не будучи знако̀мъ съ тонкостями придворнаго этикета, я такъ же ошибся, какъ ошиблись Муравьевъ и Брянчаниновъ, и вполнѣ присоединяюсь къ высказанному въ письмѣ изъ Тифлиса убѣжденію, что покойный Государь Александръ Николаевичъ могъ даже не помнить этого эпизода.

Такъ или иначе, выводъ все же остается одинъ и тотъ же: Николай Николаевичъ Муравьевъ, умный, образованный, опытный, безкорыстный, бережливый, трудолюбивый, сдѣлалъ рядъ непростительныхъ промаховъ и не оправдалъ возлагавшихся на него Гусударемъ и обществомъ надеждъ; а князь Барятинскій, гораздо менѣе образованный, менѣе опытный, менѣе трудолюбивый и бережливый, прослывшій въ обществѣ за баловня счастья, за сдѣлавшаго блистательную карьеру, якобы лишь преимущественно вслѣдствіе дружескаго расположенія къ нему Государя, подобно Цезарю—пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! Судите, какъ угодно; но фактъ на лицо, и изъ исторіи его не вычеркнуть.

А. Зиссерманъ.

1892 Лутовиново.

Изъ записной книжки издателя.

Ревель 26 Іюля 1888.

Часа три живаго разговора съ графомъ Кейзерлингомъ, зятемъ графа Канкрина. Къ концу жизни графъ Канкринъ говаривалъ, когда ему восхваляли его труды: „То правда, что мнѣ удалось кое-что сдѣлать; но главная моя заслуга остается неизвѣстною; она состояла въ томъ, что я многому помѣшалъ сдѣлаться". Льстецы и преимущественно Поляки съумѣли убѣдить Николая Павловича, что онъ самъ можетъ управлять финансами. Послѣдніе годы своей жизни графъ Канкринъ почти не имѣлъ личныхъ докладовъ. Онъ просился въ отставку; но, зная, что въ Европѣ заговорятъ о томъ, готовы были окружить его всякимъ почетомъ и дать всякія милости, лишь бы онъ не покидалъ, хотя по имени, министерства. Михаилъ Павловичъ и Елена Павловна продолжали до конца навѣдываться объ его здоровьѣ.

Графъ Кайзерлингъ былъ у графа Д. Н. Блудова наканунѣ его кончины (т. е. 18 Февраля 1864) и по обыкновенію выслушалъ отъ него іереміаду объ его здоровьи. „Пора вамъ успокоиться: вы много потрудились и многое сдѣлали“.—Неужели вы думаете въ самомъ дѣлѣ, что я кое-что сдѣлалъ? наивно и кротко спросилъ его престарѣлый предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Въ эти же дни и тоже почти наканунѣ кончины графъ Кайзерлингъ навѣстилъ героя 1812 года, графа П. П. Палена. Тотъ очень страдалъ одышкою, но отвергалъ пасторовъ, не хотѣлъ и слышать объ исповѣди и продолжалъ разсказывать скоромные анекдоты.

*

М. Н. Муравьевъ говорилъ графу Кайзерлингу, что передъ освобожденіемъ крестьянъ онъ неоднократно предостерегалъ Государя и однажды прямо сказалъ ему, что отъ такихъ распоряженій не пройдетъ и четырехъ-пяти лѣтъ, какъ придется поворотить оглобли. Въ особенности осуждалъ онъ проектъ манифеста, составленный Ю. Ѳ. Самаринымъ.

*

Стихи С. А. Соболевскаго про В. Д. Д.

Случалось-ли тебѣ пускать волчокъ по гладкому паркету?
Ужъ какъ шумитъ отъ пустоты.
Ни дать ни взять какъ ты,
Природой на смѣхъ пущенный по свѣту.

*

Отзывъ простолюдина про Московскій домъ Лопатиныхъ на Большой Никитской улицѣ:

Хорошъ домъ, да не долговѣченъ;
Ему съ руси дышать нечѣмъ,

Это оттого, будто прекрасная пестрая полива на этомъ домѣ не имѣетъ въ кирпичахъ свищиковъ, т. е. продушинъ.

Домъ на руси стоитъ;
Ему только Богъ да Илья-Пророкъ,

т. е. онъ разрушится либо отъ времени, либо отъ огня. „А тому дому—онъ въ тѣни стоитъ—ему вѣкъ“

*

Voilà un homme, qui a su faire une gondole de ce qui a été pour moi une galère: отзывъ покойнаго графа П. А. Валуева про одного изъ своихъ преемниковъ по министерству.

*

Какъ извѣстно великій князь Михаилъ Павловичъ всегда старался скрыть свое доброе сердце подъ личиною строгости, которая и принималась многими за его настоящій характеръ.

Однажды великій князь, возвращаясь изъ-за границы, ѣхалъ въ экипажѣ вмѣстѣ съ генераломъ Ланскимъ, привѣтливый и веселый. На погра-

ничной станціи они должны были оба надѣть военную форму. Генералъ Ланской конечно переодѣлся скорѣе и ожидалъ великаго князя въ комнатѣ, куда Его Высочество и пришелъ въ военномъ сюртукѣ съ фуражкою въ рукахъ. Подойдя къ зеркалу, великій князь раскланялся и сказалъ: „Прощайте, Михаилъ Павловичъ!" Послѣ этихъ словъ онъ тотчасъ же поднялъ плечи, нахмурилъ брови и уже оставался такимъ, какимъ его знало большинство въ Россіи.

О ЗАПИСКАХЪ ЮСТА ЮЛЯ.

Слухъ о томъ, будто бы Записки Датскаго посланника при дворѣ Петра Великаго Юста Юля появились въ печати на Датскомъ языкѣ, лишенъ основанія. Есть Датская книжка 1755 года: Den danske V.-Admiral Iust Iuels Liv og Levnets Beskrivelse, Kjöbenhavn, книжка, вышедшая годъ спустя въ Нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: Leben des berühmten und tapfern Königl.-Dänischen Vice-Admirals Herrn Iust von Iuel (Coppenhagen und Leipzig 1756); но уже по самому этому заглавію можно судить, что съ Записками Юля она не имѣетъ ничего общаго. Въ 1889 г. однимъ изъ чиновниковъ Датскаго архива г. Грове (G. L. Grove) издана была любопытная автобіографія частнаго секретаря Ю. Юля, Расмуса Эребо, бывшаго съ нимъ въ Россіи. Нѣкоторыя ея страницы конечно могли бы служить интереснымъ дополненіемъ къ дневнику самаго посланника; но опять-таки и это двѣ совершенно различныя книги. Должно, однако, отмѣтить, что въ предисловіи и примѣчаніяхъ къ означенной автобіографіи г. Грове ссылается на Записки Юля (стр. 97, 118 и др.), и такимъ образомъ первый упоминаетъ въ печати объ этомъ памятникѣ: честь эта принадлежитъ ему. Наконецъ, въ послѣдней за прошлый годъ книжкѣ Шведскаго журнала: „Nordisk Tidsskrift" появилась весьма интересная статья того же г. Грове „Träk af Peter den Store Liv, fra en samtidig dansk Gesandts utrykte Dagbog" (Черты изъ жизни Петра В. по неизданному дневнику одного современнаго Датскаго посланника). Статья эта писана на основаніи дневника Юля. Она-то вѣроятно и породила слухъ о выходѣ въ свѣтъ самаго дневника. Но это лишь небольшая журнальная статья (въ 22 стр.), само собою далеко не исчерпывающая всего содержанія Записокъ. Г-нъ К. Хозарскій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" нынѣшняго года (№№ 172, 174 и 175) помѣстилъ краткое извлеченіе изъ статьи г-на Грове.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году издается двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1892.

ВЫШЛА

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

Письма князя М. С. Воронцова къ графу П. Д. Киселеву.

Письма графа П. Д. Киселева къ князю М. С. Воронцову.

Письма графа Д. Н. Блудова къ князю М. С. Воронцову.

Письма С. В. Сафонова къ князю М. С. Воронцову.

Разговоръ Сафонова съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, 28 Сентября 1846 года.

Письма графа С. С. Уварова къ князю М. С. Воронцову.

Письма архіепископа Гавріила къ князю М. С. Воронцову.

Письма архіепископа Иннокентія къ князю М. С. Воронцову.

Переписка князя А. Н. Голицына съ княземъ М. С. Воронцовымъ.

Письмо А. Я. Булгакова къ князю М. С. Воронпову о послѣднихъ дняхъ жизни графа Ѳ. В. Растопчина.

Цѣна **ТРИ** рубля.

Складъ изданія въ С.-Петербургѣ, на Моховой, въ домѣ князя Воронцова-графа Шувалова.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА.

ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ А. Н. ПОПОВА.

Графъ Растопчинъ.—Сперанскій.—Шишковъ.

Петербургъ въ первые мѣсяцы 1812 г. находился въ необычномъ положеніи. Наполненный обыкновенно военными, составлявшими большую часть его населенія и главную долю (притомъ передовую) образованнаго общества, онъ началъ пустѣть. Гвардія уже находилась на западныхъ границахъ имперіи, въ Вильнѣ была учреждена главная квартира, куда въ скоромъ времени долженъ былъ отправиться самъ Государь. Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ назначены были главнокомандующими первою и второй западными арміями [1]); должность военнаго министра поручено исправлять князю Горчакову [2]); генералъ отъ инфантеріи Вязмитиновъ назначенъ Петербургскимъ главнокомандующимъ [3]); перемѣщенія и новыя назначенія, особенно военныхъ, усилились, и награды сыпались въ значительномъ количествѣ. Народъ увѣренъ былъ, что будетъ война, хотя газеты и въ Мартѣ мѣсяцѣ сообщали извѣстія отъ Февраля о стужѣ въ Неаполѣ, карнавалѣ въ Парижѣ, маскарадѣ въ Тюльери, разливѣ Рейна, дозволеніи изъ Швеціи въ Норвегію вывозить сырыя кожи и т. под., и ни слова не говорили о военныхъ приготовленіяхъ [4]).

Въ образованномъ обществѣ мнѣнія колебались изъ стороны въ сторону при каждомъ новомъ извѣстіи, случайно до него доходившемъ. Этому колебанію болѣе всего подавало поводъ то обстоятельство, что отъѣздъ Государя постоянно назначался и постоянно откладывался въ продолженіи почти мѣсяца. Не зная дѣйствительной причины постоянныхъ отсрочекъ государева отъѣзда въ главную квартиру, общество связывало ее съ вопросомъ: продолжится-ли миръ или будетъ война.

---

[1]) 20 Марта. Сѣверн. Почта 1812; № 23.

[2]) Тамъ же 27 Марта, № 25.

[3]) Тамъ же 30 Марта, № 26.

[4]) Тамъ же, №№ 18—28.

«При современномъ положеніи дѣлъ, говоритъ графъ Растопчинъ, наканунѣ такой войны, которая могла или возвеличить или ввергнуть въ оковы, я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и предложить мою службу Императору, не избирая напередъ никакого назначенія или мѣста, но чтобы находиться при его особѣ. Единственный мой сынъ достигъ 17-тилѣтняго возраста. Императоръ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1809 году, былъ такъ милостивъ, что пожаловалъ его въ камеръ-пажи. Я не хотѣлъ лишать его счастія служить отечеству и защищать его, и потомъ, если мы останемся побѣдителями, гордиться этимъ во всю жизнь, или, если мы будемъ побѣждены и покорены, то погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Императоръ принялъ меня съ особенною милостію и въ первое наше свиданіе долго говорилъ о своей рѣшимости вести на смерть войну съ Наполеономъ, выражая надежду на храбрость войскъ и вѣрность своихъ подданныхъ. Онъ принялъ мое предложеніе состоять при его особѣ. Мой сынъ былъ опредѣленъ прапорщикомъ въ гусары. Я пробылъ четыре недѣли въ Петербургѣ и часто видалъ Государя, будучи приглашаемъ на обѣды и въ кабинетъ».

Безъ сомнѣнія графу Растопчину тяжело было оставаться внѣ всякой государственной дѣятельности; но нѣтъ нужды предполагать, что онъ рѣшился вновь предложить свои услуги Государю только изъ личныхъ и частныхъ побужденій, пользуясь благопріятными обстоятельствами. Напротивъ, онъ былъ вѣроятно увлеченъ общимъ порывомъ, овладѣвшимъ почти всѣми Русскими. Считая войну съ Наполеономъ роковою и неизбѣжною, нетерпѣливо ожидали окончательнаго разрыва и нача́ла военныхъ дѣйствій, хотя въ тоже время чувствовали, что война не будетъ похожа на прежнія, что это война за существованіе, война на жизнь и смерть. Поэтому, лишь только обстоятельства выяснились, и война представилась неминуемою, всѣ наперерывъ, не только отставные военные, но и служившіе въ гражданской, спѣшили вступить въ ряды дѣйствующихъ армій, такъ что впослѣдствіи въ составъ ополченій невозможно было набрать достаточно офицеровъ изъ отставныхъ военныхъ. Но конечно графъ Растопчинъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы не прикрыть своего поступка какимъ-нибудь предлогомъ, не воспользоваться какимъ-нибудь случаемъ. Такимъ предлогомъ и было опредѣленіе на службу его сына.

Мы указываемъ на это обстоятельство и должны остановиться на немъ, потому что распространено мнѣніе, что Государь не благоволилъ къ графу Растопчину и даже просто не любилъ его. Удаленіе его отъ дѣлъ государственныхъ до самаго 1812 года можетъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія. Не имѣя основаній устранить это мнѣніе, мы считаемъ необходимымъ объяснить его. Графъ Растопчинъ былъ не менѣе графа Аракчеева преданъ императору Павлу; оба въ одинаковомъ положеніи находились во время кончины этого

государя, въ опалѣ и внѣ Петербурга. Графъ Аракчеевъ съ первыхъ дней царствованія Александра I-го сталъ у престола Государя, любившаго просвѣщеніе и не любившаго лести и ласкательства. Графъ Растопчинъ, въ противоположность Аракчееву, былъ человѣкъ просвѣщенный и прямой; но его образъ мыслей, его взгляды на государственное устройство и управленіе были совершенно не согласны съ образомъ мыслей и взглядами Государя. Въ этомъ оношеніи Аракчеевъ скорѣе принадлежалъ къ тому же разряду лицъ, какъ и графъ Растопчинъ; но онъ не выражалъ прямо своихъ мнѣній и считалъ ихъ своею домашнею собственностію, а въ жизни государственной безпрекословно исполнялъ то, что̀ *повелѣвалъ* [1]) Государь. Но благодушный Александръ никогда не соединялъ личнаго неудовольствія съ противнымъ ему образомъ мыслей и понятіями не отвѣчавшими его собственнымъ взглядамъ. Взгляды и образъ мыслей графа Растопчина были почти одинаковы съ Н. М. Карамзинымъ (Послѣдній выражалъ ихъ послѣдовательнѣе и умѣреннѣе). При восшествіи на престолъ Александра Павловича графъ Растопчинъ не пріѣхалъ въ Петербургъ и не предложилъ своихъ услугъ. Императору-ли было вызывать на поприще государственной дѣятельности человѣка, который вовсе не раздѣлялъ его взглядовъ? Къ этому нельзя не присовокупить еще и того обстоятельства, что преданіе сохранило воспоминаніе о многочисленныхъ остротахъ и насмѣшкахъ, часто весьма злыхъ, которыми графъ Растопчинъ осыпалъ правительство того времени, не щадя подъ часъ и самого Государя. Все это вмѣстѣ, конечно, не могло внушить Александру Павловичу расположенія къ графу Растопчину. Но, по словамъ одного изъ иностранцевъ, хорошо знакомымъ съ нашимъ обществомъ и правительствомъ того времени, если «императоръ Александръ и не могъ побѣждать своихъ предубѣжденій, то былъ весьма способенъ дѣйствовать на основаніи разумныхъ причинъ и вопреки своихъ сочувствій. Онъ даже способенъ былъ побѣждать личное отвращеніе, и это прекрасная черта его характера» [2]). Но тотъ же самый писатель, вмѣстѣ съ этою высокою чертою характера, подмѣтилъ и другое свойство. Онъ разсказываетъ, что однажды въ концѣ 1811 г. Государь обѣдалъ у графа Строганова и когда хозяинъ, распоряжавшійся построеніемъ Казанскаго собора, въ порывѣ радости сказалъ: «Наконецъ-то, Государь, мы не нуждаемся въ иностранныхъ дарованіяхъ, у насъ всѣ есть свои»... «Если такъ,

[1]) „Что̀ повелите, батюшка Государь“—было постоянное выраженіе графа Аракчеева.

[2]) Correspondance diplom. de c-te Ioseph de Maistre. 1811—1817 éd. de Paris 1860. t. I, pag. 46, депеша 28 Янв. 1812 г

сказалъ Александръ Павловичъ, то дайте мнѣ мадеры», и онъ подставилъ рюмку. Этотъ Государь очень искренно насмѣхается надъ всѣми національными глупостями и, можетъ быть, худо, что онъ недостаточно Русскій» [1]). Къ этому вѣрному замѣчанію мы прибавимъ только, что Александръ Павловичъ, какъ по самому своему положенію, такъ и вслѣдствіе неограниченной преданности, которую питала къ нему Россія, былъ гораздо болѣе Русскій, нежели то Русское общество, въ которомъ вращался графъ Местръ, авторъ приведенныхъ нами словъ, и тѣ Русскіе, которые преимущественно его окружали.

Наканунѣ войны со всею почти Европою, предводимою Наполеономъ, Государь естественно понималъ, что услуги лицъ такъ называемой тогда Русской партіи или старыхъ Русскихъ могутъ быть полезны государству. Графъ Растопчинъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ ея представителей; общественное мнѣніе Москвы давно указывало на него, какъ и многіе изъ Петербургскихъ его друзей. Государь уступилъ въ этомъ случаѣ требованію обстоятельствъ и общественнаго мнѣнія, которое поддерживалось весьма сильнымъ вліяніемъ великой княгини Екатерины Павловны, благоволившей къ графу Растопчину. Современники именно ея вліянію на Государя и приписывали сближеніе его съ графомъ Растопчинымъ.

Оно началось съ 1809 года, когда опека Наполеона уже сильно начинала тяготить не только Россію, но и Государя въ лицѣ его посланника, графа Коленкура, который прямо ему заявилъ, что ему не дозволено отлучаться отъ него долѣе какъ на 24 часа. Въ этомъ году, въ исходѣ Ноября, Государь выѣхалъ изъ Петербурга, объявивъ, что ѣдетъ въ Тверь для свиданія съ великою княгинею Екатериной Павловной. Пробывъ у нея нѣсколько дней, 4 Декабря онъ былъ уже въ Москвѣ. «Эта поѣздка, писалъ одинъ изъ иностранныхъ посланниковъ своему государю, казалась неожиданною и случайною; но мнѣ кажется, она была давно задумана въ виду глубокихъ соображеній. Если я не очень ошибаюсь, то полагаю, что Государь захотѣлъ переговорить съ нѣкоторыми лицами, которыхъ желалось ему не призывать сюда. Онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ графомъ Растопчинымъ, очень извѣстнымъ вашему величеству; если эта личность выступитъ на поприще государственное, что̀ представляется мнѣ вѣроятнымъ, то безъ сомнѣнія она повлечетъ за собою многихъ другихъ» [2]). При этомъ-то свиданіи Государь назначилъ камеръ-пажомъ его сына; а самъ онъ въ слѣдующемъ году получилъ званіе оберъ-камергера и члена Государственнаго Совѣта съ правомъ оставаться въ Москвѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 36.

[2]) Графъ Местръ. Lettres et opuscules inédits. t. I, № 67, стр. 218.

Послѣ коронованія это было первое посѣщеніе Москвы Государемъ. Народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ, дворянство и купечество давали балы, которыми Государь остался доволенъ, и самъ далъ большой балъ-маскарадъ. Уѣзжая онъ изъявилъ сожалѣніе, что мало времени могъ пробыть въ Москвѣ и выразилъ желаніе посѣщать ее ежегодно и праздновать въ ней день своего рожденія (12 Дек.). Въ это время Александръ по причинамъ политическимъ считалъ нужнымъ сблизиться съ Россіею, въ лицѣ ея первопрестольной столицы, средоточіи лицъ такъ называвшагося въ то время старо-Русскаго направленія. Самое видное и вліятельное значеніе въ ихъ средѣ принадлежало графу Растопчину. Очевидно, Государь долженъ былъ обратить на него вниманіе, не смотря на свое личное сочувствіе или несочувствіе; но что̀ касается до назначенія его при своей особѣ, то едва ли это могло быть пріятно Государю.

Вотъ разсказъ самаго графа Растопчина.

«По окончаніи обѣда Государь позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Послѣ нѣсколькихъ лестныхъ выраженій, онъ предложилъ назначить меня Московскимъ главнокомандующимъ, указывая особенно на важность этого мѣста при настоящихъ обстоятельствахъ и на пользу, какую можетъ принести въ этомъ случаѣ моя служба. Такъ какъ я вовсе не ожидалъ такого предложенія, то говорилъ только о трудностяхъ соединенныхъ съ этою должностію, и окончилъ просьбою дать мнѣ одинъ день на размышленіе, прежде нежели рѣшусь принять эту должность. Въ тотъ-же вечеръ я видѣлъ великаго князя Константина и принца Ольденбургскаго; они мнѣ сообщили, что Государь провелъ у нихъ вечеръ и сказалъ, что находится въ крайнемъ затрудненіи, кого бы назначить на мѣсто графа Гудовича, который такъ старъ и слабъ, что не можетъ долѣе оставаться на своемъ мѣстѣ. Великій князь, который всегда оказывалъ мнѣ благосклонность и даже дружбу, назвалъ меня. Государь немедленно рѣшился, благодаря его за эту мысль, которую назвалъ счастливою. Когда я сказалъ, что отказываюсь отъ этого назначенія, великій князь и принцъ начали настаивать, чтобы я принялъ это мѣсто, которое во время войны становится наиболѣе важнымъ въ Россіи. Великій князь со свойственною ему живостью даже разсердился нѣсколько, когда я сказалъ, что предпочелъ бы въ настоящее время находиться при лицѣ Императора, когда всѣ честные люди должны быть при немъ. На другой день я отправился къ Императору, чтобы представить ему мои извиненія и причины, по которымъ я позволяю себѣ отказаться отъ такого назначенія. Императоръ настаивалъ, осыпая меня похвалами, и обращался ко всевозможнымъ ласкательствамъ, какъ дѣлаютъ люди, которые къ комъ нибудь нуждаются или чего непремѣнно желаютъ и, видя, что я съ трудомъ поддаюсь его убѣжденіямъ, заключилъ наконецъ словами: я этого желаю. Это уже было приказаніе, и я уступилъ покорно. Такъ какъ въ это время большая часть изъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ дѣйствительно

нуждались или предполагали, что они могутъ быть полезны, обыкновенно выражали разныя затрудненія, оцѣнивали ничего не сдѣлавъ свои будущія заслуги и требовали денежныхъ наградъ, лентъ, чиновъ и т. п.: то я рѣшился потребовать отъ Государя, чтобы онъ мнѣ лично не дѣлалъ никакихъ наградъ, желая заслужить тѣ, которыми осыпалъ меня августѣйшій его родитель въ продолженіе его царствованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его обращать вниманіе на мои представленія къ наградамъ тѣхъ чиновниковъ, которые будутъ состоять подъ моимъ начальствомъ. Нѣтъ нужды говорить, что эта моя просьба была милостиво принята. Вѣдь такъ легко ничего не давать, избавляя себя отъ затрудненій придумывать что̀ могло бы удовлетворить того или другого, и не оказаться неблагодарнымъ! Въ послѣдніе дни, которые я пробылъ въ Петербургѣ, я два раза работалъ съ Государемъ. Я предлагалъ много перемѣнъ, взглядовъ, проектовъ: онъ все одобрялъ и не хотѣлъ мнѣ давать особой инструкціи. Должность Московскаго главнокомандующаго почти совершенно независимая. Она не имѣетъ другаго руководства, какъ общее учрежденіе о губерніяхъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины Московскій главнокомандующій ничѣмъ не отличался отъ другихъ генералъ-губернаторовъ. Только князь Волконскій, занимавшій это мѣсто во время Пугачевскаго бунта, пользовался неограниченною властью по особымъ обстоятельствамъ, но это преимущество не перешло къ его преемникамъ... Между Государемъ и мною было условлено, что мое назначеніе останется въ тайнѣ до отставки графа Гудовича, которому уже нашепнули объ этомъ. Государь позволилъ только сообщить о моемъ назначеніи министру полиціи Балашеву. Я долженъ былъ условиться съ нимъ въ способѣ нашихъ сношеній».

Выдвинувъ впередъ всѣхъ графа Растопчина, Москва сама напросилась на его генералъ-губернаторство, и Государь, давая ему это назначеніе, вполнѣ удовлетворялъ общественному мнѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавлялъ себя отъ непосредственныхъ личныхъ и постоянныхъ сношеній съ человѣкомъ, службу котораго считалъ весьма полезною при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Россія, но къ которому онъ не питалъ особеннаго сочувствія. Колеблясь между личными чувствами и разумными требованіями долга, недоумѣвая какое дать назначеніе графу Ростопчину, онъ конечно очень былъ доволенъ, когда великій князь Константинъ Павловичъ помогъ ему рѣшить задачу и, не смотря на свою снисходительность въ этихъ случаяхъ, настоялъ на своемъ рѣшеніи. Графъ Растопчинъ также, не смотря на свою независимость, которую постоянно онъ выставлялъ на видъ, и на рѣзкость характера, покорился этому рѣшенію: такъ желалъ онъ выступить на поприще государственной дѣятельности.

Во время пребыванія графа Растопчина въ Петербургѣ совершились два важныя событія во внутренней политикѣ Россіи: ссылка

Сперанскаго и торжество Iезуитовъ по случаю возведенія ихъ Полоцкаго училища въ Академію.

Первое событіе общественная молва того времени тѣсно связывала съ именемъ графа Растопчина. Ходило по рукамъ письмо нижеслѣдующаго содержанія, которое ему приписывали. Въ началѣ письма онъ говоритъ, что является въ Петербургъ, какъ уполномоченный Московскимъ дворянствомъ депутатъ, дабы представить Государю *гибельное зрѣлище всего государства* и опасность грозящую собственной его особѣ, открыть ему *будку предъ нимъ раскрытую, въ которую желали его ввергнуть.*

Кто же были эти враги государя и государства и въ какую будку ихъ стремились ввергнуть?

«Осыпанный милостями Вашего Императорскаго Величества и возведенный изъ праха въ теченіи краткаго времени, секретарь вашъ Сперанскій съ Магницкимъ суть первыя лица, которыя, обольстивъ и принявъ къ себѣ неистовыхъ соумышленниковъ: гр. Румянцова, Молчанова, Прозоровскаго, Голубцова, губернатора Вейдемейера, Яблонскаго, Бижевича и прочихъ къ нимъ присвоенныхъ, о коихъ по важности донесу лично, продали васъ съ общниками своими мнимому вашему союзнику: Подкупленный ими Сперанскій увеличеніемъ налоговъ желалъ возбудить народъ противъ правительства, а удаленіемъ къ Польскимъ границамъ войскъ изъ Финляндіи и Петербурга открыть столицу для занятія непріятелемъ. Въ это время въ Стральзундѣ уже собрана Наполеонова *разбойничья* шайка изъ 12 тысячъ. Тамъ производятъ потаенно разнаго рода гребныхъ судовъ постройки, по окончаніи коихъ намѣренъ, нимало не мѣшкавъ, перебраться черезъ заливы, моря и рѣки на твердую землю. Трофеи его въ Шведской Помераніи развѣваются, куда уже привезена ему богато-убранная карета, въ которой онъ намѣренъ съ своею императрицею проѣхать черезъ Ригу прямо въ Петербургъ».

Въ письмѣ говорится, что имѣются свѣдѣнія, гдѣ хранится тайная переписка, которая и обличитъ измѣну, и письмо заключается слѣдующею угрозою: «Письмо сіе послѣднее если останется недѣйствительнымъ, тогда силы отечества необходимостію себѣ поставятъ двинуться въ столицу и настоятельно требовать какъ открытія сего злодѣйства, такъ и перемѣны правленія».

Мы привели эти выдержки, чтобы показать, что какъ по слогу, такъ и по изложеннымъ въ немъ обстоятельствамъ письмо не могло принадлежать графу Растопчину. Не такъ онъ писалъ по-русски, и современныя политическія обстоятельства во всякомъ случаѣ были ему извѣстны болѣе, нежели невѣжественнымъ составителямъ этого письма.

Въ этомъ не сомнѣвалось и правительство того времени. Императоръ находился уже въ Вильнѣ, когда это письмо начало распространяться по Петербургу. Посылая его къ графу Н. И. Салтыкову,

Государь писалъ ему отъ 13 Мая: «Прилагаю здѣсь записку, присланную отъ С. К. Вязмитинова со вложеніемъ въ оной письма довольно дерзкаго. Нужно подробно добраться, кто сочинитель подобныхъ бумагъ. Сіе письмо уже дошло до меня и другимъ путемъ, равно и другое здѣсь приложенное, отъ имени сенатора Теплова. Оно не новое и нѣсколько лѣтъ уже ходило подъ подписью Маркова. Желательно весьма обратить на сіи предметы должное вниманіе». Произведенное изслѣдованіе не открыло сочинителя, а доказало только, что это письмо распространилось въ низшихъ слояхъ чиновничьяго круга. Хотя на нѣкоторыхъ изъ списковъ къ подписи имени графа Растопчина прибавлено «и Москвитяне»; но оно составлено было въ Петербургѣ и помѣчено на разныхъ спискахъ различными числами Марта (5, 14 и 17), т. е. временемъ, когда графъ Растопчинъ находился уже въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ, по самому смыслу его, оно должно было бы предшествовать его пріѣзду.

Но, не смотря на очевидный подлогъ, это письмо очень важно, какъ признакъ времени, какъ свидѣтельство того, какіе нелѣпые слухи могутъ распространяться въ обществѣ, лишенномъ всякой гласности, всякихъ свѣдѣній о ходѣ государственныхъ дѣлъ. Оно свидѣтельствуетъ, до какой степени дошло въ это время возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ Сперанскаго и до какой степени темными происками можно было сбить съ толку здравый смыслъ общества, поставленнаго въ положеніе полнаго невѣдѣнія о дѣлахъ своего отечества.

Но почему составитель этого пасквиля считалъ нужнымъ прикрыться именемъ графа Растопчина?

Кромѣ того, что графъ Растопчинъ былъ дѣйствительно однимъ изъ наиболѣе рѣзко-выдающихся лицъ той партіи, которая возставала противъ всѣхъ перемѣнъ первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра Павловича, его необычное появленіе въ Петербургѣ, ласковый пріемъ при дворѣ, таинственность его новаго служебнаго назначенія, естественно подали поводъ общественной молвѣ соединять это событіе съ послѣдовавшей въ тоже время ссылкою Сперанскаго. Такъ и предполагали въ то время, и такое предположеніе послужило поводомъ къ составленію этого письма.

Графъ Растопчинъ безъ сомнѣнія принадлежалъ къ числу враговъ Сперанскаго; но принималъ ли онъ непосредственное участіе въ дѣйствіяхъ противъ него направленныхъ въ это время и окончившихся его ссылкою безъ суда?

«Пять дней спустя послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, говоритъ въ своихъ Запискахъ о 1812 годѣ графъ Растопчинъ, совершилась ссылка Сперанскаго, поразившая удивленіемъ всѣхъ и каждаго. Онъ

палъ жертвою таинственныхъ происковъ, такъ и оставшихся не раскрытыми. Поэтому его внезапное удаленіе дало поводъ предполагать открытіе измѣны. Сперанскій былъ сынъ сельскаго священника, учился въ семинаріи, былъ одаренъ большимъ умомъ и создалъ особый слогъ, по которому его и замѣтили. Проходя службу секретаремъ при нѣсколькихъ изъ министровъ юстиціи въ царствованіе Александра, онъ сдѣлался государственнымъ секретаремъ, удостоился довѣренности Государя, получилъ назначеніе составить новый сводъ законовъ и вообще писать всѣ законы, постановленія и рескрипты, выходящіе изъ кабинета Государя. Когда его сослали въ Нижній-Новгородъ, онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ св. Александра. Общество, которымъ онъ себя окружалъ и покровительство лицамъ изъ своего сословія возбудили къ нему ненависть въ дворянахъ, которые съ удовольствіемъ узнали о его паденіи. Это приписывали вліянію великой княгини Екатерины Павловны и говорили, будто бы я игралъ роль въ этомъ дѣлѣ, я, который болѣе всѣхъ былъ удивленъ, когда узналъ о его ссылкѣ изъ Петербурга на слѣдующій день. Я до сихъ поръ убѣжденъ, что Сперанскій былъ сосланъ по внушеніямъ Балашова и Армфельда, принесшихъ его въ жертву мнимому общественному мнѣнію. Эти господа пользовались въ то время особеннымъ довѣріемъ и желали упрочить его еще болѣе удаленіемъ соперника, опаснаго какъ по своимъ дарованіямъ, такъ и по привычкѣ Государя къ его работамъ. Таково однакоже дѣйствіе клеветы, къ несчастію обыкновенной, что Сперанскій прослылъ злодѣемъ, измѣнившимъ своему Государю и отечеству и что народъ поставилъ его имя рядомъ съ измѣнникомъ Мазепою».

Мы не имѣемъ никакихъ поводовъ заподозрѣвать правдивость показаній самого графа Растопчина, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей *); но приведенныя нами строки написаны имъ много лѣтъ спустя послѣ самаго происшествія, когда страсти уже нѣсколько утихли и миновалось то настроеніе нашего общества, которое господствовало передъ 1812-мъ годомъ. Онъ приписываетъ паденіе Сперанскаго исключительно интригѣ нѣсколькихъ лицъ, которымъ удалось обмануть и напугать Государя, какъ это и было дѣйствительно; но во всякомъ случаѣ въ то время графъ Растопчинъ считалъ Сперанскаго дѣйствительно-опаснымъ человѣкомъ.

Въ письмѣ отъ 30 Іюня 1812 г. онъ сообщалъ Государю: «Народъ снова возмутился противъ Сперанскаго, когда пришло извѣстіе объ объявленіи войны, и я не смѣю скрыть отъ васъ, Государь, что всѣ отъ перваго и до послѣдняго по всей Россіи считаютъ его измѣнникомъ. Между купцами стало извѣстно, что онъ находится въ Нижнемъ и что это недалеко отъ Макарьева, куда многіе отправляются на ярмарку, то поговариваютъ, что можно его тамъ убить. Я сейчасъ же написалъ объ этомъ Нижегородскому губернатору для свѣдѣнія. Въ сущности я считаю это ничтожнымъ слухомъ; но если бы осуществилось это на-

*) Шницлеръ.

мѣреніе, то первымъ виноватымъ оказался бы я, а вторымъ Нижегородскій губернаторъ». Дѣйствительно исправлявшему должность губернатора Крюкову онъ писалъ: «За отсутствіемъ г-на губернатора, я препровождаю къ вамъ извѣщеніе, по коему вы соблаговолите принять нужныя мѣры единственно къ предосторожности. При началѣ вновь военныхъ дѣйствій съ Французами, злоба здѣшней черни опять обратилась на бывшаго государственнаго секретаря г. Сперанскаго, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ пронесся слухъ, что будто нѣкоторые изъ нихъ, которые ѣдутъ на Макарьевскую ярмарку, намѣрены убить Сперанранскаго».

Это извѣстіе, хотя можетъ быть онъ и клонилось лишь къ обезпеченію безопасности самого Сперанскаго, напоминало Государю о настроеніи общественнаго мнѣнія и какъ будто бы указывало на то, что мѣсто ссылки Сперанскаго не достаточно отдалено отъ средоточія событій и можетъ послужить причиною народныхъ смутъ. Но въ слѣдъ за тѣмъ, какъ бы въ поясненіе къ этому извѣстію, отъ 23-го Іюля графъ Растопчинъ писалъ: «Не скрою отъ васъ, Государь, что Сперанскій очень опасенъ тамъ, гдѣ онъ теперь находится; онъ очень сблизился съ архіепископомъ Моисеемъ, извѣстнымъ почитателемъ Бонапарта и хулителемъ вашихъ дѣйствій. Сверхъ того Сперанскій, по своей извѣстности и лицемѣрному образу дѣйствій, прикидываясь богомольнымъ, пріобрѣлъ расположеніе жителей Нижняго. Онъ успѣлъ ихъ убѣдить, что онъ жертва его любви къ народу, которому онъ старался доставить свободу и что вы имъ пожертвовали своимъ министрамъ и дворянамъ. Въ настоящее время необходимо тщательно наблюдать, чтобы поддержать спокойствіе народа, когда врагъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы возмутить его и тѣмъ лишить васъ тѣхъ огромныхъ средствъ, которыми вы обладаете». Не находя никакого отвѣта въ письмахъ Государя по поводу его извѣстій о Сперанскомъ, 24 Августа онъ снова писалъ: «Я сообщилъ, Государь, свѣдѣнія графу Толстому объ этомъ презрѣнномъ Сперанскомъ (ce misérable). Онъ заставляетъ дѣйствовать Столыпина и Злобина въ губерніяхъ Пензенской и Саратовской. Чрезвычайно нужно страхомъ ослабить ихъ ревность. Но надо пособить дѣлу какъ можно скорѣе и помѣшать дѣйствію опасныхъ замысловъ, противъ васъ направленныхъ».

Какими путями получалъ графъ Растопчинъ свѣдѣнія о Сперанскомъ, архіепископѣ Моисеѣ, Злобинѣ и Столыпинѣ изъ Нижегородской, Пензенской и Саратовской губерній? Къ сожалѣнію мы не имѣемъ данныхъ, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ. Очевидно только, что ненависть графа Растопчина къ Сперанскому заставляла его не только вѣрить во всякіе нелѣпые слухи, но и смущать ими Государя, т. е. прибѣгать къ тому самому способу дѣйствія враговъ Сперанскаго, который прошелъ бы безъ послѣдствій; но Государь получилъ это письмо въ одно время съ донесеніемъ Нижегородскаго вице-губернатора Крюкова отъ 22 Августа: «6 числа настоящаго мѣ-

сяца, въ день Преображенія Господня, когда я былъ на Макарьевской ярмаркѣ, здѣшній преосвященный епископъ Моисей, по случаю храмоваго праздника въ каѳедральномъ соборѣ, давалъ обѣденный столъ, къ коему были приглашены и нѣкоторые изъ губернскихъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни тутъ былъ и тайный совѣтникъ Сперанскій, обѣдать однакоже не оставался; но между закускою, занимаясь онъ съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и объ успѣхахъ его предпріятій; къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи въ Нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще для сбереженія ихъ приставлялъ караулъ, что слышали бывшіе тамъ чиновники, отъ которыхъ о томъ на сихъ дняхъ я узналъ». Это извѣщеніе трудно заподозрить во лжи, потому что таковъ былъ дѣйствительно взглядъ Сперанскаго, какъ одного изъ поклонниковъ генія Наполеона, которыхъ было весьма много въ средѣ тогдашняго образованнаго и которые, не смотря на то, готовы были жертвовать имуществомъ и жизнію для спасенія отечества. Около того же времени 14 Сентября къ своему зятю, протоіерею села Черкутина Владимирской губерніи, который хотѣлъ, спасаясь отъ Французовъ, пріѣхать съ его матерью къ нему въ Нижній Новгородъ, Сперанскій писалъ: «Не слушайте бабьихъ басенъ, будто на духовный чинъ нападаютъ—совсѣмъ нѣтъ. Какой стыдъ бѣжать отъ пустаго страху и какъ вамъ послѣ къ своимъ прихожанамъ показаться!»

Это совпаденіе двухъ извѣстій, полученныхъ съ разныхъ сторонъ, и было, какъ полагаютъ, причиною того, что Государь рѣшился удалить Сперанскаго изъ Нижняго Новгорода въ Пермь.

За три дня до письма къ Государю, 21 Августа графъ Растопчинъ писалъ, *секретно*, графу Толстому въ Нижній Новгородъ: «Отправляю къ вамъ нарочный эстафетъ съ приложенными письмами, въ подтвержденіе коихъ могу увѣрить васъ, что намѣреніямъ Сперанскаго и Столыпина я вѣрю, по дѣйствіямъ мартинистовъ здѣсь. Я увѣренъ, что вы примете нужныя мѣры для примѣчанія замысловъ скаредовъ, посягающихъ на отечество. Естьли же заблагоразсудите, то отправьте и Сперанскаго, и Столыпина сюда». Нельзя не обратить вниманіе на послѣднее предложеніе графа Растопчина. Конечно, графъ Толстой не исполнилъ и не могъ исполнить его желанія прислать Сперанскаго и Столыпина въ Москву безъ особаго высочайшаго повелѣнія; но и самъ графъ Растопчинъ не могъ бы не понимать, что онъ не имѣлъ права предлагать такую мѣру, которой должно предшествовать особое высочайшее повелѣніе. Такое предложеніе доказываетъ только, до какой крайности могъ увлекаться графъ Растопчинъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Письмо Государя къ графу П. А. Толстому, въ которомъ онъ поручаетъ ему отправить Сперанскаго въ Пермь, помѣчено 8 Сентября,

и въ немъ Государь упоминаетъ, что получилъ уже письмо къ нему графа Растопчина отъ 1-го Сентября. Это показываетъ, что донесеніе Крюкова 22 Августа и письмо графа Растопчина 24 числа того же мѣсяца уже давно были извѣстны Государю, и онъ не рѣшался приступить къ какой нибудь мѣрѣ, которая бы еще болѣе отягчила судьбу его бывшаго любимца.

Послѣ отступленія нашихъ войскъ къ Москвѣ, Государь долго не получалъ извѣстій отъ главнокомандующаго и конечно ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Въ это-то время пришло къ нему письмо графа Растопчина, отъ 1-го Сентября, въ которомъ онъ извѣщалъ его о предстоявшемъ оставленіи Москвы войсками и занятіи Французами. Эта неожиданная вѣсть произвела потрясающее дѣйствіе на Государя, которымъ, конечно, не приминули воспользоваться враги Сперанскаго. Письмо Государя, исполненное тревоги, къ графу Толстому о занятіи непріятелемъ Москвы оканчивалось слѣдующими словами: «При семъ прилагаю вамъ рапортъ губернатора Нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Если онъ справедливъ, то отправьте сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору отъ моего имени имѣть его подъ главнымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе».

Графъ Толстой немедленно исполнилъ возложенное на него порученіе и отъ 17 Сентября писалъ Государю: «Получивъ высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе отъ 8 Сентября, въ ту же ночь отправилъ тайнаго совѣтника Сперанскаго въ Пермь, подъ присмотромъ полицейскаго офицера и съ должнымъ предписаніемъ къ тамошнему гражданскому губернатору. Выпровождавшій его изъ города полицеймейстеръ доставилъ мнѣ отъ него конвертъ на высочайшее ваше имя, который у сего подношу, въ недоумѣніи однакожъ, долженъ ли я былъ сіе сдѣлать или нѣтъ и не прогнѣваю ли тѣмъ ваше императорское величество».

Особаго указа объ удаленіи Сперанскаго не было. Лежавшія на немъ служебныя обязанности, соединенныя съ мѣстами, которыя онъ занималъ въ разныхъ установленіяхъ, распредѣлить было не трудно. Старшему изъ его помощниковъ [1]) по Государственной Канцеляріи поручено было исполнять его обязанности по Государственному Совѣту, исключая только обязанностей, опредѣленныхъ въ 27 § «Образованія Государственнаго Совѣта, касающихся до комиссіи законовъ» [2]). Эта комиссія осталась въ прежнемъ ея составѣ съ барономъ Розен-

[1]) Исправлявшему должность статсъ-секретаря Оленину.

[2]) Полн. Собр. Зак. 1812 г. № 25074, § 6.

камфомъ, врагомъ Сперанскаго, во главѣ и поступила подъ высшее начальство князя Лопухина, предсѣдателя департаментовъ Государственнаго Совѣта. Другой врагъ Сперанскаго графъ Армфельдъ занялъ его мѣсто канцлера Абовскаго университета и подчинилъ исключительному своему вѣдомству всѣ дѣла по Финляндіи. Но Сперанскій своимъ возвышеніемъ по службѣ, конечно, не исключительно, но въ значительной однакоже степени, былъ обязанъ своей редакторской способности. И друзья его, и враги, въ одинаковой мѣрѣ отдавали ему справедливость въ этомъ отношеніи и считали, что способъ изложенія и слогъ дѣловыхъ бумагъ Сперанскаго далеко оставилъ за собою господствовавшіе въ то время канцелярскіе пріемы. Въ отношеніи къ дѣловому языку Сперанскій былъ такимъ же преобразователемъ, какъ Карамзинъ къ литературному. И въ этомъ значеніи весьма дорожилъ имъ Государь. Почти всѣ рескрипты и манифесты его съ 1805 г. были писаны Сперанскимъ. Поэтому вопросъ, кѣмъ замѣнить его въ этомъ отношеніи, когда обстоятельства времени придавали особенно важное значеніе такой дѣятельности, не могъ не озабочивать Государя. По свидѣтельствамъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, его выборъ останавливался на Карамзинѣ. Ничего не было естественнѣе этого выбора: не смотря на несогласіе съ политическими взглядами Карамзина, Государь однакоже лично благоволилъ къ нему, а его литературныя заслуги уже достаточно цѣнились всѣми. Но не менѣе достовѣрныя свидѣтельства говорятъ, что министръ полиціи Балашовъ, получившій, видно, сильное вліяніе на Государя въ это время, указалъ ему на адмирала Шишкова, къ которому Государь не былъ расположенъ въ слѣдствіе наговоровъ Чичагова, вѣроятно насмѣшливо относясь къ странностямъ его личнаго характера и крайностямъ его литературнаго направленія. Не смотря на то, онъ пожертвовалъ своимъ личнымъ сочувствіемъ къ Карамзину и назначилъ Шишкова государственнымъ секретаремъ или, лучше сказать, своимъ личнымъ секретаремъ для составленія манифестовъ и другихъ бумагъ своей канцеляріи. Съ его стороны эта была такая же уступка общественному мнѣнію, какъ и назначеніе графа Растопчина Московскимъ генералъ - губернаторомъ. Въ этомъ случаѣ онъ полагалъ по собственному убѣжденію, что Русскіе люди могутъ принести наибольшую пользу въ это время; извѣстность же Шишкова въ этомъ отношеніи не подлежала сомнѣнію.

А. С. Шишковъ считалъ себя въ опалѣ въ это время и имѣлъ основаніе, потому что, когда въ 1810 г., при новомъ составленіи Государствѣннаго Совѣта, ходатайствовали о назначеніи его членомъ совѣта, Государь отвѣчалъ, что лучше согласиться не царствовать, чѣмъ

назначить его членомъ *). Эти слова уже показываютъ, до какой степени сильно было укоренено предубѣжденіе противъ Шишкова и объясняютъ, почему Шишковъ держалъ себя въ сторонѣ отъ всякой государственной дѣятельности въ это время, и «предаваясь любимымъ занятіямъ по словесности, говоритъ онъ, я былъ спокоенъ и доволенъ. Симъ образомъ провождая время, котораго отъ начала царствованія Государя Императора протекло уже болѣе десяти лѣтъ, не помышлялъ я ни о какихъ занятіяхъ и должностяхъ. Происходившія вокругъ меня перемѣны нимало не оскорбляли моего честолюбія. Мнѣ казалось, что я изъ положенія моего никогда не выйду, и къ сей мысли я такъ привыкъ, что она вмѣсто огорченія приносила мнѣ удовольствіе». Если бы эта мысль приходила въ голову Шишкову, то непремѣнно бы его огорчила; доказательствомъ могутъ служить оставленныя имъ Записки. Старанія Чичагова отодвинуть его назадъ и внушить недовѣріе къ нему Императора, лишеніе личнаго доклада Государю въ нѣкоторыхъ случаяхъ, права присутствовать при дворцовыхъ увеселеніяхъ, отказъ Государя назначить его членомъ Государственнаго Совѣта, все это огорчало и не могло не огорчать Шишкова; но все это относилось ко времени далеко предшествовавшему 1812 году. Въ это же время, напротивъ, «предаваясь любимымъ занятіямъ по словесности», посвящая всѣ дни изученію красотъ Славянскаго языка и «стараго слога», воюя постоянно противъ «новаго» въ ежедневныхъ разговорахъ, въ сочиняемыхъ имъ книгахъ и статьяхъ, роясь во всевозможныхъ словаряхъ и исписывая цѣлыя стопы бумаги, онъ вовсе забылъ, что находится въ опалѣ. Эта мысль не приходила ему и въ голову, потому огорчать не могла, и онъ радовался, что могъ безъ помѣхи предаваться своимъ занятіямъ словесностью. Такія занятія получили для него въ это время еще бо̀льшую привлекательность, потому что ему удалось въ домѣ Державина устроить открытіе *Бесѣды Любителей Россійскаго Слова*, занятіямъ которой онъ заботился придать значеніе, и для того писалъ разсужденія, рѣчи и т. п.

Съ точки зрѣнія филологіи (впрочемъ еще не существовавшей въ то время въ видѣ науки) споры о словахъ и ихъ корняхъ, о старомъ и новомъ слогѣ, конечно, не имѣютъ никакого значенія. Шишковъ, его защитники и ихъ противники стоятъ совершенно на одной и той же почвѣ. Самый этотъ споръ представляется какимъ-то недоумѣніемъ. Противъ кого ратовалъ Шишковъ и его сообщники? Противъ Карамзина? Но Карамзинъ-то именно остался неуязвимъ для его стрѣлъ, которыя, впрочемъ, очень мѣтко попадали въ его плохихъ подражателей,

*) Записки Шишкова, ч. I, стр. 115.

искажавшихъ Русскій языкъ, прилаживаясь къ Французскому. Употребленія безъ нужды иностранныхъ словъ не одобрялъ и Карамзинъ и конечно не думалъ щеголять ими, какъ его бездарные подражатели. Обороты несвойственные Русскому языку, особенно галицизмы, попадались въ его первыхъ произведеніяхъ; но едва ли не въ той же мѣрѣ какъ у самого Шишкова. Въ средѣ проникнутой иностраннымъ вліяніемъ, въ обществѣ образованномъ на иностранный ладъ, гордившемся болѣе или менѣе удачнымъ подражаніемъ иностранцамъ, говорившемъ на Французскомъ языкѣ, литература не могла быть иною какъ подражательною, и языкъ не могъ не исказиться чуждыми ему словами и оборотами. Сущность дѣла лежала гораздо глубже; она касалась всего просвѣщенія, всего склада Русскаго образованнаго общества. Почему же придрались только къ словамъ и оборотамъ рѣчи и въ разгарѣ споровъ доходили до такихъ крайностей, что съ одной стороны уничтожали Русскій языкъ въ пользу Славянскаго, живой въ пользу мертваго, а съ другой глумились надъ преданіемъ и стариною? Въ этомъ-то и состоитъ особенное историческое значеніе этого спора, опредѣляющее свойства самаго времени. Народное сознаніе еще мало и почти вовсе не было развито, общественная мысль запугана, литература могла свободно, и то не всегда, разсуждать лишь о слогѣ. Лучшіе умы не могли конечно удовлетвориться такою литературою и обращались къ иностранной, не могли замкнуться въ этомъ тѣсномъ кругѣ мысли; они выражали свои взгляды и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ запискахъ и разсужденіяхъ, которыя однакоже сами считали невозможными для печати и о которыхъ общество ничего не знало. Могъ ли бы, напримѣръ, Шишковъ считать себя противникомъ Карамзина, если бы ему была извѣстна его Записка о древней и новой Россіи?

Но гроза непріятельскаго нашествія на Россію, приближавшаяся все болѣе и болѣе, невольно вызывала и нашу словесность на болѣе широкій кругъ дѣйствія; невольно она выступила нетвердыми шагами на непривычное поприще, смѣло въ лицѣ графа Ростопчина и С. Н. Глинки и робко въ лицѣ Шишкова. Увлеченный однакоже общимъ потокомъ, Шишковъ написалъ для Бесѣды Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости, гдѣ мысль о вредѣ слѣпаго подражанія иностранному выражена съ полною ясностію. Но «написавъ, говоритъ онъ, не смѣлъ онаго читать: времена казались мнѣ такія, что я, наслышавшись о преобладаніи надъ нами Французскаго двора и чванствѣ посланника его Коленкура, а притомъ зная ко мнѣ и неблаговоленіе Государя Императора, опасался, чтобъ не поставили мнѣ этого въ какое-нибудь смѣлое покушеніе безъ воли правительства возбуждать гордость народную, или бы иными какими толками не умножили на меня еще болѣе гнѣвъ царскій. Въ семъ страхѣ потребовалъ

я, чтобъ чтеніе опредѣлено было соглашеніемъ всѣхъ четырехъ разрядовъ (отдѣленій) Бесѣды. Всѣ согласились подписать. День насталъ; собраніе было многочисленное; я старался читать вразумительно, ясно. Хотя за множество отвѣчать нельзя, можетъ быть иные тутъ и не совсѣмъ были довольны собою, однакоже казалось, возвышаемая мною добродѣтель надъ всѣми вообще сильно подѣйствовала».

Шишкову не вѣрилось еще, что о любви къ отечеству можно говорить свободно, что такая рѣчь привлечетъ многочисленныхъ слушателей и произведетъ на нихъ дѣйствіе. «За новое скажу вамъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ пріятелей, что на сихъ дняхъ была у насъ *Бесѣда*, въ тоторой читалъ я Разсужденіе о любви къ отечеству. Собраніе было многочисленное, болѣе 400 посѣтителей едва вмѣстились въ залу. Духовенство и знатнѣйшія особы обоего пола украшали оную. Признаюсь, что я приступилъ къ чтенію съ нѣкоторою робостію; казалось мнѣ, что не всѣ раздѣляютъ со мною мои чувствованія и, можетъ быть, многимъ нѣкоторыя истины покажутся слишкомъ смѣлыми; однакоже я обманулся. Успѣхъ превзошелъ мое чаяніе, и тутъ увидалъ я, что какъ бы нравы ни были повреждены, однакожъ правда не престастъ жить въ сердцахъ человѣческихъ. Кто даже и не идетъ путемъ ея, тотъ самый, при гласѣ ея, просыпается и отворяетъ ему душу свою, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время» *).

Многочисленность слушателей, собравшихся на Русское чтеніе, удивляла Шишкова. Но и прежнія собранія-бесѣды также посѣщались весьма многими и даже, какъ онъ говоритъ, «имѣли добрый успѣхъ; многія присутствовавшія въ ней госпожи почувствовали, что непохвально свой языкъ презирать и многихъ прекрасныхъ на немъ сочиненій не читать и не знать. На другой день послѣ одного изъ собраній бесѣды, пріѣзжаю я къ графинѣ Строгановой и въ первый разъ нахожу у ней Крылова, читающаго басни свои посреди окружающихъ его слушателей и слушательницъ. Въ это время пріѣзжаетъ къ ней Сардинскій посланникъ графъ Местръ. Послѣ короткаго ему привѣтствія, чтеніе продолжается по прежнему. Онъ помедлилъ нѣсколько и, видя, что всѣ слушаютъ и никто имъ не занимается, обратился ко мнѣ и сказалъ по-французски: я вижу нѣчто новое, никогда не бывалое—читаютъ по-русски, языкъ, котораго я не разумѣю и рѣдко слышу, чтобъ въ знатныхъ домахъ на немъ говорили. Нечего мнѣ дѣлать здѣсь. Прощайте! Сказавъ это, потихоньку вышелъ и уѣхалъ». Съ 1802 года находясь въ Россіи и стараясь изучить страну, графъ Местръ, вращавшійся въ высшемъ обществѣ Петербурга, и не нуждался изучать языкъ, которымъ въ немъ не говорили, и на Русскую литературу не обращалъ вниманія. Перемѣна, начинавшая выражаться передъ 1812 г., конечно должна была показаться чѣмъ-то страннымъ и небывалымъ. Ей еще не вѣрилъ и Шишковъ. Послѣ приведенныхъ нами словъ, онъ восклицаетъ: «О, когда бы первое внушеніе сіе могло усилиться и на-

---

*) Письмо къ Бардовскому 27 Дек. 1811 г. Записки, т. II, стр. 321—322.

всегда остаться! Но трудно преодолѣть долговременный навыкъ, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ воспитаніемъ укореняемый». Дѣйствительно ему трудно было этому повѣрить. Этотъ разумный и многоученый мужъ, ревнитель цѣлости языка и Русской самобытности, твердый и смѣлый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этотъ открытый врагъ слѣпаго подражанія иностранному, былъ *совершенное дитя* въ житейскомъ быту, жилъ самымъ невзыскательнымъ гостемъ въ своемъ домѣ, предоставя все управленію жены и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что̀ вокругъ него происходило. Онъ зналъ только Ученый Совѣтъ въ адмиралтействѣ и свой кабинетъ, въ которомъ коптѣлъ надъ словарями разныхъ Славянскихъ нарѣчій, надъ старинными рукописными и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ и сравнительнымъ словопроизводствомъ. Не имѣя дѣтей и взявъ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, онъ отдалъ ихъ въ полное распоряженіе своей женѣ (она была лютеранка), которая, считая всѣ убѣжденія супруга патріотическими бреднями, наняла къ мальчикамъ Француза-гувернера и помѣстила его возлѣ самаго кабинета своего мужа. Родные его жены, часто у ней гостившіе, сама она и племянники всегда говорили при дядѣ по-французски *).

Еще болѣе удивляло Шишкова, что мысли о вредѣ воспитанія иностранцами, презрѣніи всего Русскаго и необходимости любви къ отечеству и даже народной гордости, мысли, которыя и самъ онъ почиталъ при направленіи общества того времени *смѣлыми*, произвели сильное дѣйствіе и возбудили сочувствіе въ слушателяхъ. Дѣйствительно, это было нѣчто новое и необычное. Поворотъ общественнаго мнѣнія, уже окрѣпшаго въ это время въ Москвѣ, началъ выражаться и въ Петербургѣ.

Удивленный и нѣсколько оробѣвшій отъ этихъ неожиданныхъ для него явленій, Шишковъ былъ вслѣдъ за тѣмъ пораженъ еще болѣе. «Вскорѣ послѣ сего (т. е. чтенія въ Бесѣдѣ его Разсужденія о любви къ отечеству и народной гордости), говоритъ онъ, случилось неожиданное приключеніе, которое многихъ, въ томъ числѣ и меня, не знавшаго ни о какихъ придворныхъ дѣлахъ и таинствахъ, крайне удивило, а именно вдругъ слышу я, что велѣно всѣ бумаги государственнаго секретаря Сперанскаго опечатать и его въ двадцать четыре часа подъ стражею выслать изъ города. Въ тоже время Мордвиновъ сталъ просить объ увольненіи его отъ службы. Оба сіи случая были нѣчто необычайное, наводившее нѣкій страхъ. Заключая изъ того о какихъ-нибудь великихъ перемѣнахъ, я усѣлся дома, дабы не показать себя любопытствующимъ». Волнуемый страхомъ и неизвѣстностью, Шишковъ

*) С. Т. Аксакова. Семейн. Хрон и Воспом. Воспом. о А. С. Шишковѣ, стр. 473.

сидѣлъ въ кабинетѣ, когда ему доложили, что пришелъ какой-то человѣкъ съ письмомъ къ нему. Шишковъ поручилъ спросить отъ кого письмо? Но лишь только былъ предложенъ этотъ вопросъ, какъ человѣкъ, принесшій письмо, бросился бѣжать изъ дому и скрылся. Это обстоятельство еще болѣе взволновало Шишкова и усилило его страхъ. Весь день онъ думалъ о томъ, ночью не могъ скоро заснуть и на другой день проснулся съ сильною головною болью. Неизвѣстный человѣкъ, приносившій какое-то письмо, снова представился его напуганному воображенію. Въ это время входитъ человѣкъ и говоритъ, что пріѣхалъ фельдъегерь отъ Государя! «Едва я могъ тому повѣрить, разсказываетъ Шишковъ. Удивленный до чрезвычайности, выхожу къ нему и спрашиваю о причинѣ его присылки. Онъ отвѣчаетъ: Государь приказалъ васъ просить къ себѣ».

Тревога Шишкова возрасла до послѣдней степени. Больной, ѣдучи во дворецъ, онъ придумывалъ причины, которыя могли бы подать поводъ Государю пригласить его для личнаго свиданія и ничего не могъ придумать. Хотя по совершенному удаленію моему, говоритъ онъ, отъ всякихъ дѣлъ, казалось, ничто не могло до меня касаться; однакожъ высылка Сперанскаго, отставка Мордвинова, какое-то ко мнѣ тайное письмо и, наконецъ, явное неблаговоленіе ко мнѣ Государя Императора, приводили меня въ великое безпокойство. Я увѣренъ былъ въ моей невинности; но чего не можетъ сплести клевета!» Въ пріемной комнатѣ передъ кабинетомъ Государя находилось нѣсколько военныхъ генераловъ, которые съ удивленіемъ поглядывали на Шишкова, котораго давно уже не только не видали въ пріемной у Государя, но и вообще во дворцѣ. Изъ кабинета вышелъ докладывавшій Государю дѣла статсъ-секретарь по Комитету Министровъ Молчановъ и, увидавъ Шишкова, спросилъ, зачѣмъ онъ здѣсь? «Не знаю, Государь за мною присылалъ». «Какъ, Государь за тобою присылалъ? О, такъ я отъ тебя скорѣе уйду!» «И ушелъ, разсказываетъ Шишковъ, а слова его еще больше меня встревожили. Однакожъ, что̀ такое бы ни было, я приготовился отвѣчать съ твердостію».

Въ слѣдъ затѣмъ Шишкова позвали въ кабинетъ Государя, который встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Я читалъ Разсужденіе ваше о любви къ отечеству. Имѣя такія чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ Французами. Нужно сдѣлать рекрутскій наборъ. Я желалъ бы, чтобы вы написали о томъ манифестъ».—«Государь, я никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ, отвѣчалъ Шишковъ; это будетъ мой первый опытъ, и потому и не знаю, могу ли достойнымъ образомъ исполнить такое порученіе. Попытаюсь, но осмѣлюсь спросить, скоро ли это надобно?» Этотъ вопросъ Шишковъ предложилъ изъ опасенія, что сильная головная боль

не позволитъ тотчасъ исполнить порученіе Государя. «Сегодня или завтра», отвѣчалъ Государь; но, узнавъ причину этого вопроса, прибавилъ: «если не можете скоро, то хотя дня черезъ два или три».

Ласковый пріемъ Государя и порученіе ему данное совершенно успокоили Шишкова. Тревога его прошла, а вмѣстѣ и головная боль. Въ тотъ же день онъ написалъ манифестъ и на другой отвезъ Государю. «Вы ранѣе исполнили, нежели обѣщали», сказалъ ему Государь и остался доволенъ составленнымъ имъ манифестомъ.

Это былъ манифестъ 23 Марта 1812 г., первый актъ, указывавшій народу на близость войны, которую давно уже считали неминуемою *). «Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, неусыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить великую имперію нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ насъ быть непріязненныхъ покушеній. Издавна сильный и храбрый народъ Россійскій любилъ со всѣми окрестными народами пребывать въ мирѣ и тишинѣ, соблюдая свой и другихъ покой; но когда бурное дыханіе возстающей противъ него вражды понуждало его поднять мечъ свой на защиту вѣры и отечества, тогда не было временъ, въ которыя бы рвеніе и усердіе вѣрныхъ сыновъ Россіи, во всѣхъ чинахъ и званіяхъ, не оказалось бы во всей своей силѣ и славѣ. Нынѣ настаетъ необходимая надобность увеличить число войскъ нашихъ новыми, запасными войсками. Крѣпкія о Господѣ воинскія силы наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежда престола и державы твердо на нихъ лежитъ. Но, жаркій духъ ихъ и любовь къ намъ и отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ.» Мы выписали всю первую часть этого манифеста (за которою уже слѣдуютъ правила, какъ производить наборъ) для того, чтобы показать, что этотъ манифестъ дѣйствительно не былъ похожъ на прежніе. Въ немъ нѣтъ и слѣдовъ канцелярскаго слога. Хотя онъ отличается нѣкоторою торжественностью, но она-то какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала тому настроенію, которое принимала Россія, готовясь встрѣтить грознаго врага. Онъ исполненъ искренности и не даетъ поводовъ подозрѣвать что за выраженнымъ въ немъ таится еще кое-что, чего всѣмъ и каждому вѣдать не надлежитъ. Таковы были и всѣ манифесты и бумаги того времени, писанные Шишковымъ, и потому-то они производили сильное впечатлѣніе на всю Россію. Одинъ изъ современниковъ эпохи, еще очень молодой человѣкъ въ то время и даровитѣйшій писатель въ послѣдствіи, говоритъ: «Наступила вѣчно-памятная эпоха 1812 года, и съ удивленіемъ узналъ я, что Александръ Семеновичъ

*) Полн. Собр. Зак. № 25051. Записки Шишкова ч. I, прилож. № 1, стр. 423.

сдѣланъ былъ государственнымъ секретаремъ на мѣсто М. М. Сперанскаго. Ни сколько не позволяя себѣ судить, *на своемъ ли онъ былъ мѣстѣ*, я скажу только, что въ Москвѣ и другихъ внутреннихъ губерніяхъ, въ которыхъ мнѣ случалось въ то время быть, всѣ были обрадованы назначеніемъ Шишкова, и что писанные имъ манифесты дѣйствовали электрически на всю Русь. Не смотря на книжныя, иногда нѣсколько напыщенныя выраженія, Русское чувство, которымъ они были проникнуты, сильно отзывалось въ сердцахъ Русскихъ людей» *).

На томъ *мѣстѣ*, которое онъ получилъ случайно, Шишковъ въ сущности никогда и не былъ, и никогда не управлялъ государственною канцеляріею; но, находясь при Государѣ и составляя манифесты, онъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. «Исторія будетъ безпристрастнѣе, справедливѣе насъ, говоритъ тотъ же писатель, слова котораго мы только что привели; имя Шишкова займетъ почетное мѣсто на ея страницахъ, и потомство, съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ мы, станетъ повторять стихи Пушкина:

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

---

*) С. Т. Аксаковъ. Семейн. Хрон. и Восп. Восп. о А. С. Шишковѣ, стр. 506—7, 516.

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ [1].

Всемилостивѣйшій Государь!

Преданность моя къ священной особѣ родителя вашего никому болѣе неизвѣстна какъ Вашему Императорскому Величеству. Залогомъ сего чувства есть безпредѣльная признательность къ благодѣяніямъ изліяннымъ на меня щедрою его рукою. Залогъ моей вѣрности къ вамъ есть моя присяга. Исполняя вмѣстѣ долгъ истиннаго христіанина и вѣрноподданнаго, низлагаю предъ вами мысли, внушенныя настоящими обстоятельствами, познаніемъ людей, ревностію къ славѣ отечества и къ сохраненію дворянъ, коихъ, наконецъ, и вы сами, Государь, признали справедливо единственною подпорою престола.

Сіе знаменитое сословіе, одушевленное духомъ Пожарскаго и Минина, жертвуетъ всѣмъ отечеству и гордится лишь титломъ Россіянъ. Милиція учредится въ срокъ, и сила ея поставитъ несомнѣнную преграду врагу всемірному и конецъ желанію войти въ хранимую Богомъ землю, кою сто лѣтъ нога непріятеля попирать не дерзала.

Но все сіе, усердіе, мѣры и вооруженіе, доселѣ нигдѣ неизвѣстныя, обратятся въ мгновеніе ока въ ничто, когда толкъ о мнимой вольности подыметъ народъ на пріобрѣтеніе оной, истребленіемъ дворянства [2]), что̀ есть, во всѣхъ бунтахъ и возмущеніяхъ, единая цѣль черни, къ чему она нынѣ еще поспѣшнѣе устремится по примѣру Франціи и бывъ къ сему уже пріуготовлена несчастнымъ просвѣщеніемъ, коего неизбѣжныя слѣдствія есть гибель закона и царей.

Мѣры принятыя къ изгнанію иностранной сволочи изъ имперіи вашей, вмѣсто пользы, произвели сугубое зло: ибо изъ 40 человѣкъ

---

[1]) Это письмо печатается со списка, сдѣланнаго рукою графа Андрея Ѳеодоровича Растопчина, который и сообщилъ его въ «Русскій Архивъ», равно какъ и нижеслѣдующія Французскія письма его родителя. Подлинниковъ мы не имѣли въ рукахъ. Вслѣдъ за каждымъ письмомъ помѣщенъ Русскій переводъ. П. Б.

[2]) Читатели, которымъ бываетъ противенъ графъ Растопчинъ подобнаго рода сужденіями, благоволятъ вспомнить, что дѣтство его протекло подъ впечатлѣніями Пугачевщины (онъ род. въ 1765 году), а такія впечатлѣнія остаются на всю жизнь. П. Б.

едва одинъ рѣшился оставить землю, гдѣ всякій иноземецъ находитъ и уваженіе, и богатство. Присяга на подданство, страхомъ и корыстью внушенная, не перемѣняя образа мыслей, устремляетъ Французовъ на вредъ Россіи, что́ и оказывается дѣйствіемъ внушеній ихъ въ сословіи слугъ, кои уже ждутъ Бонапарта, дабы быть вольными. Государь! Исцѣлите Россію отъ заразы и, оставя лишь духовныхъ, прикажите выслать за границу сонмище ухищренныхъ злодѣевъ, коихъ пагубное вліяніе губитъ умы и души несмыслящихъ подданныхъ вашихъ.

Присяга и совѣсть повелѣваютъ мнѣ исполнить долгъ святый, представя истину предъ лице ваше въ томъ видѣ, какъ я представлялъ нѣкогда оную въ то время, когда сердце ваше отдавало справедливость нелицемѣрной любви моей. И для сего заклинаю васъ именемъ Божіимъ, подумайте о прошедшемъ и о настоящемъ, о измѣнѣ Степанова *), о расположеніи умовъ, о философахъ, о Мартинистахъ и о выборѣ начальника Московской милиціи. Явитесь на нѣсколько дней въ городъ сей и возжгите паки въ сердцахъ любовь, совсѣмъ почти погасшую отъ несчастныхъ происшествій, отъ нелѣпыхъ разглашеній, самовольства, неуваженія законовъ и презрѣнія къ министерству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Императорскаго Величества истинно-вѣрноподданный графъ Ѳедоръ Растопчинъ.

Москва, 17 Декабря 1806 года.

2.

Moscou, du 7 mai 1812.

Sire!

Aussitôt après la réception des ordres de V. M. Imp. relativement au sieur Lepick j'ai eu une entrevue avec le gouverneur Obrescow et pris connaissance de tous les papiers qui étaient entre ses mains. Vous êtes déjà instruit, Sire, de l'arrivée du mécanicien, de son établissement à une campagne isolée à 7 verstes de la barrière de Kalouga, et de ses travaux. Lepick attendait avec impatience les ouvriers qui sont arrivés de Vilna le 30 mai et, sans être entrés dans la ville, ont été menés de la dernière poste par des chemins détournés à l'endroit où on fabrique la machine, ce qui a causé beaucoup de joie à l'entrepreneur. Je n'ai pas voulu hasarder de faire engager à sa demande deux forgerons de Moscou, de crainte de divulger le secret, et quatre serruriers qui seront nécessaires dans quinze jours. J'ai expédié le lendemain de la réception de vos ordres Jordan à Pétersbourg, pour y louer ces six ouvriers, et afin de prévenir les difficultés qui pourraient provenir de la part des gens qu'il engagera, je lui ai fait donner par

*) Лицо намъ неизвѣстное. П. Б.

m-r Obrescow un plein-pouvoir de lui amener des ouvriers pour construire un moulin dans ses terres. Comme il n'y a aucun doute que Jordan ne remplisse bien sa commission, je compte qu'il sera de retour pour le 12 au plus tard. Voulant lui fournir le motif d'un voyage à Pétersbourg, je l'ai chargé de deux lettres au maréchal comte Saltykow et au général Wiazmitinow, auxquels j'annonce ma nomination. Lepick a besoin de 5,000 archines de taffetas d'un tissu particulier. Il sera prêt dans 15 jours, et un certain Kiriakow a employé à cet ouvrage tous les ouvriers de sa fabrique. La quantité de l'étoffe commandée et la promptitude exigée auraient pu exciter la curiosité de Kiriakow, mais par hasard cet homme est tombé sur l'idée que Lepick établit une fabrique d'emplâtres et a même proposé de l'associer à son commerce. Le taffetas seul coûtera 20,000 r. Il lui faudra encore pour 20,000 r. de vitriol et pour une pareille somme de la limaille de fer. Tout ceci sera prêt. L'ignorance des prix des objets nécessaires est cause que Lepick s'est trompé dans ses calculs, mais pour ne pas retarder les payemens, et par conséquent la fin d'un ouvrage aussi important, il serait, je crois, plus utile de donner l'ordre à m-r Barkow, directeur de la section de la Banque à Moscou, de délivrer à ma demande les sommes que j'indiquerai, en prenant de moi une quittance, comme j'en prendrai également de Lepick. M-r Barkow a toujours des sommes considérables en petits billets. Cette mesure est d'autant plus nécessaire que le ministre des finances vient de répondre à m-r Obrescow qu'il n'a pas encore reçu de vous, Sire, l'ordre de faire des remises d'argent à sa demande.

Je n'ai pas encore vu Lepick; mais demain, sous prétexte d'aller dîner quelque part du côté où il est établi, je lui ferai une longue visite, et je me fais une fête de faire la connaissance d'un homme dont l'intention rendra le métier de la guerre inutile, délivrera le genre humain de son infernal destructeur et vous rendra l'arbitre des rois et des royaumes, et le bienfaiteur de l'humanité. De Votre Majesté Impériale le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 7 Мая 1812 года.

Государь! Тотчасъ по полученіи приказаній Вашего Императорскаго Величества касательно господина Леппиха, я имѣлъ свиданіе съ губернаторомъ Обрѣзковымъ и познакомился со всѣми бумагами, которыя находились въ его рукахъ. Вы уже извѣщены, Государь, о прибытіи механика, объ его заведеніи, помѣщающемся на уединенной дачѣ въ 7 верстахъ отъ Калужской заставы, и объ его работахъ. Леппихъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ работниковъ изъ Вильны, которые прибыли 30 Мая и, не въѣзжая въ городъ, были провезены проселочными дорогами на мѣсто, гдѣ устраивается машина, что̀ очень обра-

довало изобрѣтателя. Изъ опасенія огласки я не согласился на его просьбу нанять въ Москвѣ двухъ кузнецовъ и четырехъ слесарей, которые понадобятся недѣли черезъ двѣ. На другой же день по полученіи вашихъ приказаній я отправилъ Жордана въ Петербургъ нанять тамъ шестерыхъ требуемыхъ рабочихъ и, въ предупрежденіе затрудненій, которыя могли бы произойти отъ людей, которыхъ онъ будетъ нанимать, Обрѣзковъ, по моему распоряженію, уполномочилъ его привезти ему рабочихъ для устройства якобы мельницы въ его имѣніи. Не сомнѣваюсь, что Жорданъ исполнитъ точно данное ему порученіе, и разсчитываю, что онъ возвратится не позже 12-го. Чтобы имѣть ему предлогъ къ поѣздкѣ въ Петербургъ, я далъ ему два письма къ фельдмаршалу графу Салтыкову и генералу Вязмитинову, коихъ увѣдомляю о моемъ назначеніи. Леппиху нужно 5,000 аршинъ тафты, особенно сотканной. Это будетъ готово въ двѣ недѣли, и нѣкій Киріяковъ занялъ этимъ всѣхъ рабочихъ своей фабрики. Количество ткани и спѣшность заказа могли бы возбудить любопытство Киріякова; но случайно онъ попалъ на мысль, будто Леппихъ хочетъ устроить выдѣлку пластырей и самъ предложилъ участвовать въ прибыляхъ. Одна тафта будетъ стоитъ 20,000 рубл. Ему нужно еще будетъ на 20,000 спирту и на таковую же сумму желѣзныхъ опилокъ. Все это будетъ готово. Не зная цѣны нужныхъ вещей, Леппихъ ошибся въ своихъ разсчетахъ; но чтобъ не замедлять расплаты и слѣдов. окончанія столь важнаго дѣла лучше бы, мнѣ кажется, приказать г-ну Баркову, директору Московскаго отдѣленія Банка, выдавать по моему назначенію деньги, подъ мою квитанцію, а я таковыя же буду брать отъ Леппиха. У Баркова всегда имѣются значительныя суммы въ мелкихъ ассигнаціяхъ. Эта мѣра тѣмъ болѣе необходима, что министръ финансовъ увѣдомилъ Обрѣзкова, что онъ еще не получилъ отъ васъ, Государь, приказанія выдавать денегъ по его (Леппиха) требованію.

Я еще не видалъ Леппиха; но завтра, подъ предлогомъ обѣда у кого нибудь изъ живущихъ близъ того мѣста, гдѣ онъ помѣщенъ, я пробуду у него долго, и мнѣ очень пріятно познакомиться съ человѣкомъ, благодаря изобрѣтенію котораго военное ремесло станетъ безполезнымъ, освободится родъ человѣческій отъ своего адскаго губителя, а вы сдѣлаетесь вершителемъ судебъ государей и государствъ и благодѣтелемъ человѣчества. Вашего Императорскаго Величества всепреданный графъ Растопчинъ *).

3.

Moscou, du 7 juin 1812.

Sire!

J'ai eu le bonheur de recevoir le rescrit de V. M. Impériale le 31 mai, et le lendemain je suis entré dans les fonctions de la place importante que vous avez daigné me confier. Je suis animé d'un zèle ardent, d'un attachement loyal et d'un amour pour votre personne, votre gloire et vos intérêts. Je ne dirai rien du désordre et du re-

*) Для краткости въ дальнѣйшихъ письмахъ эти окончанія опускаются. П. Б.

lâchement qu'il y a dans l'administration; je n'en accuse pas même mon prédécesseur. Il est né borné, il a trop vécu et a fini par être le jouet de deux brigands, son frère Michel et le docteur Salvator. La police me coûtera peu de peine, mais la justice est à l'enchère et à un vil prix. Le gouverneur Obrescow avait les pieds et les mains liés. Le docteur Salvator, qui dit hautement qu'il reçoit 6,000 livres par an de Napoléon et qui a maintenant par le pillage 400,000 r. en argent et en effets, va suivre d'abord le maréchal dans sa terre à 35 verstes d'ici, et puis dans le gouvernement de Kaménetz-Podolsk. Il a demandé son passeport pour sortir du pays; c'est un homme qui ne doit jamais le quitter. J'osesais prier Votre Majesté d'avoir égard à ma réflexion, que pour une plus grande sûreté (surtout s'il y a guerre), de n'accorder de passeports à aucun étranger, ni pour sortir de la Russie, ni pour y entrer. Ceux qui y sont déjà peuvent être facilement surveillés et n'auraient pas les moyens de se rendre nuisibles en donnant à leur gouvernement des notions sur bien des choses; et ceux qui arriveraient de l'étranger n'apporteraient pas de nouveau poison pour l'esprit. Je commence petit-à-petit à réprimer les désordres et les débauches qui se passent dans les auberges et les cabarets, où le peuple pêle-mêle s'énivre, joue, s'envêrole et se perd. J'adresse une demande au ministre de la police pour être autorisé à envoyer au prince Lobanow et incolporer dans les régiments qu'il forme, les vagabonds qui seront arrêtés par la police, sans passe-ports, sans profession, la plupart des bourgeois, quelques uns officiers, d'autres de la 14 et 13 classes, mendiant le matin, volant le jour et commettant des désordres pendant la nuit. Je me sais fort d'en fournir moins d'un mois 500. Leur disparition sera un bienfait pour la ville. Il y a ici deux prédicateurs d'illuminés: un imprimeur nommé Semène, et un libraire Allart. J'ai mis à leurs trousses un homme très habile pour distinguer les Martinistes, les joueurs et tous les gueux distingués.

Le maréchal, ayant négligé de faire un rapport à Votre Majesté du beau trait de Mouromtzow, je le fais parvenir au ministre de la police. Cette action est digne d'être appréciée par vous, Sire.

Je crois de mon devoir de faire connaître qu'un nommé Zernow, recommandé par le maréchal pour être avancé ou fait chevalier, est un homme qui était valet de chambre du comte Michel Goudovitsch, après maître d'hôtel du maréchal et le plus grand voleur de la terre. C'est pa lui que se faisaient toutes les vilaines affaires, et il a eu sa part des énormes contributions prélevées par Michel et Salvator. J'ai trouvé à la chancellerie du maréchal 13 adolescents qui n'y ont jamais paru et qui recevaient pourtant des grades.

Si Votre Majesté veut m'honorer de ses ordres relatifs au sieur Lepick, je supplie de me les faire transmettre par courrier, car je sais que Klutcharew ouvre les lettres et les lit toutes.

Le conseiller de collège Broker, pour lequel je demande la place de troisième maître de police, est le même qui a fait connaître la contrebande exécutée par la poste et découvert les mines d'or de Goubine. Il a autant de zèle que d'honneur.

Москва, 7-го Іюня 1812 года.

Государь! Я имѣлъ счастіе получить рескриптъ В. И. Величества 31-го Мая и на другой день вступилъ въ исправленіе высокой должности, которую вы удостоили ввѣрить мнѣ. Я одушевленъ пламенною ревностью, честною привязанностью и любовію къ особѣ вашей, къ вашей славѣ и вашимъ выгодамъ. Ничего не скажу о безпорядкахъ и распущенности въ управленіи; я даже не виню въ томъ моего предшественника. Онъ родился съ ограниченнымъ умомъ, слишкомъ долго жилъ и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался игрушкой двухъ разбойниковъ, своего брата Михаила и доктора Сальватора. Полиція не потребуетъ большихъ хлопотъ; но правосудіемъ торгуютъ, и по низкой цѣнѣ. У губернатора Обрѣзкова были связаны руки и ноги. Докторъ Сальваторъ, не скрывающій, что отъ Наполеона ежегодно получаетъ онъ по 6 тысячъ ливровъ (теперь у него награблено на 400.000 деньгами и вещами) поѣдетъ за фельдмаршаломъ сначала въ его деревню, за 35 верстъ, а потомъ въ Каменецъ-Подольскую губернію. Онъ попросилъ паспорта на выѣздъ за границу; это такой человѣкъ, что не долженъ никогда переѣзжать ея. Я осмѣлился бы просить Ваше Величество внять моей мысли о томъ, чтобы, для большей надежности (особливо, если будетъ война) не давать паспортовъ ни одному иностранцу, какъ на выѣздъ, такъ и на въѣздъ въ Россію. За тѣми, кто уже здѣсь, легко наблюсти, и они не будутъ имѣть средствъ вредить, сообщая своему правительству свѣдѣнія о многихъ обстоятельствахъ; а прибывающіе изъ-за границы не будутъ привозить новаго яда для умовъ. Я начинаю мало по малу прекращать безпорядки и распутство, происходящіе въ трактирахъ и кабакахъ, гдѣ всякій сбродъ напивается, играетъ, заражается и гибнетъ. Обращаюсь къ министру полиціи съ просьбою уполномочить меня на высылку забираемыхъ полиціею бродягъ, безпаспортныхъ, ничѣмъ не занятыхъ, большею частію мѣщанъ, иногда офицеровъ или чиновниковъ 13 и 14 классовъ, нищенствующихъ по утру, ворующихъ днемъ и буйствующихъ ночью, къ князю Лобанову для помѣщенія въ полки, которые онъ составляетъ. Я знаю, что мнѣ можно доставить ихъ, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ 500 человѣкъ. Ихъ исчезновеніе будетъ для города благодѣяніемъ. Здѣсь два проповѣдника Иллюминатовъ: типографщикъ по имени Семѐнъ и книгопродавецъ Алларъ. Я приставилъ къ нимъ очень искуснаго человѣка, который вылѣдитъ Мартинистовъ, игроковъ и всѣхъ главныхъ негодяевъ.

Фельдмаршалъ, по небрежности, не донесъ Вашему Величеству о

прекрасномъ поступкѣ Муромцева; я довелъ о томъ до свѣдѣнія министра полиціи. Это дѣло, Государь, достойно того, чтобы вы его оцѣнили.

Почитаю моимъ долгомъ заявить, что нѣкто по имени Зерновъ, представленный фельдмаршаломъ къ повышенію или ордену, былъ комнатнымъ слугою у графа Михаила Гудовича, потомъ дворецкимъ у фельдмаршала; это величайшій воръ. Черезъ него производились всѣ мерзкія дѣла, и онъ участвовалъ въ страшныхъ взяткахъ, которыя брали Михаилъ и Сальваторъ. Въ канцеляріи фельдмаршала я засталъ 13 человѣкъ подростковъ, которые никогда туда не являлись и однако происходили чинами.

Если Вашему Величеству угодно почтить меня вашими приказаніями касательно Леппиха, умоляю доставлять ихъ мнѣ черезъ курьера, такъ какъ мнѣ извѣстно, что Ключаревъ вскрываетъ письма и всѣ ихъ читаетъ.

Коллежскій совѣтникъ Брокеръ, котораго я прошу назначить третьимъ полицмейстеромъ, есть тотъ самый, что̀ поймалъ контрабанду, производившуюся черезъ почту и открылъ золотые пріиски Губина. Онъ усерденъ и честенъ.

Moscou, 30 juin 1812. **4.**

Sire!

Je commence par le grand objet confié à mes soins, la machine de Lepick. Après demain j'irai d'après son invitation voir l'expérience en petit. Il a été enchanté de trouver du bois sec de cinq ans. Tous les ouvriers sont dans l'atélier, l'ouvrage avance; mais, vu le soin et l'exactitude qu'il exige, il ne sera fini qu'à la fin du mois d'août. Je crois le succès possible. Malgré la quantité de gens employés, les commissions, les emplettes et les courses, rien n'a encore transpiré, et le bruit répandu exprès que c'est une fabrique d'instruments aratoires a eu le plus grand succès, sans provoquer la curiosité. Il y à là demeure un bas-officier et six hommes de la police, qui ont soin pendant la nuit que rien ne s'égare et que personne n'entre. Mais dans un mois, quand il sera question de mettre la machine à découvert et de la remplir, alors je mettrai une forte garde pour empêcher la nuit et le jour que personne n'entre dans l'enceinte. J'ai pris en amitié Lepick, qui m'aime aussi, et je chéris la machine comme si elle était mon enfant. Lepick me propose de faire le voyage avec lui, mais je ne puis partir sans votre permission, et le motif est si beau: votre gloire et le salut de l'Europe!

J'ai reçu par le général Wiazmitinow l'ordre de Votre Majesté relativement au d-r Salvator. J'avais retenu le passeport qu'il avait demandé, mais ce misérable n'a pas quitté le maréchal, et il s'est engagé pour trois mille roubles à l'accompagner partout. Le vieillard est

persuadé que c'est par attachement et par reconnaissance; mais j'ai appris que Salvator, ne voyant pas venir son passeport, était inquiet et avait pris le parti d'accompagner son patron, par e que sa terre se trouve près de la frontière et qu'il espérait pouvoir la franchir. Comme le maréchal compte rester encore 15 jours dans sa terre près de Moscou, Salvator fait des courses pour ses propres affaires, et la première fois qu'il viendra à Moscou, mon agent l'arrêtera à peu de distance de la ville, et de l'endroit même il sera expédié pour Perm, accompagné d'un officier de police qui a déjà reçu les instructions nécessaires. Quant au papiers, Salvator est trop gueux pour en avoir, et lorsque son envoi vers le Nord sera connu, je suis persuadé que tous les honnêtes gens en seront enchantés.

Vous verrez, Sire, par mon rapport au ministre de la police, quel scélérat j'ai déterré ici. Cette découverte a ramené le calme dans l'esprit de ceux qui s'effrayent facilement. Je connais, Sire, votre clémence et votre bonté angélique, et le pardon que vous daignez accorder aux injures personnelles, étant trop grand pour s'en offenser; mais l'auteur d'une proclamation au nom de l'ennemi de sa patrie et au commencement d'une guerre est un traître et un criminel d'état. C'est comme tel qu'il sera jugé et puni d'après les loix. Son exemple donnera à penser à ceux qui voudraient l'imiter. Ce misérable, qui a 23 ans, a été élevé dans la maison de son père par un Silésien nommé Kuhn, Franc-maçon et Martiniste, comme le prouvent ses écrits et les livres qui sont restés après sa mort. La conduite de m-r Klutcharew pendant les recherches qu'on a fait à la poste, son entretien avec le criminel dans un tête-à-tête, les espérances qu'il lui a données de le protéger, etc. tout cela doit vous convaincre, Sire, que les Martinistes sont vos ennemis caches et que votre attention a été détournée d'eux. A Dieu ne plaise qu'il y ait ici un mouvement dans le peuple, mais je garantis d'avance que les hypocrites de Martinistes paraitront en scélérats démasqués. Ils jouent l'humilité pour travailler dans l'ombre au désordre. Lorsqu'on a reçu la nouvelle de la declaration de la guerre, le peuplé de nouveau s'est acharne contre Spéranski. Je ne vous cacherai pas que depuis le premier jusqu'au dernier, et par toute la Russie, on le croit un traître. Comme dans les grouppes de marchands on disait qu'il est à Nijni, et que c'est près de Makariew, où beaucoup de personnes vont pour la foire, on a entendu dire que l'on pourrait bien l'expédier. J'ai écrit tout de suite au gouverneur de Nijni pour lui en donner connaissance. Je regarde la chose au fond comme insignifiante, mais si on réalisait l'intention, alors moi le premier et lui après, nous serions responsables de l'évènement. Votre Majesté observera

que les prix des chariots et des caissons sont à $^{30}/_{100}$ de moins qu'ils n'étaient l'hiver dernier, quand on a formé les six régiments. Je crois même que trois ou quatre des riches marchands ne payent toute la somme de 120,000 r.

J'ai reçu du ministre des finances la communication de l'ordre de délivrer sous ma quittance 100,000 r. J'en ai touché 62,000 pour rembourser tout ce qui avait été payé à Lepick. Tout est commandé, tout sera prêt, et la moitié de la valeur des objets est déjà payée.

Avec quelle impatience, Sire, nous attendons la nouvelle d'une victoire. Napoléon s'est arrêté, lui qui avançait toujours. Faites le reculer jusqu'au Rhin, et Lepick n'aura plus rien à faire. La déclaration de guerre, faite à Napoléon et non pas aux Français, pourra produire quelque effet sur cette grande nation de fous.

Москва, 30 Іюня 1812.

Государь! Начинаю съ большаго дѣла, довѣреннаго моей заботѣ, съ машины Леппиха. Послѣ завтра я поѣду, по его приглашенію, взглянуть на опытъ въ маломъ видѣ. Онъ въ восторгѣ отъ того, что ему достали дерева, которое сохло пять лѣтъ. Всѣ его рабочіе въ мастерской, дѣло идетъ впередъ; но оно требуетъ заботливости и точности и потому будетъ кончено только въ Августѣ мѣсяцѣ. По моему, успѣхъ возможенъ. Не смотря на количество употребленныхъ для того людей, на порученія, закупки, разъѣзды, дѣло не вызываетъ любопытства; тайна продолжаетъ соблюдаться, и какъ нельзя лучше удался распущенный нарочно слухъ, что это фабрика земледѣльческихъ орудій. Тамъ помѣщенъ унтеръ-офицеръ и шесть человѣкъ полицейскихъ, сторожащихъ ночью, чтобы ничто не уходило и чтобы никто не входилъ. Но черезъ мѣсяцъ, когда надо будетъ выставить машину наружу и наполнять ее, я поставлю крѣпкую денную и ночную стражу, чтобы никого не пускать за ограду. Я подружился съ Леппихомъ, который тоже меня любитъ, и машина стала мнѣ дорогà, точно мое дитя. Леппихъ предлагаетъ мнѣ пуститься на ней вмѣстѣ съ нимъ, но я не могу этого сдѣлать безъ вашего позволенія, а поводъ прекрасенъ: ваша слава и благо Европы!

Черезъ генерала Вязмитинова получилъ я приказаніе Вашего Величества о Сальваторѣ. Паспортъ, котораго онъ просилъ, мною задержанъ; но эта дрянь не разстается съ фельдмаршаломъ: онъ нанялся за три тысячи рублей сопровождать его повсюду. Старикъ видитъ въ этомъ привязанность и благодарность; но я узналъ, что задержка паспорта встревожила Сальватора, и онъ рѣшился сопровождать своего покровителя, потому что имѣніе его находится близко отъ границы, и слѣд. ему есть надежда выбраться за нее. Фельдмаршалъ разсчитываетъ еще недѣли двѣ пробыть въ своей подмосковной, а Сальваторъ разъѣзжаетъ по собственнымъ дѣламъ. Какъ только онъ соберется въ Москву, мой посланецъ задержитъ его не подалеку отъ города, и съ мѣста задержанія онъ будетъ отправленъ въ Пермь въ сопровожденіи

полицейскаго офицера, уже получившаго для того нужныя наставленія. Чтò касается до бумагъ, то у такого негодяя, какъ Сальваторъ, ихъ не бываетъ, и какъ скоро узнаютъ объ отправленіи его на Сѣверъ, я увѣренъ, что всѣ честные люди обрадуются.

Вы увидите, Государь, изъ моего донесенія министру полиціи, какого изверга откопалъ я здѣсь. Открытіе это успокоило людей, легко поддающихся опасеніямъ. Я знаю, Государь, ваше милосердіе и вашу ангельскую доброту; знаю, что вы благоволите прощать личныя оскорбленія, стоя слишкомъ высоко, чтобы ими огорчаться; но сочинитель воззванія во имя непріятеля отечества и въ началѣ войны есть измѣнникъ и государственный преступникъ. Какъ таковой, онъ будетъ судимъ и наказанъ по законамъ. Примѣръ его заставитъ подумать тѣхъ, кто бы захотѣлъ ему подражать. Этотъ негодяй, 23 лѣтъ отъ роду, былъ воспитанъ въ домѣ у отца своего, однимъ Силезцемъ, по имени Куномъ, Франмасономъ и Мартинистомъ, какъ свидѣтельствуютъ его писанія и оставшіяся по кончинѣ его книги. Образъ дѣйствій г-на Ключарева во время розысковъ на почтѣ, его бесѣда съ преступникомъ съ глазу на глазъ, данное ему обѣщаніе покровительствовать и пр., все это должно убѣдить васъ, Государь, что Мартинисты суть скрытые враги ваши, и что вамъ препятствовали обратить на нихъ вниманіе *). Дай Богъ, чтобы здѣсь не произошло движенія въ народѣ; но я напередъ говорю, что лицемѣры Мартинисты обличатся и заявятъ себя злодѣями. Они играютъ въ смиреніе, чтобы тайкомъ готовить смуту. Когда получено было извѣстіе о томъ, что война объявлена, народъ снова ожесточился противъ Сперанскаго. Не скрою отъ васъ, Государь, что отъ перваго до послѣдняго и по всей Россіи его считаютъ измѣнникомъ. Въ купеческихъ кружкахъ говорили, что онъ въ Нижнемъ, по близости отъ Макарьева, куда сбирается много пріѣзжихъ на ярмарку, и слышались рѣчи о томъ, что можно было бы легко съ нимъ управиться. Я тотчасъ же написалъ Нижегородскому губернатору, чтобы извѣстить его. Собственно говоря я не придаю этому большаго значенія; но если бы сдѣлана была попытка, то я первый, а затѣмъ и онъ, очутились бы въ отвѣтѣ. Ваше Величество замѣтите, что телѣги и ящики подешевѣли на 30° сравнительно съ прошедшей зимою, когда устроивалось шесть полковъ. Я даже думаю, что трое или четверо богатыхъ купцовъ уплатятъ всю сумму въ 120 т. рублей.

Министръ финансовъ сообщилъ мнѣ указъ объ отпускѣ подъ мою росписку 100 т. рублей. Изъ нихъ я взялъ 62.000 въ возмѣщеніе заплаченнаго Леппиху. Все заказано, все будетъ готово, и половинная цѣнность вещей уже оплачена.

Съ какимъ нетерпѣніемъ Государь, ждемъ мы извѣстія о побѣдѣ. Наполеонъ остановился, онъ, всегда шедшій впередъ. Оттѣсните его до Рейна, и Леппиху нечего будетъ больше дѣлать. Объявленіе войны Наполеону, а не Французамъ можетъ произвести впечатлѣніе на этотъ великій народъ безумцевъ.

---

*) Здѣсь и ниже—озлобленіе графа Растопчина противъ Мартинистовъ. Можемъ ли мы совершенно отвергать его показанія? За годъ передъ тѣмъ въ своей запискѣ о нихъ, написанной по желанію в. кн. Екатерины Павловны, онъ прямо говоритъ, что они злоумышляли на жизнь Екатерины II-й. (Р. Арх. 1875, III, 77). П. Б.

5.

Moscou, à minuit, 4 juillet 1812.

Sire!

La découverte de l'auteur de la prétendue adresse de Napoléon aux princes de la Confédération du Rhin, a nécessité l'expédition d'un courrier pour demander les ordres de Votre Majesté. Il n'est pas besoin d'aggraver le crime de cet homme, ni de faire sentir l'importance d'un exemple effrayant pour le peuple, et surtout pour quelques scélérats cachés. Ce Vérestchaguine est fils d'un marchand et inscrit avec lui dans la seconde classe, qui est exemptée des peines corporelles. Son procès ne peut durer longtemps dans les tribunaux, mais il doit passer par le Sénat et traîner en longueur, tandis que l'exécution de la sentence ne saurait être assez pompte, vu la gravité du crime, l'incertitude de la populace et les doutes du public. J'ose proposer à Votre Majesté un moyen qui pourra concilier la justice avec votre clémence. C'est de m'envoyer un oukaze par lequel ce Vérestchaguine devra être mené à la potence pour être pendu, mais là sera seulement marqué et envoyé en Sibérie, aux travaux forcés dans les mines. Je mettrai beaucoup d'appareil à cette exécution, et on ne saura qu'il est gracié de la mort que quand je le prononcerai.

J ai expédié ce matin une estafette au maréchal comte Saltykow, avec des papiers très importants concernant un raskolnik, qui va dans tous les villages du district de Gjatsk, inscrit les paysans, les engage à embrasser sa croyance, les menace de leur briser le pouce et promet à ceux qui consentent le royaume des cieux et la liberté.

Je vous supplie, Sire, de faire attention au projet que j'envois au ministre de la police. Ces mesures sont analogues aux circonstances. Les quittances ne diminuèrent en rien le nombre de recrues à prendre, car on peut les ajouter au nombre nécessaire et faire la répartition et la levée d'après ce calcul. Les cinq années de service en temps de guerre seront longues, mais vous aurez des hommes, et il faut récompenser les vainqueurs après la guerre par la certitude qu'à sa fin ils seront exemptés du service. Avec les gens qui se présenteront de tous côtés, je pourrai très vite former trois régiments: un d'infanterie, un de chasseurs et troisième de hussards. Vous n'auriez qu'à leur fournir des armes; car l'habillement, les chevaux et l'approvisionnement seraient aux prix de la noblesse, des marchands et des autres classes. Si vous m'accordiez la grâce de prendre les officiers avec les grades qu'ils ont nominativement, vous aurez un corps distingué, et Moscou donnera une nouvelle preuve de son zèle, de sa fidélité, et

un exemple à suivre. On s'enrôlera plus facilement dans l'espérance de rester à Moscou, et au bout d'un certain temps ces régiments partiront par ordre pour l'endroit qu'il vous plaira d'indiquer.

J'ai passé la soirée hier chez Lepick. Il est enchanté d'une découverte imprévue. Ce sont des feuilles de fer roulées, qui remplaceront la limaille de fer, réduiront au quart le vitriol nécessaire pour le gaze et ne demanderont que la 10-me partie du temps employé auparavant pour remplir le ballon. La grande machine sera achevée pour le 15 d'août. Dans dix jours il va faire une expérience en petit avec des ailes, et comme l'enclos où on va joindre les pièces sera prêt en même temps, j'y enverrai deux officiers et 50 soldats à demeure, pour monter la garde jour et nuit, crainte d'accident. Je vais donner également à Lepick un officier d'artillerie, qui sera chargé de remplir les deux caisses de destruction qu'il prend avec lui, et à la fin du mois il faudra lui former un équipage de 50 hommes. Je serais de l'avis qu'il vaut mieux prendre des soldats et un bon officier; ils pourront avant leur départ pour l'armée s'exercer et s'accoutumer à la manoeuvre des ailes. Je demande là-dessus les ordres de Votre Majesté. Lepick a pris déjà 72,000 r., quoique la plupart des objets nécessaires sont déjà payés et que la moitié du vitriol acheté restera. Comme il n'est pas possible de calculer au juste toute la dépense, par crainte de manquer d'argent, j'ai gardé chez moi à tout évènement les 40,000 r. que les deux marchands Oussatchow ont offert à Votre Majesté, et j'en rendrai compte dans le temps.

Je ne peux assez admirer l'activité et le zèle de Lepick. Il se lève le premier et se couche le dernier. Les ouvriers travaillent dix-sept heures dans la journée, et il y a plus de cent hommes dans son atelier. A présent on dit que c'est un vaisseau d'une nouvelle construction qui doit aller sous l'eau. Dans six semaines on verra bien qu'il va dessus.

Lepick a inventé une pique, dont le bois, vide en dedans, long de six archines, est beaucoup plus léger, plus facile à manier et moins fragile que les piques des cosaques. Comme leur fabrication est très facile, ne trouverez-vous pas à propos d'en envoyer des modèles pour les régiments de cosaques que l'on va former?

J'ai eu le bonheur de recevoir hier au soir l'ordre de Votre Majesté de mettre à la disposition du lieut.-général Kleinmikhel deux bataillons complets du régiment de garnison de Moscou, et de recevoir de lui-même un nombre pareil de recrues. J'ose représenter à Votre Majesté que dans tout ce régiment, après la formation de la division du général-major Névérovsky, il n'y a que 800 soldats, sur lesquels la

moitié a passé par baguettes; le reste sont des recrues, la plupart arrivés depuis un mois. Si on forme deux bataillons complets, il ne restera plus de bas-officiers. Depuis le mois de mai le régiment ne peut fournir que deux gardes, réduites à la moitié de ce qu'elles étaient. Songez, Sire, que c'est l'unique troupe de la ville, et que cette ville est Moscou.

Le médecin va venir un de ces jours de la campagne, et il partira pour la résidence désignée.

Dans l'ordre que j'ai eu le bonheur de recevoir hier au soir, je suis nommé commandant-en-chef de Moscou, et l'adresse porte le même titre. Je me suis décidé à le prendre, avant que de connaître votre volonté. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, полночь, 4 Іюля 1812.

Государь! Отыскался сочинитель такъ называемаго воззванія Наполеона къ государямъ Рейнскаго союза, и я долженъ отправить курьера для испрошенія повелѣній Вашего Величества. Нѣтъ надобности умножать вину этого человѣка, ни предъявлять значеніе примѣра, который былъ бы страшенъ для народа, и въ особенности для нѣкоторыхъ скрытныхъ злодѣевъ. Этотъ Верещагинъ—сынъ купца и записанъ съ нимъ во вторую гильдію, изъятую отъ тѣлесныхъ наказаній. Дѣло его не можетъ долго тянуться въ присутственныхъ мѣстахъ; но въ Сенатѣ оно затормозится, тогда какъ необходимо какъ можно скорѣе исполнить приговоръ, въ виду важности преступленія, ненадежности простаго народа и сомнѣній публики. Смѣю предложить Вашему Величеству средство, которымъ можно будетъ согласить правосудіе съ вашимъ милосердіемъ. Пришлите мнѣ указъ, по которому Верещагинъ долженъ быть отвезенъ на висѣлицу для повѣшенія, а тамъ онъ будетъ только заклейменъ, а затѣмъ отправленъ въ Сибирь на работы въ рудники. Я обставлю исполненіе большою торжественностью, и про избавленіе его отъ смерти узнаютъ лишь тогда, когда я о томъ объявлю.

Нынче утромъ я отправилъ депешу къ фельдмаршалу графу Салтыкову съ очень важными бумагами объ одномъ раскольникѣ, который ходитъ по всѣмъ деревнямъ Гжатскаго уѣзда, записываетъ крестьянъ, зоветъ ихъ въ свою вѣру, грозитъ сломать большой палецъ и соглашающимся обѣщаетъ царство небесное и свободу.

Умоляю васъ, Государь, обратить вниманіе на мое предположеніе, посланное министру полиціи. Эти мѣры соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ. Квитанціями нисколько не уменьшается число имѣющихъ поступить въ рекруты, потому что можно прибавить къ нужному количеству и устроить распредѣленіе и наборъ по этому разсчету. Пять лѣтъ службы во время войны будетъ много, но вы получите людей, и послѣ войны надо вознаградить побѣдителей увѣренностью въ томъ, что по окончаніи ея они будутъ уволены отъ службы. Со всѣхъ сторонъ приходятъ люди, и я могу очень скоро образовать изъ нихъ три полка: пѣхотный, егерскій и третій гусарскій. Вамъ нужно будетъ

только дать имъ оружіе, такъ какъ одежда, лошади и продовольствіе получатся отъ дворянства, купцовъ и другихъ сословій. Если вы окажете мнѣ милость принимать офицеровъ съ тѣмъ чиномъ, какой у нихъ значится, то получите отличное войско, и Москва явитъ новое доказательство своего усердія, вѣрности и достоподражательности. Охотнѣе станутъ записываться, имѣя надежду оставаться въ Москвѣ, и черезъ нѣсколько времени эти полки пойдутъ, по приказанію, куда вамъ угодно будетъ ихъ назначить.

Вчерашній вечеръ провелъ я у Леппиха. Онъ въ восхищеніи отъ неожиданнаго открытія. Это желѣзные скатанные листки, въ замѣну желѣзныхъ опилокъ; при нихъ требуется вчетверо меньше купоросу для газа, и противъ прежняго можно вдесятеро скорѣе наполнить шаръ. Большая машина будетъ готова къ 15 Августа. Черезъ десять дней онъ сдѣлаетъ въ маломъ размѣрѣ опытъ съ крыльями. Ограда, въ которой онъ начнетъ собирать части, поспѣетъ къ тому же времени, и тогда я помѣщу тамъ на житье двухъ офицеровъ и 50 солдатъ, дабы, на случай чего, сторожить днемъ и ночью. Я дамъ также Леппиху артилерійскаго офицера; ему будетъ поручено наполнить два ящика съ истребительнымъ веществомъ, которые Леппихъ возметъ съ собою, и въ концѣ мѣсяца надо будетъ образовать ему команду въ 50 человѣкъ. Мнѣ кажется, лучше будетъ взять солдатъ и хорошаго офицера, которые, прежде чѣмъ отправиться къ арміи, обучатся и привыкнутъ управлять крыльями. Испрашиваю на то приказаній Вашего Величества. Леппихъ уже взялъ 72 т. р., хотя большая часть нужныхъ вещей оплачена и останется половина купленнаго купороса. Такъ какъ нельзя точно опредѣлить всю издержку, то, въ опасеніи недостачи денегъ, я на всякій случай удержалъ у себя 40 т. рублей, которые поднесены Вашему Величеству двумя купцами Усачовыми, и въ свое время дамъ въ нихъ отчетъ.

Не могу надивиться дѣятельности и усердію Леппиха. Онъ встаетъ первый и ложится послѣдній. Рабочіе трудятся по 17 часовъ въ день, и въ мастерской у него слишкомъ сто человѣкъ. Теперь говорятъ, что это новаго устройства корабль, который будетъ ходить подъ водою. Черезъ шесть недѣль увидятъ, что онъ ходитъ по верху.

Леппихъ изобрѣлъ копье: древко, пустое внутри, 6 аршинъ длиною, гораздо легче, удобнѣе и прочнѣе казацкихъ копій. Изготовленіе очень легко, и потому не найдете ли нужнымъ послать на образецъ въ казацкіе полки, которые будутъ набираться?

Вчера вечеромъ имѣлъ я счастіе получить приказаніе Вашего Величества объ отдачѣ въ распоряженіе ген.-лейтенанта Клейнмихеля двухъ батальономъ Московскаго гарнизоннаго полка въ полномъ составѣ, и о пріемѣ отъ него такого же числа рекрутъ. Смѣю представить Вашему Величеству, что во всемъ этомъ полку, по устройствѣ дивизіи ген.-маіора Невѣровскаго, всего 800 солдатъ, изъ которыхъ половина сѣченыхъ; остальные суть рекруты, большею частью поступившіе мѣсяцъ назадъ. Если устроить два полныхъ батальона, то не останется унтеръ-офицеровъ. Съ Мая мѣсяца полкъ не можетъ поставлять больше двухъ карауловъ, вдвое меньше того, чтò они были прежде. Подумай-

тей, Государь, что это единственное въ городѣ войско, и что городъ этотъ—Москва.

Докторъ прибудетъ эти дни изъ деревни и отправится въ назначенное мѣстопребываніе.

Въ приказѣ, который имѣлъ я счастіе получить вчера вечеромъ, наименованъ я Московскимъ главнокомандующимъ; такъ и на адресѣ. Я рѣшился принять это наименованіе прежде, чѣмъ узнаю вашу о томъ волю.

6.

Moscou, 23 juillet 1812.

Sire!

Après votre départ je me suis occupé à accélérer le rassemblement de la force-armée, et les généraux vont partir aujourd'hui pour leur destination. Le comte Saltykow a déjà enrôlé pour son régiment 160 hommes et les a logé dans une caserne où il y a une garde de la garnison. La ville a été très chagrinée de votre départ, et ce qui a ajouté à l'inquiétude c'est le passage par Moscou de l'aide-de-camp-général Koutouzow, sans que rien aye transpiré du motif de son voyage. Les uns prétendent qu'il est porteur d'une mauvaise nouvelle, les autres de propositions de paix. Depuis 24 heures on parle de la mésintelligence qui règne entre les chefs de vos armées, qui ne se réunissent pas pour n'être pas l'un sous les ordres de l'autre. On espère toujours que les forces placées près de Smolensk pourront arrêter l'audace de l'ennemi; mais il faudrait s'entendre, vaincre et se battre plus d'une fois. Le zèle, bien loin de se ralentir, augmente. La seule crainte que j'aye, c'est sur le compte des étrangers, que le peuple a pris en horreur. Tous les jours il y a des histoires dans les rues; mais heureusement la police a mes ordres, et tout finit par quelques coups donnés aux étrangers, ou à ceux qu'on soupçone l'être. Quoiqu'il n'y ait encore aucune probabilité que les deux armées laissent pénétrer l'ennemi jusqu'à Moscou, j'ai pris les précautions en envoyant un homme de confiance à Kalomna, pour louer et arrêter quelques barques, sous prétexte d'envoyer des canons à Nijni et d'apporter de là du fer. En cas d'évènement ces barques serviront à transporter par l'Oka les objets dont Votre Majesté m'a confié la conservation.

Je ne vous cacherai pas, Sire, que Spéranski est très dangereux là où il est. Il s'est lié intimement avec l'archevêque Moïse, connu pour être un grand admirateur de Bonaparte et un grand frondeur de vos actions. En outre, Spéranski, à force de popularité et d'hypocrisie, en affectant beaucoup de dévotion, a gagné l'amitié des habitants de Nijni. Il a su leur persuader qu'il est victime de son amour pour le peuple, auquel il voulait procurer la liberté, et que vous l'avez sacrifié aux

ministres et aux nobles. Maintenant on ne saurait trop veiller sur la tranquillité publique, au moment où notre ennemi employera tous les moyens pour la troubler. Je prie très humblement Votre Majesté d'accorder votre attention à ce que j'ai communiqué au ministre de la police relativement au mauvais effet qu'a produit sur nos paysans l'exemtion de ceux de la couronne de faire partie de l'armement actuel. Du temps de Pougatschow, dans les gouvernements que l'esprit de la révolte avait gagné, on l'a réprimée par les paysans de la couronne, sur lesquels le mot de liberté n'agit pas, et en les mêlant les uns avec les autres il sera facile d'arrêter les progrès de la mutinerie.

La correspondance du nommé Buff avec Paris et Riga trouve que le bureau de la poste d'ici n'est ni aussi actif, ni si vigilant qu'on a voulu le persuader. Il courre ici un bruit que le ministre de la police, avant son départ, a vu cet infâme Klutcharew, que toute la ville a en exécration. J'ai eu l'honneur de parler de cet homme à Votre Majesté. Je ne sais si elle m'a fait celui de m'accorder une pleine confiance; mais habitué à respecter et à chérir mes Maîtres, je n'ai jamais envisagé le service autrement que comme un moyen de servir avec utilité et je n'ai jamais eu d'autre moteur qu'un dévouement absolu. Les circonstances sont telles qu'en cas de revers, suivis ou d'une révolte, ou d'une nouvelle trahison, il y va de la perte de l'État et de votre personne sacrée. Ainsi je supplie Votre Majesté à genoux, en cas que vous ayez le moindre doute sur ma capacité et zèle, de ne pas vous arrêter un instant à me remplacer par un autre, car je pourrai vous être utile de toute autre manière. Je servirai d'aide-homme et j'irai me battre; je prêcherai le peuple qui m'aime, et tant que j'aurai un souffle de vie, je l'employerai à votre service.

Lepick avance avec son ouvrage, mais il ne sera en état d'agir que dans trois semaines. Nous avons arrangé tout pour le service des pompes, comme vous l'avez ordonné, et il m'a donné le papier cijoint. De Votre Majesté le tout dévoué compte Rostopsin.

Москва, 23 Іюля 1812.

Государь! По отъѣздѣ вашемъ я занялся ускореніемъ воинскихъ сборовъ, и генералы сегодня ѣдутъ куда они назначены. Графъ Салтыковъ уже набралъ въ свой полкъ 160 человѣкъ и помѣстилъ ихъ въ казармѣ, гдѣ имѣется гарнизонная стража. Городъ весьма опечаленъ вашимъ отъѣздомъ, и безпокойство еще умножилось проѣздомъ черезъ Москву генералъ-адъютанта Кутузова, такъ какъ всѣ недоумѣваютъ, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ. По мнѣнію однихъ онъ везетъ дурную вѣсть, другіе — предложенія мира. Вотъ уже сутки, какъ говорятъ о недоразумѣніяхъ между начальниками нашихъ армій, которые не сходятся

для того, чтобы одному не быть подъ начальствомъ у другаго. Всѣ же надѣются, что силы, собравшіяся близъ Смоленска, могутъ положить преграду дерзости непріятеля; но нужно столковаться, побѣдить и драться нѣсколько разъ. Ревность нимало не ослабѣваетъ, но усиливается. У меня одно впасеніе: это иностранцы, которыхъ возненавидѣлъ народъ. Ежедневно исторіи на улицахъ; но къ счастію, полиція помнитъ мое распоряженіе, и все кончается потасовкою нѣсколькихъ иностранцевъ или людей, принимаемыхъ за таковыхъ. Хотя еще нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы двѣ арміи допустили непріятеля проникнуть до Москвы, но изъ предосторожности я послалъ въ Коломну надежнаго человѣка нанять и задержать нѣсколько барокъ, подъ предлогомъ отсылки пушекъ въ Нижній и привоза оттуда желѣза. Въ случаѣ чего, эти барки понадобятся для отвоза на нихъ предметовъ, сохраненіе которыхъ Ваше Величество мнѣ ввѣрили.

Не скрою отъ васъ, Государь, что Сперанскій очень опасенъ тамъ, гдѣ онъ теперь. Онъ тѣсно сблизился съ архіепископомъ Моисеемъ, который извѣстенъ, какъ великій почитатель Бонапарта и великій хулитель вашихъ дѣйствій. Кромѣ того, Сперанскій, прикидываясь человѣкомъ очень благочестивымъ, народничая и лицемѣря, снискалъ себѣ дружбу Нижегородцевъ. Онъ съумѣлъ ихъ увѣрить, будто онъ жертва своей любви къ народу, которому яко бы хотѣлъ онъ доставить свободу и что вы имъ пожертвовали министрамъ и дворянамъ. Въ настоящую минуту, когда врагъ нашъ станетъ принимать всякія мѣры къ нарушенію общественнаго спокойствія, нельзя быть достаточно бдительну. Покорнѣйше прошу Ваше Величество удостоить вниманіемъ то, что̀ я сообщилъ министру полиціи относительно вреднаго дѣйствія, произведеннаго на крестьянъ нашихъ изъятіемъ крестьянъ казенныхъ отъ участія въ нынѣшнемъ вооруженіи. Со временъ Пугачова, въ губерніяхъ зараженныхъ духомъ мятежа, сей послѣдній подавляемъ былъ крестьянами казенными, надъ которыми не имѣетъ силы слово свобода. Заставляя ихъ дѣйствовать въ перемежку, легко будетъ остановить успѣхъ рѣзни.

Въ перепискѣ нѣкоего Буффа съ Парижемъ и Ригою значится, что здѣшній почтамтъ не такъ дѣятеленъ и не такъ бдителенъ, какъ его хотѣли увѣрить. Здѣсь ходятъ слухи, что министръ полиціи, передъ своимъ отъѣздомъ, видѣлъ этого мерзкаго Ключарева, котораго весь городъ ненавидитъ. Я имѣлъ честь говорить Вашему Величеству объ этомъ человѣкѣ. Не знаю, почтенъ ли я вашею полною довѣренностью; но, привыкнувъ чтить и любить моихъ Государей, я всегда смотрѣлъ на службу не иначе какъ на возможность приносить пользу и никогда не руководился инымъ побужденіемъ, какъ безграничною преданностью. Обстоятельства таковы, что, въ случаѣ бѣдствія, сопровождаемаго или мятежемъ или новою измѣною, подвергаются гибели государство и ваша священная особа. Поэтому на колѣнахъ умоляю Ваше Величество, коль скоро вы малѣйше сомнѣваетесь въ моихъ способностяхъ и усердіи, не колеблясь ни минуты замѣните меня другимъ лицомъ; ибо я могу быть вамъ полезенъ всякимъ другимъ образомъ. Я пойду къ кому нибудь въ помощники и стану драться; я буду увѣщевать на-

родъ, который меня любитъ и до послѣдняго моего издыханія послужу вамъ.

Леппихъ подвигаетъ свое дѣло, но оно не пойдетъ раньше трехъ недѣль. Мы все устроили для трубъ, какъ вы приказали, и онъ далъ мнѣ прилагаемую бумагу.

7.

Moscou, 25 juillet 1812.

Sire!

J'ai le bonheur d'écrire à Votre Majesté par l'entremise du colonel Tchernichow, et demain je compte expédier un courrier avec mes rapports et ceux du général Miloradovitsch, arrivé ici avant-hier. Il compte retourner demain à Kalouga, où les troupes composant son corps seront rendues pour le 6 aout. Il fait le plus grand éloge de ces bataillons et assure qu'il n'a jamais vu une pareille artillerie a cheval. J'ai pris avec lui tous les arrangemens relativement aux places que son corps doit occuper. Je cède quelques généraux de ceux qui entraient dans la formation de la force militaire de Moscou. Il en enverra liste demain. Comme il n'a pas un sou pour des dépenses extraordinaires, je demande à Votre Majesté la permission de lui donner 10,000 r. de ceux que j'ai à ma disposition.

Les bruits qui courent dans la ville sont tous à notre avantage, mais rien de sûr, et pour tranquilliser la ville et me régler sur les évènements, j'ai expédié pour Smolensk un officier de police, Voronenko, en priant le ministre de la guerre de lui faire communiquer les nouvelles, bonnes ou mauvaises, pour être transmises ici par estafettes. Cela sera un moyen de mettre obstacle aux inventions et aux on-dit. Le peuple est furieux contre les Français, et la police redouble de vigilance; pour le reste tout est tranquille, tout est fidèle et tout est plein d'ardeur. Chacun veut, Sire, que vous reveniez à Moscou. Vous serez au centre des affaires, près des armées et à la tête du mouvement qui doit écraser l'ennemi de chacun de vos sujets. De Votre Majesté le tout dévoué compte Rostopsin.

Москва, 25 Іюля 1812.

Государь! Я имѣлъ счастіе писать къ Вашему Величеству черезъ посредство полковника Чернышова и думаю завтра отправить курьера съ донесеніями моими и генерала Милорадовича, который прибылъ сюда третьяго дня. Онъ думаетъ возвратиться завтра въ Калугу, гдѣ къ 6 Августа соберутся войска составляющія его корпусъ. Онъ очень похваляетъ эти батальоны и увѣряетъ, что никогда не видывалъ такой конной артилеріи. Я сдѣлалъ съ нимъ всѣ распоряженія касательно мѣстъ, которыя корпусъ его долженъ занять. Уступаю ему нѣсколько человѣкъ генераловъ изъ поступившихъ въ составъ Московской ополченской силы. Завтра онъ пошлетъ ихъ списокъ. У него нѣтъ ни ко-

пѣйки на чрезвычайныя издержки, и потому испрашиваю у Вашего Величества позволенія дать ему 10 т. рублей изъ находящихся въ моемъ распоряженіи.

Городскіе слухи всѣ въ нашу пользу; но нѣтъ ничего вѣрнаго, и потому, чтобы успокоить городъ и дѣйствовать сообразно событіямъ, я отправилъ въ Смоленскъ полицейскаго офицера Вороненку и прошу военнаго министра сообщать ему извѣстія, добрыя или худыя, для передачи сюда по эстафетѣ. Это будетъ средствомъ противъ выдумокъ и пустыхъ слуховъ. Народъ ожесточенъ противъ Французовъ, и полицейскій надзоръ удвоенъ; впрочемъ все спокойно, все вѣрно и все исполнено жара. Каждый желаетъ, Государь, чтобы вы возвратились въ Москву. Вы будете въ средоточіи дѣлъ, въ близости отъ армій и во главѣ движенія, долженствующаго сокрушить врага каждому изъ вашихъ подданныхъ.

8.

Moscou, 26 juillet 1812.

Sire!

En vérité tout va bien et finira encore mieux; c'est l'opinion de votre fidèle serviteur et de tous ceux qui pensent comme lui. Il me semble que ce nouveau César Corse dira bientot: je suis venu, jai vu et je suis revenu. C'est à Votre Majesté de lui rendre le retour désagréable et de le priver de l'agrément de faire une entrée triomphale à Paris, où il pourra cesser d'être l'idole du jour.

Marchand est un peu malade, mais il part demain pour Nijni, où il trouvera le compte Pierre Tolstoy, parti hier au soir. Miloradovitsch est plein de zèle et part cette nuit pour Kalouga. Il prend avec lui les généraux Chépélow et Vadkovski: j'ai tout arrangé avec lui. Moscou est si tranquille, qu'on s'en étonne; la raison en est qu'on ne craint rien, qu'on hait Napoléon et que l'on espère le voir bientôt bien petit. Votre peuple, Sire, est un modèle de patience, de courage et de bonté. Hier il est venu chez moi un jeune domestique pour me déclarer, qu'il lui a pris une telle rage de se battre avec les Français, qu'il en perd le sommeil et la santé. Je l'ai fait enrôler comme soldat, en donnant une quittance à sa maîtresse, de l'argent à lui-même, et avec le premier courrier je l'enverrai au ministre de la guerre. Il m'a promis de tuer jusqu'à 15 Français dans un jour, et il devient furieux en parlant d'eux.

Revenez, Sire, dans votre véritable capitale. Vous y aurez encore des preuves de l'amour de vos sujets. C'est une jouissance digne de votre âme. On sait que vous avez promis de revenir dans quinze jours et on vous attend avec impatience.

Le fameux marchand Goubine, effrayé de ce que je faisais semblant de lui en vouloir, parce qu'il n'avait rien donné avec le corps

des marchands, s'est présenté au comité avec 100,000 r. d'offrande. Youssoupow compte et serre son argent. Le 1-er comité parle, raisonne et se fatigue. Je ne fais que biffer leurs journaux de délibération.

Le prince Alexis Kourakine est arrivé le jour de votre départ. Le compte Panine est aussi a Moscou. Le chef des Martinistes, Pozdéyew, est venu pour cinq jours et est reparti pour sa terre, après avois reçu chez lui une foule de sectaires. Je lui ai écrit pour lui dire qu'il ne revienne plus à Moscou. Il serait déraisonnable et pernicieux de garder cet homme ici dans les circonstances actuelles. M-me de Staël est partie, après avoir fabriqué de l'esprit et exposé ses beaux bras. Elle est accompagnée du poëte Schléguel et du jeune Lefort, qui a servi dans les armées françaises et qui a une belle figure et une mauvaise expression. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Moscou, 26 juillet. Sur la même feuille.

Au moment de cacheter mon rapport je reçois un courrier du général-intendant Lanskoy, avec l'injonction de lui faire savoir si toute la quantité de farine, grueau et d'avoine, spécifiée dans l'ordre du ministre de la guerre, se trouve dejà à Gjatsk et á Bélaya. Vous avez approuvé mes raisons lors de votre séjour à Moscou, et à présent un nouvel obstacle s'est présenté, c'est que tout le grain du gouvernement de Smolensk est pris pour les armées et transporté sur des charettes. En outre, 15,000 hommes des troupes de Miloradovitsch et les cinq régiments que l'on forme tant ici qu'à Kline, à Podolsk et à Zavidova, sont venus inopinément et doivent être approvisionnés. Il se trouve que le ministre de la guerre n'a aucune idée ni des locatités, ni des ressources des gouvernements. Le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 26 Іюля 1812.

Государь! По истинѣ все идетъ хорошо и кончится еще лучше: таково мнѣніе вашего вѣрнаго слуги и всѣхъ, кто думаетъ также какъ и онъ. Мнѣ кажется, что этотъ новый Цезарь-Корсиканецъ скоро скажетъ: пришелъ, увидѣлъ и ушелъ назадъ. Вашему Величеству предлежитъ устроить ему непріятный возвратъ и лишить его удовольствія съ тріумфомъ войти въ Парижъ, гдѣ, пожалуй, перестанутъ считать его идоломъ дня.

Маршанъ слегка нездоровъ, но завтра ѣдетъ въ Нижній, гдѣ будетъ у графа Петра Толстаго, уѣхавшаго вчера вечеромъ. Милорадовичъ полонъ усердія и ѣдетъ нынче ночью въ Калугу. Онъ беретъ съ собою генераловъ Шепелева и Вадковскаго; я всѣмъ распорядился съ нимъ. Москва такъ тиха, что надо удивляться; причина въ томъ, что ничего не опасаются, что ненавидятъ Наполеона и надѣются на скорое его умаленіе. Государь, вашъ народъ есть образецъ терпѣнія,

храбрости и доброты. Вчера пришелъ ко мнѣ одинъ молодой дворовый и объявилъ мнѣ, что имъ овладѣло яростное желаніе драться съ Французами до такой степени, что онъ лишился сна и сдѣлался нездоровъ. Я велѣлъ зачислить его въ солдаты, выдавъ росписку его помѣщицѣ и денегъ ему самому, и съ первымъ курьеромъ пошлю его къ военному министру. Онъ мнѣ обѣщалъ убивать до 15 человѣкъ Французовъ въ день, и становится яростенъ, когда говоритъ о нихъ.

Государь, возвратитесь въ вашу настоящую столицу; вы въ ней будете имѣть новыя доказательства любви вашихъ подданныхъ. Это наслажденіе достойное души вашей. Знаютъ про ваше обѣщаніе возвратиться черезъ двѣ недѣли и ждутъ васъ съ нетерпѣніемъ.

Пресловутый Губинъ, напуганный тѣмъ, что я притворился негодующимъ на него за то, что онъ не принималъ участія въ жертвованіяхъ купеческаго сословія, явился въ комитетъ и привезъ 100.000 рубл. Юсуповъ считаетъ и прячетъ свои деньги. Первый комитетъ разговариваетъ, разсуждаетъ и утомляется. Я только перечеркиваю журналы его разглагольствій.

Въ день вашего отъѣзда пріѣхалъ князь Алексѣй Куракинъ. Графъ Панинъ также въ Москвѣ. Глава Мартинистовъ Поздѣевъ прибылъ на пять дней и возвратился къ себѣ въ имѣніе, послѣ того какъ у него перебывало множество сектаторовъ. Я ему написалъ увѣдомленіе, чтобы онъ не возвращался въ Москву. Было бы неразсудительно и опасно имѣть здѣсь этого человѣка въ настоящихъ обстоятельствахъ Госпожа Сталь уѣхала, пофабриковавъ умомъ и показавъ прекрасныя свои плечи. Съ нею поэтъ Шлегель и молодой Лефортъ, который служилъ во Французскихъ войскахъ; у него прекрасная фигура и дурное выраженіе.

Москва, 26 Іюля. На томъ же листѣ.

Когда я запечатывалъ мое донесеніе, пріѣхалъ курьеръ генералъ-интенданта Ланскаго и предъявилъ повелѣніе увѣдомить его, все ли количество муки, крупъ и овса, означенное въ приказѣ военнаго министра, находится уже въ Гжатскѣ и въ Бѣломъ. Вы одобрили мои доводы во время пребыванія вашего въ Москвѣ, а теперь явилось новое препятствіе, а именно: весь зерновой хлѣбъ Смоленской губерніи взятъ для армій и перевезенъ на телѣгахъ. Въ добавокъ неожиданно нашлось 15 т. человѣкъ корпуса Милорадовича и 5 полковъ набираемыхъ въ Клину, Подольскѣ и Завидовѣ; ихъ тоже надо кормить. Оказывается, что военный министръ не имѣетъ понятія ни о мѣстностяхъ, ни о средствахъ губерній.

9.

Moscou, 29 juillet 1812.

Sire!

Un courrier du général Wiazmitinow m'a remis le rescrit de Votre Majesté, qui ordonne une levée de recrues sur les biens des propriétaires, à l'instar des paysans de la couronne. L'article des quittances à délivrer pour les miliciens tués à la guerre souffrira des difficultés. Quoique la milice de Moscou de 1807 aye été licenciée, c'est-à-peine si le tiers est revenu, et comme il n'y a ni attestats, ni certificats pour constater la mort des individus, j'ai pris le parti de m'adresser au Comité de m-rs les Ministres, afin de prévenir les malentendus et ne pas perdre de temps.

Votre Majesté connait ce que la ville et gouvernement de Moscou ont souffert. L'absence de 15,000 miliciens et la quantité de paysans tués, ou morts de maladie, rendra ce recrutement pénible, par le manque d'hommes et d'argent. Un délai de trois mois faciliterait l'opération; mais si telle est votre volonté, j'exécuterai vos ordres.

Quelques officiers de l'ancienne milice portent encore l'uniforme et les épaulettes, sous prétexte d'activité. La plupart sont des polissons armés en guerre, qui ont quitté l'armée, en préférant l'avantage de peupler le pays à l'honneur de le défendre.

Le désordre dans le grand hôpital était parvenu au point que jusqu'au mois de mars il mourrait jusqu'à 32 pour cent; maintenant ce n'est plus que 4/000. Le médecin Loder et le maître de police Broker découvrent des malversations qui font frémir.

Il se dit beaucoup de bêtises, dont la plus grande partie sont emportées de Pétersbourg. Les plus ridicules sont: que la noblesse de Moscou a envoyé une députation au quartier-général pour vous supplier de ne pas conclure la paix, et que l'Impératrice-Mère est partie en toute hâte pour l'armée afin de vous reconcilier avec le grand-duc Constantin.

Après avoir été abîmé par les langues vivantes du pays à cause de Bonaparte, de Koutouzow, de la prétendue peste, des logements, des secours en argent, je suis exposé de nouveau à la mauvaise humeur de la noblesse, des marchands et du peuple, en qualité de chef de la commission des bâtiments. Si on laissait chacun bâtir à sa guise, il n'y aurait pas de passage dans les rues. Mais grâce à ma manière de voir et de servir, je fais autant de cas de la mauvaise que de la bonne disposition du public à mon égard, et si j'étais charlatan, je serais l'homme du siècle, moi, qui ne suis pas même l'homme du jour. Le voeu le plus

constant de mon coeur est que le Ciel vous conserve, et qu'il frappe d'un rayon de sa lumière le cabinet de Vienne, afin qu'il voye mieux dans le présent et craigne davantage dans l'avenir.

Je finirai par une réfllxion dictée par ma fidélité et mon attachement, c'est que ce nouveau recrutement, par son mode et l'époque, pourra avoir de mauvaises suites. Les esprits ne sont pas calmes, le peuple est malheureux, l'entérieur est sans troupes, et le désespoir sans réflexion. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 29 Іюля 1812.

Государь! Курьеръ генерала Вязмитинова привезъ мнѣ рескриптъ Вашего Величества, коимъ повелѣвается произвести наборъ съ помѣщичьихъ имѣній, такой же какъ съ казенныхъ крестьянъ. Окажутся затрудненія по предмету выдачи квитанцій за убитыхъ ратниковъ. Хотя Московское ополченіе 1807 года было распущено, но едва ли треть его возвратилась, и какъ нѣтъ ни свидѣтельствъ, ни удостовѣреній въ смерти ратниковъ, то я рѣшился обратиться къ Комитетъ господъ Министровъ, дабы предупредить недоразумѣнія и не терять времени.

Вашему Величеству извѣстно, сколько потерпѣли Москва и ея губернія. По недостатку людей и денегъ, этотъ наборъ будетъ тяжелъ въ виду выбывшихъ 15 тысячъ человѣкъ и количества крестьянъ убитыхъ или умершихъ отъ болѣзни. Легче было бы отсрочить на три мѣсяца; но если на то ваша воля, я исполню приказанія ваши.

Нѣкоторые офицеры прежней милиціи продолжаютъ носить мундиръ и эполеты, подъ предлогомъ дѣятельности. Большая ихъ часть плуты, вооружившіеся по военному, покинувшіе армію и предпочитающіе выгоду умножать населеніе страны чести защищать ее.

Безпорядокъ въ Главномъ Гошпиталѣ дошелъ до того, что до Марта мѣсяца умирало 32 изъ ста, теперь только 4 изъ тысячи. Медикъ Лодеръ и полицеймейстеръ Брокеръ открываютъ ужасающія злоупотребленія. Говорится много глупостей, большею частью привозимыхъ изъ Петербурга. Самыя смѣшныя вотъ: будто Московское дворянство отправило выборныхъ въ главную квартиру умолять васъ, чтобъ вы не заключали мира, и будто Императрица-Мать поспѣшила въ армію помирить васъ съ великимъ княземъ Константиномъ.

Подвергнувшись пересудамъ по поводу Бонапарта, Кутузова *) мнимой заразы, квартиръ, денежнаго пособія, теперь я снова въ немилости у дворянства, у купцовъ и у народа, какъ начальникъ комиссіи о постройкахъ. Если каждому позволить строиться какъ ему угодно, то не будетъ прохода по улицамъ. Но благодаря моему воззрѣнію на вещи и на службу, я отношусь одинаково къ благорасположенію и негодованію публики, и будь я шарлатаномъ, я былъ бы человѣкомъ нынѣшняго вѣка, я—человѣкъ даже не нынѣшняго дня,

*) Т. е. куратора Московскаго университета, Масона Павла Ивановича. П. Б.

Самое непремѣнное желаніе моего сердца, чтобы Небо сохранило васъ, и чтобы оно пролило лучъ свѣта своего на Вѣнскій кабинетъ, показало ему яснѣе настоящее и внушило опасеніе за будущее.

Окончу мыслью, внушенною мнѣ моею вѣрностью и моею приверженностью: новый рекрутскій наборъ, по времени и по образу своему, можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Умы не спокойны, народъ несчастенъ, внутри нѣтъ войскъ, и отчаяніе не умѣетъ разсуждать.

10.

Moscou, le 4 aout 1812.

Sire!

La découverte de bulletins, qu'on expédiait du bureau des postes d'ici, est une nouvelle preuve du but que la secte des Martinistes veut atteindre. J'ai fait arrêter, après son aveu, le conseiller de cour Droujinine, et je l'envois avec un officier au ministre de la police. Magré le peu de succès de Napoléon depuis trois semaines, cette secte infernale ne peut contenir sa haine contre vous et la Russie et son dévouement à son ennemi. Je soumets toute cette affaire à la décision de Votre Majesté, la priant en grâce d'avoir pitié de l'Empire que la Providence lui a confié, et de ne pas laisser le pouvoir et les moyens aux scélérats de s'occuper de sa perte, en frappant les esprits par la terreur et la persuasion que les efforts généreux de votre nation son inutiles pour le salut de la patrie.

Le ministre de la guerre m'a envoyé, sous le prétexte d'une dépêche, l'adjudant Vlodeck, en me priant de le retenir le plus longtemps possible à Moscou, ce que j'ai fait en lui disant qu'il ferait mal d'aller à Pétersbourg, Votre Majesté étant attendue ici chaque jour.

Maintenant j'ose vous prier, Sire, en cas que vous jugiez à propos de laisser Klutcharow ici, d'envoyer un autre à ma place; car je me regarderai indigne de l'occuper avec honneur. J'ai deux bras et ma vie, dont je vous fais hommage, et je demanderai la permission d'aller servir à l'armée, comme enseigne ou comme compagnon de Lepick. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 4 Августа 1812 года.

Государь! Открытіемъ бюллетеней, которые разсылались изъ здѣшняго почтамта, явилось новое доказательство, какую цѣль имѣетъ секта Мартинистовъ. Я велѣлъ арестовать надворнаго совѣтника Дружинина, послѣ того какъ онъ сознался, и посылаю его съ офицеромъ къ министру полиціи. Хотя Наполеонъ послѣднія три недѣли имѣетъ мало успѣховъ, но эта адская секта не можетъ удержать своей ненависти къ вамъ и Россіи и своей преданности непріятелю. Повергаю все это дѣло на рѣшеніе Вашего Величества, умоляя сжалиться надъ

имперію, которая ввѣрена вамъ Провидѣніемъ, и не предоставлять злодѣямъ возможности и средствъ устроивать ея гибель, поражая умы страхомъ и увѣреніями, будто великодушныя усилія вашего народа не поведутъ къ спасенію родины.

Военный министръ прислалъ ко мнѣ, подъ предлогомъ депеши, адъютанта Владека съ просьбою задержать его какъ можно дольше въ Москвѣ, что я и сдѣлалъ, сказавъ, что ему не зачѣмъ ѣхать въ Петербургъ, такъ какъ Вашего Величества ждутъ здѣсь ежедневно.

Теперь осмѣливаюсь просить васъ, Государь, въ случаѣ если вы найдете нужнымъ оставить здѣсь Ключарева, прислать другаго на мое мѣсто; потому что я сочту себя недостойнымъ занимать его съ честію. У меня двѣ руки и жизнь, посвящаемая вамъ, и я попрошу позволенія служить прапорщикомъ въ арміи или спутникомъ Леппиха.

11.

Moscou, le 6 août 1812.

Sire!

Votre confiance, la place que j'occupe et ma fidélité me donnent le droit de vous dire la vérité, qui trouve peut-être des difficultés à parvenir jusqu'à vous. L'armée et Moscou sont réduites au désespoir par la faiblesse et l'inaction du ministre de la guerre, dominé par Wolzogen. On dort au quartier-général jusqu'à 10 heures du matin. Bagration se tient respectueusement à l'écart, a l'air d'obéir et semble attendre quelque mauvais succès pour prétendre au commandement des deux armées. Sur un soupçon, produit par un billet trouvé dans les papiers de Sebastiani, on a renvoyé les quatre aides-de-camp de Votre Majesté. Vlodeck est ici à vous attendre, Lubomirski à Pétersbourg, Branitzki et Potoztki à Gjatsk. Ils ne peuvent pas être traîtres tous les quatre; pourquoi donc sont-ils punis d' une manière aussi diffamante? Pourquoi donc n'est-ce pas Wolzogen ou un autre qui a donné l'avis aux ennemis? Moscou désire que Koutouzow commande et fasse mouvoir vos corps; autrement, Sire, il n'y aura pas d'ensemble, tandis que Napoléon concentre tout dans sa tête. Il doit être lui-même très embarrasé, mais Barklay et Bagration peuvent-ils pénêtrer ses intentions?...

Décidez-vous, Sire, pour prévenir de grands malheurs. Ordonnez-moi de dire à ces gens qu'ils aillent dans leurs terres jusqu'à nouvel ordre. Je me charge d'attirer sur moi seul leur animosité, en donnant à cet exil l'air d'un coup d'autorité de ma part; vous les empêcherez de travailler à votre perte, et le public verra avec plaisir un acte de justice, exercé contre des gens justement méprisés. Je suis au désespoir de vous faire ce rapport, mais mon honneur et mon serment m'en imposent le devoir. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 6 Августа, 1812 года.

Государь! Ваше довѣріе, занимаемое мною мѣсто и моя вѣрность даютъ мнѣ право говорить вамъ правду, которая, можетъ быть, встрѣчаетъ препятствіе, чтобы доходить до васъ. Армія и Москва доведены до отчаянія слабостью и бездѣйствіемъ военнаго министра, которымъ управляетъ Вольцогенъ. Въ главной квартирѣ спятъ до 10 часовъ утра *); Багратіонъ почтительно держитъ себя въ сторонѣ, съ виду повинуется и повидимому ждетъ какого-нибудь плохаго дѣла, чтобы предъявить себя командующимъ обѣими арміями. По возбудившей подозрѣніе запискѣ, найденной въ бумагахъ Себастіани, выслали четырехъ флигель-адъютантовъ Вашего Величества. Влодекъ здѣсь ждетъ васъ; Любомирскій въ Петербургѣ, Браницкій и Потоцкій въ Гжатскѣ, Они не могутъ быть всѣ четверо измѣнниками; зачѣмъ же наказаны они столь позорнымъ образомъ? Отъ чего же не Вольцогенъ или кто другой сообщалъ вѣсти непріятелямъ? Москва желаетъ, чтобы командовалъ Кутузовъ и двинулъ ваши войска; иначе, Государь, не будетъ единства въ дѣйствіяхъ, тогда какъ Наполеонъ сосредоточиваетъ все въ своей головѣ. Онъ самъ долженъ быть въ большомъ затрудненіи; но Барклай и Багратіонъ могутъ ли проникнуть его намѣренія?....

Рѣшитесь, Государь, предупредить великія бѣдствія. Повелите мнѣ сказать этимъ людямъ; чтобы они ѣхали къ себѣ въ деревни до новаго приказа. Обязуюсь направить ихъ злобу на меня одного: пусть эта ссылка будетъ самовластіемъ съ моей стороны. Вы воспрепятствуете имъ работать на вашу погибель, а публика съ удовольствіемъ услышитъ о справедливой мѣрѣ, принятой противъ людей, заслужившихъ должное презрѣніе.

Я въ отчаяніи, что долженъ вамъ послать это донесеніе; но его требуютъ отъ меня моя честь и присяга.

12.

Moscou, le 10 août 1812.

Sire!

La bataille de Smolensk est le résultat de la mauvaise harmonie entre les deux généraux en chef et de l'indécison de Barklay. Nous avons tué trois fois plus de monde que nous n'en avons perdu, et nous nous sommes retirés. Vos armées sont suffisantes pour arrêter la marche de l'ennemi, et les renforts vont arriver de tous côtês. Il faut défendre

*) Даже и это мелкое, но тоже непрошенное замѣчаніе должно было раздражить Александра Павловича: извѣстно, что онъ не любилъ рано вставать, и графу Н. А. Толстому иной разъ бывало трудно будить его по утрамъ, какъ онъ приказывалъ. Можно себѣ вообразить, какими ощущеніями онъ долженъ былъ наполниться, читая дальнѣйшія строки этого письма. П. Б.

Moscou et se battre jusqu'à la mort. La Russie perdra peut-être 300,000 hommes, mais sa gloire sera sauvée, et votre trône affermi.

Il m'est arrivé 1500 hommes de Viazma sans aucune destination, et pour les rendre utiles au service, je les fais armer et incorporer dans le régiment en garnison ici. J'ai pris toutes les mesures nécessaires pour que rien ne reste ici, en cas que l'ennemi, après des malheurs et des défaites de notre armée, ne veuille venir à Moscou. J'ai envoyé Obrescow pour savoir au juste quand Lepich pourra finir et employer sa machine. S'il lui faut du temps, je préférerai de le transporter avec son attirail à Kolomna, et de là par eau à Nijni, oú il montera le tout. Valouyew, sous différents prétextes, emballera le trésor, et je ne laisserai rien; mais je ne commencerai à faire transporter d'ici que lorsque l'ennemi sera à Viazma. En attendant tout est tranquille, et Moscou jusqu'à présent est un modèle de fidélité et d'obéissance. Votre Majesté m'a donné le pouvoir d'agir selon les circonstances, et c'est sur cela que je réglerai ma conduite, et si le cas l'exige, j'emploirai des moyens de sévérité contre quelques individus pour contenir le tout.

De nouveaux ressemblemens nocturnes chez ce misérable Klutcharow m'ont fait prendre le parti de le faire partir pour Voronej. Dans cette démarche je n'ai en vue que l'unique moyen de prévenir l'effet du dessein des Martinistes, qui sont arrivés presque au moment de faire le malheur de la Russie. Le temps vous fera voir, Sire, que cette secte abominable a captivé votre bienveillance par le moyen des individus qui...*) De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 10 Августа 1812.

Государь! Битва Смоленская есть послѣдствіе плохаго согласія между главнокомандующими и нерѣшительности Барклая. Мы побили втрое больше народу противъ того, что̀ у насъ выбыло, и мы отступили. Вашихъ армій достаточно, чтобы остановить непріятеля, и подкрѣпленія будутъ приходить со всѣхъ сторонъ. Надо защищать Москву и драться на смерть. Можетъ быть, Россія лишится 300 тысячъ человѣкъ; но слава ея будетъ спасена, и престолъ вашъ утвердится.

Ко мнѣ прибыло изъ Вязьмы 1500 человѣкъ безъ всякаго назначенія, и чтобы извлечь изъ нихъ пользу для службы, я вооружаю ихъ и зачислю въ здѣшній гарнизонный полкъ. Мною приняты всѣ необходимыя мѣры, чтобы здѣсь ничего не оставалось въ случаѣ, если непріятель послѣ неудачъ и пораженія нашей арміи вздумаетъ придти въ Москву. Я послалъ Обрѣзкова узнать навѣрное, когда Леппихъ

*) Такъ въ полученномъ спискѣ. Подлинниковъ мы не имѣли въ рукахъ. П. Б.

можетъ кончить и пустить въ ходъ свою машину. Буде ему нужно время, я полагаю лучше перевезти его съ его приборами въ Коломну, а оттуда водою въ Нижній, гдѣ онъ все устроитъ. Валуевъ подъ разными предлогами уложитъ драгоцѣнности, и я ничего не оставлю, но къ вывозу отсюда приступлю лишь, когда непріятель будетъ въ Вязьмѣ. Покамѣстъ все спокойно, и Москва до сей поры есть образецъ вѣрности и повиновенія. Ваше Величество дали мнѣ власть дѣйствовать, сообразуясь съ обстоятельствами; согласно тому, въ случаѣ надобности, я прибѣгну къ строгимъ мѣрамъ, чтобы, карая нѣсколькихъ лицъ, сдержать всѣхъ.

Новыя ночныя сборища у этого негоднаго Ключарева понудили меня отправить его въ Воронежъ. Это, по моему, было единственнымъ способомъ помѣшать осуществленію замысловъ Мартинистовъ, которые почти достигли возможности причинить бѣду Россіи. Время покажетъ вамъ, Государь, что эта отвратительная секта вкралась къ вамъ въ милость, благодаря людямъ, которые...

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ *).

13.

Moscou, le 13 août 1812.

Sire!

J'ai eu le bonheur de recevoir la lettre de Votre Majesté du 8 août. Lepick ne sera prêt avec sa machine que dans quinze jours; il rassemble maintenant les pièces, le taffetas est presque entièrement cousu, les deux petits ballons sont prêts. Je lui ai demandé combien de temps il lui faudrait pour démonter et emballer le tout; il m'a assuré que trois jours suffiraient. Je l'ai prié de hâter son ouvrage. Il prend beaucoup d'argent, et il lui a été déjà délivré 163,000 r.; mais pourvu qu'il réussisse, un million ne serait pas à regretter.

Je prépare sous main tout ce qu'il faudra transporter d'ici, et la commission militaire seule exige dix mille chariots. Je ferai venir, à l'exception des districts de Véréya, de Voskressensk, de Mojaysk et de Volokolamsk, les chevaux de tous les autres, en payant ce qu'il faudra pour l'entretien.

C'est bien dommage, Sire, que le prince Koutouzow ne soit pas déjà à l'armée. Ni Bagration, ni Barklay, ne sont aptes à commander des masses. Ils ont été chercher l'ennemi à Roudnéva, lorsqu'avec toutes ses forces il attaquait Smolensk, et Rayewski n'a été prévenu que trop tard. Il n'y a que le soldat russe qui puisse faire 40 verstes sans halte et entrer au combat sans s'être reposé. D'après ce que le ministre de la guerre m'a écrit, il est décidé à livrer bataille à Oumolié. La valeur de nos troupes pourra donner la victoire. Le peuple est moins consterné que furieux; il se sent humilié et prêt à venger son honneur. Les dames ont perdu la tête, et plusieurs sont parties, de quoi je suis bien aise. Les marchands sont affectés, et on a si peu de confiance dans les chefs, qu'on croit tout perdu. Moscou vous attend avec impatience, et votre vue remontera le courage, qui a besoin d'aliment

*) См. «Русскій Архивъ» сего года, II, 419.

pour ne pas faiblir. Tous les mauvais bruits, qui ont pour but de produire la crainte, d'allarmer, de vous accuser, tout cela vient des Martinistes, et l'Université, composée de professeurs et d'élèves Jacobins, est la plus acharnée. Koutouzow, qui empoisonne les esprits, était, du temps de feu l'Empereur, espion de police. Tschébotarew et Droujinine sont des Jacobins enragés. Si les armées ont des revers suivis, et que la police aura de la difficulté à contenir les misérables qui prêchent la révolte, j'en ferai pendre quelquesuns.

Le ministre de la guerre m'annonce qu'il m'expédie ce traître de Maroutzi, qui de votre sujet, après avoir été comblé de bienfaits, est devenu un sous-préfet de Bonaparte et son dévoué agent. Il me dit: agissez avec lui comme avec un traître. Le lendemain de son arrivée je le ferai fusiller. Les crimes d'état ne peuvent pas réclamer la clémence: elle serait alors une faiblesse qui mènerait et le souverain, et le pays à une perte certaine. Si ce mirésable Vérestchaguine avait été puni de suite, beaucoup de gens se seraient tenus tranquilles.

Maintenant Moscou et ses habitants, qui vous sont fidèles, vont faire cause commune avec les armées qui défendent votre héritage. Peu consentiront à survivre une honte éternelle, et si l'ennemi parvenait un jour à se rendre maître de Moscou, l'histoire de la Russie et votre règne seraient souillés par une catastrophe, dont l'idée seule me met en fureur. Mais si Dieu le permet ainsi, vous aurez à regretter des milliers de braves gens, qui iront se faire massacrer avec le dévouement et la fidélité dans l'âme. Je n'ai désiré que votre confiance, pour vous servir et être utile à ma patrie. Si je n'ai pas le bonheur d'y réussir, je prouverais du moins que j'en étais digne. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 13 Августа 1812.

Государь! Я имѣлъ счастіе получить письмо Вашего Величества отъ 8 Августа. Машина у Леппиха будетъ готова не раньше двухъ недѣль, въ настоящее время онъ собираетъ части. Тафта почти вся сшита, два маленькихъ шара готовы. Я спросилъ у него, сколько ему нужно времени, чтобы собрать и уложить все; онъ сказалъ мнѣ, что довольно будетъ трехъ дней. Я просилъ его ускорить работу. Онъ много беретъ денегъ; ему выдано уже 163 тыс. рубл.; но лишь бы послѣдовалъ успѣхъ, то и миліона будетъ не жалко.

Приготовляю подъ рукою все что надо будетъ увезти; одинъ коммисаріатъ требуетъ десять тысячъ лошадей. Велю привести ихъ изо всѣхъ уѣздовъ, кромѣ Верейскаго, Воскресенскаго, Можайскаго и Волоколамскаго, съ платою за необходимое продовольствіе.

Очень жаль, Государь, что князь Кутузовъ еще не въ арміи. Ни Багратіонъ, ни Барклай не владѣютъ искусствомъ повелѣвать массами. Они искали непріятеля въ Рудневѣ, въ то время какъ онъ со

всѣми своими силами накинулся на Смоленскъ, а Раевскаго опоздали предупредить. Только Русскій солдатъ способенъ идти безостановочно сорокъ верстъ и не отдыхая вступать въ бой. Судя по тому, что̀ мнѣ пишетъ военный министръ, рѣшено дать сраженіе при Умольѣ. Доблесть нашихъ войскъ можетъ дать побѣду Народъ скорѣе взбѣшенъ, чѣмъ опечаленъ; онъ чувствуетъ себя униженнымъ и готовымъ отомстить за свою честь. Барыни потеряли голову и многія уѣхали, къ моему удовольствію. Купцы переминаются, и по малому довѣрію къ начальникамъ, гибель кажется неизбѣжною. Москва ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ; глядя на васъ, станутъ бодрѣе; надо, чтобы бодрость питалась, а не ослабѣвала. Всѣ злые слухи, распускаемые съ цѣлью напугать, встревожить, обвинить васъ, все это идетъ отъ Мартинистовъ, и всѣхъ неистовѣе Университетъ, состоящій изъ Якобинцевъ, профессоровъ и воспитанниковъ. Кутузовъ, заражающій умы, при покойномъ императорѣ былъ полицейскимъ шпіономъ; Чеботаревъ и Дружининъ завзятые Якобинцы. Если войска будутъ терпѣть еще пораженія и если полиція затруднится сдерживать негодяевъ, проповѣдующихъ бунтъ, то я велю нѣкоторыхъ повѣсить.

Министръ полиціи увѣдомляетъ меня, что онъ отправляетъ ко мнѣ этого измѣнника Маруци, который, бывъ подданнымъ вашимъ и осыпанный благодѣяніями, сдѣлался помощникомъ префекта у Бонапарта и преданнымъ ему агентомъ. Онъ мнѣ говоритъ: поступите съ нимъ какъ съ измѣнникомъ. На другой дань по прибытіи его, я велю его разстрѣлять. Государственныя преступленія не могутъ взывать къ милосердію, которое было бы слабостію и повлекло бы и государя, и страну къ вѣрной гибели. Если бы этотъ негодяй Верещагинъ былъ тотчасъ наказанъ, многіе бы держали себя тихо.

Нынѣ Москва и вѣрные вамъ ея жители станутъ дѣйствовать за одно съ войсками, обороняющими ваше наслѣдіе. Немногіе согласятся пережить вѣчный стыдъ и если непріятелю удастся овладѣть Москвою, Русская исторія и ваше царствованіе опозорятся катастрофою, о которой одна мысль приводитъ меня въ ярость. Но если Господь это допуститъ, вы пожалѣете о миліонахъ храбрыхъ людей, которые пойдутъ на смерть, сохраняя въ душѣ преданность и вѣрность. Я ничего не желалъ, какъ вашего довѣрія, чтобы служить вамъ и быть полезну моему отечеству. Если не имѣю счастія успѣвать въ этомъ, могу по крайней мѣрѣ доказать, что былъ достоинъ онаго.

14.

Moscou, 14 août 1812.

Sire!

Les nouvelles résolutions du ministre de la guerre nécessitent l'expédition de ce courrier. Il m'écrivait le 10 qu'il était résolu, de concert avec Bagration, à livrer une bataille, et que pour avoir l'avantage de la position il avait choisi Oumolié. Hier je reçois une nouvelle lettre de lui du 12, dans laquelle il me dit que, ne voulant pas risquer la destinée de l'état au sort d'un combat, et que l'ennemi ayant une

nombreuse cavalerie cherche à tourner son flanc gauche, qu'il s'est décidé à gagner Viazma, où il fait fortifier une position, et qu'il partait la nuit même avec les armées. Ne pouvant rien comprendre à ces résolutions si extraordinaires, j'y trouve un seul motif de contentement, c'est que le prince Koutouzow pourra arrêter cette retraite honteuse et agir avec des troupes qui ne demandent qu'à se battre. L'incertitude sur les évènemens m'a fait prendre la résolution d'expédier tout ce qui doit être transporté soit à Wladimir et de-là à Nijni, ou jusqu'à Kalomna, pour y être embarqué. On va mettre en réquisition tous les chevaux et charettes de neuf districts, en excluant seulement ceux qui sont sur les frontières du gouvernement de Smolensk, car ils seront employés à l'usage de l'armée. J'ai prévenu le ministre de la guerre et le prince Koutouzow que j'ai envoyé un courrier au général Miloradovitsch pour lui annoncer l'occupation de Smolensk et que la marche de nos troupes sur Viazma est indispensable. Il doit être parti hier de Kalouga avec 28 bataillons et son artillerie. En même temps le comte Markow a fait marcher sa milice sur Mojaysk, Véréya et Rouza. Ce soir 5,000 hommes partent d'ici pour Mojaysk, et tout le monde a l'air d'aller à une fête. Les habitants d'ici demandent des armes; je les aurai prêtes, mais je ne les délivrerai que la veille du jour qui devra décider du sort de Moscou. Si la Providence permet à Napoléon d'y entrer, il ne trouvera rien pour satisfaire sa cupidité. L'argent sera emporté et les objets enterrés. Les armées et Moscou vont faire cause commune pour le salut de la Russie.

Maintenant, Sire, je viens au plus important: c'est à votre voyage ici. Nul doute que votre présence excitera l'enthousiasme; mais si avant votre arrivée les évènements ne sont pas à notre avantage, votre apparition augmentera encore l'inquiétude générale, et comme il n'est pas convenable que vous courriez des risques en vous exposant, il serait mieux que vous retardiez votre départ de Pétersbourg jusqu'à la réception de quelque nouvelle qui changerait en bien l'état actuel des choses. Si Votre Majesté prend cette résolution, ayez la bonté de me faire expédier un rescript ostensible, dans lequel, louant beaucoup le zèle de Moscou et de ses habitants, vous ajouterez que vous ne manquerez pas de venir au milieu d'eux, soit pour se réjouir de nos succès, soit pour partager leur zéle pour la défense de la patrie.

Voilà, Sire, le rapport et les idées d'un de vos plus fidèles serviteurs. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 14 Августа 1812.

Государь! Вслѣдствіе новыхъ рѣшеній военнаго министра вынужденъ я отправить этого курьера. Министръ писалъ мнѣ 10-го, что, по соглашенію съ Багратіономъ, онъ рѣшился дать сраженіе и выбралъ Умолье, гдѣ мѣстность представляетъ удобства. Вчера получаю отъ него новое письмо, писанное 12-го; онъ пишетъ, что, не желая подвергать судьбу государства случайности одного сраженія и въ виду того, что непріятель своею многочисленною кавалеріею намѣревается обойти его лѣвый флангъ, онъ рѣшился занять Вязьму, приказалъ тамъ укрѣпляться и въ туже ночь отправляется туда съ войсками. Я ничего не понимаю въ столь необыкновенныхъ рѣшеніяхъ и могу удовлетворить себя лишь тѣмъ, что князь Кутузовъ положитъ конецъ этому постыдному отступленію и станетъ дѣйствовать съ войсками, у которыхъ одна потребность—драться. Неопредѣлительность событій вынудитъ меня къ отправкѣ всего, что̀ должно быть увезено, либо во Владиміръ и оттуда въ Нижній, либо въ Коломну для нагрузки на барки. Будетъ сборъ всѣхъ лошадей и телѣгъ съ девяти уѣздовъ, кромѣ смежныхъ съ Смоленскою губерніей, такъ какъ они потребуются для войска. Я предупредилъ военнаго министра и князя Кутузова о томъ, что мною посланъ курьеръ къ генералу Милорадовичу съ увѣдомленіемъ о занятіи Смоленска и о томъ, что движеніе нашихъ войскъ на Вязьму неотложно. Вчера онъ долженъ двинуться изъ Калуги съ 28 баталіонами и своею артилеріей. Въ тоже самое время графъ Марковъ приказалъ идти своимъ ополченцамъ на Можайскъ, Верею и Рузу. Нынче вечеромъ 5000 человѣкъ отправляются отсюда въ Можайскъ и всѣ точно идутъ на праздникъ. Здѣшніе жители просятъ оружія; оно у меня будетъ наготовѣ, но раздавать его я стану лишь на канунѣ того дня, когда рѣшится участь Москвы. Если Провидѣніе дозволитъ Наполеону войти въ нее, онъ ничего не найдетъ въ ней для удовлетворенія своей алчности. Деньги будутъ вывезены, а вещи зарыты въ землю. Войско и Москва будутъ дѣйствовать за одно для спасенія Россіи.

Теперь, Государь, приступаю къ болѣе важному, т. е. къ вашему пріѣзду сюда. Присутствіе ваше безъ всякаго сомнѣнія возбудитъ восторгъ; но если, до вашего пріѣзда, событія не примутъ благопріятнаго намъ оборота, вашимъ появленіемъ только усилится общее безпокойство, и такъ какъ не подобаетъ вамъ подвергаться случайностямъ, то лучше было бы повременить вашимъ отъѣздомъ изъ Петербурга до полученія извѣстія о какой либо перемѣнѣ нынѣшнихъ обстоятельствъ къ лучшему. Если Ваше Величество примете такое рѣшеніе, сдѣлайте милость пришлите мнѣ гласный рескриптъ, и въ немъ, похваливъ побольше Москву и ея жителей за ихъ усердіе, скажите, что вы непремѣнно будете сюда, чтобы порадоваться нашимъ успѣхамъ, либо раздѣлить съ ними ревность въ защитѣ отечества.

Вотъ, Государь, донесеніе и мысли одного изъ вѣрнѣйшихъ вашихъ подданныхъ.

15.

Moscou, 23 août 1812.

Sire!

La bataille qui doit se donner dans quelques jours décidera en partie si Moscou doit tomber entre les mains de Napoléon, ou si son armée sera anéantie. D'après tout ce que je sais, sans quelque évènement imprévu, la victoire sera à vous; mais si la main de Dieu s'appésentit sur votre Empire, la capitale sera à l'ennemi. Dans d'autres temps l'espérance ne serait pas perdue; mais dans ce moment où l'esprit public met le salut de l'Empire dans cette ville, son occupation par les Français abbattra le courage de la nation. Le peuple regarde Moscou comme imprenable, et dans le cas contraire il verrait le doigt de la Providence et cesserait de compter sur l'assistance et le secours des armées, qui n'auraient pas su défendre la capitale. Bonaparte marche comme un fou, il ne peut plus reculer, Moscou est sa dernière ressource. Le désordre a été porté à son comble dans nos armées, et c'est la suite d'une retraite de deux mois. Platow est venu hier matin, croyant que Votre Majesté était arrivée; il est reparti le soir pour l'armée. Le peuple, ayant appris qu'il était chez moi, est venu en foule pour le voir et a reçu de sa part des renseignemens sur nos armées. J'ai envoyé au comte Tolstoy des avis par rapport à ce misérable Spéranski; il fait agir Stolypine et Zlobine dans les gouvernements de Penza et de Saratow, et il est question d'affaiblir le zèle par la crainte. Mais il faut remédier à cela au plus vite et empêcher les effets pernicieux que l'on trame contre vous. Les paysans quittent leurs villages, et les habitants des villes aussi, à l'approche de l'ennemi. On le hait encore plus qu'on ne le craint, et il s'est bien trompé sur l'accueil qu'il croyait recevoir. Au milieu des occupations les plus pressantes je ne puis m'empêcher de songer à votre malheureux destin, qui fait tomber votre choix sur des êtres vils, qui trafiquent de votre gloire et du bien-être de l'État.

Il a été question, à la demande du ministre de la guerre, d'envoyer aux armées du vin. Il y en a dans les magasins 380,000 sceaux; les fermiers n'en ont pas besoin. J'en ai fait expédier 23,000 à Viazma, et l'approche de l'ennemi a fait cesser ces envois. Le ministre des finances a eu la complaisance d'arranger avec le Juif Péretz, qui est son commis ici, et un autre Juif Stieglitz, qu'ils fourniront 200,000 mesures à l'armée, à raison de 5 r. par pièce, tandis que votre vin ne coûte que 2 roubles. Ainsi il est question dans cette belle affaire de 600,000 r. pour Péretz. En vérité, Sire, Gouriew aurait dû se contenter de la part qu'il a dans les fermes et des bois qui coûtent un million et demi, et de ce que vous avez bien voulu donner à ce pauvre homme, au

moment où vous vendiez les possessions de la couronne pour subvenir aux besoins de l'État.

Le peuple est un peu plus tranquille, la ville est triste. Les lonages des chevaux sont à un prix exhorbitant, l'émigration en est cause. Lepick a gonflé un petit ballon, qui porte cinq hommes; demain il en fera l'essai, et j'en ai informé le public, afin qu'il ne s'effraye pas. Le grand ballon sera prêt dans huit jours, et j'ai écrit à ce sujet au prince Koutouzow.

Je me fais une idée, Sire, de vos inquiétudes. Dieu veuille qu'elles fassent place à la joie de voir votre cruel ennemi chassé de vos états par vos fidèles sujets. Je ne finiras jamais si je voulais rendre compte de leur dévouement. Il n'y a ni sacrifices, ni travaux qui leur coûtent, et vous pouvez dire: mes sujets sont à moi et à personne d'autre.

Un officier Français prisonnier a voulu s'enfuir, un cosaque lui a passé sa pique à travers le corps. Un colonel, avec trois autres officiers prisonniers, s'est enfui dans un bois à 35 verstes d'ici, et plus de 4,000 personnes sont allés les chercher. Les paysans poltrons font la meilleure police du monde. Ils attrapent tout ce qui est suspect, et on m'amène dans ce moment-même un Juif, qui doit être un espion.

Pfaff est arrivé il y a cinq jours avec vos chevaux; tout est en ordre chez lui. J'ai fait placer les chevaux dans mes écuries, pour qu'ils soient plus commodément. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 23 Августа 1812.

Государь! Отъ сраженія, которое произойдетъ черезъ нѣсколько дней, будетъ отчасти зависѣть, должна ли Москва попасть въ руки Наполеона, или его войско погибнетъ. По всему чтò я знаю, побѣда будетъ за вами, развѣ случится что нибудь непредвидѣнное; но если рука Божія отяготѣетъ надъ вашею Имперіей, столицею овладѣетъ непріятель. Въ другія времена еще оставалась бы надежда; но въ наши дни, когда общее мнѣніе полагаетъ спасеніе Имперіи въ этомъ городѣ, занятіе его Французами подѣйствуетъ на мужество народное сокрушительно. Народъ считаетъ, что Москву взять нельзя; въ противномъ случаѣ усмотритъ онъ перстъ Божій и перестанетъ полагаться на охрану и помощь войскъ, не умѣвшихъ защитить столицу. Бонапартъ идетъ какъ сумашедшій, ему нельзя пойти назадъ, Москва послѣднее его средство. Безпорядокъ въ нашихъ арміяхъ доведенъ до высшей степени, и это есть послѣдствіе двухмѣсячнаго отступленія. Вчера утромъ явился Платовъ, воображавшій, что Ваше Величество прибыли; вечеромъ онъ уѣхалъ назадъ въ армію. Узнавъ, что онъ у меня, народъ сбѣжался толпою его увидѣть и получалъ отъ него свѣдѣнія о нашихъ арміяхъ. Я послалъ къ графу Толстому увѣдомленіе относительно этого негоднаго Сперанскаго; онъ заставляетъ дѣйствовать Столыпина и

Злобина въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ; имѣется въ виду ослабить усердіе страхомъ. Но надобно поскорѣе противодѣйствовать этому и воспрепятствовать markзнямъ, которыя ведутся противъ насъ. Крестьяне покидаютъ свои жилища, жители городовъ также, съ приближеніемъ непріятеля. Его ненавидятъ еще болѣе, чѣмъ боятся, и онъ очень ошибся въ пріемѣ, каковой думалъ встрѣтить. Посреди самыхъ неотложныхъ занятій не могу воздержаться, чтобы не думать о злосчастномъ вашемъ жребіи, благодаря которому выборъ вашъ останавливается на существахъ подлыхъ, промышляющихъ вашею славою и благосостояніемъ государства.

По требованію военнаго министра зашло дѣло о посылкѣ въ арміи вина. Въ магазинахъ имѣется его 380 тысячъ ведеръ; откупщикамъ оно не нужно. Я велѣлъ отправить 23 тысячи въ Вязьму, и эта отправка прекратилась вслѣдствіе приближенія непріятеля. Министръ финансовъ имѣлъ любезность условиться съ здѣшнимъ своимъ комисіонеромъ Жидомъ Перецомъ и съ другимъ Жидомъ Штиглицомъ, чтобы они доставили въ армію 200 тысячъ мѣръ въ армію, по 5 рублей каждую, тогда какъ ваше вино стоитъ только по 2 рубля. Стало-быть, въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ на долю Переца выпадаетъ 600 тысячъ рублей. По истинѣ, Государь, Гурьеву слѣдовало бы довольствоваться участіемъ въ откупахъ и въ поставкѣ дровъ, т. е. на 1½ миліона, и тѣмъ что̀ вы благоволили дать этому бѣдному человѣку въ то время, какъ вы продавали казенныя имущества для покрытія государственныхъ издержекъ.

Народъ нѣсколько потише; городъ печаленъ. Цѣны за наемъ лошадей чрезвычайныя, чему причиною выселеніе. Леппихъ наполнилъ малый шаръ, подымающій пять человѣкъ; завтра онъ сдѣлаетъ съ нимъ опытъ, и я извѣстилъ о томъ публику, чтобы не пугались. Большой шаръ будетъ готовъ черезъ недѣлю, о чемъ я написалъ князю Кутузову.

Воображаю себѣ, Государь, ваше безпокойство. Да обратитъ его Господь въ радость, когда жестокій врагъ вашъ прогнанъ будетъ изъ вашихъ владѣній вѣрными вашими подданными. Я бы никогда не кончилъ, еслибы захотѣлъ докладывать вамъ объ ихъ преданности. Они ни во что̀ ставятъ жертвы и труды, и вы можете сказать: подданные мои со мною, и ни съ кѣмъ другимъ.

Французскій плѣнный офицеръ хотѣлъ бѣжать, козакъ прокололъ его пикой насквозь. Полковникъ съ тремя другими офицерами бѣжалъ въ лѣсъ за 35 верстъ отсюда, и слишкомъ 4 тысячи человѣкъ отправилось искать ихъ. Плуты-крестьяне—лучшая въ мірѣ полиція. Они хватаютъ все подозрительное, и сію минуту приведенъ ко мнѣ Жидъ, должно быть шпіонъ.

Пфафъ пять дней какъ пріѣхалъ съ вашими лошадьми; у него все въ порядкѣ. Я велѣлъ поставить лошадей въ моихъ конюшняхъ, чтобы имъ было лучше *).

*) И такъ еще за три дня до Бородинскаго сраженія, графъ Растопчинъ могъ не совсѣмъ оставлять мысль о вторичномъ прибытіи Государя въ Москву. П. Б.

16.

Moscou, 29 août 1812.

Sire!

C'est avec regret que j'annonce à Votre Majesté la mauvaise réussite de Lepick. Il avait confectionné un ballon qui devait porter cinq hommes et m'avait fixé l'heure de son ascension. Mais voilà encore un retard, et au lieu de 6 heures il a employé trois jours pour gonfler ce malheureux ballon, qui s'est trouvé incapable de soulever plus de deux hommes. Ensuite sont venues des difficultés sans fin. Il veut une espèce d'acier particulier; la grande machine n'est pas encore prête, et je crois qu'il faudra renoncer à l'utilité qu'on se flattait d'en tirer. J'ai pris mes mesures, et si le prince Koutouzow essaie encore un échec, je ferai partir Lepick avec tout son attirail pour Nijni. Ce qui est le moins à regretter c'est l'argent dépensé en préparatifs. C'est un charlatan fou, et m-r Alopéus a donné un peu trop d'essor à son imagination finnoise.

Le Sénat délibère encore aujourd'hui s'il prononcera sa clôture, ou s'il restera jusqu'au dernier moment, après l'expédition des archives les plus importantes. Il n'est plus temps de s'occuper des individus; mais si jamais vous régnerez tranquillement, rappelez-vous, Sire, que vous pouvez compter sur Nélédinski, Narichkine et Kouchnikow, et n'employez jamais Lopoukhine et Rounitsch: car ce sont vos ennemis.

Les deux régiments formés par Meller sont partis pour Mojaysk, et j'ai reçu un avis de m-r Kleinmikhel qu'ils doivent avoir une autre destination. Lorsque Votre Majesté en a disposé, elle ignorait que le prince Koutouzow dans les affaires du 24 et du 26 a perdu plus de 30,000 hommes en tués et blessés, et que les renforts seuls peuvent le remettre en état de livrer avec avantage une autre, et probablement la dernière bataille à l'ennemi, qui n'a d'autre salut que Moscou. La quantité de généraux blessés prouve et leur bravoure, et leur désespoir. Heureux ceux qui ne verront pas l'opprobre qui attend toute la nation!

Le peuple est toujours fidèle et docile, quoique livré d'un côté aux troupes ennemies, et de l'autre à nos propres brigands, qui effrayent les habitants et brûlent les villages.

Je ferai, comme je fais, tout pour procurer au prince Koutouzow les moyens de remporter la victoire sur le monstre qui vit pour renverser les trônes et avilir les nations. Cette ville de Moscou lui coûtera bien du sang pour y faire son entrée. Je ne cesserai de servir vous et ma patrie, que lorsque je ne serai plus, et vivant ou mourant je ne ferai d'autre voeu que celui de vous savoir éclairé sur les gens

qui ont votre confiance et vous ont mené au bord de l'abîme par leur bêtise, leur incapacité et leur perfidie. En baisant vos mains, je suis de Votre Majesté le tout dévoué serviteur comte Rostopsin.

Москва, 29 Августа 1812.

Государь! Съ сожалѣніемъ извѣщаю Ваше Величество о неудачѣ Леппиха. Онъ приготовилъ шаръ, на которомъ должно было подняться пять человѣкъ и назначилъ мнѣ часъ своего подъема. Но затѣмъ опять отсрочка; вмѣсто 6 часовъ, несчастный шаръ наполнялся въ теченіе трехъ дней, и вышло, что онъ не въ состояніи поднять больше двухъ человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ начались безконечныя затрудненія. Ему надобно какой-то особенной стали; большая машина еще не готова, и мнѣ кажется, что надо будетъ отказаться отъ пользы, какую льстились получить отъ того. Я принялъ свои мѣры, и если князь Кутузовъ еще потерпитъ неудачу, я отправлю Леппиха со всѣми его приборами въ Нижній. Потраченныхъ на приготовленіе денегъ жаль всего менѣе. Это сумасшедшій шарлатанъ, и г-нъ Алопеусъ нѣсколько увлекся Чухонскимъ своимъ воображеніемъ.

Сенатъ еще и сегодня обсуждаетъ, объявить ли о своемъ закрытіи или оставаться до послѣдняго дня, по увозѣ главнѣйшихъ бумагъ архива. Нѣтъ больше времени заниматься отдѣльными лицами; но если вамъ придется спокойно царствовать, помните, Государь, что вы можете положиться на Нелединскаго, Нарышкина и Кушникова, но никогда на Лопухина и Рунича: ибо это ваши враги.

Два полка, устроенные Меллеромъ, пошли къ Можайску, и я имѣю увѣдомленіе отъ г-на Клейнмихеля, что они должны получить другое назначеніе. Вашему Величеству, когда вы опредѣляли, куда имъ идти, не было извѣстно, что въ дѣлахъ 24 и 26 у Кутузова выбыло слишкомъ 30 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными и что безъ подкрѣпленій онъ не въ состояніи съ успѣхомъ драться вновь, и вѣроятно въ послѣдній разъ, съ непріятелемъ, которому нѣтъ инаго спасенія, какъ быть въ Москвѣ. Количество раненыхъ генераловъ свидѣтельствуетъ и о храбрости ихъ, и объ отчаяніи. Счастливъ тотъ, кто не увидитъ позора, предстоящаго всему народу!

Простой народъ по прежнему вѣренъ и послушенъ, хотя предоставленъ съ одной стороны непріятельскимъ войскамъ, а съ другой нашимъ собственнымъ грабителямъ, которые пугаютъ жителей и жгутъ села.

Дѣлаю и буду дѣлать все, чтобы доставить князю Кутузову средства одержать побѣду надъ чудовищемъ, которое живетъ для ниспроверженія престоловъ и для уничтоженія народовъ. Этотъ городъ Москва, прежде чѣмъ войдетъ въ нее, будетъ ему стоить много крови. Я не перестану до конца служить вамъ и моему отечеству; живой или мертвый, не ослабну въ желаніи, чтобы вы распознали людей, которые, пользуясь вашимъ довѣріемъ, привели васъ на край пропасти своею глупостію, неспособностію и лукавствомъ. Цѣлуя ваши руки, остаюсь Вашего Величества преданный слуга графъ Растопчинъ.

17.

Moscou, 1 septembre 1812.

Sire!

Jusqu'au 26 j'ai fait tout mon possible pour tranquilliser les habitants de Moscou et maintenir l'opinion publique. Mais la retraite précipitée de nos armées, les approches de l'ennemi et la quantité de blessés amenés et remplissant les rues, ont produit l'effroi. En voyant moi-même que le sort de Moscou dépendait d'une bataille, je me suis décidé à faire écouler le peu de monde qui restait, et je vous réponds sur ma tête que Bonaparte trouvera Moscou tout aussi désert que Smolensk. Tout a été emporté, la Commission, l'Arsenal, et maintenant je m'occupe des blessés, qui partent par 1,500 chaque jour. Je crois de mon devoir de vous faire savoir que Tatistchew, Obrescow et le colonel Kourdukow ont fait l'impossible. Une partie de la poudre et le plomb sont restés; mais si nous perdons la bataille, tout cela ira dans l'eau, et je ferai défoncer les tonneaux de vin qui remplissent les magasins. Moscou entre les mains de Bonaparte sera un désert, si le feu ne la consume, et pourra devenir son tombeau.

Les armées sont campées à 6 verstes de la ville; la position est assez bonne et offre deux moyens faciles de retraite sur Vladimir et sur Kalouga, où sont tous les magasins. Mais il ne faudra par aller si loin; il faudra le faire partir et le faire périr avec ses brigands. L'armée a reçu un renfort de 10,000 hommes. Lobanow arrivera trop tard, car il est probable que Bonaparte nous attaque après-demain. En cas que nos troupes abandonnent Moscou à l'ennemi, je joindrai le chef de l'armée avec les forces qui sont ici, et je servirai comme officier.

Que le mot de paix soit éloigné de vous, Sire! L'opprobre ne doit pas souiller l'histoire de votre règne et couvrir d'une tache ineffassable la nation russe. Elle reprendra sa place dans le monde, et vous triompherez de votre cruel ennemi. Cela se fera peut-être bientôt. Vos sujets versent leur sang et ne se rebutent pas. Mon Maître, ne vous laissez pas séduire, vous serez le sauveur du monde.

Comme il peut se faire que c'est pour la dernière fois, Sire, que je vous écris, permettez que je mette sous votre protection mon fils unique. Il a été blessé au bras le 26, et le boulet lui a meurtri les chairs; mais il est resté fidèle à son dévoir et le fera toujours.

Lepick avec Jordan part pour Pétersbourg; les ouvriers et le grand ballon sont expédiés pour Nijni. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 1 Сентября 1812.

Государь! До 26-го я все дѣлалъ что́ было въ моей возможности для успокоенія жителей Московскихъ и для поддержки общественнаго мнѣнія. Но быстрое отступленіе нашихъ войскъ, приближеніе непріятеля и множество привозимыхъ и наполнявшихъ улицы раненыхъ породили ужасъ. Я самъ видѣлъ, что участь Москвы зависѣла отъ одного сраженія и рѣшился дать немногимъ остававшимся выѣхать. Отвѣчаю вамъ головою, что Бонапартъ войдетъ въ Москву столь же пустынную, какъ и Смоленскъ. Все вывезено, Комиссаріатъ, Арсеналъ, и теперь я занимаюсь ранеными; они уѣзжаютъ по 1.500 ежедневно. Считаю моею обязанностью довести до вашего свѣдѣнія, что Татищевъ, Обрѣзковъ и полковникъ Курдюковъ трудились до крайней возможности. Часть пороха и свинецъ остались; но если мы проиграемъ сраженіе, все это будетъ брошено въ воду, и я велю откупорить бочки съ виномъ, которыми полны магазины. Москва въ рукахъ Бонапарта будетъ пустынею, если не истребитъ ея огонь, и можетъ стать ему могилою.

Войска расположились въ 6 верстахъ отъ города; мѣсто довольно хорошее и представляетъ собою двойное удобство къ отступленію: и на Владиміръ, и на Калугу, гдѣ всѣ магазины. Но не нужно будетъ идти такъ далеко; нужно будетъ дать ему уйти, и онъ погибнетъ со своими разбойниками. Армія получила подкрѣпленіе въ 10.000 человѣкъ. Лобановъ запоздаетъ, потому что вѣроятно Бонапартъ нападетъ на насъ послѣ завтра. Въ случаѣ, если наши войска оставятъ Москву непріятелю, я примкну съ здѣшнею силою къ главнокомандующему и стану служить офицеромъ.

Государь, слово миръ да не коснется слуха вашего! Ваше царствованіе не должно омрачиться позоромъ, и народъ Русскій не покроется несмываемымъ пятномъ. Онъ опять займетъ свое мѣсто во вселенной, и вы восторжествуете надъ жестокимъ врагомъ вашимъ. Это можетъ случиться скоро. Подданные ваши проливаютъ кровь свою и не ропщутъ. Повелитель мой, не дайте соблазнить себя: вы будете спасителемъ міра.

Такъ какъ я пишу къ вамъ теперь, Государь, можетъ быть, въ послѣдній разъ, то позвольте мнѣ отдать подъ ваше покровительство единственнаго моего сына. 26-го онъ получилъ рану въ руку, и пуля оконтузила его; но онъ остался вѣренъ своему долгу и такимъ пребудетъ.

Леппихъ съ Жорданомъ ѣдутъ въ Петербургъ; рабочіе и большой шаръ отправлены въ Нижній.

18.

Moscou, 1 septembre 1812.

Sire!

Au moment où j'expédiai mon rapport, un aide-de-camp du prince Koutouzow est venu m'apporter une lettre par laquelle il me demande des officiers de police pour mener l'armée sur la route de Rézane. Il dit qu'il abandonne avec regret Moscou. Sa résolution, Sire, décide du

sort de cette capitale et de votre Empire, qui frémira de rage en apprenant qu'on livre la ville où siégeait la grandeur de la Russie et où sont les cendres de vos encêtres. Je suivrai l'armée, j'ai fait tout partir et n'ai d'autre chose à faire qu'à pleurer sur le sort de ma patrie et sur votre destinée. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 1 Сентября 1812.

Государь! Въ то время какъ я отправлялъ мое донесеніе, адъютантъ князя Кутузова пріѣхалъ ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ проситъ у меня полицейскихъ офицеровъ для провода арміи на Рязанскую дорогу. Онъ отзывается, что покидаетъ Москву съ сожалѣніемъ. Его рѣшеніемъ, Государь, опредѣляется жребій Москвы и вашей Имперіи, которая содрогнется отъ бѣшенства, узнавъ, что отдаютъ городъ, вмѣстилище Русскаго величія и праха вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміею; я все выпроводилъ, и мнѣ нечего больше дѣлать какъ оплакивать участь моего отечества и вашу судьбу.

19.

Village de Koutouzova, route de Toula, à 34 verstes de Moscou, 8 septembre (1812).

Sire!

Après les courriers que j'ai expédiés à Votre Majesté le 1-er, en vous annonçant que Moscou allait être livrée à l'ennemi, je me suis occupé toute la nuit à faire noyer la poudre, défoncer les tonneaux de vin, à expédier l'archévêque avec les images miraculeuses sur Yaroslaw, et à faire partir la police, les employés et les pompes, les dirigeant sur Vladimir, sous l'escorte de deux escadrons de dragons. La nuit a été assez tranquille; mais le matin le peuple, ayant acquis la certitude que le sort de sa capitale était décidé et qu'elle allait devenir la proie des Français, des maraudeurs commencèrent à entrer dans les maisons et à les dévaster. Avant de quitter ma maison, je fis amener Vérestchaguine, le seul scélérat de la ville de Moscou, et après lui avoir reproché son crime, je lui fis donner trois coups de sabre sur le corps; il fit semblant d'être mort, mais aussitôt qu'il me vit partir, il voulut s'enfuire et tomba entre les mains d'un groupe de peuple qui le mit en morceanx et traîna son corps pas les rues en criant: voilà l'espion qui a trahi notre père.

Nos troupes défilèrent jusqu'à deux heures après minuit, avec une confusion qui ne quitta plus leurs mouvements. Miloradovitsch traversa la ville après avec son arrière-garde, et à cinq heures les ennemis entrèrent par la barrière de Smolensk et allèrent droit au Kreml. En

passant par l'Arbate, un paysan tira un coup de fusil sur le roi de Naples et blessa un colonel à côté de lui. Cela décida Bonaparte à ne pas entrer en ville, et jusqu'à demain il a été logé dans un faubourg hors la ville. Le 2 le feu prit aux boutiques et aux magasins à blé, le long des murs du Kreml. Ce sont ou les Français, ou les Russes voleurs, qui sont les auteurs de cet incendie; mais je suis plus porté à croire que ce sont les gardiens des boutiques eux-mêmes, poussés par la maxime: puisque ce n'est pas à moi, que cela ne soit à personne. Le 3 dans la matinée, le feu prit dans différents endroits et poussé par un vent violent se propagea et continua ses ravages pendant 48 heures. Il serait trop long de nommer les rues qui ont été consumées par les flammes, mais il reste à peine le quart de la ville. Les deux Basmannaya, Pokrovka, Miasnitzkaya, Loubianka, Rojestvenka, Tverskaya, Nikitskaya, Arbatskaya, Prétzistenka, Stojenka, toute la rive gauche, la Maison des enfants-trouvés, tout est brûlé. On a pillé les églises, dépouillé les gens pour avoir des bottes, violé les femmes. Un prêtre, qui voulait empêcher les Français d'entrer dans son église, fut sabré. Bonaparte doit être furieux: il ne trouve aucun butin. Les prêtres ont emporté avec eux les évangiles, les vases sacrés, les crucifix, etc. Depuis Lundi soir il n'y a plus de service divin dans aucune église. L'incendie a chassé hors la ville le peu d'habitants qui y étaient restés. On arrête seulement les jeunes gens, qu'on enrôle par force.

La cession de Moscou aux Français a frappé les esprits. Les soldats sont découragés. En effet il est singulier qu'au bout d'une retraite aussi honteuse pendant trois mois, un ennemi, réduit à l'extrémité, soit maître de votre capitale. Deux idées, propagées dans l'armée, sont bien à craindre. L'une c'est que le prince Koutouzow a suivi vos ordres en livrant Moscou. L'autre, que vous laissez Bonaparte pénêtrer dans vos états pour y proclamer la liberté en votre nom. Les généraux sont furieux, et les officiers disent hautement qu'il est honteux de porter l'unlforme. Les soldats ne font plus une armée, c'est une horde de brigands, et ils pillent sous les yeux de leurs chefs. Dans ce moment même, à 50 verstes d'ici, le pays est ruiné de fond en comble, et les gardes font cause commune avec le reste. Les fusillades sont impossibles, car on ne peut mettre à mort plusieurs milliers d'hommes par jour. Tout est intrigue. Bénigson aspire au commandement en chef. Il ne fait autre chose que de chercher des positions, pendant que l'armée est en marche. Il se vente d'avoir été l'unique personne qui se soit opposé à l'abandon de Moscou et veut faire imprimer une relation là-dessus. Il est en grande liaison avec Panine, qui est allé le voir à l'armée, et Zoubow est à Pétersbourg. Réflé-

chissez, Sire: il est encore temps. Ces trois hommes ne vous pardonneront jamais de les avoir frustré de l'espoir de gouverner l'Empire et vous-même. Barklay a opiné pour qu'on laisse Moscou à l'ennemi, et a voulu peut-être par là faire oublier que sa précipitation a perdu Smolensk. Le prince Koutouzow n'existe plus: personne ne le voit; il reste couché et dort beaucoup. Le soldat le méprise et le haït. Il ne se décide à rien; une petite fille, habillée en cosaque, l'occupe beaucoup. En quittant Moscou il s'est porté sur le chemin de Kalomna, de là sur celui de Toula, et maintenant il ne peut pas se décider à se mettre sur celui de Kalouga, pour couper les communications de l'ennemis avec Smolensk et profiter des ressources d'approvisionement que présentent Kalouga et Orel. Il compte même livrer une bataille, à laquelle il ne se décidera jamais. Son argument est qu'il faut conserver l'armée, mais si elle doit se retirer toujours, il la perdra bien vite. Je tiens à l'opinion que Bonaparte lui échappera au moment où il s'y attendra le moins. Il se postera sur Tver, où il y a des magasins, et portera l'alarme à Pétersbourg. En tirant sur Porétchié, il se retrouvera en Russie-Blanche sans rencontrer aucun obstacle. Il pourra y rester en quartier-d'hiver, retournera à Paris maître de Smolensk et destructeur de Moscou, et se préparera à une autre campagne l'année prochaine. Le désordre de votre armée dépasse toute croyance; elle est encombrée de bagages, et il y a des soldats qui ont un paysan et une charrette pour porter le butin qu'ils font dans leur patrie-même. On ne sait où sont les généraux. L'autre jour, d'après l'ordre de la marche, le prince Dmitri Galitzine devait mener une colonne de cavalerie, et ce n'est que le lendemain qu'on s'apperçut qu'il était à 40 verstes à l'arrière-garde. C'est Kaysarow et Koudaschew qui font tout et sont les arbitres de votre destin et de celui de l'Empire. Comme l'opinion règne que Koutouzow agit selon vos ordres, et que la prise de Moscou sans bataille, qu'il a annoncé lui-même, a frappé tout le monde de terreur, il serait nécessaire, pour prévenir une révolte, que ce vieux imbécile et courtisan soit rappelé et puni, ou il arrivera des malheurs incalculables. Pas plus tard qu'hier, dans la terre de Mamonow, tout près d'ici, des maraudeurs sont venus pour piller. On les a chassé, et deux paysans ont prêché la révolte en disant qu'ils n'étaient plus au comte Mamonow ni à vous, parce que Bonaparte était à Moscou et par conséquent leur souverain.

Au nom de Dieu, accordez - moi votre confiance, j'ai assez fait pour la mériter et je suis votre fidèle serviteur. Nommez sur le champ des gens titrés, connus; donnez - leur le pouvoir nécessaire pour ce temps extraordinaire, et envoyez-les dans tous les gouvernements pour

veiller à la tranquillité et au maintien de l'ordre. Faudra-t-il que ce superbe Empire croule faute d'ensemble et par les intrigues des égoïstes qui vous meneront à une perte certaine? Bonaparte ne trouve que des ruines et des cendres; il voudra s'en venger et mettra tout en oeuvre pour y parvenir. Que la guerre finisse d'une manière ou d'une autre, vous serez obligé de nourir près de trois millions d'individus qui n'ont plus rien et n'ont pas eu le temps d'ensemencer leurs champs avec des blés d'hiver. Annulez tous ces misérables systêmes de finances, soufflés par votre ennemi. Formez une commission d'assignats: c'est l'unique moyen de se tirer d'affaire.

Je suis à l'armée avec la mort dans l'âme. Je vois une troupe en désordre, des paysans ruinés, les communications interrompues, point de chef à présent et personne pour le remplacer. Voici la seconde fois que l'opinion publique s'est trompée dans son choix. Kamenski est devenu fou, et Koutouzow une vieille femme commère, qui a perdu la tête et croit faire quelque chose en ne faisant rien. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Деревня Кутузова, по Тульской дорогѣ, въ 34 верстахъ отъ Москвы, 8 Сентября (1812).

Государь! По отправленіи къ вамъ 1-го числа курьеровъ съ извѣщеніемъ о томъ, что Москва будетъ отдана непріятелю, я занимался всю ночь: приказалъ топить порохъ, разбивать бочки съ виномъ, снаряжалъ во Ярославль архіепископа съ чудотворными иконами, отправилъ во Владиміръ, подъ охраною двухъ драгунскихъ эскадроновъ, полицію, чиновниковъ и пожарныя трубы. Ночь была довольно покойна; но поутру народъ узналъ навѣрное, что участь его столицы рѣшена, что она сдѣлается добычею Французовъ, и мародеры начали врываться въ дома и грабить. Прежде чѣмъ покинуть мой домъ, я позвалъ Верещагина, единственнаго злодѣя города Москвы и, попрекнувъ ему его преступленіемъ, велѣлъ нанести ему три сабельныхъ удара. Онъ прикинулся мертвымъ, но увидавъ, что я уѣхалъ, вздумалъ бѣжать и попалъ въ руки народной толпы, которая разорвала его на куски и волочила тѣло его по улицамъ, крича: вотъ шпіонъ, измѣнившій нашему отцу *).

Войска наши проходили до двухъ часовъ по полуночи, въ разбродъ, чѣмъ отличалось потомъ дальнѣйшее ихъ движеніе. Милорадовичъ съ своимъ аріергардомъ прошелъ черезъ городъ позже, и въ 5 часовъ непріятели вступили въ Смоленскую заставу и пошли прямо къ Кремлю. Когда они шли по Арбату, крестьянинъ выстрѣлилъ изъ ружья въ короля Неаполитанскаго и ранилъ возлѣ него полковника. Вслѣдствіе этого Бонапартъ не вступилъ въ городъ и до дру-

*) По свидѣтельству очевидца, покойнаго Степана Алексѣевича Маслова, Верещагина уволокли съ Лубянки отъ дома графа Растопчина (что̀ рядомъ съ нынѣшнею 3-й гимназіею) въ Брюсовскій переулокъ и доканали у церкви Воскресенья на Овражкѣ. П. Б.

гаго дня онъ жилъ въ предмѣстьѣ за городомъ. 2-го числа начали горѣть лавки и хлѣбные магазины вдоль Кремлевскихъ стѣнъ. Виновниками этого пожара либо Французы, либо Русскіе воры; но я больше склоненъ думать, что это сами сторожа лавокъ, руководимые правиломъ: коль скоро не мое, такъ будь же ничье! 3-го утромъ загорѣлось въ разныхъ мѣстахъ, и огонь, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, разлился и продолжалъ свои опустошенія въ теченіи 48 часовъ. Было бы долго перечислять улицы, которыя пожрало пламя; уцѣлѣла едва ли четверть города. Обѣ Басманныя, Покровка, Мясницкая, Лубянка, Рождественка, Тверская, Никитская, Арбатская, Пречистенка, Остоженка, весь лѣвый берегъ, Воспитательный Домъ, все сгорѣло. Грабили церкви, обирали людей, чтобы имѣть сапоги, насиловали женщинъ. Священникъ, не допускавшій Французовъ войти къ нему въ церковь, былъ зарубленъ саблями. Бонапартъ долженъ быть въ бѣшенствѣ; онъ не находитъ никакой добычи. Священники унесли съ собой Евангелія, святыя чаши, Распятія и пр. Съ вечера Понедѣльника нѣтъ больше божественной службы ни въ одной церкви. Пожаръ выгналъ за городъ немногихъ остававшихся жителей. Задерживаютъ только молодыхъ людей и насильно зачисляютъ ихъ въ войско.

Отдача Москвы Французамъ поразила умы. Солдаты предались унынію. Въ самомъ дѣлѣ, странно, какимъ образомъ, послѣ столь постыднаго, три мѣсяца длившагося, отступленія, столицею вашею овладѣлъ доведенный до крайности непріятель. Весьма опасны два распространяемыя въ арміи понятія: одно, будто, отдавая Москву, Кутузовъ исполнялъ ваше приказаніе; другое, будто вы дозволили Бонапарту проникнуть въ ваши владѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ провозгласилъ въ нихъ свободу отъ вашего имени. Генералы въ бѣшенствѣ, а офицеры громко говорятъ, что стыдно носить мундиръ. Солдаты уже не составляютъ арміи. Это орда разбойниковъ, и они грабятъ на глазахъ своего начальства. Въ эту минуту, на 50 верстъ отсюда, страна разорена совершенно, и гвардейцы дѣйствуютъ за одно съ остальными. Разстрѣливать невозможно: нельзя же казнить смертью по нѣскольку тысячъ человѣкъ на день? Всюду каверзы. Бенигсенъ добивается главнаго начальства. Онъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ позиціи, въ то время, когда армія въ походѣ. Онъ хвастаетъ тѣмъ, что одинъ говорилъ противъ оставленія Москвы и хочетъ выпустить о томъ печатную реляцію. Онъ въ большой связи съ Панинымъ, который пріѣзжалъ въ армію на свиданіе съ нимъ, а Зубовъ въ Петербургѣ. Подумайте, Государь, еще есть время. Эти три человѣка никогда не простятъ вамъ, что вы лишили ихъ надежды управлять Имперіей и вами самими. Барклай подалъ голосъ за оставленіе Москвы непріятелю, и тѣмъ, можетъ быть, хотѣлъ заставить забыть, что, благодаря его поспѣшности, погибъ Смоленскъ. Князя Кутузова больше нѣтъ—никто его не видитъ; онъ все лежитъ и много спитъ. Солдатъ презираетъ его и ненавидитъ его. Онъ ни на что́ не рѣшается; молоденькая дѣвочка, одѣтая казакомъ, много занимаетъ его. Покинувъ Москву, онъ направился на Коломенскую дорогу, чтобы прервать сообщеніе непріятеля съ Смоленскомъ и воспользоваться за-

пасами, накопленными въ Калугѣ и Орлѣ. Онъ даже думаетъ дать сраженіе, но никакъ не рѣшится на него. Доводъ у него тотъ, что надо сберегать армію; но если она должна все отступать, то онъ скоро ея лишится. Я держусь мнѣнія, что Бонапартъ уйдетъ отъ него въ то время, какъ онъ всего менѣе будетъ ожидать того. Онъ направится на Тверь, гдѣ имѣются запасы, и произведетъ тревогу въ Петербургѣ. Держась на Порѣчье, онъ снова очутится въ Бѣлоруссіи, не встрѣтивъ никакого препятствія. Тамъ онъ, можетъ быть, останется на зимнихъ квартирахъ, возвратится въ Парижъ властителемъ Смоленска и разрушителемъ Москвы, и приготовится къ другому походу на будущій годъ. Безпорядокъ вашей арміи превосходитъ всякое вѣроятіе; она завалена пожитками, и у иныхъ солдатъ имѣется мужикъ съ телѣгою, чтобы возить добычу, набранную въ собственномъ отечествѣ. Не знаютъ, куда дѣваются генералы. Недавно, по росписанію похода, князь Дмитрій Голицынъ долженъ былъ вести кавалерійскую колонну, и лишь на другой день замѣтили, что онъ былъ за 40 верстъ въ аріергардѣ. Все дѣлаютъ Кайсаровъ и Кудашевъ, они распорядители судьбы вашей и судьбы Имперіи. Такъ какъ распространено мнѣніе, что Кутузовъ дѣйствуетъ по вашимъ приказаніямъ и такъ какъ объявленная имъ самимъ сдача Москвы безъ сраженія поразила всѣхъ ужасомъ: то было бы необходимо, для предотвращенія мятежа, отозвать и наказать этого стараго болвана и царедворца; иначе произойдутъ неисчислимыя бѣдствія. Не далѣе какъ вчера, близехонько отсюда, въ имѣніи Мамонова явились мародеры для грабежа. Ихъ прогнали, и два мужика начали взывать къ мятежу, говоря, что они больше не принадлежатъ ни графу Мамонову, ни вамъ; потому что Бонапартъ въ Москвѣ, и стало быть онъ ихъ государь.

Ради Бога, почтите меня вашимъ довѣріемъ: я довольно сдѣлалъ, чтобъ заслужить его, и я вамъ вѣрный слуга. Назначьте немедленно людей извѣстныхъ, съ титулами; облеките ихъ нужною для нынѣшняго необыкновеннаго времени властію и пошлите ихъ по всѣмъ губерніямъ наблюдать за спокойствіемъ и сохраненіемъ порядка. Неужели эта великолѣпная Имперія рухнетъ за недостаткомъ единства въ дѣйствіяхъ и благодаря козням эгоистовъ, которые приведутъ васъ коварно къ гибели? Бонапартъ окруженъ развалинами и пожарищемъ; онъ захочетъ отмстить за себя во что́ бы ни стало. Какъ бы ни кончилась война, вамъ придется кормить до трехъ миліоновъ людей, у которыхъ ничего нѣтъ и которые не поспѣли засѣять свои озимыя поля. Уничтожьте всѣ эти несчастныя финансовыя системы, подсказанныя вашимъ непріятелемъ. Образуйте комиссію объ ассигнаціяхъ: это единственное средство управиться.

Я въ арміи, смерть у меня въ душѣ. Вижу войско въ безпорядкѣ, крестьянъ разореныхъ, сообщенія прерваныя; нѣтъ начальника и никого, кто бы его замѣнилъ. Вотъ другой разъ общественное мнѣніе обмануловь въ своемъ выборѣ. Каменскій рехнулся, а Кутузовъ, старая баба-сплетница, потерялъ голову и думаетъ что нибудь сдѣлать, ничего не дѣлая.

20.

Pakhra, 18 septembre 1812.

Sire!

Depuis mon dernier rapport il n'est rien arrivé de nouveau. Toujours l'indécision et la nullité du chef. Hier on avait voulu attaquer un corps de six mille hommes, qui se trouvent à 13 verstes d'ici. Les ordres furent donnés à midi et révoqués à six heures du soir. Les troupes depuis trois jours n'ont presque rien à manger, car les vivres de Kalouga ont été dirigés, à l'insu de l'intendant-général Lanskoy, d'abord sur Vladimir, après sur Rézane, et ensuite de nouveau sur Kalouga. Ces ordres ont été donnés le 29, ce qui prouve que le prince Koutouzow avait déjà arrêté dès lors qu'il abandonnerait Moscou. Je suis au désespoir qu'il ait agi en traître vis-à-vis de moi: car, ne pouvant conserver la ville je l'aurais brûlée, pour ôter à Napoléon la gloire de l'avoir prise, de l'avoir pillée et puis livrée aux flammes. J'aurais fait voir aux Français à quelle nation ils ont à faire.

Les lettres interceptées avec un courrier sur la route de Mojaysk, prouvent que l'ennemi a perdu près de 30,000 hommes à Borodino, avec 30 officiers-généraux mis hors de combat. Ils se plaignent de ce que le butin de Moscou est insignifiant, qu'ils n'ont pas pour 10 jours de provisions, et qu'ils n'espèrent nullement la paix; que les Russes sont pis que les Gots, les Vizigots, leurs illustres ancêtres, et qu'il n'y à rien à faire avec eux s'ils écoutent leurs énergumènes, comme Rostopsin et autres.

Depuis quatre jours Kayssarow signe à la place du prince, en contrefaisant son écriture, parce que personne ne le voit: il mange et dort toute la journée. Bénigson l'arrange de toutes les façons; Barklay n'est plus admis en sa présence. Quant à moi, je ne l'ai vu qu'une fois après l'abandon de Moscou.

Une chose à remarquer, c'est que le 31 Bonaparte fit mettre à l'ordre du jour que le 2 il sera à Moscou et nomma les régiments qui devaient être de garde. Il y a tant d'indiscrétion dans tout ce qui se fait, qu'il est très facile aux espions subalternes d'être au fait. Démidow, qui reste près de Bénigson et le nourrit, a obtenu une sauvegarde pour sa maison de Moscou, qui n'a été ni brûlée, ni pillée. Il a promis même sa protection aux autres et reçoit des lettres de Moscou. Mais comme on ne fait plus attention à rien, on laisse en paix cette correspondance.

Ouchakow est revenu de Kalouga avec 6,000 hommes de troupes superbes, dont 1,200 de cavalerie. Labanow sera ici dans six jours

avec huit régiments. Les milices de six gouvernements sont prêtes, au nombre de 80,000 hommes. Celle de Toula a deux magnifiques régiments de cavalerie, de 1,200 hommes chacun, formés par le général-major prince Stcherbatow. En outre, la noblesse de Toula, pour conserver cette cavalerie dont le prince Koutouzow voulait avoir les chevaux, lui en a offert 1,500. L'ennemi doit périr ici, mais ce n'est pas Koutouzow qui creusera son tombeau. Espérez en Dieu, Sire: votre cause est belle, c'est celle de la patrie. Point de paix: ce serait une sentence de mort pour nous et pour vous. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Пахра, 13 Сентября 1812.

Государь! Съ послѣдняго моего донесенія не произошло ничего новаго. Таже нерѣшительность и ничтожество начальника. Вчера думали напасть на корпусъ въ 6 тысячъ человѣкъ, находящійся въ 13 верстахъ отсюда. Приказанія были отданы въ полдень и отмѣнены въ 6 часовъ вечера. Уже три дня какъ войскамъ почти нечего ѣсть, потому что припасы изъ Калуги, безъ вѣдома генералъ-интенданта Ланскаго, были направлены сначала на Владимиръ, потомъ на Рязань, а потомъ опять на Калугу. Эти приказанія были отданы 29-го, что̀ доказываетъ, что князь Кутузовъ уже тогда порѣшилъ оставить Москву. Я въ отчаяніи отъ его измѣнническаго образа дѣйствій въ отношеніи ко мнѣ: потому что, не имѣя возможности сохранить городъ, я бы его сжегъ, чтобы отнять у Наполеона славу завладѣнія имъ, ограбленія и потомъ преданія пламени. Я бы показалъ Французамъ, съ какимъ народомъ имѣютъ они дѣло.

Перехваченныя у курьера на Можайской дорогѣ письма свидѣтельствуютъ, что въ Бородинѣ непріятель лишился 30 тысячъ человѣкъ, и выбыло у него изъ строя 30 генераловъ. Они жалуются на скудость Московской добычи, говорятъ, что у нихъ нѣтъ продовольствія на 10 дней, что надежды на миръ вовсе не имѣется, что Русскіе хуже Готовъ, Визиготовъ (ихъ славныхъ предшественниковъ) и что съ ними ничего не подѣлаешь, какъ скоро они слушаются одержимыхъ демономъ, каковы у нихъ Растопчинъ и другіе.

Уже четыре дня Кайсаровъ подписываетъ бумаги вмѣсто князя, поддѣлываясь подъ его почеркъ; потому что князя никто не видитъ, онъ ѣстъ и спитъ цѣлый день. Бенигсенъ на всѣ лады имъ руководитъ. Барклая больше къ нему не допускаютъ. Что̀ до меня, то я видѣлъ его только одинъ разъ послѣ оставленія Москвы.

Сто̀итъ замѣтить, что въ дневномъ приказѣ 31 числа Бонапартъ велѣлъ объявить, что 2-го онъ будетъ въ Москвѣ и назначилъ, отъ какихъ полковъ быть караулу. Во всемъ, что̀ дѣлается, такъ много небрежности, что мелкимъ шпіонамъ очень легко добывать свѣдѣнія. Демидовъ, остающійся при Бенигсенѣ и доставляющій ему прокормленіе, получилъ охранную стражу для своего Московскаго дома, и домъ не сгорѣлъ и не разграбленъ; онъ даже обѣщалъ свое покрови-

тельство другимъ и получаетъ изъ Москвы пѝсьма и эту переписку допускаютъ, потому что вниманія ни на чтò не обращается.

Ушаковъ возвратился изъ Калуги съ 6 т. человѣкъ превосходнаго войска, въ томъ числѣ 1.200 кавалеріи. Лобановъ будетъ здѣсь черезъ 6 дней съ 8 полками. Ополченія шести губерній готовы, въ числѣ 80 т. человѣкъ. Въ Тульскомъ два великолѣпныхъ кавалерійскихъ полка, по 1.200 чел. въ каждомъ, набранные ген.-маіоромъ княземъ Щербатовымъ. Кромѣ того, когда князь Кутузовъ пожелалъ взять лошадей у этихъ полковъ, Тульское дворянство, для сохраненія полковъ, поставило ему 1.500. Непріятель долженъ здѣсь погибнуть, но не Кутузовъ выроетъ ему могилу. Надѣйтесь на Бога, Государь: ваше дѣло прекрасно, это дѣло отечества. О мирѣ ни слова: то было бы смертнымъ приговоромъ для насъ и для васъ.

21.

Voronovo, 60 vestres de Moscou, 19 septembre 1812.

Sire!

J'ai eu le bonheur de recevoir le rescript de Votre Majesté du 5 de ce mois. Le chargin que je ressens des malheurs dont la Providence nous punit, ne m'empêche pas de ressentir de la joie en recevant la preuve que mes services ont mérité votre approbation. La reconnaissance d'un Souverain est la plus belle récompense d'un sujet fidèle et dévoué à son Maître.

Le prince Koutouzow continue à ne rien faire et à empêcher les autres de faire quelque chose. L'armée de Votre Majesté, forte de 100,000 hommes, se retire honteusement devant un petit corps de fourrageurs qu'on envoit piller le pays. Hier Milaradovitsch reçut l'ordre d'attaquer la soi-disant armée ennemie, qui ne pouvait avoir que 8,000 hommes. On les repoussa et on placea des vedettes de l'autre côté de la Pakhra. On fit des prisonniers, entre autres un aide-camp de Poniatovski, le fils du sénateur Jean Pototzki. Ce matin on a donné ordre au comte Osterman d'attaquer Murat, qui est vis-à-vis de lui avec un misérable corps. Je ne sais encore comment tout cela finira; mais on a déjà donné l'ordre aux bagages de se porter sur la Nara, à 26 verstes d'ici, et il est probable que nous irons demain là-bas. L'ennemi envoit de tous les côtés des partis pour chercher des vivres et donner l'alarme. Ils disent qu'ils n'ont rien à manger, souffrent déjà du froid et sont effrayés de ce qui les attend. Ils ont compté sur la paix et sont furieux d'avoir été trompés dans leur espoir.

Le peuple continue à être bien disposé. Les paysans d'ici ont pris et amené une cinquantaine de maraudeurs et anoncé un grand nombre. Un pauvre marchand, qu'on a voulu employer comme espion et dont on a gardé la femme et les enfants en ôtage à Moscou, est

venu se présenter de lui-même à notre quartier-général, a fait la déposition de ce qu'il savait et n'a par voulu garder l'argent donton avait commencé à le gratifier, en lui promettant 1,000 ducats s'il remplissait bien une commission. Deux miliciens, pris par les Français et mis en liberté au bout de trois jours, sont venus également faire leur rapport au général de service et ont voulu rendre les 50 roubles que l'on avait donnés à chacun d'eux. Mais d'un autre côté je crains que ces braves gens ne soient poussés au désespoir par le brigandage de nos troupes, qui enlèvent tout par tous les moyens possibles. On m'a déjà fait le rapport que les habitants de deux villages, dans lesquels sont des Français, sont rentrés dans leurs maisons. Les excès qui se commettent dans l'armée sont poussés à un tel degré, que le prêtre d'ici n'a pas voulu dire la messe le 15, parce que, deux jours auparavant, pendant qu'il officiait, une vingtaine de soldats sont venus piller l'église. Si jamais, et c'est à quoi je m'attends, nos paysans commencent à se battre avec nos soldats, alors il faudra s'attendre à une révolte, qui ne manquera pas de se propager dans les gouvernements voisins, où les blessés, les fuyards et les régiments nouvellement formés commettent les mêmes désordres.

Bénigson menace toujours de quitter l'armée et fait tout pour parvenir au commandement. Il demande tous les matins qu'on attaque et trouve le même obstacle: le manque de position. Il dort aussi beaucoup et tombe dans l'enfance. Barklay est malade sérieusement et ne sait plus où sont les corps de l'armée. Bénigson, Kayssarow et Koudaschew en disposent à leur gré, et Miloradovitsch avec Osterman ont les deux tiers de l'armée pour arrêter les prétendus 15,000 hommes des troupes ennemies. L'ignorance sur la marche des Français et sur leur nombre est profonde; mais la peur montre partout l'armée entière, et la dernière marche rétrograde a été ordonnée pour éviter 2,000 hommes, qu'on prétendait avoir sur le flanc droit. Le 15 Miloradovitsch, prenant le thé dans la maison du maréchal Soltykow, avec six autres généraux, a manqué d'être pris et a eu à peine le temps de se sauver à toutes jambes.

Je crains beaucoup que l'inactivité dans les opérations et l'indifférence criminelle du prince Koutouzow pour l'avenir ne donnent les moyens à Bonaparte de rester à Moscou et de faire subsister son armée dans les environs, qui sont à sa disposition. Si nous nous retirons encore, alors il pourra tenter de soulever le peuple, qui est atteré par l'abandon de Moscou, qu'il regardait comme imprenable. On ne revient pas de la susprise de voir cette capitale livrée à l'ennemi sans avoir fait de résistance. Cet évenement est le sujet de discorde entre les gé-

néraux, dont deux seulement ont parlé en bons Russes, tandis que les autres, soit par bêtise, indifférence ou poltronerie, ont regardé cette ville comme peu importante sous le point de vue stratégique. Si par malheur votre cruel ennemi parvient à ébranler la fidélité de vos sujest, vous verrez, Sire, les Martinistes dévoiler leurs projets, qui seconderont parfaitement ceux de Bonaparte. Récompensez et punissez. Ceux qui vous sont attachés n'ont pas besoin de salaire pour leurs services, mais les autres doivent craindre la verge et les coupables l'échafaud.

Il y a ici un parti qui désire Pahlen, mais cet homme est bien dangereux. Sa haine préférera votre perte au salut de l'Etat. Je n'aime par la protection que Benigson accorde aux Polonais, et un scélérat comme Bonaparte a besoin de traîtres. Le prince Volkhonski est arrivé hier, et je suppose que pour faire bêtement sa cour à Koutouzow il lui a dit que vous n'avez pas pris fort à coeur la perte de Moscou; les polisons qui entourent le maréchal ont répété ce propos, et tout retombera sur votre personne et justifiera les doutes qu'on a conçues que vous auriez donné l'ordre de ne pas défendre la capitale. Ce prince Volkhonski ne vous donnera pas, à ce que je crois, une idée exacte de l'état affreux dans lequel est l'armée. Il a ici son homme de confiance, le colonel Toll, militaire aux positions et qui est dévoué au maréchal, lequel vous a demandé pour lui le grade de général-major.

Comme il est probable que nous irons encore en arrière, et que la frontière du gouvernement de Moscou se trouve a 17 verstes d'ici, je quitterai alors l'armée et irai rejoindre ma femme, retirée à Yaroslaw, oú j'attendrai les ordres de Votre Majesté, toujours prêt à vous servir comme vous le jugerez à propos.

J'ai avec moi 109,600 roubles des sommes extraordinaires que j'avais à ma disposition et qui sont restés sans emploi. Arrivé à Yaroslaw, je compte les expédier à Kalinine, qui demandera là-dessus vos ordres. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Вороново, 60 верстъ отъ Москвы, 19 Сентября 1812.

Государь! Я имѣлъ счастіе получить рескриптъ Вашего Величества отъ 5-го сего мѣсяца. Печаль, производимая бѣдствіями, которыми наказываетъ насъ Провидѣніе, не мѣшаетъ мнѣ чувствовать радость при полученіи доказательства, что моя служба заслужила одобреніе ваше. Признательность Государя есть лучшая награда подданному, который вѣренъ и преданъ своему Повелителю.

Князь Кутузовъ продолжаетъ ничего не дѣлать и мѣшать другимъ что нибудь дѣлать. Армія Вашего Величества, въ сильномъ составѣ

100,000 человѣкъ, постыдно отсупаетъ передъ небольшимъ корпусомъ Французовъ, высылаемыхъ для грабежа Вчера Милорадовичу было приказано напасть на такъ называемую непріятельскую армію, въ которой наврядъ было 8 тысячъ человѣкъ. Ихъ оттѣснили, и устроили ведеты по ту сторону Пахры. Взяты плѣнные, въ числѣ ихъ адъютантъ Понятовскаго, сынъ сенатора Ивана Потоцкаго. Нынче утромъ приказъ графу Остерману напасть на Мюрата, который насупротивъ его съ ничтожнымъ войскомъ. Не знаю еще, какъ все это кончится; но уже отданъ приказъ багажу убираться на Нару, въ 26 верстахъ отсюда, и вѣроятно мы завтра пойдемъ туда. Непріятель разсылаетъ во всѣ стороны отряды для отысканія припасовъ и возбужденія тревоги. Они говорятъ, что имъ нечего ѣсть, что они уже терпятъ отъ холода и боятся того, что̀ ихъ ждетъ впереди. Они разсчитывали на миръ и бѣсятся, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ.

Народъ по прежнему въ добромъ настроеніи. Здѣшніе крестьяне захватили и привели съ полсотни мародеровъ и заявили о большомъ числѣ ихъ. Одинъ бѣдный купецъ, котораго захотѣли послать соглядатаемъ, задержавъ въ Москвѣ его жену и дѣтей, явился самъ въ нашу главную квартиру, разсказалъ обо всемъ что̀ зналъ и не захотѣлъ оставлять у себя деньги, которыя были ему даны впередъ съ обѣщаніемъ выдать еще 1000 червонцевъ, если онъ хорошо выполнитъ порученіе. Пришли также съ донесеніемъ къ дежурному генералу два ополченца, взятые Французами и черезъ три дня выпущенные на волю; имъ дали по 50 р. каждому, но они не хотѣли брать. Но съ другой стороны я опасаюсь, чтобы эти честные люди не были доведены до отчаянія грабительствомъ нашихъ войскъ, которыя все себѣ присвоиваютъ всевозможными способами. Мнѣ уже докладывали, что жители двухъ деревень, занятыхъ Французами, возвратились въ дома свои. Безчинства въ арміи дошли до такой степени, что 15-го числа здѣшній священникъ отказался служить обѣдню, потому что за два дня передъ тѣмъ, во время службы, человѣкъ 20 солдатъ пришли грабить церковь. Если наши крестьяне начнутъ драться съ нашими солдатами (а я этого жду), тогда мы наканунѣ мятежа, который непремѣнно распространится по сосѣднимъ губерніямъ, гдѣ раненые, бѣглые и новобранные полки производятъ такую же неурядицу.

Бенигсонъ все грозится покинуть армію и всячески добивается, чтобъ ему начальствовать. Каждое утро онъ проситъ начать наступленіе, и ему отказываютъ, ссылаясь на неудобство позиціи. Онъ также много спитъ и впадаетъ въ дѣтство. Барклай очень боленъ и не знаетъ, гдѣ находятся корпуса арміи, которыми распоряжаются по своему произволу Бенигсонъ, Кайсаровъ и Кудашевъ, а у Милорадовича и Остермана цѣлыхъ двѣ трети арміи для удержанія мнимыхъ 15 тысячъ непріятельскаго войска. Совсѣмъ ни знаютъ не движеній Французовъ, ни числа ихъ; но вслѣдствіи трусости, всюду мерещится цѣлая армія, и послѣднее отступательное движеніе было сдѣлано, чтобы избѣжать двухъ тысячъ человѣкъ, якобы появившихся на правомъ крылѣ. 15-го числа Милорадовичъ, съ шестью другими генералами, пилъ чай въ домѣ фельдмаршала Салтыкова, чуть не былъ взятъ въ плѣнъ и едва опрометью ускакалъ.

Меня весьма страшитъ бездѣйствіе князя Кутузова и его преступная незаботливость о будущемъ. Это, пожалуй, дастъ Бонапарту возможность остаться въ Москвѣ и продовольствовать его армію въ окрестностяхъ ея, въ которыхъ онъ можетъ распоряжаться. Если мы еще отступимъ, онъ попытаться можетъ поднять народъ, удрученный мыслію о сдачѣ Москвы, которая въ его глазахъ считалась неприкосновенною. Никакъ не могутъ освоиться съ мыслію о томъ, что столица отдана непріятелю безъ сопротивленія. Это событіе составляетъ предметъ споровъ между генералами, изъ которыхъ только двое говорили какъ настоящіе Русскіе, тогда какъ другіе, кто по глупости, кто по безпечности или трусости, сочли этотъ городъ малозначущимъ въ стратегическомъ отношеніи. Если, по несчастію, вашему жестокому врагу удастся поколебать вѣрность вашихъ подданныхъ, вы увидите, Государь, что замыслы Мартинистовъ вскроются, что они отлично помогутъ Бонапарту.... Люди къ вамъ приверженные не нуждаются въ платѣ за ихъ службу, но другіе должны страшиться розогъ, а виновные—висѣлицы.

Здѣсь есть люди желающіе Палена; но этотъ человѣкъ весьма опасенъ. По ненависти онъ предпочтетъ вашу гибель благу государства. Мнѣ не нравится, что Бенигсенъ покровительствуетъ Полякамъ; злодѣю, какъ Бонапартъ, нужны измѣнники. Вчера пріѣхалъ князь Волконскій, и какъ я предполагаю, чтобъ подслужиться Кутузову, онъ сказалъ ему, что вы не особенно огорчились гибелью Москвы; окружающіе фельдмаршала негодяи повторили это, такъ что все падетъ на вашу отвѣтственность и подтвердитъ возникшія сомнѣнія въ томъ, что столицу не защищали по вашему приказанію. Мнѣ думается, что этотъ князь Волконскій не дастъ вамъ точнаго понятія объ ужасномъ состояніи, въ которомъ находится армія. У него здѣсь довѣренный человѣкъ, полковникъ Толь, по квартирмейстерской части, преданный фельдмаршалу, который и просилъ у васъ произвести его въ генералъ-майоры.

Такъ какъ вѣроятно, что мы пойдемъ еще назадъ, а граница Московской губерніи въ 17 верстахъ отсюда, то я тогда покину армію и уѣду къ моей женѣ, удалившейся въ Ярославль, гдѣ буду ожидать приказаній вашего величества, всегда готовый служить вамъ, какъ вамъ будетъ угодно.

У меня 109.600 рублей изъ чрезвычайныхъ суммъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи; они остались безъ употребленія. По пріѣздѣ въ Ярославль я думаю переслать ихъ Калинину, который испроситъ о нихъ вашего приказанія.

Вотъ тѣ собственноручныя строки Государя, о которыхъ говоритъ графъ Растопчинъ въ началѣ этого письма. Извлекаемъ ихъ изъ книги, изданной академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ: «Отечественная война въ письмахъ современниковъ». Спб. 1882, стр. 124.

5 septembre 1812, St.-Pétersbourg.

J'ai reçu exactement vos lettres jusqu'à celle du 29 août inclusivement. Je ne puis assez vous exprimer, combien je suis content de la manière dont vous remplissez votre poste. Je m'applaudis plus que ja-

mais du choix que j'ai fait, en vous plaçant à Moscou. Les services que vous m'y rendez sont essentiels et ne seront pas oubliés. Vous pourrez vous dire tout ce qui se passe en moi; mais mon espoir dans la Providence Divine, la bravoure de nos troupes et le bon esprit de notre estimable nation ne m'abandonne pas. Avec de la persévérance et l'aide de Dieu nous surmonterons ce monstre qui désole l'Europe. Tenez moi au courant de ce qui se passe. Tout à vous Alexandre.

Спб. 5 Сентября 1812.

Я получилъ всѣ ваши письма до 29 Августа включительно. Не могу вамъ выразить, какъ я доволенъ образомъ вашихъ дѣйствій въ исполненіи вашей должности. Болѣе чѣмъ когда либо радуюсь, что выборъ мой палъ на васъ при назначеніи въ Москву. Услуги, которыя вы мнѣ оказываете, существенны и не будутъ забыты. Вы можете себѣ представить, что̀ происходитъ во мнѣ; но меня не покидаетъ моя надежда на Промыслъ Божій, на храбрость нашихъ войскъ и на здравый смыслъ нашего почтеннаго народа. Съ настойчивостью и съ Божіей помощью мы одолѣемъ это чудовище, опустошающее Европу. Извѣщайте меня о томъ, что̀ дѣлается *). Весь вашъ Александръ.

22.

Nara, 21 septembre 1812.

Sire!

Après l'expédition de mon courrier nous avons fait deux marches vers Kalouga et nous sommes à 77 verstes de Moscou, toujours poursuivis par un corps de Français, qu'on dit être tantot de 8,000 hommes, d'autres fois de 15,000, et souvent on en fait toute l'armée de Bonaparte. Je suis presque sûr que Koutonzow abandonnera Kalouga et ira se placer de l'autre côté de l'Oka; du moins Koudachew le dit, ajoutant avec raison que l'armée se reposera, se réorganisera et pourra allors agir offensivement. L'opinion générale est que l'ennemi nous trompe et tire sur Borovsk, d'où il sera le maître de se porter en avant, de se joindre et d'agir contre Tchichagow, après quoi il prendra ses quartiers d'hiver en Volhynie et en Podolie.

Notre armée consiste en 30,000 hommes d'infanterie et 80,000 de cavalerie, 7.000 cosaques et près de 25,000 de milice. Le soldat est abbattu par les marches, les retraites, et surtout par la faim. Le nombre des malades monte à 400 hommes par jour, qui se traînent à pied à la suite de l'armée. Les paysans, d'abord effrayés à l'appro-

---

*) Этимъ объясняется содержаніе послѣдующихъ писемъ графа Растопчина къ Государю: онъ писалъ ему объ общемъ ходѣ дѣлъ по его приказанію. Оба они знали Кутузова еще со временъ Екатерининскихъ. Кстати замѣтить, что отзывы графа Растопчина про тогдашняго Кутузова, помѣщенные въ «Архивѣ Князя Воронцова», подтверждаются такимъ незлобивымъ человѣкомъ, какъ А. Я. Протасовъ; а въ 1812 году про Кутузова одинаково съ гр. Растопчинымъ отзываются Барклай, Бенигсенъ и Вильсонъ. П. Б.

che de l'ennemi, ont quitté leurs habitations; mais, voyant que les nôtres les pillent et séduits par les insituations perfides des miliciens, dont une grande partie est retournée d'elle-même dans ses foyers, ont pris le même parti, en disant qu'ils sont libres, d'autres qu'ils sont sujets de Napoléon. Ce matin, dans un de mes villages, une cinquantaine de miliciens, qui s'y sont rassemblés, ont tiré sur un officier et l'ont tué. Un officier de chasseurs, déserté de Mojaysk avec 15 soldats, a ramassé des miliciens-maraudeurs et s'étant formé une bande de 70 hommes a poussé jusqu'à Kassimow, pillant tous les villages. Le général Lévitski, qui se trouvait avec un détachement dans le voisinage, envoya deux officiers avec 70 soldats pour arrêter l'officier-déserteur, nommé Timtchenko, lequel engagea un combat, et après avoir perdu 13 hommes fut pris avec le reste. Dans le gouvernement de Kalouga un parti de maraudeurs francais, russes et paysans, pilla deux villages et tua les propriétaires. Kavérine avait envoyé un courrier avec un rapport au prince Koutouzow; deux jours se passèrent sans réponse, et quand Frich en demanda une, le prince le renvoya en disant: je veux dormir!

J'ai tâché de connaître la facon de penser de Platow. J'ai logé à côté de lui, et comme il est vain, bavard et un peu ivrogne, j'ai conclu que c'est un homme qu'il ne faut pas aigrir dans ce moment. Par rancune Koutouzow le persécute, et l'autre roule de mauvais projets dans sa tête, parle de ce que Bonaparte voulait lui proposer, ainsi qu'aux cosaques; que si les choses tournent mal, il sait ce qu'il a à faire, que les cosaques le suivront, etc.

Lorsque Votre Majesté me fit l'honneur de me communiquer son intention de venir à Moscou le mois passé, j'osai vous représenter les motifs qui demandaient un retard à ce projet. Maintenant que Moscou est abandonné, pillé et saccagé, que le gouvernement de Moscou est entre les mains de Bonaparte, que les évènements ont produit une telle impression dans les provinces que la ville de Koursk a envoyé deux députés à Koutouzow pour s'informer s'il y avait sûreté pour eux à rester, que les paysans balancent, que l'armée diminue chaque jour, que tout est frappé de terreur et de désespoir, que votre autorité est entre les mains de polissons tels que Kayssarow et Koudachew, qu'il faut de la vigueur, de la célérité, des moyens énergiques et des mesures violentes, qu'il faut l'oeil, la voix et la volonté du Maître,—il faut, Sire, que vous vous décidiez à vous rendre à l'armée, à y rétablir l'ordre et à relever son courage. Tous ses succès seront votre ouvrage, et vous travaillerez au salut de la patrie et à votre propre gloire. Mais si le destin a décidé le chute de votre Empire, vous devez pé-

rir avec lui et combattre au milieu de vos fidèles sujets, décidés à mourir sous vos yeux au champ de l'honneur, et c'est là que vous devez absolument vaincre ou périr vous-même.

Нара, 21 Сентября 1812.

Государь! По отправленіи моего курьера, мы сдѣлали два перехода къ Калугѣ и находимся въ 77 верстахъ отъ Москвы, по прежнему преслѣдуемые Французскимъ корпусомъ, про который говорятъ, что онъ то въ 8 тысячъ, то въ 15-ть, а часто считаютъ его за всю армію Бонапарта. Я почти увѣренъ, что Кутузовъ покинетъ Калугу и расположится на другомъ берегу Оки. По крайней мѣрѣ, это говоритъ Кудашевъ, прибавляя основательно, что армія отдохнетъ, переустроится и тогда будетъ въ состояніи дѣйствовать наступательно. По общему мнѣнію, непріятель насъ обманываетъ и направляется на Боровскъ, откуда ему вольно будетъ идти впередъ, соединиться и дѣйствовать противъ Чичагова, а затѣмъ расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Волынской и Подольской губерніяхъ.

Наша армія состоитъ изъ 30 тыс. человѣкъ пѣхоты, 80 тыс. кавалеріи, 7 тыс. козаковъ и около 25 тыс. ополченцевъ. Солдатъ изнеможенъ отъ переходовъ, отступленій и въ особенности отъ голода. Число больныхъ достигаетъ 400 человѣкъ въ день; они тащатся пѣшкомъ вслѣдъ за арміей. Испугавшись сначала приближенія непріятеля, крестьяне покидали свои жилища; но такъ какъ наши ихъ грабятъ, то они соблазнились коварными внушеніями ополченцевъ, бо̀льшая часть которыхъ вернулась домой, и послѣдовали ихъ примѣру, говоря, что они вольные, а другіе, что они подданные Наполеона. Нынче утромъ въ одной изъ моихъ деревень собралось человѣкъ 50 ополченцевъ; они стрѣляли въ офицера и убили его. Одинъ егерьскій офицеръ, бѣжавшій изъ подъ Можайска съ 15 солдатами, набралъ мародеровъ-ополченцевъ; образовалась шайка въ 70 человѣкъ и грабитъ по всѣмъ деревнямъ до Касимова. Находившійся по близости съ отрядомъ генералъ Левицкій послалъ двухъ офицеровъ съ 70 солдатами задержать бѣглеца-офицера (его зовутъ Тимченко); дошло до боя, и 13 человѣкъ пало, остальные взяты. Въ Калужской губерніи толпа мародеровъ, Французовъ, Русскихъ и крестьянъ, ограбила двѣ деревни и убила владѣльцевъ. Каверинъ послалъ курьера съ донесеніемъ къ князю Кутузову; прошло два дня безъ отвѣта и когда Фришъ попросилъ онаго, князь выслалъ его, сказавъ: хочу спать!

Я старался узнать образъ мыслей Платова. Я жилъ рядомъ съ нимъ. Онъ суетенъ, болтливъ и отчасти пьяница. Я заключилъ, что теперь не слѣдуетъ раздражать этого человѣка. По неудовольствію Кутузовъ преслѣдуетъ его, а тотъ носится съ вредными замыслами, говоритъ, что Бонапартъ дѣлалъ ему и казакамъ предложенія, что при дурномъ оборотѣ дѣлъ онъ знаетъ какъ ему поступить, что казаки за нимъ пойдутъ и пр.

Прошлый мѣсяцъ, когда Ваше Величество почтили меня сообщеніемъ намѣренія вашего прибыть въ Москву, я осмѣлился представить вамъ причины, по которымъ надлежало отсрочилъ эту поѣздку. Те-

перь, когда Москва покинута, разорена и ограблена, когда управленіе ею въ рукахъ Бонапарта, а губерніи до того поражены случившимся, что городъ Курскъ присылалъ къ Кутузову двухъ выборныхъ узнать, можно ли разсчитывать на тамошнюю безопасность, когда крестьяне колеблятся, армія ежедневно умаляется, все въ страхѣ и въ отчаяніи, ваша власть въ распоряженіи такихъ негодяевъ какъ Кайсаровъ и Кудашевъ, когда потребны сила, быстрота, средства сильныя и мѣры настойчивыя, нужны глазъ, голосъ и воля Монарха,—теперь, Государь, вамъ надо рѣшиться пріѣхать въ армію, возстановить въ ней порядокъ и поднять ея духъ. Всѣ ея успѣхи будутъ вашимъ дѣломъ, и вы будете трудиться для спасенія отечества и для вашей собственной славы. Но если рѣшено судьбою паденіе вашей Имперіи, вамъ подобаетъ погибнуть вмѣстѣ съ нею и сражаться посреди вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые готовы умирать въ вашихъ глазахъ на полѣ чести: тамъ вы непремѣнно должны побѣдить или сами погибнуть.

23.

Vladimir, 1 octobre 1812.

Sire!

Après avoir quitté l'armée, je m'empressai de me rendre auprès de votre personne sacrée; mais une maladie assez grave, provenue des chagrins de voir Moscou livrée, l'armée désorganisée et vous continuellement trompé par les rapports, m'a retenu ici. Mais, au risque de mourir en chemin, je partirai aprés-demain, et je paraîtrai devant mon Maître avec une âme pure, pleine de l'amour de la partie et de votre personne.

Quoique malade, j'ai recueilli ici beaucoup de renseignements sur Moscou et sur Bonaparte. Les églises pillées, les outrages faits aux habitants et l'incendie qui a consumé presque toute la ville, ont augmenté encore la fureur du peuple. Malgré ce que dit Bonaparte dans ses proclamations, il met des gardes pour empêcher le peu de gens qui restent en ville de s'enfuire. Les soldats se nourrissent de légumes qu'ils vont déterrer dans les potagers; le reste fourrage à la débandade. Il m'en veut pour avoir dégarni la ville. Il m'appele dans une proclamation: bouche de feu. Les marchands qu'il emploie sont un Korobow, noté du temps de l'emp. Paul comme suspect; un Bakinine, mauvais sujet; un Lejanow, raskolnik, et un Kaltchouguine, exilé du temps de l'imp. Catherine avec Novikow. Les raskolniki joussent de sa protection, et j'ai la note des maisons qui sont sous la sauve-garde des Français. Bonaparte fait courir des bruits pour alarmer le peuple. Il a fait dire qu'il avait gardé la chambre un jour, on pleurant votre mort violente, ainsi que celle du grand-duc Constantin; une autre fois que vous et toute la famile impériale était partie pour l'Angleterre. En provinces ces bruits se répandent; privées de correspondance avec Pé-

tersbourg, elles ne savent rien des armées, et j'ai rencontré des députés qui allaient au quartier-général sans savoir où le trouver. A Voronej on a fait courir le bruit que Pétersbourg était pris; à Kursk que la peste régnait à Astrakhan. J'espère que le prince Volkhonski vous a rendu compte de l'état dans lequel il a trouvé le chef de armées et à quoi il vous expose par son apathie et par son égoïsme. Je livre ma tête à l'échafaud si votre ennemi a plus de 65,000 hommes. Il ne doivent pas sortir de la Russie, et vous serez le sauveur de l'Europe.

En passant par Toula, j'y ai trouvé un homme qui venait dénoncer un fait important sur le compte de Klutscharew, le gouverneur de Voronej et le prisonnier Ségur. Je porte cette nouvelle à la connaissance de Votre Majesté. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Владимиръ, 1-го Октября 1812.

Государь! Уѣхавъ изъ арміи, я спѣшилъ явиться къ вашей священной особѣ; меня задержала здѣсь довольно тяжкая болѣзнь, вызванная горестнымъ сознаніемъ того, что Москва сдана, армія разстроена, а вы постоянно обмануты получаемыми донесеніями. Но, еслибъ мнѣ и умереть въ дорогѣ, я послѣ завтра поѣду и предстану предъ моего Повелителя съ душою чистою, полною любви къ отечеству и къ вашей особѣ.

Не взирая на болѣзнь, я собралъ здѣсь много свѣдѣній о Москвѣ и о Бонапартѣ. Ярость народа усилена грабежемъ церквей, притѣсненіями жителей и пожаромъ, въ которомъ сгорѣлъ почти весь городъ. Вопреки своимъ прокламаціямъ, Бонапартъ ставитъ стражу, чтобы не пускать изъ города немногихъ оставшихся жителей. Солдаты питаются овощами, которыя они копаютъ въ огородахъ; остальные пробавляются чѣмъ попало. Онъ на меня золъ за то, что отъ меня городъ ничѣмъ не снабженъ. Въ одной прокламаціи онъ называетъ меня огненною пастью. Состоящіе у него на службѣ купцы суть: Коробовъ, человѣкъ подозрительный еще во время императора Павла, негодяй Бакининъ, раскольникъ Лежановъ, и Кольчугинъ, сосланный при импер. Екатеринѣ въ одно время съ Новиковымъ. Раскольники пользуются его покровительствомъ, и у меня есть перечень домамъ, состоящимъ подъ охраною Французовъ. Для возмущенія народа Бонапартъ распускаетъ слухи. Онъ велѣлъ разгласить про себя, будто онъ не выходилъ однажды изъ комнаты, оплакивая насильственную кончину вашу и великаго князя Константина. Въ другой разъ, будто вы и вся императорская фамилія уѣхали въ Англію. Эти слухи разносятся по губерніямъ; не имѣя сообщенія съ Петербургомъ, онѣ ничего не знаютъ о войскахъ, и я встрѣтилъ выборныхъ, ѣхавшихъ въ главную квартиру и не знавшихъ гдѣ ее найти. Въ Воронежѣ распустили слухъ, будто Петербургъ взятъ, въ Курскѣ—будто чума свирѣпствуетъ въ Астрахани. Надѣюсь, князь Волконскій доложилъ вамъ, въ какомъ состояніи нашелъ онъ военачальника и что онъ вамъ готовитъ своею безучастливостью и своимъ эгоизмомъ. От-

даю голову на отсѣченіе, если у непріятеля свыше 65 тысячъ человѣкъ. Они не должны выйти изъ Россіи, и вы будете спасителемъ Европы. Проѣзжая черезъ Тулу, я встрѣтилъ человѣка, донесшаго о важномъ обстоятельствѣ касательно Ключарева, Воронежскаго губернатора и плѣннаго Сегюра. Довожу эту новость до свѣдѣнія Вашего Величества.

24.

Vladimir, 7 octobre 1812.

Sire!

Au lieu de 24 heures voici une semaine que je suis ici. Mon corps a succombé au chagrin, je suis si faible qu'il me prend des évanouissemens, et je suis entre les mains d'un médecin-barbier. Bonaparte est près de sa perte, et le 4 on ne faisait rien pour l'achever. Excepté quelques gueux, personne ne reste à Moscou, et je crains qu'il ne s'échappe par Rouza, Zoubtzow et Bélaya. Que ne venez-vous, Sire, achever le monstre qui désole votre empire et a détruit votre capitale? Je joins ici le résumé des nouvelles qu'apportent les échappés de Moscou et je finis mon rapport par vous prier, Sire, de faire attention à ce qui suit.

L'approvisionnement de l'armée, depuis Viazma, n'a pas coûté un sol, et on voudra vous voler des millions.

On vole l'impossible sur les hôpitaux. A Kassimow les malades ne sont pas inscrits jusqu'à présent. Le gorodnitchiy dit qu'ils ne sont pas 6,000, et on prend 10,000 rations et tout ce qui suit.

On va faire des contrats chez le prince Koutouzow pour l'approvisionnement. Un certain Bézak, brigand connu, est allé joindre le prince, qui laissera voler tout.

Nommez l'endroit où residera la commission militaire, et écrivez un manifeste plein de vos regrets sur la perte de Moscou. Le peuple est sensible et ne comprend pas pour quoi vous ne dites rien, et conclue que vous avez ordonné qu'on livre Moscou.

Je n'ai plus la force d'écrire. Si je meurs ici, je laisse ma famille sous votre protection. Mon fils, élevé dans les mêmes sentiments que moi, sera votre serviteur fidèle. J'emporterai dans le tombeau des regrêts penibles de n'avoir pas su vous inspirer la confiance, seul objet de mes voeux. Je vous baise les mains et je les serre contre mon coeur, qui vous était tout dévoué. Comte Rostopsin.

Владиміръ, 7-го Октября 1812.

Государь! Вмѣсто однихъ сутокъ вотъ недѣля что̀ я здѣсь. Тѣло мое подавлено скорбью; я до того слабъ, что у меня бываютъ обмороки, и нахожусь я въ рукахъ простаго цирульника. Бонапартъ бли-

вокъ къ своей погибели, а между тѣмъ 4-го еще ничего не предпринято, чтобы его доканать. Въ Москвѣ никого не осталось, кромѣ нѣсколькихъ негодяевъ, и я опасаюсь, не убрался ли бы онъ черезъ Рузу, Зубцовъ и Бѣлый. Чтò не пріѣдете вы, Государь, доканать чудовище, приводящее въ отчаяніе вашу Имперію и разрушившее вашу столицу [1])? Прилагаю здѣсь сводъ извѣстій, доставляемыхъ ушедшими изъ Москвы и кончаю мое донесеніе, прося васъ, Государь, внять нижеслѣдующему. Продовольствіе арміи, съ Вязьмы, не стоило полушки, и у васъ хотятъ похитить миліоны.

До невозможности воруютъ на гошпиталяхъ. Въ Касимовѣ до сихъ поръ нѣтъ списковъ больнымъ. Городничій говоритъ, что ихъ меньше 6 тысячъ, а берутъ 10 тысячъ пайковъ и т. д. У князя Кутузова готовятся контракты на продовольствіе. Нѣкто Безакъ, извѣстный разбойникъ, поѣхалъ къ князю, который допуститъ все расхитить. Назначьте мѣсто, гдѣ будетъ засѣдать военная коммиссія, и напишите манифестъ, исполненный вашей печали о потерѣ Москвы. Народъ чувствителенъ; онъ не понимаетъ, отчего вы не промолвите слова, и выводитъ изъ этого, что вы приказали сдать Москву.

Я не въ силахъ больше писать. Если умру здѣсь, оставляю мое семейство подъ ваше покровительство. Сынъ мой [2]), воспитанный въ тѣхъ же чувствахъ, какъ и я, будетъ вамъ вѣрнымъ слугою. Я унесу съ собою въ могилу горестное сожалѣніе о томъ, что не внушилъ вамъ довѣрія; оно единственный предметъ моихъ желаній. Цѣлую ваши руки и прижимаю ихъ къ моему сердцу, которое было всецѣло вамъ предано. Графъ Ростопчинъ.

25.

Vladimir, 13 octobre 1812.

Sire!

Vous devez déjà être instruit que ce monstre de Bonaparte est parti avec son armée de Moscou, après avoir fait sauter le Kreml. Il a détruit votre capitale, mais il sera détruit par elle. Je suis sûr qu'il n'a pas plus de 50,000 hommes, car à Borodino il en n'avait que 120,000. Cette journée lui a coûté 20,000 prisonniers; après il faut bien supposer qu'on lui a tué et que la mort a enlevé au moins 10,000 hommes. C'est à vous à présent de détruire ce qui lui reste et de délivrer l'Europe de son joug. J'ai déjà envoyé à Moscou Ivachkine et des officiers de police, qui seront suivis de dragons, soldats et pompes. J'ai donné mes instructions: 1° de préserver du pillage ce qui reste, 2° de faire enrégistrer les grains que l'on trouvera, 3° de faire arrêter les gens qui ont servi l'ennemi ou ont été employés par lui.

---

[1]) Пріѣхать къ войскамъ совѣтовалъ Государю неоднократно и Вильсонъ. П. Б.

[2]) Говорится про старшаго сына. Второй сынъ графа Растопчина, графъ Андрей Өедоровичъ, родился позднѣе, именно 13 Октября 1813 г. въ Москвѣ. П. Б.

Je suis encore bien faible, mais dans trois ou quatre jours je me mettrai en route pour Moscou. Je ne sais rien, Sire, de votre opinion à mon sujet. Vous n'avez pas daigné en dire un mot. Permettez moi de vous rappeler que tout a été sauvé, que 63,000 charrêtes ont été employées dans ce but, que Koutouzow m'écrivait jusqu'au 30 qu'il se battrait. Le 1-er septembre, quand j'allai le voir, il me répéta la même chose, en ajoutant: je me battrai même dans les rues. Je le quittai à une heure, et à huit du soir il m'envoya sa fameuse lettre pour me demander des guides. S'il m'avait dit deux jours avant, qu'il abandonnerait Moscou, j'y aurais mis le feu, après en avoir fait sortir les habitants. C'est pour cela que j'ai laissé tout mobilier dans mes deux maisons, pour avoir le droit de dire que j'ai fait un sacrifice plus grand que les autres. Moscou perdra Bonaparte, mais sa prise est une tache, et alors cela aurait été un motif de gloire. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Владимиръ, 13-го Октября 1812.

Государь! Должно быть, вамъ уже извѣстно, что это чудовище Бонапартъ съ его арміею ушелъ изъ Москвы, приказавъ взорвать Кремль. Онъ разрушилъ вашу столицу, но благодаря ей онъ разрушится. Я увѣренъ, что у него не свыше 50 тысячъ человѣкъ, такъ какъ подъ Бородинымъ ихъ было только 120 тыс. Тотъ день стоилъ ему 20 тысячъ плѣнныхъ; за тѣмъ надо полагать, что у него побито и померло по крайней мѣрѣ 10 тысячъ. Вамъ теперь предстоитъ уничтожить то, что̀ у него осталось и освободить Европу отъ его ига. Я уже отправилъ въ Москву Ивашкина и полицейскихъ офицеровъ; за ними послѣдуютъ драгуны, солдаты и пожарныя трубы. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы 1) предупредить разграбленіе того что̀ осталось, 2) перемѣрить какой найдется зерновой запасъ, 3) задержать людей, которые служили непріятелю или имѣли отъ него порученія.

Я еще очень слабъ, но дня черезъ три или четыре отправлюсь въ Москву. Ничего не знаю, Государь, каково ваше мнѣніе на мой счетъ. Вы не изволили мнѣ сказать о томъ ни слова. Позвольте мнѣ напомнить вамъ, что все было спасено, что для того потребовалось 63 тысячи телѣгъ, и до 30-го числа Кутузовъ писалъ мнѣ, что будутъ драться. Тоже повторилъ онъ мнѣ 1-го Сентября, когда я поѣхалъ повидаться съ нимъ, да еще прибавилъ: буду драться въ самыхъ улицахъ. Я оставилъ его въ часъ, а въ восемь часовъ вечера онъ прислалъ мнѣ свое знаменитое письмо съ просьбою о провожатыхъ. Скажи онъ мнѣ два дня раньше, что онъ оставитъ Москву, я бы выпроводилъ жителей и зажегъ ее *). Оттого-то я и оставилъ всю движимость въ обоихъ моихъ домахъ, получивъ тѣмъ право сказать, что моя жертва больше, чѣмъ другихъ. Москва погубитъ Бонапарта, но занятіе ея есть пятно; а тогда было бы чѣмъ хвалиться.

---

*) Тоже самое излагаетъ графъ Растопчинъ въ своей «Правдѣ о пожарѣ Москвы». П. Б.

26.

Moscou, 26 octobre 1812.

Sire!

Je suis arrivé ici avant-hier et je fus droit au Kreml, où on ne laissait entrer personne. Votre palais est brûlé. Le Sénat, le Musée, la maison de l'archévêque *), ainsi que les cathédrales, sont pillés et abîmés, ayant servi de logement aux gardes de Bonaparte. La moitié de l'Arsenal, deux tours et les petits clochers qui entourent le grand, ont sauté. Il y a eu cinq explosions, mais heureusement quelques mines n'ont pas pris feu, soit par l'affaissement des bâtimens, soit à cause de l'humidité des murs. Je fais faire la liste de tout ce que l'ennemi a laissé au Kreml, en canons, caissons, munitions, pontons et trains d'artillerie. L'étage supérieur d'Ivane-Vélikoy a quatre crevasses et paraît penché un peu de côté. Les cathédrales sont intactes.

La ville, consumée par un incendie, dont il n'y a pas d'exemple dans l'histoire, offre un spectacle horrible. Dans la note des maisons que je joins ici, il n'y en pas 700 qui peuvent en porter le nom. Les autres appartiennent aux faubourgs et sont même hors les barrières. Ce qui est resté est pillé et abîmé. D'après les renseignemens que j'ai, l'armée de Bonaparte était à peine forte de 50,000 hommes. Je joins ici plusieurs rapports qui peuvent faire juger des pertes énormes qu'a subi l'ennemi. Les troupes alliées étaient furieuses; les soldats francais irrités contre la garde qui vivait dans l'abondance, et la garde à son tour mécontente de ce qu'on voulait la payer en faux billets, qu'elle n'acceptait pas. Votre Majesté verra par le rapport de la police française qu'on ne pouvait pas arrêter l'incendie et le pillage.

Le secret du ballon a été bien gardé, la gondole et la charpente ayant été brûlées et disloquées par le bas-officier qui avait été chargé de cette besogne. Avec cela je tiens à l'idée que Lepick ne parviendra pas à faire marcher son ballon, faute de la résistance nécessaire des ressorts qui doivent faire mouvoir les ailes.

Tous les officiers et soldats disent que jamais Napoléon n'a été aussi furieux que pendant son séjour à Moscou. Il avait fait semblant de vouloir y passer l'hiver, mais voyant le dépérissement de l'armée et l'impossibilité d'attirer les habitants de la campagne aux marchés, il se décida à partir. Il voulait d'abord prendre les devants avec les gardes, mais les généraux vinrent le supplier de ne pas les abandonner, et que son génie seul pouvait les sauver. Il n'y a pas de ruse qu'il n'aye employé pour en imposer au peuple. Il avait fait courir le

*) Нынѣшній дворецъ возлѣ Чудова монастыря. П. Б.

bruit que Balachow était venu en secret traîter de la paix; après que c'était le grand-duc Constantin, envoyé pour le même objet. Et il faut observer que les derniers quinze jours de son séjour à Moscou il n'y avait pas 3,000 habitants dans la ville; à présent cela ne va pas même à 5,000. Il faisait sortir des corps de troupes par une porte et les faisait rentrer par la porte opposée. Il a promis en partant de revenir dans trois semaines.

Je supplie Votre Majesté de licencier la milice dernièrement levée; elle sera inutile pour le service et à charge aux gouvernements. Il voudrait mieux désigner le nombre de recrues et en former des régiments, que de garder dans les villages ces paysans, qui n'ont jamais été bien employés jusqu'à présent et n'ont servi qu'a faire des dégâts.

Je vais vous envoyer incessament les membres restants de la municipalité. Au nom du Ciel, faites les punir exemplairement. La guerre n'est pas finie, et votre clémence, qu'on prendra pour de la faiblesse, encouragera les gueux à servir contre la patrie et à vous trahir. Puisque 200,000 hommes ont trouvé le moyen de quitter la ville dans l'espace de 20 jours, pourquoi ces gens y sont-ils restés? Malgré les dénégations de Zagriatski, il s'est conduit comme un coquin et a été le valet de Caulaincourt.

Je crois, Sire, que Moscou ne se relevera jamais. L'attrait de la société n'existera plus pour la noblesse et l'appât du gain pour les marchands. D'ailleurs, on craindra pour l'année prochaine le retour de Bonaparte, surtout si on le laisse hiverner à Vilna; car le défunt maréchal Koutouzow ne demande pas mieux que de ne pas se battre, de commander et de vous tromper. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

Москва, 26 Октября 1812.

Государь! Я пріѣхалъ сюда третьяго дня и тотчасъ въ Кремль, куда не велѣно никого пускать. Дворецъ вашъ сгорѣлъ. Сенатъ, Оружейная палата, митрополичій домъ, какъ и соборы, ограблены и разорены; въ нихъ помѣщалась гвардія Бонапарта. Взорваны половина Арсенала, двѣ башни и двѣ малыя колокольни, по сторонамъ большой. Взрывовъ было пять; но по счастію нѣсколько проводовъ не загорѣлось вслѣдствіе рыхлости зданій или отъ сырости стѣнъ. По моему приказанію составляется перечень всего, оставленнаго въ Кремлѣ непріятелемъ, пушекъ, ящиковъ, амуниціи, понтоновъ и артилерійскаго обоза. Въ верхнемъ этажѣ Ивана Великаго четыре трещины, и онъ какъ будто наклонился на бокъ. Соборы цѣлы.

Послѣ пожара, какому нѣтъ примѣра въ исторіи, городъ представляетъ собою страшное зрѣлище. Въ прилагаемомъ спискѣ домовъ не насчитаешь и семи сотъ, которые могутъ назваться домами. Остальные въ предмѣстьяхъ и даже дальше заставъ. Чтò осталось, то

ограблено и раззорено. По моимъ свѣдѣніямъ, въ арміи Бонапарта было едва ли 50 тысячъ человѣкъ. Прилагаю здѣсь многія донесенія, по которымъ можно судить о страшныхъ потеряхъ, понесенныхъ непріятелемъ. Войска союзниковъ были въ ожесточеніи; Французскіе солдаты негодовали на гвардію, которая жила въ довольствѣ, а гвардія, въ свой чередъ, недовольна тѣмъ, что ей вздумали платить жалованье фальшивыми ассигнаціями, которыхъ она не принимала. По донесенію Французской полиціи Ваше Величество увидите, что не было возможности прекратить пожаръ и остановить грабежъ.

Тайна шара строго сохранена; лодка и лѣсà сожжены и разобраны унтеръ-офицеромъ, которому было поручено это дѣло. Впрочемъ я полагаю, что Леппиху не удалось бы привести шаръ въ движеніе, такъ какъ пружины, которыя должны были управлять крыльями, не имѣли достаточной упругости.

Всѣ офицеры и солдаты говорятъ, что никогда не видали Наполеона въ такомъ бѣшенствѣ какъ во время его бытности въ Москвѣ. Онъ прикидывался, будто намѣренъ провести въ ней зиму; но въ виду того, что армія его таяла, а привлечь на рынки жителей изъ деревень оказалось невозможнымъ, онъ рѣшился уйти. Сначала ему хотѣлось выступить впередъ съ гвардіею, но генералы умоляли его не покидать ихъ, такъ какъ спасеніе ихъ лишь въ его геніальности. Къ какимъ хитростямъ ни прибѣгалъ онъ, чтобы подѣйствовать внушительно на народъ! Онъ пропустилъ слухъ, будто Балашовъ тайно прибылъ къ нему для переговоровъ о мирѣ; затѣмъ, будто для того же присылаемъ былъ великій князь Константинъ. Надо замѣтить, что, за послѣднія двѣ недѣли его пребыванія въ Москвѣ, не оставалось въ городѣ и 3 тысячъ жителей; и теперь ихъ не будетъ 5 тысячъ. По его приказанію корпуса войскъ выступали изъ однихъ воротъ и потомъ входили назадъ съ противоположнаго конца. Уѣзжая, онъ обѣщалъ возвратиться черезъ три недѣли.

Умоляю Ваше Величество распустить ополченіе послѣдняго набора; оно будетъ безполезно для службы и въ тягость властямъ. Лучше бы назначить число рекрутъ и составить изъ нихъ полки, нежели держать по деревнямъ этихъ мужиковъ, отъ которыхъ ни разу не было еще пользы, и которые только все портили.

Я немедленно отправлю къ вамъ оставшихся членовъ муниципалитета. Ради Бога, прикажите наказать ихъ примѣрно. Война не кончена, и милосердіе ваше, которое примутъ за слабость, поощритъ негодяевъ къ дѣйствіямъ противъ отечества и къ измѣнѣ вамъ. Коль скоро 200.000 человѣкъ нашли возможность выѣхать въ теченіи 20 дней, за чѣмъ эти-то люди оставались въ городѣ? Загряжскій, какъ онъ ни оправдывайся, поступалъ мошеннически и былъ лакеемъ у Коленкура. Я думаю, Государь, что Москва никогда не возстанетъ. Дворяне не пріѣдутъ по неимѣнію общества, а для купцовъ не будетъ приманки наживы. Да кромѣ того, станутъ бояться возвращенія Бонапарта на будущій годъ, особливо если ему дадутъ перезимовать въ Вильнѣ; а покойникъ - фельдмаршалъ Кутузовъ только того и желаетъ, чтобы не сражаться, начальствовать и васъ обманывать.

27.

Moscou, 7 novembre 1812.

Sire!

J'ai l'honneur de vous envoyer ci-joint le procès du malheureux que Bonaparte a fait pendre pour détourner les soupçons que le feu a été mis par son ordre. Il est absurde de soutenir que ce sont les malfaiteurs délivrés par moi à dessein. Ces gens, au nombre de 620, ont été expédiés sous escorte, encore le 31 août, pour Nijni, où ils sont jusqu'à présent. Ayant dejà remis beacoup de choses en activité, j'espère achever le reste dans quinze jours, et aprés j'ose vous supplier de vouloir bien me permettre de venir à Pétersbourg au commencement de decembre. C'est votre gloire, le bien-être de l'Etat et la fidélité de vos sujets qui ont sauvé l'Empire: voilà les trois motifs qui rendent indispensable ce voyage. Daignez m'envoyer vos ordres. Un refus me rendra le plus malhereux de vos sujets, moi, qui n'a pas d'autre désir que de vous voir le plus heureux des souverains. De Votre Majesté le tout dévoué compte Rostopsin.

Москва, 7 Ноября 1812.

Государь! При семъ имѣю честь препроводить къ вамъ процессъ несчастнаго, котораго Бонапартъ велѣлъ повѣсить, дабы отклонить подозрѣніе въ томъ, что поджогъ былъ сдѣланъ по его приказанію. Нелѣпо утверждать, будто это преступники, нарочно мною выпущенные. Они, въ числѣ 620, были отправлены подъ прикрытіемъ еще 31 Августа въ Нижній, гдѣ до сихъ поръ находятся. Уже многое пущено мною въ ходъ; надѣюсь съ остальнымъ управиться недѣли въ двѣ, и послѣ того осмѣливаюсь просить васъ, благоволите мнѣ дозволить пріѣхать въ Петербургъ въ началѣ Декабря *). Ваша слава, благоденствіе государства и вѣрность вашихъ подданныхъ спасли Имперію: вотъ три побужденія, по которымъ поѣздка эта необходима. Удостойте прислать мнѣ ваши приказанія. Въ случаѣ отказа я буду несчастнѣйшимъ изъ вашихъ подданныхъ, я, не имѣющій другаго желанія какъ чтобы вы были счастливѣйшимъ изъ государей.

28.

Moscou, 18 novembre 1812.

Sire!

Recevez les félicitations d'un serviteur fidèle sur la gloire immortelle qui rejaillit sur votre règne par la destruction totale, et telle qu'il n'y en a pas d'exemple dans l'histoire, de ce formidable armement qui devait bouleverser votre Empire et courber l'Europe, déjà avilie, sous joug de l'ennemi du genre humain. Vous n'avez pas voulu en-

---

*) Въ началѣ Декабря 1812 г. Государь самъ уѣхалъ изъ Петербурга, и графъ Растопчинъ увидалъ его лишь въ 1816 году, передъ своимъ отъѣздомъ за границу. П. Б.

tendre parler de paix. Votre ancienne capitale c'est sacrifiée pour sauver la patrie, en prouvant aux yeux de l'univers que la Russie est invincible, et que votre constance héroique vous méritera le titre de sauveur de l'Europe.

La publication des derniers coups portés à l'armée des traîneurs français a répandu uné jòie folle. Les marchands se décident à rebâtir le plus vite possible, débarrassés de la crainte de Bonaparte. J'ai expédié tout de suite à Kazan un courrier avec quelques centaines de relations imprimées, pour les répandre partout sur la route. Demain je ferai chanter un Te-Deum, et on fera tirer les canons français restés au Kreml. Cela fera plaisir à tout le monde. L'archévêque Augustin est revenu hier du monastère de Troïtza où il était allé enterrer le métropolitain Platon, mort d'un coup d'apoplexie. Faites attention, Sire, que l'archevêque de Tchernigow Michel est un homme dévoué aux Martinistes, et qu'ils vont remuer Ciel et terre pour qu'il soit nommé au siège de Moscou. Un prêtre du couvent de l'Ascension a déclaré en mourant qu'il avait sauvé les reliques du Tzarévitsch Dimitry, et on va les replacer dans leur châsse.

J'ai eu le bonheur de recevoir le rescript de Votre Majesté Impériale; je l'ai fait imprimer, et il a été un beaume de consolation. Je fais l'impossible pour adoucir le sort de malheureux, en donnant en votre nom des secours pécuniaires proportionnés à l'état, à l'âge et aux pertes des plus pauvres. Je fais donner aussi des logements. Les habitants de la ville seront plus tôt à l'abri de la misère, que les gens de la campagne, dont les villages sont brûlés en entier. Je ne saurai assez me louer du zèle et de l'activité du gouverneur Obreskow.

La ville de Moseou doit être rebâtie; il faut qu'elle renaisse de ses cendres et que le tableau mémorable de sa descruction ne reste que dans la mémoire des témoins de son désastre. Pour vous intéresser en sa faveur, permettez, Sire, de vous rappeller votre dernier séjour ici, les circonstances et les preuves que toutes les classes ont donné de leur attachement pour votre personne. Que Pétersbourg soit l'endroit de votre séjour, mais que Moscou soit la ville de votre coeur. Elle le mérite; car, en vénérant l'Empereur, elle adore Alexandre. Si vous donnez vos ordres afin que pour l'automne les bâtiments du Kreml soient réparés, que le Sénat y revienne siéger, et que les établissemens publics soient ouverts de nouveau, voilà tout ce qu'il faut. Je sais qu'on a des projets de vendre des bois, d'en fournir; mais les

plus pauvres seront ceux qui n'en profiteront pas. J'aurai l'honneur de communiquer à Votre Majesté que Valouyew a baissé sensiblement, et souvent ne sait ce qu'il dit. Pour économiser sur les dépenses de bâtimens il y a le prince Michel Tzitzianow, dont le zèle et l'integrité sont connus. Il a même perdu sa place, parce que c'est un homme d'honneur.

Les Martinistes travaillent déjà pour sauver quelques-uns des leurs, qui ont servi les Francais. J'ai appris aussi que le comte Panine, qui est ici depuis deux jours, est en grande liaison avec m-r Armfeld, et a cherché une occasion pour lui faire parvenir une lettre. Le compte Panine, pendant son séjour à Nijni, fáisait entendre que vous aviez ordonné de livrer Moscou. Un autre m-r dont la langue s'est émancipée, est le fils du senateur Rounitsch, qui a rémplacé Klutcharow à la poste.

Maintenant, Sire, si vous voulez bien vous en rappeler, vous trouverez que j'avais raison de vous dire au mois de juin, qui vous serez toujours Empereur de Russie, même à Irkoutsck. Vous voilâ le héros de l'Europe! Et Bonaparte, ce grand conquérant, qui a illustré mon nom par sa haine, que lui dira son Sénat? (en cas q'il retourne par hasard à Paris). Pauvre sire, et voilà tout! De Votre Majesté le tout dévoué compte Rostopsin.

Москва, 18 Ноября 1812.

Государь! Примите поздравленіе вѣрнаго подданнаго съ безсмертною славою, озарившею ваше царствованіе, благодаря окончательному и безпримѣрному въ исторіи сокрушенію того страшнаго ополченія, которое имѣло цѣлью потрясти вашу имперію и подчинить уже согбенную Европу игу врага человѣческаго рода. Вы не пожелали говорить о мирѣ. Ваша древняя столица принесла себя въ жертву для спасенія отечества и очевидно доказала вселенной, что Россія непобѣдима и что вашимъ героическимъ постоянствомъ вы снискали себѣ титло спасителя Европы.

Оглашеніе извѣстій о послѣднихъ ударахъ, нанесенныхъ остаткамъ Французской арміи, произвело беззавѣтную радость. Купечество перестало опасаться Бонапарта и рѣшилось какъ можно скорѣе вновь строиться. Я тотчасъ отправилъ курьера въ Казань съ нѣсколькими сотнями печатныхъ реляцій для распространенія ихъ повсюду на пути. Завтра велю отпѣть благодарственный молебенъ и стрѣлять изъ оставленныхъ въ Кремлѣ Французскихъ пушекъ. Это будетъ всѣмъ на радость. Архіепископъ Августинъ возвратился вчера изъ Троицкаго монастыря, куда онъ ѣздилъ на погребеніе митрополита Платона, скончавшагося отъ апоплексическаго удара. Обратите вниманіе, Государь, что Черниговскій архіепископъ Михаилъ преданъ Мартинистамъ и что они всячески будутъ стараться, чтобъ онъ былъ назначенъ на Московскую каѳедру. Одинъ священникъ Вознесенскаго монастыря передъ смертью объявилъ, что имъ спасены мощи царевича Димитрія; ихъ положатъ вновь въ ихъ раку....

Я имѣлъ счастіе получить рескриптъ вашего императорскаго величества. Я велѣлъ его напечатать, и онъ былъ бальзамомъ утѣшенія. Я изо всѣхъ силъ стараюсь облегчить участь несчастныхъ, раздавая бѣднѣйшимъ людямъ отъ вашего имени денежную помощь соотвѣтственно состоянію, возрасту и понесеннымъ утратамъ. Я приказываю также отводить помѣщенія. Городскіе жители скорѣе будутъ обезпечены отъ нищеты, нежели сельчане, у которыхъ вмѣсто жилищъ сплошныя пожарища. Не могу довольно нахвалиться усердіемъ и дѣятельностью губернатора Обрѣзкова.

Городъ Москва долженъ вновь выстроиться. Надо, чтобъ онъ возродился изъ своего пепла, и чтобъ достопамятная картина его разрушенія осталась лишь въ памяти тѣхъ, которые были очевидцами его бѣдствія. Чтобы расположить васъ въ его пользу, позвольте, Государь, напомнить вамъ о вашемъ послѣднемъ здѣшнемъ пребываніи о тогдашнихъ обстоятельствахъ и доказательствахъ приверженности къ вашей особѣ во всѣхъ сословіяхъ. Петербургъ да будетъ мѣстомъ вашего жительства, но Москва—городомъ вашего сердца. Она того заслуживаетъ: ибо, чтя императора, обожаетъ Александра. Отдайте приказаніе, чтобы къ осени Кремлевскія зданія были починены, Сенатъ по прежнему засѣдалъ въ Кремлѣ и чтобы вновь открылись общественныя учрежденія: вотъ и все что̀ нужно. Я знаю, что имѣется въ виду продавать лѣсъ, раздавать его; но бѣднѣйшіе люди этимъ не воспользуются. Буду имѣть честь сообщить вашему величеству, что Валуевъ значительно опустился и часто не знаетъ, что̀ говоритъ. Чтобы постройки были сдѣланы съ меньшими издержками, на это есть князь Михаилъ Циціановъ, котораго усердіе и неподкупность извѣстны. Онъ и мѣсто свое потерялъ, потому что человѣкъ честный.

Мартинисты уже хлопочатъ, чтобы спасти нѣкоторыхъ изъ нихъ, служившихъ Французамъ. Я узналъ также, что находящійся здѣсь уже два дня графъ Панинъ находится въ большой связи съ г—мъ Армфельдомъ и искалъ случая доставить ему письмо. Находясь въ Нижнемъ, графъ Панинъ намекалъ, будто вы приказали сдать Москву. Другой господинъ, начавшій давать волю языку своему, есть сынъ сенатора Рунича, который замѣстилъ на почтѣ Ключарева.

Теперь, Государь, если благоволите припомнить, вы согласитесь, что я былъ правъ, когда въ Іюнѣ мѣсяцѣ говорилъ вамъ, что вы всегда будете императоромъ Русскимъ, даже въ Иркутскѣ. Теперь вы герой Европы; а Бонапартъ, этотъ великій завоеватель, прославившій своею ненавистью мое имя, что̀ услышитъ отъ своего Сената? (въ случаѣ, если ему доведется возвратиться въ Парижъ). Несчастный государь, вотъ и все!

29.

Moscou, le 2 décembre 1812.

Sire!

Permettez-moi, avant de m'avouer coupable vis-à-vis de vous et de moi-même, que je vous fasse le récit de la fin de ce misérable Vérestchaguine.

Les criminels de la grande prison ayant été envoyés avec une escorte le 29 et 30 d'août à Nijni, Vérestchaguine et un français nommé Mouton, qui avaient prêché la révolte et avaient été condamnés par le tribunal criminel à subir la peine du knoutt, étaient restés dans une prison appelée Yama. Le 2 septembre, jour où on abandonna Moscou, je fis amener Vérestchaguine et Mouton dans ma cour, et au moment où je montais à cheval pour quitter ma maison, je reprochai à Vérestchaguine son crime et je le fis sabrer par mes ordonnances. Après je dis à Mouton, qui s'attendait à une fin pareille: Allez dire à Napoléon, que ce misérable qui vient de périr, est le seul individu de la ville de Moscou qui ait été ingrat envers son Maître. Je dis au peuple de laisser passer Mouton, et il se sauva.

Vérestchaguine était un scélérat par inclination et par principe. Le Sénat à l'unanimité l'avait condamné au dernier supplice, et il a reçu la punition de son crime au moment où l'ennemi implacable de ma patrie faisait son entrée dans la capitale de votre Empire. Je me suis éloigné de ma maison et sorti de la ville à quatre heures et demi; j'appris que la populace traîna par les rues le cadavre de Vérestchaguine, en criant: voilà le traître qui a trahi notre Père, l'empereur Alexandre.

Je suis au désespoir que cet évènement m'ait exposé au malheur de mériter de la part de mon Maître l'unique reproche sur ma conduite en cette occasion. Ma façon de penser est connue par Votre Majesté. Je ne me fais aucun mérite du zèle, de l'énergie et de l'activité que j'ai déployés en vous servant, car je ne faisais que remplir mon devoir; mais je ne vous cacherai pas, Sire, que le malheur, qui semblait attaché à votre destin, a réveillé le sentiment d'amitié, dont mon coeur était plein jadis pour vous. Voilà ce qui m'a donné des forces surnaturelles pour surmonter les obstacles sans nombre que les évènements faisaient naître chaque jour. Moscou est restée tranquille. En y entrant, l'ennemi a trouvé la famine, en la quittant sa propre destruction. De tout temps je n'ai ambitionné que votre confiance; j'en ai été revêtu, et j'ai sauvé l'Empire. Connaissant votre bonté, malgré que

j'ai eu le malheur de vous déplaire, je demeure persuadé que je possède votre estime: car Bonaparte m'honore de sa haine.

En attendant les canons, je fais travailler les architectes d'ici au projet du monument qui rappellera sans cesse la gloire de votre règne, la force de votre Empire et la fidélité de vos sujets. J'aurai le bonheur de soumettre ces projets à Votre Majesté. Mon idée est qu'il ne faut pas fondre les canons, mais en faire une colonne ou une pyramide.

Les maladies dont j'ai fait mention dans mes rapports précédents, par suite de l'entassement des habitants dans les maisons restent, et par les eaux gâtées par les corps des morts qu'on a jetés dans les étangs et les puits, ont jeté de l'inquiétude dans la population. Les secours sont portés, et les mesures nécessaires sont prises. Sur le nombre des malades il en meurt peu, et comme je ne suis pas porté à métamorphoser une fièvre en peste, je dis que ces maladies ne sont pas même épidémiques.

Les corps abandonnés sur le champ de bataille de Borodino sont réduits en cendre par 3,000 hommes, employés constament à cet ouvrage. On a déjà brùlé et enseveli 40,000 chevaux crévés, qui se trouvent au même endroit. Dans les districts on s'occupe de même à faire disparaître les cadavres. A Moscou on brûle journellement de 200 à 300 corps d'hommes et une centaine de chevaux. D'après cela Votre Majesté ne doit avoir aucune crainte pour le printemps.

La fin du rescript par lequel vous daignez me confier le soin des pauvres, a été interprêté de manière que beaucoup de personnes ont crû avoir le droit de me demander des dédomagements pour tout ce qu'elles avaient perdu par le séjour des Français, et tous vos revenus ne suffiraient pas pour solder la moitié des prétentions. Entre autres une dame a porté en ligne de comte 380 r. pour des serins brùlés. Les pauvres véritables sont placés dans des maisons de charité; quelques-uns d'entre eux restent dans leur asile et reçoivent selon leur état, les uns 25 copecs et d'autres 15 par jour.

J'ai vu avec peine, pas une lettre du général Viazmitinow, qu'il a porté le contenu d'une des miennes à votre connaissance, en forme de plainte contre Valouyew, tandis que je voulais seulement l'informer des signes de folie que donne ce malheureux pécheur. Il est cause des bruits qui ont couru sur l'apparition de la peste à Moscou, et dernièrement encore il se disputait avec l'archévêque Augustin, soutenant que lui, Valouyew, avait le droit d'oindre les souverains de Russie à leur couronnement.

Je fais des vœux ardents pour le succès de votre voyage et pour que la Vistule devienne la frontière de la Russie, sous votre règne glorieux. Veuillez agréer mes félicitations au sujet du comte Vittgenstein. Ce général terrasse, tandis que Koutouzow ramasse. Le premier ira un jour de pair avec Souvorow, et le second a déjà dépassé Cagliostro et Pinetti.

J'ai un pressentiment que feu grand homme Napoléon ne régnera pas longtemps, et que la folle nation française détruira son propre ouvrage.

Ordonnez, Sire, que l'on mette moins de précipitation et plus d'ordre dans les réquisitions que l'on fait dans les gouvernements par ordres du maréchal. Les uns donnent l'impossible, les autres rien. Et on obéit à la vilaine signature de Koutouzow, comme si c'était la vôtre.

Demain les séances de la commission commencent. J'espère qu'il ne sortira aucun acte d'injustice de notre tribunal et je présume que sur le grand nombre de détenus à peine s'il se trouvera quatre ou cinq des coupables de trahison préméditée. Les autres sont ou des imbéciles, ou des fripons, ou des enrôlés par force. De Votre Majesté le tout dévoué comte Rostopsin.

(Copié de ma main sur l'original, Pétersbourg, ce 15 avril 1889. Comte André Rostoptchine).

Москва, 2 Декабря 1812.

Государь! Прежде чѣмъ признать мнѣ себя виновнымъ передъ вами и передъ самимъ собою, позвольте разсказать вамъ про конецъ этого негоднаго Верещагина.

Преступники изъ большой тюрьмы были отправлены 29 и 30 Августа въ Нижній подъ охраною, а Верещагинъ и Французъ Мутонъ, взывавшіе къ мятежу и приговоренные уголовнымъ судомъ къ наказанію кнутомъ, оставались въ тюрьмѣ, которая называется Ямою. 2 Сентября, въ день оставленія Москвы, я велѣлъ привести Верещагина и Мутона къ себѣ на дворъ и, садясь на лошадь, чтобы покинуть мой домъ, я попрекнулъ Верещагина его преступленіемъ и приказалъ моимъ полицейскимъ рубить его саблями. Потомъ я сказалъ Мутону, ожидавшему такого же конца: Поди, скажи Наполеону, что этотъ погибающій негодяй—одинъ во всемъ городѣ Москвѣ оказался неблагодарнымъ своему Государю. Я велѣлъ народу пропустить Мутона, и онъ спасся.

Верещагинъ былъ злодѣй по наклонности и по замыслу. Сенатъ осудилъ его единогласно на крайнюю казнь, и онъ принялъ наказаніе

за свое преступленіе въ ту минуту, когда неумолимый врагъ моего отечества вступалъ въ столицу вашей Имперіи. Я удалился изъ моего дома и выѣхалъ изъ города въ половинѣ пятаго часа. Я узналъ, что чернь волочила по улицамъ трупъ Верещагина съ криками: вотъ злодѣй, измѣнившій отцу нашему императору Александру.

Я въ отчаяніи отъ того, что это событіе подвергло меня несчастію заслужить отъ моего повелителя единственный упрекъ моимъ дѣйствіямъ въ этомъ случаѣ. Образъ моихъ мыслей извѣстенъ вашему величеству. Не ставлю себѣ въ заслугу усердія, настойчивости и дѣятельности, проявленныхъ мною на службѣ вамъ, такъ какъ я только исполнялъ мой долгъ; но не скрою отъ васъ, Государь, что несчастіе, съ которымъ повидимому сопрягалась судьба ваша, вызвало вновь чувство дружбы, нѣкогда наполнявшее мнѣ душу въ отношеніи къ вамъ. Вотъ что дало мнѣ сверхъестественныя силы для преодолѣнія безчисленныхъ препятствій, которые ежедневно порождались ходомъ событій. Москва оставалась спокойною. Вступя въ нее, непріятель былъ встрѣченъ голодомъ; покидая ее, онъ уже самъ гибнулъ. Во всѣ времена мое честолюбіе состояло лишь въ томъ, чтобы снискать вашу довѣренность; я былъ ею облеченъ и спасъ Имперію. Знаю вашу доброту и хотя имѣлъ несчастіе не угодить вамъ, остаюсь въ убѣжденіи, что пользуюсь вашимъ уваженіемъ, такъ какъ Бонапартъ удостоиваетъ меня своей ненавистью.

Въ ожиданіи пушекъ, я заказалъ здѣшнимъ архитекторамъ начертить памятникъ, который бы непрестанно свидѣтельствовалъ о славѣ вашего царствованія, о силѣ вашей имперіи и о вѣрности вашихъ подданныхъ. Буду имѣть счастіе преподнести вашему величеству эти проекты. По моему, не слѣдуетъ переливать пушки, а сдѣлать изъ нихъ колонну или пирамиду.

Болѣзни, о которыхъ я упоминалъ въ моихъ предыдущихъ донесеніяхъ, не прекращаются вслѣдствіе скопленія жителей въ домахъ, и потому, что вода испорчена отъ мертвыхъ тѣлъ, которыя бросались въ пруды и колодцы. Населеніе отъ этого въ тревогѣ. Помощь оказывается, и необходимыя мѣры приняты. По числу больныхъ умираетъ немного и, не будучи охотникомъ превращать лихорадку въ чуму, я утверждаю, что эти болѣзни даже не прилипчивы.

Тѣла, оставшіяся на поляхъ Бородинскаго сраженія, сжигаются, чѣмъ постоянно занято 3 тысячи человѣкъ. Сожжено и зарыто 40 тысячъ дохлыхъ лошадей, тамъ же находившихся. По уѣздамъ также убираются трупы. Въ Москвѣ ежедневно жгутъ отъ 200 до 300 человѣческихъ труповъ и по сотнѣ лошадиныхъ. И такъ вашему величеству нечего опасаться весны.

Послѣднія слова рескрипта, которымъ вы благоволили довѣрить мнѣ попеченіе о бѣдныхъ, были истолкованы такъ, что многія лица

сочли себя въ правѣ просить вознагражденія за все, чего они лишились вслѣдствіе пребыванія Французовъ, и всѣхъ вашихъ доходовъ не достанетъ на удовлетвореніе и половины этихъ притязаній. Между прочимъ одна барыня поставила въ счетъ 380 рублей за сгорѣвшихъ у нея канареекъ. Настоящіе бѣдняки помѣщены въ богадѣльняхъ; нѣкоторые изъ нихъ остаются въ своихъ убѣжищахъ и получаютъ, глядя по ихъ званію, иные по 25, другіе по 15 копѣекъ въ день.

Мнѣ было досадно узнать изъ письма генерала Вязмитинова, что онъ довелъ до свѣдѣнія вашего одно изъ моихъ къ нему писемъ, такъ какъ будто я жалуюсь на Валуева; между тѣмъ я хотѣлъ только увѣдомить его, что этотъ несчастный грѣшникъ обнаруживаетъ признаки умопомѣшательства. Отъ него распространились слухи, якобы въ Москвѣ появилась чума, и недавно еще онъ спорилъ съ архіепископомъ Августиномъ, увѣряя, что онъ, Валуевъ, имѣетъ право миропомазывать Русскихъ государей при ихъ короновании.

Горячо желаю успѣха вашей поѣздкѣ; да будетъ въ ваше славное царствованіе границею Россіи Висла. Благоволите принять мое поздравленіе по поводу графа Витгенштейна. Этотъ генералъ разитъ, тогда какъ Кутузовъ накопляетъ. Первый станетъ со временемъ на равнѣ съ Суворовымъ, а второй уже превзошелъ Каліостро и Пинетти.

Я предчувствую, что покойный великій человѣкъ Наполеонъ процарствуетъ не долго, и безумный Французскій народъ разрушитъ собственное созиданіе.

Повелите, Государь, чтобы при сборахъ съ губерній, производимыхъ по приказамъ фельдмаршала, было по менѣе торопливости и по больше порядка. Однихъ обременяютъ до невозможности, съ другихъ не берутъ ничего, и гнусной подписи Кутузова подчиняются, какъ будто она была ваша.

Завтра начнутся засѣданія коммиссіи. Надѣюсь, что изъ нашего судилища не выйдетъ ни одного несправедливаго рѣшенія, и полагаю, что въ большомъ количествѣ задержанныхъ не окажется свыше четырехъ или пяти виновныхъ въ умышленной измѣнѣ. Остальные дѣйствовали по глупости, или изъ плутовства, либо записывались по неволѣ.

(Списано съ подлинниковъ моею рукою. Петербургъ, 15 Апрѣля 1889. Графъ Андрей Растопчинъ).

Это письмо императоръ Александръ получилъ уже въ Вильнѣ, и оно безъ сомнѣнія было вызвано навѣтами ка графа Растопчина по поводу неизвѣстно кѣмъ поднятой вновь исторіи о Верещагинѣ. Исторія эта требуетъ еще ближайшаго разбора; но и теперь очевидно, что она служила только предлогомъ для враговъ графа

Растопчина (которыхъ не могло не быть у него въ избыткѣ), чтобы придраться къ нему. Кстати замѣть, что одинъ изъ современниковъ, адъютантъ Барклая де-Толли, именно графъ Закревскій, когда начали появляться въ печати статьи о Верещагинѣ отрицалъ виновность графа Растопчина въ его гибели *).

*

Письма графа Растопчина къ императору Александру Павловичу представляютъ собою драгоцѣннѣйшее достояніе нашей исторіографіи. Они чрезвычайно важны во многихъ отношеніяхъ, и даже для психолога содержатъ въ себѣ немало любопытныхъ чертъ и указаній. Можно сказать, что никогда и нигдѣ подданный такъ не писывалъ къ своему государю. Развѣ только Талейранъ въ 1815 году, въ этомъ смыслѣ, и то въ самой слабой степени, можетъ быть приравненъ къ графу Ѳедору Васильевичу. Многостороннимъ умомъ, даровитостью и пылкостью отличаются вообще Растопчинскія письма. Покойный князь П. А. Вяземскій, по выходѣ въ свѣтъ писемъ графа Растопчина къ графу С. Р. Воронцову (въ VIII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова"), отзывался намъ, что эти письма просто жгутся: читая ихъ, точно будто ступаешь по разожженной землѣ. Въ данномъ случаѣ сама эпоха и положеніе писавшаго воспаляли его до чрезвычайности, такъ что надо удивляться, напротивъ, сравнительной трезвости, которую графъ Растопчинъ сохранялъ въ необычайныхъ заботахъ и трудахъ своихъ. Для вѣрной оцѣнки его писемъ къ Александру Павловичу надо имѣть въ виду личныя ихъ отношенія. Будучи много старше Государя лѣтами, онъ зналъ его съ малолѣтняго его возраста и въ особенности близко его изучилъ въ четырехлѣтнее Павловское царствованіе, когда, по замѣчанію графа Растопчина (уже въ концѣ жизни), бывали случаи, что не только одного слова его, но одного намёка достаточно было, чтобы Александръ Павловичъ не нашелъ себѣ мѣста въ цѣлой Россіи. Подобныя отношенія никогда вполнѣ не забываются, и въ 1812 году они только скрылись въ сердечныхъ тайникахъ. Можно навѣрное сказать, что въ 1812 году получить письмо отъ графа Растопчина иной разъ было Александру Павловичу тяжелѣе, нежели узнать о новой неудачѣ военныхъ дѣйствій. Обоихъ, и князя Кутузова, и графа Растопчина, Александръ Павловичъ терпѣлъ лишь по крайней необходимости, и въ этомъ отношеніи историкъ долженъ воздать хвалу его самообладанію и правительственной мудрости. Если Растопчинъ чернилъ Кутузова, то за одно съ Вильсономъ, Бенигсеномъ и Барклаемъ. Читателю кажутся непрошенными и назойливыми рѣзкіе отзывы Растопчина о дѣлахъ, которыя, по видимому, до него прямо не касались; но мы должны вспомнить, что съ Марта мѣсяца 1812 года Растопчинъ назначенъ былъ „со-

*) Слышано отъ Бориса Сергѣевича Шереметева, которому именно такъ отзывался графъ Закревскій. П. Б.

стоять при особѣ Государя" *), а позднѣе завѣдывать наборомъ ополченій не въ одной только Московской губерніи; помѣщеннымъ же выше письмомъ отъ 5 Сентября Государь просилъ его сообщать извѣстія вообще о томъ что̀ дѣлалось. Если Растопчинъ самъ про себя выразился, что онъ спасъ Имперію, то подобное же выраженіе встрѣчаемъ и у Барклая; Кутузовъ помалчивалъ, но слишкомъ ясно давалъ о томъ чувствовать. Вообще тогдашняя эпоха, не смотря на множество обнародованныхъ свѣдѣній, до сихъ поръ не довольно изучена, и важнѣйшія бумаги лишь недавно стали выходить на свѣтъ Божій, такъ что, если бы графъ Л. Н. Толстой писалъ „Войну и Миръ" въ нынѣшнее время, то, не смотря на всю неохоту свою вникать въ историческія свидѣтельства, онъ изобразилъ бы и Кутузова, и Растопчина въ иномъ видѣ. Между тѣмъ большинство читающаго люда, увлеченное изложеніемъ художника, продолжаетъ судить о великой эпохѣ вкривь и вкозь. Даже такіе люди, какъ покойный А. Н. Поповъ, въ превосходномъ своемъ трудѣ, поддался отчасти обаянію, производимому романомъ графа Толстаго, который изобразилъ графа Растопчина какимъ-то комедіантомъ.

Письма графа Растопчина къ императору Александру Павловичу были неизвѣстны обоимъ историкамъ Отечественной войны, Михайловскому-Даниловскому и Богдановичу. А. Н. Поповъ читалъ ихъ въ рукописи, но привелъ изъ нихъ лишь выдержки и недовольно изучилъ ихъ. Вѣроятно, проживи онъ долѣе, то при дальнѣйшей обработкѣ лучше бы воспользовался ихъ содержаніемъ какъ для оцѣнки событій, такъ и для болѣе живаго изложенія подробностей.

Конечно, графъ Растопчинъ писалъ прямо на бѣло, не имѣя ни привычки, ни времени писать сначала черновыя письма. За два года до своей кончины, будучи не у дѣлъ, издалъ онъ въ Парижѣ свою „Правду о пожарѣ Москвы", и около того же времени написалъ свои Записки о 1812 годѣ. Оба эти сочиненія нисколько не противорѣчатъ нынѣ изданнымъ современнымъ письмамъ; разницу можно отыскать лишь въ самыхъ мелочахъ.

Записки графа Растопчина изданы въ Русскомъ переводѣ г-на Ореуса „Русскою Стариною" (1889, кн. 12). Читатели вѣроятно замѣтили, что этотъ переводъ во многомъ разнится съ отрывками перевода Записокъ, сдѣланными покойнымъ А. Н. Поповымъ въ его извѣстномъ трудѣ о 1812 годѣ („Русскій Архивъ" 1875, 1876 и 1892 гг.). Французскій подлинникъ Записокъ былъ приготовленъ къ изданію сыномъ графа Растопчина, графомъ Андреемъ Ѳедоровичемъ; но это изданіе не состоялось, благодаря самопроизвольному напечатанію Русскаго перевода и тяжбѣ, начавшейся между покойнымъ М. И. Семевскимъ и собственникомъ рукописи. (Французскій книгопродавецъ отказался отъ изданія, такъ какъ оно уже не имѣло бы значенія новизны).

Нельзя не пожелать, чтобы появилось отдѣльною книгою все что̀ писалъ о великой эпохѣ одинъ изъ главныхъ ея дѣятелей. П. Б.

---

*) Какъ въ наши дни М. А. Офросимовъ по увольненіи отъ должности Московскаго енералъ-губернатора. П. Б.

П. Д. ГОЛОХВАСТОВЪ.

4 Іюня сего года въ Москвѣ скончался одинъ изъ лучшихъ людей земли Русской, *Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ*, старшій сынъ бывшаго попечителя Московскаго Учебнаго Округа Дмитрія Павловича Голохвастова и Надежды Дмитріевны Новосильцовой. Онъ родился въ Москвѣ, 6 Февраля 1839 года. Получивъ отличное домашнее воспитаніе, онъ, по слѣдамъ отца своего, съ раннихъ лѣтъ занимался древнею Русскою исторіей, и въ особенности смутнымъ временемъ. Немногимъ у насъ былъ такъ хорошо знакомъ древній Русскій бытъ, Русская рѣчь, Русскій пѣсенный стихъ, какъ покойному Павлу Дмитріевичу. Въ свои изслѣдованія вносилъ онъ близкое знакомство съ Европейскими языками и широту взгляда. Бесѣды его о Русской исторіи отличались необыкновенною художественностью и свѣжестью выводовъ. Онъ оставилъ по себѣ (большею частью въ рукописяхъ) обширныя работы, между прочимъ о земскихъ соборахъ, и въ наши дни, въ министерство графа Н. П. Игнатьева, много трудился по этому предмету для готовившагося тогда земскаго собора. Въ изданіяхъ И. С. Аксакова и въ «Русскомъ Архивѣ» помѣщено немало статей П. Д. Голохвастова. Безпристрастной критикѣ предлежитъ ихъ оцѣнка; но какъ оцѣнить утрату, понесенную въ немъ его друзьями? Это былъ человѣкъ стальной твердости и необычайно-отзывчиваго сердца. Служа мировымъ судьею Звѣнигородскаго уѣзда, заслужилъ онъ любовь и уваженіе цѣлой округи. Потомъ обстоятельства перевели его въ Арзамасскій уѣздъ, гдѣ онъ управлялъ Ташинскимъ желѣзнымъ заводомъ, и мѣстное населеніе никогда его не позабудетъ. Такихъ Русскихъ людей, какъ П. Д. Голохвастовъ, на рѣдкость. Его любили и заслушивались лица всякихъ положеній и возрастовъ. Искренняя, глубокая вѣра въ Россію такъ и лилась изъ вѣщихъ устъ его. Оттого-то такъ многолюдны были его похороны въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Память его праведна. Съ признательностію и сердечнымъ горемъ долго и долго будетъ произноситься свѣтлое имя П. Д. Голохвастова, всѣми кто сколько нибудь зналъ его. **П. Бартеневъ.**

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДАТСКАГО ПОСЛАННИКА ЮСТА ЮЛЯ *).

Съ Датскаго неизданнаго подлинника.

25-го Апрѣля 1710. Утромъ, пользуясь хорошимъ вѣтромъ, Царь катался на своемъ буерѣ, вернулся послѣ полудня и остался на суднѣ, чтобы повеселиться. Тутъ я съѣздилъ къ нему. Его величество тотчасъ же заставилъ меня выпить, по случаю моего благополучнаго прибытія, четыре большихъ пивныхъ стакана крѣпкихъ горячительныхъ винъ, отъ каковыхъ я не могъ отмолиться ни просьбами, ни хныканьемъ, ни сѣтованіями. На Царя находитъ иногда такой стихъ, что онъ принуждаетъ людей пить черезъ край, и во что̀ бы ни стало. Хоть я и чувствовалъ, что вино не пойдетъ мнѣ въ прокъ, однако, по всегдашнему, долженъ былъ подчиниться. Впрочемъ, если, живя въ Россіи, избѣгать собраній, гдѣ пьютъ, то нельзя привести къ окончанію ни одного важнаго дѣла; ибо всѣ серіознѣйшіе вопросы рѣшаются за попойками.

28-о Апрѣля. Девять фрегатовъ, назначенные предстоящимъ лѣтомъ къ морскому плаванію, выйдя изъ гавани, расположенной между крѣпостью и Кронверкомъ, встали на якорь ниже по теченію Невы. Главное начальствованіе надъ ними предоставлено вице-адмиралу Корнеліусу Крейцу. Суда эти на форстеньгѣ несутъ трехполосный бѣло-голубо-красный вымпелъ. Гюйсъ у нихъ красный съ голубымъ Андреевскимъ крестомъ изъ угла въ уголъ; на крестѣ этомъ, отороченномъ бѣлою каймою, пересѣкается по вертикальной и горизонтальной линіямъ другой узкій бѣлый крестъ. Крестъ такимъ образомъ выходитъ двойной, состоящій изъ голубаго по діагоналямъ, и бѣлаго на крестъ. Флагъ голубаго цвѣта имѣетъ на верху у флагштока бѣлое четвероугольное поле съ голубымъ Андреевскимъ крестомъ.

29-го Апрѣля. Изъ гавани Кронверка вышли также шнявы ти̂па Шведскихъ бригантинъ, предводимыя своимъ шаутбенахтомъ, Царемъ,

---

*) См. выше стр. 35.

и расположились въ порядкѣ на рѣкѣ. Ихъ вымпела, поднятые на форстеньгѣ, и гюйсы, такіе же какъ на фрегатахъ; флаги же—красные съ бѣлымъ четвероугольнымъ полемъ у флагштока и съ голубымъ Андреевскимъ крестомъ въ этомъ полѣ.

За послѣднее время, Русскіе ежедневно посылали на взморье посмотрѣть, не вскрылся ли ледъ, и жили въ постоянномъ страхѣ, какъ бы не начался ледоходъ изъ Ладожскаго озера; ибо обыкновенно, дней чрезъ 10 или 12 по вскрытіи Невы подъ Петербургомъ и освобожденіи ея отъ льда, вскрывается въ свою очередь прѣсноводное Ладожское озеро, ледъ котораго, спускаясь въ большомъ количествѣ по рѣкѣ, снова запираетъ ее, при чемъ суда подвергаются большой опасности. Этимъ временемъ выходъ въ море бываетъ запертъ. Нерѣдко, Ладожскій ледъ унесло уже въ Финскій заливъ, а вѣтеръ прогоняетъ его обратно въ гавань, и судоходство снова на время прекращается; въ концѣ концовъ ледъ, разумѣется, таетъ и исчезаетъ.

30-го Апрѣля. Вышелъ изъ гавани шаутбенахтъ графъ Jean de Bouzy со своими пятью 32-хъ весельными галерами. Флюгарки и флаги на нихъ двухкосичные, подобные Датскимъ. Флюгарки небольшихъ размѣровъ, короткія, краснаго цвѣта. Флаги тоже красные, но съ бѣлымъ полемъ, и на немъ голубой Андреевскій крестъ.

Хотя, какъ можно усмотрѣть изъ вышеприведенной росписи, царскій флотъ еще не великъ и не представляетъ даже доброй эскадры, но Царь, въ подражаніе Англичанамъ, раздѣлилъ его на три отряда: на corps de bataille, авангардъ и аріергардъ. Первымъ командуетъ адмиралъ (когда онъ на флотѣ), вторымъ—вице-адмиралъ К. Крейцъ, третьимъ—шаутбенахтъ Царь. Corps de bataille имѣетъ бѣлый флагъ съ маленькимъ голубымъ Андреевскимъ крестомъ наверху у флагштока, авангардъ—голубой флагъ, подобный описанному подъ 28 Апрѣля, аріергардъ—красный флагъ съ голубымъ Андреевскимъ крестомъ, тоже подобный описанному выше. Гюйсы и вымпела у всѣхъ трехъ эскадръ одинаковые. Царскій гюйсъ, красный съ двойнымъ крестомъ, очень похожъ на Англійскій, называемый Jocqu.

Какъ извѣстно, Англичане считаютъ себя хозяевами четырехъ морей. Чтобъ походить на нихъ и въ этомъ, Царь завелъ себѣ большой желтый штандартъ, который при всякомъ торжествѣ развѣвается надъ Петербургскою крѣпостью; на штандартѣ изображенъ царскій чернаго цвѣта гербъ и четыре моря, по одному въ каждомъ углу, въ знакъ того, что Царь владыка четырехъ морей: maris Albi или Бѣлаго моря, что̀ у Архангельска, Maris Caspii или Персидскаго моря, что̀ у Астрахани, maris Nigri, иначе Ponti Euxini, т. е. Чернаго моря,

соединеннаго съ Paludi mortis, у источника котораго стоитъ Азовъ, и наконецъ maris Baltici или Балтійскаго моря

Въ этотъ день я поднялся на веслахъ вверхъ по Невѣ, чтобъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ Ніеншанцъ. Крѣпость эта находилась въ разстояніи одной мили отъ теперешняго Петербурга, на берегу Невы и другой маленькой рѣчки, Охты. Послѣдняя отдѣляла Ніеншанцъ отъ Финляндіи, которую орошаетъ. Городъ и укрѣпленіе стояли другъ возлѣ друга. Въ настоящее время оба разорены до основанія. Въ теченіе осады Ніеншанца, выше по Невѣ и ближе къ Ладожскому озеру, возведено было укрѣпленіе, къ которому, говорятъ, могли подходить вплотную большіе корабли для пріема и сдачи груза.

Возвращаясь на веслахъ же, я узналъ, что Царь находится на своей передовой шнявѣ «Лизета», и взошелъ къ нему на судно. Въ тотъ день Царь обходилъ на своемъ буерѣ корабли и лично отдавалъ приказанія относительно всего, чего на нихъ недоставало.

1-го Мая. Прочія суда царскаго флота: флейты, галіоты, ладьи (Skuder) и такъ называемые карбасы, назначенные къ отправленію подъ Выборгъ съ провіантомъ, орудіемъ и боевыми припасами, несутъ трехполосные бѣло-голубо-красные флаги и красныя флюгарки. На рѣкѣ стоитъ также множество Голандскихъ бригантинъ, съ двухкосичными флюгарками. Всѣхъ большихъ и малыхъ парусныхъ судовъ, идущихъ подъ Выборгъ, насчитывается 270.

2-го Мая. Вице-адмиралъ угощалъ на своемъ кораблѣ Царя. Онъ пригласилъ и меня. На суднѣ шла сильная попойка, и пились многія заздравныя чаши, изъ коихъ однѣ привѣтствовали 7-ю, другія 5-ю выстрѣлами, при иныхъ же, по знаку вице-адмирала, палили со всѣхъ судовъ, имѣющихъ орудія. Царь не желаетъ пользоваться титуломъ величества, когда находится на суднѣ, и требуетъ, чтобы въ это время его называли просто шаутбенахтомъ. Всякаго ошибавшагося онъ немедленно заставляетъ выпить въ наказаніе большой стаканъ крѣпкаго вина. Привыкши постоянно величать Царя надлежащимъ титуломъ, я и другія лица часто проговаривались, за что сверхъ многихъ круговыхъчашъ должны были пить еще и штрафныя. При Царѣ находились также люди, которые понуждали гостей пить въ промежуткахъ между заздравными чашами. Тутъ, между прочимъ, со мною приключился слѣдующій случай. Царскій ключникъ *) поднесъ мнѣ большой стаканъ вина; не зная, какъ отъ него отвязаться, я воспользовался тѣмъ, что онъ старъ, неловокъ, толстъ, при томъ обутъ лишь въ туфли, и убѣжалъ отъ него на фокванты, гдѣ и усѣлся на

*) Kellermester.

мѣстѣ скрѣпленія ихъ съ путельсвантами. Но ключникъ доложилъ объ этомъ Царю, и вотъ его величество полѣзъ за мною самъ, держа въ зубахъ тотъ стаканъ, отъ котораго я только что спасся. Взобравшись на фокванты, онъ усѣлся рядомъ со мною и тамъ, гдѣ я разсчитывалъ найти полную безопасность, мнѣ пришлось выпить не только стаканъ, принесенный самимъ Царемъ, но еще и четыре другихъ стакана, доставленныхъ къ намъ по его приказанію. Послѣ этого я такъ захмелѣлъ, что безъ чужой помощи не могъ спуститься внизъ.

Посылали на взморье взглянуть, не сошелъ ли съ отмелей ледъ; оказалось, что суда по нимъ пройдти не могутъ. Глубина на этихъ отмеляхъ всего 10, самое большое 11 фут., и фрегатамъ, не смотря на ихъ сравнительно-незначительное углубленіе, пришлось бы почти совсѣмъ разоружиться и разгрузиться. Далѣе, за банками, глубина болѣе, чѣмъ достаточна, даже для плаванія самыхъ большихъ кораблей.

3-го Мая. Гонецъ привезъ ратификацію договора, которымъ продолженъ прежній миръ съ Турками. Гонецъ этотъ ѣхалъ чрезъ Бендеры, гдѣ, по его словамъ, видѣлъ самого короля Шведскаго и разговаривалъ съ нимъ; короля онъ встрѣчалъ раньше, въ Саксоніи, такъ что зналъ его въ лице.

4-го Мая. Въ полдень вице-адмиралъ сѣлъ на судно и поднялъ свой флагъ. Затѣмъ флагъ былъ поднятъ всѣмъ флотомъ, и съ каждаго судна сдѣлано по семи выстрѣловъ, на которые вице-адмиральскій корабль отвѣчалъ пятью. Лишь только корабль поставилъ паруса и тронулся съ мѣста, крѣпость отсалютовала ему пятью выстрѣлами. Тоже сдѣлала и адмиралтейская верфь, когда онъ проходилъ мимо нея. Какъ той, такъ и другой онъ отвѣчалъ пятью же выстрѣлами. Было напередъ условлено, что крѣпость и адмиралтейская верфь будутъ первыя, на Англійскій манеръ, салютовать вице-адмиральскому кораблю, когда онъ пойдетъ подъ парусами. За вице-адмираломъ поставили паруса и прочія суда; каждое салютовало крѣпости, а затѣмъ адмиралтейской верфи пятью выстрѣлами, на которые получалось отъ нихъ въ отвѣтъ по три. Салюты слѣдовали одинъ за другимъ, и ужасная неподдающаяся описанію пальба не прекращалась. Трудно себѣ представить, какая масса пороху истрѣливается за пирами и увеселеніями, при полученіи радостныхъ вѣстей, на торжествахъ и при салютахъ, подобныхъ нынѣшнему: ибо въ Россіи порохомъ дорожатъ не болѣе чѣмъ пескомъ, и врядъ ли найдешь въ Европѣ государство, гдѣ бы его изготовляли въ такомъ количествѣ, и гдѣ бы по качеству и силѣ онъ могъ сравниться со здѣшнимъ.

5-го Мая. Я и посланникъ Фицтумъ ходили въ соборъ поздравлять Царя съ радостнымъ извѣстіемъ о подтвержденіи Турками мир-

наго договора. Въ соборѣ мужчины помѣщаются внизу, а женщины на хорахъ. Ни игры на органѣ, ни другой музыки въ Русскихъ церквахъ не бываетъ. Царь стоялъ среди многочисленныхъ пѣвчихъ и пѣлъ съ ними, точно самъ былъ церковнослужителемъ. Пѣвчіе пѣли очень хорошо во всѣхъ голосахъ. По окончаніи обѣдни, дьяконъ вынесъ тарелку съ бѣлымъ хлѣбомъ въ родѣ печенія и сталъ предлагать его выходящимъ; желающіе брали по кусочку.

Послѣ полудня, я и посланникъ Фицтумъ ходили на поклонъ къ вдовствующей царицѣ. При этомъ случаѣ, какъ сама она, такъ и царевны, ея дочери, заставили насъ выпить столько большихъ чаръ вина, что мы напились пьяны менѣе, чѣмъ въ полчаса времени. Отпустили онѣ насъ лишь тогда, когда убѣдились, что мы совершенно готовы. Тутъ я еще разъ замѣтилъ то, что̀ мнѣ часто и прежде приходилось наблюдать, но въ чемъ я до сихъ поръ не отдавалъ себѣ отчета, а именно, что въ обществѣ Русскихъ женщинъ, благодаря ихъ усердному канюченію и просьбамъ, въ самый короткій срокъ выпиваешь болѣе, чѣмъ въ обществѣ самыхъ завзятыхъ пьяницъ. Происходитъ это отъ того, что вообще убѣжденіямъ женщинъ поддаешься легче, нежели убѣжденіямъ мужчинъ.

6-го Мая. Узнавъ, что галеры пускаются въ путь, я съѣздилъ на ту, которою командуетъ шаутбенахтъ, графъ Jean de Bouzi, хозяинъ занимаемаго мною дома. Онъ только что вступилъ въ командованіе этими судами. На передней части его галеры, по сторонамъ, развивалось два флага, подобныхъ гюйсамъ прочихъ судовъ. Веселъ на галерѣ было по 28-ми съ каждаго борта; на каждомъ веслѣ сидѣло пять-шесть закованныхъ каторжниковъ. Когда я сходилъ съ судна, то, по приказанію шаутбенахта, одинъ изъ квартирмейстеровъ, у котораго на плечахъ на серебряной цѣпочкѣ висѣлъ серебряный свистокъ, три раза просвисталъ въ него, и при всякомъ разѣ каторжники привѣтствовали меня глухимъ «ура», звучавшимъ особенно странно и противно. Когда de Bouzi поднялъ свой флагъ, ему салютовали суда всего флота, каждое 5 выстрѣлами. Отвѣчалъ онъ тѣмъ же числомъ.

Узнавъ, что Царь или дворянинъ Михайловъ собирается уходить со своимъ отрядомъ, я отправился къ нему на судно проститься съ нимъ, и засталъ у него его наложницу Екатерину Алексѣевну. Первымъ пустился въ путь шаубенахтъ, командующій галерами. Крѣпость салютовала ему пятью выстрѣлами, и онъ отвѣчалъ тѣмъ же числомъ. За нею салютовала ему верфь, которой онъ равнымъ образомъ отвѣчалъ. Прочія галеры, когда онъ мимо нихъ проходилъ, привѣтствовали его выше описаннымъ троекратнымъ ура. Флагу, поднятому Царемъ, всѣ суда царской эскадры салютовали обыкновеннымъ порядкомъ.

При флагѣ Царь сохранилъ вымпелъ. Когда онъ тронулся съ мѣста, сначала крѣпость, потомъ верфь салютовали ему пятью выстрѣлами, на которые онъ отвѣчалъ пятью же. Прочія шнявы первыя салютовали крѣпости и верфи, дѣлая по пяти выстрѣловъ, а крѣпость и верфь отвѣчали тремя. За шнявами слѣдовало многое множество малыхъ бригантинъ, наполненныхъ войскомъ. Каждая имѣла по четыре малыхъ металическихъ орудія. Салютовали онѣ крѣпости и верфи тремя выстрѣлами, а тѣ отвѣчали однимъ.

8-го Мая. Мнѣ и Польскому посланнику Фицтуму назначали галіотъ «Александръ», который, въ числѣ 16-ти другихъ транспортовъ, былъ отнятъ у Шведовъ на Нарвскомъ рейдѣ. Сѣвъ на этотъ галіотъ и сдѣлавъ вмѣстѣ со всѣмъ флотомъ весьма трудный переходъ чрезъ мелководнѣйшую часть взморья, мы въ 2 часа по полудни, одновременно съ прочими судами, бросили якорь въ двухъ миляхъ отъ Петербурга. Дальше курсъ идетъ къ Нордъ-Весту. Немедленно по отдачѣ якоря я и посланникъ Фицтумъ отправились на царскую шняву «Лизета», чтобы посѣтить его величество, но тамъ не застали его и, лишь послѣ долгихъ розысковъ, объѣхавъ многія суда, нашли его на кораблѣ «Домкратѣ». Вечеромъ вернулись на «Александръ». Вслѣдствіе узкости этого судна, мы во всѣхъ отношеніяхъ испытывали на немъ большія неудобства. Въ худшихъ условіяхъ мнѣ никогда не случалось бывать на морѣ, даже въ тѣ дни, когда я еще плавалъ въ качествѣ простаго матроса.

9-го Мая. Царь позвалъ меня въ гости на «Лизету». Послѣ полудня на царскую шняву прибыли царевны, племянницы Царя по брату. Его величество, не сопровождаемый никакимъ другимъ судномъ, пролавировалъ къ Кроншлоту, чтобы посмотрѣть, не очистилось ли взморье ото льда, но ледъ еще крѣпко держался. Вернувшись ко флоту и вставъ на свое мѣсто на якорь, Царь отправился на судно къ вице-адмиралу отдавать ему отчетъ о своихъ наблюденіяхъ относительно льда; ибо въ дѣлахъ служебныхъ его величество выказываетъ старшимъ такое же послушаніе и покорность, какъ самый младшій изъ его офицеровъ. Царевны и ихъ мать шли съ остальными судами до Кроншлота. Имъ былъ опредѣленъ маленькій галіотъ или буеръ. Достаточно вспомнить отвращеніе, которое вообще испытываетъ женскій полъ къ морю, чтобы судить объ удовольствіи, съ какимъ онѣ совершали это путешествіе. Тѣмъ не менѣе Царь почти всегда беретъ ихъ съ собою въ плаваніе и предпочтительно въ свѣжую погоду; на суднѣ онъ запираетъ ихъ наглухо въ каюту, чтобъ ихъ хорошенько укачало и, salvo honore, вырвало бы: въ этомъ онъ находитъ первое свое удовольствіе и развлеченіе. Вообще, Царь нарочно выискиваетъ

людей не переносящихъ моря, беретъ ихъ съ собою въ свѣжую погоду и все лавируетъ съ ними противъ вѣтра.

10-го Мая. Въ часъ пополудни вѣтеръ повернулъ на Остъ, и весь флотъ поставилъ паруса. Пройдя между пловучими льдами, покрывающими фарватеръ на всемъ его протяженіи, мы часовъ въ 5 стали на якорь подъ Кроншлотомъ. За̀мокъ этотъ сооруженъ 6 лѣтъ тому назадъ въ самую суровую зимнюю пору. Построенъ онъ кольцеобразно на сваяхъ, вбивающихся въ морское дно сквозь ледъ. На работахъ погибло множество людей, говорятъ болѣе 40.000 человѣкъ. Все укрѣпленіе деревянное; воздвигнуто оно на оконечности рифа, тянущагося отъ Ингерманландскаго берега, и стоитъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Ритусара, что никакое судно не можетъ пройти между за̀мкомъ и островомъ не подвергаясь обстрѣливанію съ обѣихъ сторонъ: изъ Кроншлота и съ островныхъ батарей. Замокъ заложенъ на глубинѣ 17-ти футовъ. Между нимъ и Ингерманландіею, а также между Ритусаромъ и Финляндскимъ берегомъ, глубокосидящія суда проходить не могутъ. На Ритусарѣ, какъ и въ самомъ Петербургѣ, у всякаго морскаго офицера имѣется свой домъ. Здѣшній флотъ плаваній не совершаетъ, а стоитъ въ гавани, и моряки ежедневно съѣзжаютъ на островъ въ свои помѣщенія. Въ море, мили за 4, за 5 отъ гавани, высылается только ежедневно два крейсера, чтобы слѣдить за непріятелемъ. Въ случаѣ его появленія они возвращаются подъ прикрытіе укрѣпленій и даютъ о немъ вѣсть остальному флоту. Ритусаръ имѣетъ въ длину верстъ пять.

За̀мокъ первый салютуетъ флагманамъ, они отвѣчаютъ ему, затѣмъ прочія суда салютуютъ за̀мку, и онъ въ свою очередь отвѣчаетъ имъ. Вечеромъ я ѣздилъ на «Лизету» поздравлять Царя или шаутбенахта дворянина Михайлова съ благополучнымъ приходомъ въ Кроншлотъ. Затѣмъ вмѣстѣ съ его величествомъ отправился осматривать этотъ замокъ. Царь постоянно содержитъ въ немъ не менѣе 600, а временами и 1200 человѣкъ гарнизона. Орудія въ укрѣпленіи расположены одни надъ другими въ три яруса, подобно карабельнымъ батареямъ. Здѣсь имѣется множество погребовъ для продовольствія и для пороха. Погреба эти на шесть слишкомъ локтей ниже поверхности воды.

Пальбѣ подъ Кроншлотомъ конца не было, такъ какъ всѣ суда, до малѣйшей бригантины включительно, салютовали за̀мку, а онъ со своей стороны отвѣчалъ имъ. Вечеромъ того же дня были высланы въ море въ крейсерство два фрегата.

11 Мая. Въ 8 ч. утра многочисленнымъ малымъ судамъ, везшимъ войско и продовольствіе, а равно и 5-ти галерамъ, приказано тронуться въ путь. Вѣтеръ дулъ восточный. Около полудня, когда эти

суда почти ушли изъ виду, поднялъ паруса и остальной флотъ. Погода была хороша. Сначала продолжалъ дуть восточный вѣтеръ; потомъ, послѣ полудня, онъ смѣнился западнымъ, и флотъ принялся лавировать. Малыя суда и галеры были такъ далеко впереди, что ихъ едва можно было различить. Самъ Царь находился мили за двѣ подъ вѣтромъ. Въ это время къ нему подошли обѣ шнявы (фрегата?), высланныя 10-го Мая на крейсерство и донесли, что, прокрейсировавъ до самаго Біорке, они на своемъ пути ни одного непріятельскаго судна не встрѣтили. Далѣе мы лавировали среди множества льдинъ, которыхъ нанесло обратно съ моря западнымъ вѣтромъ. Льдины эти были довольно толсты; то здѣсь, то тамъ сталкивались шнявы; нѣкоторыя давали течь и должны были идти назадъ въ Кроншлотъ. Впрочемъ, погода была очень тихая, дулъ легкій бризъ. Ночью вицеадмиралъ сдѣлалъ флоту сигналъ встать на якорь и, вслѣдствіе штиля и пловучихъ льдовъ, суда простояли въ теченіе 4-хъ или 5-ти склянокъ.

12 Мая. Въ 3 часа утра поднялся марсельный вѣтеръ WSW, и гонимый изъ открытаго моря ледъ началъ насъ затирать; лишившись при этомъ якоря, вицеадмиралъ вынужденъ былъ поставить паруса и снова лавировать; хотя вѣтеръ дулъ неособенно сильный, но большая часть фрегатовъ должна была взять рифы, а нѣкоторые убрать и формарсель. Въ 4 ч. по полудни флотъ сталъ на якорь, и я отправился на судно къ Царю. Онъ разсказывалъ, что побывалъ у самаго острова Біорке и что между этимъ островомъ и материкомъ ледъ такъ еще плотенъ, что Царь не могъ его пробить острымъ концомъ желѣзнаго лома. Сойдя на ледъ, Его Величество пилъ вино. Ночью не одно судно отъ напора льда потеряло якорь.

13 Мая. До полудня при западномъ вѣтрѣ лавировали. Въ полдень стали на якорь, подъ островомъ Söeskar, въ двухъ миляхъ отъ берега. Тутъ ко флоту присоединилась шнява «Mon Coeur», везшая министровъ и канцелярію. Послѣ полудня вѣтеръ почти совсѣмъ стихъ. Я отправился на судно къ Царю, гдѣ произошла здоровая выпивка; всякій разъ какъ я посѣщаю Его Величество, выпивки эти представляютъ для меня неизбѣжное бѣдствіе. Къ вечеру вѣтеръ перешелъ на восточный, и мы опять вступили подъ паруса; всѣ суда, какъ большія, такъ и малыя, находились вмѣстѣ. Къ ночи флотъ всталъ на якорь; но ледъ гнало отъ берега съ такою силою, что суда одно за другимъ по неволѣ уходили; при этомъ прямо по курсу они не шли, а должны были, какъ при плаваніи у береговъ Гренландіи, останавливаться то передъ одною, то передъ другою льдиною.

14 Мая. Утромъ лавировали при западномъ вѣтрѣ; въ 10 ч. встали на якорь. Царь на своей шнявѣ «Лизета» пошелъ обратно въ

Петербургъ. Пловучій ледъ встрѣчался еще всюду, ночь простояли на якорѣ подъ Ингерманландскимъ берегомъ. Я послалъ на берегъ шлюпку купить рыбы; шлюпка вернулась съ форелями и окунями. Впрочемъ кромѣ рыбы здѣсь ничего нельзя достать: страна разорена войною; вмѣсто зерна, народъ размалываетъ въ муку особаго рода болотныя коренья и изъ этой муки печетъ себѣ хлѣбъ. Самый распространенный товаръ—люди, ибо отъ голода жители охотно продаютъ и самихъ себя, и своихъ дѣтей.

15 Мая. Вслѣдствіе мертваго штиля простояли весь день. Галеры и бригантины, находясь миляхъ въ трехъ отъ прочаго флота, дѣлали выстрѣлами какіе-то сигналы, а мы вообразили, что это Шведы, и такимъ образомъ, какъ уже не разъ случалось, испугались своей тѣни.

16 Мая. Въ 9 часовъ утра, снявшись при восточномъ вѣтрѣ съ якоря, направились всѣмъ флотомъ на Сѣверъ, къ Корельскому берегу. По всему пути встрѣчали много большихъ толстыхъ льдинъ. Когда туманъ разсѣялся, мы увидали, что галеры, бригантины, карбасы и другія малыя суда затерты льдомъ, и что вмѣстѣ съ нимъ уноситъ и насъ все дальше отъ Корельскаго берега; казалось, дѣло принимало плохой оборотъ. Вечеромъ, вернувшись ко флоту, Царь отдалъ кораблю «Домкратъ» приказъ идти на фордевиндъ въ пловучій ледъ и ломать его, встягивая маленькую пушку на бугшпритъ и затѣмъ роняя ее на льдины. Большая и лучшая часть царской гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, слишкомъ 5 т. человѣкъ, а равно и продовольствіе, назначенное для арміи, подъ Выборгомъ, находились на судахъ затертыхъ льдомъ; число этихъ транспортовъ достигло 270-ти.

17 Мая. Дулъ довольно свѣжій NO. Галеры и малыя суда все еще были въ виду, но не могли съ нами соединиться. По всѣмъ признакамъ слѣдовало заключить, что ледъ и вѣтеръ занесутъ ихъ на Лифляндскій берегъ, что тамъ они неминуемо станутъ добычею Шведа, еще владѣющаго тою мѣстностью, и что ничто не можетъ ихъ спасти. Однако на всякій случай, къ нимъ отрядили два фрегата для конвоированія и для оказанія имъ помощи. Вечеромъ мы снялись съ якоря и подошли ближе къ Біорке.

18 Мая. Свѣжій NON; за ночь наши малыя суда и галеры унесло изъ виду; снявшись съ якоря, мы подались къ Сѣверу и стали между островомъ Біорке и материкомъ. Сильный вѣтеръ отымалъ у насъ надежду на обрѣтеніе уплывшихъ судовъ съ войскомъ и продовольствіемъ. Мы подвинулись еще немного на однихъ переднихъ парусахъ и стали подъ самымъ Біорке.

19 Мая. Непогода стихала, вѣтеръ перешелъ на OSO. Царь, поставивъ паруса, отдѣлился отъ вицеадмирала, при чемъ, какъ шаутбе-

нахтъ, салютовалъ ему. Къ вечеру въ тихую погоду пришли на разстояніе двухъ миль отъ Выборга. Апраксинъ прибылъ изъ лагеря къ Царю, на «Лизету», гдѣ по обыкновенію произошла сильная попойка.

20 Мая. Штиль и туманъ. Противъ всякаго ожиданія галеры и малыя суда вернулись къ намъ въ сохранности; потонуло только четыре карбаса, съ которыхъ впрочемъ успѣли спасти людей и большую часть груза. Мы подошли къ Выборгу на разстояніе одной мили. Царю салютовали изъ двухъ укрѣпленій, которыя Апраксинъ заложилъ съ противоположныхъ сторонъ у входа въ гавань для обороны ея и съ цѣлью мѣшать подвозу Шведамъ. Еще въ тотъ же вечеръ я побывалъ съ Царемъ на берегу, но къ ночи вернулся на судно.

21 Мая. На берегъ въ теченіе всего дня я не съѣзжалъ. На «Лизетѣ» въ гостяхъ у Царя былъ весь генералитетъ: Апраксинъ, Петербургскій комендантъ Брюсъ, подполковникъ Преображенскаго полка von Kircken и Birkholtz; въ числѣ званыхъ былъ и я. Такой попойки и пьянства, какъ здѣсь, еще не бывало. Когда я отказывался пить, ко мнѣ подходилъ самъ Царь, ласкалъ и цѣловалъ меня, одною рукою обхватывалъ мнѣ голову, другою держалъ у моего рта стаканъ и такъ упрашивалъ, столько произносилъ ласковыхъ словъ, что я наконецъ выпивалъ вино. Не разъ пытался я убраться незамѣчаемымъ, дважды былъ уже въ своей шлюпкѣ; но прежде чѣмъ успѣвалъ отвалить, въ нее спускался самъ Царь и уводилъ меня назадъ. Потомъ онъ приказалъ вахтѣ при трапѣ слѣдить, чтобъ безъ особаго его распоряженія ни одна лодка не покидала судна. Этимъ отнималась у меня послѣдняя возможность бѣгства. Продолжая такимъ образомъ пить безъ остановки, я наконецъ напился чрезъ край; желудокъ мой переполнился, и я долженъ былъ выйти изъ каюты на палубу. Тутъ, salvo honore, меня стало рвать. Въ эту самую минуту ко мнѣ подошло два лица, которыхъ тогда, вслѣдствіе опьяненія, я не былъ въ состояніи признать, да и теперь назвать не могу; догадываюсь только, что это были Датскіе морскіе офицеры, находящіеся на царской службѣ, ибо я отлично помню, что они обращались ко мнѣ по датски. Лица эти заявили, что Царь велѣлъ имъ привести меня къ нему; но я отвѣчалъ имъ, что, видя мое положеніе, они сами съумѣютъ объяснить Царю причину моего неприхода. На этотъ разъ они оставили меня, но вскорѣ пришли снова съ тѣмъ же требованіемъ. Отвѣтъ мой былъ прежній. Я усердно убѣждалъ и просилъ ихъ принять во вниманіе, въ какомъ я видѣ и дать мнѣ немного оправиться, завѣряя, что на это потребуется самый короткій срокъ, и что затѣмъ я съ удовольствіемъ явлюсь къ Царю. Но, вѣроятно опасаясь прогнѣвить его величество, они рѣшили привести меня во что бы то ни стало,

Сначала взялись они за меня осторожно и принялись оттаскивать отъ релинга, на который я опирался; я же, крѣпко за него ухватившись, продолжалъ ласково увѣщевать ихъ оставить меня, но они стали тащить меня сильнѣе. Сопротивляясь, я уцѣпился за одну изъ бизаньгитовыхъ; между тѣмъ въ помощь къ первымъ двумъ офицерамъ подоспѣло еще нѣсколько человѣкъ, и меня начали дергать довольно грубо. Тогда, подъ вліяніемъ хмѣля и озлобленія, я выпустилъ изъ рукъ веревку, за которую держался и выхватилъ изъ ноженъ шпагу. Я ни на кого не замахнулся ею, не рубилъ, не кололъ, никого не ранилъ и только хотѣлъ ихъ напугать. Дѣйствительно, всѣ отскочили. Я стоялъ одинъ у борта, прислонившись къ нему спиною. Въ это время ко мнѣ подошелъ Царь, не въ мѣру пьяный, какъ и я, и въ грубыхъ выраженіяхъ пригрозилъ пожаловаться на меня королю за то, что я въ его присутствіи обнажилъ оружіе. Въ сердцахъ я, со своей стороны, не особенно легко отвѣчалъ ему, что имѣю гораздо болѣе основаній для жалобъ, чѣмъ онъ, такъ какъ надо мною дѣлаютъ насиліе. Но когда его величество велѣлъ мнѣ отдать свою шпагу, я на столько опомнился, что исполнилъ его приказаніе, протянувъ ему оную эфесомъ впередъ. Царь гнѣвно взялъ ее и убѣжалъ съ нею въ каюту. Вскорѣ онъ распорядился, чтобы вахта отпустила меня, и я вернулся на «Александръ». Вечеромъ посланникъ Фицтумъ привезъ мнѣ обратно мою шпагу. Ко времени его возвращенія я успѣлъ немного выспаться и тутъ подробно переговорилъ съ нимъ по предмету ссоры моей съ Царемъ. Я сказалъ Фицтуму, что, хотя, въ виду такого обращенія со мною, я имѣлъ бы полное основаніе отстраниться отъ царскаго двора впредъ до полученія королевскаго приказанія въ отвѣтъ на мой отчетъ о настоящемъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе, считая непозволительнымъ, по обстоятельствамъ времени, затѣвать раздоръ, я конечно предпочитаю принять всю вину на себя, вслѣдствіе чего прошу его съѣздить на слѣдующій день къ Царю и, извинившись за меня въ случившемся, ходатайствовать, чтобы его величество предалъ дѣло забвенію. При этомъ я попросилъ Польскаго посланника выставить, что я дважды пытался съѣхать съ «Лизеты», но, какъ извѣстно самому Царю, не получилъ разрѣшенія; что еслибъ меня отпустили тогда же, всего этого не случилось бы, и что слова сказанныя мною его величеству могли бы зачесться за тѣ рѣзкія рѣчи, которыми самъ онъ ихъ вызвалъ.

22 Мая. Съ вечера посланникъ Фицтумъ отправился рано утромъ къ Царю и извинился за меня въ приведенномъ выше смыслѣ. Съ отвѣтомъ онъ прибылъ назадъ тотчасъ. Царь сказалъ ему, что вчера и самъ былъ пьянъ, а потому ничего не помнитъ, и о случив-

шемся знаетъ только отъ другихъ; что если онъ меня чѣмъ обидѣлъ, то проситъ у меня прощенія, со своей же стороны ото всего сердца отпускаетъ мнѣ все, что̀ было мною сказано и сдѣлано, и приглашаетъ немедленно къ нему пріѣхать, чтобы съ нимъ помириться. За симъ я поспѣшилъ къ Царю вмѣстѣ съ посланникомъ Фицтумомъ. Когда я попросилъ его величество простить меня за вчерашнее, онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. «Камратъ, сказалъ онъ (Царь почти всегда называетъ меня камратомъ), ото всего сердца прощаю вамъ то въ чемъ вы, быть можетъ, предо мною виноваты, но прошу и васъ простить меня, если я въ чемъ либо провинился предъ вами и позабыть прошлое». Обращался онъ ко мнѣ совсѣмъ какъ къ равному.

Когда непріятный случай былъ такимъ образомъ благополучно улаженъ, то сызнова началась веселая попойка. Болѣе подробный отчетъ объ этомъ дѣлѣ я не замедлилъ сообщить въ тотъ же день шифромъ тайному совѣтнику Сегестеду. Въ сущности я вовсе не имѣлъ въ виду жаловаться, ибо вопросъ былъ исчерпанъ; но множество постороннихъ лицъ были свидѣтелями вчерашняго происшествія, такъ что во всякомъ случаѣ оно несомнѣнно огласилось бы; а потому, не признавая за собою вины во всей этой исторіи, я опасался подать своимъ молчаніемъ поводъ къ предположенію, что я хочу ее скрыть, такъ какъ будто бы на самомъ дѣлѣ чувствую себя виновнымъ. Позднѣе я узналъ, почему Царь не хочетъ принимать отъ меня никакихъ отговорокъ, когда за попойками принуждаетъ меня пить. Нѣкто изъ личнаго разсчета искалъ поселить непріязнь между мною и Царемъ и вызвать его немилость ко мнѣ, дабы тѣмъ помѣшать исполненію дѣлъ, возложенныхъ на меня королемъ. Для этой цѣли лицо сіе увѣрило его величество, что собственно я могу пить, только не хочу, и что нерѣдко притворяюсь пьянымъ, чтобъ меня больше не поили и чтобъ мнѣ удобнѣе было подслушивать нескромную болтовню другихъ. На одномъ собраніи Царь подошелъ ко мнѣ и поднесъ большой стаканъ вина съ убѣдительною просьбою его выпить. Я былъ уже сильно пьянъ и, ссылаясь на это обстоятельство, сталъ отговариваться и отмалчиваться. Но Царь сказалъ, что это чаша моего короля и что я не вѣрный слуга ему, если ея не выпью. Вслѣдствіе таковыхъ словъ, я, не смотря на весь свой хмѣль, осушилъ предложенный мнѣ стаканъ. На основаніи этого Царь вывелъ обо мнѣ заключеніе, которое тутъ же и сообщилъ сидѣвшимъ возлѣ него лицамъ (одно изъ которыхъ, будучи моимъ пріятелемъ, передало мнѣ потомъ его слова), что когда провозглашается здоровье моего короля или когда мнѣ самому хочется пить, то я пить могу, когда же Царь меня объ этомъ проситъ,

я отказываюсь. Съ тѣхъ поръ онъ такъ и остался при убѣжденіи, что въ дѣйствительности я выносливѣе, чѣмъ хочу это показать.

Послѣ полудня я съѣхалъ на берегъ. Г.-м. Birkholz водилъ меня по траншеямъ; нѣкоторыя изъ нихъ подходятъ къ городу такъ близко, что осаждающіе и осажденные могутъ обмѣниваться ружейными выстрѣлами. Съ моря Выборгъ укрѣпленъ какъ нельзя хуже, и для меня рѣшительно непонятно, почему въ зимнее время, когда гавань покрыта льдомъ, Русскіе не взяли его съ этой стороны приступомъ; ибо послѣ прибытія генералъ-адмирала, зима держалась еще недѣль шесть. Повидимому этимъ путемъ можно было имъ овладѣть безъ особаго труда и потерь, тогда какъ за время осады у Русскихъ умершими и ранеными выбыло изъ строя 1500 человѣкъ. Это подтвердили мнѣ многіе.

Я посѣтилъ лазаретный баракъ, гдѣ видѣлъ много жертвъ войны; иные изъ этихъ несчастныхъ лишились рукъ, иные ногъ, а иные получили другаго рода страшныя раны. Русскіе офицеры разсказывали мнѣ, что въ ночь наканунѣ, залпомъ картечью изъ четырехъ городскихъ орудій, убито и ранено 30 Русскихъ рабочихъ.

23 Мая. Обѣдалъ вмѣстѣ съ Царемъ у генералъ-адмирала, а послѣ сопровождалъ Его Величество по траншеямъ. Для большей безопасности, Царь, подъ предлогомъ доставленія писемъ мѣстнымъ купцамъ, послалъ на это время въ Выборгъ барабанщика, въ сущности переодѣтаго офицера Преображенскаго полка. Перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ прекратилась и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, осажденные и осаждающіе стали ходить вольно, не укрываясь. Пріостановка военныхъ дѣйствій длилась отъ обѣда до самаго вечера. Осматривая въ то время городъ, я между прочимъ замѣтилъ одного человѣка стоявшаго на большой городской башнѣ, называемой Herman; но когда я приставилъ къ глазу длинную подзорную трубу, чтобъ получше его разсмотрѣть, онъ стремительно бросился внизъ, вообразивъ, что я цѣлюсь въ него изъ ружья.

24 Мая. Въ Выборгъ снова посланъ барабанщикъ, чтобы его величеству можно было въ безопасности осмотрѣть крѣпость со стороны суши, какъ онъ осмотрѣлъ ее вчера со стороны моря. Самъ Царь не оставался подъ Выборгомъ, а возвращался въ Петербургъ, чтобы воспользоваться весеннею порою для своего леченія. Напередъ обсудивъ съ адмираломъ, гдѣ возвести батареи для обстрѣливанія города, Царь оставилъ подъ Выборгомъ восемь орудій для брешныхъ батарей (изъ нихъ меньшее было 18-ти фунтоваго калибра), 50 большихъ мортиръ и 300 ручныхъ со всѣми необходимыми принадлежностями.

25 Мая. Послѣ полудня Царь снялся съ якоря, ни однимъ словомъ не предупредивъ насъ о своемъ уходѣ. Посланникъ Фицтумъ и я едва успѣли забрать съ берега палатку и другія свои вещи. Царь почти всегда уѣзжаетъ неожиданно, и путешествія его скрываются даже отъ посланниковъ коронованныхъ особъ, съ которыми онъ находится въ тѣсномъ союзѣ. Безъ сомнѣнія, причину этого надо отчасти искать въ духѣ крайняго недовѣрія, составляющемъ отличительную черту Русскихъ

У выхода въ открытое море, котораго мы достигли въ тотъ же день, двѣ галеры и много другихъ царскихъ судовъ забирали лежавшія на берегу доски и бревна. Матеріала этого здѣсь много. Нынѣшнею весною за нимъ должны прійти Голландскія и Англійскія суда, съ которыми Выборгъ велъ значительную торговлю дегтемъ и лѣсомъ. Ночью мы бросили якорь между Біорке и материкомъ.

27 Мая. Вечеромъ прибыли въ Кроншлотъ. По приходѣ туда я и посланникъ Фицтумъ посѣтили вице-адмирала Крейца на его суднѣ. При нашемъ отъѣздѣ онъ салютовалъ намъ семью выстрѣлами.

28 Мая. Дошли на парусахъ до С.-Петербурга и, съѣхавъ на берегъ около полудня, тотчасъ же отправились къ Царю, чтобы поздравить его съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ плаванія. Затѣмъ обѣдали у него. Напитки обносила четырехлѣтняя дѣвочка, сидѣвшая на рукахъ у няньки. Это незаконная дочь Царя отъ любовницы его Екатерины Алексѣевны. Если принять въ соображеніе: 1) что царскій флотъ пустился въ плаваніе въ такую пору года, когда все море еще покрыто пловучимъ льдомъ, 2) что во всемъ флотѣ не было человѣка, который былъ бы знакомъ съ фарватеромъ, между тѣмъ, какъ сей послѣдній представляетъ большія опасности для плаванія, вслѣдствіе множества надводныхъ и подводныхъ камней, 3) что бо̀льшая часть судовъ построена изъ ели и вообще непригодна для морскаго плаванія, 4) что управленіе карбасами было поручено простымъ крестьянамъ и солдатамъ, едва умѣвшимъ гресть, то остается изумляться смѣлости Русскихъ. Въ концѣ концовъ она и привела ихъ къ столь счастливымъ результатамъ, не смотря на опасность, которой не разъ подвергались по пути малыя суда, уносимыя льдомъ и, казалось, обреченныя на вѣрную гибель. Русскіе карбасы суть особаго рода суда, скрѣпленныя ивнякомъ и законопаченныя древеснымъ мохомъ, поверхъ коего положены рейки; ни одного желѣзнаго гвоздя не входитъ въ ихъ постройку, а между тѣмъ они-то и везли всѣ предназначенныя подъ Выборгъ пушки и мортиры съ ихъ принадлежностями и всю муку, хлѣбъ и крупу для арміи. Слѣдуетъ замѣтить, что Русскимъ по неволѣ пришлось рѣшиться на мор-

ской походъ, такъ какъ въ этомъ краю, опустошенномъ на всемъ его пространствѣ, нельзя было достать лошадей, а потому сухимъ путемъ невозможно было подвезти осаждающимъ ни осаднаго парка, ни продовольствія. Если-бъ походъ этотъ не удался, то нѣтъ сомнѣнія, голодъ вынудилъ бы армію отступить отъ Выборга, побросавъ все, и все - таки прежде чѣмъ достичь Петербурга (до котораго 30 миль), большая часть людей погибла бы голодною смертью. Итакъ, по волѣ Провидѣнія, морской походъ, предпринятый Царемъ, увѣнчался двойнымъ успѣхомъ, окончившись счастливо, какъ для флота, такъ и для арміи. Ибо если тому или другому государю суждено стать великимъ, Господь Богъ благопріятствуетъ ему во всемъ, какъ бы онъ ни брался за дѣло. По поводу этого похода можно весьма кстати привести слова Курція: Temeritas in gloriam cessit [1]), а также, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, повторить Царю что̀ Цицеронъ сказалъ Юлію Цезарю: ut multum virtuti, plurimum tamen felicitati debes [2]). Въ настоящемъ плаваніи особенному счастію Царя слѣдовало приписать и то обстоятельство, что Русскій флотъ не повстрѣчался со Шведами, такъ какъ спустя два дня по возвращеніи его въ гавань, появилась въ Финскомъ заливѣ Шведская эскадра изъ 8 линейныхъ кораблей, а если-бъ всего два Шведскихъ 50-ти пушечныхъ корабля напали въ расплохъ на Русскій флотъ, то, не смотря на всю его многочисленность, они безъ труда частью разогнали бы его, или частью потопили бы выстрѣлами.

Вернувшись изъ плаванія, Царь никуда не показывался, такъ какъ началъ упомянутое выше леченіе. Ища спокойствія и тишины, онъ удалился въ домъ, построенный въ его новоразбитомъ саду, гдѣ стоятъ слишкомъ 30 большихъ мраморныхъ статуй художественной работы, въ томъ числѣ бюсты покойнаго короля Польскаго Собѣсскаго и его жены. Статуи эти вывезены изъ садовъ Польскихъ магнатовъ. Вообще большая и изящнѣйшая часть предметовъ роскоши, находящихся Петербургскихъ вельможъ, Польскаго происхожденія. Въ Петербургѣ все дорого, а съѣстныхъ припасовъ порою и вовсе нельзя достать, вслѣдствіе полнаго опустошенія Ингерманландіи и Кареліи, откуда ихъ обыкновенно подвозятъ. Большаго труда и издержекъ стоило мнѣ добываніе необходимаго на каждый день продовольствія.

3-го Іюня. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ Шведскій флотъ въ Финскомъ заливѣ состоитъ изъ 19-ти парусныхъ судовъ, на которыхъ находятся одинъ адмиралъ, одинъ вице-адмиралъ и одинъ шаутбенахтъ. Флотъ стоитъ на якорѣ въ недалекомъ разстояніи отъ Біорке,

---

[1]) Отвага переходитъ въ славу.

[2]) Многимъ ты обязанъ доблести, но въ большинствѣ счастію.

7 Іюня. Я выѣхалъ рано утромъ верхомъ къ Красному Кабаку, на встрѣчу къ князю Меньшикову. Самъ Царь выѣхалъ къ нему за три версты отъ города, не смотря на то, что недавно хворалъ и теперь еще не совсѣмъ оправился. Замѣчательно, что князь даже не слѣзъ съ лошади, чтобы почтить своего Государя встрѣчею, и продолжалъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока Царь къ нему не подошелъ и не поцаловалъ его. Множество Русскихъ офицеровъ и другихъ служащихъ тоже выѣхало верхомъ встрѣчать князя; всѣ цаловали у него руку, ибо въ то время онъ былъ полубогомъ, и вся Россія должна была на него молиться. При его приближеніи къ городу ему салютовали 55-ю выстрѣлами. Съ дороги онъ вмѣстѣ съ Царемъ отправился прямо къ себѣ обѣдать.

8 Іюня. По условію, состоявшемуся между мною и княземъ Меньшиковымъ, онъ долженъ былъ носить пожалованный ему моимъ всемилостивѣйшимъ королемъ и государемъ орденъ Слона черезъ плечо поверхъ кафтана, отдавая ему преимущество передъ прочими своими орденами, а орденъ Св. Андрея имѣлъ снять совсѣмъ. Для бо̀льшей вѣрности онъ выдалъ мнѣ по этому предмету письменное обязательство. Но прежде чѣмъ мы пришли къ окончательному соглашенію, князь предлагалъ разныя неудобоисполнимыя и странныя вещи: то хотѣлъ носить орденъ своего Государя, т. е. орденъ Св. Андрея, чрезъ плечо, а орденъ Слона на лентѣ же въ петлицахъ кафтана, то желалъ надѣвать попеременно одинъ орденъ подъ кафтаномъ на жилетѣ, а другой поверхъ кафтана, ежедневно мѣняя ихъ положеніе. Оба эти желанія были однако мною отвергнуты.

Сегодня, какъ и въ другіе праздники, на всѣхъ башняхъ и шпицахъ подняты флаги и вымпела, словно на мачтахъ кораблей; на валу тоже развѣвается описанный выше Русскій желтый штандартъ.

По всей Россіи на торжествахъ и во время обѣдни, въ колокола только трезвонятъ, а обыкновеннымъ образомъ никогда не звонятъ.

9 Іюня. Здѣсь празднуютъ лишь первый день Троицы, и нынче, несмотря на Духовъ день, Русскіе производятъ крѣпостныя работы у Петербурга. Согласно приказанію его королевскаго величества, я предоставилъ подполковнику Thehillac'у, прибывшему изъ Даніи съ гоффурьеромъ Кардиналомъ, вручить князю Меньшикову знаки ордена Слона. Затѣмъ, по выдачѣ мнѣ извѣстнаго обязательства, князь надѣлъ ихъ тутъ же въ моемъ присутствіи, предварительно снявъ съ себя орденъ Св. Андрея, пристегнулъ къ лѣвой сторонѣ груди звѣзду и навѣсилъ черезъ лѣвое плечо ленту, такъ что Слонъ пришелся у него на правомъ боку. При этомъ князь попросилъ меня принести отъ его имени моему всемилостивѣйшему государю выраженіе почтительнѣйшей благодарности и завѣрить его величество, что, въ виду таковой милости, онъ, князь

Меньшиковъ, сочтетъ своимъ долгомъ служить ему во всемъ до конца жизни.

10 Іюня. По случаю своихъ имянинъ*) Царь задалъ въ Петербургскомъ кружалѣ пиръ, на который позвалъ между прочимъ меня и Польскаго посланника Фицтума. На Невѣ шнява «Лизета», состоящая подъ командою Царя, была разцвѣчена по всѣмъ мачтамъ, реямъ и такелажу, различными флагами, вымпелами и гюйсами. Выше всѣхъ на гротъ-мачтѣ развѣвался Русскій зеленый штандартъ. Всѣхъ флаговъ на «Лизетѣ» насчитывалось около 40, а вымпеловъ до 160-ти. На пиру въ кружалѣ я замѣтилъ, что князь Меньшиковъ, вопреки своему обѣщанію, снялъ съ себя орденъ Слона и опять надѣлъ орденъ Св. Андрея. Не ограничившись этимъ однимъ разомъ, князь впослѣдствіи принялъ за правило носить Датскій и Русскій ордена поочередно черезъ день, оставляя дома тотъ изъ нихъ, котораго въ данную минуту не надѣвалъ. Такимъ-то образомъ онъ выполнялъ свое письменное обязательство, или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что выполняетъ его. Чтò касается Польскаго и Прусскаго орденовъ, Бѣлаго и Чернаго Орла, то ихъ онъ носилъ постоянно въ петлицахъ своего кафтана, какъ при орденѣ Св. Андрея, такъ и при орденѣ Слона, и только два послѣдніе никогда не надѣвалъ одновременно. Я испытывалъ крайнюю досаду, видя такое попеременное ношеніе княземъ названныхъ орденовъ и будучи свидѣтелемъ той разности, которую онъ между ними установлялъ; но, для пользы королевской службы, мнѣ оставалось донести о случившемся своему двору, затѣмъ смотрѣть на это сквозь пальцы, такъ какъ было весьма опасно ссориться съ человѣкомъ, который, пользуясь такимъ большимъ расположеніемъ Царя, могъ немало повредить нашимъ выгодамъ. Въ сущности единственную лежавшую на мнѣ въ этомъ вопросѣ обязанность я исполнилъ, а именно взялъ съ князя, до передачи ему ордена, надлежащую подписку, а потому тѣмъ болѣе въ правѣ былъ не обращать вниманія на его поведеніе.

За обѣдомъ Царь попросилъ меня благодарить отъ его имени короля за милость, оказанную его слугѣ. Опишу здѣсь кстати царскій орденъ Св. Андрея. Носится онъ на голубой лентѣ, шириною въ ладонь, черезъ правое плечо, и представляетъ чернаго эмальированнаго орла съ распущенными крыльями и тремя коронами надъ головами. Орелъ этотъ подобенъ Русскому гербовому. На его груди бѣлое эмалевое изображеніе Св. Андрея, распятаго на крестѣ. При лентѣ, на правой сторонѣ груди, носится звѣзда съ краснымъ полемъ, бѣлымъ посреди его Андреевскимъ крестомъ и съ кру-

*) Т. е. дня рожденія. У Юля счетъ ведется по новому стилю.

говою надписью *«за вѣру и вѣрность»*. Самъ Царь, для сбереженія ленты, надѣваетъ Св. Андрея только на большія торжества. Нерѣдко и Русскіе вельможи, пожалованные этимъ орденомъ, не надѣваютъ его, а носятъ вмѣсто него въ петлицѣ кафтана на голубой лентѣ маленькую эмальированную золотую пластинку съ изображеніемъ на голубомъ ея полѣ бѣлаго Андреевскаго креста. Вообще замѣчается большая разница между принадлежащими различнымъ лицамъ лентами, звѣздами и орлами Св. Андрея, ибо покамѣстъ, по недавности ордена, никакихъ твердыхъ правилъ на счетъ его знаковъ не установлено. Царь учредилъ орденъ, чтобъ сравняться въ этомъ отношеніи съ другими Европейскими государями. Выдумалъ онъ его въ 1698 году.

Орденъ, основанный Польскимъ королемъ лѣтъ шесть тому назадъ, тоже различается въ своихъ знакахъ. Король пожаловалъ его князю Меньшикову, канцлеру Головкину и вице-канцлеру Шафирову. Меньшиковъ и Головкинъ носятъ его на шеѣ на красной лентѣ. Это собственно красный эмальированный крестъ; у того, который принадлежитъ Меньшикову, концы соединены между собою четырьмя маленькими полосками, усаженными алмазами, а посрединѣ на эмальированномъ красномъ кругу изображенъ бѣлый орелъ съ распущенными крыльями. Головкинскій крестъ широкъ; концы его, зарѣзанные внутрь, угломъ, образуютъ восемь одинаково длинныхъ шпилькòвъ, заканчивающихся каждый алмазомъ. Посрединѣ большой бѣлый эмальированный орелъ съ распущенными крыльями; на груди его въ красномъ кругу бѣлый крестъ.—На пиру въ кружалѣ провозглашались разныя чаши. Первую поднялъ самъ Царь, посвятивъ ее *«Божьей милости»* *). По окончаніи трапезы дворъ перебрался въ домъ князя Меньшикова, куда явилась также любовница Царя, Екатерина Алексѣевна, а равно и принцессы съ ихъ свитою. Тутъ снова весело кутили, пили и танцовали. Съ Его Величествомъ князь обращался крайне вольно. Царь къ нему чрезвычайно привязанъ. «Безъ меня, говоритъ онъ, князь можетъ дѣлать, чтò ему угодно; я же безъ князя никогда ничего не сдѣлаю и не приму никакого рѣшенія». Сверхъ многочисленныхъ имѣній въ самой Россіи, Царь пожаловалъ Меньшикову и герцогство Ингерманландское. На имянины князь подарилъ Царю 100,000 рублей деньгами и кромѣ того 28 металлическихъ орудій, отлитыхъ по его, Меньшикова, распоряженію въ Нарвѣ. Съ другой стороны тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ подарилъ Его Величеству 20.000 рублей. Этотъ Мусинъ-Пушкинъ—единственный изъ здѣшнихъ придворныхъ, получившій образованіе и умѣющій, хотя и не важно, говорить по-латыни.

---

*) Въ подлинникѣ писано Русскими буквами.

11-го Іюня. Я былъ званъ обѣдать къ князю Меньшикову. Находясь у него въ домѣ, мы получили изъ подъ Выборга вѣсть, что сооруженіе батарей вокругъ города окончено и что на слѣдующее утро осаждающіе примутся бомбардировать крѣпость.

Наканунѣ Царь пожаловалъ в.-канцлера Шафирова въ бароны.

12-го Іюня. Отъ герцога Фридерика Вильгельма Курляндскаго прибыло три посланца: его гофмаршалъ monsieur Renne, надворный совѣтникъ monsieur Louw и камеръ-юнкеръ monsieur Rathlow. При нихъ секретарь. Герцогъ проситъ руки второй царской племянницы, царевны Анны, и цѣль настоящаго посольства—заключеніе договора объ этомъ бракѣ.

13-го Іюня. Курляндскихъ посланцевъ водили къ Царю, которому они предъявили порученное имъ дѣло. Говорилъ съ ними начальникъ адмиралтейства г-нъ Кикинъ, а толмачилъ одинъ изъ царскихъ слугъ.

16-го Іюня. Курляндцы первые посѣтили меня. Ихъ ко мнѣ направили. Хотя подъ рукою они и старались выдать себя за посланниковъ, въ разсчетѣ получить отъ меня и другихъ первый визитъ, но неудачно, и этой надлежащей чести мы имъ не оказали.

Изъ подъ Выборга получено извѣстіе, что Русскіе съ перваго же дня, какъ принялись обстрѣливать городъ, открыли въ его валу такую широкую брешь, что въ нее могъ бы пройдти батальонъ въ боевомъ порядкѣ. Лицамъ завѣдующимъ осадою успѣхъ этотъ достался легко, такъ какъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ подъ Выборга, Царь, осмотрѣвъ во время пріостановокъ военныхъ дѣйствій, въ два пріема, траншеи, каждому преподалъ нужныя наставленія, генералъ-адмиралу, инженерамъ и артилерійскимъ офицерамъ: ибо его величество весьма прозорливъ, отлично знакомъ со всякимъ дѣломъ и имѣетъ вѣрный взглядъ на все. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ его указаній все было бы сдѣлано навыворотъ. Вообще, всякая мѣра, военная или гражданская, до приведенія ея въ исполненіе, должна быть обсуждена Царемъ. Онъ и самъ это хорошо сознаетъ. Нерѣдко въ довѣрительныхъ бесѣдахъ между мною и нимъ, когда рѣчь заходила о подвигахъ и заслугахъ великихъ государей, Царь отдавалъ справедливость многимъ правителямъ, въ особенности королю Французскому. Онъ говорилъ, что они достойны высокой похвалы, что славу ихъ великихъ дѣяній у нихъ отнять нельзя; тѣмъ не менѣе, прибавлялъ онъ, надо имѣть въ виду, что большая часть этихъ государей, въ томъ числѣ и Французскій король, обязаны своими успѣхами многимъ разумнымъ и смышленымъ людямъ, состоявшимъ у нихъ на службѣ. Совѣтами такихъ людей они могутъ пользоваться во всѣхъ, даже въ наиважнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ; между тѣмъ какъ онъ, Царь, съ самаго вступленія

своего на престолъ, въ важныхъ дѣлахъ почти что не имѣетъ помощниковъ, вслѣдствіе чего поневолѣ завѣдуетъ всѣмъ самъ. Ему-де приходится обращать скотовъ въ людей (скотами Царь называетъ своихъ подданныхъ) и предводительствовать ими въ войнѣ съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ и воинственнѣйшихъ народовъ въ мірѣ. Въ сущности все это совершенно справедливо. Остается только удивляться съ одной стороны уму этого человѣка, правящаго всѣмъ самолично, съ другой—природнымъ его силамъ, благодаря которымъ онъ, безъ утомленія выноситъ всѣ заботы и труды, выпадающіе на его долю.

17-го Іюня. Я былъ приглашенъ на погребеніе одного изъ членовъ семьи царскаго камердинера, капитана гвардіи, Павла Ивановича Ягужинскаго. Родился онъ въ Москвѣ отъ Нѣмцевъ-простолюдиновъ. Милость къ нему Царя такъ велика, что самъ князь Меньшиковъ отъ души ненавидитъ его, и не даромъ: его величество до того привыкъ и расположенъ къ Ягужинскому, что со временемъ послѣднему вѣроятно удастся лишить Меньшикова царской любви и милости, тѣмъ болѣе, что у князя и безъ того немало враговъ. Родители Ягужинскаго были Лютеране, самъ же онъ принялъ Православіе, думая угодить этимъ Царю. Но за перемѣну вѣры Царь не сталъ къ нему милостивѣе, хотя впослѣдствіи былъ радъ этому обстоятельству. Въ Россіи всѣмъ присутствующимъ на похоронахъ домашніе раздаютъ по куску чернаго крепа для повязки на шляпу; Царю тоже досталось. Царь повязалъ имъ свою черную шапку, въ которой почти всегда ходитъ (шляпу онъ надѣваетъ рѣдко). Какъ только Царь и вельможи, бывшіе на погребеніи, вошли въ комнату, гдѣ стояло тѣло, съ гроба сняли крышку, и сначала его величество, а потомъ князь Меньшиковъ приблизились къ покойнику и поцѣловали его въ лобъ. Далѣе примѣру ихъ послѣдовалъ я, а за мною всѣ остальные. Подобнымъ лобзаніемъ живые прощаются съ умершимъ, выражая ему свою дружбу и любовь.

Въ этотъ день я отдалъ визитъ Курляндскимъ посланцамъ.

18-го Іюня. Въ виду того, что штурмъ Выборга назначенъ на завтра, Царь на сегодня объявилъ постъ. Воздержаніе соблюдалось строго, никто ничего не ѣлъ, въ церквахъ и дома день и ночь молились, взывая къ Богу и прося Его благословенія на побѣду.

21-го Іюня. Вмѣстѣ съ прочими иностранными представителями я былъ приглашенъ на церемонію помолвки и обмѣна колецъ между герцогомъ Курляндскимъ (въ лицѣ его посланцевъ) и царскою племянницею царевною Анною. Брачный договоръ заключалъ въ себѣ между прочимъ слѣд. условія. Въ приданое за невѣстою герцогу отъ Царя дается 200.000 р. при чемъ 50.000 подлежатъ къ уплатѣ по утвержде-

ніи герцогомъ договора; 50.000 по бракосочетаніи, а остальные 100.000 со временемъ, когда его величество наберетъ эту сумму. Со своей стороны, герцогъ обязывался ежегодно выдавать своей женѣ 10.000 ригсдалеровъ specie на туалетъ, игру и другіе мелкіе расходы. Въ случаѣ, еслибъ она умерла бездѣтною и прежде герцога, приданое переходило въ его собственность; а если-бъ герцогъ умеръ прежде нея, она имѣетъ получать по мѣсту своей резиденціи ежегодную пенсію въ 100.000 ригсдалеровъ specie.

Церемонія помолвки произошла такъ. Одинъ штабъ-офицеръ привелъ герцоговыхъ посланцевъ въ домъ князя Меньшикова, тамъ князь встрѣтилъ ихъ, размѣнялся съ ними заключеннымъ между сторонами соглашеніемъ и затѣмъ перевезъ на ту сторону рѣки въ царскій садъ, гдѣ ихъ ждала царевна Анна (Іоанновна). Царевна стояла между своею матерью и Царемъ. Послѣ первыхъ привѣтствій гофмаршалъ герцога, обратившись къ царицѣ, попросилъ отъ имени своего господина руки ея дочери и, получивъ утвердительный отвѣтъ, передалъ невѣстѣ портретъ герцога, украшенный драгоцѣнными камнями, а равно и кольцо; Царь снялъ съ пальца царевны другое кольцо и вручилъ его г-ну Renne для передачи герцогу. Затѣмъ гофмаршалу и надворному совѣтнику Царь подарилъ по 2000 рублей, камеръ-юнкеру 600 рублей и секретарю 300 рублей; вдобавокъ его величество обѣщалъ подарить гофмаршалу, по возвращеніи изъ Выборга, свой портретъ, украшенный алмазами. Послѣ этого г-нъ Louw безотлагательно отбылъ въ Курляндію, чтобы дать своему господину отчетъ объ исходѣ посольства. Онъ обѣщалъ, что въ самый непродолжительный срокъ привезетъ герцога къ его невѣстѣ. Подарки Царь роздалъ Курляндцамъ съ радостнымъ сердцемъ, такъ какъ условія свадебнаго договора были весьма выгодны для царевны и, напротивъ, не особенно-то прибыльны для герцога. Да и тѣ немногія обязательства, которыя принялъ относительно его Царь, въ концѣ концовъ, остались неисполненными, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, герцогъ подтвердилъ договоръ въ надеждѣ заручиться посредствомъ этого брака содѣйствіемъ Царя и съ его помощью вернуть себѣ Курляндію, изъ которой уже много лѣтъ какъ вытѣсненъ королемъ Шведскимъ.

Въ тотъ же вечеръ, его величество отправился въ Выборгъ, получивъ извѣстіе, что мѣстный комендантъ, полковникъ Stiernstraal, сдалъ городъ Русскимъ. Царь выѣхалъ безъ министровъ, безъ князя Меньшикова, въ сопровожденіи только двухъ слугъ.

22-го Іюня. Я былъ званъ крестить у лейтенанта царскаго флота Норвежца Бука. Дитя было мужескаго полу и потому, въ качествѣ самаго знатнаго изъ крестныхъ отцевъ, надъ купелью держалъ его я.

Отмѣчу кстати, что въ Россіи, при Лютеранскомъ крещеніи, мальчика держитъ важнѣйшій изъ крестныхъ отцевъ, дѣвочку же важнѣйшая изъ крестныхъ матерей. Тоже самое наблюдается и у Православныхъ. У послѣднихъ воспреемники считаются состоящими въ близкомъ родствѣ какъ между собою, такъ и съ тѣми лицами, у которыхъ они крестили дѣтей; поэтому кумъ не можетъ жениться на кумѣ.

23-го Іюня. Мой личный секретарь, Rasmus Aerehoe, ходилъ къ ранней обѣднѣ со своимъ знакомымъ, Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. Лопатинскій—архимандритъ, человѣкъ высокообразованный, родился и получилъ воспитаніе въ Польшѣ, въ Лембергѣ, занимаетъ теперь должность ректора большой патріаршей школы или гимназіи въ Москвѣ, въ Петербургъ же вызванъ Царемъ по дѣлу. Въ церкви Расмусъ Эребо видѣлъ, какъ причащали четырехъ грудныхъ дѣтей. Таинство совершалось съ великимъ благоговѣніемъ въ томъ смыслѣ, что священникъ и народъ часто кланялись въ землю; священникъ вынесъ большую серебряную позлащеную чашу, въ родѣ тѣхъ, что употребляются у насъ; въ чашѣ лежала серебрянная ложечка, какими обыкновенно размѣшиваютъ сахаръ въ винѣ; этою ложечкою онъ положилъ каждому ребенку въ ротъ по немногу вина и размоченнаго въ винѣ хлѣба. За обѣднею произошло столкновеніе между прихожанами и царскимъ духовникомъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ (Theoodosius Janusky), пользующимся большимъ расположеніемъ его величества. Онъ тоже присутствовалъ при богослуженіи. Эребо знакомъ и съ нимъ. Прихожане послали сказать Яновскому, что въ церкви находится нехристь, что онъ во время литургіи сидитъ и тѣмъ выказываетъ презрѣніе къ ихъ святынѣ (они разумѣли моего секретаря, который за обѣднею дѣйствительно сѣлъ на скамью); вслѣдствіе этого они просили архимандрита, въ качествѣ духовнаго лица, взять на себя трудъ поговорить на этотъ счетъ съ означеннымъ язычникомъ и изгнать его изъ церкви. Но Яновскій, въ виду знакомства своего съ Эребо, отказался это исполнить.

Впослѣдствіи, по словамъ Яновскаго, паства осуждала его за такое бездѣйствіе и самого его называла еретикомъ, говоря, что терпимость къ язычникамъ, а тѣмъ болѣе сношеніе и дружба съ ними несовмѣстимы съ его духовнымъ саномъ. O, sancta simplicitas!

24-го Іюня. Прибылъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Голтцъ, командовавшій царскими войсками въ Польшѣ. Это человѣкъ уже пожилой, весьма опытный, умный и пользующійся добрымъ именемъ. Онъ немедленно далъ мнѣ знать о своемъ пріѣздѣ. Привезли его изъ Польши въ Москву, а оттуда въ Петербургъ, подъ стражею. Однако, исторію его приключеній не мѣшаетъ разсказать подробнѣе.

После великаго Полтавкаго боя фельдмаршалъ Гольтцъ принялъ начальство надъ небольшою арміею въ Польшѣ. Въ это время изъ Бендеръ король Шведскій послалъ къ своему правительству уполномоченнаго секретаря Клинкенштрёма съ тайными грамотами и съ предписаніемъ вѣрить ему во всемъ какъ ему самому и исполнить то, что̀ онъ передастъ. Но Клинкенштрёмъ былъ перехваченъ Поляками; его доставили въ Саксонію къ королю Августу и здѣсь допросили.

Затѣмъ король, исполняя просьбу Царя, согласился передать его Русскому правительству, послѣ чего Клинкенштрёмъ былъ препровожденъ подъ карауломъ къ ген. Гольтцу для немедленной отсылки, подъ бдительнымъ надзоромъ, въ Москву, гдѣ его должны были подвергнуть дальнѣйшему допросу. Но Гольтцъ замедлилъ его отправленіемъ, ожидая дополнительныхъ приказаній отъ Царя, которому сообщилъ объ его поимкѣ, а тѣмъ временемъ хотѣлъ его допросить самъ. Будучи заклятымъ врагомъ Гольтца, князь Меньшиковъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ обвинить его предъ Царемъ въ умышленной невысылкѣ Клинкенштрёма и, какъ это ни возмутительно, достигъ того, что Гольтца немедленно отставили отъ командованія арміею, взяли подъ стражу (задержалъ его корнетъ съ восемью человѣками солдатъ) и подъ карауломъ отправили въ Москву. Покидая армію, Гольтцъ, согласно долгу службы, передалъ плѣннаго Шведскаго секретаря Русскому генералу Янусу, принявшему послѣ него командованіе. Когда Гольтцъ пріѣхалъ въ Москву, Царь уже отбылъ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего и Гольтцу приказано было слѣдовать туда же. Но въ Петербургѣ не на̀шли въ чемъ его обвинить; однако за срамъ, которому онъ подвергся, не дали никакого удовлетворенія. Когда князь Меньшиковъ, сыгравшій съ нимъ эту штуку, увидалъ, что относительно его ошибся, то велѣлъ сказать Гольтцу, что подъ арестомъ онъ не состоитъ, и что призвали его лишь за тѣмъ, чтобъ попросить у него отчета по командованію арміею въ Польшѣ. Но Гольтцъ этимъ не удовлетворился и настоялъ на передачѣ своего дѣла въ военный судъ. Обвиненія, предъявленныя противъ Гольтца при разбирательствѣ, лишены были всякаго основанія. Главное изъ нихъ заключалось въ томъ, будто онъ упустилъ Клинкенштрёма, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сей послѣдній убѣжалъ отъ генерала Януса чрезъ шесть мѣсяцевъ по отъѣздѣ фельдмаршала изъ арміи. Словомъ, на основаніи такихъ легковѣсныхъ обвиненій, нельзя было бы задержать и простаго унтеръ-офицера. Увидавъ, что этимъ путемъ съ Гольтцомъ не сладишь, князь Меньшиковъ рѣшилъ добиться добровольнаго выхода его въ отставку съ тѣмъ, чтобы удержать за казною недоплаченное ему жалованіе, въ размѣрѣ слишкомъ 40.000 рублей, и сталъ убѣждать бывшаго фельд-

маршала ходатайствовать, чтобы Царь помиловалъ его въ томъ, въ чемъ онъ, Гольтцъ, могъ бы оказаться виноватымъ. Князь Меньшиковъ увѣрялъ его при этомъ, что подобная просьба будетъ уважена. Но Гольтцъ, считая себя правымъ, не желалъ подавать поводъ къ ложнымъ заключеніямъ о своей виновности. Къ тому же онъ опасался прямой западни: если-бъ онъ подалъ прошеніе, то такого рода «собственное его сознаніе» могло послужить предлогомъ къ его обвиненію. Въ виду этого онъ отложилъ дѣло въ долгій ящикъ, думая, что все само собою уладится; но вскорѣ замѣтилъ, что противъ него дѣйствуютъ систематично съ цѣлью избавиться отъ него (обыкновенно въ Россіи, когда хотятъ лишить какого-нибудь иностраннаго офицера причитающагося ему содержанія, противъ него возбуждаютъ преслѣдованіе, а потомъ до тѣхъ поръ водятъ его и не даютъ отставки, пока онъ не раззорится въ конецъ). Узнавъ, съ другой стороны, что вслѣдствіе объявленія Турціею войны, Царь уѣзжаетъ изъ Петербурга, Гольтцъ окончилъ таки тѣмъ, что подалъ челобитную о помилованіи. На прошеніе это послѣдовала царская резолюція, по которой Гольтцъ, въ виду-де собственнаго его признанія, лишался за свои вины недоданнаго ему жалованія, долженъ былъ кромѣ того заплатить въ военный судъ 8000 рублей судебныхъ пошлинъ, отставку свою получалъ лишь въ томъ случаѣ, если могъ въ присутствіи Царя, на очной ставкѣ съ генераломъ Янусомъ, доказать, что передалъ ему Клинкенстрёма, и наконецъ въ настоящее время имѣлъ сопутствовать Царю въ Польшу къ Русской арміи. Тутъ Гольтцу стало ясно, что онъ попался въ просакъ и, опасаясь, какъ бы въ будущемъ не постигло его что-либо еще хуже, онъ на пути въ Польшу бѣжалъ въ Данцигъ. И Царь, и князь Меньшиковъ, весьма довольные подобнымъ исходомъ, давшимъ имъ возможность удержать жалованіе Гольтца, болѣе его не преслѣдовали.

26-го Іюня. Гонецъ привезъ отъ Царя радостную вѣсть о капитуляціи Выборга, не сопровождаемую впрочемъ никакими подробностями. Вѣсть эту его величество приказалъ сообщить между прочимъ и посланникамъ союзныхъ съ нимъ государей. По полученіи ея, въ Петербургской крѣпости раздались три выстрѣла: сзываніе народа въ соборъ къ обѣднѣ для вознесенія Богу благодарственной молитвы по случаю успѣха царскаго оружія. Когда обѣдня отошла, въ крѣпости и на верфи стали стрѣлять изо всѣхъ орудій. Канцлеръ и вице-канцлеръ получили отъ Царя приказаніе немедленно ѣхать къ нему въ Выборгъ. Я собрался въ путь вмѣстѣ съ ними.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ. *)

II.

Устройство быта государственныхъ крестьянъ поселенныхъ на земляхъ, принадлежавшихъ лицамъ высшаго мусульманскаго сословія.

Съ обнародованіемъ 19 Февраля 1867 года Высочайшаго указа о прекращеніи крѣпостной зависимости въ уѣздахъ Мингрельскихъ, задача распространенія на Закавказскій край великой реформы, объявленной въ манифестѣ 19 Февраля 1861 года, была выполнена; но на главномъ Кавказскомъ начальствѣ лежала еще, въ исполненіе особаго Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ Ноябрѣ 1861 года, обязанность озаботиться устройствомъ быта казенныхъ крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ владѣльческихъ. Въ Закавказскомъ краѣ существовалъ разрядъ имѣній частнаго владѣнія, населенныхъ крестьянами лично-свободными, но тѣмъ не менѣе находившимися въ установленныхъ закономъ обязательныхъ отношеніяхъ къ собственникамъ земли. Имѣнія эти расположены въ тѣхъ частяхъ края, которыя, до присоединеніи ихъ къ Россіи, входили въ составъ сосѣднихъ мусульманскихъ государствъ, Турціи (Ахалцыхскій уѣздъ) и Персіи, или составляли самостоятельныя ханства, находившіяся большею частью въ зависимости отъ Персіи; таковыя были ханства: Ганжинское, Карабахское, Ширванское, Шекинское, Бакинское, Ленкоранское, Эриванское и Нахичеванское. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, нѣкогда подвластныхъ магометанскимъ владѣтелямъ, крѣпостной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ не существовало (ибо мусульманскій законъ такой зависимости никогда не признавалъ), но тѣмъ не менѣе установились опредѣленныя отношенія между лицами владѣвшими, на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ, землею и поселянами, на таковой живущими. Отношенія эти въ

---

*) См. выше, стр. 222.

формахъ своихъ весьма приближались къ тѣмъ, которыя существовали между помѣщиками и ихъ крѣпостными въ сосѣднихъ христіанскихъ царствахъ, Грузинскомъ и Имеретинскомъ, выражаясь въ отбываніи какъ части урожая, такъ и въ личныхъ повинностяхъ, и въ единовременныхъ разнообразныхъ приношеніяхъ. Посему, съ прекращеніемъ всякой личной зависимости бывшихъ крѣпостныхъ отъ собственниковъ земли, подобало озаботиться и объ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ, находившихся въ обязательныхъ отношеніяхъ, хотя и не крѣпостной, но все-таки имущественной зависимости. Для лучшаго уясненія дѣла неизлишне предпослать изложенію онаго нѣкоторыя историческія и экономическія разъясненія.

Имущественныя поземельныя отношенія въ мусульманскихъ частяхъ Закавказья весьма различествовали въ разныхъ мѣстностяхъ. Можно ихъ раздѣлить на три главныя группы: 1) Въ мѣстностяхъ, нынѣ входящихъ въ составъ губерній Елисаветпольской, Бакинской и въ части Тифлисской, прилегающей къ первой, существовало поземельное владѣніе лицъ высшаго мусульманскаго сословія хановъ, бековъ и агаларовъ, а также Армянскихъ меликовъ. Были они нашимъ правительствомъ узаконены Высочайшимъ рескриптомъ императора Николая I бывшему намѣстнику Кавказскому, покойному фельдмаршалу, князю Воронцову, отъ 6 Декабря 1846 года и положеніями, въ исполненіе этого рескрипта изданными. 2) Въ присоединенныхъ отъ Персіи, по Туркманчайскому трактату, бывшихъ ханствахъ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ (нынѣ Эриванская губернія) частное землевладѣніе и истекавшія изъ онаго права были въ рукахъ такъ называемыхъ мюлькадаровъ и тіулистовъ. 3) Въ присоединенномъ отъ Турціи, по Адріанопольскому миру, бывшемъ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ (нынѣ Ахалцыхскій уѣздъ Тифлисской губерніи) мы застали особый видъ землевладѣнія, основанный на Турецкихъ законахъ.

Въ виду разнообразности такихъ видовъ владѣнія и существовавшихъ отношеній между землевладѣльцами и государственными крестьянами, на такихъ земляхъ поселенными, считаю необходимымъ изложить ихъ отдѣльно.

А. По имѣніямъ хановъ, бековъ, агаларовъ и меликовъ Армянскихъ въ Елисаветпольской, Бакинской и части Тифлисской губерніи.

Выше было указано, что поземельныя права и отношенія въ этихъ мѣстностяхъ были опредѣлены Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 6 Декабря 1846 года, на имя бывшаго намѣстника Кавказскаго, князя Воронцова. Рескриптомъ этимъ за ханами, беками, Армянскими меликами и агаларами *утверждались и жаловались* въ собственность

тѣ земли, *которыми роды ихъ владѣли при присоединеніи этихъ частей края къ Россіи*, или которыя имъ были возвращены или пожалованы правительствомъ. Употребленныя въ рескриптѣ два выраженія: «*утвержденіе*» и «*пожалованіе*» оправдывались тѣмъ, что первое относилось къ имѣніямъ хановъ, бековъ и Армянскихъ меликовъ, которыя, въ день состоянія рескрипта, находились въ фактическомъ ихъ владѣніи; а второе къ имѣніямъ агаларскимъ, которыя были отъ нихъ отобраны, въ 1839 году, по представленію ревизовавшаго Закавказскій край сенатора барона Гана, и замѣнены производившимися имъ, изъ государственнаго казначейства, частью пожизненными, частью потомственными, пенсіями. Высочайшій рескриптъ состоялся вслѣдствіе представленія князя Воронцова, но самое дѣло объ установленіи имущественнаго права лицъ принадлежащихъ къ высшему мусульманскому сословію началось до его назначенія, а именно послѣ посѣщенія Закавказскаго края бывшимъ военнымъ министромъ, княземъ Чернышовымъ, въ 1842-мъ году. Въ бытность его, агалары, лишенные деревень, которыми они управляли подали прошеніе, жалуясь на такое распоряженіе; а беки, у которыхъ баронъ Ганъ также предлагалъ отобрать земли, бывшія въ ихъ владѣніи, просили о неосуществленіи такого распоряженія. Князь Чернышовъ, въ отчетѣ своемъ Государю Императору, признавалъ такія просьбы заслуживающими вниманія правительства; вслѣдствіе этого было возложено на тогдашнее Кавказское главное начальство: вопросъ этотъ подвергнуть всестороннему обсужденію. Порученіе это не было окончено, когда князь Воронцовъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказскимъ, и въ числѣ дѣлъ, которыя были поручены особенному его вниманію во время его пребыванія въ С.-Петербургѣ, передъ пріѣздомъ на Кавказъ, было и дѣло объ установленіи имущественнаго права лицъ высшаго мусульманскаго сословія. Будучи, на первыхъ порахъ, занятъ военными заботами, князь Воронцовъ поручилъ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго начальника гражданскаго управленія, генералъ-лейтенанта Ладинскаго, составить предположенія по означенному дѣлу. Коммиссія эта и разработала проектъ, который, одобренный княземъ Воронцовымъ и удостоенный Высочайшаго утвержденія, послужилъ основаніемъ къ Высочайшему рескрипту 6 Декабря 1846 года. Такое исходатайствованное бывшимъ намѣстникомъ разрѣшеніе дѣла объ имущественныхъ правахъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія подверглось, особенно въ новѣйшее время, частымъ порицаніямъ, довольно рѣзкимъ. Не говорю уже о прочитанномъ мною, въ одномъ повременномъ изданіи, обвиненіи князя Воронцова, будто онъ въ этихъ мѣстностяхъ ввелъ до того несуществовавшее крѣпостное

право: это обвиненіе до такой степени свидѣтельствуетъ о полномъ незнаніи дѣла, что оно не требуетъ опроверженія. Къ сожалѣнію и изъ весьма авторитетныхъ сферъ исходило мнѣніе, будто исходатайствованное покойнымъ намѣстникомъ утвержденіе за беками и агаларами поземельной собственности нарушило государственные интересы и не оправдывалось требованіями справедливости, такъ какъ означенныя лица никогда не были владѣльцами такихъ имѣній, а только были управляющими оными. Такое, по моему убѣжденію, совершенно несправедливое обвиненіе побуждаетъ меня съ нѣкоторою подробностью остановиться на событіи, которому былъ я личный свидѣтель.

а) По имѣніямъ хановъ, бековъ и Армянскихъ меликовъ.

Извѣстно, что мусульманскій законъ не освящаетъ права поземельной собстенности въ тѣхъ прочныхъ и непоколебимыхъ формахъ, въ которыхъ оно ограждается законодательствами христіанскими, провозглашая то отвлеченно-идеальное начало, что земля есть собственность Аллаха и его представителя, калифа. Въ примѣненіи къ такому взгляду всякіе мусульманскіе властители считали себя собственниками своихъ владѣній, уступая владѣніе частями онаго лицамъ, пользовавшимся ихъ благорасположеніемъ, въ замѣнъ извѣстныхъ со стороны сихъ послѣднихъ обязанностей. Поэтому ни право полнаго распоряженія, въ смыслѣ заклада или отчужденія, ни безусловное право наслѣдованія, безъ особеннаго, каждый разъ освященія его, во многихъ мусульманскихъ мѣстностяхъ не существовали. Подобными взглядами руководствовались и владѣтели Закавказскихъ ханствъ; они своимъ приближеннымъ, или лицамъ, умѣвшимъ пріобрѣсти ихъ расположеніе и поэтому составлявшимъ высшее сословіе, жаловали во владѣніе селенія, съ правомъ взиманія съ жителей всѣхъ повинностей, которыми сіи послѣдніе были обложены въ пользу хана, но съ обязанностью являться съ вооруженными людьми, для составленія ханскаго войска. Напоминало это въ нѣкоторой степени и феодализмъ, и, быть можетъ еще болѣе, существовавшее въ древней Руси помѣстное положеніе. Вмѣстѣ съ правомъ полученія доходовъ съ имѣнія предоставлялась и полицейская власть. Хотя, въ случаѣ кончины владѣльца, наслѣдники его не могли считать вступленіе въ права умершаго за собою обезпеченнымъ, если на то не было изъявлено согласіе хана; но, силою обычая, права эти переходили по наслѣдству и, такимъ образомъ, бóльшая часть имѣній, въ моментъ подчиненія ханствъ Русскому владычеству, находилась въ наслѣдственномъ, нѣсколько поколѣній сряду, фактическомъ владѣніи извѣстныхъ бекскихъ родовъ. Это фактическое владѣніе было нашимъ правительствомъ настолько признано,

что когда, послѣ побѣга въ Персію послѣдняго Карабахскаго владѣльца, Мехти-Кулихана, нѣкоторыя имѣнія послѣдовавшихъ за нимъ бековъ были конфискованы: то, по возвращеніи бѣжавшихъ и ихъ помилованіи, имѣнія, которыми они владѣли, были имъ возвращены. Особое сословіе Армянскихъ меликовъ, о которомъ было упомянуто въ Высочайшемъ рескриптѣ 1846 года, имѣло свое основаніе въ томъ обстоятельствѣ, что въ предѣлахъ ханствъ были поселены и Армянскія деревни; они отдавались въ пользованіе и владѣніе почетнымъ лицамъ изъ Армянъ, которыя носили названіе *меликовъ* (въ переводѣ старшина), находясь въ тѣхъ же отношеніяхъ къ населяющимъ эти имѣнія поселянамъ, въ которыхъ находились мусульманскіе беки. Также немалую часть этихъ меликовъ наше правительство застало владѣющими наслѣдственно деревнями, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, и это владѣніе, «tacitu consensu», утвердило. Такое фактическое владѣніе продолжалось, въ разныхъ бывшихъ ханствахъ, смотря по времени ихъ присоединенія къ Россіи, по нѣскольку десятковъ лѣтъ; но какого нибудь законодательнаго акта, освящавшаго это владѣніе и приведшаго его подъ охрану нашихъ гражданскихъ законовъ, не было издаваемо; а потому такое имущественное положеніе не было прочно. Когда сенаторъ баронъ Ганъ возбудилъ вопросъ объ обращеніи подобныхъ имѣній въ казну, онъ становился главнѣйше на ту теоретическую почву, что въ мусульманскихъ странахъ прàва поземельной собственности не существуетъ, и что поэтому поземельное владѣніе бековъ, меликовъ и агаларовъ не можетъ быть признано подходящимъ подъ понятіе о частной поземельной собственности. Мнѣніе это поддерживалось и нѣкоторыми изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, когда въ 1846 г. въ Кавказскомъ Комитетѣ обсуждалось представленіе князя Воронцова; но большинство членовъ Комитета присоединилось къ мнѣнію князя Воронцова, которое и было Высочайше утверждено. Трудно объяснить себѣ, какое иное разрѣшеніе въ 1846 году, бывшій намѣстникъ могъ бы (въ интересахъ государства и его достоинства) предлагать вопросу объ имущественныхъ правахъ хановъ, бековъ и Армянскихъ меликовъ, какъ не то, которое имъ было предложено. Съ точки зрѣнія справедливости нельзя было не признать, что имѣнія ханскія, бекскія и меликскія находились въ дѣйствительномъ, наслѣдственномъ владѣніи лицъ и родовъ, въ продолженіи десятилѣтій Русскаго владѣнія, что владѣніе это правительствомъ не оспаривалось, а напротивъ того различными административными распоряженіями подтверждалось. Это было своего рода право давности, самою правительственною властію и ея дѣйствіями созданное. Такое фактическое право вдругъ уничтожить на основаніи одного только теоретическаго

подчиненія отвлеченному и даже не вполнѣ доказанному началу, извлеченному изъ мусульманскаго закона, едва ли согласовалось бы съ достоинствомъ правительства; въ дѣйствительности оно уподобилось бы конфискаціи. Рѣшиться на подобную рѣзкую, несправедливую мѣру, во всякое время, не приличествовало; но тогда, когда Кавказъ далеко не былъ умиротворенъ, когда положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ, напротивъ того, только что начинало оправляться послѣ кризиса 1843 года, созидать искусственно справедливое неудовольствіе цѣлаго многочисленнаго, оскорбленнаго въ важнѣйшихъ своихъ жизненныхъ интересахъ сословія, единовѣрнаго съ бунтовавшими Дагестанцами, было бы въ высшей степени неосторожно. Если бы правительство рѣшилось отобрать бекскія имѣнія, то явился бы не лишенный весьма серіознаго значенія вопросъ: что̀ же съ этимъ многочисленнымъ, лишеннымъ средствъ къ существованію, сословіемъ дѣлать? Нельзя же было пустить его по міру, а пришлось бы обезпечить его существованіе изъ средствъ государственной казны; а какихъ бы это потребовало отъ нея жертвъ, исчислить трудно. Безъ подобнаго вознагражденія создался бы пролетаріатъ изъ людей, жившихъ въ достаткѣ, непривыкшихъ къ личному труду, носившихъ оружіе, имѣвшихъ вліяніе на массу населенія и ничѣмъ въ общемъ своемъ составѣ передъ правительствомъ не провинившихся. Никакой добросовѣстный правитель не могъ бы принять на свою отвѣтственность предложить высшему правительству подобное рѣшеніе. *Утверждая* въ собственность за ханскими родами, беками и Армянскими меликами имѣнія, которыми они безспорно владѣли со времени присоединенія этихъ областей къ Россійской Имперіи, правительство въ 1846 г. поступило и справедливо, и мудро. Положеніе крестьянъ, поселенныхъ въ такихъ имѣніяхъ, ни въ чемъ не измѣнялось противъ того, къ которому они искони привыкли; отбывали они, изъ рода въ родъ, владѣльцамъ повинности совершенно однородныя съ тѣми, которыя помѣщики Грузіи и Имеретіи взимали со своихъ крѣпостныхъ, за пользованіе землею; разница состояла въ меньшемъ размѣрѣ повинностей, и главнѣйше въ томъ, что крестьяне въ мусульманскихъ областяхъ были лично-свободные и не испытывали никогда на себѣ гнета крѣпостнаго права. Такое ихъ личное положеніе было торжественно освящено Высочайшимъ рескриптомъ, который причислилъ ихъ къ разряду государственныхъ крестьянъ. Изданное же, во исполненіе рескрипта, особое (отъ 20 Апрѣля 1847 г.) положеніе о взаимныхъ отношеніяхъ бековъ и поселянъ въ бывшихъ губерніяхъ Шемахинской и Дербентской, не въ малой степени облегчило симъ послѣднимъ отбывавшіяся им и часто подвергавшіяся произвольному отягощенію повинности.

Предоставленный этимъ же положеніемъ бекамъ полицейскій надзоръ за населеніемъ оправдывался, съ одной стороны, состоявшимся, до учрежденія намѣстничества, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 29 Сентября 1844 г., въ которомъ было выражено: «беки должны сохранить вліяніе на крестьянъ, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе будутъ начертаны особыми положеніями»; съ другой, крайнею въ то время недостаточностью административно-полицейскаго правительственнаго управленія: тогда весь Закавказскій край былъ раздѣленъ только на двѣ административныя единицы, губерніи Грузинско-Имеретинскую и Шемахинскую; почти всѣ бывшія ханства, за исключеніемъ бывшаго Ганжинскаго, входили въ составъ второй, губернскимъ центромъ которой былъ расположенный почти на окраинѣ городъ Шемаха; уѣздное управленіе, вѣдавшее обширными пространствами, было крайне недостаточное и по численности, и по составу; прямыхъ сношеній этого управленія съ сельскимъ населеніемъ, еще тогда не сблизившимся съ нашею правительственною властью, было мало; а потому пользоваться, въ качествѣ полицейской силы, высшимъ сословіемъ было, за полвѣка тому назадъ, почти необходимо. Все это съ того времени измѣнилось къ лучшему; посредничество землевладѣльцевъ для надзора за крестьянами, въ ихъ имѣніяхъ поселенными, оказалось ненужнымъ, и оно съ 1866 года прекращено.

б) *По имѣніямъ агаларскимъ.*

Нѣсколько иное было въ 1846 г. имущественное положеніе агаларовъ. Сословіе это находилось въ принадлежавшихъ бывшему Грузинскому царству, такъ называвшихся Татарскихъ дистанціяхъ, т. е. такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ населеніе было по преимуществу магометанское. Хотя не всѣ эти дистанціи, до послѣднихъ дней существованія Грузинскаго царства, были ему покорны, и часть оныхъ подпала подъ владычество послѣдняго Ганжинскаго ханства, но имущественныя отношенія не измѣнились. Въ составъ Татарскихъ дистанцій входили: нынѣшній Борчалинскій уѣздъ, Тифлисской губерніи, и уѣзды Казахскій и Елисаветопольскій, Елисаветопольской губерніи. Здѣсь деревни, населенныя крестьянами лично-свободными, находились во владѣніи и управленіи лицъ, носившихъ названіе «агаларовъ», происходящее отъ слова «ага», т. е. управляющій или старшина. Агалары эти, точно также какъ и беки и Армянскіе мелики, пользовались отъ крестьянъ повинностями изъ части урожая, рабочими днями и личною службою въ ихъ домахъ; они, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляли полицейскую власть въ этихъ селеніяхъ. При Грузинскихъ царяхъ, и

послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи, въ Татарскія дистанціи назначались особые правители изъ Грузинскихъ князей, подъ названіемъ *моуравовъ*; они представляли правительственную власть, и подъ ихъ начальствомъ агалары, въ деревняхъ проживавшіе, имѣли полицейскій надзоръ за населеніемъ; но въ такомъ полицейскомъ надзорѣ принимали участіе не всѣ наличные агалары, хотя всѣ они пользовались повинностями отъ крестьянъ. Изъ архивныхъ дѣлъ главнаго управленія намѣстника Кавказскаго, изданныхъ въ Трудахъ Археографической Коммисіи, усматривается между прочимъ, что еще въ 1806 году, въ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 2 Февраля, на имя князя Циціанова, было постановлено: «чтобы въ помощники моураву былъ, по выбору сего послѣдняго и съ утвержденія главноуправляющаго, назначаемъ *одинъ изъ агаларовъ*, на трехлѣтній срокъ, съ присвоеніемъ ему особаго содержанія». Въ 1819 году бывшій главноуправлявшій, генералъ Ермоловъ, издалъ особое положеніе объ агаларахъ, въ которомъ, хотя они названы управляющими деревнями, но тѣмъ не менѣе установлены повинности въ ихъ пользу отъ крестьянъ, частью урожая, работою и прислугою, не только лично для управлявшихъ деревнями, но и для ихъ родственниковъ. Наконецъ, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ отобранія у агаларовъ владѣнія деревнями, 29 Сентября 1844 года, во время управленія краемъ генерала Нейдгарта, состоялось Высочайшее повелѣніе, въ которомъ было выражено: «изыскивая вѣрные способы къ обезпеченію существованія агаларовъ и къ возможному уравненію, какъ взаимныхъ выгодъ агаларовъ въ частности, такъ и вообще всего сословія агаларовъ съ сословіемъ бековъ, равныхъ имъ по происхожденію и политическому значенію въ народѣ» и т. д. Изъ этихъ выраженій усматривается, что высшее правительство въ то время было озабочено положеніемъ всего сословія агаларовъ, которое приравнивалось къ сословію бековъ. Въ томъ же Высочайшемъ повелѣніи постановлялось, что личныя права агаларовъ имѣютъ быть сравнены съ правами бековъ, на основаніи особо-данныхъ Высочайшихъ разрѣшеній. Когда коммисія, подъ предсѣдательствомъ генерала Ладинскаго, проектировала возвращеніе агаларамъ имѣній, которыя были у нихъ отобраны по представленію сенатора барона Гана, она вѣроятно имѣла между прочимъ въ виду и это Высочайшее повелѣніе, въ которомъ высказывался взглядъ высшаго правительства на однородность положенія агаларовъ и бековъ. Можно конечно о цѣлесообразности возвращенія агаларамъ единожды отобранныхъ земель имѣть мнѣнія различныя; особенно нетрудно осуждать его спустя полвѣка послѣ событія, когда и опытъ времени, и измѣнившіяся условія гражданской жизни края даютъ не существовавшій въ то время

матеріалъ для обсужденія подобнаго вопроса. Въ 1846 году, склоняясь въ пользу возстановленія поземельныхъ правъ агаларовъ, бывшій намѣстникъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, въ виду тѣ же административныя, если не сказать мѣстныя политическія соображенія, которыя, независимо другихъ причинъ, говорили въ пользу утвержденія за беками ихъ владѣнія землями; находилъ онъ для общественнаго порядка болѣе выгоднымъ существованіе сословія агаларовъ, имущественно-обезпеченнаго и поэтому въ покорности правительству прямо заинтересованнаго, нежели недовольнаго, худо обезпеченнаго довольно-скудными пенсіями, въ немалой части лишь пожизненными, и поэтому, при малой образованности и привычкѣ къ безразличному въ цѣляхъ удальству, грозящее составить элементъ для разбоевъ и для тайныхъ или открытыхъ сношеній съ бывшими съ нами въ дѣятельной борьбѣ Лезгинами. Имѣть такое гнѣздо безпорядка и опасности около самаго Тифлиса, центра управленія, могло казаться и неосторожнымъ, и неблагоразумнымъ. Всѣ эти соображенія для нынѣшнихъ порицателей дѣйствій князя Воронцова конечно не существуютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что надежды возлагавшіяся на агаларовъ-собственниковъ, какъ блюстителей и хранителей общественной безопасности, въ большей мѣрѣ не оправдались, и что и донынѣ въ сословіи этомъ можно насчитать немало готоваго для разбоя и укрывательства элемента; но дѣятели средины сороковыхъ годовъ не обладали даромъ предвидѣнія, а могли основывать свои дѣйствія только на почвѣ современной разумной вѣроятности. Что же касается положенія крестьянъ, то было ли оно лучшее подъ властью мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ, нежели связанныхъ съ ними въ интересахъ собственниковъ земли, считаю, въ меньшей мѣрѣ, сомнительнымъ. Высочайшимъ рескриптомъ 6 Декабря 1846 года, агаларамъ были, въ видѣ Монаршей милости, *пожалованы* земли, которыя находились въ ихъ владѣніи до отобранія ихъ въ казну. Положеніе же объ отношеніяхъ къ агаларамъ государственныхъ крестьянъ, на этихъ земляхъ поселенныхъ, удостоилось собственноручнаго Высочайшаго утвержденія 28 Декабря 1847 года. Въ силу этого положенія, между прочимъ, полицейскій надзоръ за крестьянами въ деревняхъ агаларскихъ былъ порученъ имъ; но уже въ 1861 году, по представленію тогдашняго Тифлисскаго губернатора, было намѣстникомъ Кавказскимъ, княземъ Барятинскимъ, исходатайствовано Высочайшее разрѣшеніе на освобожденіе агаларовъ отъ управленія крестьянами, а сихъ послѣднихъ отъ особой повинности «эврезъ», т. е. вспоможенія мірскою сходкою, которая отбывалась *специально за управленіе* или завѣдываніе полицейскими обязанностями, и лишь тѣми изъ агаларовъ, на которыхъ исполненіе этихъ обязанностей было возложено.

Высочайше утвержденныя положенія 20 Апрѣля и 28 Декабря 1847 года о взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ и поселянъ, на ихъ земляхъ водворенныхъ, въ имѣніяхъ хановъ, бековъ, меликовъ и агаларовъ, опредѣлили, въ главныхъ чертахъ: 1) причисленіе крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія и Армянскихъ меликовъ, къ разряду государственныхъ крестьянъ; 2) что за этими крестьянами обезпечивалось постоянное пользованіе землями, на коихъ они были водворены; 3) обязывало землевладѣльцевъ отводить поселянамъ, на каждую душу мужескаго пола, начиная съ 15-ти лѣтняго возраста, по 5 десятинъ удобной земли, если въ пользованіи поселянъ было менѣе этого количества, а у землевладѣльца свободная земля; 4) земля подлежавшая отводу поселянамъ предназначалась подъ хлѣбопашество, скотоводство, огородничество и садоводство; 5) за пользованіе владѣльческою землею поселяне обязывались отбывать повинности, тѣже которыя они привыкли отбывать, но съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ размѣра, не подлежавшаго впредъ произвольному увеличенію. Повинности эти были: а) выдѣлъ *десятой* части урожая со всѣхъ земныхъ произведеній въ пользу владѣльца—повинность эта называлась на мѣстномъ языкѣ «*малджегатъ*» *); б) прислуга домашняя; но повинность эта не была *дополнительная*, а замѣняющая другія (такъ, крестьянскій дымъ, выставлявшій прислугу, освобождался на то время отъ всякихъ другихъ повинностей); владѣлецъ же, кромѣ обязанности содержать и одѣвать такую прислугу, долженъ былъ вносить за семейство, къ которому она принадлежала, государственныя и земскія повинности; обязательный срокъ служенія опредѣленъ былъ годичный; в) рабочіе дни; они имѣли отбываться въ количествѣ различномъ; такъ, въ ханскихъ, бекскихъ и меликскихъ имѣніяхъ, въ размѣрѣ 18 дней въ году, а въ агаларскихъ въ размѣрѣ лишь 8 дней; добавлялось еще по два дня «*евреза*», о которомъ было объяснено выше. Къ этому было присовокуплено, что, если владѣлецъ не будетъ имѣть нужды въ работахъ, то они могли замѣняться денежною платою по обоюдному соглашенію, но не свыше какъ по 20 коп. за день въ имѣніяхъ ханскихъ, бекскихъ и меликскихъ, и по 10 коп. въ имѣніяхъ агаларскихъ.

Обязательный для землевладѣльцевъ отводъ поселянамъ по 5 десятинъ на душу мужескаго пола, считая съ 15-тилѣтняго возраста, въ немалой части случаевъ не могъ осуществиться на практикѣ.

---

*) Повинность эта могла быть увеличена на 1/5 части въ ханскихъ и бекскихъ имѣніяхъ, когда, по взаимному соглашенію, землевладѣлецъ снабжалъ крестьянина сѣменами, полевыми, садовыми или огородными или же давалъ скотъ и орудія.

препятствовали этому двѣ главныя причины: первая, что у многихъ изъ землевладѣльцевъ не было, въ общей совокупности, достаточно способной къ культурѣ земли, чтобы произвести надѣлы въ такомъ размѣрѣ; вторая, не менѣе важная, что самыя средства поселянъ, въ большей части случаевъ, были далеко недостаточны для воздѣлыванія такого количества земли, въ особенности въ мѣстностяхъ, способныхъ къ произростанію болѣе цѣнныхъ продуктовъ, какъ то риса хлопчатника, шелка, которые, для обильныхъ урожаевъ, требуютъ тщательной обработки, постоянной поливки и довольно сложныхъ работъ. А какъ, между тѣмъ, въ справедливомъ охраненіи интересовъ владѣльцевъ, положенія обязывали крестьянъ воздѣлывать отведенные имъ участки: то, при несоразмѣрномъ для средствъ ихъ пространствѣ таковыхъ, часто случалось, что опредѣленный размѣръ такого отвода являлся болѣе тягостію нежели благодѣяніемъ. Поэтому сама жизнь ввела въ это постановленіе довольно существенныя измѣненія. По доставленнымъ губернаторами, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, свѣдѣніямъ оказывалось, что въ агаларскихъ имѣніяхъ Тифлисской губерніи размѣръ поселянскаго надѣла, съ включеніемъ усадебной земли, составлялъ едва ли половину опредѣленнаго положеніемъ размѣра; въ тѣхъ же имѣніяхъ въ Елисаветопольской губерніи 15 десятинный надѣлъ на дымъ (дымъ принимался обыкновенно за 3 души) принадлежалъ меньшинству, у большинства же онъ часто не доходилъ до десяти десятинъ. Въ бекскихъ же имѣніяхъ Елисаветопольской губерніи дѣйствительный размѣръ надѣла былъ различный по уѣздамъ, смотря по скученности населенія и по отраслямъ сельско-хозяйственной промышленности, колеблясь между 10, 15, даже въ Зангезаурскомъ уѣздѣ доходя иногда до 20 десятинъ на дымъ; въ Бакинской губерніи колебанія были еще значительнѣе, начиная отъ 5 и доходя до 25 десятинъ. Въ Джеватскомъ же уѣздѣ, гдѣ земли, способныя къ орошенію, малочисленны, сосредоточиваясь около береговъ Куры и притока ея, Аракса, крестьяне распахивали не болѣе какъ отъ 3 до 5 десятинъ на дымъ.

Б. Въ Эриванской губерніи.

Присоединенныя отъ Персіи въ 1827 г., въ силу Туркманчайскаго трактата, два ханства, Эриванское и Нахичеванское, составили созданную, вслѣдъ за включеніемъ ихъ въ составъ Россійской имперіи, Армянскую область; упраздненная въ 1841 году, она была замѣнена двумя уѣздами: Эриванскимъ и Нахичеванскимъ, вошедшими въ составъ тогдашней Грузино-Имеретинской губерніи; а въ 1848 г. была образована особая Эриванская губернія, съ присоединеніемъ къ двумъ

названнымъ уѣздамъ еще уѣзда Александропольскаго. Въ ханствахъ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ существовалъ довольно своеобразный видъ поземельнаго владѣнія, носившій названіе *мюлька* и *тіула*. Основанъ онъ былъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. При Персидскомъ правительствѣ сельское населеніе считалось обязаннымъ отдавать, въ видѣ повинности поземельной и податей, одну треть урожая; дѣлилась таковая на двѣ части: первая, опредѣлявшаяся въ $^{4}/_{30}$, представляла какъ бы повинность за пользованіе землею и называлась *мюлькъ*; вторая, составляя $^{6}/_{30}$, выражала, по нашему пониманію, государственную подать и называлась *тіулъ*. Владѣтели ханствъ, а иногда и шахи Персидскіе (которые считали себя верховными властителями, хотя власть ихъ проявлялась разновременно, то слабо, то сильнѣе), жаловали разнымъ лицамъ въ деревняхъ *мюлькъ*, что давало такимъ владѣльцамъ право на полученіе отъ крестьянъ соотвѣтствующей части урожая; другая же часть, *тіулъ*, продолжала поступать въ казну ханскую или шахскую. Но случалось, и не рѣдко, что и тіулъ жаловался частному лицу, чаще всего въ той же деревнѣ, въ которой прежде былъ отданъ *мюлькъ*, въ каковомъ случаѣ весь доходъ отъ этой деревни поступалъ въ пользу такого лица, но иногда тіулъ жаловался независимо отъ мюлька. Создало это два разряда землевладѣнія—разрядъ *мюлькадаровъ* и разрядъ *тіулистовъ*. Первые ближе подходили къ нашему пониманію землевладѣльца, тѣмъ болѣе, что права ихъ были наслѣдственныя и могли быть отчуждаемы; вторые являлись скорѣе лицами пользующимися государственною арендою, большею частью пожизненною (хотя по видимому и были случаи, когда тіулъ былъ наслѣдственный, но это были исключенія, а не правило). Названіе «мюлькадаровъ» и «тіулистовъ», дѣйствіемъ обычая, обратилось какъ бы въ опредѣленіе сословное, и противупоставлялись названіямъ бековъ или агаларовъ; въ дѣйствительности же оно обозначало только опредѣленный видъ полученія доходовъ съ имѣній, совершенно независимо отъ сословнаго положенія; владѣли же мюльками преимущественно лица высшаго сословія—беки. Первымъ почти актомъ Россійскаго правительства, относительно имущественныхъ поземельныхъ правъ во вновь присоединенной къ имперіи области, былъ Высочайшій рескриптъ на имя фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, отъ 13 Іюля 1830 г., въ силу котораго, между прочимъ, повелѣвалось: «всѣмъ, у которыхъ, за неблагонамѣренность къ правительству или по политическимъ причинамъ, а также бѣжавшимъ за границу и за тѣмъ возвратившимся, имѣнія были отобраны въ казну, таковыя возвратить или за ихъ смертью ихъ семействамъ и ближайшимъ наслѣдникамъ». На основаніи означеннаго Высочайшаго рескрипта жители области

получили въ возвратъ имѣнія, у нихъ отобранныя, заключавшія въ себѣ мюльки и тіулы. Хотя, въ подкрѣпленіе подобныхъ имущественныхъ правъ, и было, вслѣдъ за заключеніемъ съ Персіей мира, потребовано представить надлежащіе документы, выданные при Персидскомъ правительствѣ, но представленіе это производилось очень медленно и не полно; подтвердительнымъ документомъ явилось первое, произведенное въ новоприсоединенной области, камеральное описаніе, въ которомъ мюлькадарскія и тіульныя имѣнія были показаны. Въ 1837 году, въ бытность въ Эривани въ Бозѣ почившаго императора Николая I, тамошніе мюлькадары и тіулисты приносили Его Величеству жалобу на стѣсненіе ихъ правъ, и бывшій начальникъ области, генералъ-маіоръ князь Бебутовъ, по поводу такой жалобы докладывалъ, что имъ по этому предмету уже сдѣлано подробное представленіе главноуправлявшему краемъ, барону Розену; а Государь Императоръ поручилъ ревизовавшему въ то время Закавказскій край сенатору барону Гану таковое представленіе разсмотрѣть и по содержанію онаго представить заключеніе. Баронъ Ганъ, вѣрный своему основному взгляду, что въ мусульманскихъ странахъ прàва поземельной собственности, будто, не существуетъ, пріурочилъ, во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ, мюльки къ наслѣдственнымъ арендамъ, подобно существовавшимъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, а тіулы къ казеннымъ деревнямъ, доходы съ которыхъ предоставлялись отдѣльнымъ лицамъ; наслѣдственныхъ тіуловъ онъ не признавалъ. Вслѣдствіе такого взгляда баронъ Ганъ предлагалъ обусловить нѣкоторыми ограничительными мѣрами владѣніе мюльками и тіулами. Донесеніе барона Гана было препровождено на заключеніе замѣнившаго барона Розена, главноуправлявшаго генерала Головина, который передалъ оное на обсужденіе Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края. Совѣтъ находилъ, что всѣ свѣдѣнія, имѣвшіяся въ дѣлахъ, въ особенности о правѣ продажи и наслѣдственной передачи, убѣждали, что владѣемыя мюлькадарами земли составляли неотъемлемую ихъ собственность, и что хотя владѣніе это связано было съ нѣкоторыми ограниченіями, состоявшими въ томъ, что мюлькадаръ не могъ требовать съ поселянъ, на землѣ его живущихъ, болѣе положенной части урожая, и былъ обязанъ платить самъ въ казну поземельную подать; но сіи ограниченія, проистекая изъ мѣстныхъ обычаевъ и отъ системы сборовъ, бывшей при прежнемъ правительствѣ и не чуждой другимъ мѣстамъ Закавказскаго края, не должны лишать, во всемъ другомъ, мюлькадаровъ права распоряжаться своею собственностью. Относительно же тіуловъ Совѣтъ Главнаго Управленія находилъ, что хотя при Персидскомъ правительствѣ и существовали тіулы на правѣ наслѣдственномъ, но что сохра-

неніе такого права неудобно, и это тѣмъ болѣе, что уже Высочайше утвержденнымъ предположеніемъ князя Варшавскаго опредѣлено было тіулы оставить пожизненно. Въ этомъ же постановленіи Совѣта были опредѣлены нѣкоторыя частности отношеній мюлькадаровъ къ землямъ имъ принадлежавшимъ и къ поселянамъ на нихъ живущимъ. Положеніе Совѣта было, въ Іюнѣ 1839 г., сообщено генераломъ Головинымъ, генералъ-адъютанту князю Чернышову, и симъ послѣднимъ передано въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Относительно главныхъ вопросовъ о поземельныхъ правахъ мюлькадаровъ и тіулистовъ министерство находило, что изъ имѣвшихся свѣдѣній оказывалось, что мюлькадаръ не есть временной владѣлецъ государственныхъ имуществъ, но и не владѣлецъ земли, а лицо, которому бывшее правительство обязывалось выдавать изъ назначаемой деревни опредѣленную часть урожая; что слѣдственно онъ наслѣдственный пайщикъ казеннаго дохода, имѣвшій право этотъ пай отчуждать по своему усмотрѣнію. При прежнемъ управленіи сборъ съ поселянъ всѣхъ слѣдовавшихъ съ нихъ повинностей производился сборщиками ханскими, которые, выдѣливъ изъ общаго сбора часть слѣдовавшую мюлькадару, т. е. $^{4}/_{30}$— остальную $^{6}/_{30}$ обращали въ ханскую казну, если она не была отдана въ тіулъ. Съ уничтоженіемъ казенныхъ сборщиковъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, для обезпеченія правъ мюлькадаровъ на полученіе причитающейся имъ части, предлагало выдѣлить имъ въ полную собственность $^{4}/_{30}$ часть общаго пространства ихъ селеній. Вмѣстѣ съ этимъ выражалось и то соображеніе, что, такъ какъ, при Персидскомъ правительствѣ, взималась отъ жителей надлежащая часть со всѣхъ вообще произведеній земли, то, хотя казна съ 1835 года отказалась отъ такого дохода, но мюлькадары не могутъ быть лишены такого права, въ предѣлахъ имъ причитавшихся долей. Относительно тіуловъ Министерство Государственныхъ Имуществъ утвердило взглядъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края, что они должны признаваться лишь пожизненными. Что же касается одновременно возбужденнаго вопроса о томъ, слѣдовало ли продолжать розысканіе о правахъ и документахъ тѣхъ лицъ, которыя вступили во владѣніе имѣніями, съ утвержденія Россійскаго правительства, то министерство находило, что оно было бы несогласно съ достоинствомъ Имперіи и несовмѣстно съ положеніемъ самого края, завоеваннаго, но еще не укрѣпившагося, въ которомъ возбуждать неудовольствіе въ людяхъ высшаго класса, коимъ предоставлены мюльки, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Препровождая заключеніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ Январѣ 1840 г., къ генералу Головину, графъ Киселевъ присовокуплялъ, что, по недостаточности вообще свѣдѣній, имѣв-

шихся въ министерствѣ о Закавказскомъ краѣ, онъ не признавалъ заключеніе рѣшительнымъ, а сообщалъ его на ближайшее усмотрѣніе главноуправлявшаго. Вслѣдствіе такого сообщенія дѣло это опять поступило на обсужденіе Совѣта Главнаго Управленія. Для болѣе опредѣлительнаго и согласнаго съ современною дѣйствительностью постановленія, Совѣтъ счелъ нужнымъ, чтобы были на мѣстѣ собраны необходимыя данныя. Порученіе это было возложено на существовавшую тогда Грузино-Имеретинскую Палату Государственныхъ Имуществъ. Изъ поступившаго отъ 22 Ноября 1844 г. донесенія Палаты усматривалось, что, по крайней недостаточности имѣвшихся въ дѣлахъ мѣстныхъ уѣздныхъ управленій свѣдѣній, было крайне затруднительно привести въ положительную извѣстность дѣйствительное положеніе мюлькадарскаго и тіульскаго вопроса. Для возможнаго пополненія этого пробѣла, управлявшій Палатою, въ бытность свою въ 1843 г. въ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ уѣздахъ, обращался лично къ разсмотрѣнію подлинныхъ дѣлъ, въ уѣздныхъ управленіяхъ имѣвшихся; но и разсмотрѣніе это только подтвердило почти полное отсутствіе положительныхъ данныхъ; изъ поступившихъ же изъ судебныхъ мѣстъ на заключеніе Палаты Государственныхъ Имуществъ тяжебныхъ дѣлъ было извѣстно, что лица, именовавшіяся мюлькадарами, владѣли деревнями на *правѣ собственности*, какъ удостовѣряли имѣвшіеся при дѣлахъ документы, какъ-то: купчія, дарственныя, завѣщанія и другаго рода сдѣлки, совершенныя порядкомъ, при Персидскомъ правительствѣ существовавшимъ, по которымъ такія имѣнія переходили отъ одного владѣльца къ другому, безъ объясненія впрочемъ взаимныхъ отношеній владѣльцевъ деревень и поселянъ. Управлявшій Палатою составилъ списки мюлькадарскимъ и тіульнымъ имѣніямъ; но списки эти могли быть основаны лишь на камеральномъ описаніи 1831 года и на донесеніяхъ коммисіи, имѣвшей въ 1828 г. задачею приведеніе въ извѣстность поземельнаго положенія вновь пріобрѣтенной области. Палата испрашивала разрѣшенія приступить къ повѣркѣ принадлежности мюлькадарскихъ и тіульныхъ имѣній лицамъ, въ спискахъ значущимся, посредствомъ документовъ у нихъ имѣвшихся.

Донесеніе это подано въ бытность уже главноуправлявшимъ генерала Нейдгарта, который счелъ нужнымъ 29 Ноября 1844 года передать его на предварительное разсмотрѣніе бывшаго до того Грузино-Имеретинскаго губернатора, князя Палавандова. Сей послѣдній представилъ свое заключеніе въ рапортѣ отъ 15 Марта 1845 года, въ которомъ высказывался въ пользу правъ собственности мюлькадаровъ и возобновлялъ выраженное въ прежнее время начальникомъ

Армянской области, княземъ Бебутовымъ, мнѣніе о существованіи наслѣдственныхъ тіуловъ, на ряду съ пожизненными.

Такимъ образомъ, въ продолженіи 17 лѣтъ со времени присоединенія Армянской области къ Россійской имперіи, вопросъ о поземельныхъ правахъ собственности въ оной не получилъ окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ въ концѣ 1844 года было учреждено намѣстничество Кавказское, и съ пріѣздомъ своимъ въ Тифлисъ, въ Мартѣ 1845 г., намѣстникъ графъ Воронцовъ далъ особое движеніе дѣлу объ имущественныхъ правахъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія. Обсуждая, въ Мартѣ 1846 г., представленныя намѣстникомъ предположенія о поземельныхъ правахъ бековъ въ Шемахинской и Дербентской губерніяхъ, Кавказскій Комитетъ призналъ нужнымъ прежде окончательнаго утвержденія такого проекта разрѣшить между прочимъ вопросъ: «можно ли ограничить этотъ проектъ одними только беками и агаларами означенныхъ губерній, и не слѣдуетъ ли распространить оный также на аековъ въ уѣздахъ Эриванскомъ, Нахичеванскомъ и Ахалцыхскомъ губерніи Грузино-Имеретинской? На такой вопросъ князь Воронцовъ высказался въ смыслѣ утвердительномъ, находя желательнымъ все мусульманское высшее сословіе края привести къ единству въ отношеніи правъ на имущество. Вслѣдствіе такого отзыва состоялся Высочайшій рескриптъ отъ 6 Декабря 1846 г., которымъ даровались имущественныя права ханамъ, бекамъ, агаларамъ и *прочимъ лицамъ* высшаго мусульманскаго сословія въ Закавказскомъ краѣ. При изданіи же положенія 20 Апрѣля 1847 г. о взаимныхъ отношеніяхъ бековъ и крестьянъ, водворенныхъ въ бывшихъ Шемахинской и Дербентской губерніяхъ, предоставлялось намѣстнику Кавказскому, *примѣняясь къ началамъ изложеннымъ въ томъ положеніи*, составить и ввести, или представить въ Кавказскій Комитетъ проектъ правилъ объ отношеніяхъ поселянъ къ бекамъ, живущимъ въ *другихъ частяхъ Закавказскаго края*, внѣ означенныхъ двухъ губерній. Проектъ такого положенія былъ намѣстникомъ внесенъ въ Кавказскій Комитетъ въ началѣ 1851 г. Комитетъ, принявъ во вниманіе, что внесенный проектъ составленъ примѣнительно къ положеніямъ, изданнымъ въ 1847 г. для другихъ губерній, и что онъ, по удостовѣренію главнаго Кавказскаго начальства, основанъ на мѣстныхъ обычаяхъ, и, сдѣлавъ въ текстѣ проекта нѣкоторыя частныя измѣненія, предложенныя Министромъ Государственныхъ Имуществъ и княземъ Воронцовымъ принятыя, представилъ намѣстнику Кавказскому, по исправленіи проекта согласно сдѣланнымъ имъ замѣчаніямъ, ввести его въ дѣйствіе. Въ силу этого проекта мюлькадарамъ предоставлялось: 1) взимать $^{4}/_{30}$ части урожая всѣхъ произведеній земли и требовать доставленія

таковыхъ къ мѣсту своего жительства не далѣе однако какъ въ 10 верстномъ разстояніи; при этомъ оговаривалось, что если владѣлецъ земли отъ себя дастъ поселянину скотъ, земледѣльческія орудія и сѣмена на посѣвъ, то опредѣленіе взаимнаго вознагражденія зависитъ отъ добровольнаго соглашенія обѣихъ сторонъ; 2) свободно располагать по своему усмотрѣнію землею, остающеюся свободною за надѣломъ поселянъ. Поселяне обязывались уплачивать денежную повинность, въ размѣрѣ 80 коп. въ годъ съ огородовъ и баштановъ, и по 1 р. 20 коп. съ садовъ за каждое пространство размѣромъ на три пуда посѣва пшеницы (360 кв. саж.). Право потомственнаго тіулиста не признавалось отдѣльно отъ мюлька: пожизненный тіулъ имѣлъ прекращаться со смертью тіулиста. Во всемъ остальномъ на отношенія мюлькадаровъ къ поселянамъ, на ихъ земляхъ живущимъ, имѣло распространяться положеніе 1847 г. объ отношеніяхъ поселянъ, живущихъ на земляхъ хановъ, бековъ и меликовъ.

За открывшеюся вслѣдъ затѣмъ Крымскою войною положеніе это не было формально введено, и такого формальнаго введенія не послѣдовало, по неизвѣстной причинѣ и по окончаніи войны; отношенія же между мюлькадарами и поселянами продолжали руководствоваться установившимся издавна обычнымъ правомъ, въ главныхъ основаніяхъ впрочемъ согласнымъ съ постановленіями утвержденнаго положенія.

В. По Ахалцыхскому уѣзду Тифлисской губерніи.

Въ 1828 году, по занятіи войсками нашими бывшаго Ахалцыхскаго пашалыка (по Адріанопольскому трактату окончательно присоединеннаго къ Россійской Имперіи), генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій объявилъ всѣмъ владѣльцамъ-*бекамъ* пашалыка, что тѣмъ изъ нихъ, кои пожелаютъ удалиться въ Турцію, дозволяются безпрепятственно выѣздъ и продажа ихъ имѣній. Вслѣдствіе такого объявленія многіе изъ бековъ удалились, продавъ свои имѣнія; другіе остались на мѣстахъ, перешедъ въ Русское подданство. Для уясненія поземельныхъ правъ собственности былъ составленъ актъ, при участіи почетнѣйшихъ мѣстныхъ бековъ. Изъ него оказывалось, что со времени завоеванія Турками Ахалцыхскаго пашалыка отъ Грузіи въ XVI столѣтіи, было постановлено, что пятая часть доходовъ съ деревень, которая называлась *ахчи*, принадлежала казнѣ, и была въ 1587 году внесена въ особую книгу, именуемую *джиба*. Книга эта хранилась въ Константинополѣ и утверждалась печатью султана. Эти ахчи или части доходовъ, принадлежавшихъ казнѣ, предоставлялись въ пользованіе бековъ и другихъ лицъ, принимавшихъ на себя защиту пашалыка отъ непріятелей и общественную службу. На право полу-

ченія такихъ доходовъ, взамѣнъ службы, выдавались отъ султана особыя грамоты, носившія названіе *баратовъ*. Полученныя по такимъ грамотамъ ахчи можно было продавать, но при условіи принятія на себя покупщикомъ обязанностей, съ полученіемъ оныхъ связанныхъ, и утвержденія новымъ баратомъ. Равнымъ образомъ, и при такомъ же каждый разъ утвержденіи, ахчи переходили по наслѣдству. Правительство Турецкое, отъ времени до времени, производило повѣрку такихъ баратовъ, для удостовѣренія въ правахъ пользованія доходами наличныхъ владѣльцёвъ. Переселявшіеся въ Турцію продавали свои ахчи; но вскорѣ были возбуждены обвиненія въ злоупотребленіяхъ, допущенныхъ при подобныхъ продажахъ. Обвинялось учрежденное по завоеваніи пашалыка Ахалцыхское временное правленіе, что, при совершеніи продажныхъ актовъ, оно допустило незаконную продажу Турецкими беками въ частныя руки чиновниковъ, гражданъ, торговцевъ и маркитантовъ значительное число заселенныхъ казенныхъ имѣній. Вслѣдствіе такихъ жалобъ, въ 1832 году, главноуправлявшимъ Грузіею, барономъ Розеномъ было поручено особому чиновнику изслѣдованіе о томъ, имѣли ли продавцы проданныхъ имѣній право на владѣніе оными, и въ какой степени дѣйствія бывшаго временнаго правленія были законны? Произведенное изслѣдованіе подтвердило, что изъ общаго числа проданныхъ имѣній, около половины, были пріобрѣтены покупкою по документамъ, потерявшимъ свою силу еще при Турецкомъ правительствѣ, или вовсе безъ документовъ, или по подложнымъ; равнымъ образомъ обнаружилось, что самое дѣлопроизводство, по совершеніи продажныхъ актовъ, было небрежное и неполное. Дѣло по произведенному изслѣдованію поступило лишь въ 1839 г. на разсмотрѣніе Совѣта Главнаго Управленія, который предположилъ проданныя имѣнія зачислить въ государственное имущество, отстранивъ отъ пользованія оными покупщиковъ, но съ вознагражденіемъ тѣхъ изъ нихъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ, при покупкѣ, не замѣчено злаго умысла, ни подлога; чиновниковъ же временнаго правленія, изъ коихъ иные уже умерли, оставить безъ преслѣдованія, по тому, между прочимъ, соображенію, что многія продажи были произведены въ 1828 и 1829 годахъ, когда еще не было извѣстно, останется ли Ахалцыхскій пашалыкъ или какая часть онаго окончательно во владѣніи Россійскомъ, и тогда временное правленіе поэтому лишено было возможности примѣнять въ точности при дѣлопроизводствѣ законный порядокъ, а должно было по необходимости сообразоваться съ прежними обычаями жителей. Министерство Государственныхъ Имуществъ, на заключеніе котораго поступило постановленіе Совѣта Главнаго Управленія, хотя и находило уважительными соображенія о принятіи въ казну проданныхъ не-

правильно имѣній, но признало, что такое обращеніе не можетъ состояться иначе какъ въ судебномъ порядкѣ, о чемъ вошло съ представленіемъ въ Сенатъ, который поручилъ въ Апрѣлѣ 1841 года главноуправлявшему Закавказскимъ краемъ, генералу Головину, все дѣло передать въ Ахалцыхскій уѣздный судъ. Дѣло о законной отвѣтственности чиновъ Ахалцыхскаго временнаго правленія, также поступившее въ уѣздный судъ, было прекращено въ 1846 г., по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему по особому ходатайству генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, поддержанному намѣстникомъ княземъ Воронцовымъ. Чтоже касается вопроса объ имущественныхъ правахъ лицъ, пріобрѣтшихъ имѣнія отъ ушедшихъ въ Турцію бековъ, то онъ, по сложности своей, потребовалъ долговременнаго судебнаго разбирательства. Въ 1844 году состоялся, по Высочайшему повелѣнію, указъ Правительствующаго Сената на имя главноуправлявшаго Закавказскимъ краемъ (тогда генералъ-адъютанта Нейдгарта,) которымъ Ахалцыхскому уѣздному суду вмѣнялось въ обязанность: не входя ни въ какія подробности хода и обстоятельствъ дѣла объ означенныхъ имѣніяхъ, ограничиться, при разсмотрѣніи онаго, только разборомъ документовъ, по коимъ имѣнія куплены настоящими ихъ владѣльцами, и, не входя ни въ какія сужденія о томъ, по формѣ или не по формѣ совершены сіи документы, такъ и о правахъ владѣльцевъ на продажу имѣній и покупщиковъ на покупку ихъ, раздѣлить всѣ документы на три разряда: такіе коихъ, дѣйствительность не подлежитъ сомнѣнію, сомнительные и наконецъ очевидно подложные или фальшивые. По первымъ предписывалось пріобрѣтенныя имѣнія оставить въ пользованіи покупщиковъ и акты возвратить по принадлежности; по вторымъ судъ обязывался только объявить причины, по коимъ они признаются сомнительными, самые же документы со своимъ объясненіемъ передать уѣздному начальнику, для представленія, черезъ губернское правленіе, главноначальствующему Закавказскимъ краемъ; по третьимъ, поступить на точномъ основаніи правилъ, постановленныхъ для рѣшенія дѣлъ о частной собственности, отчуждаемой въ казну. Во исполненіе такого указа уѣздный судъ причислилъ къ первой категоріи документы по 88 имѣніямъ. Самое же дѣло по остальнымъ вопросамъ не было окончено Ахалцыхскимъ уѣзднымъ судомъ и передано въ Кутаисскій губернскій судъ, когда, съ открытіемъ въ 1846 году Кутаисской губерніи, Ахалцыхскій уѣздъ былъ причисленъ къ оной.

Относительно бековъ, кои, оставшись въ Ахалцыхской провинціи, пользовались доходами съ имѣній, а равно и крестьянъ, живущихъ въ этихъ имѣніяхъ, Совѣтъ Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ

составилъ предположенія, на основаніи которыхъ проектировалось предоставить бекамъ продолжать пользоваться доходами на томъ же основаніи, какъ при Турецкомъ правительствѣ, освободивъ лишь христіанъ отъ ихъ завѣдыванія; въ виду же того, что, при Турецкомъ правительствѣ, владѣніе деревнями было связано съ обязанностью нести извѣстнаго рода общественную службу, Совѣтъ признавалъ справедливымъ, взамѣнъ такой службы, обложить бековъ особымъ платежемъ въ казну. Министерство Государственныхъ Имуществъ, на заключеніе котораго поступило постановленіе Совѣта, вполнѣ согласилось съ первою частью онаго, но не нашло удобнымъ облагать бековъ денежнымъ платежемъ, оставивъ самое несеніе службы на ихъ обязанности, по назначенію Русскаго правительства. Окончательное разрѣшеніе вопроса объ имущественныхъ правахъ Ахалцыхскихъ бековъ послѣдовало въ 1842 году, во время бытности въ краѣ князя Чернышова, на ближайшее соображеніе котораго оно было предоставлено по особому Высочайшему повелѣнію. Разрѣшеніе это выразилось въ предложеніи на имя главноуправлявшаго (генерала Головина), въ которомъ между прочимъ было изложено: 1) Права пользованія бековъ землями и отношенія ихъ къ крестьянамъ, на земляхъ тѣхъ поселеннымъ, оставить въ настоящемъ положеніи. 2) Въ случаѣ злоупотребленія беками права сего, ограждать поселянъ по точному смыслу общихъ на сей предметъ существующихъ въ имперіи постановленій, внушивъ при семъ полицейскимъ властямъ, чтобы онѣ, сколь возможно, старались охранять законными мѣрами неприкосновенность бекскаго права и не подавали ни малѣйшаго повода къ неповиновенію и вреднымъ тяжбамъ между поселянами и владѣльцами.

Въ 1843 году въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ было введено новое обложеніе жителей казенными податями, которыхъ до того времени поселяне, живущіе на бекскихъ земляхъ, вовсе не отбывали, платя владѣльцамъ одну пятую часть урожая (на Турецкомъ языкѣ *багра*), и за симъ освобождены отъ другихъ налоговъ. Въ виду этого представилось нужнымъ вновь установить обязательства поселянъ къ владѣльцамъ, дабы первые не были излишне обременяемы. Вопросъ этотъ былъ подробно обсужденъ въ Совѣтѣ Главнаго Управленія, и заключеніе его, представленное главноуправлявшимъ на обсужденіе Комитета по дѣламъ Закавказскаго края, по одобреніи онымъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія 9 Ноября 1843 г. Сущность этого Высочайшаго повелѣнія была обнародована, въ видѣ объявленія отъ генералъ-адъютанта Нейдгарта отъ 24 Января 1844 года, и заключалась въ слѣдующемъ: 1) Въ виду новаго обложенія жителей казенными податями, повинности, отбываемыя поселянами бекамъ, уменьшались съ

одной *пятой* части урожая на одну *десятую;* уменьшеніе это имѣло пріобрѣсти немедленно законную силу во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, которыя были пріобрѣтены отъ ушедшихъ, при присоединеніи Ахалцыхскаго пашалыка къ Россіи, въ Турцію, бековъ; въ имѣніяхъ же бековъ, оставшихся въ предѣлахъ нашихъ, владѣльцы сохраняли еще на 10 лѣтъ право полученія одной пятой части урожая, а поселяне въ продолженіи этого льготнаго срока освобождались отъ казеннаго обложенія. 2) Всѣ существовавшіе, по обычаю, съ поселянъ въ пользу владѣльцевъ сборы съ предметовъ домашняго хозяйства, какъ то скота, птицы, масла, сыра и т. п. отмѣнялись, замѣняясь отбываніемъ поселянами въ пользу владѣльца шести рабочихъ дней въ годъ, исключительно на воздѣлываніе земли, посѣвъ, жатву и молотьбу. Въ дополненіе къ этому законодательному постановленію было вслѣдъ за тѣмъ предписано: 1) что отбываніе десятой части урожая распространялось и на сады, разведенные на владѣльческихъ земляхъ поселянами, на оныхъ водворенными; за тѣже сады, которые разведены лицами посторонними, не имѣвшими въ томъ имѣніи постоянной осѣдлости, сохранялась обычная до того повинность пятой части урожая; 2) что поселяне, живущіе на владѣльческихъ земляхъ должны пользоваться всѣмъ тѣмъ количествомъ земель, какимъ до того пользовались; остальныя затѣмъ земли предоставлялись въ полное распоряженіе владѣльца; 3) въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ вся земля распредѣлена между поселянами, владѣльцу предоставлялось требовать отъ поселянъ для собственныхъ посѣвовъ не болѣе такого количества земли, которое могло быть распахано въ два рабочихъ дня, или же взамѣнъ шести рабочихъ дней онъ могъ, *по соглашенію съ поселянами*, получать отъ нихъ вознагражденіе деньгами или произведеніями, но ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права употреблять ихъ на какія либо другія, кромѣ опредѣленныхъ, работы; 4) всякія взаимныя соглашенія между владѣльцами и поселянами допускались.

—

Таково было, въ главныхъ чертахъ, происхожденіе и фактическое, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, положеніе землевладѣнія въ мусульманскихъ частяхъ Закавказскаго края. Быть можетъ, для многихъ читателей слишкомъ подробное и мелочное изложеніе историческаго хода этого имущественнаго вопроса покажется утомительнымъ; но побудился я къ оному, дабы дать понятіе о сложности предмета, который подлежалъ разрѣшенію правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако изъ изложеннаго можно, полагаю, вывести два общія заключенія, первое: что какъ ни были въ частностяхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, различны основанія землевладѣнія въ мусульманскихъ на-

шихъ провинціяхъ, и отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ на земляхъ ихъ поселеннымъ, является одинъ общій характеръ, выразившійся въ правѣ полученія съ крестьянъ повинностей и въ фактической наслѣдственности такого права (явленія присущія и нашему понятію о правѣ собственности); второе: главнѣйшее, въ повсемѣстномъ расположеніи правительства оставаться вѣрнымъ принятому имъ, при всякихъ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, правилу:—признать существовавшія въ каждой мѣстности фактическія имущественныя права и ограничить и утвердить таковыя, не вдаваясь въ теоретическія изысканія научно-юридической однородности такихъ правъ со статьями нашего вещеваго права. Такая политика, единственно достойная сильнаго и просвѣщеннаго правительства, всегда соблюдалась въ *гражданскомъ* управленіи Закавказскаго края.

—

По поводу внесеннаго намѣстникомъ, княземъ Барятинскимъ, представленія объ освобожденіи агаларовъ отъ полицейскаго завѣдыванія населеніемъ въ селеніяхъ, которыми они владѣли, состоялось Высочайшее повелѣніе отъ 26 Ноября 1861 г., которымъ, независимо утвержденія этого ходатайства, предоставлялось намѣстнику Кавказскому: «при прекращеніи крѣпостной зависимости въ Грузіи и установленіи новыхъ отношеній между выходящими изъ крѣпостной зависимости крестьянами къ землевладѣльцамъ, подвергнуть пересмотру и положеніе 1847 г. о взаимныхъ отношеніяхъ агаларовъ и крестьянъ». Хотя это Высочайшее повелѣніе касалось спеціально агаларовъ и крестьянъ, на ихъ земляхъ поселенныхъ, тѣмъ не менѣе главное Кавказское начальство не могло не придать ему расширительное значеніе, относя его ко всѣмъ разрядамъ землевладѣльцевъ въ мусульманскихъ частяхъ края и къ государственнымъ крестьянамъ, на ихъ земляхъ водворенным. Послѣ окончанія Комитетомъ объ устройствѣ крестьянъ составленія послѣдняго проекта о прекращеніи крѣпостной зависимости въ Мингрельскихъ уѣздахъ, намѣстникомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, было возложено на него порученіе приступить къ пересмотру положеній, опредѣлявшихъ отношенія землевладѣльцевъ къ поселянамъ въ губерніяхъ Елисаветопольской, Бакинской, Эриванской и въ частяхъ Тифлисской, гдѣ не существовало крѣпостной зависимости. Въ предложеніи, данномъ на имя Комитета, вмѣнялось ему въ обязанность, при пересмотрѣ дѣйствовавшихъ положеній, соображаться съ Высочайше утвержденными какъ мѣстными, для губерніи Тифлисской и Кутайской, такъ и общими крестьянскими законоположеніями 19-го Февраля 1861 г. Въ трудахъ Комитета имѣли принять участіе начальники поименованныхъ губерній.

Предварительно приступая къ подлежавшему ему труду, Комитетъ счелъ нужнымъ подробно ознакомиться съ историческимъ ходомъ дѣла объ имущественныхъ отношеніяхъ въ мусульманскихъ провинціяхъ и съ настоящимъ фактическимъ его положеніемъ. Составленіе соотвѣтствующихъ записокъ, требовавшее извлеченія свѣдѣній изъ архивныхъ дѣлъ главнаго управленія намѣстника, было возложено на члена комитета, управлявшаго дѣлами онаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, князя Михаила Бартвеловича Туманова, нынѣ умершаго. Не могу, при этомъ случаѣ, не упомянуть съ сердечнымъ уваженіемъ объ этомъ неутомимомъ, добросовѣстномъ труженикѣ, который во все время моего предсѣдательствованія въ Комитетѣ со дня его учрежденія былъ мнѣ самымъ полезнымъ и долгу преданнымъ помощникомъ. Добытыя имъ по тщательнымъ изысканіямъ свѣдѣнія послужили матеріаломъ для предшествующаго сему изложенія. Въ виду обширности этихъ приготовительныхъ работъ засѣданія Комитета не могли начаться ранѣе Января 1869 года.

Предстоявшая Комитету задача весьма облегчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что виды отношеній государственныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ были однородные съ тѣми, которыя существовали въ мѣстностяхъ, въ коихъ было упразднено крѣпостное право, за исключеніемъ лишь тѣхъ повинностей, которыя истекали непосредственно изъ крѣпостной зависимости; отбывались и тутъ, какъ и тамъ, повинности изъ части отъ урожая и извѣстныя работы. Предстояло лишь повинности эти окончательно урегулировать, исключивъ изъ нихъ то что̀ носило еще нѣкоторый видъ личной зависимости, и главнѣйше прочно оградить крестьянъ противъ всякихъ произвольныхъ требованій землевладѣльцевъ, несогласныхъ съ существовавшими положеніями. Изданныя въ 1847 г. положенія, которыя имѣли служить основаніемъ для пересмотра, не касались землевладѣнія въ губерніи Эриванской и въ Ахацыхскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи; но самое существо возбужденнаго вопроса требовало объединенія однороднаго дѣла на всемъ пространствѣ Закавказскаго края, и это тѣмъ болѣе, потому что какъ въ Эриванской губерніи, гдѣ составленное для нея положеніе не было формально вводимо, такъ и въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ допускались уклоненія отъ установленныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано удобнѣйшимъ для всѣхъ мѣстностей, гдѣ существовало землевладѣніе лицъ высшаго мусульманскаго сословія, издать одно общее положеніе.

Установивъ такія основныя начала для предстоявшихъ своихъ трудовъ, Комитетъ обратился къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ подробностей. Признано полезнымъ распространить и на отношенія государ-

ственныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ принятое во всѣхъ крестьянскихъ положеніяхъ начало о предоставленіи по всякимъ предметамъ полной свободы добровольнымъ соглашеніямъ между владѣльцами и поселянами на ихъ земляхъ водворенными. За симъ:

1) Для опредѣленія размѣра надѣла, на который поселянамъ должно принадлежать право, имѣлось въ виду два постановленія, принятыя въ положеніяхъ 20 Апрѣля и 28 Декабря 1847 года, т. е. право крестьянъ на надѣлъ по 5 десятинъ на душу мужескаго пола, начиная съ 15-ти лѣтняго возраста, и право на сохраненіе того надѣла, который у нихъ дѣйствительно имѣлся. Изъ приведенныхъ выше сего свѣдѣній усматривается съ одной стороны, что въ иныхъ мѣстностяхъ, либо по недостатку земли у самихъ владѣльцевъ, либо по неспособности крестьянъ, въ виду особаго рода культуры, обработывать такое количество земли, крестьянскіе надѣлы не достигали установленнаго положеніемъ размѣра; въ другихъ же они пользовались надѣлами даже превышавшими узаконенный размѣръ. Относилось это къ имѣніямъ бекскимъ и агаларскимъ, созданнымъ на основаніи Высочайшаго рескрипта 6 Декабря 1846 г.; но на имѣнія такъ называемыхъ мюлькадаровъ, въ Эриванской губерніи, и бековъ Ахалцихскихъ оно не распространялось. Комитетъ счелъ справедливымъ установить общимъ правиломъ право на сохраненіе въ неприкосновенности всего наличнаго надѣла для всѣхъ приписанныхъ къ имѣніямъ поселянъ, какъ семейныхъ, такъ и одинокихъ. Пятидесятинный же на душу надѣлъ предположено установить какъ высшій размѣръ обязательнаго надѣла, подтвердивъ, что если у крестьянскаго общества, по числу душъ всего надѣла, окажется менѣе нежели пятидесятинная на душу пропорція, а у землевладѣльца будетъ свободная и способная къ воздѣлыванію земля, то крестьяне *имѣютъ право* требовать прирѣзки недостающаго количества; имѣло это обусловиться лишь тѣмъ, чтобы, за таковою прирѣзкою не оставалось въ непосредственномъ пользованіи у землевладѣльца менѣе трети общей совокупности удобныхъ при имѣніи земель. Въ подобномъ случаѣ обязанность прирѣзки могла быть ограничена сохраненіемъ этой трети. Вмѣстѣ съ этимъ признавалось справедливымъ, въ огражденіе и правъ землевладѣльца, допустить возможность сокращенія наличнаго надѣла, если бы этотъ наличный надѣлъ *превышалъ пропорцію по пяти десятинъ на душу, а за симъ въ непосредственномъ распоряженіи землевладѣльца оставалось менѣе одной трети удобныхъ земель*, включая въ эту треть его усадьбу, сады и всякія насажденія. Въ такомъ случаѣ землевладѣльцу предоставлялось право сдѣлать отрѣзку изъ крестьянскаго надѣла, для дополненія такой трети. Приведеніе въ извѣстность и отграниченіе крестьянскаго

надѣла имѣло, съ введеніемъ проектировавшагося положенія, пріобрѣсти характеръ окончательный и постоянный, не подвергаясь впредъ ни увеличенію, ни сокращенію. Важно было единожды навсегда произвести поземельный раздѣлъ между землевладѣльцами и крестьянами.

2) Относительно опредѣленія состава надѣла было принято во вниманіе, что въ положеніяхъ 1847 года владѣлецъ обязывался предоставлять крестьянину удобную землю подъ *хлѣбопашество, скотоводство, огородничество и садоводство.* Общность и недостаточная опредѣленность этихъ выраженій послужила на практикѣ источникомъ частыхъ недоразумѣній. Относились они между прочимъ къ лѣсному довольствію и къ праву на пастбища. Оказывалось, что въ мусульманскихъ частяхъ края пользованіе лѣсомъ, по обычаю, основывалось либо на добровольныхъ соглашеніяхъ, либо, въ другихъ мѣстахъ, на правѣ въѣзда въ лѣса. Комитетъ призналъ полезнымъ этотъ установившій обычный порядокъ освятить законодательнымъ утвержденіемъ, добавивъ къ этому, что разведенныя самими поселянами рощи и всякія лѣсонасажденія остаются въ ихъ пользованіи въ счетъ слѣдующаго имъ надѣла. Это относилось преимущественно къ Эриванской губерніи, гдѣ, за полнымъ отсутствіемъ во владѣльческихъ имѣніяхъ лѣсовъ и отдаленностью, въ большей части случаевъ, лѣсовъ казенныхъ, крестьяне разводили на земляхъ своего надѣла тополевыя или вербовыя рощи, изъ которыхъ добывали бревна для своихъ построекъ. Касательно скотоводства являлась необходимость болѣе точнаго опредѣленія въ виду того, что лишь въ нѣкоторыхъ кочевыхъ обществахъ скотоводство составляетъ главный промыселъ населенія, и тамъ существовалъ особый порядокъ пользованія пастбищами за опредѣленную ежегодную денежную владѣльцу земли плату, называемую *чопбаши.* Въ мѣстностяхъ же, занятыхъ осѣдлымъ населеніемъ, ни выгонныя мѣста, ни пастбища не входили въ составъ надѣла: первыя были общія для крестьянъ и владѣльца; вторыя составляли совершенно самостоятельныя имущества, подъ названіемъ *эйлаговъ* и *кшилаговъ*, т. е. лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ; этими пастбищами крестьяне, водворенные на земляхъ владѣльческихъ, пользовались наравнѣ съ посторонними лицами, за особую плату. Въ виду этого представлялось полезнымъ, для опредѣленія правъ поселянъ на выгоны и мѣста для пастьбы, установить тоже правило, которое было принято въ мѣстномъ положеніи Тифлисскомъ, т. е. узаконить существовавшій обычай совмѣстнаго пользованія владѣльцевъ съ крестьянами выгонами и мѣстами для пастьбы, предоставивъ раздѣлъ таковыхъ добровольнымъ соглашеніямъ; намѣстнику же Кавказскому предполагалось присвоить право изданія впослѣдствіи подробныхъ правилъ о способѣ пользова-

нія крестьянскими обществами выгонами. Объ эйлагахъ же и кшиллагахъ, какъ не относящихся до крестьянскихъ надѣловъ, рѣшено было въ проектировавшемся положеніи не упоминать. Что же касалось до спеціально-кочевыхъ обществъ и ихъ отношеній къ владѣльцамъ пастбищъ, то хотя и желательно было установленіе болѣе опредѣленныхъ правилъ, но въ виду недостаточности имѣвшихся въ виду точныхъ свѣдѣній о подробностяхъ этихъ отношеній въ различныхъ мѣстностяхъ Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерніи, являлась необходимость существовавшій обычный порядокъ временно сохранить, отложивъ законодательное разрѣшеніе этого дѣла до будущаго.

Для пополненія оказавшагося въ положеніяхъ 1847 года пробѣла, состоявшаго въ совершенномъ неупоминаніи въ оныхъ о крестьянскихъ усадьбахъ, Комитетъ счелъ нужнымъ, по примѣненіи къ прежде изданнымъ крестьянскимъ положеніямъ, упомянуть: что, входя въ составъ надѣла, усадебныя мѣста обнимаютъ жилыя и хозяйственныя строенія, а также выпускъ для скота. Но опредѣлять пространство усадебной земли не признавалось удобнымъ въ виду большаго различія въ распредѣленіи хозяйственныхъ построекъ, существовавшаго въ разныхъ мѣстностяхъ.

3) Включать въ предстоявшее къ изданію положеніе какія-либо правила о порядкѣ отвода надѣла, очевидно, не представлялось надобности уже потому, что не владѣльцамъ земель приходилось отводить крестьянамъ земли, а пользованіе крестьянами ихъ надѣлами предшествовало законодательному утвержденію правъ собственности владѣльцевъ. Приходилось только подтвердить неприкосновенность надѣловъ и установить нѣкоторыя точныя правила для могущихъ представиться случаевъ прирѣзокъ къ крестьянскому надѣлу недостающихъ земель изъ владѣльческихъ, или отрѣзокъ отъ онаго въ пользу владѣльца. Для такихъ случаевъ признавалось справедливымъ, въ случаяхъ *прирѣзокъ* къ крестьянскимъ надѣламъ недостающихъ угодій, *избраніе земли* для прирѣзки предоставить *владѣльцу*, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы такая земля была удобна для хлѣбопашества и сѣнокошенія и примыкала къ крестьянскому надѣлу, или находилась не въ дальнемъ отъ него разстояніи. Напротивъ того, въ случаяхъ *отрѣзки* изъ крестьянскаго надѣла по требованію владѣльца части изъ излишней (сверхъ пятидесятинной на каждую душу мужескаго пола) пропорціи), право на избраніе земли для отрѣзки предположено предоставить преимущественно *крестьянамъ*. Требованіе обязательнаго *разграниченія* или *разверстанія* угодій должно было принадлежать въ одинаковой степени владѣльцу и крестьянскому обществу. Перенесенія

крестьянскихъ усадьбъ или произведеніе обмѣна земель, по требованію владѣльца, вовсе не проектировалось.

4) Повинности, которыя поселяне обязаны были отбывать землевладѣльцамъ, выражались, какъ было объясняемо, преимущественно въ выдѣлѣ въ пользу послѣднихъ опредѣленной части съ урожая всѣхъ земныхъ произведеній; эта повинность (малджегатъ или багра) была одинаковая какъ въ имѣніяхъ, на кои непосредственно распространялся Высочайшій рескриптъ 6 Декабря 1846 года, такъ и въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, составляя одну десятую часть урожая, т. е. менѣе половины соотвѣтствующей повинности, установленной въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Тифлисской и Кутаисской губерній; въ Эриванской же губерніи, въ имѣніяхъ мюлькадарскихъ, она равнялась $^{4}/_{30}$. Производить какое либо измѣненіе въ размѣрѣ этой повинности не представлялось, очевидно, никакого повода. Хотя при изданіи одного общаго положенія для всѣхъ имѣній мусульманскаго высшаго сословія, населенныхъ государственными крестьянами, и могло представляться желательнымъ установить однообразный, повсемѣстно, размѣръ отбыванія повинности изъ части урожая (каковая цѣль не достигалась при существованіи особаго размѣра такой повинности въ имѣніяхъ мюлькадарскихъ), но Комитетъ принялъ во вниманіе, что разница эта не налагала на крестьянъ, поселенныхъ въ этихъ имѣніяхъ, бо̀льшей, въ общей сложности, тягости; потому что во всѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ отбывалась повинность только въ размѣрѣ $^{1}/_{10}$ части урожая, поселяне были обязаны въ пользу владѣльца опредѣленнымъ количествомъ рабочихъ дней, каковой повинности въ имѣніяхъ владѣемыхъ на мюлькадарскомъ правѣ не отбывалось что̀, (какъ было доказано особо произведеннымъ разсчисленіемъ), вполнѣ уравнивало размѣръ повинности изъ $^{1}/_{10}$ части съ таковымъ въ размѣрѣ $^{4}/_{30}$ части.

Не могло ускользнуть отъ вниманія составителей проекта положенія признанное и при изданіи мѣстныхъ положеній для Тифлисской и Кутаисской губерній неудобство отбыванія въ натурѣ повинности изъ части урожая и крайняя желательность переложенія оной на деньги; но и здѣсь, какъ и тамъ, необходимо было на время примириться съ подобнымъ неудобствомъ, въ виду крайней затруднительности установить денежную цѣнность, при чрезвычайной разнообразности таковой въ разныхъ мѣстахъ, требовавшей подробнаго и вѣроятно весьма продолжительнаго изученія. Въ мусульманскихъ провинціяхъ еще болѣе, нежели въ мѣстностяхъ съ христіанскимъ населеніемъ, цѣнность земли, независимо разнообразности сельскихъ произведеній, находится въ прямой зависимости отъ количества ороси-

тельныхъ средствъ, обусловливающихъ и обильность урожаевъ и самые виды культуры. Поэтому представлялось яснымъ, что обязательному переложенію на деньги земныхъ произведеній должно предшествовать составленіе особыхъ правилъ, не препятствующее и тутъ всякимъ добровольнымъ соглашеніямъ плату.

Положеніями 20 Апрѣля и 28 Декабря 1847 года, о которыхъ неоднократно имѣлъ я случай упоминать, была установлена для крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ хановъ, бековъ и меликовъ, обязанность отбывать по 18 рабочихъ дней въ году, а въ имѣніяхъ агаларскихъ по 8 дней; равнымъ образомъ, въ постановленіяхъ, изданныхъ въ 1844 году для бекскихъ имѣній въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, такая повинность была опредѣлена также въ размѣрѣ 6 дней въ году, взамѣнъ до того существовавшаго обычая приношеній крестьянами владѣльцамъ въ видѣ разнаго рода живностей, каковыя имѣли тогда же прекратиться; по собраннымъ однако свѣдѣніямъ оказывалось, что замѣна эта въ дѣйствительности не была произведена, и крестьяне продолжали соблюдать прежній Турецкій обычай. Комитетъ, принявъ во вниманіе, что, при составленіи крестьянскихъ законоположеній, для Тифлисской и Кутаисской губерній, было соблюдаемо правило, чтобы всякія повинности крестьянъ, носившія характеръ личный, были устранены, находилъ, что такое правило подавно должно быть примѣнено къ имѣніямъ, населеннымъ поселянами, не бывшими никогда въ крѣпостной зависимости. Поэтому было рѣшено: повинность отбыванія рабочихъ дней *въ натурѣ* повсемѣстно отмѣнить, допустивъ лишь, для избѣжанія слишкомъ рѣзкаго перехода, чтобы прекращеніе такого отбыванія совпадало съ утвержденіемъ уставныхъ грамотъ. Въ положеніяхъ для губерній Тифлисской и Кутаисской отбываніе барщины было замѣнено нѣкоторымъ увеличеніемъ повинности земными произведеніями; въ провинціяхъ мусульманскихъ такое увеличеніе являлось нежелательнымъ и могло быть замѣнено установленіемъ денежной платы, соотвѣтствующей цѣнности упраздняемой повинности. Цѣнность же эта была самими положеніями 1847 года опредѣлена для имѣній бекскихъ въ размѣрѣ 20 коп. за каждый рабочій день, а для имѣній агаларскихъ въ размѣрѣ 10 коп. Слѣдовательно для первыхъ общая сумма составляла 4 рубля а для послѣднихъ 80 коп. съ дыма. При этомъ нельзя было однако не принять во вниманіе, что обязанность отбыванія рабочихъ дней лежала безразлично на всѣхъ дымахъ, безъ отношенія къ дѣйствительному количеству земли, которымъ каждый дымъ располагалъ, что̀ очевидно, въ особенности при установленіи денежной повинности было бы крайне несправедливо, а потому признавалось болѣе равномѣрнымъ повинность опредѣлить по десятинно. Принимая за ос-

нованіе установленную положеніями пропорцію поземельнаго надѣла, по 5 десятинъ на душу (что̀ равнялось бы примѣрно 15 десятинамъ на дымъ, обязанный выставлять одного рабочаго) приходилось бы въ бекскихъ имѣніяхъ на десятину по 24 коп., а въ агаларскихъ имѣніяхъ по 5⅓ копѣйки. Установить на будущее время такую плату оказывалось однако несправедливымъ и для владѣльцевъ слишкомъ невыгоднымъ, отчасти потому что съ 1847 года цѣны значительно измѣнились и повысились, съ другой потому что, какъ было подробно объяснено въ своемъ мѣстѣ, дѣйствительный размѣръ надѣла въ большей части мѣстностей далеко не достигалъ опредѣленнаго положеніями размѣра, по причинамъ отъ воли землевладѣльцевъ независѣвшимъ, рабочая же повинность оставалась неизмѣнною. Принявъ, въ виду этого, во вниманіе съ одной стороны общую сумму причитавшейся взамѣнъ рабочихъ дней платы *съ дыма*, по 4 рубля въ бекскихъ имѣніяхъ, и по 80 коп. въ агаларскихъ, съ другой значительное повышеніе цѣнъ на рабочія руки, въ особенности въ сосѣднихъ съ Тифлисомъ мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточены имѣнія агаларскія, Комитетъ призналъ возможнымъ и справедливымъ установить, взамѣнъ отбыванія рабочихъ дней въ натурѣ, плату въ имѣніяхъ ханскихъ и бекскихъ по 30 коп. съ *десятины дѣйствительнаго надѣла* каждаго дыма, а въ агаларскихъ имѣніяхъ по 15 коп. съ такой же десятины. Что плата эта не могла быть обременительна для крестьянъ, поселенныхъ въ сихъ послѣднихъ имѣніяхъ, хотя на первый взглядъ повышеніе съ 5⅓ коп. на 15 коп. могло показаться чрезмѣрнымъ, явствовало изъ того, что изъ доставленныхъ губернаторомъ свѣдѣній оказывалось, что по наличному размѣру надѣловъ крестьянскихъ въ большей части имѣній каждому дыму придется платить менѣе установленной, дѣйствовавшимъ положеніемъ, платы по 80 коп. взамѣнъ 8 рабочихъ дней. Хотя въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ такой порядокъ денежной оцѣнки рабочихъ дней не былъ установленъ; но не представлялось никакого неудобства распространить на него правила, проектировавшіяся для агаларскихъ имѣній; всѣ же еще на практикѣ существовавшія приношенія живностями немедленно прекратить. Нельзя однако было не принять во вниманіе, что, въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ, всякая денежная плата могла для крестьянъ быть затруднительнѣе нежели отбываніе повинности натурою, а потому предположено было допустить: чтобы, въ случаѣ, еслибы сами крестьяне желали замѣнить денежную плату за рабочіе дни увеличеннымъ размѣромъ повинности земными произведеніями, такое увеличеніе, *основанное на добровольномъ соглашеніи*, могло бы быть допускаемо съ утвержденія мироваго посредника; но съ тѣмъ, чтобы въ общей сложности оно не могло превысить,

въ имѣніяхъ ханскихъ и бекскихъ $^1/_8$ части урожая, а въ имѣніяхъ агаларскихъ и бековъ Ахалцыхскихъ $^1/_5$ части урожая. Этотъ установленный предѣлъ не былъ произвольно опредѣленъ, а былъ основанъ на доставленномъ начальниками губерній расчисленіи дѣйствительной средней стоимости урожая съ десятины земли. Существовавшую въ пользу мюлькадаровъ Эриванской губерніи денежную съ крестьянъ повинность съ огородовъ, баштановъ и садовъ предполагалось сохранить.

Относительно установленной, положеніемъ 27 Апрѣля и 28 Декабря 1847 года обязанности крестьянъ поставлять прислугу землевладѣльцамъ было въ своемъ мѣстѣ объяснено, что повинность эта, пока она исполнялась, замѣняла для всего дыма, изъ котораго взята прислуга, всѣ другія повинности, обязывая самого землевладѣльца, независимо снабженія прислуги содержаніемъ и одеждою, вносить за такой дымъ казенныя и земскія подати. Сохраненіе такой повинности личной, какъ обязательной, не могло быть допускаемо; но отмѣна ея не вызывала надобности въ какой-либо замѣнѣ оной, потому что съ упраздненіемъ ея владѣлецъ вмѣстѣ съ тѣмъ освобождался отъ обязанностей съ этою повинностью связанныхъ, а крестьянскій дымъ становился въ общія условія. Посему рѣшено было отмѣнить безусловно обязанность крестьянъ давать землевладѣльцу прислугу, съ тою лишь оговоркою, чтобы отмѣна эта совпадала съ истеченіемъ срока отбыванія наличной прислуги (срокъ былъ годовой) и во всякомъ случаѣ съ утвержденіемъ уставной грамоты.

За пользованіе усадебною землею никакой особой платы не предполагалось, потому что таковой не существовало; замѣнялась она на практикѣ въ Эриванской губерніи установленною платою за сады и огороды, которые разводились около усадебъ.

5) Въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, одновременно съ введеніемъ крестьянскихъ положеній, было издано положеніе о сельскихъ обществахъ и объ общественномъ управленіи въ Бакинской губерніи и было утверждено намѣстникомъ Кавказскимъ 23 Августа 1866 г. Положеніе это, съ открытіемъ Елисаветпольской губерніи, до того въ большей своей части входившей въ составъ Бакинской, распространилось и на нее; оставалось только ввести его въ дѣйствіе въ губерніи Эриванской. Во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ крестьянами государственными, чины сельскихъ управленій подчинялись губернаторамъ и уѣзднымъ или окружнымъ полицейскимъ административнымъ властямъ, которымъ принадлежало утвержденіе должностныхъ сельскихъ лицъ въ ихъ званіяхъ, а также устраненіе или удаленіе таковыхъ отъ оныхъ, въ случаяхъ въ положеніи опредѣленныхъ. Самыя

же права и обязанности сельскихъ управленій были тождественны съ тѣми, которыя были установлены для Тифлисской губерніи.

6) Не могъ остаться безъ обсужденія и вопросъ о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ. Комитетъ долженъ былъ принять во вниманіе, что, при недостаточно опредѣлившейся прочности къ землѣ и осѣдлости мусульманскаго населенія, а также при неопредѣленной цѣнности ихъ повинностей (*малджегата* и *багры*) не существовало достаточныхъ доказательствъ ихъ благонадежности, для правильнаго взноса выкупныхъ платежей; поэтому не признано было возможнымъ, впредь до переложенія такихъ повинностей на деньги, обсудить, съ достаточною достовѣрностью вопросъ о примѣненіи къ угодьямъ крестьянскаго надѣла въ мусульманскихъ провинціяхъ и правилъ о выкупѣ такихъ надѣловъ, съ содѣйствіемъ отъ правительства. Тѣмъ не менѣе однако представлялось желательнымъ облегчить всякія добровольныя соглашенія, для подобныхъ выкуповъ, будь они заключаемы цѣлыми обществами или отдѣльными дымами. Поэтому, Комитетъ предположилъ внести въ проектъ положенія статью, которою подобныя добровольныя соглашенія допускались бы при условіи ихъ засвидѣтельствованія мировымъ посредникомъ. Къ предоставленію землевладѣльцу права *требовать* выкупа, очевидно, не было повода; но, съ другой стороны, признавалось возможнымъ такое право предоставить самимъ крестьянамъ, какъ въ составѣ цѣлаго общества, такъ и отдѣльнымъ дымамъ, когда они могли произвести его изъ собственныхъ средствъ; ибо всякое облегченіе окончательнаго имущественнаго развода между землевладѣльцами и поселянами являлось желательнымъ. Нужно было однако нѣсколько обусловить такое право въ отношеніи размѣра надѣла, который крестьяне могли или должны были выкупить. Въ этихъ видахъ признано было справедливымъ опредѣлить какъ высшій, такъ и низшій размѣры подымнаго надѣла, на требованіе о выкупѣ котораго крестьяне имѣли бы право; таковыми представлялись для высшаго 15 десятинъ на каждый дымъ, соотвѣтствующій обязательному для землевладѣльцевъ пятидесятинному надѣлу на каждую душу мужскаго пола, а для низшаго размѣра половину такого количества, если наличный надѣлъ достигалъ онаго. На этомъ основаніи были проектированы статьи положенія, открывавшія полный просторъ всякимъ добровольнымъ соглашеніямъ на выкупъ крестьянами ихъ земельнаго надѣла, какъ въ полномъ составѣ, такъ и части онаго при засвидѣтельствованіи такихъ сдѣлокъ мировымъ посредникомъ; а въ случаѣ не воспослѣдованія добровольнаго соглашенія предоставлявшія крестьянамъ, какъ цѣлымъ обществомъ, такъ и отдѣльными дымами право выкупа въ собственность своего надѣла при вышеуказанныхъ ограниченіяхъ его

размѣра; при этомъ однако справедливымъ являлось предоставленіе землевладѣльцу права удержанія за собою одной трети совокупности удобныхъ земель, если за таковымъ удержаніемъ причтется на каждый крестьянскій дымъ не менѣе $7\frac{1}{2}$ десятинъ; во всякомъ же случаѣ 30 десятинъ удобной земли, усадебной или полевой, либо въ одномъ имѣніи, либо въ совокупности всѣхъ ему въ уѣздѣ принадлежавшихъ имѣній. Опредѣленіе самой суммы выкупа, при требованіи таковаго крестьянами, пока повинности отбывались натурою, имѣло быть произведено черезъ разцѣнку такихъ повинностей, каковая очевидно должна была быть поручена непричастному къ сдѣлкѣ лицу или учрежденію, т. е. мировому посреднику и въ случаѣ неудовольствія одной изъ сторонъ губернскому присутствію; но и рѣшеніе сего послѣдняго не могло сдѣлаться понудительнымъ для крестьянъ, еслибъ они признали опредѣленную выкупную сумму для себя обременительною; въ подобномъ случаѣ они могли бы отказаться отъ выкупа.

7) Производя пересмотры дѣйствовавшихъ постановленій, легальныхъ или обычныхъ, объ отношеніяхъ между землевладѣльцами и водворенными на ихъ земляхъ государственными крестьянами въ мусульманскихъ частяхъ Закавказскаго края, въ видахъ упроченія и окончательнаго упорядоченія такихъ отношеній, Комитетъ не могъ не убѣдиться, что преслѣдуемая цѣль не будетъ съ успѣхомъ достигнута, если приведеніе въ дѣйствіе новаго положенія и наблюденіе за его исполненіемъ не будутъ поручены спеціальнымъ органамъ. Не могло подлежать сомнѣнію, что разновременно вкравшіяся нарушенія и уклоненія отъ прежде изданныхъ положеній, главнѣйше должны были быть приписываемы отсутствію такого спеціальнаго, наблюдательнаго органа. Когда въ 1861 и 1866 гг. отъ полицейскаго надзора за крестьянами поселенными на земляхъ хановъ, бековъ, агаларовъ и Армянскихъ меликовъ, были устранены землевладѣльцы, обязанность эта перешла къ уѣзднымъ административно-полицейскимъ властямъ, на которыхъ она и до того лежала въ губерніи Эриванской и Ахалцыхскомъ уѣздѣ; но сіи послѣднія, обремененныя своими прямыми обязанностями, не могли посвящать достаточно времени и заботливости дѣлу непосредственно съ ихъ прямымъ назначеніемъ не связанному. Указывало это прямо на необходимость распространить и на эти части края особыя учрежденія въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и губернскихъ присутствій. Предстояло: составленіе уставныхъ грамотъ, окончательное отграниченіе надѣловъ и разборъ всякихъ могущихъ возникать споровъ и недоразумѣній. Проектируя, по этому, созданіе въ Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерніяхъ учрежденій наподобіе дѣйствовавшихъ въ губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской, Комитетъ призналъ необходимымъ

и тутъ, а также въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, опредѣленіе и увольненіе мировыхъ посредниковъ предоставить окончательно власти намѣстника Кавказскаго; не усматривалъ онъ, однако, никакой причины обусловливать назначеніе на должность мировыхъ посредниковъ принадлежностью къ мѣстному землевладѣльческому сословію, и это тѣмъ болѣе, что права этого сословія еще не были опредѣлены. Насколько подобная принадлежность имѣла справедливое оправданіе тамъ, гдѣ производился имущественный раздѣлъ между дворянами-помѣщиками и бывшими ихъ крѣпостными, настолько она не находила бы объясненія тамъ, гдѣ дѣло шло о двухъ, можно сказать, равноправныхъ сторонахъ, права которыхъ одинаково основывались на правительственныхъ распоряженіяхъ или пожалованіяхъ. Чтò же касается губернскихъ присутствій, которымъ присвоивалось названіе присутствій *по поселянскимъ* дѣламъ, то и въ оныхъ участіе представителей землевладѣльческаго сословія не было признано нужнымъ; поэтому составъ этихъ присутствій предположено было опредѣлить, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ членовъ по назначенію намѣстника Кавказскаго и изъ мѣстнаго управляющаго государственными имуществами; Ахалцыхскій же уѣздъ имѣлъ подчиниться вѣдѣнію Тифлисскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ порядкѣ дѣйствій своихъ учрежденія эти имѣли руководствоваться правилами, изданными намѣстникомъ Кавказскимъ и Высочайше одобренными съ 4 Ноября 1864 г. для Тифлисской губерніи.

Всѣ такія свои предположенія Комитетъ объ устройствѣ крестьянъ при главномъ управленіи намѣстника Кавказскаго изложилъ въ особомъ журналѣ, приложивъ къ оному проектъ положеній о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, а равно меликовъ изъ Армянъ въ губерніяхъ Закавказскихъ: Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и части Тифлисской. Проектъ этотъ, одобренный намѣстникомъ Кавказскимъ, былъ имъ представленъ на Высочайшее утвержденіе въ порядкѣ законодательномъ. Таковое и состоялось 14 Мая 1870 года.

Послѣ всѣхъ необходимыхъ распоряженій по приведенію въ дѣйствіе означеннаго положенія, Комитету было вмѣнено въ обязанность безотлагательно заняться составленіемъ правилъ, которыми губернскія присутствія имѣли бы руководствоваться для оцѣнки на деньги повинностей «*малджегата*» или «*багры*» на случай выкупа поселянами, *по ихъ требованію*, ихъ земельнаго надѣла. Въ основаніе этихъ правилъ было положено установленіе особыхъ экономическихъ раіоновъ,

въ которыхъ, при однородности климатическихъ и почвенныхъ свойствъ, а равно способовѣ и количества орошенія, цѣнность земныхъ произведеній была бы, по возможности, одинаковая. Опредѣленіе же нормальной цѣнности, «малджегата» или «багры», предполагалось основать на среднихъ, за послѣднее десятилѣтіе, рыночныхъ цѣнахъ пшеницы или ячменя, смотря по раіонамъ, въ которыхъ тотъ или другой продуктъ преобладалъ, возобновляя таковыя расцѣнки черезъ каждыя десять лѣтъ. Росписаніе раіоновъ и нормальныхъ цѣнъ имѣло быть утверждаемо намѣстникомъ Кавказскимъ и затѣмъ преподано мировымъ посредникамъ къ руководству. Правила эти пріобрѣли обязательную силу 13 Октября 1873 года.

За отъѣздомъ моимъ съ Кавказа въ концѣ 1874 г. о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла мнѣ съ достовѣрностью неизвѣстно; по частнымъ свѣдѣніямъ имѣю поводъ предположить, что выкупъ поселянами ихъ надѣловъ въ имѣніяхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія не подвинулся. Можно это, не въ малой мѣрѣ, приписать отсутствію у поселянъ достаточныхъ денежныхъ средствъ, если не вѣрить тому, что поселяне не признавали донынѣ для себя выгоднымъ затрачивать капиталы на пріобрѣтеніе въ собственность своихъ надѣловъ, потому что они обязательныя свои повинности отбываютъ довольно не полно; понужденіе же ихъ къ точному исполненію своихъ обязанностей представляетъ, по разнымъ причинамъ, немало затрудненій, удерживая и самихъ землевладѣльцевъ отъ настоянія надъ такимъ понужденіемъ. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что въ наибольшей части мѣстностей, въ коихъ водворены такіе поселяне, благосостояніе ихъ, благодаря богатству почвы и ихъ трудолюбію, не оставляетъ желать многаго лучшаго.

Баронъ Николаи.

Тифлисъ, Май 1892 г.

ИЗЪ ПРЕДАНІЙ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

Подъ Альмою нѣкоторая часть нашихъ войскъ отступала въ безпорядкѣ. Князь Меньшиковъ подозвалъ адъютанта своего Грейга и приказалъ ему ѣхать съ донесеніемъ къ Государю. На вопросъ Грейга, о чемъ донести? Меньшиковъ указалъ на бѣгущіе отряды и сказалъ: «Донесите о томъ, что̀ вы сами видите». Грейгъ буквально исполнилъ приказаніе. Когда Государь выслушалъ Грейга, слезы у него полились ручьемъ. Онъ схватилъ Грейга за плеча и, потрясая его довольно сильно, повторялъ только: «Да ты понимаешь ли что̀ говоришь?»

Грейгъ конечно ничего не получилъ, какъ обыкновенно получали пріѣзжавшіе съ донесеніями, и люди близко знавшіе князя Меньшикова увѣряли, будто князь нарочно довѣрилъ подобное порученіе Грейгу, съ отцомъ котораго былъ всегда во враждѣ.

—

Какъ велико бывало волненіе императора Николая Павловича, когда получались одно за другимъ самыя отчаянныя извѣстія изъ Севастополя, видно изъ того, что онъ, всегда такъ отлично владѣвшій собою, сбѣгалъ съ лѣстницы къ пріѣзжавшему курьеру на встрѣчу и даже иногда полуодѣтый, накинувъ шинель на плеча. Въ Гатчинѣ, гдѣ тогда жилъ Государь, помнятъ про его безсонныя ночи, какъ онъ хаживалъ по двору и клалъ земные поклоны передъ церковью.

—

Докторъ Карель разсказывалъ, что 17 Февраля онъ былъ потребованъ къ императору Николаю ночью и нашелъ его въ безнадежномъ состояніи и одного: Мандта при немъ не было. Императоръ желалъ уменьшить свои сильныя страданія и просилъ Кареля облегчить ихъ; но уже было поздно, и никакое средство не могло спасти его. Въ такомъ положеніи Карель, зная, что не только въ городѣ, но даже и во дворцѣ никому неизвѣстно объ опасности, отправился на половину Наслѣдника-Цесаревича и потребовалъ, чтобъ его разбудили. Пошли разбудить и Государыню и не медля отправили напечатать въ Journal de S-t Pétersbourg два бюллетеня за два предшествующихъ дня.

—

Въ «Русскомъ Архивѣ» помѣщено большое письмо Мандта къ его супругѣ за границу съ описаніемъ послѣднихъ часовъ жизни Николая Павловича. Карель находилъ въ этомъ описаніи нѣкоторыя неточности. Любопытно знать, записалъ ли онъ свои поправки къ разсказу Мандта.

—

Покойный императоръ Николай на смертномъ одрѣ, въ тяжкихъ страданіяхъ, сохранялъ твердость духа и, живши христіаниномъ, таковымъ и умеръ. Боясь, чтобы земныя привязанности не поколебали его сердца, которое онъ сосредоточилъ всецѣло на переходѣ въ вѣчность, онъ не захотѣлъ даже распечатать письма нѣжно любимыхъ имъ сыновей, полученныя изъ Севастополя, сказавши: «Non, ne m'en faites pas la lecture; cela m'attacherait trop à la terre *)». Онъ скончался со словами: «Въ руцѣ Твои предаю духъ мой».

—

Въ первое время по кончинѣ лице его было прекрасно; онъ покоился на походной желѣзной кровати, въ рубашкѣ, покрытый сѣрой шинелью. Императрица цѣлые сутки не отходила отъ почившаго мужа и не подпускала докторовъ; поэтому они запоздали бальзамированіемъ, которое пришлось сдѣлать дважды (во второй разъ бальзамировали Енохинъ и Нарановичъ). При вскрытіи тѣла оказалось, что у императора вмѣсто двухъ почекъ одна, но весьма большая. Профессоръ Груберъ нашелъ это явленіе необыкновенною рѣдкостью. Почка до сихъ поръ, говорятъ, хранится въ Медико-Хирургической Академіи, въ Музеѣ. Снята была гипсовая маска, и одинъ экземпляръ ея хранится въ Строгановскомъ музеѣ у Полицейскаго моста. Близъ губы на этой маскѣ большая бородавка, при жизни закрывавшаяся усами. Государь былъ красоты необыкновенной и очень походилъ лицомъ на свою державную бабку, которая такъ радовалась его появленію на свѣтъ Божій, что̀ видно изъ писемъ ея къ Гримму лѣтомъ 1796 года.

—

Въ теченіи шести недѣль что̀ тѣло стояло во дворцѣ, очевидецъ, достаточно приглядѣвшійся къ порядкамъ двора въ царствованіе императора Николая, гдѣ всегда господствовали строгое приличіе, сдержанность и внушительная внѣшность даже во всѣхъ мелочахъ, когда пришлось ему стоять на часахъ при гробѣ, бывалъ постоянно до глубины души возмущаемъ тѣмъ, что̀ приходилось ему видѣть въ залѣ, гдѣ стояло тѣло: стукотня ногами прохожихъ, разговоры, хло-

*) Нѣтъ, не читайте мнѣ ихъ: это меня слишкомъ займетъ земнымъ.

ианьѣ дверьми, однимъ словомъ какъ будто бы все окружавшее и не замѣчало почившаго, передъ которымъ за нѣсколько дней еще подобострастно трепетало. Насколько дурно было набальзамировано тѣло, видно было изъ того, что для противодѣйствія быстрому разложенію весьма часто приходили какія-то личности и выливали въ гробъ цѣлые флаконы жидкостей. Однажды ночью всѣхъ дежурившихъ и стоявшихъ на часахъ выслали изъ комнаты, и потомъ говорили, что доктора опасались, чтобы сперішіеся внутри трупа газы не повредили головы, и противъ этого должны были быть приняты мѣры. Предсѣдателемъ печальной коммиссіи былъ графъ А. Д. Гурьевъ, а однимъ изъ чиновниковъ В. А. Инсарскій, въ неизданныхъ Запискахъ котораго многія страницы заняты описаніемъ дѣйствій этой комиссіи.

—

Тотъ же очевидецъ сообщаетъ, что и во время похоронъ, люди участвовавшіе въ погребальной процессіи не сумѣли, даже въ виду толпы народа, соблюсти хотя самое простое приличіе: шли не въ порядкѣ, разговаривали, нѣкоторые курили, однимъ словомъ представили богатый матеріалъ для изученія сердца человѣческаго съ его самыхъ темныхъ сторонъ.

—

Императоръ Николай, провожая изъ Петергофа Конную Гвардію въ походъ, сказалъ полку, что если отечество будетъ въ опасности, онъ самъ станетъ передъ полкомъ, для чего и послалъ своихъ верховыхъ лошадей въ походъ при полку. Лошади эти дошли съ Конной Гвардіей до города Мендзержицъ (въ Люблинской губ.), гдѣ полкъ зимовалъ. Лошади проѣзжались въ манежѣ. За нѣсколько дней до кончины Императора, когда его лошадь привели въ манежъ для проѣздки, прежде чѣмъ берейторъ успѣлъ сѣсть на нее, она шарахнулась на бокъ и тутъ же издохла.

ПИСЬМО А. С. СТУРДЗЫ КЪ М. П. СУМАРОКОВОЙ.

Замѣчательное письмо это сообщено намъ дочерью А. С. Стурдзы, княгинею Марьею Александровной Гагариной. Оно писано изъ Одессы въ Петербургъ, гдѣ, какъ и въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, во время Крымской войны, столоверченіе было въ полномъ ходу. Передъ великими событіями обыкновенно люди бываютъ склонны къ кудесничеству. Мы помнимъ, какъ въ 1853—1855 годахъ въ Москвѣ почти въ каждомъ сколько-нибудь барскомъ домѣ до поздней ночи засиживались за вертящимися столами, а въ магазинахъ продавались особыя приспособленія карандаша для таинственныхъ начертаній. Занятія эти внушили Ѳ. И. Тютчеву его пророческіе стихи: „Стоимъ мы слѣпо предъ судьбою“ (въ Декабрѣ 1854). П. Б.

23 octobre 1853. Odessa.

Certes le phénomène des tables tournantes et des crayons animés n'a pas peu contribué à nous valoir votre aimable missive, et je voudrais y répondre dignement; mais le moyen, je vous prie, d'y reussir, alors que toutes les facultés de mon âme et mes plus douloureuses sympathies sont absorbées par les atrocités inouïes qui se commettent dans tout l'Orient et tout près de nous? Des hordes turques déchaînées sévissent avec une rage brutale dans une foule de localités, et Dieu sait jusqu à quels excés iront les souffrances de nos frères en Jésus-Christ et les forfaits de leurs oppresseurs. Ce n'est donc guère le moment de méditer avec calme sur les faits du monde invisible.

Néanmoins, puisque vous le voulez, je vous dirai mon opinion, tel que je l'ai conçue, sans préjudice, des découvertes à venir.

Oui, les tables se meuvent, les crayons adoptés à une assiette écrivent et répondent à nos interpellations, tout cela par une influence mystérieuse. Mais est-ce là du magnétisme électrique? Je l'ignore. Ce que je sais et ce que je crois fermement sur la foi des Saintes Écritures, c'est que de semblables expériences mettent l'homme curieux et pêcheur en contact immédiat avec les *esprits de malice qui sont sous le Ciel,* d'après le témoignage formel de l'apôtre S-t Paul.

Je crois, en outre, que le *chef des puissances de l'air,* selon le même apôtre, c. a. d. Satan, n'a pas le pouvoir de tenter à-la-fois toute l'espèce humaine, vaincu qu'il est par notre Rédempteur; mais il dispose d'un essaim d'esprits subalternes auxquels Dieu permet de tenter les hommes dans la juste mésure de leur curiosité et de leur orgueil.

Mais attendu qu'il n'est pas de mal ici bas dont la Providence ne fasse résulter quelque bien, la découverte qui nous tente et nous préoccupe a la propriété d'ébranler le matérialisme grossier de bien des gens. D'autres s'y enfoncent plus avant, séduits par les symptômes prestigieux de la matière qui pense et répond à la pensée, en sorte qu'à leurs yeux nos âmes intelligentes ne sont plus qu'un fluide électrique subtil. Quoiqu'il en soit de tous ces mystères et de ces écueils, ma conviction personnelle sur ce redoutable problême se résume comme il suit:

1) Ces secrets et d'autres pareils n'étaient pas ignorés parmi les nations de l'antiquité.

2) En les trouvant, nous ne saurions nous défendre d'un premier mouvement de curiosité, légitime aussi longtemps que nous nous bornons a constater la réalité du phénomène.

3) Au delà—tout est péril; car nous hantons alors volontairement la société des esprits de malice et de mensonge dont notre Seigneur Jésus-Christ est venu nous délivrer.

4) Les tables et les crayons mentent et disent vrai au gré de leur passion et des nôtres. Pourquoi donnerons-nous tête baissée dans les pièges des esprits de l'air?

5) Quiconque a foi dans l'Évangile ne peut douter de la réalité des malignes influences que nous signalons, mais elles n'ont prise sur nous qu'autant que nous y donnons lieu. Ne goûtons pas imprudemment du fruit de l'Arbre de la Science. Chrétiens, nous serions plus criminels que les dévins et les foux sages du paganisme.

6) Je puis me tromper, mais depuis qu'un crayon mal avisé a tracé ce qui suit:

Question Вѣруешь ли въ Іисуса Христа?
Réponse Вѣрую.
Question Любишь ли Его?
Réponse Не люблю.

Question Почему?

Réponse illisible qui contenait le mot de résurrection.

Après cela, dis-je, je suis payé pour me défier du phénomène et j'exhorte de tout mon coeur tous ceux que j'aime à s'abstenir de toutes recherches au délà des limites du palpable et du constant.

Adieu, ma cousine bien aimée.

Veillons plutôt sur nous-mêmes au lieu de scruter des abîmes et surtout prions avec ferveur pour nos frères dans la fournaise de l'Islamisme plus embrasée que jamais. Votre dévoué Alexandre.

Переводъ. 23 Октября 1853. Одесса. За любезное посланіе ваше, конечно, мы немало обязаны феномену вертящихся столовъ и одушевленныхъ карандашей, и я бы желалъ отвѣчать на него достойнымъ образомъ; но какъ, скажите на милость, могу я успѣть въ этомъ, когда всѣ способности души моей и самыя горестныя мои сочувствія всецѣло заняты неслыханными жестокостями, которыя совершаются на всемъ Востокѣ и въ самой близи отъ насъ? По многимъ мѣстностямъ, съ животною яростью свирѣпствуютъ разнузданныя Турецкія орды, и Богъ вѣдаетъ, до чего достигнутъ страданія нашихъ братьевъ во Христѣ Іисусѣ и подвиги ихъ угнетателей. И такъ не такое теперь время, чтобы спокойно обсуждать явленія міра невидимаго.

Тѣмъ не менѣе, по желанію вашему, я сообщу вамъ мнѣніе мое объ открытіи будущаго, составленное мною безъ предвзятой мысли.

Да, столы вертятся, карандашъ, приспособленный къ тарелкѣ, пишетъ, и они отвѣчаютъ на наши разспросы, все это по таинственному вліянію. Но нѣтъ ли тутъ электрическаго магнетизма? Я не знаю. Мнѣ извѣстно только, и я твердо тому вѣрю на основаніи Священнаго Писанія, что подобныя упражненія ставятъ любопытствующаго человѣка и грѣшника въ непосредственное сообщеніе съ *духами злобы поднебесной*, о существованіи которыхъ прямо свидѣтельствуетъ св. апостолъ Павелъ.

Кромѣ того, я вѣрую, что *князь власти воздушной*, по тому же апостолу, т. е. сатана, не въ силахъ соблазнить разомъ весь родъ человѣческій, такъ какъ онъ побѣжденъ нашимъ Искупителемъ; но у него въ распоряженіи рой духовъ второстепенныхъ, которымъ Богъ попускаетъ соблазнять людей, въ точную мѣру ихъ любопытства и ихъ горделивости.

Но какъ здѣсь на землѣ нѣтъ зла, изъ котораго, по волѣ Провидѣнія, не могло бы проистекать нѣкотораго добра, то и открытіе, насъ занимающее и соблазняющее, способно къ тому, чтобы во многихъ людяхъ противодѣйствовать грубому матеріализму. Другіе увлекаются далѣе, соблазняемые чудесными проявленіями матеріи мыслящей и отвѣчающей на мысли, такъ что въ ихъ глазахъ, разумная душа наша не болѣе какъ нѣкая электриче-

ская жидкость. Каковы бы ни были эти таинства и эти соблазны, личное мое убѣжденіе относительно этой страшной задачи сводится къ слѣдующему:

1) Эти тайны и другія подобныя не были неизвѣстны народамъ древности.

2) Встрѣчаясь съ ними, мы не можемъ удержаться отъ перваго движенія любопытства, которое и законно, пока мы ограничиваемся удостовѣреніемъ дѣйствительности феномена.

3) Затѣмъ—одна опасность; ибо тогда уже мы вступаемъ въ произвольно сообщество съ духами зла и лжи, отъ которыхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ освободить насъ.

4) Столы и карандаши лгутъ и говорятъ правду, сообразно ихъ и нашей страсти. Зачѣмъ же намъ покорно запутываться въ сѣти, разставляемыя духами воздушными?

5) Кто вѣруетъ въ Евангеліе, тотъ не можетъ сомнѣваться въ дѣйствительности зловредныхъ вліяній, о которыхъ идетъ рѣчь; но они властны надъ нами, по скольку мы имъ поддаемся. Не станемъ отвѣдывать безумно отъ плодовъ Древа Познанія. Какъ христіане, мы окажемся виновнѣе кудесниковъ и лжемудрецовъ язычества.

6) Я могу ошибаться, но коль скоро плохо направленный карандашъ написалъ слѣдующее: *вопросъ* вѣруешь ли въ Іисуса Христа? *отвѣтъ* вѣрую. *Вопросъ* любишь ли его? *отвѣтъ* не люблю. *Вопросъ* почему? *отвѣтъ* неразборчивый, въ которомъ находилось слово „воскресеніе"—послѣ того, повторяю, долженъ я остерегаться феномена и отъ всего сердца увѣщеваю всѣхъ тѣхъ, кого я люблю, чтобы они воздержались отъ всякихъ развѣдокъ внѣ ощутимаго и постояннаго.

Прощайте, возлюбленная кузина *).

Станемъ лучше наблюдать за самими собою вмѣсто того, чтобы развѣдывать пучины, и въ особенности помолимся усердно о нашихъ братьяхъ, въ горнилѣ Ислама, разгорѣвшемся какъ никогда прежде. Вашъ преданный Александръ.

---

*) Извѣстная своимъ умомъ, образованіемъ, любезностью и долголѣтіемъ Марья Павловна Сумарокова была родная сестра графа Сергѣя Павловича Сумарокова, котораго супруга, Гречанка родомъ, приходилась родственницей А. С. Стурдзы, почему онъ называетъ Марью Павловну кузиною. П. Б.

ПИСЬМО В. В. КАПНИСТА КЪ А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ.

1826 года Марта 26 дня. Обуховка.

Милостивый государь мой Антонъ Антоновичъ!

Искреннѣйше благодарю васъ за извѣщеніе о сынѣ пріятельницы моей; равномѣрно приношу вамъ чувствительнѣйшую признательность за сообщеніе мнѣ 3-й части Рѣчей и 20-ой части Трудовъ Общества нашего *). Съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ я въ оной одобреніе мысли моей касательно изданія отличнѣйшихъ красотъ изъ твореній лучшихъ піитовъ нашихъ: весьма лестно заслужить вниманіе столь просвѣщеннаго и почтеннаго Общества.

Вы требуете вновь сочиненій моихъ. Пріятно мнѣ таковое требованіе, но не внушено ли оно единственно снисходительнымъ ко мнѣ пристрастіемъ? Опасно шестидесяти-четырехъ-лѣтнему старику выходить часто на поприще для ристанія съ молодыми и быстрыми сподвижниками: поткнуться и упасть легко ему, но каково вставать будетъ? Не смотря на опасность, посылаю вамъ оду на смерть Наполеона. Искренно сожалѣю, что другъ мой, безсмертный пѣвецъ Фелицы, предупредилъ его: словесность наша украсилась бы конечно превосходнымъ, свойственнымъ возвышенному его духу, твореніемъ; ибо предметъ сей весьма богатъ для богатаго геніемъ піита.

Съ какою бъ дерзостью чудесной,
Извѣдавъ неусталость крылъ,
Вверхъ облакъ, въ синевѣ небесной,
Россійскій сей орелъ вспарилъ?

Но, я слабый подражатель безсмертнаго Горація,—

Но я, какъ пчелка надъ землею,
Съ трудомъ съ цвѣтовъ сосуща медъ,
Я тиху пѣснь жужжать лишь смѣю:
Высокій страшенъ мнѣ полетъ.

Одно снисхожденіе благосклонныхъ людей ободряетъ меня, и въ ономъ представляетесь вы мнѣ лестною и надежною порукою. Прилагаю, при семъ, переводъ оды Гораціевой къ Мельпоменѣ, какъ должную дань сему прекрасному лирику, и собственность мою *Пáры*, которой достоинство весьма соотвѣтствуетъ слову сему съ перемѣщеніемъ гласоударенія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію пребуду навсегда, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Василій Капнистъ.

---

*) Т. е. Общества Любителей Словесности при Московскомъ Университетѣ. П. Б.

СТОЛѢТІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Нѣсколько поминальныхъ словъ.

Ревель 12 Іюля 1892 г.

Сегодня минуло сто лѣтъ со дня рожденія князя Петра Андреевича Вяземскаго,—имя приснопамятное и дорогое Русскому просвѣщенію, Русскому самосознанію, Русской словесности, дѣятелемъ которыхъ былъ онъ съ ранней молодости и до глубокой старости († 10 Ноября 1878). Чѣмъ долѣе жилъ онъ, тѣмъ ярче проявлялись его дарованія, и произведенія преклонныхъ лѣтъ у него наилучшія, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Это вѣрный знакъ самобытности, искренности и цѣльности таланта. Мыслить съ перомъ въ рукѣ, искать созвучій для выраженія художественныхъ ощущеній было всегдашнею, можно сказать, ежедневною потребностью его долгой жизни. Объ этомъ свидѣтельствуютъ умилительно-прекрасные стихи его, написанные передъ самою кончиною, на смертномъ одрѣ, посреди тяжкихъ страданій. Князь Вяземскій до конца сберегъ живое чувство природы, крѣпкую вѣрность друзьямъ, неистощимую сострадательность къ людскимъ бѣдствіямъ, и правду говорилъ онъ о себѣ:

Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ,
Что слезы мнѣ всѣ симпатичны,
Что съ плачущимъ плачу и я,
Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
На всякую скорбь бытія.....

Про него, какъ про друга его В. А. Жуковскаго, можно сказать, что списокъ его добрыхъ дѣлъ едвали не больше списка его словесныхъ произведеній. И теперь, въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, много людей облагодѣтельствованныхъ княземъ Вяземскимъ, и не однимъ только вещественнымъ пособіемъ. Всякое дарованіе, и преимущественно словесное, встрѣчало въ немъ поддержку до тѣхъ поръ, пока не про-

тиводѣйствовало основнымъ его убѣжденіямъ. И какъ умѣлъ онъ таить свое доброе дѣло! Сколько исписано имъ ходатайствъ и заступленій! Немногимъ наприм. извѣстно, что ему обязано Русское печатное слово своимъ освобожденіемъ отъ страшныхъ стѣсненій, которымъ оно подвергалось въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія: представленная имъ покойному Государю записка о Цензурѣ повела къ льготамъ 1866 года. Въ прошлое царствованіе онъ былъ настоящимъ *предстателемъ Музъ* у царскаго престола, и щедроты полились обильно. Историкъ долженъ при этомъ помянуть съ признательнымъ чувствомъ покойную Государыню Марію Александровну, которая, цѣня и любя нашу словесность и исторіографію, приблизила къ себѣ князя Вяземскаго. Ея, можно сказать, дружескимъ, милостивымъ вниманіемъ озарена была старость князя Вяземскаго. Она навѣщала его и находилась съ нимъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ.

Князь Вяземскій, Рюриковичъ родомъ, по бабкѣ своей, княжнѣ Долгоруковой, происходилъ отъ знаменитаго Шафирова, а по матери Евгеніи Ивановнѣ Д'Орельи (могилу которой на Московскомъ Введенскомъ кладбищѣ любилъ онъ посѣщать до глубокой старости) былъ Ирландской крови. Этимъ разнообразіемъ происхожденія, можетъ быть, объясняется широта его сочувствій. Вполнѣ Русскій человѣкъ, вѣрный сынъ Православной церкви (нѣкогда церковный староста у Малаго Вознесенія на Никитской), онъ отличался терпимостью къ инымъ исповѣданіямъ, такъ что его любили и въ Варшавѣ, гдѣ онъ сближался съ Польскими писателями, и въ Германіи, гдѣ дожилъ вѣкъ свой. Надо было видѣть, какимъ уваженіемъ пользовался онъ въ Гомбургѣ, куда пишущій эти строки неоднократно ѣздилъ къ нему для бесѣды съ нимъ, чтобы набираться отъ него живыхъ преданій нашей политической, общественной, умственной исторіи. «Русскій Архивъ» безконечно обязанъ князю Петру Андреевичу: безъ его *нравственной* поддержки и сотрудничества онъ не могъ бы продолжаться. Его «Старою Записною Книжкою» нѣсколько лѣтъ сряду оживлялись страницы этого историческаго сборника; а его совѣты и указанія въ личныхъ бесѣдахъ и въ частой перепискѣ до сихъ поръ служатъ издателю надежнымъ руководствомъ съ оцѣнкѣ историческихъ лицъ и событій.

Вѣчная ему благодарная память!

Петръ Бартеневъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКАГО АРХИВА».

Зимою 1836—1837 г., на одномъ изъ Петербургскихъ большихъ вечеровъ, графъ Владимиръ Өедоровичъ Адлербергъ увидѣлъ, какъ стоявшій позади Пушкина молодой князь П. В. Долгорукій (впослѣдствіи извѣстный генеалогъ) кому-то указывалъ на Дантеса и при этомъ подымалъ вверхъ пальцы, растопыривая ихъ рогами. Въ это время въ Петербургскомъ обществѣ уже ходили безъимянныя письма, разсылаемыя къ пріятелямъ Пушкина для передачи ему и содержавшія въ себѣ извѣщеніе о поступленіи Пушкина въ такъ называемое общество рогоносцевъ. Графъ Адлербергъ зналъ о томъ. Находясь въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, восхищаясь дарованіемъ Пушкина, онъ тревожился мыслію о семъ послѣднемъ. Ему вспомнилось, что кавалергардъ Дантесъ какъ-то выражалъ желаніе проѣхаться на Кавказъ и подраться съ горцами. Графъ Адлербергъ поѣхалъ къ великому князю Михаилу Павловичу (который тогда былъ главнокомандующимъ гвардейскаго корпуса) и, собщивъ ему свои опасенія, говорилъ, что слѣдовало бы хоть на время удалить Дантеса изъ Петербурга. Но остроумный Французъ-красавецъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ. Его считали украшеніемъ баловъ. Онъ подкупалъ и своимъ острословіемъ, до котораго Великій Князь былъ большой охотникъ, и мѣру, предложенную графомъ Адлербергомъ, не успѣли привести въ исполненіе.

(*Слышано отъ покойнаго графа В. Ѳ. Адлерберга*).

—

Въ началѣ своего долголѣтняго издательскаго поприща, покойный А. А. Краевскій работалъ у Пушкина въ 1836 году и завѣдывалъ корректурами Пушкинскаго «Современника». Очень вѣроятно, что Пушкину на него указалъ М. П. Погодинъ, у котораго Краевскій слушалъ лекціи Русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ и потомъ долго находился съ нимъ въ сношеніяхъ (какъ нынѣ видно изъ превосходной біографіи Погодина, издаваемой Н. П. Барсуковымъ); а можетъ быть и самъ Пушкинъ замѣтилъ въ Петербургѣ смышленаго и трудолюбиваго юношу. Какъ бы то ни было, Краевскій часто видался съ Пушкинымъ въ послѣдніе годы его жизни. Однажды, собираясь въ Москву, гдѣ у него жила мать (по фамиліи Фонъ-деръ Паленъ,

державшая довольно извѣстный пансіонъ для дѣвицъ), Краевскій зашелъ къ Пушкину проститься и напомнилъ ему его обѣщаніе дать стихотвореніе «Московскому Наблюдателю». Пушкинъ досталъ свою тетрадь, вырвалъ изъ нея листокъ и подалъ его Краевскому. Это были стихи: «Послѣдняя туча разсѣянной бури». Прочитавъ его и складывая, чтобы положить въ карманъ, Краевскій видитъ на оборотѣ листка еще небольшіе стихи; но только что онъ прочелъ первый стихъ: «Въ Академіи Наукъ» ... Пушкинъ мгновенно вырвалъ у него листокъ, переписалъ посылаемые «Московскому Наблюдателю» стихи на отдѣльной бумагѣ, отдалъ Краевскому, а первый листокъ спряталъ. Краевскій помнилъ, что въ послѣднемъ стихѣ было: «Отъ того, что есть чѣмъ сѣсть.»

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Краевскій приноситъ Пушкину корректуру «Современника.» —«Некогда, некогда, говоритъ Пушкинъ, надобно ѣхать въ публичное засѣданіе Академіи. Хотите? Поѣдемъ вмѣстѣ: посмотрите, какъ президентъ и вице-президентъ будутъ торчать на моей эпиграммѣ.»

(Слышано отъ А. А. Краевскаго).

Злосчастная эпиграмма эта, вызванная собственно цензурными преслѣдованіями, имѣла роковое значеніе для Пушкина, который столько разъ платился и, наконецъ, поплатился жизнію за неудержимый языкъ свой. Теперь извѣстна въ подробности его житейская обстановка со всею сложною неурядицей денежныхъ и другихъ обстоятельствъ. Но все могло бы уладиться: Наталья Николаевна соглашалась переѣхать съ нимъ на житье въ Михайловское; не приносившій дохода «Современникъ» самъ собою прекращался, тѣмъ болѣе, что первоначально разрѣшенъ былъ на одинъ 1836-й годъ; деньги для расплаты крайнихъ долговъ тоже нашлись бы. Но какъ было совладать съ самимъ собой? И въ прежніе годы случалось ему, можно сказать, захлебываться своимъ дарованіемъ. Мѣткое слово, жгучій стихъ неудержимо вырывались наружу, и самъ онъ потомъ, въ дружеской бесѣдѣ и въ тетради своихъ замѣтокъ, осуждалъ свою необузданность. Въ ранней молодости едва не погубила его строфа съ описаніемъ ночи на 12 Марта 1801 года, и только благодаря ходатайству Карамзина, указавшаго въ облегченіе вины его на стихъ: «падутъ *преступные* удары», удалось спасти Пушкина отъ заточенія въ Соловецкомъ монастырѣ: онъ отдѣлался ссылкою на Югъ и въ Кіевѣ могъ легкомысленно отвѣчать на вопросъ пріятеля, какъ онъ попалъ туда: «языкъ до Кіева доведетъ!» Черезъ четыре года, уже въ полномъ расцвѣтѣ дарованія, уже извѣстный на всемъ пространствѣ Россіи, за-

клеймилъ онъ эпиграммою своего начальника, котораго внутренно не могъ не уважать и про котораго потомъ писалъ, что ни съ кѣмъ въ Россіи такъ не легко было служить, какъ съ графомъ Воронцовымъ. Слѣдствіемъ была полная ссылка: онъ отданъ подъ надзоръ мѣстнаго губернатора, мѣстнаго дворянскаго предводителя и сосѣдняго архимандрита *)... Въ 1836 году вооружилъ онъ противъ себя представителей цѣлыхъ вѣдомствъ....

—

Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича, въ Петербургѣ, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ наши дни былъ извѣстный ресторанъ Бореля, помѣщался звѣринецъ Зáма, привлекавшій многихъ посѣтителей. В. А. Кокоревъ только что взялъ Петербургскій откупъ, какъ одинъ пріятель говоритъ ему: «Былъ ли ты у Дубельта?»—«Зачѣмъ?»—«Да онъ о тебѣ говорилъ со мною.»—«Почему онъ меня знаетъ?»—«Какъ почему! Дубельтъ всѣхъ знаетъ. Ты съ нимъ часто бываешь въ одномъ ряду креселъ у Зáма. Недавно онъ мнѣ на тебя указывалъ. Непремѣнно поѣзжай представиться».—Кокоревъ ѣдетъ къ начальнику страшнаго Третьяго Отдѣленія въ домъ его (на Захарьевской улицѣ). Лиса-Дубельтъ принимаетъ его отмѣнно ласково, угощаетъ сигарой, разспрашиваетъ о дѣлахъ, расточается въ любезностяхъ и на прощаньи спрашиваетъ: «Ну что, г-нъ Кокоревъ, подъ какимъ впечатлѣніемъ вы отъ меня уходите?»—Уваженіе къ вашему превосходительству обязываетъ меня говорить откровенно... «Ну что-же?»—«Вы изволите бывать на представленіяхъ Зáма. Въ клѣтку льва входитъ Замъ, гладитъ по гривѣ царя звѣрей, и публика съ замираніемъ любуется этимъ зрѣлищемъ. Но каково бѣдному Заму? Конечно онъ про себя только и думаетъ: «унеси Богъ поскорѣе!»

Послѣ этого Дубельтъ неизмѣнно оказывалъ новому откупщику свое покровительство.

ОПЕЧАТКИ

Въ 4-й книжкѣ:

Стр. 511, стрк. 34 вм. *арестантомъ* надо *Армяниномъ*.
» » » 36 » *нѣкоторыхъ* надо *нѣсколькихъ*.
Стр. 512, стрк. 2 вмѣсто *молодымъ* надо *молодцамъ*.
» 516 » » » *милостивѣйшій* надо *всемилостивѣйшій*.

—

Въ Воспоминаніяхъ барона А. П. Николаи, со стр. 225 въ 6-й книжкѣ и далѣе, поземельная мѣра въ Кутаисской губерніи вездѣ названа *куева*. Это грубая ошибка: слѣдуетъ *кцева*.

---

*) Слѣдуетъ доискаться въ архивахъ Св. Сvнода или Псковской Духовной Консисторіи, не сохранилось ли донесеній *дѣдушки-игумна* объ эпитимійцѣ-Пушкинѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1892 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году издается **двѣнадцатью тетрадями**, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.